М. Горький

ВАРИАНТЫ

7

М. ГОРЬКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

М. ГОРЬКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ВАРИАНТЫ
К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ
ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

М. ГОРЬКИЙ

ТОМ СЕДЬМОЙ

ВАРИАНТЫ
К ТОМУ XXI

МОСКВА · 1978

Г $\frac{70302-346}{042(02)-78}$ Подписное

В настоящем томе печатаются окончание черновой редакции части первой «Жизни Клима Самгина» (начало см.: Варианты, т. VI, стр. 559—716) и варианты глав 1—4 (до стр. 364 т. XXI наст. изд.) первой части; варианты окончания главы 4 и главы 5 см. в т. VIII Вариантов (книга первая).

Черновую редакцию подготовили: *И. А. Бочарова* (л. 1—104) и *Е. А. Тенишева* (л. 104—136); наброски к «Жизни Клима Самгина» — *Р. П. Пантелеева*; варианты других редакций — *И. А. Бочарова* (гл. 1), *А. М. Крюкова* (гл. 2), *Р. П. Пантелеева* и *И. А. Зайцева* (гл. 3), *Е. А. Тенишева* (гл. 4).

Общую характеристику методики подачи текста черновой редакции первой части «Жизни Клима Самгина» см.: Варианты, т. VI, стр. 529—530.

Свод вариантов печатается по общим правилам, применяемым в этом издании (см.: Варианты, т. I, стр. 8—10).

Редактор тома — *Е. И. Прохоров*.

Контрольный рецензент — *Л. Д. Опульская*.

СПИСОК ОСНОВНЫХ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

$АМ_1$ — авторизованная машинопись четвертой главы.

БА — беловой автограф.

СВ — свод вариантов.

ЧА — черновой автограф первой части.

$ЧА_1$ — наброски, заметки, созданные при подготовке к работе над второй редакцией.

$ЧА_2$ — варианты сцен и эпизодов, созданные в процессе работы над второй редакцией.

$ЧА_3$ — листы из *БА*, замененные новыми, вероятно, на последнем этапе работы.

ЧЕРНОВАЯ РУКОПИСЬ

(Продолжение) [1]

л. 40 [*О Петербурге*] *Из рассказов о Петербурге у Клима Самгина* [*было почему-то*] *сложилось представление*, [*обычное*] *обычное для провинциала*, [*всегда*] *несколько враждебное: как о городе, ничем не похожем на все русские города,— это город особенно черствых и, в то же время, очень проницательных людей* — [*как о*] [*черством мозге тела России*] *голове огромного тела России*, [*о голове*] *наполненной мозгом холодным и злым.*

[*Клим Полканов*] *Он приехал в Петербург именно в* [В этом] настроении настороженности, недоверия к людям, в сознании необходимости держаться [в стороне от них] с ними осторожно, в смутной боязни, что его начнут испытывать, изучать и наконец разоблачат в нем всё, что он не желал показывать [другим] *людям.* [Полканов приехал в Петербург]

[Он впервые [попал в] *видел* этот город, так *поражающе и ничем* не похожий на русские города.] Густой туман наполнял [широкую щель проспекта] *широкий канал Невского* проспекта и, хотя было не более [тре⟨х⟩] трех часов пополудни, всюду в тумане [*1 нрзб*] [радужно] светились [сырые шары] *радужные пузыри* фонарей [странен и непонятен в этом мокром] *и мокрые стекла магазинов*; в этом сыром свете было что-то [невидан⟨ное⟩] [необыкновенное и] неприятное и болезненное. Так же необыкновенен был и [звук [ло⟨шадиных?⟩] глухой] подавленный туманом шум города: удары лошадиных копыт [по [тор⟨цам⟩] дереву *торцов* мостовой], *странный* шорох шин [колес] по дереву торцов мостовой, глухие голоса, множество людей. *Непривычно было не слышать веселого треска* [*колес*] *экипажных колес по* [*камням*] *булыжнику, и этот глуховатый шум туманной столицы как будто всасывался в кожу вместе с густой и липкой сыростью. Дома были грязные*, [*мостовая*] *торцы мостовой тоже* [*каза-*

---

[1] Начало см.: Варианты, т. VI, стр. 559.

〈лись〉] *были смазаны жидкой и маслянистой грязью, туман насыщен горьким запахом дыма.* Люди шли слишком быстро и казались особенно [подчеркнуто] темными в [опаловом] *мокрой массе* тумана, [то] сизого там, где он был освещен слабо, и опалового в местах, где в него врывались полосы маслянистого света из витрин магазинов. Каменные дома хотя и были приплюснуты непроницаемым [воз〈душным?〉] одноцветным облаком, но воображение *все-таки* рисовало их [уходящи〈ми〉] страшно высоко уходящими в серую высь.

л. 41 Среди этих *тяжелых* домов [и] люди и лошади [все вещи внешне казались] сначала [показались] показались [мельче] меньше, [они были] тише и покорнее, *было в них что-то рыбье, ныряющее, и как будто все они, судорожно плывя в тумане, искали, как бы вынырнуть из него, на секунды останавливались небольшими кучками у фонарей, показывая из-под черных шляп серые пятна своих физиономий.* Но скоро их быстрая походка вызвала у Клима [невеселую] унылую мысль: вот все эти тысячи *маленьких* воль бегут, *толкая друг друга*, к своим целям, может быть, ничтожным, но ясным для каждой из них. [От этой мысли — его цель] «А [где] моя цель?» — спросил себя Полканов, поеживаясь от сырости, и приподнял воротник шинели, поглядывая на бесконечные панели проспекта, на вереницы людей, [шагав〈ших〉] почти бежавших друг на друга. *Можно было думать, что город вспотел именно от [их] беготни людей, а этот [тепловатый] туман — [их] горячее дыхание его жителей. Поражало обилие людей и возникала боязнь потерять себя среди них.* [Он] Клим попытался успокоить себя, вспомнив слова: [Тимофея Варавки] [О целях думать мне рано] [Мне *еще* рано думать о целях]

— *Большинство людей [стран〈но〉 покорно принимает] должны покорно принимать на себя роль сырого материала истории; [тогда как по существу своему человек сила [твор〈ящая〉] познающая и творящая] смысл жизни — [в] познание и творчество. Но [Полканову] Самгину надо [знать, что] понять различие между творчеством духа и черной работой инстинктов, и как, например, пенька нимало не заинт〈ересована〉, какой толщины и прочности из нее вьют 〈веревки〉*[1].

Но это не успокоило [даже]. [Клим] Он почувствовал [что к его унынию] раздражение против себя [Напрасно

[1] Фраза осталась недоработанной.

решил он учиться в Петербурге. [В сущности] Единственным мотивом этого решения было только [его нежелание] то, что он не хотел жить в Москве, где будут жить Лидия, Макаров, Ильин, Сомова [и другие]. Но ведь Москва велика [и], можно бы *и в ней* [спрятаться [от] удобным] спрятать себя. [Город] *Петербург* всё более не нравился ему.] *и подумал, что напрасно он, уступив настояниям матери и Варавки, он* [1] *решил учиться в П⟨етербурге⟩. Не было ли в* [*настояниях*] [*их советах скрыто желание*] *советах этих скрытого желания — не допускать его жить в одном городе с Лидией?* [*Тогда он*] *Если так, они предают ее в руки Макарова* [2].

На Сенатской площади он угрюмо посмотрел на [монумент] *черную, мокрую фигуру буйного* царя, который [ука⟨зывал⟩] [как бы предводительствуя] увлекал город на Запад, за реку, над которой туман был еще более густ, чем на улицах, *и еще более пронзительно холоден.* Клим почувствовал себя обязанным вспомнить стихи из «М⟨едного⟩ Вс⟨адника⟩», но вспомнил из «Полтавы»:

И грозным манием руки
На шведов двинул он полки.

Затем почему-то вспомнился «Лесной царь» Шиллера, две-три музыкальных фразы Шуберта, [копыта] *подковы* лошади застучали по дереву моста.

«Кажется, сейчас приеду»,— подумал Клим, вздрагивая от холода.

Извозчик, натянув вожжи, круто остановил расскакавшуюся лошадь пред безличным домом в одной из линий В⟨асильевского⟩ О⟨строва⟩ и спросил:

— Прибавите, баринок?

«Почему же баринок, а не барин?» — обидчиво подумал Клим и не прибавил извозчику [3].

Клим удивленно взглянул в дряблое ласковое лицо и молча пошел вверх, откуда встречу ему бежала горничная, похожая на фарфоровую пастушку.

[—Дмитрий Самгин здесь живет?— спросил Клим, взглянув в ее бойкое лицо.]

---

[1] Ошибочно не зачеркнуто.

[2] *Текст*: Среди этих (*стр. 8*) ∾ в руки Макарова.— *перечеркнут синим карандашом.*

[3] Абзац перечеркнут синим карандашом; далее, видимо, пропущена фраза о встрече со швейцаром (см. наст. изд., т. XXI, стр. 200).

— Господин Самгин? Ваша комната [прямо] направо по коридору, последняя дверь налево,— [быстро] вежливо [и кратко ответила горн⟨ичная⟩] сообщила она и, сбежав вниз, хватая чемоданы, крикнула:

— Комната Дмитрия Ивановича — наискось от вашей, № 3.

Клим поднимался медленно, обдумывая, [как это случилось, что он] почему [его] мать не предупредила его, что он будет жить в мебл⟨ированных⟩ ком⟨натах⟩, где живет Дмитрий? [Он решительно по⟨стучал⟩] Что это за тайна? Он решительно постучал в дверь пятой[1] *комнаты.*

Брат Дмитрий [встретил его весело и ласково, но], *лежа на постели*, смутил Клима нелепым восклицанием:

— [Эх] Ка-акой ты лакированный!

[Он уже три] Клим два года не видел брата, Дмитрий одни каникулы провел за границей с отцом, другие в С⟨редней⟩ Азии со своим профессором ботаником. [Он нашел] Дмитрия вообще не тянуло [домой] к матери, он еще в гимназии не скрывал [своего] свое почтительное равнодушие к ней. Клим нашел его очень возмужавшим, круглое [бабье] мягкое лицо Дмитрия [вытянулось] обросло светлой бородкой и вытянулось, [он отрастил] его длинные, *небрежно причесанные* волосы волнисто вились. В синих брюках [студента] и вышитой рубахе Дмитрий несколько напоминал актера украинской труппы. В нем явилось что-то размашистое, шагал он широко, покручивал [волосы мягкой] мягкую бородку [и], говорил баритоном [и улыбался добродушной улыбкой *человека, который, видимо, доволен тем,* [*что*] *каков он есть*]. [*Его светлые глаза потемнели, но знакомая Климу бабья ласковость не выцвела в них.*] *Его светлые глаза улыбались знакомой Климу бабьей улыбкой.*

— Хочешь жить вместе? [Тут есть неплохая комната, окном на улицу, хозяева — милые, компания у меня интересная] — *спрашивал он*[2].

Сел на койку, сунул руку в колени и, покачиваясь, [просто] расспрашивал:

— Ты — на юридический? А [я, брат] я хочу перескочить в историки. Зоология, ботаника — это очень [интересно] *хорошо*, но [времени] время требует...

---

[1] Так в рукописи.
[2] Абзац перечеркнут синим карандашом.

[О стекла окна терлось мутное облако тумана] [*Туман за окном был*] *Разлинованный телеграфной проволокой, туман за окном напоминал о нотной бумаге.* [*Сквозь стекла он*] *Туман казался желтоватым,* [*в нем таяла ры⟨жая⟩*] *может быть, потому, что в нем таяла желтая стена, облепленная темными заплатами многочисленных вывесок.* Клим чувствовал во рту горьковатый вкус, в голове — *незнакомую* тяжесть, что-то похожее на угар [а брат казался ему всё более незнакомым. Дмитрий спросил о здоровье матери, о знакомых]. Было утомительно и скучно отвечать на вопросы [Дмитрия] брата о матери *и* Варавке, о Лидии и [других] знакомых, чувствовалось, что Дмитрий спрашивает по долгу вежливости и *неловко* торопится исполнить этот долг. Гораздо более искренно и живо он спросил:

— Ну, а дядя — каков?

— Замученный человек, совершенно больной...

— Да? Хм...

Дмитрий помолчал и сказал задумчиво:

— Недавно я видел одного писателя, [он] *Сазанов,* об артелях пишет [Сазанов, кажется]; он знает, что дядя воротился и [*1 нрзб*], и — замечательно рассказывал о нем! Такое, знаешь, житие... Именно — житие, а не жизнь.

В дверь постучали, тотчас же приотворили ее [и звонкий голос], кто-то спросил:

— Чаю принести?

— Не надо, мы придем,— ответил Дмитрий, [и] не спросив брата, хочет ли он этого, [сказал: Чай пить будем с хозяевами] — *это* милые люди.

Он привел Клима в комнату, среди которой за столом у самовара сидела [толстая *седая* женщина с бородавкой на щеке, [студент] гладко остриженный широколобый студент с [рябым] лицом, *сильно* испорченным оспой и провалившимися глазами; приподнявшись на стуле, он протянул Климу руку и сказал глухим басом:

— Нос.

А женщина широко улыбнулась и [пояснила] объяснила:

— Эта наша фамилия [по-вашему же это будет Носовы!].

Студент, шумно хлопнув переплетом [толстущей] толстой книги, [откачнулся на стуле и] зевнул воющим звуком, потом он [потянулся], взмахнув руками, потянулся, выгибая спину, *подняв руки.* Вошла [большая] девица с толстой косою и круглыми глазами, пристально посмотрела на Клима и сказала сильным грудным альтом:

— Марина [Нос],— и, сделав паузу, как бы вспоминая, прибавила: Носова]
маленькая, [темная] гладко причесанная старушка в золотых очках на розовом остром носике и широкоплечий студент с бугристым синим черепом, с лицом, [сильно] изрытым оспой и провалившимися глазами.

— Брат, Клим,— [сказал] представил Дмитрий. [1]

Старушка, [пружинисто] подскочив на стуле, протянула Климу [по] птичью лапку, перевязанную у кисти красной шерстинкой, и, картавя, сказала:

— [Премирова] Преми'гова, очень [рада] гада... Как здоров Тимофей Степанович? Старинный друг мой? [2]

— Бык,— [рявкнул] буркнул студент глухим басом, цепко сжимая руку Клима [длинными] холодными пальцами,— старушка жалобно сморщилась, [и] [жалобно] [про⟨говорила⟩] быстро говоря:

— Ах, [Андрей, оставь] [оставь, Андрей] слышать не могу! [3]

Она тотчас взяла [сухарь] из вазы, *из-под носа Клима сухарь*, помазала его вареньем и стала грызть [крупными зубами], обнажая крупные зубы, широко открывая рот, чтобы не пачкать [пышные малиновые губы] пышных малиновых губ.

[Все трое] Клим чувствовал себя подавленным, [хозяева] [квартирохозяева Дмитрия были все трое] [*студент и сестра его были* люди крупные, даже преувеличенные и преувеличенно шумные] *девица* была крупная, даже как-то преувеличенна и преувеличенно шумна. *Маленькая тетка их обладала остреньким птичьим лицом, с бородавкой под правым глазом, ее [дв⟨игающиеся⟩] руки двигались ловко и быстро, как лапы обезьяны, сухой голосок [неумолкаемо] неумолкаемо утомительно трещал. [Она была одета в серое] Одетая в мохнатое сукно мышиного цвета, она тем более напоминала Климу обезьяну.*

В десять минут Клим узнал, что [Авдей Нос [болен] был болен тифом и лишь [пять дней] тринадцать дней тому назад возвратился домой из больницы] Марина была на акушерских курсах, а теперь учится петь, что их отец командирован Бота-

---

[1] *Текст*: и широкоплечий ∾ представил Дмитрий.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: Старушка [пружинисто] ∾ друг мой? — *подчеркнут местами красным карандашом.*

[3] *После*: слышать не могу! — *помета:* 41

ническим садом на *Канарские* острова, [где] Марина серьезно [сказала] *спросила*:

— Знаете оперетту: «Тайны К⟨анарских⟩ островов»?

А [брат ее] *Дмитрий*, подвинув пальцем [Климу] толстую книгу под локоть Клима, осведомился:

— [Читали?] Читал?

«Щеглов. История социальных систем»,— прочитал Клим и сказал:

— Нет.

— И не читайте!— [посоветовал Ан⟨дрей⟩ Нос] [*Быков*] *посоветовала Марина.*

В [этих людях] *тетке и племяннице* было что-то чудаковатое [бесцеремонное, навязчивое]. Казалось, что они [как-то] особенно, по-своему, рады видеть нового человека, торопятся [сказать] рассказать ему [всё] о себе и выспросить [всё, что можно] *как можно больше* о нем. [*Но выспрашивали они небрежно и* [*на ответах*] *ответы Клима не интересовали их, он это видел.*] [В бесцеремонности их Клим находил нечто жадное, [и] голодное и отталкивающее]. Ему не нравился [упрямо] пристальный взгляд [девицы] [ее] Марины, крутоплечей, [мощногрудой] с мощной грудью [кормилицы], не нравилось, что она неустанно грызет сухари. [*В ней было* [*то*] *даже*] *Она казалась грубой, почти наглой.* [Ее брат [всё явно рисовался] *был* [просто глуп] рисовался *небрежным лаконизмом* и [резкостью своих мнений] [лаконизмом] небрежностью своих поз, он вел себя авторитетно, как старший в доме, говорил с Дмитрием на ты и покровительственно. Мать, тучная и постная, умиленно любовалась им и посматривала на Клима спрашивающим взглядом.] *Ее брат был авторитетно глуп, он говорил с Климом покровительственно, с Дмитрием на ты и небрежно. Тетка спорила с ним и в то же время умиленно любовалась им и посматривала на Клима спрашивающим взглядом:* [1]

— Каков, а?

Дмитрий *явно* блаженствовал. Он сидел плечо в плечо с Мариной [за], улыбаясь, смотрел ей в лицо и слушал ее [речь] густую речь.

— Здесь люди [сухи и] скупы, лимон к чаю режут тоненько, на двенадцать кусков.

л. 42 [Мать вторила ей:]—Город [мокрый] *гнилой*, а народ сухой.

---

[1] Два последних предложения перечеркнуты синим карандашом.

— Ах, как это несправедливо, Марина,— картавила тетка.

— А статская советница Премирова самая консервативная женщина в этом городе...

— Вы верите ей?

— Нет,— любезно ответил Клим, а ст⟨аруха⟩ начала уверять его, что она любит молодежь и удивляется:

— Все страшно образованные, все всё знают.

Авдей Нос сокрушенно рассказывал Климу:

— Двадцать лет Мазепа [служил] дружил с Петром... *Не вытерпел.* Вы читали Костомарова? А — Орлик,— какой характер!

Выбрав удобную минуту, Клим пожаловался на усталость и ушел, сопровождаемый братом:

— [Это они] [Они — малороссы?]

— [Отец — тавричанин, а мать половская,— ответил Дмитрий, усмехаясь.— Ведь чудит, воображает себя украинцем, сепаратистом. Он — славный, все-таки]

— *Милые люди?— спрашивал Дмитрий.*— А — Марина понравилась?

— Ты влюблен?

Подмигнув, Дмитрий ответил:

— [Есть. Немножко!] Хороша [ведь]?

— Да,— сказал Клим.

Брат, почесывая пальцем подбородок, [*сказал*] *задумался, потом сказал:*

— Она хочет переехать в Москву...

[Было нелепо] Эти нелепые люди обидно не вязались с [его] представлением Клима о Петербурге, [таких] [было досадно и обидно] [он не ожидал встретить] [встретить в столице [такую] *столь* нелепую семью. Они] *он* [не] *ожидал встретить* [*иных: солидные, внимательные, они*] *людей, которые должны были* [*отнестись к нему более серьезно*] [*встретить его*] *отнестись к нему* [*внимательнее*] *как-то иначе. А эти* говорили с ним, как с мальчиком, которого необходимо учить, воспитывать, да, кажется, и брат готов [говорить с ним тоном старшего] *взять на себя роль наставника.*

«*Что это такое „автохтоны", о которых говорил Быков?* [*И какое ему дело до*]».

[*В этом парне с обритым досиня черепом татарина*] *Этот парень с черепом татарина, обритым досиня, носит в себе что-то угрожающе бесцеремонное, назойливое.*

[*Его сестра*] *Марина груба, и от нее пахнет баней* [*и поче-*

му-то глядя на нее]. [И в комнатах у них] Комнаты в этом доме тесны, сумрачны, пропитаны неистребимой сыростью. Клим решил, что, конечно, не останется здесь, а завтра же начнет искать себе квартиру.

Но это не удалось ему, в тот же вечер он почувствовал себя захлестнутым широким потоком [новой, незнакомой] [подавляющих] впечатлений и [какой-то] потерял волю. Уснув на диване в комнате брата, он [проснулся] был разбужен шумом в квартире его хозяев. [Там, очевидно, собралось очень много людей горластых и] *Сквозь сон Клим уже слышал голоса людей*, чем-то возбужденных. Говорили несколько голосов сразу, точно пьяные на именинах, [заливая⟨сь⟩] раздражающе громко смеялась женщина. Несколько минут Клим лежал, сердито прислушиваясь, чувствуя себя ослабевшим, почти больным. [Потом пришел] *Пришел* Дмитрий, *оживленный, незнакомо настойчивый, заставил умыться* и [увел] *повел* его к Быковым [Там какие-то], *говоря:*

— *Обещаю сюрприз.*

— [Лютов] [*Лялин,— с досадой* сказал ему маленький, сухой и светлый [студент-горняк] *человечек*, улыбаясь насмешливо, хитренькими глазами,— студент Медицинской ак⟨адемии⟩, плотный, бородатый, похожий на переодетого [мужика] *мужика*, назвал себя: [Аксенов] — Аксенов].

Там, среди комнаты, стояли друг против друга, как [два] бойцовые петухи, два студента Мед⟨ицинской⟩ акад⟨емии⟩, плотный, [широкоплечий] бородатый, с красным лицом, похожий на переодетого [мужика] купца, [и длинный, сутулый студент Гор⟨ного⟩ инст⟨итута⟩] а перед ним другой, [очень стройный] с красивым, очень правильным и холодным лицом [и насмешливыми глазами, с черной эспаньолкой]. [Мужиковатый] Он говорил:

— *Мы знаем причины только по их действиям... Туробоев,— с досадой сказал он, сунув руку Климу и скользнул по его лицу [неузнающим] сердитым взглядом.*

— *Асонов,— густо баритоном назвал себя мужиковатый.*

— *Не узнал!— крикнул Дмитрий и засмеялся, а Марина, подхватив Клима под локоть, [знакомила его] [говорила] сказала высокой, странно одетой даме:* [1]

— Вот — новенький, еще приготовишка. [сказала Марина, знакомя его с высокой, тонкой, странно одетой дамой.] Ужасно серьезный! Как еж!

---

[1] *Текст*: Там, среди комнаты ∾ одетой даме — *перечеркнут синим карандашом.*

У рояля [стоял разбирая] *разбирал* ноты [еще студент, горбатенький] *тоненький*, курчавый [досиня] *человек в сюртуке*, волосы его отливали синевой, костлявое лицо болезненно пожелтело, на скулах [по ще⟨кам⟩] лоснились бурые пятна, *на горб⟨атом⟩ носу — тем⟨ные⟩ очки.*

— Спивак. Вы — поете? Нет...

Он [посмотрел] *удивленно взглянул* в лицо Клима и невежливо отвернулся, покрикивая, притопывая ногою:

— Начнемте, господа! Марина [Мар⟨?⟩ Васильевна] *Кириловна*, *Катя...*

[К роялю] Он сел к роялю, распахнув полы сюртука, взбросил пенсне на переносье [длинного] унылого носа и углубился в ноты, к роялю подошли Ак⟨сенов⟩, Марина, [Катя] высокая дама, стало тише, и в тишину из угла, с дивана, густо влился гробовой голос [Андрея Быкова] *Дмитрия*:

— *Что же тут нового? Это* [*сказано* еще] *говорил* Эргилья, [испанец, поэт] автор поэмы «Араукана», друг Сервантеса, сказал...

— К чёрту испанцев,— крикнул [Лютов] [*Асонов*] *Кутузов.*

Клим сел на диван, рядом с [Быковым и] развинченной, разбросанной девушкой [одетой] в [стран⟨ное⟩] платье табачного цвета:

[— Сиротинина,— октавой сказал Быков.]

— *Нехаева*,— сказала девушка, [взглянула на Клима] кивнув головою, поправила юбку, прикрывая [очень] тонкие ноги.

Клим, ошеломленно раскланиваясь, слышал резкий голос Туробоева:

— *Ляйэль* [*знал*] *доказал, что, изменяясь под влиянием внешних причин,* [*виды*] [*жизнь*] *виды не улучшаются, а вырождаются.*

Марина вертела Клима, точно танцуя с ним по комнате, а он уже ненавидел ее, испытывая страх показаться ординарным, глупым, ничтожным. [1] В стороне [от] [около] у изразцовой печи сидела старуха Премирова, нашептывая [что-то на у⟨хо⟩] *что-то* серой толстой даме, та *равномерно* кивала головою [как фарфоровый китаец].

Клим сидел и злился, ни с чем не соглашаясь, продолжая думать, что всё в этом городе должно быть иным и лишь случайно он попал в какую-то провинциальную щель.

Музыка [*несколько*] всегда [действовала на Клима опья-

---

[1] *Текст*: Ляйэль [знал] ∾ ординарным, глупым, ничтожным.— *перечеркнут синим карандашом.*

пяюще] *успокаивала* [1] *его*, погружала его в состояние полусна, приятное состояние, когда *не надо* ни о чем думать, а всё тело [насыщается], насыщаясь томительной, но легкой печалью, как-будто плавает [в звуках] *на волне звуков* и слепо, но уверенно ждет какой-то радости.

Пели «Уже угасающий день», горбатенький Спивак великолепно аккомпанировал. Сильный голос Марины казался Климу грубым и не трогал его, [хотя] но не мешал слушать вдохновенное пение ее партнерши. Небольшим, [но] отличным сопрано эта женщина, закрыв глаза, трогательно умоляла:

О, ночь!
[Поскорее укрой
Прозрачным твоим покрывалом,
Целебным забвенья фиалом]
Томящую душу тоской,
Как матерь дитя, успокой!

Клим впервые слышал эту пьесу, и ему казалось, что тоска, о которой говорит она, давно знакома ему, но лишь сейчас он почувствовал себя полным ею почти до удушья, до слез [2]. [*Он с незнакомой ему жадностью*] *с незнакомым ему волнением смотрел на женщину*, [*когда она пела, то*] *ее стройная фигура становилась еще выше* [*и*], *тоньше, легче и, казалось, вот сейчас она поднимется на воздух.* [3]

[Потом] Затем мужиковатый Аксенов мастерски пел с М⟨ариной⟩ «Не искушай», а когда кончили, он [вес⟨ко⟩] довольно громко [сказал] *и грубовато сказал* Марине к удовольствию Клима:

— Нет, это не для вас писано, девушка!

Узенькие глаза [*Асонова*] *Кутузова смотрели на Марину с явным презрением.* Марина сердито отошла от него, что-то проворчав [женщина] [*Екатерина Спивак* взяла из вазы со стола яблоко, погладила его, задумчиво рассматривая, и положила обратно [4]]. Клим, весь вечер осторожно следя за нею, находил, что [она] всё, что она говорит и делает, необыкновенно, так же, как ее качающаяся, нерешительная походка и [блуждающий] взгляд синеватых глаз. [Было] Она [ходила] блуждала по тесной комнате, точно кошка, впервые попавшая сюда,

---

[1] *В рукописи:* успокоила

[2] *Первоначально:* до слез, до удушья

[3] *Текст*: Клим впервые ∾ на воздух.— *перечеркнут синим карандашом.*

[4] *Слова*: взяла из вазы ∾ обратно — *перечеркнуты синим карандашом.*

мурлыкая в нос, дотрагивалась до вещей тоненькими пальцами и молчала.

[Увлечен] Поглощенный наблюдением за нею и растроганный музыкой, Клим все-таки *смутно* сознавал себя в опасности среди всех этих людей, *равнодушных к нему*, [*он видел еще чувствуя, что не существует для них, не виден им, он испытывал желание чем-то осветить себя и не* [*знал*] *находил, чем.*

[В синеватом, прокуренном воздухе] Синеватый, прокуренный воздух неярко освещенной и тесной комнаты был неприятно [тепел] [душен] *теплым, тяжелым, все люди теряли в нем формы, их лица казались тусклыми и, должно быть, зная это, все они говорили неестественно громко* [1].

[Больше всех занимали места двое: Марина и Дмитрий, [бо⟨льшие⟩] [Оба толстые] брат двигался за этой краснощекой девушкой, как баржа за пароходом [и], видимо, не замечал, что это смешно, *и забыл о Климе*. Туробоев упрямо, неутомимо грыз [Асонова] *Кутузова*, задвинув его в угол [к окну]

[*—Это — старо!— усмехаясь говорил он.— Еще*] [*Асонов*] *Кутузов* [*слушал его*], *склонив голову немного набок, лениво говорил:*

— Уже Галлен [*доказывал*] *знал, что седалище души находится в головном мозге* [*там, где* [*начинаются*] *нервы, квартирует только логика*].

— Вы поете мозгом? — [*спрашивал он*] *громко и задорно спросил Туробоев* [2].

[Андрей Быков] *Дмитрий* смущенно гудел:

— Верлен? [Не слышал...] Что же [он] Верлен? *Вроде Фофанова, что ли?*

[*Платье на девице*] [Девица, сидевшая рядом с ним, была одета [в] [как] *похожее* на рясу, темное, широкое] На девице, сидевшей рядом с ним, [было] темное, широкое платье, похожее на рясу монахини; оно казалось чужим на [2] ее худеньком теле, запутанном в обильных складках. Над узкими плечами, над шеей, окутанной красным газовым шарфом, возвышалась [*маленькая*] [странная] *змеиная*, неестественно вздернутая голова с начесанными на уши волосами, с длинным *острым* лицом, из тех, которые, [раз] увидав *однажды*, не забудешь никогда. Климу казалось, что в этом бледном, измученном лице есть что-то искусственное, под-

---

[1] *Текст*: равнодушных к нему ∾ громко.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Тексты*: — Это — старо! ∾ спросил Туробоев. *и* На девице ∾ чужим на — *перечеркнуты синим карандашом.*

крашенное, узкие глаза были странно приподняты к вискам, нос прямой, [без переносицы] *с розовыми ноздрями*, опускался слишкомнизко на тонкие, но яркие губы. [Но] [Это лицо не было] [*Однако это лицо назвать* уродливым] [оно было] *Однако Клим не решался назвать это лицо уродливым:* вызывающе некрасивое, оно *тревожно* раздражало [своей] [возбуждая любопытство] его так же, как всё ее *изломанное* тело, вывихнутое, разбросанное по дивану, [и] возбуждавшее бесчувственное любопытство. *Она полусидела [так, как будто в усталой] ⟨в⟩ изломанной позе, точно после [утомительной] буйной пляски, [еще она] неприятно напоминала Маргариту, уставшую от [излишних] любовных игр, и от нее одуряюще пахло крепкими духами.*

[Привыкший следить за собой] Клим считал себя чувственным нормально, в меру возраста, уроки Маргариты внушили ему уверенность в [своей] его половой опытности, но привычка выдумывать себя вызывала [у него еще сильное, но уже настойчивое стремление испытывать людей] *в нем еще не сильное, [не совсем ясное] но всё более недоверчивое и подозрительное отношение к людям.* Хотелось [знать] понять, кто, как, *в чем* и насколько притворяется. Он [знал двух людей] *был уверен, что знает* только двух людей, которые [1] [не притворяются, но вполне таковы, каковы они есть и] не прикрашивают себя, это — Маргарита и Томилин.

л. 43 От этой девушки мысли Клима шли по двум линиям: к Елизавете Спивак, стоявшей [у рояля] у стола, сложив руки на груди, и к Лидии, которая простилась с ним возмутительно, [равнодушно, сказав] в день его отъезда она была почему-то оживлена [и весело, *но глупо* сказала]:

— Верю, что ты [*через год*] возвратишься [со щитом, а не на щите!] не на щите, а со щитом!

[*Она сказала эти слова*] *Сказанные неуместно весело*, [*он*] *эти слова прозвучали глупо и похоже на скучные гекзаметры Жуковского из его перевода «Одиссеи».*

Елизавета Спивак рассматривала Туробоева взглядом, который показался Климу слишком бесцеремонным, так смотрят на вещи в витрине магазина. [2]

---

[1] *Текст*: Клим считал ∾ людей, которые — *перечеркнут синим карандашом, рядом помета*: на 43-4 — *видимо, ошибочная; следует: на 44-4 (см. в наст. томе стр. 27, л. 44).*

[2] *Текст*: Елизавета Спивак ∾ в витрине магазина.— *первоначально шел выше, после слов*: сложив руки на груди

[В Туробоеве] [был неприятен] [в нем заметно что-то офицерское] [Натянутое его] Слишком правильное и холодное лицо Туробоева надменно, [насмешливо] сюртук студента [сидит на нем, как на] придает его фигуре что-то офицерское [неприятное, напряженное]. Он бледен, как человек, который только что перенес тяжелую болезнь [и кажется лет на десять старше своего возраста].

[Девица] Узкоглазая девица говорила поучительно, усталым голосом:

— Париж на всех путях впереди...

[Потом] [Снова запели *трио*, Спивак играл Шопена, Туробоев подошел к дивану и]

Снова начали петь [тру‹?›] дуэты, трио, Асонов [очень] так выразительно спел арию князя Игоря, что Клим, [глядя] посмотрев на его тяжелую, мужицкую фигуру с красными кулаками *и грубым лицом*, закрыл глаза,— не верилось, что [он] именно этот человек может петь так умело и красиво. Марина пела не сдержанно, даже с [какой-то] яростью, широко открывая рот, бугры ее грудей неприлично напрягались, [на] туго натягивая [оранжевое] джерси, *серые глаза* [Аносова] *Кутузова* укоризненно [косился] косились на нее [маленькими] [боль‹шими›].

— Ох, девушка! — вполголоса сказал он, [и] *безнадежно* покачивая головой.

У Екатерины Спивак [мягкое] круглое *мягкое* лицо кошки, когда она пела, лицо становилось еще более мягким, в [зрачках] *темных*, резко очерченных зрачках являлось выражение виноватое, умоляющее, маленький голосок звучал свободно, чисто и трогательно. Ее муж всё время был точно прикован к роялю, сидел спиною к людям, он как будто не желал показывать [свое больное лицо] свое лицо, темные очки делали его слепым.

— А ведь я не узнал вас,— сказал Туробоев, [подходя] подойдя к дивану [присаживаясь] *и присев* на ручку его [стал на полкорпуса выше]. Клим должен был смотреть на него снизу вверх. Вблизи Туробоев казался лет на десять старше своего возраста, под глазами его синеватые тени, волосы [жидкие] редки, тонко вышитые брови вопросительно приподняты и [лишь] *хотя* глаза смотрят юношески остро, [но испытующе] но испытующе нагловато.

Клим отвечал ему сухо, кратко и вызвал этим [неприятное] замечание Туробоева:

— Вы, кажется, мало изменились, я вспоминаю вас

таким же сдержанным [немножко педантом] [если не ошибаюсь, вы были немножко педантом].

Климу было досадно слышать это, *насильно* улыбаясь, он сказал:

— Да, [меня считают] *вы все считали меня* педантом...

И упрекнул себя:

«[Не] Зачем это *я* сказал?»

[Туробоев оказался говорливым, покуривая папиросу, он] Он чувствовал себя неуверенно [рядом с [этим человеком] Туробоевым] под [его] пристальным, изучающим взглядом Туробоева, а тот легко, словоохотливо говорил [что провинция консервирует]:

— *Провинция хорошо консервирует* людей, я нахожу, что провинциал вообще устойчивее в своих мнениях *и* вкусах. А вот здесь, в этом городе, всё, все явления *жизни и сами люди* кажутся более, чем где-либо, временными, скоропроходящими.

Он [широким жестом] сделал *рукою широкий* круг в дымном воздухе.

— Всё это [напр⟨имер⟩] [не всё нахожу], [*на мое* впечат⟨ление⟩] *на мой взгляд*, не в стиле Петербурга. [Музыка и вообще] Искусство здесь кажется более далеким от [жизни] действительности и всё, утешающее людей, более искусственным [более надуманным].

— «Рисуется. Пессимиста играет»,— подумал Клим.

— Странный город. К нему очень трудно привыкнуть. К Пар⟨ижу⟩ и Вене привыкаешь в неделю. Вообще в Евр⟨опе⟩ люди понятнее, *чем у нас*.

— Помните Лидию Варавка?— внезапно спросил Клим, подчиняясь желанию смутить чем-либо этого человека. *Ему показалось, что* Туробоев, удивленно подняв брови, несколько секунд соображал, прежде чем ответить:

— О, как же! [Такая девчонка, да, да! Детский роман. Как же помню...] Где она? Хочет быть актрисой. [Вот как?] Что же, эта *роль* как раз [роль] для женщины.

Туробоев, *усмехаясь*, посмотрел через голову Клима на узкоглазую девицу, затем перевел глаза на Елизавету Спивак, которая, согнувшись над клавиатурой рояля, брала аккорды [и], спрашивая Марину:

— Слышишь?

Девица на диване говорила в нос, точно читая святцы:

— Ренэ Жиль, Ролина, Монтескью, Фезансак, Сар Пеладан, Маллармэ.

— Как вы относитесь к этим? — спросил Туробоев.

— Я их не знаю,— сказал Клим виновато, хотя ему хотелось сказать небрежно. [1]

Разошлись *гости* около полуночи; Клим *тотчас* лег спать, чувствуя себя разбитым, [а брат] физически недовольным собою, а тут еще Дмитрий, погасив огонь, стал спрашивать вполголоса:

— Интересно. Ты обрати внимание на Асонова, вот — умница! Туробоев тоже оригинал, но — дико пьет! [Ужасно!] Ушел из лицея в университет, но и тут не учится. С родными в ссоре...

[Клим Полканов] Для Клима Полканова началась полоса жизни в тумане, в потоке впечатлений, обилие которых было непривычно ему, а сила и новизна их [подавляла] *засасывала*, заглатывала его. Он тотчас попал в крепкие руки Марины, непоседливая [напористая], всегда [чем-то] возбужденная, [она и] эта девица своею жаждой впечатлений напоминала ему жадность Дронова. На другой же день она взяла на себя роль гида.

— Ну, что ж, пойдемте смотреть город,— сказала она, Клим счел невежливым отказаться и часа три ходил с нею в тумане, менее густом, чем он был вчера, но еще более холодном. [Свинцовым блеском] Марина ходила быстро, [неутомимо] в ее походке была такая же неудержимость, как в словах, очень новых для Клима и несколько примирявших его с этой напористой девицей; речь ее мешала видеть, но слова были полезны:

— Петербург — город многоликий,— говорила она [в ту],— осенью у него [одно] *пугающее* лицо, особенно значительное в тумане. Весною, когда белые ночи, он очарователен. Это живой город, в нем всё думает, всё чувствует — дома, камни. Вы — увидите...

Клим видел *в тумане* свинцовый блеск воды, хмурые, отсыревшие дома, тусклое стекло окон, мокрые деревья, жидкую слизь на панелях и на мостовых, что-то худосочное, [серое, не похожее] *мало похожее* на жирную грязь провинциальных улиц [2]. Так же не похожи были на людей его города и [эти] озабоченные, быстро шагающие люди. Незнаком и глуховатый, угрюмый шум уличной жизни, и приглушенный звон колоколов, бедный звон. Колокольни немногочисленных церквей прятались где-то [среди] в массе огром-

[1] *Текст*: Девица на диване ∾ сказать небрежно.— *зачеркнут синим карандашом.*

[2] *Против этой строки на полях незачеркнутое слово*: Решетки

ных скучных домов, люди казались мелкими, но поражало их обилие, в котором так легко потерять себя. Всё вместе понижало ощутимость собственного бытия. Клим шагал в состоянии [незн⟨акомого⟩] незнакомого ему самозабвения, безвольно и покорно, слышал грудной голос Марины:

...[— Сенат] — Декабристы... Фальконет... [Потом] *А сумасшедший* Павел Первый хотел сделать монумент лучше, вышла — дрянь.

Ни о чем не думалось, но хотелось забиться в какой-то сухой, теплый, светлый угол и подумать обо всем, что плыло перед глазами, поблескивая то свинцом, то *рыжеватым* золотом, скучно утомляя [глаза] зрение [грязновато] желтой окраской [казенных] домов. *Назойливо лезли в глаза медные доски на дверях.*

— Что вы молчите? — настойчиво [спрашивала] спросила Марина и, когда Клим ответил, что его поражает город, она, торжествуя, воскликнула:

— Ага!

[Когда] Возвратились домой уже в сумраке. Клим застал в комнате брата Аносова и Туробоева, а Дмитрия не было. Студенты поздоровались с ним молча, торопливо. Аносов, пожимая руку его, смотрел на Туробоева, говоря:

— Случайностью [я называю] *мы называем* явление, причина которого еще не познана наукой.

— А [что] если [вдруг скажет] случай это псевдоним дьявола? — [насмешливо] *громко* спросил Туробоев, закуривая папиросу о свой же окурок. *Закурив, он поставил окурок на стол, в ряд [пяти или шести] других, уже погасших.*

л. 44 Он был выпивши [и непрерывно курил], *его темнорусые волосы* встрепаны, виски потны, бледное лицо побурело, но глаза, *наблюдая за дымящимся окурком*, сверкали *ясно и* пронзительно. Спорил [он лениво, неохотно и, возражая Асонову] *неохотно*, [тогда как] *Кутузов*, положив локти на стол, опираясь грудью о край его, [смотрел] [говорил] *смотрел в лицо* Туробоева осуждающим взглядом [серых гл⟨аз⟩] и говорил мерно, [упрямо и возмущенно] *педантично, тоном учителя*:

— [Свои] Мысли о вредном влиянии наук на нравы ваш Толстой заимствовал [из] у Руссо, из «Discours». Это — дряхлая мысль, [ей полтораста лет от рода] *она родилась в 1750 г. в ответ на запрос Академ⟨ии⟩* г. Дижона [*о влиянии искусств и наук на* н⟨равы⟩]... Да и какой вы толстовец? [Так это у вас, гляжу.]

Туробоев усмехнулся [и продекламировал:

Двух станов не боец, а только гость
случайный].

Он не обращал внимания на Клима, как будто его не было в комнате, тогда как [Асонов] *Кутузов* несколько раз спросил:

— Не так ли, [Полканов] *Самгин*? А вы как думаете, [Полканов] *Самгин*?

— Приблизительно так же,— осторожно ответил Клим, [немножко] *хотя* лениевенькие, но острые замечания Туробоева [бо⟨льше⟩] нравились ему больше, чем одноцветные исторические справки [Асонова] *Кутузова.*

[Но] Ему льстила [груб⟨оватая⟩] грубоватая любезность этого крепкого человека, хотя он и чувствовал в ней [что-то] покровительственное отношение старшего.

Пришел Дмитрий.

— Вот билеты! — сказал он, размахивая кулаком. Я и для тебя взял, Клим.

— [А] [Я не пойду в театр,— [ска⟨зал⟩] заявил Туробоев и предложил Климу идти.] Туробоев отказался идти в театр, встал, насвистывая, посмотрел в окно и заявил, что идет к Спивакам [которые жили в этом]; они жили [этаж⟨ом⟩] в этом же доме. [Асонов, посмотрев вслед ему, *неодобрительно и пророчески* пробормотал:

— Не доведет его до добра этот]

Кутузов одобрительно сказал:

— Умный парень, но поэзия безотчетных мыслей и поступков не доведет до добра. [1]

Затем он стал *подробно* расспрашивать Клима о том, как живут в его городе, и скоро [нашел] заявил, усмехаясь:

— То же самое, что у нас в Вологде.

Клим заметил, что чем более сдержанно и сухо отвечает он [Асонову] *Кутузову*, тем [более] менее педантичным становится тон вопросов вологжанина и мягче, ласковее смотрят его серые глаза. Клим решил блеснуть.

— В сущности, мы едва ли имеем право делать [такие] настолько определенные [заключения] *выводы* о жизни людей. Из [сорока] десятков тысяч жителей мы знаем, как живет сотня,— это в лучшем случае,— но *мы* говорим так, как будто [нам известны] изучили *жизнь* всех.

---

[1] *Фраза*: но поэзия ∾ до добра.— *зачеркнута синим карандашом*; *рядом, на полях, помета* (*галка*).

[Аносов] Кутузов широко ухмыльнулся и сказал [добродушно] *почти с восхищением*:

— Простая, но — верная мысль! *Это вполне* научная мысль...

И Клим [Полканов] *Самгин* почувствовал, что им удачно положен первый камень пьедестала, на который он должен монументально встать. Он — не ошибся в этом. [Уже] Через [несколько дней] [*месяц*] *несколько недель*, после десятка [*фраз*, *ска⟨занных⟩* скромно, уверенно, но об⟨думанно⟩] заранее обдуманных фраз, которые он умел сказать скромно, однако же уверенно, он убедился, что [стал заметен так же, как ночами заметны медные доски на дверях и стенах [до⟨мов⟩] [серых] *темных* домов города] *его оценили*. [Придумав наедине [особенно] [что-либо] оригинальное, ту или иную неходовую мысль, [почерпая в памяти] он извлекал из запасов памяти своей колкие словечки Варавки, не совсем обычные мнения Томилина.] Наедине строил из них искусно закругленные сухонькие фразы и, осторожно подводя беседу к заранее подготовленной точке, пускал свой фейерверк, не шумный, но достаточно [яркий, для того, чтоб осветить] *ярко освещавший его*. Он видел, что грубоватая Марина стала относиться к нему [более] почтительнее, Дмитрий смотрит на него с гордостью [*мужиковатая фамильярность* Асонова приняла характер *добродушного* любования. Авдей Быков, напоминавший своею начитанностью Ильина, [но еще более] а неутомимой жаждой знаний Ивана Дронова, но еще более хаотический, чем оба они, Авдей Быков], всегда погруженный в чтение толстых книг, выслушав коротенькую речь Клима [крепко тер ладонью изрытый оспой лоб и бормотал удивленно:

— Эт-то ловко!

[Асонов] *Кутузов тоже смотрел на него всё благосклоннее, в этом человеке было* [*что-*⟨*то*⟩] *нечто двойственное* [*и удив*⟨*лявшее*⟩], *непонятное Климу*. [*Он*] *Он пел, как артист* [*артистически*], *а говорил* [*уч*⟨*ительным?*⟩] *читающим голосом, скучно и подробно:*

— *Мыслить надо исторически*,— *учил он* [*и*]. *Было ясно, что* [*он*] *все признают его авторитет, но Климу казалось: это только потому, что* [*Асонов*] *хорошо поет.*

Клим осторожно возражал ему:

— *Однако, не весь человек — материал истории,* [*он*] *ведь он и творец ее.*

— *Вот именно,— рычал Быков. Асонов тоже добродушно соглашался:*

— [*Ну*] [*Это — разумеется, но я не об ⟨этом?⟩*] *Я этого не отрицаю.* [1]

[Елизавета Спивак смотрела на Клима [всё более] молча, взглядом, который взвешивал, измерял и волновал его надеждами.]

Клим замечал, что молчаливый взгляд *Елизаветы Спивак* взвешивает, измеряет его и волнует, возбуждая [на] очень определенные надежды. Его несколько стесняла и даже пугала узкоглазая Нехаева своим нервозным, почти истерическим [но неумелым] стремлением [вызвать в нем интерес к [новой] модной литературе Франции] *найти в нем единомышленника.*

— Вы читали Жан Лагора «Иллюзию»? Ах, [это] он такой терпкий, такой едкий в его правде пессимизма [Вы — пессимист или скептик?] — *говорила она вполголоса.*

Она произносила незнакомые Климу имена: [Анри де Рен⟨ье⟩] Роденбах Метерлинк, [Виеле] [говорила] *рассказывала о своем знакомстве с молодым* [*начинающим*] *поэтом Эдмондом Ростаном: — Это будущий гений!*

— Виеле Гриффин, Мореас,— говорила она и, закрыв глаза, поднимала палец, прислушиваясь к чему-то.

[Она] Утверждала, [что необходимо отнестись ко всему в мире скептически] что человек потерял себя в хаосе внешнего:

— Мы все живем машинально, [над] нас задавили вещи [и в этом много виноваты [Рёскин, Моррис, Вальтер Крин] *англичане*].

Клим видел, что обилие [*идей*] *в ее устах непонятных стихов*, [*никому*] *никому* не знакомых имен смущает не только его, *но и Дмитрия, который знал книги так же, как горничная все вывески улицы*, видел, что к этой девице *все* относятся [так, как будто уверены в ее] неопределенно, [*недоверчиво*, не решая, считать ли ее слабоумной или мудрой?] *слушают ее охотно, но не верят ей, и только Туробоев подчеркивал ее рассказы о фран⟨цузской⟩ лит⟨ературе⟩ и литераторах почти всегда одними и теми же словами:*

— *Это весьма похоже на начало конца. Это можно*

---

[1] *Текст*: Клим осторожно ∾ не отрицаю.— *вставка на отдельном листке.*

понять, как признак пресыщения мещан дешевенькими рационализмами.

Было странно слышать, что Асонов соглашается с Туробоевым.

— Совершенно верно! — [*твердо*] *утверждал он и говорил о Нордау.*

Лично ему она казалась заскочившей куда-то далеко вперед, [живущей среди неизвестного и утратившей] она жила среди неизвестного, утратив чувство действительности, *ожидая назавтра каких-то потрясающих слов и великих событий* [1]. *В ней чувствовалось нечто* [*до*] *напряженное* [*тревож⟨ное⟩*] *до отчаяния,* [*по⟨рою⟩*] *и порою казалось, что она способна выпрыгнуть из окна. Особенно же* [*странным было в ней то, что*] *странной была в ней* [*совершенно*] *непонятная Климу физическая неуловимость, ее женское безличие, она не будила его любопытства* [*его воображения*] *с той стороны, с какой будили его воображение все другие* [*жен⟨щины⟩*] *девушки и женщины.*

Наблюдая ее, он учился, как не надо вести себя среди людей, как осторожно следует говорить о том новом, что [не] еще не [известно] знакомо другим.

[Ложась] Ночами, лежа в постели, Клим внутренно усмехался [легковерию людей], как [легко] *просто* привлечь к себе [их] внимание, *симпатии* людей.

[И] *Но*, отмечая их легковерие, он [терял уважение к ним] не утрачивал осторожности человека, который [играет фальшивую] *не совсем* уверенно играет опасную [*и фальшивую*] игру. [Эта игра всё более разрушала его моральное чувство, [чему спо⟨собствовало⟩] он сам замечал, что обилие впечатлений разрушительно действует на [мораль] его этику, но иногда [ясно] чувствовал, хотя и смутно] [2] *Он был достаточно умен и еще настолько честен, что* [*пони⟨мал⟩*] *не скрывал от себя* [*эту*] *фальшь своей игры, и у него были моменты, когда она, утомляя, даже вызывала чувство зависимости от чего-то враждебного ему* [*чувство обиды*]. *В такие минуты он* [*казался сам себе*] *видел себя слугою неизвестного ему господина* [*и*], *это было обидно* [*это раскалывало его надвое и пугало*]. *Вспоминались слова Томилина:*

---

[1] великих событий и потрясающих слов

[2] *После*: смутно — *помета красным карандашом* (*стрелка*); *вероятно, помета указывает место для текста*: Клим считал себя ∾ отношение к людям (*л. 42 — см. в наст. томе стр. 19*).

— На [*многих*] *большинство людей обилие впечатлений действует разрушающе, засоряя* [*их этическ⟨и⟩*] *моральное чувство. Но это же богатство впечатлений бытия создает людей исключительно интересных... Таковы все те, у кого мысль и чувство действуют гармонически* [*созвучно*].

Клим Полканов не всегда ощущал, что его чувства созвучны мыслям, он привык наблюдать за собою и нередко видел себя расколотым надвое. Это пугало и, в то же время, внушало ему зависть к людям, которые во что-то верили. Он всё чаще испытывал желание обнажить человека, посмотреть, что у него внутри, какова та пружина, которая заставляет [лю⟨дей⟩] наблюдаемого им говорить и действовать так, а не иначе.

Любовь Нехаева была первой, кого он избрал для своих опытов. Он нашел ее наиболее удобной для этого именно потому, что она [для него была лишена] *не имела* обаяния женщины, ее можно было раскрыть, не увлекаясь ею. Спивак была несравнимо интереснее как женщина, [он знал] но было неинтересно знать, о чем она молчит. К тому же Клим рассчитал, что [сближение] более близкое знакомство с [нею] *этой женщиной наверное* заставит его влюбиться в нее, а это помешало бы ему в его стремлении узнать [Он очень хорошо помнил слова Макарова, который, говоря о муках возраста] [Еще этот выбор] *человека.* [1] *Был в этом выборе* и еще один косвенный расчет, [но Клим не хотел] вернее — надежда, но Клим скрывал ее от себя.

Возвращаясь со вступительной лекции к курсу физики, Клим медленно шел [в городе] по набережной Невы, укладывая в памяти наиболее ценные для него [фразы] *слова* [*бородатого*] профессора, [маленького, живого и] вдохновенного человека.

— [Только] Два рычага господствуют над всеми деяниями людей: стремление к удобству и стремление к познанию.

Он еще издали заметил Нехаеву; выйдя из дверей Ак⟨адемии⟩ х⟨удожеств⟩, она перешла дорогу качающейся походкой и остановилась [у одного из] [у сфинксов] около сфинксов, глядя на реку. Она поздоровалась с ним тихим голосом, но с радостью, и тотчас заговорила торопливо, как всегда.

---

[1] *Текст*: К тому же ∾ узнать человека.— *перечеркнут синим карандашом.*

— Заходила к одному художнику, [а его] а его нет, такая досада! Вы в город? Я — тоже.

л. 45 [Воротились] *Они пошли назад, к мосту, который гудел под ногами и был покрыт рыжей пылью сухого снега, смешанного с навозом.*

[На ней] В светло-сером, цвета неба, пальто, в такой же серой шляпе, худенькая, она шагала расшатанно, [в ней чувствовалось что-то] задумчиво посматривая на реку, [уже покрытую синеватым льдом. [Был холодный] Прозрачный воздух осени был так же холоден, как [ре‹ка›] Нева] запах дыма щекотал ноздри, за рекою *глухо* рычал каменный город.

— Вот, если б всё, вся жизнь остановилась, как река, ненадолго остановилась бы, чтоб дать *людям* время подумать,— говорила Нехаева, и Клим слышал в ее словах что-то наивное, печальное, даже располагающее к ней. Он улыбнулся, заглянув в ее лицо испуганной птицы [в] [узкие темненькие глаза ее]; глаза *девушки* показались ему более спокойными, чем обычно.

— Великолепная река,— сказала она, вздохнув.— Я не люблю великолепное, но летом, в белые ночи, мне нравится смотреть на Неву и думать о жизни, мысленно рисовать [на этом движущемся полотне] на движущейся полосе воды прошлое истории и личной жизни. Это — банально?

Климу показалось, что она спросила с испугом, он счел нужным ободрить ее:

— *Нет*, почему же?

И вдруг, неожиданно для себя, прибавил:

— Да и банальное не всегда неприятно...

Он тотчас заметил сам себе: «Ну, это глупо выскочило у меня». И в дальнейшем стал говорить [с ней], следя за собою, сдержанно, суховато и как человек, который уверен, что не услышит ничего нового. А девушка говорила, точно только что выпущенная из тюрьмы, [торопливо] *с жадностью человека, долго молчавшего*, быстро перескакивая с одной темы на другую. [О] Спросила [нрав‹ится ли›]: как нрав‹ится› Туробоев и, не ожидая ответа, назвала его циником:

— Я никогда не встречала нигилистов, но думаю, что [они] *это* такие, как он. И я не люблю ничего общественного, социа‹льных› вопросов, безлошадных крестьян и всё [это] *прочее*. Это — плохо? Что ж делать? Я не хочу лгать. Мне скучно, когда говорят о народе, о политике. [Авдей Быков неумен, не правда ли?] *Ваш брат... вы извините меня...*

Так странно: он ужасно много знает, а невежда, вы заметили?

Клим слушал ее [внимат‹ельно›] чутко и [почти] с удивлением: [она] ее слова напоминали Лидию.

Склонив голову на плечо, она посмотрела в лицо Климу *снизу вверх и вкось*, [и] почему-то озабоченно спросила:

— Вам нравится Марина?

И снова, не ожидая ответа, сказала, утвердительно качнув головою:

— Она — красива! Очень. Такая сытая, русская. А вот я не чувствую себя русской — странно? Я — петербургская. Москва меня давит, обезличивает. Провинциальные города — смешные и жалкие. В прошлом году я ездила по Волге — это очень красиво там, где ничего нет, а только река и пустой берег. А города — ужасны: пыль, грязь и [люди] потные люди, все на одно лицо, и все пахнут соленой рыбой.

На Неве она предложила:

— Зайдемте выпить кофе? Холодно!

Сидели в маленьком ресторане за столиком у окна, мимо его непрерывно шагали темные фигуры, обгоняя одна другую. Нехаева *спросила кофе, две рюмки ликера, бисквитов.*

— *Я угощаю,— сказала она, расстегивая пальто на груди, и лицо Клима окутала струя духов. Затем девушка* повела глазами в сторону, указывая на толстого человека с большим [синим] бритым лицом без глаз и, тихонько назвав [имя] фамилию известного актера, сказала:

— Удивительно, как много в Р‹оссии› талантливых артистов! Мне даже кажется, что здесь все немножко актеры.

Клим подозрительно взглянул на нее и спросил:

— Да? Почему?

— Право, не знаю! Так кажется. Не о том говорят, не те книги читают, и вообще всё *делают* не то, *и напоказ, не для себя, а для других. Всё очень выдуманно. Этот Асонов — оперный певец, а он читает какую-то политическую экономику. Это должно быть дважды скучно.* Французы проще. Я ведь [по] зимою живу в Париже. Только там можно жить полной душою... Полной.

Климу послышалось, что слово полной она повторила в тоне вопроса. Он убедился в этом, когда Нехаева вдруг замолчала, задумалась, рисуя *что-то на подносе* ручкой чайной ложки. Потом сказала:

— Я люблю театр, но — не *русскую* драму. Ах, если б вы знали, какую прекрасную вещь написал Эдмонд Ростан!

«Принцесса Греза». [Да] Это лучше *даже* Метерлинка. — И вздохнула, вспомнив:

— [Да] Но вы не знаете М⟨етерлинка⟩. Хотите взять у меня? [Заходите.]

Пригласив его зайти к ней за книгами, она встала, надевая перчатки, покусывая губы, скосив глаза в сторону. Климу показалось, что она хочет просить его о чем-то, но не решается. Он молчал, ожидая, рассматривая ее странное лицо; и находил его почти красивым в эту минуту. На улице он простился с нею преувеличенно почтительно, она мило улыбалась [и пошла быстро, решительно], сказав:

— Приходите...

[Клим [пр⟨ишел⟩] явился к ней дня через четыре; она]

В день, когда Клим Полканов отправился к ней, на город падал удручающе густой [*и тяжелый*] *снег сероватого цвета, падал он быстро, прямо, хлопья его были необыкновенно крупны, тяжелы и шуршали, точно клочки мокрой бумаги. Нехаева* жила в меблированных комнатах, *последняя дверь* в конце длинного [и] полутемного коридора, [Она открыла ему дверь, не спрашивая, кто пришел] *коридор освещало* окно, наполовину закрытое каким-то шкафом, окно упиралось в [кра⟨сную⟩] бурую гладкую стену, между тусклыми стеклами и стеной сыпались кусочки снега, еще более [темные] темно-серые, чем на улице.

[«Вот нора *неприя⟨тная⟩*»,— подумал Клим]

«В какой *грязной* норе живет»,— неприязненно подумал Клим.

Но он [был приятно, даже весело удивлен] весело удивился, шагнув из маленькой приемной в комнату Нехаевой, тепло освещенную [тепло и мягко] огнем сильной лампы, прикрытой оранжевым абажуром. Вся комната была убрана кусками материй, *подобранных* в блеклых тонах *угасающей вечерней зари* [осеннего вечера и всюду], на столе, [у окна] на кушетке, точно квадратные листья какого-то странного растения, лежали желтенькие томики французских книг.

— Как хорошо у вас! — сказал Клим.

— Да? [Я скажу, чтоб дали чаю] — *улыбаясь* спросила Нехаева [и ушла заказать чай], [начин⟨ая⟩] [приготовляясь] *зажигая спиртовую лампочку*:

— *Не* [*выношу*] *терплю самовара.*

Клим стоял среди комнаты, с удовольствием [разглядывая ее] *оглядываясь.* Ее углы были сглажены драпировками,

и она казалась круглой [1]. [*Два окна скрыты тяжелыми зана⟨весями⟩*] *Одно из окон* [*плотно*] *завешено ковром, другое, у которого стоял стол, тоже* [*плотно*] *спрятано.* Треть [ее] комнаты отделяла[сь] [золотисто-шелковая китайская] *японская* ширма, за ширмою был виден кусок кровати, накрытой плюшевым одеялом, тоже [блеклого цвета] *блекло-оранжевого* цвета. [А под ногами] [Пол покрыт красноватым ковром и] На красноватом ковре у стола [на полу] рассыпаны свалившиеся с маленькой этажерки желтые книжки. *Очень теплый воздух комнаты был густо насыщен запахом духов, уже знакомых Климу.*

[Нехаева] Вошла Нехаева, [на ней] *Клим нашел, что золотистое кимоно* [*красненькие, острые*] *хорошо* [*как нельз⟨я⟩*] *гармонирует с ее длинным лицом* [2] *и узкими глазами.* Ногою в красненькой туфельке [3] она *быстро и безжалостно* затолкала книжки на полу под стол [затем сдвинула] и, сдвигая со стола всё, что было на нем, к одному краю, [говоря] говорила:

— Вот, будем пить чай. Вам нравится у меня?

В ее угловатых [*неверных*] *движениях было что-то неумелое, беспомощное, тонкие руки* [*неуверенно касаясь вещей, казались слепыми*] *передвигали вещи неуверенно и слепо.*

— Я не люблю яркие цвета, прямые линии, громкую музыку. Всё цветистое, прямое, шумное слишком реально и потому — лживо. Оно не выражает той красоты, которая скрыта в глубине наших душ и всё еще не находит себе воплощения.

[В ее нервном] Она говорила *торопливо, негромко и* как будто задыхаясь, ее нервный голос [негромкий] капризно качался, напоминая голос Лиды ⟨*1 нрзб*⟩].

Лидия говорила так [когда ей было] в возрасте десяти — двенадцати лет [4]. [*Она*] *и ее блуждающие руки всё более утверждали впечатление ослепленности* [*тонкие руки ее не видели, что они делают*]. Широкие рукава кимоно развевались, точно крылья, Нехаева кружилась по комнате, [раз⟨двигая⟩] ненужно [раздвигая] расталкивая мебель, рассеянно перекладывая [вещи] *книги* с места на место, казалось, что ее что-то смущает, [что] она [ведет] вела себя, как человек, захваченный

---

[1] Она казалась круглой. Ее углы были сглажены драпировками.

[2] очень идет к ее длинному лицу [3] Ногами в красненьких туфельках

[4] *По-видимому, фраза*: Лидия говорила ∾ двенадцати лет.— *должна быть зачеркнута.*

врасплох. Клим встал, прошелся по комнате [*до двери*], посмотрел на репродукцию с картины Клингера и снова сел к столу. Клим сидел у стола и внимательно слушал быстрый говорок:

— Только там, в глубине души, наше настоящее, неслучайное и вечное, а внешний мир, это ведь цепь неудач, ошибок, уродливых неумелостей, жалких попыток выразить священную красоту идеального мира, заключенного в душах...

Вошел бритый, маленький, остроглазый старичок в за-
л. 46 масленной тужурке и коротеньком зеленом [фартуке] переднике, [внес] [принес на одной руке с ловкостью фокусника маленький самовар и чашки] *подпрыгивая, точно заяц, держа с ловкостью фокусника поднос с маленьким самоваром одною рукою на высоте плеча*[1], [*шумно разбросал по краю стола*] *он* [*молча*] *почти бросил поднос на стол и тотчас исчез, а Нехаева коснулась ладонями боков самовара, сказала жалобно*:

— Он [всегда] [иногда] часто подает холодный и даже с некипяченой водою.

Из шкапчика в углу, задрапированного куском выцветшей материи, она достала сахар, коробку конфет, бутылку вина и, ставя всё это на стол тоненькими, неумелыми руками, спросила:

— Умеете ли вы думать о бесплодности существования?

«Зачем [это]?» — хотел спросить Клим, но удержался и солидно ответил:

— Иногда это очень чувствуешь.

[Нехаева обрадовалась. Он [ясно видя] [заметил] видел] *Заметив*, что в глазах Нехаевой сверкнула радость, он *почти искренно* прибавил:

— [*Иногда*] *Бывает, утром проснешься и* [вдруг очень] [вдруг видишь] подумаешь, что напрасно проснулся.

— Да, да,— я заметила это по вашей сдержанности в спорах, по вашей *всегда серьезной* улыбке...

[И] Разливая чай, [она] заговорила о смерти, называя ее лукавой, лицемерной [безжалостной]. Было что-то необыкновенно странное [болез⟨ненное⟩] в оживлении, с которым она говорила о том, [что смерть] *как* безжалостна *смерть* [ее ще⟨ки⟩]. Клим наблюдал, как розовеют ее щеки, блестят глаза и мелькает желтоватая кожа рук, оголенных почти до плеч. Он [впервые слышал такие речи и] *находил оживление девушки болезненным*, чувствовал, что [они] [речи Нехаевой]

---

[1] на высоте плеча одною рукой

она незнакомо опьяняет его, [вызывая жуткую скуку] возбуждая любопытство, в котором было что-то жуткое. Опьяняли и духи и [слишком] крепкий [чай] херес, [*кото⟨рый⟩*] *Нехаева наливала его в легкие рюмочки на тонких высоких ножках*. Смущало, что он [не всё] *многого не* понимает в ее словах, и еще более она смутила его, когда, схватив [со стола] желтую книжку, начала вполголоса и задыхаясь читать [очень звучные, но совершенно]. *Читала так напряженно, что Клим ждал* [*что*]: *сейчас она закричит звонким, воющим голосом*. Стихи были очень звучны, неуловимого смысла — стихи о каких-то теплицах в глубине лесов, о девах с золотыми повязками на глазах, о трех слепых сестрах. Лишь в двух строчках:

Пожалей меня за то, что я несмело медлю
На [печаль⟨ной⟩] границе моего желания,—

услышал [что⟨-то⟩] *нечто* понятное ему. Он вопросительно взглянул на девушку, но Нехаева, уткнув нос в книгу, не смотрела на него, *левая рука ее медленно блуждала в воздухе*. Понятные слова растаяли в [звуках] красивых, но бессвязных звуках [изящного] [чужого языка].

Клим молчал, опасаясь, что, если [он] заговорит, то скажет [какую-то] глупость. Но и молчать было глупо. Его всё более одолевала какая-то незнакомая, всё обесцвечивающая скука, и было досадно [*видеть*], что Нехаева, кончив читать стихи, положила в рот себе конфету. Хотелось *грубо* сказать:

«Уж если вы [говорите о] *признаете* бесполезность существования пред лицом смерти, то зачем же конфеты есть?»

Но он промолчал и ушел от нее [очень смущенный, даже], *унося в кармане книжку Метерлинка*, чувствуя себя физически отравленным [крепким чаем, стихами] *духами*, хересом и навязчивым звоном [прекрасных] стихов. На улице тоже трудно было дышать, снег падал всё гуще и стал еще сырее, тяжелей. Клим должен был сознаться, что девушка стала для него [еще] более непонятной, чем была, он чувствовал в ней даже что-то опасное [пугающее] и подумал, что, *пожалуй*, [лучше не ходить к ней] [*для него будет*] *лучше будет держаться подальше от нее. Но он тотчас же* [*сообразил*] *возразил себе*: [*во всем*] *в том, что она говорит, есть* [*мн⟨ого⟩*] *немало интересного* [*для него*], *и своеобразные стихи, любимые ею,* [*могут пригодиться*] *пригодятся ему, как монета, на которую можно купить внимание людей. Надо читать ее книжки.*

[А] Вообще в Пет⟨ербурге⟩ жить трудно. Люди здесь изощреннее, [их знания обильней, они] *они больше знают*, смелее думают, [и] трудно держаться даже на одном уровне с ними. А надо быть выше, такова потребность.

Он шел и [думал] мысленно разглядывал Авдея Быкова, человека с голосом провинциального дьякона и глазами, которые блестели, как чешуя рыбы [1].

— Слушайте!— озабоченно спрашивает Авдей. — Как вы думаете: обуза — откуда? Узда, взнуздать, узко, узы, а? Так?

Асонов *назойливо* пристает, доказывая необходимость будить политическое самосознание рабочих, Дмитрий смотрит на него, как на пророка, и тоже что-то бормочет о немецких социалистах, Туробоев, посвистывая, насмешливо кривит губы и сердит Асонова вопросами:

— А какое мне дело до фабрик? Я не фабрикант, не рабочий. Меня и мое, личное, благополучие не очень заботит.

Туробоев особенно не нравился Климу. [Он] Вспоминая его щеголеватым мальчиком, который, стоя пред Варавкой, звенящим голосом говорил о любви своей к Лидии, Клим не узнавал этого мальчика в [небрежно одетом] *студенте*, [небрежном] преждевременно и неестественно изношенном, так же, как изношен и потерт его сюртук [небрежно и свысока, заносчиво рассмат⟨ривавшем⟩]. *Туробоев рассматривал* людей издали и сверху, говорил небрежно, усмехался снисходительно — почему это? [*Недавно*] [*На днях, споря с Асоновым, он сказал*:

— *Я есть нечто изучаемое мною,— больше я ничего не* [*могу сказать*] *знаю*.]

[И помня, что Туробоев ни] Марина смотрит на него жадными глазами. Впрочем, она на всех мужчин смотрит [так же] [взглядом [хозяйки] *толстой купчихи* на базаре] одинаково, [точно] *как толстая купчиха в гастрономическом магазине*. Поет она неприятно— телом, животом, [Вероятно] она [очень] будет *очень распутной женщиной*. Елизавета Спивак загадочна, она волнует, возбуждает, но Нехаева интереснее, хотя и неприятна. В ней есть что-то [напоми⟨нающее⟩] сходное с Лидией.

Клим Полканов [замедл⟨ил⟩], *нахмурясь*, ускорил [шаги] шаги, [усмехнулся] но через минуту снова пошел тише,

---

[1] человека с глазами, которые блестят, как чешуя рыбы, и голосом провинциального дьякона

[думая] заметив, что каждый раз, когда он вспоминает о Лидии, у него невольно является потребность быстрых движений.

Ночью он прочитал [«Принцессу Малэн»] «Слепых» и, не поняв смысла этой [пьесы] *драмы* [ужаса и] бездействия, с досадой и унынием отбросил книжку, а на другой день Туробоев [искоса взглянув, усмехаясь, спросил] *задумчиво* спросил, щелкнув ногтем по книге:

— Метерлинк? [Вот как] Что же,— нравится он вам? Понимаете?

«Понимаете» — прозвучало обидно, и, подчиняясь желанию сказать неприятное неприятному человеку, Клим сказал [задорно] нарочито неохотно:

— Чепуха какая-то...

Туробоев зевнул и сказал, гляда в окно:

— Да, [чепуха. И — грубовато] *скучновато, потому что прозрачно до грубости*: слепые — современное человечество, умерший *их* поводырь — *вера* [да, это — чепуха].

Он [выпу⟨стил⟩] *ловко* выпустил [из носа] изо рта кольцо дыма и [добавил] прибавил небрежно, как всегда:

— Для многих *эта* чепуха — [грубейшая] *убийственная правда*. Для очень многих.

Клим промолчал, [Он] чувствуя себя униженным тем, что он не понял аллегории, скрытой в пьесе, и когда Туробоев, наполнив комнату дымом трех папирос, дождался Дмитрия и ушел с ним, он тотчас же [снова] взял книгу, перечитал ее и почувствовал себя [хорошо] *достаточно* вооруженным для бесед с Нехаевой.

Через несколько дней он снова посетил ее, просидел часа два, не возражая ей, но и не соглашаясь с нею, правильно рассчитав, что [так он покажется Нехаевой [более] человеком, ко⟨торый⟩] *это делает его более похожим на человека*, у которого уже есть кое-что свое, глубоко продуманное. [Ему было приятно услышать] Когда он [сказал] *заметил*, что у Ме⟨терлинка⟩ есть [что] немало общего с проповедью Толстого, ему было приятно услышать, [что] как Нехаева тотчас же возбужденно согласилась с его открытием:

— Представьте, я тоже так думаю!

— Но у Толстого, *конечно*, всё грубее.

[Она казалась особенно возбужденной, и ее неумелость, беззащитность, тоже [как] была [*1 нрзб*] яснее Климу, чем в первый раз, и даже [трога⟨ла⟩] [ослепленность ее движений]

— И потом: Метерлинк — просто поэт, а Толстой притворяется мужиком, сектантом, я не понимаю: зачем это, — зачем?

На [*ее*] *нервном лице Нехаевой явилось* [*обиженное*] *недоумение,* [*глаза неопределенного цвета*] *широко открыв глаза, она смотрела на Клима вопросительно* [*зра〈чки〉*]. *Глаза у нее были* [*странные и в*] *некрасивы:* [*в матовых*] [*в молочных*] [*матовые белки казались цвета снятого молока, трепетно*] *в синеватых белках беспокойно вздрагивали приплюснутые овальные зрачки темного цвета. В этот вечер ее физическая бедность* [*бы〈ла〉*] *особенно бросалась в глаза. Угловатые* [*быстрые*] движения, [*тихий*] *пониженный* голос, быстрые слова даже трогали Клима, вызывая симпатию к [ней] этой девушке, *беззащитно* спрятавшейся в конце темного коридора *дешевых и нечистых* меблир〈ованных〉 комнат. Хотелось [1] говорить с нею ласково, просто, и не о «Принцессе Малэн», не о «Мертвом Брюгге», а о чем-то очень простом, нестрашном для нее. Нестрашном, потому что Клим видел, чувствовал: эта девушка боится того, о чем она говорит, что она вообще живет *ослепленной* [в каком-то неприятном ему страхе] каким-то непонятным ему страх〈ом〉.

л. 47 Но он [не умел найти простых тем] понимал, что простые темы были бы неуместны в этой *затейливо украшенной* комнате [которая казалась ему выдуманной красиво, фантастически, да он и не умел найти ничего простого, что отвлекло бы Нехаеву от рассуждений о бесцельности, беззащитности бытия, о смерти и печальном понимании людями их судьбы. То, что [пот〈ом〉] случилось в дальнейшем, было для него так же нежеланно, как неожиданно. Да, эту девушку жалко. Но [понять] [она] в ней есть что-то интересное и трудно понять, что именно] *и что человека, который* [любит говорить] говорит о бесцельности, *о беззащитности бытия, неловко спрашивать,* [*что*] *в каком городе он родился и любит ли кататься на коньках? Он видел,* [*что она*] [*что*] *Нехаева охотно ест шоколадные конфекты,* [*и догадывался, что*] *но подозревал, что она любит не конфекты, а клейкий* [*острый*] *ликер, наполнявший их. Она запивала* [*им*] *шоколад* [*су〈хим〉*] *очень сухим* [*острым*] *и, должно быть, дорогим хересом.* Бесспорно, это [очень] своеобразная, интересная девушка, [хотя очень] *но очень* трудно поверить, чтоб она жила только мыслями о смерти.

---

[1] Знак вставки синим карандашом, вставка отсутствует.

— Вы читали Шоп⟨енгауэра⟩? — спросил Клим.

— Да,— [ответила] сказала она, выдергивая шелковые нити из рукава кимоно, и виновато добавила:— Я пробовала, но... Видите ли, [просто] *обнаженные* слова, простые слова, не доходят до моей души. Я думаю, что они вообще не в силах исчерпать то настоящее и таинственное, что живет в нас. Вы знаете — «Мысль изреченная есть ложь». [Тютчев] Верлен, Ме⟨терлинк⟩ для меня больше философы, чем этот [злой] грубый немец, *который так отвратительно рисуется тем, что он зол*... Пропетое слово глубже и значительнее сказанного. Согласитесь, что подлинное искусство души — это ведь музыка.

Вздохнув, она убавила огонь в лампе и сказала:

— Ме⟨терлинку⟩ *тоже* не чужда [его мо⟨раль⟩] *этика* сострадания, и, может быть, он почерпнул ее у Шопенгауэра... Но я вообще не люблю немецкой философии. Теперь [У них очень выдвигается] они очень выдвигают Фридриха Нитцше... *пред смертью* он написал книгу о происхождении трагедии из духа музыки. Туробоев восхищается ею, но я не читала. Вам не кажется, что Туробоев циник? [1]

Нехаева становилась всё более возбужденной, порывистой, а говорила тише и [как бы *тревожно*] прислушивалась к чему-то.

То, что случилось в следующую минуту, было для Клима так же неожиданно, как нежеланно. Он уронил на пол чайную ложку, наклонился, чтоб поднять ее, но стул под ним покачнулся и, пытаясь удержаться, он коснулся рукою колена девушки; вздрогнув, она вскочила, широко размахнула руками, а он, лишенный опоры, припал на колено свое. Он плохо помнил, как разыгралось всё дальнейшее, [ему] смутно вспоминалось, что он тихонько засмеялся над своей неловкостью, а Нехаева быстро, точно падая, склонилась к нему, горячими ладонями сжала его щеки, приподняла голову и, жадно [жгуче] целуя его губы, шептала:

— Да-а, да...

---

[1] *Возле этих слов, на полях, без указания места вставки* «А Туробоев глуп»,— [решил] [окончил Клим] еще раз повторил Клим. Но на другой же день его неодолимо потянуло к [ней] Нехаевой.

«[Всё равно — она скоро уедет.] Невежливо не пойти — она скоро уедет»,— объяснил он себе это тяготение.

Текст: Бесспорно, это ∾ Туробоев циник? — *перечеркнут синим карандашом.*

Потом, лежа в постели рядом с ним, она тихонько, приглушенно рыдала, говоря шёпотом:

— Любить, любить! Вот... [что] Жизнь так страшна... Это — ужас, если нет любви, ужас...

Клим положил голову ее на грудь себе и крепко прижимал рукою. Ему не хотелось видеть ее глаза, было стыдно, неловко, стесняло [чувство] ощущение вины перед этим тонким, костлявым телом, страшно горячим. Она лежала на боку, и ее маленькие *жидкие* груди [жидко] некрасиво свешивались обе в одну сторону.

— Милый,— шептала она, *и* [*на*] *кожу его груди щекотали холодненькие капли слез.* — Такой милый, простой, как день. Такой страшный, близкий...

Клим молчал, всё крепче прижимая ее голову. Сквозь шелк ширмы, вышитой [серебристыми птицами] *фигурами серебристых птиц,* он смотрел на оранжевое пятно лампы, сосредоточенно, напряженно думая: «Что же теперь будет?» [Он не ожидал, что эта девушка так быстро, бурно] *Вот эта женщина неожиданно* быстро и помимо его воли стала его любовницей. Он не хотел, [и] не искал этого, но всё же чувствовал себя виноватым, смущенным, [и даже жалко] было [как-то] *почему-то* жалко ее, но было и приятно сознавать, что *ему* жалко ее, это немножко уменьшало [вину] сознание вины. И тут же рядом Клим ощущал физическую гордость собою, слушая ее горячие, немножко бесстыдные слова. Лаская его тело дрожащими руками, она шептала:

— Я знаю, что некрасива, но я так хочу любить! Я могу, я умею любить, я так много думала об этом, я готовила себя тебе, [как] точно к причастию...

Извиваясь, она толкала его коленями, целовала грудь его, ее слепые руки жгли кожу и возбуждали. Клим отвечал на ласки молча, опасаясь сказать что-нибудь неловкое, боясь, что она по тону слов его поймет, о чем он думает. Он хотел бы не думать, но не мог, и сравнивал Нехаеву с Маргаритой — та была спокойней, проще, красивее, [эта более буйной в ласках, жадной и бесстыдно любопытной] та утомляла только физически [а эта]. Думая, он слышал задыхающийся шёпот:

— Ты понимаешь, я уже любила, но это так давно и так грубо, оскорбительно. Он был доктор, лечил меня от туберкулеза, и как-то так [просто] бесстыдно, безжалостно взял, что я едва не сошла с ума.. До тебя я не встречала человека, который заставил бы меня забыть о прошлом, снова почувствовать себя чистой девушкой.

Клим крепко обнял ее; неприятно было слышать эти слова. Время точно остановилось в недоумении — нерешительном и близком скуке.

Оранжевое пятно за ширмой напоминало вечернее солнце, которое упрямо не хочет спрятаться в облаках.

— О милый, милый...

Когда Клим вышел на улицу, было около полуночи. Луна светила с тою отчетливой ясностью, которая многое на земле показывает ненужным, лишним. Было очень холодно, [свежо] сухо и *стеклянно* хрустел снег, угрюмые дома смотрели друг на друга замороженными окнами, огромные черные туши *дежурных* дворников сидели у ворот, в синей пустоте неба заплуталось несколько не очень ярких звезд.

Всё было ясно. Эта девушка, начитавшаяся странных книг, непонятных стихов [и якобы [ст⟨авшая?⟩] зараже⟨нная?⟩], представлялась зараженной философскими мыслями лишь для того, чтоб, осветив себя необыкновенным светом, привлечь внимание мужчин. *Конечно — так. Что же еще?*

Клим усмехнулся, потер озябшие уши и поднял воротник пальто. Среди бесчисленных афоризмов Варавки нашелся один, как нельзя более подходящий к случаю:

— [В сущности, всё очень просто!] *Всё на свете гораздо проще, чем кажется нам*,— говорил человек с бородою, [лисьим] похожей на лисий хвост. — Смотри на факты *и* учись [разбираться в них]. Вникни в понятие: вывод. Вывод— это исход из египетской тьмы разнообразных фактов.

Мать [писала] прислала письмо, [в ко⟨тором⟩] написанное с алгебраической точностью, в нем, между прочим, сообщалось, что [Варавка *через два года* думает] *она* думает [организовать] открыть в городе музыкальную школу, а Варавка *намерен* поставить свою кандидатуру в городские головы. Значит, Лидия будет дочерью гор⟨одского⟩ головы? [Неужели она выйдет замуж за Макарова?]

Клим внутренне отмахнулся от этой мысли и заставил себя *еще* подумать о Нехаевой. Но [о ней [не⟨чего⟩] думать было нечего], *поискав, он не нашел, что можно бы подумать о ней* [То, о чем она говорила, удобнее и проще прочитать в *книгах*], а в том, что она сделала, не было, в сущности, ничего необыкновенного. Захотела иметь любовника и приобрела его. [Быть любовником этой девицы не совсем приятно, однако уж если судьба [*неожиданно*] поднесла такой подарок, глупо отказываться от него. Будущее подскажет, чего оно требует.]

[И ведь чего-то] И ведь что-нибудь значит тот факт, что [она выбрала не Быкова, не Асонова, а] из десятка знакомых ей мужчин она выбрала именно [его] Клима Полканова.

Клим шагал и чувствовал, что холод [тихой] лунной ночи как бы вымораживает из него все нелепые мысли и ощущения [1]. Он шагал всё более твердо, и в этом твердом настроении прожил несколько дней, не испытав желания посетить Нехаеву.

л. 48 Но он чувствовал [2], что [неожиданное, приключение] *неожиданный роман* приподнял его над новыми товарищами, укрепив в нем [догадке] подозрение [что] в том, что, [как бы] о чем бы они ни говорили, вероятно, за словами каждого из них скрыто что-нибудь простенькое, как *это оказалось* у Нехаевой. Он [уже] [хотя и] [*всё так же* внимательно] *уже спокойно, без ощущения зависти, слушал, как Туробоев, споря с Асоновым, небрежно, свысока говорил, что стремление ученого постигать тайны природы равноценно желанию ребенка, который ломает хорошие игрушки, чтоб посмотреть, что у них внутри*:

— Обыкновенно внутри оказывается [3] [какая-нибудь дрянь, пакля] пустота, [наследственность] *пакля*, борьба за существование или какая-нибудь иная дрянь в этом роде...— Заметно было, что Туробоев влюблен в Сироту, влюблен [4] *как-то* насмешливо и *даже* злобно. Он непрерывно противоречил ей, [пытался] высмеивал [и, порою, грубо] ее суждения. Молчаливая [Елизавета Спивак] женщина вдруг очень воодушевленно [на⟨чала⟩] стала хвалить Кавказ. Туробоев, послушав [минуты-две] минут пять, сказал с подчеркнутой ленцой:

— А самое интересное на Кавказе — это трагический рев ослов. Должно быть, только они понимают, до какой степени нелепы [и подавляют] эти идиотские нагромождения камня, ущелья, ледники и всё прославленное великолепие природы.

[Наблюдая за [ними] Туробоевым, Клим внутренно

---

[1] *Текст*: Вникни в понятие: вывод ∾ мысли и ощущения.— *перечеркнут синим и красным карандашами.*

[2] В начале листа знак вставки, вставка отсутствует (*СВ*, стр. 243).

[3] *Возле этих слов, на полях, помета рукой Горького*: После 86 (см. *СВ*, стр. 243).

[4] *Текст*: Но он чувствовал, что ∾ в Сироту, влюблен — *перечеркнут синим карандашом.*

усмехался, [думая] [хотелось сказать] *думая*: «Красив, умен, аристократичен, а не везет тебе, неудачник! А вот я — попроще...».

Такое же задорное, мальчишеское настроение вызывал у него [упрямый] Асонов с его *упрямой* проповедью необходимости изучения экономической жизни страны. У]

[Сирота покосилась в его сторону] *Спивак взглянула на него, усмехнулась, говоря*:

— *Как мрачно...* [1]

Климу тоже хотелось усмехнуться в серое лицо Туробоева и сказать ему что-то задорное, насмешливое [*В нем*] [*назвать отыгранной картой*]. *Он ощущал в себе игру веселенького снисхождения ко всем,* [*щекочущий позыв*] *щекочущее желание похлопать по плечу* [*Асонова*] *Кутузова, который с одинаковым упрямством доказывал необходимость изучения политэкон⟨омии⟩, гениальность Глинки, Мусор⟨гского⟩ и, наваливаясь на немого, тихого Сироту, говорил*:

— *Самая слабая опера Р⟨имского⟩-К⟨орсакова⟩ — выше всего Верди, с этим вы должны согласиться!*

— *Не кричите мне в ухо,— просил* [*Сирота*] *Спивак.* [2]

[У Авдея Быкова, запутавшегося в премудростях филологии, и его сестры] К Авдею Быкову, запутавшемуся в премудростях филологии, приехал чудаковатый товарищ, маленький крутолобый [волжанин Маркин, коренастый, кудрявый] Басаргин с небесно пустыми глазами и [голодным] скуластым лицом; он говорил [о себе:

— Я есть нечто изучаемое мною, больше я ничего не знаю о себе.

В нем заметно было что-то неестественное]:

— *Здравствуйте! — и тотчас, потише,* [*вопро⟨ситель-ным⟩*] *тоном вопроса; повторял*: — *Здравствуйте!*

Он был слишком [боек] говорлив, торопился веселиться, *часто и* неуместно хохотал *и, обрывая смех, детски конфузился, виновато мигал*:

— *Басаргин! — сказал он, когда его знакомили с Климом, и* [*спро⟨сил⟩*] *смутил Клима, спросив*: — *Басаргин?*

— *Оригинальная фамилия...*

Голубые глаза человека мигнули, он махнул рукою налево и объяснил:

---

[1] Знак вставки, вставка отсутствует (*см. СВ, стр. 246—247*).

[2] *Текст*: Климу тоже хотелось ∾ [Сирота] Спивак.— *перечеркнут синим карандашом.*

— Басарга, это — там! [*Астр⟨аханская⟩ губерн⟨ния⟩, Моздок, степь* [*Ее уже давно нет, Басарги*]] *Я из Астрах⟨ани⟩. Учился в Каз⟨анской⟩ дух⟨овной⟩ акад⟨емии⟩, а теперь на* [*восточ⟨ном⟩*] *фак⟨ультете⟩ вост⟨очных⟩ языков.*

Замолчав, он стал смотреть на Клима ожидающим взглядом, Клим спросил:

— Жарко в Астр⟨ахани⟩?

— Меня увезли оттуда лет пяти [*лет*]. *Пяти?*

[*У него была*] *Его привычка повторять последние слова фразы вопрошающим тоном* [*сбивала с толка*] *всех смущала.*

— Что он — блаженный? — спросил Асонов Быкова.

— Поэт,— тихонько сказал Быков.

Марина, присматриваясь к [нему] *поэту* круглыми глазами, почему-то надувала щеки, как будто желая дунуть на него [точно на] *и погасить, как* свечу.

Это давно не нравилось Дмитрию, который тоже надулся [*и*], *двигал бровями и хватал себя пальцами за переносье, как бы поправляя невидимое пенсне.* [Поэт Басаргин [читал стихи] писал стихи и, когда Марина просила его, он крикливо и напряженно читал, а] Она просила его читать стихи, и Басаргин читал напряженно, крикливо, [как] точно глухим. [Климу стихи его] Его стихи были непонятны, никому не нравились, Клим уловил только две строчки:

И луна, точно маска клоуна,
Средь изорванных мантий, ряс.

Послушав его ритмические крики — раз, два, три,— Марина, *играя толстой косою своей*, заявила [капризно]:

— Стихи не идут вам: у вас лицо и фигура прозаика. Вы пишите прозу, это и выгоднее, [за прозу дороже платят] на прозе *можно* больше заработать.

Басаргин, *слепо мигая*, посмотрел на нее, подумал и сказал:

— Я, может быть, стихи брошу. Брошу?

А Марина поучительно добавила:

—К тому же прозу можно днем писать, а не только ночью, как стихи...

Басаргин отчаянно громко захохотал, тотчас покраснел и отошел в угол, потирая крутой, очень выпуклый лоб[1]. *Засмеялся и Дмитрий, негромко, удовлетворенно.* Клим

---

[1] *Текст*: Басаргин! — сказал он (*стр.* 42) ∾ выпуклый лоб.— *перечеркнут синим карандашом.*

[видел] *понимал*, что Марина глупа, и [чувствовал] *видел*, что она [не любит его] *сердится на него*, *смотрит*, *капризно вздернув губу*, *блестя полоской плотных*, *мелких зубов*. Она ему не нравилась, но [возбу⟨ждало⟩ ее тяжелое пышное] красивое, хотя [и] слишком пышное, тело девушки возбуждало его чувственное любопытство. *Он заметил*, *что* после приключения ⟨с⟩ Нехаевой это любопытство стало острей, и сильнее [стало] волновала его смутная тревога при встречах с Сиротою. Эта женщина становилась всё более интересной; она и одевалась [лучше] изящнее других: в [п⟨латье?⟩] гладкое, широкое, сиреневого цвета платье без глупых пузырей на плечах, без множества оборок на [уз⟨кой⟩] юбке. Ее длинное, гибкое тело задумчиво покачивалось на ходу и, порою, казалось, что ее плечи, бедра [сами] хотят сбросить ткань, скрывающую их. От Марины всегда пахло чем-то соленым, что напоминало запах пота лошади; Сирота душилась тонкими духами [и было в них нечто странное]. *Клим* [*заметил*, *что*] *впервые почувствовал их*, когда она, проходя мимо его, [декламируя] *напевая* «На холмах Грузии», произнесла [фразы] *волнующий* стих:

— «Тобой, одной тобой!»

И каждый раз, когда он ощущал ее духи, ему вспоминалась эта [удивительно волнующ⟨ая⟩] *музыкальная* фраза *Даргомыжского*. [1]

Нехаева изумляла [его]. Она первая пришла к нему [вечером] [утром] вечером, когда все ушли в театр и только Дмитрий сидел в своей комнате, запершись с каким-то чумазым остроглазым юношей. Клим лежал на диване, читая, когда в дверь осторожно постучали, затем она быстро распахнулась, и на пороге *молча* встала Нехаева, смешновато, по-детски открыв рот. Улыбаясь, Клим [пошел] поднялся, пошел навстречу ей; она шептала, бросив муфту на стул:

— Почему ты не приходил, почему?

— А ты? — спросил он, помогая ей снять пальто.

Говорить ей «ты» было неловко и не хотелось. Она, прижимаясь к нему, прошла к дивану, села, говоря тихонько, торопливо, задыхаясь:

— Я? Я — боялась. Да. Боялась увидеть тебя при людях. Я так берегу... так не хочется, чтоб видели, что я тебя люблю.

[О⟨на⟩] Вздохнув, она сказала:

---

[1] *Текст*: на ходу и, порою ∾ Даргомыжского.— *отчеркнут красным карандашом*.

— Ты не быстро пошел навстречу мне! Ты занимался? Мешаю, да?

Он успокоил ее, поцеловал, потом пошел и запер дверь. Притянув его к себе, обнимая, она шептала:

— [Эти дни — о, боже мой! я так много думала] [1] Я ведь знаю — [вы] ты не любишь, если быстро, если женщина не сопротивляется. И, может быть, тебе вовсе не нужна любовь моя...

Клим тотчас нашел необходимым доказать, что любовь нужна ему. Он сделал это охотно, она — бурно и нежно, и [эта] ее нежность тронула его, заставив догадаться, что не один физический голод толкает ее к нему. [Она была тихая, поко⟨рная⟩.] Он был несколько смущен этой догадкой, мельком подумал, что слишком сильная любовь не в его интересах, но он тоже стал нежен и ласков с нею [2] [покорной, счастливо улыбавшейся]. [*Сегодня*] Нехаева не цитировала стихов, [она] не произносила имен поэтов, она говорила только о любви, *говорила не читанными, не слыханными Климом словами* и была вообще не похожа на себя. Счастливо улыбаясь, играя [его] пальцами его руки, [покорная его ласкам] она [была очень милой], утомленно и жадно глотая воздух, шептала эти милые [новые] слова, [говорила] и Клим, чувствуя ее искренность, с невольной гордостью подумал [что надо быть чем-то]: не всякий может похвастаться тем, что вызвал такую любовь.

Часа через два он пошел провожать ее, когда же она пожаловалась на усталость, нанял извозчика, [затем] отвез ее домой, зашел к ней [и], остался [почти до утра и] *и возвратился домой* уже после полуночи [отправил⟨ся⟩]

[*В столовой пили чай возвр⟨атившиеся⟩ из трактира Дмитрий, Премирова и Марина с братом*]

— Где это вы были? — строго спросила Марина.

— В цирке,— сказал Клим.

Да, Нехаева изумляла его. [Он стал бывать у нее часто.]

Лежа [у себя] в постели, он [ду⟨мал⟩] озабоченно [ду⟨мал⟩] вспоминал ее голодные, жадные ласки, [они [были] были награнице] и ему казалось, что в них есть что-то болезненно

---

[1] *Текст*: Нехаева изумляла ∾ я так много думала] — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: и [эта] ее нежность ∾ и ласков с нею — *перечеркнут синим карандашом. Следующие две строки отчеркнуты красным карандашом.*

жуткое, доходящее до границы отчаяния. Она так прижималась к нему, точно хотела спрятаться, исчезнуть в нем [1]. Но вместе с этим в ней было что-то детски жалкое [ее покорность, ее нежность смущала и трогала] и как-то помимо всех осторожностей хотелось говорить с нею так же *искренно и* нежл. 49 но [искрен⟨но⟩], как говорила она. Она была [так] *до того* беззащитна и покорна, что [с нею можно было делать всё то отвратительное, что Клим знал по рассказам и порнографическим картинкам Дронова] [Её] *ее можно бы⟨ло⟩* кусать [зубами], щипать [и бить и, наверное]. *Думалось, что она и это приняла бы как ласку. В этой мысли [было] скрывалось что-то соблазнительное и жуткое. Клим очень крепко сжимал тело девушки, она [сладко] [тихоньк⟨ко⟩] тихо стонала, улыбаясь, закатывая глаза. Нагая, она [была] становилась еще более беззащитной [и маленькой], ее [обнаженное] непрочное тело, [ее] тело подростка, [не вызывало] не вызывая радости, как [тело] вызывала ее нагота Маргариты, [и] возбуждало [своей бедностью, непрочностью [то] смутное чувство, которое усиливало] [нежность и жалость, усиливалось [1 нрзб] странно смутное чувство] [странную] непонятную грусть, которая усиливала его нежность.*

[Он привык думать, это нередко мешало ему, даже раздражало, но не думать он не мог. И, глядя на [ее] это худенькое, горячее тело, [он испытывал] испытывая [сме⟨ну⟩] быструю смену противореч⟨ивых⟩ ощущений, он соображал:

«Понятно, [что она боится смерти] почему ее пугает смерть». [Чувствовал себя богатым в сравнении с нею, гордился своей силой и]]

Она стала простой, как Маргарита, как, вероятно, проста всякая влюбленная девушка-швейка, ни слова не говорила о [бесполезности] своем страхе [смерти] *пред жизнью* [и удивительно, нечитанными, незнакомыми Климу словами говорила о любви]. [2] В этих словах, в сущности, глупеньких, было столько *пьяного* счастья, что они [заражали Клима] *опьяняли* и [возбуждая] *будили* в нем желание повторять их. Сжимая горячими ладонями его щеки, она смотрела в глаза ему и шептала:

— Видишь, как я люблю, видишь?

---

[1] *Текст*: Часа через два ∾ исчезнуть в нем.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: [Её] ее можно бы⟨ло⟩ ∾ говорила о любви].— *перечеркнут синим карандашом.*

Он видел влажные ее глаза [расширенные зрачки] *и находил в расширенных зрачках* [какой-то] необыкновенный, может быть, безумный блеск [какие-то искры и лучи]: *эти* [*узкие*] *глаза* в самом деле [как будто бы становились], *становясь жутко* глубокими, открывали *ему* что-то, о чем он думал:

«Так вот — любовь?..»

[Он думал. Это нередко мешало ему [*и*], *даже раздражало*, но он не мог не думать] И, глядя в эти глаза [Нехаевой], Клим воображал другую пару глаз, одинаково похожих на глаза Лидии Варавки и [Сироты] Спивак. [Затем он думал] *Смутно он* понимал, что учится любить у настоящей любви и что это очень важно, очень полезно для него.

— Ведь я нравлюсь тебе, ты меня немножно любишь, да? Немножко?

— Да,— отвечал он, веря, что не лжет. Девушка *тихо* ликовала, [будя его] а он гордился тем, что [способен вызвать [ее] такую] вызывает *в ней* радость. Вскочив с постели, она, пошатываясь, шла в комнату, жадно пила там воду, а он смотрел на ее [худенькое тело] узкие [и острые] плечи, осыпанные прядями необильных, прямых волос, и [думал] соображал: «Понятно, почему ее пугает смерть».

Он замечал, что [*всегда*] *наедине с этой девушкой испытывает быструю смену разнообразных* [*часто*] *и противоречивых* [*мыслей и*] *ощущений*; *незнакомые, не всегда понятные ему, они освещали* [*и расцвечивали*] *его различными огоньками* [*и*], *он становился интереснее сам себе и любовался собою*. Он привык думать, всё взвешивая, всё испытуя; это нередко мешало ему, но не думать он не мог. Иногда он смутно [чувст⟨вовал⟩] догадывался, что [это желание испытывать] *эта навязчивая привычка* возникает в нем от недоверия к себе, оттого, что он не таков, каким хочет казаться. Но вот он не притворялся пред этой девушкой, не украшал себя чужими словами, а она все-таки говорит ему:

— [Какой ты [умный] хороший!] Я часто сравниваю тебя с другими; насколько ты аристократичнее всех [их] в твоей сдержанности! Так приятно видеть, что ты не швыряешь твоих знаний [тайн твоей души *1 нрзб*] ненужно и бессмысленно, как это делают все. У тебя есть уважение к тайнам твоей души, это — редко! Ах, я так не люблю людей, которые кричат, как заплутавшиеся в лесу [*1 нрзб*]. Иногда мне кажется, что люди бесцветны, не видят друг друга и оттого [так] кричат — я, я, я!

Клим находил, что она говорит [и верно и] умно. [У нее

были и еще *кое-какие* достоинства, она, видимо, [прекрасно] хорошо знала литературу *Запада* и умела [отчетливо характеризовать] *дать* отчетливые характеристики писателей, читала и философские книжки, незнакомые ему, а главное, что было] *Разумеется, она права: о чем бы ни говорил человек, он, в сущности, говорит только — я, я!* Особенно интересно и ценно в ней то, что она умела смотреть на людей откуда-то издали и сверху. В ее изображении все люди, даже [очень] наиболее заметные из тех, о которых говорят и пишут, становились одинаково маленькими и незначительными пред чем-то таинственным и огромным. Она упрощала их, а это приятно успокаивало Клима, внушая ему сознание равенства с большими людьми. [1] [В конце концов с нею [было] интересно и даже полезно]

Его роман был, конечно, замечен [всеми знакомыми], *но* Клим видел, что это не вредит [не мешает] ему [Напротив], *а только* подчеркивает его [делает заметнее]. *Он видел также, что Марина смотрит на него сердито, Елизавета Спивак — с любопытством и как бы поощрительно* [*брат явно завидует*]. Дома, на глазах у всех, разыгрывалась маленькая драма: [Басар⟨гин⟩] пустоглазый Басаргин детски откровенно влюбился в Марину, он ходил за нею [бесшумно], точно котенок, смотрел в лицо ее [ожидающим] [ожидающим взглядом] и мигал удивленно. Марина [как-то окрылилась, она] еще более круто *и гордо* выгнула грудь, [капризно] поджала губы [и], внушительно хмурилась и командовала низким альтом:

— Басаргин, не трите лоб, до дыр протрете скоро!

Басаргин хохотал *и конфузился*, [*Авдей Быков лениво отрицал* [*разлад*] *родство Христа с Дионисом*] *Нехаева тихо говорила что-то Авдею Быкову, он озабоченно жевал кулич, изредка и лениво голосом дьякона бухая:*

— *Р-родство Хр⟨иста⟩ с Дионисом ясно...*

Дмитрий Полканов, неуклюже ревнуя, мрачно отрицал пользу [нау⟨ки⟩] филологии и [в один голос с] *доказывал*, что нужно только одно: будить классовое самосознание [пролетариата] рабочих. Туробоев высмеивал его:

— [Все] Готов [да⟨же⟩] согласиться, что *вообще необходимо будить* самосознание [*вообще всех*] людей,—говорил он.— Но, Полканов, вы — толстый, а еще Юлий Цезарь, если верить Шекспиру, правильно [доказ⟨ал⟩] утверждал,

---

[1] *После*: людями.— *знак вставки красным карандашом и на полях рукой автора написано:* Длинная (*СВ, стр. 256—261*).

что толстые люди [безопасны] плохие революционеры [1].

— Плоская шуточка,— ворчал Дмитрий.

— [Нет, серьезно!] Вот я был бы, наверное, хорошим революционером [но],—лениво говорил Туробоев.— [Но [у меня нет] [*я нах⟨ожу⟩*] для этого у меня не хватает ненависти] *Я тощий* [Но я нахожу, что [бог⟨атые⟩] люди, накопившие богатства, поступили очень хорошо и заслуживают уважения, а люди, желающие [правильного] *справедливого* распределения богатств, имеют законное право [же⟨лать⟩] требовать этого.

— Замечательно понимаете вы историю! — иронически восклицала Марина. — *Это неизлечимо!*

Туробоев, подняв брови, ответил:

— История? Вот в том-то и дело, что я не хочу принимать никакого участия в этом неисправимом жульничестве.] [2] *Но я — не заражен стремлением делать историю, и меня совершенно удовлетворяет профессор Ключевский, он* [*отлично*] *делает историю отлично. Кто-то сказал мне, что профессор и внешне похож на царя Василия Шуйского, и пишет так, как писал бы историю этот царь.* [3]

Говоря, Туробоев [то бро⟨сал⟩] изредка бросал быстрый взгляд в сторону Сироты. Она как будто не замечала этого, *покачивая змеиной головкой и улыбаясь, слушала возбужденный шёпот Марины.* Туробоев [раз⟨дражался⟩] постепенно раздражался, говорил всё более [насмешливо] грубо, с явною заботой сказать каждому что-нибудь неприятное [4].

Он [прозвал Марину] *заметил Марине*:

— [Гуляй-город] *Вы* [стали] похожи на Гуляй-город.

— Это еще что? — *сердито* спросила она, и Туробоев объяснил очень любезно:

— Это, знаете, такое сооружение [из бревен, употреблявшееся], его употребляли в старину [для осады городских стен] *на войне...*

Марина вспыхнула, побагровела [*и сказа⟨ла⟩*].

— *Деревянное остроумие,— сказала она, подумав немножко.* Раньше она не говорила *с Туробоевым* так грубо, *раньше она как будто боялась его*, и Клим с удовольствием

---

[1] *Возле этих слов, на полях, помета рукой Горького красным карандашом*: Туробоев

[2] *Текст:* [не мешает] ему [Напротив] (*стр. 48*) ∾ жульничестве.] — *перечеркнут синим и красным карандашами.*

[3] *Рядом с текстом:* Но я ∾ этот царь.— *рукою Горького красным карандашом написано:* Тур⟨обоев⟩.

[4] *После*: неприятное.— *помета темно-красным карандашом (две черточки) и знак вставки, вставка отсутствует* (*СВ, стр. 251*).

[видел] отметил, что этот человек становится тяжел, неприятен всем.

Авдей Быков[1] *торопливо и много поел, выпил большой стакан вина и скрылся; Басаргин стал оживленно рассказывать о буддийском храме в Аст⟨рахани⟩ на Кутуме. Дмитрий* [*сидел*] *мрачно пил чай и всё стучал то ложкой, то* [*стаканом*] *стаканом или ножом.*

Сирота спросила [его] Клима через стол:

— В вашем городе есть еще [Полк⟨ановы⟩] *Самгины?*

— Да. Моя мать.

— [Значит] Очевидно, это она приглашает мужа [заведо⟨вать⟩] организовать *там* музыкальную школу.

Дмитрий удивленно посмотрел на нее [говоря]:

— Да ведь вы *уже* спрашивали меня об этом...

— Разве? — тоже удивленно спросила [Сирота] Спивак. — У меня плохая память. [2]

Клим наклонил голову, чтоб скрыть невольную улыбку удовольствия.

[Перед Пасхой, очень поздней в этом году, Клим [чувствуя себя утомленным] решил съездить домой. Весна]

Медленно, неохотно наступила весна [было что-то неуверенное в [этих] ее туманных днях]. Неуверенно, ненадолго *в небе, бесцветном, вымороженном зимою,* появлялось солнце, дул холодный ветер с моря, [по Неве грязноватые] *вспухала Нева, дымно-грязные* тучи плыли над городом, [сея на] *осыпая* мокрые [улицы] *дома* серым дождем. Клим жаловался Нехаевой на нездоровье, она тревожно говорила:

— Уезжай! Это ужасный город [*особенно весной*]. Если б не ты, я уже давно была бы в Париже.

И, заглядывая [ему] в глаза его, предлагала:

— Поедем в Крым? [Хочешь?] У меня есть деньги...

[— О нет, не могу! Необходимо съездить домой...]

Ехать в Крым он отказался, но заставил [*ловко*] *Нехаеву уговорить его поехать домой.*

л. 50 [Но] Она [уже] утомляла его, и Клим с трудом скрывал это от нее. [Он привык к] Ласки ее стали привычны, однообразны, слова повторялись, [*на нее часто*] *и всё чаще являлись у нее припадки молчания,* [*неприятно*] *тягостно смущавшие его. Было неловко с человеком, который молча рассматривает*

---

[1] *В автографе:* Авдей Быков — *ошибочно исправлено на:* Дмитрий

[2] *Текст:* Она как будто не замечала ∾ плохая память.— *перечеркнут синим карандашом.*

тебя, как бы догадываясь о чем-то. Она становилась всё тише, печальнее и [она] суховато кашляла, [внушая мысль] *напоминая* о заразительности туберкулеза [у ней].

Она сама говорила:

— [*Кажется*] *Мне придется ехать на Ривьеру, а я так не люблю моря.*

— *Поезжай в Швейцарию...*

— *Не выношу гор,— виновато сказала она.— Я вообще не люблю это,— природу, массы* [*лесов*] *воды, земли, леса. Человек должен жить в городе, созданном им для себя, в* [*хорошем*] *красивом городе, где всюду витает дух его творчества, на всем лежит отпечаток его умной руки.*

Она всё чаще жаловалась на одиночество; отец ее умер, когда она была еще маленькой, мать вышла замуж за англичанина [*и*], *уехала с ним в Шанхай и там тоже недавно умерла. Нехаева воспитывалась у* [*ее*] *дяди* [*на Дону*] [*опекуна*], *брата матери, инженера, который теперь строил что-то в Сибири и присылал ей шестьдесят р⟨ублей⟩ в месяц.* [1]

Клим [находил] уехал с убеждением, что хорошо и навсегда простился с нею и что вообще это был очень милый, очень интересный роман, значительно обогативший его. [Он [был даже] искренно, почти до слез, был тронут, когда Нехаева, [обнявшая] *цепко* обняв его тонкими руками, шептала, задыхаясь]

— Я ведь знаю: ты не очень... не так уж сильно любил меня, да! Но — все-таки... все-таки я благодарна... Я благодарю тебя за эти минуты вдвоем... за всё!

И, прижимаясь к нему со всей силой бедного, несчастного тела, сухо и жарко всхлипывая, она говорила:

— Ты не знаешь... Не дай бог тебе испытать бездонность, безграничие одиночества так, как я испытала. Я, кажется, плохо верую в бога, но за тебя буду молиться кому-то,— пусть будет хорошо тебе! Пусть будет хорошо...

И крестила его тоненькими, острыми пальцами, сложив их щепотью, тыкая в лоб его, плечи, грудь. Даже вспоминать об этом было трогательно. [2]

[Ночью, [сидя] лежа в вагоне, Клим чувствовал себя победителем и думал, усмехаясь:] «Да, Лидия Тимофеевна, вот я возвращаюсь со щитом». [3]

---

[1] *Текст*: Клим жаловался Нехаевой (*стр. 50*) ∾ в месяц.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *После*: трогательно — *помета рукой Горького*: Вставка; *вставка отсутствует* (*СВ*, *стр. 262—263*).

[3] *После*: со щитом».— *помета рукой Горького*: Еще вставка 99; *вставка отсутствует* (*СВ*, *л. 99*).

[Домой ему не хотелось ехать] Он решил остановиться дня на два в Москве, показать себя Лидии.

Над Москвою хвастливо сияло утро [весеннего] *летнего* дня, город грохотал железом, по камням на улицах празднично и бойко мелькали [по-весеннему] легкие тени. [В гостинице] Клим Полканов, покачиваясь в трескучем экипаже лохматого извозчика, оглядывался, как человек, возвратившийся из чужой стороны, и думал: «Переведусь сюда».

В полдень Клим [чистенький] пошел в Теат⟨ральную⟩ школу, чтоб узнать адрес Лидии, и, опередив двух студентов, [и] был схвачен за плечо сильной рукою; [1] он быстро, гневно обернулся:

— [Привет, Ваша Светлость! — сказал Макаров, улыбаясь.— Сколь прелестное дитя!] *Климушка! — радостно крикнул в лицо его* Макаров [*осматривая Клима, и засмеялся, встряхивая его*],— *Откуда?* Знакомьтесь: Полканов — Лютов!

[Косоглазый студент в расстегнутом мундире, склонив голову набок, [про⟨говорил⟩] гнусаво и дурашливо сказал:]

— Купеческий сын [второго] *третьего* курса юмористического факультета [Пиво пием по сему случаю или — что?],— *гнусаво и дурашливо сказал, склонив голову набок, косоглазый студент* [*в расстегнутом мундире*]. [Клим был не очень рад встрече с Макаровым и] *Клима не обрадовала встреча.* Радость Макарова, *слишком* [*шумная*] *крикливая*, показалась ему сделанной, а косоглазый студент [был] [пьяным] *был* [*видимо*] *полупьян.* Взяв Клима под руку, Макаров вел его по узкой истоптанной панели и говорил:

— [Воло⟨дька⟩] Это [Володька] он помешал мне застрелиться!

— Медаль вам, коллега! Золотую-с... Ибо, сохранив жизнь юноша сего, вы премного [усуг⟨убили⟩] способствовали усугублению всеобщего ералаша...

[Он вел себя на улице, как дома, разма⟨шисто⟩] Они оба [кричали] вели себя шумно и размашисто, [особенно дурил Лютов] *как будто кроме них на улице никого не было.* [Когда Лютов [отстал] остановился, вступив в беседу с толстоногой девицей, которая мыла стекла окна во втором этаже старенького [вы⟨цветшего⟩] выцветшего дома] Клим сказал, что он идет к Лидии [но Макаров].

— Она уехала домой [*уже* с неделю тому назад],— сообщил Макаров [и [обратясь назад, кри⟨кнул⟩] *остановясь*,

[1] *Текст*: и думал, усмехаясь:] ∾ сильною рукою — *перечеркнут синим карандашом.*

позвал: — *Володя!*] *и удивленно* [*за⟨глянул⟩*] *взглянул в лицо Клима*: — *Разве она не писала тебе, что* [*бро⟨сает⟩*] *не хочет учиться в театр⟨альной⟩ шк⟨оле⟩*[*и*], *а поступает на курсы. Не умею притворяться, решила она.— Кивнув головою так сильно, что фур⟨ражка⟩ сдвинулась на лоб его, Макаров сказал*:

— *Верно*: *не умеет.*

[Клим видел, что Макаров [сильно] *очень возмужал и* вырос, стал дерзко и вызывающе красив] *Очень возмужав*, Макаров дерзко и вызывающе похорошел. Его [карие глаза блестели ласково] лицо стало [полнее, скулы, черн⟨ые⟩] *круглее и побелело*, темные усики [очень вы⟨годно⟩] выгодно подчеркивали красивый рот, [карие глаза блестели ласково, а говорил [приятно] картавя:

— Я рад] *из-под козырька фуражки* [*сдвинутой на затылок, ласково*] *блестели* [*карие*], *смеясь, глаза.* [*Он говорил, немножко картавя*:

— [*Но*] *А*] *Телепнева тоже уходит из школы, ибо — вот ее жених!*

[*Косоглазый студент ткнул*] *Он указал кивком головы на Лютова, а* [*тот кивнул*] *тот, приставив палец ко груди своей против сердца, сказал*:

— [*Извиняюсь! Муа!*] *Аз есмь!* [1]

— Приятно видеть тебя. Такой свеженький огурчик! И, как будто, добродушнее стал? [Да?]

— Пиво пием, або що [другое]? — осведомился Лютов [догнав их]. Клим сказал, что он хочет есть. [Лютов обрадова⟨лся⟩.]

— [Для] Того ради и Москва *живет*, чтобы есть,— заявил Лютов.

Через несколько минут они [пр⟨ишли⟩] сидели в углу [полутемного] *маленького* ресторана, и косоглазый [говорил] заказывал солидному [почтительному[*седобородому* старику лакею:

— И дадите вы нам, отец, вестфальской ветчины, а к ней — луку испанского, нарезав оный толсто́.

— Знаю-с.

— Не сомневаюсь. [И оливок] И затем, отец...

[— Марксисты у вас есть? — спрашивал Макаров Клима.

— [Есть] Есть. Брат тяготеет к ним...

---

[1] *Текст*: [Он говорил ∾ Аз есмь! — *перечеркнут синим карандашом*,

— Дмитрий? Странно.]

— Марксист? — спросил Макаров Клима.

— Марксисты? — воскликнул Лютов.— Сих — уважаю! [Это вам] *Ибо в лице Марксовом нашли они вероучителя крепости* [*в*] *девяностоградусной. Это не наша российская бражка*, не князь Крапоткин, не граф Толстой и не полковник Лавров! *С этим — не поболтаешь! У нас ведь так: полижут языками желчную печень* [*Щедрина*] *его превосходительства С⟨алтыкова⟩-Щ⟨едрина⟩, запьют горечь оливковым маслицем из Ясной Поляны и — хорошо! У нас главное, было бы о чем поболтать, а жить всячески можно, хоть на кол посади — живут!*

[Темно-серые глаза Лютова [оба] косили [оба] в правую сторону, один прятался в переносье, другой забегал под висок] [цвет глаза темно-серый]

Сначала эти вывихнутые глаза показались Климу неприятно грязноватыми, но скоро он заметил [в них остренькие] в зрачках *скользящие* искорки, [в которых были] [умне⟨нькие⟩] умненькие и [опасн⟨ые⟩] возбуждавшие опасение.

[Он] «Глаза, это — мозг, вывороченный наизнанку»,— вспомнил он слова Томилина [сказанные на уроке физиологии]. Через полчаса он уже [знал] *был твердо убежден*, что Лютов — человек [выдуманный и] *опасный, жуликоватый* и притворяется [ради каких-то целей] шутом неудачно. [В нем всё было искусственно] [*Клим находил, что в этом человеке тоже* ⟨?⟩ *всё искусственно.*] *Всё* в нем [всё] было [явно] [слишком обнаженно] искусственно [и об⟨наженно⟩] [и его], *во всем обнажалась сделанность*. [В этой вычурной] Вычурная речь, насыщенная славянизмами, латинскими цитатами, злыми стихами Гейне, *украшенная* тем грубоватым юмором, которым щеголяют *актеры пров⟨инциальных⟩ театров*, рассказчики русских анекдотов *в «дивертисментах»* [*провинциальных театров*]. [Темные] *Русые* волосы Лютова были [острижены по-мужицки, в кружок] [причесаны *а ля капуль*] [острижен [по] а ла] *причесаны а ля капуль*, [*и казалось и*] *и* это *так* не шло к его *длинному* лицу, *что казалось сделанным нарочно;* [с лица] лицо требовало окладистой бороды, а Лютов брил щеки, отпуская остренькую, редкую бородку; *над нею вспухли негритянски толстые и гуттаперчевые губы, верхняя украшалась редкими усами рыжеватого тона*. Он и одет был с нарочитой небрежностью: под затасканным сюртуком очень тонкого и дорогого сукна — шелковая рубаха. Руки у него красные, [лицо измятое] *жилистые*, так же, как шея. И на висках уже вздуты синие вены. Ему должно быть лет двадцать семь,

даже тридцать, и он ничем не был похож на студента. Можно было думать, что Макаров выбрал [*себе в товарищи*] *товарищем себе этого человека нарочно, чтоб его уродливостью подчеркнуть* [*свою*] *себя.*

Глотая рюмку за рюмкой холодную водку, от которой ныли зубы, закусывая толстыми ломтями лука, положенного на тоненькие кусочки ветчины, Лютов спрашивал:

— Отреченную литературу, сиречь — апокрифы, уважаете?

— Это у нас ересиарх,— сказал Макаров.

— Подожди, Костя! Откровение Адамово читали? Замечательно-с?

Подняв палец вверх и пытаясь остановить [дрожащие] *скользящие* глаза на лице Клима, он проговорил высоким голосом:

— «И рече Диавол Адамови: моя есть земля, а божие — небеса, аще ли хочеши мой быти — делай землю! И сказал Адам: чья есть земля, того и аз, и чада моя» — вот как-с! Вот он как формулирован, материализм!

Он говорил и быстро [глотал] жевал, глотал куски, каждый раз окидывая их быстрым взглядом.

[— Ты знаешь, он женится на Алине Телепневой,— сказал Макаров]

— Обязательно! — воскликнул [Владимир] Лютов, [вопросительно] *уже сильно пьяный*, глядя на Клима, держа в воздухе нож и вилку.— Изволите знать [сию] [*столь*] *эту* велелепую девицу? [Необыкновенной красоты, и не лишена житейской мудрости. Хотя и видит, что будущий супруг ее весьма отдаленно напоминает Адониса, но учла, что он единственный наследник *солидной* фирмы «Братья Лютовы. Пух и перо».

— Ну, Володя, это ты врешь.]

л. 51 — Пожелайте мне ни пуха ни пера и позвольте предложить вам выпить за здоровье моей нареченной Алины Марковны.

[В его голосе звучало что-то напряженное]. *Голос его звенел напряженно*, фальшиво. [*1нрзб*] Климу показалось, что [должно быть] даже канарейка поняла эту фальшь, оттого и запела вдруг [с яростью, оглушая] с раздражением, с яростью.

[— Ты врешь,— говорил Макаров, чокаясь с Лютовым.— Ты пьян, вот что! Алина тебя любит. Ей нравится твой оригинальный характер]

Чокаясь с Лютовым, Макаров сказал:

— *Довольно* [*тебе*] *пить*... Ты пьян, вот что!

Лютов усмехнулся, подмигнул ему и, накладывая на тарелку пахучей рыбной солянки, сказал Климу, вздохнув:

— [Виноват!] Частенько пиан бываю и бесчинно блудословлю и буянствую зело, плоти ради укрощения.

Он сделал круг⟨лый⟩ же⟨ст⟩:

— *Ада — боюсь [как сего, так], и сего и потустороннего, а потому, страха ради иудейска, с духовенством приятельствую. Эх, коллега! Покажу я вам Диакона одного — умилитесь.*

— *Да,— подтвер⟨дил⟩ Макаров, а Лютов, закрыв глаза,* [*покачал*] *качая головою, почмокал толстыми губами.*

Клим [пил осторожно, он вообще мало пил, но], *памятуя свою петербург⟨скую⟩ неосторож⟨ность⟩*, на этот раз [он] особенно осторожно глотал вкусную водку. Ему не казалось, что Лютов пьянеет, не пьянел и Макаров, только становился всё более [благодушен и] задумчив. [*Климу показалось, что он стал тише,* [*проще и*] *серьезнее и простодушней*]. Очень оригинальна была его голова в двуцветных густых волосах. Лютов [вынул] *вытащил* из кармана брюк [золотые часы на тяжелой цепочке и заторопился] *стальную* [*цеп⟨почку⟩*] *цепочку для ключей, но на конце ее болтались золот⟨ые⟩ ча⟨сы⟩*.

— Мне пора! Ты, Костя, скажи *в буфете*, чтоб записали.

Он протянул руку Климу:

— Рад знакомству... Не забывайте: Лютов. Пух и перо. [В [шесть] половине седьмого я зайду к тебе, Костя.]

— *А ты — не стыдись,— сказал Макаров, хлопнул его по плечу* [*и, улыбаясь, подмигнул*] *и, усмехаясь, сказал Климу*:

— *Стыдится он пуха и пера.*

— *Знаете, есть — кокетливые девицы с недостаточками, недостаточек-то никто бы и не заметил,* [*а*] *но девица сама предваряет:* [*ах*] *смотрите!* [*как мн⟨е⟩*] *носик у меня не удался, но зато...*

[Макаров тихонько засмеялся]

Задев ногою за стул, он погрозил ему пальцем и ушел, шагая твердо, крепко. Макаров предложил Климу ехать на Вор⟨обьевы⟩ горы, смотреть Москву.

— В такой день [как сегодня] она [оттуда] изумительно красива. [И сидя на] И вообще я думаю, что это самый удивительный город в мире [во всяком случае здесь живут удивител⟨ьные⟩],— продолжал он, выходя из ресторана. Его тихий голос, задумчивые слова [будили симпатию Клима и смягчали его] смягчали Клима. Сидя [на] в экипаже извозчика, Макаров говорил:

— Я, брат, очарован, околдован и, должно быть, поглупел здесь. Тебе не кажется, что поглупел? Нет? Ты любезен... *Москва несколько* [*опьяняет, развинчи*⟨*вает*⟩] *путает мозги.* Фантастически талантливые люди [удивительные] *здесь. Такие*, вероятно, жили во Флор⟨енции⟩ XV века.

— Что это такое — Лютов? — спросил Клим.— *Никогда не видел такого человека.*

— Замечательный парень! Умница, образованный. Кончил юристом, теперь [слушает на] на историко-филологическом. *Впрочем, теперь он не учится, влюблен, встревожен, пьет и вообще пошел вверх ногами.*

Макаров негромко засмеялся.

— Добрый до смешного. Дядя у него — знаток церковной старины, начитанный старик, [водит дружбу] *приятельствует* с профессорами, а отец — чудак, пьяница, почти безграмотен, [и не верит [в экватор], *что на поверхности* планеты нашей воды больше, чем земли. Врете, кричит, кабы так,— жить нельзя, размокла бы земля [в грязь], *растаяла*, довольно] отвратительная фигура! А вот у него есть дядя по матери [Палкин] *Радеев*, знаешь,— [пароходчик] судовладелец, фабрикант [и т. д.], филантроп [и т. д.]. Это — [тип] милый тип! Я даю уроки его воспитаннику, гимназисту...

И, [снова] смеясь, [постук⟨ивая⟩] похлопывая Клима ладонью по колену, [Макаров сказал] он повторил:

— Я [брат] совершенно запутался в [этих] людях, [не понимаю] смотрю [разинув рот] на них бараном, не понимаю: [не то] святые [не то] или жулики? [И] Это смешано почти в каждом: *жульничество и святость.* Все какие-то юроды, но — чего ради юродствуют? Чёрт знает... Иногда приходишь к мысли, что все [они] выдумывают сами себя [не знаю, поймешь ли ты это?]... *ты должен понять это, ты — философ, на всё смотришь спокойно.*

Клим искоса *и подозрительно* взглянул в лицо Макарова, но тот, сняв фуражку, обмахивал ею [задумчиво улыбающееся] [сильно] *покрасневшее лицо и задумчиво улыбался*, гляда в [синюю] спину извозчика, синюю и сутулую.

[На воздухе] Он немножко опьянел, Макаров, на виске у него выступил пот, тоненькая прядка волос прилипла к виску и только [она] была недвижима, а все остальные вихры его [дыбились] шевелились и дыбились. Клим вздохнул: хорошо красив был [этот] Макаров. И особенно выигрывал он, когда Клим ⟨вспоминал⟩ злое, холодное лицо Туробоева, который [на взгляд] *в глазах* Клима [всё более] стано-

вился всё более похож на поручика [запасного батальона, на поручика, который, чувствуя себя человеком, презирает], *презирающего всех штатских.*

На Вор⟨обьевых⟩ горах зашли в деревянный трактир, *спросив чаю*, сели на террасе и долго [молча рассматривали] молчали, рассматривая [огромный] *парчовый* город, [похожий на] [Он чем-то напоминал Климу пестро раскрашенный дешевый пряник на м⟨еду⟩] *богато усеянный золотыми луковицами церковных глав.*

— Красота! — тихо вздохнул Макаров.

[Клим Полканов всегда несколько смущался [слыша, как] и чувствовал себя неловко, слушая разговоры о красоте. Он не находил, что ъкрасоты в жизни так много, как об]

Клим согласно кивнул головою, но [город] вид Москвы не вызывал в нем восхищения, напоминая [не то] колоссальный [дешевый] и рыхлый, пестро раскрашенный, но [уже неск⟨олько⟩] покрытый пылью пряник. [Не то огромный, бугристый, изрытый огород, кое-где он [зарос] [зеленоватый пустырь] скупо зарос сорной сероватой зеленью, забросан кирпичом, или бугристый [пустырь] огород, где среди] [1]*. Он вспомнил неуклюжий стих юноши Пушкина:*

«Москва! Сколь русскому твой зрак унылый страшен».

Когда говорили о красоте, Клим Полканов [чувствовал], чувствуя себя неловко, [и смущался] молчал. О красоте [говорят] говорили слишком часто и много, [а он не находил ее обильной] но *ему казалось, что* красавица Нева — река сумрачная и скучная, [Дворцовая площадь—громоздка и мрачна] храм В⟨асилия⟩ Б⟨лаженного⟩ [только] — забавен, *но груб, закаты солнца однообразны*, и вообще [целый ряд] общепризнанные [красоты] [красивости] *красоты* нимало [и никак] не волновали его. [Но] [Он старался скрывать это свое равнодушие, [здесь был порог, через который [не переступало] его стремление к оригинальности еще не решалось перешагнуть] [к тому, что] *потому что еще не успел раскрасить его.*] [Но] Он старался скрывать свое равнодушие к тому, что [всеми] признавалось красивым, скрывал, ибо еще не умел раскрашивать его достаточно умными словами. Но он хорошо видел всё *уродливое.* Макаров отодвинул в сторону стакан чая с кружочком лимона и лучом солнца в нем, облокотился о стол, запустив пальцы в густые вихры свои, и сказал негромко, натужно, мечтательно:

---

[1] Фраза осталась недоработанной.

[— Любить [брат] хочется! Всех девушек и женщин [сразу] хочется любить!

— Что ж тебе мешает?— спросил Клим, снисходительно улыбаясь. [Он кое-как] *Изъявления Макарова показались ему несколько смешными.— Ты всё еще возишься с этим!*][1]

[Макаров] *Клим спросил: как он живет?*

— Да [что, брат] вот, двигаю науку [живу]!— сказал Макаров, облокотясь о стол, запустив пальцы рук в двуцветные волосы.— Вожусь с трупами. [Хочу] [Интересуюсь гинекологией] На днях препарировал женщину, умерла во время родов.

Он ударил рукою по столу, нахмурясь, возмущенно продолжая:

— Природа — свинья! Злая и бессмысленная свинья. Ты подумай: курица сносит яйцо, рыба мечет икру — безболезненно, а женщина родит в дьявольских муках. Что это значит? Видел бы ты, что такое женщина после родов! [У нее изорваны все вн⟨утренности?⟩] Как она изорвана [измучена]!

Он так возмутился, что у него покраснели глаза, и уши тоже налились кровью.

— Женщина — [главнейший] возбудитель поэзии, а? Чёрт знает, в чем тут дело, но что-то неладно. Вообще, брат, природа издевается над нами. Ты «Крейц⟨ерову⟩ сон⟨ату⟩» читал? Если б Лев Толстой был знаком с гинекологией, он не так бы зарычал... Да!

[Клим слушал [то⟨варища⟩] возбужденную речь тов⟨арища⟩ снисходительно [скучая]. [Макаров казался ему еще более наивным, чем он был раньше.] Возмущение Макарова было наивно. Слушать его было скучно, а в словах молодого медика явно звучало хвастовство своими знаниями [женщин более].

— Я буду женским врачом,— обещал он.— Это, на мой взгляд, самое [почетное] важное и трудное дело.]

Снисходительно слушая [возбужденную речь] речи Макарова, Клим скучал; возмущение [Макарова было [наивным] [было]] товарища он [пр⟨изнавал⟩] нашел наивным, а [его] простодушие его — утомительным. Усмехаясь, он сказал:

— Вот и займись акушерством, будешь дамским любимцем. У тебя, кстати, счастливая наружность.

[— Нет] Макаров отрицательно тряхнул головою.

— Гинекол⟨огия⟩ — трудная штука и не по харак⟨теру⟩ мне. Притом я — влюбчив. Всех женщин хочется любить.

---

[1] *Вычерк красным карандашом и помета рукой автора:* Вст⟨авка⟩ 51-3 (*л. 51, стр. 3*). *См. примеч. на стр. 60.*

— *Что же мешает? Ты всё еще* [*возишься с этим*] *философишь?* [1]

Макаров *глазом* [показал] *указал* ему на пару мух, которые быстро насладились друг другом в ложбинке чайной ложки и разлетелись в разные стороны.

— Я ведь не такую любовь разумею...

Это показалось Климу грубым и как будто скрывало некий намек, Клим насторожился.

— Я, брат, [нем⟨ножко⟩] должно быть, немножко поэт, что ли, а может,— дурак,— слышал Клим, ожидая [удобной] минуты, когда будет удобно спросить о Лидии.

— У меня какая-то бережливость или жалость есть к [себе, да и к] женщинам, даже к тем, которые продаются за деньги. Пойми: не страх заболеть *и не брезгливость*, а именно жалость. *Я* [*знаю*] *не ошибаюсь, я много думаю об этом.*

[*В объяснениях Макарова Клим находил нечто наивное и смешное, он*] *Клим слушал, улыбаясь.*

— И — знаешь, откуда это? От Лидии. [Да...]

— Вот как?— спросил Клим, опустив глаза в стакан [и чувствуя, что его [укололи слова] укололо имя Лидии.— Почему же?].

Расчеркивая пальцем по столу, Макаров помолчал, потом сказал негромко:

— Мы с ней — друзья. Не влюблены — понимаешь,— а [друзья толь⟨ко⟩] очень близки. Я ее любил, это верно, но это прошло.

Он взглянул [на Клима] в лицо Клима [очень серьезно], *улыбаясь* красивыми глазами.

— Это, брат, хорошо, что я ее любил, и хорошо, что прошло. Путаю?— смеясь, спросил он.— Это только на словах [я] путаю, а в душе всё ясно. Ты пойми так, что любовь к ней спасла меня от распутства. А любить ее — нельзя.

Клим усмехнулся, *желая, чтоб товарищ видел эту усмешку*, но Макаров, ударив пальцем по столу, повторил:

— Нельзя. Ты не смейся. Это, брат, тоже удивительный человек, Лидия, тоже не без юродства. Она, по-моему, боится любить. В Библии сказано: «И вражду положу ⟨между⟩

---

[1] *Текст*: Клим спросил: как он живет? ∾ философишь? — *вставка на отдельном листе в клетку, развивающая мысль вычеркнутых фраз, но не связанная с предшествующим текстом* (*СВ, стр. 269—270*).

тобою и между женою»,— она [это помнит] верит в это. Ты вот поговори-ка с ней на эту тему. [Она тебе о павлиньем хвосте кое-что скажет, и вообще.] Она — умница. Лютов сказал ей: зачем же вы желаете в театрах лицедействовать, когда по природе души вам надлежит в монастырь спрятаться, [где] где поглуше? С ним она тоже в дружбе, как со мною.

Макаров говорил задумчиво. Клим слушал его с интересом, но словам его не верил,— Нехаева тоже философствовала, прежде чем взяла свое. Не верил он и тому, что говорил Макаров о себе, о [том, что] своем отношении к женщинам,
л. 52 к Лидии. Всё это должно быть проще, понятнее, а Клим не понимал [и не допускал] [*как может* такой красивый человек] чего-то в Макарове, да и не хотелось понимать.

Город становился всё ярче, пышнее, *краснело* золото церковных глав, [краснело] доносился мягкий *гул*, *разноголосый* звон колоколов — благовестили к вечерней. Колокольня Ив⟨ана⟩ Великого [указывала] *поднималась* в *пыльное* небо, точно палец, украшенный золотым ногтем. Макаров запутанно говорил о павлиньем хвосте; *Клим подумал, что* нужно [было] сказать [ему] что-нибудь, [посмотрел] вынул часы, посмотрел и сказал:

— Пожалуй, мне пора ехать. Ты очень правильно заметил, что люди выдумывают себя. Возможно, что это так и следует, потому что это утешает, заглушая горькую мысль о [бесполез⟨ности⟩] бесцельности бытия. А эта мысль, [как] мне кажется, всё более настойчиво тревожит людей.

Он скептически усмехнулся, добавив:

— Я бы сказал: [входит в] становится модной,— но как это скажешь, *например*, о чуме?

Макаров засмеялся.

— *В моду входят марксисты,— сказал он.— Напористый народ, но — скучноваты.*

И, забивая под фуражку непослушные волосы, он прибавил серьезно:

— *Тут еще Нитчше одолевает, ты читал? Интересно, но мне не по недугу [его домостроевский взгляд на женщину], вообще я неохотно читаю [жизнь интереснее книги]...*

— *Не всегда,— поправил Клим Полканов.*

Дорогой к вокзалу [он] *Макаров* сообщил, что тоже скоро [поедет] приедет:

— Буду жить на даче Радеева, с учеником моим...

[Хочу, брат, рассказ написать, даже, может быть, роман. Напишу, как думаешь?

— Вероятно — напишешь,] — сказал Клим великодушно и поощрительно [1].

— Лютов хочет венчаться с Алиной там...

— Вот как...

[— Я сказал тебе, что у Тани Сомовой роман с Ильиным?

— Да? Забавно...

— Очень! Оба такие комики...]

— *А где Любовь Сомова*?

— *Не знаю.*

В лучах вечернего солнца носилась радужная пыль, [над городом, в] узкие улицы города наполнял грохот, [шла т⟨олпа⟩] по панелям [сыпались] *шли* люди, [точно бобы из мешка] толстые почему-то были похожи на бобы; толстых было больше, чем на улицах Петербурга. Клим, [вид⟨я⟩] наблюдая суету людей, внутренне усмехнулся:

«Наверное, [никому] никого из них не [приходит] беспокоит тревога Нехаевой о бесполезности бытия, они и без этого ловко достигают своих целей».

Но цинизм этой мысли несколько смутил его, он вздохнул и попытался представить, как отнеслась бы к Нехаевой Лидия?

«*Нет, все-таки Нехаева — славная. Даже недюжинная девушка*».

Подъехали к вокзалу, до поезда было еще [дол⟨го⟩] много времени, Макаров не стал дожидаться, выпил в буфете кружку пива, обнял Клима и ушел, пообещав:

— Скоро увидимся!

Клим посмотрел вслед ему и сел к столу; думать о Макарове не хотелось; в конце концов он оставил впечатление человека полинявшего. *За последнее время* это впечатление *линяния* вызывали у Клима все люди [и [оно настраивало его [очень] самоуверенность] Клим чувствовал, что оно повышает его самоуверенность].

[Поблекнет] Да и вообще, все люди [особенно студенты] вызывали [у него] это впечатление линяния, [он] его особенно [подс⟨казывала⟩] подсказывала и укрепляла та торопливость, с которой они стремились украсить себя новыми перьями от Маркса *и* от Нитчше. *Он стоял в стороне от студенческих кружков, которые занимались изучением социальных вопросов*,

---

[1] Четыре слова остались незачеркнутыми.

но [*его*] *брат, Асонов и Авдей Быков хорошо знакомили его с* [*этими*] [*идейными*] *разногласиями студенчества в области идеологии.* [1] Он замечал, что [последнего] *Ницше* одинаково охотно ощипывают *все*: и народники, и марксисты, и Туробоев, который видел себя выше *и* тех и других, говоря:

— Я, конечно, признаю [стремление] [же〈лание〉] вполне законным желание [юноши] *всякого холостого человека* поять ту или иную идею, обвенчаться с ней и зажить в добром согласии, в соответствующей обстановке, но я предпочитаю жить холостяком.

Он часто называл идеи «воспитанницами епархиального училища», «девицами духовного сословия» и вообще любил щеголять своим нигилизмом. Клим находил, что Туробоев становится всё более грубым и на словах, и в отношении к людям, но иногда ему казалось, что этот человек говорит умно, [и он запоминал [те] *некоторые* фразы Туробоева, которые] *так однажды он сказал*:

— *Так называемые* общественные науки требуют *чувства* веры значительно больше, чем науки естественные, потому что гуманизм есть *испорченная* религия и ничто [иное. И если б Дарвина *можно было* сравнить с Блаж〈енным〉 Августином, то Маркс только [диакон] пресвитер, несмотря на то, что проповедует цифры.

Клим Полканов принял эти слова, надеясь, что они ему будут полезны. [Он видел] Видя, как много, неосторожно и открыто говорят вокруг него, он молчал, а когда являлась необходимость высказаться, [он] умело складывал из *двух* противоречивых мнений третье, заботясь, *однако*, не [об] о том, чтоб оно примиряло первые два, а лишь о том, чтоб углубить противоречия и того и другого. [Этим он достигал того, что внимание] *Это всегда позволяло ему достигать внимания* к себе, но Туробоев сухо спрашивал, приподнимая брови:

— Но что же, собственно, вы хотите сказать?

Клим с досадой, с неприязнью, всё возрастающей, чувствовал, что Туробоев изучает его. [Но он] *Клим* хорошо прочитал статью Шопенг〈ауэра〉 об «Эристике» и умел вывернуться из трудных положений, в которые нередко ставил его Туробоев. [*И было неприятно видеть, что Туробоев словами напоминает Варавку, которого Клим считал умным человеком.*]

[1] *Текст*: Он стоял в стороне ∾ в области идеологии.— *перечеркнут синим карандашом.*

— Глубокомысленно,— говорил он [хмурясь, и тоже смотрел на Клима с явным недружелюбием], *усмехаясь.— На все вопросы есть только два ответа: да [и] или нет. [Большинство людей, рассуждая, ищут третьего — совершенно бесполезная трата времени] Вы напрасно [ищете третьего] выдумываете третий,— сказал он однажды, [и] усмехаясь, и затем добавил:*

— Впрочем, это стремление большинства — найти третий ответ.

Оскорбительно было слышать эти слова, неприятно чувствовать, что Туробоев чем-то очень похож на Варавку, которого Клим [считал] считал умным, интересным человеком. [Но это был единственный] ⟨Он был⟩ единственным человеком, который в глазах Клима не линял, *и* в то время, как все вокруг *жадно* стремились во что-то верить, этот твердо не верил ни во что [и никому], *явно рисовался [своим] неверием, раздражая всех, кроме Асонова, и смотрел на Клима унижающим взглядом [как] человека, [понимающего] который понимает его игру.*

Когда [1] Клим Полканов приехал домой, мать тоже показалась ему обесцвеченной [и], поблекшей и, видимо, обеспокоенной чем-то. [Не сразу и понятно было, что именно утрачено ею, но чувствовалось, что за [эти] несколько месяцев она постарела, [обеспокоена] чем-то встревожена, и [голос] [слова] голос ее звучит уже не так [уверенно] [самоуверенно] решительно, спокойно, как раньше.] Она встретила [его ласково] Клима без [той] суховатой сдержанности, привычной ему, ласково и удивленно.

— Как ты возмужал!— говорила она, улыбаясь.— У тебя даже глаза другие стали.

Серое [английское] [легкое] платье, простое и строгое, делало ее похожей на [директора] учительницу и не шло к ее пышным волосам, она курила [Это] папиросу, это тоже новость. И, слушая ее слова о том, как быстро идет время, Клим улавливал в словах ее нечто жалобное, не свойственное ей.

[— Мне кажется, что я не видела тебя два, три года.]

— А [как] что Дмитрий?— спрашивала она, сидя в углу комнаты Клима и [ку⟨рила⟩, неумело дымя папиросой] в тени.

---

[1] *После:* Когда — *знак вставки, вставка отсутствует (см. СВ, стр. 274). Над строкой помета автора синим карандашом:* IV (*номер главы*).

— [Занимается рабочим вопросом...] Изучает рабочий вопрос...

— Да? *Я так и думала, что он займется чем-то* [*скучным*] [*чем нибудь*] *в этом роде, скучным.* [*У него*] *В конце концов он, вероятно, будет счетоводом, или учителем чистописания.* Тимофей Васильевич находит, что у нас этот вопрос раздувают искусственно и преждевременно. Нам, говорит он, важно развить гражданское и культурное самосознание средних классов. Он мечтает основать газету [и я писала тебе].

— А ты музык⟨альную⟩ школу?

— Надобно что-нибудь делать,— вздохнула мать, глядя на кудрявый дымок папиросы.— [Между нами и обывателем] [*Что же, Дмитрий серьезно увлечен?* Мне трудно представить его увлеченным.]

[*Был вечер тихий, и жаркий. В окно смо⟨трели⟩*] *Сквозь цветы на окне в комнату проникал жаркий луч солнца; в нем, как бескрылые мошки, роились серые пылинки, таял голубоватый дым.* [*За окном тишина*] *Клим с удовольствием прислушивался к* [*ней*] *тишине за окном,* [*слова матери*] [*ее слова*] *голос матери* [*не*] *скользил по тишине, не нарушая ее.*

— *Ну, расскажи, как ты жил?* [*Интересные знакомства?*]

Послушав сына несколько минут, она сказала:

— Не знаю, право, так ли это, но мне кажется, что вы, молодежь, торопитесь увлекаться и [в этом] в этой торопливости есть что-то искусственное [надуманное.— *Усмехаясь*, она добавила].

— *Я — не тороплюсь,— заметил Клим* [с улыбк⟨ой⟩].

Мать улыбнулась ему, продолжая:

— Все *как будто* стремятся скорее пристроить себя к определенному месту, течению. Может быть, это — практицизм? [Как ты думаешь?]

[Клим, подумав, ответил [словами Туробоева]:

— [Мне кажется] Возможно, что это — из естественного недоверия к [тому вероучению, которое] *народничеству, вождям вчерашнего дня, которые*, слишком преувеличивая роль личности в истории, исказили жизнь целого поколения.]

— *Возможно,— сказал Клим,* [*пошевелив плечами*] *глядя в солнечный луч.— Хотят жить на свои средства. Я нахожу очень здоровым недоверие к вождям вчерашнего дня; они слишком преувеличивали роль личности в истории.*

— Да, фабриковать историю не так просто, как утверждает твой дядя [— *оживлен*⟨*но*⟩].

Клим посмотрел на мать с удивлением, *раньше* она [не любила «умных разговоров»] *избегала участия в «умных разговорах», любила и умела останови*⟨*ться*⟩. [А теперь] Покачивая ногою, [заложенною] дирижируя погасшей папиросой, она очень [словоохотливо и, кажется, обеспокоенно говорила] *оживленно рассказывала* о дяде Якове.

— [Совершенно] Больной физически и уже не совсем нормальный, он обнаруживает удивительную энергию. Тимофей Васильевич уверен, что его снова посадят или вышлют куда-либо. Он тут [развел *какие-то* кружки] учит. Около него Дронов, он приехал из Аст⟨рахани⟩ с первым пароходом, не желая служить у Тимофея Васильевича. Потом какая-то еврейка [и дама, очень странная, [видимо] очевидно, несчастная]. Они тут бывали у писателя. Писателю пришлось отказать от квартиры, неудобно, знаешь, каждый вечер сборища, шум, по двору ходят какие-то таинственные
л. 53 испанцы в измятых шляпах. Дронов ни одного раза не зашел ко мне, это, по меньшей мере,— невежливо.

Она [явно] старалась говорить шутливо, но [это всё было неудачно] Клим [всё более это] слышал, что в ее словах всё определеннее звучит [тревога] озабоченность. Он понял источник этой [тревоги] заботы лишь тогда, когда мать спросила его:

— Ты пойдешь к дяде?

— [Не вижу нужды...] Он бывает у тебя?

— [О, нет! Он меня презирает] Бывал, но...

[И *облегченно* вздохнув] *Вздохнув*, она сказала очень мягко:

— Я думаю, что тебе не следует ходить к нему. Он презирает [меня и Варавку] *нас, мы — буржуа*. Он даже устроил [ему] [Тимофею Васильевичу] скандальную сцену из-за Дронова, находя, что Тимофей Васильевич поступил с Дроновым несправедливо. Он вообще [очень]... храбрый! Потому что он, право, ненормален.

Когда Клим сказал, что он не видит необходимости посещать дядю, мать оживилась, стала проще, спокойней.

— А как Лидия?— спросил Клим.

Мать пожала плечами, подумала и, зажигая окурок папиросы, сказала:

— Странная девушка. Я ее не понимаю. Во всяком случае, она — вот из тех, которые торопятся и выдумывают.

Она живет как будто в предчувствии катастрофы, несчастия, такое впечатление у меня. Театр⟨альная⟩ шк⟨ола⟩ — это угол, куда она прячется от чего-то [1]. Я не вижу в ней признаков таланта актрисы и никаких талантов. [С нею тяжело.] Сейчас она [гостит на даче у этой красавицы Телепневой, глупой, но ловкой, она] на даче у Телепневых, уехала в монастырь к ее тетке, игуменье; ты знаешь: Алина уже нашла себе богатого жениха.

— Я его видел в Москве.

— Да. [Что это такое?] Что это?

— Шут какой-то [пьяница],— сказал Клим, пожав плечами. — Очень неприятный парень.

— Тимофей Васильевич пришел, [сказала] [заметила] [*он так мало бывает дома*] — сказала мать [вставая]. Клим отметил, что она произносит имя Варавки почтительнее, чем раньше, и более часто. Она подошла к двери, но дверь широко распахнулась, открытая властной рукою, и Варавка, красный, с растрепанной бородой, поблескивая глазками, закричал:

— А, юрист, приехал, здравствуй!

Он тотчас наполнил комнату скрипом [бо⟨тинок⟩] новых ботинок, треском передвигаемых стульев, [хлопками ладоней] и почему-то стало слышно, что у ворот на улице фыркает лошадь, где-то близко кричат мальчишки и взывает высокий тенор:

— Вот лу-кулу, кулу, кулуку-у-а!

— Вера,— чаю, пожалуйста! В половине девятого заседание. Субсидию тебе на школу город решил дать, слышишь?

[— Прекрасно.— Она уже] Но ее уже не было в комнате: Варавка посмотрел на дверь и, встряхивая рукою бороду, продолжал шуметь:

— Ну, что, юрист, как? Судя по лицу, науки неплохо питали тебя!

И, наклонясь, похлопывая Клима по колену, [он тотчас начал выспрашивать:

— Каким ветром гонит тебя, куда гнет? Тут, брат, во флигеле у нас поселился музыкант] заглядывая в глаза его, он требовал:

— Рассказывай!

Но, почти не слушая Клима, сам рассказывал ему о профессорах, актерах, студентах, ресторанах; вдруг прервал [весь] свою речь, встал, потирая руки.

[1] Предложение зачеркнуто синим карандашом.

— Газету хочу издавать, а? Газету, брат! [Попробую] Попробуем заменить кухонные сплетни общественным мнением...

А через несколько минут, в столовой, он доказывал:

— Нам нужны здравомыслящие люди, необходим класс людей здравого смысла [людей, думающих исторически]. Нам пора учиться думать исторически.

И хотя ни Вера Петровна, ни Клим не возражали ему, он кричал напористо:

— Что такое социальная эволюция? Это процесс смены посконных штанов [мужика] приличными брюками.

Климу показалось, что мать наливает чай, подвигает стакан Варавке с какой-то демонстративной покорностью, [*с под*〈?〉] *с обидой, которую не может или не хочет скрыть.*

Пошумев полчаса, выпив три стакана чая, он исчез, как исчезает, *оживив пьесу*, эпизодическое лицо на сцене театра.

— Изумительно много работает,— сказала мать, проводив его, и вздохнула.— *Я почти не вижу его...*

«Днем»,— докончил [*Клим*] *сын про себя и* [*сам же*] *удивился цинизму* [*своей*] *своему.*

— [И] Как всех [людей, которые умеют работать] культурных людей, его не любят.

Она долго и, несвойственно ей, жалобно говорила о *тупой* злобе обывателей, [купцов] о близорукости суждений интеллигенции; слушать ее было скучно. После того, как ушел Варавка, снова стало тихо, [а] и тишина [в доме] показалась особенно густой, устоявшейся. Навязчиво думалось о Лидии: [хотелось пока〈?〉] как она встретит меня.

Когда стемнело, он пошел гулять [по тихой улице]. Стены домов дышали [удушливым] теплом, из окон на [пыльный камень] серый булыжник мостовой ложились [желтые] жирные полосы огней. [Капельки желтые] *Желтые* звезды тоже казались капельками жирного пота. Где-то, с левой стороны, всходила луна, [и от ветвей деревьев на панель скучным узором теней] *землю покрывали прохладные тени деревьев, домов.* [*Город казался ему приплюснутым к земле и*] *Дома казались приплюснутыми к земле и раздавленными,* [*расползлись по ней*] *заборы ползли от дома к дому темными ручьями.* В городском саду, по дорожке вокруг пруда, медленно [плыли] шагали люди, над стеклянным кругом темной воды лениво плыли негромкие голоса. Клим вспомнил книгу Роденбаха в «Мертвом городе», потом — Нехаеву, ей следовало бы жить здесь, вот в этой [теплой] тишине, [в мед-

ленном] среди медлительных людей, в тихой скуке, усыпляющей все мысли.

Он сел на скамью, под густой навес кустарника, аллея [его] круто загибалась направо, за углом сидели какие-то люди, двое, один из них ворчал вполголоса. Другой шаркал палкой по утоптанной земле.

— Он — тоже церковник,— вслушивался Клим в негромкий [ворчливый] голос, [как будто] знакомый.

— Он, как Толстой, тоже ищет веры, а не истины. Свободно мыслить об истине возможно [только опустошив] лишь тогда, когда мир опустошен. Уберите из него всё: землю, звезды и себя, со всеми желаниями, кроме одного: понять [вашу] мысль в ее сущности. *Они этого не умеют, не могут. Они моралисты. Моралист неизбежно церковник.* [А] Они оба, и немец, и русский — мыслят о добре, [и зле] о боге, но не об истине. Бог, добро — это [не истина] лишь точки отправления к поискам [решающей] [всё разрешающей] истины...

— [А вы где учились] У вас нет полтинника?

Клим узнал голос Дронова, встал и хотел уйти, но по [те⟨ням⟩] движению теней на земле он увидел, что Дронов и Томилин тоже встали, идут в его сторону. Он согнулся, наклонил голову.

— [Нет] У меня нет полтинника,— [говорил] сказал Томилин, проходя мимо его, сказал так же задумчиво, тоном, как говорил [об] и о [всё разрешающей] истине.

— Чёрт знает, что я буду делать,— проворчал Иван Дронов [1].

Не поднимая головы, Клим смотрел вслед им. На ногах Дронова стоптанные сапоги, с кривыми каблуками, на голове [серая] [полотняная серая] измятая фуражка, а Томилин в [парусиновом пальто] длинном до пяток пальто, [похожем на халат санитара] в черной измятой шляпе с широкими полями. Клим усмехнулся, [находя этот] находя, что этот костюм [вполне отвечает] [очень] очень подчеркивает странную фигуру провинциального философа. [Встреча] Он с неудовольствием подумал о *неизбежности* встречи с Дроновым и не ощутил желания посетить [бывшего] своего учителя, [он чувствовал] чувствуя, что достаточно насыщен его философией [и что хорошо усвоил, как надо философствовать, удивляя других, но не обязывая себя].

---

[1] Фраза зачеркнута синим карандашом.

Город засыпал, становился [еще] всё тише, а луна сияла светлей, и зеленоватый свет ее разливал по саду не обременяющую, дремотную скуку. Быстро подошел какой-то человек в желтом костюме, сел рядом с Климом, снял соломенную шляпу, вытер лоб ладонью, посмотрел на ладонь и глухо спросил:

— На биллиарде не играете?

Выслушав краткое: нет, [он] человек вздохнул, встал и так же быстро исчез, помахивая шляпой в зеленое лицо свое. Клим тоже стал и медленно, бездумно пошел домой.

Через несколько дней он увидел Лидию [она тихо шла и].

— О, ты приехал,— сказала она [неестестве⟨нно⟩], осторожно протянув ему руку. И тон ее, почему-то слишком удивленный, и *этот как бы нерешительный* жест показались Климу неестественными. [Она была] Она пополнела, но глаза ее, обведенные тенями, углубились [и смотрели] [а взгляд, пристальный и щекочущий]. На ней серая [английская] *прямая* блуза, широкая соломенная шляпа *повязана* [лентой, [она] в таких костюмах изображают] *белой вуалью, в таких костюмах английские мисс путешествуют по Египту.* С матерью Клима она поздоровалась несколько небрежно, посидела минут десять, жалуясь на [духоту, на пыль в городе и ушла, не спросив Клима [как он жил] ни о чем и оставив впечатление незначительное, неопределенное] скуку монастыря, пыль дороги, и ушла, оставляя *раздражающее* впечатление *деланности.*

— Как ты ее нашел? — спросила мать, *поправляя прическу*, одним глазом глядя на Клима, а другим в зеркало, и, не ожидая ответа, подсказала: — [В ней явилось что-то неестественное] *Она уже немножко играет* [*на простоту*] — *это — влияние школы...*

К вечернему чаю Лидия пришла с Алиной Телепневой, окутанной в [белый батист] белое широкое платье, крепкой, плотной, [похожей на даму и [величественно] *убедительно* красивой] *ее красота показалась Климу еще более убедительной.* Она [пос⟨ле⟩] с первых же слов возвестила, что выходит замуж, а когда Клим сказал, [что][что он] [— Макаров познакомил меня с вашим женихом] *что он видел ее жениха, она оживленно спросила*:

— Уморительный, не правда ли? — [оживленно [вскричала] спросила она] И, со вкусом щелкнув пальчиками, до-

бавила: — Очень забавный! Умненький и глупенький, косой, ревнючий, вообще — комик! С ним [будет] не скучно!

В ней [бы⟨ло⟩] явилось нечто размашистое и уверенное, набалованное и умелое. Каждым жестом, каждым оборотом тела она ловко и гордо показывала его [красоту] гибкость, обаяние. *Клим подумал, что она держит себя уже не как девушка, а как дама, нашел ее кокетство грубым, крикливым и лишним при ее красоте, которую он* [*еще раз*] *мысленно назвал уже не убедительной, а тяжелой, подавляющей.*

Она выработала широкие, но небрежненькие жесты, ту свободу [их] движений, которая называется в купечестве вальяжностью. [Она][Клим видел, что мать любуется этой девушкой, слушает ее сочный голос, смелые слова, снисходительно улыбаясь.]

— Меня ругают за Лютова, находят, что я плохо выбрала, потому что он косой и пьет,— говорила Алина, добывая щипчиками конфекты из коробки. — Особенно язвила Лидия, по ее законам необходимо жить с милым и чтобы в шалаше. А я не хочу в шалаше, я такая родилась, что [мне] для меня необходим [свой] приличный дом и свои лошади. Лютов достаточно мил. [Пить он перестанет, уж за это я ручаюсь. Моя двоюродная сестра вышла за интеллигентного переплетчика, так он в нее книгами швыряет, хотя и трезвой жизни человек.

[И] Она очень смешно рассказала несколько семейных драм, рассмешила и Лидию, которая сидела, слушая ее молча.]

Она очень забавно рассказала драматический роман какой-то гимназистки, которая вышла замуж за интеллигентного переплетчика:

— *Настоящий интеллигентный* [как следует]: в очках, с бородкой, брюки на коленях пузырями, и [всё] знает про все зверства турецкие [1], цензурные [и], всякие...

Мать слушала ее сочный голос, снисходительно улыбаясь, [и] любуясь оживленным лицом, [озорным] задорным блеском глаз, Лидия [молча] тоже улыбалась чуть заметной улыбкой сухих и тонких губ. Клим подумал, что губы у нее злые и, должно быть, жгучие.

— Вот видишь, Лида, как это страшно, когда интеллигент и шалаш. А Лютов — он старовер, [он Пушкина] *но* читает Пушкина, — хотя это тоже, кажется, староверство,

---

[1] турецкие зверства

Пушкина читать? *Теперь ведь нужно читать стихи какого-то Виленского, Витебского, да, Климушка?*

Розовыми пальцами, ногти которых блестели [перламутром] как перламутр, она брала [бисквиты] конфекты, откусывая от них кусочки, хвастаясь белизной зубов [и], ее сочный голос звучал [неутомимо] добродушно, масленые глаза поблескивали ласковой насмешечкой.

— Я не люблю угрожающие стихи:

Друг мой, брат мой,
Верь: воскреснет Ваал
И пожрет идеал! —

Да — пускай кушает на здоровье! Я люблю Гейне и Беранже, вот! Надсон — это уксус. И — простите меня! — я люблю Фета.

Вдруг *шумно* вкатилась в комнату кругленькая Сомова [а] и за нею, качаясь, [как на палубе] *точно* [по кана⟨ту⟩] идя вброд [по реке] через реку, по *скользким* камням,— [Ильин] *человек* в [каких-то] синих [брюках] штанах, в [холщовой] рубахе деревенского небеленого холста, в кожаных сандалиях па босую ногу.

— Милые подруги, это свинство! — кричала Сомова.— Приехали и молчите, зная, что я без вас жить не могу!

— И без меня,— напомнил [Ильин] *человек*.

— И без тебя, наказание божие, и без тебя, да!

— *Знакомьтесь — Иноков* [*учитель*] — *жених мой. Хочет быть писателем, ну — что* [*же*] *еще? Глуп.*

[Ильин] *Иноков* густо захохотал, [а] Сомова расцеловала подруг, кошкой приласкалась к Вере Петровне и села рядом с Климом, отирая потное загоревшее лицо, [забрасывая его вопросами] ощупывая Клима [веселыми глазами] *веселым взглядом серых глаз* с [хитренькими] искорками в зрачках.

— [Ну, как же в Петербурге? Все вот эдак, щеголевато ходят?] *Ка-акой ты стал игрушечный! — пела она.*

Клим не узнал ее. Он не видел Сомову почти три года, и за это время из лимфатического, *неуклюжего* подростка она [разви⟨лась⟩] превратилась в деревенскую девушку, ее выгоревшие на висках [до седины рыжеватые] волосы повязаны белым платком, [щеки] *щеки* упруго [1] округлились, говорила она громко, бойко, щедро пересыпая речь простонародными словечками. В ней было нечто вульгарное, от чего Клим внут-

[1] упругие щеки

ренно морщился, а [Ильин тоже] *Иноков, смущенно улыбавшийся*, был похож на придурковатого *сельского* пастуха.

— Зачем же это в адвокаты, в прокуроры идти? — укоризненно говорил он. — Идти [брат] надо в живое дело, [тут Варавка удивительно прав] *говорит Тимофей Васильевич, он — прав! Не осуждать, не защищать, а — работать, говорит он*. Я вот намерен заняться ихтиологией...

— Ты [детями] [*народным образованием*] *литературой* займешься, мил друг,— вставила Сомова, Ильин покосился на нее и сказал:

— Нет, рыбой! *Писать надо, как Флобер, или совсем не надо писать.*

[— *Увидишь!*]

Алина [звонко засмеялась] *усмехнулась*, [показывая] указывая на них мизинцем:

— Вот уже начинается [интеллигентная] драма.

— Не надейся, матушка, не начнется! Нам некогда,— задорно крикнула Сомова.

[*Парень этот был скуластого типа*]

Лидия смотрела не нее, на [Ильина задумчиво] [*скуластое*] *лицо Инокова, густо* [*усе⟨янное⟩*] *обрызганное веснушками* [1], прищурясь, как рассматривают отдаленное и неясное. [*Ноздри* [*у⟨него⟩*] *его тупого носа* [*были*] *широко раздуты* [*и бросались в глаза*] *и вместе с голубоватыми глазами*] Было очень шумно; [Ильин] *Иноков* с великим жаром говорил, что Россия — первая страна по обилию рыбы, а рыбоводство в ней — варварское, рыбная промышленность [не развита] *недостаточно развита*, пользуется хищническими приемами; Сомова кричала, что все духовные силы страны необходимо обратить на просвещение деревни.

— Не селедка нужна, а — грамота!

Она сбросила платок с головы, жадно пила чай, чашку за чашкой, и, потея, отирала круглое, упругое лицо каким-то неприятно желтеньким платочком. [*Ильин*] *Иноков размахивал* [*длинными*] *руками, как веслами, и долбил:*

— *Ар-ральское море, Каспийское море, Чер-р-ное море, Белое море...*

Алина раскатисто хохотала, закидывая голову, вскрикивая сквозь смех:

— Ой, комики!

---

[1] *Возле этих слов помета рукой Горького:* Вст⟨авка⟩; *вставка отсутствует* (*см. СВ, стр. 281—282*).

Мать тоже смеялась сухоньким, незвучным смехом. Климу нравилось, что Лидия молчит, серьезная и далекая от этой шумной пары [которая] [Ильин и Сомова очень напоминают ему любителей драматического искусства, которые не очень умело разыгрывают бытовой водевиль. В их криках [кроме] смешного было [много] меньше, чем утомительного].

Когда все [от⟨правились⟩] пошли наверх, к Лидии, мать, *задержав Клима*, [ска⟨зала⟩] очень удачно сказала, что Ильин и Сомова [напоминают ей] *похожи на* любителей драматического искусства, которые [не очень] разыгрывают [бытовой водевиль] забавный водевиль.

— Но какова Алина? — спросила она, [заглянув] заглядывая в глаза Климу. — [Она вовсе не так глупа, как ее считали] Она не совсем удачно шалит, но [ведь] неглупа?

И, [подт⟨олкнув⟩] [провожая] *погладив плечо* сына, она сказала тихо:

— Вот невеста тебе...

— Но, *мама*, ведь это идол! — ответил Клим, усмехаясь. — Нужно иметь десятки тысяч в год, чтоб достойно [украшать] украсить его.

— Это — так! — согласилась мать и прибавила, вздохнув: — Ты [умн⟨ый⟩] умник!

Клим нашел вздох ее неуместным.

Наверху все четверо сидели, как в детстве, на широком, уже сильно выцветшем *измятом* диване, длинные ноги [Ильина] *Инокова* вытянулись [*прямо*], как две кочерги, маленькая Сомова залезла на диван с ногами и сидела на валике его, Алина [и Лидия обнялись в углу] *подвинулась к Лидии*, освобождая место Климу, [Клим не захотел сесть между ними и его] но он подвинул к дивану стул и сел на него [прислонясь к высокой спинке].

— Он всё такой же, посторонний,— сказала Сомова подругам через голову [Ильина] *Инокова*.

[Ильин] Закурив папиросу, *Иноков* предложил Климу рассказать о Петер⟨бурге⟩.

— Да, как *же* там живут? — спросила Лидия [и], играя [пальцами] *кольцом на пальце* Алины [она] [не взглянув на него. Осторожно выбирая слова]. Клим сказал, что, на его взгляд, люди [всё более] очень заметно и всё более глубокой чертой делятся на две группы: [большинство молодежи] большинство, следуя указаниям полит⟨ических⟩ жур⟨налов⟩, увлекается [вопросами] [злобой дней] злобою *дня*, но [заметно] я встречал людей, для которых основными вопросами

жизни являются [вопр⟨осы⟩] [ее основные вопросы] [вопр⟨осы⟩] любовь, смерть, рок...

Лидия, вскинув голову, взглянула на него, поправила
л. 55 *обеими руками* курчавые цыганские волосы, закинув их за уши.

— Это есть и в Москве,— сказал Ильин. — Это всё Толстой,— укоризненно прибавил он.

— Подождите,— попросила Лидия.

Вспоминая тихие [горячие] *тревожные* речи Нехаевой, осторожно выбирая слова, Клим [начал говорить] *начал говорить*, что ему понятно уклонение *от вопросов* [*социальн⟨ых⟩*] *политики* в сторону [вопросов] загадок индивидуального бытия.

— Политика — область самоуверенности, притупляющей *наиболее глубокие человеческие* чувства, политик всегда ограниченный человек, он считает все тревоги духа накожными болезнями, явлениями, которые вызваны внешними причинами. [*Он* говорил, [он] заботясь [о т⟨ом⟩], чтоб слова его звучали мягко и убедительно:

— Толстой, Ибсен]

— Метерлинк...

— [Кто?] Кто это Метерлинк? — [спросила Лидия, Клим, ответив ей, продолжал] *спросил Иноков.*

Кратко рассказав о Мет⟨ерлинке⟩, Клим продолжал, заботясь, чтоб голос его звучал мягко и убедительно.

— Эти трое — Метерлинк, Иб⟨сен⟩, Толстой — открывают пред нами *таинственное* безграничие нашей внутренней жизни, они обогащают мир чувства, воображения и, возвышая человека над действительностью, показывают ее [мен⟨ее⟩] более ничтожной, мелкой и менее ужасной, чем она кажется, когда стоишь на одном уровне с нею...

Он замолчал на минуту, ему показалось, что он сказал что-то [от себя] неверное и даже незнакомое ему. *Он не особенно доверял случайным мыслям, которые являлись у него внезапно, откуда-то со стороны и без связи с определенным лицом или книгой. Всё, что исходило от других, казалось ему* [*вполне понятным и свободно наде⟨жным⟩*] *более надежным* [*и понятным*], *а в этих, бродячих, вдруг вспыхивающих мыслях* [*было*] *чувствовалось что-то опасное, они способны увлечь в сторону от запаса уже прочно усвоенных им мнений.* [*В*] [*Свободно*] *Распоряжаясь* [*всем*] *тем, что он брал у Варавки, Нехаевой, Томилина,* [*он*] *Клим чувствовал в этих бродячих, безличных мыслях нечто холодное,* [*ненужное*] *лишнее и смущающее.* [*Он*] *Посмотрел на слушателей,* [*они вни⟨мательно⟩*] *их внимание*

успокоило его, а напряженный взгляд Лидии польстил. [Ильин] [Однако Ильин] *Но Иноков* проворчал:

— На крыше не проживешь...

— Что же говорят о любви? — *деловито* спросила Алина.

— О любви — не надо,— сказала Лидия, почему-то очень быстро, а Сомова, вздохнув, расплетая и заплетая конец своей косы, [ска⟨зала⟩] заговорила:

— Дронов тоже философствует, несчастный...

— Да, брат, Дронов совсем увял,— бросив окурок в *открытое* окно, подтвердил [Ильин] *Иноков*. — Такой бойкий парень был. [Я ему говорю: иди в] *Вот* ему идти в сельские учителя...

— Какой он учитель! Он — злой! Он ребятишкам головы поотрывает,— возмущенно сказала Сомова.

[Клим хотел бы говорить еще, находя, что он недостаточно ярко осветил себя] Находя, что он недостаточно ярко осветил себя, Клим хотел бы говорить еще, но Телепнева начала вышучивать [Ильина] *Инокова*, Сомова, помогая ей в этом, кричала:

— И вот злой рок присудил мне это существо в пожизненное пользование.

Ильин [хохотал] *захохотал* [1]. Вскочив с дивана, Лидия задумчиво и медленно шагала *сквозь пелену дыма папиросы* по комнате, уже наполненной [прохладным] *душным* сумраком.

— Метерлинк? — спросила она, остановясь перед Климом.

— Да.

— Достань мне.

И отошла к окну. [Ее тонкая фигура очень [выгодно] *волнующе* и четко [рисовалась на синеватом небе] *выступала в раме*.] На диване шумно спорили. Алина *раздраженно* кричала:

— Вовсе не каждая женщина для того, чтобы детей родить. Самые уродливые и самые красивые не должны делать это...

[Ильин] *Иноков* возражал:

— Что ж: уродливых — в монастыри, а на красивых богу молиться?

Клим чувствовал себя неудовлетворенно, *водевильный* спор *на диване* раздражал его, [казался глупым] [*люди на диване глупы*] и Лидия [ведет себя непонятно, возбуждая желание разгадать ее], *действительно*, какая-то деланная

---

[1] *После*: захохотал — *знак вставки красным карандашом*; *вставка отсутствует* (*см. СВ*, *стр. 285—286*, *строки 28—39*).

и тоже раздражала [возбуждая вместе с этим]; хотелось сказать ей:

— Не притворяйся!

[Ильин] *Иноков* и Сомова *точно* вдруг чего-то испугались и торопливо ушли.

— Спать, спать,— сказала Алина, бесцеременно и даже немножко бесстыдно потягиваясь перед зеркалом, и тоже ушла [в] из комнаты, а Лидия, [по⟨смотрев⟩] оглянувшись на Клима через плечо, предложила:

— Хочешь посидеть в саду?

Приятно удивленный, он пошел с нею; на лестнице, во тьме, она спросила:

— Ты видел [Констант⟨ина⟩] [Владимира] Констант⟨ина⟩?

— Макарова?

— Ну, да. [Он вчера написал.] Я вчера получила письмо от него. Он пишет, что ты очень изменился и понравился ему...

— Вот как... Лестно.

— Оставь этот тон. Почему бы тебе не порадоваться, что нравишься. Константин очень хороший, он честный, простой.

Клим промолчал.

В саду было темно, *смешанный* запах [резеды и вербены] *цветов* поднимался от клумб. *Белые* [*цветы*] *гроздья акации казались голубоватыми. Медленно* шли по едва различимой дорожке, между кустами сирени, скрипел песок под ногами, атласные листья прохладно касались щеки и шеи Клима. Луна еще не взошла, множества звезд тускловато светились в темном небе.

— Ты очень хорошо говорил,— сказала Лидия, садясь на скамью.— Как будто [не] это был не ты.

Клим усмехнулся.

— Спасибо.

— Нет, оставь! Я говорю, как следует, [то] что думаю [1]. [Мне странно было слушать, что ты так ясно понимаешь, [что] *о чем* [меня] я чувствую, думаю]. Ты [говорил] показался, как незнакомый, а я думала, что уже знаю тебя. Меня эти вопросы волнуют.

Клим смотрел на нее сбоку, [в] профиль [*тонкое* лицо ее казалось строгим и было вырезано] ее был вырезан во тьме четко, точно камея. [Но выражение лица не] *И строго* блестел темный глаз. Отломив ветку, обмахиваясь ею, она негромко продолжала:

---

[1] *Текст:* Ну, да ∾ что думаю.— *перечеркнут синим карандашом.*

— Макаров — тоже... Но он говорит только о любви и всегда празднично; *но* он — мечтает, *чувствует*, а не думает. Лютов — очень интересен [умен] *и* много знает, [но он] *это* — циник. Он какой-то [осужден⟨ный⟩] обожженный. Мне его жалко. [Здесь зимою, на Святках, я ходила к твоему дяде. [Ильин] *Иноков* хорошо сказал о нем: старая машина. Или — мельница? Не помню... Этот дядя Яков — бредит...]

Лидия говорила, как бы проверяя свои мысли, сама с собою. Дышала она неровно и сильно, острая маленькая грудь ее [сильно] высоко приподнимала легкую ткань платья.

— Меня нисколько не занимают вопросы о благополучии народа, [нет!] *мне самой неблагополучно*. Дронов [познакомил ме⟨ня⟩] *водил меня* к Томилину [ты знаешь, у Томилина тут большой кружок молодежи] и [даже вз⟨рослых⟩, вообще] он [в моде] *входит в моду*, что ли? Я не знаю. У него бывают [даже два священника] *священники и вообще разные люди*. [Но] По-моему, он всё превращает в слова. У него нет никаких прямых ответов, только один: думайте! Я [была у него [один] [два, три] раз вместе с другими, *потом*] [*потом*] *слушала его у адвоката Троерукова, ничего не поняла*, пошла одна к нему, и он меня бросил *в холодные слова*, точно котенка в прорубь,— вот и всё! [1]

Помолчав, она тихонько воскликнула:

— Это удивительно, что ты так сразу начал говорить о самом главном для меня.

[В] [Ее удивление [было нечто] укололо Клима, но тихий голос *девушки* звучал в темноте [так] правдиво, прямодушно и легко изменял [его] недоверчивую настороженность Клима. Он будил в нем полузабытые чувствования] [*В ее удивлении уже не было ничего обидного*] *Голос ее прозвучал* [*в темной тишине*] *ласково и мягко*, [*Клим* [*чувствовал*] *ощущал, что*] *девушка будит в нем* [*что-то*] *приятную грусть*, [*напоминает*] *напомнив Климу полузабытые дни*, [*он видел ее десятилетней и слышал настойчивое* [*двухтонов⟨ое⟩*] *приглашение*] *когда она* [*говорила*] *предлагала*:

— *Пойдем, посидим.*

[*И еще она будила в нем*] Ему тоже хотелось говорить с нею простодушно и ласково, хотелось взять руку ее и погладить. Вот она, [закинув] запрокинув голову, *молча* смотрит в небо [там замерз] *на замерзший в нем густой* дождь *тусклых* звезд.

---

[1] *Текст:* — Меня нисколько ∾ вот и всё! — *перечеркнут синим карандашом.*

[Иногда] [Довольно часто маленькие звездочки скользят, исчезают, точно кто-то зажигает спички] [Скользнула, исчезла маленькая звезда, точно по небу шаркнули спичкой.

— Вдруг все эти капельки света [исчезнут] *погаснут*? [а?] — спросила Лидия [и] тихонько, коротко засмеялась и сказала:]

— [Ну] Расскажи [еще] что-нибудь.

Клим смутно почувствовал, что нельзя и стыдно обманывать ее, [нельзя] неловко говорить с нею чужими словами. Он стал рассказывать о Туробоеве, спрашивая себя:

«А что, если рассказать ей о Нехаевой, всё рассказать?»

[Да, да,— я знаю! — сказала Лидия] Послушав минутку, две, Лидия, бросив ветку на землю [и наступ⟨ив⟩]: [1]

[— Мне писал о нем Борис, он очень сильно [болен] *кутил*, да?

— Туробоев? Нет. Он [очень худой, постарел неестественно; это, должно быть, потому, что он пьет...] [*только* [*он*] *пьет и, должно быть, от этого* постарел неестественно]

— *Это — неинтересно.*

л. 56 [— А Борис — болен!

— Он — болен! — резко [и упрямо] сказала Лидия. — Ты понимаешь? [Это давно, еще когда он был] Разве не знаешь? [Он] Болен от женщины...

Клим [вздрогнул] пробормотал:

— Ах, вот что...]

Но, помолчав, она спросила громко:

— *Он — постарел. Сильно, да?*

— *Почему ты знаешь?* [— *удивился Клим*].

— *Не всё ли тебе равно, откуда!* [*Впрочем*] [*В Москве я встречала его родственницу... очень неприятная дама из революционерок. Политическая, кажется, так*]

— *Он тоже* [*неприятный*]... *мало приятный.*

— Нет, подумай, как это ужасно, *в семнадцать лет* — заболеть от женщины, — [тихо вос⟨кликнула⟩] почти шёпотом сказала Лидия и отодвинулась подальше от него.

[— Да, — сказал Клим,— это страшная болезнь.

— [Не то! Всякая болезнь — страшная. Но когда] Любовь и, вдруг... Это гнусно! Это уж — подлость!— шептала Лидия, [*1 нрзб*] сжав руки.

Клим счел нужным сказать:

— Ну, какая же [тут] любовь...]

---

[1] Фраза осталась недоработанной.

Клим [*уди⟨вленно⟩*] *пораженно,* [*спро⟨сил⟩*] [*смотрел на н⟨ее⟩*] *заглядывая в лицо ее, пробормотал:*

— Он? Разве...

Но [она] Лидия почти с гневом прервала его:

— Ах, всё равно! Как ты не понимаешь? Тут не должно быть никаких болезней, болей, ничего вообще такого...

Замолчала. [Клим не [знал] находил, о чем говорить. Он чувствовал, что Лидия возмущена.] Чувствуя, что Лидия возмущена, *Клим не находил, о чем бы заговорить.* [*Он смутно чувствовал в Лидии что-то общее с Нехаевой, это* [*и*] *тревожило его и возбуждало неясную надежду.*]

[— А где Борис?

— [Борис] [Плавает на [каком-то] учебном судне. Он ведь перешел в какое-то морское училище. Это против воли отца. Борис — дрянь. Он — эгоист. И груб, как не знаю кто. Этот — не заболеет ничем таким.

Климу показалось, [что] последние слова Лидия произнесла, усмехаясь. Потом она прошептала].

— И всё, вообще, такое — ужас, ужас! Ты не знаешь: отец зимою увлекался водевильной актрисой, такая толстая, красная, пошлая, как торговка с базара. Мне было жалко Веру Петровну, хотя [я] она не очень [хороша со мною, она] меня [не] любит. [Но потом она так повела себя] Боже мой, как это всё грубо и страшно! Люди просто топчут друг друга. [*Вообще, я не знаю, как надо жить!*] *— Я хочу жить, но не знаю—как?*

Клим даже вздрогнул [*говоря*]:

— Любить надо... Полюбишь. [1]

— Вот я [*учусь*] *была в театральной школе,* [*но это*] *для того, чтобы не жить дома, и потому, что я не люблю никаких акушерских наук...* [*и всё это*] *с лягушками, с микроскопами. У меня есть подруга с микроскопом, она в него верует, как старуха в причастие.* [*Но ведь в микроскопе не увидишь ни бога, ни чёрта*] *Я смотрела, там, в микроскопе, шевелится какая-то ненужная мелочь... и, конечно, не видать ни бога, ни чёрта.*

— Их ведь и в телескоп не видно,— пошутил Клим.

[*— Да, но...*]

[Климу] Всё более настойчиво хотелось утешить эту девушку, развлечь ее. [И] Клим начал [снова] говорить о [том, что] литературе, которая выше, красивее жизни, и через несколько

---

[1] *После*: Полюбишь — *знак вставки зеленым карандашом, вставка отсутствует.*

минут [он] почти с удивлением сам слушал [себя], *как легко и охотно он противоречит себе*:

—[Надо ценить] [Тем и прекрасно искусство, что] [Роденбах, Метерлинк — это] Настоящее искусство [оно] показывает [жизнь] действительность ничтожной, мелкой, учит презирать ее, не подчиняться ей. Еще Аристотель знал, что вымысел правдоподобнее действительности. И вся жизнь настолько хороша, насколько она вымысел [разве поэзия не выдумка?]

[— Да! Но...] — Нет, — [резко] твердо сказала Лидия.— Это — не так.

— Почему же? [Подумай] Разве поэзия не выдумка?

— Нет,— [еще] более резко повторила девушка.— Я и умею возразить, [этого не может быть] *но это не так*. Я — не вымысел.

И вдруг, *дотронувшись рукою до локтя Клима*, *она* попросила [его]:

— Не говори, как Томилин!

Это было неожиданно и так смутило Клима, что он растерялся, замолчал, пробормотав:

— Как хочешь...

И вздохнул, подумав: «Она не похожа на Нехаеву». Несколько минут молчали.

— Уже светает,— сказала Лидия [и встала], посмотрев на вост⟨ок⟩, где небо приняло оттенки жемчуга. — Да, — [сказа⟨ла⟩] продолжала она, вставая,— я вчера встретила Дронова, он хочет видеть тебя. Он не ходит к нам, поссорился с отцом. Он живет [с Томилиным] у почтальона, где жил Макаров. Я помогаю ему, даю деньги, но я его не люблю... Это — верно, он злой. И, знаешь, так [странно] *скучно* злой, как будто это его ремесло *и оно надоело ему*.

Отводя рукою от лица ветки, она медленно растаяла в кустах [черной] темной зелени. Клим остался на скамье, присматриваясь к себе, не узнавая себя. [1] [Он как-то оробел. Было неприятно [чувствовать] ощущать [чувств⟨овать⟩] смущение]. [Он не мог скрыть от себя, что Лидия смутила его и что он вдруг оробел пред нею.]

[«Как] Трудно с ней, — думал Клим, *недовольный собою*. — *Как? Почему?*»]

Раздеваясь у себя в комнате, *Клим испытывал острое недовольст⟨во⟩ собою*. Почему он вдруг оробел пред [нею] Лидией?

---

[1] *Текст*: Несколько минут ∾ не узнавая себя.— *перечеркнут синим карандашом*.

[Почему?] [И отчего он] Он *уже не впервые* [*с нею*] *замечал, что глаз на глаз* с нею [он] чувствует себя не так свободно, как с другими. Это было бы непонятно даже и в том случае, если б он был влюблен в нее, *но он не наблюдал в себе ни* [1] [Продумав о ней до поры, пока покраснело] Она [как и раньше, но теперь еще более возбуждала] *возбудила* в нем недовольство собою [смутное] и желание [*или*] как-то *внутренно* выпрямиться, иначе ходить, говорить другим голосом, прямодушнее, откровенней, [или же] как говорит она.

[После нескольких бесед с нею, ко⟨гда?⟩] [Она долго] *Она* искала [возможности говорить с ним] *встреч с ним* один на один, [сама] не начинала [беседы] [2]. После [нескольк⟨их⟩] каждой [такой беседы] Клим видел себя опустошенным [высосанным] и усталым, а после нескольких он уже чувствовал, что тоненькая, гибкая девушка носит в себе что-то подавляющее [его], не слово, не мысли, а какое-то большое, требовательное и не верующее чувство. [С нею было трудно] Она смотрела [так, точно догадывалась о чем-то опасном для него, [ее вопросы] и она] и выспрашивала [с обнаж⟨енным⟩] с *такою* настойчивою остротой [и, казалось, стремится], *как будто* стремилась обнажить его, *вывернуть наизнанку. Это он хорошо чувствовал, и это пугало его.*

Лето было [*хол⟨одное⟩*] *дождливое, мать не поехала на дачу, ост⟨алась⟩ дома и Лидия.* Однажды вечером, когда в окна буйно хлестал летний ливень, *а* комната наливалась голубым огнем молний и стекла окон дребезжали, ныли от ударов грома, Клим, сидя на диване рядом с Лидией, [решительно] взял и поцеловал ее руку. Она отнеслась к этому жесту спокойно, но тотчас отодвинулась, [ког⟨да⟩] как только он попытался обнять ее.

— Оставь! — сказала она, не строго и задумчиво...

— Ты [всё] не веришь мне, а я... — начал Клим, но она перебила его речь.

— Всего меньше ты похож на кавалера де Грие. Я — тоже не Манон.

Она нередко говорила какие⟨-то⟩ подозрительные фразы.

— Вероятно, [всего отвратительнее] наиболее отвратительно любят актеры,— сказала она.

В конце концов Клим [всё] всё определеннее чувствовал, что она притягивает, порабощает его, [но он] и не находил воли отойти от нее, [хотя] [Его физиологическое любопытство]

---

[1] *Слова*: но он ∾ в себе ни — *остались незачеркнутыми.*

[2] Незаконченная правка.

хотя эта девушка все ещё не [будила] волновала ни чувственности его, ни физиологического любопытства, разбуженного [двумя связями: механическими] деловитыми ласками Маргариты и [бурной страстью] бурным чувством Нехаевой.

«Что ей нужно?» — размышлял Клим, [оставаясь наедине с собою, [после] и] но не решался спросить [себя]: «Что мне нужно?»

Иногда ему казалось, что Лидия [смотрит на] относится к нему с [тем] сомнением, которое [знаком⟨о⟩] испытывал он [мальчика] в том возрасте, когда девочка кажется мальчику не только низшим, но и уродливым существом.

Он видел, что его уединенные беседы с Лидией не нравятся матери и что Варавка тоже хмурится, [глядя на них, когда они рядом. *Это было глупо и раздражало.* Алина Телепнева посматривала на него *волооким взглядом* с явной насмешкой, и вообще Клим чувствовал ⟨себя⟩ раздраженным. Стало еще хуже, запутаннее, когда приехали Макаров и Лютов] [искоса погля⟨дывая⟩] наблюдая за доч⟨кой⟩, *жует бороду красными губами и намекающими словами говорит о птицах, которые вьют гнезда лишь тогда, когда выучатся хорошо летать.* [1]

Всё это раздражало, и Клим был почти доволен, проводив Лидию на дачу к Телепневой. Но только что уехала она — явились *супруги Спивак*, Макаров, Лютов [а вслед за ними супруги Спивак. Маленький Иосиф сел близко к [мате⟨ри⟩] Вере Петровне и, глядя, [как] точно [слепой] глухой, на ее губы, покачивая унылым носом, слушал ее соображения о школе]. *Они пришли вечером, оба выпившие, Макаров — [в белом измятом кителе] в белой измятой тужурке — сиял радостными улыбками.* Лютов, весь фланелевый, в замшевых ботинках [*с дорогою папиросой в руке*] был [не] *ни с чем* не сравнимо нелеп. [Его] [Вывихнутые глаза его бегали по Вар⟨авке⟩]

Клима возмутила [*ласковая*] *небрежность, с которой Лютов* [*поздоровался*], *поцеловав руку* [*его*] *матери, завертел головою, направляя в лицо ее вывихнутые глаза. Потом* [*эти глаза*] *серые зрачки его с пьяной, почти наглой бесцеремонностью забегали по багровому лицу и коренастой фигуре* Варавки [с бесцеремонностью] [и с пьяной, почти наглой бесцеремонностью] [шутоватые речи казались Климу наглыми, и [он] *его* удивляла та], *и Клима неприятно удивила* [та] любезность

---

[1] *Текст*: Иногда ему ∾ хорошо летать.— *перечеркнут синим карандашом.*

[*и серьезность*], с которой Варавка [относился к этому] *слушал шутовые* речи Лютова. [В этой любезности [было] Клим находил даже что-то почтительное, не свойственное Варавке.

— Заочно имею удовольствие знать вас. Дядя мой, Самгин]

— Дядя мой, [Самгин] *Радеев*, говорит, что вы намерены газету издавать? — выспрашивал Лютов, постукивая по ногтям своим янтарным мундштуком. — В каких тонах?

Неприятна и подозрительна была та ласковость, с которой мать встретила Макарова, несомненно эта ласковость деланная, но зачем? Взяв Макарова под руку, мать отвела его в угол гостиной и там, усадив на диване, тоже вполголоса, выспрашивала о чем-то, Макаров [отвечал ей] спросил громко, оживленно [стихами:

— О, я об этом не думаю]:

— *Вы* [*думаете*] *уверены?*

А Лютов недобрым голосом говорил:

— Нет, я, знаете, за Маркса. [Он решителен: сначала пусть все научатся одинаково хорошо есть, [потом будет хорошо думать] а до этой поры всё остальное — за окошко!] [*Вы находите, что это грубо, упрощенно? Но ведь Евангелие тоже*]

л. 57 [Он сцепился с Варавкой в споре [всё более шумном].] [Он уже спорил с Варавкой и спорил непочтительно, насмешливо, как со старым знакомым.] *Клим находил что Лютов спорит с Варавкой непочтительно, как с равным, точно не замечая, что у Варавки седые виски.* Когда Варавка сказал, что, принимая теорию классовой борьбы, необходимо отказаться от гуманизма, Лютов [смеясь] воскликнул:

— Совершенно необходимо! Обязательно долой все поправочки и смягченьица.

— Не верьте ему, Тимофей Васильевич! — крикнул Макаров. — Он от ума говорит. Он добрейший парень...[1]

— Но тогда...

[Варавка] *Острые глаза Варавки пытливо уставились в лицо Лютова, приподняв бороду ладонью, он* [*ска⟨зал⟩*] *заговорил:*

— *Но ведь тогда...*

Лютов [*быстро*] *прервал его* [*речь*]:[2]

— Тогда-с начнется для всех весьма беспокойное время,

---

[1] *Первоначально эта реплика следовала ниже, после слов*: как всегда — меньшинство! (*стр. 85*).

[2] *Текст*: [Варавка] Острые ∾ его [речь] — *перечеркнут синим карандашом.*

после коего большинство должно будет спокойно признать законность торжества победителей...

— А — кто победитель?

— Меньшинство[-с], как всегда меньшинство[-с]!

— Вы оригинально решаете вопрос [но это уж не по Марксу, — сказал Варавка].

— По Марксу, — сказал Лютов.

Они продолжили спор и в столовой, за чайным столом, а Клим, *не* слушая, думал о сходстве умных. Лютов, конечно, умен, так же, как и Варавка... Умен [и] Туробоев. Клим находил, что [все] *они* трое имеют нечто общее с Томилиным и [ему казалось] что в этом сходстве умных есть нечто [одинаково] скучное. [Да и что такое, в сущности, ум? Может быть, это только вл⟨ечение⟩] В сущности своей, ум — это стремление к упрощению [оттого и скучно] жизни. *Да, конечно: здоровый, нормальный ум всегда упрощает.* [*Это*] *Такова его задача.*[1] Эта мысль [понравилась] *показалась* Климу *оригинальной* и, [не обра⟨щаясь⟩] [воспольз⟨овавшись⟩] *пользуясь паузой в споре, не обращаясь к спорящим,* он высказал ее вслух, как бы рассуждая с самим с собою.

[— Вот] [Ну, да! Вот как! — вскричал Лютов. — Совершенно верно. Обязательно так. Это и есть основная задача ума.]

[— *Скучно,— сказал Клим.*

— *Вопрос* [*вкуса*] *другой,— ответил Лютов, пожав плечами.— Для многих он весьма*]

[И Варавке тоже понравились слова Клима, он] Варавка [*прищурив глаз, посмотрел на него и*] широко улыбнулся, [одобрительно] кивнув головою, а Лютов [пробормотал] [*вопросит⟨ельно⟩* сказал] *нашел* [*одним*] *правым глазом лицо Клима и спросил:*

— Так ли?

Горничная подала [м⟨атери⟩] Вере Петровне телеграмму.

— Завтра приезжает Спивак,— [сказала] объявила Вера Петровна.

Лютов начал уговаривать Клима ехать с ним и Макаровым на дачу к Телепневым, но мать сказала:

— Я попросила бы тебя остаться, ты [ведь] знаком с [ни⟨ми⟩] этим музыкантом и немножко поможешь мне. [Столичные люди...

---

[1] *Текст:* Да, конечно ∾ его задача.— *перечеркнут синим карандашом.*

— Двуличные,— сказал Макаров не очень остроумно, но засмеялся.]

— *А послезавтра поедем вместе.*

— Хорошо,— сказал Клим, [усмехаясь и понимая: мать [не хочет] [предпочитает, чтоб он] предпочитает, чтоб он] *поняв, что* мать [видит в Макарове соперника ему], видимо, хочет, чтоб он не мешал Макарову или чтоб Макаров помешал ему.

— Какой неприятный человек,— сказала она, когда Лютов и Макаров ушли.

— Неглуп,— заметил Варавка.

— [Не поздравляю я Алину] *Удивляюсь Алине...*

Варавка, держа себя за бороду, [за⟨думался⟩] [подумал вслух: — Он бу⟨дет⟩] сказал:

— Вот компаньон [мне] для изд⟨ания⟩ газеты. [Он]

[— Думаешь? Его дядя...

— Уверен]

«Как всё просто», — подумал Клим и ушел к себе, представляя, как [завтра] он встретится с Елизаветой Спивак.

Маленький музыкант явился к завтраку; он сел близко к Вере Петровне и, как глухой, глядя на ее губы, покачивая унылым носом, слушал ее деловитую речь, а [Елизавета] жена его [спрашивала] говорила *вполголоса* Климу, улыбаясь глазами: [1]

— Вы что [же], жестокий, забыли всех нас? Хоть бы одно письмо! Марина сердится... Там у нас маленькая драма, Басаргин и брат ваш очень не любят друг друга, но [вы] я думаю, что [дуэли не будет: дама их сердец тяготеет к третьему] *до* дуэли не дойдет...

[Кл⟨иму⟩] Ноздри Клима щекотали знакомые духи. Спивак была одета [как всегда] в *легкое* облако светло-серой материи, как *всегда*, целомудренно и пышно.

— Лиза, посмотри квартиру,— сказал муж [2].

— Что? Какую квартиру? — спросила она, подняв брови.

— На дворе. Замечательно удобная...

— Это я предлагаю флигель для вас, если хотите...— сказала мать.

— Ах, вот что!

— Может быть, вы посмотрите? Вот Клим покажет...

---

[1] *Текст*: Маленький музыкант ∾ глазами — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: Ноздри Клима ∾ сказал муж.— *перечеркнут синим карандашом.*

— Странный город! — говорила Спивак, идя по двору.— Такой [тихий] добродушно ворчливый. Скучно в нем, должно быть, как в чистилище, да? Часто бывают пожары? [Не люблю] Я боюсь пожаров. [Пожар]

Бегло осмотрев четыре комнаты флигеля, бумажный сор которых напомнил Климу писателя Пимова, Елизавета Спивак сказала:

— Можно очень уютно утроиться. Приятно, что окна в сад. Но, наверное, летом будут заползать в комнаты мохнатенькие червяки, да? С яблонь? Птички будут петь рано утром, *очень рано!*

— *Вам не нравится?*

— *Нет, почему же? — сказала она, выходя в сад.*— Хотя это было бы особенно удобно для двух сестер, старых дев, или для молодоженов. Я, к сожалению, уже семь лет замужем... Посидимте,— предложила она, опускаясь на лавку у беседки.— Пусть они там... торгуются. Иосиф, наверное, очень забавен. [Он ничего не понимает, кроме Бетховена и Баха.]

Оглядываясь, она вздохнула:

— Хороший сад. *И флигель. Именно для молодоженов,— повторила она задумчиво.— Отлюбить в этой тишине, сколько положено, изжить [мужское и] женское, животное, и [разойтись] уйти, чтоб жить уже просто [и только людьми] человеком.*

Взглянув на Клима с усмешкой, она сказала;

— *Вы этого [не понимаете] не поймете.*

Клим почувствовал в ее словах что-то важное, [даже] даже несколько ошеломившее его, и ему показалось, что в [них] ее усмешке есть вызов ему.

И вдруг спросила:

— А где та девушка, в которую вы влюблены? Ну, не делайте удивленного лица, ведь ваш брат сказал Марине, что вы с детства влюблены в дочь [мужа матери]... вотчима... Где она?

— На даче. Но...

— Но — лишнее. Я — не ревнива.— *Она тихонько посмеялась.* И снова, оглядывая сад, небо, [легонько зевнув, Спивак] спросила:

— Как же [тут] здесь живут зимою? Театр, карты, маленькие романы, а еще что?

И усмехнулась, говоря:

— Впрочем, [нигде ничего больше нет] *и* нигде ничего *нет* больше *этого.* Все-таки я предпочла бы жить в Москве,

к ней [не ‹привыкаешь›], наверное, [так же] трудно привыкнуть [как в лихорадке. У вас]. Вы еще не обзавелись привычками?

[С ней было просто. Как всегда, она говорила вполголоса, но] *Клим не узнавал ее. С нею было легко.* Клим [впервые слышал] *не подозревал*, что она [может] умеет говорить так: [охотно, шутливо и просто] просто и шутливо. Именно простоты он не ожидал от нее, [и ему] *она казалась ему* [*молчаливой*] *замкнутой, связанной какими-то трудными думами, такою он видел ее в Петербурге.* Было приятно, что она говорит с ним, как со старым знакомым, и что [в шутливом тоне ее звучит] шутливый тон ее звучал мягко, даже когда она спросила между прочим:

— Ваша мама, кажется, очень практична. [Я уважаю людей, которые]

Так же между прочим она спросила [о цене дров, о том, что делает Варавка] [о том, чем занимается Варавка, о цене на дрова,— затем сказала, что эти вопросы о] *о ценах на дрова, и еще о чем-то* житейском, эти вопросы скользнули легко, незаметно, ничему не помешав.

— У вас в доме очень уютно; и я не ожидала встретить в провинции такой хороший вкус,— заметила она.— Ваш вотчим богат? [Мы заезжали в контору к нему] У него борода очень богатого человека. [Вот идут хозяйка и работник.] [Вот идут]

По дорожке медленно шла Вера Петровна, [на‹клонив›] склонив голову к [маленькому] музыканту, он говорил, делая в воздухе пальцем запятые:

— [Китайская гамма? Нет, она не вносит ничего нового в нашу музыку, нет.] [*Нет, знаете, что же такое китайская гамма? Конечно, нужно искать...*] *От менуэта к матчишу — это не радует.* Ты сняла квартиру, Лиза?

Не ответив ему, Спивак сказала Вере Петровне:

— Прекрасный сад [у вас]!

Муж ее остановился перед Климом, потирая лоб, задумчиво посмотрел на него, потом, радостно вспомнив что-то, сел рядом и, коснувшись колена Клима, спросил:

— Как ваше здоровье?

Женщины пошли к флигелю, Спивак вздохнул и зачем-то сказал:

— Я [тоже] не курю.

Его темненькие круглые глаза неподвижно смотрели вперед, [*сложив губы так, точно он, шевеля губами*] он выдер-

гивал тонкими пальцами [ворсинки] *синеватые нитки* из галстуха, пальцы дрожали [желтоватое лицо его казалось вырезанным из кости]. Маленькое [бесплотное] сухое тело, [жалким] окутанное чесунчою, казалось жалким, [бесплотным] а желтоватое лицо — вырезанным из кости. Конечно, [жена] [женщина] женщина не может любить такого человека [1].

[Потом] Пригласив [гостей] супругов в беседку, мать угощала их земляникой [с молоком]. Спивак [выкупал галстух в стакане] отказался от земляники, *выкупал галстух в стакане чая*, сконфузился [встал] и, вытирая галстух платком, сообщил:

— Григ тоже ужасно рассеян, говорят.

л. 58 Любезно улыбаясь, женщины *беседовали* оживленно [бесе⟨довали⟩], но Клим [чувствовал] догадывался, что они не нравятся друг другу. Так и оказалось: проводив гостей, мать закрыла глаза, говоря с отвращением:

— Боже мой, какая неприятная женщина! Он — полуумный, это идет музыканту, но — она! Она, конечно, еврейка? Нет? Странно! Она хуже еврейки. Такая выжига! Торгуется, как на базаре. Я поторопилась предложить им квартиру, это неосмотрительно... [2]

Явился Варавка, [пыльный] измятый, как после драки, но настроенный необычно для него лирически. Устало втиснув тяжкое тело свое в кожаное кресло, он попросил дать ему [пи⟨ть⟩] содовой воды и, размачивая бороду в стакане, стал жаловаться на городскую управу [губернатора, речную полицию]. Необходимо решить вопрос о замощении улиц, а господа [члены] отцы города целый час спорят о каком-то миссионере, [который слишком воинственно вел себя на] *о его* прениях с сектантами в семинарии. Нужно говорить о сдаче театра на будущий сезон, а они друг другу веселые анекдоты рассказывают... Лысые мальчишки... [седые шуты]

[От слов Варавки веяло [пода⟨вляющей⟩] скукой, мать сидела, точно позируя портретисту.] Мать сидела, точно позируя портретисту, от Варавки веяло *пыльной* скукой.

— В конце концов мне кажется, что в России живет два племени: люди одного могут думать и говорить только о прошлом, люди другого — только о будущем *и непремен-*

---

[1] *Текст:* Маленькое [бесплотное] ∾ человека.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Начало л. 58, до слов:* это неосмотрительно...— *отчеркнуто на полях красным карандашом и написано:* Нет.

но очень отдаленном, заглядывая вперед через десятилетия. А завтрашний день никого не интересует...

Клим встал и пошел гулять. На углу улицы пьяный мещанин покупал *куриные* яйца, продавец-татарин брал их с воза, из мякины, *с улыбкой* подавал мещанину, а тот, [прищурив] закрывая то один, то другой глаз, [рас⟨сматривал⟩] рассматривал яйцо на солнце и, сунув в карман, бормотал:

— Якши. Чок якши.

[Два] Три яйца он положил мимо кармана, [сапоги его были в яичнице] *топтал сапогом их скорлупу, под* [но⟨гами⟩] подошвой чмокала яичница. Клим с отвращением ускорил шаг.

[Против гостиницы, где остановились супруги Спивак] Выла и свистела шармапка, на одном из окон сидел человек без [1] пиджака и, [оттягивая подтяжку, щелкал ею по груди] сняв подтяжки, озабоченно рассматривал их. [Из] Толстая старуха [катила], толкая [пред] пред собой коляску, в которой шевелились игрушечные розовые ручки, [задела] задев Клима колесом [и], сказала сердито:

— Не видите? А еще студент.

В городском саду Клим сел на скамью [2] у пруда и, глядя на [белое пятно своего] свое отражение в зеленоватой воде, скучно задумался: какой смысл [во всем этом] в пьяных мещанах, шарманщиках, [няньках] в черноусых людях, которые заинтересованы подтяжками. В сущности, ведь [каждому человеку] ему, для того чтоб жить интересно, нужно [только] *всего* несколько десятков [неглупых] людей. Он [усмехнулся] *удивился* эгоизму и наивности [этой мысли] *своей мысли*, но хотелось думать именно наивно, [глупо] выдумать какую-то очень простую, очень свободную жизнь, в которой нет ничего лишнего [нет мудрых иде⟨й⟩] и не нужно напрягаться, следя за собою, [показывая себя] [что-то] *одно скрывая, другое* показывая [то, чего нет]. Жизнь была бы лучше без Лидии [Варавки], которая, вероятно, так же *надуманно* загадочна, как Нехаева, а [в] [на самом деле ждет у⟨добного⟩] тоже только ожидает удобного случая отдать себя на волю инстинкта. [Елизавета Спивак проще] Можно бы жить без Томилина, даже без Варавки, и вообще без всех этих премудростей

---

[1] *Текст*: Явился Варавка (*стр. 89*) ∾ человек без — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] Клим сел на скамью городского сада.

[в которых всегда чувствуется то самодовольство, то раздраженное самолюбие и всегда почти что-то едкое, горькое].

Слишком много наук, профессоров и вообще людей, которые стремятся навязывать другим свои мнения, выдумки [*свою личность. Все боятся быть незамеченными — вот, кажется, в чем дело — и толкают, лезут на глаза друг другу*]. [*Все хотят быть замеченными.*] *Хорошо сказал Туробоев: «Каждый ходит по земле с* [*коло⟨кольчиком⟩*] *бубенчиком на шее,* [*точно*] *как финляндская корова».*

Мысли этого цвета и порядка не часто [*при⟨ходили⟩*] *являлись у Клима, но, когда являлись, он чувствовал, что вот это* [*его настоя⟨щие⟩*] *подлинные его мысли, те, которые действительно отличают* [*его*] [*от всех других людей Клима Полканова*] *Клима Полканова от всех других людей. Но было в них что-то нерешительное и робкое, и говорить их вслух не хотелось* [*из-за смутного опасения, что они спутаются, смешаются с другими, обычными, спутаются с ними и пропадут, и тогда уже сам себя не отличишь от людей*].

Думая, он разбивал легкими ударами тросточки белое пятно своего отражения в воде и, разбив его, смотрел, как оно снова возникало [каждый раз], *как будто* еще более плотным.

— Ты что же, [брат] *Полканов*, зазнался, что ли?

Клим вздрогнул, выпрямившись, невольно взмахнул тростью,— рядом с ним сидел Дронов [в картузе, измятом и [сдвинутом] надвинутом на затылок, очень похудевший] [измятый картуз], тулья измятой фуражки съехала на лоб ему [от⟨топырив⟩] *и еще больше оттопырила уши*, из-под козырька обиженно смотрели узенькие глаза [красненькая пуговка носа тоже казалась обиженной].

— Я же просил тебя повидаться со мной [через] [даже видел], Макаров сказал тебе?

— Некогда было,— [суховато] сказал Клим [и ма⟨шинально?⟩] [и неси⟨льно?⟩], *пожимая его жесткую шершавую руку.*

— Есть же время сидеть над тухлой водой...

Глаза Дронова стали светлее, менее мутны, лицо очень похудело и заострилось, [а пуговка носа, сердито вздернутая] [а нос распух] *маленький* [нос], *красный* нос сердито шевелится над светлым пухом усов. [Он] Часто сморкаясь и кашляя, Дронов плевал в пруд на отражение свое [и говорил:

— Я думал, встречу тебя у Томилина, у дяди твоего, а ты... Хороши товарищи! [Никто] *Ни один* помочь не хочет.

Он рассказал], рассказывая, что живется ему очень плохо, работы нет, работал поденно на пивном заводе, мыл бутылки, но простудился в подвале и вот — болен. [Может быть, дядя Яков устроит его письмоводителем к адвокату, [но] а пока]

[— Ты что же не заходишь к дяде? Он тут такую похлебку заваривает.

— Политика? — спросил Клим.

— Боишься? — спр⟨осил⟩ Дронов и усмехнулся.

— Не интересуюсь,— сухо ответил Клим.

— А к Томилину? У него — философия...

— [Мне ну⟨жно⟩] [Надо] *Я*, сначала, [выучиться] *поучусь*, а потом уж буду философствовать.]

— Черти! — сказал Дронов, вздохнув.— Учитесь. А меня раздразнили и бросили. [Я учился лучше вас...] Не совали бы меня в гимназию, [был бы я маляром] *писал бы я вывески* или был бы часовых дел мастером. Вообще, работал бы что-нибудь легкое и жил... А теперь вот живи недоделанным [ни в тех, ни в сех].

Клим [посмотрел], *посмотрев* на его оттопыренное ухо [и ска⟨зал⟩] [напомнил], *хотел сказать*:

«[А] Ты бы не таскал в гимназию запрещенные книги».

[— Что же, мне *надо было* на кладбище покойникам раздавать [их]? — грубо спросил Дронов и, заглянув в лицо Климу, пригрозил:

— Книжечек этих всё больше становится, и [всем сытым] про сытых горьковато пишут в них. Послушал бы ты, как дядя Яков...

— Я слышал... Не новость,— *нарочито равнодушно сказал Клим Полканов.*]

Но Дронов сам заговорил [*на эту*] *об этом*; *сжав пальцы рук в* [*один*] *кулак, он бил себя по колену и ворчал*:

— *Когда эти идиоты выгнали меня из гимназии, там только* [*Ильин, Макаров да* [*еще один читали их*] *Гринберг*] *читали толстовские брошюрки, а теперь* [*человек во⟨семь?⟩*] [*в трех старших классах человек двадцать...*]

[— Разве в Петербурге тоже?

— Папироски нет?

— Не курю.]

мозги-то всё сильнее чешутся [*у людей*].— *Разжав руки, он закинул их за шею и сказал громко,* [*досадливо*] *сердито*:

— *Папирос купить не на что* [—*вдруг сказал Дронов*].

[Помолчали] *И замолчали*, глядя в воду. Клим пощупал

карман, [не забыл] *там* ли кошелек. [Подумал: «Сколько дать?»]

— Город [какой-то] идиотский,— [сказал Дронов тихо и ворчливо.— Ничего нет в нем] *снова заговорил Дронов.*— Скука!

— А политика, философия?

— Сам ешь.

И [усмехнувшись], громко высморкав нос *в грязный платок*, [сердито] плюнув в пруд, он озлобленно заговорил:

— Я — не дурак. Твой дядюшка говорит вполне понятно: малые дети, будьте героями, прогоните царя, [лучше будет] *будет лучше*, если мы сядем на шею вам. Нет, спасибо! Я в эту игру не играю.

— Ты — прав,— одобрил Клим.

[— Конечно.]

[И более мягко, с добродушием, которого Клим] [А Дронов уже добродушно]

С легкой усмешкой на кривых губах Дронов продолжал, почесывая подбородок пальцем:

— А вот [Томилина я уважаю, ему — верю] Томилину я — верю. Этот — ничего не хочет от меня, никуда не толкает. Устроил у себя на чердаке какое-то судилище и — доволен. [Ничему и никому не верит.] Шевыряется во всех идеях, книгах [людях] и очень хорошо показывает, что всё на свете шито белыми нитками, наскоро, непрочно, *для утешения.*

[Помолчав, он взглянул в лицо Клима и сказал:

— Уважаю] Это, брат, большая штука — учить неверию! Тут уж бескорыстно, а? Ведь бескорыстно? — спросил он, заглянув в лицо Клима.

— Да,— сказал Клим.

— [То-то!] Замечательный человек! [Питается чаем и хлебом, никаких баб не признает.] Переводит книги, а их не печатают,— всё нецензурно. Помер бы с голоду, если б не повариха [у кот⟨орой⟩ он живет. Повар]; считает его [как бы] святым, особенно теперь, когда [к Томилину [стали ходить[попы] солидные люди] стал ходить какой-то поп, учитель семинарии, [еще какие-то] адвокат [Баранов] *Бобров* и вообще] *вокруг его* эдакие *плавают* большие рыбы.

л. 59 Дронов оживился, становясь всё более словоохотливым и, казалось, добродушным.

— Иногда я думаю, глядя на него: вот как надо жить! Конечно, для этого [надобно] *нужно* иметь особые мозги. Твой дядюшка всё кричал о любви к ближнему, но у него

любовь для драки, а Томилин [он]...— Дронов тихонько засмеялся и сказал:

— Он, пожалуй, в самом деле, любит ближнего-то, потому что видит его верст за тысячу от себя;— так любить можно, а когда ближний [рядом] *под носом у тебя*, в бок тебя толкает, [за что] его, подлеца, не полюбишь, а?

Клим, тоже [усмехнулся и] усмехаясь, немножко и невольно отодвинулся [продол⟨жал⟩] от товарища, но Дронов, не заметив этого, продолжал:

— Ты бы зашел к нему, он знает, что ты [здесь] здесь. Он тебя хвалит; это, говорит, человек независимого ума и прочее...

[Клим обещал зайти, но после того как]

— Конечно, я зайду,— сказал Клим.— Мне нужно съездить на дачу, [кончить] *сделать* там одну работу; я завтра поеду и ворочусь через неделю...

[На дачу [он] ехать не хотел, никакой] Работы у него не было, на дачу он не собирался, но [сам] ему не хотелось идти к Томилину, и смущал всё более фамильярный тон Дронова. Клим чувствовал себя независимее, когда Дронов говорил сердито, упрекающе, а теперь его многоречивость внушала опасение, что Дронов будет искать частых встреч. Это опасение усилилось, когда Дронов сказал:

— Трудно, брат, мне живется! Жалею, что запнулся за [эту] чепуху. [То] Не случись этого, я тоже был бы в университете... и [вкус] ко книгам вкус потерял. Конечно — читаю, но цели [нет] не вижу. Ну [ладно], положим, с каждой книгой я — на пятак умнее, а — зачем это?

Пора было кончить беседу. Клим спросил:

— Тебе нужно денег?

Он сам тотчас почувствовал, что это вышло неуместно, что надо было спросить раньше или позже. Дронов поправил [картуз] фуражку, шумно подышал носом, отвернувшись в сторону, и сказал:

— Давай. [1]

Получив деньги, он излишне резким жестом сунул [их] *руку* в карман измятых [штанов] брюк, застегнул единственную пуговицу серого пиджака с вытертыми локтями и [сказал] сообщил:

— Сапоги починю.

---

[1] *Текст*: И замолчали (*стр. 92*) ∾ — Давай.— *сопровождается пометой на полях:* Взято; Вз⟨ять⟩ всё.

Простились сухо. Клим ушел, недовольный собою. На повороте дорожки он оглянулся,— Дронов сидел на скамье, согнувшись так, точно [собира⟨лся⟩] хотел нырнуть в пруд [вниз].

«В самом деле, надо уехать на дачу»,—решил Полканов и через день [1] вечером [сидел [он за] *у окна*] стоял на опушке [березовой] рощи, на пригорке, прислонясь к стволу березы, [глядя на сентиментальный пейзаж] *рассматривая* реку, [розоватую] разноцветную в лучах солнца, парчовую крышу мельницы, спрятанной среди корявых ветел, [золотые поля хлеба] *золотую щетину хлебов* за рекою. [*Это дачное место считалось красивым. Варавка купил его, выстроил пять дач и сдавал их, занимая*] Пейзаж [*казался ему сентиментальным и скучным*] *напоминал ему раскрашенную картинку из* [детск⟨ой⟩] *книжки для детей*, хотя он знал, что это место [признано и] [прославлено [красивым] как самое] славится своею красотой. *В самом высоком пункте пригорка*, [формой] *формой похожего на парадную шляпу мирового судьи*, Варавка выстроил себе маленькую дачу с башенкой на крыше [в самом высоком пункте пригорка, среди березовой рощи]; *по крыльям пригорка, среди березовой рощи*, построил еще шесть дач и *выгодно* сдавал их. [Дома] Новенькие [жел⟨тые⟩] деревянные домики, три — направо от Клима, три — налево, спускались к реке [про⟨тив⟩], в крайнем налево [жили Телепневы, отец] *жил опекун* Телепневой, член Окружного суда, *угрюмый человек*, прозванный Единицей за [свой вы⟨сокий⟩] свое длинное, тощее тело и круто склоненную голову [его жена, большая, толстая, с голосом дьякона, сестра, старая дева, и еще какие-то пожилые люди обоего пола. Клим [видел] смотрел]. Вот он вышел из ограды дачи и шагает, как журавль, по берегу реки с удочками на плечах, одетый в парусиновый пиджак, накрыв голову широкой соломенной шляпой. Дети, игравшие на отмели, перестав играть, смотрят вслед ему. Очень тихо. В березняке гудят жуки и осы. Где-то недалеко слышен сочный смех Алины. Вероятно, [близко] где-нибудь близко и Лидия [с Макаровым]. Хорошо бы внезапно явиться пред ними и сказать *или* сделать [что⟨-то⟩] нечто необыкновенное, [поражающее] какой-то фокус, который поразил бы их, явиться и — например, вознестись на воздух [исчезнуть. Клим усмехнулся: «Странная].

---

[1] *Текст*: Получив деньги ∾ и через день — *перечеркнут синим карандашом*; *на полях помета рукой автора*: Вз⟨ято⟩; *эта же помета сопровождает текст и далее, до слов*: Вот он...

«*Какая* глупая мысль»,— подумал Клим, хмурясь, и вспомнил, что подобные [странные] *детские* мысли всё [чаще] более часто мелькают пред ним черными ласточками. И почти всегда неизбежно вслед за [эти⟨ми⟩] такими мыслями являлось ощущение усталости, тихая тревога, смутное предчувствие какой-то опасности.

В [роще] тишине рощи [за спиною Клима раздались голоса] захрустели шаги, и гнусавым голосом Лютов сказал:

— Сядем, Костя.

Клим не хотел встречи с [этими людьми] этим человеком, но если б он пошел вниз, к ограде дачи, [они] *он* и *Макаров* увидали бы его. Они где-то близко, за деревьями, [выше его] но, вероятно, его белый костюм среди берез невидим [на бе⟨лом⟩] [среди берез] *для них.*

— Хочется мне поругаться, поссориться с кем-нибудь, а с тобой — невозможно,— отчетливо звучал кларнетный голос Лютова.—Как поссориться с лириком!

— А ты — попробуй.

— Нет, не стану.

— Говорят: Фет был злой...

— Фет, Тютчев рядом с Некрасовым и Щедриным,— вот он, российский диапазончик... [Эх, быть бы нам по⟨уже?⟩] *Широко взято!*

— *Не шире, чем у других...*

— *Ты, Костя, России не понимаешь, нет!*

— *А ты — пьян.*

— *Разумеется.* [*Зело пьян*] *Основание имею для сего.*

— *Зачем ты* [*напив⟨аешься⟩*] *пьешь на ее глазах?*

— *Чтоб она видела. Я честный парень.*

— *Истерик ты.* Выдумываешь ты, Володька. Любишь, ну и люби

«...без размышлений,
Без тоски, без думы роковой».

— [Даешь советы, так уж давай *хоть* умные. *Не могу же я*] *Для этого надо вытряхнуть мозг из моей головы.*

— *Ну, отстань от нее.*

— *Для этого необходима воля.*

Неловко было подслушивать беседу эту, но еще более было бы неловко встать и показаться приятелям.

— Я, брат, купеческий сын. Это — обязывает измерять и взвешивать со всей возможной точностью. Алина Марковна тоже не лишена житейской мудрости. Она видит, что будущий

супруг ее весьма отдаленно подобен Адонису, но учла, что он единственный наследник фирмы «Братья Лютовы. Пух и перо».

— Это ты врешь,— тихо сказал Макаров и вдруг заговорил сердито:— Не понимаю, откуда у тебя это, зачем это стремление обезличить, поглотить человека? Какой-то духовный вампиризм... вообще — чёрт знает что!

— Милый, ты глуп, как спичка! Ведь я же не пред [Рафаэлевой] картиной: поглядел и уважительно подумал: «Превосходно, господин Рафаэль!» Я — пред женщиной, с которой не токмо бренное тело, но и бессмертная душа моя желает слиться [на] до конца [бытия земного] *земных путей*. И вот я говорю [ей] женщине, взяв прекрасную руку ее: орудие орудий, говорю.— Это что такое? — Это, объясняю, мудро обмолвился некий древний грек. — А вы бы, говорит, своими словами, у вас тогда забавнее выходит.— Ты Костя, подумай: забавнее! И — только. И — всё...

— Перестань. Это — блажь.

— Недоумеваю: разве я [*человек*] создан для забавы? [Алина Телепнева? Разве человек для забавы?

— Пойдем [к] [только] куда хочешь?]

За ворот Климу заползла какая-то букашка и гуляла по спине, вызывая нестерпимый зуд. [Осторожно потирая спину о ствол березы, он слышал [‹в› полупьяной болтовне] полупьяную болтовню *Лютова* [чувствуя в ней [что-то] искреннее горе, и] *Клим* думал, что *он* на месте Макарова [он] говорил бы умнее. [Его очень задел] [Вопрос Лютова особенно [*1 нрзб*] задел его, но он не успел подумать на эту тему, потому что] [*Почему-то было приятно слышать жалобы Лютова и* [*даже*] *хотелось думать, что Лютов говорит искренно.*] [*Но Клим терпел*] *Клим* [*осторожно*] [*осторожно*] *потирал спину о ствол дерева осторожно,* [*боясь нашуметь*] *но все-таки потрескивала* [*и*], *шуршала кора, мешая слушать. Жалобы Лютова взбудоражили легкое злорадство, и хотелось думать, что это искренние жалобы. Клим подумал, что на месте Макарова он говорил бы умнее, а на вопрос Лютова* [*тоже*] *ответил бы вопросом:*

— А для чего же?

Друзья встали и [пошли вниз, к нему. Они] прошли в пяти шагах, не заметив его [в сум‹раке›]. Подождав, когда они скрылись [в сумраке, он], Клим встал, спустился к реке [и, шагая [вдоль] по берегу, задумался о том, что слышал]. Беззвучное движение темной воды очень помогало думать. На

[одн⟨ой⟩] даче Телепневой, в двух крайних окнах, зажгли огни, и дача отразилась в воде, точно [*чье-то*] *уродливое* квадратное лицо с рыжими усами, [покрытое] накрытое белым островерхим колпаком. *В синем небе* [*повисли звезды*] *на тонких ниточках лучей* [*За рекою бьет перепел, а около мельницы*] *повисли звезды* [*месяц*] *и отразились на темной воде маслеными капельками.*

[Три] Две девушки [все] в белом возились на берегу, отвязывая лодку, одна из них, босая, высоко, почти до колен, приподняв юбки, стояла в воде.

[— Это вы, Полканов? — спросила Алина.]

[Одна] Другая, зевнув, сказала: [1]

л. 60 — Господи, какая скука! [— И комары.]

Это — Алина.

— Лида! — капризно и раздраженно крикнула она. Лидия ответила где-то близко [за кустами]:

— Иду.

Она вышла из кустов впереди Клима, остановилась [и], удивленно [сказ⟨ала⟩] [спросила] *спрашивая*:

— Ты? Почему так таинственно? Приехал, не сказал?

Кроме удивления Клим услыхал в ее словах радость. Алина тоже обрадовалась.

— [Полканов?] Чудесно! [Вы будете] Ты будешь грести. [Маша, идите домой!]

Садясь в лодку, она говорила:

— Только, *пожалуйста*, не надо умных разговоров! Я уже [знаю] *знаю* [всё] умное, [*так как*] мой нареченный рассказал мне всё, от ихтиозавров до Фламмарионов.

Несколько минут плыли [молча] против течения, молча, прислушиваясь, как хрупко плещет черная вода под веслами и о борт лодки. Темно-синее небо всё богаче украшалось звездами. [С берега] Берег дышал пьяненьким теплом [и запахом цветущей ржи]. Алина сказала:

— Мы с тобой — грешницы, а [Полканов] *Самгин* — такой беленький ангел и везет нас в ад.

— Харон, — *тихо* сказал Клим.

— Что-с? Извините, Харон — седенький и с бородой, а вам до бороды еще [лет десять] *долго* жить, — с явной досадой заговорила Алина. — Нет, это удивительно, [до че⟨го⟩] как все любят исправлять меня! Весь мир — какое-то исправитель-

---

[1] *Текст*: На [одн⟨ой⟩] даче ∾ зевнув, сказала — *перечеркнут синим карандашом.*

ное заведение для Алины Телепневой. [Отец] *Опекун* совершенно серьезно убеждает, что «Герцогиня Геролдштейнская»— лицо не историческое, а выдуманное Оффенбахом для оперетки. Проклятый жених мой относится ко мне, точно к записной книжке, куда он заносит свои мысли.

Лидия тихонько засмеялась, усмехнулся и Клим, вспомнив жалобы Лютова.

— Нет, серьезно,— продолжала Алина, *обняв подругу и* покачиваясь вместе с нею.— Он меня скоро всю испишет. А впадая в лирический тон, говорит, точно дьячок.— *И, подражая голосу Лютова, Алина пропела в нос*:

— О, велелепая дщерь! Разреши мя уз молчания, ярюся бо сказать тобе словеса умилительные. Ярюся! Вот козел! Тобе, а? Это [же] из какой-то комедии!

В тишине задумчиво прозвучал напряженный голос Лидии:

— Ты относишься к нему легкомысленно...

— Да? — задорно спросила Алина.— А как бы ты относилась к жениху, который с грустью рассказывал бы тебе о Платоне, Шопенгауэре, интересах рода и прочих эдаких ужасах? [Ну, как?] Полканов, у вас есть невеста?

— Нет.

— Представьте, что есть. О чем бы вы говорили с нею?

— [Не знаю] Вероятно — обо всем,— сказал Клим [Он по‹чувствовал›], чувствуя, что перед ним ответственная минута и [что] надо сказать что-то очень значительное. [Не торопясь, осмотрительно] Делая паузы, вполне [опр‹еделенные›] естественные и соразмерные со взмахами весел, он, не торопясь и осмотрительно, заговорил, что счастье [возм‹ожно›] с женщиной возможно лишь при условии полной искренности.

— Это мы слышали,— иронически заметила Алина.— Наверное, и лягушки квакают это же.

[Но] Клим, не смутясь, сказал:

— Но каждая женщина раз в месяц считает себя обязанной солгать...

— Почему [это?] *только раз? — задорно* спросила Алина, а Лидия странно глухим голосом сказала:

— Это — ужасно верно!

— Что верно?— допытывалась Алина и вдруг [догадавшись, сказала не] [воскликнула:

— Н-ну-у...] [Нашли о чем...— сказала] *возмущенно спросила*:

— *Вам не стыдно, Полканов?*

— Нет, но мне грустно,— ответил Клим, не взглянув на нее и Лидию, и продолжал мягко, неуверенно:

— Мне кажется, что есть женщины, которые *из чувства ложного стыда* презирают себя за то, что природа наглупила, и есть женщины, которые боятся любви, им кажется, что любовь унижает их, низводит к животному. Может быть, некоторые потому и... нечистоплотно ведут себя, что торопятся отлюбить, скорее изжить в себе женское, животное, и остаться человеком, чистым от насилий инстинкта...

— Это удивительно верно, Клим,— [сказала] повторила Лидия [очень тихо] *не громко*, но [особенно] *очень* внятно.

Клим чувствовал, что в тишине слова его звучат внушительно, и мельком подумал, что Спивак — умница, умнее Нехаевой.

— Вы знали таких женщин? Хоть одну?— спросила Алина тоже тихо.

«Да или нет?» — спросил себя Клим и ответил:

— Нет, не знал. Но я думаю, что такие женщины должны быть. [Зоологическое]

— Да,— сказала Лидия.— Должны.

— Зоологическое унижает,— повторил Клим [и].— *Даже у некоторых животных самка пытается избежать акта оплодотворения,— вспомнил он и* замолчал. Девушки тоже молчали, окутанные [чем-то], прижавшись друг к другу, покачиваясь под мерными толчками весел.

— Поворотите домой [Полканов,—сказала],—приказала Алина почему-то строго.

Лодка бесшумно поплыла по течению, Клим [почти] не греб, [держа] *погрузив весла в воду, он* старался только держать лодку прямо.[1]

С одной стороны черной полосы воды возвышались рыжие бугры песка, с другой, над водою, неподвижно торчала темная щетина трав. Светляки голубовато мелькали в траве. Сквозь редкий сосняк на буграх светились крупные звезды.

— Не обошлось без умного разговорчика! — сказала Алина, [громко] *шумно* вздохнув.— Ох, загонят меня эти разговорчики куда-то в угол, «иде же несть печали, ни воздыхания», как сказал бы [Лютов] *мой косой жених.* Где нет печали, Полканов?— вы всё знаете...

— Этого не знаю.

[— Обвенчаюсь и в Париж! А вы тут, пожалуйста, разре-

[1] *Текст*: Господи, какая скука! (*стр. 98*) ∾ держать лодку прямо. — *сопровождается на полях авторской пометой*: Вз⟨яло⟩

шите все эти окаянные ваши вопросы, чтобы, когда я ворочусь, всё было ясно...]

Опустив руку за борт, Лидия покачнула лодку так, что ее подруга испугалась.

— Ты с ума сошла.

Лидия обняла ее, говоря:

— Метерлинк — [это] очень [мрачно, Клим,— сказала Лидия, опустив руку за борт, и покачнула лодку так, что подруга ее вскрикнула.] мрачный. Он почти обожествляет смерть. Любуется ею...

— Вы уж хоть про смерть-то не говорите!— [возмущенно] уныло попросила Алина [и, посмотрев вдаль из-под ладони, сказала [глядя]:— *Кто-то идет.*

— Это Константин,— сказала Лидия.]

На берегу, когда попрощались, Клим почувствовал, что Лидия сжала его руку необычно крепко и также необычно ласково спросила:

— Ты надолго сюда?

Эта ласковость приятно [встревожила] взволновала его. [И] Поднимаясь на холм, к даче, он невольно подумал еще раз: как, в сущности, легко [ра‹збудить?›] [добиться] возбуждать симпатии. И заметил, что эта мысль уже не так [удовлетворяет его самолюбие] [сильно] [приятно] *мила ему*, как *бывало* раньше, в ней есть что-то скучное и даже *немножко* тревожное. Остановясь, он обернулся лицом к реке, совершенно неподвижной во тьме. [Зам‹етно›] На *воде*, [густой во‹де›] темной, густо-черной, чуть заметно трепетали отражения звезд, он смотрел на них до боли в глазах, думая: «А что, если Лидия влюбится в него?» Он не мог ответить [себе]: нужно это ему или нет? Конечно, этим она заплатила бы ему за всё то неприятное и обидное, что он испытал от нее. Но — она трудная девушка, с нею всегда [нуж‹но› как-то] *напрягаться и следить за собою* особенно сильно и более, чем с другими людьми. Она — некрасива, однако есть в ней [что-то своеобразное] нечто [*возбуждающее*, своеобразное] своеобразное *и* возбуждающее желание раскрыть, отгадать ее, чтобы уже не чувствовать [р‹обости›] непонятной робости пред нею. Несомненно, что она из тех, о которых говорила Елизавета Спивак,— она боится любви. Но это — не всё, что в ней есть непонятного. Как, должно, быть, хорошо и просто с такой женщиной, какова жена музыканта. [1]

---

[1] *Текст*: Ты надолго сюда? ∾ жена музыканта.— *перечеркнут синим карандашом.*

[На другой день Макаров [сказал ему] [спросил его] сказал ему:

— Чем *ты* [это] прельстил Л⟨идию⟩? Она с полчаса говорила о тебе так *хвалебно*, что я только глазами хлопал. Ты знаешь, до чего она скупа на похвалу...]

На другой день Клим до вечера не выходил из комнаты, чего-то ожидая. Вечером явился Макаров, сообщил, что Лютов с невестой уехал в монастырь, Лидия [*настроена мрачно, мизантропически, заперлась*] [*отказалась*] *не поехала с ними, сидит в роще, читая «Дневник Мари⟨и⟩ Башк⟨ирцевой⟩».*

— *Настроена мизантропически, но тебя хвалит! Чем ты угодил ей? Очень хвалит.*

Закурив папиросу, Макаров бросил горящую спичку *в пепельницу, но попал* в стакан [молока, сказал] *молока, проворчал:*

— О, чёрт,— [прово⟨рчал⟩] и, выплеснув молоко за окно, сообщил:

— [Прямо] На цветы!

Он сел на подоконник, закрыл глаза и покачал головою.

— [Ух, как я] [Устал!] Лютов замучил меня. [Не понимаю] Чего ему надо? Влюблен, хочет жениться, девица — не прочь, а он оглядывается во все стороны и [пост⟨оянно⟩]
л. 61 скрипит... Чёрт его знает, за что он запнулся! [Всё ему не нравится: люди, сапоги, купцы, книги — всё! Хороший парень, умница. Не понимаю] Не понимаю людей.

[В комнате] Было раздражающе [светло и жарко] *душно*, в красноватом [свете] *луче солнца* мелькали [мухи] *черные* [точки] искорки мух [и некоторые, избрав] [как бы найдя]. *Клим сидел в углу на диване, наблюдая, как иные мухи, точно видя* в воздухе [невидимую] неподвижную точку, *долго* дрожали над нею, не решаясь сесть, затем падали [вниз и снова] *почти до пола* и снова взлетали к этой невидимой точке.

[— Не понимаю] Ворчливо говорил Макаров,— все как-то [*особенно*] тревожно скучают.

[И] Расстегнув ворот рубахи, он глубоко вздохнул, продолжая:

— По литературе не видно, [чтоб раньше так странно] *что* [*и*] *прежде люди испытывали* такую странную скуку. Может быть, это и не скука?

— Не знаю,— сказал Клим, испытывая именно скуку.

— Все смотрят друг на друга из-под книг, из-за каких-то

углов. Спрашивают: вы читали, вы читали? [Скажешь что-нибудь,— говорят: ах, это уже сказано у [Достоевского] *Тургенева*]

[*«Пустоцвет»,— думал Клим, глядя на фигуру*]

При виде фигуры Макарова в раме окна было странно [*и даже смеш⟨но⟩*] *вспомнить, что этот красивый* [*малый ст⟨релялся⟩*] *парень пытался* [*стреляться*] *застрелиться. Что в нем интересует Лидию?*

Макаров оглянул комнату прищуренными глазами и спросил:

— [У вас] Пианино нет?

— У матери. Разве ты играешь?

— Представь — играю,— ответил Макаров, спрыгнув [у] с подоконника и потирая руки.— Начал по слуху, а потом стал брать уроки и уже... Кто-то приехал!— сказал он, выглядывая в окно, [Это] [Приехали мать, Варавка] и закричал:

— Здравствуйте! [1]

Приехали мать, Варавка, [а за его спиною] *а над его плечом* Клим с неприятным изумлением увидал голову Туробоева. В следующую секунду [Туробоев и Макаров стали], *пожимая холодную руку Туробоева*, он представил Лидию между этим человеком и Макаровым, а себя где-то в стороне, [в тени] в тени. Варавка, [в⟨есь⟩] потный, пыльный, тотчас попросил чаю, сел к столу и весело рассказал, что Туробоев приехал утвердиться в правах наследства [после] тетки] и продает [землю] лес.

— А мы — купим! — покрикивал он, вытряхивая пыль из бороды, стирая жирный пот с красной шеи.

[С быстротою, естественной только на сцене театра] *Один за другим собрались почти все знакомые*, [*Клим подумал*] *Климу показалось, что это произошло с быстротою, естественной только на сцене театра* [началось нечто раздражающе шумное] *или на улице при виде какого-нибудь несчастья* [*собрались люди*]. [Под окном явился Лютов, [обросший] измятый, встрепанный, с] *В окне явилась голова Лютова*, покрасневшие белки косых глаз [измятое лицо] придавало его лицу выражение злое.

— Извините,— Макаров здесь? — спросил он сорвавшимся голосом.

---

[1] *Текст:* Чёрт его знает (*стр. 102*) ∾ Здравствуйте!— *перечеркнут синим карандашом.*

[К чаю пришли [Алина и] Лидия, *Алина и ее отец,* и через полчаса Клим] [К чаю пришли Лидия, *Алина и Единица, ее отец.*] *Варавка пригласил его зайти. Вслед за Лютовым явился бесшумно, как привидение, Единица, одетый в парусину, похожий на фельдшера; здороваясь с Варавкой, он устало, надломленным басом выразил надежду:*

— Может быть, сыграем в преферанс?

Пришла маленькая, пышная жена адвоката Карпова, в [*золотом*] *пенсне на задорно вздернутом носу; Макаров исчез* [*к чаю*] *на несколько минут и воротился с Лидией, Алиной и незнакомой Климу* [*скромной*] [*бесцветной*] *девушкой в синей блузе, в сандалиях на босых ногах.* [*Лидия поздоровалась с Туробоевым, как с незнакомым*] *Туробоев поклонился Лидии, как незнакомой. Клим заметил, что, когда он назвал свою фам〈илию〉, Лидия слишком быстро отвернулась от него.* [1] *Через полчаса Клим слушал и* наблюдал *давно* знакомую картину [парада [слов] остреньких слов] словесного парада, [слов идей] *буйства* слов, или «парада парадоксов», как сказал однажды *в Петербурге* [Туробоев] *Кутузов.* Было что-то голодное, сладострастное и, наконец, даже смешное в том напряжении, с которым [Туробоев] Варавка и Лютов сцепились спорить. [Их словесное буйство] Казалось, они давно [и нетерпеливо] ожидали случая встретиться, [сесть друг против друга] *чтоб* швырять в лица друг другу [пригоршни иронических восклицаний и пыль] [показывать друг другу одни иронические восклицания и ухищряться в насмешливых гримасах. Они оба напоминали мальчишек, которые [разъяренно посреди улицы] *среди немощеной* улицы разъяренно бросают один в другого пригоршнями пыли. Варавка сидел в плетеном кресле, [скрипевшем под [ним] его тучным телом] он сунул руки в карманы [брюк под свой то〈лстый〉], *как бы воткнув* их в [свой тол〈стый〉] *живот* себе, откинулся на *скрипучую* спинку кресла, вытянув короткие [ноги] [2], [его] *слушая, он надувал* [красное лицо] красные щеки, небрежно прищуривал медвежьи глазки, а когда говорил, его бородища волнисто изгибалась на батисте рубахи, точно огромный язык, готовый всё слизать.

— Но — позвольте! — [гово〈рил〉] вскрикивал он.— Как же это? Вы признали, что [страна] промышленность [в стране] страны находится в зачаточном состоянии [и],

---

[1] *Текст:* Туробоев поклонился ∾ от него.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] Слово ошибочно зачеркнуто.

несмотря на это, [вы находите] *признаете* возможным, даже необходимым [ра⟨бочую⟩] внушать рабочим вражду ˻к промышленникам?

— Хе, хэ, хэ! — [нахально, противненьким] смеялся Лютов дразнящим смехом.

[Клима изумляло его] Клима изумлял этот смех, в котором не было ничего смешного, но ясно звучало нахальное озорство.

— Вот именно — вражду-с! Насквозь вражду! От основания до вершины-с! никаких примирений...

— Но — чего ради? — багровея, кричал Варавка.— Ради чего?

[— Ради взрыва всей [силы] массы потенциальной энергии, [Ради осво⟨бождения⟩]

— Только?

— Этого вполне достаточно.]

— Не понимаю, что побуждает вас [желать этого]...

— Фамилия! — сказал Лютов, [зажав бороду между двумя пальцами, как в ножницы] скорчив насмешливую гримасу. *Он сидел, выгнув спину, упираясь руками в колена свои. Клим видел, как его косые глаза дрожат в стремлении остановиться на лице Варавки, но не могут этого и прыгают, заставляя его вертеть головой. Клим видел также, что этот человек вызывает у всех [кроме Туробоева и матери] одинаково неприязненное отношение к нему. Туробоев сидел молча, курил и неопределенно посматривал на Лютова сквозь дым, прищурив один глаз.*

— Люто ненавижу [духоту] скуку жизни. Свободы жажду. Полной свободы, безграничия!

Он *покачнулся*, широко развел руками, добавив:

— Разрешите человеку безграничие свободы, не стесняйте его извне. Допустите испытать всю слабость и весь ужас,— да-с, ужас! — свободы [желания] деяния и мнения.

— Э, анархизм,— сказал Варавка и, вынув руку из кармана, отмахнулся, а Лютов продолжал:

— А засим он сам себя, по своей воле-с, ограничит изнутри. Он — трус. Но он — умный, потому что трус, именно поэтому! *Если иногда «он, мятежный, ищет бури», так это потому, что он, шельма, знает: за бурей следует покой. Человек жаждет покоя.*[1] Разрешите ему испугаться самого себя...

---

[1] *Над фразой*: Человек жаждет покоя.— *рукой автора красным карандашом написано*: Кутузов.

Разрешите это, и вы получите превосходнейших, кротких, дельных людей, [спокойное] уютное бытие и [всё прочее] *всякие сладости...*

— [С-странная мысль] *Это анархизм? — вопросит⟨ельно⟩* сказал Варавка, приподняв плечи и внимательно присматриваясь к Лютову; улыбнувшись, он добавил: — Может быть, это и верная мысль, но...

Неожиданно для Клима Туробоев бесцеремонно прервал речь Варавки:

— Для меня — это одна из тех мыслей, которые возникают из неумения владеть умом,— сказал он [и, подув на].

Варавка взмахнул головою [и сказал], Лютов [сн⟨ова⟩] повернулся к Туробоеву боком, вопросительно произнес:

— Как это-с?

Туробоев [улыбнулся, сдул пепел с папиросы и], оглянув всех, как бы желая сосредоточить внимание на себе, продолжал спокойно, негромко:

—[Заранее прошу извинить] Прошу понять: я не хочу никого обидеть. Я слушаю различные споры уже... лет десять. У меня всегда [остается] *возникает* именно это впечатление: русские люди не умеют владеть своим умом. [Мышление для них — новинка.] Во всем, что мы говорим, есть что-то разнузданное, [удивительно [несдержан⟨ное⟩] полное] совершенное отсутствие чувства меры. Не человек [не] владеет своей мыслью, а она порабощает [его] человека и — уродует его.

Его слушали молча, и внимание к нему возбуждало досаду Клима. Он искоса посматривал на Лидию,— девушка сидела в углу, бесшумно помешивая ложкой в чашке чай, опустив голову, Макаров, Алина и девица в синей блузе *и жена адвоката* шептались о чем-то, стоя у окна. *За окном, над рекою, медленно двигались черные [тучи] облака, отчищая [медный] серп луны, блестевшей всё более ярко* [1].

Закурив другую папиросу, Туробоев продолжал, негромко и задумчиво:

— [Можно привести ряд поражающих примеров] [Поражающим образцом русского человека, талантливого [по природе], но [изуродованного мыслью] *ограниченного, больного буйством прямолинейной мысли,* для меня является Писарев. Людей, подобных ему] У нас очень много людей, которые, приняв чужую мысль, не могут, даже как бы боятся внести в нее поправки от себя и позволяют ей буйствовать по прямой

---

[1] Фраза перечеркнута синим карандашом.

линии [как, например, буйствовала мысль [Нечаева] *Бакунина*]. Вообще мне кажется, что мышление для большинства русских людей — новинка, нечто непривычное и страшноватое. Некоторые, как Достоевский, боятся [разума] ума до истерики. Ведь Достоевский в своих книгах только одно кричит: бойтесь думать, а то вас постигнет участь Раскольникова, Кириллова, Свидригайлова *и прочих*! [Из] *Рядом* с Достоевским возникает такая изуверски мрачная фигура, как Победоносцев. А тут же Константин Леонтьев, человек, устрашенный разумом до желания заморозить [его] *всю ту* Россию, которая ищет свой путь. [1]

Климу казалось, что Туробоев говорит [*с той небрежностью, которая, обличая в нем*] *небрежно, с плохо скрытой заносчивостью* [*как*] *человека самоуверенного* [*поставившего себя выше всех и в сторону от людей*]. *Лютов прерывал его ироническими возгласами.*

— *Чаадаевщина!*

— *Чаадаев мыслил более здраво, чем Толстой и Достоевский.*

— Прегордая [вещеваете] вещаете! — воскликнул Лютов, потирая руки. — Прегордая, но — противоречиво-с!

— Не думаю! — сказал Туробоев, помолчав.— Неумение владеть умом *у одних* вызывает страх *пред ним*, [внушает стремление] у других — полное подчинение игре мысли и разнузданность ее.

Усмехнувшись, он добавил:

— *Прямолинейную разнузданность,— как это ни странно звучит.*

— Это — верно! — сказала [мать Клима] Вера Петровна.

— Удивительно верно! — упрямо и с вызовом повторила она,
л. 62 осматривая всех, а Туробоев [2] покачнулся к Лютову [и сказал], *говоря*:

— Вы тоже [испугались] испуганный человек, мне кажется.

Снова начался вихрь спора. [Единица, серый и длинный, изогнулся над Туробоевым и басом говорил:

— Лев Толстой...]

— *Мизантроп, который* ненавидит разум,— сказал Туробоев *и засмеялся*, а Лютов кричал на него:

---

[1] *Текст*: Некоторые ∾ свой путь.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: Это — верно ∾ Туробоев — *зачеркнут синим карандашом.*

[— Это дворянские мысли!]

— Да, да, именно — разпузданность мыслей и слов,— повторяла Вера Петровна, возбуждая в Климе ревность и досаду: «Что заставляет ее соглашаться с Туробоевым?» [1]

— Надо жить проще,— уговаривала она,— надо жить ближе к самим себе!

К ней подошел Макаров [*просит*] *и о чем-то просит* [2].

Варавка [встал на], *приняв* сторону Туробоева [и], снова заспорил с Лютовым, [а Туробоев] Единица, глядя под ноги себе, говорил:

—[Национальная мысль!] Есть национальный разум! Славянофилы. Данилевский, Страхов... Хомякова забыли!

Лютов повторил в лицо Варавке:

— Сословное мышление! Аграрники-с...

— Я считаю себя человеком деклассированным,— заявил Туробоев, встал и столкнулся у стола с Лидией.

— Ведь мы знакомы,— сказал он ей, улыбаясь; *Клим не слышал*, [*что*] *как* она ответила, [*Лидия*] но видел [улыбку], *что она улыбается.*

[— Да. Были.

[Ему] Климу не удалось послушать, [что] о чем говорили они, подошел Макаров [спрашивая]:

— Сейчас будем петь, — сказал он, [— Карпова замечательно поет и Осокина тоже.] [Он] отворяя двери в соседнюю комнату.— Вот кричат! Терпеть не могу...]

Клим вышел на [крыльцо] террасу, на ступени ее сидели рядом Туробоев и Лидия:

— Лютов? — тихо спросил Туробоев.— Это из тех оригинальных людей, которые не возбуждают [у меня] уважения. Но — любопытен.

— Моя подруга выходит за него замуж. Эта, красивая.

— А вы — не собираетесь?

— Нет.

Клим зашаркал ногами.

— Да, красивая,— сказал Туробоев *и спросил*:*— Но почему же она выходит за* [*этого*] *такого дьячка, одетого студентом?* [Очень красива.— И [обернувшись] спросил через плечо:

— Вас тоже утомил спор?

---

[1] *Текст*: — Да, да ∾ с Туробоевым?» — *первоначально шел ниже, после слов*: Аграрники-с...

[2] *Текст*: Надо жить ∾ о чем-то просит.— *перечеркнут синим карандашом.*

«Как [это] он узнал, что это я?» — подумал Клим.] *Он не обернулся, не взглянул, кто сзади его,* [*но*] *и только когда Лидия спросила Клима:*

— *Тебя тоже утомил спор? — Туробоев, посмотрев на него через плечо, сказал:*

— Да, всё спорим [говорил Туробоев, обращаясь к Лидии]. А я вот был в деревне, там — пьют. Старики говорят, что никогда еще не пили так отчаянно...

Клим стоял, опираясь на перила [и молчал, соображая: что сказать? Он], чувствуя себя обойденным, лишним. Из двери, вместе с гнусавым голосом Лютова, вырвались аккорды рояли, женский голос приятно запел:

— Во субботу, день ненастный.

[Очень светлое сопрано поет]

— Хорошая песня,—тихо сказал Туробоев.

Альт и сопрано пели грустный дуэт, *потом фальшиво, неумело вступила Алина* [*ворва⟨лся⟩*] *и засмеялась, а тенор Макарова заглушил ее* [*голос*] *смех.* [1]

Черные облака ползли по небу, стерев с него луну. За невидимой рекою [глуховато и мягко ворчал гром, далеко] таял в теплой тьме желтый огонек мельницы, где-то далеко ворчал гром. Кто-то купался, урчал, *звонко* плескалась вода. [Было необыкновенно грустно.] Лидия [в темноте] во тьме казалась маленькой [девочкой лет десяти] и напоминала [этим] о своем детском романе. Клим подумал [возможно, что]: *а вдруг* этот роман возобновится? [и тогда Макаров] Макаров [может по⟨любить⟩], наверное, [он] любит Лидию, ждет ее.

Он сошел с террасы на [песчаную] дорожку, мелкий щебень захрустел под его ногами, песок дышал сухим теплом. [*Тоскующая песня наладилась, окрепла и* [*тревожила*] *звучала*] В густой темноте, лишенной теней, [было] нéобыкновенно грустно. Клим вышел за ограду дачи, сел на скамью под березами [и задумался].

[Чего он хочет? Чем бо⟨льше⟩] Он чувствовал, что чем больше слышит споров по различным вопросам, тем менее эти споры занимают его. [2] [Наблюдая борьбу умов] Соревнование умов, [борьба мнений — это [суть], в сущности] в сущности, однообразная [утомляющая] игра. [Варавка за] [Преферанс [оживляет] *воодушевляет* Варавку так же, как борьба земцев за конституцию. Лютов обозлен, вероятно, тем, что некрасив.

---

[1] *Текст*: женский голос ∾ ее [голос] смех.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] Фраза перечеркнута синим карандашом.

Туробоев, споря с Асоновым о [смы⟨сле⟩] целях жизни, сказал, что жить можно из любопытства к завтрашнему дню.] Вообще все эти умники — скучный народ. Но [чего] в глубине души, под сугробом слов, чего хочет каждый из них? Чем они живут? Не напоказ друг пред другом?[1] Варавка — богатеет, но это идет у него механически, само собою, и, видимо, не является основной его целью. Он щедро тратит деньги на украшение города, не скрывая, что этим расчищает себе путь в городские головы, и сам же высмеивает [себя] свое честолюбие, находя его мелким. Преферанс воодушевляет его [так же как] не менее, чем борьба либеральных земцев с правительством. [Он] *Город много говорит о его шалостях с женщинами, но он* слишком умен для того, чтоб удовлетворяться [шалостями с женщинами] *этим*, [он] *и* понимает, что в его возрасте это смешно. Затем Клим подумал, что Туробоев очень метко назвал Лютова дьячком, но думать об этих двух было неприятно не только потому, что они оба отталкивающе не нравились, но и потому еще, что [мысли] Клим заметил: мысли о них тотчас [принимают наивный характер, его] становятся наивными и унижают, не подсказывая ничего ясного [не давая понять этих людей]. И, наконец, он чувствовал, что эти мысли, не давая понять Лютова и Туробоева, обидно опустошают его, а в пустоте возникает вопрос о самом себе:

«Чего хочу я?»

Когда Клим Полканов оставался наедине с самим собою, желание видеть себя впереди и выше людей [ослабевало] заметно теряло силу, а иногда [исчезало] совершенно исчезало [застав⟨ляя⟩]; в такие минуты он чувствовал себя обездушенным [и боялся их], маленьким, и ему [становилось] было жалко себя. Именно такие минуты потери себя овладевали [им] Климом, когда из ограды дачи вышла Лидия с Туробоевым *и* [сказала] *спросила*:

— [Идем с нами] Хочешь к реке?..

Он встал, предложил ей руку и [был обрадован] обрадовался, когда девушка взяла ее.

— А мы вспоминаем прошлое,— сказала девушка.

Туробоев добавил:

— Наше маленькое прошлое.

— Как старики...

С минуту шли молча, потом Туробоев негромко заговорил:

---

[1] *Текст*: Вообще ∞ пред другом? — *перечеркнут синим карандашом.*

— Да, как старики, это верно! [Мы] Наше поколенье *юности не знает, это очень верно подмечено Надсоном, духовно* старше отцов. И может быть, умнее или [луч‹ше›],— говоря более точно,— мы осторожнее отцов. Они слишком многое опростили и *этим* запутали. Простота не всегда — ясность.

«Как однообразно [думают] говорят все они»,— подумал Клим.

— Да,—тихо отозвалась Лидия.— Простота — ужасна.

Клим [искал] поискал какую-нибудь мысль, которая шла бы вразрез со словами Туробоева, и не нашел, [соглашаясь] молча согласился, что отцы — напутали.[1]

[Туробоев [по доро‹ге›] споткнулся, должно быть, о корень дерева, и сказал] Смеясь, Туробоев сказал:

— Этот... жених [остро злой парень и] неглуп! Хорошо он сказал: если [князья Рюриковичи] князь Крап‹откин›, Рюр‹икович›, и граф Толстой, и дворянин Бакунин проповедуют анархию, разрешите купеческому сыну поболтать. Здесь скрыто нечто весьма злое. Болтает он опасно...

[— Почему?]

Подошли к реке. [На] Около берега бесшумно двигалась лодка, на носу ее горел светец, [черная фигура] *черный человек*, с длинным шестом в руках, согнулся над [водою] *бортом*, глядя [в [красную] красное отражение огненных] *в* отражение огня на воде, в красную яму. Другой человек, тоже черный, осторожно шевелил веслами. [2]

Лидия остановилась.

— Все люди кажутся мне несчастными,— [заго‹ворила›] сказала она.— Но они не хотят сознаться в этом друг другу, стыдно сознаться. И вот говорят, говорят. Всё — не о том.

— О чем же, по-твоему, надобно говорить им? — спросил Клим.

— Не знаю. Я — не знаю. [Надо искренно говорить]

И громче, как бы желая, чтоб ее услышали рыбаки, она продолжала:

— Я не посмела бы сказать, что люблю народ, что меня волнует его судьба. Ничего этого нет. Просто — нет. И мне странно слышать, когда говорят [о народе] о *любви* [*к*]
л. 63 *народу*. Я не могу верить в такую любовь [к народу].

Туробоев тихонько засмеялся, потом сказал мягко:

— Вы — храбрая.

---

[1] *Фраза*: Клим [искал] ∾ напутали.— *первоначально шла ниже, после слов*: шевелил веслами.

[2] Абзац отчеркнут темно-красным карандашом.

[Климу не понрави⟨лся⟩] И смех его и ласковый тон вызвал и у Клима раздражение.

[— Это не храбрость] [— *Где же тут храбрость?* — спросил он.— Вы поощряете эгоизм.] Он спросил:

— *Если храбрость в этом, то* как же вы назовете революционеров?

— [Это] Они тоже храбрые люди... Особенно — те [из ⟨них⟩], которые делают революцию из любопытства. [Этих я понимаю.]

[— *Это*] [*Авантюристы! — сказал Клим, и ему показ⟨алось⟩, что Туробоев усмехнулся, отвечая*:

— Да. В эпохи [наиболее] сложные, ответственные [это] *авантюристы* — наиболее *полезные и* красочные люди.]

— *Это вы говорите об авантюристах,— поучительно заметил Клим, и ему показалось, что Туробоев усмехнулся, отвечая*:

— *О людях, которым тесно, которые хотят и смеют заглянуть дальше завтрашнего дня и даже пытаются ускорять события.* [*Любопытство — это и есть храбрость.*]

Ленивеньким тоном он стал говорить [о Ермаке] о волевых людях XVI века, Кортесе [и о], Пизарро [о Ермаке, Уот *Тейлоре и вождях крестьянских войн*]. Клим прервал его [напомнив о] [спросив строго]:

— Вы же не решитесь сравнить их с народовольцами?

— А почему? Разве Ермак, расширяя территорию России, не исполнял волю народа?

[Лидия резко вырвала руку свою из-под локтя Клима:

— Всё это не о том! не так,— сказала она.— Не то говорите вы! Всё это насильно. Ах, боже мой.] — *снисходительно спросил Туробоев и снова заговорил о пиратах и вождях крестьянских войн* [*но Клим почти не слушал его*], *о Магеллане и Уот Тейлоре; между прочим, он сказал:*

— Любопытство это и есть храбрость. *А когда любопытство превращается в страсть, оно уже любовь.*

Клим слушал его внимательно, искал возражений, не находя их, раздражался [еще] *всё* более, но уравнение любопытства и храбрости [ошеломило] *смутило и охладило* его. Почти всегда, когда он слышал такие [афоризмы] фразы, он чувствовал себя *несколько* ошеломленным и завидовал людям, которые умеют говорить парадоксы тоном истины. Он сам хотел бы говорить так.

[Тихо] Освободив свою руку из-под его локтя, Лидия сказала:

— Вот и вы [заговорили] *о пароде*. Неужели это неизбежно? — спросила опа [и заговорила], шагая тише.— Недавно, в городе, я видела *парад войскам и* крестный ход, шли тысячи людей, три, может быть, пять. Я верую в другого бога, возможно, что я даже не верую. Я иначе одета, иначе говорю, [1] читаю неизвестные этим людям книги, не боюсь того, чего они боятся, не могу кричать «ура», не выношу солдат,— я вообще вся — чужой человек [и не понимаю], *я боюсь* толпы и не понимаю людей, которые хотят быть ее героями.

Туробоев засмеялся:

— Прегордая вещеваете, как говорит жених.

— [Вероятно] Может быть, стыдно и уродливо думать так, но я не могу иначе. Я хочу быть искренней сама с собою...

— [Намерение ори⟨гинальное⟩] Роль — *нелегкая*,— сказал Туробоев очень тихо, а Клим напомнил:

— Пора домой, мы [зашли] далеко...

Пошли молча. Туробоев шел шага на два сзади и тихонько насвистывал что-то незнакомое Климу. Он хотел снова взять [ее] руку [но] Лидии, но она отшатнулась, [тихо] сказав:

— Все гордятся умом...

— Больше нечем,— поддержал Клим, ожидая, что скажет Туробоев, но тот промолчал.

На даче всё еще [пели] *кричали*, голоса неслись встречу всё звучней, сильнее...

[Несколько *дождливых* дней прошло в деловой суете.] Варавка запирался у себя в комнате то с Туробоевым, то с Лютовым; *простудилась и* захворала Алина [и Лидия сидела у], Лидия *с утра до вечера* сидела [целые] у нее, Вера Петровна играла с Макаровым в две руки, Клим лежал у себя в комнате, чувствуя [странно⟨е⟩] непонятное утомление, не желая никого видеть. [По вечерам [спо⟨рили⟩] собирались, спорили о политике, о Толстом.] Лежал и думал, что вот у каждого *человека* есть [что-нибудь] *что-то*, чего он упрямо держится, во что твердо верит или не верит, а он всё еще не находит в себе [такого] устойчивого стержня. Извне вторгается в него множество мыслей; [они] равноценно интересные, они противоречивы, необходимо [уложить] отделить от них наиболее отвечающие [его] запросам его [ума и души] разума и духа [гармонизировать их] и сделать опору для своего

---

[1] *Текст*: Туробоев тихонько (*стр*. *111*) ∾ иначе говорю — *перечеркнут синим карандашом.*

я, тогда [поя⟨вится⟩] и в нем явится прочный стержень. Конечно. Но когда Клим пробовал привести [себя] в порядок всё, что он знал и слышал, создать в себе ясный круг мыслей, который [бы] служил бы ему щитом против [чужого] насилия извне и, в то же время, с достаточной яркостью отмечал его оригинальность,— это ему не удавалось. Он чувствовал, что в нем, как *в пустоте*, [медленно] кружится медленный вихрь различных [мнений, теорий] теорий и мнений, [острых [слов] парадоксов, красивых афоризмов] этот вихрь раскачивает его, [волнует, но] *не* волнуя, *не всасывается в его чувство* [*и*], *ничего не дает ему* [*не задевает его чувства*] и не слагается в нечто твердое, устойчивое, надежное. Иногда *его страшило* это ощущение себя как пустоты, в которой непрерывно [волн⟨у-ется⟩] [живет поток] [*и холодно*] *кипит, не согреваясь*, холодный поток [*чужого и* хаотического, пугаю⟨щий⟩], и, страшась, он спрашивал себя:

«Что же я — глуп?»

[Но он был достаточно самолюбив для того, чтоб не согласиться с этим.] Но самолюбие тотчас утешительно подсказывало ему, что [ее] [эта пугающая] *именно* пустота, пугающая его, и есть [его] оригинальное, исключительное качество, отличающее его от всех людей.

«Еще не пришел мой час верить»,— [говорил он себе] думал он и внушал себе спасительную догадку: где-то внутри его, в самой глубине, [лежит] скрыто лежит [нечто и], зреет зерно [насто⟨ящее⟩] истины и веры, свойственной только ему. Оно еще не ощутимо, но это именно его *таинственная* сила [не] отталкивает [всё], как чужое, ненужное, даже вредное, всё, что он, Клим Полканов, знает. Вот почему иногда кажется, что вихрь чужих мнений [лежит] *кипит* в пустом пространстве.

[*Эта догадка внушала ему уверенность: — Нет, я не глуп.*]

Успокоив себя этой догадкой, Клим улыбался, но [тотчас] являлась новая тревожная тень: он думал о Лидии[1]: он [*и*] не мог понять своего отношения к ней. Был уверен, что не любит ее, и сам удивлялся тем подозрениям, которые возбуждала в нем близость Лидии к Макарову, [тому чув⟨ству⟩] и совершенно ясному чувству ревности, которое возбудил у него Туробоев. Он видел, что этот *высокомерный* человек интересует [ее] Лидию, вечерами она гуляет с ним и слишком

---

[1] *Текст*: Лежал и думал (*стр. 113*) ∾ о Лидии — *перечеркнут синим карандашом*.

внимательно слушает его всегда снисходительные речи. [Он видел] *Вместе с этим Клим* [видел] чувствовал, что мать уверена [в его влюбленности]: он влюблен в Лидию [Только этим можно], и это неприятно, не нужно матери. Только этой [ее] уверенностью можно объяснить ее дипломатию: *излишне* ласковое отношение к Макарову и Туробоеву, настойчивость, с которой она мешает Климу оставаться с Лидией и [сводит ее] старается, чтоб Туробоев и Макаров чаще встречались с нею. Все эти прозрачные ухищрения [возмущая] возмущали Клима и — *он сам не замечал* — усиливали его тяготение к некрасивой [и странной] [*девушке и*], пожалуй, даже скучной девушке. Клим усмехался: он уже знал девицу, которая тоже умствовала. Но ни усмешка, ни цинизм воспоминаний не успокаивали его.

Вдруг на дачу приехала Спивак. [Ее кошачье лицо было озабочено, а в глазах светился даже испуг] *Клим уловил что-то неприятное в ее кошачьем лице*, когда она [сказ⟨ала⟩] *торопливо* рассказывала Вере Петровне, что Дмитрий арестован [с какими-то рабочими] и что Асонов просил ее предупредить: дело [весьма] серьезное [не студенческое]. Мать выслушала ее спокойно, не показав никаких признаков [волнения] тревоги, но [1], когда Спивак [пере⟨шла⟩] ушла в отведенную ей комнату, она, [быстро подойдя и схватившись руками за голову, тихо] *крепко потирая пальцами седоватые виски*, сказала Климу [встав пред ним]:

— Я [знала] предчувствовала, что с Дмитрием случится что-нибудь такое... [Он безволен и вообще...] Но [боже мой, вдруг] *я боюсь*, [если] *что* этот арест *может* отразиться *и* на твоей карьере. [Зачем]

[Клим напомнил, что брат почти три года не был дома, но [он] Клим тоже был встревожен, а мать усилила [эту] его тревогу, сказав:

— Но ты жил на одной квартире с ним! Это было неосторожно.]

— *Ты жил вместе с ним...*

— Это *еще* не значит, что [я с ним солидарен] *мы солидарны*,— пробормотал Клим, чувствуя, [что] *как* тревога матери передается ему. Вера Петровна ходила по комнате, *нервно* встряхивая головою [твердо притопывая каблуками].

---

[1] *Текст*: Вдруг на дачу ∾ тревоги, но — *перечеркнут синим карандашом и рядом помета*: ⊢⊣

— Надо ехать в Петербург,— говорила она.— *Ах, боже мой*... Надо ехать.

л. 64 Остановясь пред Климом, она спросила:

— Тебе не показалось, что эта дама сообщила свою новость с удовольствием?

— Нет.

— Ты хорошо знаешь ее?

Клим, пожав плечами, [сказал] *ответил*:

— [Не могу *это* сказать] Встречал нередко, но [— знать... Я вообще плохо понимаю женщин] — *не* скажу, что знаю. Она недурно поет...

Вера Петровна [помолчала], покусывая губы, отошла к зеркалу, поправила прическу [и сказала:

— Я чувствую в ней что-то враждебное.]— Я поторопилась сдать квартиру. Но флигель так долго стоял пустой.

Вздохнув, она сказала:

— Ах, Дмитрий, Дмитрий...

И посмотрела на часы, вынув их из-за пояса юбки.

— Сейчас должен приехать Тимофей Степанович.

Варавка отнесся к событию [спокойно] *иронически*

[— Эти аресты снова становятся] [Отдохн⟨ули⟩] [Снова] [Отдох⟨нули⟩] [Отдохнули,— сказал он, усмехаясь.— Снова «кровь кипит, сил избыток»]; *усмехаясь, он спросил:*

— *Что же, это у Полкановых [должно быть, наследственное? Старшие братья] старших наследственная тяга в тюрьму?*

Расчесывая бороду гребенкой, он ворчал:

— [Волнуют⟨ся⟩] [Ар⟨хитекторов⟩] Молодежь снова волнуется, н-да. А вот архитекторов хороших у нас нет.— Он сел на диван рядом с Климом, обнял его за талию и [стал] начал убеждать:

— Ты бы шел в Ак⟨адемию⟩, по классу архитектуры, или в Инст⟨итут⟩ гр⟨ажданских⟩ инженеров. Адвок⟨атов⟩ у нас — излишек, прокуроров — достаточно, в каждой газете добрый десяток, не говоря уже о судах. Серьезно [говорю], зачем тебе университет? А так получилось бы некоторое равновесие: один брат разрушает, другой строит.

— Я хочу ехать в Пет⟨ербург⟩,— заявила Вера Петровна.

— Конечно,— сказал Варавка.— Разумеется.

И, шумно вздохнув, сказал:

— Я очень доволен, что Лидия не на курсах [как ей хотелось]. Среди актеров революционные идеи не популярны. Это — необъяснимо: большинство революционеров

тоже ведь живет чужими словами. На курсах Лидия углубилась бы... Она любит углубляться, как семинарист в басне Хемницера: «Веревка — что такое?» [1]

Прижав Клима сильной рукою к себе, он сказал:

— Посмотришь, посмотришь на вас, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, подумаешь: а ведь, пожалуй, глупо работать! Что ни делай — наследники будут недовольны...

— Не все,— сказал Клим очень любезно, думая о том, что Варавка, пожалуй, прав: в университете и скучно, и трудно. И — беспокойно.

Пришла Спивак, озабоченно спросила, не опоздает ли она на поезд. Клим заметил, как [гл⟨аза⟩] зоркие [глазки Варавки перекрестили] глаза Варавки, перекрестив ее фигуру измеряющим взглядом [и], сладко улыбнулись.

— Вы разве не ночуете здесь? — *ласково* спросила мать [ласко⟨во⟩], Спивак отказалась: [там, в городе, муж один, нужно получить вещи с вокзала, а он ну⟨ждается⟩] [она не может] [*Спивак решительно отказалась, говоря*⟨?⟩] *нет, ей необходимо быть в городе, завтра утром приедет прислуга с вещами*, нужно поскорее устраивать квартиру, муж не выносит хаоса.

— Он у вас такой маленький, смирный,— *улыбаясь*, сказал Варавка, а Вера Петровна продолжала радушно уговаривать Спивак остаться.

— Смотрите, как [у нас] здесь хорошо,— говорила она, указывая в окно на синее небо, а Клим видел, что уголком глаза она следит за [Варавкой] лицом Варавки, игравшего бородою.

«Как всё это мелко,— думал Клим.— И как необходимо...»

[Ему было] *Он* даже немножко [жалко видеть] жалел мать. Что [нравится ей] *любит она* в этом толстом, потном человеке? Неужели можно любить ум? [Странно] *Сердито* говорил Варавка о Лидии. *Но — верно: смешна эта привычка умствовать, углубляться.*

— Я ведь приехала только исполнить поручение, сообщить об этом несчастном случае; писать — неудобно,— говорила Спивак.

Клим сидел рядом [со Спивак] с нею. [Сдержанно, немножко натянуто она] [Она] *Затем она* рассказывала о концертах, опере, анекдоты о известных музыкантах [и пис⟨ателях⟩] и

---

[1] *Текст*: Остановясь пред (*стр. 116*) ∾ что такое? — *перечеркнут синим карандашом.*

артистах, [она] говорила [сдержанно и подробно] как [столичный человек] *столичная дама*, не уверенная, что провинциалы способны понять всё, что понято ею. Клим ощущал *знакомый* запах ее духов, и в памяти его навязчиво звучала музыкальная фраза: «Тобой, одной тобой...»

Шуршал шелк ее блузы; [она] несколько раз [он] Спивак задела Клима локтем, но не извинилась, даже не взглянула на него. Он демонстративно отодвинулся.

После чая отправились вчетвером провожать ее на вокзал.

— Ты не устанешь? — [спросила] *заботливо спросила* мать Варавку, [он] не ответив ей, *он*, комкая панаму красными пальцами, [но спросил] [он] *оглянулся и тоже спросил:*

— А где же этот, Туробоев?

[Климу показалось, что Спивак выпрямилась, и тоже спр⟨осил⟩] *Он* оглянулся, [он так] как будто [спрашивал] спрашивая о собаке, Климу даже показалось, что [он хочет посвистать, так] *Варавка* [хочет] сложил губы так, [как] точно хочет свистнуть. Мать сказала, что Туробоев, Лидия [Лютов] и вся молодежь уехали *на двух лодках* в село, [на ярмарку] там храмовый праздник и ярмарка. [Было странно, что Спивак] Подозрительно, что имя Туробоева не вызвало у Спивак никаких вопросов. Она должна бы спросить: «Разве он здесь?» [Или] Или что-нибудь в этом роде.

Шли [гуськом] по узкой тропе, среди берез, [синеватая мгла] в синеватой мгле вечера белые стволы [блестели особенно бархатно], *потеряв холодный* [*атласный*] *блеск*, [казались мягкими] казалось, *окутаны* [голу⟨быми⟩] *светло*-голубым бархатом. В тишине рощи внятно звучал снисходительный голос Спивак:

— Я не люблю этих книг, с догмами и «Без догматов». Мне кажется, что Сенкевич — не новость. Такую книгу давно уже написал Мюссе, знаете: «Исповедь сына века»? Потом — Поль Бурже: «Ученик».

— [М-м] [Образованная] [М-м...] *Образованная*,— тихонько [сказал] *шепнул* Варавка и ткнул Клима пальцем в бок.— Не плоха бабочка, а? —И, вздохнув, продолжал: — Н-да, [все становятся] пишут, читают. А вот о лесном хозяйстве в России толковую книгу никто не догадается написать. Свиньи.

Он отвел палкой от лица ветку березы и продолжал сердито:

— Зимой познакомился я с актрисой, а она меня спраши-

вает: насколько Ибсен зависим от Нитчше? А чёрт их знает, насколько они зависимы друг от друга! Я вот от дураков зависим, это — так! Мне [вчера] губернатор шепчет, что я [рискую чем-то] *компрометирую себя*, давая работу политическим, поднадзорным. Я говорю: они относятся к делу честно. [А он: мы все работаем честно.— Идиот]. А он [спрашивает]: *разве, говорит*, в России [нет][1] честных людей не опороченных? Идиот.

Когда, проводив Спивак, возвращались домой, он продолжал сердито жаловаться [и это было непохоже на него], *ругал всех*, растрепывая бороду, помахивая палкой, это было непохоже на него.

— [Туробоев — декадент,] выродок, а] Этот Лютов — [сложнейший жулик] хитрая бестия. Ему бы в жандармах служить. Ты, брат, осторожнее с ним. [Он] А Туробоев — выродок... как это? Декадент. Продать не умеет. *Дом в городе я у него купил, под техническое училище. Продал дешево, точно краденое*. Вообще — чёрт знает, что это за люди? Говорят, говорят... А на газету денег дать — жалко...

Мать, покачиваясь впереди его, молчала. Она шла медленно [и], держа голову прямо и неподвижно, как слепая. Дома, очень поздно, когда Клим, не дождавшись возвращения молодежи с прогулки, ⟨лег⟩, она в капоте и ночных туфлях постучала в дверь к нему.

— Не зажигай свечу,— *тихо* сказала она, когда Клим хотел сделать это. Села на стул у его кровати и начала говорить, как всегда, деловито и сухо, что завтра она едет в Петербург [и что, пожалуй, Варавка прав — не лучше] и что, пожалуй, Варавка прав: не лучше ли Климу оставить университет?

— Меня тревожат эти студенческие волнения... Я верю в твое благоразумие, но какая-нибудь глупая случайность...

Клим почувствовал, что ее тон становится [всё] мягче и что она хочет сказать что-то еще. В лунной мгле она [казалась маленькой и] чудесно помолодела и, несмотря на пышные складки капота, казалась *трогательно* маленькой.

— Прощай,— сказала она.— Ты будешь спать, когда я уеду.

Привстав, погладила негустые, мягкие волосы [сына] Клима, поцеловала его в лоб. Удержав [ее] руку матери [и гладя ее], он спросил:

---

[1] Слово ошибочно зачеркнуто.

— Тебе грустно?

— В моем возрасте мало веселого,— ответила она [вставая и] и снова села [очень прямо].

— Клим,— сказала она неслыханным, незнакомым голосом, тихо, но звучно.— Я хочу сказать что-то. Наверное,— не сумею, не так скажу. Но — ты пойми... [1]

л. 65 Сидела она [прямо], напряженно выпрямившись. Климу показалось, что ее суховатое [остр⟨ое⟩] тонкое лицо посерело, глаза широко открылись. Она закусила губы, точно сдерживая крик, помолчала:

— Я — не о себе,— зачем-то предупредила она.— Я о тебе. Ты начинаешь жить. Наверное близко, впереди, тебя ждет женщина.

Освободив руку свою из его рук, она крепко запахнула халат и, сложив руки на груди, продолжала, вдруг всхлипнув.[2]

— Я не знаю, о чем говорить... может быть, о милосердии [о велик⟨одушии⟩] к женщине, о великодушии, не знаю, право...

Клим [вздрогнув, похолодел] *растерялся*, [взд⟨рогнул⟩] почувствовал холодную дрожь изумления, он никогда не видел, не мог представить мать плачущей. Ожидая услышать что-то ужасное, потрясающее, он вскочил, обнял мать и забормотал:

— Не надо, мама... Успокойся...

[Судорожно] Мать судорожно терлась щекою о его плечо и [шептала], задыхаясь, прерывисто шептала сквозь не то *сухой* кашель, не то смех.

— Это... это самое одинокое существо в мире — женщина. [И девушка. Это ужасно!] За что? [И девушкой] И женой, и матерью — [так] одинока, до безумия. Только минуты в награду за бесконечные [годы] дни, ночи, годы одиночества.

— Дать воды? — спросил Клим и, тотчас поняв, что это глупо спрошено, обнял ее крепче. Она дрожала, изгибалась, видимо, потому, что хотела сдержать рыдания, и всё [истеричнее] горячей, оз*лобленнее* звучал ее шёпот:

— И гордость, которую попирают так жестоко, бессмысленно. Привычное — ты пойми! — привычное нежелание понять, заглянуть в глаза, в душу... За что всё это? Я не так, не то говорю... Но об этом не скажешь, надо выть,

---

[1] *Текст*: Этот Лютов (*стр. 119*) ∾ ты пойми...— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст:* Сидела она [прямо] ∾ вдруг всхлипнув.— *отчеркнут красным карандашом.*

После: всхлипнув — *знак вставки синим карандашом.*

рычать. Надо — но бесполезно! Скажут — истеричка... Порошки предложат, воду...

Она, действительно, истерически засмеялась, потом снова начала бессвязно говорить [таким сухим голо〈сом〉], и звук ее голоса был так странно сух, что казалось, [у нее] [что] *на теле ее* трещит *и рвется* [вся] кожа.

— Надо рядиться, [распутничать] кокетничать, жить, надо... я не знаю что! Опьянять себя, не думать о себе.

Клим гладил пальцами ее поседевшие виски, и пальцы его дрожали.

— Ты должен знать,— говорила она,— все женщины больны одиночеством. Это неизлечимо, смертельно... Это, должно быть, неизбежно.

Успокаиваясь понемногу, она говорила тише:

— [Ты должен знать] Ты — один у меня. Я эгоистична, это неизбежно для всех, кто [одинок, да, я эгоистка, но я тебя люблю. И я вижу] *обречен на казнь одиночества и непонимания...*

Клим хотел закричать ей:

«Молчи! Это [*уже*] *говорила мне уродливая девчонка».*

[*Вздохнув очень*] *Освободясь из объятий Клима, она выпрямилась и глубоко вздохнула, говоря:*

— [Милый мой] *Эгоизм — не грех, это — боль, это холод, от которого всё ноет, кости ноют.*

И вдруг сказала:

— *Вот я вижу*, как ты борешься с твоей любовью к Лидии.

— Это не [верно] так! — сказал Клим [испуганный чем-то] испуганно.— Это — неправда, прости! [Но]

— [Давно правда] [Вы все] *Нет, дай сказать.* Ты — рассудочен, и от рассудка тебе кажется, что неправда... Пойми, я говорю не потому, что не люблю ее, но я боюсь, она тебя изломает. [Она девушка, которая, *тоже* от ума, давно уже чувствует себя женщиной, обреченной на казнь одиночества и непонимания. Она — жалкая...

Теперь в словах матери Клим ясно слышал [презрение, почти ненависть] вражду *и* презрение — чувства неожиданные после всего, сказанного ею раньше. Он был сбит с толка, смят и замолчал, а мать, освободясь от его объятия, обмахивая лицо платком, еще долго говорила о Лидии всё так же враждебно, но уже спокойно. Климу было неприятно слушать это, но он слушал с любопытством, с острым вниманием.]

[Теперь мать [говорила] заговорила] *О Лидии мать говорила в два голоса:* [*тем надорванным тоном*] *надорванно, как о себе, и с* [*той*] *упрямой, угнетающей настойчивостью, за которой* [*чу*⟨*вствовалась*⟩] *Клим* [*ясно*] *чувствовал неприязнь* [*вражд*⟨*ебность*⟩] *и презрение. Обмахивая лицо платком, она притопывала ногою в такт своих слов.*

— Право же, ты ошибаешься,— сказал Клим, слушая ее с тревожным и острым вниманием, сказал [*он*] *только* [*для того*] *потому, что было неловко молчать.— Мое отношение к Лидии...*

Но мать не слушала, говоря:

— Это девушка самоуверенная и холодная. Она не [любит] может любить. Она и отца не любит [никого]...

Неожиданно для себя Клим спросил:

— Тебе плохо с ним?

Мать встала, выпрямилась и, пожав плечами, сказала:

— Он чувствует себя моложе, чем я... Это создает у обоих настроения...

Подумав, она добавила [1]:

— Не совсем искренние... Ну, прощай же!

Подняла руку, как бы желая перекрестить его, но только поправила прядь волос, щекотавшую ее шею, и ушла; *Климу показалось, вопрос о Варавке обидел ее. Он посмотрел на часы, мать просидела у него не более сорока минут, но казалось, что она была часа два, три. Он почувствовал себя измятым, сбитым с толка* [*и думал*] *и, взволнованный,* [*недовольн*⟨*ый*⟩] *неприязненно думал, что есть* [*вещи*] *отношения, которые ему вовсе не нужно знать.' Он тоже одинок, и это тоже дает ему право на эгоизм. Да.* [2]

Не спалось. Темная ночная бабочка билась о стекло окна и, раздражая, [*гудели комары*] *гудел комар. В тишине, далеко, зазвучала песня и оборвалась, потом* [*стал слышен мерный плеск*] *стало слышно, как плещут весла по воде и звучит кларнетом голос Лютова.* [*Клим встал и долго стоял у окна, чувствуя, что мать внесла* [*в его жизнь*] *что-то новое и тягостное* [*Новое*] *в его отношения к ней, к Лидии, особенно — к Лидии. Он убедился в этом.*] *Клим встал, подошел к окну, чувствуя, что мать внесла нечто новое и тягостное в его отношения к ней.*

---

1 *Текст:* Сидела она (*стр. 120*) ∾ она добавила — *отчеркнут на полях синим карандашом.*

2 *Текст*: Не совсем искренние ∾ на эгоизм. Да.— *перечеркнут синим карандашом.*

Уже светало. В зеленоватом небе [звезды блестели [серебром] серебристо] серебряные звезды блестели холодно и остро. [1]

Две лодки пристали к берегу и, *выскакивая из них*, на синеватом фоне реки [шев⟨елились⟩] прыгали игрушечные [звезды] фигурки людей. Вот выпрыгнул на [серый] песок Туробоев, белый, точно мельник, и тотчас рядом с ним встала Лидия. Они [были] одного роста и [над] [за ними] стояли так, что [семь] три белых звезды Большой Медведицы сверкали над ними, а четыре — по бокам их. Лютов кричал:

— Дамы и девушки — спать, а мужск⟨ой⟩ пол идет на мельницу [куп⟨аться⟩, правильно?]. Выкупаемся и будем чай пить... Правильно?

Шесть женских фигур *и две мужских* пошли [по берегу] налево, шли они [ме⟨дленно⟩] тесной группой [и], от них на [воду] [гладь синей воды] синюю воду легло белесоватое пятно и замутило гладь реки. Туробоев, Лютов и Макаров пошли вправо.

— Костя — анафему! — закричал Лютов [и], тотчас же мягкий басок Макарова начал четко чеканить:

— С-сомневающиеся... в бытии б-божием и утверждающие, что мир произошел сам собою,— ан-нафема!

Три голоса заунывно и погребально затянули:

— Ана-ана-афема, анафема, а-ана-афе-ема-а!

— Безобразие,— [за⟨кричала⟩] [крикну⟨ла⟩] крикнула Алина, остановясь и приложив ладонь ко рту.

«Как [всё] глупо»,— [подумал] проворчал Клим, ложась в постель. [Думать ни о чем] [ощущая, что]

Несколько минут он пролежал, стараясь [ничего] не думать, *уснуть* и заглушить во сне что-то смутное, но беспокойное, внушенное матерью, что-то остренькое и новое о Лидии. Почему мать так [упорно] неизменно и упорно не любит ее? Варавка — прав, Лидия слишком умствует, это всего неприятнее в ней. Но ведь все люди проще, чем они кажутся. В каждом из них можно открыть это простенькое, [низенькое] тот стержень, на который они вывешивают флаги показной оригинальности. Вот — мать плачет, это неожиданно, это как бы изменяет весь ее образ, но ведь [что] это из ревности [и], потому что она стареет. Вероятно, она и Лидию не любит за то, что девушке еще предстоит

---

[1] *Фраза первоначально шла выше, перед словами*: [Клим встал и долго....

пережить те праздники, которых [уже] у матери *уже* не будет. [1]

Клим сбросил с себя простыню, сел на кровати, облегченно вздохнув, ощущая, что в нем [есть стержень] крепнет, твердеет убеждение в [своей] правильности [сво⟨его⟩] его недоверия к людям.

Да, разумеется, все они, каждый по-своему, расцвечены искусственно и фальшиво. [Все] Различия между ними в словах, прежде всего — в словах. А в нем есть прочный стержень, он — честнее относится к себе, чужие мысли, идеи, словечки потому именно не врастают, не всасываются в него, а плывут сквозь [него], влияя только на память, но не волнуя души, только потому, что в нем есть честное [неверие] отвращение к мишурному блеску слов, к надуманным красотам. [2]

Небо над мельницей уже [порозовело, и в комнате стоял] *покраснело*, комнату наполнила розоватая пыль, в открытое окно щедро вливалась душистая свежесть, запах цветущей ржи, яростная перекличка зябликов. Клим оделся и пошел купаться к мельнице, там, в омуте, вода была чище и холодней. Он еще издали [за⟨метил⟩] увидал, что Макаров с товарищами сидят за столом под липами [пред самоваром, блестевш⟨им⟩], на столе солнцем сиял самовар. Макаров тоже [увидал] заметил [его] Клима, встал и, приложив кулаки ко рту, закричал, как в рупор:

л. 66 — Иди сюда!

Выкупавшись, освеженный и бодрый, не чувствуя утомления от бессонной ночи, Клим подошел к столу.

— Молока или чаю? — спросил Макаров.— Выпей сначала молока — изумительное! Из сосцов Геры.

[У них еще не просохли волосы, приклеенные к черепам, *они сделали лица троих людей меньше*] *Лютов и Туробоев, увлеченные беседой, поздоровались небрежно и торопливо; прямые волосы Лютова, еще мокрые, лежали на черепе его плотно, от этого лицо Лютова* [*ст⟨ало⟩*] *уменьшилось, стало острей, и косые глаза его с красными белками бегали безумно.*

Подняв палец, он говорил быстро и звонко:

---

[1] *Текст*: Почему мать ∾ не будет.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: Да, разумеется ∾ красотам.— *перечеркнут синим карандашом; на полях отчерк красным карандашом и помета*: 132.

— Платон сказал: божест⟨венные⟩ силы никогда не действуют без цели, и они знают природу человека; знают, что с их руководством человек может понять те идеи, которые сообщаются ему волею высших сил...

Туробоев сидел [сп⟨иною⟩], прислонясь спиною к стволу липы, вытянув ноги, и улыбался, не высокомерно, как всегда, а — задумчиво и мягко. Его вышитые брови [были внима⟨тельны⟩] немножко нахмурены, глаза [смот⟨рели⟩] внимательно ловят прыгающий взгляд собеседника. Бледное лицо особенно красиво сегодня, и расстегнутая рубаха обнажает очень белую кожу груди.

— Но — позвольте! — прервал он Лютова.— Во-первых, надо признать бытие б⟨ожественных⟩ сил, что не каждому дано и не для каждого обязательно, а, во-вторых, вам [марксисту] не подобает опираться на Платона...

— Благородный друг мой! — почти взвизгнул Лютов и так *резко* наклонился к Туробоеву, точно хотел прыгнуть на него.— В той или другой форме действие высших сил вы обязательно признаете, неотвратимо! Назовете их бессмысленными, но — увы! — они — тут, они действуют. В глупейших законах размножения рода человеческого *и борьбы за* [*сущ⟨ествование⟩*] *жизнь*, в железном законе Мальтуса [у Маркса] и повсюду в процессе истории.

— Убьют они меня,— сказал Макаров Климу, сморщив лицо и качая головою.— Задушат скукой...

— А на Платона я опираться [могу] имею неоспоримое право, ибо аз есть русский человек [который] и, как таковой, обязан натурою моей быть метафизиком, даже будучи материалистом. Мы, Русь, суть метафизики в корне-с! Наш нигилизм носит явно мистический характер,— в этом удостовериться нет ничего легче. У нас в каждом земском статистике Пифагор сидит и Маркса воспринимает, как Сведенборга или Якова Бёме. И всякую науку мы не можем понять иначе, как метафизику [в] чисел, [ибо] да так оно и есть, ибо в основе положительных наук лежит математика, [мист⟨ика⟩] которая суть мистика цифры.

— Ну, [уже] я вас не понимаю! — сказал Туробоев, наклонив голову и как бы избегая воспаленного взгляда косых, роющих глаз, а Лютов сверлил, задыхаясь:

— Подумав серьезно — поймете-с! Это — пустяки, что *немец — прирожденный* метафизик, это ерунда-с! Немец философствует по двунадесятым праздникам, по ремеслу, машинально-с! А мы *страстно — мы* день и ночь, и во сне,

ходя, лежа, сидя, [в первую ночь после свадьбы] на груди возлюбленной и на смертном одре. [Можно сказать — задыхаемся в своей мечте, в соображениях высшего порядка.] *Мы даже и не философствуем, потому что это ведь у нас не от ума, а от воображения; мы — не умствуем, а мечтаем во всю силу зверства натуры. Зверство поймите не в порицающем смысле, а в измеряющем...*

Он подскочил на скамье, размахнул руками, описав круг в воздухе, и потише сказал:

— *Вот так поймите!* [*как*] *Ненасытность. И не от разума, повторю, а от силы плотского духа. Умов же у нас не обретается, у нас — таланты. У нас умствует или испуганный дурак или отчаявшийся до тоски Чаадаев, так его тотчас признают безумным.* [1] Все задыхаемся, снизу до верха! Где еще найдете вы такое разнообразие и обилие сект, как у нас? И самых изуверских: скопцы, бегуны, красная смерть [*самосжигатели*]. [2] Мечта есть у нас, мечта! Чёрт ее знает какая, но — есть! В каждом-с! *Вы ведь тоже какого-нибудь совершенства жаждете?*

Лютов [качался] подпрыгивал на [стуле] скамье, размахивая руками, [он как-то] весь [разрывался] разрываясь. Климу казалось, что этот человек сейчас выскочит и побежит [куда-то], и не прямо побежит, а изгибами, *по* ломаной линии. В нем было что-то жуткое, пьяное и действительно страстное, насквозь чувственное [и], воющее. Заметно было, что [он] Туробоеву тяжело слушать его, он утомленно и красиво прикрыл глаза [еще] и еще более нахмурил брови, говоря:

— А это уж от славянофильства, что ли, от Достоевского...

Макаров жалобно попросил:

— Бросьте, дети мои! Молоко киснет...

Но Лютов был неукротим.

— Достоевский! — кричал он.— [Ребенок на краю пропасти. Народа не знал. Главного не видел.] Обольщен каторгой. Что такое его каторга? Парад. Он инспектором на параде на каторге был. [Сектантства не понимал. Всю жизнь.] *Изображал* [*всю жизнь*] *исключительно каторжников. Кирилловы, Рогожины, Карамазовы, Свидригайловы — все люди*

---

[1] *После*: безумным — *помета красным карандашом*: Вставка, *вставка отсутствует*.

[2] *Перед*: Мечта — *помета красным карандашом*: Вставка, *вставка отсутствует*.

у него каторжники, грешники, а [*святой*] *праведный человек — «Идиот», человек больной и жалкий. Народа Достоевский не знал, о нем не думал. О главном не думал. Когда к мужику в гости явился Христос — мужик вел себя дураком. А это — не дурак!*

Широко взмахнув рукою, Лютов показал на мужика у ворот.

Туробоев усмехнулся, [молча] качая головою [и]:

— Нет, я вас не понимаю. [Почему сектантство главное?] [Не понимаю, чего хотите?]

Клим, искоса посматривая на Лютова, [представляя] *пытался представить* [себе], как этот неистовый человек говорит с Алиной. Это не представлялось. Еще [менее] более непонятно было, как же Лютов станет жить с [девушкой] женщиной, которая ничего не видит, кроме себя [своей красоты]? И что заставляет его кричать, разрываться?

Он вспомнил, [*что*] [*как*] *что Алина, увидев Туробоева, широко открыла глаза* [*и*], *тихонько шепнула ему:*

— Это — Игорь? Какой он стал...

— Какой? — спросил Клим, но она не ответила, оправляя [*кофточку*] *кофту на груди, ощипываясь, точно курица перед дождем.* [1]

[*Не было даже*] *Скользнув, это воспоминание исчезло. Клим снова начал слушать* [*спор*] *прыгающие слова Лютова. Было досадно, что он не понимает косого философа и не может* [*вмешаться*] *возразить ему, — а возразить хотелось.* Макаров встал, потянулся и, вкусно зевнув, пошел к мужику, сел на бревно, рядом с ним. Уходя, он сердито проворчал:

— Очевидно, конца этому словотечению не будет.

Лютов, глядя вслед ему, говорил, понизив голос:

— [Не понимаю] Наш народ — самый свободный на земле. Он изнутри ничем не связан. И никакой действительности не любит. Он — штучки любит, фокусы. Колдунов и чудодеев. Он завтра может принять магометанство — на пробу! На пробу-с! Может сжечь все свои избы и *всем скопом* уйти в пустыни, в пески, искать Опоньское царство...

— Славянофильство и романтика,— *небрежно* сказал Туробоев, скрывая зевоту, и спросил, в упор глядя на Лютова:— В конце концов: кто вы? чего хотите?

[Лютов] Крестообразно прижав руку ко груди, Лютов оглянулся и сказал тихо:

---

[1] *Текст*: Он вспоминал ∾ перед дождем.— *перечеркнут синим карандашом.*

— Я — испуганный дурак. Я хочу не бояться народа, но — не могу, хочу его осмыслить и— не могу. Чего [хочет] желает народ? Вы, конечно, либерал и воображаете: свободы [хочет] желает народ! Свободы? Х-хэ! [Ему] Он испугаться хочет,— вот чего! Согрешить как-то очень страшно и — затем испугаться и присмиреть на триста лет *в самом себе*! Сделано! Понимаете? Сделано. Заметано. Исполнены все грехи. Все! И засим начинается...

— *Странно слышать всё это,— сказал Туробоев, пожав плечами, усмехаясь.— Мы понемногу становимся на европейские рельсы, а вы...*

— Вот что, господа...

Клим не заметил, как подошел мужик на деревянной ноге; он [подошел] явился сбоку, из-за лип, и [обратился к нему], говоря басовито [и внушительно], помахивал рукою в сторону плотины:

— Тут, для вашего удовольствия, сом живет, серьезная рыба, пуда на два, а то и больше.

Лютов замолчал и смотрел на него, мигая, Туробоев закуривал папиросу, сморщив лицо.

— Я бы вам охоту на него устроил,— говорил мужик, упрашивая.— Рубликов двадцать пять будет стоить. Интересно для развлечения.

— Что ж, устраивай, — согласился Туробоев, но Лютов, ударив себя ладонью по колену, сказал:

— Дорого. Пятнадцать.

— За три-то пуда рыбы? — обиженно спросил мужик.

Туробоев встал, посмотрел на часы и сказал Климу:

— Еще нет девяти, а [уже] жарко! [1] [Вы скоро в Петербург?]—И пошел берегом реки к дачам, шагая мерно, как солдат, взбивая рукою просохшие волосы. [Под] Макаров, лежа на бревне, должно быть, уснул, Лю⟨тов⟩ всё еще торговался с мужиком. За рощей свистнул [утренний поезд] *паровоз утреннего поезда*, из полосатой купальни доносился плеск воды и смех. Лютов *фамильярно* взял Клима под руку и повел его вслед Туробоеву, говоря:

— Значит — ловим сома!

Он шел, оглядывался, прищуривая прыгающие глаза, и, видимо, хотел еще говорить. Клим молчал, не желая поощрять его.

---

[1] *Текст*: Вот что, господа... ∾ а [уже] жарко! — *перечеркнут синим карандашом.*

— Да-с... живем во исполнение грехов. И на погибель соблазнов живем,— сказал он, заглянув в лицо Климу.

— Почему вас интересуют именно эти вопросы? — спросил Клим и пожалел, что спросил.

Лютов, замедлив шаг, выдернул руку из-под его локтя.

л. 67 — Осведомляетесь философически... И, кажется, не без скептицизма. [Лицо] У вас лицо скептика...

Сунув руки в карманы *фланелевых, очень* измятых, испачканных брюк, он сказал:

— Отвечаю: вопросы космического характера отстоят от нас весьма далеко, а вопрос социальный *так близко, что* завтра же может стукнуть [нас] по башкам,— извините бон мо!

Его снова взорвало, он с такой торопливостью осыпался словами, что внушил Климу догадку: он говорит об этом потому, что боится думать о чем-то другом. И, наверное, об Алине. Наверное.

Клим внутренно усмехнулся. Слушать рваную, почти истерическую речь спутника было неприятно и утомительно, к тому же хотелось спать. Клим обрадовался, увидев Варавку в халате, с полотенцем на плече, спускавшегося к реке; борода его блестела на солнце, как медь; он делал рукою приветственные жесты, и, хотя пальцы руки были разжаты, казалось, что он грозит кулаком. Когда они [встретились] сошлись с Варавкой, Клим пошел домой.

Вечером, пред закатом солнца, почти все дачники собрались на [пруду] реку, к мельнице, смотреть, как ловят сома. День — будний, [мужчины были] *большинство* мужчин было в городе, преобладали дамы, дети. Суетились [загоревшие на солнце] *закопченные солнцем* гимназисты, [с от⟨росшими?⟩] [их] волосы на их головах отросли за лето и выгорели на солнце; угрюмый брат Алины Телепневой был похож на сига. Берег реки празднично украсился [свет⟨лыми⟩] разноцветными платьями женщин, и лишь одна из них, незнакомая Климу, была *траурно* одета в черное, как вдова. *Над головою ее красным полушарием возвышался зонт.* Высокая, тонкая, с красивым, [но] строгим лицом, [в пенсне на носу] она казалась директрисой гимназии. [Полканов] *Антон заметил, что небольшие, очень светлые глаза ее* [по] [*взглянули на* [*Антона*] *него*] [*как-то ос⟨обенно⟩ смотрят*] *несколько раз взглянули на него* [*странно*] *странным взглядом, было в этом взгляде что-то сильное, цепкое и фотографирующее.* [*Но через*] *Но скоро он убедился, что*

эта дама на всех смотрит так же — несколько секунд прямо в лицо и затем быстро закрывает глаза веками.

Стоя перед группой зрителей, мужик с деревянной ногою [объяснял] вполголоса, *но вдохновенно объяснял*, поглядывая искоса на ослепительно блестевшую воду[1]:

— Сом — кашу любит, просяная, али, скажем, гречушная каша, это его самая первая любовь...

Дамы и девицы дружно засмеялись, а Лютов говорил невесте:

— Конечно — он врет! Но ни один дьявол, кроме русского мужика, не может [сказать] *сочинить*, что сом кашу любит.

А мужик говорил, раскачиваясь, ковыряя песок концом деревяшки:

— Каши ему дали, сому. Она как можно горячо сварена и в горшке, а горшок — надбит,— понимаете вещь? Каша долго жар держит. Он, значит, проглотит горшок, а горшок в брюхе у него распадется, тут каша и станет жечь ему кишки,— понимаете вещь? Он — биться, он — прыгать, а мы его...

Повернувшись к мельнице, он крикнул:

— Миколай!

Откуда-то ответили глухо и неохотно:

— Ой...

— Погляди — сожрал?

— Глядел.

— Ну?

— Сожрал.

— Теперь — глядите! — шёпотом сказал мужик, указывая на реку.— Теперь начнет его жечь, а он — прыгать. Сейчас...

Шептал он так внушительно, и лицо у него было такое вдохновенно напряженное, что все, даже дети, примолкли [устремив] [внимательно глядя на реку]. Десятка три пар разноцветных глаз скользили по мутно-розоватой [и] реке, точно остановившей свое течение.

— [Отстаньте] *Молчите*, Володя,— тихо сказала Алина. Стояли и сидели неподвижно минут пять и‹ли› больше, потом кто-то испуганно зашептал:

— Вот — смотрите, смотрите! Вон — темное пятно... Левее куста...

---

[1] *Текст*: Отвечаю: вопросы (*стр. 129*) ∾ блестевшую воду — *отчеркнут на полях синим карандашом.*

Клим не видел пятна и не верил в сома, который любит гречневую кашу. [Он сам смот⟨рел⟩ на] Взглянув на реку, он наблюдал людей; они — верили: и дети, и взрослые. Наверное, их глазам было неприятно, даже больно смотреть на сверкающую воду, но они смотрели упорно *и как бы* стараясь проникнуть до дна реки.

— Ж-жулик,— вполголоса [сказал] *прожужжал* Лютов, улыбаясь несвойственно ему сладкой улыбкой; кто-то зашипел [на]:

— Ш-шш!

И снова раздалось подавленное восклицание:

— Вот он! Плывет, плывет [он]...

— Ай! — тихо вскричала Алина, но Туробоев сказал [мед⟨ленно⟩] *громко и* спокойно:

— Это тень облака.

Все посмотрели в небо; да, там одиноко таяло маленькое, белоснежно пышное облако. Зашумели, покашливая, *но всё еще* осторожно перекидываясь краткими восклицаниями и глядя на реку. И снова все замолчали, увидав, что из кустов выдвинулась лодка, на носу ее стоял хромой мужик [и грозил] [в руках] *с багром в руке;* он грозил багром и махал на публику рукою. Думалось, что он сейчас прыгнет в воду. Бесшумно погружая весла, лодку двигал [по воде] парень в красной рубахе, светловолосый и широкоплечий. Все на берегу замерли, вытянув шеи к реке.

— Бей его! — рявкнул мужик, с [силой] размаха вонзая багор в реку. Клим стоял сзади публики, выше ее, и ему хорошо было видно, что хромой ударил в пустое место. А когда мужик, неуклюже покачнувшись, упал плашмя, грудью на воду, Клим был уверен, что это сделано нарочно.

Мужик тотчас же схватился за борт [и], болтая [над водою] головой, фыркая; с [которой] *головы* разлетались стеклянные брызги, *он* завопил отчаянно:

— Не попа-ал! [Уплыл]...

В воде мелькала деревянная нога с железным кольцом на конце ее, [*над водою*] *уродливым пузырем вздулась* [*синяя и*] *рубаха на спине, мужик* [выл] [1]:

— [Э-эх...] *Не попал, господа...*

Парень спокойным движением поймал багор, положил его вдоль борта, подождал, пока хромой перекинулся через борт, и сильными ударами весел пригнал лодку к берегу.

---

[1] Слово ошибочно зачеркнуто.

Выпрыгнув на песок, встряхиваясь, [как собака] мокрый и скользкий, мужик размахивал руками и отчаянно каялся:

— Не попал [я], господа! Ошибся маленько, в головизну метил и — мимо! Понимаете вещь!..

У него даже голос стал другой, высокий, [жалобнее] жалобный и [на большом широком лице его было] широкое лицо его выражало [искренное] искреннейшее огорчение, *по вискам, по щекам, в бороду струились капли воды, и казалось, что всё его лицо вспотело слезами, что они [так] обильно текут [из мох⟨натых⟩] из-под мохнатых бровей, из больших светлых глаз. Он собирал воду с бороды в горсть, брызгал ею на песок, на [платья] подолы женщин и кричал:*

— Агромадный, просто — боров, усы — во!

И отмерял руками в воздухе вершков десять. [Климу на момент показалось, что он сам ошибся — был сом! И] *Клим подумал, что он ошибся,* — мужик видел сома. Но Лютов с восторгом вскрикнул:

— Каков актер, а?

— [Д-да, — подтвердил Туробоев, усмехаясь] Артистически играет! — подтвердил Туробоев, улыбаясь, и достал из кармана маленький бумажник желтой кожи; Лютов схватил его за руку:

— Платить [хотите]? Нет, позвольте...

Зрители, посмеиваясь, расходились, одни — к дачам, [другие] *впереди тех, кто шел* в рощу на холмы, солдатски прямо шагала женщина в трауре, [раз⟨махивая⟩] покачивая *красным* зонтиком.

Лютов подошел к мужику, спросив в упор:

— Обманул?

— Обманул, дьявол! — обиженно вскрикнул мужик.

— Нет, не дьявол, а ты? Обманул?

— То есть — как это? — удивился мужик и [от⟨ступил⟩] осторожно шагнул назад.

— Ты не бойся! Я заплачу, только скажи — обманул?

— Оставьте его, — сказал Туробоев, хмурясь.

Нахмурилась и Алина, нетерпеливо ковыряя песок концом зонтика. Макаров и Лидия стояли в стороне, Клим слышал, как Макаров [сказала ей] спросил:

— Кто это — дама с красным зонтиком?

— Какая-то родственница Туробоева, дальняя. И, кажется, он с нею в ссоре. [1]

---

[1] *Текст:* У него даже ∾ с нею в ссоре. — *перечеркнут синим карандашом.*

— [Он] [За⟨чем⟩] Как же я могу [обмануть господ] господ обмануть? — [Уди⟨вленно⟩] и удивленно, и обиженно спросил мужик, а Лютов с размаха звучно шлепнул его ладонью по плечу и вдруг захохотал [очень громко и] визгливо, как деревенская баба.

Засмеялся и Туробоев, тихо, как бы сконфуженно. Клим тоже усмехался [глядя на мужика] [было в мужике] [*лицо мужика* что-то] [*он тоже нашел что-то* очень смешное] [как]; *забавен был* детский испуг [и растерянность] в [его]
л. 68 *растерянно мигающих* глазах [*мокрого*] *бородатого мужика*.

— Рази можно обманывать,— пробормотал он, оглядывая всех; все улыбались. *Очень своеобразно улыбалась дама под красным зонтом: перед тем как разомкнуть крепко сжатые губы, она сжимала их еще крепче, так что в углах рта являлись лучистые морщины.* [*Ее*] *Эта улыбка казалась вынужденной, насильственной, а когда она исчезала,* [*в лице*] *лицо становилось еще серьезней, строже.* А Лютов хохотал неистово, содрогаясь, закрыв глаза и так выгнув кадык, что его остренькая бородка торчала горизонтально. Тогда мужик широко ухмыльнулся, [но] тотчас же быстро прикрыл рот ладонью [и], но, громко фыркнув в ладонь, махнул рукою и вскричал:

— Грехи-и!

Он тоже начал смеяться, сначала — негромко, [густо] неуверенно, потом всё более густо и наконец, тыкая в песок деревяшкой, покачиваясь, отмахиваясь рукою, захохотал так, что приглушил тонкий смех Лютова. Мокрый, он весь лоснился [на], и здоровый смех его тоже [как будто] жирно блестел. [Стоя друг против друга]

— Ах, ч-чёрт,— кричал Лютов сквозь смех, тыкая мужика пальцем в живот, а мужик, встряхивая лохматой головою, [тоже говорил] охал:

— Ох, ты, [Господи] Осподи! [Понимаете — вещь?] Я его...

— Да *ведь* не было его!

— Сома? [Есть?]

— Сома!

— *Нет, он— живет, сом!*

И снова оба хохотали, *тряслись*, глядя друг на друга.

— Ну, это уж что-то [в сам⟨ом⟩]... чрезмерное! — сказал Туробоев Климу, пожав плечами, и пошел [прочь, догоняя Лидию, Алину, Макарова; Клим тоже] к дачам, догоняя девушек и Макарова. [Клим тоже задумчиво по-

⟨шел⟩] Пошел и Клим, а вслед ему плыл судорожный смех Лютова, и густой голос [спрашивал, окая] окал:

— [Понимаете — вещь?] Ох ты, осподи...

Впереди возмущенно звучал голос Алины:

— Его бы следовало наказать за обман...

— [О как] Очень глупо [всё это],— сказала Лидия.

Пошли молча, Клим чувствовал себя перегруженным впечатлениями дня [*и подавленным*]. *Его утренняя бодрость и уверенность в себе исчезла,* [*изгнанная этой комедией*] *это и* [*угнетало*] *обижало и сердило* [*его*].

У дорожки на дачу Полканова догнал Лютов.

— Понимаете вещь? — еще издали кричал он [стир⟨ая⟩]. [И] *А* поравнявшись, крепко стирая платком пот со лба, с висков, назойливо, как пьяный, заговорил, вертясь, мешая всем идти.

— Вот он! Чудесно сыграл?.. А? Искусство-с! Подлинное искусство *всегда* одурачивает...

— Довольно, Володька! — сердито и жалобно сказал Макаров.— Что ты всё пылишь? Подожди, будешь профессором какой-нибудь элоквенции, тогда и угнетай...

Лютов погрозил ему пальцем:

— Костя, легкомысленная птица...

— Нет, серьезно!

— Это верно, Лютов,— строго сказала Алина.— Вы ужасно много говорите...

— Ну — не буду.

— Как сумасшедший,— прибавила Алина.

— Молчу-с.

Он действительно замолчал, но Лидия взяла его под руку, спрашивая:

— Вас возмутил этот мужик?

— Меня? Нисколько! — удивленно и с жаром вскричал Лютов.— Нет, напротив! Он — умница. Мужик у нас изумительный умник. Он — учит, да-с! Он?

И, приостановясь, гладя руку Лидии, лежащую на его руке, он счастливо улыбнулся, воскликнув:

— Уж теперь [я в сома не поверю, нет-с!] *вы* в сома не поверите, а?

[Он] *Лютов* снова захохотал. Он был противен Климу [да, кажется, и всем, включая Алину. Клим видел, что он неприятен и Туробоеву]. Когда он засмеялся, Алина ускорила шаг, Макаров проворчал:

— Н-ну, снова началось...

А Туробоев, покосившись на него, в три широких шага догнал Алину и, взяв ее под локоть, повел вверх по песку. Клим шел сзади Лютова, но не слушал его [раздражающую речь, сердито размышляя]. Что это за нелепые [непонят⟨ные⟩] отношения сложились вокруг его? Алина не любит Лютова, это ясно. Туробоев ухаживает за нею и в то же время за Лидией, это тоже ясно. [*Зачем он торчит здесь?*] Чего ищет Макаров около Лидии? *И чего хочет, чего ждет она?* [1] [Клим] *Самгин* ощутил *острое* желание вмешаться во все эти отношения, расставить всех в позиции [более] простые и понятные ему. Ему вообще надоело видеть себя только молчаливым слушателем и наблюдателем *откуда-то из-за угла*, это унижало, умаляло его [в своих глазах]. [*Он* [*часто*] *иногда ощущал*, что совершенно [исчезает, теряется] теряется, исчезает среди этих людей и что не только они перестают замечать его, но он сам не чувствует себя. Это замечено и] *Хотя* Макаров [который] недавно сказал ему очень ласковым тоном:

— Счастливая у тебя организация, спокойный ты. Точно монумент на площади [стоит], *вокруг* шум, гам, треск, а ты [стоишь] всё видишь, ничем не волнуясь [и ждешь, когда придут]...

Но Макаров неумен и слеп. [Да] *Нет*, надобно [что-то делать] [Действовать надо] проявлять ⟨себя⟩. Всем этим [разнообразно] [выдумавшим себя [людям] для разнообразия] *людям* будет полезно, если [разоблачить их выдумки] ощипать с них павлиньи перья. [Нельзя, уродливо и неестественно, жить тем, о чем они говорят.] В каком-то псалме псалтыря сказано: «ложь во спасение». Возможно, но — изредка и «во спасение», а не для игры друг с другом. [Он] Клим почувствовал себя [вои⟨ном⟩] бойцом, он даже встал и выпрямился [на ходу] [шагая на песчаный холм [с террасы] к даче [но]]. *Но тотчас же снова сел, вспомнив, что через час ему надо ехать в город.*

А ночью он сделал открытие, изумившее его своей невероятностью. Было очень душно в комнате, он [выта⟨щил⟩] снял матрац [вы⟨нес⟩] с постели, вынес его на террасу, [и] лег там и уже задремал, когда в тишине где-то [очень] близко прозвучал голос Лютова.

— Нет, неосторожно-с...

Незнакомый женский голос ответил:

---

[1] *Текст*: Очень своеобразно (*стр. 133*) ∾ чего ждет она? — *на полях отчеркнут синим карандашом.*

— Но [ведь] я ничем не показала [что знаю вас].

— И все-таки...

Клим приподнял голову, слушая и соображая:

— Любовница? [Что?]

Опираясь на локоть, он смотрел сквозь [фигурные] вырезы в перилах террасы во тьму безлунной ночи [богатой звездами] и видел: между белых стволов берез [и], стирая [и], *срезывая их*, двигается дама в черном, а [из-за] [*за*] *из-за* ее *траурной* [фигурой] *фигуры* мелькают желтые брюки [*почти* невидимого *в белой тужурке*] Лютова. *Лютов был в белой тужурке и невидимым на фоне берез.*

— Мы — торопимся,— говорила женщина [тихо] *не громко*, но внятно.

— Это похвально.

— Успехи [социал-демократов] *марксистов...*

[— Понимаю.]

Климу послышалось, что о марксистах она говорила [*угрожающе*], *угрожая.*

[— Нам необходимо...]

— Со мною таких денег нет. Достать здесь я не могу. Не хочу-с. [Уезжайте завтра же утречком в Москву, я последую за вами.]

Лютов говорил недовольно и ворчливо. Голоса становились тише, слова теряли ясность.

— Газету...

— [Он] Либерал?

— Конечно —не анархист...

«Это — о Варавке»,— сообразил Клим и лег [*1 нрзб*], *глядя* в небо широко открытыми глазами. [Значит] Лютов — революционер? [Снабжает деньгами революционеров?] Это [казалось] [было невероятным] казалось невероятно нелепо. Тем более невероятно, что Лютов [восхищался] *надоедал своим восхищением пред железной* логикой Маркса, *даже как* [*будто желая*] *бы желая испугать людей ее силою*, а [тут] теперь он [очевидно] говорил [с представительницей] [кажется, с *1 нрзб*] *с человеком* партии, *очевидно*, враждебной марксизму. [Что ж] *Что это значит*?— Марксизм для него — маска? [Это слишком хитро и нелепо.] Какой запутанный, искаженный человек...

[Во всем, что Клим Полканов считал лишним и надуманным, революция стояла на первом месте. Или — на последнем, он сам не мог определить этого с достаточной точностью, [он знал] но хорошо знал, что это наиболее лишнее. Он

органически не мог понять людей, которые говорят о необходимости революции, и самые горячие речи их никогда не трогали, *ни в чем* не убеждали его. Он не думал, не имел надобности думать на эту тему и, слушая пылкие речи защитников свободы, справедливости, смотрел на ораторов, как на [людей] чудаков, еще более чудаковатых, чем Томилин.]

Темное небо кипело звездами, [*сыроватая духота*] *воздух был насыщен сыроватой жаркой духотой,* [*такой*] *казалось, что* [*густая*] *пахучая листва берез преет, тает и растекается темным масленым паром, сгущая безмолвие ночи.*

Клим встал [*и медленно*], *прислонился к теплой колонке террасы.* [*Белый, в ночном*] *Может быть, эти двое пройдут назад тою же дорогой,* [*они*] *тогда они увидят его. Едва ли это будет приятно им. Он даже хотел свистнуть громко, но сообразил, что это была бы выходка мальчишки, да он и не умел свистеть громко. Стоял и чувствовал, что в нем тоже* [*что-то*] *что-то кипит, варится.*

Среди всего, что он считал надуманным людьми и лишним [чужд⟨ым⟩] для [него] *жизни*, революционные идеи были наиболее ясно [чуж⟨дыми⟩] чужды ему. Он органически не понимал людей, которые говорили о необходимости революции, и самые пылкие речи их никогда не трогали, ни в чем не убеждали его. Он не думал, не имел надобности думать на эту тему. У него не было органа, который реагиро-
л. 69 вал бы на раздражение идеями *социальной* справедливости [свободы]. *Слушая* всё более яростно вскипавшие споры между [представителями] людями двух мироощущений, он не чувствовал желания вникнуть в смысл разноречий и понимал отсутствие этого желания как признак своей [вну⟨тренней⟩] духовной независимости, своей оригинальности.

— Как это хорошо, что ты не [подчиняешься [моде времени] пошлым крикам] *оглушен пошлыми криками* дня,— сказала ему Нехаева, [раз⟨глаживая⟩] обняв одною рукой за шею, а пальцами другой ласково и щекотно поглаживая его [усы] темненькие усы.

[Он все-таки] [Однако] Он прочитал [ста⟨тьи⟩] статьи о героях и толпе, о вольнице и подвижниках, статьи показались ему скучными [и м⟨ало⟩], были не совсем понятны, но после этого [ему казалось] он нашел, что романтизм народников несколько ближе ему [чем] *и как бы* красивее сухого щегольства цифрами, щегольства, которым [увлекались] увлекаются марксисты. Но и те, и другие

казались ему одинаково наивными в своих заботах о судьбе народа, [горо‹дской›] о культуре города и деревни, о крестьянах и рабочих. Он видел нечто наигранное, вычитанное и внешнее в безусых политиках, своих однолетках. Совершенно невозможно [было] представить заику Осокина или певца Асонова деятелями какой-то новой истории, *какими-то* Архимедами. [Один] Первый из них был бы на *своем* месте только в роли доктора, второму следует учиться в консерв‹атории›, а не в университете. В черноте за рекою вспыхнул красный огонек, [потом в] потом ярко расцвел костер, осветив *маленькую* фигурку в белой рубахе; *над нею* что-то сверкнуло, должно быть, коса. Клим протяжно зевнул и улегся на матрас. [1]

Он проснулся *поздно* в настроении человека, который должен что-то сделать, но еще не [решил] *знает*, что именно. [Шум] Шёлково шелестели березы, из-за реки дул [горячий] свежеватый ветер, вода морщилась, [по синему полотнищу] на синем полотнище ее *узорно* курчавились [кру‹тые›], закипали волны. Над золотым полем *тяжело* висела [тяжелая] *дождевая* туча, сизая [и пышная по краям, *а* [впереди] *спереди* [ее] [пышно] *от нее отрыва‹лись›*], ветер отрывал от нее пышные куски, а они, становясь белыми, быстро неслись [через] реку, [кутая] *покрывая* купальню [лег‹кими›] прозрачными тенями. В купальне смеялись и кричали женщины.

Пока Клим мылся, одевался, потемнело, грохнул гром, завыл ветер, захлопал рамами окон, дверями, и вдруг хлынул [лет‹ний›] ливень, [по‹крыв›] [скрыв всё вокруг] занавесив окна плотной, стеклянной сетью, наполнив воздух [шу‹мом›] мягким шумом. Клим пил кофе, когда [на крыльце дачи затопали, закричали и] в комнату к нему с криком, смехом ворвались Алина, Макаров и вошла Лидия, все трое [промокшие до костей] *мокрые*.

— Старик!— кричала Алина,— какая прелесть! Наконец я вздохнула до пяток.

Она брызгала на него водою с рукавов, стоя пред ним [розовая и], точно голая, в платье, прилипшем к ее телу, с розовым лицом, счастливыми глазами.

— Понимаешь? Уехал жених и — сейчас же пошел дождь! Две радости сразу... *Давай нам кофе!* [Не успели добр‹аться›]

---

[1] *Текст*: Хотя Макаров (*стр. 135*) ∾ улегся на матрас.— *перечеркнут синим карандашом*.

— Точно в [коло⟨дец⟩] реку нырнул,— сердито сказал Макаров.— Мне — ни слова! [Завез меня сюда... Девицы обижают...]

Они ушли переодеваться и через несколько минут сидели за столом. Лидия в капоте Веры Петровны, в чалме из полотенца на [волосах была] *голове стала* похожа на черкешенку одалиску; Алина надела [какое-то] [синее платье, узкое ей] *юбку* и *кофточку горничной* и [распустив] *рассыпала* влажные волосы по [спине] груди [вып⟨уклой⟩] [очень выпуклой и, видимо, [сте⟨снявшей⟩] несколько конфузившей ее] [она всё косилась на]; Макаров [оделся] [1] в [костюм Клима] *рубаху* и брюки Клима и [в тул⟨уп⟩] [тоже сидел босой] *тоже был бос*, как обе девушки.

[*Звучно* гром гремел, [*звучно*] *порывами, с воем хлестал* в окна дождь, девушки принесли с собою запах возбуждающей свежести, [тел⟨а⟩] хмельной запах [т⟨ела⟩] молодого, здорового тела. [В жестах] Жесты Алины, [когда] которыми она прикрывала холмы грудей волосами [*своими*] [*своей*], [было что-то] умиляли Клима.] *Звучно гремел гром, дождь хлестал в окна с веселым воем, дрожали березы и как будто* [*это они б⟨рызгали⟩*] *дождь брызгал из их листвы. Кофточка* [*на*] *была узка Алине, не застегнулась на высокой груди* [*до*], *Алина* [*заботливо, как*] *после каждого движения смущенно прикрывала грудь волосами, и ее жесты почему-то умиляли Клима.*

Смуглое *серьезное* лицо Лидии ласково освещалось улыбкой ее темных, *но* глубоко прозрачных глаз. Она слушала сердитый рокот Макарова:

— Странный парень. Завез меня сюда. Путаная голова. А ведь умник...

Клим вдруг храбро сказал Алине:

— А мне не нравится твой жених.

— Да?— задорно спросила она, но тотчас же спокойно добавила, наливая себе молока:— Вероятно, тебя это не очень беспокоит.

[— Лютов — интереснейший человек, — напомнил Макаров.]

[*Закурив*] *Закуривая папиросу, Макаров* [*удивленно*] *спросил*:

— [*Не нравится?*] *Странно*: *интереснейший человек...*

— А что это значит?— спросил Клим. И, следя за собою,

---

[1] Слово ошибочно зачеркнуто.

[вы⟨бирал⟩] осторожно выбирая слова, он заговорил о том, что [быть может] интересные люди — это наименее искренние люди. Они живут чужим, богаты за счет других. Почти каждый из них для него — пустота, в которой он видит кружение чужих слов, вычитанных мыслей. [1]

— Они — как индейцы в боевом наряде, раскрашены, в перьях. Мне всегда хочется вымыть их, выщипать перья, чтоб за накожной краской увидать человека таким, каков он есть на самом деле [в себе самом]. Долой парадные ризы! [Я хочу видеть простого человека...]

— Это у тебя от Льва Толстого, что ли?— несколько удивленно спросил Макаров.

— Нет, это от Клима [Полканова] *Самгина*, который хочет видеть просто человека, а не двуногий лексикон, не *воплощенный* учебник полит⟨ической⟩ экономии, не сборник статей из толстых журналов...

Клим слышал, что он говорит хорошо, с большим чувством. Силою своего чувства он сам был изумлен и гордился ею, а гордость еще более воодушевляла его. И воодушевляло [его] лицо Лидии, смотревшей на него с напряженным вниманием широко открытыми глазами.

— Я понимаю Томилина,— обратился он к ней.— [Ильин] *Я, кажется*, хорошо сказал о нем: [это] *он полное* собрание самых скучных сочинений.

Макаров тихо напомнил:

— Это [Ильин], кажется, я сказал.

— [Он] Но Томилин [так сказать, обрек] осудил себя на размышления и — это его настоящее, это он сам, таков, как есть. Иным я его — не вижу. И я ему верю.

Передохнув, Клим спросил всех:

— Но — что такое Туробоев? Для меня это именно [пустой] человек-пустота, в которой ненужно ни ему, ни мне, никому не нужно, скользят, путаются различные мысли. А в чем, где его мысль? Я не знаю. Не понимаю, почему Лютов — революционер?

— О!— вскричала Алина, всё перебирая пальцами каштановые волосы.— [Нет, почему революционер?] *Что ты говоришь*? Он просто — комик! [*Он — смешной*] *Он только умное скучно говорит, но глупости — удивительно смешно...*

[Клим мельком подумал, что, пожалуй, он напрасно заговорил о Лютове, но продолжал:]

[1] *Текст*: Они живут ∾ вычитанных мыслей.— *перечеркнут синим карандашом.*

— Он — революционер, я [это] знаю! Пожалуйста, Алина, это — между нами, да? Но я спрашиваю: зачем ему, богатому человеку, революция?

— Ну-у,— сказал Макаров, тряхнув головою. — Мало ли было богатых; даже среди террористов были.

— Были!— согласился Клим.— Но я говорю: это мне непонятно. Это боевой наряд индейцев, нечто внешнее. Раскраска. От скуки, из честолюбия, авантюризма, но не от себя...

Оглушительно ударил гром, Алина, восхищенно закрыв глаза, откинула голову [и [ее] платье, не застегнутое, показало Климу ее кожу, желтую, как масло].

— Илья-Пророк *неплохо* аккомпанирует тебе,— [ска‹зал›] заметил Макаров, улыбаясь.

— Не от себя,— повторил Клим, глядя, как Алина, закусив губу и покраснев, прикрывала грудь.

— *Такие люди, как Лютов, Туробоев, — это и есть декаденты. Выродженцы. Люди без корней...*

Он говорил долго, до утомления, до поры, пока не почувстовавал себя опустошенным от всего, что хотел сказать. Когда он замолчал, Лидия встала, подошла к окну и [сказала] оттуда раздался ее странный голос:

— Дождь сейчас пройдет, за рекою уже светло.

л. 70 [— Это] [Прелесть летом такой дождь!— негромко сказала Алина.— Нет, я не верю, что Лютов]

Алина попросила:

— *Открой окно*, *Лида*.

Поток [сыр‹ого›] *свежести хлынул в комнату*, *и дым папиросы тотчас растаял в нем*.

— Ты сказал много верного, Клим,— [заговорила] продолжала Лидия, разматывая полотенце с головы.

[— И хорошо сказал.— Она] И вздохнула:

— Как все это трудно: жизнь, люди...

Алина тоже встала, подошла к зеркалу:

— Какое чучело! —

И, задумчиво глядя на себя [в зеркало], покачивая головою, она [проговорила] вдруг засмеялась:

— Декадент? Нет. Декаденты на кривых ножках, тощенькие и кашляют.

Макаров, сидя у стола, курил и рисовал ручкой ложки узоры на подносе.

— Простота, конечно... качество!— ворчливо сказал он.— Но ведь есть простота святого Франциска и, скажем,

деревенской бабы. Негра. И множество других простот...

Ткнув папиросу в поднос, он решительно встал.

— [Нет, я таких как] Я Лютова — люблю. [Кипит. Горит.] В нем поэзия есть, вот что, брат. И Туробоев нравится мне. [Этот] Тоже с поэзией. Другого рода. Он в огонь пойдет, насвистывая из оперетки [вот что...].

Клим [*молчал*], *не возражая ему, смотрел в окно. Он был доволен собою,* [*хотя — странно!*] *понимая, что хорошо сказал то, что хотел. Хотя — странно! Казалось, что всего этого было так много, что* [*нужно было*] *не скажешь и в час, но все сказалось в несколько минут, пока Макаров курил папиросу.*

Ветер заботливо отряхал капли дождя с берез. Сверкнуло *за окном* солнце, точно крикнув:

— Сейчас приду!

И пришло, [разукрасив [листву] бриллиантами далеко и молодо вспыхнувшую листву, осветив мутную реку, побуревший песок берега, парчу хлебов за рекою] *заставив* [зелено и молодо вспыхнувшую листву] *листву берез молодо вспыхнуть зеленым огнем, осветиться изумрудным блеском.*

[*Где-то близко журчал ручей, шелестели березы и уже щебетали птицы.*] Алина заторопилась домой, [окутывая] окутав грудь полотенцем, брошенным Лидией на спинку стула. Макаров [угрюмый, недовольный чем-то] задумчиво [и], молча пошел за нею. [Стоя [спиною] у окна спиною, Лидия] *Лидия крикнула в окно*:

— Пришли мне красное платье. И туфли.

Повернувшись [лицом], *пытливо* глядя в лицо Клима, она заговорила:

— Я думаю — ты не совсем прав: твой дядя не авантюрист и не честолюбец, конечно. Он, может быть, святой.

Села на подоконник и, покачивая голой ногою, она, глядя в [сад] *окно*, продолжала думать вслух.

— Нет, наверное, революционеры — просто особенные люди. Они уж такими родятся, с любовью к сопротивлению. [А правы]

Близко за окном журчал ручей, шелестели березы и было слышно, как мутная река заплескивает песок берега. Уже щебетали птицы. Но громкий голос Лидии очень отвечал мягкому шуму.

— Сопротивление я понимаю. Кажется, я ничего больше не понимаю. Лютов [очень] очень странный. Он точно бежит от чего-то. Так, знаешь, живет бегом. Он и вокруг Алины бежит.

Капот был широк и длинен [для Лидии], в нем тонкое тело [ее] Лидии потеряло [в нем] формы и приобрело бесплотность. О женщине соблазнительно напоминала, волнуя Клима, только голая стройная нога. [Черные] *Темные* волосы Лидии, рассыпанные по плечу, по спине ее, смешались с кремовыми кружевами широкого воротника. Покачиваясь на стуле, он смотрел на ее ногу и ждал, что она скажет о Туробоеве, Макарове.

— Лютов [рассказывал] рассказал Алине и мне о Софье Перовской,— говорила она, широко и ослепленно открыв глаза.— Это удивительный роман, Клим. Необыкновенная жизнь. Дочь генерала и простой рабочий, но в этом есть какая-то музыка, знаешь? Где же тут авантюризм, честолюбие или скука?

— Лютов [часто мне рассказыв⟨ал⟩] *часто говорит Алине* о таких... [Об этих] о людях этого рода?

— Не знаю. Он [вообще] [всегда] говорит не о том, что другие. По-моему, Алина нечестно ведет себя с ним. [Я говорила ей это.] Лютов — не шут, он — несчастный.

Клим молча пожал плечами и спросил:

— А как ты нашла Туробоева?

— Да, вот и этот,— сказала Лидия, опустив голову, перебирая пальцами кружево воротника.

— Что — и этот? Тоже несчастный?

— Мне кажется — все мы несчастные. Я это особенно чувствую, когда вокруг много народа. Когда мы ездили на ярмарку, в село, и там к вечеру мужики напились...

Она усмехнулась, помолчала [потом сказала].

— Константин стал читать парням и девицам Некрасова, они послушали его и один спросил серьезно: «А плясать можешь?» Они смотрели на нас, как на цирк, уверяю тебя...

Клим понял, что она не хочет говорить о Туробоеве, [но ему] но он почему-то [хотелось] желал знать, [что] как она думает о герое [детского] *своего* романа. Он встал, подошел к ней, улыбаясь, спросил:

— Вы вспоминали о детстве...

— Да,— сказала Лидия.— Было так грустно. Как будто мы говорили не о себе...

От близости к ней, от хмельного запаха [бе⟨рез⟩] берез, омытых дождем, от мягкого шума [за окном и свежести воздуха], *в теплом* воздухе у Клима закружилась голова, потемнело в глазах. [Он почувствовал пр⟨илив⟩] *Он ощутил прилив* совершенно незнакомого ему чувства [какой-то] кротости,

самозабвения, [встал] *он припал* на колено [и], обнял ноги [ее] девушки, прижался к ним лицом.

— Не надо!— строго сказала Лидия, крепко упираясь [рукой] в [ли⟨цо⟩] его и отталкивая.

Он [пробормотал] *сказал громко и* [*очень*] *просто*:

— Я тебя люблю.

[Соскочив] Соскакивая с подоконника, она толкнула его коленями так сильно, что он едва не упал. Клим разжал руки, поднял их:

— Честное слово, Лида...

Она быстро подошла к двери, *сердито* говоря:

— Нет. [Это — не так] Ведь я же понимаю. Это потому, что я почти нагая. И мы одни!— *Остановясь в двери, она почти вскричала*:

— Как тебе не стыдно!... Я была так рада...

[Почти вскрича⟨в⟩] Она исчезла, не договорив.

Клим стоял у окна, чувствуя, что он не так огорчен ею, как изумлен самим собой [Всё это случилось — внезапно, и [странно так] непонятно, точно во сне. Он [вспоминал] *изумлен* [*тем*], что в его порыве *к Лидии* было [что-то] необыкновенное: [детская, но не унижающая] свежесть чувства, искренность его и эта незнакомая радостная кротость. Никогда он не испытывал ничего подобного], *изумлен* [*тем*] [*так*] *незнакомой ему радостной кротостью, которая внезапно явилась в его порыве к Лидии. Это было такое светлое, свежее чувство.* [*Он нико⟨гда⟩*] *Никогда он не испытывал ничего подобного.*

И несколько дней он прожил под впечатлением, что открыл в себе нечто новое [чего не знал никогда, и очень ценное] *и свойственное только ему*. Он прожил эти дни одиноко, не показываясь людям, бродил по лесу, [держа сцену с Лидией перед глазами и [как бы] *точно* боясь забыть ее, как забывается мотив [впервые услы⟨шанной⟩] *незнакомой* песни, которую слышал впервые. Он почти не думал о Лидии, [чувствуя уверенность] *уверенно чувствуя*, что, если он захочет и будет настойчив...] [*вспоминая*] [*рассматривая себя издали, со стороны*] *вспоминая себя на коленях пред Лидией, обнимающим ее ноги, и слышал свой голос*:

— *Я тебя люблю, честное слово.*

Он думал:

«[*Вероятно*] *Наверное, хорошее лицо было у меня* [*в эту минуту*] *тогда*». [*Думал только* [*об*] *себе*]. *Он видел только себя в эту необыкновенную минуту и думал о ней непрерывно,*

[*как бы боясь*] *точно опасаясь забыть ее, как забывается мотив хорошей, но незнакомой песни, которую слышал впервые.*

За эти дни он встретил [ее] Лидию только один раз, она шла купаться, а он, выкупавшись, медленно и задумчиво шел домой. Она точно из воздуха опустилась пред ним и, обменявшись несколькими словами, он услыхал от нее:

— Ты обиделся? Не надо обижаться.

Сказав это, она быстро ушла. [*В*] *Ее слова не удивили, не обрадовали,* [*так и*] *конечно, она должна была сказать что-либо такое и даже более утешительное.* [*И Клим не*] *Думая о ней, Клим уверенно* [*чувствуя*] *чувствовал, что теперь, если он будет настойчив, Лидия уступит ему.— Уступит, но торопиться не нужно. И — сумеет ли эта девушка* [*за*] *отличить, оценить то новое, что возникло в нем?* [1]

В субботу дул *горячий* сильный ветер. Когда Варавка, *сняв шляпу*, шел со станции, ветер [приподняв [его] лисий хвост его бороды, положил] *положил Варавкину лисью красную бороду* на плечо [Варавке] его, *трепал бороду*, и красное [лохм⟨атое⟩] лицо толстого человека, его лохматая [полу⟨седая⟩] *золотисто*-седая голова приняли странное сходство с [хвостатой] кометой. Дома, за чаем, в ночной рубахе, [в од⟨них⟩] туфлях на босую ногу, Варавка, задыхаясь от жары, попросил Клима съездить в город.

— Там эти музыканты устраиваются. Дама [очень вкусная, но] требовательна неестественно. Ей необходимы чуланы, переборки. И вообще — ты помоги ей.

Подмигнув, он добавил:

— Дама вкусная.

Клим спросил, знает ли Варавка, что Лютов сочувствует революционерам?

— Это не грех!— сказал Варавка, наливая себе четвертый стакан чая.— Кто им не сочувствует.— И [он], как счетная машина, он бойко защелкал:

— И революционер полезен, если он не дурак. [И] Даже, если дурак, и тогда полезен, в силу уродливых условий
л. 71 наших. А условия становятся все уродливей. Мы все больше производим товара, а вот покупателя нет у нас! То-есть он существует и даже в солидном количестве ста миллионов,— по спичке в день на каждого, по гвоздю — сто миллионов только гвоздей и спичек ежедневно мог бы купить. Но — покупать ему не на что... Так-то, друг...

---

[1] *Текст*: И несколько дней (*стр. 144*) ∾ возникло в нем? — *перечеркнут синим карандашом.*

Проглотив чай, Варавка шумно вздохнул, поднял ладонью бороду, посмотрел на нее и, сунув [в] за расстегнутую на груди рубаху, вытер бородою потную грудь.

— *Да! — вдруг вспомнил он, — Дронов арестован и еще какие-то двое, Дронов, это, разум⟨еется⟩, — не серьезно.* Если революционер внушает [крестьянину] мужику: возьми землю у помещика и, пожалуйста, разбогатей — тогда это очень полезная штука, революционер. Но Лютов...

Варавка сморщил лицо и тряхнул головою.

— Мне кажется, что Лютов помогает именно народникам...

— Мало [чтобы казалось], *если кажется*, надо, чтобы было, — сказал Варавка [сн⟨ова⟩] и снова начал возиться со своею бородой. Но когда Клим рассказал ему ночную беседу Лютова с черной дамой, он оживился:

— Странно! Не понимаю... Гм, шельма! Скользкий парень. [1]

— Он дает денег на газету?

— Дает не он, а дядя его Радеев.

И, [снова подмигивая] подмигнув остреньким [взглядом] глазком, он сказал:

— Когда умеешь брать — дают!

Тяжелый, плотный, встрепанный и расстегнутый, он был похож на чудовищно увеличенную бронзовую фигурку китайского бога огня; эта уродливая, темная фигурка [потерявшая позолоту] в тусклых пятнах позолоты стояла в гостиной на подзеркальнике, и [ее] уродство ее форм странно соединялось с какой-то непонятной, своеобразной красотою.

[Он] Минуту помолчав, он заговорил;

— Вот министр Витте [этот] умеет брать. Ловкий малый. Новенький человек.

Мясисто усмехнулся и добавил, чмокнув:

— Герострат, готов сжечь всю Русь, лишь бы о нем говорили.

На другой день [вечером] к вечеру Клим, войдя во двор дома, увидел на крыльце флигеля Елизавету Спивак в длинном переднике серого коленкора, [она ма⟨хала⟩] приветственно махая [по] рукою, обнаженной по локоть, она закричала:

— А-а, молодой хозяин! Пожалуйста, пожалуйста... — И, крепко пожимая его руку, начала жаловаться: — Что же

---

[1] *Текст*: Но когда Клим ∾ Скользкий парень. — *зачеркнут синим карандашом.*

это вы,— сдаете квартиру, а двери скрипят, рамы не притворяются? Посмотрите...

В комнатах возилась рябая, толстая девушка с наглыми глазами, стоял Спивак с молотком в руке, без пиджака, на груди его, как два ордена, блестели пряжки подтяжек.

— Устраиваемся,— сообщил он и, сняв очки, [стал дышать] дыша на них, стал протирать темные стекла. [Обнаж⟨ились⟩] На маленьком, детском личике жалобно обнажились слепо выпученные рыжие глаза в подушечках синеватых опухолей. Жена его водила Клима по загроможденным мебелью комнатам, требовала столяров, [печников] говорила она шутливо, но настойчиво, [и несмотря на] голые руки и коленкоровый передник [делали] [придали ей что-то] приятно упростили ее.

Через час, сняв тужурку, Клим озабоченно развешивал по стенам картины, вбивал гвозди, поставил книги в шкаф, Спивак [муж] муж настраивал рояль, а Елизавета рассказывала Климу:

— Он всегда сам настраивает. Он даже меня неохотно допускает к инструменту, это — его алтарь!

Гудели басовые струны, горничная гремела чайной посудой, в кухне шаркал рашпиль чумазого водопроводчика.

— Вы не находите, что в жизни [шир⟨око⟩] *много* лишнего?— вдруг спросила Спивак, но [Клим] когда Клим охотно сказал:

— Да, очень много!— она, *прищурясь*, глядя в угол комнаты, заявила:

— А мне нравится именно лишнее. Необходимое — скучно.

[Пил⟨и⟩] Пошли в сад, в беседку, и там, разливая чай, Спивак снова заговорила на эту тему:

— Необходимое — порабощает. Все эти сундуки, чемоданы, кровати — ужасны!

Она сообщила, что любит старинный фарфор, красиво переплетенные книги, музыку Рамо, Моцарта и минуты пред грозой.

— Минуты, когда чувствуешь, что всё в тебе напряжено, и ожидаешь необычайного, катастрофы.

Её муж, *надув губы*, позванивая ложкой по стакану, *задумчиво* сказал что-то непонятное о китайской гамме, встал и ушел, спотыкаясь, из окна в сад [снова] неохотно потянулся угрюмый гул медных струн. [Елизавета] Спивак [была] в голубоватой блузе с глубоким вырезом на груди,

блуза была похожа на [мат⟨росскую⟩] рубаху матроса, и Клим находил, что это не к лицу этой женщине. Находил он также, что она говорит нарочито противоречиво, как бы испытующе; скажет что-то, с чем нельзя не согласиться [и], но согласишься — она неожиданно возражает против своих же слов. Она будила смешанное чувство любопытства, осторожности и, *конечно*, те надежды, которые [настораживают] волнуют каждого молодого человека наедине с женщиной. Надежды эти [*быстро* становились все более определенными] [*волновали, смущали Клима*] *смущали Клима*, и, должно быть, оттого [Клим] *он* чувствовал себя *под взглядами* [*ее*] *женщины* не так легко [со Спивак], как в прошлый раз.

— Жарко,— сказала она, колыхнув грудями, и откинулась на спинку плетеного из прутьев кресла.— [Да] Что, брат ваш — сидит? Я говорила, что Асонов тоже арестован? Да, [и] он тоже. Это не удивительно, он такой — прямолинейный. Но — прекрасный голос, не правда ли?

Клим сказал, что [он удивляется] его удивляет: почему Асонов не идет в консерваторию?

— Он — хотел. Он сам говорил, что сильно желал этого.— [Она] Спивак усмехнулась, продолжая:— Но, должно быть, иногда [челов⟨еку⟩] нужно идти против одного сильного желания, чтобы не заглушить все другие. Как вы думаете?

Да, ясно, что она испытывает, выспрашивает. В ее глазах есть нечто измеряющее, взгляд ее щекочет, все более смущая.

— Не знаю,— [сказал] *ответил* Клим, а она сказала, обмахивая лицо платком:

— Какой вы сдержанный. И скромный.

И, закрыв глаза, добавила:

— Скромность — христианское достоинство бедных.

Это уж было обидно. Клим, с трудом скрыв обиду, посидел еще минут пять и ушел к себе, унося раздражающий образ женщины, высокой, гибкой, неуловимой в ее мыслях.

[Он не [мог] спрашивал себя, почему] На другой день он остался в городе, не спрашивая себя, зачем это нужно; с утра помогал Спивакам устраивать квартиру, ходил с ними обедать в ресторан городского сада, вечером снова пили чай в беседке, затем к мужу пришел усатый поляк-виолончелист, [а] Елизавета предложила Климу показать ей город; он пошел к себе переодеться, но не успел еще сделать этого,

когда Спивак крикнула ему со двора в окно, что она не пойдет гулять.

— Раздумала. Посидим в саду, хотите?

Идя в сад, Клим почти знал, чем это кончится, и шел, не торопясь, ощущая [раскол в себе] *странную двойственность*: рядом с предчувствием успеха он испытывал смутное чувство [жалости к себе и страха] *боязни потерять что-то*. С полчаса кружились по дорожкам сада, говоря о незначительном, о пустяках; *из угла сада, из окон флигеля* [*доносился густой голос поляка*] *доносились голоса, аккорды рояля, казалось, что они далеко и уходят всё дальше. Минутами* [Климу казалось] *Клим чувствовал*, что он шагает берегом *глубокого* ручья, ищет, где удобнее перескочить через него. Вздыхал ветер, сгущая сумрак, [и] с деревьев как будто сыпалась *теплая* синеватая пыль, окрашивая воздух все темнее.

— Сядем,— сказала Спивак.

Клим сел [в] близко к ней, плечо к плечу, она не отодвинулась. Тогда, поняв, что пора, он крепко обнял ее, [поцеловал] целуя в губы; она [заби⟨лась⟩] замычала, отбиваясь, отталкивая его [и ее].

— Не здесь же,— услышал он, встал и повел ее к себе, а может быть, она его повела, покачиваясь, но шагая решительно и твердо.

Через полчаса, стоя перед зеркалом в его комнате, она оправляла прическу, говоря тихонько [и насмешливо, как показалось ему]:

— Ты не очень догадлив. Это могло быть еще в Петербурге. Но там тебя ослепила кисленькая Нехаева, [вот] удивляюсь! Что ты в ней нашел.

[*Клим с изумлением слышал, что* [*голос*] *слова ее звучат не шутливо, а насмешливо.*] [Клим] Он сидел на стуле пьяный, [утомленный] утомленно слушал ее полушепот и не понимал

л. 72 ничего: пред ним была незнакомая женщина, вся —незнакомая. То, что говорила она, [было] *звучало* неуместно [и], *почти* бесстыдно, [*и слова ее зву⟨чали⟩*] *и не шутливо, а насмешливо*. В объятиях его она ни на минуту не забылась, не сказала ему ни одного [*ласкательного*] *ласкового* слова, ни одного из тех милых слов радости, которыми была так богата Нехаева. *Хотя* Маргарита наслаждалась [любовью в ее жадной] *любовью* с грубоватой жадной деловитостью, но [в ней] *в этом все-таки* было что-то певучее [и], благодарное, и было восхищение. [А] [В] [Ласки]. В ласках этой женщины жадность [была] безрадостна и как будто вынужден-

на, она любила, закрыв глаза, нахмурясь, [болезненная] *сердитая* [озабоченная] складка [лежа<ла>] разрезала ее лоб [и], крепко сжатые губы изредка вздрагивали, и она уклонялась от поцелуев. Но было в ней нечто крепкое, едкое, [было] еще не изведанное Климом, и это заставляло его виновато думать:

«Я был груб с нею» [1].

Вот она заботливо оправила прическу, осмотрела костюм и говорит:

— Ну, пойдем же...

Взяв со стула книгу, она пошла [впе<ред>] к двери. Клим послушно, *молча* двинулся за нею [*усатого* поляка уже] и, уже входя на крыльцо флигеля, [подумал] [*вспомнил*] подумал, что следовало хоть руку поцеловать ей.

Усатый поляк ушел, [муж] *муж* Елизаветы сидел у рояля, играл Шопенов ноктюрн [в замедленном темпе, он], посмотрев на них темными [стек<лами>] кружками стекол, он перестал играть, поправил очки и сказал:

— Это [маляр] водопроводчик.

— Виолончелист? — спросила Елизавета.

— [Да] Невежда,— сказал Спивак, вздохнув.

Он снова начал играть [очень], *но так* своеобразно, что Клим [только] посмотрел на него с недоумением. Он играл в замедленном темпе, [выделяя] подчеркивая то одну, то другую ноту [выд<еляя>] [возвышает] аккорда, выделит ее и, подняв палец левой руки, прислушивается, как она постепенно тает. Как будто он искал [чего-то] *что-то* [скрытое, догадывался] скрытое в мелодии, знакомой Климу, разрывая, обнажая ее. Это [было] хорошо, что он играет, можно сидеть молча и думать о том, что случилось и почему это случилось так странно [*так пугающе просто, что*].

[Если б] Клим подумал, что, если бы не физическое утомление, об этом [можно] *случае, наверное*, и не вспоминалось бы. Слишком просто. И есть что-то тревожное в этой простоте.

— Сыграй Рамо,— попросила Елизавета, сидя в кресле, в углу комнаты, окутанная сумраком. Покорно зазвучали наивные и галантные аккорды; *от них в комнате, уютно убранной, стало еще уютней. На темном фоне стен* [*четко*], *на маленьких полочках и трельяжах четко выступали фарфоровые фигурки. Клим вдруг подумал, что Елизавета Спивак*

---

[1] *Текст*: Он сидел на стуле *(стр. 149)* ∾ груб с нею.— *отчеркнут красным карандашом и на полях написано*: Лидия.

чужая здесь, эта комната для [1 нрзб] мечтательной блондинки с голубыми глазами, очень лирической, влюбленной в стихи. Потом [она] Спивак встала и, поставив пред мужем ноты, спела незнакомую Климу [арию] очень минорную песенку на французском языке; в финале арии неожиданно прозвучал ликующий крик:

— A toi [mon fils] [ma fille] mon enfant [1].

Когда она кончила петь, Клим простился и ушел, [унося] унося в себе чувство [смятения, недоумения], *близкое неприязни к этой женщине.*

Уже через несколько дней он [возмущенно] чувствовал, [увидел] видел себя в ее власти [и хотя], это возмущало его, но он [не] скрывал возмущение и *следил за собою*, опасаясь [вы〈разить?〉] даже невольно выразить [его] *это чувство* словом или жестом. Он видел, что эта женщина командует им, точно мальчиком, посылает его в магазин, на почту [заставляет] *и настойчиво* требует различных починок, переделок в квартире, новых цветов в саду. [Она отдавалась ему [почти] каждый день, но и в этом была тоже [какая-то] оскорбительная власть, а порою Клим с изумлением, ошеломленно [чу〈вствовал〉] замечал в ее отношении к нему что-то [оскорбительное] унижающее, похожее] *В том, как она отдавалась,* [была] почти оскорбительная *властность, нечто унижающее.*

«Это потому, что она старше меня», — утешал себя Клим.

Вне тех минут, когда он [ее] обнимал ее, с нею было скучно, но он ее обнимал каждый раз все с большей страстью, [с чувством] в [ее] которой он чувствовал примесь мстительного желания заставить ее стонать [и], плакать и целовать руку его, как это делала Нехаева. Он не мог пожаловаться на ее холодность, тело ее [было так же] пламенело [даже искусно, [но] в его], *в судорогах его есть даже что-то незнакомо жуткое, искусное,* [но и] но на этом теле [была] чужая, холодная голова. И *всегда особенно смущала Клима эта неуместная, озабоченная складка на лбу ее.* Когда он возбужденно и самозабвенно [говорил ей слова] *заговорил с нею словами* любви, она, усмехаясь, [отвечала] *сказала*:

— [Как глупо!] *Какой глупый!* Вот уж не ожидала от тебя.

[— Что это за человек, твой муж? — спросил он. Елизавета ответила]

---

[1] Тебе [мой сын] [моя дочь] мое дитя (*франц.*).

Заметив, что она относится к мужу с легким, но [*непоколебимым*] *непоколебимо устоявшимся* [*хотя и легким*] *презрением, Клим спросил:*

— Что это за человек?

Но она ответила:

— Я у тебя не затем, чтоб рассказывать о муже...

Иногда ему казалось, что она [испорчена и] цинична, и в такие минуты [ему особенно хотелось] *он особенно хотел* сделать ей больно.

Но [ее] круглые, синеватые глаза смотрели [так властно, и круглое кошачье лицо было непоколебимо, внушительно] *на него властно,* [в] *а когда она задумывалась, на круглом кошачьем лице* [было что-то ясное] *являлось что-то очень грустное и виноватое. Это, обезоруживая Клима, возбуждало его любопытство, хотелось понять, разоблачить ее.*

— Туробоев был влюблен в тебя?

— Может быть,— сказала она.— Но, лучше, спроси об этом его.

— А как ты к нему относишься?

[*Ответ*] *Помолчав, она ответила:*

— Мне нравятся мужчины, которые поют. Петухи. Соловьи.

— Значит — я не нравлюсь?

— Глупо,— сказала она, пожав плечами.

— К какому же семейству птиц ты относишь меня?

— К ночным,— [*сказа⟨ла⟩*] *ответила она, снимая платье, и погладила* [*рукою*] *ладонью небольшую, но полную грудь.*

[Она двигалась всегда мягко, осторожно...] Она двигалась всегда мягко, как беременная или слепая, брала вещи *осторожно*, гладила их пальцами и, мурлыкая, рассматривала их со вниманием человека, который впервые видит [фотограф⟨ию⟩] нож для разрезывания книг или карандаш.

«Почему она выбрала меня?» — соображал Клим, наблюдая за ней, и с досадой, с раздражением видел: все в ней неясно, [все] даже простота, с которой она отдалась ему. Когда Клим не понимал людей, он чувствовал их опасными для себя, и таких людей становилось все больше. Теперь вот еще эта [длинная Лидия узнает]. А вдруг о [нем] его романе с нею узнает Лидия?

[В состоянии, которое он сам *иронически*, насмешливо, языком пошлых книг назвал «туманом страсти», Клим прожил [более месяца] [ок⟨оло⟩] *недели три*. За это время]

Приехала мать, сообщила, что, по слухам, осенью [возможны] [ожидают студенческих беспорядков, что] *ожидаются студенческие беспорядки, и Климу нужно подождать ехать в Универ⟨ситет⟩.*

— Лучше перевестись в М⟨оскву⟩. М⟨осква⟩ — спокойнее.

Но тотчас же прибавила:

— Хотя Петербург умнее. В нем больше ясности, он освежает голову... Дмитрия скоро выпустят, но, вероятно, он будет лишен права учиться в университете, потому что вел себя на допросах дерзко и упрямо. Мне сказал это офицер, который допрашивал его. Очень любезный человек [настроенный] [Он] и настроен к молодежи благожелательно, но говорит: «Войдите в наше положение, ведь не можем же мы воспитывать революционеров!» И правильно указал, что [однажды] ⟨в⟩ 81 году именно революционеры уничтожили конституцию накануне ее осуществления. Это — очень правильно, Клим!

[Трижды] *Утвердительно* качнув головою, она продолжала:

— [Была на] *Мне дали* свидание с Дмитрием, он — здоров, обрастает бородою, даже весел и, кажется, чувствует себя героем. [Сюда] Из Москвы я ехала с женихом Алины, это — ненормальный человек. [Они венчаются в сентябре.]

О Дмитрии она говорила между прочим, как-то забывая о нем, не договаривая. [В] *Новое платье,* [*очень*] *красиво сшитое, но подчеркнуто простое, и папироска в зубах почему-то придавали ей сходство с актрисой драмы.*

На другой день она [уехала] собралась на дачу [1]. [Клим поехал провожать ее, но [уже ночью вдруг] там [скоро] почувствовал, что его тянет в город. Недели достаточно было для того, чтоб это тяготение [стало] приобрело [ту] силу, с которой он не мог справиться, и в первый же ненастный день он уже снова]

На другой день она собралась на дачу. Клим поехал провожать ее и обрадовался, узнав, что Лютов увез невесту и Лидию [*в какой-то отда⟨ленный⟩*] *на пароходе смотреть города верхней Волги. Видеть Лидию Климу не хотелось, он* [*даже не*] *думал о встрече с ней смущенно и виновато.* [*А дня через три*] *И в первый же ненастный день уже снова вернулся в город,* сидел в комнате у себя, Спивак [шагая по комнате с лек⟨цией⟩] рассказывала ему, что была с мужем у [одного]

---

[1] Фраза осталась незачеркнутой.

адвоката, покровителя искусств и наук, и там какой-то рыжий [анахорет] человек читал нечто вроде лекции.

— «Об инстинкте познания»,— кажется так. Да, именно: об инстинкте познания. С ним очень спорили. Потом муж играл с большим успехом. Действительно [я знаю] играл отлично.

— Этот рыжый, *наверное*, мой учитель. Томилин?

— Да, кажется, так. Страшно неряшливый [видимо, очень бедный] Такой... анахорет. Говорил он неинтересно, впрочем, я не понимаю ничего философского. Меня только одно поразило: познание — оплодотворение,— сказал он; познание — такая же сила, как любовь и голод. Я никогда не слышала этого. [Пожалуй, это не глупо.]

Задумчиво глядя в угол, она сказала:

— Удивительно уродливый человек... Но когда о любви говорят [вот] такие... неудачные люди, я очень верю в их искренность. [Лучше всего] *Самое* лучшее, что я слышала о любви к женщине, говорил [мой] один горбатый.

Тихий осенний дождь осторожно кропил землю, под ударами его капель чуть слышно звенели стекла в окнах. [1] В Елизавете Спивак тоже [было] явилось что-то осторожное
л. 73 [таинственное] [и подозрительное]. Говоря, она прислушивалась к своим словам, и взгляд синеватых глаз ее был затенен. [Клим подозрительно] Наблюдая за нею, [казалось] Клим подумал, что она хочет, но не решается сказать что-то. Наверное, что-нибудь о квартире. Но нерешительность — это не ее качество. Еще более подозрительным показалось ему то, что она [отнеслась к его ласкам] *встретила* его ласки тоже как-то незнакомо осторожно и бережливо в отношении к себе. Ее сдержанность была обидна [в ней], *и когда Елизавета ушла*, Клим [нашел] спросил себя: что это — лень, игра, отсутствие желания?

После каждой встречи с нею он чувствовал, что чем более возбуждает его эта женщина, тем [она] [менее] *все менее* приятна она как человек. И [неприязненное отношение] *недоверчивое, неприязненное чувство* к человеку настойчиво будило в нем инстинктивное желание обидеть женщину, больно задеть ее, испугать чем-то. Хорошо бы видеть ее разозлившейся до слез, до рыданий, растерянной и смятой. Едва ли она способна плакать, но [мать-то] ведь он считал, что мать

---

[1] *Текст*: [Труды] Утвердительно качнув *(стр. 153)* ∾ стекла в окнах.— *перечеркнут синим карандашом.*

тоже лишена дара слез, а однако она плакала. В [этих] мечтах Клим представлял Елизавету на коленях пред ним, поднявшей руки так, как он пред Лидией, но в действительности всегда ощущал между собою и Спивак неодолимую преграду, [расс⟨екающую⟩] *холодное пространство, которое он не мог переступить. Мысленно всячески терзая, унижая эту женщину* [*при*], *он становился покорен при встречах с нею, и это противоречие мучило его.* Странный взгляд ее затененных глаз напоминал ему, *что* глаза Лидии *тоже* смотрели вот таким [спраш⟨ивающим⟩] взглядом [который], *который* спрашивал и прислушивался к чему-то.

Клим заметил, что Спивак [*смот⟨рит⟩*] *сосредоточенно рассматривает свое отражение в зеркале, как будто ищет чего-то в лице своем или не узнает себя.* [*В одно и то же время она казалась и сосредоточенной, и рассеянной*]. *А на него она смотрела рассеянно, новым взглядом, как бы издалека.*

Ему стало еще труднее, когда с дачи приехала мать и Лидия. Через несколько дней мать уже говорила [ему]:

— Я, кажется, ошиблась; Елизавета Мироновна интересная женщина. Во всяком случае она умеет устроиться со вкусом. У них очень мило. А муж ее — удивительно смешной. И — талантлив.

Осенними вечерами собирались во флигеле, маленький Спивак играл, оживленно рассказывал биографии музыкантов, отрицал Вагнера и утверждал, что вся необходимая человечеству музыка уже [напи⟨сана⟩] сделана Моцартом, Бахом, Бетховеном, остальное же — мило, любопытно, даже талантливо, но не так уж необходимо. *Извиняющимся тоном он прибавлял:*

— *Есть еще русская музыка* [*конечно*]. *Очень хорошая музыка.*

[Это не мешало ему писать] *Кроме музыки он не умел говорить ни о чем и писал* [1] симфонию на темы двух [русских] песен: «Во субботу, день ненастный» и другой, бравурной, незнакомой Климу и похожей на солдатскую. Варавка небрежно сказал о нем:

— [Это] Человек для анекдотов.

Варавка откровенно ухаживал за женой музыканта; она молча улыбалась ему, [но все более] но Клим заметил, что симпатия матери к ней возрастает. А отношение Елизаветы к Лидии пугало его: жена музыканта [как-то сразу] *неулови-*

---

[1] Вписанная фраза перечеркнута синим карандашом.

мо быстро [сошлась с девушкой] привлекла к себе недоверчивую девушку, смотрела на нее ласково, шепталась с нею о чем-то, и, когда она и мать, слушая музыку, сидели на диване [по бокам, Лида], *а Лидия усаживалась* между ними, Клим наблюдал [за ними] женщин почти одинаково неприязненно и опасливо.

«Что соединяет их?»

— Тебе нравится Лидия? — спросил он Спивак.

— Очень.

Отвечая, Спивак улыбалась, и [в ее улыбке было что-то] эта улыбка раздражали Клима. Он спросил:

— Чем?

Она подошла к нему [и], взбила пальцами прическу и сказала:

— Не бойся. Женщина пред девушкой не гордится своими романами. [1]

— Я ничего не боюсь,— сердито [ска⟨зал⟩] заметил Клим.

— Ну, все-таки, есть кое-что, чего следует бояться,— задумчиво сказала женщина, садясь на колени его.

В другой раз она, тоже задумчиво и неуместно, между прочим, заметила:

— Лида будет плохой женою, потому что она хороший человек [1].

— Это — парадокс.

— Да, парадокс,— согласилась Спивак, кивнув головою.

Клим находил, что Спивак умна, но ум у нее сухонький, неприятный. Она, очевидно, сама знала это, потому что прятала его, говорила мало, никогда не касаясь тех вопросов, которые возбуждал неугомонный, речистый Варавка. *Варавка был оживлен более чем обычно*: [*В Крыму*] *только что умер царь Александр III*, *и Варавка*, [*сослав Победоносцева*] *предрекая Победоносцеву опалу*, [*ссылку*] *уверенно* [*говорил, что при молодом царе власть*] *пророчил:*

— *Теперь, при молодом царе, человеке, говорят, очень мягком и гуманном, власть возьмет умная рука Витте. Это — хозяин!*

Климу казалось также, что [отношения Спивак] взаимная симпатия его любовницы и его возлюбленной изменяют

---

[1] Реплика в рукописи отчеркнута красным карандашом.

даже враждебное отношение матери к Лидии на более ласковое и внимательное.

Клим был уверен, что он [Лидию] любит Лидию, [это] это его судьба. Именно на ней женится он. Ему было приятно думать об этом, и он гордился пред собою тем, что связь с женщиной не [коснет⟨ся⟩] *охлаждает* в нем тепло того чувства кротости и самозабвения, которое он открыл в себе, стоя на коленях пред девушкой. Он был рад, когда Лидия [наконец] уехала в М⟨оскву⟩ учиться. Он тоже решил жить в М⟨оскве⟩ и хлопотал о переводе в Московский университет.

И вдруг Елизавета ударила его ошеломляющим ударом, сказав:

— А, знаешь, я — *наверное*, беременна.

[Он сидел в кресле и ему] [Ему] *Климу* показалось, что невидимые, но тяжелые руки упали на *его* плечи [его] [ему] и втиснули в кресло вдруг ослабевшее тело. Сквозь туман в глазах он видел: [что круглое] лицо женщины светится [властно, гордо, и] *ласково* [и], *ее* маленький рот [ее улыбается подавляюще спокойно] вздрагивает целующей улыбкой. В доме было тихо. Мать и Варавка ушли в театр. [В черноте] *За черными стеклами окон* дождь шумел, посвистывал ветер. Елизавета стояла пред ним, покачиваясь. Он услышал издали ее [вопрос] слова:

— [Ты испугался...] *Четыре года* я мечтала об этом.

— Но ведь... — забормотал Клим, упираясь ладонями в колена свои и в то же время пытаясь встать.

— Что?

Он развел руками, встал.

— Почему ты думаешь... что я?

— Ты? Что?

Клим брезгливо оглянулся.

— Не кричи.

— Да я не кричу! С чего ты взял? [Что с тобой?]

Нет, она кричала, хотя была так близко к нему, что колено его касалось ее юбки.

— Но, ведь, ты и с мужем... — сказал Клим очень тихо. — Согласись, что ты и с ним тоже...

Женщина отошла от него, и снова издали сквозь шум в голове он услыхал:

— Ах, вот что! Ну, [ты, голубчик] знаешь ли...

Она, кажется, вздохнула.

— [Это — дрянно, знаешь?.. — слышал он.— Это очень

дрянно] Ты напрасно испугался. [И — чего? Разве я от тебя, мальчишки, требую чего-нибудь?]

Она снова подошла близко [к нему, говоря в лицо], *погладила* голову его.

[— С меня достаточно того, что было и что осталось, понимаешь? Нет?

Лицо у нее [бы⟨ло⟩] — *все лицо* угрожающе сверкало, отталкивало, Клим шагнул назад, и она засмеялась нехорошим смехом, говоря:

— Ты успокойся. Ты можешь думать, что был нужен мне только на пять минут. И не ты был нужен, а ребенок.

— Не надо драмы, Лиза,— пробормотал Клим, стараясь не смотреть на нее и боясь не видеть.]

Но ни слова, ни ласка ее не успокоили Клима [ему казалось]. *Он видел, что всё лицо ее сверкает угрожающе и требовательно; он шагнул назад, пробормотав:*

— Я не рассчитывал... не ожидал драмы... И почему так быстро?

Говорил он, стараясь не смотреть на нее и боясь не видеть ее лица. Что [она] *намерена делать она?*

— [*Драма?*] Драма? — воскликнула [она] *Спивак*, и Клим ясно слышал в голосе ее странную смесь радости и презрения, когда она четко сказала:

— [Я [пять] *шесть* лет хотела иметь ребенка,— вот драма! Ее уже нет. В сущности, не стоит говорить об этом с тобою. Ты только пойми: мне ничего больше не надо от тебя. Ничего больше не будет между нами. Мы — просто знакомые.

У двери она сказала:

— Да, не нужно было говорить тебе об этом, это ошибка. И ошибка то, что я выбрала тебя. Мне хотелось бы сохранить о тебе лучшее воспоминание.

Ее последними словами были грустные и возмущенные слова:

— Но какой ты жалкий, какой эгоист...

С [ними, с] этими словами Клим и остался, не веря, что все кончено, думая:

— Уехать надо, скорее уехать]

— Ты не понимаешь, как это нехорошо, что ты испугался.

Она говорила еще что-то, много и [*ясно*] *звучно, но Клим не улавливал связи в ее словах и не верил* [ей] *ласковому блеску ее глаз.*

— Мне хотелось бы сохранить о тебе лучшее воспоминание,— слышал он и бормотал:

— Но, согласись...

л. 74 *Замолчав,* [*она*] *Спивак неприятно долго смотрела на него и, наконец, медленно ушла, не сказав ничего больше, ни слова, только лицо ее потемнело, и лоб разрезала знакомая озабоченная морщина.*

«Это надо кончить,— думал он, оставшись один.— Немедленно кончить. Надо сказать ей...»

Но — что говорят женщине, когда больше не желают забавляться с нею?

Жадно выпив стакан воды, он сел, усталый, точно изломанный, и, вспоминая ее слова, [вспомнил] подумал, что все-таки в последнем ее восклицании [как будто] прозвучала обида и боль. [*Но это не утешило его, а только вызвало опасливую мысль:* [*вдруг*] *а если она захочет отомстить?*] *Но это не утешило его.*

[— Так,— размышлял он]

— Я — отец ребенка? [Гм... — И] — усмехнулся, сказав вслух:

— Гм... — и тотчас прикрыл рот рукою, оглянулся, послушал. Дождь шумел, [железо] ворчливо, однообразно звучало железо водосточной трубы. Размышления о том, что он — отец, [как-то] *странно* выпрямляли Клима, в этом [и] было нечто значительное, и это позволяло думать о Спивак по-новому, снисходительно [чуть-чуть] и даже немножко насмешливо. Когда беременность обнаружится [ее] *заметно*, тонкая фигура этой женщины станет уродливой. [Беременные высокие женщины более уродливы, чем полные среднего роста.]

[Клим встал, посмотрел [видя] в зеркало на свое серьезное, в очках, лицо, взбил ладонью пышные обильные] *Он* [*встал*] *пошел мыть руки и, моясь,* [размышлял угрюмо] *видел* в зеркало свое *мокрое* лицо, растрепанные, жестковатые волосы, потрогал пальцем темные тени усов и решил, что со временем он отрастит узкую, острую бородку [Это] [она сделает лицо более серьезным и своеобразным. Да].

«А [вдруг] если она скажет Лидии?» — вдруг подумал он, [шагая по комнате. Он не верил, что Елизавета, сказав ему: «больше ничего не будет между нами», — сказала правду, не верил, что она не захочет отомстить ему] испуганно опустив руку с гребенкой в ней, глядя [в мыльную воду], *как лопаются* мыльные пузыри в опаловой воде умывальника.

Да, весьма вероятно, что Спивак захочет отомстить. [Может] Не следует ли, чтоб он сам рассказал Лидии обо всем этом? Он мог бы сказать, что не искал, не добивался благосклонности Спивак, она сама соблазнила его. И, кивнув головою отражению своему в зеркале, он пробормотал:

— Это правда.

Прошло несколько дней, [но] Клим не заметил [ни на что] *в настроении Спивак* ничего враждебного *ему*, [в отношении Спивак к нему. Как раньше] [*при людях она*] *но при людях* оставалась такой же сдержанно ласковой, какою была раньше, [он же] а он не хотел и не искал встреч с нею наедине. Она [только] смотрела мимо его лица или через голову его [В эти дни Клим встретил Томилина, зашел в] [*хотя она смотрела мимо его лица или через голову его*].

Встреч наедине с нею он не искал, не хотел, боялся, а при людях она оставалась такою же [сдержанно] *равнодушно ласковой с ним, какою была* [и] [*раньше*] [*всегда*] *раньше.* [Это было не совсем понятно и возбуждало] *Это равнодушие обидно* задевало *и будило* смутные подозрения; они особенно тревожили, когда Климу казалось, что [эта женщина смо⟨трит⟩] *Елизавета*, говоря с ним, смотрит мимо его лица или через голову его. [Казалось также, что] Она стала говорить еще более тихо, а во взгляде ее синеватых глаз [есть] *явилось* что-то новое и опасное.

«Что она хочет делать?» — спрашивал он себя, *враждебно* наблюдая за нею, и замечал, что [вражда] от вражды к этой женщине [бросает] *ложится* тень [неприязни] на его отношение к матери, к Лидии и вообще ко всем женщинам. Тяжело с ними; все они требуют парадного напряжения [и], они смотрят на жизнь, как на торжественный менуэт [а ведь ясно, что жизнь — [гораздо более] танец простой, не сложный]. Ему очень понравилось это сравнение [жизнь — менуэт]; усмехаясь, он продолжал размышлять: «Уж если [при] смотреть на жизнь, как на танец, так это — очень [простенькая] незатейливая кадриль».

Он шел по улице, чисто вымытой долгодневными дождями, *а в этот день* освещенной [холодноватым] невеселым светом осеннего солнца. В прозрачном, холодноватом воздухе [четко] на фоне поблекшего неба четко рисовались темные, оголенные ветви деревьев, их узоры очень помогали думать [кое-где еще]. На верхних ветвях еще блестел кусочками меди рыжий лист.

В темной лавке[1] букиниста Клим наткнулся на человека в [боль⟨шой⟩] толстом пальто и большой ватной фуражке, козырек которой съехал ему на нос.

— Извините!

— Это вы, Полканов,— уверенно сказал человек.

Даже и после этого утверждения Клим не сразу узнал Томилина в пыльном [воздухе] сумраке, набитом книгами. [Присев] Сидя на низеньком табурете над кучей книг, учитель протянул [руку снизу] Климу руку, а другой рукою передвинул фуражку на левое ухо. Руки его тонули в длинных рукавах пальто, он встряхивал рукавами и [весь трепетал], расталкивая книги ногами, говорил:

— А я ждал вас...

— Здесь? — удивленно спросил Клим.

— [Нет, конечно] Почему — здесь? У себя дома. Вот теперь мы пойдем ко мне...

Клим был сконфужен глупостью своего вопроса, смущен нежеланной встречей и не успел отказаться от приглашения учителя. Обнаружив несвойственную ему [быстроту] поспешность, Томилин сказал в угол лавки кому-то невидимому:

— Я завтра приду.

Чихнул и, запинаясь о книги, вышел на улицу.

— Старые книги пахнут кислым,— сообщил он, поправляя тяжелую фуражку. В этой [старой] разбухшей, купеческой фуражке, в [ши⟨роком⟩] толстом пальто с чужих плеч, очень широком и длинном для него, [Томилин] и в глубоких резиновых галошах Томилин был похож на банкрота купца, который [долго] долго сидел в тюрьме [за] и только что вышел оттуда [и оделся в]. Он шагал важно, как гусь, держал руки в карманах, и длинные рукава пальто смялись жирными, глубокими складками. Но [лицо] *рыжая щека* Томилина сыто округлилась [и], голос его звучал уверенно, *и в его вопросах Клим* [*чувст⟨вовал⟩*] *слышал строгость наставника.*

— *Ну, что же, удовлетворяет вас университетская наука? — спрашивал он, и сам же отвечал: — Конечно, — нет. И, должно быть, пошутил:*

— *И, конечно, профессора, как всегда, нюхают табак.*

Он жил все там же, в игрушечном доме повара, но оказалось, что повар умер, а домом владела сестра его[2], дородная

[1] Рядом с этим местом знак вставки синим карандашом; вставка отсутствует.

[2] Фраза частично зачеркнута синим карандашом.

благодушная женщина лет сорока, с большим лицом, [тол⟨стым⟩] широким носом [и], светлыми глазами и маленьким ротиком окуня.

— Варвара Сергеевна,— сказал Томилин, положив рыжую руку на плечо ее, и добавил внушительно:

— *Будущая жена моя...*

Она медленно, широко и благосклонно улыбнулась, воскликнула:

— Ой, что вы... Сразу...

— Это — факт,— сказал Томилин.

На нем был черный пиджак странного покроя, видимо, перешитый из сюртука, под пиджаком — рубаха с накрахмаленной, но измятой грудью, черный галстух [не обвязывал], *жестко* торчал под бородою, коротко подстриженной. [Он по⟨остриг?⟩] [он] Прямые, густые волосы Томилин тоже подстриг, они лежали на голове его красноватым чепчиком [и], лицо учителя, потеряв сходство с иконой Нерукотворного Спаса [и], пополневшее, розоватое, было незнакомо Климу. Только глаза остались неподвижными и озабоченно нахмурились колючие рыжие брови.

— Кушайте,— ласково приглашала женщина, подвигая Климу стакан чая, тарелку оладий, вазу меда, пряники шоколадного цвета.

— Замечательные пряники,— удостоверил Томилин.— Она сама делает их. Из солода с медом.

Клим ел и пил, чтоб не говорить. Он искоса незаметно осматривал уютную, [по-мещански] чисто прибранную комнату, с цветами на подоконниках, с образами в переднем углу и [портретом] [гравированным портретом Иммануила Канта] *олеографией на стене*. Олеография изображала сытую женщину с бубном в руке, стоявшую у колонны. И живая женщина [разлива⟨ла⟩] у самовара за столом тоже была надолго, на всю жизнь сыта; ее большое разъевшееся тело [ее по локоть голые ⟨руки⟩ в желтоватой, масленистой коже приятно лоснились, пурпуровые] *помещалось на стуле монументально плотно и крепко, шевелились толстые сафьяновые* щеки [два *1 нрзб*] пурпурного цвета, добродушно светились водянистые глаза, и, когда она переставала жевать, [рот] маленький ротик ее сжимался звездою. [Сыт был и Томилин, он поздо⟨ровел⟩] Было нечто несоединимое, подавляюще странное в том, что *в* [этой] *теплой комнате, насыщенной запахом герани и съестного*, при этой женщине можно
л. 75 говорить так, как говорил Томилин.

— Они утверждают, что вся психика суть только свойство организованной материи,— говорил он, держа в одной руке пряник и дирижируя другою.— Они пытаются доказать, что [дух суть неотделимое свойство материального мира] и мысль — только химическая реакция материи. *В конце концов, это — панпсихизм, гилозоизм, вообще — одушевление материи, да, да!*

— Чай простынет,— тихо и заботливо напомнила женщина. Томилин бросил пряник на тарелку, отпил полстакана остывшего чая, вытер рот платком и продолжал, шевеля бровями.

— Из всех недопустимых опрощений это — самое уродливое. Совершенно ясно, что оно исходит из отчаяния, вызванного неведением, [и воз⟨можно⟩] неведением и усталостью [от] безуспешных поисков верования.

Взбросив руку над головою, он погрозил пальцем и победоносно, торжествующе вскричал:

— Ага! Я говорил: не истины хотите, а веры! Я всегда говорил это!

И, откинувшись на спинку стула, протянув руку над столом, он продолжал:

— И я говорю: для успешных поисков истины необходимо очистить себя от всех верований и, более того,— очиститься от самого желания верить. Вот путь к истине. Иного — не может быть. Только этот. Я докажу...

Клим невнимательно слушал знакомые речи Томилина, но он [сидя] смотрел на него [в состоянии] с изумлением, которого почти не мог скрыть. Все в этом человеке казалось ему новым: [почти] эти широкие, расталкивающие жесты, [неприятный] *громкий* голос, уверенный, властный тон.

— Мир пойдет за мною,— слышал Клим и чувствовал, как в нем нарастает зависть к [этому] *человеку, одетому* комически, нескладному, некрасивому, к человеку, который, ощетинив брови, утверждал:

— Вера, всякая вера, есть преступление пред [свободной мыслью] *лицом* мысли, пред лицом начала всех начал.

Было ясно: [что] нелепый этот человек непоколебимо верит, что [он] только он нашел истину.

— Да кушайте же, Степан Матвеевич,— повторяла женщина и [обращаясь к Полканову] *улыбалась Климу*, упрашивая: — Дорогой гость, что же вы? Лимончика возьмите.

[Вошел важный, черный кот с зелеными глазами и бесшумно прыгнул на колени Томилину.

— Сенсуалист,— сказал Томилин, [обняв кота и прижимая его ко груди:

— Варвара Сергеевна, не дать ли ему молока?

Сложив рот звездою, женщина подумала и сказала, взглянув на стенные часы:

— Как будто рано еще] [*Пышные*] *Руки ее* [*снова*] *благодатно* [*поплыли*] *плавали над столом* [*распределяя дары*] *без шума перемещая тарелки, вазочки со* [*вкусными и*] *вкусным и сладким; казалось, что эти пышные руки обладают силою магнита, стоит им протянуться к сахарнице или молочнику,* [*и по*] *молочник, сахарница уже сами подвигаются к мягким пальцам женщины* [*и все на столе ждет* [*ее*] *ласковых прикосновений этих пальцев*]. *Ее светлые глаза улыбались Томилину, Климу, самовару* [*ласковой*] *понимающей улыбкой, все на столе ожидало ласковых прикосновений ее пальцев, и все в комнате тянулось к ней. Когда Томилин, взглянув на стенные часы, вдруг встал и торопливо вышел, она успокоительно сказала Климу:*

— Он сейчас воротится.

И, вздохнув, сообщила:

— Ученое занятие [*его*] *Степана Матвеевича тишины требует, я даже братнину собаку мышьяком отравила, уж очень выла собака в светлые ночи. Воет и воет... Теперь у нас кот, я люблю, чтобы в доме было животнсе.*

Подвинув Климу тарелку с [*засахаренными*] *китайскими яблоками в* [*сахаре*] *меду, она продолжала, поправляя шпильки в тяжелой чалме темных волос:*

— По праздникам [*народу ходит*] *народ приходит к нему и все, знаете, больше! Священников двое, нотариус, тюремный инспектор и всякие, даже дамы молодые бывают, и всем он толкует свою науку... Очень уважают его. Только один* [*спо⟨рщик?⟩*] *был, противослов такой,* [*ученик его*] *раздражительный, ваших лет молодой человек, Дронов, он у меня вроде дворника* [*по дому*] *служил. Ну, я ему намекнула, чтоб он не очень шумел, он и уехал в Саратов. Я злых не люблю...*]

Возвратился Томилин, внес [*черн⟨ого⟩*] *на руках черного кота с зелеными глазами и, посадив его на колени женщине, спросил ее озабоченно:*

— Не дать ли ему молока?

Сложив ротик звездою, женщина подумала и сказала:

— Как будто рано еще.

Кот спрыгнул на пол, потянулся, подошел к ногам Клима [1].

— Сенсуалист,— сказал Томилин, наблюдая за котом, и зевнул.

Клим встал [*заявив, что ему пора* [*идти*] *домой*]:

— Мне — пора...

— Заходите,— настойчиво предложил Томилин [когда Клим встал, заявив, что ему]. — С двух часов свободен. Да, [через неделю] в воскресенье я буду читать [в одном доме] главу из моей книги [«Познание»] «Об инстинкте [по⟨знания⟩] [и духе] познания», вот приходите слушать. Это — интересно.

Женщина [улыбнулась] пожала руку [Клима] гостя [пухлыми] [*мягкими*] теплыми пальцами, [затем озабоченно] сняла с его плеча какую-то пушинку или нитку и, спрятав руку за спину, сказала, благостно улыбаясь:

— Теперь они уж придут, я с них котовинку сняла...

«Котовинка? — думал Клим, идя по улице в грустном сумраке осеннего вечера.— Это что еще, котовинка? [Гилозоизм]».

Раздражало чувство *острого* недовольства собою. Он играет *смешную* [и унизительную] роль какого-то безвольного наблюдателя, роль человека, на которого все смотрят, как на ящик для мусора своих мнений [ощущений]. *Конечно, все это не заражает его,* [*но* [*вс⟨е-таки⟩*] *однако засаривает*] *не задерживается в нем, но все-таки* [*послушав болтовни*] *чувствуешь себя запыленным* [*и отуманенным*] *чужими словами до того, что почти не видишь свое настоящее лицо.* В нем нет чего-то необходимого для [отпора] сопротивления людям. [На⟨до⟩] Пора остановиться на чем-то, выбирать позицию и с нее отражать наскоки всех этих доморощенных мудрецов— Томилина, Лютова и прочих. [Да, пора.]

[*И в сущности, он ведь кажется*] [*В сущности Томилин*] *Он понимал, что Томилин в сущности проповедует упрощение, такое же, как материалисты, поражаемые им* [*Но до чего*]. *Как удивительно он устроился!*

«Какая пошлость!» — [*мысленно*] *повторял он, смутно чувствуя необходимость убедить себя в том, что это* [*тепленькое*] *благополучие именно — пошлость и только пошлость.*

---

[1] *Текст*: [Пышные] Руки ее *(стр. 164)* ∾ к ногам Клима.— *вставка на отдельном листе в клетку.*

[Дома его ожидало] *Мать встретила* [*его*] *Клима* новостью:

— Знаешь, [сказала] дядя Яков снова арест⟨ован⟩ в Сар⟨атове⟩. Он и Юлия,— помнишь, акушерка?

Она сообщила это обиженным тоном, пожимая плечами.

— [Еще] Безумие! — говорила она, морщась. — Ведь — старики. Юлия старше меня на восемь лет. Право же, я начинаю думать, что в этой их борьбе с правительством главную роль играет их *оскорбленное* самолюбие, очень мелкое и личное. Желание отомстить кому-то за испорченную жизнь.

Слово борьба она иронически подчеркнула, а затем, прикрыв дверь, села рядом с Климом, говоря:

— Я боюсь за тебя. [Ехать] Нужно ли переводиться тебе в Москву. Ходят слухи, что ко дню коронации Моск⟨ву⟩ хотят минировать и все взорвать...

— Все это очень далеко от меня, мама,— суховато сказал Клим.— Я намерен серьезно учиться и — больше ничего не хочу.

Мать замолчала, *потом*, *вздохнув*, *сообщила:*

— Ты — видел, тут *лежит* письмо тебе из Швейцарии. Вероятно, жанд⟨армы⟩ читают все письма из-за границы...

Клим взял письмо со стола, посмотрел; штемпель был смазан, почерк незнаком.

— Ну, читай,— разрешила мать и ушла.

Клим вскрыл конверт, посмотрел на подпись — Нехаева. [Она в Давосе, в санатории.]

«Вот еще», — с досадой подумал он, а, прочитав письмо, нашел, что оно слишком красиво написано и вызывает впечатление сочиненности.

«Воображает себя М. Башкирцевой»,— усмехнулся он, разрывая письмо. [Искренние люди не] Он лег, задумался. *Как*, *чем охранить жизнь свою от упрямых вторжений ненужного* [*и*], *случайного*.

В сущности Нехаева была так же не нужна ему, как не нужна Спивак. Нужна же была *только* Маргарита. Теперь необходима Лидия. Навязчиво, *одна за другою*, поплыли раздражающие фигуры Томилина, Лютова, Туробоева и всех людей, с которыми он столкнулся за этот год. Никто, ни один из них [*не* был нужен ему и не внес в его внутренний мир ничего] не нужен ему [но он чувствовал себя потерянным в *этой* шумной, многословной толпе, ускользающим, невидимым самому себе]. В конце концов все люди только утомля-

ли. Каждый из них бросал тень свою [внутрь] в память, в душу и [только] *этим* отягощал, заставляя думать о нем, отводить ему [как⟨ое-то⟩] то или иное место, определять, оценивать его. Зачем это нужно? Какой смысл в этом? Как бы много ни думать о [других] *людях*, они не становятся [более] понятны, но в этих насильственно навязанных думах [тускнеет, исчезает свое, настоящее] *теряешься*, [становишься] *становясь невидимым самому себе*.

Клим [все] с [большей] тревогою ощущал, что в нем не разгорается [не освещает его тот] тот огонь, который должен [резко] четко [его] осветить его и отделить, отчеркнуть от людей. Он чувствовал, что теряет способность обращать на себя внимание, уменье быть заметным [Он видел что] [и], его замечают [лишь] только потому, что он [становится все более сдержанным, молчаливым, но что даже мать как будто уже не ждет от него необыкновенных слов, оригинальных суждений. Даже мать] *демонстративно стоит в стороне и молчит*. Конечно, Лидия, наконец, оценила его, но он не мог скрыть от себя, что в отношении Лидии к нему есть что-то непрочное, взвешивающее [и все-таки], еще недоверчивое. [Необходимо что-то сделать с собою. Вспоминая суждения Томилина, Клим попутно вспомнил философский спор Варавки с Туробоевым. Варавка предложил Туробоеву войти в какое-то новое дело, Туробоев сказал, отрицательно качая головою:

— Нет, я не верю в дело.

Он приехал в Москву с намерением человека, который должен развернуть себя, но С⟨пивак?⟩]

[*Необходимо*] *Нужно подняться на какую-то высоту и развернуть себя пред этой девушкой, внушить* [*ей*] *ей, что именно он тот человек, который необходим для нее.*

«Как я прощусь с Елизаветой?» — *тревожно* подумал он. Но прощание со Спивак вышло [неожиданно для него просто] так просто, как будто между ними ничего не было.

— Вы приедете на рождественские каникулы? — спросила она.

— Едва ли. Не думаю...

— Ну, всего доброго... [1]

л. 76 [Смотрела она ласково, но спокойно, и было как-то странно, даже [обидно несколько] несколько обидно, что она

---

[1] *Текст*: В конце концов все люди (*стр. 166*) ∾ — Ну, всего. доброго...— *перечеркнут волнистой чертой синим карандашом.*

не сказала ни слова больше.] *Улыбалась она скорее любезно, чем ласково, взгляд ее был скучновато направлен влево от лица Клима, и это несколько* [*обижало*] *обижало* [*его*].

«*В сущности, она бесстыдница*»,— *подумал он.*

[Он нашел, что в М⟨оскве⟩ студенты пьют больше, чем в Пет⟨ербурге⟩ и что [здесь] им свойственно неприятное, [шумное] *крикливое* молодечество [показное удальство]. Особенно шумно и даже скандально вела себя молодежь поволжских городов. И театром *студенчество* увлекалось более [горячо] пламенно, чем петербуржцы, на его вопрос]

[Когда он осведомился об этом доме у старухи лавочницы, она спросила [сердито и] насмешливо и подозрительно:

— Которого Миронова? У нас их четверо, а у Петра Мироныча — три дома]

[Его очень неп⟨риятно⟩] *Обстановка, в которой жила Лидия, неприятно поразила его. Он долго плутал по* [*узким*] *истоптанным* [*троту⟨арам⟩*] *тротуарам узких, грязненьких и запутанных улиц, прежде чем нашел дом Миронова, нужный ему.*

Сеялся мелкий дождь, с крыш падали тяжелые капли, барабаня по шелку зонтика, [и] сердито журчала вода в проржавевших водосточных трубах. [Улицы были] Мокрые хмуренькие дома *смотрели* заплаканными стеклами окон неприязненно [и слепо]. Клим подумал, что в таких домах удобно жить фальшивомонетчикам, ворам и несчастным людям.

[*Маленькие церковки, тесно облепленные*] *Две или три маленькие церковки забыто прятались среди этих домов.*

«*Не храмы, а конуры*», — *подумал Клим, и это очень понравилось ему.*

Лидия [снимала квартиру] *жила во дворе одного из таких* домов, во [флигеле] *втором* этаже флигеля [Его с⟨тены⟩], стены его были гладки, [окна] лишены каких-либо украшений, *штукатурка выкрошилась*, окна без наличников; флигель имел вид раздетого, ограбленного.

Лидия встретила его оживленно, смуглое лицо ее было взволнованно, уши красные, глаза смеялись.

— Мой земляк и друг детства, Полканов,— знакомьтесь! — вскричала она, вводя Клима в большую пустоватую комнату. Высокий человек, шаркнув ногою по крашеному полу, протянул Климу длинную руку и сказал скорбным [и], *виноватым* голосом:

— Симеон Диомидов.

[— Миронов,— звучно]

Остроносая девица с *пышной*, трагически растрепанной прической назвала себя [Полиной] Мироновой, юноша в тужурке с золотыми пуговицами торопливо и звучно крикнул:

— Туркин!

[Из угла] От [белых] *синих* изразцов печи, *прихрамывая*, отделился *лысый* человек в длинной, ниже колен белой рубахе, подпоясанной толстым шнурком с кистями, и сказал, всхрапнув:

— Дядя [Павел] Хрисанф.

В комнате было дымно, две лампы *плохо* освещали ее, одна стояла на столе, между окон, другая [на стене] спускалась на цепи с потолка, под нею стоял Диомидов; сутулый, светловолосый, [с узкими плечами, он] *он опустил руки вдоль тела*, склонил голову набок и казался повешенным. Лицо у него было бледное, точно напудренное, нос большой, унылый, но [голу⟨бые⟩] голубые *красивые* глаза смотрели на Клима *по-женски* приветливо.

— Мы тут учили сцену из «Тартюфа»,— неестественно для нее, бойко [говорила] объясняла Лидия. В красной кофте и черной юбке она [была более чем всегда похожа на цыганку и казалась ниже ростом, отяжелевшей, утратившей всю свою бесплотность, невесомость тонкого и стройного тела] *казалась ниже ростом, была более чем всегда похожа на цыганку и как будто отяжелела, утратила бесплотность тонкой стройной фигуры.*

Вбежала гладко причесанная, круглолицая девушка с толстой косою и крикнула:

— Сейчас вам, поросята, дадут пива!

Остановилась, [при] подскочила и, сконфузясь, сказала Климу:

— Ах, извините... Я — не [вам] про вас.

Все засмеялись, а дядя Хрисанф [сказал] *сообщил Климу* сорванным сиплым голосом:

— Эта тоже племянница моя. [1]

[Все, кроме Лидии] *Клим видел, что все* смотрят на него вопросительно, ожидающими взглядами [и], даже Лидия как будто ждет, чтоб он показал себя. *В этих людях он почувствовал что-то простодушное, незатейливое и знакомое ему, провинциальное.* И когда дядя Хрисанф спросил его: как нравится ему Москва, Клим заговорил не громко, но смело [и],

---

[1] *Текст*: Вбежала гладко причесанная ∾ племянница моя.— *перечеркнут синим карандашом.*

уверенным тоном человека, который не сомневается в ценности своих слов. Он сказал, что уже не в первый ⟨раз⟩ в Москве. С [Воробьевых гор] Поклонной горы она кажется хаотической грудой цветистого мусора, сметенного со всей России, но золото обильных церквей ее намекает, что это не мусор, а ценнейшая руда.

— Правильно! — подтвердил дядя Хрисанф, потирая [рукою] лысый череп свой.

— И эти маленькие церкви, затерянные [в нем] и трогательные, божьи конурки...

Дядя Хрисанф с восторгом вскричал:

— Метко! Поздравляю... [И]

Он даже вскочил со стула, и, тыкая рукою в синий дым, засипел:

— Именно: конурки русского, московского, народнейшего бога! Замечательный бог у нас — *простота*! *В рубахе, не в мантии, не в ризе* [в пиджачке-с!] — По народу! Замечательнейший народ! Простота [у⟨ма⟩] души детская, а острота ума — дьявольская. Евангельский народ: кроток, яко голубь, и мудр, как змий. Народ — загадочка всему миру!

— Вы — [атеист] *не веруете*? — *вполголоса* спросил Диомидов Клима, но Туркин бесцеремонно зашипел на него, а [обе] племянницы взглянули укоризненно. Диомидов виновато улыбнулся им и, встряхнув гривой светлых волнистых волос, стал слушать восторженную речь дяди Хрисанфа. Клим тоже слушал, стараясь удержать на лице выражение [серьезного] внимания и внутренно негодуя на человека в широких шароварах и в туфлях, вышитых цветными шерстями. Бритое актерское лицо дяди Хрисанфа [лосн⟨илось⟩] *блестело так же*, как его шлифованный череп. Лицо красное, точно у новорожденного, и такие же младенческие маленькие глазки сапфирового цвета. [1] Говоря, он *потел, жестами кота отирал щеки и все* старался раскрыть, увеличить глаза, но достигал лишь того, что дрожали седые брови, а глаза светились, как две [бусинки, зашитые] *пуговицы, застегнутые* в красных петлях.

— Обожаю народ! — вскрикивал он.— Обожаю Москву. Горжусь, что русский. Может быть, вам это смешно, а я с гордостью хожу по одним улицам с знаменитейшими артистами и учеными нашими и с [гордостью] радостью снимаю шапку пред В. О. Ключевским, которого имею честь лично

---

[1] *Текст*: Бритое ∾ сапфирового цвета. — *перечеркнут синим карандашом.*

знать... А когда М. Н. Ермолова в театр, на репетицию, едет, так я-с на колени встать готов...

Клим Полканов вздохнул: этот говорун [неутомим и] [но и] [неспособен видеть никого] [*не видит*] *ничего и никого не может видеть* в облаке слов, которыми он неиссякаемо потеет. Молодежь, очевидно, любила слушать его. Туркин и Диомидов наливали пиво в стаканы с великой осторожностью, [три девушки] [*племянницы*] *дочь* сидела [в углу на ди⟨ване⟩] *неподвижно и* молча, Лидия, стоя у стены, смотрела на оратора, сдвинув брови. Было что-то суровое в ее нахмуренных глазах. «[Ей, конечно] *Ей* не должно нравиться это словословие», — успокоенно подумал Клим, разглядывая людей. Остроносая девушка сидела, как [бы позируя] перед невидимым фотографом. [Голова ее была гордо закинута] *Она гордо подняла голову*, и [на лице, узком] *ее лицо, узкое*, с большими серыми глазами [застыло странное] [*неопределенное* выражение грустного] *выражало тихое умиление* [Клим подозревал, что оно фальшиво. [Девушка] *Другая* девушка казалась естественней], играя толстой косою [своей], она *смотрела в потолок*, задумчиво шевелила губами, как бы повторяя слова дяди. Туркин — маленький, [крепкий] розовый, пухлый, с черными усиками [без], видимо, ничтожен [а в Диомидове было [инте⟨ресное⟩] что-то интересное и притягивающее] [*а Диомидов казался кротким, симпатичным, и Клим в мыслях назвал его безопасным человеком*]. *О Диомидове Клим подумал* [*о нем*]: «*Такие — безопасны*».

Хороши [его] *эти* голубые, удивленно открытые глаза, [нос несколько велик, смешон] он оглядывался так, как будто [сидел] попал в незнакомое место, унылый нос его был *несколько* смешон, но *все-таки* не портил тонкое, белое лицо с яркими, точно накрашенными губами. Он часто вздыхал и [медленными жестами], *медленно поднимая* руки, поправлял светлые волосы, отросшие до плеч, *но он делал это так*, [*как будто бы*] *точно щупал: цела ли у него голова? Под волосами прятались маленькие, точно у женщины, уши красивой формы*. Одет он был [небрежно] в [какую⟨-то⟩] серую блузу, подпоясан ремнем и напоминал скромного монастырского послушника. Раза два он, [вдруг вскинув голову] *подняв брови*, вопросительно смотрел на Лидию, но она не замечала этого. [Климу было ясно, что все эти люди чувствуют себя дома и никто из них не собирается уходить... Это было несколько невежливо с их стороны, он воспользовался паузой в потоке слов дяди Хрисанфа, встал и [сказал] спросил Лидию] *Кро-*

тость, покорность Диомидова [очень располагала] уже возбуждала у Клима симпатию к юноше, но вдруг Диомидов сказал [вполголоса] громко, уверенно:

— В Петербурге — сон тяжелее; в сырых местах сон всегда [сон] тяжел. И сновидения в Петерб⟨урге⟩ особенные, [жуткие] тоже все тяжелые. [Клим покосился на него, взглянул в сторону Лидии.

— Не снами...]

Клим искоса взглянул на него, на Лидию, она села на стул, видимо, ожидая услышать еще что-то, но дядя Хрисанф не дал говорить юноше, засыпая его множеством иронических слов о Петерб⟨урге⟩. [В] Никто не обращал внимания на Клима, никто из этих людей не собирался уходить [он]. Клим нашел, это [было] невежливо с их стороны и, воспользовавшись, когда дядя Хрисанф захлебнулся словами, встал, подошел к Лидии, спросил: [1]

л. 77 — Когда можно зайти к тебе?

Она взглянула на него с недоумением [и от⟨вечала⟩] и не ответила, а в прихожей, провожая его, спросила:

— Ты обиделся на что-то?

— Нет, конечно! Но хочется видеть тебя одну...

[Подумав, она сказала: — В воскресенье, после двух]

— *Приходи в воскресенье, после двенадцати.* Хорошо он говорит? Он — удивительный, вот увидишь!

— Чем удивительный?

— Вот увидишь, — повторила Лидия. — И Диомидов тоже. [2]

На улице *всё еще* сыпался дождь, по-осеннему упорный, [сердито] скучно булькала вода в ручьях, дома, тесно прижавшиеся друг к другу, [дышали тяжелый] [таяли] *расплывались* в сумраке, *теряя формы*, и даже огонь фонарей казался жидким, таял. Клим [найдя] нанял *черного* сердитого извозчика, мокрая лошадь, *болтая головою*, лениво за·стучала подковами по камням. Клим съежился, [занят⟨тый⟩ тряск⟨ой?⟩] теснимый холодной скукой, и думал о людях, которые умеют восторженно говорить [какие-то] необыкновенные глупости [и пошлости и называть их «загадочками»]. Что побуждает их выдумывать такое пошлое, как «бог в пиджачке», *и* утверждать, [что] будто [сон в Тамбо⟨ве⟩]

---

[1] *Текст*: В Петербурге — сон ∾ спросил — *вставка на отдельном листке.*

[2] *Текст*: Когда можно зайти к тебе? ∾ Диомидов тоже. — *перечеркнут синим карандашом.*

сновидения в Рязани [1 *нрзб*] приятнее сновидений в Петербурге? [Но] *Однако* ясно, что эти [и не смешные] скучные [*почти*] глупости [необходимы [для] людям, и каждый из них] [нужны] *необходимы людям, каждый в поисках оригинальности* украшается [ими] *дешевенькими* узорами [их, каждый отличая] слов. *И ясно, что это делается для того, чтоб отличить* себя от других. В этом скрыто [или] нечто мошенническое. [Он честнее] [Он [Клим Полканов] *Антон Самгин*, не обладает этой способностью потому, [конечно] что он честнее людей]. [1]

«— *Я — честнее людей*. Конурки бога,— это я напрасно сказал, это тоже глупо. [И чем же другим отличишь себя от людей]».

Чувствуя, что он запутался в противоречии, которое не может разрешить, Клим с досадой крикнул извозчику:

— Скорей!

[Университет] *Университетская наука* не увлекала [Полканова], он был слишком поглощен собою [для того, чтоб] и посещение лекций было для него обязанностью, [которая] почти скучной.

Он вообще плохо умел слушать, потому что [любил] хотел наблюдать. Когда с кафедры разносились по аудитории остренькие [и кокетливые фразы серого] *словечки талантл⟨ивого⟩ хитрого* [историка] старичка-историка, Клим [думал] [воображал его] соображал: «Каков *должен быть* этот человек у себя дома, *в семье*, в кругу своих друзей [в семье]? *Каким человеком является он вне аудитории?*» *Часто* бывало, что, уловив ту или иную фразу, Клим отправлялся от нее [куда-то] в сторону [2] своим путем и через несколько минут уже не мог понять, как связано [с тем] то, о чем думал он, [то] с тем, что говорил профессор.

[Он держался в стороне от студентов-земляков, вообще студенчество не нравилось ему; он чувствовал себя старше, серьезнее своих однокурсников] Чувствуя себя старше, серьезнее своих однокурсников, он держался в стороне от студентов, да и вообще студенчество не нравилось ему крикливым молодечеством [*какой-то* разнузданностью [слов] в словах] и склонностью к *различным* протестам. Он нашел, что в М⟨оскве⟩ студенты пьют больше, чем в Пет⟨ербурге⟩,

---

[1] *Текст*: На улице всё еще сыпался *(стр. 172)* ∾ он честнее людей.—*отчеркнут красным карандашом.*

[2] *После*: в сторону — *помета Горького красным карандашом:* Надо взять из Ключ⟨евского⟩, из Жи⟨тия⟩ Свят⟨ых⟩.

более пламенно увлекаются театром и что [молодежь] *его земляки* поволжских городов особенно выделяются своим шумным [и], даже скандальным поведением и склонностью к различным протестам *и политическим спорам. Споры зажигал маленький [тощий] еврей Прейс, тощий, болезненный, с красивым, тонким лицом и бархатными глазами, а его постоянным антагонистом был волжанин Марков, широкоплечий, коренастый, расстегнутый и лохматый.*

[*Клим вид⟨ел⟩*]

[— *Конечно, я — анархист! — тенором говорил он и спрашивал: — Что может быть законнее этой позиции?*

Прейс наскакивал на него, заталкивал в угол коридора [*и ловил*]. *Марков сердился и кричал:*

— *К чёрту Маркса! Не хочу*]

Каждый народ [*есть*] — *воплощение неповторимого духовного своеобразия!* — [*кричал*] *тенором кричал он, надуваясь, и в* [*серых*] *его глазах* [*его*] *орехового цвета горел свирепый восторг.— Греки, египтяне, индусы, китайцы,— что? Даже племена романской расы различны, каждое — особая психологическая индивидуальность! Что-о?*

[*Он*] *Напирая* [*животом*] *грудью на маленького еврея, он загонял его в угол коридора, к двери уборной и там долбил:*

— *Интернационализм — выдумка* [*бес⟨почвенных⟩*] *евреев, но — беспочвенных, тех, которые, ассимилируясь,* [*ассимили⟨руют⟩*] *стремятся ассимилировать, что-с? Они забыли своих пророков, отшатнулись от духа своего...* [*Народ носит*].

Прижатый в угол, Прейс смотрел в скуластое лицо антагониста гипнотизирующим взглядом и говорил [*глуховато*] *спокойно, мерно,* [*как удары*] *слова его звучали, точно удары маятника часов, заключенных в ящик. Говорил он негромко, и, должно быть, поэтому его слушали внимательно* [*говорил слова, знакомые Антону*].

[— *Духовное единство народа — иллюзия, вредная иллюзия,— слышал Клим* [*знакомые*] *слова Асонова.— Что общего между евреем щеточником из черты оседлости и*] [1]

Они были неразлучны, обращались друг к другу на ты, [*они, кажется, даже и жили в одной комнате*] *кто-то сказал Климу, что они и жили в одной комнате. Это возбуждало в нем подозрительное отношение к друзьям, внушив ему мысль, что* [*его*] *спор друзей* [*носит*] *имеет показательный характер,*

---

[1] *Текст*: Каждый народ ∾ из черты оседлости и — *вставка на отдельном листе с пометой красным карандашом*: 77-1.

[*и рассчитан только*] *это — агитация, рассчитанная на вовлечение* [*юношества*] *студентов в политику.*

[*Он*] [*Клим всегда несколько торопился с выводами из своих впечатлений,* [*это объяснялось его*] *чувствуя себя в состоянии самообороны*] *Чувствуя себя в состоянии самообороны, Клим всегда несколько торопился с выводами из своих впечатлений.* [*Они*] *К тому же евреи не возбуждали его симпатии, а* [*Прейса он*] *Прейс казался ему и слишком умным* [*для*] *и запоздавшим для студента* [*его*] *первого курса: ему было, наверное, лет 25, даже больше. Он сторонился от этих спорщиков, наблюдая за ним издали, но должен был сознаться себе, что слова Прейса звучат для него убедительнее. Да,* [*все в мире*] *люди раздроблены, отколоты друг от друга, это* [*верно*] *ясно. Однако, он не верил, что они* [*слагаются и*] *могут сложиться в единое целое по линиям своих экономических интересов. Да если б и сложилось, так ведь это внешнее объединение, не исключающее противоречий индивидуальных* [*и личной*]. *В конце концов Ан⟨тон⟩ не решал, хорошо это или плохо для него, нужно или нет ему.* [*В социализме*] *Социализм маленького еврея* [*был⟨о⟩ нечто*] *очень понятен и прост, но его суровость отталкивала* [1].

Университет оглушал его своим шумом, и в табуне однообразно одетых людей он чувствовал себя более потерянным, более [опасно] неловко, чем в компании молодежи, окружавшей Лидию.

Он бывал у нее часто, но почти никогда не мог застать ее одну, около нее *или* виновато и удивленно торчал Диомидов, или старшая Миронова, которая, уже чувствуя себя актрисой, даже чай пила трагически и казалась Климу насквозь фальшивой. Являлся неистощимо словоохотливый дядя Хрисанф, славословил народ, убеждал [всех]:

— Любите Русь, настоящую, кондовую!

И говорил с откровенностью, восходившей до бесстыдства:

— Я — человек хороший, но — бесталанный. Вот загадочка! Хорошему бы человеку и талант иметь, а этого не бывает!

Морщил бритое лицо, качая лысым черепом, и, *подмигивая*, шепотом секретно сообщал:

— Между тем талантливый русский человек не хорош, ой, не хорош!

---

[1] *Текст*: кто-то сказал Климу *(стр. 174)* ∾ его суровость отталкивала.—*вставка на отдельном листе с пометой*: 77-2

[Он] Весь он, потный и болтливый, сипевший, размахивая руками, [не нравился Климу] *был неприятен*, а особенно противны были Климу его «загадочки»,— *в них Клим слышал что-то хитренькое, издевающееся.* [Не примирила Клима с ним и его запутанная история] *Лидия рассказала запутанную историю* жизни этого человека, но это не сделало его более приятным для Клима, а только усилило неприязнь и недоверие к нему. Дядя Хрисанф был [сыном священника, племянником архиерея] сын *доктора*, учился в [семинарии, должен был] *гимназии*, [но] потом *перешел в семинарию*, [*кончил в Меже*〈*вом*〉] два года был в Академии, но вдруг ушел из нее, [в Инст〈итут〉 инженеров-путейцев, не кончив курса] *несколько лет* [*жил*] *был землемером*, *наконец*, поступил актером в провинциальную труппу, [объез〈дил〉] объездил всю Россию, затем, по смерти отца, [был] *стал* антрепренером, разорился [и теперь учит в частной школе [сценич〈ескому〉] искусству сцены], *даже сидел в тюрьме за долги. Он был бы нищим, если б не наследовал после смерти сестры ее дома* [1].

— Это — первый искренно верующий человек, которого я вижу,— внушительно сказала Лидия.

— Во что — верующий?

— В народ, в его духовные силы. Он — действительно любит народ. Я этого не понимаю, но — чувствую, он — любит...

Клим, опустил голову, чтоб скрыть недоверчивую усмешку.

— А что такое Диомидов?

[— Сын дьякона, но он ушел из дома]

Оказалось, что и это тоже [духовно] человек не совсем обычной биографии: [внебрачный сын дьякона, живет с матерью, женщиной] сын *учителя*, изгнан из гимназии за неуспешность в науках, мать его померла, он [был с〈толяром〉] *с отцом поссорился*, занимался столярным ремеслом, теперь — помощник бутафора в [оперетке] *театре* [мечтает] [но хочет быть сельским учителем].

— [Он — не образованный, но — *много* знающий и] Очень милый, чистый такой. [И талантлив]

— И влюблен в тебя,— сказал Клим, иронически улыбаясь.

— И влюблен в меня,— задумчиво повторила Лидия, и Клим почему-то вспомнил слова Лютова о ней:

---

[1] Предложение отчеркнуто красным карандашом. См. набросок ХПГ 21-1-56 в наст. томе, стр. 456—459.

«— Эта женщина не для материнства».

Сам Диомидов, сконфуженно и виновато [улыбаясь] усмехаясь, говорил:

— [По-моему] *Есть* люди домашние и *дикие*, я — дикий. Я очень [уважаю] понимаю домашних людей, только мне трудно с ними. Чего-то не понимаю. И все кажется: вот кто-нибудь подойдет ко мне и [велит] прикажет: иди за мной! Я и пойду, неизвестно куда. Ей-богу...

— Это я тебя поведу! — кричал дядя Хрисанф. — Я! Ты лирическая душа, ты будешь удивительнейший [любовник], первоклассный Ромео! [Богом клянусь!]

Диомидов [улыбался] *глуповато ухмылялся*, приглаживая волосы, и, видимо, не верил старому актеру, но [когда] однажды при Климе дядя Хрисанф заставил Диомидова прочитать монолог Ромео,— и *хотя* Клим, [по⟨разился⟩] *не любивший театра*, был поражен [сдержанной силой и благородством, с которыми этот]: *величавая сдержанная сила*, с которою светловолосый [прочитал] юноша выговаривал слова страсти [1] [*Голос у него не сильный*, *но глубокий* [*и обращенный* внутрь], *вздыхающий голос искренности*] [Клим] Глядя на [него] его взволнованное лицо, слушая полнозвучный, красивый голос, Клим почувствовал себя обманутым: почему Лидия не сказала, что этот столяр талантлив? И зачем [сам] Диомидов притворяется скромненьким, называет себя диким? Вот Лидия смотрит на него, почти испуганно, расширив глаза, [смуглое лицо] сквозь смуглую кожу лица ее проступил яркий румянец, и у нее дрожат пальцы руки, лежащей на колене. [Дядя Хрисанф тоже взволнован почти до слез] *Дядя Хрисанф*, [*сидя*] *подняв брови*, *верхнюю губу и руку*, *напрягая* [*ягодицы*] *толстые икры*, *поднимал и опускал* [*на них*] *тучный свой корпус в такт стихов*, *он имел вид человека*, *который скачет на лошади*, [*ши⟨рокое⟩*] *круглое*, *голое лицо его сияло восхищением.* А этот столяр стоит, [как] *точно* осужденный, [он гово⟨рит⟩] опустив руки [и голову, он говорит] *вдоль тела*, склонив голову, и слова любви в его устах звучат покаянием. Конечно, Ромео никогда не говорил так, и это не Ромео говорит, а — отчаяние влюбленного, который знает, что его любовь безнадежна.

— Превосходно! — закричал дядя Хрисанф, [отирая] трижды хлопнув ладонями. — [Прекрасно] Но — не то! Это — размышление, а не страсть, не любовь. [Ах, ты,

---

[1] Фраза осталась недоработанной.

загадочка!] *Любовь требует жеста, у тебя жеста нет!* — кричал он, положив руки на плечи юноши и раскачивая его.

л. 78 Лидия встала, [отвернулась] отошла к окну и, [барабаня пальцами] *рисуя что-то пальцем на стекле, глуховато* сказала в стекло.

— Мне тоже кажется, что это слишком мягко.

Диомидов *поднял голову*, сунул за ремень большие пальцы рук [и], стал похож на большую букву ф.

— Я в театр не верю,— [сказал] заговорил он тихо [и], раздражая Клима виноватым тоном слов.— У меня другое чувство, простите!

— Чего, чего? — возмущенно чмокнул актер, и Диомидов продолжал с неожиданным для Клима упрямством:

— Это, по-моему,— из плохих забав [и], лучше в кегли играть или в шашки, а игра в чувства...

Он вздохнул и сел, [окончив странны⟨ми⟩] кончив словами:

— Может быть, я — неправильно, но — чему же это учит? Посмотрите, как нехорошо с женщинами у актеров и везде...

«Он глуп»,— подумал Клим, а Лидия тихонько засмеялась, и [это убедило Клима] [он] Клим принял ее смех как утверждение его оценки.

Хрисанф [возмущенно стал поучать] *начал пламенно* [и жирно] *рассказывать*, чему учит театр [но юноша, послуша⟨в⟩].

— *Это не книжечки, не романчики, это подлинное зеркало души,— говорил он жирненьким голосом и потел от возбуждения.* Юноша, *глядя в пол*, минуты две молчал, потом медленно выпрямился и, сказав, что ему пора в театр, [ушел] исчез.

— Вот-с видели? — возмутился Хрисанф, обращаясь к Антону [1]. — Люблю подлеца! Но так бы и треснул [его] Евангелием по башке, притчей о талантах... Упрям, как пробка...

Прокричав еще несколько минут, он ушел; [и тогда Антон] Лидия все еще стояла у окна, глядя, как в сумраке мелькают серые снежинки.

— [С какими странными] Странные люди! — сказал Антон.— Тебе не скучно с ними?

— Нет.

---

[1] Так в рукописи.

Девушка отошла в угол, к дивану, взяла шаль, зябко окуталась ею, скрестив руки на груди, и повторила тише:

— Нет. Они — удивляют, о них — думаешь. То есть думаешь о себе, но это они заставляют. [В каждом из них есть [что-то] своя любовь...]

— Помнишь, твой отец сказал, что все люди привязаны, каждый на свою веревочку, и веревочка — сильнее их?

— Он сам на веревочке,— равнодушно сказала Лидия.

Антон почувствовал, что ему трудно говорить с ней.

— Зажечь лампу? — спросил он, она ответила:

— Я люблю сумерки. [— И вдруг оживилась.] Диомидов [очень хорошо] *удивительно* говорит о домашних людях, ты послушай его!

— А он — не глуп?

— Никогда! Он [просто не] плохо говорит, но... в нем, знаешь, есть что-то крылатое. Он [даже] может страшно говорить. О домашних людях он говорит страшно. Тихонько, но жутко.

— Это что же такое — домашние?

— Он тебе лучше расскажет,— *неохотно* ответила Лидия... [и Антон]

В ее поведении было [что-〈то〉] нечто обидное, раздражающее, она сидела там, в углу, в сумраке, как жена, которой [надоел муж] *скучно* говорить с мужем. Антон особенно разозлился, когда она сказала [как бы] не громко [что] [и точ〈но〉] и обращаясь не к нему, а к себе самой:

— Он очень изменил мое отношение к театру...

Тогда Антон, не скрывая иронии, начал говорить о дяде Хрисанфе, бесталанном актере, который скучно играет роль [какого-то] славянофила, о Диомидове, который [тоже играет] *зачем-то, вероятно, из хитрости*, притворяется блаженненьким, он говорил и все более [раздражался] *злился*, понимая, что говорит плохо, неубедительно.

У стены, рядом с ним, стоял маленький столик и на нем [возвышалась искусно сделан〈ная〉] возвышался шкапчик, искусно сделанный в форме развалин средневекового замка, с двумя башнями, с воротами [и подъемным мостом] между них [каждое окно было дв〈ойное〉]. Эта вещь была красива [и], Антон знал, что она сделана Диомидовым, и чувствовал желание [опрокинуть] *задеть* ее локтем, свалить со стола. Он знал также, что это желание унизительно.

— Почему ты злишься? — [с недоумением] *услышал он*

недоуменный вопрос Лидии [его] и, помолчав [секунду, сказал], пробормотал:

—Ты знаешь, почему...

— Зажги огонь,— сказала девушка.

При огне он увидел, что ее смуглое лицо [одеревенело в задумчивости] *до того неприятно* задумчиво, как будто Лидия в эти несколько минут постарела на десять лет. Он подумал [«Становится все более»], *что Лидия становится все более* некрасивой, но это не [утешало] *изменяло* его желания подойти к ней [встать на колени] и положить голову на колени ее, чтоб еще раз испытать [чувство] то необыкновенное, что он уже испытал однажды.

«Любовь требует жеста»,— мелькнули в памяти жирные слова. Но он не нашел в себе решимости сделать это, девушка была где-то далеко от него [*и вдовий ее вид охлаждал*], *скрестив руки под платком*, [*положив*] *держа себя за плечи*, [*и*] *имея вид скорбной вдовы. Поза ее была неестественна и лицо скомкано холодной гримасой.* [А⟨нтон⟩] С⟨амгин⟩] Посидев еще несколько минут, он ушел [от нее] обиженный, сердясь на нее и на себя, размышляя: «Что значит [это ту⟨пое⟩] его упрямое влечение [к ней] именно к этой девушке? [1] [И что нужно сделать, чем надо быть для того, чтобы овладеть ею?]

Он уже не первый раз ставил пред собою [эти вопросы] этот вопрос, но не находил [ответов] ответа [на них] [да на все другие вопросы он не имел ответов]. [Да и вообще на другие вопросы у него не было ответов, [он сам] вопросы] *Вопросов у него было много, они* возникали, точно пузыри на воде в дождливый день, [но, вспухнув, через минуту лопались, возникали, исчезали, и от них не оставалось] возникнут и исчезнут, не оставляя ничего, кроме [утомления п] мутного [недовольства собою] *осадка*, в котором он различал недовольство собою и зависть к людям. *А кроме этого он иногда переживал моменты какого-то странного и тревожного потемнения своей личности, переставая видеть себя.* Было ясно, что большинство людей, встреченных им, выдумало себя интереснее, чем [он] это сделал он, и что ему необходимо много, напряженно работать над собою, [что⟨об⟩] даже для того, чтоб достичь равенства с ними. Ему редко удавалось [сказать такие, напр⟨имер⟩ четкие⟩] [говорить такими, напр⟨имер⟩ четки⟨ми⟩]

---

[1] *После*: девушке? — *знак вставки*; *вставка отсутствует.*

сказать что-либо такое [например] четкое и сразу покоряющее память, как, например:

— Любовь требует жеста. Домашние люди.

У каждого есть излюбленный [круг [идей] мыслей] кусок почвы, на которой легко растут цветистые слова, афоризмы, парадоксы. У него такой почвы нет, и ему тоже необходимо найти для себя удобный круг идей, но, разумеется, не для того, чтоб заключить себя в нем. Нет, он должен остаться свободным, не ослепляя себя тою или иной верою. Томилин [неоспоримо], *вероятно*, прав, когда он говорит о людях, искаженных верованиями. [Наверное, прав.] Эти его слова напоминают ряд фигур, или жутких, как дядя Яков, или смешных, как толстовец, переодетый мужиком. [Томилин стоит на самой удобной позиции, все кри⟨тикуя⟩]. Томилин стоит на самой удобной позиции, [но эта позиция требует огромной начитанности]. [Но, *разумеется, эта самая высокая и выгодная позиция*] *с нее не надо никуда идти* [*никуда не*]. [Антон Самгин почувствовал, что он никуда не идет, и это [огорчало] беспокоило.]

В этих мыслях Антон Самгин стоял [в Кремле] у монумента [царю] Александру II, разглядывая хаотическое нагромождение домов города, [Было за полдень] щедро освещенное солнцем зимнего полудня. [Была оттепель] Легкий мороз [щи⟨пал⟩] ласково пощипывал уши, [а парчовое] [белое] сверкание [снега] снежинок ослепляло глаза; крыши, заботливо окутанные [сне⟨гом⟩] толстыми слоями серебристого пуха, придавали городу [ую⟨тный⟩] вид уютный и праздничный. [Хотя огромные каменные здания]

— Здравствуйте,— сказал Диомидов и почему-то потряс [его] Антона за локоть. [Белое лицо его было] Белые щеки его разрумянены холодом, но румянец напоминал о зловещих пятнах чахоточного. Он мигал, прищуривая красивые глаза, [потом] подняв ладонь ко лбу, [ска⟨зал⟩] заслоняясь ею, [ска⟨зал⟩] вздохнул, говоря:

— Ужасный какой город. Еще зимою он лучше, а летом... [Не люблю. Я — из Шуи, там все понятнее и сразу все видишь. Здесь] Идешь по улице, и кажется, что сзади на тебя лезет, падает что-то [жесткое] тяжелое. А люди здесь жесткие. И хвастуны.— Он снова вздохнул, говоря:— Я не люблю, когда ахают.

л. 79 На голове его старенькая [вы⟨тертая⟩] котиковая шапка, с лысинами, она мала для его [большой пышноволосой] *кудрявой* головы. Пальто на нем тоже старое, протертое на

локтях, с разными пуговицами, карманы раздуты, отвисли, под мышкой фанера, свернутая трубкой. При свете [солнца] *луны* он был еще более жалок.

— Куда это вы? — спросил Антон. Диомидов [ответил] *сказал*, что он *идет с работы*, чинил мебель в Кавалерском корпусе, и снова заговорил о том, что не любит [больших городов, Пет⟨ербурга⟩] Москвы, и вдруг спросил:

— Вы одобряете Лидию Тимофеевну, что она в театр готовится? — И, не дожидаясь ответа, [он] сказал:

— Это ведь все равно, [что] как голой по улице ходить.

[Весь он] [Его *блаженное лицо*, костюм, неправильная речь, тихий, но упрямый голос, весь он был непонятен.] *Ожидая еще* [*какой-то*] *какой-то нелепости*, [Антон] *Клим* сухо сказал:

— Лидия Тимофеевна — взрослый человек...

[— Она умная,— подтвердил] Диомидов *утвердительно* кивнул головой.

— Она — умная. Но, по-моему, умные чаще ошибаются в себе. [Ей нужно в деревню, учительницей, а она, вот] [*Обо всем они думают, а всего и*]

— Почему это вы так думаете [что умные ошибаются чаще?],— небрежно спросил Антон.

— А — как же? — удивился Диомидов. — Кто же и ошибается? Я — книги читаю, вижу...

— *Что ж вы читаете?*

— *Всякое.*

Это показалось Самгину [не только] глупым, но и дерзким. Невежда, [не] говорить правильно не умеет, а туда же.

— Ну-с, [до с⟨видания⟩] прощайте,— сказал он, шагнув в сторону, но Диомидов пошел рядом с ним и спросил:

— Вы революцией — занимаетесь?

Антон усмехнулся, взглянув на него искоса:

— Нет.

— [А] [Почему?] Вы такой серьезный *и студент.* Я думал — занимаетесь.

— Почему это вас интересует?

— Потому что я не могу. [1] [У меня другое чувство] Когда мне об этом говорят, я знаю, что это правда и нужно, а то — что же.

---

[1] *Текст*: В этих мыслях (*стр. 181*) ∾ я не могу.— *перечеркнут синим карандашом.*

Он махнул рукой на город, не переставая [говорить] бормотать.

[— Но, как подумаешь, что надо убивать. На улицах убивать будут] [*Одни*] [*Дома каменные*, [*другие*] *дома деревянные, давят друг друга и* дышать нечем. У меня из окошка ничего не видно, только стену. Лидия Тимофеевна тоже плохо живет, на дворе...]

[«Он полуумный»]

[— *Но, у меня другое чувство. Здесь — в бога трудно верить. Церкви, церкви, а верить трудно. Конечно — нужна революция для справедливости: для того, чтоб можно было в бога верить,— нужна революция*].

Антон подумал, что, может быть, этот человек и не глуп, но [*он, вероятно, помешан*] *он* [*и*] *говорит и ведет себя, как помешанный.* [*Шёл*] *Он шел, легко выбрасывая ноги из-под пальто, было нечто солдатское в этой походке и в том, как прямо он держался.*

— О революции не говорят на улице,— негромко сказал Антон, оглядываясь, но Диомидов, должно быть, не слышал его, продолжая:

— [*Конечно*] *Для справедливости, для того, чтоб можно было в бога верить,—* [*нужна*] *не нужна революция.* [*В больших городах это понимаешь.*] *Церкви, партии, церкви, а — в бога верить трудно. Пыль в душе.* [*И тревога*] [1] [*Вздохнув длительно и шумно, он добавил:*

— Это все я понимаю, но у меня другое чувство] *Я думаю, что вы тоже не верите в революцию.*

[*Клим остановился*] *У двери трактира Клим протянул ему руку, Диомидов сжал ее и спросил:*

— Хотите, я вам одного человека покажу?

[*— Какого?*

— Увидите.] *Очень интересного.*

На Кра⟨сной⟩ площ⟨ади⟩ он нанял первого попавшегося извозчика [и ⟨сверху⟩], а оглянувшись, увидал, что Диомидов стоит у Лобного места, разглядывая что-то на снегу. Что [видит] *нашла* в этом парне Лидия?

Она сказала ему это вечером на масленице, когда Антон провожал ее из театра домой. [Она] Лидия предложила ему идти пешком, хотя погода и не располагала к прогулке, была оттепель, снег на улице потемнел и раскис, [туман] сы-

---

1 *Текст:* [Шёл] Он шёл ∾ [И тревога] — *перечеркнут синим карандашом.*

рость стояла в воздухе, и огни фонарей окружены радужными пузырями. Черные люди [шли] шагали по панелям, все в одном направлении, было много пьяных.

— Я устала, сядем,— предложила Лидия, когда вышли на бульвар к памятнику Пушкину, а когда сели и Антон [вз⟨ял⟩] ласково взял ее [теп⟨лую⟩] руку в перчатке, она, медленно освободив пальцы, сказала тихо.

— [Ну] Нужно, чтоб было ясно. Видишь ли, Антон, я полюбила этого, Диомидова...

Антон не удивился, ему показалось, что он уже знал это. *В первые минуты* признание ее даже и не обидело, не рассердило его, [он] только почувствовал [себя] [стал умнее] [*умнее, свободней этой девушки*], *что* у него вдруг исчезла [робость] [чувство стеснения] робость пред [нею, и он] *Лидией*. Солидно, тоном старшего [ска⟨зал⟩] заговорил:

— [Ты, вероятно, ошибаешься] Вполне понятно, что тебе пора любить, но любовь чувство реальное, [а в этом парне реально только его] а ты ведь выдума́ла этого парня. [Он не ощутим... Газообразен...]

Антон даже усмехнулся, [вытянул ноги] *потопывая ногами*, *приминая влажный снег*, но Лидия, вздохнув, сказала:

— Странно как: ты — умный, а людей не понимаешь. [Я скажу что] Непонимающие нравятся мне больше понимающих, но у тебя это — не так, как у него. Он — [совсем] не понимает [не может, а ты] *иначе*, *от своей чистоты...*

— [И] Ты [научилась] переняла у него манеру говорить,— заметил Клим [— Возможно. Ты, Антон], не желая слышать, как она кончит фразу [и], прислушиваясь к себе и [не находя] ожидая, когда в нем возникнет чувство ревности. Ведь [оно] должно возникнуть это чувство.

— Разве это плохо? — спросила Лидия. — Он говорит [удивительно] всегда искренно.

— Чепуха,— [ответил] заметил Антон лишь для того, чтобы сказать свое слово.

Нехотя [*на*] *стали падать на землю крупные тяжелые снежинки, приклеивались к пальто на коленях и таяли. Шум голосов на площади стал тише*; [*и реже мелькали черные фигуры*] *черные фигуры людей реже мелькали*, *проходя по бульвару*.

Ревность не возникала, но тревожило [какое-⟨то⟩] [*двойственное*] любопытство к себе: почему он не ревнует, не обижен признанием Лидии? И к ней: как она может гово-

рить о своей любви столь отвлеченно, спокойно и бескровно? Потом явилось грустное ощущение утраты [чего-то — мечты, намерения, цели?]. Слушая тихий голос девушки, Антон соображал: «Что утрачено — мечта, [намерение] цель? Любит он Лидию или это лишь чувство дружбы?»

— Пойдем,— сказала она, вставая, и взяла его под руку.— Ты — сердишься?

— Это неожиданно,— сказал он.

[— Но ты сам сказал — пора!]

— И почему же именно Диомидов?.. Что между вами общего?

— Разве в любви нужно [бы] общее?

Было приятно слышать, что Лидия говорит [мягко и даже виновато, но про⟨сто⟩] *смущенно и как бы оправдываясь.* Но вдруг она сказала более [громко и] уверенно:

— Ты — странный человек, Антон. Ты хорошо критикуешь, но это у тебя стало ремеслом, [что ли? Я не знаю. Это — не от веры, а от безверия, так] мне кажется. Я думаю, что тебе скоро будет скучно. У тебя характер учителя.

И уже с явной досадой, даже с насмешкой, как [пока⟨залось⟩] послышалось Антону, она добавила:

— Когда ты говоришь: я тебя люблю,— это у тебя выходит не конченно, думаешь, что ты хотел сказать: я [тебя] люблю тебя учить.

— Вот как,— [сказал] *пробормотал Антон, насильно* усмехаясь.

— Да. Не сердись.

Пошли молча. У ворот дома, где жила Лидия, Клим снял фуражку [вз⟨ял⟩] и, крепко сжав руку девушки [ничего не сказал ей] *и* опасаясь, что скажет что-то нежное,— ничего не сказал ей. В памяти вертелись [чьи⟨-то⟩] слова [романса] *Гейне*:

— Я не сержусь, хоть больно ноет грудь. Хоть изменила ты [я, право, не сержусь].

Так, с этими словами [и], с мелодией Шуберта, он и пошел домой сквозь снег, падавший все более густо, сея тишину в городе. Ему было жалко себя, *грудь действительно ныла, но* [но тоже] не очень, потому что к жалости присоединялось ощущение, что вот сам собою развязался [как-то] узел, связывавший его с Лидией, исчезла робость перед нею, а на месте робости возникло чувство, близкое легкому презрению: нашла же себе героя!

«Ничего хорошего этот роман не даст ей,— утешался он,

зажигая огонь в [сво⟨ей⟩] комнате и думая, что [будет неплохо] если Лидия будет наказана за свое увлечение, это вполне естественно: «Не выдумывай».

На столе лежало толстое письмо; это [писал] брат Дмитрий извещал, что он выслан [на три года] в Вел⟨икий⟩ Устюг под надзор полиции, просил прислать ему книг. Письмо было кратко и сухо, а список книг длинен и написан со скучной точностью, с подробными титулами книг, указанием издателей, годов издания; большинство книг — на немецком языке.

«Счетовод [бухгалтер],— подумал Антон.— Тоже [выдумывает] *воображает* себя».

И, неприязненно усмехаясь, *сняв очки*, глядя [на] в зеркало, он удовлетворенно подумал, что с Мариной у Дмитрия, вероятно, ничего не вышло. [Антон] [Без очков] Затем он на-
л. 80 шел, что без очков лицо у него растерянное, унылое и что он вообще похудел. Выпив стакан молока, он аккуратно разделся и лег спать все-таки с ощущением утраты и с чувством жалости к себе.

Несколько дней он прожил, сосредоточенно присматриваясь к себе. Ощущение утраты не исчезало, [*Оно не было*] *но и не очень тяготило* [*не будучи особенно тяжелым,* [*хотя все-таки*] [*однако ж*] [*у*] *но все-таки Антон* [*чувств⟨овал⟩*] *находил, что оно все-таки несколько увеличивает*] [*даже просто*]. *Находя, что это ощущение несколько увеличивает его весомость, Антон* [*чувство⟨вал⟩*] *думал, что, пожалуй, ему было бы приятнее, если б он мог почувствовать себя более отягощенным и взволнованным. Он спрашивал себя: «Почему я не обижен? Почему не ревную? Разве я ее не люблю?»*

[*И*] *Вспоминая сцену на даче, он решительно отвечал: «*[*Нет*] *Я люблю ее».*

И даже повторял эти слова, как бы убеждая себя: «Люблю. Ее одну».

[*Это*] *Однако это не изменяло его самочувствия, было немножко грустно, немножко жалко себя, было неприятно вспоминать нелепую фигуру блаженного парня с его неумелой речью и каким-то «другим чувством».* [*И было в*] *А в конце концов здесь было* [*что-то*] *нечто загадочное* [*требующее разрешения*]. *И Антон Самгин разрешил загадку очень просто,* [*он, придя к*] *сообразив, что он тоже обладает «другим чувством»* [*он ревность просто*].

«[*Прос⟨то⟩ я более культурен*] *Я — культурный человек,* [*и*] *я понимаю, что глупо обижаться на девушку за то,*

что она не оценила моей любви. И я — не романтик. Ревность [органически] не свойственна мне, вот и все!» [1]

Это решение и успокоило его, [приведя в порядок] и даже [как-то] украсило. [Антон] Он почувствовал себя еще более самоуверенно, подумав, что [наверное, [из этого романа Лидия] Лидия в своем романе не найдет ничего хорошего, что ее увлечение] ⟨увлечение⟩ Лидии не может быть прочным, а когда она переживет свой неумный роман, она, вероятно, даже [пом⟨янет⟩] неизбежно, [вспом⟨нит⟩] вспомнит о нем, Антоне.

[И тогда,— тогда]

Тогда — посмотрим! Это будет интересно.

Антон Самгин почувствовал, что при этой мысли в нем вспыхнул задорный [хотя и тусклый] огонек надежды на месть [2].

А на другой день [рано утром] его разбудил Макаров, как всегда расстегнутый, растрепанный [и мрачно возбужденный].

— Ну, [умн⟨ик⟩] проспись, умник, и слушай! — говорил он [невесело усмехаясь]. [Алина отказала Лютову, обвенчалась с Туробоевым и уехала в Крым. Это уж давно, семнадцать дней тому назад. Вот.] *Лютов приехал. Пьет, Идем к нему.*

Антон засмеялся, было что-то [смешное, очень за⟨бавное⟩] очень забавное в том, что косоглазый Лютов [тоже] обманут в своих надеждах. Макаров, тоже улыбаясь *пьяной улыбкой*, говорил:

— Володька четвертые сутки пьет, как пожарный. [Чёрт знает, что у него дома дела⟨ется⟩] Он — с горя, а я из сострадания, но — больше не могу!

Лицо у него было опухшее, *глупое*, глаза красные, [и от] дышал кабаком. Антону показалось, что даже красивые уши Макарова стали мягкими и обвисли, точно у собаки.

— Сострадаю я, кажется, больше Алине, чем Володьке, а за него даже как будто рад. Но боюсь! Отец у него на Кубань [поехал] уехал, и в доме творится черт знает что! Какой-то дьякон,— вот, брат, фигура! Володька [капризничает, хочет видеть тебя и вообще] *бесится*... Пойдем к нему! Может быть, ты охладишь его...

---

[1] *Первоначально данное предложение было выше, перед словами:* Я — культурный человек.

[2] *Текст:* Несколько дней (*стр. 186*) ∾ на месть.— *вставка на отдельном листе, с пометой:* X 80-1.

Антон Самгин задумался, соображая: [надо] пойти или нет? [Любопытно было посмотреть] [*Лютов был неприятен ему, но*] *Климу захотелось видеть дьякона и любопытно посмотреть*, как страдает [влюбленный и] неприятный человек. И через час он [входил] шагал с Макаровым по [крашеному полу] [пустым, скучным комнатам] *пустой* скучной комнате [по запутанным коридорам со множеством] мимо зеркал в простенках между окон,— [*шагал на*] звуки струн гитары [где-то] *ныли где-то* над головою его, над потолком, украшенным грубой лепкой. По лестнице в [три] два марша поднялись в сумрачную комнату, и навстречу Антону бросился [точно обожженный] Лютов, широко размахнув руки, открыв объятия, от которых Антон не мог уклониться. Целуя щеки его мокрыми губами, Лютов [бормотал] *визжал*:

— Вот — спасибо! Я... очень... очень...

[Растрепанный] С растрепанной *головою*, в почной до пят рубахе [в туфлях на босые ноги] он *был* отвратителен [он] и напоминал бы пьяную женщину, [но измят⟨ая⟩] если б [не] его измятая бородка [и стремительные глаза] не мешала этому. Стремительные глаза бегали вокруг Антона, не в силах остановиться на нем, [быстрые движения] в быстрых движениях рук и всего тела [придав⟨али⟩] было нечто исступленное, говорил он, истерически взвизгивая, громко, точно глухой, шаркая ногами по крашеному полу, терял туфли с босых ног, изгибался, надевая их на волосатые ноги, [и все усиливал впечатление человека обожженного, терзаемого кожной болезнью. Он не [выз⟨ывал⟩] казался пьяным, а лишь возбужденным до степени бешенства, до телесной *лирической ярости*] [*он неустанно*] *вертелся и все усиливал впечатление человека обожженного*. У стены стоял большой стол, нагруженный бутылками, тарелками, у стола сидел большой человек в сером, с бородою тоже серой и разделенной на три длинных клочка, один свисал с подбородка, два других, покороче, спускались со щек.

— Вот — дьякон — знакомьтесь — Самгин...

— Сердюков,— всхрапнул дьякон, медленно поднимаясь со стула, держа в одной руке гитару, протянув другую руку Антону. Поднимался [он так[долго [что казалось, его плоское тело, выпрямляясь, скоро] и *осторожно, как будто опасаясь, что его тело* не уставится в этой комнате с низким потолком, а когда наконец он выпрямился, Антон увидал пред собою великана с плоской [грудью], широкой грудью, обезьяньими лапами и [бурым] костлявым лицом Христа ради

юродивого с иконы. Выкатив *из темных ям* огромные водянистые глаза, он [могильно ска⟨зал⟩] замогильным голосом произнес:

— Рад. Уважаю студентов...

— [Феноменален!] *Стихотворец*! [кри⟨чал⟩] [визжал] — вскрикивал Лютов, дергая дьякона за широкий рукав рясы. — [Стихотворец!] Садитесь, пейте. Костя — угощай.

Но, оттолкнув Макарова от стола, он сам налил [Антону] в четыре больших рюмки золотистую водку и протянул одну из них Антону, другую — Макарову.

— Ох, эта! — вздохнул Макаров.

— Эта! [Сто лет. Польская старка!]

Подняв рюмку над головою, Лютов сказал более нормальным, пониженным голосом:

— Предлагаю тост во имя,— во имя, дьякон? Вы знаете, Самгин, [она] *Алина* мне, она меня...

Лютов пронзительно свистнул.

— Уважаю ее за то, что [во имя истинной любви] она отказалась [от денег, от необходимости] лгать душой и телом, ура!

Антон недоверчиво взглянул на него и выпил водку под густой рев дьякона:

— Мно-огая лета...

Антон пил всегда мало, осторожно, но эта водка была так необыкновенно вкусна, что он охотно выпил еще рюмку, после чего и Лютов, и дьякон, и хаос в комнате — все показалось ему [более] менее безобразным. Лютов все метался по комнате, говоря сразу со всеми, обнимал Макарова [и], убеждая его:

— Костя! Надо иметь хорошую душу, чтоб отказаться от денег.

И, обращаясь к Антону, говорил:

— Я ведь знал, что она откажется. [О, я это знал] Она еще не знала, а я...

[Подскочив] *Антону показалось, что Лютов не очень пьян, но возбужден до* [*какой-то*] *лирической ярости* [*а*]. *В косых глазах его* [*сверкает*] *сверкало изумление,* [*испуг*] *высокий голос неожиданно понижался, как будто от испуга. Лютов не возбуждал ни сожаления, ни каких-либо иных добрых чувств, но из любезности гостя Антон Самгин* [*все-таки попробовал утешить его*] *все-таки сказал;*

— Вы извините меня, но [*ведь*], *на мой взгляд, Алина — не умная девушка...*

Лютов усмехнулся и, тихонько свистнув, [*ска*⟨*зал*⟩] *заметил*:

— *Женское в ней — весьма умное.*

— [*И*] *Едва ли* она [понима⟨ет⟩] [может] *способна понять, за что* [*можно*] *надо... любить...*

Глаза Лют⟨*ова*⟩] *на секунду остановились* [*сам* ⟨*?*⟩], *лицо* [1]

— *При чем здесь — за что? — спросил он тихо, удивленно*: — *За что — это мы придумываем* [*по*⟨*сле*⟩] *после того, как полюбим. Полюбим и объясняем себе*: *за красоту, за милые глаза, глупых — за глупость, горбатых — за горб. Это всегда — дурацкое объяснение.* [*Любят просто*] *Это — от ума. Ум-то ведь против любви...*

Он вскочил, завертелся [*во*⟨*лчком*⟩], *подбежал* [2] к дьякону [он] спросил его:

— Ну, катай о неразменном рубле, ну, пожалуйста...

— При незнакомом человеке,— сказал дьякон, взглянув на Антона и широко, медленно усмехаясь.— Одержим стихотворной страстью, но — конфужусь людей просвещенных...

Антон [сказал [ему] *дьякону* что-то поощрительное, чувствуя, что голова его приятно кружится, что ему легко и даже весело. Дьякон все делал медленно] *любезно и поощрительно улыбнулся дьякону,* [*чувст*⟨*вуя*⟩] *наблюдая за Лютовым и* находя, что купеческий сын страдает действительно забавно, если *только* он страдает.

Дьякон все делал медленно, с тяжелой осторожностью машины, которая только что начинает работать. Обильно посыпав солью кусок ржаного хлеба, он положил на хлеб кольцо лука, потом поднял бутылку водки с таким усилием, как будто она весила пуд. Наливая водку в рюмку, он прищурил [свой] один огромный глаз, а другой стал похож на голубиное яйцо. [Но костлявое лицо его было напряжено] Выпив водку, он открыл рот [выдохнул воз⟨дух⟩] и шумно дохнул.

— Хо-о!

И, понюхав, как цветок, кусок хлеба с луком, осторожно положил его на тарелку.

Лютов стоял среди комнаты, предостерегающе подняв палец левой руки, правой растирал свою бородку и ловил

---

[1] *Фраза осталась незаконченной.*

[2] *Текст*: Лютов не возбуждал (*стр. 189*) ∾ подбежал— *вставка на отдельном листе в клетку с пометой красным карандашом*: 80-3.

глазами лицо Антона. Макаров, сидя у стола, подняв брови, намазывал калач икрою. Антон Самгин ждал [чего-то] смешного и неприличного.

Но дьякон [наст⟨роил⟩], подняв с пола гитару, тряхнул тройною бородой своей и не громко, но очень густо, протяжно заговорил, аккомпанируя себе аккордами в басах:

Не спалося господу Исусу,
И пошел Христос гулять по звездам,
По небесной золотой дороге,
Со звезды на звездочку ступая.
Провожали господа Исуса
Николай, епископ Мирликийский,
Да Фома-апостол,— только двое.

Лютов, стоя среди комнаты, прижав локти к бокам, дирижировал обеими руками, [как] [и] движения их были странны, [он] как будто [то] он укачивал на руках ребенка, [пла⟨вно⟩] а иногда как бы отталкивая от себя кого-то. А дьякон гудел:

Думает господь большие думы.
Смотрит вниз,— внизу земля вертится.
Кубарем вертится черный шарик,
Чёрт его железной плетью хлещет...

— [Во] О! — сказал Лютов и подмигнул Антону левым глазом, лицо его, вздрогнув, исказилось. Макаров тихо сказал:

л. 81 — Не мешай.

Антон улыбнулся, уверенно ожидая смешного, но дьякон говорил, выкатив глаза, глядя в стену, на [какую-то] темную гравюру в золотой, потускневшей раме.

— Был я там,— сказал Христос печально,
А Фома-апостол усмехнулся
И напомнил — «Мы и все оттуда».
Поглядел Христос во тьму земную
И спросил угодника Николу:
— Кто это лежит там, у дороги,
Пьяный, что ли, сонный, аль убитый?
— Нет,— ответил Николай-угодник,—
Это просто Васька Калужанин
О хорошей жизни замечтался...

Лютов закрыл глаза, [тихонько засмеялся] *беззвучно* смеясь. Макаров налил две рюмки водки, выпил сам, подвинул рюмку Антону. И Антон выпил. [Скучновато и как-то неловко было слушать гулкий голос дьякона, смотреть на его неподвижное лицо]

— Шш! — *зашипел Лютов, когда Антон,* [*выпив, поставил*] *ставя рюмку на стол, задел ею край тарелки, а дьякон медленно,* [*и однотонно*] *накладывая слово на слово, рассказывал* [*как будто засыпая*]:

Тут Христос, мечтателям мирволя,
Опустился голубем на землю.
Встал пред Васькой, спрашивает Ваську:
— Я — Христос. Узнал меня, Василий? —
Васька перед богом — на колени,
Умилился духом, даже плачет:
— Господи! — бормочет — Вот так штука!
Мы тебя сегодня и не ждали! —
Усмехнулся Иисус в бородку,
Говорит он мужику любовно:
— Я ведь на короткий срок явился,
Чтоб узнать: чего ты, Вася, хочешь? —

[Лютов все дирижировал, захлебываясь [тихоньким] тихим [смешком] смехом, но [это] этот смех не мешал Антону слушать четкие, твердые слова дьякона, у которого покраснели скулы и дрожали серые брови] *Шагнув к Антону, Лютов предупреждающе поднял левую руку и,* [*все*] *продолжая дирижировать правой, наклонясь вперед, шепнул со свистом*:

— Слушайте!..

Васька Калужанин рот разинул,
Обомлел от радости Василий,
И потом, слюну глотая, шепчет:
— Дай же ты мне, господи, целковый,
Знаешь,— неразменный этот рублик? —
Как его ни трать, а — не истратишь,
Как ты ни меняй — не разменяешь.

— Гениально! — крикнул Лютов и встряхнул руками, как будто сбросив с них что-то тяжелое на пол, под ноги дьякону,— тот [строго повел на него [руками] глазами] вздохнул и горестно поднял брови, продолжая:

— Денег у меня с собою нету,
Деньги — у Фомы, у казначея,
Он теперь Иуду замещает...—

Читал стихи свои он самозабвенно и несколько нараспев, по-церковному, сидел, упираясь ладонями в колени, тройная борода его [*тихо*] *шевелилась, а в глазах* [*спо〈койно〉*] *застыло чувство, не* [*понятное*] *ясное Антону, но будившее в нем симпатию к дьякону.*

[Но] Лютов уже не мог слушать, извиваясь, подпрыгивая, он кричал [Антону], дергал Антона за рукав, спрашивая:

— Каково? А? Неразменный рублик — подай, господи! — пропел он, подняв лицо к потолку,

[— Прекрати судороги, Володька,— сердито сказал Макаров] и визгливо захохотал, говоря:

— Фома-то? Фома [*скептик*]. *Скептик*, на месте Иуды — понимаете?

[— Довольно неистовства,— грубо]

— *Прекрати судороги, Володька!*— сердито закричал Макаров, стоя у стола, наливая водку.— Довольно неистовства,— грубо прибавал он.

Антон Самгин взглянул на него и удивился: красивое лицо Макарова было угрюмо [и], обильно смочено слезами, слезы еще лились из глаз его [од⟨на⟩] одна за другою, очень крупные.

— *Почему ты плачешь? — тихо спросил он,— Макаров сердито ответил:*

— *Отстань.*

— *Нет, почему?*

— *Ну... плачу, потому, что это страшно, а это вовсе не смешно,— пробормотал Макаров, и еще более сердито крикнул:*

— [*На*] *Пей! Вопрошатель... Чёрт знает, что....* [1]

Лютов [подскочил к нему и] сказал, положив руки на плечи его:

— Ты все о моем достоинстве заботишься? Не надо, Костя! Я — знаю...

[Антон уже видел, что Лютов страдает, но забавно; смешно] От выпитой водки и от странных стихов дьякона Антон [почувствовал] чувствовал прилив грусти [*однако* не отягощающей, но легкой, неведомой ему]; это [была] грусть прозрачная и легкая, как голубой воздух солнечного дня поздней осени; [приятная грусть, возбуждающая] она возбуждала желание *быть приятным и* говорить приятные слова. Он и говорил их, стоя [пред] [пере⟨д⟩] с рюмкой в руках перед серым дьяконом, который, согнувшись, бережно прятал гитару под стол.

— Очень оригинально и неожиданно это у вас... [замечательно!] Признаюсь,— я ждал комического.

Дьякон выпрямился, поднял побуревшее от натуги лицо, [медленно] осветил глаза [медленной] улыбкой.

— Комическое — тоже есть; это ведь произведение

---

[1] *Текст*: Антон Самгин ∾ Чёрт знает что....— *вставка на отдельном листе в клетку, с пометой*: 81.

длинное, восемьдесят шесть стихов. Без комического у нас — нельзя, неправда будет! Я вот ни одних похорон не помню без смешного случая; мы [уж] и на самой горькой дороге о смешное спотыкаемся,— такой народ!

Лютов, изломанно свалившись на диван, кричал, просил:

— Не мешай, Костя! Право бунта, Костя...

— Бабий бунт,— сказал Макаров, отмахнулся от него рукою [и], подошел к Антону и сел, слушая рассказ дьякона; *прикрыв глаза тяжелыми, костяного цвета веками, дьякон говорил*:

— Когда Христос бросил Ваське с неба неразменный рубль,— запил, загулял Васька, а [вор] *разбойник* Никита, узнав, откуда у него неразменный рубль, украл монету, [воровским манером залез на небо] залез на небо воровским манером и отдал рубль Христу [Прикрыв глаза тяжелыми, костяного цвета веками, дьякон прочитал]: ты, говорит, Христос, неправильно сделал: я за рубль [совесть [проп⟨ил⟩] потеря⟨л⟩] на великий грех хожу, а ты его подарил [пьянице] лентяю, нехорошо это.

— Конец, конец скажи, дьякон! — закричал Лютов, глядя в потолок: — *Середку он не дописал по тому случаю, что сделался марксистом* [1].

Дьякон усмехнулся и сказал:

— Ну, Христос говорит ему: это — верно, Никита, ошибся я по доброте моей! Спасибо, что ты поправил дело. Ну, *все-таки* пожаловался, когда прощался: плохо, говорит, живете, забыли меня! А Никита-разбойник говорит:

— Ты, Христос, на нас не обижайся,
Мы тебя, Христос, не забываем,
Мы тебя — и ненавидя, любим,
Мы тебе и ненавистью служим.

Глубоко, шумно вздохнув, дьякон сказал:

— [Тут и] Конец.

[Подскочив] Судорожно подскочив, Лютов сел на диване и закричал:

— Никто не может понять этого! Никто. Вся эта европейская мордва не может понять дьякона *Василия* Сердюкова, который отдан под суд ⟨за⟩ кощунство [и], за богохульство из любви к богу! Не может.

— Это верно: бога я очень люблю [даже ск⟨ажу⟩],—

---

[1] *Фраза*: Середку он ∾ марксистом — *написана на полях без указания места вставки*; *вводится в текст по смыслу*.

сказал дьякон очень просто и уверенно.— Только у меня требования к богу строгие. Это у нас у всех: к богу мы [относимся] строже, чем к человеку...

— А если его нет? — спросил Антон.

Дьякон взглянул на него большими глазами и сказал спокойно:

— Утверждающие сие — [печально] ошибаются.

[Антон чувствовал] По [тону его слов] *голосу* его Антон понял, что спорить с дьяконом было бы бесполезно, к тому же Антон никогда не думал серьезно [по вопросу] о бытии бога. И, наконец, было скучно говорить на эту тему: он чувствовал себя приятно охмелевшим, [возбужденным] и ему хотелось [чего-то] веселого, музыки, пляски, песен. Но Макаров угрюмо сказал:

— Бога — нет, отец дьякон, потому что все глупо.

— По этому вопросу я говорить не стану,— твердо заявил дьякон.

— Вселенная... [все] эти звездочки [и], солнце и земля среди них — глупо...

— Оно, конечно, *громогласной* медью трубит, когда маленький человечек отрицает величие вселенной, сада божия, ну, все-таки это и смешно [же]!

Антон видел, что лицо у Макарова красное, глаза пьяные, и слышал, что голос его звучит все задорнее:

— Женщина создана глупо.

— [В этом] Здесь я — согласился,— [ответил] заявил дьякон.

— [Мучительно] Унизительно создана женщина...

— Вообще — плоть *будто бы* на противоречиях зиждется, но, может быть, это потому, что пути слияния ее с духом не ведомы нам.

— А вы, церковники, издеваетесь над женщиной.

Антон встал [и], отошел к дивану и сел в ногах Лютова,— косые глаза [Лютова] вопросительно забегали по его лицу.

— Поехать бы куда-нибудь, музыки хочется,— предложил Антон.

Лютов скорчился, подобрав ноги, посмотрел на стенные часы:

— Правильно, [но] только — рано!

И, прикрыв глаза, спросил:

— К девицам?

— Можно и к девицам,— согласился, *улыбаясь*, Антон,

Лютов захохотал, задергался, потом вдруг оборвал смех, тихо спрашивая:

— Ведь вы — жених? А?

— Та же история, что у вас,— сказал Антон.

л. 82 Именно в этот момент он почувствовал, что [*вдруг* обняло е⟨го⟩] в нем [точно лопнуло] тихо разорвалось что-то, [и все] наполнило его [облак⟨ом⟩] дымным облаком *едкой* печали. Он помнил, что [на глазах его выступили] *глаза его налились* слезами, а Лютов вскочил, сел рядом с ним, обнял и заговорил тихонько о Лидии [что-то ла⟨сковое⟩]. *Говорил он что-то ласковое, утешительное*, тискал руку Антона, покачивая его, и [кача⟨лась⟩] *вся* комната качалась, [как] *точно* лодка, *а* [*по*] *на одной ее стене* [*точно же⟨лтая⟩*] *серебристо, как зимняя луна,* [*серебристо*] *светился и* [*поды⟨мался⟩*] *ползал по дуге циферблат круглых часов.* Издали глухо доносился [цепкий] голос дьякона:

[— [Вы говорите] *Это* — от буйства юности [но не от переполнения души.

Антон кричал ему:

— Нет.]

И Макаров кричал:

— Вы, отцы, навязываете нам ошибки ваши...

— Переполнение души при недостатке разума и неумении владеть им,— вот наша беда!..]

— *Души переполнены обидами, разум же весьма смущен..*

— *Остановитесь на этом, отец Василий,— просил Макаров.*

— *Остановиться* [*невозможно*] — *негде. Жизнь — не поле, не пустыня, остановиться негде, молодой человек...*

Антон, *качаясь*, говорил Лютову:

[— *Вы мне не нравились, но теперь...*

— *Спасибо*]

— *Вы мне очень не нравились...*

— *Никому не нравлюсь...*

— Я знаю: вы — революционер...

— Мы — все революционеры.

— Константин Леонтьев прав: Россию надо [подморозить] заморозить. [Тогда]

[— Нет,— закричал Лютов.— Нельзя — взорвет.]

— [Нельзя! — сказал Лютов] *Тогда разорвет ее,— сказал Лютов.*

Потом все четверо [сид⟨ели⟩] сошлись в кучу на диване, в комнате стало тесно [и душно]. Макаров наполнил ее ды-

мом папирос, сумрачной тьмой, было трудно дышать, и Макаров сердито орал:

— Вы, отцы, навязываете нам ваши ошибки...

Лютов тоже кричал, [рас⟨талкивая⟩] толкая всех:

— Взорвать, чёрт побери, чтобы потом — тишина.

Дьякон соглашался с ним.

— Верно! Внутренняя жизнь [возможна только] в безгласности... Слово [су⟨ть⟩] это — плоть...

Он встал, огромный, качаясь, махнул рукою и рявкнул:

— Молчать!

Все трое замолчали, глядя на него, [а] Антону показалось, что голос дьякона толкнул [и], сбросил его в какую-то пустоту, и вот он мягко, но быстро погружается в нее.

Он так и проснулся на диване, одетый, только сюртук и сапоги кто-то снял с него. В комнате было темно, на столе, среди хаоса бутылок и тарелок, горела свеча двуцветным огнем, отражение его чуть-чуть покачивалось внутри бутылки белого стекла. В углу вспыхивала папироса, присмотревшись, Антон различил согнутую фигуру Макарова.

— Ты что делаешь?

— Думаю.

— Я напился?

— Спи.

Помолчав, Антон спросил:

— А где Лютов?

— [Свинья] *Не знаю,— ворчливо* ответил Макаров [угрюмо].

[— Почему?

— У девиц...]

Антон закрыл глаза и услышал во тьме:

— Верно, что Лидия влюбилась?

— Да. [Влюбилась.]

— В кого?

— В идиота.

— Они, кажется, [все] идиотов особенно любят,— [сказал] *пробормотал* Макаров [и], *потом*, бросив папиросу на пол, вздохнул [говоря]: — И — подлецов. Беспокоит [она] Лидия меня...— *продолжал он.*— [*Алина — тоже свинья. Хотя почему?*] *Чего ей надо? Не пон⟨имаю⟩*.

Он зажигал спички, которые, вспыхнув, тотчас гасли [*бормотал бессвязно, непонятно*]. *Встал, наклонился над* [*све⟨чой⟩*] *огнем свечи, ткнул в него папиросой, погасил огонь и выругался*:

— *О, чёрт*!

Антон хотел что-то сказать, но [слова] вспоминались *только* слова жалкие, он промолчал и снова уснул. А проснулся, когда уже было светло, по комнате [бесшумно] рыбой плавала темненькая старушка, бесшумно собирая посуду.

— Чай кушать, пожалуйста,— сказала она, указывая маленькой ручкой с вилкой в ней на дверь, и закашлялась. Антон сошел вниз, умылся при помощи лысого старика с шишкой на лбу, прошел в большую светлую комнату, среди ее за столом у самовара [молча] сидели трое, все с мокрыми головами, очень гладко причесанные, серые и скучные.

— Садись,— сказал Лютов на ты и подвинул Антону тяжелый стул с кожаным сидепьем. [За чаем выпили коньяку, оживились. Лютов озабоченно посмотрел на часы и сказал, что сейчас подадут лошадей, они трое проветрятся, затем — завтракать у Тестова, в отдельном кабинете, дьякон пройдет со двора.

— Я могу и с парадного,— сказал дьякон.— Меня все равно расстригут.]

[Дьякон] Посмотрев на Антона, как на незнакомого, прикрыл глаза, раздумчиво говоря:

— Какая же у нас церковь? У нас — духовная консистория. Церковь, это — у католиков. *У них все веруют по-римски, а у нас одни — по-петербургски, другие — по*-[*уральски*] *сибирски, еще третьи по-архангельски, и остальные — бес их знает, как*!

— [Брось дьякон] *Бросьте*,— скучно сказал Лютов, наливая коньяк в свой чай.— Тебе вот [штатскую] человеческую одежду надобно сшить, кафтан какой-нибудь, поддевку. Тогда — будешь со мной по [трактирам ходить] *кабакам* шляться.

[Антон вспомнил, что вчера, [когда] когда дьякон [выговаривал] *говорил* заключительные слова разбойника ко Христу, *костлявое* лицо его было [не со⟨всем⟩] строго, но в глазах не] [Должно] [*Может быть*, поэтому глаза его [уже] не казались уже] *Макаров, держа на коленях гитару, дергал струны, а дьякон учил его*:

— *Эти два пальца держите так,— круче, крючковатей... Ну*, [*ла, соль*] *— ля, ре — нет, ре*! [*Тихо*] *До-о...*

На Антона он [*взглянул*] *посмотрел, как на незнакомого,* [*жестким*] *бесцветным взглядом, костлявое, жесткое лицо его* [*немножко*] *опухло, под глазами вздулись синеватые мешки. Глаза были не* такими огромными, как вчера, нет, это доволь-

но обыкновенные, [бесцветные] жидкие и мутноватые глаза пожилого пьяницы. И лицо у него — [обычное, лицо] незначительное, [лицо русского человека, который] такие *скучные* лица [встречаются часто, это ласко⟨вые⟩] *часто* встречаешь.

Если б он подстриг свою тройную бороду и курчавую серую шерсть на голове, он стал бы похож на ремесленника, маляра или бондаря. И, [разумеется] *конечно*, лишь в пьяном виде [такой] этот человек мог обмолвиться [столь значительными] *такими* словами, как:

Мы тебя, Христос, не забываем...
Мы тебе и ненавистью служим —

— [Бросьте] Перестань, Костя, терзать гитару,— скучно попросил Лютов, а дьякон сказал, наливая коньяку в [свой стакан] чай себе:

— Гитара требует мечтательного характера.

Антон Самгин пил чай крепкий и очень горячий, соображая: в сущности, роль Макарова при Лютове — *некрасивая* роль [клиента] «приживальщика». [Какие] Едва ли этот косоглазый, раздерганный и хамоватый человек может вызвать [симпатию] чувство искренней дружбы и вообще — симпатию. Вот он говорит дьякону:

— Тебе надо человеческую одежду сшить, [как] какую-нибудь поддевку, что ли. Тогда будешь по трактирам шляться со мной.

— А, может, меня не расстригут?

— Расстригут,— уверенно [обещал] сказал Лютов и, внезапно наклонясь к Антону, сваливаясь со стула, заговорил по-вчерашнему торопливо, возбужденно:

— Вот, Самгин, смотрите: это — настоящий русский человек, существо необыкновеннейшей душевной пестроты и при этом — скучающее...

Дьякон погладил бороду, взял кусок ржаного хлеба и, посыпав его солью, сказал глухо и угрюмо:

— [Ничего особливо русского — в скуке — нет] *В скуке ничего особливо русского нет.*

— Подожди, отец...

— Скукой все люди озабочены.

— Но — какой?

— И Вольтеры скучали.

[Спор вспыхнул как⟨-то⟩ сразу] *И тотчас* вспыхнул, как будто куча стружек, спор.

Лютов кричал, наскакивал, [дьякон говорил] спорил истерически, дьякон хладнокровно, но упорно вставлял в его крики тяжелые, *густые* слова. Пред ним уже лежал кусок посоленного хлеба, но он, [вновь] посыпав солью еще кусок, держа его в руке, *аккуратно* разравнивал соль ножом. Макаров посмотрел на них красными глазами [и], отошел [и в⟨зял⟩] к окну с гитарой в руках и оттуда сказал:

— Ух, как вы мне надоели...

— У католиков, действительно, церковь,— [говорил] *сказал* дьякон, тяжко вздыхая: налил коньяку, выпил и, прожевывая хлеб, не слушая Лютова, загудел: — Католики — все веруют по-римски, да! А у нас и по-петербургски, и [по-московски] *по-уральски*, и [по-архангельски], *по-херсонски* и уже бес их знает, как!

— Это верно, дьякон! Но — почему?

— И никто не может сказать о себе так горько, как русский...

— Но — почему? Почему, Самгин?

Антон сунул руки в карманы и сказал:

л. 83 — Как всякая идеология, религиозные воззрения тоже...

Дьякон покосился на него и сказал *грубо*, равнодушно:

— Слыхали. У меня — сын [марксист] тоже утверждает, что [у] безземельный крестьянин не [может] *способен* веровать в бога зажиточного мужика. Нет, уж это, воистину, — нищета философии...

Лютов раскатисто захохотал, а дьякон, медленно улыбаясь, предложил:

— Давайте выпьем по [морскому] ежу. [Замечательно] Утешает.

[Стар⟨ик?⟩] Лютов вскочил, убежал, [потом] *крича*:

— *Я знаю, почему* [*это*] *мы самый разъединенный и одинокий народ — подождите*!

Дьякон посмотрел на Макарова, на Антона и [сказал] проговорил, мигая:

— Весна стучит [в окно], господа студенты!

Это он сказал, должно быть, потому, что [за] с крыши упала подтаявшая сосулька, загремев о железный наличник за окном.

Вбежал Лютов с бутылкой шампанского в одной руке и пивом в другой.

— Делай! — сказал он дьякону, поставив пред ним бутылки. [Дьякон, засучив рук⟨ава⟩] *Но он забыл сказать*,

почему русские — самый одинокий народ, и никто не спросил его об этом. Он внимательно следил за дьяконом, который, закатав рукава рясы, обнажил не очень чистую рубаху и *странно* белую, гладкую, как у женщины, кожу рук. Он смешал в четырех стаканах коньяк, черное пиво, шампанское, посыпал пенную влагу перцем и предложил:

— Причащайтесь!

Чокнулись, выпили. Антон выпил храбро, хотя с первого же глотка *почувствовал, что* напиток отвратителен. Но [ему] Антон Самгин ни в чем не хотел уступать этим *людям*, неудачно выдумавшим себя, раздражающе запутавшимся в мыслях и словах. [И] Содрогаясь от жгучего *вкусового* ощущения [горечи], он мельком подумал, что, конечно, Макаров расскажет Лидии о том, как он пьет, и что, наверное, Лидия почувствует себя виноватой в этом. И пусть почувствует.

Через несколько минут, он, сидя в кресле, как будто ласточкой летал по комнате, говоря в лицо длинного дьякона [и в], который смотрел на него исподлобья, угрюмо, *говорил* в [напряженные] напряженно бегающие глаза Лютова:

— Я не понимаю ценности [этих] ваших слов и мыслей, хотя *и* вижу, что они кажутся вам радужными, *они для вас* исполнены красоты, оригинальности и [т. д.] так далее. Но — это банальнейшая бурда, отец дьякон! Осенний, слякотный день и пузыри на *мутных* лужах.

Лютов кричал, размахивая рукою:

— Вся наша литература — эпос банальности! [Вы рисуетесь [друг] пред [другом] нами, как пред женщинами. Но чем?] Этот Христос, которому [мы], будто бы и ненавидя, *мы* служим, это — банальность. *И в то же время это наивная хитрость*. Это попытка оправдать...

— Оправдать и надо! — густо сказал дьякон.— Как же без оправдания-то? Истинная мудрость в оправдании.

— В объяснении, отец дьякон!.. Наука, но не болтовня... *Кто просит вас выступать защитниками мерзостей жизни? Вы уговариваете друг друга, как [же⟨нщину⟩] уговаривают девушек, но вы, но мы все лишены невинности. Уже лишены... Не надо притворяться. Мы — просто люди! Простые люди...*

Антон чувствовал себя [в огне] пылающим, он хотел и мог сказать множество обидных, но неотразимо верных слов, хотел заставить молчать этих людей, но они, пьянея, не слушали его, кричали. Лютов [ст⟨учал⟩] бил ладонью по столу,

дребезжала посуда, дьякон, держа себя за бороду, почему-то ревел:

— Не [удастся!] [Не сможете!] *сумеете.*

Макаров, сидя верхом на стуле, положил руки и подбородок на спинку его и, оскалив зубы, шевелил усами молча, сердито:

— Согласен! — кричал Лютов.— [Сбрить пустяки!] Взорвать все сразу. [Простота]

— Не удастся! — спокойно возражал дьякон.

— Сбрить пустяки!

— Не сможете. И — не пустяки.

— Позвольте,— просил Антон.

— Не пустяки, а [вопли] стоны! [Бунт]

Макаров встал и необычно для него громко и зло крикнул:

— Да ведь вы, черти, все трое одно и то же говорите!

— Никогда! — решительно сказал дьякон, подняв руку, но Макаров трезво остановил его:

— Подождите, отец!

И обратился к Антону, строго спрашивая:

— Ты чего хочешь?

Вопрос был неприятен, мешал, вносил какое-то осложнение.

— Я с десяти лет слышу эти крики,— сказал Антон и тоже спросил всех:— Какой в них смысл?

Но Макаров настойчиво повторил:

— Хочешь ты чего?

Три пары глаз [*требовательно*] смотрели на Антона, смущая его, дьякон [насмешливо спросил] *сказал*:

— Да, ну-те,— объясните...

Пламя Антона угасло, остался только дурной вкус во рту, он налил стакан шампанского, выпил и ответил:

— Жизнь требует опрощения...

— Неосуществимо,— сказал дьякон, махнув рукою, а Лютов вслед за ним крикнул:

— Преждевременно, Самгин!

И, быстро крутя рукою в воздухе, точно таская за волосы кого-то, прибавил с яростью:

— Нет, сначала надо еще вот так...

Заговорил Макаров [с обидой] *обидным*, допрашивающим тоном:

— Я тебя, Антон, не в первый раз слушаю, а понять — не могу. Тут, главное: чего ты хочешь? Вот это нельзя понять! В критике ты силен...

Дьякон угрюмо сказал:

— Это — всеобщее наше несчастие. Критики — много, а веры — нет. В бога — не верим, в народ — тоже перестали верить. Говорят уж, что и народа-то нет, а — неизвестно что есть! Классы, говорят, как в семинарии.

— Погоди, отец,— попросил Лютов, ощупывая Антона глазами.

Макаров подождал ответа Самгина, взбил рукою двуцветные волосы свои и молча отошел прочь, а Лютов *внимательно* спросил:

— Какое же упрощение? По Толстому? По Кропоткину?...

— Хотя бы,— ответил Антон, пожав плечами, *и прибавил: — Я — пьян.*

— Нет! — вскричал Лютов,— *это — дешевка*! Предпочитаю Маркса [это решительней. Это и надо испытать. Да-с! Это самое-с. А остальное все дешевка]!

Он раскачивался, подпрыгивал и говорил быстро, захлебываясь словами, дьякон хмуро и молча смотрел в пол.

[— Все на пользу будущему,— пробормотал он,— во труд и муку настоящему].

— Не балагань, Володька,— строго сказал Макаров.— И — довольно пить. Скажи-ка, чтоб лошадей тебе запрягали, и поезжай кататься. Слышишь?

Антон видел себя сконфуженным, даже физически подавленным. Не слушая речей Лютова, он следил за Макаровым, который, молча шагая по комнате, [покусывал губы, задумчивый, следил] задумчиво покусывал губы, следил за ним и посылал вслед ему [неприязне⟨нные⟩] стрелы своей неприязни. Именно так он подумал: стрелы неприязни.[Он был уже сильно пьян] Он был еще не сильно пьян, но все-таки сказал еще раз:

— Я — опьянел...

Он чувствовал себя побежденным, [и с досадой, смешанной с унынием, думал:— Надо чем-то быть. Надо говорить всегда одно и то же] с унылой досадой он видел, что эти трое [оригинальнее] определеннее его в словах и мыслях, оригинальнее, заметней!

«Как это достигается?» — думал он, наблюдая.

За окном, в солнечном небе, таял розоватый сугроб и почему-то хотелось, чтоб [потом] скорее потемнело, пришла ночь. Позвали обедать. За обедом тоже [п⟨или?⟩] много пили,

спорили. Лютов [снова] вел себя истерически, Макаров кричал на него:

— Ты не имеешь права говорить о женщинах в этом тоне.

Дьякон снова читал свои стихи о Христе и Ваське, читал утомленным голосом, очень тихо, тянулись скучные строки.

[— Нет, Фома, не всяк разбойник,— грешен] [1]

После обеда Лютов [веле⟨л⟩] приказал старику с шишкой запрячь лошадей, пригласил Антона и Макарова кататься. Макаров отказался, [а] Антон поехал и [долго] раньше, чем лошади вынесли сани за город, железо полозьев долго скрипело и визжало, скользя по [от⟨таявшим⟩] оттаявшим камням.

— Несчастны мы с тобой, брат,— бормотал Лютов.— Несчастны, потому что любим. Нет, ты [подумай] сообрази, [какая ловушка тута, а? Любовь] *потому что*? *А*?

Несчастным Антон Самгин себя не чувствовал, но был пьян до того, что видел, как [голые деревья] *телеграфные столбы*, подскакивая, втыкали вершины свои в небо, [перемешивая] размешивая в нем звезды, [как куски апельсинов, а звезды] *точно кусочки апельсиновой корки* в крюшоне.

л. 84 [Это пьянство продолжалось до Страстной недели, а в среду на Стр⟨астной⟩, проснувшись под вечер, Антон с изумлением увидел Лютова совершенно трезвым, вымытым, причесанным и услыхал его спокойные, не очень вежливые слова:

— Ну, брат, будет! Страстная. Надо уважать традиции. К тому же вечером отец приедет.]

Несколько дней полупьяной, разнузданной болтовни [и], разболтанных чувствований, [все-таки были полезны Антону, он кое-чему научился] истерических криков Лютова и его театральных восторгов пред [угрюмым] нелепым дьяконом [вызв⟨али⟩] очень укрепили в Антоне сознание необходимости [быть] для него [стать человеком более определенным] обвести себя резкой чертою. *Было унизительно стоять где-то в хвосте этих, в сущности, дешевых людей, но Антон видел, что они очень ловко выбрали и умело исполняют свои роли оригиналов.* [Он видел] *И он давно уже знал*, что определенность *легко* достигается [*очень просто*] тем, что люди говорят всегда одно и то же.[2] Нужно только умело выбрать это одно. [Стихи и

---

[1] После зачеркнутого стиха оставлена свободная строка, видимо, для другой цитаты.

[2] *Текст*: очень укрепили ∾ и то же.— *перечеркнут синим карандашом, кроме вписанного текста.*

голос] *Все, что говорит* дьякон, так же как и стихи его, вполне гармонируют с его *лицом*, неподвижным и точно из кости вырезанным лицом [еретика] ересиарха.

Не менее резко очерчен и косоглазый, [вывихнувш‹ий-ся›] вывихнутый Лютов. Красивому Макарову очень идет его [молча‹ливость›] задумчивость, [и сдержанность] зорко наблюдающий взгляд [сдержанность] и прямота его речей, [Он часто бывает] часто грубоватых. Его роль — роль гувернера при Лютове. В хмельном тумане мелькали еще какие-то люди, незнакомые и неинтересные. *Кругленький, курчавый человек, точно выкупавшийся в масле, раза три неистово, с треском пел:*

— Мне все равно страдать.
К страданьям я привык.

У него был неистощимый запас звука р. [1]

[Однажды] Как-то вечером, когда Антон подошел к двери дома Лютова, дверь открылась и выпустила траурную даму, которую Антон видел на даче. *На этот раз она была в сером пальто [мужского покроя], похожем на [солдатскую] офицерскую шинель, но Антон [сразу] тотчас узнал ее сухое лицо и фотографирующий взгляд.* Он усмехнулся, подумав, что Лютов, и пьянствуя, не забывает своих связей с таинственной революционеркой.

«Какая блажь! [*Это он, конечно, от скуки*].— *И вспомнив слова дьякона о скуке, «которой все люди озабочены», подумал: Да это он, конечно, от скуки».*

Но дьякон думал о Лютове иначе.

— Самоубийственно пьет,— сказал Макаров, [когда] видя, что Лютов, *вдруг* свалившись на диван, [всхрапнул] уснул, [отк‹рыв›] так отчаянно открыв рот, как будто он кричал беззвучным криком [2]. Дьякон посмотрел на уснувшего и, тяжело вздохнув, сказал:

— И Маркс ему вреден. Это я вижу. У меня сын тоже насильно заставляет себя верить в Маркса. Из глупой, детской храбрости: боится мальчуган темноты, а лезет в нее, ломая себя, дабы показать, что не трус!

[Мак‹аров›] Эти слова очень удивили Антона, а Макаров негромко засмеялся, говоря:

— Умный вы человек, отец дьякон.

---

[1] *Текст*: Кругленький, курчавый ∾ звука р — *перечеркнут зеленым карандашом.*

[2] *Текст*: Но дьякон думал ∾ беззвучным криком. — *перечеркнут синим карандашом и отчеркнут красным карандашом.*

Дьякон обвел глазами пустоватую комнату [и наклонил] [глядя в потолок над зеркалом] *и еще вздохнул*:

— Некоторые веруют по торопливости, иные же — от страха. Сих, последних, я не того... не очень уважаю...

Это он сказал очень тихо и, глядя в потолок над зеркалом, Антон спросил:

— А вы, отец Василий, верующий?

— Как же-с иначе? Неверующий — невозможен.

— Будто бы?

Дьякон искоса взглянул на Антона и проворчал:

— Всяк живущий [стремится] [жаж⟨дет⟩ совершенства жизни] алчет и жаждет совершенства жизни, стало быть: все веруют в возможность совершенства. Ясно. Понимание совершенства — разно, но верование — едино. [Будет] На [сем основании] этой основе и понимание будет едино. [Дайте человеку] *Надо признать за человеком* право свободно мыслить [*и не*] [*только не торопите его*]. [Только не толкайте оба друг друга к скорейшему усвоению догматики] — свободная мысль обязательно приведет к единству веры. Пример: социалисты.

— Вы социалист,— удивленно [сказал] и не веря спросил Антон [1].

— Не могу,— ответил дьякон.— *Не вмещаю.*

[— А почему же?

— Не вмещаю.

В эту минуту *появился*] *В двери появился* старичок с шишкой и [сказал] *доложил*, что Василия Петровича спрашивает барышня [Сомова. Макаров, свой человек в доме, пошел, сказав Антону:

— Это, вероятно, Сомова, помнишь?

Антон пошел за ним, но остановился в дверях и стал смотреть в щель: да, это Татьяна Сомова, в котиковой шапке, кругленькая, розовая, с красными руками без перчаток.

— Спит? — веселым голосом спрашивала она.— Пьяный?

— Приблизительно.

— Ну уж, наверное, окончательно. Как же быть? Мне его нужно.

— Завтра утром...

[— Мне ночью ехать.]

Антон смотрел в щель, соображая: неужели и эта девчонка тоже делает революцию?]

---

[1] *Текст*: Всяк живущий ∾ спросил Антон. — *отчеркнут красным карандашом.*

Макаров [пошел] ушел взглянуть, кто это, и через минуту громко позвал [Антона]:

— Антон!

В маленькой, темноватой приемной Антон увидал Татьяну Сомову; в котиковой шапочке, кругленькая, [она] сидя у окна, обмахивая платком раскрасневшееся лицо, она спрашивала веселым голосом:

— Спит? Как же быть? О, Самгин! — вскричала она, с радостью бросаясь к нему, но тотчас же удивленно отшатнулась:

— [*Господи, как от вас кабаком пахнет! Настоящим, деревенским...*] И ты — пьяный?

— Приблизительно.

— Ты? — повторила она с упреком.

Осмотрев их по очереди, она села, спрятала ноги под стул.

— Что это вы, мальчики?

Башмаки у нее были стоптаны и грязные, очевидно, она ходила без галош, черная юбка тоже обрызгана звездочками грязи. Драповая кофта [была] потерта, широка для нее и, умаляя ее рост, делала ее похожей на игрушку «Ванька-Встанька». От неё почему-то пахло сеном и дегтем.

В [несколько] *две минуты* она быстро и деловито рассказала, что ее прислал к Лютову с письмом дядя его, пароходчик Порадеев, что она уже назначена старшей учительницей сельской школы богатого приволжского села, [что] *в трех верстах от села на лесопилке* [жи⟨вет⟩] *служит конторщиком и сердито скучает Иван Дронов*, а Ильин в Крыму, у него заболели легкие.

— После экзаменов мы обвенчаемся, он [по⟨селится⟩] будет жить со мною, на Волге. Но — почему же вы пьете?

— Почему, Антон? — спросил Макаров, усмехаясь. Антон молча [усмехнулся] пожал плечами.

— Именинник кто-нибудь? — допытывалась Сомова.

— С горя,— объяснил Макаров.

Сомова покачала головою, сказав:

— Ах вы, телята!

Макаров пошел будить Лютова, Антон пригласил Татьяну в комнату, где пили, она бойко [вошла] пошла [туда], но на пороге сказала, сморщив лицо:

— Ой, вот кабак!

И отчаянно сконфузилась, увидев, как в углу медленно поднимается длинная, серая фигура дьякона. А когда дьякон, *протянув руку*, замогильно назвал свою фамилию, она

[уже совсем растерявшись] смешно шлепнулась на стул и неестественно громко, *вызывающе* сказала:

— Сомова, учительница [из]...

И задохнулась.

— [Почтенное занятие] Почтенная должность,— одобрил дьякон, наливая в стакан мадеру. [— Весьма сожалею, что лишен возможности служить детям.]

[Антон пропустил] [Антон] *Присматриваясь к Сомовой,* [*Антон видел*] *Антон видел, что она утратила* [*свою*] *кошачью игривость. Есть в ней что-то жалкое, загнанное, а голубенькие глазки ее, потемнев, смотрят опасливо,* [*и*] *веселенький жирок стаял с ее круглого лица* [1]. *Он пропустил мимо ушей* несколько фраз Сомовой и дьякона, и вдруг был удивлен радостным возгласом Татьяны:

— А я [вас] испугалась. [Ну, думаю, отец Иван]

— Да, да! — сказал дьякон, вздохнув.— Братец мой [мерзавец первой степени.

— Ужасный человек!

— Отвратителен] [свинья] *вполне способен внушить страх*,— спокойно подтвердил дьякон, прихлебывая мадеру, глядя в потолок.— На меня, единоутробного с ним, донес, [так что] имейте в виду!

— Но теперь у меня защитник будет,— муж! — весело объявила Сомова,— дьякон опустил глаза свои на нее и угрюмо промолвил:

— Если муж не губернатор,— это [весьма] *мало* значит!

Сомова *громко* засмеялась навстречу Макарову и Лютову, вошедшим в комнату, Лютов, поклонясь ей, пошатнулся, [она, улыбаясь] *нахмурясь, она* протянула ему [письмо] *руку с письмом.*

[— С удовольствием,— сказал Лютов, бегло ощупав глазами раскрытое письмо, и жестом пригласил ее: — Пожалуйте.

Выходя из комнаты, он [успокоительно говорил] *успокоил*:

— Прошу простить: пьян! Но [голова всегда в порядке] не беспокойтесь...

— В беспорядке,— поправил его Макаров.

Потом Лютов и Сомова вернулись, перешептываясь, Сомову угощали чаем и вином, а она рассказывала о селе, мужиках, о злейшем попе Иване Сердюкове, о детях]. *Он взял письмо так осторожно, точно боялся обжечь себе пальцы,* [*разорвал*

---

[1] *Ранее было*: игривость, голубенькие ∾ круглого лица. Есть ∾ загнанное.

конверт] прочитал и [жестом] широким жестом пригласил Татьяну:

— Пожалуйте со мною.

Сомова вопросительно взглянула на Макарова, он улыбнулся ей и взял под руку.

— К музыке не причастны? — спросил дьякон, а когда Антон сказал, что он учился играть, но безуспешно, дьякон сообщил:

— Вот и я тоже. На кларнете. Не вышло.

Закрыв глаза, он покачал головою, говоря:

— Это вот еще одно недоразумение церкви нашей,— отсутствие в ней музыки. Католичество разумнее.

Он взмахнул веками, улыбнулся [не торопливой] тяжелой, замедленной улыбкой.

— Расстригут меня — займусь изобретением стеклянного инструмента. Семь лет соображаю в полном недоумении,— почему стекло не употребляется в музыке, в оркестрах?

И оживленно продолжал:

— Прислушивались вы зимою, в метельные ночи, когда не спится, как стекла в окнах поют? Я, может быть, тысячу ночей слушал это пение и дошел до мысли, что именно стекло, а не медь и не дерево должно дать нам настоящую музыку небесных сфер. И все трубы надобно из стекла лить — понимаете? Тогда получим удивительное, рай звуков! Рай. Обязательно займусь этим. У меня [уже] и место есть,— пойду в рабочие на стекольный завод... уже договорился с фабрикантом, знакомцем Владимира Лютова.

Его костяное лицо смягчилось, стало глуповатым, Антон слушал [его] фантазии дьякона с улыбкой.

С таким же глуповатым лицом возвратилась и Сомова [сопро⟨вождаемая⟩] в сопровождении Лютова и Макарова. Они предложили ей вина, чаю, и девушка, присев к столу, начала свободно [бол⟨тать⟩] рассказывать о мужиках, о злейшем попе
л. 85 *Сердюкове, о детях, бабах* [1]. Говорила она [бойко и] торопливо, часто поглядывая на стенные часы, [но, видимо, не] ее небольшой, но крепкий голос, четко [произносил] произнося слова, звучал воодушевленно [и лицо у нее было счастливо]. [Круглое лицо ее живо] [Выражение восторга]

— Ах,— воскликнула она,— какая прелесть деревенские дети! Только *один* Некрасов понимал это...

---

[1] *Текст*: К музыке ∾ о детях, бабах. — *вставка на отдельном листе в клетку с пометой красным карандашом*: 84-4.

На кругленьком лице ее восторг [сменялся гневом] сменял гнев, сожаление — испуг, она вся содрогалась в гримасах, в судорожных подергиваниях плечами, в бессильных взмахах рук.

— Но женщины, бабы — какой ужас, [какая] тупость! Какая каторжная жизнь!

Понижая голос, она говорила:

— И — старики, о! Вот уж проклятое племя...

[— Однако, обожаю вас,— сказал дьякон, усмехаясь]

— Вы знаете, [опи] старики ни во что не верят, ни-че-му!

Дьякон, кивнув головою, сказал *тихо и угрюмо:*

— Весьма правильное наблюдение...

[— Ну, да! Не правда ли? — обрадовалась Сомова]

Его слова обрадовали и еще более воодушевили девушку, но Антон видел в ее радости детское и глупенькое [Было странно [видеть] наблюдать, как *серьезно*], *а* трое мужчин [слушают] слушали ее лепет [они слушали] так серьезно, как будто она рассказывала [им] о жизни в [сторо⟨не⟩] стране, [им] не [ведомой] знакомой им.

— Об этом очень хорошо пишет Глеб Успенский,— напомнил Антон, но этим не смутил Сомову.

— [Замеч⟨ательно⟩] Ах, удивительно! — подтвердила она, а дьякон, глядя в пол, под ноги ей, сказал, осуждая:

— Успенский конфузится скептицизма своего, робеет перед ним, это — недостаток почтенного писателя, ибо скептицизму в нашей жизни уготовано законнейшее место...

Сомова взглянула на часы, ужаснулась, вскочила.

— *Ой, опоздаю!*

Быстро сунув тепленькую мягкую руку четверым мужчинам, она исчезла.

— [*Вечером*] *Завтра утром буду у Лидии,— сказала она Антону, а он почувствовал, что девушка произнесла имя, почти забытое им.*

Антону хотелось спорить; [к] его [почему-то особенно] раздражал дьякон, [произнося] *который, окая, произносил* шепеляво [выговаривая] — шкептицизм [Все ча⟨ще⟩], раздражал Лютов; [который] прикрыв глаза, щипал бородку задумчиво нахмурившийся Макаров.

— Странно! — сказал Антон, усмехаясь.— Все чаще я слышу враждебные выпады против [ума] разума [все].

Дьякон прервал его слова, тоже усмехаясь:

— Это — так! И [это] — оправданно. *Однако* и это тоже исходит от разума. Ибо он, *будучи* [руко⟨водителем⟩] *вожа-*

тым нашим, подсказывает нам нехорошее, [и] невыгодное для нас.

Лютов вскинул голову, прислушиваясь, дьякон же продолжал, глядя под ноги Сомовой, [1] в пол.

— [Это его смущает] Заплутался вожатый, завел нас в болото противоречий, на какую точку зрения ни обопремся — зыблется, уходит из-под ног. [Вот оно что]

— Верно! — вскричал Лютов, хлопнув ладонью по колену. [Есть только две точки, *навсегда твердых:* Маркс [и] Нитче... *Штирнер*.

А дьякон, оглянув всех, сказал:

— Представьте же: каково тому, кто *по натуре своей* не может встать ни на [ту, ни на другую] *одну из них*],— *и каркнул:*

— *Маркс...*

— Вы оба *слишком* упрощаете действительность, [искажаете ее] — заговорил Макаров резко, [обиженно] сердито, но Антон уже не слушал [его], думая о себе [среди этих людей. Он видел себя умнее их]. Он видел себя умнее этих людей, [он понимал ненужность и надуманность их споров] *все, что они говорили*, [он] *оценивал как ненужное и надуманное, он очень хотел заявить им об этом*, но [он] чувствовал, что не умеет, не может сказать это с достаточной силой и убедительностью. [Он осознавал, что говорит] *Он* [*знал также*] *понимал, что для того, чтоб сказать им это, ему необходимо опереться на* [*что-то*] *нечто очень простое и твердое, но ничего такого не ощущал в себе.* [*У этих*] *Эти люди опирались на свою веру в силу слов, другой опоры он не подозревал* [*в них*]. *Его молчание* всегда [менее] *более* красноречиво, чем слова,— он замечал это. Ему даже казалось, что молчаливые усмешки его, охлаждая спорщиков, делают их более сдержанными [воспитывают]. Но все-таки было что-то раздражающе нелепое в том, что пустоватая, скучная комната старого купеческого дома с маленькими окнами на тихую улицу вмещает в себе [и] этих двух студентов и [сбитого с толка] дьякона, [очевидно] запутавшегося в какой-то личной драме, сбитого с толка. [Неприятен] Все более неприятен был истерический и хамоватый Лютов, а Макаров [угрюмый, молчаливый] угрюмо, молчаливо держался в стороне, прятался в углах и лишь изредка кричал

---

[1] *Неоконченная правка*; *фраза*: глядя под ноги Сомовой — ***не согласуется с вписанным текстом***: Сомова взглянула на часы ∾ забытое им (*см. выше*).

что-то незначительное, но всегда несогласное и в резкой форме. Не думает ли он снова о самоубийстве?

Вот дьякон говорит [Макарову] ему:

— Позвольте! Наш русский *папа*, заместитель Христа на земле, Константин Петров Победоносцев, *вообще человечек* не глупый, правильно сказал: «Всякое вероучение есть единое и исключительное, иначе оно не было бы исключительным». А потому...

— Фанатизм чиновника,— вскричал Макаров.

— А потому и весьма одобряю материалистов...

— [Самоограничение!] Духовное нищенство...

— Хотя сам я — *человек обожженный и* Маркса принять не могу, ибо гвоздями питаться не приспособлен натурою моей. *Однако ж согласен со Владимиром Васильевичем: против Марксова вероучения все наши нигилизмы — сущие пустяки.*

— *Р-ребячий лепет,— вскричал Лютов отчаянно.*— Что же касаемо [материалистов] *фанатизма*, то ведь и господин Кант — фанатик, как всякий *честно* мыслящий; исключаются лишь играющие мыслями... словесные шахматисты.

Антон Самгин думал о том, как много *люди* накопили лишних слов [и мыслей], неспособных обогатить, украсить эту [темноватую] сумрачную комнату с *ненужными* зеркалами, со стульями, чинно [прис⟨тавленными⟩] к стенам, со столом посредине [комнату, похожую на канцелярию, из которой].

— Душа у тебя, дьякон, длинная, *горизонтальная*,— глупо и восторженно [крикнул] говорил Лютов.

С той поры, как он помнит себя живущим и думающим, он живет в [бу⟨рях⟩] словесных вихрях и [бурях] метелях, в [бес⟨прерывной⟩] непрерывной беседе разнообразных людей об одном: как перестроить русскую жизнь, следует ли [уподобить на] наладить ее [о] по-европейски или же как-то иначе, по-своему. Он никогда не вдумывался в существо этого спора и не чувствовал потребности [в этом] думать на эту тему [так же, как он]. Конечно, в дурную погоду хочется солнца, в знойные дни хочешь дождя, но он видел, что жизнь есть нечто фатальное, [механичес⟨кое⟩] она развивается механически, не торопясь, по каким-то своим законам, скрытым от [людей, увлекающих⟨ся⟩] умников, верующих в чудесные силы различных идей [в слова]. Все эти люди поместились и кружатся, кричат где-то сбоку [жиз⟨ни⟩] настоящей жизни, в стороне от нее. Настоящая жизнь проста и очень понятна, потому что бездумна, все ее тайны, все загадки, в сущности, сводятся к одному — инстинкту накопления полезного и приятного чело-

веку. Люди, которые с утра до вечера ходят по улицам, носят, возят, строят, вообще работают муравьиную работу, так же как мужики в деревнях,— вот люди настоящей жизни, [которая] и она вовсе не требует глупых стихов дьякона о Христе, как не требует [ни Христа] ни Евангелия, ни Маркса, ни Штирнера и [вообще] никаких революций. Медведь Егор Барамзин, маленький Прейс, брат Дмитрий, дядя Яков и все люди этого типа — непонятны, если [отнять от них ее] не думать, что они заражены странным и неумным честолюбием, а Диомидов, дьякон [и подо⟨бные⟩], Лютов, Ильин, Сомова это — чудаки. Наиболее интересный чудак — Томилин, Варавка же, пожалуй, единственный человек, который твердо знает, кто он и чего ему нужно. Варавка всегда говорит [нечто] понятно и точно, словами, которые навсегда врастают в память.

«Истинно верующий это — делающий»,— [сказал он однажды] вспомнил Антон слова рыжебородого делателя жизни и повторил их вслух [но]. Тогда дьякон, взглянув на него недружелюбно, [возразил] сказал:

— [Допустим] Однако же не забудем, что [нет] [не может быть] нет веры без любви и без ненависти...

Лютов закричал в лицо Антону:

— Любовь верующего [есть] — всегда любовь к власти...

— Ну, так что же? — спросил Антон [и], тотчас понял, что это не умный вопрос, и рассердился на себя, на всех.

Несколько пьяных дней с этими людями болезненно расшатали, развинтили его. Кончились эти дни неприятно; однажды Лютов [как] вдруг отрезвел и, вымытый, причесанный, сказал [спокойно, невежливо]:

— Ну, братцы, довольно! Завтра начинается Страстная неделя. Надо уважать традиции. К тому же во вт⟨орник⟩ приезжает отец.

Он сказал это суховатым тоном хозяина, человека, которому надоели пустяки. А прощаясь с Антоном, невежливо кивнул головой и пригласил сквозь зубы:

— Заходи. [1]

Антон Самгин почувствовал себя в опасном положении [человека]. Он [переставал видеть] *ускользал* [от] *сам от себя*, он видел, что часто принужден соглашаться с чужими доводами, что полуумные люди отравляют его. *В их мыслях, в словах есть* [*что-то красивое и*] *наркотически возбуждающая* отрава.

---

[1] *Текст*: С той поры *(стр. 212)* ∾ Заходи.— *вставка на двух листках в клетку с пометами красным карандашом*: 85, 85-2.

Он терялся среди них, переставал ощущать себя и [наконец, он] *чувствовал, что* не может привыкнуть к себе, видя себя сегодня одним, завтра другим. Он [пон⟨ял⟩] с тревогою отметил, что в нем лишь одно устойчиво — это его изменчивость. Нет, необходимо избрать для себя точку опоры, чтобы не соскользнуть, не упасть в чужое, не потеряться окончательно. *Необходимо собрать себя вокруг [какой-то] одной идеи, одного чувства, такой идеи, которая бы, возникнув, не растворилась, не гибла в противоречиях [как это бывало у него не однажды]* [1].

И было неловко [даже стыдно] признаться, что поведение Лидии занимает его слишком мало. Уверенный, что он любит ее, Антон с недоумением отмечал в себе отсутствие ревности к Лидии, и даже обида на нее ужалила его не *достаточно* больно, он это понимал. В конце концов Антон Самгин находил, что он понимает все, кроме себя самого, и все чаще он испытывал моменты, когда ему казалось, что он наблюдает за собою, как за человеком, почти незнакомым ему и опасным для него [2].

Он видел, что в Лидии явилось что-то смешноватое, несвойственное ей, какая-то напыщенность. Ее поведение, манеры, тихий голос, сосредоточенный взгляд напомнили ему самого себя, когда он в день имепин своих приходил из церкви после причастия. Она говорила Диомидову:

— Вы, Симеон... Вы, Диомидов.

— «Почему не просто: Семен Демидов?» — внутренно усмехаясь, спрашивал себя Антон. А этот блаженный обладатель какого-то другого чувства, вытаращив пустынные глаза, сообщал ей, мигая, со страхом:

— Был я у одного адвоката, Абрамова, очень богатый, но говорит, что религия — оружие власти и никакого духовного существа в человеке нет.

Вздыхая, он качал головой:

— Н-не верю.

И начинал нескладно говорить нечто очень похожее на слова Нехаевой о лживых приманках жизни, о неизбежности любви и смерти [3], о том, что кто-то обманывает людей, от-

---

[1] *Текст*: Необходимо ∾ не однажды] — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Возле этой фразы, перечеркнутой синим карандашом, на полях помета Горького*: Взять.

[3] о неизбежности любви и смерти, о лживых приманках жизни

влекая их в сторону от настоящего и самого важного — от самих себя.

л. 86 — Мир — враг человеку.

— Вы бы шли в монастырь,— посоветовал Антон.

— [Это не то] Ты не понял,— сказала Лидия, строго взглянув на него, *а столяр, закрыв лицо ладонями, глухо пробормотал:*

— *Монастырь — тоже клетка.*

[Она] Лидия относилась к [этому столяру] нему, точно к ребенку, заботливо следя, чтоб он больше ел, пил, теплее одевался, [Диомидов был рассеян] это унижало ее в глазах Антона.

А Диомидов был [чем-то] явно ненормален, Антона окончательно убедила в этом странная сцена: [в прихожей] уходя от Лидии, [столяр] бутафор надевал свое мохнатенькое пальто, он уже сунул левую руку в рукав, но не мог найти правого рукава и, улыбаясь, боролся с пальто. Антон хотел помочь ему:

— Нет, не надо, — [поспешно сказал] *тихонько* попросил бутафор и [быстро] *затем*, сбросив пальто с плеча, *ласково* погладил упрямый рукав и *быстро*, *ловко* надел пальто, а застегивая пуговицы, объяснил:

— Оно [упрямое. И] — не любит чужих рук. И *вообще* — упрямое. Вещи [ведь] тоже, знаете, имеют характер. [Да, да!]

Стоя пред Лидией, он мял в руках шапку и говорил:

— Да, да — имеют! Особенно мелкие. О! *Инструменты — тоже*: *одни любят вашу руку, другие не любят.* Вот одна актриса,— я ее не люблю,— дала мне починить старинную шкатулку, починить — пустяки! Но я [не] долго не мог справиться, порезал палец, потом прищемил кожу на ладони и вообще шкатулка не поддавалась мне. Это потому, что она знала,— я не люблю ее хозяйку.

Он рассказал это тихо, [но уверенно] с неоспоримым убеждением, как самое простое. Когда же он ушел, Самгин, *усмехаясь*, спросил Лидию:

— Что ты об этом думаешь?

— Он — поэт,— ответила Лидия тоже неоспоримо, тоном, исключающим возражения.

Дальнейшие встречи [с бутафором] все крепче убеждали Антона в ненормальности бутафора. *Когда* в его пустых глазах [являлась] *появлялась тепленькая* улыбка, можно было думать, что она [отражается] *теплится не внутри их, а отра-*

жена откуда-то извне. Говорил [он] Диомидов однотонно, тихонько, с непоколебимой настойчивостью [меланхолика] *сумасшедшего* и всегда говорил необычное:

— Мелкие вещи непокорнее больших. От камня можно уклониться, обойти его, а от пыли не скроешься, надо пройти сквозь пыль.— И вздыхал, качая головою:— Но я люблю делать мелкие вещи.

Он делал смешные открытия, внезапно заявляя:

— Если идти ночью от фонаря к фонарю, тень делается все короче и в одном месте совсем пропадает. Тогда кажется, что и [*тебя*] *меня тоже нет.*

Он боялся темноты, заглядывал в нее, нахмурясь [и], точно ожидая увидеть в ней что-то знакомое ему и неприятное. Видя его рядом с Лидией, Антон испытывал [доса⟨ду⟩] сложное чувство досады, недоумения, даже легкой тревоги за судьбу девушки, но *все-таки* не находил в себе чувства ревности. [Он понимал, что это чувство должно быть.] Он упрямо верил, что любит Лидию, и понимал, что [это чувство] *ревность* должна быть. Но на месте [его] ее возникал *только* недоуменный, обидный вопрос:

«Почему она предпочитает его?»

Он был уверен, что Диомидов [как-то] исказит жизнь Лидии [*и*], *опошлит ее, и усмехался, представляя Диомидова одетым* [*в*] *щегольски, с тросточкой в руке, в таком виде он, конечно, будет похож на самодовольного парикмахера*, но не ощущал жалости к [ней] девушке и не находил в себе желания предупредить ее об опасности [ее ув⟨лечения⟩] [грозящей ей], а иногда ловил себя на мысли:

«Скорее бы!»

Все-таки он заставил себя сказать ей:

— Послушай, ведь этот романтизм не доведет тебя до добра.

— Что такое — добро? — спросила Лидия вполголоса, очень серьезно, и, пока он искал ответа ей, сказала:

-- Мне кажется, что вообще отношения мужчины— женщины — не добрые. Они неизбежны, но добра в них нет. Дети? [Мы все] И ты и я были детьми, но я все еще не могу понять, зачем нужны мы оба? Тут, в этом, неуместно говорить о добре, тут что-то другое.

И, помолчав, она добавила:

— Слава богу, когда человек не похож на других.

[Антон Самгин задумался: что она [хочет] хотела сказать?] *Антон Самгин думал иначе:*

«[Все] Люди слишком разнообразны, *они как будто все более дробятся*, и это [даже] угнетает. Лютов, дьякон, Диомидов — что общего между ними? [Каждый требует какой-то] *И вообще каждый человек стремится выдумать, расцветить себя*, [*как*] *как только можно оригинальней*, *каждый требует* особой меры *и оценки* для него [черт бы взял всех [их]. Трудно с ними] [В университете тоже становилось трудно и тревожно], *а создавать эти оценки все трудней*».

Антон Самгин заметил, что [он] его внимание к спорам Маркова и Прейса углубляется. Маленький, изящный еврей тоже являлся [пред ним] для него психологической загадкой. Прейс говорил спокойно, [математически точными фразами, лишние слова, любимые русскими, совершенно отсутствова⟨ли⟩] [*даже*] *суховато*, [*то⟨ном⟩*] *в тоне профессора, которому уже несколько надоело читать лекции. В его фразах, математически точных*, [*чувствовалась книжная мудрость и*] *совершенно отсутствовали* [*столь*] *любимые русскими лишние слова*. Ничего цветистого, [ник⟨акой⟩] ни тени щегольства [словами] острым словом и много *цифр*, *много* книжного, [много] даже старческого, что не шло к его красивому [серьезному] лицу, к печальному, *но твердому* взгляду бархатных глаз. Но, послушав негромкую речь Прейса минуты две, пять, Антон чувствовал, что под [этим] *пеплом* [этих] речей еврея жарко горит пафос [непоколебимого у⟨беждения⟩] *непоколебимой* веры, горит [так] настолько сильно, что кажется: сейчас вот Прейс [закричит] начнет кричать и размахивать руками, спрятанными в карманах брюк или за спиною, начнет подпрыгивать и хватать людей за воротники.

Когда [Марков] длинноволосый, шумный [и быстро прогорав⟨ший⟩] Марков, легко вспыхнув фейерверком слов, быстро прогорал и, утомленный, но чувствуя себя победителем, осматривал группу слушателей насмешливым взглядом,— глаза Прейса [принимали] [станов⟨ились⟩] суживались и взгляд его становился зовущим, требующим.

— Возможно, что это красиво, но это — не истина, [— говорил он] а попытка скрыть истину. Неоспоримая же [и суровая] истина [говорит:] [*проста и*] *никаких украшений не требует, она проста*: [*как*] вся история человечества есть история борьбы классов.

В эту истину Антон не верил, [точнее] потому что [не думал о ней, не чувствовал], *не чувствуя* потребности проверить ее, не думая о ней. Но все более ценным для него являлось уменье Прейса упрощать жизнь, делить людей на однообраз-

ные группы, строго ограниченные линиями [экономи‹ческих›] простейших житейских интересов. Антон чувствовал в этом процессе нечто значительное [и необходимое], необходимый для себя ключ к загадкам, беспокоившим его. Если каждый человек действует по воле классовых и групповых интересов, то, что бы ни говорил этот человек, в нем всегда можно найти признаки влияния этой воли, всегда можно разоблачить истинное его. И Антон стал слушать речи Прейса [более] еще внимательней, присматриваясь к нему изучающим взглядом, стараясь найти противоречия в его словах. Но противоречий он не находил, и это смущало [его, ставило пред ним], ставя новый вопрос:

«Интересами и волей какой же группы живет и действует Прейс, сын богатого фабриканта шляп? То, что он говорит о рабочих, о их будущем, не должно бы увлекать его...»

[Рабочие волновались, оправдывая философию Прейса, в Петербурге разразилась стачка ткачей] Ему хотелось спросить Прейса об этом, он замечал, что и еврей [смо‹трит›] изредка смотрит на него спрашивающим взглядом:

«— Вы согласны?» [1]

Но что-то мешало ему подойти к марксисту ближе. Однако это случилось само собою, за несколько дней до коронации Николая II-го, в маленькой [пивной] кондитерской, куда Антон зашел выпить кофе. Как только он отворил дверь кофейни, его встретили бархатные глаза. Было неловко не подойти к столику еврея. [Он тоже пил] И через минуту [он] Антон уже слушал [сдержанный] задумчивый шёпот:

— Усиленно высылают неблагонадежных. Осматривают чердаки. Либералы на что-то надеются. [Вы читаете «Русские Ведомости»] Изумительно терпелив русский народ.

Говоря, Прейс беспокойно и часто посматривал на дверь,
л. 87 но [пожилой] человек, просто одетый, с бородкой и обыкновеннейшим лицом великоросса, все-таки подошел к столу неожиданно:

— Что? — спросил Прейс.

— Нельзя.

— Почему?

Человек махнул рукою на север и сказал:

— Тоже. Придете?

— Непременно.

---

[1] *Текст*: Антон Самгин заметил (*стр. 217*) ∾ Вы согласны – *перечеркнут синим карандашом.*

Человек скучно оглянулся, поискал глазами свободный столик и отошел в угол.

— Рабочий,— [с уважением] шепнул Прейс, Антон поймал в этом шепоте смешную нотку уважения. Из кофейни вышли вместе [и], на улице Прейс, [подозрительно] вздохнув, повторил:

— Терпеливый народ.

И, простясь, быстро свернул за угол, а Антон пошел к Лидии.

Там дядя Хрисанф [расхаживал] [по полу] [*и*], *скрипя* ярко начищенными сапогами, играя кистями пояса, расхаживал по комнате и говорил воодушевленно:

— Второй раз и я увижу, как великий народ встретит своего молодого вождя... Зрелище возвышающее. Ты, Семен, пойдешь?

Диомидов ответил из угла тихо и виновато:

— Я ведь не люблю народ.

— Это — глупость! — строго и возмущенно крикнул дядя Хрисанф, остановился среди комнаты и [стал] начал декламировать в угол знакомые Антону слова напыщенного восторга, а Диомидов, слушая его, прятал ноги под стул, гладил колени ладонями и мычал:

— Но, видите ли... Это не помещается во мне — любовь... Ну, если честно говорить...

Дядя Хрисанф гремел и карал, Лидия смотрела на него сердито, [но] было скучно, и в комнате стоял тепленький запах какого-то масла.

— Я получила письмо от Спивак, она беременна, собирается родить в июне. Кланяется тебе.

— Мне? — переспросил Антон испуганно.

— Что тебя удивляет?

— Трудно представить ее... матерью...

Дядя Хрисанф увещевал: [1]

— Пойми, Семен: соединение всех в одной точке! Возглавление! Приидите, поклонимся и припадем ко Христу — это духовно, телесно же...

Рядом с Лидией, *плотно поджавшись к ней*, сидела трагическая племянница Миронова и, закатив глаза, оскалив зубы, шептала что-то, но Лидия, скрестив руки на груди, не слушала ее, глядя в угол, и лицо у нее было напряженное,

---

[1] *Текст*: Я получила ∾ увещевал — *перечеркнут наискось синим карандашом.*

больное. На вопрос Антона — здорова ли она, Лидия ответила:

— Да, но — жарко. И туман в голове. Желтая пыль какая-то.

Антон простился и ушел, думая о Спивак, о том, что вот он скоро будет отцом. *Значит, она не лгала, говоря о беременности.* Он поискал, что изменяет в нем эта новость, и не нашел ничего.[1]

В день Ходынской катастрофы он и Макаров сидели на крыше дома Лютовых, глядя в даль, [в поле] за город. [Только] Только что взошло солнце, [и очень] освещая [над полем] *над полем* серовато-желтое облако полупрозрачного тумана.

— Икра,— сказал Макаров, сонно щурясь.

Да, поле казалось намазанным густым слоем икры, и среди ее мелких, кругленьких пузырей кое-где светились белые, красные пятна, прожилки.

— Красные рубахи, точно раны на грязной коже,— [сказал] пробормотал невыспавшийся Макаров и зевнул воющим звуком, Антону тоже хотелось спать. Он чувствовал себя глупо на крыше, железо которой, быстро нагреваясь, источало тошнотворный запах краски. [Огромный город] Несмотря на раннее утро огромный пестрый город [ликующе] гудел, ревел, грохотал, где-то уже [игра⟨ли⟩] ухала медь труб военного оркестра, [зв⟨онили⟩] непрерывно звонили сотни колоколов и все [это] звуки ⟨сливались⟩ в один, необыкновенно мощный, [ликующий, жир⟨ный⟩] ликующий.

[Дома] Там, за крышами домов, за деревьями, на огромном поле, под грязноватой шапкой тумана, недвижимо [*плотно*] утвердилась [ик⟨ряная⟩] [и грязн⟨ая⟩] плотная, икряная масса людей. Она была так далеко, что казалась единым телом, и, только сильно напрягая зрение, можно было отличить отдельные головы, [икринки] *чуть заметные* колебания [их] [этих] икринок. Иногда казалось, что вдали над ними что-то вспухает, двигается, ползет, *а затем* исчезает в их вязкой густоте [*и земля под невыносимой тяжестью людей волнообразно зыблется*]. Там, вдали, [ряды] в толпе, возвышался полукруг каких-то [игрушечных] построек, сравнительно с нагромождением людей они казались игрушечно маленькими и ненужными. *Многотысячная толпа в поле* [*все-таки*] *напоминала Антону* [*крест⟨ный⟩*] *о* [*людях в*]

---

[1] *Текст:* Антон простился ∾ и не нашел ничего.— *перечеркнут синим карандашом. Рядом знак вставки, вставка отсутствует.*

церкви, крестном ходе, о молебне невидимому богу, вспомнилось плоское лицо дяди Хрисанфа, прозвучал его патетический возглас:

— Приидите, поклонимся, припадем...

Оттуда на крышу тоже притекал гул, но другого тона, не ликующий, а какой-то зимний, как вой метели, *как заунывное пение огромнейшего хора.* [Он] *Гул этот* тек непрерывно, медленно и легко тонул в звоне, реве, грохоте города.

Под невыносимой тяжестью людей земля волнообразно зыблется [и], шарики голов подпрыгивают, точно [кофейные] зерна кофе на сковородке, и в этом судорожном [дв⟨ижении⟩] [перемещении по] движении Антон почувствовал нечто отталкивающее, даже несколько жуткое.

Представилось, что если эта масса [живых тел] людей повернется лицом к городу и с воем пойдет на него,— улицы не смогут вместить потоки живых тел, люди растолкают, раздвинут дома и растопчут их пыльные руины, сметут весь город, как щетка сметает сор.

Антон Самгин стал смотреть на хаотическое [сборище и почти], необъятное для глаза сборище разнообразных зданий города. Воздух над Моск⟨вой⟩ был [чище, зеленые и красные [пятна] [куски] пятна крыш напоминали [о толстом ватном одеяле [сшитом] покрытом кусками разноцветного] толстое ватное одеяло, покрытое кусками разноцветных ситцев, и очень измятое] прозрачней. Золотые кресты и главы церквей, отражая солнце, пронзали [воздух] [его] воздух острыми лучами, разбрасывая их над [зелеными, серыми, красными] разноцветными квадратами крыш. [В общем] Город напоминал толстое, нечистое и местами прорванное одеяло на вате, покрытое кусками пестрых ситцев. В длинных дырах его копошились, двигались маленькие фигурки людей, лошадей. Казалось, что движение их ускоряется, становится [тревожней, это] тревожней. В одной из трещин города появился отряд конных людей, он подскакивал на мостовой, точно сделанный из резины, и над ним качались, мелькали [каплям⟨и⟩] тоненькие [палочки] древки пик, разбрасывая [как рт⟨уть⟩] в воздух капельки ртути [1].

---

[1] *Текст:* Представилось, что если ∾ капельки ртути — *вставка на отдельном листе. Здесь же, после слов:* капельки ртути — *отдельно записана следующая фраза, не связанная с контекстом:* Лютов [пьянствовал] пьянствовал неразлучно с дьяконом [Макаров] и Макаровым, [который] Климу казалось, что он пьет (*см. СВ, стр. 462*).

— Жарко там стоять,— сказал Макаров, приложив ладонь ко лбу. Посмотрел [и заявил], помолчал и вздохнул:

— Глупо. Ну, я насладился [слезаю. Кофе]. Чай пить. Хочешь?

Антон посмотрел вниз, на улицу: там [по сер⟨ым⟩] над серым булыжником мостовой катились медные головы пожарных.

— Где-то пожар,— сказал Антон, влезая в слуховое окно.

За чаем в прохладной комнате с окнами в сад Макаров вдруг заговорил, потирая лоб.

— Третьего дня анатомировал девушку. Горничная, упала из окна. Замечательные переломы [тазовых] костей таза.

Он усмехнулся, глядя в глаза Антона.

— А знаешь, я все еще девственник.

Последнее слово он произнес иронически. Антон [тоже] ответно усмехнулся, а Макаров тотчас вполголоса заговорил, очень быстро и несвойственно ему смущенно.

— Да, конечно, смешно. Но — не могу решиться. Презираю себя, очень мучаюсь, а — не могу [1].

Посмотрев под стол, он добавил:

— Физиология, брат, страшная штучка. Как-то, знаешь, непонятно. То-есть, оно понятно, однако, если подумать...

И, вздрогнув, точно испугался чего-то, он заговорил в игривом тоне:

— А ты — как? Побеждаешь? Опрокидываешь?

Тон игривый не удался ему, он, видимо, и сам понял это, замолчал, даже покраснел немного, порозовели щеки и уши. Антону тоже была неприятна и казалась неуместной эта знакомая ему тема, [вспыхнувшая так внезапно] он подумал, что Макаров не столько осуждает себя, сколько завидует *ему*, а может быть, и хвастается своей чистотою.

— Я тебя не понимаю,— сухо сказал он.— Истрать полтора рубля, и *кончатся* все твои... страхи [кончатся].

[— Это просто,— ск⟨азал⟩] Макаров кивнул головою, всё улыбаясь нехорошей, болезненной улыбкой.

— Это — просто. [Ну, а] [*Но — тогда* как же поэзия любви? — спросил он.— Хочется. За ⟨?⟩] [Антон Самгин [молча] пожал плечами]

---

[1] *Текст*: Он усмехнулся ∾ не могу — *перечеркнут синим карандашом*.

— Ты, должно быть, не замечаешь, как [это] смешно у тебя, — *иронически* заговорил Антон.— [Судя] Положим, я не у одного тебя [замечал это] *вижу* стремление к праведности, но [ты] у тебя особенно смешно. И — скучно. Я вообще [думаю] нахожу, что воздержание — это от ума; [и не нормально] *вредная выдумка... И — модное, хотя запоздалое, увлечение Шопенгауэром.*[1]

[В это] Вдруг как будто подул неощутимый, но очень сильный ветер, унес весь шум[все звуки с] улицы, [и стал слышен] *оставив* только *тяжелый* грохот колес телеги по мостовой. Макаров встал, подошел к окну в палисадник и позвал тихонько.

— [Антон] Смотри,— что это?

[Телега] По улице, *раскрашенной пятнами флагов*, четко шагал большой *темный* конь с мохнатыми ногами, шагал, сокрушенно покачивая тяжелой гривастой головою. *У дуги* [*намот⟨ав⟩*] *шел извозчик, положив часть вожжей на плечо, он смотрел под ноги себе, и все люди,* [*спеш⟨ившие*?⟩] *останавливаясь, снимали пред ним фуражки, шляпы.*

[На] С телеги, новой и прочной, [под брезентом] *из-под брезента* высунулась и просительно, нищенски тряслась [чья-то] человечья рука, голая по локоть, [грязная, синяя] окрашенная в синий и красный цвета, на одном из пальцев ее светилось кольцо. [А] Рядом с рукою качалась растрепан-
л. 88 ная коса [жен⟨ских⟩] светло-рыжих волос, на задке телеги вздрагивала чья-то нога в пыльном сапоге, [нога странно] *противоестественно* свернутая набок.

— [Тут] Человек шесть, даже больше,— изумленно и тихо сказал Макаров.

Антон провожал телегу взглядом [и вид⟨ел⟩], наблюдая, как она медленным движением своим заставляет прохожих врастать в тротуары, [снимать] обнажая головы, и как на всех лицах вдруг является [что-то] [одна] серая тень [однообразно притупля⟨ющая⟩]. Макаров взволнованно говорил что-то, [о чем] но хотя в комнате было еще тише, чем на улице, Антон не понимал его слов. Проехала еще телега, нагруженная измятыми людями, потом один за другим, но все больше, гуще, пошли оборванные, пыльные, с опухшими лицами, с растрепанными волосами, [неко⟨торые⟩] шли они медленно, молча [и], многие хромали, [иные же] а [иные] человек с обор-

---

[1] *Текст*: Он усмехнулся *(стр. 222)* ∾ увлечение Шопенгауэром.— *перечеркнут синим карандашом.*

ванной бородою, с синим лицом шел, положив левую руку свою на плечо себе, как извозчик вожжи, правой он поддерживал руку под [локтем] локоть. [У всех] Все эти люди были [одинаковы] [измяты] изломаны, измяты, они казались жидкими, налитыми мутно-желтой влагой, казалось, что некоторые из них на следующем шаге упадут и [растают] расползутся по улице грязью. *Шли молча*, [*несмотря*] *неохотно* [*и*], *кратко и тихо отвечая на назойливые расспросы встречных* [*неохотно, кратко, тихо и угрюмо*]. Как будто через них проехало, проползло нечто огромное, тяжелое [и], выдавило из них способность говорить, свободно двигаться и втиснуло в [них] *грудь им* немую задумчивость. *Скоро стало заметно, что* [*все*] *люди, шедшие встречу* [*этим*] *раздавленным* [*людям*], *поворачиваются и слепо шагают в одну сторону с ними. Антон почувствовал, что это особенно угнетает его. Больш⟨инство⟩ шло по теневой стороне тротуара. Говорили они голосами рычащими, воющими, создавая на улице однообразный ропот,* [*который*] *хотелось заглушить его.*

— *По химии* — тела не действуют иначе, как в растворенном виде,— нелепо и громко сказал Макаров, стоявший, держась за косяк окна, [рядом] плечо в плечо с Антоном. [Самгин чувствовал, что Макаров вздрагивает и качается] *Он покачивался, толкал* [*с*], *и Антон* отодвинулся от него, [сел, спросив:

— Что случилось?] *сказав*:

— Драка, очевидно... [Но как много *избитых*, убитых!]

— Слишком много избитых, убитых,— пробормотал Макаров. — Пойду, спрошу...

Антон тоже пошел, и, когда они вышли за ворота, мимо [них] ворот медленно [ехала], *прихрамывая, покачиваясь, шел большой тяжелый мужик с выпученным животом и оборванными по колени штанами,* [*прихрамывая, покачиваясь*] *шаркал подошвами серых от пыли сапог, и, склоня голову, разглядывал полу надорванного пиджака, держа ее в руках*:

— *Как это случилось? — спросил Макаров, дотронувшись до его локтя.* [1]

Мужик остановился, открыл волосатый рот, мутно посмотрел на Макарова, на Клима и [*пошел*], *махнув рукою, пошел дальше. А шага через три, волком обернувшись назад, сказал очень громко*:

---

[1] *Текст*: большой тяжелый мужик ∾ до его локтя. — *первоначально шел выше, после слов*: тихо и угрюмо.

— *Тут все виноватые...*

— *Ответ преступника,— проворчал Макаров и плюнул под ноги себе сквозь зубы, как мастеровой.*

Ехала бугристо нагруженная зеленая телега пожарной команды. *Под дугою* [*телеги*] *ее качался, звонил колокольчик*; [*Макаров взглянул на него и проворчал*:

— *Идиоты. С колокольчиками...*] парой лошадей правил большой краснолицый солдат в синей рубахе, [его] медная голова его ослепительно сияла.

[*Да*] *Очень странное впечатление неуместности* [*будили*] *будила торжественно и даже как будто счастливо* [*сияющие головы пожарных, они сидели на передках зеленых телег своих*] *сияющая эта медная голова пожарного, он сидел на передке зеленой телеги монументально,* [*как герои*] *и Макаров ворчливо сравнил их с героями Илиады на боевых колесницах.*

С задка телеги спрыгнул длинноволосый студент Марков в расстегнутом [грязном] кителе, выпачканном пылью и [кровью] *рыжими пятнами крови*. Часто мигая, глядя на Антона воспаленными глазами, он хрипло попросил пить, умыться и в уборной, раздевшись по пояс, быстро и жадно обливаясь водою, встряхивая волосами, [говорил] бессвязно заговорил:

— Передавили друг друга. [Тысячи убитых!] Страшная штука: понимаете — расползается [эта] с поля [эта] масса людей [и] и оставляет за собою трупы, трупы. [В самых невероятных положениях] *Трупов — сотни. Многие лежат, как распятые, на земле* [1].

Расходятся медленно. Впечатление такое, как будто они все еще давят друг друга, затопчут человека и спокойно [*идут*] *уходят, не оглядываясь на него* [одной женщине затоптали голову]. *У одной женщины голова затоптана в* [землю] *ямку*, она лежит, полуголая, *вверх спиною*, поперек [другой] *бревна* и [как будто лезет в землю, как будто ныряет в воду] *как будто ныряет в землю*. Позвоночник у нее, видимо, переломлен.

Крепко вытирая полотенцем пальцы, Марков хрипло дышал, [полоски] глаза у него остановились, губы, изогнутые, как серп, дрожали.

— [Многие] *Некоторые* сошли с ума,— сказал он и, рыча, стал полоскать рот, запрокинув мокрую голову, глядя в потолок, потом, выплюнув воду, [он сказал] продолжал:

---

[1] *Фразы*: Трупов ∾ на земле.— *первоначально находились ниже, после слов*: выплюнув воду, [он сказал] продолжал:

— Вы — заметили? Пожарные телеги с колокольчиками, едут и звонят. Я говорю солдату: отвязать надо, нехорошо! Отвечает: — Нельзя. [*Так и возят мертвых*] *Идиоты с колокольчиками.*

— Что же делать? — вдруг резко спросил Макаров.— [Мы что же] Что должны делать мы?

— Могилы копать,— ответил Марков, [— Что же еще?] оскалив зубы. — Поднять народ и...

Опустив голову, он сказал в [*стол*] *пол, под ноги себе*:

— Возмущенных — мало.

Антон Самгин, сидя на каком-то сундуке, молча слушал, пред глазами его просительно тряслась мертвая рука с кольцом на пальце. *Он вспомнил нелепый вопрос Дронова*: «*Рука от* [*сло*⟨*ва*⟩] *глагола рушить, разрушать*»[1]. И *затем* вдруг вспомнил, что дядя Хрисанф тоже носил перстень с сердоликовой печатью, что он и Диомидов, наверное, были в толпе. Его мускульно передернуло, похолодела кожа, [но] а, прислушавшись к себе, он понял, что это не из жалости к актеру и блаженному парню, но по тревоге за Лидию. Мелькнула почти радостная мысль:

«[Нет, она] *Лидия* для меня не безразлична».

Это подняло его на ноги, он вскочил, сказав Макарову:

— Знаешь, возможно, что Лидия...

— Что же ты молчал, чёрт возьми!— заорал Макаров, взор⟨вавшись?⟩, [багров⟨ея⟩] покраснев, [сжав] и звучно ударил кулаком по своей ладони. [Секунды] Несколько секунд они смотрели друг на друга [молча] ослепленно:

— То есть — не она,— сказал Антон.

— Идем!

С ними пошел Марков в тужурке Макарова, завернув свою в газету; [взяли] наняли извозчика и поехали по улице [густо усеянной] среди двух потоков [молчаливых] пыльных, встрепанных людей, *в большинстве крестьян*. Все люди были похожи на нищих [про], которые идут вслед похоронной процессии. [Было много] На многих одежда была изорвана, висела клочьями, многие шагали с обнаженными головами и почти у всех [бы⟨ли⟩] лица были однообразно темные, покорные, виноватые. *Шли, не глядя друг на друга, согнув спины, устало опустив головы; шли против солнца, но Антон видел немало людей, явно и блаженно обрадованных тем, что они живы* [*идут по жаркой улице*].

[1] *Текст*: Он вспомнил ∾ разрушать».— *перечеркнут синим карандашом.*

Не громкий, *но густой* ропот [носился] стоял в воздухе, [но] его [порою] разрывали высокие истерические голоса женщин и [назойливо] *оскорбительно звякали колокола пожарных телег.*

Три студента молчали, разглядывали людей, Макаров рычал на извозчика:

— Скорее, чёрт...

Макаров, прищурясь, взглянул в толпу и молча соскочил [*сказав*:

— *Бегу. Побегу* в *клинику*] *на мостовую.*

Антон Самгин думал: «Почему это Макаров вдруг так испугался? Он — редко бывал у Лидии. Неужели он все еще любит ее?»

Думать об этом среди толпы измученных людей было неловко, но все-таки думалось. И на этот раз — с явной ревностью. [1]

Квартира Миронова была заперта. *Стоя пред* [*дверью*] *обшитой клеенкой дверью*, Макаров снял фуражку и, щупая замок пальцами, спросил:

— Ну? Что ж теперь?— У него осунулось лицо, и вообще он вел себя подозрительно, говорил грубо, *молчал* недружелюбно.

— Надо искать,— сказал он, надев фуражку резким взмахом руки.— Надо узнать, куда свозят.

Спускаясь по лестнице сзади его, Антон отметил не без зависти:

«Он чувствует сильнее меня».

Он [*чувствовал*] *замечал, что его способность наблюдать* [*становится*] *расширяется* [*что*] *и все в нем дрожит* [*от какой-*⟨*то*⟩ *неведомой*] *от жадности видеть, помнить. Все слова,* [*шумы звучали*] *весь шум улицы звучал* [*в нем как в пустоте гулко*] *в нем гулко, как в пустоте, а память быстро и четко записывала* [*видимое*] *лица людей, скорбные и взволнованные любопытством,* [*испуганные, озабоченные. И*] *отупевшие от испуга и освещенные счастьем жить.* [*Были и счастливые лица*] *Впечатления* [*отягощая Антона, заставляли*] *не волновали Клима, отягощая, позволяли ему чувствовать свою весомость,* [*ощутимость*] *реальность,* [*укрепляли его*] *они не волновали, а, напротив, насыщали его спокойствием. И только глубоко под ними* [*Антон*] *теплилась мысль о Лидии, но*

---

[1] *Текст*: Он — редко бывал ∾ ревностью.— *перечеркнут синим карандашом.*

тревога этой мысли умерялась предчувствием, что с Лидией [ни‹чего›] не случилось ничего плохого.

До вечера они объехали, обегали [много] десяток больниц, но, когда Антон вполголоса предложил съездить на кладбище, Макаров, стиснув зубы, отказался:

— Нет. [Пустяки]

Дважды возвращались в дом Миронова, к [маленькому] *железному* кулачку замка, висевшего на двери, а, подъезжая в третий раз, обогнали племянницу Хрисанфа — она сидела в экипаже [прямо], деревянно выпрямив спину, и Антону показалось, что она крикнула с гордостью:

— Дядю задавили.

— Лидия Тимофеевна? — спросил Макаров прежде, чем Антон успел сделать это. [Спрыгнув с] Выпрыгнув из экипажа на панель, девушка величественным, но механическим жестом сунула извозчику [бумажку] деньги и, поправляя широкополую шляпу, повторила громко, с вызовом:

— Растоптали. Узнать нельзя. Только по [сапогам] перстню.

Лицо у нее было оплаканное, глаза опухли, рот кривился, [но] она держалась *неестественно* прямо, выпячивая грудь, и говорила излишне громко, [так что] вокруг ее тотчас начали собираться какие-то праздничные люди, и человек в белой шляпе спросил очень вежливо:

— Сообщите, пожалуйста, как же это?

— Убирайтесь прочь, — сказала Татьяна, но человек, прикрыв глаза, продолжал спрашивать:

— Неужели — десять тысяч?

Татьяна взяла Самгина под руку и пошла, увлекая за собою десяток людей, рассказывая:

— Лида [с Диомидовым] *ищет* Диомидова. [Он, кажется,
л. 89 сошел с ума.] Сейчас они приедут.

Сзади спросили:

— И много сумасшедших?

Потом раздался резкий возглас Макарова:

— Я тебя изобью, дурак!

У себя в комнате, [украшенной] пестрой от множества фотографий, Татьяна, трагическими жестами разбрасывая по столу, кровати шляпу, комок платка, сумку, зонт, говорила отрывисто:

— [Я слушала] Говорят, студенты, революционеры нарыли ям, устроили западни, чтоб возбудить народ. Отсюда — всё.

Расхаживая по комнате быстро и легко, точно её ветром носило, она отирала глаза, щеки полотенцем, смоченным в воде, не забывая посмотреть в зеркало, и все говорила низким голосом, не глядя на студентов, слушая сама себя.

— Дядя высунул язык. [Ужасно!] Щека у него разорвана, и язык висит сбоку. Ужасно.

Она чего-то искала, брала вещи с комода и, осмотрев их, [от⟨брасывала⟩] почти бросала на место. *Серые зрачки глаз ее были расширены, белки влажны и мутны, опухшие веки тяжело мигали. Но все-таки в трагизме ее жестов, в невнятных [глухих] словах, глухом голосе Антон находил нечто искусственное, сделанное от ума.*

Макаров, стоя у окна, молча смотрел на двор, потом вдруг обернулся и, шагая к двери, сказал:

— Ведет.

Когда Лидия ввела *Диомидова* в комнату, поддерживая его под руку, Самгину показалось, что все вещи в комнате покачнулись [и], потолок опустился [ниже], стало душно, тяжелый неприличный запах наполнил воздух [и заметались]. *Диомидов шагал*, прихрамывая, кисть левой его руки была обернута фуражкой [и], подвязана обрывком какой-то тряпки к шее. [Он истерически] Не своим голосом он истерически бормотал:

— Я — знал, я говорил! [Вот]

Его светлые волосы торчали на голове грязным комом, [на левой щеке [ярко свети⟨лись⟩] *наискось* от уха ко рту две глубокие царапины] один глаз затек [оп⟨ухолью⟩] темной опухолью, а другой [жи⟨л?⟩], широко раскрытый, мутный, [стоял] неподвижно вытаращен. Пиджак и рубаха висели лохмотьями, одна штанина разорвана поперек [и], в дыре дрожало колено, и эта дрожь [круглого куска, обн⟨аженной⟩ кос⟨ти⟩] круглой кости показалась Антону всего отвратительнее в Диомидове. Макаров и Лидия [ус⟨адили⟩] осторожно усадили его на стул у двери, он утвердил на полу прыгающую ногу и, стряхивая рукою пыль из волос головы, почти закричал:

— Расколоть, раздробить надо, чтоб не давили друг друга! Как же не понять этого, о господи!

Его крику тотчас ответил [истерический] вой Татьяны, стоя среди комнаты, она схватилась за голову, закачалась и, топая ногами, потеряв все театральное, заревела, как деревенская баба, взвизгивая:

— Судить, казнить! Проклясть...

Лидия бросилась к ней, обняла и почти понесла куда-то, а Диомидов, глядя вслед им безумным неподвижным глазом, все бормотал.

— У каждого должно быть свое пространство. И никаких приманок друг другу. Конфект — не надо! [Нет] *Надо* — расколоть [надо].

Нога его снова начала прыгать, дробно пристукивая по полу, а тело он выпрямил, держал неподвижно, и это, видимо, достигалось им с великим напряжением.

— Каждый — отдельно. Все — на расстоянии.

Макаров угрюмо шепнул:

— Вымыть его надо... Чёрт возьми...

Вбежала Лидия, [подняла] *поставила* Диомидова на ноги и молча увела его.

— Неужели она сама? — сказал Макаров вполголоса, болезненно сморщив лицо. Антон, подавленный, не ответил ему. Через какие-то минуты Лидия быстро вбежала в комнату, вдруг остановилась, как бы споткнувшись и закрыв лицо руками, сказала сквозь пальцы:

— Не могу. Не могу. Идите, вымойте его. Пожалуйста.

Она качалась, точно выбирая место, куда упасть, [*платье*] *вздрагивала* [*и*], *измятое платье струилось с нее, дрожал подбородок, и Антон подумал, что она закрыла лицо для того, чтоб спрятать гримасу отвращения.*

— «Брезгует?» — спросил он сам себя.

Макаров ушел шагами солдата. Антон последовал за ним, ступая на пальцы ног, прислушиваясь к [тихому] тихо *воющему* плачу Татьяны. В кухне, на полу, перед большим тазом сидел голый Диомидов, его очень белая кожа [была пестрой] от плеч до колен была выпачкана калом, кровью, изорвана ссадинами, покрыта синяками. [Он] Неверными [жестами] движениями он опускал дрожащую руку в таз, черпая горстью воду и выливая [под] на лицо себе, в запухший глаз: вода стекала на растоптанную грудь, [оставляя] промывая на ней белые полосы, Диомидов кашлял, вздыхая с натугой, и бормотал, глядя в таз:

— У каждого — свое пространство... [Только так] Прочь друг от друга. [Да. Конечно.]

Макаров быстро разделся, закатал рукава рубахи и молча, угрюмо начал мыть его, а Самгин постоял, посмотрел и вернулся в комнату. Там на постели Лидии сидела Татьяна. Лидия заставляла ее нюхать что-то из граненого [пузырька] флакона, луч солнца отражался в стекле, и [казалось, что]

жидкость внутри флакона *была* окрашена во все цвета радуги.

— Что? — спросила Лидия.

— Макаров — моет.

— Ему — больно?

— Не знаю. Едва ли. Он так возбужден.

Лидия слепо посмотрела на него и отвернулась, говоря:

— Таня, я не умею утешать... И вообще — не надо утешать.

Татьяна, покачиваясь, *согнувшись*, смотрела [в пол] вниз, [вскрикивая] под ноги Лидии [1] [и шевелила].

— А он так любил народ. Так смешно любил.

— Терпи, идоложертвенное мясо, — ожесточенно крикнул Макаров за дверью.— Лидия, вздрогнув, подняла изумленно брови, глядя на Клима.

— Как грубо,— сказал он, а Лидия опустила голову, [*отщипывая*] *выщипывая нитки из обшлага* [*кофты*] *блузы своей.*

Антон чувствовал себя лишним, [ненужным] но уйти было неловко. Все-таки он решился и незаметно ушел. Всюду на углах жарких улиц [Москвы] стояли группы людей, [по-⟨крикивая?⟩] размахивая руками, покрикивая, а кое-где стояли молча, *должно быть*, слушая рассказы потерпевших. В ухо Антона [вли⟨вались⟩] вторгались отрывистые фразы; вот кто-то веселым голосом крикнул:

— Эх, думаю, не пропадать же.

«Вероятно, [давил] задавил кого-нибудь»,— брезгливо подумал Антон. Но вообще ему не думалось, как это бывает всегда, когда человек слишком перегружен впечатлениями и [от] тяжесть их подавляет мысль.

[Вечерело. Красноватая, теплая пыль стояла в воздухе] Город рычал и грохотал, дробил, перемалывал, красноватая теплая пыль стояла в воздухе, затрудняя дыхание.

[В] Из небольшой толпы у памятника Пушкину взлетал знакомый голос:

— Подумайте — кто же виноват? Разве только полиция? Нет, вы подумайте о всем порядке нашей жизни, как нами управляют?

Говорил Марков, он стоял на скамье, без фуражки, дергая головой, и [волосы его] *длинные пряди* волос били его

---

[1] *В автографе описка*: Т⟨атьяны⟩

по щекам: густой бас [ответ⟨ил⟩] прервал, заглушил его слова, протянув:

— Зна-аем.

«Смелый»,— отметил Антон, шагая дальше, [На Тверской] а через несколько минут Марков быстро обогнал его, обернулся, мигая:

— Это вы? Куда? [Давай⟨те⟩] Зайдемте в эту пристань горестных сердец.

В маленьком трактире было тесно, шумно, дымно; среди зала стоял высокий [черный] человек, весь в белом, и обещал:

— Я буду жаловаться.

Марков обеими руками закинул волосы за уши, наклонился над столом, [на] разливая пиво в стаканы, и, не понижая голоса, заговорил:

— С утра хожу, смотрю, слушаю. Пробовал говорить. Нет, не берет! А ведь как бы просто: двинуться всею массой прямо с поля, и — готово. В каком-то городе Евр⟨опы⟩ публика прямо из театра, послушав «Пророка», двинулась и потребовала конституцию. Дали.

Остановив за локоть *официанта*, проходившего мимо стола, он спросил:

— Раки есть? Ну, дай сыру...

л. 90 — Не берет! — продолжал он, вздохнув, и закрыл глаза.— Говорят,— задавлено, задохлись тысячи четыре. Недавно я прочитал в воспоминаниях Пассек: «Мир праху усопших, которые не сделали в жизни ничего, ни хорошего, ни дурного». Как вам это нравится? [По-моему] Тут какое-то тихое отчаяние... [Безнадежность. По-моему же, пусть будет еще хуже, но — не так! У меня надежда: хуже не может быть]

Он криво усмехнулся, [Антон] Самгин ответил ему тоже сочувственной усмешкой. Говорить не хотелось, да и опасно было, Марков слишком откровенен.

— Марксисты хотели выпустить листки. Не вышло у них. Вы, *кажется*, *тоже* марксист?

— Да,— сказал Самгин, неожиданно для себя.

А человек в белом [все] убеждал кого-то:

— Нельзя, пользуясь волнением народа, сбывать под шумок фальшивые деньги!

Марков громко засмеялся; у него все выходило громко [и объемисто]: слова, движения [— Дурак,— сказал он] — *стул под ним скрипел*, [*он задевал ногами стол и ноги*] *и Антон мельком подумал, что в сорок лет он, вероятно, растолстеет и будет похож на Варавку.*

— Ловко сказано! — похвалил [он] Марков белого человека.— Но еще лучше на днях сказал мой домохозяин, купец на отдыхе: «Хочется,— говорит,— блинов поесть, а давно уж [никто] знакомые не умирают».— Скажите, чтоб вам испекли блинов [дома], и ешьте.— «Нет, говорит, *это* не то. Блин [все‹го›] *особенно* хорош на поминках. [Всякое, говорит, событие требует]». Теперь он [пожалуй] поест блинов!..

[И *тотчас же*, наклонясь к Антону через стол, он предложил вполголоса:

— Хотите, я вас познакомлю с одним рабочим? Красильщик [от] с фабрики Рабенека. Не симпатичен, но интересный]

Раньше Антон наблюдал Маркова только в спорах с Прейсом, когда этот широкогрудый, красивый парень, [по-деревенски] по-мужицки встряхивая волосами, восторженным тоном дяди Хрисанфа [говорил], цитируя стихи, говорил о [народе, о его душе] своеобразной душе народа. [В этих его речах всегда чувствовалось] [В этих его речах [всегда] чувствовалось [многое] и многое знание деревенского быта и начитанность] В этих его речах Антон всегда с недоумением и завистью слышал непонятное ему чувство любви к деревне, к природе, восхищение [им] мужиком; было ясно, что Марков [1] *[хорошо] непосредственно знает деревенскую жизнь, [очень] обладает обширной начитанностью и крепко верит в то, о чем говорит.*

Теперь пред ним сидел другой человек, очень возбужденный, он беспокойно оглядывался, выхватывал из трактирного шума [как‹ие-то›] отдельные фразы, слова, цеплялся за них, повторял со смехом или задумчиво и почти по поводу каждой фразы рассказывал нечто уродливое, анекдотическое [и он]. Он крутил пуговицу кителя [2]. *Лицо у него [усталое] бледное, глаза [беспокойно] усталые, и вообще в нем есть что-то подозрительное [и], возбуждающее острое любопытство, кажется — он говорит для того, чтоб не думать. Антон Самгин особенно [тонко заме‹чал›] чутко воспринимал [все то, что] противоречия [в словах и] в людях, находя в этом нечто укрепляющее и успокаивающее его.*

— Едемте на Воробьевы горы смотреть иллюминацию?— предложил Марков.

— Это, конечно, будет отменено,— сказал Антон и усмехнулся над тем, что сказал строгим тоном.

— Наверное — не отменят! — воскликнул Марков.— [Наоборот: этим развлекут] Сообразят: развлечение! Едем?

---

[1] *в автографе*: Мак‹аров›
[2] Фраза подчеркнута красным карандашом.

[*И*] *Оторвав, наконец, пуговицу, Марков внимательно посмотрел на нее и спрятал в карман брюк.* [1]

Антон не мог бы ответить себе на вопрос, что заставило его согласиться [на это предложение, что]. Он, однако, подумал об этом и, сидя в экипаже извозчика рядом с Марковым, решил, что ему полезно перешагнуть *из мрачной суеты этого дня* в область других впечатлений. Марков подпрыгивал на сиденье пролетки, вертелся, разглядывая два потока людей прищуренными глазами, кусая [губы] губу, украшенную золотистым волосом.

— А знаете,— вдруг сказал он,— большинство задохнувшихся, раздавленных — из так называемой чистой публики. Да, это — факт. Подгородний мужик вел себя... бесцеремонно.— *Помолчав, он пробормотал под треск колес*:

— В борьбе за жизнь одолевают те, которые попроще. Действующие инстинктивно.

Он еще бормотал что-то и все чаще сморкался, отворачивая лицо в сторону, а когда выехали за город, сказал тихо:

— Пойдемте пешком?

[Вдали] *Впереди* на черных холмах сверкали зубастые огни трактиров; сзади, над развалившейся по невидимой земле огромной массой города, возникало розовато-желтое зарево.

— С-собираются ликовать,— со свистом проворчал Марков, а когда над холмами шипя взвилась и оглушительно [тр⟨еснула⟩] лопнула ракета, рассыпавшись змеевидной полоской красных искр, он, глядя на эту [красную] змею, остановился, снял фуражку и в два шага сошел с дороги в сторону, под дерево, прижался спиною к стволу его.

— Не пойду,— сказал он.— Не могу.

И поднял плечи, как бы желая спрятать голову.

Антон спросил его:

— Вам — плохо?

— Не удивляйтесь. Не смейтесь,— подавленно сказал Марков.— Я — я столько видел. Ужасно. Необъяснимо.

И [он] резким движением руки, с платком в ней, он, точно стирая лицо свое, бормотал под треск и шипение фейерверка:

---

[1] *Текст*: [В этих его речах (*стр. 233*) ∾ в карман брюк.— *вставка на отдельном листке, на котором сделана и перечеркнута конспективная запись*: Хуть — хоть я. Стыдно будет. Колокола. Косьян. Точно пни они. Не изображает, а рассказывает.... старушечье шамканье... Яблочко не хоч⟨ешь⟩? Птицей колесить. Рогожский кулёк — других не бывает.

— Какой цинизм. Какая подлость...

У него подгибались ноги, Антон Самгин обнял талию его и молчал, [думая] повторяя про себя:

«Плачет. Плачет».

[Это [было удивит⟨ельно⟩] удивляло, но и в ка⟨?⟩] Это было необыкновенно, непонятно и очень удивляло. Такой восторженный крикун, неутомимый спорщик, крепкий, красивый парень, напоминающий удалого деревенского гармониста, [любим⟨ца⟩] о любви которого тоскуют все девушки,— плачет где-то у придорожной канавы, под [обломанным деревом] [*сухой ветвью* обломанного дерева] *сломанной* [*и*], *поникшей ветвью старого дерева*, на глазах *бесконечно* идущих по дороге черных людей с папиросками в зубах.

«Плачет. [Даже] Всхлипывает, как женщина». [В этом] *Тут* было что-то удовлетворяющее Антона. Он чувствовал, что эти слезы полезны ему, как полезно было видеть раздавленного, грязного Диомидова и растерявшуюся Лидию с лицом, *брезгливо* закрытым руками.

— Но — что же, что же это, чёрт возьми? — спрашивал Марков тихо и очень жалобно. Отсветы взрывов фейерверка прыгали в воздухе, и прыгало лицо студента, [становясь] *окрашиваясь* то в [мертвенно] *неестественно* белый, [то] ртутный блеск, то мертвенно зеленея [и] и потом становясь багровым, [как] точно с него содрали кожу. В широко открытых глазах его блестели стеклянные слезы, он кусал губы, кусал платок, топая ногою, и спрашивал:

— Неужели они не понимают?

— Да, это безобразие,— солидно сказал Антон.— [Иллюминацию] Фейерверк следовало отменить.

Кто-то третий [остановился] *встал* под деревом, закуривая папиросу, Антону показалось, что [он видел это] *ему знакомо* простенькое лицо с бородкой.

—Нет, они отлично понимают, что народ-от — глуп,— сказал этот человек, глядя в даль, в небо, где играли, кружились разноцветные огни и клубился густой, опаловый дым.— Они у нас — аптекаря, пустяками *умеют* лечить,— прибавил он, вздохнув.

Марков вдруг чему-то обрадовался и так быстро шагнул к этому человеку, точно хотел бить его.

— Лечат? Кого? [Они себя лечат, да?] Себя?— звонко, [как] *точно* в коридоре университета, заговорил он, и уже через какие-то ничтожные минуты его окружило человек десять темных людей. Они стояли молча и механически однооб-

разно повертывали головы [*то к возбужденному лицу Маркова*] *от возбужденного лица Маркова* [то] в сторону холмов, где [они] огненные вихри заставляли дома подпрыгивать и падать, исчезать и снова являться. Там гремела музыка [и], по дороге шла тесная группа людей, и гармонист впереди ее искусно, яростно наигрывал «Перстенек», а Марков тоскливо спрашивал:

— Что же, долго мы будем терпеть?..

Он говорил [опасно] все более резко, откровенно [и], опасно, и все более глубоким становилось молчание вокруг его. Антон осторожно отошел в сторону, понимая, что любой из этих молчаливых людей мог схватить его за ворот и вместе с Марковым отвести в полицию. Перейдя на другую сторону дороги, он постоял минут пять и, видя, что люди все теснее окружают Маркова, решил уйти ещё дальше. Но толпа раздалась, выпустив человечка с бородкой и Маркова, человечек громко сказал:

— Криком — не поможешь!

И оба они пошли к городу, плечо в плечо друг с другом. Пошел и Антон, шагов на двадцать сзади их [и]. Шел медленно, стараясь уложить в памяти всё, что он видел и слышал в этот день. Впереди над Москвой вспыхивали [за⟨рницы⟩] разноцветные зарницы, [вздрагивало красноватое небо] в красноватом небе блестели золотые главы церквей, напоминая каски [огромных пожарных] [и] равнодушных солдат пожарной команды. [Все вздрагивало там, в городе, подскакивало, колебалось, наполняя воздух глухим лесным шумом, но Антон Самгин чувствовал себя необычайно [уверенно] спокойно и уверенно. [Идти встречу людей было] Этот день открыл пред ним нечто, чего он не понимал, не мог уложить в слова, но [в чем] что он принимал как подарок себе. О катастрофе он вспоминал лишь как о фоне, на котором обрисовалось много интересного *и полезного* для него [нуж⟨но-
л. 91 го⟩]. [Р⟨ано⟩] [На другой день, рано утром, [он [был у Лидии] *застал Лидию и Татьяну* [за] у стола] *он пришел к Лидии.*] *А домá похожи на каравай* [*солдатского*] *хлеба или на комья земли, распаханной огромнейшей сохою, которая оставила меж ними глубокие борозды улиц. Антон Самгин, не останавливаясь, посмотрел назад,— там ликовали разноцветные огни,* [*трещало*] *крутился шум и треск.* [*Человек без*] *Какой-то человек, толкнув Антона в плечо, сердито крикнул:*

— Ослеп?

Толчок, пошатнув [Антона] Самгина, [поколебал] встрях-

нул его спокойное настроение [и заставил] зрителя, [и заста⟨вил⟩] вызвал [ощущение] чувство усталости и заставил [думать о впечатлениях [этого] дня] вспомнить, что простенький человек с бородкой — знакомый Прейса [коне⟨чно⟩]. Конечно,— революционер и, вероятно, рабочий. Как это глупо — мечтать о революции в стране, люди которой тысячами давят друг друга в борьбе за обладание узелком дешевеньких конфект и пряников. Раздавили, растоптали и вот — [как дети] любуются фальшфейерами. *«Самоубийцы»,— подумал Антон,— и это слово, объясняя катастрофу, вполне удовлетворило его.* Самгин пошел тише, [шагал] по светлым теням, [пада⟨вшим⟩] судорожно падавшим на темную пыль дороги [чувствуя, как тяжелеет, плотнеет в нем, *усил⟨ивается?⟩*] [Презрение к людям усил⟨ивалось⟩]. Он чувствовал, что презрение к людям крепнет, плотнеет в нем и требует прочной формы [решительных слов]. *Необходимо найти* какие-то очень твердые, точные слова, решительно сказать их себе и остановиться на них, как на высоте, с которой все видно, понятно и ничто не тревожит.

[Идольское] [Идолопоклонство] Идольские восторги Маркова пред народом так же смешны, как глупенькие речи дяди Хрисанфа, такая же чепуха, как восхваление [*Прейсом*] *Гофманом* рабочего класса. Макаров — прав: масса — это икра. [Раз⟨давленный⟩] И прав раздавленный бутафор Диомидов: людям надо разъединиться, у каждого должно быть свое пространство, своя атмосфера; так люди виднее, понятней. И безопасней. *Каждый должен иметь место для единоборства.* Один на один [*они*] *люди* удобопобеждаемее.

Антону понравилось придуманное слово, он повторил:

— Да, удобопобеждаемее. [Единоборство [и] разумнее и легче борьбы одного против] [Если неизбежна борьба, то единоборство разумнее столкновения масс.]

Но тут пред ним [встали *неудержимо*] *слепо и бестолково, как черви и раки, расползлись во все стороны* анекдотические фигуры [косого] [*косоглазого* революционера из купцов, дьякона, мечтающего создать [стекля⟨нную⟩] стеклянную музыку, Туробоева, Томилина, Дронова, туманное лицо Макарова], десятки знакомых людей, раздражающе непохожих друг на друга. Каждый из них требовал особой оценки, каждый носил в себе или с собою что-то нелепое [и все], неясное, и все они, [не] *точно суковатые поленья, не* укладывались [так] *настолько* плотно друг с другом, как это необходимо для того, чтоб [раз навсегда измерить, взвесить их] встать выше их.

[Каждый раз, когда Антон Самгин думал о своих знакомых, [о Лидии] мужчинах, женщинах, они неудержимо и слепо расползались во все стороны, точно раки и черви.] А совершенно необходимо [нан⟨изать⟩] связать их одной прочной нитью, нанизать на нее. Это так же обязательно, как обязательно знать [ходы фигур, [при] играя в шахматы] ход каждой фигуры шахматной игры.

«Я все еще зритель [Но этого], я — в стороне,— углубленно думал Антон, приближаясь к городу.— Нельзя [так] жить зрителем, стоять за углом. Это — унизительно. [Нуж⟨но⟩]»

[Никогда еще он не чувствовал себя так расшатанным, расстроенным, как в эту ночь шумных поминок по тысячам [убит⟨ых⟩] самоубийц. Самоубийца — это тоже он придумал, это слово очень успокаивало, [и [осужда⟨ло⟩] отодвигая катастрофу] объясняя катастрофу на Ход⟨ынском⟩ поле вполне удовлетворительно для него]

И, вспомнив, что он не впервые думает об этом, и даже всегда только об этом и думает, Клим Самгин пошел быстрее [*к*] [*навстречу шумным поминкам*] *на шумные поминки по тысячам уничтоженных людей.*

Рано утром он сидел в комнате Лидии, [за столом] у стола, пред погасшим самоваром, рассказывая о том, что видел ночью. Лидия была одета очень [строго, но тепло] *тепло, туго* окутала грудь шалью, ей было жарко, бисер пота блестел на ее синеватых висках. Она смотрела в лицо Антона опустошенными глазами, с недоумением, с испугом и часто, *но* как будто с усилием, отводила взгляд на постель свою, где *вверх грудью* лежал Диомидов и, нахмурясь, смотрел в потолок, закинув под голову [голые руки] голую руку, *открыв рот. Он молчал, но лицо его* [*безмолвно*] *кричало.* [Он был] На нем [была ночная рубаха, должно быть, дяди Хрисанфа, широкая для него, и ее рукава] широкая ночная рубаха, рукава ее спустились на плечи, точно измятые крылья; незастегнутый ворот обнажал костистую грудь; в его теле было что-то рыбье, холодное, [и пора⟨зительно⟩] царапины на щеке, ссадина на шее заставляли вспомнить о жабрах.

[— Расселение городов,— изредка и тихо говорил он.— Разъединение].

[Татьяна] Появлялась, исчезала [Татьяна] *Фиона* [1], непричесанная, растрепанная, как будто напоказ, в *ночных*

---

[1] [Татьяна] Фиона — *в окончательном тексте* — Варвара.

туфлях [на голых ногах], в [кофте] *измятой* блузе, [неза<стегнутой?>] надетой [видимо] на голое тело, сквозь тонкий батист просвечивали темные пятна сосков. [Сердитым тоном] Она сказала мрачно:

— Надо собрать деньги с квартирантов. У меня не хватит на похороны.

[Лидия отве<тила>]

— Не беспокойся [ус<пеем>] об этом,— тихо попросила Лидия [глядя на постель]. [Татьяна] *Фиона* исчезла *в свою комнату*, хлопнув дверью; *Самгин проводил ее недружелюбной гримасой, как всегда он видел в ней неуклюжую, дешевую театральность, а* минут через пять Лидия [показав] встала и, показав Антону глазами на дверь, [и оба они бесшумно ушли] *ушла*. В [комнате подруги] *столовой* она, сбросив шаль, заговорила пониженным голосом, *держась руками за щеки свои*:

— Как тяжело, [Антон] боже мой! Как страшно. Что же это за жизнь?

— Что сказал доктор?

[—Пом<яты>] Лидия посмотрела [на] в лицо Антона непонимающим взглядом, из глаз ее медленно текли слезы, и от них синие тени в глазницах стали еще синей.

— Помяты ребра, вывихнута рука. Но — главное — нервное потрясение. [Он] *Он — бредит. Говорит только* [*одно*] *одно: разогнать людей дальше друг от друга.*— Нет, скажи, что же это?

— Навязчивая идея,— сказал Антон.

Несколько секунд девушка снова смотрела в лицо его [непонимающим взглядом] непонимающими глазами, [потом] *затем*, махнув рукою, отошла прочь в угол, [к] на диван [говоря]:

— Я не о том.— Не о нем.

И снова, сжав щеки ладонями, сказала:

— Не знаю, о чем я... Обо всём...

[Мычащие слова [ее] *Лидии* будили [в] неприязнь к ней.] *Она мычала, как человек, у которого болят зубы.* Антон настойчиво сказал:

— [Я всегда считал его ненормальным] *Он и раньше был ненормален.*

— Что тут нормально?— тихо спросила девушка, [а Самгин с досадой подумал:— Начинается философия]— *что вот люди давят друг друга...*

Отвечать [ему] не пришлось; вошел Макаров, обвешан-

ный пакетами [и], посмотрел исподлобья в угол, ворчливо осведомился:

— Вы, Лида, спали?

Не взглянув на него, Лидия говорила:

— [Все мо⟨жно⟩] [Что такое нормально?] Нормально, это когда спокойно, да? Но ведь ясно,— жизнь становится все беспокойней. [Татьяна всю ночь говорила, что надобно мстить, делать революцию]

Развязывая пакеты, Макаров громко ворчал:

— Нормальная жизнь сводится к устранению неприятных раздражений. Это — *говорит* биология, это ее закон. А мы от скуки, от безделья, встречаем неприятные раздражения как праздник. В том, что некоторые идиоты передавили друг друга...

Лидия вскочила [и], подавленно крикнув:

— Не смейте так говорить при мне!

— А без вас — можно?

Лидия быстро ушла в комнату Татьяны, Макаров [посмотрел] *сказал, глядя* вслед ей [и сказал]:

— Склонность к истерии. Ну-ко, Антон, помоги мне поставить компрессы этому...

[Когда Диомидов оч⟨ень?⟩] Диомидов поворачивался под их руками покорно, молча; [и] Самгин заметил, что пустынные глаза бутафора избегают [смо⟨треть⟩] встреч с его глазами, а опухшее лицо кривится не только болезненно, но и враждебно.

— Это что еще?

— Как вы себя чувствуете? — спросил Макаров.

— Я уеду в Херсонскую губернию,— ответил Диомидов.— В посад Снеговой. Там живет один человек... Я — к нему.

— Вот, примите-ка,— [ска⟨зал⟩] предложил Макаров столовую ложку бесцветной жидкости. Диомидов отвернулся, сказав:

— Не насилуйте душу. *Все равно* н-не вернете.

л. 92 Он все-таки подчинился строгим окрикам Макарова, принял лекарство, после чего глаза его открылись еще шире, в зрачках сверкнули злые искорки и, облизав губы, он плюнул в стену.

[— Неврастеник. И свинья,— проворчал Макаров, выйдя из комнаты.]

Макаров постоял, прислушался к шуму улицы, *властно* втекавшему в открытое окно вместе с пыльными лучами солнца, потом спросил:

— Ну, что ты скажешь, Клим? [1]

[И заговорил сам] *И, налив* [*в*] *стакан* [*жидкого*] *остывшего чая*, заговорил сам, [пот⟨ом⟩] [шагая от окна к двери со стаканом] [*прислонясь к*] не громко, ворчливо, разглядывая жиденький чай на свет:

— Лидии надо бросить эти штуки, театральную школу и прочее. [Ей не на сцене играть, а надо пока читать псалтырь над покойниками, вот что.]

— Она уйдет со мной,— сказал Диомидов, приподняв голову.— Со мной,— повторил он очень твердо.

Клим усмехнулся, взглянув на Макарова, а тот залпом выпил чай, надел фуражку и, не [взглянув] *посмотрев* на больного, не простясь с Климом, ушел, *сунув руки в карманы*, толкнув дверь коленом.

— Идиот,— выругался Клим, [наблюдая] незаметно рассматривая лицо Диомидова, оно снова [молча] *безмолвно* кричало. На улице трещали барабаны, [сотрясал] мерный топот сотрясал воздух, на дворе завыл продавец ягод, истерически залаяла собака. В комнате было неуютно, не прибрано, и на постели Лидии лежит эта полураздавленная, блаженная вошь.

«Может быть, он и здоровый уже лежал тут... [рядом с нею]»

Клим возмущенно [вскочил] вздрогнул, с поражающей ясностью представляя [холодное] рыбье тело бутафора [рядом], и нагую Лидию в [этих] его холодных руках.

[Его *так* обожгло [от] это возмущение, что он тотчас сказал себе...] [Возмущение так обожгло, что [он] *Клим* тотчас сказал себе:

— *Вот ревность!*] *Это укололо, обожгло Клима, но тотчас же и обрадовало его.*

— «*Ревность! Вот — ревность*»,— *догадался он*, хотя, может быть, это была только обида мастера, уверенного, что он [мог бы] воспользовался бы материалом лучше, чем [конкурент] жалкенький бутафор, и лучше, [чем] [2] Макаров, который — ясно! — потому и бережет себя, [что] [2] все еще надеется быть первым у Лидии, [хотя, наверное] но, *кажется*, уже опоздал.

Возмущение Клима [воз⟨растало⟩] усиливалось, а вместе с ним росло и сознание, что он нашел в себе определенное чув-

---

[1] *С л. 92 рукописи главный герой снова именуется*: Клим.
[2] Слово ошибочно зачеркнуто.

ство к девушке, чувство, которое тоже твердело. Он стал шагать по комнате, бесцеремонно топая, и затопал еще громче, увидав, что Диомидов повернул к нему свой синеватый нос. Отворилась дверь из комнаты Татьяны.

— Константин ушел? — тихонько спросила Лидия, [и] тогда Клим [пошел] двинулся на нее грудью, заставил отступить пред собою, прикрыл дверь и, взяв девушку рукою за плечо, начал громко, торопливо, опасаясь, что жара в нем не хватит на все, что нужно сказать:

— Лида, голубушка, всё это надо бросить; всё это придумано, театрально, не нужно и погубит тебя.

— Ш-ш,— попыталась она остановить его [и], хотела снять руку с плеча, но Клим прижал ее крепче и, глядя в [бледное] усталое лицо, продолжал:

— Уйди от больных, недоделанных людей к простой жизни, и простой любви,— говорил он, усадив ее на [пост<ель>] неприбранную постель Татьяны, стоя пред нею, держа за плечи. Говорил долго, не совсем ясно отдавая себе отчет в словах, но видел по глазам Лидии, что она слушает [его] со вниманием все более лестным и обещающим. Она даже, как бы невольно, кивала головою в ответ ему, на щеках ее вспыхивал и гас румянец, [она] иногда она сконфуженно опускала глаза, и все это [делало] *усиливало* его смелость.

— *Тише, тише,— просила она, указывая глазами на дверь* [*за*] *в свою комнату, где скрипела кровать и кашлял Диомидов.* Потом она, схватив себя руками за щеки, глядя на него [св<ерху>] снизу вверх, заговорила сама тихо и [торопливо] *виновато*:

— Да, я ошиблась... Он казался мне таким, знаешь,— необыкновенным. Но теперь, вчера... в грязи, избитый... Мне его так жалко, но уж это — не то! [Нет] Вдруг — не то! Ужасно, Клим. [Даже] И — стыдно. И я не могу уже...

Глаза ее, *мигая*, налились слезами, сквозь слезы взгляд казался испуганным, растерянным [она покачива<лась>]. Клим опустился на колени пред нею, обнял ноги, убеждая:

— Пойми,— нельзя играть собою. Жизнь — серьезна...

Взяв его одною рукой за подбородок, другою за плечо, она просила шепотом:

— Встань, не надо...

Не вставая, он [целовал ее колени. В эти минуты он испытывал] *всё говорил с искренним жаром и ощущал*, что растет, наполняясь сознанием, что [именно] он по-настоящему любит эту девушку, что любить по-настоящему можно только ее

и [что] *только* она совершенно необходима ему. Это было неиспытанно [и все более], *так хорошо* радовало [укрепляя], что он тоже готов был заплакать от волнения.

— Спасибо, — шептала Лидия. — Но — встань же! Я ошиблась и думая о тебе. Ты — не такой [Ты], не сухой. Так трудно что-нибудь понять! Ты — гордый и оттого сдержанный, кажешься стареньким...

Она улыбнулась, стирая слезы со щек, и мокрой рукою погладила его волосы. Клим встал, сел рядом, обнял ее; не сопротивляясь, она говорила:

— Знаешь, все эти [люди] ученики, ученицы, которые учатся говорить чужие слова, завистливые, самолюбивые... Туркин — будущий великий артист, он уже уверен в этом! Татьяна, которая даже во сне играет. Ах, как это плохо, и надоело, и не нужно мне! Ты прав! А он — ни на кого не похож. И, наконец, [Владимир] Константин, этот смотрит на меня всегда с упреком, как будто я обязана... [Он] груб, и у него всё какое-то медицинское...

Клим [об⟨нял⟩] *крепко* прижал ее, [поцело⟨вал⟩] *молча* целуя в губы, отталкиваясь, мотая головою, она задыхалась, шептала:

—Не надо... Оставь же... Не сейчас...

Он понимал, что можно и сейчас, но, овладев собою, встал, отошел от нее и заговорил деловито, что бутафора необходимо отправить в больницу, это должен сделать Макаров.

— Я не хочу обязываться ему,— сказала Лидия.

— Это не коснется тебя. Затем нужно бросить школу, уехать домой,— нет, лучше в Крым! Там — подумать. Лучше учиться на [каких-нибудь] курсах.

Он даже прибавил в строгом тоне:

— Необходимы не актеры, а образованные люди. Ты видишь, в какой дикой стране мы живем!

Он указал рукою в *открытое* окно, откуда в комнату навязчиво [лезли] лез разнотонный, унылый свист дудок шарманки и влетел чей-то завистливый крик:

— Ну и заработают же *сладкую* денежку гробовщики, черти драповые!

Прощаясь с Лидией, Клим сказал *искренно*, торжественно:

— [Я тебя не насилую] *Я не стесняю твою свободу*, ни о чем не прошу, но ты все-таки должна знать: я тебя люблю. Это серьезно и глубоко, Лида.

Она задумчиво улыбнулась, опустила глаза и, крепко пожав руку его, схватила себя за плечи, скрестив свои смуглые руки на груди.

Уже на улице, только что шагнув за ворота дома, Клим [почувствовал] подумал, что, пожалуй, он вел себя слишком осторожно и романтично. Лучше бы сейчас же [кончить все] установить определенные отношения. Лидия — человек [неожида⟨нных⟩] капризных настроений, неожиданных поступков и, наверное, [очень] темперамент у нее чувственный. Ее нервное отношение к Макарову, в сущности, подозрительно.

Нахмурясь, он шагал по улицам, [празднично ликующим, [увешанным] вяло [*под о⟨кнами?⟩*] *украшенным* [в под] висящими трехцветными кусками] *иногда голову его задевали вяло висевшие трехцветные куски жиденькой* флажной материи, шагал в праздничном шуме, среди людей, счастливо привыкших легко забывать несчастия ближних своих, посматривая на их оживленные ликующие лица, чистенькие костюмы, и

л. 93 утверждался в [естестве⟨нности⟩] законности своего презрения к ним. Улица и люди ее мешали думать о себе, о Лидии. Тогда он вспомнил суждения, *поучения и* вопли о народе, всё, что читал о нём и что [слышал от] помнил из [уст] [пророческих уст] речей толстовца, переодетого мужиком, [и] споров всех других народопоклонников [до Маркова] и лирических [наст⟨авлений⟩] криков дяди Хрисанфа. Вспомнив актера, Клим усмехнулся, [а] Диомидов заставил его подумать:

«В животном страхе [Диомидова] *бутафора* пред людями есть что-то правильное. Но, пожалуй, надо признать, что [ближе всех] совершенно прав Прейс, отрицающий народ как нечто единое».

В переулке, пустынном и узком, мысли вернулись [на пр⟨ежнюю?⟩] [старую] к Лидии: [под руку] с нею и [приняв [учение] взгляды] со взглядами Прейса *жить* можно очень спокойно [жить] *и просто*. Но [дня] через несколько дней [встретив Прейса, Клим разочарованно отошел от него] маленький, изящный [еврей] Прейс [с восторгом] рассказал [ему] о стачке ткачей в Петербурге, [с таким восторгом, [что] с такими грозными и непонятно веселыми прозрениями в будущее рабочего класса, что Клим отошел от него, разочарованно *унося впечатление неприятное*] *рассказал с таким восторгом,* [*с такою го⟨рдостью⟩*] *как будто говорил о своем личном счастье, и с такой гордостью, точно он сам организовал эту стачку.*

— [*Начинается новая эра, Самгин*] *Вы слышали что-нибудь о «Союзе борьбы»? Это его работа. Начинается новая эра, Самгин.*

И, ласково глядя [*в лицо Клима бархатными глазами*] *бархатными глазами в лицо Клима, он спрашивал:*

— *А вы все еще изучаете длину путей к цели? Поверьте:* [*короче тот, который*] *путь, которым* [*уже*] *идет рабочий класс,— короче. Труднее, но короче. Насколько я понимаю вас, вы — не романтик, и* [*это*] *ваш путь именно этот,* [*трудный*] *трудный, но прямой.*

Ему даже показалось, что Прейс, вообще прекрасно говоривший *по-русски*, на этот раз говорил с еврейским акцентом, *истерически*, и что в радости его [есть что-то расово-враждебное] *ясно звучала* [*истерия*] вражда человека [иной] чужой расы [нечто специфически и еврейски истерическое]. [И] Всегда [было] [случалось] было как-то так, что вслед за Прейсом попадался на глаза Марков. Клим был удивлен, увидав его рядом с Татьяной на похоронах ее дяди, они шли рядом, на лице Татьяны застыла сердитая, мстительная мина, Марков, наклоняя голову к ее плечу, почти всю дорогу шептал ей что-то, а она взмахивала головою, как лошадь.

Ещё более удивился он, придя к Лидии и увидав Маркова с нею и Татьяной за чайным столом. На столе, рядом с коробкой мармелада, лежала потрепанная книга, заграничное издание «Подпольной России» Кравчинского, а Марков, бесцеремонно расстегнув вышитый ворот рубахи, [молодцеватый, похожий на гармониста] молодцевато говорил, [непри‹ятно›] [нелепо завывая] хлопая по книге ладонью:

— [В истории человечества нет героев, более великих и скромных, чем наши... И] Нам нужны тысячи героев, чтоб поднять народ [и повести его] в бой за свободу...

Самгин не впервые слышал эти слова [и они всегда напоминали ему плохие стихи, которые], *и хотя его удивляло уменье Маркова*[1] *говорить* [*эти*] *с жаром, но слова напоминали ему плохие стихи, которые при этом* Марков *всегда* рассказывает прозой. *Теперь, после того, как он видел Маркова плачущим,* [*у него*] *Самгин* [*чувствовал к нему*] *смотрел на него снисходительно, как на подростка.* Его раздражало внимание Лидии; [облокотясь] *поставив локти* на стол, сжимая виски ладонями, она смотрела в [широ‹кое›] круглое лицо Маркова, как в раскрытую книгу. Она даже рот немного раскрыла, об-

---

[1] *В автографе описка:* Мак‹арова›

нажив полоску мелких [красивых] зубов, от этого лицо ее [сдела⟨лось⟩] [каз⟨алось⟩] *поглупело*. [А лицо Татьяны застыло в напряженном] [*Глаза* Татьяны уставились в медь самовара, губы ее бы⟨ли⟩] *А губы Татьяны* крепко сжаты, [и [лицо одеревенело] на лице застыло] и серые глаза ее смотрят в [фотограф⟨ический⟩ а⟨ппарат?⟩] медь самовара, точно в [фотографический аппарат] аппарат фотографа.

«Воспитание героинь»,— подумал Клим и солидно сказал:

— Маккавеи погибают не побеждая, а нам необходимо победить...

— [Стачками, да?] Борьбой за [пятак] гривенник — да?— иронически спросил Марков [1], повернувшись к нему, и тотчас же, указывая на него пальцем, вспыхнул, засверкал:

— Он — из тех, которые ошибочно думают, что миром правит только голод, а в жизни — один закон: борьба за кусок хлеба и нет — *нет* места любви. Материалистам не [доступна] понятна красота бескорыстного подвига, им смешно священное безумие Дон-Кихота [безумие] и смешна *Прометеева дерзость*, украшающая мир.

Марков[1] [начал] лирически подвывал, [прои⟨знося⟩] произнося имена [многих] безумцев, вспоминая Сократа, Яна Гуса, Мазаниелло; его тенор на этот раз особенно раздражал Клима и, усмехнувшись, Клим заметил:

— Герострата не забудьте.

Он сказал это неожиданно для себя, как [часто] нередко бывало с ним, сказал [и задумался] и, перестав слушать пламенную [и], возмущенную речь Маркова [2], задумался:

«[Может быть] А что, если всем этим прославленным безумцам не чужд геростратизм? [Может быть, и Христос] Одни разрушают храмы только для того, чтоб разрушить, другие — для того, чтоб, *как Христос*, в три ⟨дня⟩ создать его. И — не создают. [Не создают]». Эта мысль показалась ему слишком значительной [и], глубокой для [того, чтоб ее] двух девиц и Маркова. Он молчал, [посматривая на них, но думая о своем] [неволь⟨но⟩] изредка посматривая на Лидию, [тоже] в ее [странно чу⟨дные⟩] странные, как бы ослепшие глаза. Марков примирительно говорил:

— Вы не обижайтесь на меня, Самгин, но ваш скептицизм,— этого я не ожидал!

Клим [вежливо] улыбнулся:

— Я — не скептик. Но наши отцы порядочно напутали, и нам необходимо пересмотреть, проверить их оценки.

— Согласен! И это — начато. Уже — не только нами, не

---

[1] *В автографе описка*: Мак⟨аров⟩

[2] *В автографе описка*: Мак⟨арова⟩

интеллигенцией, а вот [каким-то бутафором] — помните? — человеком, которого мы [тогда] встретили у Воробьевых гор? И бутафором, знакомым [Мы накану⟨не⟩] девиц, и многими, поверьте! Мы — накануне возрождения!

Он залпом выпил стакан остывшего чая, сдул капельки его с темных усов и предложил Климу:

— Хотите в субботу пойти к тому человеку? Это рабочий с фабрики Торнтона, интереснейший!

[Лидия] Татьяна спросила [не]громко:

— А я — не могу?

— Неудобно [я думаю],— [*не сразу*] *помолчав*, *ответил Марков*[1] [*и вздохнул*]; [*поко⟨сился⟩*] *затем*, взглянув на стенные часы, *нахмурился*, поднялся со стула, говоря:

— Ну-с, нам пора.

[Через несколько минут он и Татьяна] *Татьяна резким движением* [*изогнув тело*] *соскочила со стула*, *как бы взлетая на воздух*, *подняла руки*, *поправляя прическу*:

— *Я — готова*!

Марков, *удивленно мигнув*, *дернул подол рубахи книзу*, *шаркнул ногою*. [*Татьяна*] *Когда они* ушли, [а] Клим спросил Лидию, улыбаясь:

— Что же, твоя подруга хочет [игр⟨ать⟩] играть роль революционерки?

Лидия ответила не сразу, посмотрела в окно, вздохнула и потом [уж раз⟨говорилась⟩] заговорила тихонько, осторожно:

— У нее — пониженное чувство действительности. Это — общее у нас, в школе. Жить — значит говорить. Она очень самолюбива и при мужчинах молчит, но со мною... Мне даже тяжело с ней. Она говорит часами и обо всем. [Да⟨же⟩] Особенно — теперь. Даже во сне говорит. И влюблена в человека, который не хочет заметить это.

Откинувшись на спинку стула, Лидия [ударила ла⟨донью⟩] [положила] схватила руками край стола и, покачиваясь, глядя на колени свои, продолжала:

— А вот у меня чувство действительности повышено. Как все странно, Клим, как непонятно все! Мне кажется — нужна какая-то особенная мудрость, чтоб жить, или нужно закрыть глаза? Что?

В ее взгляде было [что⟨-то⟩] нечто очень тронувшее Клима, он встал рядом с нею и заговорил со всей искренностью, на какую был способен:

---

[1] *В автографе описка*: Мак⟨аров⟩.

— Ты — права. Невероятно много фальшивого. [Ты чи-
л. 94 тала статью [об] «Идеалы и идолы»? Там много верного. Варавка прав] Трудно понять: где идеалы, где идолы, что история и что — анекдот? Твой отец — прав: [они] люди живут где-то вне требований своего времени. Время требует простой, мужественной работы ради культурного обогащения страны, а люди не могут найти самих себя. [Несомненно, что [у] возникают две революционные партии]

Он говорил долго, освобождая себя от тягостного тумана впечатлений, [пережит⟨ых⟩] накопленных в последние дни, и, наконец, вызвал тихую похвалу Лидии.

— Ты хорошо говоришь. Честно. Марков тоже честно говорит и — верно: чтоб жить, нужны герои. Это понимает даже Владимир. [Но] [О героях] Недавно он сказал, как всегда из книги, конечно: «Ничто не кристаллизуется иначе, как на основе кристалла». Значит, [и тут нужны герои] *даже соль нуждается* в герое.

Она встала, отодвинув Клима движением руки:

— Но я не хочу и не могу быть героиней. *Ни праведницей, ни грешницей*. Не хочу ничего театрального. Нет, не трогай меня,— задумчиво сказала она, когда Клим попытался обнять ее.

«Психология дезертира»,— хотел сказать Клим, но не сказал, смутно догадываясь, что она чувствует и говорит то же, что он, но [что ей] не [нужно] понимает этого. Ей и не нужно понимать это.

— Не трогай. Может быть, [это] любовь тоже театр, и [кто] [есть] кто-то, какой-то невидимый зритель спокойно любуется тем, как мучительно люди любят, хотят любить.

Стоя близко к нему, она сказала, оглянувшись:

— Знаешь, я уже давно не верю в бога, но каждый раз, когда чувствую что-нибудь оскорбительное, вижу злое,— вспоминаю о нем. Подожди... Что я хотела сказать? Забыла. Я вообще не понимаю, чего хочу.

Отшагнув к зеркалу, она замолчала, рассматривая свое некрасивое лицо непонятным Климу взглядом, а он стоял за спиною ее, не находя, что сказать, [и с волнующей остротой] и уже не чувствуя [необходимость придать] [отод⟨винуться?⟩] желания коснуться ее тела. Это встревожило, испугало его и, торопливо простясь, он ушел.

А через три дня, [он] вечером, он [сидел] был в маленькой комнатке одного из мещанских домиков Мар⟨ьиной⟩ Рощи. В переднем углу, за столом, облокотясь на него левою рукой,

рисуя пальцем правой затейливые узоры в воздухе, сидел человек с бородкой на обыкновенном, незначительном лице. Спокойно, негромко он говорил, как обыкновенное:

— Мир этот, всё — дело *умных* рук человеческих.

В комнате было [сумрачно] жарко и сумрачно, на стене горела жестяная лампа, огонек ее дрожал, [и] потрескивал *и коптил подбитое стекло*, сжигая маленьких *серых* бабочек, [и] комаров. Незначительный человек был в рубахе, выцветшей, неопределенного цвета, [1] на вороте рубахи блестел перламутр пуговицы. В углу, под шкафом с чайной посудой, Клим увидел [согнувшуюся, длинную] фигуру дьякона, поставив локти на колени, он согнулся и смотрел в пол. Было еще человек восемь людей [разных возрастов], очевидно — мастеровых, к печке прижался кто-то широкоплечий, курносый, лохматый и тяжко, с хрипом вздыхал. У двери, на ящике,— женщина лет сорока с большим лицом, выкатившимися глазами. В сумраке все фигуры казались неестественно громоздкими, все они слились в [одно] единое, кольцеобразное тело. Человек говорил не торопясь, раздельно *и ударяя на о*, скажет фразу — и несколько секунд молчит, тогда становится слышен шум на улице, жужжание мух, писк комаров и тихонький звон стекла лампы под ударами насекомых.

— Что это значит: мир? — спрашивал человек, нарисовав пальцем петлю.— Земля, вода, камень, дерево. Без человека — это никому не надобно.

От двери кто-то спросил глухо:

— А ты, Барамзин, почему знаешь, что нужно, что не нужно?

— Не знал, так бы не говорил. И — не перебивай. Ежели вы все тут станете меня учить, это будет дело пустяковое, дело смешное. Вас — много, а ученик — один я буду. Нет, вы уж лучше меня слушайте, это — резоннее. Выгодней.

— Каков? — шепнул Марков в ухо Клима, а человек продолжал втыкать в душный сумрак слова свои.

— Камень — дурак. И дерево — дурак. *И всякая растительность, хоть — рожь, хоть лён,— всё глупо*. А ежели глупого этого материала коснется разумная человечья рука, имеем мощеные дороги, удобные для жилья нашего дома и всякие вещи, и машины, и забавы, вроде шашек, и все [чем] [без чего жить нельзя] нужное нам для удобства жизни. Вот.

---

[1] *Текст:* А через три дня *(стр. 248)* ∾ цвета — *перечеркнут зеленым карандашом.*

Он со скрипом [открыл] выдвинул ящик стола, достал коробку табака и, свертывая папиросу, наклонив голову, продолжал все так же спокойно:

— Бог — тоже дурак.

Кто-то крякнул, Климу показалось, что это дьякон. Вслед за тем другой голос обиженно протянул:

— Ну, Барамзин, уже это ты — хватил через край!

Барамзин зажег спичку, *высоко* поднял ее, и прищурясь, посмотрел в сумрак, спросив:

— Так давай решим: кто кого учит, я тебя или ты меня?

Ему не ответили, а тишина стала напряженной.

— Ч-чёрт,— прошептал Марков.

Покуривая, освещая огоньком папиросы [мягкий нос и] светленькие волосы на верхней губе и мягкий кончикноса, человек продолжал:

— Вот, значит: бог — дурак, а — почему? Потому как он зависимая человечья выдумка, человек же [еще] не вполне умен, если сам собою не может жить. И притом замечено учеными: где человек глупее, там и бог глупей. Даже от погоды зависит, от климатов. Где климаты ровные, там и боги добрей, а в зное, в холоде — бог жестокий. Вот. Об этом надобно думать. *Я — думал. Я [ведь] сектантом был, сютаевцем, после того [Льву] графу Толстому молился. Я философию насквозь проник. Настоящие философы правды* [это] — *не из наших, не русские, это — англичане: Ляэль, Агазиз, Лаплас и Дарвин, из русских же только неизвестный человек Михайло Сильвин понимает характер правды. Да. Тут меня не укусишь.*

Утвердив на столе правую руку с папиросой в ней, проповедник действовал в воздухе левой, четыре пальца ее были плотно соединены [а большой] и неподвижны, а большой двигался равномерным, стригущим движением, [напо⟨миная⟩ ладонь] напоминая о клешне рака.

Вначале Клим слушал проповедника с любопытством, но скоро [в нем] возникло [чувство [неприязни к этому дешевому] *отвращения* к [его про⟨поведи⟩] дешевой мудрости и затем [непр⟨иязнь⟩] *и неприязнь к* [сам⟨ому⟩] мудрецу, и он не заметил, как неприязнь вызвала в нем смутную тревогу] *ироническое и брезгливое чувство к нему*. [Тревога] *Неприязнь* усилилась, когда Барамзин [начал говорить] *заговорил*:

— Теперь от царей небесных вниз спустимся к земным царям, на тронах которые, в церквах, [на фабриках] *в алтарях* и во всех щелях жизни, подобно *едучим* клопам. [Тут]

Это [нам] *для нас* всего ближе, [в этом] *тут скрыта* вся [суть хитрой механики] *хитрая механика*.

[Широк⟨ий⟩] Курносый человек у печки громко, по-лошадиному, всхрапнул и опустился, сел на пол, вытянув ноги в опорках, стукнув затылком в стенку печи,— Барамзин поглядел на него через руку и сказал, не улыбаясь и не сердито:

— Тише, не возись. Побереги башку, может — годится.

И снова спокойненько начал говорить, затягиваясь толстой папиросой и выпуская слова с дымом. Марков шепнул [Климу] *Самгину*:

— Излагает брошюру «Царь-голод»,— слышите?

Клим слышал в словах проповедника презрение к [уч⟨еникам⟩] его ученикам, самоуверенный тон Барамзина звучал *заносчиво и* жестко [*и* не допуская возражений]. Неприятно было смотреть на [его] *это* невыразительное *да еще стертое сумраком* лицо, [в серые, чуть-чуть прищуренные] в трещинки, [где] *где* [спрят⟨ались⟩] *тускло светились* неподвижные глаза. [Клим смотрел] [В окне [там] высоко над огородом черной горою громоздилась туча] Над гладко причесанной головою Барамзина за окном громоздилась и глухо ворчала туча, ветер, отрывая от нее сизые куски, гнал их на город и пачкал [не⟨бо⟩] [синеватое] *небо*.

— Стало быть: все люди живут по [одному] закону состязания, ему даже и закон родства крови уступает [Во⟨т⟩?],— слышал Клим и думал:

«Гофман ликовал бы...»

— Вот, Прасковья Даниловна, тебя родная дочь, *замуж выскочив*, обобрала, ограбила.

Большая женщина высморкала нос трубным звуком и, глядя в платок, басом, медленно выговорила:

— Впрок это ей, стерве, не пойдет, буду судиться до [гроба] смертного часа.

Снова [крякнул дьякон] очень гулко крякнул дьякон [и].

[Неприязнь Клима к Барамзину превращалась в чувство возмущения, в] Неприязнь Клима к Барамзину возрастала; [топорные] топорно упрощенные слова его, оголяя знакомые мысли, делали их [почти [оскорбляющими] оскорбительно урод⟨ливыми⟩] уродливыми и почти оскорбительными; Барамзин обрывал все, что, украшая, смягчало их суровую прямолинейность, показывал скелеты, острые стержни. Было что-то возмущавшее [и обидное] в том, что вот такой простенький человечишко [с так⟨им⟩] самоуверенно и [свободно владеет] легко владеет смыслом большой, трудно написанной

книги, которую Клим читал с напряжением [и], едва преодолевая ее тяжелую скуку.

— На сей вечер — довольно,— сказал Барамзин, вы-
л. 95 нув откуда-то черные часы и [держа] взвешивая их на ладони.

Марков[1] подскочил, подошел к столу и торопливо, дробно заговорил вопросами:

— [А как вы думаете о крестьянстве, об общине?] А не кажется ли вам...

Клим незаметно [по⟨шел⟩] вышел из комнаты на двор, [заваленный каким-то хламом] *остановился*, глубоко вздохнул тепленький воздух, пропитанный *кислым* запахом, вытер потное лицо, руки. Тотчас рядом с ним встала длинная, серая фигура дьякона:[2]

— Мы знакомы,— [негромко] [тихо] промычал он, и оба они пошли [по улице] среди нестройно разбросанных домов, под сердито ворчавшим небом и пугливым трепетом звезд, гасимых облаками.

— Как вам понравилось?— спросил Клим, усмехаясь [сняв фуражку]. Дьякон с готовностью ответил:

— Весьма значительно. Второй раз слушаю его. Надо признать, что сей немудрый преискусно обнажает самое существо всех и всяческих отношений, показывая скрытый механизм бытия нашего как сплошное кровопийство. [Вот][3]

Дьякон вздохнул, оглянулся вокруг, посмотрел и в небо, закинув голову так круто, что измятая шляпа его приподнялась надо лбом; он снял шляпу [и], сообщил:

— Ливень будет.

И продолжал раздумчиво:

— Восходя на точку зрения власти, таких людей и подобных не в тюрьмы сажать и не в Сибирь гонять следует, [а] но жечь бы на кострах, а пепел глубоко зарывать в землю, дабы и запаха никакого до нас не доходило. В этом учении ихнем скрыта великая ядовитость. Я — не зря говорю, а по опыту: я, знаете, столкнусь с каким-нибудь человеком беспокойного взгляда и раза два потолкую с ним в этом направлении ума, и всегда оказывается, что начала учения этого у него будто под кожей [уж] имеются. Можете себе представить удивление мое?[4]

---

[1] *В автографе описка*: Мак⟨аров⟩

[2] *Текст*: Клим увидел (*стр. 249*) ∾ фигура дьякона— *перечеркнут синим карандашом.*

[3] Абзац перечеркнут синим карандашом.

[4] *Текст*: Восходя на точку ∾ удивление мое? — *перечеркнут синим карандашом.*

Дьякон шел, сгорбясь, глядя в землю, топая тяжко, из-под его подошв взлетала дымом теплая пыль. Руки он сунул в карманы рясы, шляпа прилипла к бедру его, точно сума нищего. *Душная ночь была бедна и огнями, и звуками.* [*В окне осв⟨ещенном⟩*] *Вот где-то лениво всхрапнули басы гармоники* [*и тотчас исчезли в*], *большая черная баба вышла из ворот и сказала глухо*:

— [*Прощайте*] *Прощай, дочь. Гляди, не забудь смазать маслом вымя-то козе.*

Ветер беспокойно сновал по улице, скудно освещенной редкими фонарями, во тьме, спотыкаясь, брели встречу друг другу неопределенные люди, перекидываясь ворчливыми словами. Ворчал и дьякон.

— Приходится соглашаться с моим сыном, он у меня — безногий, паралличный и потому проводит жизнь в непрерывном чтении книг. Он говорит так: раньше революция на испанский роман с приключениями похожа была, на опасную забаву, примерно, на охоту за медведями, а ныне она становится делом сугубо серьезным и трудным, муравьиным делом множества простых людей [1].

Помолчав, он прибавил:

— Сие, конечно, есть пророчество, однако же — не лишенное смысла. Надышали атмосферу заразительную и [пр⟨имером?⟩] доказательством заразности ее не один Лютов, известный нам, служит. Не один.[2] Упомянутый мимоходом господин Сильвин — сына моего знакомый тоже. И еще могу назвать нескольких. Так что вихорек некий, крутясь, вовлекает в себя элементы разнообразные, как было во дни Христовы...

— Вы верите во Христа? — спросил Клим, скорее из [любезно⟨сти⟩] вежливости, чем из любопытства.— Дьякон, помолчав, ответил:

— Вот уж и не знаю.

И через минуту добавил потише:

— Лицам духовного сословия всего труднее отвечать на вопрос: како веруеши? Вопросец — мучительнейший.

Клим замолчал, не чувствуя желания спрашивать, [говорить] спорить. Речи дьякона возмущали его не менее речей Барамзина.

---

[1] *Текст*: Ворчал и дьякон ∾ простых людей.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Слова*: Лютов, известный ∾ Не один].— *зачеркнуты синим карандашом.*

В дьяконе [было] *он находил* нечто полоумное [ненормальное] и органически неприемлемое для него. [Это все не лю⟨ди⟩] Все эти купцы, дьяконы, дети фабрикантов шляп и прокуроров — люди явно ненормальные, [чем-то] *чем-то* сбитые с естественных своих путей, [как-то ду⟨ховно⟩] вывихнутые духовно. [Это все двуногие анекдоты, а не люди, доступные пониманию] В каждом из них есть [что-то раздражающее, досадное, недоступное пониманию] *нечто анекдотическое, недоступное пониманию и раздражающее.*

«Ряженые. [От скуки]»,— думал Клим и следил, как дьякон, поравнявшись с фонарем, бросал на [до⟨рогу⟩] пыль и камень [дороги] улицы неестественно короткую, уродливую тень, затем она [уд⟨линялась⟩] росла, вытягивалась [де⟨лалась⟩] и, делаясь все [то⟨ньше⟩] длиннее, [слабей и] жиже, совершенно исчезала в пыли. А у следующего фонаря являлась снова.

[— Мне — налево,— сказал дьякон, встряхнув рукавом рясы, и протянул Климу руку. Тень его, очертив полукруг, уползла в проулок.

«К черту»,— мысленно напутствовал Клим дьякона и вместе с ним всех других философствующих и надоевших людей] [а оттуда тотчас ра⟨здалось⟩]

[*Покачиваясь*] *Шел дьякон, спотыкаясь, ныряя головою во тьму, и бормотал,* [*как*] *точно старенький нищий, выживший из ума:*

— Критики-то две: одна — от любви, другая — от тоски, сиречь от Христа и Сатаны. Чашу-то страданий в Гефсим⟨анском⟩ саду Сатана Христу показывал, а не Саваоф. А также слышал я некое еретическое мнение: Саваоф и Сатана — есть одно лицо, Христос же послан нам для вящего соблазна, для раскола.

— Даже — так? — иронически спросил Клим.

Дьякон остановился, встряхнул рукавом рясы и протянул руку.[1]

— Мне — налево.

«К черту»,— мысленно напутствовал Самгин дьякона, [*глядя*] *посмотрев, как тень его очертила полукруг, уползла в проулок*; тотчас же оттуда донеслись негромкие слова:

— С сыном [я об этом] [я не могу говорить] говорить я не могу, у него все *рассчитано и решено*. Он — безногий, знаете...

---

[1] *Текст*: В дьяконе [было] он находил ∾ протянул руку. — *перечеркнут синим карандашом.*

«Это он извиняется? — спросил себя Клим.— И почему он так часто напоминает, что сын у него без ног?»

[Посидев несколько дней за книгами, вечером [др⟨угого⟩] на другой день]

Дня через два вечером Клим пришел к Лидии, но Татьяна Морева, в желтой блузе, в синей юбке и соломенной шляпе с красным пером, [сказала ему] *спросила его*:

— Разве вы не знаете, что Лида вчера уехала домой?

Спросила в упор, глядя в [глаза] лицо его, и в ее глазах Клим заметил золотистые искорки насмешки. Присев на стул, натягивая перчатку на ручку зонтика, она [продолжала] [говорила], улыбаясь, показывая крупные зубы, сказала, что Лидия — человек неожиданных поступков, капризна, не понимает, чего хочет, и что в ее характере есть нечто английское, пуританское. Всё это она сказала сразу, *очень гладко* [и], как бы заранее приготовив речь.

— Хотите проводить меня?

Пошли бульварами в направлении к Арбату, и дорогой Татьяна, красиво прищурив серые глаза, продолжала пророческим тоном:

— Она плохо различает жалость от любви, и ее ждет ужасная ошибка. Не одна, одна уже была, с Диомидовым [которому] [можно его]. *Он — удивляет, но* нельзя же любить его. А теперь она не [зна⟨ет⟩] может решить, кто более нравится ей: этот грубый нигилист Макаров или вы, такой воспитанный, сдержанный?

Задев Клима локтем, она сказала в лицо ему:

— Вы слишком сдержанны. Неужели вы — робкий? Нужно знать, что женщины любят смелых. И людей со странностями. Шлоссер очень хорошо сказал: «Чтобы быть замеченным, нужно впадать в странности».

Затем она вспомнила что-то из афоризмов Шопенгауэра, заявила о своем восхищении пред Ницше и осведомилась, читал ли Клим «Наше сердце» М⟨опассана⟩.

— Я не выношу [реалистов] натуралистов, но это — прелестная книга!

Клим плохо слушал птичье щебетанье бойкой девицы, тонувшее в треске колес по мостовой, в [нервозном шуме] *потоке нервозного шума* города. Он [думал] пытался [решить] *догадаться*: почему Лидия уехала вдруг и ни слова не сказав ему, не оставив *хотя* бы записку? [И неужели [правда, что Макаров не безу⟨спешно?⟩] Татьяна сказала правду о Макарове?] [Что Мака⟨ров⟩] Не может быть, чтоб в этом играл какую-то

роль Макаров; Лидия не скрывала своей антипатии к нему.

Болтовня Татьяны все-таки мешала думать, и Клим был рад, когда она [простилась], остановясь, сказала:

— Спасибо, я — сюда. Заходите, хорошо? Но вы, вероятно, тоже скоро уедете, да? Ведь экзамены давно уже сданы вами,— что вы делаете здесь, в этой адской жаре? [1]

л. 96 — Учусь жить,— сказал Клим.

— Это — весело?

— Не очень.

Татьяна качнула головою, закачалось и красное перо на ее шляпе:

[— «Веселье вредно русскому уму»,— сказала она, вздохнув,— Лермонтов прав,— [и] как всегда [невпопад] не к месту и вздохнул⟨а⟩]

— *Лермонтов — прав*: «Веселье вредно русскому уму»,— сказала она и, еще раз кивнув головою, скрылась в пыльном палисаднике. Клим пошел дальше, но вдруг замедлил шаги, тревожно соображая: «Лидия, конечно, уехала домой, там — беременная Спивак, если Лидия узнает...»

В тот же вечер он сидел в вагоне против [человека] лысого старика с ястребиным носом; подпрыгивая на диване, старик держался руками за пуговицы мундира и отечески внушал:

— Верьте нам, естественникам: эволюция есть закон природы, [обязательный и] неизбежный и в области социальных отношений.— Чихнул, вопросительно посмотрел на Клима и сообщил:

— Я назначен в город ваш директором гимназии, а также и цензором затеваемой там либеральной газеты.

Старик [был] *оказался* кошмарно словоохотлив и, должно быть, страдал бессонницей. В густо-синей тьме за окном вагона [искры] вытягивались и дрожали огненные нити, плыли черные массы деревьев, [сверкали] *подскакивали встречу поезду* [*будки*] *желтенькие окна будок*, *растекались* масленые пятна огней на станциях. Все это было *знакомо*, *но* неиспытанно скверно, пошло, не нужно. Клим слушал речи педагога и думал:

«Если бы ты не был цензором, я б тебе наговорил дерзостей».[2]

В полдень он был дома. Утомленный бессонной ночью и тревожными думами, [В полдень он, в полусне] с туманом в го-

---

[1] Предложение перечеркнуто синим карандашом.

[2] *Текст*: В тот же вечер ∾ наговорил дерзостей».— *перечеркнут наискось карандашом.*

лове [завтракали в], чувствуя себя больным. Мать встретила его торопливыми ласками и исчезла куда-то, Варавка, обняв, сказал:

— Однако, юноша, науки тебя не сытно питали.

К завтраку пришел пожилой, лысоватый человек *в очках*, в сером костюме, в цветной рубашке с вышитым воротом [со шнурками] и голубым шнурком вместо галстуха; когда он кланялся, кисточки шнурка выскакивали из-за жилета и человек торопливо затискивал их на место тупенькими, красными пальцами. Назвав длинную двойную фамилию, Варавка сказал:

— Наш редактор.

[Ел редактор осторожно] Прежде чем положить кусок в рот, редактор поднимал его на вилке к очкам, испытующе осматривал и затем тщательно жевал; седые волосы на скулах его вставали дыбом, на подбородке тряслась острая, раздвоенная на конце борода. Лоб [у него] его — высокий, гладко отшлифованный и сияющий, украшали [тяжелые] *густые*, неподвижные серые брови, [Но] а самое примечательное в нем была нижняя, обиженно отвисшая [густо-малинового] *губа лилового* цвета испорченной говядины. Эта странная губа придавала [его] широкому, плюшевому ⟨лицу⟩ пожилого человека [выражение детски капризное] странное и почти унылое выражение,— с такою *обиженной* миной сидят среди взрослых несправедливо [обиженные] *наказанные* дети. Летний ливень буйно хлестал в окна, сверкали синие молнии, стрелял и рычал гром, и в мокром шуме Клим слышал высокий, тенористый голос редактора:

— Мы живем в треугольнике крайностей.

Говорил редактор очень уверенно и немножко заикаясь, [он, после некоторых [звуков] согласных] пред гласными он как бы ставил апостроф:

— Ст'ороны тр'еугольника: м'онархизм, м'арксизм [точнее — экономизм] и з'атем в'озрождающееся нар'одничество.

Сказав фразу, он жевал холодное мясо, огурцы и хлеб, следя, чтоб куски [пищи всегда] были равномерны, [аккуратно] *тщательно* обрезая излишки их ножом, потом, бесшумно положив нож и вилку, пил воду и засовывал кисточки шнурка за жилет...

Мать смотрела на него почтительно и смущенно, Варавка двигал ноздрями, припюхиваясь, щурил медвежьи глазки и спрашивал:

— Значит: «Русские ведомости»?

— Б'ез [их] ак'кадемизма. И, как вы сказали, с мак'симумом живого внимания к истинно культурным нуждам провинции.

Закусив фразу кусочком сыра, редактор сказал:

— Как фельетониста предлагаю Р'робинзона, я с ним уже работал в Ростове. Его фамилия [Мамаев Иван] *Нароков, Аким Иваныч.* Экономист и гор⟨одское⟩ хоз⟨яйство⟩ — это, конечно, Зух, Самуил Борисович. Передовые, обзор печати — я. Нужен критик. Теперь, знаете, в литер⟨атуре⟩ творится нечто [не] *мало* понятное. Нужен молодой критик, но здравого ума. Не знаю такого...

Варавка, взглянув на Клима, подмигнул ему и спросил:

— А?

— В самом деле, попробуй,— сказала мать.

Клим *молча* пожал плечами; ему показалось, что губа редактора отвисла еще более обиженно.

«Интересно, как он улыбается?»— подумал Клим.

— На судебную хронику, пожалуй, годится один неглупый парень, письмоводитель местного адвоката, Дронов,— предложил Варавка.

— П'осмотрим,— сказал редактор, всосав в себя первую букву слова.— Вообще редакцию можно *бы* составить очень ярко, но, разумеется, цензурные условия провинции...

— Нужен такт,— напомнил Варавка, а редактор [сказал] произнес очень подчеркнуто:

— Я против всех *идей и* чувств, искажающих правду.

Подали кофе. Гром гремел где-то далеко, *сердитый* шорох дождя стал тише, наверху раздались звуки рояля, это, конечно, Лидия. Может быть, там сидит Спивак. Клим встал и пошел наверх. [В прихожей он, взглянув в] Зеркало прихожей показало ему [сухое] бледное лицо, сухое и сердитое, *с тенями* [*во впа⟨лых⟩*] *в глазницах*, он крепко потер ладонями щеки, нашел, что лицо стало мягче, лиричнее.

Лидия сидела у рояля, [иг⟨рая⟩] играя [в замедленном темпе] «Песнь Сольвейг».

— О, приехал? — сказала она, протянув руку. [*Была она*] *Странно маленькая, вся в белом,* [*очень бедно*] *она* [*сконфуженно*] *улыбалась,* [*и была в*] *Клим почувствовал, что рука ее неестественно горяча и дрожит, а* [*в глазах*] *глаза светятся мягко, даже* [*как буд⟨то⟩*] *ласково. Широкий ворот кофточки* [*был*] *расстегнут, смуглая грудь глубоко обнажена.*

— *В грозу музыка* [*звучна*] *особенно* [*уди⟨вительно⟩*] *звучит и волнует,— говорила она, не отнимая свою руку.*

Клим легко приподнял ее со стула, обнял и [целуя в губы, забормотал обиженно] спросил:

— Почему ты уехала без меня?..

Лидия отшатнулась, тогда он, обняв ее крепче, [*стал*] *начал целовать, а она,* отталкивая его руками и коленями, [Лидия испуганно] шептала:

— Не смей,— что ты? [Это нагло... уйди...] Не смей же...

Он выпустил ее, сел к роялю, повернувшись к Лидии затылком [онемев от]. Он [не думал] не ожидал, что сделает то, что сделал, в нем ходили потрясающие волны; он сидел, согнувшись над клавиатурой, держась руками за сиденье стула, и ждал, что сейчас упадет в обморок.

«Нет, конечно, я люблю ее, безумно люблю», — убеждал он себя.

Отталкивающие слова девуш⟨ки⟩ звучали жалобно и возмущенно, она была где-то сзади и далеко. Потом он почувствовал ее легкую руку на голове своей и услышал тревожный, тихий вопрос:

— Что с тобой?

— Я не знаю,— честно ответил он, обнял талию ее одною рукой и прижал голову к ее бедру, [— я] добавил тихо: — Люблю...

— Боже мой,— вздохнула она, гладя его волосы, не отходя. Ему даже показалось, что она подвинулась плотнее, хотя это было невозможно.

— Что же будет, Лидия? — тихо спросил он.

Она осторожно сняла его руку, пошла прочь. Клим пьяными глазами, сквозь туман, посмотрел вслед ей. [В комнате, где жила ее мать, [1] Лидия исчезла, но тотчас ее отражение явилось в зеркале, она] Лидия стояла *среди* комнаты, стояла, опустив руки вдоль тела, наклонив голову, в покорной позе, точно она молилась.

л. 97 Затем, *не двигаясь*, она сказала [в угол] точно не Климу, а кому-то другому:

— Уйди, пожалуйста. [Придешь вечером. В четыре... В пять... Слышишь?

Клим ушел послушно, [как] не понимая себя, точно пьяный, налитый тяжелым чувством.] *Потом — придешь...*

---

[1] *Слова*: где жила ее мать — *ошибочно остались незачеркнутыми.*

Клим встал и решительно пошел к ней, а она, [притво-⟨ряя⟩] шагнув встречу ему и притворяя дверь, повторила:

— Я же прошу — уйди!

То, что случилось затем, было легко, просто и заняло удивительно мало времени, как будто несколько секунд. Сидя на смятой постели, Клим вспомнил, как он поднял Лидию на руки, а она, падая [схватила] *на спину*, *сжала* его виски ладонями и [взглянула] *смотрела* в глаза его взглядом, который тоже уходил от него, падал куда-то. Потом она, [застонала и] тихонько застонав, закрыла глаза. Теперь [она] Лидия стояла перед зеркалом, поправляя прическу, руки ее дрожали, глаза *в отражении зеркала* широко открыты, неподвижны и полны изумлением или испугом. Она *рассматривала себя вопросительно*, шевелила губами [говоря что-то]:

— Что? — спросил Клим.

Не оборачиваясь к нему, [она сказала] Лидия прошептала:

— Говорят, некоторые девушки [по⟨сле⟩] убивают себя после этого,— да?

— Чепуха. [— сказал Клим —] Ведь мы обвенчаемся,— [Он плохо понимал] сказал Клим, прислушиваясь к себе. Он был доволен, но не чувствовал радости и не знал, как надо вести себя, что говорить.

— Милая, милая,— шептал он, рассматривая лицо Лидии в зеркале [и находя его только озабоченным, смущенным, спрашивающим]. Это было лицо озабоченное, удивленное и только. Вот она, прикусив нижнюю губу, [повела плечами] *мигнула*, точно уколотая чем-то, [пошла] повернулась [к не-⟨му⟩] лицом, подошла [к по⟨стели⟩] и, сказав:

— Пусти! — стала оправлять [постель] *измятые* подушки.

Клим отошел к заплаканному окну, по стеклам все еще струились ручейки дождя, *сквозь его стеклянную сеть было видно, как* тряслись листья на *ближайших* деревьях сада и прыгали серенькие шарики по железу крыши флигеля.

«Теперь Спивак может рассказывать все, что ей угодно»,— подумал Клим и, оглянувшись, заговорил негромко:

— Как долго я страдал.

Лидия стояла у стены, глядя на постель все тем же озабоченным и спрашивающим взглядом. Лицо ее стало как будто длиннее, суше.

— Ты иди,— сказала она, когда Клим подошел к ней, и, положив руки на плечи его, позволила обнять себя.

Клим поцеловал ее и ушел, думая, что все это вышло не

так, как он [ждал] [пр⟨едполагал?⟩] воображал, что [он], *пожалуй*, напрасно он поторопился.

«[Но] Какая она странная. Холодная. Вот чего не ожидал...»

Придя к себе, он лег и уснул, проспал до вечернего чая, а когда вышел в столовую, там [сидела] стояла Спивак, [с желтым лицом, а] [Лоб и щеки ее пожелтели, в глазах застыла мутная улыбка, [с нею от] большой, круглый живот [испор⟨тил⟩] исказил ее стройную, тонкую фигуру] *тонкая* [*и*], *стройная*, [*какой была*] *с мягким лицом и пополневшей грудью.* Она поздоровалась [с ним] с ласковым равнодушием старой знакомой, нашла, что Клим сильно похудел, и, отвернувшись от него, продолжала говорить с матерью.

— Итак: девятнадцать девиц и семь мальчиков, а нам нужно тридцать пять учеников...

— Будут, Лиза,— [уверенно] *равнодушно* сказала мать.— Тебе с молоком?

— А где же Лидия Тимофеевна?

— Не придет, ей нездоровится.

Спивак заговорила о нервозности молодежи [потом]:

— Они всюду́ вносят ее, особенно в искусство. Например, Скрябин, это же нервные припадки, положенные на ноты, истерика. И Бальмонт, которым [уже] восхищаются, тоже истерика [инст⟨итутки⟩] романтически *настроенной* институтки.

Клим [пил] углубленно пил чай [мол⟨око⟩] и думал:

«Это [ты лжешь] она показывает, какую умную женщину я не оценил».

Смотреть на нее было неловко, и это раздражало. Хотелось возразить ей, но она говорила как раз то, с чем он был [внутренно] согласен.

— Нам нужен [хороший] зоркий и умный критик,— говорила она, помешивая ложечкой в чашке, и [по] с правого плеча ее, на локоть и по руке до кисти, бесшумно струилась голубоватая легкая ткань капота. Несмотря на уродующую беременность, она все-таки была несравнимо красивее Лидии. И — проще. [Она, конечно, не [говорила] могла сказать] Через пять минут после того, как [стать] стала женщиной, [*она*, *конечно*, *не* [*могла сказать*] *сказала бы*] *она*, *конечно*, *не могла сказать* глупой фразы, сказанной Лидией.

Собрав морщинки вокруг глаз в улыбку, [не знакомую Климу] мать сообщила, что Варавка предлагает Климу отдел критики и библиографии в газете.

— Это — идея! — вскричала Спивак, [взгл⟨янув⟩] встряхнув головою и [обращаясь] глядя в лицо Климу серьезным взглядом серых глаз.— А вы что думаете [об этом]?

— Еще не думал,— *суховато* ответил Клим [смущенно], а Спивак заговорила [твердо, убежденно] оживленно:

— У вас, на мой взгляд, есть все данные для этой роли: критическое умонастроение, осторожность суждений, начитанность и, главное, *здоровый* вкус.

Клим слушал недоверчиво. Ее оживление было непонятно ему. [Почему это она говорит так твердо и убежденно?] *Неужели она* [*на⟨деется?⟩*] [*имеет*] *льстит ему, имея намерение восстановить* [*от⟨ношения?⟩*] *после родов прерванную связь?*

— Критик тоже должен быть художником,— [говори⟨ла⟩] слышал он.— Вообще же критики — старые девы. Они знают по рассказам подруг о [тайне отношений] тайной связи фантазии художника с действительностью, но не [могут испытать] испытали непосредственно страсти к творчеству, «ночных восторгов» поэта.

Вдруг в окно хлынули розоватые потоки солнечного света, Спивак закрыла глаза, [улы⟨баясь⟩] откинула голову и замолчала, улыбаясь, [и] тогда стало слышно, что *наверху* Лидия играет что-то лирическое.

— Как хорошо,— сказала Спивак, *вздохнув* [но]. Нельзя было понять, относится ли похвала ее к солнцу или к музыке.

— У тебя страшно усталое лицо, Клим,— сказала мать.— Даже больное. Ты бы лег.

Заметив, что и Спивак смотрит на него сочувственно, Клим воспользовался этим, извинился и ушел к себе.

Сидя в кресле, закинув руки за голову, он попытался разобраться в [ленивой] путанице полумыслей, полуощущений, лениво *и облачно* колебавшейся в нем. Все было неясно, кроме одного: надо объявить Лидию невестой и уехать с нею в Крым. Осенью обвенчаться. [Вот и все] *Так он* и решил, не скрывая от себя, что в этом решении есть что-то вынужденное.

Но в тот же вечер началось нечто необыкновенное, неиспытанное, почти кошмарное... Варавка и мать ушли во флигель, там было какое-то собрание по делам музыкальной школы. Клим, полуодетый, лежал в постели с книгой в руках и дремал, когда открылась дверь и на пороге, точно m-me де Брюи [из], героиня «Notre coeur», встала Лидия, щелкнула задвижкой и подошла к постели, прошептав:

— Погаси огонь.

Она вела себя как безумная, кусалась, плакала, стонала и сквозь зубы просила [настойчиво]:

— Я хочу испытать... испытать... [О, боже мой...]

Она не говорила ласкающих слов, [гибко извивалась, точно играющая кошка] будила чувственность Клима, как
л. 98 опытная женщина, яростнее, чем Спивак, и заставила Клима
вспомнить, что она — дочь цыганки. А когда она ушла, Клим почувствовал себя обессиленным до стыда пред нею и до жалости к себе.

«Как это странно»,— думал он, смутно понимая, что пережил не *совсем* то, чего ждал, и не так, как представлялось ему.

Через несколько дней он уже чувствовал [что] в ласках Лидии нечто чрезмерное, слишком возбужденное, почти болезненное. Хотя Клим был достаточно силен, опытен и хотя Лидия [как ни] возбуждала его эмоции более пылко, чем три женщины до нее, однако [неиссякаемость] неутолимость ее жажды, смущая Клима, охлаждала его чувственный [пыл] жар. И постепенно это смущение будило в нем [подоз⟨рительность⟩] недоверчивую наблюдательность человека, который развил в себе привычку и уменье зорко подмечать в людях черты, не лестные для них.

Но еще более, чем излишества чувственности, смущали Клима назойливые расспросы Лидии. Сначала они только забавляли его своей наивностью, не лишенной [пряной] остроты, и Клим посмеивался [на в⟨опросы⟩]; эти вопросы напоминали ему грубую пряность средневековых новелл, а [иногда] порою даже пошленькие диалоги бесстыдных фарсов. Но все чаще ее наивности принимали характер цинизма, и, наконец, Клим стал подозревать, что за ее вопросами скрыто любопытство человека, зараженного навязчивой идеей.

«[Чего она] Она чего-то начиталась»,— соображал он, а девушка, требовательно глядя в глаза его, [спр⟨ашивала⟩] выспрашивала горячим шепотом:

— Что ты чувствуешь? Ты не можешь жить, не желая [этого] чувствовать этого, не можешь, да?

Эти вопросы можно было объяснить дурным любопытством, игрою воображения, развращенного книгами. Но он не мог объяснить так вопрос, который она ставила все чаще:

— И это — все? Все?

Спрашивая, она всегда и всем телом вздрагивала.

— Это помогает тебе понять меня как-то особенно, иначе? — спрашивала она.

Клим не умел ответить и говорил, почти не скрывая раздражения.

— Брось, пожалуйста! Что это за анализ? Смешно. И неуместно.

Лидия улыбалась. Нередко она впадала в полуобморочное состояние, вытягивалась, закрыв глаза, и неподвижно, молча лежала минуту, пять, десять. Это было неприятно, возбуждало тревогу и укрепляло догадку Клима о ненормальности Лидии. Он стал замечать, что ее безумства служат только предисловием к разговорам, тоже не разумным. Говорила она больше, чем целовала, она [даже] как будто и не любила целовать, даже в моменты исступления, когда Климу казалось, что она почти насилует, истязает себя, она отворачивалась, [прятала] избегая его поцелуев. В такие моменты Климу нередко казалось, что глаза ее, подчеркнутые тенями утомления, смотрят на него нехорошо, с недружелюбным и, может быть, злым огоньком в зрачках. Он усиливал свое рвение, свои ласки, чтоб погасить этот огонь.

Клим надеялся, что именно с Лидией он сумеет легко и просто говорить о себе, о своем, надеялся, что именно она лучше, чем кто-либо, поможет ему найти себя, остановиться на чем-то прочном. Но в ответ на попытки заинтересовать ее своими чувствованиями, мыслями, он встречал молчание, а иногда усмешку, которая, обижая, гасила его речи в самом начале.

Эти странные отношения совершенно заполнили и поглотили его. Он не думал ни о чем, кроме Лидии, и не ждал ничего, кроме ее всегда неожиданных визитов. По [волн⟨ению⟩] [како ⟨му-то⟩ чувству] осторожности, [по проснувшемуся] проснувшейся в нем, он не говорил с нею о свадьбе и не поехал в Крым, боясь, что глаз на глаз только с нею ему будет слишком трудно. И он был озабочен желанием укротить ее, ввести в норму, сделать проще для себя, восторжествовать над нею, чтоб она замолчала и забыла идиотский вопрос:

— И это все? Для всех — одно: для извозчиков, поэтов, животных?

— Ты декадентка,— с досадой говорил Клим.

Это не укрощало, [да⟨же⟩] не обижало ее, она спрашивала:

— Ради этого погибают Ромео и Манон, Вертеры и Ортисы? Только ради этого?

— В тебе есть что-то дегенеративное,— упрямо и сумрачно доказывал Клим.— В этих вопросах скрыто клиническое, от Крафт-Эбинга. Это — опасно,— внушал он.

А она спрашивала:

— Я — жалкая? Несчастная, да?

И злые огоньки в ее глазах разгорались ярче.

Однажды он *возмущенно* сказал ей умные слова:

— Послушай,— ведь это не любовь, а исследование [изучение] любви...

Она замолчала, закрыла глаза и через две-три минуты [покорно] *тихонько* попросила:

— Ну, хорошо, обними меня. Крепко!

[Дня] Несколько дней [она] вела себя покорно, без вопросов и капризов, без сумасбродных и бурных выходок, а затем он снова услышал во тьме ее горячий шёпот:

— Но согласись, что ведь этого мало для человека.

— Ты Шопенгауэра проверяешь? — насмешливо спросил Клим, она ответила, что не читала Шопенгауэра, не любит философов.

[Клим чувствовал себя поглупевшим, [живущим] он жил в тумане, горьком, как дым, [Во] и плохо понимал, что [кружится он] творится вокруг его. Мелькали [появляясь, исчезая] знакомые люди. Вот явился Ильин, одетый [Робинзоном] в серую парусину, в сандалиях на босых ногах, в широкополой, соломенной шляпе. Он [очень напоминал] — точно оживший портрет Робинзона Крузо с обложки *дешевой* книги. Неуклюжий, костлявый, длинноволосый, он шагал по столовой журавлем и кричал.]

Клима томило предчувствие [необыкновенного и неприятного] тяжелых неприятностей, он видел себя поглупевшим и плохо понимал, что творится вокруг его.

Да и трудно было понять значение суматохи, которую неутомимо разжигал и раздувал Варавка. [Можно было думать, что [бородатому человеку] [бородатый человек] он [до озлобления] надоел сам себе, отчаянно [скуч⟨ает⟩] заскучал и [не может] [сгоняет в дом] окружается разнообразными людями для того] Почти каждый день вечерами [столовая] столовую наполняли незнакомые Климу [странные] люди, и, размахивая бородою, руками, Варавка внушал им:

— [Вме⟨шательство⟩] Бестактнейшее вмешательство Витте в стачку ткачей придало этой стачке характер политический. Правительство [само] убеждает рабочих, что теория классовой борьбы — [не] факт, а не [ухи⟨щрения?⟩] выдумка социалистов, — понимаете?

Редактор молча кивал шлифованной головою, и [обижен-

ная] *лиловая губа его* [*отвисала*] *шевелилась*, *отвисала еще более обиженно.*

[Длинноволосый] [Большеносый] Человек в бархатной куртке, с пышным бантом на шее, *с большим носом* и чахоточными пятнами на желтых щеках [кричал, покашливая] *негромко ворчал*:

— Классовая борьба — не утопия, если у одного [собственные лошади, а др⟨угой⟩] собственный дом, а у другого только туберкулез.

Знакомясь с Климом, он протянул ему [влаж⟨ную⟩] потную руку и, [сказал] заглянув [мутноватыми] *лихорадочными* глазами в лицо, спросил:

— [Мамаев] Нароков, [Робинзон] слышали?

Он был непоседлив, [все куда-то] [*вскакивал со стула*] *часто и* стремительно вскакивал, *жмурясь* смотрел на часы, дергал свою темненькую эспаньолку, потом садился, [и за] прикрыв глаза, кривил костлявое [носатое] лицо иронической улыбкой и раздувал ноздри, как бы отвергая некий неприятный ему запах. Он сообщил Климу, что [из-за его фельетонов одна] за его фельетоны одна газета *была* приостановлена на полгода, другая получила предостережение и что во всех городах, где он работал, его врагами *всегда* являлись губернаторы.

— Мой товарищ [по], статистик Костромин, [так] прозвал меня: «Аким, бич губернаторов».

Было не ясно: шутит он или говорит серьезно? Клим [находил] [чувствовал в нем черты] сразу открыл в нем [опасную и] неприятную черту: прикрывая глаза, человек этот рассматривал людей сквозь ресницы насмешливо и враждебно.

л. 99 Где-нибудь в тени, в уголке, сидел коротконогий компаньон Варавки по изданию газеты Павлин Максимович Радеев, собственник двух паровых мельниц, кругленький, с лицом татарина, с седой, аккуратно подстриженной бородою, с маленькими умными глазами под выпуклым лбом. Он говорил мало, тихоньким голосом и всегда пословицами, которые [оставались] *прочно вклеивались* в память. Варавка, видимо, очень уважал его, посматривал в татарское, скуластое лицо вопросительно, ожидающе. В ответ на возмущение Варавки цинизмом Константина Победоносцева Радеев сказал:

— Клоп тем и счастлив, что скверно пахнет.

Это была первая фраза, которую услышал Клим из уст Радеева. Она тем более поразила его, что была сказана ти-

хонько, даже [как бы] робко и совершенно не сливалась со скромной кругленькой фигурой мельника. *Голосок у него был бескрасочный и слабый,* [*а*] *говорил он* [*не много*] *на о, с некоторой натугой, как говорят после* [*долгой*] *длительной болезни, и это тоже не шло к его плотной фигуре, к тугому, крепкому лицу.* Она [завистл‹иво›] удивила и Мамаева, который сам любил и умел говорить афоризмами; фельетонист тотчас подсел к мельнику и бесцеремонно начал расспрашивать его:

— Это не с вас ли Боборыкин писал амбарного Сократа «Василия Теркина»?

— Плохое сочинение, однако ж не без правды,— ответил Радеев, сложив на коленях пухлые ручки и крутя большие пальцы один вокруг другого. [О Нитчше он сказал] — *И среди купечества народились некоторые, размышляющие не токмо о барыше* [*но о многом*]. *Хоша и барыш дело серьезное, государственной важности дело...*

[*Мамаев*] *Нароков заговорил о Нитчше, мельник послушал его минуту, две и пресек речь, скучновато заметив*:

— [Это] *Это* — церковник; верующий, который притворяется атеистом.

[Мамаев с] — *Вот как*? — воскликнул Нароков и примолк, глядя на собеседника *с недоверчивой, удивленной усмешкой и как будто* завистливо, а Клим подумал, что Радеев сам искусно притворяется и что, должно быть, это человек хитрый, злой. Он особенно убедился в этом, когда мельник, вздохнув, сказал по поводу открытия мощей Сера‹фима› Саровского:

— Праведника желаем иметь, хотя *сами* и не решаемся перестать грешить. Не доведет нас до добра это стремление выдумывать праведников,— [робко, но пророческим тоном] *тоже скучно*, однако очень [уверенно] *решительно и даже пророчески* добавил он, *потом* встал, [оп‹равляя›] застегивая пуговицы длинного пиджака из чесунчи. Пальцы у него лоснились, точно восковые, и лицо было тоже воскового, *даже медового* цвета, но не болезненное, а тугое, крепкое. Улыбался он только глазами, оставляя плотно сжатые губы неподвижными. Да, все это были мало понятные люди, чем-то сдвинутые со своих естественных позиций. [*И было*] [*Было все более нестерпимо стоять где-то в хвосте их*] Клим с досадой [с раздражением] чувствовал: [что] каждый из них, для того чтобы стать более ясным, требует каких-то добавлений, исправлений, [что они не устанавливаются] *иначе их не установить* в классовую схему Гофмана.

— Вы, Тимофей Степанович, правильно примечаете: в молодом поколении назревает [велик⟨ий⟩] раскол. Надо ли сердиться [то⟨гда?⟩] на это? — спросил он, улыбаясь умными глазами, и сам же ответил:

— А пожалуй,— не надо. Довольно жили предшественники наши по линейкам, по ранжирам сороковых да шестидесятых годов. Мне вот кажется, что для России весьма полезно столкновение тех, кои, веруя по Гегелю и Марксу с опорою и на Дарвина,— что все существующее разумно как выражение борьбы за жизнь,— столкновение с теми, которые весьма искусно веру свою строят по Герцену и славянофилам с опорой на Николая Михайловского. Это, конечно, главная линия раскола, а кроме ее [1 нрзб] намечается и еще не одна. Например: у нас уже заметны юноши, которые учатся рассуждать не о печалях народа, о судьбах Российского государства [о]. Это — новость [и полезная]. [Индивидуалистическое течение] Индивидуалистические настроения тоже не бесполезны, [я] может быть, под [ним чувствую] ними прячется [сократическое] сократово стремление к самопознанию и против софистов. Нет, молодежь у нас интересно растет и многообещающе. И весьма [хара⟨ктерно⟩] примечательно для нее, что проповедь Толстого не находит в ней учеников и апостолов,— не находит, как видите.

Он прервал окающую речь свою вздохом и [сказал] добавил, улыбаясь:

— Нам бы вот еще скептиков маленько надо и большое количество стоиков.

[Его] Радеева всегда слушали внимательно, а Варавка особенно впивался в благодушное лицо мельника [и называл] острыми глазами и [по поводу] называл речи Радеева катанием оников.

— [Хорошо] Отлично мельник оники катает,— говорил он, маслено улыбаясь.— Детская душа. [Ну-те-ко, найдите 1 нрзб] [1]

Откуда-то из Средней Азии явился Ильин. Чудаковато одетый в серую парусину, в сандалиях на босую ногу, в широкополой соломенной шляпе, он был похож на оживший портрет Робинзона Крузо с обложки дешевой книги. Опаленный солнцем, длинный, костлявый, он журавлем шагал по столовой и задорно говорил:

---

[1] *Текст:* — Вы, Тимофей Степанович ∾ найдите *1 нрзб*] — *вставка на отдельном листе в клетку; наверху зачеркнута помета красным карандашом:* 106-4 *и написано:* 99.

— Все эти калмыки, сарты, бухарцы — ни к чёрту не годятся [и], зря отягощают землю. Они не умеют работать и не способны учиться. Это отжившие люди, дряхлые [старики]. Туда нужно переселять французов с юга, итальянцев.

Радеев смотрел на него, наклонясь вперед, поглаживая бороду, и улыбался, двигал гладко причесанными бровями, а Сомова, похудевшая и беременная, возмущалась:

— Слышите, что он говорит? Это — сумасшедший. Дайте ему власть,— он отравит, истребит всех людей, кроме европейцев. У него лозунг: вся земля — для Европы.

И спрашивала Лидию:

— Ты не замечаешь, что безумных становится все больше, нет? Ты подумай: одни [на какую‹-то›] открывают мощи, другие *серьезно* пишут бессмысленные стихи *и придумали себе идола, «белокурую бестию».*

— Я стихов не пишу,— обиженно заявил Ильин, сдирая пальцами беленькие чешуйки кожи с обожженного носа; жена показала ему язык [*продолжая*]:

— А третьи учат, что есть только классы, а человека — — нет.

Лидия *молча* усмехалась, кутая [грудь] по привычке голову и грудь длинным [голубым] *газовым* шарфом [из газовой кисеи]. Шарф был синий, от него ложились на смуглое лицо ее неприятные тени. Клим был доволен, что она *держится, как чужая,* и молчит, [он] чувствуя, что, если б она заговорила, заспорила, он стал бы возражать ей. Мать [не] [держала] *вела* себя с гостями [натянуто и] важно, благосклонно усмехалась, в ее поведении было что-то натянутое, несвойственное ей. Она [была на ты] говорила со Спивак на ты, называла ее Лизой и переглядывалась с нею взглядами единомышленницы. Спивак оживленно спорила со всеми, посмеивалась, прищурясь, осматривала людей понимающим и успокаивающим взглядом, дружелюбно подшучивала над Варавкой. Она [не] чувствовала себя скорее хозяйкой, чем гостьей в доме, и это [возбуждало у] [*наводило*] *заставляло* Клима [след‹ить›] внимательно, недоверчиво следить за нею; [особенно в ее отношении к Лидии] [*а*] *она дружески улыбалась, совала ему в руки* [*книжки*] *книги Думика, Пелисье, французские журналы,* [*и сов‹етовала›*] *предлагая:*

— Посмотрите,— интересно!

«Что это,— она меня воспитывает?» — соображал Клим.

Клим брал книги, благодарил и внутренно усмехался [*вспоминая, что*]*: Нехаева тоже присылала ему* [*книжки*] *репро-*

дукции с картин Рошгросса, [Росетти] [Б] Вуатса, прерафаэлитов. Каждый пытается навязать тебе что-нибудь свое, чтоб ты был похож на него и тем понятнее ему, а понимает ли он сам себя?

Рецензии писал он трудно, [исп⟨равляя⟩] [с досадою замечая] замечая с досадою, что ему не удается выдумать что-либо свое, никем не сказанное, никогда не читанное.

Наиболее охотно и чаще всего она говорила о [молодых] литературе, поэтах, которые раздражали ее [новизною формы стиха и неясностью содержания]. Эти молодые люди уверены, что они освобождаются от гуманитарных традиций русской литературы, переводя и переписывая туманные стишки парижских декадентов. [Несколько] [Мне кажется, что глупо восхищаться Верленом после Тютчева.] Они перепишут Верлена по-русски, затем является доброжелательный критик и по поводу мелких литературных краж говорит о великих событиях в рус⟨ской⟩ литер⟨атуре⟩. Лично я [скажу] нахожу, что после Тютчева глупо восхищаться Верленом и подобными ему [1]. *И ⟨Клим⟩ не мог не заметить, что Спивак [стала бойчее] говорит все более смело [умно] и даже с некоторой веселой злостью.*

Часто вечерами, когда все чужие исчезали, она до [позд⟨ней⟩] полуночи гуляла с Лидией по саду или сидела у нее наверху. Они о чем-то горячо говорили, и Климу всегда хотелось незаметно подслушать: о чем? Ему *иногда* казалось, что если б Лидия [теперь] узнала о его романе со Спивак [это не очень встревожило бы его], может быть, это было бы и не плохо.

Изредка осторожной походкой битого кота [к Варавке] в кабинет Варавки проходил Иван Дронов с портфелем под мышкой, с какой-то подозрительно скромной миной на курносом лице. *Чистенько одетый, в скрипучих ботинках*, он здоровался с Климом, как подчиненный с [началь⟨ником⟩] сыном начальника, и не вступал в разговоры с ним, *но смотрел* ожидающим взглядом:

— Как живешь? — спросил Клим.

---

[1] *Текст*: Клим брал книги (*стр. 269*) ∾ и подобными ему.— *вставка на двух листках, наверху которых написано*: Спивак; 99-3. *На оборотной стороне одного из этих листков запись, не относящаяся к данному месту повествования*:

Иноков. Радеев.

Медная фигура. Интересно посмотреть на него в бане; он, вероятно, на самовар похож}

— Неплохо, благодарю вас, — ответил Дронов, подчеркнув местоимение, и этим сконфузил Самгина. Дальше говорили на вы, оба неохотно, а, прощаясь, Дронов вдруг [сказал] *сообщил*:

— Вам просила кланяться Маргарита. Она теперь учит рукоделью *девочек* в монастырской школе.

— Я знаю это,— сказал Клим.

— Мы с нею часто видимся,— прибавил Дронов и, не получив ответа, почтительно наклонил голову, но Самгину показалось, что косой глаз Дронова уколол [сил⟨ьно⟩] его.

Все это было беспокойно и совершенно не нужно. И [было] становилось совершенно нестерпимо [стоять где-то] топтаться в [хвосте это⟨й⟩ вереницы] *хороводе излишне*, утомительно умных людей, которые [не] возбуждали только недоверие и даже презрение к ним. [1]

Но самое главное, что и тяготило и раздражало его, это Лидия. С нею было все труднее. Ее *назойливые* расспросы принимали *явно* иронический характер [и], Клим [чувствовал] *замечал*, что [она] [девушка] *Лидия* начинает относиться к нему с обидным снисхождением, и чувствовал себя обманутым: [она] это не та девушка, какою он [представлял] воображал ее. Не та. [Энергичная и не] Она [остава⟨лась⟩] была все так же физически неутомима и жадна, но в словах ее уже сквозила [подозрительное утомление] *подозрительная усталость*, порою *даже* скука:

— Ну, скажи, что же изменилось в тебе? — тихонько спрашивала она.

Климу хотелось сказать:

— Ничего [не изменилось].

Хотелось сказать:

— Изменилось много [и прежде всего]. *Прежде всего* я понял, *что* ошибся.

— Во мне ничего не изменилось,— подсказывала она шёпотом, и этот шёпот в ночной, теплой темноте [*порой*] *становился его кошмаром*, [*вызыв⟨ал⟩*] *будил недоброе чувство.*

[Но] У него не хватало решимости ни солгать, ни сказать правду, и [когда] он [говорил] отвечал словами книг, не читанных Лидией, и однажды она остановила его:

— Подожди,— откуда это?

Помолчала и — нашла:

— Это из Стендаля, из книги «О любви».

---

[1] Абзац перечеркнут синим карандашом.

Вскочив с постели, она [босыми] бесшумно прошлась по комнате, по густым, важным теням деревьев на полу. Ноги ее в черных чулках странно сливались с тенями, [*по р⟨убашке⟩*] [*на*] *по рубашке, голубовато окрашенной лунным светом, тоже двигались тени*, казалось, что она без ног и летит.

Потом она остановилась, посмотрела в зеркало, строго нахмурясь; в зеркало она смотрела всегда не вовремя, неуместно часто, но[1] *Она так часто разглядывала себя в зеркало, что* [*воз⟨никало?*] *Клим* [*это*] *нашел это и странным и смешным. Внезапно, как бы уколотая, вскочив с постели,* [*нагая, шла так*] [*быстрыми шагами*] *быстро, она, едва касаясь пола голыми ногами,* [*она*] *шла в угол, к трюмо, и там, поглаживая грудь, живот, бедра, закусив губы,* [*смотрела в бездонное стекло, вопросительно подняв ресницы и брови*] *подняв ресницы и брови, смотрела в бездонное стекло.* [*Нагое гибкое тело ее от*] *Кроме ее нагого тела, зеркало отражало* [*синеватые обои*] [*синеватую гладкую*] *стену, оклеенную темными обоями, и было очень неприятно* [*даже*] *видеть ее* [*гибкое тело раздвоенным*] *тонкую, гибкую фигуру удвоенной* [*и скользящей по недвижимой*]: *одна покачивалась на полу, другая скользила по неподвижной темноте. Видел Клим и ее поднятые брови, вопрошающий взгляд широко открытых глаз. Он спросил ее, не скрывая насмешки:*

— Ты [*ка⟨жется?⟩*] *думаешь, что уже беременна?*

Быстро обернувшись к нему, опустив руки вдоль тела, она воскликнула тихо, с явным испугом:

— Что-о?

Клим, повторив вопрос, зачем-то прибавил:

— Это — рано.

[*Лидия*] *Опустясь на* [*мя⟨гкий⟩*] *стул у трюмо, Лидия сказала:*

— Но [*ведь*] *ведь Вера Петровна живет с моим отцом, а детей у них нет.*

[*Что-то жалобное*] *Ее слова прозвучали* [*детски*] *жалобно,* [*потом*] *но через минуту Клим решил, что она сказала их капризно* [*и*] *и они глупы, а Лидия начала* [*торопливо*] *одеваться.*[2]

Клим [*сказал*] *спросил дразнящим тоном:*

---

[1] Фраза осталась недоработанной и не зачеркнута.

[2] *Текст*: Она так часто ∾ начала одеваться.— *вставка на отдельном листе*; *на обороте листа, вверху, зачеркнута фраза, не относящаяся к данному тексту*: Мне трудно согласиться с Вами, В.Ф.

— Ты что же, боишься [родить]? А помнишь, хотела родить мальчика и девочку?

Она одевалась так неловко и торопливо, как будто хотела скорее спрятать себя, она бормотала:

— Может быть. Я не помню. [Теперь мальчики не нравятся мне. И девочки.]

— Тебе тогда было лет десять.

— Теперь мальчики [и девочки] не нравятся мне. И девочки.

И, согнувшись, надевая туфли, [она] Лидия сказала еще тише:

— [А] *Я не понимаю [чего-то]. Они растут, а я [все меньше]... [не понимаю чего-то] Вероятно, ты прав: я декадентка. [Потому что] Я думаю: не всякая женщина имеет право родить детей. [Ни]*

— Ух, какая философия.

— Да [философия]. А может быть, и не философия.

Она подошла к постели и сказала:

— Если ты пишешь плохие стихи или картины,— это ведь [никому] не так уж вредно, [а плохие люди] а за плохих детей [надо] следует наказывать.

Клим возмутился:

— Откуда у тебя эти старческие выдумки? Смешно слушать.

Она ушла легкой своей походкой, ступая на пальцы ног [точно переходила грязную улицу с панели на панель]. Не хватало только, чтоб она приподняла юбку, тогда было бы похоже, что она идет по грязной улице.

«Кривляется,— проводил ее Клим,— [Странная форма кокетс⟨тва⟩]» — и задумался о Макарове. [1]

Клим видел, что все чаще и с непонятной быстротою между ним и Лидией возникают маленькие недоразумения, устранять их он не умел, да и не старался. Напротив, он даже ожидал их с некоторым любопытством, не спрашивая себя: откуда является оно? Однажды на ее вопросы, несколько уже возмущавшие его своею бесцеремонностью, он посоветовал ей, усмехаясь:

— Ты прочти учебник акушерства или «Гигиену брака», есть такая книжка.

Помолчав, Лидия села, обняла руками колена свои и задумчиво спросила:

---

[1] *Текст*: Клим [сказал] *спросил* дразнящим тоном (*стр. 272*) ∾ задумался о Макарове.— *вставка на отдельном листе с пометой автора*: 102.

— *По-твоему все это сводится только к акушерству? Да? Зачем же тогда стихи?* [*И все*] *Что вызывают стихи?*

— [*Это уж спроси у Макарова*] *Об этом ты спроси* [у] *Макарова, он знает,— скучно и устало ответил Клим.* [1]

— Плохо ты говоришь,— сказала она, присев на кровать
л. 100 и острым ногтем мизинца разглаживая его брови.— Все у тебя холодно, неинтересно. Как будто ты экзамен сдаешь.

— Так и есть,— сумрачно [ска⟨зал⟩] ответил Клим.— Потому что ты все спрашиваешь.

Она отшатнулась, закинула руки за голову, прикрыла глаза, и в тишине зазвучал ее голос двумя нотами, как в детстве.

— Я часто соглашаюсь с тобою в словах, но это для того, чтоб не спорить. С тобой можно обо всем спорить, но я знаю, что это бесполезно. И я почти никогда не понимаю, зачем ты говоришь?

— А я не понимаю, зачем говоришь ты,— сказал Клим, [смутно] догадываясь, что наступил какой-то решительный момент.

— Я? — спросила Лидия. И после маленькой паузы сказала: — Я, должно быть, потому, что в одной оперетке поют: «Любовь. Что такое любовь?» Я думаю об этом давно...

— Какой смысл? — проворчал Клим.

— Да, вот именно, какой смысл? Я задумалась об этом после того, как увидала [мое⟨го⟩] отца, [обнимавшим] *когда он...* обнимал Веру Петровну. Это было ужасно, Клим. Очень противно.

Она вздрогнула, сморщив лицо, и еще *дальше* отодвинулась, взбросив ноги на постель, обняв колена.

— Алина пишет мне, что природа — свинья, а мужская любовь — мерзость. Она не очень умная, Алина, но... Знаешь, она уже разошлась с Туробоевым, бросила его [пишет]. Странное слово: бросила, а? [Да. *Психиатр сказал*] [*А*] *Он болен пассивной легологией,— что это такое?*

— *Я не знаю.*

— *Что-то половое,* [*ска⟨зала⟩*] *как я поняла. Какой ужас!*

Схватив руками щеки, Лидия помолчала, а затем спокойно сказала:

— Ее приглашают в оперетку [хотя]. «Но ведь голоса

---

[1] *Текст*: Клим видел, что (*стр. 273*) ∾ ответил Клим.— *вставка на отдельном листе.*

у [нее] меня нет»,— сказала она, а человек, приглашающий ее, ответил: «Зато у вас удивительно все остальное, а [это самое] *оно* главное для нашего искусства».

Лидия вдруг *тихо* засмеялась, и сквозь смех Клим услыхал:

— Ты [хорошо] *верно* сказал: все анекдоты, анекдоты! [Это — верно] Но где же настоящее? Что значит — настоящее? А?

— То, чем живут миллионы людей,— простота,— сказал Клим, *нетерпеливо* ожидая дальнейшего. Он скоро дождался: Лидия [встала] *соскочила на пол* и, одеваясь, [произнесла шёпотом] *пробормотала невнятно*:

— Ничего у нас не выйдет.

Когда она ушла, Клим облегченно вздохнул.

«Она — права. [Это] И хорошо, что она понимает: ничего не выйдет. *Как быстро кончилось это!*» — [*подумал*] *думал он, но тотчас же спросил себя:*

«Почему же кончилось?»

В нем мысленно нарастало чувство неприязни к Лидии, не она, а он должен был сказать:

— Ничего у нас не выйдет.

И, размышляя дальше, он подумал: может быть, у нее [*есть*] *созрело решение порвать связь с ним, но она хочет сделать это осторожно, безболезненно для себя? Ее поведение позволяет думать именно так,* [*и*] *но хотя он думал об этом спокойно,* [в] *он все-таки* [*чувствовал*] *видел себя обманутым, обиженным и не мешал нарастать в себе чувству* [*тихой вражды*] *неприязни к Лидии, неприязни, которая порою* [*принимала*] *превращалась в глухую вражду.* [1]

Думая о Лидии, он [открывал] *видел себя обманутым — где ее бесплотность, невесомость? В ней нет ничего, что отличало бы ее от других,* ⟨он⟩ *искал* в ней недостатки, и это легко удавалось ему. Ее страстность была совершенно лишена нежности. [В е⟨е⟩] Ее бесполезные, *как у всех людей, умствования* [были] — сухи, не оригинальны. *Спивак — опасна, но умна и даже, может быть, полезна.* Нехаева — интересней. В [Нехаевой была искренняя] *ее ласках он чувствовал искреннюю* благодарность нищей, получившей богатую милостину [у Спивак есть нечто загадочное] [Спать]. *Наедине с самим собою он думал лениво и быстро утомлялся, а спать* не хотелось

---

[1] *Текст*: Как быстро кончилось ∾ глухую вражду. — *вставка на отдельном листе с пометой*: 100-2 (*л. 100, стр. 2*).

[а]. Уже светало, тени на полу растаяли, стекла окна, потеряв голубоватую окраску, [откры⟨ли⟩] тоже как бы исчезли, [в их] между серыми перекладинами рамы — жемчужное небо. Клим встал, *не спеша* умылся, оделся и пошел гулять по улицам еще не проснувшегося города.

Спускаясь к реке, к пристаням, он услыхал вдали, в стороне, железный лязг и мертвый топот. Это был единственный звук, колебавший сероватую, тепленькую тишину, напитанную запахом пыли и масленого дыма пароходов. Наперерез улицы вышла большая партия арестантов, [они] окруженная *редкой* цепью солдат конвойной команды; солдаты были маленькие, украшены синими шнурами, их обнаженные сабли сверкали тоже синевато, как [льдины] лед. Впереди партии, позванивая кандалами, скованные по-двое за руки, шагали серые, [большие] бритоголовые люди, [как] на подбор большие, бородатые, у одного из них лицо было наискось перерезано черной повязкой, закрывавшей глаз; он смерил Клима незакрытым темным глазом и что-то сказал товарищу, но тот взглянул не на Клима, а в небо, взглянул и плюнул под каблуки конвойного. Шагали [разнообразные] разнообразно одетые люди, мужчины и женщины, с узелками, с котомками за спиною, шел высокий старик в скуфье, с чайником и котелком у пояса, посуда брякала [тоже как] в такт кандалам. [За толп⟨ой⟩] В хвосте толпы [шли] шагали политические, человек двадцать, трое — в очках, один, пожилой, с красным носом, в пенсне. Лицо у него [было] веселое, он посматривал в тусклые окна спящих домов и что-то говорил молодому курчавому парню, шагавшему в ногу с ним. Парень, прищурив левый глаз, улыбался. Четыре женщины заключали шествие, одна — толстая, с дряблым лицом монахини, другая — маленькая, странная, на тонких ногах, шла, сердито нахмурясь и очень парадно выпятив грудь вперед. Еще две шли, *взяв друг друга* под руку, левая сильно прихрамывала, *а за ее спиною, почти наступая на пятки ее, сонно переставлял тяжелые ноги [лезвие] курносый солдатик, и [синее лезв⟨ие⟩] синий клинок сабли касался его уха. Когда [пр⟨оходила⟩] партия проходила мимо остробородого дворника, который мел улицу, дворник на минуту [остано⟨вился⟩] перестал работать, но, пропустив мимо себя каторжан, быстро начал сметать пыль под ноги [конвоя] политических.*

— Э, болван! — громко сказал конвойный [и сморщился] и, чихнув, споткнулся.

«Вот так же, вероятно, шагал Дмитрий»,— вспомнил

Клим, садясь на скамью бульвара и глядя вслед арестантам; они спускались по [съезду] к реке, [где ждала их коричневая баржа, [с клет⟨кой⟩] палуба ее накрыта железной клеткой. *похожей на огромную мышеловку*] *улица дышала вслед им густой пылью, а на реке у берега ждала их большая коричневая баржа, палуба ее накрыта железной клеткой, и баржа напоминала Климу огромную мышеловку.* Клим *почти* никогда не думал о брате, а тот не напоминал ему о себе. Мать *ежемесячно* посылала Дмитрию деньги, он благодарил ее коротенькими письмами и просил прислать книг. Сегодня Клим вспомнил брата [мальч⟨иком⟩] [*неприятный, неинтересный*] подростком, когда [он] Дмитрий обнаруживал лениветькое, но несгибаемое упрямство пред взрослыми и добродушие дворового пса в играх с детями. [Тогда] [Плечи у него были широкие, бедра узкие, ноги длинные] Был он *никак* не интересен, [физически] [неуклюж] [неловок] *некрасив лицом.* И *все* тело у него [было] *тяжелое*, неумное. [Что заставило [его] Дмитрия пойти в социалисты?] *Почему он стал социалистом?*

Что-то [острое] [*холодное*] *острое* щекотно [*шаркнуло*] коснулось [сзади] шеи Клима, *вздрогнув*, он быстро обернулся: сзади его, шагах в пяти, стоял Макаров с длинным удилищем в руке [[худ⟨ой⟩] а рядом с ним Радеев в белой фуражке и парусиновом пальто]. [1]

— Ты — здесь? — удивился Клим.

— Как видишь. [Четвертый день. Знакомься: это дядя Володьки Лютова... Двоюродный.

[— Мы знакомы] Радеев подошел и сел рядом с Климом, тихо говоря:

— Мы знакомы. Видели арестантов? Политиков-то сколько!]

Макаров приставил [удочки] удилище к дереву, вынул [па⟨пиросы⟩] коробку папирос, спички и, держа их в руках, задумался, точно не зная, что нужно делать дальше. [А Радеев говорил, сняв фуражку:

— Весьма]

— *Политических-то сколько,— видел? — спросил он.*

Лицо у него измятое, веки [*красные*] *опухли, двуцветные* [*пегие*] *волосы не причесаны, было ясно, что он в тяжком похмелье, на нем парусиновый пыльник, явно — чужой, узкий и короткий для него, он казался человеком, переживающим тяжелое похмелье.*

---

[1] *Текст*: Нехаева — интересней (*стр. 275*) ∾ и парусиновом пальто,— *перечеркнут синим карандашом.*

— Забавно сказано у Саллюстия *в переводе Клеванова*,— *помнишь, Долбня скандировал*: «Молодые люди, большая часть коих принадлежала к именитым семействам, взяли на себя извести своих родителей».

[Клим поморщился [—Еще солнце не взошло], *думая*: — «Еще солнце не взошло, а [они уже готовы] он уже готов философствовать.»]

[Макаров] Закурив папиросу, Макаров тряхнул [двуцветной] пегой шапкой волос и [прислонясь к стволу липы, заговорил сердито] *сел рядом*.

— [У] Меня [эти молодые люди] *политические* сердят. Досадно видеть, что хорошие силы тратятся на междуусобицу, тогда как полезнее было бы обратить всю волю, весь разум на борьбу с природой. Вот — враг [Враг [сильный [но] и глупый] человека, злой враг] *наш*, бессмысленный [глупый] *и злой*. Снабдил павлина великолепным, *но ненужным нам* хвостом, а кости человека построил *скупо и* хрупко.

[Он [подул] сдул пепел с папиросы и рассказал, что у Диомидова [трещина в грудной] нашли трещину на грудной кости и *злокачественную* опухоль на левой лопатке.

— Я не очень]

— Гёте сказал: «Природа всегда права». Какая чепуха. Терпеть не могу Гёте, тупой человек. Бактериологии не знал. [Вшей не видел] Ему бы [надо] следовало познакомиться с чесоточным клещом. И — с гинекологией...

— С ума ты сойдешь на гинекологии.

— Вполне возможно,— согласился Макаров.

— Давно ты здесь?

Макаров [оглянулся] посмотрел вокруг себя и сказал:

— Четвертый день. Приехал к Радееву [— у воспитанника]. Воспитанник его заболел — туберкулез [на берцовой кости, результат] голени. После перелома. [Закурив, он продолжал, жмурясь] А у Диомидова трещина грудной кости. Кроме всего прочего. Должно быть — каблуком сапога.

Макаров несколько раз жадно вдохнул дым табака, посмотрел на папиросу и щелчком ногтя сбил с нее пепел.

—Мне этот парень не очень нравится, но [я повозился с ним немного и, знаешь,— жалко] есть в нем что-то эдакое...

Макаров [описал] *нарисовал* папиросой в воздухе замысловатый узор [и спросил:

— Идем, Павел Максимович?

Радеев молча встал, вежливо поклонился Климу и по-

шел. Шагов через десять Макаров [стро⟨го⟩] спросил через плечо:

— Лидия — здорова?

л. 101 [Климу] Клим *не ответил ему*, послышалось, что Макаров спросил строго, требовательно].

— [Замысловатый народ] Замысловатые люди: [являются] один весьма дерзко, хотя и наивно, отрицает [все] законы и природу социальных отношений, другая — законы биологии. Вот, брат, настоящие революционеры, а не те,— Макаров кивнул головою на [реку] берег [ее] реки, где [серая вереница людей свилась в] *ползла* вереница арестантов, *уже* освещенная [косым] солнцем, и поблескивали сабли, точно плавники рыб.

Клим усмехнулся и сказал, вспомнив слова [обыкновенного человека из Марьиной Рощи с] бывшего [сектанта] *сютаевца*:

— Революционер есть всякий воображающий.

— Кто это догадался?

— Человек.

— Не глупо. А — [что] *как* Лидия?

Климу показалось, что Макаров спросил строго [и требовательно], он ответил вопросом:

— Что ты хочешь знать?

— Все, что ты знаешь.

В этих словах Макарова Клим тоже услышал требование, [В нём вдруг] и вдруг [*ощутил ост⟨рое⟩*] в нем вскипело настолько сильное раздражение, что даже [на] язык его ощутил острый, кисленький вкус, когда Клим, усмехаясь, сказал:

— Ну, этого слишком много для тебя.

Ему непобедимо захотелось похвастаться пред человеком, которого он считал тупым, [ненормальным] *смешным* и который надоел ему. Он прибавил, вытянув ноги и постукивая концом тросточки по носкам ботинок:

— Это значило бы посвящать тебя в интимности.

— Ты врешь,— не сразу сказал Макаров.— Ты ведь не хочешь сказать...

— Я ничего не хочу говорить [о наших отношениях к Лидии]. Наши отношения [не] таковы, что рассказывать о них, кому бы то ни было.

Клим очень старался говорить спокойно, веско, но слышал, что в словах его взвизгивает торжество победителя.

— Врешь,— повторил Макаров тише и опустив голову.

— [Ты груб] Это грубо,— возмущенно ответил Клим и встал, но Макаров тоже встал, схватил его за [ворот, встряхнул] плечо и, глядя в [лицо] глаза [его, сказал], произнес третий раз:

— Врешь? Ну?

Клим отшатнулся, [ударил его тростью по плечу, тонкая трость переломилась, но] *толкнул его*, Макаров, должно быть, не почувствовал [удара, [сильной] крепко держал его за воротник кителя, раскачивал сильными толчками и бормотал, глядя в глаза:

— Я — знаю, [Я считаю тебя холодным, грязным распутником] [грязным] ты можешь, да. Но ее] *толчка. Нажимая плечо*, [*он говорил*] *он покачивал Клима*, [*он как будто*] *точно будил его и бормотал:*

— *Она не может любить тебя, не может... Не верю...*

Лицо у него было багровое, на шее вздулись какие-то толстые жилы, [в глазах горело] глаза горели болезненно и жутко.

Клим [с размаха ударил его ногою по ноге] крикнул:

— Оставь! С ума сошел...

Макаров пошатнулся, сел, потянув за собой Клима, но тотчас [выпустил ворот его из руки и махнул ею] сказал:

— Н-не верю... [все-таки...]

Клим [оправляя китель] посмотрел вокруг. Среди улицы стоял, опираясь на метлу, дворник, а на [тро⟨туаре⟩] панели — толстая баба с корзинами на коромысле. Клим быстро, не оглядываясь, пошел прочь, возмущенный до опьянения.

«Он мог меня ударить, свинья... Проклятый импотент. Трус».

По улице медленно ехали похоронные дроги, [черные] тощие лошади качали головами в черных перьях, на дрогах сидели, кроме возницы, еще четверо сонных людей с узлами на коленях, болтались ошмыганные серебряные кисти, тряслась выцветшая бахрома.

«Я ему, идиоту, жизнь спас»,— вспомнил Клим. *Он чувствовал, что испуган выходкой Макарова, что это, пожалуй, начало* [*какой-то*] *глупой драмы, но не хотел думать об этом и все ругал товарища.*

В доме еще спали, когда он пришел, дверь открыла розовая горничная Вера, тоненькая, с мышиными глазами, в незастегнутой кофте. Она ласково улыбалась. Клим сказал:

— [Вы сначала вычистите] Ты сначала вычисти зубы себе, вот что...

Раздеваясь у себя в комнате, он взглянул в окно: под деревьями шла в глубь сада Лидия, защемив палец в книге, раскачивая ею, правой рукою она потирала лоб, и этот жест Клим нашел театральным. Затем он подумал, что сейчас очень удобный момент объясниться с Лидией, честно сказать ей, что оба они ошиблись друг в друге. Он поспешил выйти в сад, чтоб не отменить [это] свое внезапное решение.

Лидия встретила его [серьезным, [отсутствующим] *вопрошающим* взглядом темных глаз:

— Что ты читаешь?

— Ломброзо.

— Это зачем же?

— Хочу знать: декадентка я или нет?] *молча, ее темные глаза на секунду равнодушно* [*спро⟨сили⟩*] *остановились на* [*его*] *лице Клима* [*потом*] [*и тотчас по*] *и* [*потом*] *скользнули за плечо его.*

— *«Макс Нордау. Вырождение»,— прочитал Клим на желтой обложке книги и задорно сказал:*

— [*Это*] [*Зачем ты чи⟨таешь⟩*] *Злая, но плоская книга.* [*Зачем ты ее чита⟨ешь⟩*]

— *Спивак думает иначе.*

— *Зачем ты это читаешь?*

— *Хочу знать: что такое декадентство.*

— Макаров приехал.

Лидия промолчала.

— Сейчас я поссорился с ним.

— *Новость — не из тех, которые потрясают душу,— сказала Лидия.*

«[*Какое у нее основание*] *Почему она говорит со мною ироническим тоном?» — подумал Клим, присматриваясь к ней и находя, что за последние дни она стала еще более некрасива: лицо потемнело, губы стали толще, и* [*почему-то*] *в том, что она не прикрывает их, есть* [*что-то*] *болезненное. А глаза — мутные, точно взболтаны, потеряли блеск.* [*Это*] *Ирония* [*насмешливость*] *тоже недавно явилась у нее.*

[Подождав ее ответа, он спросил]

— Знаешь почему?

— Нет,— равнодушно сказала Лидия.

— Он тебя любит и ревнует.

— А ты?

— Что?

— Ты — ревнуешь?

— Тебя? К нему?

«Глупо говорю я», — подумал Клим.

Лидия [сбоку заглянула в лицо ему, говоря], *не глядя на него*, [спросила] *сказала*:

— К нему. К Диомидову.

— Какие же у меня основания? — спросил Клим, подумав. Лидия молча прошла еще несколько шагов и тихо, но решительно сказала:

— Оставь меня.

Клим остановился, глядя в спину ей, думая:

«Командует, как жена».

И вдруг, почти со страхом, подумал:

«Неужели вся жизнь пройдет в таких [в мелочах, неожиданных, досадных, засоряющих душу [какой-то] серой пылью?] *разговорах*?»

[Он тихонько] Не спеша, он пошел к дому и мысленно говорил Лидии:

«[Послушай, будем откровенны. Скажем друг другу честно. Не] Признаемся честно: мы не нужны друг другу. Я не чувствую в тебе желания понять меня. Ты слишком занята собою. [Это — твое право, конечно. Но я тоже имею это право.] У меня тоже есть свои цели. [Они]»

Речь слагалась легко, слова, *очень* гладко примыкая друг ко другу, звучали умно, убедительно.

«Ты [все] экзаменуешь меня, как мальчишку. [Ты сама сказала это]»

Клим почувствовал, что запнулся за эту фразу [и присел], он присел на скамью под кустами сирени, думая: в сущности, все люди, все события, все видимое экзаменует его. [Все] Все требует *оценок*, ответов: *мать*, *Варавка*, [смот⟨рят⟩ все] да и все люди — особенно настойчиво. [На него] Смотрят *на него*, как на человека, который обязан говорить и делать что-то [осо⟨бенное⟩] необыкновенное. Почему? Спивак убеждает, что он должен [бы] писать рецензии о книгах. Лидия ищет в нем какой-то необычной любви. [Гофман тоже рассматривает] [Бархатные глаза Гофмана тоже смотрят на него с ожиданием, [в] с уверенностью в чем-то] *В бархатных глазах Гофмана* [есть неприятная] — *настойчивость, уверенное ожидание* [чего-то]. В сущности, из всех людей наименее неприятная — Спивак.

Клим вспомнил, как Елизавета несколько дней тому назад, вечером, у себя, сидя с матерью на диване, рассказывала ей задумчиво [с улы⟨бкой⟩] и тихо, с улыбкой, остренькой и не отвечающей смыслу рассказа:

— Я *поздно* почувствовала, что в жизни есть что-то неладное, чего никак и ничем нельзя оправдать. Мне было восемнадцать лет. Я, конечно, читала журналы, книги, стихи, они убеждали меня, что народ страдает и нужно [полюбить] любить его. Это совершенно не трогало меня. Даже удивляло: *как это любить*? У меня тогда были свои маленькие страдания, и я не имела причин [оценивать] считать их менее значительными, чем страдания народа. И — что такое народ? Бедные в городах живут так же плохо, как в деревне, но я видела, что они считаются лучше мужиков.

л. 102 Спивак, *согнувшись*, сидел у рояля, тихонько бил *темными пальцами* по клавишам, разбирая [какую-то] какую-то рукопись, *густо* исчерченную нотами. [Он был похож на настройщика] *Изредка его тощенькие руки останавливались в воздухе над клавишами, лицо освещалось улыбкой, он бормотал* [*прислушиваясь*]:

— *Плачет? Лиза?* [*Нет?*]

Елизавета, прислушиваясь, отвечала:

— *Нет.*

И всегда после этого Клим смущенно ждал, что Спивак посмотрит на него каким-то особенным взглядом. Но она не смотрела. [1] *Спивак работал, точно настройщик, нерешительные, тихие* аккорды рояля не заглушали голос его жены.

— Мой отец [управляющий имением богачей] управлял имением богача Потягина-Наскокова; [крестьяне [прозвали] звали его [Мамай] *Хан.* Ему было пятьдесят лет, он обладал [невероятной] исключительной силой и ненавидел мужиков. Собственно, он всех людей ненавидел, начиная с моей матери и бесчисленных любовниц своих] *он был маленький, карикатурно* [*острый*] *угловатый, остроносое лицо, острая бородка, плечи, локти, колени,— все острое. Когда он играл на виолончели, то казалось, что это не человек, а механизм. Был циничен и ненавидел мужиков, впрочем, он всех людей ненавидел, начиная с моей матери и бесчисленных любовниц своих. Это — какая-то ничтожная ненависть, да и сам он весь был ничтожный.* [*Но*] *Замечательно, что женщины, должно быть, искренно любили его,* [*когда он выгонял*] *я думаю, это — за музыку, он хорошо играл.* Однажды он увидал в бинокль, что конюх Лаврушка, молодой парень [тоже силач] *исключительной силы*, певец и Дон-Жуан, подсматривал в щель купальни,

---

[1] *Текст*: Изредка его ∾ не смотрела.— *вставка на отдельном листке с пометой автора*: 102 верх.

[когда я купалась] *когда там* [купалась учительница, любовница] *купались учительницы, одна из них* [*была*], *очень красивая, жила с отцом.* Отец схватил ружье, двухстволку, бросился к пруду, [я уже шла домой] он молча пробежал *по саду* мимо меня [и], затем дважды выстрелил в кусты, и я услышала неистовый крик. [Побежав назад, к пруду, я видала, что] *Потом* отец вытащил *конюха* из кустов за волосы [конюха], поставил его на колени [предо мной и, пиная] *и бьет* ногою в грудь, [кричит: «Проси прощенья!»] *бьет прикладом ружья, визжит.* Он разорвал рубаху на парне, и я видела, что грудь Лаврушки вся в красненьких ягодках крови, в *красных* полосках, [а] такие же ягодки [и] на лице. Он кланялся в ноги [мне] *отцу и мне*, капал кровью на *мои* туфли, рвал пальцами траву и ворчал: «Христа ради, Христа ради». Я была уверена, что у него выбиты дробью глаза, испугалась и говорю: «Папа, тебя за это будут судить!» Но отец зверски изумленно рявкнул: «Меня?» И вот, Вера, это маленькое словечко перевернуло всю [меня] *мою* душу. [Я] *Маленькое словечко* [*окровавленное*] *унизительное* [*и*] *и унижающее лицо конюха,* [*нечеловечески*] *искаженное животным страхом.* [*Унизительное и унижающее лицо*] *Ты не можешь представить, как стыдно, отвратительно было это: маленький,* [*сухой*] *ничтожный бьет* [*силача красавца, как*] *человека, точно извозчик лошадь. Тут, знаешь, аллегория...* [1] В ту минуту я что-то поняла, задумалась, а теперь хорошо знаю: жизнь бесчеловечна, знаю — так жить — нельзя. Нельзя.

— Милая — многие знают это,— сказала мать, вздохнув.— Многие знают и [даже] жертвуют собой, но все остается неизменным.

— [Нет] Не навсегда!

— Блажен, кто верует...

[Климу показалось] [Клим нашел, что в рассказе Елизаветы что-то [книжное] *сочиненное*, очень знакомое *ему* из книг. Он прочитал добрый десяток] *Клим слышал и прочитал* добрый десяток рассказов на эту тему, [не верил им] но они не волновали его, даже не возбуждали вопроса: правда это или *добренькая* ложь? От рассказа Спивак тоже повеяло на него литературой, сочиненностью, одним из тех анекдотов, кото-

---

[1] *Текст*: Ты не можешь ∾ аллегория...—*вставка на отдельном листке с пометой автора*: 102 низ; *на обороте зачеркнуты фразы, не относящиеся к данному тексту*: Тела не используют иначе, как в растворенном виде.

Пристань горестных сердец.

рыми любят удручать друг друга специалисты по состраданию к ближним. *Клим находил, что человек должен быть выведен из круга этих скучных и надоевших тем.* Но все-таки он почувствовал в словах Спивак нечто [очень] новое для него: явную брезгливость к теме. Это чувство брезгливости звучало не только в словах, оно отражалось на всем ее кошачьем, мягком лице, в глазах. Ей, видимо, было органически противно вспоминать. Он сказал:

— Такие... вещи надо забывать.

— Попробуйте,— предложила Спивак, усмехаясь, и вздохнула: — Это — незабвенно, как удар по лицу, удар, которого вы не заслужили...

«А ведь идиот Макаров мог ударить меня»,— вспомнил Клим и, возмущенно встав [погл⟨ядел⟩] на ноги, [огл⟨янулся⟩] посмотрел в глубь сада; там, среди деревьев, плавало голубоватое, старенькое и [выгор⟨евшее⟩] выцветшее платье Лидии.

«Одеться не умеет,— подумал он.— Какая небрежность».

Для него наступили тяжелые дни. Он жил отягощенный и все более подавляемый желанием объясниться с Лидией, но не находил в себе решимости [на это]. Ему хотелось, чтоб она сама почувствовала эту необходимость [и он] [он вел ⟨?⟩]. [Тогда] Он начал [вести себя с нею грубо и старался] ласкать ее как раз тогда, когда замечал, [что ей] что она не хочет этого. Он вел себя все более [грубо] требовательно, даже грубо и с удивлением наблюдал, что Лидия покорно подчиняется требованиям, бесстыдство которых должно бы возмущать ее. Тогда его удивление стало перерождаться в чувство презрения к ней, [и он видел, *что* это чувство обильно [разливалось] разливается на всё, на всех] *и он видел, что это сливается с его презрением к людям, презрением, запас которого был у него уже достаточно велик.*

— Ну, [что же] отгадала ты, что такое любовь? — насмешливо спрашивал он, когда девушка, *закрыв глаза, молча* лежала рядом с ним, утомленная ласками. Она молчала, только вздрагивало ее горячее, [потное] влажное плечо, а ему все более нравилось немножко мучить ее. [Он мстил ей за свою ошибку, как за ее обман.] *Он чувствовал себя пресыщенным ею, знал каждое движение ее тела, [уже не возбуждавшего] оно уже слабо возбуждало его [и Клим, ничего не ожидая от этой девушки]. [Клим равнодушно изучал ее] Ему даже казалось, что он живет с нею давно, годá и, не скрывая своей пассивности, он [равнодушно] изучал [ее] девушку, равнодушно наблюдал ее попытки разжечь его угасающую чувственность.*

Но однажды, когда Лидия сидела на постели, [держась] сжав ладонями щеки свои, Клим при слабом свете лампы увидал [на щеках ее] *между пальцев Лидии* слезы, [слезы были] а в глазах ее слезы были черные. Это было почти жутко, черные слезы в широко открытых глазах.

— Почему ты плачешь? — шепотом спросил он, Лидия ответила тоже шепотом:

— Мне стыдно...

— Ты опоздала стыдиться,— сказал Клим, мстя ей за свою ошибку, как за ее обман. Девушка покачнулась, опустила руки, взглянула на него, открыв рот, смигивая черные слезы, но, ничего не сказав, некрасиво, [медленно] как старуха, слезла на пол, медленно оделась и ушла, оставив его слушать [су‹ховатый›] хлопотливый, сердитый шум осеннего ветра в саду, суховатый шорох листьев.

Пора ехать в университет. Но прежде нужно кончить с Лидией, и Клим ждал удобного момента, наблюдая деловитую суматоху в доме, прислушиваясь к непрерывным спорам людей. Озабоченно [бегал неутомимый] кружился Варавка, размахивал лисьим хвостом неседеющей бороды, [сидел] боком, точно краб, ходил редактор, сияя шлифованной [боро‹дой›] головою, сидел он, укладывая локти на стол, и руки его тоже напоминали клешни краба. Изощрялся в остроумии чахоточный фельетонист, [заставляя] заставлял редактора шевелить обиженной губою и, вопросительно [поднимать] *поднимая щетинистые брови, редактор после каждой остроты смотрел на всех взглядом, проверяющим впечатление.* Спивак [вела себя] с подозрительной развязностью [она слишком часто] шутила с Варавкой [а он] и чрезмерно заботливо ухаживала за матерью [которая вела себя важно] [ходила парадно, сидела прямо и вообще [вела себя важно, как] держалась, точно в ателье фотографа. *Надменное*]. *На лице ее, и раньше малоподвижном, теперь застыла надменность,* [*она*] *улыбалась она редко и осторожно, не желая показывать морщины вокруг глаз и в углах* [*рта*] *обмякших губ. Клим приметил, что она часто говорит Варавке:*

— *Как хочешь. Да, пожалуй...*

И вообще в ней явилось [*что*] *нечто напоминающее генерала, который оскорблен и подавлен преждевременной отставкой.*

На сорок тысяч жителей города Варавка устроил вечер с участием «местных сил». Их оказалось [шесте‹ро›] *пятеро*: длинный седой старик, *немец Клингер*, напомнивший Климу

деда, [*1 нрзб*] *историк и* археолог, [котор⟨ый⟩] [написавши книгу по истории города]; начинающий беллетрист Крутолобов, тоже высокий *курносый* парень с рыбьими глазами *на лице, изъеденном оспой*, [одетый траурно] траурно одетый в черную рубаху и высокие сапоги, *подпоясанный широким ремнем*; земский статистик [Лукин] *Костин*, [тощенький] *толстенький* и добродушный; доктор [Тре⟨нюхин?⟩] [Тренюхин, бывший ссыльный, темноволосый] *Любомудров*, большой, [*безгласный*] *вялый* человек в шапке темных волос, с желтым [скуластым] *бритым* лицом и выкатившимися глазами; [он говорил басом] *изящный адвокат* [Лу⟨кин?⟩] *Правдин*, [театрал] *лаская чистенькими пальцами бородку Генриха IV-го, говорил вкусным баритоном:*

— Мой лозунг: театр есть зрелище.

Томилин [в рыжев⟨ато⟩-синем пиджаке толстого мохнатого драпа], *одетый почему-то* очень тепло, возражал:

— Вся жизнь — зрелище. [Горас Вальполь неоспоримо сказал].

Томилин *недавно* подстригся, и его *жесткие* волосы, потеряв две трети тяжести своей, встали дыбом; на висках они торчали горизонтально [и были смазаны чем-то блестящим]. Он подстриг и бороду, и усы, [обнажив очень] *оголив толстые* малиновые губы; лицо его округлилось, в глазах спокойно сияло [сознание своей значительности] снисходительное [*и немножко*], *усталое* внимание [почтового] *полуглухого* чиновника, который выдает на городском почтамте письма «до востребования». Варавка [1 нрзб] назвал его [неу⟨дачником⟩] «Неудачная карикатура», — и Клим [нашел] *признал*, что [в этом определении скрыто нечто верное] *это сказано очень верно.* [1]

[Рядом] В [то⟨лстом⟩] синем пиджаке толстого мохнатого драпа, в [каких-то] тяжелых брюках, низко опустившихся на [сапоги с обрез⟨анными?⟩] тупоносые сапоги, Томилин был особенно карикатурен рядом с Правдиным, [од⟨етым⟩] [обтянутым] стройным, [как] точно акробат, застегнутым в ловко сшитую визитку [стального] железного цвета, душистым и причесанным, как парикмахер.

— Неоспоримые нормы права,— говорил он.

л. 103 Томилин возражал:

— В них-то и скрыты *все основы* социального консерватизма...

---

[1] *Текст*: [Томилин недавно ∾ очень верно. — *перечеркнут синим карандашом.*

К Томилину тяжело, вместе со стулом, подвигался доктор Тренюхин, спрашивая:

— Вы — анархист? Или — что?

Не очень многословный доктор проповедовал глухим басом [что]:

— [Русская интеллигенция] России *интеллигенция* необходима *как* единая партия. Она должна понять себя как некое целое, как, примерно, орден иоаннитов или иезуитов. Это внушается нам [историей] всем ходом современности, *а также должно бы внушаться и нашим чувством самосохранения. У нас нет друзей: бюрократы, так же как и промышленники, порабощают нас. Для [мужика] народа мы чудаки и чужие люди.*

Доктор был председателем *общества «Помощь кустарю»*, кружка любителей драматического искусства, [сам недурно] играл роли [благ⟨ородных⟩] резонеров и «благородных отцов» и обладал непомерно развитыми ягодицами. Проповедь его [никто] слушали молча, но невнимательно, и почти никто не возражал ему, даже Томилин, *упрямо и хладнокровно* возражавший всегда и всем. Но, к удивлению Клима, с доктором [все] неуклонно соглашался тихий человек Радеев. Откуда-то из угла раздавался его голосок, звучавший так, как будто Радеев диктовал письмо:

— Будучи несколько — впрочем, весьма не много — начитан и довольно хорошо зная Европу, я нахожу, что в лице интеллигенции своей Россия создала нечто совершенно исключительное и огромной ценности. Все эти наши земские врачи, статистики, сельские учителя, писатели, ученые и вообще духовного дела люди — сокровище необыкновенное.

Клим смотрел на него, соображая:

«Шутит? Иронизирует?»

Все эти люди были [ему] неинтересны ему, все [они давно надоели] *споры их [были знакомы и надоели] он давно знал.* Лишь один траурный писатель Крутолобов возмущал [и] его любопытство. [В этом парне [было что⟨-то⟩] Клим видел [что] много [проти⟨воречивого⟩] противоречивого и подозрительного] *Все в этом парне казалось Климу противоречивым и подозрительным.* Он недавно явился в городе, но уже знали, что он [груб] пьяница, распутник, невежда и грубиян. Но Клим видел, что Крутолобов держится скромно, молчаливо щупает всех людей рыбьими глазами с голубоватой, холодной искоркой в *глубине* зрачков, *он* взвешивает, измеряет и вообще ведет себя [как шпион, как чужой] *соглядатаем. Он*

был высок ростом, казался неуклюжим, но ходил [удивительно] легко, и движения его были ловки. *Скуластое лицо было спокойно, под широким носом пробивались редкие рыжеватые усы, а в общем черная фигура парня имела что-то общее с равнодушными факельщиками из бюро похоронных процессий.* Правдин находил [его] рассказы Крутолобова талантливыми, [но] Климу они показались [только крикливыми] перенасыщенными [грубым] животным пафосом, крикливо воющими. Была в этих рассказах тревожная, злая радость, [отсутствовало] обнаженность инстинктов и подчеркнутое отсутствие уважения к тому, что признано достойным уважения.

Этот человек еще более не понравился Климу и еще острей возмутил его любопытство после беседы с ним. Подсев на диван рядом с Климом, он спросил неожиданно и глупо:

— Бунтуете?

— Я? — удивленно переспросил Клим.

— Да. Студенты.

— Я еще не бунтовал.

— Почему? Надо бунтовать.

— Это — зачем же?

— «Ради вольного труда»,— объяснил писатель словами студенческой песни и, вынув из кармана широких суконных шаровар странной формы деревянную коробку, закурил папиросу. Мимо прошла Спивак, он обнял ее измеряющим [вз⟨глядом⟩] взглядом, встряхнул [воло⟨сы⟩] длинными волосами и на секунду закрыл глаза, как бы для того, чтоб лучше запомнить фигуру женщины.

«Женолюбив»,— подумал Клим.

— Рассказы мои читали? Ну, как?

— Оригинально,— сказал Клим, подумав и не желая лгать.

— Ну, что ж там оригинального? — спросил Крутолобов, усмехаясь.— Неуменье?

«Рисуется», — сообразил Клим.

А писатель, *вертя в пальцах резную коробку с папиросами и* говоря на о, как дьякон, проворчал [тихо]:

— Сначала ты смотришь на вещи, а потом — они на тебя. Ты на них — с интересом, а они на тебя — требовательно: ну-ко, раскуси нас? *Почему это мы такие? Вот* [*я попросил знакомого столяра сделать*] *знакомый столяр сделал мне подарок, коробку. Женат, трое детей, беден и хвор. Резал коробку четверо суток. Глупо, а — хорошо.*—Он указал кивком головы и бровью на Варавку:

— Отец?

— Вотчим.

— [Весьма хорош] Здорово сделан. А этот рыжий, кто?

— Учитель мой, философ.

— [Самонадеянный] Болван, должно быть.

Клим сухо и обидчиво спросил:

— Почему же?

— [Самонадеянный] Большинство учителей — глупы,— спокойно сказал Крутолобов.

А на вопрос Клима:

— Вы где учились? — ответил задумчиво:

— Везде. Кроме школы. [К сожален⟨ию⟩] [1]

Клим уже слышал, что этот человек — самоучка, выскочка, но не верил в это, а теперь поверил и, не теряя любопытства к нему, еще сильнее невзлюбил писателя. *Было ясно, что это человечишко самоуверенный, позер и [хам] невежда.* Встретив его ночью по дороге из [летне⟨го⟩] театра под руку с дорогой проституткой, известной всему городу, он не поклонился ему, писатель тоже пусто посмотрел на него, пошевелил бровями и сказал:

— Не скули, Шура, не ной. Покаяния двери легко открыть, да — что толку?

«Свинья»,— мысленно выругался Клим, задетый тем, что Крутолобов не узнал или не захотел узнать его.

Он часто встречал Крутолобова [то], видел его на набережной, среди грузчиков или [сидящим] в стороне от людей, стоит вкопанно в песок по щиколотки, жует былинку или курит и смотрит на муравьиную суету людей. На нем длинное, глупое пальто, измятая шляпа с широкими полями и всегда он почему-то испачкан пылью. Видел его выходящим из пивной рядом с Дроновым, Дронов [оживленно хихикал], хихикая, *делал правой рукою круглые жесты, [точно [2] крутя неви⟨димого⟩] таская за волосы кого-то невидимого.*

— Вот именно,— сказал писатель,— кажется, что толчемся на [одном] месте, а в сущности восходим по [крутой] спирали.

На улице он говорил так же громко [и], бесцеремонно, [как в комнатах, и [был] вообще вел себя как приезжий, а встречных людей] как в комнатах, и разглядывал встречных людей

---

[1] *Текст*: Клим сухо ∾ [К сожален⟨ию⟩] — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] Слово ошибочно зачеркнуто.

в упор, [*хотел, казалось*] [*точно*] *как бы искал: кого из них спросить, куда идти ему?*

Видел в соборе за всенощной службой: Крутолобов стоял [опираясь] прямо и деревянно, [точ⟨но⟩] как солдат, лицо его было угрюмо нахмуренно. Злое лицо.

И, наконец, увидал его в городском саду на скамье рядом с Макаровым и Лидией, это было так неожиданно, ненужно и неприятно, что Клим, войдя в аллею, усеянную жухлыми листьями тополя и акаций, остановился и, круто поворотясь, пошел назад, [шел и чувствовал] чувствуя, что получил право на ссору с Лидией.

Вечером, наверху у нее, он *фертом* шагал по комнате, сунув руки в карманы тужурки, и допрашивал [сухо]:

— Ты встречаешься с Макаровым? Несмотря на то, что я сообщил тебе: мы поссорились? [Ты даже не спросила почему] [А кто] [И тебе не противен этот бродяга Крутолобов, разгуливающий по городу с проститутками?]

Ветер шаркал по железу крыши, раздражающе скрипело в саду дерево, дождь лениво лизал стекла окон. Все это очень укрепляло сварливое настроение Клима. *Он* [*брезгливо*] *сердито назвал Крутолобова грязным бродягой, брезгливо рассказал, что писатель ходит по улицам с проститутками, но это*, [не дейст⟨вовало⟩] *видимо, не подействовало на* [*Лидию*] *девушку*.

[Лидия] *Она* сидела у рояля, на табурете, [спиною] боком к открытым клавишам, [закинув правую руку за спину, она брала] и правой рукою тихонько брала ноты в басах, [отдельные ноты] [они заглуша⟨ли⟩] заглушая шум осени за окном. Она отвечала Климу кратко, спокойно, но присматривалась к нему так внимательно, как будто плохо видела в сумраке его фигуру:

— Мне твои ссоры не интересны,— говорила она.—
л. 104 Крутолобов очень забавный человек; [и] *он* ни на кого из вас не похож ...

Подумав, она добавила:

— Хотя тоже [мало] не очень приятен. [Потом она попросила:

— Пожалуйста, не говори, как муж, не воспитывай меня.]

Клим находил, что ей уже пора бы возмутиться, но она, не [возмущалась, говорила] возмущаясь, попросила устало и лениво:

— [Не воспитывай меня.] Пожалуйста, не говори, как муж.

И, глядя на него прицеливающимся взглядом, вдруг засмеялась [тихим] *негромко*, охлаждающим смехом.

— Ты что? — спросил Клим.

— [Так] Смешно.

— [Что] Именно?

— Всё.

«Совершенно чужая»,— подумал Клим, *тоже* присматриваясь к ней и не понимая: радует это его или печалит? Подумав, обойдя вокруг стола, он подошел к ней, положил руку на плечо ее, хотел сказать что-то внушительное, но внезапно сказал:

— На днях я еду в Москву.

— Пора,— согласно ответила Лидия, [и как] *опустив* плечо так *быстро*, что рука Клима *не удержалась и* сползла с [него] [плеча] *плеча прежде, чем он успел сжать его. Лидия подняла [к нему] острое лицо и посмотрела запрещающим взглядом [в глаза], а Клим, усмехаясь, искал и не находил слов, которые надо сказать ей решительно и ясно. [Он]*

— *Итак,— начал он*, наклоняясь [он [попытался] пытаясь] и желая обнять ее, но [где-то хлопнула] в соседней комнате раздались знакомо тяжелые, быстрые шаги, Лидия повернулась лицом к роялю, Клим выпрямился, вошел Варавка, [размахивая бородой] *держа себя за бороду*.

— Философствуете?

Сунув руки в карманы, он [приподнял] встряхнул живот, широко расставил ноги и, утвердясь на полу, заговорил:

— Медленно растет ваше поколение. И — не весело. Недоверчиво.

[Было ясно, что он] Варавка [намерен говорить долго. Клим] передвинул ноги, утвердился еще прочней, облизал губу и поднял брови, [Клим] по этим признакам [знал, что] Клим понял, что Варавка намерен говорить долго.

— Так, значит, послезавтра я еду,— сказал он Лидии.— А ты — когда?

— Не знаю.

[Когда] Спускаясь вниз, *в столовую*, по внутренней лестнице, Клим слышал вопрос Варавки:

— Ну, что у тебя с ним, как?

Клим остановился, держась за перила, но не услышал ответа Лидии. Хотя поссориться не удалось, но Клим не жалел об этом, чувствуя, что и так все ясно.

«[Хорошо] Легко выходит это у меня,— удовлетворенно думал он.— Вот, уже четвертая, а — никаких драм».

Но [почти] тотчас [вслед] за этой мыслью он [почувствовал] вспомнил, как настойчиво было *его* тяготение к этой девушке [и осто⟨рожно⟩] [*а вот сейчас, на месте этого тяготения*], замедлил шаги, спускаясь по лестнице, осторожно, бесшумно, [«Я ее выдумал. Почему именно ее?»] глядя вниз, в прихожую. Там [1 нрзб], у стены, на вешалке, вытянулись *различные* пальто [и] толпою безголовых, опустошенных нищих на церковной паперти.

«Что же осталось?» — спросил он себя [чувствуя некотор⟨ую⟩]. [Было неловко] Стало досадно, даже грустно, [и] снизу [повеяло] веяло сырым холодом.

«Я ее выдумал. Но — почему именно ее? [Я слишком много думал]», — соображал Клим [У себя в комнате Клим нашел] и не находил ответа.

[Это странное] Неожиданное и необъяснимое чувств- грусти медленно, но непрерывно возрастало. Клим не [находил в себе] *чувствовал* сожаления о разрыве с Лидией, [напротив] это казалось ему совершенно оправданным, неизбежным. Но рядом с этим [жило] [*кре⟨пло⟩*] печальное ощущение утраты чего-то, что ценнее Лидии, [и смутное [чувство обиды на нее, на Спивак, Нехаеву] *сознание обмана*] *не говоря о Спивак, о Нехаевой*. [Он] [В конце концов] *Он* [чувст⟨вовал⟩] *все более ясно* видел себя [обиженным] обманутым человеком, [у него] *в нем* возбудили какие-то надежды, ожидания, заставляли его напряженно желать и ждать [а теперь вот все и].

[«И [*что же*] чего же я достиг?»]

«Что же я получил?» — допытывался он, сидя ночью в вагоне, [сотря⟨саемый⟩] прислушиваясь к ритмическому стуку колес.

Он приехал в Москву с твердым решением [серьезно] *отдохнуть от женщин и серьезно* заняться наукой. Да [и] вообще следует отдохнуть от людей, пожить наедине с самим собою. Чувство недоверия к людям [и] все плотнее укреплялось в нем и рядом с недоверием возрастало презрение [к те⟨м⟩].

«Маскарад», — думал Клим, молча слушая *споры студентов* и недружелюбно наблюдая их шумную суету. Он заметил, что бархатные глаза Гофмана смотрят на него [вни⟨мательно⟩] еще внимательнее и ласковей, чем прежде. Ему тоже нравился этот маленький, изящный человек, не похожий на еврея своей сдержанностью и спокойными речами, в которых чувствовалась непоколебимая уверенность. И его не удивило,

когда Гофман, идя рядом с ним после лекции сердитого правоведа, [вдруг] предложил:

— Зайдемте ко мне?

Клим ожидал, что жилище Гофмана так же уютно [чисто] и благоустроенно, как сам [он] *Гофман*. Но оказалось, что Гофман живет в небольшой комнатке [пансиона мадам Кольет Тужими], окно комнаты выходило на железную крышу [1 *нрзб*] сарая, [две стены заста⟨влены⟩] у одной стены [книжные] полки, туго набитые книгами, у другой [койка] [диван] *койка*, покрытая плюшевым одеялом, под окном стол, три стула, а в углу, у двери, умывальник. Во всем этом была [кака⟨я-то⟩] монашеская бедность [аскетическая]; три портрета украшали стену над койкой: бородатый Марк⟨с⟩, Герцен и Энгельс. [В этой аскетической простоте [бы⟨ло⟩] Клим почувствовал что-то подозрительное *и* нарочитое.]

— Чаю, Казя, — [ска⟨зал⟩] распорядился Гофман, когда на звонок его вошла красивенькая [и аккуратная] горничная в белом переднике с кружевами, в кружевной наколке на [пышных русых волосах] пышно [взбитых] причесанных волосах.

— Не надо,— сказал Гофман, когда Клим отказался от чая.

— Мне давно хотелось познакомиться с вами,— начал Гофман, присев к столу и почему-то говоря вполголоса.

Затем он сказал несколько комплиментов [серьезной] сдержанности [Клима], с которой Клим молчаливо слушает споры [сту⟨дентов⟩] на полит⟨ические⟩ темы.

— Говорить о политике теперь стало модно, больше, чем когда-либо,— сказал он, улыбаясь очень снисходительно, и тотчас же неуловимым изгибом речи заговорил о вырождении буржуазного мира.

— Вы заметили, что новое течение в нашей литературе [эти] создается купеческими сынками? Да, да, все [эти] *наши* декаденты, символисты, в большинстве — дети купцов или представителей буржуазной науки. Явление, указывающее на дегенерацию класса. Не говоря о том, что [насколько] [эта] эта литература [эта] [совершенно несамостоятельна] *сплошное* [1] не оригинальна. Это, в сущности, [переводы из проклятых, затем Верлен, Бодлер, Роденбах, Метерлинк — и другие [продукты] *жертвы и выразители*] *пересказы* [*с фран-*

---

[1] *Слово*: сплошное — *ошибочно вписано и не зачеркнуто.*

цузского] *и подражания творчеству жертв и выразителей* психологического разложения буржуазии Запада [1].

Он говорил все вполголоса, как бы сообщая тайны, [известные только ему] *и говорил* [*тяжеловато*], *строя фразы как будто намеренно тяжело. Было странно видеть, что он говорит без жестов, руки его спокойно лежали на столе и только густые, круто изогнутые брови чуть* [*двига⟨лись⟩*] *поднимались, когда он иронически подчеркивал то или* [*ино⟨е⟩*] *другое слово. Клим слушал молча, недоверчиво следя за мягким и* [*несколько*] *гипнотизирующим блеском темных глаз.*

— Проблемы индивидуального бытия наиболее резко [ставят] возникают именно тогда, когда индивидуум чувствует себя в опасности пред напором проблем социального характера, [А эт⟨о⟩] в трагические моменты смены одного класса другим. [*Именно* этим и объясняется такой феномен, как Нитцше.] *Нитцше — реакция против Маркса.*

[Он] Довольно быстро *он* перешел к тому, чего ожидал Клим, [и] *и* уже с несомненной [хотя и сдержанной, но] горячей искренностью стал [красиво говорить] *рассказывать* о [*быстром*] росте [социализма на Зап⟨аде⟩ и о том] *соц⟨иал⟩-демокр⟨атии⟩ в Герм⟨ании⟩ и о том*, что Запад *уже* имеет все условия для того, чтоб перейти к социалистическому строю [эво⟨люционным⟩] путем эволюции, без кровавых потрясений, без трагедий [без] и жертв.

— Два миллиона голосов немецких рабочих,— несколь-
л. 105 ко раз повторил он, простирая [руку] над столом маленькую, точно у девушки, руку, и глаза его [пьянели] опьянели [и], на смуглых щеках появился румянец [*и яркие губы, улыбаясь, обнажали*].

Клим слушал [его] невнимательно, [напряжен⟨но⟩] [до и⟨?⟩] соображая: [что] *какая сила* понуждает [этого человека] сына фабриканта шляп желать победы рабочих? Лютов, [то⟨т⟩] кажется, только потому помогал революционерам, что боялся революции. А этот? *Условия его бытия не таковы, чтоб организовать сознание социалистически.* Может быть, его увлечение социализмом тоже признак дегенерации? Но Гофман был такой плотненький, упругий, смугловатое лицо его дышало здоровьем, [в ласковых глазах *сверкало убеждение*] ласковые глаза [*смотрели* уверенно] [*потеряли*], *потеряв свой мягкий блеск, зажглись* [*дру⟨гим⟩*] *другим огнем* и все [тверже] крепче звучали [его] *иронические* слова.

---

[1] *Текст*: «Вы заметили *(стр. 294)* ∾ буржуазии Запада.— *отчеркнут красным карандашом на полях.*

[Все, что он] То, что [он] говорил *Гофман*, было знакомо Климу [было читано им в книгах, [которые] прочитанных им по необходимости, без увлечения и с тем недоверием, которое вообще возбуждали в нем книги, прочитанные лишь потому, что все читали эти книги] *из тех странных книг*, [*которые он читал*] *доводы и выводы которых* [*были*] [*показались*] [*казались*] *почти так же* [*неотразимы*] *неоспоримы, как они были неприятны и даже враждебны.*

Клим находил, что речи Августа Бебеля, конечно, правдивы, но Евгений Рихтер говорит умнее и убедительней, что Маркс и Энгельс [*прек⟨расно⟩*] *хорошо, бесстрашно* [*разоб⟨лачили⟩*] *изучили тайны социальных отношений, но Ле Бон и Михайловский ближе к правде.*

Точно так же, как к людям, он относился ко книгам — без увлечения, с недоверием, [находя] чувствуя и в [них нечто] черненькой паутине типографского шрифта настойчивое [стремление] посягательство на [его] *его* свободу [его мысли]. И часто бывало, что он, закрыв книгу, закрывал и глаза [останавливаясь пред явным противоречием] [*угрюмо рассматривая*]: несомненно, [что социалистическая литература] социализм очень упрощает жизнь, [безжалостно] разоблачая ее [древнюю] ложь, но, хотя [он сам] Клим жаждал простоты [и ясности, эта форма упрощения [была [чужда ему] *неприемлема для него, даже враждебна*] [*явно*] *обезличивала его и, он чувствовал, была органически, физически неприемлема, даже враждебна его духу*], *он видел, что это упрощение обезличивает и его.* [Маркс и Энгельс]

[Но] Теперь не столько в словах, сколько [во всей] в [поведении] настроении Гофмана [Клим], в его спокойной [твердой] уверенности, Клим внезапно почувствовал нечто [новое для [него] *себя*] *незнакомое*, возбуждавшее смутную зависть. С этим впечатлением он и ушел от Гофмана [1], [а] устояв пред соблазном возражать ему и скрыв свое несогласие *с ним* под личиной глубокой задумчивости человека, который [ничего не принимает на веру, но очень взволнован тем, что [слышал] *узнал*] *только что* [*уз⟨нал⟩*] *познакомился с мудростью, до* [*сей*] *этой поры не ведомой ему*. Он заметил, что это польстило Гофману, и не ошибся: дня через два Гофман снова *дружески* пригласил его с себе [и], затем [посещения] их *встречи* участились и одна из них [вдруг осветила [пред] [ему] пред ним

---

[1] *Текст*: Клим слушал [его] *(стр. 295)* ∾ от Гофмана — *перечеркнут синим карандашом.*

то новое, что он слышал в речах Гофмана] *открыла пред ним нечто* [*приятно*] *очень* [*неприятно*] *поразившее его*. [Однаж⟨ды⟩] Вечером, [идя к нему] *подходя к* [*его*] *дому Гофмана*, Клим опередил коренастого, широкоплечего студента и тотчас услышал сзади себя:

— Самгин?

Широко [и светло] улыбаясь в бороду, *прищурив глаза*, рядом с ним шагал Асонов [гово⟨ря⟩] и говорил басом:

— Примечательная походка у вас, батенька, вы [ходит⟨е⟩] шагаете по улице, как любитель драматического искусства по сцене.

И слова его, и грубоватая [фамил⟨ьярность⟩] благосклонность их несколько задели Клима, он поздоровался сухо. Обмениваясь незначительными фразами, дошли до подъезда дома Гофмана. Асонов остановился у двери, [протянул руку к] *ткнул пальцем в* кнопку звонка.

— Я тоже в этот дом,— сказал Клим.

— Не к Гофману ли?

— Да.

— Это — здесь,— сказал Асонов и толкнул Клима вперед себя *в дверь*, открытую горничной. Асонов, пожимая ее руку, [басил] *весело* басил:

— [Знакомтесь] *Цветешь?* Превосходную девицу эту зовут Казимира, Казя, Оказия; Борис дома?

Он сам повесил шинель на вешалку.

«Демократический жест»,— подумал Клим, сбросив пальто на руки Кази и поднимаясь по лестнице рядом с Асоновым; горничная быстро бежала впереди их, [фамильярно] улыбаясь Асонову через плечо, слушая его *грубоватую* болтовню.

«Почему же я ходил *со двора*, [по] черной [лестнице] лестницей?» — [по⟨думал⟩] думал Клим, шагая по мягкому ковру. Гофман встретил гостей [на пороге] *в дверях* небольшой [солидной] комнаты [солидно обставленной].

[— Ба! — [вск⟨рикнул⟩] тихо [вскри⟨кнул⟩] крикнул]

— Ты? — воскликнул он, подняв брови [протянув Асонову руки.— Ты?].— А мне писали...

— Не [верь] всему [ведь] *верь*, что пишут,— остановил его Асонов, [во⟨йдя⟩] шагнул в комнату и тотчас же тяжко [шлеп⟨нулся⟩] бросил тело свое на кожаный диван [и [оглянув⟨шись⟩], оглянув комнату, сказал, подмигнув Климу:

— Уютно живут марксисты, а?

— Вы — знакомы? — спросил Гофман. Клим молча наклонил голову, осматривая сквозь ресницы солидно [обставленную комнату, соображая: [Вот] Это его кабинет] [обставленную комнату, *и не находя в ней*] обставленный кабинет *и не находя в нем* ничего общего с аскетической простотою [то⟨й⟩] комнаты, в которой [его] Гофман принимал его. [Ему] Казалось, [и сам] Гофман в этой комнате держится иначе [*с ним*], суше, барственнее, что он выспрашивает Асонова, как будто приказчика, подотчетного ему. [Нравилось, что] Асонов в потертом выцветшем сюртуке, в заплатанных сапогах [развалился] *полулежал* на диване, отвечая небрежно, кратко [и устало]. Он курил, наполняя комнату облаками [крепко⟨го⟩] *едко* пахучего дыма, щурился.

— А Казань? — спрашивал Гофман, сидя у стола, загруженного книгами.

— И К⟨азань⟩ тоже. Вообще, брат, провинция как будто [менее академична] *более практична*, чем столица, хотя и не богата рабочими].

— *А я не знал, что вы знакомы,— сказал [как бы извиняясь, Гофман] Гордон, [быстро] [торопливо и крепко] пожав руку Клима, [и] улыбнулся, как бы извиняясь [Клим сел, осматривая солидно и дел⟨овито⟩] в чем-то, [и] и плотно прикрыл дверь [и опустил]. Комната [был⟨а⟩] солидно обставлена тяжелой мебелью в коже [и напоминала], как деловой кабинет Варавки. На большом письменном столе — лампа [бронзова⟨я⟩] темной бронзы под зеленым абажуром усугубляла это сходство. Два окна завешены тяжелыми драпировками, и теплый сумрак насыщен запахом эвкалиптового масла. Треть комнаты отделена японской шелковой ширмой серого цвета, по шелку вышиты золотом [бамбук и] журавли и бамбук. Климу показалось, что [Гордон держится суше] в этой комнате Гордон держится суше и барственнее, чем в аскетической [комнат⟨е⟩] конурке, где он принимал Клима.*[1]

Он выспрашивал Асонова [2] торопливо и настойчиво, как приказчика, подотчетного ему, и нервозно потирал руки, хрустя пальцами. Асонов, полулежа на диване в потертом, выгоревшем сюртуке, в заплатанных сапогах, отвечал [лениво] небрежным тоном, устало: он курил, наполняя комнату облаками едко пахучего дыма.

[1] *Текст*: А я не знал ∾ принимал Клима.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Между строк над этими словами помета рукой Горького*: Общее с Лютовым.

— Марксистские кружки есть и в Харькове, и в Казани, и в Киеве, но [связи] связью с рабочими нигде не хвастаются. Дай пепельницу.

— Я ведь не курю, у меня — *ты знаешь* — легкие слабы,— *ворчливо* сказал Гордон и, высыпав на стол перья, протянул Асонову [какую-то] *фарфоровую* вазочку. Асонов [*задумчиво*] укрепил ее в коленях своих и продолжал, [усмехаясь] *задумчиво глядя* в бороду, *приподнятую широкой его ладонью*:

— У меня, брат, курьезнейшее впечатление: в марксисты лезут *по преимуществу* сынки наиболее обеспеченных классов, а мелкое мещанство тянет к народникам.

— [Это] Ты говоришь это, чтоб позлить меня,— сказал Горд⟨он⟩, неохотно улыбаясь [но Асо⟨нов⟩].

[— Нет, я — серьезно, — [сказ⟨ал⟩] продолжал] Нет, серьезно. Этому, [мо⟨жет⟩] *пожалуй*, есть объяснение: марксизм для очень многих — теория эволюции. Историческая необходимость [понимается] *подсказывает* многим сытым мальчикам, что они имеют право жить сложа руки, вот что! И вообще, брат, в марксизме красоты нет, романтики. А у народников этого добра — избыток. [Роль ли⟨чности⟩] Герои, личности и всякий [драматический] балаган.

Он с явным сожалением посмотрел на окурок папиросы, вынул картонную коробку, заглянул в нее и вместе с окурком втиснул в пепельницу.

— Вы, Самгин, не курите?

Не ожидая ответа, он [⟨ска⟨зал⟩] продолжал:

— Был у Толстого с одним туляком, семинаристом. Поспорили о [мечах] евангельских мечах. По отношению к логике Толстой — своенравный старичок. Сражался со мною *тем тупым* мечом [Малха], который Христос повелел вложить в ножны. [А я вооружился мечом, который Христос, по его же словам, принес в мир. Я напомнил Христово же заявление: не мир, но меч принес я на землю.] Ну, не сошлись мы характерами. Очень не понравились друг другу.

— Толстой — это удивительно и совершенно русское явление,— вставил Клим.

л. 106 — Именно,— согласился Асонов, но тотчас добавил: — А поэтому и вредное.

— Кому? — спросил Клим.

— Истории, знаете. Истории, которой решительно и навсегда надоели всякие сентименты [1].

---

[1] *Возле этих слов, на полях, помета рукой Горького*: Узкие глаза.

Гордон докторально [*и умно*] *и гладко* начал говорить, что Толстой — законченное выражение русской деревенской стихии, Асонов послушал его и спросил:

— Ну и что же отсюда следует? Бакунин тоже — стихия. И Нечаев. И Достоевский. Н-ну?

Климу не нравился Асонов, *похожий на ломовика*, с его [тупоносыми] демократическими сапогами [и показ⟨ной⟩], небрежной, напоказ, позой, *обкусанной* неряшливой бородой, но очень нравился *пренебрежительный тон*, [с] которым этот вологжанин говорил с чистеньким Гордоном. [А] Когда Асонов, прервав речь хозяина, тяжело встал на ноги, оглянулся, жуя бороду, и сказал: «Мне пора [на носу⟨?⟩]!» — Клим тоже простился с Гордоном, *простился суховато, обиженно*. На улице, под холодным ветром, Асонов [сказал] проворчал:

— Уютно живет.

Клим осторожно спросил:

— Не понимаю, что влечет его к социализму? [— поспешно спросил Клим, Асонов посмотрел на него сбоку и ответил:]

— Неправильное понимание оного,— тотчас ответил Асонов, глядя узкими глазами вперед.— [Он] *Гордончик* и подобные ему легалисты рассматривают *научный* социализм [Маркса] как нечто способное смягчить *и даже предотвратить* неизбежную катастрофу. [Ошибка] Обман зрения. Социализм, *именно потому, что он научный,— штука ядовитая. Затем он кровное* дело рабочих, сударь мой, а посему [он для Гордонов — обязательно катастрофа] *делает катастрофу неустранимой*. [Они это скоро поймут.

«Ну, а ты?» — хотелось спросить, но Клим не решился. Прямота Асонова, откровенность речей его льстила [*ему*], *в ней* [*он*] *Клим чувствовал грубоватое доверие Асонова к нему и опасался поставить себя каким-нибудь неловким вопросом рядом с Гордоном*]. *Этот человек не возбуждал вопроса, почему он социалист. Климу было ясно, что настоящие социалисты таковы* [*и есть*] *и должны быть*: *мужиковатые, широкогрудые, с* [*маленькими*] [*холо⟨дными⟩*] *узкими глазами, с холодным презирающим взглядом.*

Асонов остановился, тряхнул головою:

— Есть [я] хочу. Вы — как?

— Я бы выпил чаю.

— Вот и выпейте,— разрешил Асонов.

В маленьком ресторане, наполненном сизой мутью, они сели в темный уголок, и Асонов, шевеля бородою, стал же-

вать ветчину, [запив⟨ая⟩] густо смазывая ее горчицей, настолько крепкой, что она щипала глаза Климу [1].

Насыщался он *быстро и* с тою [серьезной] *сосредоточенной* деловитостью, которая свойственна *только* людям физического труда. А задумываясь, совал двумя пальцами в рот клок бороды и, скусывая кончики волос, беззвучно сплевывал их. Это было противно.

— Вы учитесь петь? — спросил Клим

— Пою, но не учусь. Жена — учится. Я ведь женился на Марине, помните ее? Да. [Дмитрий, брат ваш, был влюблен в нее, а я вот — женился. Брат у вас — хороший парень.] — Подняв руку с ножом в ней, Асонов повторил: — [Ха-арошии] [2]. — Потом вдруг спросил, *окинув Клима острым взглядом узеньких глаз*:

— *Я слышал, что* [*у вас*] у вас есть связи с рабочими?

Клим ответил не сразу, подумав:

— Да, [тут в Марьиной Роще, один бывший сектант, сютаевец. У него собираются.

— Что читаете?

— Я еще не начинал,— сказал Клим.— Просто толкуем. Пока] *у меня есть знакомые. Но —* [*откуда*] *кто вам сказал?*

— *Один* [*пистолет*] *скукотворец из народников. Он* [*тут*] *возится с какими-то сектантами и хвастался, что успешно совращает вас в свою веру.*

— *Марков?*

— [*Порядочный*] *Болтун,— сказал Асонов.—* [*Зачем вам*] [*Вы напрасно возитесь с такими пистолетами*] *Будьте осторожны с этим пистолетом.*

Клим молча пожал плечом.

[Так,— ск⟨азал⟩] Асонов [и замолчал, тоже подумал], помолчав, подумав, [и] решил:

— Выпью-ко [и] я чаю.

Потом [он задумчиво добавил] *предложил*:

— [И поеду] *Поедемте* в Коломну?

[«Тоже чудак»,— отметил Клим.]

Ехать в Коломну Клим отказался, усмехнувшись и подумав: «А он тоже чудак».

— Вам нравится Москва? — спросил Асонов.

---

[1] *Текст*: Именно, — согласился Асонов *(стр. 299)* ∾ глаза Климу — *перечеркнут синим карандашом*; *слова*: стал жевать ∾ глаза Климу — *отчеркнуты на полях красным карандашом.*

[2] Неоконченная правка.

И [прежде чем] *не ожидая ответа* Клима, сердито заговорил:

— Огромнейшая ненужность. Все запутано. *Улицы*, дома чёрт палкой помешал. Ходишь, ходишь — едва найдешь, что нужно. И все рычит: Я-те не Европа!

Он ударил [по] чайной ложкой по столу:

— Врешь, будешь Европой!

[Присматриваясь [приг⟨лядываясь⟩] к Асонову, Клим сравнивал его с Гордоном [и видел, что этот человек, еще более, чем Гордон] и видел, что сравнение не в пользу топорного вологжанина, похожего на ломового извозчика.]

Он широко ухмыльнулся.

— Дома хорошо строят здесь, этакие вольные переводы с венского на московский. О бок с одним таким доминой — деревянный старенький сосед нагнулся в улицу, а на воротах вывесочка: «[какой-то] [Сивачев] гадает, предсказывает будущее от часу до 3-х и от семи до 10» А? — Асонов захохотал, мигая, и поднялся на ноги:

— Ну, мне — ехать!

Взбросив фуражку на голову, он [*молча*] протянул Климу руку, посмотрел мимо лица его и [ушел] пошел, но от двери вернулся, бросил на стол рубль:

— Забыл заплатить.

Наконец он [шумно] исчез, шумно хлопнув дверью.

А Клим [остался], помешивая чай [осматривал публику] *ложкой, присматривался к публике* [и [сравнивал Асонова с Гордоном. Рядом с изящным] сравнивая Асонова с Гордоном, видел, что сравнение не в пользу Асонова. В этом сыне деревенского попа], сравнивал тяжеловесного сына деревенского попа с лощеным сыном фабриканта шляп [в Асонове было что-то глуповатое и грубое], находил, что Асонов глуповат *и* груб.

В ресторане сидело пять человек, трое углубленно ели, наклонясь над тарелками в однообразных позах, четвертый уже насытился и, действуя зубочисткой из гусиного пера, пустыми глазами [в упор] смотрел на Клима. В углу, у окна, [жен⟨щина⟩] дама в черном читала письмо, Самгин видел ее твердый рот, плотно [сомкнутые] *сжатые* губы, золотую полоску очков на виске. Вот она улыбнулась, но, прежде чем разомкнуться в улыбке, ее губы [сомкнулись[*сжались* еще плотнее, *рот сердито окружился морщинами*, и по этому Клим узнал в ней знакомую Лютова.

[Это было неприятно] Клим нахмурился [думая]: «Он

загащил меня в кабачок, где [*должно быть*] собираются революционеры».

Четверо молчаливых мужчин [стали подозрительны] *тотчас преобразились в сизом сумраке, стали темнее и выросли*, особенно этот с зубочисткой, хотя сейчас его пустые глаза смотрят в [пот⟨ную⟩] стену. Дама, прочитав письмо, [сунула] спрятала его в сумочку, звучно, как будто взведенный курок револьвера, щелкнул замок [1]. Клим встал, расплатился и вышел, находя, что даже лакей в этом ресторане подозрительно равнодушен.

На улице посвистывал ветер, по мостовой прыгали желтые листья, катился комок бумаги, люди шли торопливо; кто-то задел Клима локтем.

«Конечно, политическая деятельность дает большие шансы быть видимым, заметным,— думал он.— [Поэтому] *Наверное* это и увлекает *многих* [людей, подобных Гордону]. *Но вот такая женщина?* Она, как раз наоборот, обязана жить. незаметно».

[Дешевизна, бесцветность мысли раздражала] Клим [вспомнил] угрюмо задумался о жизни, затем вспомнил Ходынское поле, вид на него с крыши, [1 *нрзб*, густой] *толстый плотный* слой человеческой икры. Потом [вспомнился снимок с какой-то] вспомнилась *присланная Нехаевой репродукция с чьей-то* картины «Погоня за счастьем»,— толпа людей всех сословий [бежит, сбивая друг друга с ног], сбивая друг друга с ног, бежит по узкой дороге к пропасти. [*Этот снимок прислала Нехаева*]

Ему подумалось, что он тоже с этой толпой, но в стороне от нее, и не бежит, а [идет осторожно] скучно [идет], против своей воли идет, высматривая: [кого бы взять под руку? *с кем бы поискать свой путь*? Лидия оказалась неспособной быть чем-то иным, кроме жены, [но] *и* было бы глупо жениться в его возрасте на девице, которая так нелепо умствует] нет ли *особой* тропы для него? [Обидно идти дорогой, общей для всех людей] «[Да] *Унизительно* [*идти*] [*ползти*] *катиться темненькой безличной икринкой* [*дорогой*] *по дороге, общей для всех* [*и*], *поэтому-то люди и пытаются быть непохожими друг на друга»,— думал он, медленно шагая по тихим улицам от фонаря к фонарю, вызывая встречу себе* [*знако⟨мые⟩*] *фигуры знакомых. Конечно Варавка, Лютов, Радеев не схожи друг*

---

[1] *Текст*: В ресторане сидело пять человек *(стр. 302)* ∾ щелкнул замок.— *перечеркнут синим карандашом.*

с другом, так же как [*Нехаева, Спивак, Лидия, как ошибка, которую*] *смешной Томилин* [*туповатый Макаров и этот*] *и полуумный стихоплет Дьякон, как Нехаева, Спивак, Лидия. «Но в сущности эти попытки* [*эти неудачные*] *сделать себя непохожим на других мало удачны»,— убеждал Клим сам себя* [*и*], *однако пошел еще более медленно,* [*отягощенный вдруг вспыхнувшей совершенно ясной мыслью*] [*отягощенный словами Радеева, которые он вдруг вспомнил*] *вспомнив слова Радеева Варавке* [*— Люди становятся все более разнолицыми* [*они стара*〈*ются*〉], *они все настойчивее и быстрее отграничивают себя*] *о молодежи.*

Раздраженно, *как* [*унизительная*] [*тяг*〈*остная*〉] *ошибка*, вспомнилась Лидия [с ее нелепыми вопросами. Вот ошибка, которую], и [от этого воспоминания все вокруг] это воспоминание наполнило Клима ноющей грустью, еще не испытанной им. Он пошел тише, соображая: отчего так грустно? [1] [Ведь он ее уже не любит. Да — любил ли?]

— [Хотите] Проводите меня? — [спросила его] тихо предложила девушка в шляпе Рембрандта и пошла рядом, касаясь его локтем, прижав муфту к подбородку. Не ответив, Клим ускорил шаг, девушка отстала.

«Другая бы, побойчее, назвала меня невежей»,— подумал Клим и оглянулся. Тогда девица снова догнала его, [и] снова пошла рядом, [сказав] говоря вполголоса:

— [Не стесняйтесь] Я живу близко. Пройдем незаметно.

Клим слышал, что она говорит почти нежно, и тихий голосок ее звучит не фальшиво. Но все-таки он рассердился:
л.108[2] «Вот дура! Она считает меня мальчишкой» [рассердился Самгин и]. Ему захотелось наказать девицу. Приостановясь, он заглянул под шляпу ей и [сказал громко] *строго приказал*:

— [Идите] Прочь!

Она испуганно отскочила [к стене дома и].

«Вот так бы оттолкнуть от себя все ненужное»,— подумал Клим, но через минуту ему стало неловко: за что обидел человека? И глупо обидел.

«[Это] Лидия привила мне [раздражительное отношение] *неприязнь* к женщине [Она заразила меня]»,— оправдался [Клим] *он.*

---

[1] *Текст*: Наверное это и увлекает *(стр. 303)* ∾ так грустно? — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] У Горького ошибка в пагинации: после л. 106 следует л. 108. Оставлена пагинация Горького.

Дома, размышляя об этом, Самгин [быстро] легко убедил себя, что так и есть: [Лидия должна была] *поведение Лидии не могло не* изменить его [отно⟨шение⟩] чувства к женщине.

[«Это не физиологическая усталость, *не пресыщение*, нет,— убеждал он себя.— Это нечто иное [и], более глубокое».]

И через несколько дней он окончательно убедился в этом на опыте: встретив Татьяну в фойе театра, он заговорил с нею [в небрежном, насмешливом тоне] *небрежно и насмешливо.*

— *Ну* что же,— [все] учитесь делать драмы?

[Вначале] Сероглазая девица отвечала ему в патетическом, излюбленном ею тоне, *а* он говорил все более насмешливо, и хотя сам [видел] *слышал*, что насмешки его звучат плоско, однако видел: [что] они охлаждают Татьяну. Вскидывая длинные ресницы, девушка [*уже*] заглядывала в лицо его [уже] *обиженно*, прикусив губу, выдвинув подбородок, и [спрашивала] переспрашивала:

— Разве Ермолова [тоже] для развлечения праздных?

— [Всё] Искусство — игрушка пресыщенных, — сказал Клим [словами Асонова].

— Вы не так смотрели, — напомнила Татьяна [Клим сказал очень солидно:

— Теперь вижу дальше.] *и, вздохнув, прибавила*:

— *Какой вы всегда... неожиданный. К вам — [не привыкаешь] трудно привыкнуть. А вот Марков — [наоборот... он] [он — точно] как тенор из оперы, заранее знаешь [все] его партии.*

Она сказала это задумчиво, и в словах ее Клим уловил [что ⟨-то⟩] нечто лестное для себя. Но когда девушка предложила ему проводить ее, он, извиняясь, отказался, а сидя в театре, прислушиваясь, как сердито беседует королева Елизавета с Марией Стюарт, думал не без удовольствия: «Да, мое отношение к женщине изменилось. И это не по [причине] *мотиву* физиологической усталости, нет... Это — не пресыщение, а познание».

Скоро Клим Самгин заметил, что изменяется и его отношение к самому себе: он стал спокойнее, самоуверенней. Может быть, [этому спо⟨собствовало⟩] это настроение вызывалось Гофманом, который теперь принимал его не в монашеской комнатке, а в солидном своем кабинете, и говорил с ним *новым* тоном, [менее поучительным, даже] в котором Клим уже не улавливал оскорбительного оттенка превосходства.

По субботам у Гофмана собирались такие же солидные молодые люди, как сам он, они *деловито* говорили о социалистическом движении на Западе, о судьбах России, о развитии промышленности. Клима особенно интересовал один из них, *маленький, костистый*, [рыжеватый] с рыжеватой бородкой [с зе⟨леными⟩] *и* зелеными глазами; растерянно улыбаясь, он провозглашал всегда нечто неожиданное и спорное.

— В рейхстаге сидит сорок процентов попов-католиков,— утверждал рыженький.— Это представители рабочих,— хэ?

[Хэ] Он произносил [это] хэ часто, но неопределенно [и], нельзя было понять: смущает или радует его тот факт, что интересы рабочих защищаются попами? Был он суетлив, нервозен, часто перебегал из угла в угол, соскакивая со стула, точно уколотый, потом, забиваясь в угол, сидя с ногами на диване, ожесточенно крутил и дергал бородку, молчал, открыв рот, и вдруг, вскакивая, говорил:

— Нация, не сознающая своей индивидуальности, еще не нация. Мы — не нация. Мы еще не понимаем своей формы. [Англичане] В Англии — тред-юнионы, в Герм⟨ании⟩ — социал-демократия, глубоко проникнутая идеями государственности, Фр⟨анция⟩ будет синдикалистской, это — ясно, в Италии вырабатывается своеобразный рабоче-крестьянский социализм, а у нас? [Хэ?]

— Народничество? — спрашивал он и отталкивал обеими руками дымный воздух от себя. — [Архаизм] В-варварство. Вынужденное, конечно. Все вынужденно. Хэ? Я боюсь, что мы будем вынуждены стать анархистами в этакой, знаете, особенной, нищенской, толстовской форме [а?],— х-хэ?

Он недавно приехал [от] из Германии, где учился философствовать, [и] его слушали очень внимательно, спорили с ним осторожно и бережно. [[*В сущности*] *Это были даже и не* [*стары⟨е⟩*] [*те*] *давно знакомые Климу жаркие, запутанные споры, а деловитая беседа благовоспитанных людей* [*серьезно занятых*]*; они серьезно заняты* [*не выяснением и примирением противоречий и*] *«классификацией фактов», как любил говорить Гофман, и примирением противоречий, как понимал Клим. В речах Гофмана всегда звучала*] Слушая эти споры, Клим Самгин находил в них немало полезного для себя. [Была в них] [1] утешительная [успокаивающая] упрощенность,

---

[1] *Слова*: Была в них — *ошибочно зачеркнуты.*

было много цифр и они [*успокоительно*] ложились [*успокоительно*] на всю жизнь [геометрическими фигурами] *спокойными* квадратами [шах⟨матной⟩] шашечной доски. Но успокаивали они не надолго. Стоило Климу вспомнить невзрачного рабочего-сектанта, дьякона, Диомидова, Лютова и других людей, [которые по] которых он привык считать чудаками, и [которые] *он видел, что эти люди* не [укладывались] укладываются в квадраты, [намеченные со⟨лидными⟩] *намеченные солидными юношами*, шашечная доска становится шахматной [и], у каждой фигуры свой, индивидуальный ход.

Тогда он, выпуская на суховатое лицо свое скептическую улыбку, скрывал за нею свое недоумение и рассказывал об этих людях, заботливо стараясь не ставить никаких вопросов, которые могли бы выдать его *теоретическое* невежество. Он сообразил, что можно быть оригинальным и не будучи еретиком. Его слушали тоже внимательно. Особенно — рыженький, Сабанеев, он всегда слушал, открыв рот, облизывая красные губы и наклонясь вперед.

— Познакомьте меня с этим парнем, с бутафором! — просил он. — И — с дьяконом. [Познакомьте...] — Просил и почему-то задыхался.

А [филолог] Стратилатов, длинный, черный, [с] прищуренными глазами смотрел через очки, раскачивая [часы] на цепочке золотые часы, и затем говорил решительно, очень высоким голосом, который резал уши.

— Самгин сам очень метко назвал людей этого типа живыми анекдотами. Они — легковесны и недолговечны. Когда подует ветер истории, он [сметет] выметет их из жизни, как сор.

— Выметет куда? — задумчиво спросил Гофман. Не ответив ему, Стратилатов продолжал:

— Все эти люди — сенсуалисты, как ослы. Осел потому кричит так трагически, что мир только ощущается им, но не мыслится, не познается...

В этом Стратилатове было нечто почти пугавшее Клима, он туго надувал свои синии бритые щеки и говорил *Сабанееву* неоспоримым голосом:

— Верующий [или убежденный] человек не должен замечать противоречий в своих мнениях.

— Попробуйте — хэ? — предлагал Сабанеев, но Стратилатов никогда не слушал, что говорят ему.

— Убежденный человек свободен от *совершения* противоречий.

Он был сыном какого-то кавказского губернатора *и рассказывал, что* всходил на вершину Эльбруса, охотился в Сред⟨ней⟩ Азии на тигров, а одного *даже* убил. [О русском]

— [Русский человек мечтателен и ленив,— говорил он] Русский мало хочет.

Был еще один студент [Поярков] [Таги⟨льский⟩] Тагильский. Кругленький, розовощекий, с детскими глазами, он сидел, широко расставив коротенькие ножки, и казался распаренным, как будто пришел из жаркой бани [1]. [Этот] Он *всегда занимал самые уютные и удобные места в комнате, курил тоненькие папиросы и* молчал, потирая подбородок женской рукою, но каждый раз, когда говорил Стратилатов, светлые глаза Пояркова странно [темнели, губы крепко сжима-
л. 109 лись, и казалось, что вот сейчас он скажет дерзость охотнику на тигров.] [2]

[Проси⟨дев⟩] Посидев с этими людьми вечер субботы, в воскр⟨есенье⟩ Клим шел [в Марьину Рощу] [3]. Там он [всегда] встречал [Маркова и] Диомидова, который приходил с Марковым, а однажды с удивлением встретил и Дьякона. Как всегда серый Д⟨якон⟩ сидел в углу [молча], *согнувшись*, глядя в пол, и молча слушал знакомые Климу слова Барамзина.

— Камень — дурак. Дерево — дурак. Надобно понять это, надобно перешагнуть через глупость [недвижимого] *неподвижного*. Понять это — просто.

Очень похудевший, [гладко] *коротко* остриженный Диомидов смотрел на учителя благоговейно и вдруг сиповатым голосом почти кричал торопливые слова:

— [Да, да,— довольно] Тут, главное, *все потому, что мы* заманиваем друг друга в семью, в родню, в толпу, — вот что! Вот рабочие — слышали? [ага!]

— Что — рабочие? — спросил [остро⟨носый⟩] кривоносый человек, сидевший у печки, но Диомидов, отвечая ему, заговорил что-то непонятное [запутанное] *Климу*, говорил он, *закрыв глаза*, бледнея, и казалось, что сейчас упадет в обморок.

— Тебе, парень, в деревне [пожить] жить надо, *молока попить*,— *равнодушно* сказал ему Брамзин, а Дьякон из угла, не поднимая головы, задумчиво и негромко заметил:

---

[1] *Предшествующие три страницы автографа от слов:* Скоро Клим Самгин *(стр. 305) — перечеркнуты синим карандашом.*

[2] Правка не закончена.

[3] Слова ошибочно зачеркнуты.

— [Надо помнить] Не забудем, что [борьба за жизнь изображается не токмо в науке, а и в Библии] закон борьбы за жизнь утверждается не токмо наукой, а и Библией. А также и распря [отцов] детей—отцов. Авессалом-то жил задолго до тургеневского Базарова.

Неожиданно медленно расправлял тощее тело свое Дьякон и говорил глуховато и певуче, точно с амвона:

— *Откуда оно, дробление жизни*? То, что прежде было в общем употреблении, у всех людей, начало скапливаться в домах у немногих. Чтобы других подвергнуть рабству, *некие* люди стали собирать в свои руки первопотребные *для жизни* вещи и беречь их тщательно, чтоб удовлетворить любостяжание свое и корысть свою. Составили они себе законы несправедливые, посредством которых защищают свое хищничество, действуя насилием и злобою.

В этом тоне он говорил долго и затем, окинув взглядом всех слушателей, сказал:

— Прошу знать и помнить: *сии* слова неотразимой правды не я выдумал, они сказаны и напечатаны в книге Лактанция, названного христианским Цицероном и жившего в начале четвертого века по Р. Х. Книга издана в Санктпетер⟨бурге⟩ в 1848 и цензурована цензором архимандритом Аввакумом. Вот. Значит я сказал вам не мою, а чужую, древнюю и вечную правду.

Он сел, согнулся, а кривоносый спросил его:

— Ну, а дальше — что?

— Думайте *сами*, [почтен⟨ный⟩[*друг*,— сказал Дьякон [1].

Кривоносый, прищурясь, посмотрел на дьякона, почесал локоть правой руки и, наклонясь к серой фигуре, сказал вполголоса:

— Дунаев.

Дьякон искоса взглянул на него, и они начали говорить шепотом. Клим замечал, что эти разномастные люди часто шепчутся и что в их отношении друг ко другу есть что-то недоверчивое, нащупывающая осторожность слепых.

Клим вышел от Брамзина с Дьяконом, все более интересовавшим его, и дорогой несмешливо спросил:

— *Как же это, отец Дьякон? Недавно вы говорили, что революционеров надо жечь, а сегодня — вот какие мысли у вас.*

— *Да? — вопросительно [проговорил] проворчал Дьякон.*

---

[1] *Текст*: Неожиданно медленно расправлял ∾ сказал Дьякон.— *вставка на отдельном листе с заголовком:* Дьякон.

— *Противоречие.*

— *Ни малого противоречия, ибо меня первого и сжечь,— сказал Дьякон,* [*ныряя*] *бодая головою воздух.— Меня и надо сжечь. Кто говорит устами моими? Нужда человеческая. История, так сказать. Вот и того... и сжечь, не сотвори себе кумира* [*из истории*] *из нужды. Понятно?*

— *Нет.*

— *Ну, как хотите! — И, приподняв шляпу, Дьякон исчез, он всегда исчезал куда-то за угол.*

Почти каждый раз, приходя к Барамзину, он замечал в его тесной комнатке новых людей, [всё это] все они были, по-видимому, ремесленники, рабочие и ко всем им Барамзин относился одинаково безразлично, [1 *нрзб*] свысока.

— Вас — вон сколько, а я — один,— [часто] [нередко] повторял [он[1] и отве⟨чал⟩], когда ему противоречили, но на вопросы отвечал [длин⟨но⟩] пространно и охотно.

— Думайте от себя, а не от книжек,— учил он, положив на стол сухие руки с ногтями, окрашенными [то си⟨ним⟩] *иногда* в синий, [то] *иногда* в красноватый цвет.— Книга — костыль,— говорил Брамзин, беззвучно шевеля пальцами на столе.— Тебе душу вывихнули и дали костыль, [на,] ходи! А я — сам книга. Каждый здесь — живая книга. Учитесь читать друг друга, так и откроете единство душ.

Чаще других возражал ему Диомидов, подскакивая на скамье и точно падая вперед.

— Не в единстве [цель] *суть* [*дела*] *жизни*, а в различии...

— А что различать? — строго спрашивал Брамзин и сам отвечал.— Различать-то нечего. Ты сначала понимать научись.

Но Клим Самгин во всех этих людях [Клим Самгин] чувствовал нечто единое, они все более возмущали его грубой дерзостью своих вопросов *и малограмотных* речей, своими усмешками. Было в них *немало смешного, анекдотического*, что-то [*очень* чужое ему] странное и неприемлемое для него. Их право рассуждать о жизни казалось ему сомнительным, и он смутно догадывался, что революционизированное чувство опаснее революционизированного ума.

— Просыпается Русь,— восхищался [Макаров] Марков.

— А может быть, бредит во сне? — спросил Клим, усмехаясь.

---

[1] *Слово*: он — *ошибочно зачеркнуто.*

Марков [запылал, ста⟨л⟩] начал исчислять признаки духовного пробуждения, но вдруг Татьяна засмеялась, вскинув голову, некрасиво выгнув длинную шею.

— Вы очень смешно говорите, Миша,— объяснила она.— Покойник дядя в этом тоне рассказывал, как он удил рыбу, крупная у него всегда срывалась с крючка, а домой он приносил *костистую* мелочь, которую нельзя есть.

— Странное... сравнение,— конфузливо и сердито сказал Марков и замолчал. [Он уже несколько] Татьяна [дважды] ходила с ним на собеседования Брамзина, [но] сидела там, нахмурясь, напряженно присматриваясь к людям, [потом она ска⟨зала⟩] кусая губы, а по дороге оттуда сказала Климу:

— Я плохо понимаю, [о чем] *что* они говорят. Это — революционеры? [Они]

— Будут,— сказал Марков [1] убежденно.

— [Я вижу революционера прежде всего красавцем. И сильным, — ска⟨зала⟩] [Революционер *для меня* прежде всего красавец, *поэт, носитель Прометеева огня*,— объяснила Татьяна, подумав. Марков, пощипывая усы, [сказал] пробормотал невнятно:

— Это — наивно. Театрально]

Татьяна недоуменно пожала плечами.

— Революционер — для меня — прежде всего — поэт, носитель Прометеева огня, Уриэль Акоста.

— *Это наивно,— пробормотал Марков, пощипывая свои усики и молодцевато выгнул грудь. Татьяна продолжала*:

— А тут — старый дьякон.

— Он — не стар,— [напом⟨нил⟩] поправил Марков.

— Все равно — дьякон. В этом что-то смешное. А у другого — кривой нос, и, конечно, это записано в его паспорте, особая примета. Какой же он революционер? Его сразу поймают сыщики за нос.

Марков остановился и начал хохотать, засмеялась и Татьяна [2].

Клим видел, что она относится к Маркову покровительственно [и], снисходительно, [а к нему] а пред ним как будто робеет, смущается. [Но] *Это ему нравилось, хотя* он не верил в искренность ее смущения, [думая: хочет] [он видел Татьяну несимпатичной] догадываясь [«Играет [дура]. *Хочет* представить себя влюбленной».

---

[1] *В автографе описка:* Мак⟨аров⟩.

[2] *Текст*: Татьяна недоуменно пожала ∾ засмеялась и Татьяна.— *вставка на отдельном листе.*

Он находил ее глуповатой, несимпатичной], *что Татьяна уже* [*играет*] [*начинает*] *пробует играть различные роли и напряженно старается оригинальничать* [*в словах, жестах*] [*словами, жестами*], *одевалась в какие-то трагические* [*балахончики*] *халатики, говорила в нос, уродливо растягивая слова, и двигалась скользящей походкой, раскачивая узкими бедрами, видимо, убежденная, что это* [*кра*⟨*сиво*⟩] *у нее выходит воздушно и красиво. Она худела, длинная шея ее вытягивалась, густые волосы* [*ра*⟨*зрослись*⟩] *обильно разрослись,* [*сде*⟨*лав*⟩] *сделали лицо ее маленьким, она пышно взбивала их.* [*Подр*⟨*уги*⟩] *В школе прозвали ее Кометой. Это ему нравилось, хотя она* [*казалась ему*] *была несимпатична ему, казалась глуповатой, скучной*, и почему-то он ощущал желание [говорить и] делать ей неприятное, это желание становилось тем [острей и] настойчивее, чем [яснее видел] яснее замечал он в Татьяне рост внимания к нему.[1]

— Вам часто пишет Лидия? — спрашивала она, прикрывая глаза длинными ресницами.— Не правда ли, она загадочная?

— Чем это?

— Вообще. Она боится *всех* людей, [но] ей нравятся *только* блаженные, загадочные.

Клим внушительно поучал ее:

— Загадочных людей — нет, их выдумывают писатели для нашего развлечения. Все люди с различной силой, [разн⟨ой⟩] с разной степенью умения выполняют задания двух основных сил истории, [лю⟨бви⟩] эти силы — половой инстинкт и голод. «Любовь и голод правят миром»,— [сказал Шиллер] [вот и] *этим решаются все загадки.*

Татьяна слушала внимательно, [но] однако возражала упрашивающим тоном:

— Но ведь Диомидов или Макаров — загадочные.

Напоминание о Макарове раздражало Клима, ему хотелось сказать о товарище что-нибудь грубое или смешное, унижающее Макарова, и он едва сдерживал это желание. И, усиливая внушительность тона, учил девицу:

— Вы слишком много читаете романов и стихов, это вредно. Вам пора понять, что женщине необходим [не] вовсе не какой-то выдуманный, загадочный [мужчина] *человек*, а простой, здоровый [человек] *мужчина.*

Татьяна исп⟨ытующе?⟩] внимательно смотрела на него из-

---

[1] *Текст*: Почти каждый раз, приходя к Барамзину *(стр. 310)* ∾ внимания к нему.— *перечеркнут синим карандашом.*

под опущенных ресниц, [и этот взгляд] в этом взгляде Клим [чувствовал] подмечал оценивающее, взвешивающее его и мысленно [ругался] ругал Т⟨атьяну⟩: «Дура» [1].

В общем [он] *Клим Самгин* жил неплохо, [его] *его* самоощущение [*повышаясь*] становилось тверже [позволяя ему спокойно наблюдать [и ра⟨ссматривать?⟩] ход жизни, искать в ней свою тропу. Он] [Он все более спокойно наблюдал ход жизни]. *Пристально наблюдая ход жизни*, *он* двигался среди людей, как между зеркал, каждый человек отражал пред ним его самого и [очень] хорошо показывал ему свои недостатки. Он любил и умел подмечать недостатки [людей] *ближних* [и], это очень укрепляло его [и до⟨ставляло?⟩] [недоверчивое] взгляд на себя, как на человека проницательного, и он постепенно приобретал уверенность, что люди,— особенно Гофман и его друзья,— *уже* чувствуют в нем серьезного, умного человека, который не тратит слов даром и не хуже их умеет «классифицировать факты», [и] примирять противоречия и вырабатывать схему, [1 нрзб] обязательную для событий завтрашнего дня. [*Но он хорошо видел, что эти люди* [*обра⟨зованнее⟩*] *начитаннее его, некоторые из них талантливее, и все* [*уди⟨вляли⟩*] *они удивляли* [*его*] *емкостью их памяти, широтой интересов.*] *Он уже убедился, что эти люди не значительнее его.*

[Когда] Нервозный Сабанеев [беспокойно спрашивал] часто и [мно⟨го⟩] тревожно [говорил] убеждал товарищей:

— *Мы слишком мало уделяем внимания религиозному вопросу.* Совершенно необходимо, чтобы революция совпала с религиозной реформацией, иначе будет ужасный кавардак! Реформация, конечно, не [по линии⟨и⟩] в сторону протестантизма, избави боже! [Но] [мы] [нужно, чтобы] [*можно думать*]

Стратонов успокаивал его:

— [Мы гарантированы] *Россия* гарантирована от уклона в эту сторону, [наш муж⟨ик⟩] мужик мистичен, рационализм чужд ему. *Но, разумеется, с мужиком у нас будет тяжелая возня,— меланхолически соглашался он и* [*хмурил*] *двигал бровями, брови у него густые, золотистые.*

Гофман, [твердо веруя, что сознание определяется бытием, морщил брови и] прищурив бархатные глаза, [говорил] [утверждал, что [развитие] быстрый рост промышленности] напоминал:

---

[1] *Текст*: Вам часто пишет Лидия? *(стр. 312)* ∾ «Дура» — *вставка на отдельном листе.*

— [Сознание определяется бытием. Вы видите, что для пролетариата Запада религиозных вопросов] Для пролетариата *на Западе* религиозный вопрос не существует.

Но Сабанеев торопливо кричал о христианах социалистах, о католиках и, понизив голос, подняв руку, грозил пальцем, тоже напоминая:

— [Крестьянство!] Сектанты. При [конституции] *свободе вероисповедания* огромное количество людей будет увлечено и раздроблено этой свободой...

— И — [прекрасно] *что же*? — говорил Стратонов, широко, недоуменно открывая белые глаза.— И пусть мужик увлекается, чем ему угодно. Ведь [не о] вы, надеюсь, не хотели бы, чтоб вся мужицкая стихия ринулась в политику?— спросил он, усмехаясь.

Клим умел своевременно сказать слова, удовлетворявшие несогласных:

— *Да, — соглашался он, вспоминая суждения дьякона,— деревню нужно удержать в позиции пассивной. И потому — мне кажется, что следует говорить не о реформации, а о реформе церковной, о расширении прав духовенства [о реорганизации его в духе католической церкви] и роли его, о восстановлении патриархата, например.*

л. 110 [— Если для народа необходима вера, то ею должна быть только [*разумно обоснованная*] *насыщенная мыслью* вера философов,— говорил он, вспоминая поучения Томилина и] *Он* сам удивлялся тому, что такие фразы [действуют на людей успокаивающе, *легко слагаются в* [*его*] *голове его и как-то действуют на людей.* [Затем он рассказывал о Дьяконе, цитирующем Лактация, и видел, что эти рассказы очень поднимают его в мнении людей.]

Гофман осторожно заметил:

— *Это мысль консерватора.*

Но Стратонов, выпрямив большое, грузное тело свое, строго сказал:

— Это — верная мысль. В известной мере мы все обязаны быть консерваторами. У нас — два врага: *справа* — самодержавие, [и] *а слева* — деревня.

Стратонов увереннее всех других чувствовал себя вождем будущего.[1] Когда Клим [рассказал ему] сообщил мнение Дьякона, что революция [становится не чу⟨ждой?⟩] перестает

---

[1] Стратонов чувствовал себя вождем будущего увереннее всех других.

быть романтической авантюрой интеллигенции, а становится будничным делом [ра⟨бочих⟩] множества простых, рабочих людей,— Стратонов очень возбужденно заговорил:

— Это — правильно, это — естественно! *Сражаются — армии.* Тем более осторожными в наших мыслях и действиях должны быть мы, люди, на которых историей возложена *роковая* [*или вернее — неизбежная*] обязанность организовать революцию, внести в ее стихию всю мощь нашего сознания, ограничить ее [тоже] неизбежный у нас анархизм.

Говоря, он всегда выпрямлялся, [точно] забрасывал руки за спину и плотно сдвигал свои ноги, что придавало его крупной фигуре вид очень внушительный и парадный.

Было странно убеждаться в том, что из всех этих людей наиболее левым и резким в своих суждениях являлся аккуратно тучненький, круглый и чисто вымытый Поярков. Говорил он [спок⟨ойно⟩] скупо, кратко, но всегда решительно.

— Это — ерунда! — говорил он, хлопая себя пухлой ладонью по [круглому колену] колену, мягкому, точно у женщины.— [Нам необходимо *уже* теперь [уже] глубже войти в революцию.] Нельзя руководить [ею] революцией издали, со стороны [1]. Мы варимся в собственном соку, а вот Самгин ведет себя умнее.

[Голос у него был звонкий] [*Губы у него были*] *Его пухлые, яркие губы* [*они позволяли*] *заставляли ждать, что человек этот говорит ласково, мягко, но голосок Пояркова звучал звонко, и это очень подчеркивало сухую резкость* [*его*] *слов. Светленькие, неопределенной окраски глаза, круглые и выпуклые, казались наивными глазами* [*доброго пар⟨ня⟩*] *добряка, но Клим* [*иногда замечал*], *заметив в* [*1 нрзб*] *зрачках голубоватые* [*искры*], *холодные искры, подумал: «Должно быть, двуличная шельма. И — злой».*

А Гофман держался неопределенно, осторожно и мало напоминал Климу того оратора, каким Самгин привык видеть его в коридорах университета. [*Он посматривал*] [*Посматривая на* [*лю⟨дей⟩*] *друзей взвешивающим взглядом, крепко*] *Он гладил смуглой рукою синий подбородок свой и, посматривая на людей взвешивающим взглядом, напоминал:*[2]

Было странно, что Марков не ходит к нему, хотя как всегда в университете они спорили неутомимо и дружески. Было вообще много странного, и *хотя* Клим *уже привык говорить*

---

[1] *Текст:* [Когда] Нервозный Сабанеев *(стр. 313)* ∾ со стороны.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] Реплика Гофмана в тексте отсутствует.

[*и даже думать*] *о революции* [*не*] *как о главном содержании будущих* [*дней*] [*лет и покорно*] *лет, эта тема даже опьяняла его*, все еще не мог понять, зачем *революция* нужна этим людям [революция]? *Но* незаметно он привык [и думать о революции, как главном в его жизни, незаметно согласился с тем, что он человек, обреченный принять в ней участие] *считать и себя человеком, обреченным на участие в революции*. [Моментами он находил и это непонятным для себя, но всегда утешался тем, что в этой] Однако моментами, трезвея, он спрашивал себя: «А мне зачем это?»

И быстро, покорно соглашался, что уж если необходимо присутствовать на представлении драмы, то лучше [смо‹треть›], достойнее смотреть на нее из первых рядов.

За всю зиму он получил от Лидии три письма, *два из Воргорода, одно из Ялты, куда Лидия уехала с Алиной Телепневой*. Коротенькие, написанные отрывистыми фразами, они [показ‹ывали›] были похожи на [торопливые записи в дневнике] *небрежные заметки*, торопливо записанные гимназисткой в *свой наивный* дневник. Между прочим она писала: «Алина очень интересно ругает Туробоева. Она родила девочку, которая уже умерла. Она говорит: это хорошо, что умерла. Но я не понимаю: зачем же делать чего не хочешь? Здесь так жарко, что все еще ходят в белых костюмах. Ожидают, что скоро приедет царь. Алина стала замечательно умной, но злая. Обратно я поеду через М‹оскву› и [мы] увидимся с тобой».

Клим, читая [эти] письма Лидии, внимательно прислушивался к себе [и не [откр‹ыл›] нашел] и не нашел, что письма волнуют его. Они не вызвали в нем никаких особенных чувствований, может быть, потому, что [в дни] перед тем, как получить последнее письмо Лидии, он был неприятно [и глубоко] взволнован беседой с Макаровым. [Он [набрел на] *встретил* Макарова, [гуляя в Петр‹овском› парке] гуляя] Идя по Тверскому бульвару [светл‹ой›] лунной и холодной ночью [апреля], *он еще издали* заметил на одной из скамеек [*под голыми сучьями дер‹евьев›*] студента, который, согнувшись, *что-то* писал *тоненьким прутом* на сырой земле у ног своих [веткой дер‹ева›]. Голые ветви дерева [над] сзади скамьи [по‹крыли›] покрыли студента сетью [тон‹ких›] теней.

«Влюбленный, *конечно*»,— подумал Клим, но когда поравнялся со скамьей, студент, подняв голову, окрикнул его, затем встал, подошел *и спросил*:

— Сердишься на меня? Ну — извини, я помню, *понимаю*, что был груб тогда.

[В его словах] Его слова источали запах водки. Схватив Клима за рукав пальто, он посадил его [ряд⟨ом⟩] на скамью, сел сам и погладил рукою колено Клима, повторив:

— Не сердись, Самгин.

И [затем] тотчас ворчливо, вполголоса заговорил:

— Я вот, видишь, пью... «Тихо запер я двери и один, без гостей, пью...» Это, брат, плохо, когда человек пьет один. Я знаю.

Клим молчал, разглядывая химические формулы, выцарапанные на земле прутом. Прут и [сейч⟨ас⟩] сейчас был в руке Макарова, [он] это беспокоило Клима.

— Должно быть, дело в том, что я романтик,— вслух размышлял Макаров.— Романтикам вредно заниматься [естественными науками, особенно—] медициной. Доктор романтик — абсурд.

Неожиданно для себя Клим спросил:

— Ты что же — все еще влюблен в Лидию?

— Все еще. Да. Люблю.[1]

Макаров усмехнулся и, зачем-то [снял] сняв фуражку, резко тряхнул головою. Двуцветные его волосы [от⟨ливали⟩] местами отливали бронзой, а [нек⟨оторые⟩] иные вихры их [на⟨оборот⟩] были [очень] почти черные.

— Девушка интересная,— сказал Клим сквозь зубы, чтоб сказать что-нибудь безразличное.

— Да. Из новых. [По Генрику Ибсену.] Из тех, которые не умеют или не хотят заключать себя в клетку обычного.

— *Театр становится все более разлагающим,— заметил Клим, а Макаров [отбросив прут [на доро⟨гу⟩] за плечо] взмахнул прутом, продолжал*:

— И находятся в распре со своей природой. Не умеют или не хотят, а?

— Не знаю.

— Это надо понять. Если не хотят — значит *уже* чувствуют себя способными создать что-то другое, новое. Но если *уже* не умеют, *разучились* — тогда брат...

Он *шумно* вздохнул, помолчал, [и ме⟨дленно⟩] и через минуту начал говорить вполголоса, с паузами, [сам] прислушиваясь к словам своим. [Он был] [*Оказалось, что* [*он*] *Мака-*

---

[1] *Текст*: Неожиданно для себя ∾ Да. Люблю.— *перечеркнут синим карандашом.*

ров не очень пьян и довольно связно рассказывал [себе] свои домыслы, *но все-таки Самгин слышал в них что-то бредовое.*]

— [Я уверен, что] Культурная жизнь началась матриархатом. Иначе не могло быть, брат, не могло!

[Он говорил незнакомое Климу и [сра⟨зу⟩] тотчас заинтересовавшее его.]

— [Оседлая жизнь начата оплодотворенной беременной женщиной. Она] *Оплодотворенная женщина* должна была остановиться и огородить себя и своего ребенка [в защите], защищаясь от зверей и непогоды. Она открыла съедобные растения, лекарственные травы. [*Ею накоплены первоначальные знания.*] *Это она приручала животных.* Для полузверя мужчины она являлась существом все более таинственным. [А] *Несколько* раз в году она истекала кровью [и жила], не страдая от боли, и жила, а раненый мужчина *болел* или умирал [или болел]. [Отсюда женщины — ведуньи, жрицы.] [*Она*] *Изумление и страх пред женщиной и до сего дня чувствуется в «табу» диких племен. Она устрашала мужчину своими знаниями, ведовством и особенно изумляла* [его] [мужчину] его таинственным актом рождения детеныша, он [ведь] ведь, охотник, *бродяга*, не мог наблюдать, как рожают звери. [*Оплодотворив ее, он исчезал. В былине об Илье Мур⟨омце⟩ есть эпизод встречи и борьбы с похвальщиком, который сказался его сыном, таких эпизодов немало, и они очень ясно рисуют, чем была первая семья*] [1] [И] Этим изумлением я объясняю то, что [первые] древнейшие религии носят явные признаки обожествления женского начала. [Допустимо, что именно женщина в удивлении пред самою собой и создала эту религию.

Клим слушал эту [неожиданную] *хмельную* лекцию не без зависти. Он не умел строить гипотезы и не пробовал делать
л. 111 этого] [2]. Она была жрицей, создавала законы, была владыкой жизни.

[Клим видел, что] Макаров *был* не так сильно пьян, как это показалось Климу в первые минуты. Он рассказывал свои домыслы весьма связно, [дирижировал прутом, постукивая им] *сидел согнувшись, похлестывая прутом* по грязному [носку] сапогу, по рисунку химических формул на сырой земле. Но все-таки Клим слышал в его словах нечто бредовое

---

[1] Далее — знак вставки, вставка отсутствует.

[2] Помета рукою Горького: «2-й т.». Сделана, видимо, на том этапе работы, когда писатель намеревался перенести этот текст во второй том романа. Л. 111 вошел в 4 главу I тома, остальной материал — во II том.

и особенно убедился в этом, когда Макаров задумчиво сказал:

— Между прочим,— знаешь что? — меня [оскорбляет] оскорбляло циническое ругательство, хвастливое поношение имени матери. Откуда оно? Я думаю, что в глубокой древности оно было приветствием, [которое] *которым* устанавливалось кровное родство. В былине об Илье Муромце есть эпизод встречи с похвальщиком, который оказался сыном Ильи, похвальщик узнал в нем отца по примете, указанной матерью. Возможно, что, [отпуская] *провожая* в поле *того* мужчину, [оплодотворившего] *который, оплодотворив* ее, некоторое время по болезни или по лени жил с нею и даже помогал ей жить, женщина советовала ему говорить при встрече с молодым и сильным противником: поял твою мать.

— Где ты вычитал это? — усмехаясь и недоверчиво спросил Клим, но Макаров не ответил, продолжая *бормотать* все так же тихо:

— У некоторых народов есть ругательства, поносящие богоматерь. [Итальянцы [поносят] цинически [руга⟨ют⟩], так же как у нас, позорят имя [мате⟨ри⟩] матери и даже тещи.] Вспомни, что боги *побежденных* врагов [*1 нрзб*] превращались победителями в демонов. Женщина — побежденный враг. Когда мужчина отнял у нее власть над ним и над жизнью, он объявил женское начало — злом. Очень примечательно, что это случилось на востоке, откуда все религии. Именно там сказано: мужчина — властвует, женщина — подчиняется. Мужчина — [свет] *день*, небо, сила, [акти⟨вное начало⟩], благо; женщина — [мрак] ночь, земля, слабость, зло. *Евреи молятся: «Господи, благодарю тебя за то, что ты не создал меня женщиной». Возможно, что это кричит не презрение, а страх пред Деборой и [Юдифью] Далилой. Вспомни об амазонках и особенно о сибиллах. Гнусность очистительной молитвы после родов — это уж, несомненно, жреческое.*

— К чему ты это ведешь? — спросил Клим. Он слушал уже не без зависти, находя, что Макаров говорит интересно. Женщинам [конечно] приятно будет слышать такие речи о них [из его уст], и, конечно, этот [полупья⟨ный⟩ [хмельной бред [обеспечит] способен создать Макарову успех у женщин.

«Он не так глуповат, [как я думал] *каким кажется*»,— подумал Клим, а Макаров, снова не ответив на его вопрос, продолжал:

— Победив женщину, мужчина не мог победить в себе жажду любви и нежности. Как, чем возбудить любовь рабыни и врага? *Любовь Руфи, Эсфири, Юдифи? Фаллические культы*

создал, конечно, он. Эти культы — свидетельство о бедности воображения и отдаленное предчувствие мрачного отчаяния, которое потом наилучше выразит Шопенг⟨ауэр⟩, [а всего] а всех оскорбительней и грубее — церковь. Потом мужчина догадался, что женщину легко победить искусством. Вероятно, [*этому*] *эту догадку ему внушили* [*птицы*] *самцы птиц.* [Он создал искусство.] Искусство всё — из любви *к женщине.* Из любви *и* вся культура. Иной основы для [него — нет] *нее* [*и*] *не найдешь.*

Помолчав, Макаров, бросил прут через плечо свое и добавил:

— Истинное искусство не философствует, не проповедует, оно только любит.

— Не знаю, [может быть] *может быть,*— сказал Клим.— Но — к чему ты философствуешь?

— К чему? — встрепенулся Макаров, выпрямясь и оглядываясь.— Я хочу понять, что такое современная женщина, вот эта, новая женщина, Нора Генрика Ибсена, которая уходит от любви. Куда уходит? Чего ради? Чувствует ли она необходимость возвратить себе свое былое значение возбудителя культуры, творца жизни, или сила ее любви к жизни уже вся изработана [и] [но она не хочет больше быть идолом], и пошлость мещанской современности окончательно [измучила ее душу] *изуродовала,* ослепила, оглушила *ее*?

Теперь Макаров говорил еще тише, ворчливей и [по горечи] по неискусно скрытой [тоске] *горечи* его слов Клим понял, что, говоря о Норе Ибсена, [он] Макаров думал о Лидии Варавке. [Как Самгин] Он мысленно усмехнулся: «Только-то?»

Все сказанное Макаровым стало незначительным *и наивным.* О Лидии — неверно. Что общего между нею и героями Ибсена? *Клим заметил, что руки Макарова странно беспокойны, всё двигаются, чего-то ищут, хотят что-то схватить* [*вз⟨ять⟩*]. *Напрасно он отбросил прут.*

Луна [поднималась выше] *поднялась высоко,* тени деревьев [становились] *стали* короче, стягиваясь в черные клубки у корней, вокруг стволов. Светлея, ночь становилась тише. *За деревьями в окнах домов гасли огни.*

— Унизительно и скучно быть только вешалкой для дорогих платьев, *безделушек и* стихов [и безделушек], *хотя, разумеется,* это тоже культура,— слышал Клим.

— Теперь, вероятно, второй час уже,— [сказал Клим] *напомнил он,* позевывая и встал, добавив: — Ты думаешь о женщинах очень лестно для них. *Но* — не слишком ли?

Макаров, не ответив, [наде⟨л⟩] накрыл голову фуражкой и тоже встал, оглядываясь.

— Без женщины — ничего не нужно, — сказал он.

Пошли рядом, *молча*, медленной походкой гуляющих. Макаров начал тихонько насвистывать какую-то мелодию, а Клим, *шагая*, думал *с легкой досадой* о том, что [в жизни], *пожалуй*, чрезмерно много идей и домыслов — плохо выдуманных и не только бесполезных, но уже вредных: они [в сущности] мешают жить [путают те ясные]. *В частности*, [*детский*] *наивный лепет Макарова* путает *ту строго* ясную схему, которая так прочно усвоена Гофманом. А может быть, это верно, что *если* женщина — *не только самка*, *то она* — враг? Этот вывод можно сделать из К⟨рейцеровой⟩ сонаты и вообще из всего Толстого.

— Ты как смотришь на Толстого?

Макаров равнодушно ответил:

— Церковник. Митрополит.

И задумчиво продолжал:

— У нас, брат, [кажется] как будто зарождается новая литература. Недавно я был в [кружке] компании молодых поэтов. Ребята весьма самоуверенные [Насколько я понимаю, они *пока* стараются объединить романтизм Тика и Новаллиса с декадентством французов. Хотят [как Тик], чтоб слово [звуч⟨ало⟩] давало впечатление цветовое. Читали стихи какого-то француза, который, *должно быть*, вспомнив Тика, пошел дальше его и окрасил все согласные. Все это несколько скучно и старо], однако, [эти парни] кажется, талантливые [Во всяк⟨ом⟩] [В дерзости суждений им не откажешь] [очень дерзкие] и грамотные. [Надсонов] Кажется, Надсонов из них не будет [но возможен хороший Фофанов]. Там есть один, весьма похожий на Фофанова, [но и то] но острее. И, видимо, тоже пьяница.

— Это — к достоинствам? — спросил Клим.

Макаров остановился, протянув руку, и ответил:

— Я думаю, что у нас многие пьют из страха сойти с ума. Прощай, мне сюда...

Он быстро пошел прочь, на Арбат, а Клим, посмотрев вслед ему, решил:

«[Он] Плохо кончит. [Наверное] [Все-таки, наверное, застрелится.] Ненормальный парень».

И тотчас насмешливо улыбнулся, представив себе Макарова любовником Лидии, [Трудно представить, [что] как бы они] *наверное они* жили бы очень курьезно — в словах,

вопросах, в бесконечных разговорах. *И, конечно, не без драм.* [Он] *Вспомнив, что он* ни на минуту не почувствовал ревности к Макарову, [и вспо⟨мнил⟩] Клим Самгин [выпрямился] поднял голову и пошел быстрей.

«А ведь жизнь становится всё интересней». [1]

Интересна была игра с Татьяной, он [постепенно и] охотно увлекался этой игрою, [чу⟨вствуя⟩] замечая, как *быстро* девушка влюбляется в него [становясь]. Он хотел узнать: насколько это серьезно? Ему [льстило внимание Татьяны] льстила покорность, возраставшая [в ней и это] в девушке, льстило *напряженное* внимание, с которым она [точно ученица учителя] слушала его [речи] *слова*, как ученица [речи] [слова уч⟨ителя⟩] [слушает] речи учителя, которому верит. Клим знал, что [веселее, забавнее] Марков [кр⟨асивей⟩] [бойчее, забавнее] красивее его, и было приятно видеть, что Татьяна ведет себя с Марковым все более небрежно, хотя тот всячески старается [быть остроум⟨ным⟩] [забавным] забавлять ее, рассказывает смешные анекдоты, сочиняет остроумные частушки, говорит [о полити⟨ке⟩] о [револ⟨юции⟩] росте бунтарского настроения среди студентов.

— *Но, разумеется, особенно подтачивают трон царя такие* [*червяки*] *черви, как Барамзин,*— [*потряхивая*] *говорил он, взбивая рукою курчавые волосы.*

[— Неудачное сравнение, —] Татьяна, [смо⟨рщила⟩] капризно [сморщилась, находя, что червь — неудачное сравнение] сморщив лицо, [приподнимая губу] обнажая [зубы] мелкие [белые] зубы [и] [говорила], сказала:

— [Фу, какое необыкновенное] Черви? [— неудачно] *Но* если черви, то где же [романтизм] пафос [революции] подвига?

[Она [очень] *уже так* далеко заходила в своем увлечении; однажды она сказала Климу] [*А Климу она говорила*] *С Климом она говорила пониженным* [*голосом*] *тоном, ласково и почти слащаво. Однажды сказала, вздохнув*:

[— Вы — точно музыка, что не думай о вас — все похоже.] [2]

Комплимент показался Климу сомнительным; он взглянул на девушку *строго* испытующим взглядом, а Татьяна опустила голову, [и] уши ее покраснели [и она объяснила ти⟨хо⟩]. Он видел, что, говоря с ним, Татьяна теряет театраль-

---

[1] *Текст*: [Я уверен, что] Культурная жизнь началась (*стр. 318*) ∾ всё интересней». — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] Реплика зачеркнута ошибочно.

ность и хотя говорит [какими<-то>] *всегда* как будто чужими словами, но они звучат искренно. И надуманные, *изломанные* жесты ее становятся сдержаннее. Но *хотя удлиненное лицо* [*ее*] *Татьяны с острым подбородком красиво освещали* [*красивые и*] *большие и значительные глаза, прикрытые длинными ресницами*, уши у нее были странно прозрачные, маленькие, точно у кошки, *плотно прижатые к черепу;* необыкновенно белые зубы казались злыми, острые [овечьи] *козьи* груди *некрасиво* отодвинуты к подмышкам. В ней *вообще* было что-то [отталкивающее], возбуждавшее желание [посмеяться над нею] *обидеть ее*. И, глядя в упор в глаза ее, Клим говорил:

— Женщину [всегда] необходимо воображать красивее, чем она есть, для того, чтоб, обманув себя, легче примириться с [неизбежным] [неизбежностью или чтоб отомстить ей за неизбежность] неизбежностью общения с нею. В каждом мужчине скрыто желание отомстить женщине за то, что она необходима ему.

— И у вас скрыто? — спросила она, глядя сквозь ресницы *неприятным, подстерегающим взглядом*.

— Я — мужчина. Мне дорога свобода.

Он сам удивлялся: откуда у него [эти] такие слова? [Он] Чувствовал в них нечто [нез<накомое>] взятое от Лидии и Макарова, [и] все чаще [видел] *видел*, что [они] эти двое в мыслях его стоят рядом, но это не беспокоило его [1].

Недели через две он [получил телеграмму от Лидии], встретив на вокзале Лидию и Алину, сидел с ними в номере гостиницы, пил чай [и слушал оживленную болтовню Алины] и почти с недоумением рассматривал неузнаваемо изменившуюся Алину. Она еще на вокзале поразила его, когда, стоя на ступеньке вагона, [сказала через плечо свое] [большая, пышная] осматривала *суетливую* публику перрона сердитыми глазами и кричала [низким] [*глуховатым*] *густым* голосом:

— Носильщик! Вы ослепли?

В черном суконном плаще, похожем на плащ моряка, в шляпе с широкими полями, с горной палкой в руке [она стояла] [она] Алина напоминала [какую-то] воительницу, амазонку, альпинистку; ее великолепное лицо [было] гневно, и мужчины смотрели на нее [серьезно] *почтительно*, без той игривости в глазах, с какою обычно смотрят они на женщину только красивую [потому что]. Алина была [изумительно]

---

[1] *Текст*: Интересна была игра *(стр. 322)* ∾ не беспокоило его.— *вставка на отдельном листе.*

величественно красива. [Клим не сразу узнал ее] В течение каких-то секунд Клим не узнавал ее и тоже смотрел в [это] лицо ее [на фигуру] удивленно.

[1] Она поздоровалась с ним зачем-то по-французски, на-
л. 112 звала «mon garson» и сунула в руку его тяжелый несессер, точно носильщику. *За нею стояла,* [*тихо*] *неясно улыбаясь, Лидия,* [*Клим у⟨дивленно?⟩*] *маленькая, тонкая и серая. Целуя ее руку, Клим пытливо посмотрел на живот девушки и облегченно* [*улыбнулся*] *вздохнул: фигурка Лидии была девически стройна и как будто стала еще тоньше. Лидия не выразила радости при встрече,* [*Лицо ее было озабочено, а в глазах ее свети⟨лось⟩*] *глаза ее* [*смотрят*] *взглянули в лицо Клима устало* [*или озабоченно*], *без улыбки.*

Теперь она сидела у стола в *желтом* китайском халате, густо вышитом [яркими] цветами, и [*почти* ничто] в ней не осталось почти ничего, напоминавшего девушку, какою она была два года тому назад, [В жестах ее явилось] *девушку, которая так гордо и бережно носила по земле свою красоту. Красота стала пышнее; но* [в жестах ее явилось] жесты [ее] Алины порывисты, небрежны, голые руки сверкают в [же⟨лтом⟩] голубом шелке рукавов блестящей, должно быть, очень холодной кожей, гладкая, мраморная шея [поверт⟨ывается⟩] двигается резко, рывками. Голубоватые глаза ее сверкают сердито, а голос звучит слишком сильно. Она говорит [Лидии]: — Да, милый, вот как! Уже на пятый день или, *вернее*, ночь, Туробоев вошел ко мне в [спальню] ночном белье и с сигарой в зубах. Я сказала, что не люблю сигар...

— [Вот как?] *Разве?* — удивился он, но сигару не погасил, свинья. С этого и началось. На словах он — ужасающий аристократ, а в остальном во всем — груб, как ломовой извозчик, и циничен, *не знаю, как...* как больной, что ли!

Рассказывая, она переводила глаза с Лидии на Клима, и его смущал [этот] ее взгляд, в котором он [видел] [чувствовал] [подозревал] *чувствовал* нагловатый вопрос. Говорила она грубо, а тяжелый голос ее еще более огрублял слова.

— Он так меня поставил среди своих приятелей, что в Ялте один из них, нефтяник, знаешь,— этот, с лошадьми, предложил мне: едемте со мной в Париж. Я тогда была еще дурой, [обиделась и] не сразу поняла, что это значит, потом обиделась, заплакала, пожаловалась Туробоеву. Он сказал:

---

[1] *В начале листа на полях синим карандашом помета рукой Горького*: 133.

[это] — хам. А на другой день ездил с ним верхом в горы. За глаза он говорил о них презрительно...

Замолчав на секунду, Алина прибавила: — Впрочем, он и в глаза [тоже]. Он учил их [тратить деньги] *прилично жить*, а они его [бо‹ялись›] уважали, даже боялись. Но мне от этого было не легче.

Вздохнув, Алина [замолчала] начала тщательно намазывать масло на хлеб. Лидия тоже молчала, *согнув шею*, [по‹глядывая?›] глядя в чашку остывшего чая. Рядом с Алиной она, *простенькая, в темно-сером дорожном костюме*, была [жа‹лобно›] так жалобно незначительна, что [даже] Клим почувствовал *неясную* обиду [за себя или] за нее или за себя. Он вспомнил детский роман Туробоева и Лидии,— было ли это?

Клим чувствовал себя неловко, его смущало подавленное молчание Лидии [[и] смущала [и] красота Алины]: «Заряжена вопросами». Красоту Алины он уже находил [ее] тяжелой и наглой, вызывающей.

— Где же теперь Туробоев? — спросил он.

Алина, прожевывая хлеб, равнодушно взглянула на него.

— Не знаю. [Кажется у себя в имении.]

И, перекинув за плечо толстую косу, заговорила снова.

— Подружилась я с одной опереточной актрисой, очень злая и умная. На нее тратят большие деньги. Она мне сказала: «От нас, девушка, многого хотят, потому все мы и нищие». Это верно, Лида. Честное слово — верно! Ах, я такое видела... Если б не Клим, я бы рассказала...

— Могу уйти,— предложил Клим, усмехаясь.

— Нет, нет, я [по‹шутила›] шучу,— торопливо воскликнула Телепнева.— Я ведь и при тебе могу...

Лидия промолчала, [она, неподвижная] высоко подняв брови, она сидела неподвижно и лишь раза два, три Клим поймал ее [неопределенный] задумчивый взгляд. Ему даже показалось, что в этом неопределенном взгляде есть [какой-то враждебный] неприязненный дымок.

«Неужели Макаров прав — враги? — подумал он.— *И почему она говорит мне ты?*»

— Знаешь, Лида,— говорила Алина [ожи‹вленно›], более оживленно и улыбаясь широкой, доброй улыбкой.— Мне рассказали одну историю [Может быть, это неправда] про какого-то волжского купца, *старика*, который, должно быть, спьяна, сказал, что если б красавица губернаторша показала ему себя нагой, он бы сто тысяч не пожалел. Губернаторша, узнав об этом, согласилась показать себя, но только

в запертой комнате, он должен был смотреть в замочную скважину [стоя на коленях]. Он посмотрел, стоя на коленях, заплатил деньги, а потом, встретив ее где-то, поклонился в пояс и сказал: «Простите мне, сударыня, В⟨аше⟩ п⟨ревосходительство⟩, дерзость мою, а красота ваша воистину божеская, и благодарен я [Вам] богу, что видел эдакое чудесное».

Алина, шумно вздохнула, продолжая:

— Наверное, это неправда. Но — вот с таким бы человеком жить...

— Скучно,— сказал Клим.

— Много ли вы, мальчик, понимаете,— сердито вскричала Алина [и посоветовала Лидии.— Ты его держи крепче!]

Климу давно хотелось сказать что-либо веское, умное, но он был в мелких мыслях, [думалось о пустяках, эти маленькие мысли] *они* мелькали, точно мухи, перегоняя одна другую.

Пришла Татьяна Мамаева, очень шумная, долго обнималась [и], целовала Лидию, а смерив Алину [взгл⟨ядом⟩] глазами, с восхищением [сказала] вскричала:

— Боже, какая красота! По письмам Лидии я знала, что вы красавица, но — так!

Она суетилась, разбрасывая всюду одежду, тетрадки, сумку, и в ее словах, движениях Клим видел то наигранное, фальшивое, от чего он почти уже отвык.

— Да вас даже коснуться страшно! — кричала она, [что] и, схватив руку Алины, целуя ее, спросила глупо: — [Что же делают с вами мужчины] *Каково же мужчинам?*

Алина хотела сказать что-то, но, взглянув на Клима, проглотила слово, усмехаясь нехорошей усмешкой. Клим тоже осторожно усмехнулся в ответ ей, но тотчас настороженно стал наблюдать за Лидией и Татьяной. Они сели рядом, обнялись, было ясно, что Лидия рада встрече. Что находит она в этой девице? Алина помешала ему.

— Мне предлагают поступить в оперетку...

— Я слышал.

— Но у меня нет голоса и слуха, кажется, нет. Поступать?

Клим пожал плечами:

— Право — не знаю.

— Я поступлю. «Родилась — так живи!» — как [говорила] говорит моя подруга.

— О, какой пессимизм!

Алина скучно взглянула на него и сказала:

— Это не пессимизм, а «Демьянова уха».

[«Она, видимо, не глупа»] Она встала, подошла к дивану, где сидели подруги, обнявшись, говоря вполголоса [*1 нрзб*], бесцеремонно села рядом с ними, а Клим, почувствовав себя лишним, подошел к окну. Внизу — каменная стена *К⟨итай⟩-города* с кучами битого кирпича и мусора у подножия, за стеною широкая картина: [темненькие дома] *кучи темненьких домов*, пронзенные сверкающими крестами и *золотыми* луковицами церковных глав. Треск и гул стоит над старым городом. [Сзади] В коридоре гостиницы хлопают двери, звучат торопливые шаги лакеев, дребезжит посуда, [и] в комнате оживленно звучат три женских голоса, [перебивая друг друга] и во всем этом есть что-то скучное, ненужное.

Особенно громко трещал и взвизгивал голос Татьяны [она говорила]:

— О женщинах серьезно думают только социалисты.

Алина вызывающим тоном сказала:

— *Простите, милая, но если у меня нет счастья, так мне наплевать на счастье ближних, народов и вообще — на всё!*

Клим писал ногтем на запотевшем стекле окна арабески и усмехнулся.

— Я видела одного социалиста, — [ра⟨сказывала⟩] говорила Алина.— [Это] Знакомый Туробоева, он из этих, из толстовцев. Ходил босиком, в парусиновой блузе, с расстегнутым воротом [и похо⟨ж⟩], не брился и похож на обезьяну. Он возил воду в бочках одной старушке, тоже толстовке. Смотрел на меня так, как будто он голодный мальчик, а я — мятный пряник.

— *Он удивительно честный,— тихо сказала Лидия.*

Урвав минуту, Клим спросил [Лидию] ее, не пойдет ли она к нему?

— Я так устала,— ответила она, [а в] не глядя на него.— И потом Алина ведь не знает о наших... о тебе [завт⟨ра⟩].

л. 113 Клим *сделал огорченное лицо, но тотчас* вежливо наклонил голову [сказав]:

— Я понимаю.

[Через несколько минут он ушел, а когда прощался с Татьяной, то заметил, что серые глаза ее [улыбаются] улыбнулись радостно.]

— *Я завтра же еду домой,— сказала Лидия.* [— *Ты ведь тоже приедешь скоро.*]

Все более определенно чувствуя себя лишним, Клим через несколько минут простился и ушел, заметив, что серые глаза Татьяны проводили его с явной радостью. А [придя] на другой

день утром, придя в гостиницу, он узнал, что Лидия уехала к Троице Сергию в Лавру. [Пышно и крикливо] *Пышно* одетая в шелк, сидя перед зеркалами, шумя пышными рукавами, Алина подпиливала ногти, [жив⟨о⟩] рассказывая небрежно:

— У нее постоянно неожиданные решения, как у ребенка. Ты влюблен в нее? Смотри, она будет трудной женой. Она всё ищет необыкновенных людей. А люди — как собаки, породы разные, а привычки у всех одни.

— Странно слышать такие слова от вас,— заметил Клим, обиженный поступком Лидии. Телепнева [1] спросила:

— Почему — странно? И почему подчеркнуто — от вас? Разве я — дура?

— В двадцать лет...

— Мне двадцать два.

Она встала, шумно бросив пилку на трюмо.

— Проводишь меня?

И, надевая шляпку, спросила:

— А что Лютов?

— Он с января за границей. Сильно пил.

— Ну да, конечно,— сказала Алина неопределенно и негромко.

На улице она подтянулась, выпрямилась и пошла на людей ровным шагом, [воинственно] гордо вскинув голову, покачивая тело свое [2]. В ее *воинственной* заносчивости Клим увидал что-то смешное, развеселился и перестал думать о Лидии. День был тоже веселый, ласково светило солнце, быстро шагали люди, на ветвях деревьев уже набухли *рыжеватые* почки, в небе тихо летели [легкие] *курчавые* облака из [страусиных перьев] перьев страуса, такие же перья качались на шляпе Алины. [Она не хотела] *Говоря Климу ты, она не замечала, что он отвечал ей на вы.* Она говорила громко, как в комнате, и этим еще более привлекала восхищение мужчин и [неприя⟨зненные⟩] враждебные взгляды женщин.

— Ну, я хочу есть,— скомандовала она. Клим повел ее в ресторан Тестова, там она выбрала стол среди зала, на самом видном месте, *быстро и обильно* позавтракала, *заторопилась*, крепко вытерла салфеткой алые губы, посмотрела в зеркало, на публику и [простясь, пошла как в бой, выг⟨нув⟩] парадно [ушла], *высоко вскинув голову, выгнув грудь, ушла*, провожае-

---

1 *В автографе описка*: Голованова.

2 *После*: тело свое — *знак вставки, вставка отсутствует.*

мая взглядами мужчин [высоко вскинув голову, выгнув грудь].

Клим остался платить по счету, чувствуя себя утомленным Алиной и вообще всеми женщинами, подумал, что хорошо бы прожить года два, не встречая их [не напрягаясь]. Общение с ними [заставляет напрягаться] всегда вызывало у него [невольное, но] напряженное желание нравиться даже тем из них, которые не симпатичны и никак не нужны ему. [Он [усмехался] знал это] Невольно подчиняясь этому желанию, [он усмеха⟨лся⟩] [которое он] *Клим* мысленно смеялся над ним, но все чаще [это] оно оскорбляло его необходимостью держать себя осторожно [любезно и] и говорить любезную ложь. Проще, естественнее, чем со всеми, можно говорить только с [Татьяной] *Фионой* [1] Мамаевой. [Он] О ней Клим и задумался, когда к нему подошел кругленький, розовый Поярков.

— Что это за чудовище красоты? — спросил он.— Удивительна! Хотел бы я, когда буду прокурором, иметь такую обвиняемую,— сказал он и отошел [в уг⟨ол⟩] прочь, кивнув *головою, остриженной ежиком.* [Уходя из ресто⟨рана⟩] В сквере на Театральной площади Клим заметил еще знакомую фигуру: на скамье сидела знакомая Лютова, [сухая] *эта* женщина [си⟨дела⟩] с памятно странной улыбкой на сухом лице, она, положив на колено раскрытую книгу, писала в ней карандашом на куске голубоватой бумаги. От нее повеяло скукой.

Ощущение скуки все чаще посещало Клима, [явля⟨ясь⟩] возникая [неожиданно] внезапно, вызываемое толчками мелочей: [рваной одеждой извозчика] *трещиной в штукатурке стены дома*, уродливой фигурой прохожего, каким-нибудь неожиданным, но обычным звуком, лязгом железа, криком разносчика. Она одолевала *его и в солидной комнате Гофмана и в [домике] тесной клетке Барамзина, где учитель жизни настойчиво твердил одни и те же слова:*

— Все — глупость, кроме человека и трудов его.

Он [сам находил в этой тягучей скуке нечто старческое, усталость] *оценивал эту тягучую скуку как* усталость человека, который для своих лет слишком много слышал и видел. Но порою он любовался ею как признаком своей зрелости и утешал себя: «*Это не плохо,— быть несколько старше своего возраста.* Ведь не начало же старчества это настроение!» В этом настроении скуки он приехал домой. Там встретила его

[1] Поправка произведена во время работы над 2-й редакцией романа.

мать с лицом, на котором застыло выражение [покорности] обиды и [вынужденной] неискренной покорности.

— Я сильно старею, да? — спросила она в первый же вечер.

— Не заметно,— ответил Клим, глядя через очки, чтоб не видеть одряхлевшей кожи [ее] на ее шее [складок под] и морщин под глазами. Она долго и нудно жаловалась на судьбу женщины, обреченной расходовать [силу] *молодость* свою на мужа, ребенка, на [хозяйст⟨во⟩] *мелочные заботы о хозяйстве.*

— А когда молодость исчезла, [но] хотя сила еще осталась, тебя уже не хотят считать женщиной,— проговорилась она и это смутило ее до того, что [даже мочки ушей] *желтоватые щеки ее* стали лиловыми. [Клим внутренно поморщился, слова матери вызвали в нем легкую брезгливость.] *Смутился и Клим, не зная, как ответить на жалобные и злые слова женщины, туго затянутой в [серое платье] корсет, смутился и [подумал] мысленно сказал ей [не без чувства] с чувством, близким брезгливости: «Не следует [напоминать] говорить взрослому сыну, что ты не только его мать, но и женщина».*

— Лидия уехала с семьей знакомого рыбопромышленника на Каспий смотреть, как ловят рыбу.

«Бегает от меня»,— заключил Клим.

Варавка, и раньше обладавший солидным аппетитом, начал есть с неприятной жадностью обжоры, сладострастно чмокая, маслено улыбаясь и похваливая повара, которого он сманил из клуба. Но хотя он [по⟨толстел⟩] толстел, а [все] оставался все таким же неутомимо живым, подвижным, [только] в речах его прибавилось насмешливой иронии, в глазах — [зор⟨кого⟩] остренького блеска.

— Наши либеральные Марфы действительно пекутся о многом, но плохо видят завтрашний день. Эх, если б департамент полиции был умнее и откровенно информировал их о том, [что] куда идет жизнь!

[Все так же хозяйственно, но еще более властно, [по дому] в доме [*бесшумно*] распоряжалась Спивак] Спивак стала менее заметна, [[мужа ее] мужа ее пожирал туберкулез. Но [она вела] она [с утра уходила в муз⟨ыкальную⟩ школу] [вела хозяйство муз⟨ыкальной⟩ школы, и] она взяла], *взяв на себя хозяйство муз⟨ыкальной⟩ школы,* [и] *она с утра* до трех часов дня [она исчезала в муз⟨ыкальной⟩ школе] исчезала там, возвращалась *под руку* с мужем; [который] музыкант, шагая осторожно, как слепой, сухо покашливал, пожираемый тубер-

кулезом, и сопел, [ды⟨ша⟩] крепко сжав губы, дыша через нос. Потом она гуляла в саду с большеголовым, сероглазым ребенком на руках или везла его в коляске на бульвар. Мягкое, кошачье лицо ее отвердело, стало [резче и] спокойней, она улыбалась сыну [счастливо] сияющей улыбкой. Встречая ее с ребенком, Клим [хму⟨рился⟩] [не находил слов для беседы] всегда беспокойно ждал, что она скажет:

— [Ваш] Твой сын.

Но она не говорила этого, [и] только однажды спросила с улыбкой, указывая на него глазами:

— Хорош?

И не ожидая ответа, сказала:

— Очень серьезный мальчуган, не капризничает, [и] углублен в себя, *молча* осваивает мир.

По вечерам она занималась с Верой Петровной делами школы, а потом [иронически] говорила о литературе, о декадентах, символистах и, подсовывая Климу книжки стихов, советовала:

— Вот, *попробуйте*, напишите рецензию. [Климу и нравилось и не нравилось ее отношение к нему. Клим замечал покро⟨вительственное⟩] «Она меня дрессирует, точно кутенка»,— с негодованием думал Клим, но уже ее покровительственное *и учительное* отношение [не каз⟨алось⟩] оскорбляло его *не так*, как раньше, и он прислушивался к ее *настойчивым* речам все внимательнее [написав рецензию] *и догадывался*: «А ведь она, кажется, умная».

Написав коротенькую заметку о стихах молодых поэтов, Клим небрежно подал ей аккуратные листки.

— Вот, написал.

Спивак прочитала, положила листки на стол и, вздохнув, осторожно отодвинула их от себя пальцем. В этом было что-то обидное.

— Не плохо,— сказала она.— Но вы, конечно, понимаете, что это тема для большой статьи. В новой поэзии, несмотря на ее задор и эпатаж, есть много положительного и оправданного. *Я бы отнесла* [*бы*] *сюда* [*реабилитацию*] *проповедь возвращения к Пушкину и Тютчеву*. Попытки уйти от бытовых [гражданских] политических тем делались и раньше — Гаршиным в «Attalea princeps», Короленко в рассказе «Ночью». Слабые попытки, да, но не надо забывать,[1] что ведь [всё дик-

[1] *Текст*: Ощущение скуки *(стр. 329)* ∾ не надо забывать — *перечеркнут синим карандашом.*

туется] [1] *и они продиктованы* историей, значит: есть кто-то, [кто] [кому нужно] *кто хочет* уйти от «злобы дня» в область
л. 114 поэтических туманов [*и фантазий*]. [Надобно бы указать, что все эти] Симфонии, [прелюдии] написанные [не нотами, а] словами,— не новость, немцы отлично делают это [2]. [И указать, что соединение немецкого романтизма с французским декадентством — [дело] сомнительное искусство.] [Она говорила о соединении немецкого романтизма с французским декадентством [то⟨чно⟩] так же, как Макаров.] [Она почти буквально повторила слова Макарова о связи немецкого романтизма с декадентством французов и сказала задумчиво:

— Возможно, что все эти наши сомнительные новости — [только] признак упадка, вырождения...] [*Может быть*] *Весьма похоже, что это направление* [*следует понять, как*] *вызвано страхом пред действительностью* [*которая*]. *Становясь все сложней, она предъявляет к людям требования, которые они не в силах удовлетворить, и вот уходят от нее к фантазии.*

[*Она* [*легко*] *прочитала целую лекцию, указав на связь*] *Сидя в кресле, заложив ногу за ногу и покачивая ею, она заговорила о немецком романтизме, о Тике и его зависимости от Ретиф де ля Бретона, указала на внутреннее сходство романтизма немцев с декадентством французов, говорила она легко* [*и*], *просто и так, как будто напоминая Климу уже известное ему.*

— Я слышала, что у нас тоже хотят [*чтоб слово давало впечатление цветовое. Это не новость. А Рембо, вспомнив*] *сочинять симфонии, написанные словами. Это — не новость. Не ново и то, что Рембо окрасил гласные,* [*это раньше его*] *вы знаете, еще Тик пытался* [*доб⟨иться⟩*] *вызвать словами впечатление цветовое.*

Клим ничего не знал о Тике, но [*ут⟨вердительно⟩*] *согласно кивал головою. Он сидел далеко от Спивак, но слышал запах ее духов и* [*вспоминал*] *вспомнил забытую им* [*музыкальную*] *фразу романса:*

— Тобой, одной тобой... [3]

---

1 *Над этими словами на верхнем поле страницы автографа пометы Горького*: Возвр⟨ащение⟩ к Карамзин⟨у⟩ читает Ан. не все ⟨?⟩

2 *Фраза*: Симфонии ∾ делают это.— *ошибочно осталась не зачеркнутой.*

3 *Текст*: [Может быть] Весьма похоже ∾ одной тобой... — *вписан на полях л. 114 и перечеркнут синим карандашом.*

Клим изорвал рецензию, написал другую и, уже не показав ее Спивак, отнес в редакцию [1]. Редактор встретил его суховато, подозрительно взглянул на бумагу, положил локти на стол и, [низко] еще ниже опустив обиженную губу, сказал:

— Я прочитаю.

Клим вышел из кабинета в большую комнату *с тремя тусклыми окнами* [и], за длинным столом среди ее увидал Дронова, сердито посапывая, [он] Дронов списывал что-то из памятной книжки на узкую полосу бумаги.

— Как живешь?

— [Пожарами] Подкидышами,— [сказ⟨ал⟩] ответил Дронов нелюбезно *и, крепко сжав,* сердито тряхнул руку Клима. Он показался Климу жалким; очень похудел [и], скуластое лицо его обнажилось *и* провалившиеся глаза смотрели тоскливо [и], зло. Но через минуту он говорил негромко и ворчливо.

— В проклятом городе этом нет событий, хоть сам создавай их. Ей богу, иногда [самому] хочется убить человека, чтоб [дать] [напи⟨сать⟩] дать заметку в хронику. А то — всё подкидыши. Фельетонист острит: приносите [их нам] [младенцев] нам [в редакцию] натурой, мы будем ставить на них штемпеля редакции [2], а то кажется, вы [каждый] пишете всё об одном и том же младенце.

[Посмотрев] *Скосив глаза* на дверь редакции, он прибавил еще тише:

— Они тут все острят. Особенно — Нароков, *беглый покойник.*

Дверь отворилась, вышел редактор:

— [Ага] Ах, вы здесь? — сказал он.— На минутку!

В кабинете он сказал, что заметка Клима очень хороша, но кое-что нужно вычеркнуть из нее.

— У нас цензор страдает логофобией,— сообщил он и тотчас перевел: — Словобоязнью.

Вытирая платком потную лысину и желтые виски, редактор начал жаловаться:

— Ох, до чего же трудно руководить общественным мнением провинции! Особенно теперь, когда все больше является людей, которые уверенно говорят: чем хуже, тем лучше.

[*Дул ветер, пыль неслась по улице, шуршала о стекла окон.*] [Маленький кабинет был завален газетами.] Редактор

---

[1] и отнес в редакцию, уже не показав ее Спивак.

[2] *Текст:* Клим вышел из кабинета ∾ штемпеля редакции — *перечеркнут синим карандашом.*

сидел за столом спиною к шкафу, набитому книгами, в стеклах шкафа отражалась его серая, каменная спина, круглые бабьи плечи [и], *маслено* блестел голый [масле⟨ный⟩] затылок. *Казалось, что в книжном шкафе заперт двойник редактора и* [*качая*] *шевелится, пытаясь вылезти оттуда.* Тяжелый запах типографской краски [наск⟨возь⟩] наполнял [пыль⟨ную⟩] маленькую комнату, заваленную газетами. [На улице] *За окнами*, в жаркой тишине, неистово визжали колеса трамвая; [везли] [ехали черные дроги [*на них*], *за гробом* лениво шагала небольшая кучка людей с обнаженными головами] *кого-то хоронили, пара лошадей устало влекла по мостовой черные дроги, покачиваясь, обнажив головы, шагала небольшая кучка людей, головы были тоже пыльно-каменные, как спина редактора.*

Оттопыривая губу, редактор обиженно говорил:

— [Пристрастие] Нас погубят крайности. Да, они погубят нас...

Вошел метранпаж, черный, как цыган, с курчавой бородкой и пьяными глазами на смуглом лице, положил на стол гранки и сказал [необычно] крикливо:

— Давайте материал.

— Невероятно противный человек,— [покачивая] тряхнув черепом, заметил редактор, когда цыган ушел.— Груб, зол и совершенно не понимает смысла *и важности* [той] газетной работы.

Подумав, он прибавил:

— Подписчик тоже не понимает.

— Зарезали [мой фельетон] меня? — весело спросил фельетонист, появляясь в двери [и], *и затем*, пожимая руку Клима, объявил: — Третий фельетон режут в этом месяце.— *Сел на подоконник и затрясся, закашлялся так сильно, что желтое лицо его раскалилось докрасна.*

Клим удивился, ему показалось, что фельетонист говорит с гордостью. А когда редактор сказал, что фельетон не посылали в цензуру, потому что он отложен на воскр⟨есенье⟩, фельетонист, махнув рукою, заявил:

— Все равно — зарежут! [Вы читали мой фельетон о марксистах? — спросил он Клима.— Дурак цензор [и] *даже* из него вычеркнул наиболее ядовитые строки! Как]

Он был одет в желтоватый костюм [из] из материи, похожей на парусину, [в белые ботинки] *когда он* [двигал⟨ся⟩] *кашлял*, его ноги, *судорожно* [болтались] *болтаясь, стучали* [белыми] *желтыми* ботинками по стене и тряслась голова,

украшенная [сухими] *прядями* обесцвеченных волос, *должно быть очень сухих.*

«Дронов верно сказал о нем»,— отметил Клим, слушая сиповатый голос Нарокова.

— Это очень [трудная должность] трудное акробатическое дело — писать фельетоны. [Фельетонист, собственно, общественный шут, не более, да. Раньше были придворные шуты...] [*И вообще все газетчики* [*шуты*] *для забавы, не более.*] *Фельетонист, собственно, балаганный дед.*

— Бог знает, что [вы говорите] ты говоришь, Яким,— сказал редактор, выдвинув лиловую губу далеко вперед.— Ты, *кажется*, забыл, что одним из признаков истинной культурности является уважение к своей [работе] профессии. А ты при молодом человеке, который только что...

Клим встал, простился. В редакционной комнате на столе сидел метранпаж и, наклонясь над Дроновым [1], говорил:

— Пять и два — семь, да 12,— значит 19 рублей.

Увидав Клима, он пристально взглянул на него мутными глазами слепого [он] *и*, не торопясь, встал [и ушел], а Дронов, сунув книжку в карман, *молча* пошел рядом с Климом [сказав].

На улице, осыпаемый пылью, морщась, он тоже начал жаловаться: трудно жить [едва-едва в].

— Когда твой вотчим будет городским головой, попрошусь *служить* к нему, в Управу.

— [Разве он] *Я не знал, что он* хочет баллотироваться в головы.

Дронов, искоса [взглянул и тоже] взглянув, спросил:

— А зачем же газета?

[Вид у Дронова] Идти рядом с Дроновым было неловко, даже неприятно. Весь он [был какой-то поношенный] потертый, старенький, похожий на неудачливого жулика или робкого сыщика. Карманы пиджака оттянуты, распухли, брюки на коленях уродливо вывихнуты.

— До свидания! — сказал Клим, свернув за угол [и пошел]. Он задумался о газете [скучная газета]. Каждое утро [гор⟨ничная?⟩] [он на⟨ходил?⟩] *за кофе* в столовой он развертывал [сер⟨ый⟩] лист сероватой бумаги, обрызганный строчками скучного шрифта, который рисовал еще более скучные слова. Иногда казалось, что слова эти [жалобно и] тихонько воют, где-то очень далеко от сознания *жалобно* воют, [потому

---

[1] *В автографе описка*: над Климом

что они] понимая свое бессилие сказать [что] *нечто* значительное. Клим приписывал это бездарности [редакции] редактора и сотрудников. Но он [всегда] с удовольствием [хотя и настороженно] читал напечатанные вразбивку фельетоны Робинзона. Ему нравился их легкий, гибкий и порою очень злой язык, меткие, острые словечки и обилие остроумных цитат, всегда умело выбранных. Робинзон умел смеяться и ловко высмеивал, но *почти* каждый раз, [прочи⟨тав⟩] прочитав его [Клим осторожно] веселые выходки, Клим ощущал осадок неприязни к фельетонисту. [Чего в сущности хочет этот больной человек?] Люди, которые умеют смеяться, *все* вообще вызывали у Клима отношение настороженное и подозрительное. Когда человек улыбался скептически, [он] Самгину казалось, что он обогнал его [и], обворовал.

У него было [однако] памятное впечатление, которое неотвязно возобновлялось каждый раз, когда он слышал *критические*, разрушающие слова. [Жарким днем в Москве
л. 115 он присел на [одном] бульваре, против *старого* дома, который ломали плотники и каменщики] [*Когда ремонтировали дом отца, плотникам и каменщикам пришлось разбирать* [*пристройку брандмауера*] *кирпичную стену*] [Наиболее буйно увлекался [процес⟨сом⟩] работой разрушения] *Наискось от* [*дома*] *Самгиных каменщики разрушали старый барский дом, купленный Варавкой для купеческого клуба. Работало человек двадцать пыльных людей, но из них выделялись двое: кучерявый, толстогубый парень с круглыми глазами на лице, мохнатом и сером от пыли, и* маленький [пыльный] старичок с мордочкой хорька, в [розовой] *синей* рубахе и длинном переднике. [У па⟨рня⟩] [У него было] [На его остренькой мордочке хорька высоко подняты мохнатые брови, под ними играли веселые глазки, держа в чугунных руках лом, он, покрякивая, крушил] Чугунные руки его, взмахивая, бестолково ломали, крушили [плотно] *крепко* слежавшийся кирпич старой стены [и покрикивал], а старичок задорно выкрикивал [похабные слова]:

— Ломай, [робята], Мотя! Валяй, валяй,— скоро шабаш!

Десятник, рыжебородый, крупный мужик, уговаривал его:

— Не озорничай, Николаич! [Береги] На что дробишь кирпичи? [Он]

Старичок отвечал шуточками:

— *Разве это я? Это Мотя! Эх, Мотя, сук те в ухо, валяй!* — и [всё продолжая работу свою, заметно] *сам* старался

ударить ломом не [в] между кирпичей, [а по] не по извести, связавшей их, а по целому. [Клим раза два говорил десятнику, что кирпич годен в дело, он даже крупнее и лучше современного, десятник повторял его слова старику.] Десятник кричал, что *старый* кирпич годен в дело, он даже крупнее *и плотней нового*, но тот упрямо продолжал свое дело. [Веселенький, *противный* и злой, он [возбуждал] вызвал у Клима враждебное чувство [безо⟨бразным⟩] своим противным озорством.] *Все рабочие ломали стену с [веселым] увлечением, но Мотя и этот веселенький старичок перешел какую-то границу — и, неистовствуя, был [жуликовато] противен. [И] Когда ему удавалось отколоть от стены несколько кирпичей сразу, он яростно и жутковато взвизгивал:*

— Валяй — и!

«Народ! — думал Клим.— Идиоты». И ему вспомнились безмолвные слезы бабушки пред развалинами ее дома [1].

Робинзон, чем-то [напоминал этого] напоминая *озорство* старичка-*каменщика*, [и] возбуждал у Клима [острое] [подозрительное] любопытство *и вопрос*: «Чего, в сущности, хочет этот больной человек?» И Клим Самгин стал зорко присматриваться к нему, [Дронов] выспрашивать Дронова.

— Дохлый распутник, с проститутками возится,— больше ничего,— сказал Дронов, он вообще [отзы⟨вался⟩] говорил о людях кратко и всегда отрицательно; в нем тоже было нечто от старичка. Он, пожалуй, был [еще более] *не менее* любопытен, чем Робинзон, он [знал сп⟨летни⟩] изумительно много знал городских сплетен, [*не разоблаченных мошенничеств, которые нельзя разоблачить в [печати] газете*] [*не разоблаченных мошенничеств*] романтических историй, грязненьких драм и мошенничеств, которые нельзя разоблачить.

[Голубые] Голубоватые его глазки потемнели, [Климу казалось, что [они] зрачки их расширились, они] бегали не так быстро, как раньше, [но стали острей] [и казались острей] иногда Климу казалось, что зрачки Дронова имеют угловатую форму ромба. И [думалось] думалось, что острый взгляд [этот] плосколицего курносого человека проникает сквозь стены домов, в микроскопическую пыль будничной жизни, зорко находя, ловко извлекая из нее наиболее крупные и темненькие пылинки. Все, что он рассказывал, отзывалось тихой, но густо устоявшейся злобой и сожалением, что [ее] невозможно [исполь⟨зовать⟩] извлечь из нее пользу.

[1] *Текст*: Он задумался о газете *(стр. 335)* ∾ развалинами ее дома.— *перечеркнут синим карандашом.*

— Если б обо всем [можно было] *разрешили* писать, я бы зарабатывал не меньше ста в месяц,— говорил он и вздыхал, всасывая воздух сквозь зубы со свистом, и хвастался:

— Нароков-то живет моим материалом: если б не я,— ему и писать не о чем.

— Редактор — старый мерин,— говорил он.— Везет вотчима твоего в городские головы, а воображает себя преобразователем жизни, болван! А больше всего любит подсматривать, как корректорша чешет себе ногу под коленом, у нее там всегда что-то чешется.

Серая [пахучая] пыль [его] рассказов *хроникера* [и привлекала] отталкивала и привлекала Клима, обнажая пред ним [пахучую] изнанку [будн⟨ей⟩] жизни. Слушать Дронова было [иногда] не очень приятно, в речах его туповато звучало [олово] [какое-то] *оловянное пренебрежение ко всему на свете*, но Клим чувствовал, что это полезно для него [это укрепляет [его] в нем]. *Однако он иногда пресыщался рассказами Дронова.*

— [Пожа⟨луй⟩] Ты слишком тенденциозно фиксируешь пошлости.

— Ну, а что же еще фиксировать? — спрашивал Дронов, сжимая ладони, похрустывая пальцами [руки], и сердился, пуговка носа его краснела, краснели и мочки ушей.

— Корректорша у нас политическая, сослана сюда под надзор полиции. Когда нет работы — раскладывает пасьянсы, гадает: когда царь даст конституцию? — рассказывал он.— Вице-губернатор, обнимая [водевил⟨ьную⟩] опереточную Муратову, наколол палец булавкой, руку ему разнесло, резали.

И вздыхал:

— Это не [напиш⟨ешь⟩] напечатают.

О цензоре он [говорил] сказал грубо и ядовито:

— Это — не человек, а надпись: «Здесь останавливаться запрещено».

И неистощимо пылил:

— У [него] цензора брюхо по колени, [а] жена — хорошенькая [из горничных]. *Она горничной была.* Ее воспитывает Маевский, чиновник особых поручений, недавно подарил ей полдюжины кружевных панталон.

— А [что] как Томилин?

— Поехал к немцам, за философией. Жена дом заложила и корову продала на эту поездку. Она его обожает. [1]

---

[1] Знак вставки, вставка отсутствует.

Дронов помолчал несколько секунд и [ска⟨зал⟩] тихо, другим тоном, пробормотал, опустив глаза.

— Хорошая баба. [*2 нрзб*] Бездетная [потому... — И снова примолк, не объяснив, что именно потому] *всю жизнь, потому и прижала его к себе.*— В изображении Дронова город был населен людями, которые заняты только тем, что подсматривают и подслушивают друг за другом, сам же Дронов подсматривает за всеми, [составляя обвин⟨ительный⟩] собирая бесконечный материал для доноса на них кому-то.

Но он не всё знал.

— Сын-то у Спивак от вотчима твоего? — спросил он [1].

— [Это меня не касается] *Этого я не знаю,*— сухо ответил Клим.

— Весь город знает, что от [вотчима] Варавки.

Хотя Клим подписал свою первую рецензию инициалами, но, увидав ее напечатанной, испытал [странное чувство] [2]: к *естественному* удовольствию автора тотчас [некое смущение] примешалось [сознание] опасение, что [люди, о которых он [писал] *отозвался резко* критически, обидятся на него. [Шесть] *Из четырех* тысяч подписчиков газеты его статью прочтет и поймет, может быть, несколько десятков неизвестных ему граждан. А [по⟨эты⟩] трое поэтов, которым он сказал слова иронические и не лестные для них? Их странные стихи были не понятны ему, но в них звучало что-то новое, *приятно* отдаленное [от жизни] *от всего,* что [он] *Клим* видел, [знал] читал, знал] [*трое поэтов, о которых он сказал слова иронические и не лестные для них, обидятся на него. А ведь они*] *поэт, о котором он отозвался иронически, духовно ближе ему, чем те четыре тысячи* [*неизвестных ему*] *горожан, которые* [*вы*] *читают газету.* [*Может быть, их стихи потому не нравятся Спивак, что они не*] [*стихи*] *«Стишки для* [*радости*] *институток»,— написал он, хотя в прозрачных стихах молодого поэта звучала* [*нечто*] *музыка* [*приятная, от⟨даленная⟩*], *приятно отдаленная от всего, что Клим видел и знал.*

Не [поспешил ли он] поторопился ли он подчиниться внушениям Спивак? Когда она, победоносно [и ожи⟨вленно⟩] взмахнув газетой, поздравила Клима, он, взглянув на нее [вопросительно] [и вопросил] *с усмешкой,* [*спросил*] *сказал:*

— Вам не кажется, что это несколько неосторожно и, пожалуй, вульгарно? [Это-то]

---

[1] *Текст:* [Голубые] Голубоватые его глазки *(стр. 337)* ∾ спросил он.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] Слова ошибочно зачеркнуты.

«Вульгарно» он прибавил, надеясь уколоть ее.

— Нет, не кажется,— ответила Спивак. [— Но старинный спор] Легко как всегда она заговорила: — Возникает старинный спор на тему, [что] где больше истинного искусства: в том, что пишется, или в том, как пишется?

Клим слушал ее невнимательно, посматривая, как она, покачиваясь, ходит по комнате от окна к двери, из тени в свет. Она стала стройнее, здоровей. Бюст у нее выпуклей, чем раньше был.

«[Что] Эти поучения — плата мне за ребенка, что-ли?» — думал Клим. Он слышал [1]:

[— Стремление к музыкальности стиха законно, [— слышал] тут не о чем спорить, нужно [просить] только прочитать Пушкина. Но попытки превратить стих в чистую музыку [это уже немощ⟨ность⟩] безнадежны [и немощны] и компрометируют музы⟨ку⟩.] [— О музыке нельзя говорить словами, потому что язык музыки несравнимо богаче языка слов. Ноты одного аккорда из Реквиема Моцарта [пот⟨ребуют⟩] [требуют] потребуют десятков слов, если вы захотите рассказать *скрытое* содержание этого аккорда... «К чему это она? — соображал Клим.— Никогда не говорит со мной о сыне».]

Он хорошо чувствовал [что] искренность, с которой Спивак упрямо старается передать ему свое знание искусства, но он [иногда] все-таки находил в этом нечто [обидное для себя] унижающее его. И было [это] почему-то обидно видеть, что эта женщина быстро занимает в городе видное положение. [Около нее стрижем кружился] *За нею собакой ходил Корвин*, маленький *крепкий* человек с большой головою и гениальной прической,— огромная шапка *жестких*, досиня черных волос его [коротко подстриженных па макушке] стояла дыбом, и это придавало его широкому, смуглому лицу с ястребиным носом и толстыми усами вид человека, испуганного и подпрыгнувшего [с земли]. [Он [был] [преподавал в школе] [работал в школе, преподавал] [*учился в школе*, в отделении струнных инструментов, играл на виолончели.] *Ему было лет тридцать, он хорошо, но чрезмерно щеголевато одевался, изучал в школе виолончель*, носил фамилию Корвин и утверждал, что происхо-
л. 116 дит по прямой линии от [короля] [2] Матвея Корвина, короля

---

[1] Слова ошибочно остались не вычеркнутыми.

[2] *В начале следующего листа автографа надпись рукой Горького*: Корвин — взять.

Венгрии. Он недавно явился в городе и даже Дронов ничего не знал о нем, а сказал только:

— Должно быть, жулик [уж очень богомолен].

Корвин [действительно весьма] усердно посещал церковные службы, восхищаясь, рассказывал о них, [но] *любил говорить о вопросах религии, говоря об этом, широко открывал* [*масленые*] *темные глаза, но Клим видел* — в нем было что-то [*суетливое*] театральное, *но тяжелое*, и странно было слышать его слова:

— Поклонение б〈огу〉 в духе проповедуется с начала христианства, но для масс народных религия постижима только через материальный культ; только глаз помогает народу узреть величие божие. Отнимите [у религии] церковное зрелище, и [она] *религия* исчезнет.

Между *его густых бровей* [его] являлась глубокая складка, и, опускаясь к переносью, сдвигала круглые глаза ночной птицы в один [овальный и] большой глаз, [и этот глаз] и во взгляде этого глаза [яв〈лялось〉] [было] блестела масленистая влага.

[— Все невидимое возникло из видимого,— утверждал] *Говорил* он с настойчивостью человека, который только что нашел [эту] истину, но уже хочет, чтоб все покорно уверовали в нее. [Когда ему возражали, [мочки] его уши наливались густой] *Во всем, что он говорил, Клим видел непримиримые противоречия, но когда он указывал на это Корвину, уши виолончелиста туго наливались кровью, багровели* [кровью], он мял *толстые* свои губы, слушая нетерпеливо, затем [говорил] [1] пониженным голосом, очень твердо, о гордых заблуждениях *разума и* науки. [И во всем, что он говорил, Клим видел непримиримые противоречия.]

— *Противоречия — в законах жизни.*

Открыто, почти нахально [как] ухаживая за Спивак, он спорил с нею невежливо, небрежно и, *не возражая по существу*, [часто] говорил:

— Женщины любят верить [Так и следует] — это у них в природе. Женщина и должна верить.

Спивак [же] как будто не замечала *ни этой небрежности* его [ухаж〈иваний〉] подавляющих взглядов, ни [его] назойливых любезностей его. Она говорила с ним слегка насмешливо [и также], но слушала его серьезно, возражала мягко и [было

---

[1] Слово ошибочно вычеркнуто.

замет⟨но⟩] рассказывала ему о музыке так же много и так же интересно, как говорила Климу о литературе.

— Что [вы] видите вы в этом господине? — спросил он.

— Ничего еще не вижу. Но, кажется, в нем есть что-то своеобразное. [Это — личность] Хотя он перегружен [стаpенькими] *изношенными* истинами и это не гармонирует с его [страс⟨тью⟩] наклонностью к *внешнему* щегольству.

Говорила она задумчиво, ощипывая листья с куста жимолости, ласково, с любопытством протянувшего ветку в открытое окно ее маленькой, тесной комнаты.

Клим с удивлением замечал, что в нем быстро растет чувство, близкое ревности к этому человеку, это и смущало и пугало его до того, что он нетерпеливо стал ждать приезда Лидии.

«Слишком много места занимают женщины в моей жизни»,— упрекнул он себя.

Но вместо ее приехал [другой человек] [Асонов] *другой человек.*

[— У меня сидит ваш знакомый,— сказала Спивак, улыбаясь. [— Хотите] [Клим]]

Было утро, Клим только что встал, умылся и стоял у окна, подстригая ногти, когда стукнула щеколда калитки и на двор уверенно шагнул широкоплечий человек в [измятой шляпе] [фура⟨жке⟩] *котелке*, с маленьким чемоданом в руке.

[По⟨ходка⟩] Он пошел к флигелю, *поочередно* выдвигая плечи так, как будто расталкивал воздух; по этой походке и [русой] бороде Клим узнал Асонова.

[— Что за маскарад?]

Даже когда Асонов был одет в мундир или тужурку [студента, в нем], он мало напоминал студента, а теперь на нем висело [широкое] *длинное* серое пальто, *туго натянутое на спине*, подбородок подпирал высокий воротник крахмальной рубахи, а борода неестественно потемнела. [Всё вместе делало его очень похожим на небогатого провинциального купца.]

[Выпив кофе, Клим пошел в флигель; Асонов сидел у рояля [курил папиросу, отряхивая пепел в ладонь] на табурете, *нелепый* лиловый галстух красовался на измятой груди его рубахи, на ногах натянуты [какие-то] *новые брюки* сиреневого цвета, он что-то рассказывал вполголоса глухо гудевшими словами Спивак, сидевшей [в] у окна, окутанной зеленоватым капотом.

— Наше вам! — сказал он, тяжело подняв руку, протягивая ее, но не встал.

— [Что] *Почему* это вы таким... купцом?

— Потому что начальство выставило меня из храма науки, заподозрив в развращении юных богомолов.

Закурив папиросу, он вздохнул дымом.

— Несправедливо. Ко храму я относился благоговейно, к прихожанам — без] интереса, без преступной корысти. [Преступления же развратные совершал в другом месте.] — Он стряхнул пепел папиросы в [руку] ладонь себе и [попросил] *спросил*:

— Тетя Лиза — пепельница есть у вас? Имею письмо к вам, Самгин, от [одной] девицы устрашающего вида,— сказал он, протянув Климу маленький конвертик.

Нахмурясь, Клим прочитал письмо *и* у него [неприя⟨тно⟩] щекотно засосало где-то в груди.

— Арестован [этот] Марков, понимаете?

— Пистолет? [Гм-м] — спросил Асонов, вскинув голову [и громко произнес: — Хмм...].

— [Он и еще один рабочий в Марьиной Роще, человек] [И в М⟨арьиной⟩ Роще кружок рабочих есть] [И] *С ним рабочий Барамзин и еще трое...*

Асонов глубоко вздохнул дым и с дымом [резко] внушительно сказал:

— Напишите девице этой, что она — дура, что таких писем [чуж⟨им⟩] не дают перевозить чужим людям, что прежде, чем сунуть его мне, надо было [оповестить] *сообщить* мне о его содержании.

Ткнув папиросу в пепельницу, он проворчал:

— [Черт ее побери] Но у нее такой вид, что... Разве я мог подумать?..

Спивак спросила, пристально глядя на Клима:

— [Этот арест грозит вам?] *Вы знали арестованных?*

— [Возможно. Я бывал у рабочих] Да,— ответил Клим и *тотчас подумал*: *«Громко. Подумают — хвастаюсь.* [*Она — беспокоится за меня?*]»

[— Хм,— сказал Асонов] Взяв себя за бороду и тоже разглядывая Клима, Асонов [усмехнулся] *неопределенно произнес*:

— Выдергивают. [Хмм] [Выпалывают сорные травы [из] в огороде государства.]

— Через два года мы перешагнем в новое столетие,—

заговорила Спивак, постукивая в пол носком ноги.— Когда же у час будет революция, Степан?

— Не знаю, тетя Лиза. Но — будет. Это — неизбежно. Как только родятся революционеры, так и начнется революция...

— Революционеров у нас достаточно,— вставил Клим несколько задорнее, чем хотелось ему.

— Не нахожу,— равнодушно сказал Асонов.— Я шестой год [изучаю] присматриваюсь к этим... кого вы титулуете революционерами. Товар — дешевый. [Плохо сработан] Красивенький, а — плохо сработан.

Асонов встал, *сунул руки в карманы брюк*, и, шагая по комнате, глядя на колени свои, задумчиво продолжал:

— Человек, который хочет отомстить людям за неудачи своей личной жизни, *за свои обиды*, — еще далеко не революционер. У нас есть революционеры от скуки [от стра⟨ха⟩], из удальства, по страсти к приключениям, из романтизма, наконец — по Евангелию. И так далее. Как будто появляется новый тип: революционер из страха перед революцией. Да, похоже, что являются и такие. [Мне показали] *Я уже встретил одного... косенького. Народник. Выпили несколько.*

— *Лютов*?

— *Я фамилии не помню*. Но [прав Маркс:] революция, *контрреволюция* — дело классов. Маркс — неоспорим, [и он] [это] математика. Личность? [Это] *Весьма* — красиво. Как театр, цирк.

Говорил он спокойно, но Клим слышал в его словах нечто тяжелое и неуверенное. Он сказал:

— Есть мнение, что *рабочий* класс только передвинет вещи, [а суть] не изменяя основу жизни.

— Есть такое мнение. [И] [Гимна⟨зисты⟩] Его охотно придерживаются гимназисты. И Евгений Рихтер, в Берлине...

— И что подлинную революцию сделают только женщины...

— Да? — спросил Асонов, *остановясь перед Спивак*.— Очевидно, что это [влюбленный гимназист выдумал] *выдумано гимназистом, влюбленным*. Лестно вам, тетя Лиза?

Спивак подняла голову, непонятно улыбаясь [круглыми] глазами.

— Это — странная мысль, Степан. [В ней есть нечто] [Но] *Я слышу* в ней отзвуки бессилия, почти такое же отчаяние, как у Нитцше. [Ведь] Нитцше [это] *для меня* — вопль погибающего класса. Чтобы дойти до восхваления бестиаль-

ного начала в человеке, надо потерять все надежды, надо быть циником[1] или русским, Конст‹антином› Леонт‹ьевым›,
л. 117 например. Посмотрите, Степан, [что] [кто] *как женщина на Западе и у нас* усложняет и делает все более хрупкой [жизнь буржуазии] *современную культуру.* [Женщина] *Я говорю* о женщине командующих сословий. В ее жажде наслаждений, *роскоши* уже замечается нечто преднамеренное, демонстративное. Она — кричит: *смотрите, нищие,*— вот [какая я доро‹гая›] как дорого я стою, [вот] как много [мне] нужно [мне] для меня ненужного...

Асонов вынул руки из карманов, *хмуро* посмотрел на свои широкие ладони и медленно заложил руки за шею.

— [Это я не очень] Этого я не понимаю, тетя Лиза.— И отошел [ворчливо говоря:

— Вы всегда рассуждаете своеобразно, но для меня — не приемлемо.

— Все-таки подумайте,— советовала Спивак.]

— Современная женщина — разрушительница, вот моя мысль,— добавила Спивак.

— Как в ресторан идет,— пробормотал Асонов, глядя в окно,— по двору шел Корвин, в светлом костюме, *в перчатках,* насвистывая, помахивая тростью. Спивак взглянула во двор и встала, [про‹говорив›] пошевелив бровями.

— Это — по делам школы. Я пойду оденусь.— Она [ушла] пошла, не торопясь, [а] в двери встал Корвин, театр‹ально› выгнув грудь, дважды *чуть* наклонив голову.

— Елизавета Осиповна?

Клим сказал, что она сейчас придет, познакомил его с Асоновым, но тот, полуобернувшись, только [взглянул] посмотрел на Корвина через плечо, [и] не вынув руки из кармана. Вышло невежливо. [Корвин сдвинул бро‹ви›] Глубокая складка свела глаза Корвина в один взгляд.

— [Какой пыльный город] *Какая пыль на улицах,*— сказал музыкант.

— Да,— согласился Клим.

— И жарко[2].

[Клим не ответил] Это было тоже верно, и Клим не ответил. Трое мужчин молчали. Асонов, стоя спиною к виолончелисту, смотрел во двор. Крутолобов сидел против Асонова,

---

[1] *Текст*: Матвея Корвина *(стр., 340)* ∾ быть циником — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *В автографе не исправлено:* И жаркий.

откинувшись на спинку стула, вытянув ноги [с широкими], ступни [его] их были почти уродливо велики.

«Похоже, что он пришел [предложить ей] предложить венчаться с ним»,— *мельком* подумал Клим, занятый мыслью об арестах [и не зная, хочет он этого или боится], соображая: арестуют ли и его, взвешивая: боится он этого или же хочет.

«Все-таки, наверное, будет обыск» [1].

[Коренастый, спокойный, он] Асонов никогда не возбуждал у него ни симпатии, ни даже любопытства, но на этот раз он вызвал у Клима определенно враждебное чувство. [Во всем] Все, что он говорил, звучало *насмешливо и* слишком [самоуверен⟨но⟩] авторитетно, грубо [и сам⟨оуверенно⟩], широкоплечее тело казалось туго надутым возмутительной самоуверенностью.

— Пожалуйте, Кирик Антонович,— позвала Спивак, приоткрыв дверь. Корвин вскочил, быстро подошел к двери и плотно притворил ее за собою.

— Какая хамова рожа,— сказал Асонов довольно громко и стал *подробно вполголоса* расспрашивать его о Барамзине. [Расспрашивал он]

— Ну, это путаник,— сказал он.— Пусть посидит, и хорошо, если подольше. [Теперь] Тюрьма прекрасная школа для таких.

— Жестко вы относитесь к людям,— заметил Клим [и по⟨смотрел⟩]. Асонов посмотрел на него сбоку, сел и закурил папиросу. Из комнаты Спивак вышел Корвин, поглаживая тугие усы, молча поклонился [мужчинам] Климу, не заметил Асонова и [ушел] *быстро* исчез. По двору он прошел тоже быстро, но очень гулко топая.

— Ну, я ухожу,— сказала Спивак, [войдя в] в белом платье, в белой шляпе *с большим* пером страуса она была очень эффектна и казалась моложе своих лет. Асонов [сказал ей] *встретил* ее словами:

[— Адрес помните]

[— Да. Я не ⟨пойду?⟩]

— Имейте в виду, что он ссыльный и, конечно, под надзором.

— Пойдет умненькая девушка.

[Было ясно, что] «Меня не посвящают в свои конспирации»,— отметил Клим и, молча пожав руку Асонову, вышел вместе с женщиной, а на дворе сказал ей:

— Как странно узнать, что вы участвуете в этих делах.

---

[1] *После*: обыск — *знак вставки, вставка отсутствует.*

Спивак очень просто ответила:

— Обязанность каждого порядочного человека. [Вот] Ведь и вы тоже...

Глядя на нее сбоку, он хотел спросить, уж не сделал ли Корвин предложения ей, но не успел, дошли до ворот [и], у калитки Спивак сама [сказала] заговорила:

— В сегодняшней вашей рецензии две фактических ошибки [и заключение написано] [*и вся она нелогична*], а логика ее не ясна. Небрежный тон, свысока,— [это] тон профессионала рецензента...

— Это — выговор? — спросил Клим [и увидел, что Спивак]. Спивак пожала плечом и вышла за ворота, ее обнял ветер, плотно прижал юбку к ногам ее, [стоймя] приподнял перо на шляпе, она [гибк⟨о⟩] немножко нагнулась вперед, [точно кланяясь] *как бы поклонясь ветру*, и пошла, оправляя юбку. Клим, сердясь на себя, сообразил: «Глупо я сказал. [А] Она гораздо красивее Лидии. И — легче. Главное — легче». *И снова вспомнились назойливые слова Пушкина, музыкальный стон Даргом⟨ыжского⟩*:

«Тобой, одной тобой...»

«Я — романтик?» — спросил Клим себя и усмехнулся.

От Лидии он получил *только* одно письмо. Довольно большое, написанное неумело, оно напомнило ему сочинение гимназистки на тему, указанную учителем. Тема — ловля рыбы в К⟨аспийском⟩ море. Только одна фраза остановила его внимание: «Когда селедки идут метать икру, это так глупо, что даже страшно до слез» [1].

«И тут нашла свое,— подумал Клим, усмехаясь. [— Это маниакально у нее...»]

Он чувствовал себя беспокойно. После завтрака он пошел в редакцию, в [это время] этот час там собирались почти все сотрудники читать столичные газеты. Бывать в редакции ему нравилось, и он [находил] считал полезным для себя слушать *городские сплетни* [и], споры [и беседы [лю⟨дей⟩] о текущих] *газетчиков* и доброжелателей газеты — адвоката Вагина, [*2 нрзб*] книготорговца [книгами] Пигеева [и местной поэтессы] и [мн⟨огих⟩] еще каких-то людей, очевидно, любивших поболтать о чем угодно и где угодно. Они все вызывали у Клима [одинаковое презрение] *чувство недоумения*. Кроме Робинзона, никто из них не возбуждал [его] симпатии, [и ко всем] *к остальным* он чувствовал *быстро растущее* презре-

[1] *Фраза зачеркнута красным карандашом и написано*: Лидия *(см. т. 21, стр. 408)*.

ние, [всё более прочное, которое] *оно становилось* [все] так сильно, что [он] Клим почти уже не мог скрывать его. Смешно было видеть [*1 нрзб*] десяток людей, которые ежедневно и упрямо старались [привить] пустить свои суетливые мысли в сорокатысячную гущу горожан, нарушить их устоявшуюся жизнь своей болтовней о политике немецких социал-демократов и будущем России, о студенческих волнениях и *литературном* декадансе, о Китае, [паде⟨же⟩] о ценах на [пух и] щетину и пеньку, о мировой выработке угля и железа, о Толстом [о краже жены нотариуса Кремлева, которая [ночью] убежала с супружеской постели ночью на улицу, в ночном белье, а муж [*1 нрзб*], догнав ее за воротами, избил палкой, о купце Погудове, который обварил кипятком приказчика своего, помирился с ним за сто тридцать рублей и подал на газету жалобу в суд, обвиняя редакцию в клевете на него] *и Чехове, о необходимости конституции в России* [1].

Но особенно любили говорить о событиях городской жизни. Климу казалось, что каждый из людей приносит в редакцию невидимый мешочек густой липкой пыли и все, как мальчишки на немощеных улицах окраин города, играют, бросая друг в друга горстями эту злую, темную пыль. Мешок Дронова был особенно вместителен и неистощим.

[Прищурив] Выкатив совиные глаза, ровненьким голосом, [равнодушно] безучастно, как о прошлом и далеком от него, он докладывал, что торговец посудой Саввин, обваривший голову приказчика кипятком, помирился с потерпевшим на шестидесяти пяти рублях и возбуждает против газеты дело о клевете. Жена нотариуса Кремлева, которую обокрал любовник, вчера ночью была избита мужем палкой так, что, выбежав из дома на улицу, упала без сознания. Установлено, что [лошадь полицмейстера] *собака сестры тюремного инспектора* отравлена нищим по наущению [m-me Каспари] мамаши [тюремного инспектора] *полицмейстера*. В речной полиции обнаружена *крупная* растрата.

— Какая же это хроника, Дронов? — спрашивал редактор, тяжело шевеля обиженной губою.— Вы давайте что-нибудь цензурное.

А Робинзон подсказывал [*тоном*], *передразнивая Дронова:*

— *Его прев⟨осходительство⟩ начальник губ⟨ернии⟩ вчера после завтрака сказал, вздохнув*: «*Калигула был* [*жесток*] *чрезмерно требователен, но, если б* [*у всех обывателей ноги*

---

[1] *После*: в России — *знак вставки, вставка отсутствует.*

росли из] *весь мой народ обладал одной задницей,— как это облегчало бы* [*работу администрации*] [*мою*] *мне мой долг администратора* [1].

Дронов продолжал:

л. 118 — Утопленник. [Поджог] Пожар, предполагается поджог. Подкидыш. Увечье: на маслобойне оторвало руку рабочему. Четыре мелких кражи. Драка на базаре. Цензурное — всё.

И снова равнодушно сворачивал на нецензурное:

— В заседании [гор⟨одской⟩ управы] *гор⟨одской⟩ управы*, рассматривая вопрос о ремонте водопровода в ремесленном училище, попечитель училища [назвал] обругал двух членов: Архангельского — вором, а Самойлова — дураком.

— Оба [не верят и недовольны,— подсказывал] — *не поверили ему,— добавил Робинзон* и, [покашливая] *покашляв*, плюнул мокроту в корзинку для рваной бумаги. Редак⟨тор⟩ *искоса* заглянул в корзинку, отодвинул стул на вершок [в сто⟨рону⟩] *от нее* [и вспомнил], *проворчал*:

— Плевательницу [его] забыли поставить. [2]

[Пр⟨иходил⟩] Нередко являлся Томилин в [сюртуке таб⟨ачного⟩ цвет⟨а⟩] *парусиновом пиджаке*, [измят⟨ом⟩] заботливо выглаженном. Он входил, пригибая ладонями [свои] горизонтальные волосы на висках, снисходительно пожимал руки, садился у окна, *развернув колени, как это делают старики*, [*положив*] *опираясь руками на костяной набалдашник палки*, и через несколько минут Клим слышал:

— [Р-расы делятся на статические и динамические: китайцы, англосаксы. Сообразно этому [люди делятся на] *и мышление имеет два типа*] Мышление [тоже [дуалистично] имеет два типа] стремится систематизировать явления, придать им *прочный* порядок — здесь особенно характерна матер⟨иалистическая⟩ мысль астрономов и социологов. Но истинный философ не заинтересован в создании порядка среди звезд и людей, его интересует лишь [само м⟨ышление⟩] *процесс* мышления [3]. Безразлично: матер⟨иалистично⟩ или идеалист⟨ично⟩ мыслится, важно только одно — [как] самый процесс: как мыслим [и зачем мысл⟨им⟩]?

---

[1] *Текст*: у Клима [одинаковое презрение] чувство недоумения *(стр. 347)* ∾ долг администратора. — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст*: и, [покашливая] покашляв ∾ забыли поставить.— *зачеркнут красным карандашом.*

[3] *Фраза*: Но истинный ∾ мышления.— *отчеркнута красным карандашом.*

Говорил он [более самоуверенно] не громко, заставляя прислушиваться, и достигал этого: *все* слушали его мудрость молча, скучновато посматривая друг на друга. *Климу казалось, что* [*его*] *словесность философа похожа на упрямый дождь осени и вызывает желание прикрыться зонтом.* [*Томилин перестал замечать Клима, и Клим думал:* [*что*] *это потому, что я, не послушав его совета,* [*поступил не*] *захотел быть*] Томилин потел и, вынимая платок, большой и [у] толстый, как салфетка, безжалостно отирал лоб, щеки, лицо его багровело, глаза, мигая, краснели. Он все толстел, и, если б сбрить ему бороду, наверное оказалось бы, что лицо у него тугое [и круглое], как арбуз[1]. [— Матер⟨иализм⟩, идеализм одинаково метафизичны, потому что *всякое* мышление в корне своем метафизика,— говорил он.— Человек вечно будет качаться между этими двумя крайностями].

Подмигивая на него, Робинзон шептал Климу:

— *Умер, но забыл разучиться говорить.* Идемте в Валгаллу [место успокоения героев].

Валгаллой он именовал «Волгу», ресторан в городском саду. [На улице Робинзон говорил о Томилине:

— Уже давно помер, но забыл разучиться говорить. Мрачная личность.

И, поглядывая на окна домов, на людей, спрашивал:

— Ну, что же, как вы думаете, молодой человек,— революция нужна, да?

— Конечно.

— Да, революция или чума. Вообще что-нибудь этакое, потрясающее. А то, знаете, [люди] *человеки* слишком удобно устроились]

— [*Кабак — место, идеже упокояются российские герои.*] *Кабак есть русская Валгалла, место, идеже упокояются* [*российские*] *праведники наши и герои.*

[*Эту*] *Клим уже много слышал фраз в* [*этом*] *таком горьком тоне* [*такого горького*], *и они давно надоели ему, раздражали своею едкостью.* [*Их*] *Он замечал, что* [*так*] *в этом тоне говорят все чаще самые разнообразные люди, и это оглушало унынием, как великопостный звон московских колоколов. Но он уже давно решил, не говоря себе об этом*[2], *что наиболее удобная позиция — быть зрителем жизни, избегая участия в* [*ней*] *ее фальшивой, надуманной суете.* [*Каким могло бы быть*

---

[1] *После*: арбуз — *помета:* Вст⟨авка⟩ *и знак вставки, вставка отсутствует.*

[2] Но не говоря себе об этом, он уже давно решил.

его непосредственное участие? Он думал об этом и подозревал: только жалким.]

Идя по улице, Робинзон заглядывал во дворы, в окна домов и ворчал, покашливая, поплевывая:

— Удобно устроились. [Слишком удобно.]

— Почему же это вызывает у вас иронию? — сухо справился Клим, и в ответ текла хриплая чахоточная речь:

— Как личность образованная и даже изгнанная из университета, я в б⟨ога⟩ не верю, я в прогресс верю. Потому что — верить-то все-таки надобно в какую-нибудь штуку. Я — в прогресс. А эти курятнички [суть] — камни на путях прогресса. Они слишком удобны [и] и потому консервативны. Все удобное — консервативно. Дядя Аким у Толстого, протестуя против удобных ватер-клозетов, [глубоко] пожалуй, прав, [ибо чувствует] *он понял*, что мы обращаем постыдные потребности организма почти в [наши] наслаждения. Разрешите напомнить, что прогресс имеет в виду не кишечник, а душу...

Робинзон был способен говорить в этом тоне часами, да он и [в⟨ообще⟩] не умел говорить иначе. Было в его речах нечто отталкивающее Клима, но они и увлекали его своей бойкостью.

— Однако из физиологического влечения к женщине мы создали искусство, поэзию,— вспомнил Клим [тему] [излюбленную тему] Макарова.

— Разве? — [уди⟨вился⟩] иронически удивился фельетонист.— [Вот как?] Значит, могу надеяться, что и отправления кишечника будут со временем поэтизированы?

[Возле] Придя в ресторан, сели за столик на террасе, [где пил пиво] ресторан стоял на краю *крутого* спуска к реке, и терраса висела в воздухе над гладко подстриженным газоном, над восьмеркой клумб, *небогато* засаженных цветами. Сквозь вершины старых лип просвечивала парчовая полоса реки, за нею на песчаных холмах развалилась *серая деревня* Фокино, *возвышался* [*кра⟨хмальный⟩*] *завод крахмала и патоки*, дальше холмы превращались в [пахотную землю и] *поля, засеянные* картофелем, а на горизонте [ж⟨елтым?⟩] синеватым гребнем закрывал горизонт густой лес. [Все, как следует.] В углу террасы за столиком скучала над чашкой кофе дородная пожилая женщина с двойным подбородком и лицом, похожим на дыню. [Она] Приподняв голову, она [уста⟨вилась⟩] смерила стройную фигуру Клима жадным взглядом, [да так] виновато ухмыльнулась [да так и], *и ее большие*

темные глаза остановились на Климе как на единственной точке, заметной [ей] для нее.

Робинзон присмотрелся к ней и продекламировал:

— Бери барабан и не бойся,
Целуй маркитантку сильней!
Вот смысл современной науки,
Вот смысл философии всей!

Откашлявшись, он подмигнул Климу на женщину:

— Опоздала, бесстыдница...

И заговорил:

— Жил я в тринадцати городах, но если вы спросите меня: что я знаю о них? Я отвечу: анекдоты. Притом — только бытовые. Истории [у нас нет] *мы не любим*, ее заменяет быт. *Однако* в Казани, городе университетском, мне рассказали [голый] исторический анекдот о памятнике Гавриилу Державину.

Сиповатый голосок Нарокова быстро наполнял воздух словами, [*но и*] *в них* [*было это*] *ясно звучало* [*не⟨доумение⟩*] *жалобное недоумение, неискусно прикрытое насмешкой. Желтые руки беспокойно бродили по столу, трогая нож, вилку, солонку. Скучные тени являлись на костлявом лице.*

— *Есть и другой анекдот о Державине,— продолжал он.*— Это мужчина знаменитый. До тридцати трех лет *плачевные песни пел*, нищим притворялся, за то и сделан полуголым с протянутой рукою. [Памятник ему поставили за то, что накопил он денег — девать некуда и построил на эти деньги театр.] Памятник — в поношение ему *нарочно против театра поставлен*: не притворяйся! Да-с. [А другой анекдот таков: На памятнике ошибка написана, настоящая фамилия человека этого — Держалин.] Был он истопником у царицы Катерины Великой, и разругалась царица с любовником своим [и], кричит: голову отрублю! Тот — бежать, а она в женской ярости своей за ним, истопник же, не глуп будучи, схватил ее [за груди, удержал], *удержал*: «Вам, говорит, Ваше величество, [стыдно пред Россией, при публике] *невозможно* за любовниками гоняться». Опамятовалась царица: «Верно, Гаврила, и заслужил ты награду за охрану моей царской чести *и за то, что удержал державу от скандала*». После того он по ночам девять лет стоял на часах у ее спальни».

Лакей акробатически [*принес и поставил*], *со звоном, бросил на стол* [*поднос, водку, закуску*] *поднос с водкой и за-*

куской. Робинзон тотчас плеснул в рот себе рюмку водки, густо посыпал перцем кусок балыка, проглотил его, выпил еще и, широко открыв глаза, загляделся в скуку за рекою, говоря:

— Да, вот она, пытливость народного ума. И вся действительность на Руси осознается, как анекдот [1].

Клим обдумывал ответ, когда на террасу шумно вошли двое — Корвин, размахивая тростью, и бритый [человек] синелицый человек с подвязанной левой рукою. Лицо Корвина тоже было сине-серое, глаза дико вытаращены, брови взъехали высоко на лоб, он был [весь] явно возбужден и, засовывая палец за воротник, дергал его, направлял криво сдвинутый галстух и снова сдвигал его в сторону. [Он и] Посмотрев на Клима, он не поклонился ему, но тотчас почти закричал:

л. 119 — Рассуждаем, учим [2]. А все для того, чтоб с большей важностью лечь под мужчину. Дескать, я не просто баба, а — с плюсом.

Клим [тотчас] не мог не понять, что это сказано о Спивак и направлено против него; фехтуя тростью, Корвин смотрел в его сторону [темными] *взглядом и* глазами [3], и казалось, что красные жилки в белках его играют, дрожат.

«Вот — дурак!»— возмущенно подумал он, искоса брезгливо разглядывая пьяного; синелицый человек, стоя на шаг сзади Корвина, [декламировал] сказал басом:

— Кирик — помни! Влюбленный [сильней, чем ученый] сильнее ученого,— всегда сильней!

— Вот комики,— проворчал Робинзон, усмехаясь, и в ту же минуту [случилось] с невероятной быстротой разыгралась странная сцена: из двери буфета вышел Крутолобов, заглянул в лицо Корвина, схватил его сзади за пояс брюк, за ворот, приподнял и перебросил через перила террасы на куртину. Потом, погрозив пальцем, он сказал *запоздало* вниз:

— Я т-тебя, дрянь!

И обратился к синелицему; *тот спрятал голову в плечи, вытянул руки* [*вперед*], *отступил.*

— Ты [прочь]! Ступай, уведи его...

Когда он подошел к столу Клима, грубоватое лицо его

---

[1] *После*: анекдот — *помета:* Вст⟨авка⟩ *и знак вставки, вставка отсутствует.*

[2] *Текст*: Я отвечу: анекдоты *(стр. 352)* ∾ учим. — *перечеркнут синим карандашом.*

[3] *Слова*: взглядом и глазами — *ошибочно не вычеркнуты.*

было спокойно, но правая рука дрожала. Он облизывал губы, поправлял кончиком языка светлые усы, а глаза его [неприятно] странно побелели.

— [Активно!] *Какая активность!* — сказал Робинзон, посмеиваясь.— За что, а?

— [Свинья,— кратко] *Что делать! — хмуро* ответил Крутолобов *и вздохнул*: — [Я и вчера дал ему плюху. Что делать?] [Иной раз] *Иногда* необходимо [так... Хотя я]. Я драться не люблю... а [его вот] *вот его бью второй раз.*

[Клим отодвинулся, давая ему место у стола.] Клим вежливо подвинул [ему] стул, [но] Крутолобов сел, не поблагодарив его.

— Вы — сильный,— сказал Клим. Крутолобов привстал на стуле, посмотрел вслед за Робинзоном через перила и проворчал:

— Идиоты. *Я живу в одном коридоре с ними, в меблир⟨ованных⟩ комнатах.*

На вопрос Робинзона: кто *этот* человек? Крутолобов ответил неохотно и скучно:

— [Корпинский] Сын попа, Корпинский, [бывший семинарист] выгнан из семинарии, был телеграфистом на жел⟨езной⟩ дор⟨оге⟩, потом получил [какое-то] наследство, что ли...

— [Он] Называет он себя — Корвин,— вставил Клим.

— [Ну] Мало ли кто как себя называет...

— Это верно,— согласился Клим.

[Беседа не клеилась, [хотя] Робинзон говорил почти непрерывно, но Клим молчал, незаметно наблюдая за Крутолобовым [лицо которого]. Крутолобов [смотрел] [глядя в пустоту дали] тоже молчал, нахмурясь, глядя в пустоту дали.]

— *Странная черта в нем,— заговорил Крутолобов, перебив шумливую речь Робинзона.— Издеваться любит над людьми, как будто хочет знать, где пределы их терпения. Как этот, «из подполья», у Достоевского. Пригласит к себе девицу и обязательно заставит ее плакать. А то — мучает коридорного Степана...*

Он помолчал, нахмурясь, глядя в пустоту далей, потом вдруг сказал Робинзону:

— Не понравился мне ваш фельетон о [новых сектах] *новой секте этой...* [— внезапно сказал он Робинзону.] Нельзя ведь осуждать детей, что они начали говорить неправильно, не по-нашему. [Они] *Может, они* учатся говорить

именно не по-нашему, чтоб сказать больше и лучше нас [По-нашему-то — плохо выходит.]

Робинзон с удовольствием потер руки [и он], рассыпался словами [1], [заспорил] а Клим простился и ушел [он рассмот⟨рел⟩]. Он открыл в Крутолобове новую черту: [этот парень, [крупный] высокий] *рыбьи, но сердитые глаза этого парня*, сутулого, точно грузчик, иногда вдруг [сине⟨ли⟩] синели [и], тогда взгляд их становился [*почти* детским, очень] мягким *и* очень печальным. Странно.

«Все — переодеты [не в свое]».

[*Но, как всегда, думать о других не хотелось* [*и*], *Клим спросил себя: надо ли рассказать Елизавете о Корвине, о Крутолобове? Думалось о том, что слишком много романов и что женщины чрезмерно много занимают места в жизни.* [*Наш⟨ел⟩*] *Отношение к ним искусственно осложнено.* [*Макаров*]]

Дома его встретила Лидия [очень загоревшая, с обветренным лицом]. Она еще не успела переодеться, стояла пред ним в [пал⟨ьто⟩] платье из холстинки, серенькая и простая, *крепко* сжав его руку, она [точно] [быс⟨тро⟩] нервно отдернула ее, [то⟨чно⟩] как бы обожглась.

— Почему не встретил?

— Но ведь ты не писала, что едешь.

— [Не люблю писем] *Я писала...* просила Макарова сказать тебе.

— Макарова здесь нет.

Она изумленно подняла брови:

— Зачем ты это говоришь? Он встречал меня на пристани.

Подумав, Клим сказал:

— Тогда ты должна знать, почему я не встретил тебя.

[— Что] [Как?] [Ты намекаешь на что-то?]

Она повернулась и побежала вверх по лестнице, Клим не нашел ничего лучше, как усмехнуться вслед ей [Да, эта девушка ненормальна], спросив себя:

«Неужели роман с Макаровым?»

В его комнате на столе лежала рукопись статьи о немецком романтизме и на первой странице сухим, тонким почерком Спивак написала:

«Это — слабо. [Книга [Гайм⟨а⟩] Кин] «Романтическая

---

[1] *После*: словами — *знак вставки, вставка отсутствует.*

школа» Гайма устарела, ею уже нельзя пользоваться. Я принесла вам другие книжки. [Е. С.]»

[Статья] Клим знал, что статья неудачна, но [записка] отзыв Спивак возмутил его. Негодуя, он изорвал рукопись, [сбросил] оттолкнул три книги, лежавшие на столе, и, вскочив, зашагал по комнате. Нет, эта баба всё еще смотрит на него, как на гимназиста, хотя он — отец ее ребенка. Ей нужно дать суровый урок. Он обязан сделать это. И — сделает.

Придумывая, как проучить Спивак, он не заметил, когда на пороге двери встала Лидия, спрашивая:

— От кого ты бегаешь?

Он едва не крикнул: «От вас, от тебя!»

— Чаю хочешь? — сказала Лидия.— Там — гости.— Подошла к нему, взяла под руку [и], заглядывая в лицо [ска⟨зала⟩]:

— Знаешь, Клим, я решила поступить на курсы. Ты — как?

— Это неплохо,— одобрил он и облегченно вздохнул.

— Я хочу заняться историей. Впрочем, я еще не решила,— может быть, биологией. Макаров советует историю...

— Он любит прятаться в сказках.

— Прятаться? [Почему] Ах, я понимаю...

— Он все еще влюблен в тебя?

— Это [мн⟨е⟩] не мешает мне...

— Ответ эгоистки...

Лидия снова заглянула в лицо его и, улыбаясь, сказала:

— Как странно мы с тобой говорим...

Через несколько дней Клим [земетил в ней] убедился, что Лидия избегает встреч с ним наедине. Она делала это неумело [и жила в], порою [грубовато] грубо, а иногда виновато улыбаясь. В ней заметна была странная растерянность и что-то двойственное [и], противоречивое. Вдруг ею овладевали припадки нежности. Она заботливо ухаживала за [Вара⟨вкой⟩] его матерью, [оскорбительно] молчаливой, говорившей со всеми и обо всем сухо, неохотно и как бы из милости. Надутое лицо, [потускневшие] тускло тлеющие глаза ее без слов говорили всем: «Мне ничего не нужно».

А Лидия ласково тормошила ее, обнимала и, прижимаясь к ее острому плечу, оживленно рассказывала о К⟨аспийском⟩ море, о рыбаках, напевала рыбацкие песни. [Потом она] Потом она бежала во флигель, возилась с ребенком Спивак и, внезапно раздраженная чем-то, спорила с Елизаветой, спорила громко, до истерических взвизгиваний.

— Нет, нет,— кричала она, заставляя Клима вспоминать обезумевшую жену доктора Сомова.— Нет, неправда, это победимо. Мы не думаем о смысле того, что делаем,— слышал Клим. [На ходу она несколько озабоченно]

Ему казалось даже, что Л⟨идия⟩ в чем-то виновата перед ним и боится его. И в танцующей *ее* походке [ее] явилось нечто новое, [но] ходила она [1]

В столовой пред самоваром сидела Вера Петровна, величественно и обиженно разливая чай. В ее лице было что-то общее с лицом редактора, она так же надула и опустила губу. Радеев, играя ложечкой, тихо и ласково говорил ей:

— Нет, и старость хороша. Чувствуешь себя генералом в отставке; битвы — кончены, командовать — некем, да никто и не слушает команды. Значит и ответственности нет. Спокойно.

Против него сидел Макаров. Облокотясь на стол, запустив пальцы в густые двуцветные волосы, он смотрел в стакан. Он был растрепан больше, чем всегда. Молча подав руку Климу, он не пожал ее [и].

— Вот и вы говорите о покое,— забормотал он.— У вас это понятно. *А вообще это желание покоя... странно! Я* [*наблюдаю*] *вижу его везде. И даже волнения студентов, рабочих* [*кажутся мне выражением стрем⟨ления⟩*] *выражают это же желание устойчивости, покоя. Вижу много загадочного.* [Но] Почему женщины Франции отказываются родить, почему в Германии zwei Kindersistem и, как видно, всюду развивается мальтузианство?.. Я не могу объяснить это только экономическими причинами, нет! Тут — серьезнее. Исчезает инстинкт материнства. Тут — чувствуется отчаяние... Или, по крайней мере, сомнение матерей в том, что дети нужны миру.

Радеев подмигнул [Климу] Вере Петровне и сказал, посмеиваясь:

— Беспокоится будущий акушер.

Клим незаметно наблюдал за Лидией, [видел] *убеждался*, что она смотрит на Макарова не влюбленным, но как-то особенно ласковым взглядом. Макаров, похудев, казался значительно старше своих лет. Он [отпу⟨стил⟩] растил бороду, и курчавые *одноцветно* темные волосы *на щеках, подбо-*

---

[1] *Текст*: Через несколько дней *(стр. 356)* ∾ ходила она — *вставка, вероятно, написана во время перехода ко второй редакции. Помета Горького:* 119_4, *конца вставки нет.*

родке делали его лицо длинным, бледным. А в глазах — что-то [напряженное] тревожное и застывшее.

— Да, студенты, — вздохнув, сказал Радеев.— Всё больше истребляют их. Государству нужны ученые деятели, а у нас... Сегодня на [улице] вокзале схватили одного господина, оказался переодетый студент...

— Не знаете фамилии? — спросил Клим, [всп⟨омнив⟩] *тотчас вспомнив, что вчера он мельком видел на улице Асонова* [*который ехал куда-то*].

л. 120 Все посмотрели на него, Лидия — вопросительно.

— Не знаю,— [сказал] ответил Радеев.

Вера Петровна, разжав губы, облизала их концом языка и спросила Радеева:

— Про вас говорят, что вы помогаете партиям...

— Нет,— [ска⟨зал⟩] ответил старик, улыбаясь.— Я не партиям, а — людям. Я люблю людей [особенно] интеллигентных. За бескорыстие. У меня на мельнице работает один ссыльный и все, знаете, толкает к усовершенствованиям. Я говорю: «Игнат Петрович, слишком много трудитесь вы за мое вам жалованье, на чужое дело тратите силы». А он: «Развитие техники такое же мое дело, как и ваше». Этак-то понимать работу [радость] [великое дело!] кто у нас может?

Он долго говорил о земских врачах, статистиках, агрономах, учителях, именовал их «лошадниками [рус⟨ской⟩] российской культуры», великомучениками и бессеребрениками [и]. Климу [было очень] стало невыносимо скучно слушать его благодушную речь и хотелось пойти к Спивак, сообщить ей об аресте Асонова. Он был уверен, что арестован именно Асонов. Незаметно ускользнув из столовой, [он пришел к] он застал во флигеле Спивак с ребенком на руках и Крутолобова в кресле против нее, писатель неуклюже [и почти неприлично] съехал с кресла на край его, вытянул ноги и, сунув руки в карманы, глядя в потолок, стучал затылком [о спинку] по спинке кресла. Брюки его высоко взъехали, показывая ноги в полосатых, дешевеньких носках. *Небрежность его костюма* [*жес⟨тов⟩*] *и поз всегда казалась Климу нарочито подчеркнутой, вызывающей.*

— Да, Асонов,— спокойно сказала Спивак, покачивая уснувшего ребенка.— Я была на вокзале. — Она тотчас легко поднялась на ноги и унесла ребенка.

— Умная,— проворчал Крутолобов, сел глубже в кресло и сжал руками голову.— Собака эта, Корвин, что ли,

[рассказывает] хвастается, что она его... что он живет с нею. Врет?

— Да,— уверенно ответил Клим, а Крутолобов *угрюмо взглянул на него и*, пошарив рукою в кармане, [сказал] *спросил*:

— Папирос нет?

Вошла Спивак, отирая губы платком, села [близко] на кушетку против Крутолобова и заговорила:

— Продолжаю. В одном из своих сочинений Шлейермахер сказал, что идея счастья была повивальной бабкой, при помощи которой разум родил понятие о высшем благе. [Он] Но он же утверждал, что добродетель и блаженство разнородны по сущности своей и что Кант ошибся, смешав идею высшего добра с элементами счастья.

«Учит,— подумал Клим.— Всех учит. Какая скучная».

Забавно было видеть напряженно нахмуренное лицо Крутолобова и его яркий рот, детски полуоткрытый, а Спивак сидела прямо, [покачиваясь немножко] *покачивая ногою, закинутой на ногу*, разглаживая, *растягивая* на колене платок.

«Жорж Занд, воспитывающая себе любовников»,— [сказал] нашел Клим, внутренне посмеиваясь.

[В окна смотрел] Приближался вечер, пасмурный и тихий, огромное серое облако неподвижно стояло в небе, сгущая на земле [ду⟨хоту⟩] теплую духоту. Где-то близко, [за] у соседей, лаяла собака. Полает, послушает — нет ли эха? Эха не было. Тогда она снова начинала обиженно тявкать.

— Полная и непрерывная гармония между познаванием и желанием — вот высшая цель человека,— слышал Клим задумчивые слова.

Потом [он] с невероятной быстротою разыгралась сцена, о которой Клим вспоминал со страхом, с изумлением. Надсадно громко треснуло, посыпалось стекло; Спивак вскочила, [быстро] исчезла и тотчас раздался ее крик:

— Прочь — ребенок! Ребенка, ой...

Крутолобов *подпрыгнул*, взвился к потолку, [а] Спивак вбежала в дверь, держа ребенка под мышкой, размахивая рукою над головой своей, сзади ее [толкала] *хватала чья-то рука* и что-то светлое сверкало над ее плечом.

— Спасите ребенка,— крикнула она хрипло, как пьяная, [но] но прежде чем [Клим] Самгин успел подхватить дитя на руки, она [уронила], упав на колени, уронила ребенка в кресло. [Над нею] За нею поднялась, странно болтаясь, одноглазая голова Корвина с блестящей палкой в руке. Крутолобов бросился на него, ударил, обнял [лягнул]. Клим

[вырвал] схватил [рукою] [и], *согнул и вырвал* длинный тонкий клинок, которым размахивал Корвин; пытаясь сломать стальной прут, он смотрел, как Крутолобов, сидя верхом на груди музыканта, подсунул [ноги] *колени* свои под мышки ему и, одною рукой стискивая горло Корвина, бил *кулаком* другой по голове его.

— Не бейте,— приказала Спивак, вставая, шатаясь, подняв руки к голове, потом опустила их к лицу, руки были красные и влажные. Клим поддержал ее, усадил, чувствуя, как все ее тело дрожит под его рукою. Корвин лежал неподвижно, спрятав одну руку под [сту⟨л⟩] кресло, другую закинув [под] за голову свою. Лицо его было багрово, вспухло, глаза прикрыты; Крутолобов, [*двиг⟨ая⟩*] *сжав челюсти докрасна*, стоял над ним и шевелил его ногою, глядя совершенно белыми глазами, зрачки которых как бы исчезли, сгорели.

— Куда его? — спросил он очень громко.

Спивак [быстро] торопливо, но твердо заговорила:

— Я не хочу скандала. Помогите ему. Воды. И мне. Приведите в чувство, пусть уйдет. Скорей, пока нет прислуги...

Клим побежал в кухню за водой, а когда возвратился, Крутолобов, стоя в двери, [гнул] *сгибал* руками стилет в кольцо, спрашивая угрюмо:

— А если он повторит?

— Нет. Он пьяный...

— Последний раз пьян? — спросил Крутолобов и широко улыбнулся.

— Помогите ему,— попросила Спивак.

— Не хочу,— [громко] ответил Крутолобов.

Не взглянув на него, она *бережно* взяла ребенка и ушла. Клим понес за нею кувшин воды, но она сказала через плечо:

— Не надо. Ему. Скорей.

Присев на корточки, Клим стал смачивать *лицо*, голову Корвина, а Крутолобов, расхаживая, говорил:

— Раздавить идиота. Палку со стилетом завел. Значит, обдуманно.

Корвин очнулся как-то вдруг, сразу [вст⟨ал⟩] вздрогнул, сел, щупая голову, тупым взглядом глядя на ноги Климу.

— Избили? А? Двое на одного? — бормотал он.

Крутолобов настороженно остановился *над ним*, говоря:

— Вымой морду и — к чёрту!

Корвин *покорно* встал, держась за косяк двери, вытер лицо мокрым полотенцем, оглянулся и сказал глухо, злобно:

— Вам придется ответить за это, пред судом. Я пожалуюсь...

Эти слова возмутили даже Клима.

— Да вы помните, что хотели делать.

— Я все помню.

— Вы хотели убить.

— Нет. Врете.

— Нас двое свидетелей.

— Хоть двадцать. Я хотел побить, да. Побить за то, что...

— Молчать! — сказал Крутолобов, схватив его за плечо, но Корвин докончил:

— Не играй. Не обещай глазами, сволочь.

Крутолобов рванул его к себе, перевернул и ударом ноги подбросил к двери в прихожую. Полежав, Корвин встал на колени.

— Все зачтется! — сказал он, подняв руку с кулаком, сжатым добела.— Все. Не прощу...

— Не трогайте его, он пьян еще,— сказал Клим, удерживая Крутолобова.

л. 121 [— Вот шляпа,— крикну⟨ла⟩] Спивак, приоткрыв дверь, бросила на пол шляпу. Крутолобов швырнул ее ногою музыканту.

— Вон!

Корвин, встав на ноги, долго и тщательно оправлял костюм, чистил шляпу рукавом, а надев ее, сказал:

— Все-таки я ее вздул... А? Р-рыцари?

По двору прошел твердым шагом, не оглядываясь, но размахивал рукою так, как будто держал в ней палку.

Только теперь, когда в комнатах стало тихо, Клим почувствовал, как [он] потрясла и утомила его эта [неожи⟨данная⟩] внезапная тяжелая сцена. Неверными руками устанавливая на места сдвинутую мебель, он чувствовал [что по⟨д⟩] где-то под ложечкой у него сосущее ощущение тошноты. Невольно думалось:

«Ведь он мог убить ее, проткнуть этой иглой. И меня тоже. Мог выколоть мне глаз».

Сел на кушетку, *согнулся*, схватив голову руками, и слушал глуховатый голос писателя:

— Что же он?.. Какое же право у него? Глупо говорю: право убивать не существует. Самгин,— не существует?

— Не знаю.

— А борьба за жизнь? Нет, это право существует.

Помолчав, он тихо спросил:

— Жила она с ним, а?

— *Я* не знаю,— [пр⟨оговорил⟩] сухо проговорил Клим.

В двери встала Спивак, осматривая комнату. Бледное лицо ее искривилось болезненной усмешкой, она тряхнула головою в чалме из полотенца и сказала:

— Как будто ничего и не было. И все-таки было, но... Вот что, друзья, [эта гнусная сцена] эту гнусную сцену вы забудьте. Очень прошу.

И твердо напомнила:

— Я не хочу скандала. [Понятно?]

Крутолобов подошел к [ней, [пожав ее руку] [*и так склонился*, пожимая ее руку] наклонил голову, но руки не поцеловал] Спивак и [*пожимая ей руку*] *так* [*склонил*] *согнулся, пожимая руку ее, как будто хотел поцеловать ее.*

— Вы останетесь,— [скорее] *не то* приказал он, не то [поп⟨росил⟩] спросил Клима, но Спивак тотчас сказала:

— Нет, я хочу [оста⟨ться⟩] побыть одна.

А вслед за тем попросила Клима:

— Пришлите мне Лиду.

[— Вот как]

На дворе, задержав руку Клима в своей руке, Крутолобов сказал:

— Вы последите, как бы он не воротился.

И, не спеша, валкой походкой, вышел на улицу.

До полуночи Клим не спал, лежа в постели полураздетый, с книгой в руках. Читать мешали бессвязные, раздробленные думы о Лидии, Спивак, о всех людях, которых он знал. В центре этих дум, как стержень их, стояли пародоксальные слова Спивак Крутолобову:

— Романтики убеждены, что [жизнь] *разум обедняет и* обессмысливает [разум] *жизнь.*

Клим находил, что это весьма похоже на [правду] *истину, хотя надо говорить не о разуме, а о фантазии, воображении, вот что искажает жизнь.* Ведь в сущности инстинкты правдивы, [страдания — неизбежны] а действительность проста, если ее не выдумывать, не украшать бумажными цветами стихов, романов, лживой лирикой, цель которой — соблазнять женщин. Хотя циник Лютов прав: женщина — гнилая рыба, без [хорошего соуса] *приправы* ее не съешь.

Через некоторое время после полуночи задребезжал звонок с парадной двери, [Все были дома] и в ту же минуту кто-то, перескочив через забор, начал отпирать ворота.

— Корвин?

Клим испуганно подбежал к открытому окну, на двор вошла группа [полицейских и] жандармов, двое полицейских встали у калитки, жандармы пошли к флигелю. В доме шумели. Клим надел тужурку, отворил дверь,— пред ним встал толстый офицер, бородатый, в темных очках, сонным голосом он сказал:

— По предписанию...

За его плечом [сто⟨яла⟩] вытянулась прямая фигура Веры Петровны.

— Мой сын не может быть виновен...— гневно говорила она, офицер, неуклюже шагнув в комнату, ответил [хрипло] сиповато:

— Мы [же] должны убедиться в этом...

Явился Варавка в голубом халате, играя кистями пояса, поглаживая бороду.

— Это — что же? — иронически усмехаясь, спросил он.

— Обыск,— ответил офицер.

— Вы знаете, кто я?

Офицер [пожал] *приподнял* плечо и сел к столу:

— Но ведь обыск не [у в⟨ас⟩] у вас...

Клим отошел в угол и сел там, чувствуя себя вдруг отупевшим, как от [налета тяжелой тоски] *удара по голове*. Его обняла и сжала тяжкая тоска, физическая вялость. На вопросы офицера он отвечал вполголоса, инстинктивно заботясь говорить [короче] меньше. Было [что-то очень] *до угнетения* обидно [до угне⟨тения⟩] смотреть, как толстый офицер, плотно сидя на стуле, роется в ящиках, вытаскивает бумаги и читает их носом. [Руки] *Пальцы у него были красные*, [*Ногти у него были*], *а ногти синие*, [*даже лиловые*] *точно он отморозил руки*.

— Это [ваши] [*вы печатаете*] *ваши* статейки? — спросил он, взмахнув пачкой газетных вырезок.

— Да.

— *Читал* [очень зрелые мысли,— похвалил [1]] офицер и стал перебирать бумаги торопливее.

Обыск продолжался меньше часа. Офицер, отложив стопку писем, сказал, вставая:

— Это я возьму. Извиняюсь за беспокойство. Долг службы. Мы вызовем вас, г. Самгин.

Отдал честь матери, [сухо] Варавке и ушел, сопровожда-

---

[1] Слово ошибочно зачеркнуто.

емый *двумя жандармами* — широколицым [стариком] *вахмистром* с седою бородой и молодцеватым [пох‹ожим›] солдатом с лицом цыгана, барышника лошадями.

Когда замолк звон шпор, [Вар‹авка›] *мать* спросила:

— Что это значит?

Клим молча пожал плечами.

— Но, Клим, ведь ты, конечно...

— Да, не беспокойся, мама...

Ему хотелось, чтоб она и Варавка ушли, его смущала догадка, что он держался недостаточно достойно, и страх этот был замечен Варавкой. Но Варавка присел на стул, взяв бороду обеими руками, потянул ее вниз и заговорил:

— Я ни о чем не спрашиваю [тебя], Клим. Но я чувствую себя обязанным сообщить мое мнение. Вот оно: революция в России преждевременна, потому что сил [для нее], *способных* организовать ее, у нас нет. [Всякая революция] *Революция* [опасна] пагубна и антикультурна, потому что она обязательно превратится в стихийный бунт крестьян. Повторяю: сил, способных сдерживать крестьянство в рамках исторически должного, у нас нет. Да.

Он говорил долго, все более возбужденно. Клим перестал [дум‹ать›] слушать его, глядя в окно, думая о том, что делается у Спивак. Мать ушла, сказав, что у нее разболелась голова *и что, когда кончится обыск у Спивак, она пойдет к ней. Если Спивак не арестуют.* На дворе *под окном* тихо бормотали *черные* полицейские, *от них пахло дегтем,* [*на крыльце кухни*] [*в углу двора*] *сидел дворник татарин Юнус, отрывисто* [лаяла] *тявкала* беспокойная собака соседей, *эта странная собака всегда лаяла как-то вопросительно, полает и затем с минуту слушает, ждет, кто откликнется ей. Голосишко у нее был заносчивый и едкий, но слабенький, морда — лисья, а глаза — недоверчивые. Клим часто видел, как она, рыженькая и тощая, не выходя на улицу, стояла в воротах соседей, подозрительно нюхая воздух.*

Половинка луны таяла в небе [и казалось, что луна пахнет свежим дегтем].

— [Скучно богу с тобою, Василий] [Состояния своего не понимаешь ты] [*Состояние свое надо понимать*] Время [бы] светать,— громко сказал полицейский и вздохнул.

Семь человек [жанда‹рмов›] один за другим вышли из флигеля, впереди шагал толстый полковник, рядом с ним высокий адъютант в фуражке набекрень, он крутил усы [и поровнявшись] *и, подходя* к воротам, сказал громко:

— Благовоспитанная женщина...

Юнус подошел к воротам, притворив калитку, [запер ее и] щелкнул железной задвижкой и старчески медленно ушел в тень, [к флиг⟨елю⟩] в угол двора.

л. 122 *Высоко в небе поплыли темные облака.* Три окна флигеля [были] освещены, но вот погас огонь в одном [из], в другом, и *в стене* [осталась только одна] *остался только один желтый квадрат.* «Пойти к ней?»— спросил себя Клим. В этом вопросе было уже нечто соблазнительное, [влеку⟨щее⟩] *заманчивое* и почти решенное. [Но он тотчас вспомнил о Лидии] *Он вздохнул, нахмурился: что оттолкнуло его от Спивак? Она проще, умнее, полезнее Лидии. Вспомнив о Лидии, он подумал: странно*, неужели [обыск] шум обыска не разбудил ее?

[Светало.] Завыл гудок на мельнице Радеева, ему ответил *за рекою* свист лесопилки [за рекою], потом густой рев крахмального завода, а через несколько минут в тишине улицы раздались [удары четких шагов] четкие шаги *невидимых людей.* Все [шло] *было* привычно, знакомо. Как [это] нелепо [слу⟨шать⟩] звучат речи о революции пред лицом этой обычной, устоявшейся тишины. Варавка, рассуждая о революции, становится все толще, он уже безобразно толст· И разве революции делаются переодетыми студентами, полуумными дьяконами, сектантами? [Нет, это] Ясно, что люди выдумывают жизнь во вред и себе и другим. Все это так или иначе ненормальные люди. Шорох у двери заставил его *быстро* обернуться — осторожно притворяя дверь, стояла спиною к нему Лидия. Обычно она приходила в каком-то халатике, а сегодня — *одета, как на прогулку*, в темной юбке [и в кл⟨етчатой?⟩], в светлосерой блузе и в ботинках.

— Почему ты без перчаток и зонтика? — спросил Клим, усмехаясь, девушка удивленно взглянула на него.

— Что такое?

Клим протянул руки, желая обнять ее, но она выскользнула [села] *и опустилась* на стул, говоря:

— Я [все в] думала, тебя арестуют. Как это [странно] *непонятно*, что ты тоже... [ув⟨лечен⟩] политик. Лизу я понимаю, она... ей это нужно. А ты никогда не говорил мне о себе. Очень неприятно, когда обыск?

Он склонился над нею, [клад⟨я⟩] касаясь руками ее острых, всегда горячих грудей, но она отвела руки его.

— Оставь, я иду к Лизе. Не могу спать. Знаешь,— вчера у меня сидел Макаров и наговорил мне... очень взволновал [меня]!

«Кривляется»,— подумал Клим, [мол⟨ча⟩] отошел от нее и сухо спросил.

— Чем же он взволновал?

Лидия пожала плечами, выпрямилась, глядя [м⟨имо⟩] в потолок.

— Я плохо понимаю его. *Ты знаешь*. Он очень высоко ставит женщин, но говорит, что женщина должна быть безжалостна, беспощадна. Она — грозная сила, и [призвана] этот мир будет разрушен ею. Все [злое] недоброе носит женские имена: стихия, злоба, зависть, ложь, корысть, болезнь [рана, все] и многое еще. И все эти имена даны злому мужчиной из страха пред женщиной...

— Чепуха и ерунда, а также глупость,— тоже имена женские,— сказал Клим.

— Да,— согласилась Лидия, кивнув головою.— Все названо мужчиной...

Она встала, осмотрела комнату так внимательно, как будто впервые была в ней.

— Я только [посмотреть] *взглянуть* на тебя,— испугался, расстроен? [Иду к Лизе]

Клим отступил от нее, хотелось знать, подойдет ли она к нему? Не подошла [и исчез⟨ла⟩].

«Макаров прав, конечно,— истеричка»,— [возмущенно] подумал Клим *возмущенно*, но [чувствовал] чувствуя, что этот визит оборвал еще одну нить, связывавшую его с *этой* девушкой.

«Как я мог вообразить, что люблю ее?»— не упрекая себя, но удивленно спросил он.

Через шесть дней [его] Клима вызвали к жандармам, чернобородый полковник принял его очень любезно [от⟨дал⟩] и, отдавая бумаги, сказал:

— Я прочитал ваши [записки] статьи, очень зрелые мысли есть в них, очень похвальные! Например: [консерватизм формы — естественная *и единственная* основа культуры, искусства. Верная мысль!] о законности консерватизма формы. Если эту мысль развить, распространить. Да,— сказал он, сняв очки, обнажив красные опухшие веки и мутные глаза,— верная мысль. До свидания, а — лучше прощайте.

Клим спросил: чем вызван обыск? Тогда полковник, надевая очки, ответил с улыбкой, отеческим тоном:

— Вы это знаете. У вас есть компрометирующие знакомства. Ведь мы действуем не слепо, и [у нас нет] не в наших намерениях раздражать [людей] молодежь. Мы консерваторы

именно потому, что консерватизм — единственная охрана культуры. Человек нам дорог. Революционеры смотрят иначе: [для них] человек — ничто, если это не член их партии, *и* вспомните Нечаева: революционер — не человек. Вот как-с!

Клим [ушел] с достоинством пожал руку полковника и ушел [чем-то] очень довольный. Он не мог бы сказать, [чем] что именно вызвало в нем чувство самодовольства и облегчения, [но казалось, что] [что было] но как будто он хорошо сдал трудный экзамен. Зайдя [по дороге домой] в редакцию, он почувствовал себя еще более окрыленным, его встречали, как [героя] *именинника*. Крепко пожимая его руку, поджав обиженную губу, редактор сказал ему:

— Вот и вас окрестили!

И, улыбаясь очень широко, прибавил [остроумно]:

— Неизбежное — неизбежно.

Робинзон тоже ликовал, остроумно рассказывая о том, как трижды обыскивали его, а четвертый раз схватили на улице вместе с его знакомым и усадили на пять месяцев в тюрьму.

— Тюрьма — действительно — школа! — заключил он.— Хотя она усилила мой туберкулез, но я там научился недурно играть в шахматы...

Дронов [был явно удивлен чем-то] расспрашивал с какой-то особенной заботливостью, даже назойливо, не скрывая удивления, за которым чувствовалось как будто недоверие.

— Значит, и ты причастен, так сказать? — говорил он и потирал руки, как [будто торговец] *человек*, сделавший выгодное дело.

В несколько дней Клим Самгин почувствовал себя героем. На улицах ему ласково улыбались незнакомые гимназистки, он [видел] слышал, что мать [гор〈до〉] рассказывает об обыске с гордостью; к нему пришел рябой семинарист, приглашая его в кружок, изучающий Маркса, [и, наконец, он] *и вообще было* немало различных изъявлений симпатий к нему. Щеголеватый адвокат счел нужным одобрить его:

— Что делать, дорогой мой? Не весть ни дня ни часа... Судьба всех честных людей.

Он скоро понял, что это внимание опасно для него и что должность героя налагает нелегкие и нежелаемые обязанности. Он видел также, что [в отноше〈нии〉] слава его оставляет равнодушными Лидию, Спивак, Макарова и Крутолобова. Эти четверо всё чаще, почти каждый вечер, собирались во флигеле, и когда он приходил туда, его встречали

так же просто, как [всегда] раньше. Ему казалось, что встречают слишком просто́.

Макаров не упустил случая повторить свою мысль маниака-феминиста:

— Настоящую решительную революцию могут сделать только женщины.

В белом кителе или в блузе, в синих брюках, стройный и крепкий, Макаров напоминал офицера. На висках его [и] появились ниточки седых волос и это [придавало его резкому лицу очень] делало его резкое лицо оригинальным, даже немного суровым. [Он, видимо, очень подружился с писателем и слушал речи Спивак] Но когда он с напряженной жадностью слушал речи Спивак, темные глаза его, [странно] мягко улыбаясь, освещали и сухое лицо [его] мягкой радостью:

— *Так! — говорил он.— Так! Со словами [я не], с мыслями я не согласен, но — тон! Вы говорите, как женщина, как настоящая...* Настоящую, решительную революцию могут сделать только женщины.

Крутолобов расспрашивал:

— Вы марксист — или что?

Он рассматривал Клима, *как всех,*— в упор, с явным недоверием, казалось, что он вообще смотрит на людей, как на бесплотные тени. Только останавливаясь на лице Спивак, его жидко-голубые рыбьи глаза темнели [при], светились ласково и печально.

[— Мало я понимаю,— г⟨оворил⟩] Однажды он поразил Клима, сказав внезапно и неуместно:

— Мало я понимаю. Это, должно быть, оттого, что много думаю. Я ведь даже во сне думаю, чёрт! [Обо всем]

л. 123 — О чем? — спросила Спивак, присматриваясь к нему очень серьезно.

— Обо всем. О ласточках, собаках, женщинах, книгах, о моем [квартирохозяине] соседе, околоточном Панове.— Он весь сжался, приподнял плечи, точно собираясь прыгнуть, и вдруг его взорвало словами:

— Околоточный — это забавно! — [вот посмотрите — кр⟨углый⟩] *низенький, толстый*, [мягкий] с круглым лицом подростка, невинные синенькие глазки, белые усы и женский мягкий рот. Ему сорок три года. Он хочет быть благовоспитанным, и, даже ругаясь, улыбается любезно, только зубы у него оскаливаются злобно, и вздрагивает верхняя губа, такой, знаете, поцелуйной дрожью. *Обыватели не понимают и очень боятся его, потому что он не [умеет] заво-*

дит друзей среди них, ⟨*не*⟩ *берет взяток* [и не заводит друзей среди них].

Рассказывая, Иноков [так] крепко сжал пальцы рук в большой кулак и тихонько, в такт словам, бил кулаком по своим коленям. Глаза его потемнели. Он немного прижмурил их [и], Клим [впервые] заметил, что ресницы писателя длинны и красиво выгнуты к бровям.

— В его [маленькой] комнате с окном на двор, на курятник, день и ночь горит неугасимая лампада пред образом Божией матери, украшенным разноцветной фольгой, а по голубым обоям стен приколоты шпильками и *кнопками* десятки открыток и картинки из парижских тетрадей «Ню». Всё — голые женщины, в соблазнительных позах; они — как сонм бескрылых ангелов вокруг иконы. Он — [верующий и очень] богомольный; иногда *даже* [*поздно*] *ночью, поздно* возвращаясь с дежурства, он [сто⟨ит⟩] молится не менее часа. Я думаю, он стоит на коленях. Меня отделяет от него тонкая переборка, я слышу [его] возбуждённый шёпот и мне кажется, что это шёпот страстно влюбленного. Мне всегда так хочется услыхать слова его молитв, что я бесстыдно прижимаю ухо к переборке. Но он шепчет быстро и тихо.

Иноков рассказывал негромко, и все понижал свой грубоватый голос, напрягая этим внимание слушателей. Говорил он [очень пластично] серьезно, как о [чем-то] чрезвычайно важном, и заставлял Клима [жда⟨ть⟩] ожидать необыкновенной развязки рассказа. Лидия слушала, *как ребенок*, приоткрыв рот, подняв брови, лицо ее приняло глуповатое выражение, можно было думать, что и она ждет страшного. В глазах Макарова, наклонившегося к рассказчику, светилась жадность, а Спивак, полулежа на кушетке, смотрела [в] на лицо Инокова, на фигуру его странным, измеряющим взглядом, и этот взгляд подсказывал Климу цинические догадки.

— [Со среды на четверг и с воск⟨ресенья⟩] *С понедельника на вторник* и с [пятницы] *четверга* на пятницу его ночи свободны. Тогда к нему приходит дама сердца, высокая, с плоской грудью и очень красивыми глазами. Она, должно быть, торговка. Она ходит, как монахиня, опустив голову, [глядя в землю, но] но *вдруг, взмахнув головою*, улыбается нахально [с вызовом]; я несколько раз поймал эту улыбку на себе. Околоточный угощает ее чаем, мармеладом и портвейном. Говорят они громко, у нее густой голос мужчины,

Они [оба часто] хихикают, *это* очень противно слышать. Мне кажется, что он показывает ей вновь приобретенные открытки, картинки, а она комментирует их. Иногда я слышу ее замечания: ноги коротки или что-нибудь в этом духе, анатомическое. Затем я слышу то, чего не следует слышать. Они [оба], *должно быть*, удивительно бесстыдны [и не стесняются]. На рассвете она уходит, а околоточный — молится, шепчет, *и* [мне] я всегда [воображаю] чувствую, что он молится благодарно [искренно].

Иноков [внезапно] оборвал рассказ, разжал побелевшие пальцы и погладил жесткие вихры своих волос. С минуту все молчали, потом Лидия резко спросила:

— Зачем это рассказано?

Иноков повернулся к ней, [уст⟨авился⟩] посмотрел выцветшими глазами и сказал:

— Я много знаю такого. И — хуже. Меня смущает вопрос: это — настоящее или нет?

— Настоящее! — решительно сказал Макаров. Спивак повернулась и стала смотреть в потолок, а Лидия почти обиженно сказала:

— Это — грязь.

Иноков как будто не слышал ни ее, ни Макарова, он, помолчав, продолжал:

— Надо ли рассказывать об этаком? Толстой — молчит. Короленко, удивительно цельный и зоркий, тоже молчит. Но у Толстого — бог, Евангелие, у Короленко — вера в справедливость, в какие-то добрые начала, скрытые в людях. А мне вот надо знать: какое отношение имеют молитвы околоточного к добрым началам, к Евангелию? Видите ли, очень трудно объединить... некоторые наблюдения и мысли с проповедью милосердия, справедливости, с верой в бога...

— Вы в бога не верите,— пробормотала Лидия.

— Нет. Не верю,— сказал Иноков.— Для этой веры я не вижу места. Вообще мне кажется, что добро в жизни — безместно. Глупо и смешно [даже] петь во время боя лирические песни.

Спивак поднялась и села, снова пристально рассматривая Инокова, а он задумчиво и тихо говорил:

— Может быть, доброе-то, красивое и гуманное, просто— ложь. [Привычное] Жульническое прикрытие бесстыдства жизни. Да. [И говорить, думать надо не о добре, а только об удобствах. Это — честнее. Удобное — добро, неудобное — зло. Отсюда и надо выпрясть мораль.]

— Это уж — цинизм... или пессимизм, я не знаю! — возмущенно [сказала] вскричала Лидия.

Иноков стал, оглянулся:

— Я тоже не знаю. Я ведь ничего не решил. И не могу покорствовать фактам. Я вижу два течения жизни — мою, вашу, нашу и миллионов людей. В одно русло [эти] течения не сливаются никак. Я вот все пишу что-то, а не знаю: что надо писать? Примирять непримиримое? Углублять разномыслия? Я только одно знаю: мне до безумия жалко людей. Особенно — преступных. А хороших людей я, кажется, не люблю. Хороший человек подозрителен, и в нем *есть* что-то *слепое и* неестественное [есть]. Приехал из города в деревню парень-полотер и щеголяет: в сухую погоду, в жаркий день ходит по улице с дождевым зонтиком и в новеньких резиновых галошах фабрики Маркса, Нитче, Толстого... Вот — хороший человек.

Молча пожав всем руки, он ушел. Лидия пересела на кушетку и, обняв Спивак, сказала:

— Какой неприятный... ф-фу!

— Он честный,— возразила Спивак, прижав голову Лидии к своей груди.— Ему очень трудно, но — он недюжинный.

— И рисуется,— заметил Клим, хотя ему и не хотелось подтвердить оценку Лидии.

Макаров встал и, шагая по комнате, заговорил.

— [Мне] Мне в нем что-то нравится. Недавно [мы] я говорил с ним о женщине. Он хорошо слушает и много знает. [Жен⟨щина⟩] Моя идея понятна ему, *хотя он отрицательно качает головой.* «Крейцерову сонату», книгу, написанную старым жрецом, он осудил. И напомнил мне слова Нитцше: «Идя к женщине — бери с собою плеть». Он видит рост вражды к женщине. *Но он сказал: «Когда женщина любит, она не нуждается в уважении к ней, она требует его, переставая любить». Это было неожиданно для меня.* [*Но*] *Не думаю, что это так.*

Остановясь пред кушеткой, он сказал:

— Елизавета Осиповна, вы не хотите вдуматься в мои мысли, как это странно! Именно вы должны бы...

— Перестаньте, дитя мое,— посоветовала Спивак, мягко улыбаясь. *Макаров все еще топтался на одном месте.* Макаров пожал плечами и снова начал шагать, опустив голову, говоря сам себе:

— Женщины порабощены [нами], а рабство — анархи-

зирует. Анархизм, это — [теория] религия рабов, [придуманная князьями] вот что! *А «Крейцерова соната» могла быть написана за пять тысяч лет* [*и*] *до наших дней. И, наверное, была написана каким-то жрецом религии, враждебной женщине.*

Спивак засмеялась, а Клим подумал: «Сумасшедшие».

Чувствовал себя в театре зрителем скучной пьесы.

л. 124 Его очень удивляла Спивак [своим] спокойствием, с которым она [слу⟨шала⟩] относилась к бредовым речам Инокова и Макарова. Как будто она заранее знала всё, что они, да и другие люди, могут сказать. В спокойствии ее он, однако, [чувствовал] подозревал печаль, которая раньше казалась ему скукой. Он видел [также], что с той поры, как он познакомился с этой женщиной, она почти неузнаваемо изменилась. «Какую роль собирается играть она?»— соображал Самгин.

Удивляло его и ее любопытство к людям, любопытство, совершенно лишенное осторожности и брезгливости, а он [счи⟨тал⟩] *уже* привык считать эти чувства необходимыми в отношениях с людями. Брезгливость, особенно острую, [стал] *начал* вызывать у него Иван Дронов. Он тоже, хотя и не часто, появлялся во флигеле Спивак. Видимо, он неплохо зарабатывал в газете [и], *он* стал одеваться щеголевато, как парикмахер, расчесывал жиденькие волосы свои косым пробором, смазывал их чем-то и носил ботинки, которые виновато скрипели. В нем вообще объявилось нечто виноватое, [очень] напряженно вежливое и осторожненькое. Сидел он в углу, выгибая грудь, туго обтянутую жилетом, подергивая маленьким носом, который [по⟨темнел⟩] почему-то стал темней. Мало говорил, внимательно слушал и подскакивал на стуле, когда к нему неожиданно обращались *с вопросом. Его* [*маленькие*] *пронырливые глазки тревожно мигали, а на лице являлось выражение почтительной готовности сказать и сделать все, чего потребуют* [1]. В этом подскакивании было что-то тревожное, как будто человек, сидя среди людей, думал, что они не замечают его.

Иногда, осторожно усмехаясь, вопросительно посматривая на слушателей, он рассказывал городские новости, интимные истории и сплетни о губернаторе, архиерее, городском голове, о начальнике жандармского управления, чернобородом полковнике Попове.

---

[1] *Текст*: Видимо, он неплохо зарабатывал ∾ чего потребуют.— *отчеркнут на полях красным карандашом*.

— Жена его живет с полицейским врачом, и Попов ежемесячно сам ходит в казен‹ную› палату получать какие-то деньги врача.

[Почти всегда его рассказы] *Большинство его рассказов* носили характер уголовных новелл Боккаччо [или же]. Он точно знал, которая из «духовных дам» города пользуется особенной благосклонностью епископа и сколько епископ платит ей. Но иногда он [рассказывал] с живостью особенной и мельчайшими деталями рассказывал о *своекорыстии*, мошенничествах отцов города, купцов, чиновников.

— Вам не трудно носить все это в себе? — спросил его Макаров.

— Профессия,— виновато ответил Дронов.— И затем весной, как осенью, всегда грязно.

— А что ж теперь — весна?

Дронов подумал и, улыбаясь, сказал:

— Нет, я думаю, осень.

Забегал к Спивак и чахоточный Робинзон, приходил щеголь адвокат и [еще] другие, не интересные Климу люди. [Медленно] Иногда она приглашала музыкантов школы, они играли квартеты, дуэты на скрипке и рояли, [близорукий] одноглазый пианист Дзюба [таинственно] играл Грига, Шопена, всегда минорно, точно боясь разбудить кого-то, таинственно прищуривал глаз и так поднимал руки над клавишами, точно ловил мух. Климу он казался несколько полуумным [1].

— Музыку надобно слушать не ушами, не глазами, а — душою,— говорил он с каким-то необыкновенным акцентом.

Все чаще говорили [о необходимости конституции] о истреблении молодежи, о глупых выходках цензуры *и о необходимости конституции*. Больше всех это оживляло Дронова, он прятал руки в карманы и подсказывал:

— А вот еще...

В сотый раз Клим спрашивал себя:

«Зачем нужна им конституция?»

[Клима] Его тяготила роль пострадавшего, навязанная ему жандармами, тяготило [все более сдержанное и отчужденное] отношение к нему Лидии. [Лидия] Она становилась двуличной, но не умела скрыть, что в чем-то лжет себе

---

[1] *Текст*: Иногда осторожно усмехаясь *(стр. 372)* ∾ полуумным. — *перечеркнут синим карандашом.*

или ему. Не допуская его до себя, она говорила с ним сдержанно [и отчужденно], *всегда* на общие темы — *о книгах, о людях*, ловко обходя личное, и в ее тоне Клим [чувствовал] *начинал чувствовать* суховатое снисхождение к нему, как будто он оказался в чем-то виноват [на], за что-то осужден, но его уже простили. А [ко] со всеми другими людьми она говорила [мягче] не так задорно, как раньше, смотрела на всех мягким взглядом, внимательно [и даже иногда жалостливо], *участливо*, порою [в] ее [темных глазах] *глаза* овлажнялись, и казалось, что *вот сейчас* из них потекут какие-то *особенные*, черные, слезы. Даже и физически в лице ее явилось [дв‹ойственное›] нечто неуловимо новое, [казалось] как будто сквозь знакомые Климу черты проступало [друг‹ое›] скрытое за ними другое лицо, грустное и строгое. С ней было скучно, приходилось напрягаться, чтоб искать *темы и* слова [и т‹емы›] для бесед. Иногда она ставила [неприятные] наивные вопросы, на которые [ответить] было трудно ответить.

— [Что тебе дает право] На чем основано твое право критики? — спросила она, прочитав его [за‹метку›] [статейку] [рецензию] *статейку*, а когда он небрежно ответил, что критика исходит из веры или знания, спросила:

— Разве всякая вера — обязывает к проповеди? Помоему, проповедь — уже насилие...

Он заговорил об анархизме, но Лидия, послушав его минуты две, [встала и] заметила равнодушно, не возражая, но и не соглашаясь.

— Критика похожа на кучера Михаила, когда он с похмелья. Кричит: ну, тпру [ну], а сам не видит, куда *надо* ехать, и всегда боишься, что он свалит кого-нибудь с ног.

Да, с нею [было] очень скучно. И читала она какие-то скучные, [дешевенькие] сомнительные книжки. Макаров подарил ей красиво переплетенную в кожу книгу «Триумф женщины», автор [этой книги] подписался инициалами. Клим, просмотрев книгу, [пытал‹ся›] подумал, что автор, видимо, старчески глуп [1].

И, *наконец*, он стал замечать, что все чаще при виде Спивак в памяти его назойливо звучит:

«Тобой, одной тобой...»

[Он прислушался к себе и решил уехать в Москву.]

---

[1] *Текст*: [Лидия] Она становилась двуличной *(стр. 373)* ∾ старчески глуп. — *вставка на отдельном листе.*

[В позыве к ней он чувствовал чье-то насилие над собою, и [*этот позыв*] *это раздражало его против Спивак. И за ее спокойствием он подозревал скрытое лукавство, тайную уверенность в чем-то враждебном ему* [*и*], *опасном для него.*]

И вообще было, очень много неприятных впечатлений. [Поздно] Лунной ночью, *поздно*, он вышел в сад и на скамье [ув⟨идал⟩] под яблонями увидал мать; она сидела, подняв лицо в небо, лицо было неподвижно, окаменевшее, а из широко открытых глаз текли *крупные* слезы [очень крупные], они отражали свет луны и казались тяжелыми, как шарики ртути [1]. Клим посмотрел на нее сквозь ветви, подумал, что надо подойти к ней, утешить, но *тотчас* осторожно вышел из сада, не [придумав] *найдя в себе* слов утешения.

[В редакции] У него [не ла⟨дились⟩] портились отношения с редактором. Человек с обиженной губою, поглаживая лысину, говорил:

— [Бодлер, Верлен — ненормальные люди, как, например, Поэ или Достоевский, и враги прогресса. Все они *и подобные им* садисты. Вы забыли отметить это.] *Видите ли, возникает вопрос: какое отношение имеют все эти декаденты, символисты, садисты к прогрессу?*

Он произносил священное, но вышедшее из моды слово, особенно и как бы угрожающе подчеркивая еры в нем. И указательным пальцем с рыжими шерстинками на нем редактор [отодвигал], отодвигая от себя листки рукописи, *продолжал*:

— *Я говорю — садисты, потому что вот: «Цветы зла».*

[Он] Клим пожаловался на него Робинзону, но тот, посмеиваясь, сказал:

— В статейках ваших он ни чёрта не понимает, но вы — родственник издателя, а он — редактор, и ему именно пред вами особенно хочется показать себя независимым.

Робинзон все более желтел, сох и говорил, наливаясь пивом:

— Газета, в сущности, ужасающая глупость, если она не может [на⟨печатать⟩] печатать под заголовком своим лозунг: «Долой самодержавие». Это — единственное, что следует печатать, всё остальное — ерунда!

Он от всего отмахивался рукою, дергал головой, *как бы что-то* стряхивая с нее [что-то], насвистывал и [зловеще] кашлял.

— Н-да, жизнь,— говорил он, крепко прикрывая глаза.

---

[1] *После*: ртути — *знак вставки, вставка отсутствует.*

От него исходил зловещий запах тления.

Клим начал ощущать, что и всё вокруг него пропитано этим запахом, всё, начиная с Лидии, которая [вдруг] *вдруг* [исчезла] уехала в Москву, простясь с ним очень торопливо. Через несколько дней он тоже поехал в Москву, и в пути, *вечером*, на одной из маленьких станций, в купе его [шумно] вошел Лютов в костюме охотника, с ружьем в руках [и пустым], хмельной и сумрачный. Соединив разбегающиеся глаза на фигуре Клима, он *просиял*, шумно вскрикивая:

— Ба, куда это вас везут? Откуда?

Через несколько минут, расстегнувшись, развалясь на диване, он болтал под [шум] ритмичный стук колес на стыках рельс:

— Знаете, с кем я охотился? С Туробоевым. А? Вот как, батенька! Иду лесом, под мышкой — ружье, вдруг из ельника — тоже ружье и — он! — «Кажется, знакомы?» — спрашивает.— «Ух,— говорю,— еще как знакомы». Захотелось мне всадить в морду ему заряд дроби, но... Запнулся я за какое-то но. Это, батя, [именно] на дворянской роже его было — но!
л.125 Чрезвычайно печальная, очень похоронная рожа. [И] А я знал, что Алина-то ушла от него. Ну, думаю...— *Он помолчал секунду, закрыв глаза.*— Впрочем, ничего я не думал, а просто обрадовался человеку. Лес. Встретились на пожоге. Стоят [обгоревшие] обугленные сосны, буйно цветет иван-чай. Птички ликуют, чёрт их побери. Самцы. Опевают самочек. А мы — тоже самцы, но петь нам некому, да и неохота. Или — сил нет петь. По-матерному ругаться — можно, а петь...

Лютов махнул рукою, взбросил ноги на диван и начал крепко растирать пальцами [бегающи⟨е⟩] неугомонные глаза свои. В купе было сумрачно, за окном в лунном свете ураганно мчались деревья, ползли по земле домики [деревень, сдуваемые ветром] деревень, *пронзали пустоту* красненькие звезды огней.

«[Очевидно] Кажется, мне суждено на всю жизнь [думать о женщинах] [*наблюдать женщин*] слушать рассказы о [них] *женщинах*, о любви, и самому всю жизнь возиться с ними»,— думал Клим, внутренно усмехаясь, и слышал торопливые слова, бойкий голосок:

— Четверо суток я провел с ним душа в душу. Интересный. Не верит ни в чох, ни в сон, ни в птичий грай. Все отверг...

И снова [вско‹чил›] сбросив ноги на пол, Лютов сел, наклонился, продолжая:

— Самое главное в нем готовность погибнуть... Бесстрашие. Сознание обреченности. Это — обезоружило меня. Не жалко,— чёрт с тобой, погибай! Но интересно, даже поучительно. И — обезоруживает.

Подмигнув обоими глазами, Лютов с удовольствием сказал:

— Однако сквозь всё — видно: страдает! Эдак — молча, благородно, скрыто. Ну, и страдай, чёрт тебя возьми! — тихонько вскрикнул он снова, свалившись на диван.

Он говорил долго, часа два, и почти непрерывно. Клим не очень внимательно вслушивался в его сумбурные, истерические речи [о женщинах], цинические — о женщинах, усмешливые — о неизбежности революции.

— Вот увидите, еще на ваших глазах все *взорвется*, полетит кувырком. Стенька Разин — растет...

И спрашивал настойчиво:

— Взорвет, а?

Как будто убеждая, умоляя Клима, он шептал:

— Вы — человек сосредоточенный, серьезный, молчальник, философ, человек для себя. Вы не пехота, не кавалерист, вы не жертва. А я — жертва. И — Туробоев тоже. Это сближает с ним. Понимаете? Я вас очень понимаю: вы без сострадания ведете какой-то подсчет страданий людских, как статистик, счетовод: актив — пассив.

Эти слова были пойманы Климом [п], понравились ему [он оценил их и] [*и прочно укрылись* в его памяти. Он]. Нового в них ничего не было, но они были сказаны хорошо, вовремя [и убедительно были], *и Клим Самгин вдруг понял, что они окончательно оформили в нем нечто* [*что*], *до этой минуты* [*было*] *не совсем ясное ему*. С ними, как с лозунгом своим, он [и] приехал в Москву, и они помогли ему превратиться в одного из тех *полезных* людей, *внешне* скромных и солидных, которые везде бывают, всё знают и умеют многим, многому помочь, не преступая той черты, за которой начинается опасность для них. Его сухое лицо с блестящей, чисто вымытой кожей, с небольшою *русой* бородой, его стройная фигура стала обычной и становилась всё более почетной в различных кружках. Как всегда, он говорил мало, [но сод‹ержательно?›] сдержанно, уклоняясь от споров [по] на ответственные темы, [умея вовремя сказать] *умея своевременно* посоветовать что-нибудь практичное, сказать слова, охлаж-

дающие излишний пыл спорящих. За [его оч⟨ками⟩] стеклами его очков [серьезно и] уверенно блестели серовато-голубые [холодные] глаза, они смотрели в лица людей прямо, серьезно, внимательно и вызывали уважение к человеку, который не позволял себе говорить [пус⟨тяки⟩] гром⟨ко⟩ [1]

л. 126 ...слишком обильно украшенной фотографиями артисток [и], артистов и писателей, репродукциями с картин Бёклина и Штука, было уютно, и стоял какой-то сытый, вкусный, успокаивающий запах. Разливая чай, одетая в какой-то широкий балахон, обнажавший ее длинную шею и масленистую кожу груди, она [непрерывно] рассказывала [новости дня: в одном из студенческих землячеств [обнар⟨ужен⟩] есть шпион, его ищут, в другом — большинство членов перекрестилось из народников в марксисты; появился новый пропагандист и организатор, должно быть, нелегальный, из-за границы; очень интересный [и], немножно заикается, но это не мешает]:

— Алина Телепнева выступает в оперетке с огромным успехом. За нею ухаживает один купец, кажется — Львов; делает ей страшно дорогие подарки, подносит цветы, но — без успеха. Говорят, он был ее женихом, но Алина отказала ему из любви к сцене.

И, возведя глаза к потолку, она мечтательно вздохнула:

— Ах, для сцены можно пожертвовать всем!

Она знала бесчисленное количество счастливых и бесчастных романов, [свя⟨зей⟩] мимолетных связей, запутанных драм и рассказывала об этом с величайшим оживлением. Но Клим слышал, что она говорила с завистью. [Она была опр⟨еделенно⟩] В его глазах она была неизлечимо глупа, все ее слова были скучно стерты, безличны:

— Страдание — неизбежная тень любви,— говорила она.

Клим Самгин понимал, что она суетится только потому, что до судорог хочет любить, ищет любовника [2]. И [рассчитывает на] видит его в этой роли. *Когда она случайно касалась его руки, задевала коленом, она вздрагивала, а Клим был убежден, что она ищет этих прикосновений,* и это возбуждало в нем враждебное чувство к девушке. Ему нравилось говорить

---

[1] *Второй полулист л. 125 автографа утрачен; весь текст:* дворянской роже его *(стр. 376)* ∾ говорить [пус⟨тяки⟩] гром⟨ко⟩ — *перечеркнут синим карандашом.*

[2] ищет любовника, до судорог хочет любить.

с нею небрежно, даже резко, нравилось смущать ее своей холодностью, скептическими усмешками.

Однажды, [придя к ней] скучным вечером поздней осени придя к ней, Клим увидал за столом Сомову, пышненькую и серую, точно самка снегиря. Вскочив навстречу Климу, взмахнув короткими руками, она вскричала:

— Господи, как постарел!

На ней была одета [серая] смешная куртка со множеством пуговиц, на груди ее лежала толстая коса цвета льна. Голубые глаза ее весело освещали круглое румяное лицо. Усадив Клима рядом с собою, она тотчас осыпала его вопросами о Лидии, о домашних и Макарове, о том, как [он думал] жил в эти годы.

— Марксист?

Клим утвердительно кивнул головою.

— Фу! Это — эпидемия какая-то. Представь, что мой — тоже!

— Ильин?

— Ну, да! Хотя он уже — не мой. Мы разошлись, разъехались.

[Клим] Мельком взглянув на Татьяну, [и] Клим увидал [на] [в ее трагических глазах при⟨ятный⟩ испуг], *что ее трагические брови нахмурились, что было приятно ему.* А Сомова, похохатывая, [быстро] звонко говорила:

— Это не человек, а — толпа ученых. Ихтиолог, [гидролог] биолог, геолог [петрограф], кристаллограф, а в конце концов олух царя небесного.

Грубое словечко прозвучало безобидно и смешно. [*Коротенькие ручки Сомовой плавно жес⟨тикулировали⟩*] [*от всех слов Сомовой*] *Жесты ее коротеньких рук были забавны, Клим улыбался.*

— *Сам не знает, кто он, и кричит в четыре горла.* [*Я целоваться хочу, а он мне о бесконечно малых рассказывает.*] Все, знаешь, считает, считает, а в результате у него — нули. Страшнейшее количество нулей. [Восемнад⟨цать⟩] Тринадцать, восемнадцать, [в конце концов] *наконец* я вижу, что и сама я [для него] при нем — нуль! Мне его целовать хочется, а он мне о жидком воздухе рассказывает. [Мне этот жидкий воздух так надоел, что я бросила учительство и вот приехала сюда учиться.] Жидкий воздух, жидкие кристаллы, [а] а кругом села — болото, комары держатся до сентября, масса малярийных больных. Нет, довольно, хочу быть докторшей, *хочу учиться*... Вот сняла комнату у Татьяны Ефимовны.

Татьяна вздохнула, сказав:

— Чай остынет.

— А Лидия тоже учиться хочет? В Петербурге? Жалею, что не здесь. Я ее люблю, *она* такая... [она оригинальная. Чистая... А ты... И]

Не найдя слова, внимательно посмотрев в лицо Клима, она сказала неодобрительно:

— Ты как-то высох, что ли? Почему — скучный? Безнадежно влюблен? [Да?]

[Быстро] [Не ожидая ответа]

— [Нет] Представь, у меня оказался брат [тоже учитель].

Она быстро рассказала: [будучи земским врачом, отец ее [неосторожно пошалил с дочерью лесничего] «развивал» дочь какого-то [сектанта] [купца] сектанта-хлыста из] в бытность отца ее земским врачом у него родился [сын] ребенок от дочери сектанта-хлыста. Теперь этому ребенку больше тридцати лет, он старший учитель в богатом селе.

— Высоченный, бородатый, с огромнейшими глазами, очень милый, начитанный и влюбленный в народ, в деревню. Он едва-едва не влюбился в меня, и вдруг оказалось — родной брат! Огорчило его это [неожиданно⟨е⟩] родство со мной. Да...

Сомова тихонько посмеялась, поиграла пухлыми пальцами коротеньких рук своих и задумчиво добавила:

— Мы с ним всё разногласили. Я, представь себе, не очень люблю народ. Живя в деревне, я [чувствовала] видела, что делаю работу, ненужную [хоз⟨яину⟩] моему хозяину [глупому и злому]. Мужика я [ощуща⟨ла⟩] чувствовала именно хозяином моим, он хитер, скуп, неумен и позволяет мне работать из милости. Науке, которую я вколачиваю в головы детей его, он не верит. Он вообще не верующий ни в попа, ни в учителя, и даже в бога верит по обязанности или по привычке.

Закрыв глаза, Сомова помолчала минуту и затем ударила ладонью по локтю Клима, говоря:

— Вот, слушай, я расскажу [тебе] *историю*. [Лошади] [На лошадей] *Лошади* помещицы Грабской [бросился бык] *чего-то испугались*, понесли, опрокинули коляску, и помещице разбило грудь углом чемодана. Она ехала с вокзала, возвращаясь из Крыма. Ее принесли ко мне, в школу; она была попечительницей, [сама] *на свои средства* выстроила школу, больницу, очень интеллигентная, культурная женщина. Много помогала мужикам, и я верила, что они ее лю-

бят. Особенно Михаил Карпов, очень умный, зажиточный мужик, такой красивый, спокойный. Он первый, взглянув на нее, сказал: «Надо [ждать] быть — помрет». И отошел, облизывая губы. Мне показалось, что он слизывал с губ улыбку и — нехорошую, [которой] он сам стыдился ее. В продолжение почти двух часов он семь раз [сказал] спрашивал: «Померла?», «Померла, что ли?» А один раз проворчал [сердито]: «Неужто оживет?» И все шевелил губами, облизывался.

Слушая [этот] *торопливый* рассказ, [Самгин] Клим [представлял Сомову раздетой, голой] *представлял, что Сомова голая должна быть очень смешной...*

— Я видела, [что] он хочет, чтоб Грабская померла. А когда она померла, он, сняв картуз, перекрестился, говоря: «Ну, вот, и готово». Потом, сидя под окнами школы, он говорил мужикам: «Теперича мужишко ее продаст нам лес, продаст на игру в карты. Так что,— бог радостью пожаловал нас. *Она была здоровая баба, кабы не этот случай, она бы долго прожила*». Я возненавидела его.

— Но, может быть, он был влюблен в помещицу? — вдруг *тихонько* спросила Татьяна. Сомова взглянула на нее изумленно, перевела глаза на Клима и усмехнулась:

— Мужики влюбляются только в книжках добродушных писателей. Да и то я не помню такого романа...

После этого рассказа Сомова стала грустной и вялой. Клим посидел еще несколько минут и ушел. Провожая его, Татьяна спросила в прихожей:

— Вы давно знаете ее?

— С детства.

— Она очень... милая.

— Да, очень.

— *И добрая?*

Клим промолчал [1].

л. 127 [Сомова не [разбудила] вызвала в нем никаких чувств и воспоминаний, [и] было даже что-то неприятное в том, что она явилась. Но его очень забавляла [ревность Татьяны] ревнивая тревога Татьяны. И даже более чем забавляла,— ее [отношение к нему] влюбленность постепенно будила в нем желание отплатить ей за [все свои неудачные связи, особенно за] неудачную связь с Лидией.]

[Он] *Незаметно для себя он* утвердился в мысли, что все

---

[1] *Текст*: ...слишком обильно украшенной *(стр. 378)* ∾ Клим промолчал. — *перечеркнут синим карандашом.*

его связи [с женщинами] неудачны, [что его обворовали] [и] женщины обманули его [обворовали]. Каждая из них выманивала [у него [нечто] надежду] у него нечто ценное, [необыкновенное] *надежду на неиспытанное счастье, но ни одна не оправдала своих обещаний,* и вот [он уже опустошен] *они уже опустошили,* обворовали его. Ему всё более нравилось думать так, это *очень* приподнимало его в своих глазах. Он чувствовал, что может овладеть Татьяной в [любой мом⟨ент⟩] любую минуту, [если только захочет этого] но не торопился с этим, наблюдая ее волнение, не свойственную ей робость, неожиданные переходы ее от радости, возбужденной его ласковой улыбкой, к угрюмой и почти озлобленной печали, которую он легко вызывал [своей небрежностью] небрежным или насмешливым словом. [Взял он ее [как-то] между прочим, [второпях] на святках. Эта] Власть над девушкой [была приятна и тоже] возвышала его. Ему хотелось взять ее как-то очень обдуманно и необыкновенно, может быть, унизительно для [нее и во всяком случае] нее, [но] однако так, чтобы она не [получила] получила возможности жаловаться на него [1]. [Но это [случилось] вышло как-то случайно, между прочим.

Лютов на святках устроил у себя вечеринку с ряжеными. Клим одел костюм Пьеро. Татьяна нарядилась русалкой. [Зеленый костюм] *Костюм очень выгодно подчеркнул* [ее] *стройность ее фигуры,* венок из трав на пышных волосах придал ее [бле⟨стящим⟩] глазам выражение зловещее, она [была] была эффектна, хорошо танцевала, за нею настойчиво ухаживали, и Климу показалось, что она смотрит на него взглядом, который вызывал и угрожал. Он увлек ее в маленькую *темную* комнатку, где жил Макаров, властно и молча опрокинул на постель [без подушек], на [свернутый] матрац без простынь.

— Не здесь,— сказала она. [— Не хочу]

И, закрыв глаза, подчинилась ему, шёпотом говоря:

— Ведь ты видел, давно видел...

[*Горячо*] Шептала [она] и еще какие-то ненужные слова [*но они не доходили до Клима*]. [И когда] На рассвете, когда он вез ее домой, она говорила, не стесняясь извозчика, возбужденно и театрально:

— Люблю тебя каждой жилкой. Рабой твоей буду.

---

[1] *Текст*: Ему хотелось ∾ жаловаться на него.— *подчеркнут красным карандашом.*

Должно быть, ей нравилось и нужно было любить рабски, Клим никогда еще не чувствовал женщину до такой степени в своей власти и это невольно влекло его.]

[Ее серые] *Она похудела, у нее изменилась походка, раньше она старалась ходить величественно, точно героиня драмы по сцене, а теперь шагала порывисто, опустив голову,* [*пряча*] *спрятав лицо. Ее серые глаза стали еще больше, синеватые тени легли над ними, в ее взглядах Клим нередко видел обиду на него, робость перед ним и всегда печаль. Но порою казалось, что она вызывает,* [*даже*] *угрожает, нечто зловещее блестело в ее зрачках, и это несколько смущало его: «Вдруг отравится, дура». Она стала молчаливой, а в жестах ее явилось что-то неверное, излишне судорожное.* [*Клим не чувствовал вожделения к ней, но она раздражала в нем* [*какие-то неясные*] *желания другого порядка.*]

Иногда ею овладевало веселое отчаяние, она рассказывала о жизни театра, о интригах кулис почти талантливо, рассказывала анекдоты из жизни актеров, актрис, декламировала, пела. Тогда Климу казалось, что она извивается пред ним голая, но это не возбуждало в нем вожделения к ней, нет [*она раздр⟨ажала⟩*]. *Ложась под ноги его, она возбуждала в нем желание иного порядка. Он как-то вдруг открыл в себе вполне созревшее* [*желание*] *намерение отплатить* [*ей*] *Татьяне за свою неудачную связь с Лидией* [1].

Кругленькая Сомова добродушно и жалостливо сказала ему:

— Ты что же, не видишь, как девушка сохнет.

— [Не [лю⟨блю⟩] Невозможно любить всех девушек, которые сохнут,— солидно ответил Клим.

— [Уж будто много таких? — усме⟨хнулась⟩] Хвастун,— [сказала Сомова и вздохнула] вполголоса, вздохнув, заметила Сомова.— [Все-таки]. Но следовало бы тебе вертеться на глазах у нее.

---

[1] *Текст*: [Клим не чувствовал вожделения ∾ связь с Лидией.— *вставка на отдельном листе. На обороте его заметки*: [Гибельного демона покорные рабыни.]

[— В сущности, я поступил так же, как Иноков.]

[— И — забвение — вот последнее слово нашей судьбы.]

Воспоминания, печальные тени мозга, когда-то воображавшего, что он — [знает и творит] отгадывает, [творит] знает, творит. Белокурые.

У пророка Еноха прямо сказано — искусство от падших ангелов, а падшие ангелы — кто? *Последняя заметка перечеркнута волнистой линией как использованная* (*см. т. 22, стр. 148*).

Но он вертелся, *и* это [становилось], становясь все более интересным, заполняло почти всю его жизнь. Он видел, что Сомова присматривается к нему вопросительно, как [будто] бы что-то вспоминая, сравнивая, как бы не узнавая его, [это задевало] и держался с нею осторожно, опасаясь за свое самолюбие. Толстенькая девушка с утра до вечера *хлопотливо* бегала по городу, а вечерами бойко говорила, удивляясь и восхищаясь.

— Нет, какой сказочный город! До чего легко запутаться в нем. Я вчера [трижды] *дважды* прошла мимо переулка, [ну⟨жного⟩] который искала. Идешь, идешь и вдруг — чувствуешь себя во сне, серьезно. Всё криво, всё ведет не туда, *куда идешь*.

— Клим,— спросила она,— Лев Тихомиров — москвич? Не знаешь? Наверное, москвич. [Тол⟨ько⟩] Я думаю, что только москвичи способны воображать себя революционерами, когда они закоренелые монархисты. Это — от улиц, от запутанности города.

Клим снисходительно напомнил ей о Герцене, Кропоткине, но Сомова сказала:

— Одного я не люблю, другого — не понимаю. Да ты, впрочем, не возразил. Оба они запутались [это ясно].

Она восхищалась [Третьяковской гал⟨ереей⟩] *музеями*:

— Какое богатство, какая красота. Идешь по улицам — как будто листаешь страницы старой, истрепанной книги и вдруг, среди них — великолепнейшие картины. Чудесно.

Клим посмеивался над нею:

— Ты сама уже запуталась. Читаешь Михайловского и «Фило⟨софию⟩ мистики» Дю-Преля...

— Аллана Кордека [*тоже*] читаю. [Ну-с?] Я, миленький, хочу всё знать.

Татьяна недружелюбно посмотрела на нее, сказала:

— По-моему, ум — враг женщины, он охлаждает ее душу.

— Это мысль мужчины,— возразила Сомова, а [Т⟨атьяна⟩] когда она вышла в свою комнату, Татьяна сказала Климу:

— Миленькая, но в 30 лет будет безобразно толстой...[1]

На святках Сомова предложила:

— Купите билетики! [по пяти руб] У Лютова будет

---

[1] *Текст*: Сомова не [разбудила] вызвала (*стр. 381*) ∾ безобразно толстой...— *перечеркнут синим карандашом.*

вечеринка с печением, чтением, танцами и всякой всячиной. Будут костюмированные.

— В пользу — чего, кого? — спросил Клим.

— Не знаю. Кажется,— на реставрацию Кремля или в помощь слепорожденным *мексиканцам.— Закрыв глаза, покачивая головою, она сказала, прижав руки ко груди:*

— Ах, Таня, там будет один марксист, недавно из тюрьмы выпущен,— ух, как поет! Будь у меня свободное время — влюбилась бы.

Решили костюмироваться. *Когда* Клим в костюме алхимика [пришел] явился к Лютову, дом косоглазого купца уже был туго набит пестрой толпою шумных [по⟨сетителей⟩] гостей, в зале гремел рояль, шаркали и топали ноги. В прихожей, за маленьким столиком, *отбирая билеты*, сидела дама, одетая испанкой, [высока⟨я⟩] ее длинное лицо прикрывалось полумаской, и когда тонкие губы ее неохотно, *медленно* улыбнулись, Клим вспомнил, что эта улыбка знакома ему,— наверное, это траурная женщина, приезжавшая к Лютову на дачу за деньгами. Лютов встречал гостей в дверях зала, одетый в белый кафтан гридня [с бе⟨лой⟩], *он держал в руке* секиру и, снимая белую меховую шапку, *кланялся*, [как] *точно* приказчик, однообразно и озабоченно говоря:

— Прошу пожаловать. [Не могу узнать] *Прошу*.— Косые глаза его бегали более растерянно и тревожно чем всегда, он отирал шапкой потный лоб, надевал ее на голову и, выпув из кармана платок, снова отирал красное лицо.

В зале курчавый, остроплечий еврей [*выколачивал из рояля вальсы*], *вскинув голову, закрыв глаза и самозабвенно улыбаясь, выколачивал из рояля оглушающий вальс Штрауса.*

Клим тотчас *по фигуре* узнал в толпе танцующих Татьяну. Она [была] одета русалкой, в зеленую юбку, *густо* украшенную травами, на чулки ее были нашиты серебряные блестки, [рыбь⟨я⟩] [чешуя рыбы] на распущенных волосах — венок золотистых цветов. *Ее быстро кружил* [*человек*] *толстяк, одетый монахом-доминиканцем,* [*и серебряные*] *серебряно-чешуйчатые ноги Татьяны мелькали, почти не касаясь пола,* [*и волны*] *космы волос* [*ее*] *оттягивали голову назад, из-под маски был виден ее открытый, задыхающийся рот, поблескивали зубы.*

Когда кончился вальс, она [задыхаясь, оправляя костюм] села [за роялем] *около рояля* и [прищурясь, начала осматривать] пытливо осматривала ряженых.

«Меня ищет»,— уверенно подумал Клим.

Она была без маски, но умело и сильно подгримирована. Ее [лицо] эффектное [ярко⟨е⟩] лицо *было резко*, почти зловеще [она] и привлекало общее внимание, [женщины] *глаза женщин* смотрели в [ее сторону] *щелочки масок* — пытливо и сердито [мужчины]. У рояля стоял коренастый *бородатый* человек, *похожий на оперного Ганса Сакса*, в костюме средневекового мастерового, в кожаном переднике; он опирался, как на трость, на тяжелый молот [пог⟨лаживая⟩] и, поглаживая бороду, неуклюже *пытался* острить.

— С такими глазами, как ваши, надо бы вам жить не в воде, а в аду.

л. 128 — У меня в душе — ад,— сказала Татьяна, мастеровой широко ухмыльнулся:

— Ух, страшно!

И Клим по голосу узнал в нем Асонова. Цветным, пестрым шариком, смеясь, по залу каталась Сомова, одетая деревенской девушкой, [с ко⟨мически⟩] лицо ее [было] комически грубо раскрашено, она покрикивала голосом дурочки:

— Иде ж тут мої, который?

— Я, я,— кричали ей мужчины.

Она отталкивала их:

— Пошли прочь, мой — хороший!

Татьяну окружили клоуны, Пьеро, бояре, скрыв ее от глаз Клима, он пошел в буфет, где торговали бутербродами, *водкой*, [*пивом*] *чаем* маркиза, ведьма и высокий тощий человек в костюме доктора Фауста. В углу, за столиком, сидел толстенький пожарный в медном шлеме, шлем был слишком велик для его головы и съехал на уши, оттопырив их. *Пред ним стояла бутылка красного вина*. Клим [тоже] взял стакан чая [и], подсел к нему [и узнал Пояркова], из-под шлема выглянули [фарфоровое лицо] [и] круглые голубые глазки Пояркова.

— Весело, [маг] алхимик?

[Климу показалось, что] Голос пожарного звучал нетвердо и слишком громко, *фарфоровое лицо* [*было слишком*] [*ярко*] *густо порозовело*, [на светленьких усах] светленькие усы в пивной пене.

— Я знаю вас? — спросил он.

— Может быть.

— Наверное, знаю. Глаза помню, но имя... Самгин, да?

Клим утвердительно кивнул головою. [В широко] [В открытые двери было видно] [В ос⟨вещенном⟩] В зале снова

гудел и звенел рояль, мимо открытых дверей стремительно и мятежно мелькали [пестро] *цветисто* одетые люди. Подпрыгивая *на коротеньких ножках*, пронеслась [в паре] *Сомова* в паре с Гансом Саксом.

— Народники устроили? — спросил Поярков.

— Не знаю. Кажется.

— Они.

Поярков налил вина в стакан, говоря:

— Мечтают создать новую партию. Слышали?

— Нет.

— Мечтают. [Кажется — уже...]

Выпив вино, он проворчал:

— Весело. В сущности, Самгин, людям немного надо для веселья. Вот,— нарядились [не в свое] и — хорошо. Кстати: посмотрите, сколько клоунов, [ря⟨женых⟩] Пьеро, вообще — дураков. Странно?

Клим наблюдал, как мимо дверей, гибко покачиваясь, проносилась русалка *снова* в объятьях монаха. Сквозь шум он слышал:

— Будь я Козьмой Прутковым,— я сказал бы: соотечественники, *веселее* и удобней рядить ее в чужие костюмы, чем в чужие измышления.

Из вежливости Клим спросил пьяного:

— Это вы [по какому] о чем же?

— Обо всем. Главное — о нарядах духа. Между прочим, о марксизме. [Славянофильство] Можно говорить о марксизме непочтительно? О народниках я ведь тоже непочтительно думаю...

Он быстро пьянел. Выпив чай, Клим извинился [и], отошел к дверям [и внутренно усмехнулся], почувствовав, что ему не нравится видеть, как крепко обнимает русалку монах. Он внутренно усмехнулся, подумав, что это, конечно, не ревность, а легкое негодо⟨вание⟩ на человека, который неумело, неосторожно обращается с чужой вещью.

Мимо его медленно прошел Асонов, говоря маленькому клоуну с наклеенным носом и в рыжем парике:

— [Но] [Стишки] Почти все стихотворцы, которые философствуют на тему о космосе, неизбежно погружаются в религию. А я по этим нотам не люблю петь.

— Но как же можно отрицать?— воскликнул клоун очень возмущенно и неожиданным басом.

В зале стало тихо. Пианист-еврей, причесав десятью пальцами встрепанные волосы, [присел] сел к роялю и сказал:

— Это будет Григ.

И, выгнув спину горбом, начал тщательно выковыривать из клавиш [угрюмые и капризные] *печальные* ноты «Песни Сольвейг». Он именно выковыривал, выдергивал их, высоко поднимая руки, и казалось, это музыка льется *сверху* из его пальцев. Рядом с Климом встала русалка, прошептав:

— Это — вы?

— Нет,— грубовато ответил Клим. Он сердился на нее за то, что она [нару⟨шала⟩] нарушала [его] равновесие в нем, вызывая новое чувство к ней. А она, прижавшись к его боку, шептала:

— Это вы. Я чувствую...

— Ну — и что же?

Татьяна не ответила, *к ней подкатилась Сомова:*

— *Сейчас мой марксист петь будет...*

Пианист сыграл «Смерть Азы», «Танец Анитры», ему очень громко похлопали; к роялю подошел Асонов, пошептался с ним, выпрямил грудь и запел очень мягким *и звучным* голосом [просто и звучно]:

Нас венчали не в церкви...

[Пел] Он пел самозабвенно, его грубоватое лицо смягчилось, глаза сияли радостью. Но такой же радостью сияли они, когда он запел [трагический] романс:

Уймитесь волнения страсти...

Как будто он пел, не понимая драматизма слов, *но* [*голос его звучал красиво и владел*] *голосом он владел искусно*, как артист. Ему хлопали неистово. Сомова тихонько [изумленно] сказала Татьяне:

— [Вот так марксист...] [Не женат и не влюблен] Не влюблен, слышишь?

Так же [улыбаясь и, видимо, ликуя в душе] [*необычно*] *красиво, но бесстрастно*, Асонов пропел с какой-то испанкой дуэт:

Не искушай...

[После пения] Лютов, стоя [1] недалеко от Клима, [положив секиру [к ногам своим] на стул] [*глядя в*] *опираясь на секиру* [скрестил руки на груди, открыл рот]. Глаза его остановились, глядя в разные стороны. Было заметно, что он крепко стиснул зубы, на *побледневшем* лице его вспухли желваки, и левая нога вздрагивала под кафтаном. Когда Асонов устал

---

[1] *Неоконченная правка, надо*: стоял.

и отказался петь, Арлекин начал искусно рассказывать еврейские и армянские анекдоты, а Лютов, взяв Асонова под руку, повел его в буфет, возбужденно и лениво жалуясь:

— Голосище у вас изумительный, но — извините! — так не поют. Так — нельзя! Вы отрицаете смысл романсов, вы [не у⟨меете⟩] даже будто высмеиваете смысл.

— Да вы прямо [говорите] *скажите:* хорошо или плохо? — предложил Асонов, смеясь.

— Хорошо, даже удивительно, а — не так. Не по-русски-с, вот в чем дело! Вы поете о страдании, о страсти — [смеясь] посмеиваясь.

— Ну, я [страданий] *пряностей* не люблю. [И ничего пряного — не люблю. Ем] Мои щи *и* без перца [Они] вкусны.

Сомова [дерзко] вертелась [око⟨ло⟩] [около] перед певцом, глядя на него снизу вверх, и задорно спрашивала:

— Чем хвастаетесь, миленький, беспристрастием или бесстрашием?

Асонов весело смеялся [1 нрзб].

«У него лицо счастливого человека»,— подумал Клим.

[Асонова] Певца окружили, затолкали в угол, сдвинув там три стола, уставив его бутылками, расселись спорить.

Лютов был уже сильно охмелен, дергался во все стороны, хватал бутылки, наливал вино в стаканы и [кричал] раздраженно упрекал Асонова:

— [Что же] Вы хотите стоять в стороне от истории? История создается страстями, страданиями.

Асонов смеялся, закидывая голову, выгибая кадык так, что борода его торчала горизонтально. Было жарко, душно, пили много и довольно быстро напились.

Рыжий маленький клоун почему-то влез на стул с ногами и сел на спинку его, пьяненький Поярков уселся на два стула [и], лег на стол грудью и кричал:

— Говорить и думать надо об удобствах. Удобное — доброе, неудобное — зло. Вот откуда надо выпрясть мораль...

Монах, положив на стол красный кулак, грозно спрашивал:

— Кто докажет мне, что борьба между людьми навсегда обязательна?

Клим тоже пил, недовольный собою, смущаемый каким-то неясным чувством. Он слушал крики спорящих невнима-
л. 129 тельно, искоса посматривая в зал, где снова гремел рояль. кружились люди и среди них, дразня, [мелькало] *плавало* зеленое пятно.

— Да, страдайте, черт возьми! Кто вам мешает в этом? — крикнул Асонов.

Лицо Пояркова [стало] приняло цвет глины, и на этом лице небесные глаза его казались краденными. Подпрыгивая на стуле, он говорил:

— Исключите консерватизм и — культура погибнет. Консерватизм — это антракт, когда укрепляются завоевания культуры...

— Верно! — крикнул широкоплечий Арлекин.— Всю жизнь бегом не проживешь.

Высокий человек, одетый мужиком, [в картонной] глухо говорил в щель картонной маски, обращаясь к рыжему клоуну:

— Зачем — вопрос Антихристов. Христу совершенно известно зачем, значит: для христианина нет такого вопроса...

А Лютов, дергая рукав Асонова, спрашивал:

— [А] Но — женщина? Женщина?

— Женщине нужен здоровый [человек] [здоровый] мужчина и только...

— [Пор-рнография] *Цинизм*,— громко сказал кто-то. [— Цинизм.]

— *Честная женщина сама скажет это...*

Как всегда [кричали] спорили, не слушая друг друга, торопясь [как можно] скорее и громче [ска⟨зать⟩] выкричать свои мысли, оглушить [кого-то] ими. Климу иногда казалось, что за этой почти истерической торопливостью скрыта боязнь внезапно онеметь. Ему нравились грубоватые, [1 нрзб] насмешливые реплики Асонова, но он [и] и возмущался [и за⟨видовал⟩], завидовал, вслушиваясь в полупрезрительный тон его слов. Лютов, [точ⟨но⟩] непрерывно наливая стаканы, совал их в руки спорщиков, пил сам, чокался с Климом, заставляя пить и его, облил красной струей грудь и полу своего кафтана и кричал, кричал:

— *Эх, Макарова нет! Он бы доказал вам, что культура невозможна без романтизма...*

Клим несколько охмелел, и ему казалось, что [впервые] никогда еще не [присут⟨ствовал⟩] [видал] был на такой вечеринке, как эта. Люди были слишком возбуждены [и] [кошмарно пестры]. [И разнообразие их костюмов будило в нем] В [пест⟨ром⟩] ярком разнообразии их костюмов было что-то кошмарное [и], как будто концентрированная глупость, смешная и жалкая. [Особенно раздражал] Высокий человек,

одетый мужиком, [*оказалось*] [*он*] *снял с лица картонную маску*, [*она болталась под его подбородком, острым и давно небритым*] *и оказалось, что это Дьякон*. [*Он*] *Маска болталась под его подбородком, острым и небритым, он отмахивал ее красной, как бы вареной рукою и говорил, обращаясь ко всем*:

— Земля вопиет: доколе будете [*засевать*] *отравлять меня семенами злобы* [*и несправедливости*]*?*

[*Он сильно похудел*] *Обритый, остриженный он* [*казался*] *стал еще более тощим, а глаза его озирали людей* [*безумно и*] *вопросительно и безумно. Его никто не слушал, но он не замечал этого, говорил настойчиво, басовито* [*и*], *пьяным голосом*.

— И будет великий урожай ядовитейшей ненависти. Да.

Поярков, стоя, упираясь [*руками*] *одною рукой о* [*стол*] *спинку стула, другой* [*и*] *сдвигал толчками медную каску*, [*поч⟨ти⟩*] *опускавшуюся на нос ему, и* [*гов⟨орил⟩*] *бормотал:*

— Ненавижу рассуждающих. Ненавижу критических. С-собаки на луну...[1]

— Ну, господа, довольно высиживать болтунов, давайте веселиться! — предложил Асонов, вставая. Он ушел, но спор разгорелся еще более пламенно. Клим чувствовал, что у него от криков, от мелькания пестрых людей в зале кружится голова. *Он вдруг почувствовал, что может крикнуть этим людям:*

— Вы все — идиоты! Чего вам надо? Молчать!

Оглянувшись, он увидал у буфета даму, которая отбирала билеты, ее сухие, иронически поджатые губы.[2]

[Было что-то кошмарное *во всем* окружающем его.] Вот явился монах, жадно выпил два стакана пива и широкими шагами ушел в зал. Клим пошел за ним.

В зале [человек] гремел рояль, плясали русскую, [монах] *китаец* вошел в круг, отстранил движением плеча кривоногого, топнул и [сказал] крикнул кому-то:

— Я тебя усовершенствую?

Он тотчас начал пляску, пошел к русалке, [осторожно] бесшумно передвигая толстые ноги, Татьяна взмахнула рукою, взвизгнула, но Клим взял ее за другую руку и сказал тоном мужа:

— Пора домой...

— Почему? — спросила она.

— Я провожу вас...

---

[1] *Текст*: Клим несколько охмелел *(стр. 390)* ∾ С-собаки на луну...— *вставка на отдельном листе*.

[2] *Текст*: Он вдруг почувствовал ∾ поджатые губы.— *вставка на отдельном листке*; *на обороте его запись:* Клим в

Клим слышал, как монах сказал, смеясь:

— То есть наоборот.

— Вы лжете, я не пьян...

[Он] Кто-то очень сильный взял его под руку, и дальше он уже ничего не помнил. Он проснулся в комнате, которую тотчас узнал по [квадратам] обилию темных [пятен] квадратов на стене. Это комната Татьяны, безобразно украшенная фотографиями. Он осторожно вдавил [свою] спину свою в постель, пошевелил руками, рядом с ним никого не было, но от подушки исходил запах знакомых ему острых духов. Сквозь щели в занавесях двух окон в [комнату] сумрак комнаты проникли [прорезали его] белые лучи зимнего солнца. Клим закрыл глаза:

«Неужели? — *подумал он и попытался утешить себя.*— Хотя это должно было случиться. Неизбежно».

Он еще плотнее закрыл глаза, услыхав легкие шаги. Тихонько приподняв одеяло, рядом с ним легла женщина, коснувшись грудью его плеча. Ноги у нее были шершавые. Вот она легкой, немножко дрожащей и очень теплой рукою гладит его лоб, щеку и шепчет:

— Милый. Милый...

Когда он открыл глаза, Татьяна опрокинулась, точно с потолка упала, на грудь его и, целуя шею, губы, заговорила быстро, задыхаясь, чмокая:

— Проснулся? Милый! Какой смешной, когда пьяненький. Ревнивец, ох, какой! Я ведь видела, что ревнуешь. О, как я обрадовалась. Вот теперь я твоя покорная женка, твоя, твоя... Так долго мучил...

Через [полчаса] час она, освещенная холодным светом полуденного солнца, деловито сварила кофе, [стоя] *сидя* у стола, а Клим сидел на постели, с подушкой за спиною, усталый, [опустошенный, с больною головой] и рассматривал ее лицо, бледное, с тенями вокруг глаз, ее [серые] *зеленоватые* глаза; глаза спокойно ликовали.

«Победила»,— сказал Клим себе и вздохнул, а Татьяна спросила:

— Хочешь компресс?

От компресса он отказался, но не находил, о чем говорить с Татьяной, а она рассказывала, присев на постель с чашкой кофе в руках:

— Какая это сладкая мука любовь. Я много думала, как всё это бывает, но — вот уж где правда — что действительность выше воображения...

«С пьяным-то»,— цинически подумал Клим.

Он остался у нее [до вечера, потом пришел] ночевать и уже через несколько дней начал говорить с нею тем небрежным тоном, каким говорил раньше. Она не замечала этого, всецело охваченная желанием его близости, его ласк, покорно выслушивая его сухонькие сентенции. Клим высмеивал ее театральную восторженность, ее надуманные манеры, жесты и [постепенно] привыкал чувствовать себя удобно с нею. Ему нравилась ее покорность, [ее настойчивость] *неутомимость*, ее стремление делать ему приятное, нравились и ее рабские ласки. Она, видимо, была многому научена знакомыми актрисами, и с нею в постели было забавно. Он понимал, что Татьяна всегда немножно играет, но это не мешало ему. Она всё знала и не расспрашивала надоедливо, как Лидия, не философствовала, а наслаждалась. И тело у нее было красивое, ловкое, жаль только, что кожа ног шершавая и ноги поросли черненькими волосинками. В конце концов это была настоящая, нормальная женщина, [котора⟨я⟩] она не сомневается в своем назначении, не [пы⟨тается?⟩] ищет в нем какого-то таинственного смысла, не протестует против законов природы, как это было заметно в Лидии. И ко всему этому она была хорошей, заботливой хозяйкой.

Клим зорко присматривался к ней и тщательно испытывал, где предел ее покорности? Он [не] не только говорил ей дерзости, авторитетно и спокойно, он старался ласкать ее, когда это было ей *физически неприятно*, неудобно, когда она этого не хотела. Но он [заставлял ее хотеть и он] *настаивал*, Татьяна [улыбаясь] подчинялась его выдумкам, *а он после этого испытывал* [*легкое*] *презрение к ней* [*и убеждался в в правильности своего*] *и, еще крепче убеждаясь в своей власти над нею, думал:*

«Да, вот как надо жить с ними».

[*И представлял себе в роли Татьяны Елизавету Спивак, которая постепенно становилась тенью всех его размышлений о женщинах.*]

Она становилась всё более простой, теряла свою восторженность, даже [ходить] походка ее стала более мягкой, и каблуки *уже* не стучали *так* вызывающе, как раньше. Одевалась скромнее, но [красивой] умело и красиво, говорила осторожней, но как раньше знала всё, что говорится и делается в различных кружках, гостиных, театрах. [Это было очень полезно Климу.]

Лишь иногда ему казалось, что в больших ее глазах све-

тится недоумение и как будто она ждет чего-то от мужа, как будто он забывает сказать ей необходимое и важное слово. [Он догадывался, какое это слово.]

«Хочет, чтоб я [жен⟨ился⟩] обвенчался с нею».

Он уже находил, что Татьяна [достаточно изучена им] *вполне удобная жена*, не имел ничего против женитьбы [на ней], но считал, что торопиться с этим не следует.

Он считал себя свободным: [*но*] *Лидия изредка присылала ему коротенькие письма на толстой синеватой бумаге, письма, содержание которых становилось все более неуловимым, а почерк* [*все*] *размашистее и торопливей, а ласковые слова — лишними. Это несколько обижало его.*

«Точно бросает [*кусочки*] [*обглоданные косточки*] *кусочки сахара надоевшей собаке»,—* [*думал*] *думал Клим и почти равнодушно* [*вспоминал*] *догадывался, что, наверное, где-то около нее должен быть Макаров,* [*уже кончивший университет*] *который, кончив университет, исчез из Москвы*[1].

л. 131[2] «[Она] Не глупа»,— в десятый раз *удовлетворенно* сказал себе Клим и милостиво погладил ее пышные, но жестковатые волосы. *А Татьяна, нежно прижимаясь к нему, спросила:*

— Ты заметил, как Диомидов [*нюхал*] *обнюхивал все? Точно собака, потерявшая хозяина. Ты понимаешь, кого он ищет? Не делай гримас,* [*ты*] *я ведь знаю, понимаешь.*

— [*Кого же*] *Лидию?*

— [*Лидию, конечно. Ну*] *Конечно...*

— Просто он полуумный.

Вздохнув, Татьяна сказала тихо:

— Как все влюбленные.

Убеждаясь в искренности ее рабьей любви [к нему], он стал относиться к ней ласковее, но каждый раз, когда вспоминалась Лидия или Спивак, в нем снова являлось желание немножко [мучить] помучить Татьяну. [Ему каз⟨алось⟩] Он делал это с наслаждением, которое, однако, охлаждалось тем, что [как] Татьяна, как он видел [относи⟨лась⟩] это, принимает его выходки как должное [и неизбежное [даже — с] и едва ли даже не с тайной] *и почти* с радостью.

Иногда он разрешал себе посмеяться над Татьяной в присутствии Сомовой, но кругленькая девушка, не стес-

---

[1] *Текст*: Он считал себя ∾ исчез из Москвы.— *вставка на отдельном листе.*

[2] Лист 130 не сохранился.

няясь, выражала свое негодование, *она даже заявила, гневно покраснев:*

— За [такие] *эти* турецкие манеры я бы тебя по ушам отхлопала.

[Она все [бо⟨лее⟩] менее нравилась Климу. Гораздо интереснее ее была приехавшая из-за границы Нина Нехаева [шко⟨льная⟩] двоюродная сестра и школьная подруга Татьяны] [1]. Она все более не нравилась Климу, [даже *иногда*] порою вызывала у него [*даже*] *насмешливое, даже* враждебное [отношение] чувство [своей элементарной] прямотой своих суждений [насмеш⟨ливостью⟩]. [Но Клим не разрешал высмеивать [ее] [ее] [ее провинциализм] в ней то, что он называл «провинциализмом».] Он считал ее глупенькой, зачитавшейся книг и жалкой в ее поисках любви, в жажде романа. Но он щадил ее, не высмеивал *и* не спорил с нею, находя, что эта девушка очень полезна, она везде бывала, [всех и] всё знала и умела как-то особенно фотографически точно рассказать о людях, мыслях, книгах, обо всем, что поймали ее живые глаза и цепкая, ёмкая память [2].

Он все более убеждался, что призван быть [коллекционером] *вместилищем всех* идей, мнений, анекдотов, афоризмов, эпиграмм, и даже начал коллекционировать различные открытки и рисунки на политические темы, изображавшие Финляндию, [защищающую] *которая* защищает [свой закон] свою культуру против нападения двуглавого орла, мужчину, который пашет в сопровождении *семерых* людей, [ожидающих] вооруженных ложками,— «один с сошкой, семеро с ложкой», царя [Николая], который [стоит], стоя среди голого поля, на фоне полуразрушенной деревни, держит *сам* себя за фаллос,— «Самодержец». Открыток такого типа было много, они [прода⟨вались⟩] печатались и продавались в пользу различных [организаций] *революционных круж⟨ков⟩*, и Клим Самгин собирал их тщательно, как *судебный* следователь [3] данные для обвинительного акта. Его отношение к людям [сложилось в] *слагалось* так, что он, юрист, не понимал [не чувствовал]: как можно защищать человека [если

---

[1] *Против этих строк, на полях, пометка рукой Горького*: Отсюда — Нехаева.

[2] *Текст*: Иногда он разрешал *(стр. 394)* ∾ память.— *перечеркнут синим карандашом.*

[3] *На полях заметка рукой Горького*: генерал, царь, чиновник, поп — *относящаяся, видимо, к характеристике открытки «Семеро с ложкой».*

[он] человек вор, мошенник, *насильник*, убийца]? У него не было позыва в эту сторону, он не находил в себе какого-то чувства, которое разрешило бы ему искренно [защищ⟨ать⟩] говорить на суде речи в защиту [жулико⟨в⟩] воров, мошенников, насильников, убийц, говорить перед лицом людей, которые, как все вообще люди, [казались] были в его представлении [неискренни] фальшивы, выдуманны, лицемерны *и вообще морально подозрительны. Среди этих людей он уже привык чувствовать себя чужим для них, аристократом, человеком [другого племени] другой, высшей расы. Общее между [им] ними и собою он видел только в словах, в ходовых мнениях, и отчасти поэтому он старался говорить возможно меньше, дабы не затемнять [сво⟨е⟩] себя в глазах собеседников пылью [модных] [модного] общепринятого или модного.* Он допускал [для себя] возможность защиты имущественных прав [этих] людей, но и это допускалось им неохотно, с некоторым насилием над собою. [В конце кон⟨цов⟩] Он уже *твердо* решил, что не будет адвокатом, но [не менее твердо знал, что не пойдет служить и в магистратуру] понимал, что [ему не] и карьера прокурора — не для него [это было бы слишком нелиберально, ском⟨прометировало бы?⟩]. Он особенно убедился в этом после одной [случайной] беседы с Полуяровым [1].

Лунной ночью, возвращаясь из театра, Клим [спеш⟨ил⟩] [неспе⟨ша⟩] шел бульваром по выпавшему днем [мягкому] [*сыроватому и*] *сырому* снегу, [разрисо⟨ванному⟩] [белый] [голубоватый] голубой снег был разрисован тенями деревьев; Поярков [дог⟨нал⟩] обогнал его, обернулся, воскликнув:

— Ба! Это вы?

И через минуту уже [говорил] рассказывал:

— Завтра, чёрт побери, выступаю у мирового судьи в качестве потерпевшего в деле о краже на сумму менее трехсот рублей. Неприятно, но — неизбежно. Обвиняемая — девица. Мне надо [какой⟨-то⟩] штатский костюм, неловко фигурировать в студенческой форме.

Он был [не совсем] нетрезв, румяное лицо его в лунном свете казалось побуревшим, глаза некрасиво вытаращены. Облизывая губы языком, он слепо смотрел вперед и болтал, немножно заикаясь.

— [Хоть] [По⟨льзуясь⟩] Хотя я и пользуюсь услугами этих девиц, но ненавижу их почти болезненно [позорнейшее

---

[1] *Следует*: Поярков. *Описка встречается и дальше.*

явление] [*до садических*]. Садически ненавижу. Да и вообще женщина, батенька...

Полуяров поскользнулся. Клим поддержал его под локоть, взглянув на свои ноги, Полуяров пробормотал:

— [Гм] Чёрт, галоши я оставил в ресторане [свинство].— И вдруг, толкнув Клима плечом, заговорил более трезво:

— А ведь гуманизм-то, батенька,— ложь, и препошлая! [Как вы думаете?]

— Почему ложь?

— Как вы думаете — почему?

— А — Евангелие? — спросил Клим.

— А — Свод Законов? Что [значительнее, жизненней] нужнее людям *для жизни* — Евангелие или Уложение о наказаниях, а?

Он [ост‹ановился›] замедлил шаг, взяв Клима под руку, и [продолжал] заговорил очень настойчиво, с жаром.

— Вы — марксист, так? Вы проповедуете *историческую* неизбежность классовой борьбы — так? *Хотите поднять полудикие массы людей* [*против*] *против буржуазной культуры* [*и*], *против* [*творцов и носите‹лей›*] *класса, создавшего ее?* Очень хорошо. Я — потомственный буржуй, представитель четвертого поколения заядлых бюрократов. Я принимаю вызов: [Классовая борьба? [Прекрасно] Чудесно] давайте драться. Но в этой драке [нет] *уже* не может быть места никаким гуманностям. Красным крестам и прочей патоке. Это вы поймите.

Взмахнув левой рукою, он погрозил кулаком луне и, остановив фарфоровые глаза на *таявшем в синем воздухе* кресте какой-то [колокольни] *церкви*, продолжал *спокойнее*.

— Шесть лет я читаю и слушаю эту новую философию истории и [— простите!] *для меня* это философия изменников, предателей. Да, именно так. Через три, четыре года я буду товарищем прокурора и начну выступать в политических процессах. Правительство поступило умно, отказавшись от административного воздействия [на] [и установив] в пользу гласного суда над политиками. Теперь [мы получили] *оно получило* возможность показать России, что на месте мучеников стоят дураки.

Говорил он все более быстро, с напором, часто повторяя противопоставление «чем — тем» [*и*], *покачиваясь, толкал Клима плечом, бедром и дышал запахом какого-то ликера.*

— У нас слишком любят мучеников, арестантов, униженных и оскорбленных, которые теперь поучаются, как

надо унизить и оскорбить весь культурный мир. Конечно, в России неизбежна революция, чем скорее она вспыхнет — тем лучше.

— Почему же? — спросил Клим, слушая очень внимательно.

Он с [из‹умлением›] удивлением, с недоверием к себе чувствовал, что в словах Полуярова есть что-то, что нравится ему, есть какая-то правда для него, Самгина.

— Потому, что ее легче раздавить.

— Знаете,— сказал Клим не очень решительно,— я [уже слышу] не в первый раз [эту] встречаю эту мысль. Как будто есть уже немало людей, которые призывают революцию потому, что боятся ее.

— Да? Может быть. Но я — не боюсь. Я — знаю, а знающий — не боится. Я сознательно и решительно беру на себя роль ассенизатора России.

[Усме‹хнувшись›] Он взглянул в лицо Клима, усмехаясь, жесткие глаза его странно отражали холодный свет луны.

— Возможно ведь, что мне придется обличать вас, а?

Клим тоже усмехнулся.

— Не пощадите?

— Нет. Тут — ясно: чем умнее обвиняемый, тем более он виновен.

После этих слов [будущий ассенизатор России] *будущий прокурор* замолчал на минуту, а потом [начал] снова стал рассказывать о девице, с которой он забавляется [и которая украла у него 69 р.].

л. 132 — Д-дрянь [69 р. украла]. А такая свеженькая и опытная в своем ремесле. Даже не без нежности, и как будто не без искренной нежности.

Он плюнул в снег и вздохнул:

— Изумительно лгут женщины.

Клим подтвердил любезно:

— Старая истина.

Жестом военного Поярков приложил кисть руки к фуражке и [свернул], насвистывая, пошел в сторону. Клим, нахмурясь, посмотрел вслед ему, [вспоминая] вспомнил, что его отношение к революции родственно отношению Лютова, и спросил себя:

«А может быть многие желают революции лишь потому, что боятся ее?»

Затем подумал, что этот плотненький, уютный человечек,

должно быть, очень зол в противоречие с его фарфоровым лицом и ясными глазами.

— Ассенизатор,— повторял он [слова Пояркова], находя это слово унизительным, но верным, насколько речь идет о преступлениях уголовных. Но что-то мешало ему приложить словечко это ⟨к⟩ политическим процессам. Нет, он по натуре своей не способен ни защищать, ни обвинять [1]. Хотя обвинение, в сущности, тоже защита тех социальных отношений, которые он механически привык считать несовершенными. «Я не для того, чтоб пачкаться в этой грязной чепухе»,— думал он, раздражаясь, засунув руки глубоко в карманы пальто, медленно шагая по узкой, искривленной улице. Шел и рисовал себе, хотя и смутно, но уже не впервые, жизнь в стороне от зачитавшихся людей, в стороне и выше их. Он способен возглавлять, руководить, он сумеет поставить себя твердо и заметно. Такая жизнь уже налаживалась и теперь.

Почти каждый вечер у Татьяны собирались юноши и девицы — ее товарищи по школе, *возбужденные жаждой жить, любить, играть большие роли* [2]. [Они] Кричали об искусстве, декламировали стихи модных поэтов, читали рассказы, [дерзко] с наивной дерзостью рассуждали и спорили об искусстве, о знаменитых артистах, о революционном значении Худ⟨ожественного⟩ театра, *обо всем, что было ново и модно в ту пору и к чему молодежь относилась хотя и горячо, но недостаточно почтительно, как* [*казалось*] *думал Клим.* Яркое горение юных душ [изредка] вызывало у Самгина зависть и даже печаль: эти буйные люди *иногда* заставляли [Клима видеть себя] *его* чувствовать себя слишком далеко от них.

Сидя всегда на видном месте, он небрежным жестом, двумя пальцами, поправлял очки и снисходительно, скептически улыбался, незаметно посматривая в зеркало, опасаясь, что улыбка натянута и может показаться фальшивой. Как всегда он говорил мало и намеренно тихо, чтоб заставить внимательнее слушать его.

— Да, да! — говорил он, усмехаясь.— У нас лучший в мире балет, прекрасный театр, мы научились писать стихи не хуже французов и вообще очень подвинулись, очень. Но в деревнях у нас колдуны [и], ведьмы [и], коновалы,

---

[1] ни обвинять, ни защищать.

[2] *Текст*: Д-дрянь *(стр. 398)* ∾ роли.— *перечеркнут синим карандашом.*

по ночам к безутешным вдовам летают огненные змеи, возрастает пьянство, преступность, сифилис, деревня разлагается, гниет [а ведь именно в ней весь запас наших сил на будущее время].

Ему не приходилось затрудняться выбором мрачных тем [и], он с удовольствием видел, как его спокойная, тихая речь гасила оживление молодости. Иногда чей-нибудь голос нерешительно заявлял:

— Земские начальники — это уже политика, а мы — артисты...

Замечая, что немало глаз посматривают на него недружелюбно, он тотчас уснащал речь свою анекдотами, шутками и, заставив молодежь смеяться, мирил ее с собою. Но были и непримиримые.

Шутки и анекдоты никогда не действовали на Акима Орлова, человека с уродливым затылком, который как будто распух, раздулся и свисал на короткую толстую шею. Человек этот ходил и сидел, *задорно* вздернув голову, широкий нос его и острые скулы торчали в небо, ноздри раздувались, точно у норовистого коня. *Широкоплечий, он на ходу двигал локтями, как будто отталкивая кого-то*. В нем было что-то привлекательно уродливое, и, видимо, он очень нравился девицам. В упор глядя на Клима маленькими, очень светлыми глазами, он говорил крикливым голосом базарной торговки:

— Пускай всё это правда и всё идет к чёрту, ну — а мне что? За мною признан комический талант, я в учителя, в деревню не пойду [не хочу]. У меня своя цель жизни. И в политику не хочу! *И если история или кто-то другой навязывает мне не то, чего я хочу,— к чёрту историю и все прочее!*

[*Артисты*] *Будущие артисты почти единодушно одобряли эти заявления ожесточенной воли*. Он произносил «не хочу» так решительно, что Клим, с улыбкой глядя на девиц, думал: «Если он скажет — хочу, трудно будет отказать ему».

Орлов был сыном поволжского купца, осужденного за принадлежность к секте хлыстов и умершего в тюрьме. В монгольском *бритом* его лице не замечалось ни единой комической черты, и говорил он не смешно, а как-то раздраженно, порывисто, но смешон был голос его, изумительно богатый неожиданными и действительно комическими интонациями. Он почти всегда говорил о серьезном, но, слушая его, все улыбались, [и часто] порою даже хохотали, а Орлов еще выше вздергивал рыжеватую, гладко причесанную голову, а *скулы* и шишки [на] бровей его [*и скулы*] густо красне-

ли, брови ощетинивались. Он возбуждал у Клима тяжелую антипатию.

Проводив гостей, Татьяна говорила Самгину:

— Ты, милый, напрасно говоришь с ними [о серьезно⟨м⟩], они не понимают. И говоришь ты как-то по-осеннему. Как дождь,— добавила она очень ласково.

Клим молча хмурился. С некоторого времени он стал замечать, что Татьяна говорит с ним все более независимо. Это не нравилось ему.

[— Что такое этот извозчик? — спросил он об Орлове.

— О, ты не знаешь, он изумительно талантлив,— горячо ответила Татьяна [с восторгом].— *Будущая знаменитость*.

— Вы все знаменитости,— усмехнулся ⟨Клим⟩.]

— Трудно поверить,— сказал [он] Клим [1].

Сомову [тоже] по воскресеньям *тоже* посещали взволнованные курсистки, озабоченные студенты в стоптанных сапогах, в измятых фуражках [Марксисты и народники] [представители двух правд, правды города и правды деревни]. [Кипели] [Яростные споры [*2 нрзб*] марксистов с народниками] [Они яростно спорили о правдах города и деревни [о народе и классовом сознании]]. С этими [нужно] *надо* было говорить очень осторожно, [всё это был народ фанатический и узкий: «Вертящиеся дервиши»] [Они *яростно* спорили о противореч⟨иях⟩ фабрики и деревни, о социализме на Западе, о том, что сознание определяется бытием или бытие сознанием. Клим видел, что это [народ] люди фанатические] но именно они возбуждали в нем особенно острое желание заставить их слушать его речи, оспорить их и смутить.

— История играет нами, [как] *точно капризный* ребенок [дере⟨вянными⟩] оловянными солдатиками [но, пожалуй, еще более жестоко],— говорил [он] *Клим, зная, что говорит* [*чужи⟨е⟩*] *не свои слова*.

— [Это [Нитцше или Шопенгауэр] *Штирнеров анархизм?*] *Это — откуда?* — басом и сморщив нос, спрашивал старообразный студент [Панов] *Рогов*, и на сером, голодном лице его [детски] улыбались синеватые, огромные *девичьи* глаза.— *Это из какого-то немца*. Не люблю немцев,— говорил он, бодая воздух [гладко] обритой после тифа головою.— Хороший немец всегда еврей, как Гейне, Маркс.

Высокий, тощий, с длинными руками, он, казалось, боялся [*этих*] *своих рук* [*и*] — *прятал их за спину, в карманы* [*и*

---

[1] Реплика ошибочно не зачеркнута.

даже подкладывал их под] [*а иногда, порою*], *а в моменты особенно* [*яростного*] *яростных споров* [*подкладывал*] *крепко зажимал ладони в коленях или подкладывал* [*их*] *под ягодицы свои.*

[— *Впрочем, я согласен с Шопенгауэром: мир* [*есть*] — *мое представление и моя воля,— больше ничего! А что сознание определяется бытием — это, конечно, вздор,— заявлял Панов к ужасу Медведевой*] [1].

[Он всегда говорил что-то очень знакомое всем, но умел заставить слушать себя.]

«[Это] *Вот и этот говорит* [*не всем*] *чужое, всем известное*»,— *утешительно отмечал Клим.*

[А Сомова звонко кричала:

— Самгин желает смотреть на все с «высшей точки», как любил говорить Достоевский, мой личный враг, потому что лютый враг женщин.— При людях она становилась еще бойчее.]

л. 133 [При людях она становилась еще оживленнее, бойчее, ходила, подпрыгивая, и на круглом лице ее неугасимо сияла радость.

— Милые, до чего все это интересно-о! — возглашала она, *сладостно жмурясь и* растягивая о [жмурясь. *Клим находил, что она*]. Вела она себя *слишком* размашисто, *как-то неприлично* наскакивая на мужчин [почти садилась на колени им] *и чересчур* откровенно обнаруживая голод своего тела. [И потому-то всё еще оставалась голодной.] *За глаза* мужчины называли ее [Сомихой] «Сомиха» [Ночами] [Ночью, перед тем, как заснуть, лежа на своей постели, Самгин взвешивал впечатления шумного вечера. Они почти всегда давали осадок тихой злости], и Клим *не без удовольствия* видел, что все они относятся к ней *небрежно*, с [той обидной для женщины фамильярностью, которая не хочет замечать в ней женщину] фамильярностью, должно быть, обидной для женщины [миленькой и веселой]].

Как-то странно, винтообразно, *из* [*тучи*] *облака табачного дыма* ввертывался в шум пронзительный голосок, четко и *учительно* произнося слова:

— Все эти споры, вопли есть не что иное, как *птичий гам*, выражение заботы каждого из нас найти для себя в жизни уютный угол и укрепиться в нем.

---

[1] *После*: Медведевой — *помета рукой Горького*: Встав⟨ка⟩, *вставка отсутствует.*

Это говорил Смирнов, маленький человечек, аккуратно одетый, но — потертый, с детскими руками и [кругленьким] *лицом подростка*. Лицо это украшали четыре точки, расположенные в форме буквы Т: черные мышиные глаза, розоватая пуговка носа и темногубый рот. Когда Смирнов молчал, [толстенькие] пухлые губы его вздувались так, как будто он собирался свистнуть. А когда говорил, блестели *холодно и зло зубы*, очень белые, мелкие и плотно составленные [зубы, бле⟨стели⟩]. Было ему уже под тридцать лет, и *на макушке* среди волос его, гладко приклеенных к черепу, проблескивала лысина, но и это, и темные [усики] кустики усов, и острая бородка все-таки внушали Климу [странное] впечатление: преждевременно постаревший подросток. [1]

Смирнов любил говорить, что мир строится из личностей, как материя из атомов, и что для познания мира необходимо прежде всего [изучить человека] изучать *личность*.

— Человека в нем самом, а не в социальной среде, не в эпохе. И святые, и преступники, глупцы и мудрые — одинаковы во все эпохи.

Говорил он без жестов, без улыбок; пронзительный и несколько гнусавый голосок его звучал настойчиво, в [черных] глазах сверкало иголочками темное упрямство, а зубы поблескивали так, точно он хотел кусать кого-то.

— Все наши мнения, идеи, учения — палки для ослепленных действительностью, которая уродует нас лишь потому, что мы слишком много придаем ей значения. [Вера] [Действительн⟨ость⟩]

— Согласен,— басил [Панов] *Рогов*.— Ибо — верую [что]: мир есть *только* представление мое и воля моя.

А Смирнов пронзал:

— Действительность — [есть] пошлость, [ибо] потому что она — прошлое и насильно навязана мне.

Большая грудастая курсистка Медведева с красным лицом и толстой косою тускло-соломенного цвета, гневно выкатив круглые глаза, кричала:

— Да прочитайте же вы хотя бы «Нищету философии»!..

Она была единственной марксисткой [в ко⟨мпании⟩] [среди знако⟨мых⟩] в компании Сомовой, которая говорила, что все марксисты, за исключением одного

— Счетоводы, считают лошадей, людей, пролетариат,

---

[1] *Текст*: Это говорил Смирнов ∾ подросток.— *отчеркнут на полях красным карандашом.*

поросят, а я не выношу арифметики. И у меня был жених, который тоже все считал и вот просчитал меня,— говорила она.— Мне нравятся люди неопределенные, с капризами в душе. Долой верующих, да здравствуют [ищ⟨ущие⟩] [взыскующие града, те, которые ищут] *искатели*. Человек интересен тогда, [когда] *если* его каждый день видишь другим и никак нельзя привыкнуть к нему [ни], догадаться — какой он? Я — хитрая, я против того, чтоб узнавать до конца.

При гостях Сомова становилась еще оживленнее, бойчее, ходила подпрыгивая, и на круглом лице ее неугасимо сияла радость:

— Милые, до чего все это интересно-о! — возглашала она, сладостно жмурясь и растягивая о.[1]

Клим находил, что она вела себя слишком размашисто, даже неприлично, наскакивала на мужчин, слишком откровенно обнаруживая голод своего тела. За глаза мужчины называли ее Сомихой, и, не любя эту девицу, Клим не без удовольствия видел, что мужчины относятся к ней небрежно, *с тепловатой* фамильярностью, которая должна [оско⟨рблять⟩] обижать ее. Сомова тоже относилась к нему недружелюбно, [насмешливо] [и догадливо, *последнее было особенно неприятно Климу*] *а однажды* [*она*] *сказала* [*насмешливо*]:

— Самгин желает смотреть на все «с высшей точки», как любил говорить Достоевский, мой личный враг, потому что лютый враг женщин. Ой, не люблю «высших точек».

Бывали минуты, когда Клим [оглушенный крикливыми спорами] ощущал себя вместилищем всех мнений, которые он услышал, и все они, безразлично, казались ему приемлемыми, невзирая на их пестроту и разногласия. Они устанавливались в нем, точно книги на этажерке, *молча*, одна рядом с другою, *и* Клим не чувствовал ни симпатии, ни антипатии ни к одной из книг. *Они не отягчали и* нужны [они] были только для общения с людьми, для бесед, но не иначе и не глубже этого. А под ними он [чувс⟨твовал⟩] ощущал другое, свое, хотя и не ясное, не оформленное, но совершенно чуждое мнениям, которые он только что [пытался осторожно оспорить] *противопоставлял одно другому*. В *этом* настроении [такого безразличия] он особенно уверенно [сознавал] *чувствовал* себя существом, отличным от [всех этих] людей [и], высшим, чем они, *уверенно* [*ждал*] *думал*, *что* [*вот*] *на*

---

[1] *Текст*: Милые ∾ растягивая о.— *отчеркнут на полях красным карандашом.*

почве ощущения им своей исключительности, на почве, обильно удобренной чужими идеями, должна вырасти и расцвесть какая-то его, Самгина, оригинальная идея.

«На что нужны такие люди?» — думал он [находя, что в сущности] [присматриваясь к ним все более внимательно.— В сущности [они] это *микробы* — болезнетворное начало].

На этот вопрос ему случайно ответил Смирнов, возражая [Медведевой] Рогову:

— Самое большее, что я могу признать за людьми вашей линии, это — роль микробов, роль болезнетворного начала, [разр⟨ушающего⟩] [отра⟨вляющего⟩] разрушающего социальный организм.

[Человек этот был антипатичен Климу, но мысль его Клим [наше⟨л⟩] признал вер⟨ной⟩.] Клим взглянул на [этого] него с досадой и завистью, он сам предпочел бы выговорить эти слова, хотя и не вслух, а только для себя. Ему [все чаще] *нередко* казалось, что люди [за⟨бегают⟩] торопливо забегают вперед его, предвосхищая его мысли, говоря его словами раньше, чем он находил эти слова. Смирнову особенно часто удавалось это, и Клим чувствовал, что его антипатия к старенькому подростку все растет. [Непри⟨ятно⟩] [Неприятно в Смирнове было и то, что [его мысли часто] он чем-то напоминал Томилина.] [*Отчего-то*] [Неприятно было и то, что суждения Смирнова часто напоминали Климу [Том⟨илина⟩] то философию Томилина, то [*1 нрзб*] озлобленные речи Полуярова.] И почему-то очень неприятно было замечать в суждениях Смирнова сходство с [речами] философией Томилина и злыми речами Полуярова.

— Мы забываем, что среди нерешенных вопросов есть вопрос о [нашем] праве навязывать друг другу наши принципы и убеждения,— [пронзительно] проповедовал Смирнов. Гнусавый голосок его действовал на Медведеву, точно сквозной ветер, девица вздрагивала, шевеля круглыми плечами и грудью, лицо ее еще более краснело.

— Но ведь это анархизм,— кричала она, а Смирнов сверлил:

— Политика не спасет нас, тут я согласен с Толстым...

л. 134 — И я, поскольку он — анарх⟨ист⟩,— заявил Рогов [1] и, крякнув, растирал ладонями свой бритый череп так сильно, что было слышно, как скрипели волосы.

---

[1] *Текст*: [При людях она становилась *(стр. 402)* ∾ заявил Рогов — *перечеркнут синим карандашом.*

Иногда [неожиданно и точно], как бы из стены вылезая, являлся Диомидов, в [дер‹евенских›] тяжелых [мужицких] валенках, в деревенском кафтане коричневого сукна. Молча пожав руки Татьяны и Клима, [он кл‹анялся›] поклонясь всем остальным [и] кивками лохматой головы, он садился [на] у двери на стул, согнув спину, изредка медленно поднимал голову и осматривал всех по очереди [от‹сутствующими›] пустыми глазами.

— Точно собака, потерявшая хозяина,— сказала Татьяна Климу. Клим пожал плечами, *ответив*:

— Ненормален [— заметил].

Диомидов снова отрастил волосы до плеч, на скулах его густо пробивалась [светлая] *желтая* борода, с подбородка [св‹исали›] *волосы ее* свисали [прямые, тяжелые, как нит‹ки›] тяжелыми нитками [прямые во‹лосы›]. Он [бы‹л›] стал похож на монастырского послушника, говорил тихо, но твердо, и Клим видел, что его [*скупые, не очень связные слова*] слова [нравятся] *интересны* всем, кроме девицы Медведевой, только она смотрела на Диомидова, брезгливо поджав губы, прищуривая глаза.

— Это все отдаленное от нас,— говорил он.— Тут сначала надобно решить: кто начал *земную* жизнь? Вот, Филон, еврей Александрийский, [бу‹дто›] утверждает: дескать, *будто* жена [плотское начало человека] вовлекла душу в [плоть] *плен плоти*[1] и научила [человека] человека предпочесть небесную жизнь земной, а другой еврей, Флавий Иосиф, доказывает, что Каин изменил священную простоту жизни первых людей [и научил], научив их *без жалости к себе самим* стремиться к богатству хитростью, неправдой.

[Он] Диомидов научился говорить связно, но всё как-то неуместно вздыхал среди фразы, [как] точно ему тяжело было говорить.

— Тут — что надобно решить? Ежели Каин — тогда вся жизнь наша — грех и пакость, [а] *и всем надобно разъединиться для спасения нашего от гибели*, а ежели — женщина положила начало всему этому, тогда тоже...

И, помолчав, согнув спину еще круче, он сказал в пол, под ноги себе:

— Тогда уже не знаю, что... Не знаю, как, потому что должно было быть время, когда люди рождались, зачатые

---

[1] *Возле этих слов на полях запись, не прикрепленная к тексту*: еврей добру не научит.

без плотских сношений, а [Великий] творец мира через духа свята оплодотворял чрево женщины. Стало быть — откуда же зло?

«Вот бы Макарову послушать»,— думал Клим, усмехаясь, а Медведева возмущенно [прово⟨рчала⟩] проворчала:

— [Какая ерунда] Какой вздор!

Татьяна, положив ногу на ногу и покачивая ею, тоже улыбалась. Рогов сказал хмуро:

— Это — легенда, *каких много*. Когда я учился в семинарии...

[— Легенды нет] Но его прервал Смирнов:

— Легенда — осколок истории. Мы [ничего] не можем выдумать ничего...

Он, видимо, [собир⟨ался⟩] намеревался говорить долго, но Диомидов, [искоса взглянув в его сторону] *не слушая*, продолжал [настойчиво, требовательно] с настойчивостью комара:

— [*Сказано*] *И еще сказано: ангелы нисходили с небес* [*и общались со*], *дщери человеческие* [*родили*] *рожали от них. А ежели ангелы, то снова: откуда* [*же*] *зло?*

— *Дарвина прочитайте, Дарвина! — неистово крикнула Медведева,— Диомидов* [*мельком*] *взглянул на нее и* [*шаркая*] *шаркнул подошвой валенка по полу, как бы растирая что-то. Тихонько взвизгивала вертушка форточки, вгоняя в дым комнаты струю холодного воздуха и вторя назойливому голосу:*

— Вот вы — ученые, вы должны знать истоки зла. Ведь если этого не знать, тогда — зачем же наука? [Не надо науку] Я вот все хожу по ученым [и], выспрашиваю. Толку нет покамест. К священникам перестал ходить. Они по первому вопросу жизни ничего не хотят сказать. Не знают.

Постепенно речь его становилась всё менее связной, затем он начинал, как сквозь дрему, бормотать под нос себе и вдруг вставал, оглядывался почти испуганно и, торопливо покивав головою, исчезал.

Зная пристрастие Сомовой к людям [необычным], Самгин не удивился, [увидя у нее] [*когда, войдя к ней*, увидал Дьякона, [бритого] обритого, остриженного, с длинными, но реденькими усами монгола [и], эти усы придавали [очень]
л. 135 угрюмое выражение его сухому, потемневшему лицу. [Он был одет] [На нем] Толстая драповая куртка, туго подпоясанная ремнем, и высокие, до колен, сапоги делали его похожим на охотника. Его привел Марков, всё такой же [как] [каки⟨м⟩ был] многоречивый, веселый, крепкий [с]. Засунув

длинные ноги свои под стул, [он сидел неподвижно] как-то так, что, казалось, он стоит на коленях, [он] *Дьякон* молча смотрел на Сомову, а она] [*когда однажды* ут⟨ром⟩] *услыхав в ее комнате* [*знакомый*] *голос Дьякона.* [*Клим*] [*В щель плохо прикрытой двери он увидал*] *Бесцеремонно заглянув в плохо прикрытую дверь, он увидел, что Дьякон сидит на стуле, засунув под него* [*свои*] *длинные ноги свои как-то так, что как будто он* [*вс⟨тал⟩*] *и не сидит, а стоит на коленях. Он остригся, обрился, длинные, но реденькие усы монгола придавали* [*его*] *угрюмое выражение его сухому, очень потемневшему лицу. В толстой драповой куртке, туго подпоясанной ремнем, в сапогах с голенищами до колен, Дьякон был похож на охотника.* Сомова, сидя у стола, *прищурив левый глаз и облизывая губы*, читала [длинное] мелко исписанный листок бумаги, Клим заметил, что бровь у нее [неестественно] дрожит. [Дьякон поздоровался с Климом.] Когда Клим вошел в комнату, Дьякон, не вставая, молча протянул ему руку, Сомова тоже не пошевелилась. На вопрос Клима Дьякон отвечал неохотно и даже недружелюбно.

— [Как] *Что* ваши стеклянные трубы для музыкантов? — спросил Клим, поправляя очки. Дьякон отмахнулся скучным жестом кистью руки.

— Мечта. Я пивные бутылки выдувал.

— Он — здоров? — спросила Сомова, точно вдруг проснувшись, [скаты⟨вая⟩] держа в одной руке [конвер⟨т⟩] письмо, а другою скатывая [конверт шариком] *из конверта шарик.*

— Здоров. Хор устроил замечательный. [Из] Даже церковное поют — «Покаяния двери», херувимские. Не веруют, а — поют.

— [О ком это вы?] Кто это? — осведомился Клим. Сомова ответила негромко, *как бы вспомнив строчку стихов:*

— [Асонов] Петр Филиппович Асонов.

— Разве вы тоже были в ссылке? — спросил Клим.

— Нет,— сказал Дьякон не сразу.— То есть [я] был, [но так] но по своей воле. Ходил в тех местах с одним человеком и набрел на их жительство, на ссыльных.

[Он] *Дьякон* усмехнулся [и], лицо его стало добродушней [он сказал].

— Их там десятка два. Марков — помните — студент. [Да] Литератор один. [Полуумный.] Лицом на беса похож. *Полуумный.* А может, нарочно чудит, от скуки жизни. Да.

Помолчав, он повторил:

— Не веруют, а — поют церковное. Это — непонятно мне, Клим Иванович. Вот я Христа ради в социалисты иду. Иду по вере моей [в бога] во Христа без чудес, с одним только чудом любви его к человеку.

Сомова [бросила], бросив бумажный шарик под стол, [и] встала:

— Я вас чаем угощу...

Пошла, но остановилась среди комнаты, [вни⟨мательно⟩] слушая Дьякона.

— Любовь эта и есть славнейшее из чудес мира нашего, ибо хоть любить нам друг друга и не за что, однако ж волею христовой уже многие в силах и умеют любить самоотреченно, прекрасно. Надо, чтобы все [—закончил].

— Очень хорошо говорите вы,— тихо сказала Сомова, [*туповато*] *вздохнув, ослепленно рассматривая* [*измятое*] *письмо* [*покусывая губы*].

— Потому я и пошел к социалистам, что *вижу* у них обилие любви. Но — не понимаю: любовь — признают, а Христа — отвергают. Наша, говорят, любовь утверждается [научно] *наукой*, и это — крепче. [Не знаю]. Ругаются они там, один — за [народ] *мужиков*, другие — *только* за рабочих. Не широко это. Не ясно. [Все — люди.]

Слушать Дьякона было скучно, [а осовелое лицо Сомовой будило в Климе злорадство] за окном взвизгивал ветер, снег шаркал по стеклам, глухо гудело в трубе. [Клим посмотрел на [осовевшее] заснувшее лицо Сомовой, она всё еще] Сомова стояла среди комнаты, точно перед стеною, [*лицо у нее у⟨снувшее?⟩*] [*на*] *в лице ее было что-то тупое, уснувшее*, он усмехнулся с легким злорадством [и] [по⟨шел⟩], ушел к себе, [Татьяны не было] [Татьяна еще не пришла из школы и он] взял книгу и сел [на низеньк⟨ое⟩] в кресло перед печью. Яростно [пылали] *золотым* огнем пылали березовые дрова, несколько круглых поленьев лежало на полу. Клим наклонился и, *обжигая* руку, стал [совать] *бросать* их в печь одно за другим [а когда]. Сунув последнее полено, он едва не отправил за ним и книгу, но вовремя удержался [и положил], зажал ее в коленях и задумался, глядя в огонь.

«Христос. Любовь. Социализм».

Все это не умещалось в его представление о жизни, людях, [об] о городе, [стра⟨шно⟩] уродливо запутанном, с кривыми улицами, со множеством *маленьких* церквей, [застроенных] задавленных огромными домами. Сквозь шум вьюги и

треск огня в печи [слышно как] Клим прислушивался, как жалобно звонят колокола, призывая к вечерней великопостной службе. Мелькнула догадка:

«Верить в бога [должно быть] [*наверное*] *должно быть* — уютно».

Затем вспомнился смешной *и глупый* куплет комика, игравшего роль короля в оперетке «Маскотта»:

Да! Для пустой души
Необходим груз веры!
Ночью все кошки серы,
Женщины — все хороши!

Маскотту изображала Алина Телепнева, *это был ее дебют*, она была так подавляюще красива, что, когда явилась на сцене, [мал‹енький› зал театра, туго набитый] по залу театра, туго набитого публикой, проплыл тихий гул, вздох удивления, и казалось, что [на] *на* лысины [все‹х›] мужчин, [на] оголенные плечи женщин [опустилась] упала сероватая тень. Пела Алина плохо, сильный голос [у нее был] ее звучал грубо, бесстыдно, и бесстыдны были [ее] тяжелые движения ее тела. Татьяна тотчас же прошептала:

— Боже, как она вульгарна!

Но и голос, и томная лень *скупых* жестов Алины, и картинное лицо ее [уда‹чно›] очень гармонировали с костюмом [деревенской девушки], *а кроме того* в каждом [звуке и же‹сте›] движении, в каждой ноте ее публика [явн‹о›] чувствовала [несокрушимую] уверенность женщины в силе своей красоты. *Казалось, что она сознательно подчеркивает наличие этой сокрушающей силы, она как-то ненужно вламывалась в группы хористов* [*мужчин*], *расталкивая их локтями, плечами*, [как будто] [и] *как бы танцуя медленный, пьяный танец.*

Клим вспомнил свое замечание.

— Первый дебют Нана.

И заметил, что [и] Татьяна взглянула на него уже неодобрительно, искоса. С этого момента он [и] стал наблюдать за [Татьяной] *нею.* Он видел, [как] что у нее вспыхивают уши, щеки, [и в] слышал, [что] как она притопывает каблуком в такт музыке, чувствовал [ее], что ее волнение, всё [возрастает] возрастая, опьяняет ее. В антракте после [шумной овации] *первого акта, когда* публика устроила Алине овацию, Татьяна тоже истово аплодировала; улыбаясь охмелёнными глазами, она стояла в такой напряженной позе, точно [соби-

ра⟨лась⟩] ей хотелось прыгнуть на сцену. Алина низко нагибалась, кланяясь, показывая пышную грудь, [ее] зубы ее, обнаженные улыбкой, блестели хищно.

— Дебют Нана,— повторил Клим, идя в фойе.

— Ты уже сказал это,— напомнила Татьяна.

— Что ж, нравится тебе?

— Да.

— Но ты нашла ее вульгарной.

— [Да] Нашла [но],— согласилась Татьяна, но слова ее звучали задорно. Обмахивая веером разгоревшееся лицо, она добавила:

— Но это такая *вакхическая* вульгарность... [Я бы ска⟨зала⟩] Я готова сказать, что это не вульгарность, а священное бесстыдство.

— Ого? — насмешливо воскликнул Клим и этим заставил Татьяну [замолчать] молчать.

Весь спектакль она [вела себя] *вела себя* незнакомо Климу, *волнуясь так*, как будто пред нею разыгрывалась не оперетка, а [трагедия] *тяжелая драма. Была минута, когда он ждал, что Татьяна заплачет, и это было так смешно, что он, не* [*мог*] *сдержав улыбку, спросил:*

— *Что с тобой?*

Татьяна не ответила.

«Это — муки зависти»,— решил он [Была минута, ког⟨да⟩], по дороге домой он заговорил:

— Странно действует на тебя оперетка.

— Тебе смешно? — спросила она [сухо и задорно начала говорить] [*и тотчас*] и пошла быстрее, говоря с жаром, задорно:

— Я — понимаю, тебе смешно. Но это потому, что ты особенный. А если б я была мужчиной, мне было бы, наверное, странно... во всяком случае — обидно. Я не умею сказать, но, видишь ли, когда [эта] твоя [Лидия, впрочем, не одна она] *Варавка* жаловалась на природу... [впрочем не одна она] *на власть инстинкта* — ведь это правда...

Клим с удивлением заглянул в лицо ее [и сказал] [спросил:

— [И те⟨бе⟩] Неужели тебе не ясна ненормальность ее идеи?

— Ах, [все] всегда нормальность, ненормальность,— с досадой и резко воскликнула Татьяна.— [Я вижу ведь] Надоело это. Я вижу — [вот] женщина показывает груди, ноги, и сотни]

[и перестал слушать сбивчивую речь] [думая] [спраши‹вая›] [подумав], думая:

[«Уже пресытила‹сь›»]

«Неужели устала, пресытилась? Быстро истек медовый месяц».

л. 136 — Ты — пойми,— слышал он.— Телепнева величественно, до слез красива, именно до слез и до страшной радости, я нарочно говорю до страшной, понимаешь? А чувство, которое ее красота вызывает у вас, мужчин, ведь это только лошадиное чувство.....

— Это и называется триумф женщины,— вставил Клим, усмехаясь.

— Да? Как жалко, что ты смеешься.

Закрыв лицо муфтой, Татьяна прошла шагов десять молча, потом сказала с тихой досадой:

— Должно быть, я не сумела выразить мысль. С той поры, как я живу с тобой, я стала глупее.

— Благодарю,— смешливо молвил Клим и даже приподнял фуражку [а Татьяна, вздохнув], ему хотелось рассеять настроение подруги, но она, не [заметила] заметив его шутки, прибавила:

— Не верилось [мне], что от любви глупеют.

— Это и на мне заметно? — спросил Клим, но и на эту шутку Татьяна не отозвалась.

[До‹ма›][Придя домой] *Дома* она стала такой же [как всегда] привычно заботливой и нежной, [с жадностью принимала] принимая его ласки, [она] успокоила легкую тревогу Клима, и [на другой день он] [*вскоре*] *Самгин* забыл этот эпизод.

Но изредка он ощущал легкие уколы незнакомой ему тревоги, и уколы эти *постепенно* становились все более острыми. И в этот час, сидя перед печкой, он всё чаще, всё более сердито посматривал на циферблат стенных часов,— Татьяна [запоздала] запоздала уже часа на полтора. Смотрел *и, разбивая кочергой золотые угли в печи*, думал, что [пожалуй] он слишком много отдает женщинам времени и сил.

«Пожалуй, Татьяна права,— от женщин глупеешь».

[Он задумался о том, что вот его] [И с презрением к женщине он задумался о том] *Он вспомнил*, как легко возникали [его] [и быстро и *безболезненно*] *и быстро* порвались его связи со Спивак, с Лидией, и задумался: хорошо [это] *или* плохо [то], что эти [связи тяж‹ело?›] разрывы [воз] [1]

---

[1] Текст *ЧА* обрывается.

Черновой автограф конца 1-й главы [1]

[Однажды [сильно запоздав] Клим *сильно запоздал и*, [раздеваясь в прихожей] раздеваясь в] Однажды Клим явился домой, когда [уже] вечерний чай кончили пить [и], в столовой было темно и [во всех комнатах притаилась тишина] [*так странно тихо*] *во всем доме так странно тихо, что* [Клим] мальчик, [*осторожно*] раздевшись, [не] [бесшумно шагал к дверям столовой, где было темно, но трещали дрова в печи] *остановился в прихожей, пугливо, прислушиваясь к этой подозрительной тишине.*

— [Подожди] Оставь, [ка⟨жется⟩] кто-то [идет,— услышал] пришел,— [услышал] услыхал он сухой шёпот матери; чьи-то ноги шаркнули по полу, брякнула [заслонка] знакомым звуком медная дверца кафельной печки и снова [стало *подстрекающе* тихо] *установилась тишина, подстрекающая вслушиваться в нее. Шёпот матери удивил его*, [*Мать*] *она никому, кроме отца, не говорила — ты, а* ⟨отец⟩ *вчера* уехал на лесопильный завод. Мальчик осторожно подвинулся к дверям столовой, навстречу ему [снова поплыл шёпот] [поплыли] вздохнули тихие слова:

— Боже, какой ты ненасытный.

Клим заглянул в дверь: пред печкой, полной алых углей, в низеньком любимом кресле матери [сидел] *развалился* Варавка, [мать в лиловом капоте сидела [покачиваясь] на коленях у него] [Лицо Варавки, освещенное живым блеском [углей] тлеющих углей, было *неестественно* багрово; борода его лежала глад⟨ко⟩] [*и*] *обняв мать, а она сидела на коленях у него*, покачиваясь взад и вперед, точно маленькая. [Во всем этом — и в темноте, в тишине] *В этих позах* [*и*] было что-то, [очень] смутившее Клима, он отшатнулся, наступил на свою галошу, галоша подпрыгнула и шлепнулась.

— Кто там? — [свирепо крикнул Варавка] *сердито* [*спросила*] *крикнула мать и* невероятно быстро очутилась в дверях, точно птицей подлетела [к ним].

— Ты?.. Почему так поздно? [Оз⟨яб⟩] Замерз? Чаю дать? — быстро и ласково спрашивала она, наклонясь и взяв Клима за плечо, затем с излишней силой втолкнула его в

---

[1] ХПГ-21-1-7; *соответствует печатному тексту*: Однажды Клим пришел ∾ а Бориса не нашли (*т. 21, стр. 67—88*); *тильда заменяет текст, полностью совпадающий с печатным и не имеющий вычерков и вставок в автографе*; *в угловых скобках указаны страницы и строки текста по т. 21 наст. изд.*

столовую, [так же бы⟨стро⟩] тотчас зажгла свечу. Клим оглянулся: в столовой никого не было, а [из] *в* двери в соседнюю с ней комнату плотно сгустилась тьма.

— Что ты смотришь? — спросила мать, заглядывая в лицо.

— Мне показалось, тут кто-то был...— [сказал] нерешительно выговорил [отец] *Клим.*

— [Чай у тебя в ком⟨нате⟩] Кто же мог быть? Отца нет, Лидия с Митей [пошли в уч⟨илище⟩] *на катке*, Тимофей Степанович у себя — слышишь?

Да, наверху тяжело топали. Мать [при⟨села⟩] *села* к столу [приложила ладонь к самовару [и на⟨лила⟩], стала] [*пощупала самовар*] *пред самоваром*, наливая чай, говорила:

— Я [сидела] тут одна сидела перед печкой, задумалась [вдруг]... Ты только что пришел, да?

— Да,— солгал Клим, поняв, что нужно солгать. [Погладив его [ще⟨ку⟩] по голове, мать сказала:

— Ну, я пойду наверх, мне нужно поговорить с Варавкой, [ты знаешь] он хочет купить [бабушкин] у меня бабушкину усадьбу и строить большой дом.

Клим, выпив чай, [пошел] ушел в свою комнату, лег на постель и задумался.]

Мать замолчала, [*разглядывая огонь свечи, глаза ее улыбались*] *играя щипцами для сахара, глядя на огонь свечи, отраженный медью самовара*, [*потом на лице*] *в глазах ее тихо разгоралась* [*ласковая*] *ласковая улыбка*, [*гордое лицо стало*] *суховатое лицо смягчилось. Отбросив щипцы*, она оправила кружевной воротник [лилового] капота и [громким сказала] *рассказала*, что Варавка хочет купить у [нее] бабушкину землю и построить на ней большой дом.

— Я пойду к нему поговорить об этом,— сказала она и ушла, поцеловав [Клима] [голову] Клима в лоб. Мальчик [выпил чай] [тоже] *встал, тихо* подошел к печке, сел в кресло, смахнув платком пепел сигары с ручки его. [Он давно уже видел, что мать [все ласковее говорит с Варавкой и все более сухо с отцом] *ласковее с Варавкой, чем с отцом, а Варавка всегда нравился ему больше, чем отец*, [*уже*] *не только потому, что он не* [*приставал с умными*] *требовал умных слов.* Она стала лучше одеваться [и как⟨-то⟩], еще более гордо выпрямилась, окрепла, даже пополнела; *она* говорила со всеми мягче, хотя улыбалась все так же редко и скупо, как раньше [А] [С Варавкой она говорила особенно ласково, а] [на] [но на], на отца *часто* смотрела, как на гостя, который *уже* надоел, [и не]

[но] не догадывается, что ему пора уйти; но к этому [давно уже] все в доме привыкли, и это не удивляло Клима. [Но он] [Удивляло и обижало его то] [Удивил и обидел его отец] Но он очень удивился, а [за⟨тем⟩] потом и обиделся, [заметив *и*] *заметив*, что [с] [его] отец отскочил, откатился от него в сторону [брата] Дмитрия и что у него с Дмитрием [какие-то] есть какие-то секреты.]

«Мама хочет переменить мужа, только это ей еще стыдно»,— догадался он, глядя в [красную] квадратную пасть [печ⟨ки⟩] жаркой печки, [где] где на [куче] красном золоте углей дрожали синие [приз⟨рачные⟩] огоньки. Он [уже давно знал] слышал, что мена женами и мужьями бывает довольно часто и [бывает]. [1]

Но события [в] в доме не [так] сильно волновали [его], [*не*] *отвлекая* [*его*] *Клима от* [*учеб⟨ных⟩*] *усвоения школьной науки*, как тревожила гимназия, где он не [мог найти] *находил* места, достойного его. На его взгляд, в классе было три группы: [*любимцы учителей*, образцовые ученики, [любимцы учителей] даже и тогда, когда они были образцовыми шалунами] [учителей хорошо] [небольшая кучка] — *десяток мальчиков, которые* [*и*] *учились и вели себя* [*хорошо*] *образцово, затем — неугомонные шалуны,* [*у*] *среди них некоторые, как Дронов, учились тоже отлично, учителя любили наказывать их. Клим Самгин учился* [*не блестяще и считал*] *усердно, но не очень успешно, а шалости считал ниже своего достоинства.* Третья [наиболее обильная] группа слагалась [из каких-то неудачников] из бедненьких, худосочных мальчиков, [робких] запуганных и робких, каких-то неудачников, осмеянных всем классом; бойкие мальчики [их] называли их трусами, плаксами, ябедниками. Дронов говорил Климу [о них]:

— Это все трусы, плаксы, ябедники. А [вот у] вон этого, [у] черненького, скоро исключат, у него старшой [брат] братишка в колонию [лега⟨вых⟩] преступников попал. А тоненький, [черно⟨волосый⟩] остроносый — незаконнорожденный, смотри, какой хорёк! Это все хлам [мусор].

Клим Самгин скоро заметил, что какие-то [неуловимые] *неощутимые* толчки приближают его именно к этой группе забракованных, и это было *обидно* почти до слез [обидно]. *Среди этих мальчиков он чувствовал себя еще более чужим,*

---

[1] *Текст*: — «Мама хочет ∾ [и бывает].— *вставка на отдельном листе.*

чем в шумной компании товарищей Дронова. Он чувствовал себя умнее [всего класса] всех в классе, он уже прочитал немало таких книг, о которых эти сорванцы не имели понятия, [и уже не однажды ему] [он] он видел, что даже те из них, которые были старше его по возрасту, все-таки больше дети, чем он. [Мальчики] *Когда он рассказывал что-нибудь, его слушали недоверчиво и многого не понимали.* [Ему приходилось спорить.]

[Однажды] Незаконнорожденный, фамилия которого была Иноков, сказал, что он прочитал интересную книгу о рыцарях «Ивангоэ».

— Айвенго,— поправил Клим.— Это написано Валь⟨тером⟩ Скоттом.

— [Чего? Кем напи⟨сан⟩] Дурак,— сказал Иноков, подумав.— Что ты [всех] всё поправляешь? Учитель. — И предупредил: — Смотри...

Избалованный ласковым вниманием [стар⟨ших⟩] дома, Клим все более тяжко ощущал недоброжелательство учителей. Некоторые из них были физически неприятны: математик страдал хроническим насморком, оглушительно и грозно чихал и со свистом выдувал воздух носом; [другой] историк входил в класс осторожно, как полуслепой, подкрадывался к партам с таким лицом, точно хотел дать пощечину [всей] всем ученикам двух первых парт, и [у] почти [у] в каждом учителе Клим открывал нечто враждебное ему, все эти неряшливые люди в потертых мундирах смотрели на него так, как будто он был виноват в чем-то пред ними. И хотя [потом] он скоро [он понял] убедился, что учителя относятся так странно не только к нему, но *почти* ко всем мальчикам, [это] все-таки их гримасы напоминали [ему] Климу брезгливость матери, с которой она рассматривала в кухне раков, когда пьяный продавец опрокинул корзину с ними, и они, грязненькие, расползлись по полу. [Полканову] [Климу стало несколько легче, когда он попал в поле зрения Ксаверия Ржиги, инспектора гимназии, преподававшего древние языки.] *Но уже весною [Клим] он начал замечать, что некоторые учителя, а особенно Ксаверий Ржига, инспектор и преподаватель древ⟨них⟩ языков, стали относиться к нему внимательнее.* Это случилось [так] [у инспектора] [в квартире инспектора] *после того, как* во время большой перемены кто-то дважды бросил камни в окно [квартиры] *кабинета* инспектора, разбив стекло и [сбросив с по⟨доконника⟩] *сломав* некий редкий цветок на подоконнике. [Усердно [привязчиво] искали виновного и не нашли.] Виновного искали усердно и не нашли.

На четвертый день Клим спросил Дронова: [который все знал, из какого класса] *кто бил стекло?*

— Пятиклассник [один] [один],— ответил [Дронов, [он знал всё] который все знал и любил похвастаться этим] всезнающий Дронов.

[Они стояли [под] [под окном канцеля⟨рии⟩] против недавно побеленной стены физическ⟨ого⟩ кабинета, и Клим вдруг увидал на стене характерную рогатую тень инспектора. *Дронов, стоявший боком к стене, не мог видеть эту карик⟨атурную⟩ тень.*

— А кто? — спросил Клим и, когда Дронов беззаботно назвал фамилию, сказал поучительно, громко]

Они стояли [1 нрзб] [в углу] на повороте коридора, [недалеко от двери] за углом его, и Клим вдруг увидел медленно ползущую по белой стене тень рогатой головы инспектора, Дронов стоял спиною к тени. Заметив, что тень прекратила движение, Клим спросил фамилию, [и] а когда Дронов хвастливо назвал ее, он сказал громко и поучительно:

— Ему [пора бы] *надо* честно сознаться, а то из-за него терпят другие.

[— Пускай потерпят,— сказал [Климу] Дронов и отбежал прочь. Клим не мог бы сказать, [для чего] *почему* он сделал это, [для того ли, чтоб подвести Дронова под допрос, или для того, чтоб понравиться инспектору] потому ли, что, не любя Дронова, захотел сделать ему неприятность, ославить ябедника, или потому, что [хотел понравиться] *захотел* показать себя инспектору. Клим не мог бы]

Дронов посмотрел [усмехаясь, посмотрел] на него и, ничего не сказав, плюнул на пол. Нетерпеливо задребезжал звонок, приглашая в классы.

По дороге домой Дронов, догнав Клима, [озабоченно] *сообщил*, усмехаясь:

— Знаешь,— кто-то выдал Стрельцова...

— Кого? — [переспросил] спросил Клим.

— Кого, кого,— передразнил Дронов.— Того, [отве⟨тил⟩] который стекла бил у Ржиги [я же тебе говорил].—*Дронов* [*сердито*] *оживленно рассказывал*:

— *Сейчас же после перемены его и схопали: Стрельцов — к директору. [Пожалуй — выг⟨онят⟩. Сволочь!] Узнать бы, кто донес, сволочь...*

— Ах, этого. Я забыл.

Он действительно забыл и фамилию, и [весь] беседу свою с Дроновым, а теперь, [вспомнив все, [неприятно] задумался]

поняв, что это он выдал [нез⟨накомого⟩] инспектору [озорни-⟨ка⟩] [незнакомого] [какого-то Стрельцова] *гимназиста*, не знакомого ему, [не мог понять, зачем он это] *задумался, не понимая, почему он сделал это?*

[*Он вспомнил, что*] *И, подумав, решил, что* [*эта*] карикатурная тень головы внезапно возбудила [у него] в нем желание сделать [что-нибудь неприятное] неприятность Дронову, [которому] которого он не любил, завидуя его успехам и бойкости.

— Это ты виноват, ты болтал,— сказал он Дронову [тоже] сердито.

— Когда это я болтал?

— А в перемену, мне.

— Так ведь не ты выдал? У тебя и время [то] на это не было.

Они остановились друг против друга, как петухи, готовые подраться.

— Может быть, ты и другим говорил [— Постой,— Дронов вздохнул: —Эх, в морду бы тебе дать, [да] руку жалко],— сказал Клим и, тотчас [почувствовал] почувствовав, что *ссориться с Дроновым* не нужно, [сказал:— Нет] *прибавил*:— Наверное [это] его выдал кто-нибудь из одноклассников.

— Ну, конечно,— *сердито* соглашался Дронов... [Пошли] Пошли молча, Клим [решил], чувствуя себя виноватым, [подумал, что и] задумался: как исправить ошибку? И [не] нашел [ничего], что нужно все-таки сделать какую-нибудь неприятность хвастливому Дронову.

Весною мать перестала мучить его уроками музыки и *усердно* начала играть сама. По вечерам к ней приходил краснолицый, лысый адвокат Гусев со скрипкой [а затем] [за ними] *и в темных очках*, а потом приехал на трескучей пролетке Ксаверий Ржига с виолончелью. Это был [тощий] смешной человек, тощий, изогнутый, с глазами совы на пестром, изрытом оспою лице [и с двумя вихрами], два вихра серых волос возвышались над висками его, точно рога. [Играя] [Он говорил тоненьким голосом, неправильно, а] Когда он играл, [то] его язык, не [уме⟨щался⟩] умещаясь во рту, высовывался и лежал на губе, *прикрывая кривые черные зубы*. Говорил он тоненьким голосом, неправильно по-русски и всегда что-то особенно памятное:

— Скажу, что ученики были бы [премного] много лучше, если б не имели живых родителей,— [говорил он] выговорил он совершенно серьезно, и нельзя было понять, шутит инспек-

тор или говорит серьезно. А о Климе он сказал, положив руку на голову его и обращаясь к Вере Петровне:

— В сыне вашем рыцарское сердце, поздравляю!

А самого Клима поучал:

— Чтобы познать науки, следует наблюдать, сопоставлять, и тогда [обнажать] обнажаем сердцевину сущего...

Наблюдать Клим умел. Ему казалось необходимым [по〈?〉] искать в товарищах недостатки, он даже беспокоился, не находя их, но беспокоиться приходилось редко; он хорошо научился [видеть недостатки каждого] замечать недостатки в каждом человеке, научился не только видеть их, но и подчеркивать смешное *и* глупое [или нехоро〈шее〉] одного в глазах других, [и] это умение очень поднимало его в своих глазах.

Когда приехали на каникулы Борис Варавка и Туробоев, Клим [сразу] [тотчас] *прежде всех в доме* заметил, что [Борис находится в настроении опасном] [*с Борисом случилось что-то очень дурное*] *Борис, должно быть, сделал* [*нечто*] *что-то очень дурное и* боится, как бы об этом не узнали. [Все] Он стал еще более [буен, неугомонен] *неутомим* в играх, изобретателен в шалостях, [он смотрел на всех [задорным] задорно, вызывающе, но [в то же время] 〈в〉 глазах его [опасливо] *явилось нечто опасливое и* [по рябому лицу] рябое лицо передергивала судорога, а улыбаясь] [но] он слишком легко раздражался [рябое лицо его покрывалось], на рябом лице ∾ укусить 〈*73*, *2—5*〉. [В азартном шуме, поднятом] В азартном шуме, в неугомонной беготне [его] *Бориса* Клим почувствовал нечто опасное для себя *и стал осторожно уклоняться от игр*; он заметил также, что Игорь Туробоев знает тайну Бориса, оба они часто ∾ 〈*73*, *8—11*〉 письма, [резко распахнулось окно] [*над комнатой Клима*] окно в кабинете Варавки-отца [и Клим услышал] *с треском распахнулось*, Варавка рявкнул:

— Борис, иди [ко мне] *сюда*!

Борис, Игорь и Лидия сидели в саду на скамье, связывая из веревок сеть: вечером предполагалось устроить бои гладиаторов. Мальчик встал, одернул блузу, подтянул ремень, выпрямился.

— Я с тобой,— сказал Туробоев.

— И я? — вопросительно произнесла Лидия, но Борис легонько оттолкнул ее.

— Не смей.[1]

---

[1] *После*: Не смей.— *знак вставки, вставка отсутствует.*

Через несколько минут Клим услыхал свирепый крик Варавки:

— Ты ∾ ⟨*73*, *33—35*⟩ негодяй...

Потом раздались спокойные и как всегда вежливые слова Игоря:

— Позвольте, я расскажу.

Окно наверху закрыли, а под окном Клима явилась Лидия и, закинув голову [вверх], спросила:

— Подслушиваешь? [Как Дронов? — У нее дрожали губы и с обеих сторон переносицы текли маленькие слезы.]

За час пред этим сад был щедро [*опрыснут*] *спрыснут дождем*, [*и на*] [*освеженная листва ра⟨зноцветно?⟩ сверкала*] *и на освеженной листве сверкали в лучах заката разноцветные веселые слезы. И Лидия тоже плакала, растирая пальцем по щекам мелкие слезинки, губы ее дрожали.*

Клим спрыгнул к ней в сад, спрашивая обиженно:

— Почему вы все такие злые [грубые]?

Не ответив, она пошла прочь, нарочно [стряхи⟨вая⟩] задевая на себя капли дождя. *У Клима явилось желание догнать ее и ударить, натрепать ей уши, как кошке.* Теперь, когда возвратился Туробоев, она снова [перест⟨ала⟩] ходила за ним комнатной собачкой.

За Борисом все ухаживали так, как будто он только перенес [тяжелую] опасную болезнь или совершил [какой-то таинственный] *героический и* таинственный подвиг. [Это раздражало] *Тайна эта* раздражала *Клима*, но даже Дронов ничего не мог узнать, [почему] чем Борис вызвал такое отношение к нему.

— Что сделал Борис? — спросил Клим мать, она, погладив его щеку, ответила очень осторожно:

— Он ничего не сделал, но его [очень] обидели. [Ты не поймешь, тебе не нужно знать.]

А когда [сын] *Клим* стал расспра⟨шивать⟩, кто обидел, как, Вера Петровна решительно сказала:

— Это тебе не нужно знать.

[Чем дальше, тем более Клим убеждался в том, как выгодно быть обиженным.] [Он ревниво наблюдал] [*Он заметно*] *Ревниво наблюдая* за Борисом, [и] [*Клим видел, что мальчик* [*мечется и вертится так, как*] *безнаказанно говорит дерзости*] *он чувствовал в неугомонной беготне Варавки что-то ослепленное,* [*болезненное и бестолковое, нечто*] [*болезненно капризное*] *это напоминало пьяного док⟨тора⟩ Сомова. Но* однажды ему удалось видеть, как этот мальчик стоял в углу за сара-

ем и *безмолвно* плакал, закрыв лицо руками, плакал так, что его шатало из стороны в сторону, а плечи у него прыгали. Он хотел подойти к нему, но не решился [и], да и приятно было видеть, что Варавка плачет, *было* полезно узнать, что [быть обиженным] *позиция* обиженного не так уж выгодна, как это казалось.

[В шалостях] [Наконец] Каникулы [были] *проходили* и скучно и тревожно, в доме установился какой-то ворчливый, нелюдимый тон, [Климу нужно было готовиться к переэкзаменовке] *Климу нужно было готовиться к переэкзаменовке*; затем весь дом вдруг опустел. Борис, Лидия, Туробоев и [Люба] Сомовы поехали [кататься] на пароходе по Волге, отец увез Дмитрия на завод, Клим, чувствуя себя обиженным всеми, отказался ехать, хотя мать очень уговаривала его.

— Но если я поеду, я не подготовлюсь к переэкзаменовке,— [сказал он] солидно заявил он и [мать оставила] *остался, но когда* дети уехали, [он] плакал от обиды почти всю ночь.

[Несколько] [Недели две-три] С месяц [времени] он прожил сам с собою, как перед зеркалом [1].

То, что он отказался ехать с детьми, очень приподняло его в своих глазах, он замечал, что и мать [и Варавка тоже] *высоко* [оценили] *оценила* его отказ, *а* Варавка [даже] *утешительно* сказал [ему]:

— Ты [брат] не смущайся ∾ 〈*75, 1—3*〉 плохо.

[А как-то вечером, когда Клим и Дронов возвращались] [Дронов был не интересен] [По двору, по саду мелькал Дронов:

— Тебе не нравится Дронов? — спрашивала мать, ласково заглядывая в глаза Клима, *и когда* он отвечал:— Нет. Я не хочу удить рыбу, ловить птиц, а он не любит искать грибы]

[*Он жил одиноко.*] *Дронов с утра исчезал из дома, он крикливо и безжалостно командовал группой уличных мальчишек,* [*бегал*] *водил их купаться на речку, в лес, за грибами, посылал в набеги на огороды. Какие-то люди приходили жаловаться на него няньке, но она не торопясь умирала в маленькой полутемной комнате, где Дронов спал и учил уроки; но она* [*да*〈*вно*〉] *оглохла,* [*и*] *слушая жалобы,* [*только*] *согласно покачивала головою и бормотала*:

---

[1] *После*: перед зеркалом.— *поздняя помета, соединяющая данное место с вписанным ниже текстом:* [Он жил одиноко]∾ из гимназии.

— *Господь всё видит, всё, он всех нак⟨ажет⟩.*

Жалобщики требовали Веру Петровну, она выходила на крыльцо, строгая, прямая [*и*], *тонкая, молча слушала* [*р⟨обкие⟩*] *несмелые путаные речи и говорила*:

— *Хорошо, я прикажу наказать его.*

[*А когда у нее просили денег за убытки, она говорила:*— [*Подайте в суд*] *Не дам денег.*] *Но только* [*однажды*] *один раз* [*остановив Дронова*] *Клим слышал, как, остановив Дронова на бегу за ворота, она сказала ему из окна:*

— *Иван, если ты будешь учить мальчишек воровать огурцы, тебя выгонят из гимназии.*

[*Дронов* [*очень удивился*] *ворчливо ответил:*

— *Я не учу, они сами.*]

Мать и Варавка становились всё [реже] менее видимы, [они как будто] [*даже*] *казалось, что они* прятались *даже* друг от друга, и по нескольку раз в день Клим слышал вопрос, обращенный к нему или к Малаше, горничной:

— [Где Тимофей Степанович?] *Тимофей Степанович пришел?*

— Ты не знаешь, где мать — в саду?

Им, очевидно, нравилась эта игра в прятки, встречаясь, они улыбались друг другу [и], улыбка матери была незнакома [и], неприятна Климу, [но еще] *хотя глаза ее, потемнев, стали мягче.* [Но] Еще более некрасиво вываливалась из рыжей бороды *тяжелая* мясистая губа Варавки.

[Впервые Клим прожил месяц наедине с самим собою]

Неприятно было и то, что мать начала душиться [какими-то слишком] *слишком сильно и настолько* едкими духами, что, когда Клим, уходя спать, целовал ее руку, духи щекотали ноздри его, точно злой запах хрена. И в голосе ее звучала какая-то новая, взвизгивающая нота [1].

Впервые Клим прожил месяц наедине с самим собою, если не считать посещений Томилина, который становился всё [более] менее понятен, более скучен, [и как-то осел] *а внешне как-то* расширился *и* оседал к земле. [1]

И [почти] каждый раз, когда Клим не понимал чего-либо, рыжий человек внушал ему почти всегда одними и теми же словами:

— Ты вот что пойми: *основная* ∾ ⟨77, 20—22⟩ истин. Например...

Остановясь среди комнаты, он смотрел в потолок белыми

---

[1] Знаки вставок; вставки отсутствуют (см. *СВ*, стр. 75—77).

глазами и продолжал: — Например, [для одних — бог] *одной из таких простейших* истин является [теория борьбы] *борьба* за существование, она всё оправдывает, [она устанавливает неизбежность и законность зла] устанавливая неизбежность и законность вражды и зла.

Останавливаясь [среди комнаты], он говорил наиболее непонятно и многословно, вызывая [у Клима] снотворную скуку; [У Клима [бы⟨ли⟩] являлись] *у Клима были* уже свои мысли, [бы⟨ли⟩] и он чувствовал, что они гораздо нужнее ему, чем туманная мудрость учителя, оставлявшая в памяти его [только какие-то] *темные* царапины.

[Когда дети возвратились с прогулки, [по] Клим встретил их напыщенно, с равнодушием, *хотя и* сделанным довольно искусно, но тотчас же возмутившим Бориса Варавку.

[—Смотри, Игорь, как он надулся]

— Ты что форсишь? — грубо спросил он.

А Туробоев, усмехаясь, прочитал глупую строчку каких-то стихов:

«Напрягся, [изнемог] *ослабел*, потек и изнемог».

Клим обиженно отошел прочь, а [Лидия] *Люба* сказала вслед ему:

— Ой, не обижайте его, он такой [худенький] желтенький.

Через несколько дней между Климом и Борисом образовались отношения открытой вражды, причем Борис явно стремился раздуть ее, [назойливо] высмеивая почти каждый шаг и каждое слово Клима, [В Борисе Варавке чувствовалось] [Борис казался опьяненным] но не только Клима, он [всячески] всех стремился обидеть, рассердить, он постоянно ссорился с Игорем, сестрою, [подрал⟨ся⟩] разодрался и побил Дронова, а потом, убежав в сад, истерически плакал там. Все относились к нему, точно к больному, ухаживали за ним, [и] это еще более возбуждало его, он метался, точно пьяный мастеровой. [Варавка] Дошло до того, что отец пригласил доктора, и Бориса заставили пить микстуру, ложиться спать в 9 ч. вечера, а он по ночам вылезал в окно и гулял в саду.]

Ему хотелось встретить детей так, чтоб [они увидали] им сразу было понятно: он уже не такой, каким они оставили его. [Он усиленно думал] Подумав, что нужно сделать для этого, он решил, [что нуж⟨но⟩ купить очки] [что будет носить очки] что всего лучше будет, если он начнет носить очки. [Он тотчас] Сказав матери, что у него устают [от занятий] глаза и что [доктор гимназии рекомендовал] [доктор] в гим-

пазии посоветовали ему носить [дымчатые] консервы, он [уже] на другой же день [зацепил за уши золотые проволоки и] обременил [нос] острый нос свой тяжестью [двух] двух стекол дымчатого цвета. Сквозь эти стекла все [по] [вокруг показалось покрытым пылью, [прозрачной] и даже воздух посерел от нее. насытился ею] на земле ∾ ⟨78, 3—5⟩ *сереньким. [Было что-то грустное и серьезное в этой окраске мира и] В этой окраске мир стал грустнее, мягче, [а] [и] а [зеркало показывало Климу [отражение серьезного] серьезные] зеркало убедило Клима, что очки сделали лицо его внушительным и еще более усталым.*

Но, как только дети возвратились с прогулки [по В⟨олге⟩], Борис, пожав руку Клима и не выпуская ее из своих крепких пальцев, сказал насмешливо:

— Смотрите: вот — мартышка в старости.

А Люба Сомова [загоревш⟨ая⟩] [за⟨кричала⟩] жалостливо крикнула:

— Не обижай его, он [такой совеночек...] *стал таким* совеночком...

Туробоев вежливо, как всегда, улыбался, но [в улыбке его Клим почувствовал] улыбка его показалась [*тоже*] Климу *тоже* обидной, [но], и еще более ∾ ⟨78, 15—17⟩ на Клима таким взглядом, как будто не могла вспомнить — кто это пред [ней] нею. И стало совсем уже плохо, когда она равнодушно или устало спросила:

— Болят глаза? Почему? ∾ ⟨78, 19—23⟩ а тот, быстро [почувствовав это, стал] уловив это чувство ∾ ⟨78, 24—26⟩ на пароходе [видимо] мало помогла Борису; [он еще более] он остался таким же [раздраженным] *нервным* ∾ ⟨78, 27—28⟩ его глаза, казалось даже, что он стал грубее. И всё так же все ухаживали за ним, терпеливо [выно⟨ся⟩] перенося его капризы, [неожи⟨данные⟩] внезапные вспышки гнева. Его отец пригласил доктора, мальчика заставили пить микстуру, [он] *рано* укладывали спать, но он, выскакивая из постели, часами молча сидел на подоконнике окна. Клим измучился, допытываясь: что случилось?

[И наконец [Люба Сомова] *Лида* [предложила], заставив его побожиться, что он никогда, никому не скажет об этом [и], что Борис никогда не узнает, что она [сказала] выдала [ему] тайну ему]

Но девочки Сомовы, видимо, ничего не знали, [а Туробоева он не решился] Туробоев сказал:

— Была неприятность, но я не хочу говорить об этом.

И только Лидия, наконец, предложила ему, таинственно и мрачно нахмурив брови:

— Побожись, что Борис никогда не узнает, что я тебе скажу.

Клим искренно [побожился] поклялся хранить тайну [1] [и тогда узнал].

Тогда девочка опасливо оглянулась, взяла его за руку, отвела в тень яблони, щедро отягченной желтыми, как масло, плодами, и там, полушёпотом, таинственно рассказала, что Бориса исключили из военной школы, [за] он отказался выдать товарищей, совершивших какую-то [глупую] шалость, а затем на уроке он проткнул циркулем живот [учителю] [ученику] учителю, который оболгал его. [Лидия рассказала это полушёпотом, *опасливо* оглядываясь, а] Рассказав, [*вдруг* заплакала и сквозь слезы, всхлипывая, добавила] она всхлипнула:

— Он и себя хотел убить. *Его даже лечил сумасшедший доктор.*

[Ее рассказ не тронул] [Клим никогда не видел Лидию плачущей и этим похожей] [*Слезы ее смутили Клима,* [*Лидия*] *он* [*впервые*] *не помнил, чтоб когда-либо*] [*заплакав, Лида стала похожа* на других девочек; она была *и оставалась* для него несравнимой, несмотря на ее равнодушие к нему] [*На черных глазах*] *Черные глаза ее необыкновенно обильно вспотели слезами, и эти слезы Клим видел тоже черными.* [*Ее слезы смутили Клима*] *Клим* [*опустил глаза*] *смутился: заплакав, Лидия стала похожа на других девочек,* [*он*] [*а он всегда видал*] *потеряла свою несравненность с ними,* [*загоревшая до*] *и это вызвало в нем чувство, похожее на жалость* [*а потер⟨яв⟩*].

[Но ее] *Ее рассказ* о [брате не тронул его, даже] [*Борисе*] *брате* не удивил Клима, он [всегда] [давно уже] *всегда* ожидал от Бориса [каких-то] необыкновенных поступков. [Но узнав, что Бориса высекли и выгнали из школы, он тотчас почувствовал себя хорошо вооруженным против [товарища] *врага*, издевавшегося над ним, способным сбить его с ног одним ударом.]

Не находя слов утешения, он исподлобья смотрел на тоненькую девочку в синей англий⟨ской⟩ блузе, обшитой [*красными*] *красной тесьмой, на ее лицо, обветренное* [*и*], *загорев-*

---

[1] *Текст*: Побожись, что Борис ∾ тайну — *перечеркнут синим карандашом.*

шее до цвета бронзы, *на* [*руку*] *темную руку* [*ее*], [*отталкивавшую*] *которой Лидия нервно раскачивала* [*тяжелую*] *ветвь* [*дерева*, *на конце которой*] *яблони.*

— Ему — стыдно? — [наконец] спросил он [не глядя на Лидию].

— [Ну конечно] О, господи! [Конечно,— с раздражением сказала девочка] — *жалобно воскликнула Лида* [она].— Ты подумай: вот он влюбится в какую-нибудь девочку [ну, хоть в Алину. На⟨до⟩] *и нужно* будет рассказать ей всё-*всё* о себе, [так всегда делают влюбленные] а — как же расскажешь, что высекли?

Клим согласился:

— Да, об этом нельзя [сказать...

Но, [сог⟨лашаясь⟩] говоря, он чувствовал в себе злую радость и уже]

Лидия так сильно толкнула ветку, *что с нее сорвались и упали три яблока*, [*она отбросила*] [*она*] *одно из них она отбросила пинком ноги и пошла за ним. И как только она исчезла*, [*среди де⟨ревьев⟩*] *Клим с радостью почувствовал себя хорошо вооруженным против* [*Бориса*] *врага.*

Уже на следующий день [он] не мог удержаться, чтоб не показать [ее] Борису.

Он поздоровался с ним небрежно, сунув ему руку и тотчас же отдернув ее, спрятал в карман. Он улыбнулся в лицо Бориса и, ничего не сказав ему, отошел прочь. А оглянувшись, [он] увидал, что Борис стоит, опираясь спиною и руками о стол, опрокинувшись назад, вздернув голову и [открыв рот] прикусив губу [1]. Клим еще раз улыбнулся и пошел [и] из столовой, но Борис [прыгнул] *бросился* за ним, схватил его за плечи, обернул к себе и спросил [тихо, сиповатым] осипшим голосом: — Ты [чему] *над чем* смеешься?

Его [рябое] изрытое лицо в мелких красных пятнах [было] *показалось* Климу испуганным и озлобленным. [Он закусил] *Закусив* губу, *он* широко открыл глаза и встряхивал Клима.

— Пусти,— ⟨сказал⟩ Клим, боясь, что Борис ударит его.

— [Чему] Почему смеешься? [— Смешной сон видел...] [Пусти, пожалуйста...] — тише и как бы упрашивая повторил Борис.

---

[1] *Возле этих слов*, *на полях*, *вписана и зачеркнута фраза без указания места вставки в тексте:* Ходил, как человек, знающ⟨ий⟩ тайну

[Клим] Клим тоже тихо ответил, вывертываясь из-под его рук:

— Я не над тобой...

И ушел, не оглядываясь [но поняв, что Борис догадался]. Эта сцена, несколько испугав Клима, внушила ему более осторожное отношение к Борису, но всё-таки он не отказывал себе в удовольствии [смотреть] *изредка посмотреть* на Варавку глазами человека, который знает его постыдную тайну. Он хорошо видел, что [эти вз⟨гляды⟩] *его* усмешливые взгляды волнуют, раздражают Варавку, [и это] [это] и это радовало его [острой радостью], *хотя он* [*и*] *видел, что* Борис [становится все] следит за ним [всё] *все более* подозрительно, [и] всё злее высмеивает [его] и кружится около него [навязчивей] *ястребом.* Эта игра, увлекая Клима, довела его, наконец, до [того, что он [во] в пылу] *того, что он* на минуту забыл осторожность. [В сентябре] Осенью, в один из тех [прощально] [теплых и солнечных] [прозрачно ясных] *теплых, но грустных* дней, когда солнце, прощаясь с землею, как бы хочет напомнить [ей] о летней *животворящей* силе своей, дети играли в саду. Клим был более оживлен, чем всегда, [и пой⟨мав⟩] а Борис [всегда мягкий] настроен добродушней. Лидия [бесилась, мелькала] бесилась, мелькая среди деревьев в тщетных попытках поймать Туробоева. Клим поймал какого-то запоздалого жука и, подавая его двумя пальцами Борису, сказал [ему усмехнувшись]:

— На, секомое.

Каламбур [*возник сам собою*] *явился сам собою, неожиданно для Клима,* [*показа⟨лся⟩*] *явился и заставил его засмеяться, а* Борис [как-то необыкновенно] неестественно всхрапнул, [и] с размаха ударил его по лицу, а когда Клим упал на спину, он сел верхом на [грудь его] него и стал хлестать ладонями по щекам. Туробоев и Лидия [едва] долго не могли оторвать его. [На крик прибежал Дронов. Дня три ⟨?⟩] Клим кричал, стараясь прикрыть лицо руками, наконец, Туробоев опрокинул Бориса, тот вскочил на ноги и стремглав убежал. Клима отвели в кухню, и, когда Лидия промывала его [разбитые нос, губы] разбитый нос, Туробоев строго спросил:

— Ты знаешь?

— Я ничего не знаю,— рыдая, [кричал] *выговорил* Клим.

Лидия, оттолкнув [*1 нрзб*] его от себя, [*1 нрзб*] ткнула пальцем в грудь его:

— Ты знаешь, знаешь.

— Нет!

— [Я — подлая, [я] тебе сказала] Это я — подлая — тебе сказала.

— Я забыл.

— Ты побожился молчать [— гневно говорила]. [— Я забыл] Ты лжешь,— гневно кричала Лидия.

— Это — плохо,— сказал Туробоев и, взяв Лиду за руку, увел ее из кухни, говоря:

— Я не понимаю, как можно дразнить...

[У Бориса заболел] И остановился, прислушиваясь,— наверху выл и топал Борис. У него оказался нервный припадок; [*тотчас*] пригласили доктора, а Вера Петровна, тоже уложив Клима в постель, [строго] внушительно говорила:

— Это не похоже на тебя. Надо быть великодушным.

Клим чувствовал, что [все противны] все враждебны ему, он пробормотал, закрыв опухшие глаза:

— Ты сама говорила, что не надо, что великодушие — глупость, я ведь помню...

Он хотел бы сказать ей [еще более злое] [*что-нибудь*] *что-нибудь* злое, но ничего не нашел и, заплакав, пробормотал:

— Вы никто не любите меня... [И ты тоже, я знаю.]

[Мать молчала, гладя его *по голове*]

— Боже мой, это неправда,— сказала мать [*и замолчала*] *и* [*потом долго*] *задумчиво, молча гладила его* голову, щеки до поры, пока [он не задремал] *не явился веселый Варавка. Держа себя за бороду, он говорил:*

— Что [*же*] *ж вы деретесь, свирепые испанцы, а?* [*и*]

Засунув руку под одеяло, [*щекотал пятки*] *он стал щекотать подошвы Климу, заставил его рассмеяться, и ушел,* [*сказав*] *говоря:*

Драмы, дамы, храмы, рамы,—
Львы, слоны, гиппопотамы,
Корабли и сундуки —
Пустяки всё, пустяки...

Четыре дня Борис лежал в постели, на пятый мать и Варавка отвели Клима наверх мириться с больным. Они помирились, их даже заставили поцеловаться, но Борис, целуя Клима, *крепко сжал зубы и* закрыл глаза, [а поми⟨мо⟩ этого] *а Клим* почувствовал желание укусить его за нос. [После примирения они оба перестали замечать друг друга] Вечером мать и Варавка устроили [детям великолепное угощение] [пре⟨восходный⟩ праздник примирения] [превосходно] детям чай с пирожными, с конфетами; *перед чаем Клим*

читал стихи Некр⟨асова⟩ «Рубка леса», а хорошенькая Алина Телепнева, стоя у рояли, восторожено закатив глаза, певуче рассказала:

Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад,
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.

[*Понизив голос*] *Лукаво улыбаясь, она проговорила следующие две строчки тихонько:*

Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей.

И еще тише, [*та⟨инственно⟩*] *призывней:*

Да и тот ∾ ⟨*83, 3—5*⟩ сколько рад⟨остей⟩. [1]

Ее круглое личико, осыпанное шапкой кудрявых [*шоколадных*], *шоколадного цвета волос, разгорелось, глаза сияли не по-детски, и когда она, кончив читать, сделала реверанс, плавно подошла к столу, все молчали, глядя на нее с удивлением.*

— [*Превосход⟨но⟩*] *Бесподобно,— сказал Варавка.— Вера Петровна — превосходно, а?*

Он приподнял ∾ ⟨*83, 15—17*⟩ *женщина... н-да...* [2]

[*Милая*] *Люба Сомова, обнимая Алину, кричала:*

— *Ах, какая ты актриса, господи...* [3]

[Потом мать] [Вера Петровна играла любимые вещи]

[*Затем*] *Вера Петровна, улыбаясь, прошептала Варавке* [*ему*] *несколько слов, Варавка* [*покорно*] *склонил голову, засмеялся, а она* [*подойдя*] *села к роялю, начала играть любимые пьесы* Бориса и Лидии — «Музыкальную табакерку» Лядова, «Тройку» Чайковского и еще [много] *несколько* таких же [милых] *простеньких* [и] и милых вещей, затем Таня Куликова, вдохновенно подпрыгивая на табурете, барабанила вальс, а Варавка с Верой Петровной танцевали вокруг стола; Клим впервые видел, как танцует этот широкий, тяжелый человек, и вместе со всеми детьми восхищался [легкостью, с которой], *как легко и ловко* этот бородатый [нос⟨?⟩] заставляет [мать] женщину летать за собою по воздуху.

— Дети, [танцуйте] кадриль! — скомандовала она, кончив танец, обмахивая кружевным платком разгоревшееся лицо.

Лидия попросила брата принести ей туфли, он ушел, а Клим, растроганный музыкой, смягченный общим настроением не шумной [но] [и облегче⟨нной⟩] *и светлой* радости,

---

[1] *После*: рад⟨остей⟩ — *помета красным карандашом*: 11^4 — 31-я.

[2] *После*: н-да... — *помета синим карандашом*: XI

[3] *Текст*: перед чаем (*стр. 428*) ∾ господи... — *перечеркнут синим карандашом.*

вдруг почувствовал толчок в сердце, желание пойти вслед за Борисом и сказать ему что-то хорошее, дружеское, может быть, попросить [извине⟨ние⟩] *у него* прощения за свою выходку.

Когда он взбежал до половины лестницы, Борис показался наверху ее, с туфлями в руке; остановясь, он так согнулся, точно хотел спрыгнуть с лестницы, [и затем] *но* начал спускаться со ступени на ступень медленно, и Клим услыхал его [си⟨плый⟩] всхрапывающий шёпот:

— Не смей подходить ко мне, ты!

Клим испугался, увидя [пред собой] наклонившееся и точно падающее на него рябое лицо с обостренными скулами и высунутым вперед, как у собаки, подбородком; [он] схватясь *рукою* за перила, он тоже медленно и боком стал спускаться вниз, ожидая, что Варавка бросится на него, но тот прошел мимо, повторив громче:

— Не смей.

[Минуту] С минуту Клим стоял на лестнице охладевший, [с черствым и] черствый, чувство обиды [судо⟨рожно⟩] [сжало с⟨ердце⟩] выжимало слезу из его глаз, щекотало горло, ему захотелось убежать в сад, спрятаться там, [но ветер был] *он уже подошел* к двери крыльца,— ветер кропил дверь осенним дождем. Пересилив себя, он вошел в столовую, там уже танцевали четыре девочки, Варавка с матерью и [Борис] Туробоев с Борисом. Клим был обрадован тем, что оказался лишним, он подставил стул к роялю и ∾ ⟨*84*, *36—40*⟩ от игр, он сидел в углу и, с напряжением [ожидал] следя за Варавкой, ждал, как величайшей радости,— не упадет ли буйный мальчик, не ушибется ли? Но Борис был ловок, он играл самозабвенно, с восторгом [в·его буйст⟨ве⟩] [метался] *он судорожно бросал себя из стороны в сторону*, как слепой или пьяный ∾ ⟨*85*, *3—5*⟩ рассчитаны.

Все, мальчики и взрослые, восхищались его ловкостью, неутомимостью, его уменьем вносить в игру [бесстрашие и ув⟨лечение⟩] восторженное оживление.

Но Клим все-таки почти уверенно ждал, что с Варавкой что-то случится [ст⟨рашное⟩] нехорошее. Он не ошибся в своем предчувствии.

[В половине ноября] В тот год зима запоздала, только во второй половине ноября сухой свирепый ветер сковал реку сизым льдом и расцарапал не одетую снегом землю сухими [глубоки⟨ми⟩] трещинами. В побледневшем, вымороженном небе белое солнце [быстро] торопливо описывало кривую, и

казалось, что от этого бесцветного солнца на земле так безжизненно холодно.

В одно из воскресений Борис, Клим, Дмитрий, сестры Сомовы и Лидия [пош⟨ли⟩] [были] пошли на каток, только что [устроенный] [*рас⟨чищенный⟩*] устроенный на городском берегу реки. Большой овал сизоватого льда был обставлен елками, толстая веревка ∾ ⟨*85*, *20—23*⟩ было много: гимназисты, кадеты [красно] воспитанники дворянского института в фуражках с красными околышами, городские щеголи и щеголихи, взрослых было меньше, чем детей.

— Это [чугун] мешок картофеля, а не каток,— заявил Борис.— Кто со мной на реку?

— Я, — сказал тучная Варя Сомова.

Они подлезли под веревку, схватились за руки и быстро помчались поперек реки, [по голому льду] к лугам, [где] *откуда* солнце, распухая и [в] краснея, зажигало голый лед фиолетовыми отблесками. Медные ∾ ⟨*85*, *29—30*⟩ марш. Клим и Лидия тоже подлезли под веревку вслед Борису и тихонько покатились, наблюдая, как легко, точно по воздуху, несутся далеко впереди их Борис и Сомова.

— Ой, смотри! — вдруг тихонько [крикнула] [1] Лида, так быстро подкатившись, что едва не сбила Клима с ног. Он припал на колено, взглянул и сказал:

— Упали.

— Нет,— ударив носком конька по льду, взвизгнула девочка.— Их нет.

Да, [на льду не было видно ни Бориса, ни Варвары] *Бориса и Вари* [2] не было видно, но почти у самого берега на красном фоне заката подпрыгивали два черных шара.

— Скорей, скорей,— кричала Лидия, топая и скрипя коньками.— Провалились. Беги. Ремень, кинь ремень им. Ах, боже мой...

Она помчалась вперед, но Клим тотчас обогнал ее, катясь с такою быстротой, что было больно его широко открытым глазам. Он видел, что встречу ему [с [не] неестественной] [быстро] непонятно и ⟨с⟩ неестественной быстротою ползет, расширяясь, темная яма, наполненная взволнованной водою, слышал плеск воды, видел две очень красные руки; растопыривая пальцы, они хватались за края ямы, [мел⟨ькая⟩] обламывая их, они мелькали, точно крылья с ощипанными перь-

---

[1] Слово случайно зачеркнуто.

[2] *В автографе описки — вместо*: ни Бориса — ни Клима; *вместо*: Бориса и Вари — Клима и Вари.

ями, казалось, что они в крови, между ними подпрыгивала гладкая и блестящая темная голова с огромными глазами, подпрыгивала, снова исчезала, и снова над водою трепетали маленькие кроваво-красные руки. Клим слышал [хриплый] хриплые и воющие крики:

— Пусти! Пусти, дура... Пусти же...

Не более [десяти аршин] пяти шагов отделяло Клима от [это⟨го⟩] края ямы, он круто повернулся и упал, сильно ударив локоть. Сидя на льду, он смотрел, как вода необыкновенного цвета похлопывает Бориса по плечам, по голове, вода казалась очень густой и тяжелой. Она *смывала*, отрывала руки Бориса, всплескивалась на голову его, хлестала по лицу, по глазам [и воющему рту] [*Лицо*] [Клим видел лицо Бориса жалким и был]; *всё лицо выло, казалось, что и глаза кричат*:

— [Скорее...] Ляг... руку... дай, дай руку!—Был момент, когда [он] *Клим* подумал, как было бы хорошо [увидать] *видеть* Варавку [пред са⟨?⟩] [с] таким испуганным, несчастным [лицом] не здесь, а дома; пред ним, Климом, [и перед] на глазах у всех и чтобы все видели Бориса таким, каков он в эту минуту.

Мелькнула мысль и о том, что Борис сильно простудится. «Тут [неглубоко, берег близко] мелко...»

Но Клим подумал это сквозь [холодный] испуг, [сразу] стиснувший его обессиливающим холодом, он [заметил] *увидал*, что темная тяжелая вода [играя шапкой Бориса, качая ее] все чаще, сильнее бьет по обнаженной голове, по плечам [мальчика] *Бориса* и все ближе подвигает к ногам Клима красные, маленькие, *но цепкие* руки [силу которых Клим уже испытал. Он]. Судорожным движением он отполз подальше от этих рук, силу которых он испытал, но как только он отполз, голова и руки Бориса исчезли, [а] на взволнованной воде качалась только черная каракулевая шапка, плавали [ку⟨сочки⟩] свинцовые кусочки льда, и вставали [водя⟨ные⟩] горбики воды, красноватые в лучах заката.

Уже давно Лидия, схватив Клима за плечи, трясла его, била коленями в спину и кричала, рыдая:

— Почему... почему ты ремень...

— *Тут неглубоко*, [*берег*] *берег*,— *пробормотал Клим, чувствуя*, [*себя*] *что он замерзает*.

Взвизгивал [лед, подх⟨одили⟩] *и скрипел* лед, черные фигуры людей мчались и купались около полыньи, огромный человек в полушубке совал в воду длинный шест и орал:

— Разойдись, эй! Провалитесь, господа...

Людей сбегалось так много, что Клим не решался встать, боясь, что его сшибут, а Лидия тормошила его, дергала и, рыдая, кричала:

— Ты сломал ногу? Они [утопнули] утонули...

— [*Распоряжаетесь*] *Распоряжаитесь, а закону не знаите,— кричал мужик, размешивая воду багром.*

Клим встал, но и его, и Лидию тотчас подшибли, он упал *на спину*, как срубленный [и], ударился [гол⟨овой⟩] затылком о лед и очнулся уже дома, в постели, в [стр⟨ашном⟩] жестоком жару. Над ним, *расплываясь*, склонилось лицо матери, [расплываясь то в ширину, то в длину] глаза у нее [был⟨и⟩] — маленькие и красные.

— Вытащили их? — спросил Клим...

Седой человек в очках стоял среди комнаты, покручивая ус. Что-то визжало, [*как*] *точно настраивали скрипку.*

— Тебе нельзя говорить,— сказала мать, положив на лоб его очень легкую [но страшно] и приятно холодную руку.

Он пролежал в постели семь недель, болея воспалением легких, за это время он узнал, что Варвару Сомову *нашли и* похоронили, а Бориса [унесло в] не нашли.

НАБРОСКИ К «ЖИЗНИ КЛИМА САМГИНА»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Наброски к первой редакции [1]

⟨1⟩

— Настоящие слуги правды — англичане; зовут их: Ляэль, Агазиз, Ляплац и Дарвѝн.

— А еще, родимой, люблю я соврать, только, конешно, так, чтоб никому не чуть было, что соврано.

Печатается впервые, по автографу (ГЗ$_{VI}$-7-66).

Настоящие слуги ∾ *Дарвин.*— Зачеркнуто синим карандашом; использовано в речи Барамзина: «Настоящие философы правды — [это] англичане: Ляэль, Агазиз, Лаплац и Дарвѝн, из русских же: только неизвестный человек Михайло Сильвин понимает характер правды» (наст. том, стр. 250).

⟨2⟩

— Будите разум, будите разум, в нем наше спасение!— кричал он.

— Попадешь ты к чёрту в лапы с твоим разумом.

⟨*На обороте*:⟩

— Ищут или прячутся.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-12-1).

Будите разум ∾ *наше спасение*! — Ср. со словами Варавки: «Надо говорить словами, которые, укрощая инстинкты со всею возможной для них силою, будили бы разум» (Варианты, т. VI, стр. 709); окончательная редакция — т. XXI, стр. 140.

Ищут или прячутся.— Использовано дважды: 1) «В мире идей необходимо различать тех, которые ищут, от тех, которые прячутся»; 2) «Он ⟨Сердюков⟩ из тех, которые не ищут, а прячутся» (Варианты, т. VI, стр. 654 и 655). Окончательная редакция — т. XXI, стр. 130.

---

[1] Наброски, использованные в первой редакции первой части, см. также: Варианты, т. V, стр. 588 («В сущности о музыке...»), 593, 608, 651, 656, 659, 676.

⟨3⟩

Макаров

— Читал, французские женщ⟨ины⟩ отказываются родить детей.

— Zweikindersistem.

— Я хочу того, чего нет на свете.

— [Революция] Социализм огрубит, а затем погубит, уничтожит женщину как возбудителя культуры.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-25-1-3).

Лист почтовой бумаги с водяным знаком ⟨«M. Lattes⟩ Napoli». (на такой же бумаге — вставки к л. 100 *ЧА*).

Читал ∾ *Zweikindersistem.*— Зачеркнуто синим карандашом; ср. в первой редакции: «Почему женщины Франции отказываются родить ∾ дети нужны миру» (наст. том, стр. 357); окончательная редакция — т. XXII, стр. 374).

Я хочу того, чего нет на свете.— Использовано во второй части; окончательная редакция — т. XXII, стр. 350.

⟨4⟩

Мак⟨аров⟩

— В любовь вашу я никогда не верил, не считал себя достойным ее, но я любовался ею, я гордился тем, что на мою долю выпало видеть такую любовь. Меня до слез трогала ваша нежность, хотя я знал, что это — не мне. И, кажется, никому.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-76-1).

⟨5⟩

[Макар⟨ов⟩]

Мы испытываем

Проклятие пола как наслаждение, и это одна из самых хитрых штук, которые я знаю.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-86-1).

Проклятие пола...— Ср. со словами Томилина во второй части: «... унизительное проклятие пола мы пытаемся прикрыть сладкими стишками...» (т. XXII, стр. 28).

⟨6⟩

Дронов

— У меня, Полканов, с детства недоверие к очевидности, не люблю я действительного и не верю ему.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-36-1).

Листок из блокнота, в клетку (на такой же бумаге написаны две вставки к л. 102 *ЧА*).

⟨7⟩

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуть⟨ся⟩ не мешай.

— Кажется, что я считаю ее слишком сильной, а поэтому боюсь [Но поэтому же], и унизить было бы

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-45-1).

... *и унизить было бы*... — Ср. ⟨Самгин о Спивак⟩: «И недоверчивое, неприязненное чувство к человеку ∾ испугать чем-то» (наст. том, стр. 154).

Наброски ко второй редакции

ГЛАВА I

Добавления

Приятно было Климу [зимним вечером шагать] шагать зимним вечером по хрупкому снегу, чувствуя себя обогащенным чем-то новым и [представлять] представляя, как за вечерним чаем он [блесн⟨ет⟩] удивит больших людей. Уже фонарщик [перебегал], с лестницей на плече, легко бегал от фонаря к фонарю, [побряки⟨вало⟩] звенело в тишине стекло ламп, вспыхивали желтые огни. [Старушечьим бегом] Бежали лошади извозчиков, по-старушечьи потряхивая головами. [Стоял на] На скрещен⟨ии⟩ улиц стоял каменный полицейский, провожая глазами маленького, [важного] важно шагающего гимназиста. Мальчик шел не торопясь [дышал све⟨жим⟩] и порою думал, что, может быть, легче и удобнее всего жить так, как живет учитель Томилин, [одному, в маленькой] одиноко, беседуя с самим собою. Только комната должна быть больше, чище и хорошо прибрана.

[Она никогда не сердилась, но] Клим никогда не [замечал] видел, чтоб она сердилась [шумно], как сердятся [все другие, краснея или бледнея] [по-летнему] другие люди. Он был согласен с Лидой, которая находила, что [все] все люди [а особенно ее мать, сердятся, «как небо», по-летнему, ненастно, шумно и грозно. Мать] сердятся по-летнему и по-зимнему. Мать Л⟨идии⟩ сердилась [по-зимнему] по-летнему, шумно и грозно, а мать К⟨лима⟩ сердилась по-зимнему, ее лицо — [белело] немножко бледнело, над бровями являлись беленькие пятна, она [смо⟨трела⟩] скашивала глаза в сторону отца, который сердил ее больше, чаще деда и бабушки, [и когда она] и смотрела на него [сбоку] или других [бок⟨ом⟩] [так] [сбоку], вскинув тяжелую голову, она отвращала лицо свое [в сторону] от человека, который сердил ее, и смотрела на него, [скосив глаза, и тогда] негромко, спокойно говоря что-нибудь коротенькое и простое:

— [Будь благоразумен] Прошу не наивничать. Пора быть благоразумным.

Когда она смотрела так на [людей] отца, Клим почти видел, что расстояние между ею и отцом увеличивается.

Чаще и сильнее, чем дед и бабушка, ее сердил отец [затем — бабушка, прозванная Варавкой]. Бабушку Варавка прозвал — «шестой палец». Она, действительно, была какая-то лишняя. Толстая, [в дымчатых очках] с блестящим носом цвета моркови, который она никак не могла запудрить, с [пу⟨шком⟩] темненькой щетинкой на верхней губе, она одевалась в кашмировые капоты. Она не ходила, а [плавала] плыла, как вечернее облако. Всегда в руке ее [была] книжка, [с ш⟨ёлковой⟩] [с закладкой] [шёлко⟨вой⟩] [зеленой шёлковой лентой] а в книжку сунут серебряный разрезной нож или закладка, зеленая шёлковая лента, на которой [были] вышиты по-французски оранжевые слова: «Бог — знает, человек — только догадывается». Она смотрела на всё сквозь перламутровый лорнет очень скучными глазами и тягучим, упрекающим голосом говорила:

— Бывало, у нас в доме...

Всё, что бывало в ее доме, было замечательно хорошо, но почему-то раздражало деда. [Он раз]

— [Дом] В доме у вас, Софья Кирилловна, очевидно, была райская жизнь,— ворчал [он] настоящий старик, раскидывая [длинными] сухими пальцами седые баки.

[— Вот мой дом,— ск⟨азала⟩] Однажды, гуляя с Климом, бабушка указала ему в глубине большого двора облезлое одноэтажное, приземистое здание, в шесть окон, с чердаком в три окна, и сказала:

— Вот мой дом.

Нижние окна дома были забиты досками, двор завален какой-то рухлядью, разбитыми бочками и множеством корзинок для пивных бутылок. Среди двора, заросшего травою, на солнце, сидела старая лохматая собака, выкусывая репьи из хвоста. И старичок, такой же лохматый, как собака, тюкал топором, завостривая деревянный кол.

Дул ветер, плыли облака, по облупленным стенам, по крыше дома скользили тени, и казалось, что дом качается. Это часто случалось, что большие говорили неверно.

Дед. Приют. Полосатые дети. Скука.

Драка Бор⟨иса⟩ В⟨аравки⟩ с Туробоевым

Первый раз Клим увидал, как яростно дерутся мальчики, [как искажаются] их искаженные лица, [хрип, крики, слезы злобы] злые слезы, хрип, крики и оголенное стремление [сделать] ударить друг друга как можно больней так поразили его, что он несколько дней после этой драки [смот⟨рел⟩] осторожно сторонился [их и чувствовал] их [а себя чувствовал], а себя, не умевшего драться, еще раз почувствовал исключительным человеком.

О матери Лиды

Свою мать Лида изображала мученицей, ей жгли спину [кал⟨еным⟩] раскаленным железом [она т⟨ерзалась⟩], ей вспрыскивали под кожу лекарства, [и вот уже] почти [два года] год ее всячески терзали.

— Папа [уговаривает ее] хочет, чтоб она уехала за границу, [но] а она — не хочет. Она любит папу и боится, что он без нее пропадет. Папа, конечно, не может пропасть, но все больные выдумывают что-нибудь страшное, потому что сами боятся умереть.

Бой у «Вороньих гнезд»

Потом Борис, Игорь и Рокотов дрались с чужими мальчиками, это был знаменитый, исторический бой у «Вор⟨оньих⟩ гнезд». Старые, давно покинутые птицами [во⟨роньи⟩] гнезда торчали, как две шапки, на развилках сучьев дуба в углу сада. Чужим, [ули⟨чным⟩] уличным мальчикам они зачем-то понадобились и [тр⟨ое⟩] двое чужих залезли на дерево, но Б⟨орис⟩ и Р⟨окотов⟩, решив, что это индейцы-команчи, подстерегли их [и], взяли в плен и, привязав к дереву, решили расстрелять.

На помощь пленным через забор перелезли еще [двое] [двое и⟨ндейцев⟩] трое индейцев, один из них был мордвин, сын водовоза,

очень ловкий и храбрый. Битва была неравна, [дво⟨е⟩] трое против пятерых, но победили трое, [и] в качестве трофея в руках Бор⟨иса⟩ осталась часть штанины, оторванная у одного из побежденных, когда он, спасаясь бегством, перелезал через забор.

Тут К⟨лим⟩ снова видел, как страшно дерутся. Все победители [вывалялись в пти⟨чьем⟩], потные, грязные, оборванные, с разбитыми носами, истекали кровью, но хвастались друг пред другом.

— Как я сту... А он мне,— кричал Борис, Тур⟨обоев⟩ [с раз⟨битым⟩], оборванный, измятый, сосал разбитую губу, плевал красной слюной и, улыбаясь, говорил Лиде, сестре милосердия:

— Вовсе не больно.

Но подбородок его дрожал и дрожала от боли рука, пальцы которой он разбил о зубы врагов.

— Только не нужно говорить маме, что я дрался, она не любит и запрещает это.

К⟨лим⟩ рассказал своей матери, она Туроб⟨оевой⟩, [а э⟨то⟩?] и это еще более [раз⟨ъединило⟩] испортило отношение всех мальчи⟨ков⟩ к Полканову.

Печатается по автографу (ХПГ-21-1-8).

Большая часть набросков зачеркнута синим карандашом, после того, как они были использованы.

Впервые опубликовано: *Г Чтения*, 1951, стр. 10—13.

Стр. 436. *Приятно было Климу* ∾ *хорошо прибрана.*— Вошло в ранний вариант конца первой главы (ср. Варианты, т. VI, стр. 608), где не было еще эпизода гибели Бориса Варавки. Окончательная редакция — т. XXI, стр. 63.

Мать ∾ *между ею и отцом увеличивается.*— Там же (см. т. XXI, стр. 21).

... *что* [*все*] *все люди* ∾ *и по-зимнему.*— Вошло в текст *БА*, л. 5 (см. т. XXI, стр. 19).

Стр. 437. *Бабушку Варавка прозвал* ∾ *говорили неверно.*— Сначала появилось в черновых вариантах (ХПГ 21-1-1, ХПГ-21-1-5); использовано в окончательном тексте (ср. т. XXI, стр. 26).

Дед ∾ *Скука.*— Заметка в дальнейшем была развернута в сцену. Окончательная редакция — т. XXI, стр. 25—26.

Стр. 438. *Драка Бор⟨иса⟩* ∾ *с Туробоевым.*— На этом тексте — помета Горького: «8-1», которая означает, что это — добавление на стр. 1 л. 8 *ЧА*. Вошло в *БА*, л. 13 (т. XXI, стр. 39).

О матери Лиды.— Использовано в *БА*, л. 9 (т. XXI, стр. 32).

Стр. 438. *Бой у «Вороньих гнезд».*— В окончательной редакции и сохранившихся черновых вариантах использовано не было.

ГЛАВА II

[В мыслях Т⟨омилина⟩] Кл⟨им⟩ [чувст⟨вовал⟩] [находил нечто] нередко чувствовал, что мысли Т⟨омилина⟩ [то пугают, то раздражают его] [пугали] и пугают, и раздражают его своей грубой об-

наженностью, [в которой] [которую можно было понять и как бесстрашие и как бесстыдство] которая казалась то бесстрашием, то бесстыдством. Иногда [ем⟨у⟩] он представлял себе эти голые мысли в [форме каких-то] [виде] форме клочьев едкого дыма [или облаков], обрывков облака, они расползаются в [во⟨здухе⟩] прокуренном воздухе тесной комнаты и серой, грязноватой пылью покрывают книги, стены, [потолок] стекла окна. Они окрашивают [всю жизнь] [всё в жизни] всю жизнь в тусклый тон, [всё оголяют и] оголяя, обезображивая всё в ней. Порою К⟨лим⟩ [смутно] подозревал, что и сам Т⟨омилин⟩ видит это; так, однажды он сказал:

— Есть люди с преувеличенными, ненормальными способностями: таковы обжоры, сладострастники и мыслители. Некий итальянец утверждал, что гениальность есть вид безумия, так же, как меланхолия. Это возможно. Возможно, что чрезмерно развитый мозг такое же уродство, как расширенный желудок или непомерно большой фаллос. Между Кантом, Дон-Жуаном и Гаргантюа [несомненно] есть нечто общее.

Это сопоставление [особенно] понравилось К⟨лиму⟩, но [в то же время] он заметил, что сам Т⟨омилин⟩ как будто [испуган] смущен своим открытием, должно быть, неожиданным и случайным для него. Он остановился среди комнаты, медленно поднял обе руки и, [поправив] закинув за уши пряди волос, [долго] [с минуту] минуту стоял неподвижно, сжимая ладонями свой круто стесанный плоский затылок. Потом снова начал шагать, шаркая туфлями [и], вполголоса говоря [о необходимости накопления знаний]. Заметно было также, что Т⟨омилин⟩ всё чаще и как-то угрюмей говорит о женщинах, о женском и порою это у него выходило скандально. Так, когда во флигеле писателя спорили о красоте, и Пим⟨ов⟩ горячо доказывал, что красота — это правда, рыжий сказал своим обычным тоном человека, который точно знает подлинное лицо истины:

— Нет, это неправда. Красота именно в неправде, [она скрыта в нашей выдумке] красота сплошь выдумка...

— А — природа? А красота природы? — возмущенно и победоносно закричал Пим⟨ов⟩, в ответ ему поползли равнодушные слова:

— Природа — хаотическое собрание различных безобразий и уродств. Всё совершенное: [круг, квадрат, куб, бог, любовь] от [геометрии до бога] совершенства геом⟨етрических⟩ фигур до бога как воплощения всех совершенств [внес⟨ено⟩] выдумано и внесено в жизнь человеком. В природе нет любви, только звериная вражда и ненависть, только слепое стремление к продолжению рода, любовь выдумана человеком, может быть, для того выдумана, чтоб прикрыть стыд [любви], но — выдумана.

-- Цветы! — не сдавался писатель.

— [Цветы] Лучшие цветы созданы человеком. В природе нет таких роз и тюльпанов, какие созданы нами.

Спор становился всё горячее, раздраженнее и, как всегда, чем более возвышались голоса несогласных с Том‹илиным›, тем более тихо [и], спокойно и упрямо говорил он. И наконец сказал:

— Роза потому считается [нам‹и›] особенно красивой среди цветов, что наиболее напоминает женский половой орган.

— Красота более всего необходима нам в отношении к женщине, [в любви, т‹о› е‹есть›] там, где мы всего ближе к животному.

Этими словами он заглушил спор, [точно окутал] окутав всех людей смущением.

[Улыбались, хмурились] Замолчали, улыбаясь, хмурились и перестали говорить о красоте [а Л‹идия› [встала], посидев в углу еще минуты две, встала и ушла. Она вообще не выносила]

Наблюдая [споры и разног‹ласия›] любителей споров и разногласий, Лидия правильно подсказала: в [этих] людях [есть], которые [решают] пытаются решать [мировые зад‹ачи›] задачи жизни, есть что-то подозрительное [надуманное. Сердитая горячность] [Горячность, с которой]. Жар споров часто казался ему искусственным, [в схоластической] схоластическая затейливость возражений надуманной. Сердились друг на друга так же, как сердятся, играя в преферанс, и вообще эти словесные состязания почти всегда [оставляли] вызывали у него впечатление или азартной игры или привычного ремесла. Т‹омилин› был для К‹лима› единственным человеком [который не будил сомнений в своей искренности] вне сомнений, этот явно не хотел или не мог ничего делать [он], он был осужден думать. Он обо всем говорил одинаково спокойно, не пытаясь взнуздать слушателя своими мыслями, заставить его верить. Этот только рассказывал о том, [что и как] как и что он думает и, видимо, [был не заинтере‹сован›] [не интересовался] не интересуясь вопросом: верят ему или нет?

Иногда [да‹же›] казалось даже, что [он] Т‹омилин› сердится именно тогда, когда с ним [соглашаются] соглашались. Но это бывало редко, а вообще [Ильин] Мак‹аров› [был] очень метко сказал о нем:

— Кофейная мельница, мелет и мелет, а кто вертит ручку ее — неизвестно!

[Томилин и жил в [соответствии со [своими] всем, что говорил] каком-то] К‹лим› находил, что Т‹омилин› и живет именно так, как должен жить человек его характера,— [на окраине города, в тупике тихого переулка] на окраине города, в тихом переулке, спрятанном за чистенькой мещанской улицей, среди садов и огородов.

Жил, никому не мешая, [не заманивая к себе и] не требуя, чтоб его посещали, как требует этого писатель Пимов, не заманивая любезными и ласковыми улыбками. Он не умел говорить о любви к народу с ненавистью и о ненависти к правящим классам с любовью, как говорили во флигеле у писателя. Он даже не возбуждал интереса, к нему можно было ходить и не ходить, тогда как [флигель] люди во флигеле [довольно нередко] возбуждали у К⟨лима⟩ интерес, не чуждый враждебности к ним. Они жили не соответственно своим речам, К⟨лим⟩ чувствовал [что им недостает] это, хотя и не мог ясно представить себе, [какой гармонии хочет он] какую гармонию хотел бы он найти в этих людях и нужна ли ему эта гармония? [Он] Более того, он всегда с тайным удовольствием отмечал их страсть [нахо⟨дить⟩] искать и находить противоречия в словах друг друга. [Собственно, все споры и сводятся именно] К⟨лиму⟩ П⟨олканову⟩ казалось, все эти споры и вызываются прежде всего стремлением людей уличить друг друга [в непродуманности] в противоречиях [ошибках мысли, в нарушении законов логики]. Каждый стремится навязать свои мысли другому, выдрессировать его, как собаку для охоты за дичью.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-21-11-1).

Фразы: «Роза ∾ орган»; «Он не умел ∾ у писателя» — зачеркнуты синим карандашом. На наброске авторская помета: «38»; это означает, что первоначально набросок связывался с л. 38 *ЧА*, где Клим вспоминал циничное высказывание Томилина о любви. Позднее текст наброска был рассредоточен (в рукописи второй редакции — на л. 51—55). Окончательный текст см.: т. XXI, стр. 142, 144—145, 155—156.

К⟨лим⟩ [*чувст⟨вовал⟩*] ∾ *для охоты за дичью*.— Предшествующий текст наметился на л. 40 *ЧА*, ср.: «В этих спорах было нечто непонятное ему ∾ выдрессировать, точно собаку для охоты за дичью» (Варианты, т. VI, стр. 713—714).

Наброски к характеристикам персонажей

⟨1⟩

Клим

Чувство пренебрежения к людям всё росло [и зл⟨ость⟩] и уже необходимо было скрывать его, потому что оно всё чаще превращалось в злобу. Это заставляло С⟨амгина⟩ еще усерднее морализировать.

Тяжелая обязанность думать, [составлять] пытаться составить из раздробленного [чт⟨о-то⟩] нечто единое, связывать разнообразное паутиной [своей] мысли.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-61-1).

Чувство пренебрежения ∾ *в злобу.*— Зачеркнуто синим карандашом. В первой редакции: «Чувство недоверия к людям всё плотнее укреплялось в нем и рядом с недоверием возрастало презрение» (наст. том, стр. 293); во второй редакции: *а.* «Чувство недоверия к людям укреплялось в нем плотнее, и [это позволяло [ему] Самгину лучше ощущать себя, свою [самость и] ячность] он сознавал, что это чувство становится [тем] стержнем,[вокруг которого] на котором впечатления нарастают, как...»; *б.* «Он чувствовал, что недоверие к людям, укрепляясь в нем, становилось...». Далее текст утрачен (Варианты, т. VIII, кн. 1, листы, изъятые из *БА* первой части).

⟨2⟩

Клим

Удивлялся — почему его связи с женщ⟨инами⟩ так непрочны.

[Том⟨илин⟩] К⟨лим⟩
Клим, стр. 26 пер⟨вой⟩ редакции

Ветер разбрасывал по городу [тихий] звон колоколов.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-60-1).
Бумага большого формата. Лист, сложенный пополам, служил обложкой для набросков о Климе.

Удивлялся ∾ *непрочны.*— Ср.: «Незаметно для себя он утвердился в мысли, что все его связи неудачны, женщины обманули его» (наст. том, стр. 381—382).

[Том⟨илин⟩] К⟨лим⟩. Клим, стр. 26... — Заметка связана с намерением Горького передать Климу высказывание Томилина о взаимоотношениях интеллигенции и народа: «Взаимные отношения интеллигенции и народа ∾ нарушить эти и все другие законы» (см. Варианты, т. VI, стр. 655—656). На л. 26 *ЧА* этот текст был отчеркнут красным карандашом и крупными буквами по нему написано: «Клим». Использовано в измененном виде во второй редакции в пасхальной речи Самгина. Окончательный текст — т. XXI, стр. 254.

Ветер разбрасывал ∾ *звон колоколов.*— Зачеркнуто красным карандашом. Использовано во второй редакции в описании пасхальной ночи. Окончательный текст см: т. XXI, стр. 248.

⟨3⟩

Клим

— Разве не унизительно это ваше стояние часами перед зеркалом, подмазывание лица, подделывание глаз? Всё это пригот⟨овление⟩ тов⟨ара⟩ на продажу

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-59-1).
Набросок остался неиспользованным.

⟨4⟩

Почувствовал себя в пустоте
Толкал ногами свой труп, мягкий, точно куча [тряпья] тряпок.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-101-1).

Толкал ногами свой труп... — В *ЧА* подобного текста не было; он появился во второй редакции, во вставке к л. 139 (см. Варианты, т. VIII, кн. 1). Окончательная редакция — т. XXI, стр. 344.

⟨Туробоев, Томилин, Дронов, Лютов и другие⟩

⟨1⟩

Всегда казалось, что он говорит [придуманными словами] словами, придуманными с трудом.

В сущности это было обид⟨но⟩ пачкаться со швейкой.

Элементы пессимизма скрыты в любой системе мышления о мире; в идеализме их больше, чем в материализме.

Туробоев
оков
облако
отчего-то
долото

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-17-1).

На листе, согнутом пополам, надпись: Туроб⟨оев⟩; это означает, что лист служил обложкой для набросков о Туробоеве.

Всегда казалось ∾ *с трудом.*— Зачеркнуто синим карандашом; ср. с окончательной редакцией — т. XXI, стр. 411.

В сущности ∾ *со швейкой.*— Ср. с текстом первой редакции: «Думаешь, что роман с белошвейкой делает тебя взрослым?» (Варианты, т. VI, стр. 695).

Элементы пессимизма ∾ *в материализме.*— Использовано в речи Томилина; ср. т. XXI, стр. 124.

⟨2⟩

... рассказывает о чудесах, о житии святых [и], великомучеников. Иногда это [было так] выходило у нее наивно [и] и так трогательно, что К⟨лим⟩ поощрял ее ласковыми улыбками, но чаще рассказы ее

⟨*На обороте*:⟩

...боится [ее] любви так же, как она боялась [грома] ящериц и мышей.

— Не люблю ничего, что ползает,— сознавалась она.— Если я когда-нибудь увижу змею, я, наверное, умру.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-9-1).

...рассказывает о чудесах ∾ *рассказы ее.*— Зачеркнуто синим карандашом. Использовано в характеристике Любы Сомовой. Окончательный текст — т. XXI, стр. 149.

⟨3⟩

...⟨зна⟩комой К⟨лиму⟩, он пробыл у нее часа четыре. Целовалась она как будто жарче, искуснее, но ее [лю⟨бовь⟩] ласки всё же не могли опьянить К⟨лима⟩ настолько, чтоб он забыл о том, что хотел узнать. И, пользуясь моментом ее усталости, он, [по⟨дходя⟩] издали подходя к желаемому, спросил ее о том, [о чем] что никогда не интересовало его:

— Как ты жила?..

Помолчав, ласково гладя ее щеку, Клим поставил свой главный вопрос:

— А как ты стала женщиной?

— [Что] Как все, тем же порядком,— ответила М⟨аргарита⟩, двинув плечом, не открывая глаз.

—Ты — боялась?

⟨4⟩

...встала Мар⟨гарита⟩. Туманным вечером он [возвращался от] шел к Т⟨омилину⟩ прощаться и вдруг [из калитки] [из крыльца какого-то] [дверь] из ворот какого-то неприглядного дома вышла женщина, он тотчас [по фи⟨гуре⟩] узнал в ней Марг⟨ариту⟩. Встреча не удивила его, он [тотчас по⟨чувствовал⟩] в ту же минуту [почувствовал] понял, что должен был встретить [ее] швейку, но свою радость встречи он, конечно, скрыл. [Перекинулись] Осторожно перекинулись незначительными фразами и тихо пошли рядом, девица смотрела на него сбоку, надув губы и хмурясь, он старался [улыбаться] [говорить и улыбаться] говорить добродушно, заглядывал в лицо ее ласково [и], соображал: как [бы] добиться, чтоб она пригласила его к себе.

[У него] [Кроме желания] [Быть] [К ней вле⟨кло⟩] [Его толкало к ней не столько физиологическое] Его тянуло к ней не только еще раз испытать наслаждение, но, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, с бо́льшей...

Дьякон

О бабуш⟨ке⟩

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-38-1).

Черновые наброски эпизода, возникшего во второй редакции; ср. окончательный текст — т. XXI, стр. 194—195. Слова: Дьякон (красным карандашом), о бабушке (простым карандашом) написаны позднее и означают, что листы, на которых они написаны, служили обложкой для набросков о бабушке Самгина и о Дьяконе.

⟨5⟩

70.1.

Мать

— Мое мнение [об это⟨м⟩] о Лидии ты знаешь, оно не может измениться.

Но [было] он слышал в словах ее нечто, глубоко поразившее его,— это отзвук хорошо знакомых ему речей В⟨аравки⟩ [и], Т⟨омилина⟩, матери.

Люди умных слов
Вар⟨авка⟩

— Идиот я, мне следовало [быть про⟨фессором⟩] заняться наукой, [и] теперь я был бы известным ученым.

Дрон⟨ов⟩ — как метла.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-82-1).

Мать.—Мое мнение ∾ *умных слов.*—Зачеркнуто синим карандашом; использовано в *БА*, л. 70 (вставка на полях); ср. т. XXI, стр. 193.
Но [*было*] *он слышал* ∾ *В⟨аравки⟩* [*и*], *Т⟨омилина⟩, матери.*— Там же, л. 71 (вставка на полях); ср. т. XXI, стр. 197.

⟨6⟩

Вар⟨авка⟩

— Русь — деревенская баба.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-60-1).
Набросок использован не был.

⟨7⟩

Туробоев

Слова Перри из чер⟨новой⟩ книжк⟨и⟩

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-130-1).

Слова Перри... — Горький имел в виду следующую свою запись в книжке, озаглавленной «Эпиграфы»: «Цитируя слова Перри, „москвичи очень легко продают себя“, Монтескье сказал: „Это потому, что их свобода ничего не стоит“» (см. Варианты, т. VI, стр. 454 и 460). Текст остался неиспользованным.

⟨8⟩

Катин

Туробоев

— В России нет стержня, вокруг которого

— Куда же [и как] убежишь от внутренней пустоты своей!

Жертва истории.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-58-1).

Жертва истории.— Ср. со словами Лютова в первой редакции: «А я — жертва. И Туробоев тоже» (наст. том, стр. 377).

⟨9⟩

— Сквозь то, что есть, о том, что будет.

— [Очень] Читал, что люди моего сословия, и — среди них — мои предки, помогали «скреплять и устроять землю русскую». Вижу, что устроили скверно, а, впр⟨очем⟩, почему скверно? Живем, как все, разве немножко хуже...

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-118-1).

Читал, что люди ∾ землю русскую».— Ср. слова Туробоева: «Я конечно, не думаю, что мои предки напутали в истории страны» (т. XXI, стр. 377). Сходную мысль см. в статье «О пьесах»: «Русские литераторы-дворяне ⟨...⟩ не обратили внимание на фольклор, крайне богатый драматическим материалом; впрочем, они не касались и материала истории, может быть, потому, что предки их делали историю отменно скверно» (*Г-30*, т. 26, стр. 421—422).

⟨10⟩

Мак⟨аров⟩ или Тур⟨обоев⟩?

— От времен Юдифи до Зин⟨аиды⟩ Жученко женщины бесстрашно ходили в стан врагов свои⟨х⟩

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-77-1).
Набросок не был использован.

Жученко Зинаида Федоровна — эсерка, принимала активное участие в деятельности группы Сладкопевцева, с 1905 г.— агент начальника охранного отделения в Москве Климовича, позднее директора департамента полиции. В 1909 г. была разоблачена В. Л. Бурцевым.

⟨11⟩

Это недовольство миром раздражало Клима, казалось ему неумной игрою.

⟨*На обороте*:⟩

О Дмит⟨рии⟩ 32-4, 96-2-9

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-91-1).

Заметка о Дмитрии сделана позднее, красным карандашом.

Это недовольство миром ∾ *неумной игрою*.— Зачеркнуто синим карандашом. Использовано в характеристике Макарова; ср. окончательный текст — т. XXI, стр. 169.

О Дмитр⟨ии⟩.— Заметка для памяти; связана с намерением Горького устранить во второй редакции гимназиста Ильина и вместо него ввести Инокова. Некоторые из черт характера Ильина переносились на Дмитрия. В *ЧА* на л. 32 автором была подчеркнута фамилия Ильина и рядом с ней тем же карандашом написано: Дмитр⟨ий⟩. Такая же помета имеется и на л. 36 *ЧА*.

Дмитрий

У него было нечто общее с отцом

Остроты:

Наташка — натяжка

Ботнический — болтунический.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-34-1).

У него было нечто общее с отцом.— Ср. в первой редакции: «Смешная, маленькая копия отца, брат никогда не нравился Климу» (Варианты, т. VI, стр. 588).

Наташка ∾ *болтунический*.— Зачеркнуто синим карандашом. Использовано в сцене объяснения Дмитрия с Климом после пасхальной речи Самгина (см. т. XXI, стр. 255).

⟨13⟩

Томилин — лекция.

Третий инстинкт — всё разрушающий и потому спасительный.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-25-1-3).

Слово: Томилин — подчеркнуто красным карандашом.

Третий инстинкт ∾ *спасительный*.— Ср. в первой редакции ⟨Томилин⟩: «Да, в воскресенье я буду читать главу из моей книги „Об инстинкте познания", вот приходите слушать. Это — интересно» (наст. том, стр. 165); в окончательном тексте ⟨Спивак⟩: «Там какой-то рыжий человек ∾ инстинкт познания» (т. XXI, стр. 385).

⟨14⟩

— Сорок два года жил, больше не стерпел, помер.

Два инстинкта правят миром: голод и любовь.

— [Третий инстинкт суть первый] Я говорю о третьем инстинкте познания. Если б мы не хотели знать, что такое голод, — [у на⟨с⟩] мы не создали бы того, что называем цивилизацией, и науку.

Если б [мы] нас не влекло познать тайну любви — у нас не было бы культуры, поэзии и наук [медици⟨ны⟩] биологии

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-30-1).

Сорок два года жил ∾ *помер.*— Зачеркнуто синим карандашом. Использовано в характеристике Дронова; ср. в окончательном тексте: «На днях тут хоронили ∾ помер“» (т. XXI, стр. 304).

Два инстинкта ∾ *голод и любовь.*— Ср. ⟨Дронов о Томилине⟩: «Написал он сочинение „О третьем инстинкте...“» (там же, стр. 305).

⟨15⟩

Лютов — [ест] как он ест торопливо, с жадностью утки

— [Под⟨черкиваешь⟩] Ты что это так [иронически] подчеркиваешь аристократов? — полусердито спросил М⟨акаров⟩.— В науке тоже достаточно графов, баронов, лордов...

— [Да] Я — подчеркиваю? — удивился Лютов.—Нимало! [Факт]

[Его удивление] И это его удивление Климу тоже показалось искусствен⟨ным⟩.

Ему казалось, что он несет в себе сол⟨?⟩

Чувство протеста.

[У нее в] Мозг у нее [как] — подушечка для булавок.

Оловянные мозги.

Было что-то подозрительно несоединимое между внешностью девушки, ее большими мыслями и красотою стихов, прочитанных ею

[Краденая] Украденная душа
... верующие в ...
[Дым казался черной]

Alzelmo

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-74-1).

Ему казалось ∾ *прочитанных ею.*— Зачеркнуто синим карандашом.

Лютов ∾ *с жадностью утки.*— Использовано в характеристике Варавки (см. т. XXI, стр. 352).

Ты что это так [*иронически*] ∾ *Чувство протеста.*— Ср. со словами Лютова: «Если у нас князья и графы упрямо проповедуют анархизм — дозвольте и купеческому сыну добродушно поболтать на эту тему!» (т. XXI, стр. 330).

Мозг у нее ∾ *Оловянные мозги.*— Эти слова Туробоева о Нехаевой были использованы в черновом варианте л. 82 второй редакции (см. наст. том, стр. 644); окончательная редакция — т. XXI, стр. 233.

Было что-то ∾ *прочитанных ею.*— Использовано в характеристике Нехаевой (наст. том, стр. 640). Окончательный текст — т. XXI, стр. 231.

Украденная душа.— Ср.: «Можно думать, что это жалкое тело заключает в себе чужую душу» (там же).

[*Дым казался...* — Заметка связана с картиной пожара, возникающего на глазах Туробоева и Самгина. Описание пожара появилось в черновом варианте л. 82, второй редакции (вставка на полях, наст. том. стр. 642). Окончательный текст — т. XXI, стр. 232.

Лютов — конец века.

— Попы!

Г‹осударственная› Дума — поповская. Его разочарование.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-75-1).

Лютов — конец века.— Ср. со словами Варавки о Туробоеве: «Туробоев — выродок. Как это? Декадент. Фин дэ съекль и прочее» (т. XXI, стр. 352).

Г‹осударственная› Дума — поповская.— Ср. со словами Лютова: «Например — о попах? Почему мужики натолкали в парламент столько попов?» (т. XXIII, стр. 313).

‹17›

— Человек из тех, которыми можно любоваться, но любить их — нельзя.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-138-1).

Возможно, имеется в виду Туробоев. Не исключено, однако, что потом эта реплика была переадресована Диомидову; ср. (Татьяна о Диомидове): «Он — удивляет, но нельзя же любить его» (наст. том, стр. 255).

‹18›

Алина

...предусмотрительно сняв панталоны.

Жена — кляча.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-2-1).

На листе, сложенном пополам, надпись: Алина; это означает, что лист служил обложкой для набросков об Алине.

...предусмотрительно сняв панталоны.— Взято из наброска ‹«Удивление пред талантом...»› (см. Варианты, т. V, стр. 676).

‹19›

Кто-то звездами швыряет.

Алина

Гуго Марк — уморил себя голодом, потому что его жена ушла с цирковым наездником.

— Тогда чувствуешь себя только органом, который хочет наслаждения.

— Весь ужас жизни и маленькие обман⟨ы⟩, которыми стараются умерить или прикрыть ужас.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-6-1).

Кто-то звездами швыряет.— Зачеркнуто синим карандашом; ср. в первой редакции: «Смешно представлять бога, гоняющим в пустоте огненные шарики, швыряющим звезды» (*ЧА*, набросок на вставке к л. 119).

Гуго Марк ∾ *наездником.*— Зачеркнуто синим карандашом; в Архиве А. М. Горького хранится другая запись о Гуго Марке: «Для успокоения памят[и]: „Гуго Марк ∾ к наезднику из цирка"» (см. Варианты, т. V, стр. 662).

Тогда ∾ *наслаждения.*— Использовано в характеристике Макарова; ср. в окончательной редакции: т. XXI, стр. 128—129.

⟨20⟩

Самое честное искусство — скульптура, потому что мрамор — чистый,— сказала она однажды. Но, в общем, К⟨лим⟩ на

⟨*На обороте*:⟩

над тобой трещит небо.

Была у Ал⟨ины⟩ и еще одна [стран⟨ная⟩] черта, [несколь⟨ко⟩] вызывавшая в К⟨лиме⟩ симпатию к это⟨й⟩ кра⟨савице⟩

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-115-1).

...над тобой трещит небо.— Зачеркнуто синим карандашом; использовано в характеристике Алины (см. т. XXI, стр. 150).

⟨21⟩

⟨несколько⟩ секунд [мо⟨лчала⟩] стояла [молча и неподвижно], выпрямляясь [и точно твердея]. А когда она [открыла глаза] взмахнула ресницами, К⟨лиму⟩ показалось, что [он⟨а⟩] Алин⟨а⟩ вдруг [стала] выросла на целую голову выше [побледнела]

⟨*На обороте*:⟩

Отдаешься, нежно улыбаясь, а думаешь: на, собака!

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-95-1).

... *⟨несколько⟩ секунд* ∾ [*побледнела*] — Зачеркнуто синим карандашом; использовано в черновом варианте, л. 107, во второй редакции (ХПГ-21-1-27). В окончательной редакции см.: т. XXI, стр. 288.

[22]

Алина
Не нами
Бессилье изведано слов к
выраженью
желаний

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-5-1).
Набросок использован не был.

〈23〉

Алина

— Вы что думаете? Я богу молилась: Спаси, господи, девицу Алину, не допусти ее до

И вдруг — он. Ну, думаю, этот спасет, за тем [он] и явился.
И вдруг:
— Ну, послушай, какой же я муж, семьянин?
— Любил из любопытства.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-4-1).

И вдруг ∾ *семьянин?* — Зачеркнуто синим карандашом; в измененном виде использовано во второй части (см. т. XXII, стр. 140).

〈24〉

Алина. В любви и на войне — всё дозволено.

〈*На обороте*:〉
Комната стала похожа на аквариум.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-3-1).

Комната стала похожа на аквариум.— Использовано во второй части (см. т. XXII, стр. 652).

〈25〉

— Вполне понятно, почему женщины не любят умников.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-24-1).

ГЛАВА IV

За время этой [стран〈ной〉] неопределимой болезни, еще в первые дни ее, Лютов с невестой [Лидией] и в компании Лидии Туроб〈оева〉 и Мак〈арова〉 уехал [катать〈ся〉] на пароходе по В〈олге〉 [затем] на Кавказ и в Крым. К〈лим〉 отнесся к этой поездке равнодушно. На дачах Вар〈авки〉 поселились [каки〈е-то〉] какие-то незнакомые люди со множеством крикливых детей, [по лесу шл〈ялись〉] [по вечерам] вечерами в лесу пели песни гимназисты и гимназистки, [дл〈инноногий〉] бегал длинноногий [полуумный] учитель реального училища, безумно размахивая сачком, ловя бабочек и жуков, ходили пестро одетые цыганки, предлагая всем узнать будущее, и воровали кур.

По праздникам стаями являлись хмурые деревенские мальчишки и молча наблюдали за беспечной жизнью дачников, рассаживаясь на берегу реки, точно странные птицы. Ежедневно в три часа [длинная] безгрудая, тощая [девица] барышня в розовом и в темных круглых очках играла на пианино «Молитву девы», а вечерами [на т⟨еррасе⟩] на террасе соседней дачи усаживались к столу [четверо] трое мужчин и толстая дама, [мужчины игр⟨али⟩] мужчин не было слышно, а она восклицала густым голосом:

— А я [у⟨тверждаю⟩] говорю: черви. А я утверждаю: бубны! Стою на своем: две черви!

Знакомо и пронзительно ораторствовал Варавка, насыщая терпеливый воздух парадоксами, приезжала мать вместе со Спивак, Варавка откровенно ухаживал за нею, она любезно улыбалась ему, но Кл⟨им⟩ замечал, что [сим⟨патия⟩] ее дружба с матерью всё возрастает. Вар⟨авка⟩ жаловался Кли⟨му⟩:

— Умная, чёрт ее побери. Книжница. Заметно, что книги всё более портят женщин. Зимою я познакомился с водевильной актрисой, а она вдруг спрашивает меня: «Зависим ли Ибсен от Нитцше?» А чёрт же их знает, кто от кого зависим! Я вот от дураков. Мне губернатор шепчет, что я компром⟨етирую⟩ себя, давая работу полит⟨ическим⟩ поднадзорн⟨ым⟩. Я говорю: «Превосходительство! Они относятся к работе честно!» А он любопытствует: «Разве, говорит, в России нет честных людей неопороченных?» Идиот.

У В⟨аравки⟩ болели ноги, он стал ходить с палкой. Сквозь всё это [ненужное] мутное, угнетающее скукой раза два мелькнул Иноков, очень похудевший, с голодным, суровым лицом, он [что-то] грубо и сердито целый вечер рассказывал о монастырях, монахах.

— [У католиков] Католики дали Кампанеллу, Менделя, множество ученых, историков, политиков, а у нас монах⟨и⟩ — паразиты, невежды, даже сносной истории русских сект никто не позаботился написать...

— Оригинальный парень,— сказала о нем Спивак, а Вар⟨авка⟩ предложил ему работу, но Инок⟨ов⟩ угрюмо отказался:

— Мне учиться надо...

И — исчез, точно камень [в реке], упавш⟨ий⟩ в рек⟨у⟩.

Клим С⟨амгин⟩ никак не мог определить свое отношение к Спивак, и это злило его. Порою ему даже казалось, что она усиливает его болезненное состояние, осложняет смуту в нем. В глубине ее кошачьих глаз, в центре зрачка, [св⟨етилась⟩] он подметил [какую⟨-то⟩] холодноватую [искорку, она колола глаза его как] светлую иголочку, насмешливую, а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, и злую. Он был уверен, что эта женщина с распухшим животом чего-то ищет в нем, хочет от него. Она ласково говорила:

— У вас критический ум, вы человек весьма много прочитавший, почему бы вам не попробовать писать? Сначала — рецензии о книгах, а затем, набив руку... Кстати, ваш отчим с нового года будет издавать газету.

«Зачем нужно ей, чтоб я писал рецензии?» — спрашивал себя Клим.

В те дни, когда скука выталкивала его с дачи в город, он [целые вечера] вечерами [просиживал] сидел во флигеле, слушая музыку Спивака, о котором В⟨аравка⟩ хорошо сказал:

— Человек для [анекдота, дл⟨я⟩] водевиля.

Медленные пальцы маленького музыканта своеобразно рассказывали [о гениальной игре] [о гениальных волнениях трагической души] о трагических волнениях гениальной души Бетховена, о религиозной [поглощенности] душе Баха, об изумительной [глубокой красоте воображения] красоте печали Моцарта.

Елизав⟨ета⟩ Спивак сосредоточен⟨но⟩ шила игрушечные распашонки [для] и свивальники для будущего человека. Клим слушал, пьянея, и все-таки не мог заглушить в себе бесплодных мудрствований о том, что было бы, если б всё окружающее было не таким, каково оно есть?

Но иногда, на минуту, его [об⟨давало⟩] жарко охватывало желание видеть себя на месте Спивака, а на месте его жены Лидию. [Но, впрочем, могла бы] Могла бы остаться и Елизав⟨ета⟩, если бы она [была оплодотворена им, К⟨лимом⟩, а не Туробоевым] не была беременна и лишилась [не⟨приятной?⟩] [пр⟨ивычки⟩] возмутительной привычки допрашивать [и], поучать, всматриваться в глаза собеседника испытующим взглядом.

— Как вы понимаете это? — [спрашивала] [допытывалась] спрашивала она и всегда оказывалось, что Клим понимает не так, как [следует] следовало по ее мнению.

[Ел⟨изавета⟩] Она [зорко] пристально следила за новыми течениями в литературе [и, относясь] [но [нельзя было] [трудно было] Клим не мог понять] и видела новое там, где Самгин не усматривал ничего.

— [Старики, охранители] Сторонники гуманитарных традиций в искусстве имеют все основания беспокоиться, потому что молодежь не хочет да и не может идти по дороге, проторенной ими,— говорила она.

[Спорить с ней было трудно и еще трудней сердиться] Было трудно сердиться на нее, [она была] [она обладала широким запасом] [ее знания был⟨и⟩] [запас ее знаний казался [Климу] Самгину неистощимым] она [выпытывала] допрашивала ласково, [това⟨рищеским⟩] в дружеском тоне, еще труднее было спорить с нею,—

[запас ее знаний был разносторонен и [отл⟨ичался?⟩] широк] ее начитанность была разностороння, ее ум обладал гибкостью и она легко озадачивала Клима доводами из областей знания, незнакомых ему. Он [чувствовал] понимал, что [ее м⟨нения⟩] строй ее мнений сроден [мнению] «кутузовщине», но в то же время всё, что она говорила, казалось ему словами [человека, наблюдающе⟨го⟩ со стороны] иностранца, человека, наблюдающего явления жизни [со] издалека и со стороны.

Но [это не было] [в этом был] [скептицизм ее] [ее отчужденность] [отчужденность ее мнений [не бы⟨ла⟩] была] ⟨за⟩ отчужденностью ее мнений Клим чувствовал какие-то твёрдые решения и [это спокойствие ее суждений] спокойная уверенность ее суждений не напоминала ему о хладнокровном любопытстве Туробоева. В конце концов слушать ее было полезно, но все-таки К⟨лим⟩ [был] [обрадовался] был рад, когда во [флигель всё чаще стал пр⟨иходить⟩] флигеле стал являться Иноков [и половина] [и внимание Спивак разде⟨лилось⟩] и отвлек на себя половину внимания Спивак.

Почти каждый раз Иноков приходил одетый [иначе] по-новому: то [в блузе, сшитой из мешка, и блуза была] в стареньком кителе [юнкера] [кадета] юнкера, застегнутом у ворота английской булавкой [и солдатских шароварах], то в блузе из мешочного полотна, с несмытым синим клеймом на боку: «1-й сорт, паровая мельница Я. Башкирова». Неизменны были лишь [зелен⟨ые⟩] вытертые до серых пятен солдатские шаровары и тяжелые тупоносые сапоги. [Он мо⟨лча⟩] Молча поздоровавшись, он садился [в уг⟨лу⟩] у двери в спальню Спиваков, слушал музыку, осматривая и как бы считая вещи в комнате, минутами неподвижно рассматривал Спивак, покуривая дешевые папиросы, а когда музыкант по привычке [прятал уставшие руки] прятал уставшие кисти рук своих под мышки, Иноков спрашивал глуховатым бескрасочным голосом:

— А чем отличается соната от сюиты?

[Музыкант, косясь] Спивак, неприязненно косясь на него, говорил:

— Вам это не нужно знать, вы не играете.

[Но жена его] [Ели⟨завета⟩ Спив⟨ак⟩ объясняла [просто] Инокову различие сонаты от сюиты] Отложив шитье в сторону, жена его садилась к [инст⟨рументу⟩] роялю и объясняла архитектоническое различие сонаты от сюиты и затем допрашивала Инокова, [что он делает] а он, говоря о себе, как о чужом, подробно рассказывал ей о том, что сам он, усмехаясь невесело, называл — «прохождение жизни» [1].

---

[1] *Нижеследующий текст первоначально располагался иначе*: Он катался точно орех ∾ нетерпеливая рука; Пред К⟨лимом⟩

Пред К⟨лимом⟩ вставала картина бессмысленного и тревожного метания из стороны в сторону, [от суетн⟨ой⟩] от одной работы к другой. [Про] Неделю тому назад Иноков говорил, что он служит сторожем и посыльным при камере мирового судьи, [а теп⟨ерь⟩] сегодня оказывалось, что он уже работает на пароходной пристани, став⟨ит⟩ марки на грузы, а до этого был пять дней приказчиком на кирпичном заводе.

Он катался, точно орех на тарелке, которую держит и [качает] трясет чья-то нетерпеливая рука.

— Р-работать я не умею, да и [чепуха] ерунда вся эта работа,— говорил он, угрюмо хмурясь.

Он очень [не] и всё более не нравился Климу [и по⟨чти⟩], весь не нравился, [и вся⟨кий⟩] и почти каждый раз, когда он начинал рассказывать о своем «прох⟨ождении⟩ жиз⟨ни⟩», Клим [дем⟨онстративно⟩] несколько демонстративно уходил.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-21-1-37).
Авторская пагинация: 2—9. Вошло в *БА*. Окончательный текст см.: т. XXI, стр. 398—403.
Текст: «Она пристально ∾ говорила она» (стр. 454) — перечеркнут синим карандашом.

Стр. 453. *Знакомо и пронзительно ораторствовал ∾ нет честных людей неопороченных*?» *Идиот*.— Ср. в *ЧА*, л. 64: «Образованная,— тихонько шепнул Вар⟨авка⟩ ∾ нет честных людей неопороченных? Идиот» (наст. том, стр. 118—119).

ГЛАВА V

⟨1⟩

Болезнь и лень, воспитанная ею, помешали Самгину вовремя [подать прошение о] хлопотать ⟨о⟩ перевод⟨е⟩ в М⟨осковский⟩ у⟨ниверситет⟩ [и в конце лета], а затем он решил [отдохнуть] отдохнуть, не учиться в этом году. Но жить дома было слишком скучно, и в конце сентября, хмурым, ветреным днем, он шагал по [улицам] переулкам М⟨осквы⟩, отыскивая кв⟨артиру⟩ Л⟨идии⟩...

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-21-1-37).
Вошло в *БА*. Окончательный текст см.: т. XXI, стр. 403.

⟨2⟩

Диомидов внезапно, как бы уколотый, встал и молча [1] простился, за ним решил уйти и студент. Он еще в комнатах надел фуражку, но тотчас молодецки сдвинул ее на затылок, должно быть, для того,

---

вставала ∾ на кирпичном заводе; — Р-работать я не умею ∾ демонстративно уходил.

[1] *Далее вписано*: начал

чтоб все видели, [какое] как высок у него лоб и как весело блестят карие глаза.

— Пойдем, посмотри, как я устроилась,— ласково сказала Лидия [и по⟨вела⟩].

[Она жила в узкой] В узкой и длинной комнате, [как будто сделанной из кор⟨идора⟩] [с одним окном на улицу] занимая две трети ее ширины, [у стены] стояла [деревянная] тяжелая кровать [с высокими спинками и], ее высокие резные спинки и нагромождение пышных подушек заставили К⟨лима⟩ подумать:

«Это — для старухи».

Старинный, пузатый комод, [три стула с изогнутыми ножками и мягкими сиденьями, лом⟨берный⟩ стол у окна] на нем трюмо в форме лиры, три неуклюжих [мягких] [вычурно изогнутых] стула с изогнутыми ножками, старенькое кресло у стола, пред окном этажерка для книг,— вот и вся [меблир⟨овка⟩] обстановка комнаты. [На голых] [Сте⟨ны⟩] [Окрашенные] Оклеенные белыми обоями стены голы, только против кровати — темный квадрат [какой⟨-то⟩] небольшой фотографии: гладкое, как зеркало, море, корма баркаса и на ней, обнявшись, стоят Лидия с Алиной.

— Аскетично,— сказал Клим.

— Не люблю ничего лишнего.

[Скрестив руки на груди, она села и о] Она села в кресло, сложив руки на груди, закинув ногу на ногу [и как-то]. Как-то сразу, неловко [и торопливо] начала [она] рассказывать о своей поездке по Волге, Кавказу, по морю из Батума в Крым. Говорила [торопливо и кратко], [то⟨ропясь⟩] как бы торопясь дать отчет о своих впечатлениях [или вспоминая] [Казалось, она] или вспоминая прочитанное ею [суховато⟨е⟩] описание [поездки] пароходов, городов, работ, описание, сделанное человеком неталантливым. Лишь иногда [мимоходом] [сделав паузу] [после паузы] она вставляла [фразы] несколько слов, которые [Кл⟨им⟩] [и были] — Клим чувствовал — были ее словами.

— Если б ты видел, как это ужасно и противно, когда миллионы селедок идут [сплошной] сплошною, слепой массой метать икру.

О Кавказе она сказала:

— Это — адский пейзаж с черненькими фигурами недожаренных грешников. [Г⟨оры⟩] [Железные горы] Горы железные, а [трава] растительность, как зеленая ржавчина. [Ты] Знаешь,— я всё более не люблю природу,— заключила она, улыбаясь как будто несколько растерянно и подчеркнув [пр⟨ирода⟩] слово «природа» [лег⟨кой⟩] брезгливой гримаской.— Эти горы, воды, рыбы,— всё это удивительно глупо [и], это бессмысленно и заставляет жалеть [себя] людей. А я — не умею жалеть.

«Откуда у нее это старенькое [мудрое]?» — думал Клим [но] и чувствовал, что его радует сходство ее мнений с его бесплодными мудрствованиями.

За окном шелестел дождь, гладя стекла. Вспыхнул фонарь, огонь его осветил [стеклянный] мелкий [и] серый бисер [стеклянных] капель.

Лидия замолчала, скрестив руки на груди, Клим воспользовался этим и спросил ее: что такое дядя Хрисанф?

— Очень добрый человек, прежде всего — добрый и эдак, знаешь, неисчерпаемо, неизлечимо, я бы сказала.

Улыбаясь темными глазами, она заговорила [так] настолько оживленно и тепло, что Клим посмотрел на нее с удивлением: это не она несколько минут тому назад [говорила] суховато отчитывалась о прогулке [и о любящ⟨их⟩?].

— Я [думаю] верю, что [он первый человек] это [первы⟨й⟩] [искренно] человек, искренно любящий Москву, народ и всё, о чем он говорит. Такого я еще не видала. Он — несносен, он обладает исключительным уменьем говорить пошлости с восторгом, но — все-таки... [вероятно, ему] можно завидовать человеку, который умеет так любить, как он.

Она рассказала, что в [моло⟨дости⟩] юности дядя Хрисанф был политически скомпрометирован, исключен из университета, разошелся с отцом, богатым помещиком, [был] служил в театре суфлером, а когда отец его помер, он [затеял] [взял] затеял антрепризу, в несколько лет разорился, прожив большое наследство, даже сидел в [дол⟨говой⟩] тюрьме за долги, потом — режиссировал в провинции и Москве [и], женился на богатой вдове, она умерла, оставив всё дочери своей Фионе, теперь он живет с падчерицей, преподавая от скуки декламацию в частной театраль⟨ной⟩ школе.

Рассказ Л⟨идии⟩ звучал ново для Клима. [Она всегда] Раньше она говорила о людях только насмешливо, [но] [и небрежно] [брезгливо] даже резко, [но] а теперь насмешливость [стала сни⟨сходительней⟩] показалась ему мягче, снисходительней [и как будто].

— А эта Фиона,— странное имя! — она что?

— Очень талантлива,— быстро ответила Лидия.— Очень! А всё остальное — неважно! Т⟨о⟩ е⟨сть⟩ не в ней неважно, а — вообще. Для того, чтоб жить, нужно иметь талант.

Она вздохнула, и почему-то ⟨глаза⟩ ее остановились на лице К⟨лима⟩ вопросительно, смутив его.

— Что ты как смотришь?

— А я — думаю: ты — талантлив?

— Не знаю,— скромно ответил он и спросил о главном, что беспокило его, о Диомидове.

Оказалось, что Диомидов тоже человек не совсем обычной биографии, он — подкидыш, [воспитывался учителем] воспитан в семье учителя истории, который, овдовев, когда Диомид⟨ову⟩ было девять лет, спился — и через [три] два года помер. [До] На 15 году Диомидов принужден был по бедности оставить гимназию и поступить учеником в мастерскую резьбы по дереву. Резал иконостасы, потом бросил это и теперь [служит], служа помощником бутафора в частном театре, [Д⟨иомидов⟩] учится в школе, где преподает д⟨ядя⟩ Х⟨рисанф⟩.

— Замечательно чистый юноша.

— И влюблен в тебя,— [сказа⟨л⟩] заметил К⟨лим⟩, иронически усмехаясь.

— И влюблен в меня,— задумчиво повторила Л⟨идия⟩.

— А — ты?

Она не ответила, но К⟨лим⟩ видел, что смуглое лицо ее потемнело и глаза [странно] блеснули. [Вытянув] Подобрав ноги в кресло, она гибко сжалась в маленький комок, обняла себя за плечи.

— Странных людей вижу я,— тихо сказала она.— Очень странных. [Так трудно] Трудно понимать их. [Вот] [Ты]

Клим согласно кивнул головою. Когда он не мог сразу понять человека, он чувствовал его [по⟨дозрительным⟩] опасным для себя. Таких людей становилось всё больше [и Лидия], среди них Лидия стояла ближе всех к нему, сейчас он [это] [тревожно] почувствовал это особенно [ост⟨ро⟩] сильно, потому что ему вдруг захотелось сказать ей о себе всё, не утаивая ни одной мысли. Встревоженный этим желанием, он [простился с нею, [но уходя] но [сказа⟨л⟩ ей] сказал] торопливо встал.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-21-1-56).
Авторская пагинация: 2—6.
Использовано в *БА* (см. т. XXI, стр. 407—410).

⟨3⟩

Был еще писатель, автор пресных рассказов о жизни мелких людей, страдающих от маленьких несчастий. Сам он тоже небольшого роста, плотненький, с дурною кожей на лице, [не⟨густой⟩?] с черноватой негустой бородкой и недобрыми глазами. Чтобы смягчить их жесткий взгляд, он [часто] неопределенно улыбался [и говорил неопреде⟨ленно⟩], и эта улыбка, [очень] сморщивая [его] темненькое лицо, старила его. Трезвый, он говорил мало [и всё], а только многозначительно или скептически покашливал в рукав, [а] выпивши, произносил, почти всегда невпопад, мудреные фразы:

— Я — царь, я — раб, я — червь, я — бог... Субстанция-то одна — [и у червяка и у Гёте] что у червяка, что у Гёте.

Он сам сочинял поговорки, всовывая их тоже не к месту:

— Гоголи-то, Гоголи, да ведь их много ли?

Он очень много [ел] и некрасиво ел, [и] зная это, старался есть незаметно, глотал [то⟨ропливо⟩] пищу [торопливо], торопясь и плохо разжевывая ее. А желудок у него [должно быть, был] был [видимо] плохой, писатель страдал икотой, наглотавшись, писатель испуганно [и с] мигал и, прикрыв рот, отходя в угол или становясь у окна, спиною ко всем, тайно потирал живот и вздрагивал, пытаясь заглушить икоту сухим покашливанием. Однажды в [такой момент] такую минуту веселый студент Маракуев, перемигнувшись с Фионой, подошел к нему [и спросил]:

— Что это вы рассматриваете, [Николай] Никодим Иванович?

Писатель, [испо⟨длобья⟩] [испуган⟨но⟩] посмотрев на него, ответил:

— А вот [мо⟨жет?⟩] видите, горит звезда, бесполезная [нам] мне и вам, [заж⟨глась⟩] вспыхнула она за десятки тысяч лет до нас и будет бесплодно гореть десятки тысяч лет, а мы с вами и сотенки годов не проживем...

[Сказав] Он икнул в рукав, а Диомидов, [и] выпивший две рюмки водки, настоенной на сливах [и на чае], и осовев от этого, заявил громко:

— Это вы — по астрономии. Я в астрономию не верю. Может быть, вселенная-то только на этой звезде и держится, это ее последняя скрепа, а вы хотите... чего вы хотите? [1]

Бывал у дяди Хрис⟨анфа⟩ краснолицый, лысоватый, очень самодовольный профессор, изгнанный из универ⟨ситета⟩, автор [нелегал⟨ьной⟩] программной статьи, написанной лет десять тому назад; в статье этой он доказывал, что революция в Рос⟨сии⟩ неосуществима и что необходимо постепенное слияние всех оппозиционных сил в одну партию реформ, [первой и главнейшей из которых является Зем⟨ский⟩] цель же партии добиться [со⟨зыва⟩] от царя созыва Земского собора. За эту статью он немножко «пострадал», был очень доволен этим, [и] чувствуя себя в ореоле [борца] мученика за свободу. Пил он, как все,— неумеренно.

[Студент] Молодцеватый студент [сло⟨весник⟩?] естеств⟨енник⟩ Маракуев и другой, юрист Поярков, сероглазый, [то⟨нкий⟩] длинный и чем-то похожий на дьячка, единодушно ухаживали за Фионой, которая и пила и ела трагически, выворачивая зеленые глаза, встряхивая рыжеватыми волосами и стараясь говорить низкими

[1] Далее знак вставки, вставка отсутствует.

грудными нотами. Макаров и Диомидов стойко держались около Лидии, тоже не мешая друг другу, хотя Макаров за глаза отзывался о Д⟨иомидове⟩ [небре⟨жно⟩] с досадой:

— Полуумный. Блаженный.

Клим Самгин всегда чувствовал себя в стороне от всех [он уже привык к это⟨му⟩], но, поглощенный наблюдениями, уже не очень обижался этим. [Самым интересным моментом бы⟨л⟩] Самые интересные минуты наступали тогда, когда хорошо поевшие и в меру выпившие люди оживленно начинали говорить все сразу и не очень слушая друг друга. Получалась путаница фраз, очень забавлявшая Клима [он слушал, закрывая глаза].

[— Я в политике плохо разбираюсь...— говорил важный актер.]

[Важный актер оказывался] [Пил] Он пил осторожно, не забывая пасхальную ночь в Пет⟨ербурге⟩.

Иногда являлся незаметный человек Зуев, [его звали Миша] был он [маленький] тихий, гладко причесанный, бесцветный, с маленьким личиком, в центре которого розовой пуговкой торчал раздавленный носик. Да [он] и весь он, [в измятом костюме, плоский] плоский, в измятом костюме, казался раздавленным, изжеванным. Ему было лет сорок, но все звали его Миша.

— Ну, что, Миша? — спрашивал старый писатель.

И тихим голосом человечек [говорил], как бы читая поминанье, рассказывал:

— В Харькове арестовали... [и в Твери] В Твери арестовали... В Нижнем Новгороде...

[— Врут, не выведут!]

Этот перечень людей, взятых в плен, все слушали молча, потом старый писатель угрюмо [гово⟨рил⟩] заявлял:

— Врут, [не пер⟨еловят⟩] всех не выловят!

И, дергая бороду свою, шумно вздыхал:

— Эх, если б поняли, что необходимо единство!

Профессор, обиженно [усмехался] усмехаясь, [поддерживал его] напоминал:

— Я же говорил, что [нам] необходим союз всех сил оппозиции. Еще когда я говорил это!

А черненький писатель, кашлянув в рукав, успокаивал:

— Если много арестов, значит есть за что арестовывать, значит — [живет] жив курилка!

Дядя Хрисанф [непрер⟨ывно⟩], пылая и волнуясь, неустанно бегал из комнаты в кухню, и не [раз] однажды случалось так, что в [грустную] грустный момент [дум⟨?⟩] беседы о людях, [где] лишенных свободы, раздавался его ликующий возглас:

— Готово! Прошу к водочке!

Все поднимались, стараясь удержать на лицах выражение задумчивости и печали, но в углу, у стола, [где соблазнительно б⟨лестели⟩ светились б⟨утылки⟩] на котором [стоял соблазнительно блестевший ряд разноцветных водок и тарел⟨ок⟩] стоял⟨и⟩ соблазнительно блестевшие бутылки разноцветных водок и распластались тарелки [с закусками] закусок, профессор [говорил черненькому писателю] спрашивал черненького писателя:

— Какой кокнем, Тунцов?

— Начните с хинной,— [сол⟨идно⟩ советовал] сердечное слово!

— И покрыть ее груздем!

— Хинная требует кильку.

Важный актер, вздыхая, [гово⟨рил⟩] сознавался:

— Собственно говоря — мне пить вредно...

И, наливая водку, добавлял:

— Но я остаюсь верен зубровке. И даже как-то не понимаю ничего кроме...

Как лошадь, вставшая на задние ноги, входила огромная кухарка Анфимьевна, внося на вытянутых руках полупудовую кулебяку, ставила ее на стол и, насладившись выражениями общего восторга пред солидной красотою ее творчества, благожелательно кланялась всем:

— Кушайте на здоровье.

Все усаживались, [пытаясь] [за] не обнаруживая особенной торопливости, дядя Хр⟨исанф⟩ и Фиона переставляли бутылки [со] с закусочного стола на обеденный и начиналось разрушение и поглощение кулебяки с тремя начинками из курицы с рисом, вязиги и гречневой каши с рыбьими жирами.

Однажды неважный актер, проглотив первый кусок кулебяки, расслабленно положил нож, вилку, посмотрел на всех и сказал с [тихим восхищением] тихой радостью:

— Что же это? Ведь от этой [райск⟨ой⟩] небесной пищи — заплакать можно...

Климу показалось, что глаза актера действительно увлажнились слезами [восхище⟨ния⟩] восхищения, а Маракуев после утверждал, что так оно и было: заплакал актер.

— И знаете,— добавил он,— ведь замечательная штука. Стихотворение, а не пирог. [1]

Не забывая пасхальную ночь в Пет⟨ербурге⟩, К⟨лим⟩ С⟨амгин⟩ пил осторожно [ожидая] и ждал самого интересного момента, ког-

---

[1] *Текст*: Иногда являлся ∾ Стихотворение, а не пирог.— *вставка на отдельных листках.*

да хорошо поевшие и в меру выпившие люди начинали оживленно говорить все сразу.

Получалась забавная путаница фраз, метель слов, люди обнаруживали неожиданные свойства и черты. Важный актер оказывался англоманом:

— В Англии даже еврей может быть лордом— это я понимаю, это — свобода!

— Культурный мир никогда не простит Англии порабо⟨щения⟩ индусов,— заявлял профессор.

— Милый мой Тунцов — [наш] Христос понят только в России, народом понят.

— Чтоб зажарить утку вполне достойно качеству ее мяса...

— Плехановщина! — кричал старый писатель [а студент Поярков воз⟨ражал⟩] студенту Пояркову, а студент непочтительно и упрямо [ре] возражал:

— Немецкие с⟨оциал⟩-д⟨емократы⟩ добились своего могущества легальными средствами.

На него набрасывался Маракуев:

— В рейхстаге две трети членов — попы!

— Оставим Христа Толстому.

[— Если долго] [Э, нет, батенька...]

— Мольер,— это уже предрассудок...

[— Никогда!]

[— Христа ради и живем...] — Все живем Христа ради...

— Вы предпочитаете Сарду, да?

— Дуда!

— В театр теперь ходят, как в церковь, по привычке, но уже не веря, что надо ходить в театр.

— Это неправда, Диомидов...

— Искусство вообще накануне возрождения...

— Ешьте, милый, как можно больше гречушной каши...

— Он раньше еще привлекался по делу Астырева...

— Самое верное средство против шалостей желудка...

[— Что ж] [— Что вы думаете — винная монополия спасет нас от] [— Винная монополия не спасет деревню от разорения...]

— Нет уж, извините! В Нижнем Нов⟨городе⟩, в селе Подновье, [огурцы] огурчики солят лучше, чем в Нежине!

[— А на сон грядущий — стакан]

—[Нет-с!] А я утверждаю, Европой будут править англичане...

— Н-никогда!

— Достоевского [речь] забыли!

— Турок — вон из Европы.

— А главное — держать ноги в тепле...

— В тот сезон была у него любовницей Змиева-Короедова, эдакая, знаете,— вслух не скажешь!

— Теперь Россией вертеть Витте будет, конечно...

— Монопольно...

— Критиков нет у нас. Белинского надо...

[— Я — бутафор, я-то уж знаю, что такое искусство...]

— Закипает Русь! Снова закипает!

— Народников марксистам не сковырнуть, нет!

— Уж я-то знаю, что такое искусство, я — бутафор!

[Когда] Вставал профессор со стаканом красного вина в руке, высоко подняв стакан, он провозглашал не очень громко:

— Господа! Предлагаю [выпить... за Нее!] налить стаканы! Выпьем — за Нее!

Все тоже вставали и молча пили, зная уже, что пьют за конституцию.

Становилось грустно. Молодежь начинала петь окаянные русские песни, [от] [которые сдирали] сдирая кожу с сердца.

⟨*На обороте*:⟩

[Ее] В ее привычке [сидеть] кутаться, крепко обнимать себя руками, было что-то неприятное Климу. Ходить она стала не так легко и быстро, как раньше, а осторожнее и как-то нерешительно, это он заметил еще летом, на даче.

— Подождем, поглядим, что покажет Никодим.

[Диомидов держался как-то странно, К⟨лим⟩ не мог] [Диомидов обнаруживал свойства [которых] неожиданные и все] [Диомидов обнаруживал неожиданные свойства, всё более [удивлявшие] он удивлял Кл⟨има⟩ и даже] [Этот человек обнаруживал] Юный бутафор постепенно обнаруживал свойства и мнения, неожиданные [Климом] и возбуждавшие симпатию [к [нему] [юному бутафору]] [Клима] Самгина к нему. Было ясно, что, говоря о своей робости пред домашними людьми, он притворяется. [В пер⟨вый⟩] Первый раз он удивил Клима, когда Маракуев возбужденно порицал молодого царя за то, что царь [по поводу доклада о студентах] ⟨сказал⟩ о студентах, отказавшихся принять присягу ему:

«Обойдусь и без них».

[— Какой смелый!] Все [даже мягкосердечный дядя Хр⟨исанф⟩] единодушно соглашались, что это было сказано и ненужно и неумно. [Даже] Только мягкосердечный дядя Хр⟨исанф⟩ [робко], ладонью втирая в лысину воздух, пытался оправдать [молодо⟨го⟩] нового вождя народа:

— Молодой. Задорится. Александр Македонский — тоже [наверное] задорен был, швед Карл XII, Петр Великий, Генрих Наваррский — всё буяны,— несколько сконфуженно развертывал он свои исторические познания.

И тут Диомидов, с голубою улыбкой в глазах, с улыбкой, которая оставляла писаное лицо его неподвижным, сказал тихо, но радостно и как бы с завистью:

[— Очень смелый царь!] — Да-а, очень смелый царь!

И с тою же улыбкой обратился к Мараку⟨еву⟩:

— Вот вы устраиваете какой-то всеобщий союз студентов, а он вот,— видите? [Он уж знает] Видно, он уж знает, что народ студентов не любит...

— Ох, [преподобный отрок] преподобное отроче Симеоне! Не болтайте чепухи,— сердито сказал Маракуев, а Поярков и Фиона расхохотались, причем юрист смеялся так металлически, как будто [ще⟨лкал⟩] в горле его щелкали ножницы парикмахера.

[В январе] А когда царь заявил, что все надежды на ограничение его власти он считает бессмысленными, даже дядя Хрисанф [уныло] окончательно приуныл, хотя и пробормотал:

— Негодяи научили...

Но Диомидов, глядя на всех глазами взрослого на детей, одобрительно сказал:

— Нет, он — честный. Он храбрый, потому что честный. Один против всех и — не боится, а прямо...

Маракуев, Поярков и [мол⟨чаливый⟩] товарищ их, красивый сдержанный еврей Гофман, закричали вперего⟨нки⟩:

— Как — один? А — жандармы? [Чиновники?] Бюрократы?

— Так это — прислуга! — [удивленно] сказал Диомидов.— Что же значит прислуга? Никто не советует⟨ся⟩ с прислугой, как надо жить.

Клим понимал, что Диомидов [наивен] невежествен и наивен, но это не мешало росту его [симпатий] симпатии к упрямому отроку, даже наоборот — укрепляло [их] ее, [внушая] поддерживая уверенность, что Лидия [не может относиться к Д⟨иомидову⟩ серьезно] [не может [полюбить] любить Д⟨иомидова⟩] [В] в лучшем случае [она] относится к [нему] Диом⟨идову⟩ только великодушно. Ее не может увлечь любовь к такому [ко⟨тенку⟩] котенку, но допустимо, что она немножко жалеет его.

Ему [нр⟨авился⟩] всё больше нравился молчаливый [голубо⟨глазый⟩] и усмешливый взгляд [Д⟨иомидова⟩] [старшего] на студентов, [навещавших Ли⟨дию⟩] как на детей, хотя все они были настроены революционно, особенно Маракуев, весьма начитаны и говорили о серьезном. Их всё больше являлось [около Фионы и Лид⟨ии⟩]

[в компате] [около] в уютной квар⟨тире⟩ дяди Хр⟨исанфа⟩, иногда они [заседали] деловито собирались в комнате Фионы, изукрашенной [бесчисленными фотогр⟨афиями⟩] множеством портретов знаменитых артистов сцены — Фиона [очень] усердно собирала их и [у нее были редкие изображения] гордилась редким⟨и⟩ ⟨изображениями⟩ Оль⟨д⟩риджа, Гогарта, [Мончано] [Умикало] Ирвинга, m-lle Марс, Тальма. [Студенты наполняли кварт⟨иру⟩ дяди Х⟨рисанфа⟩] Эти студенческ⟨ие⟩ заседа⟨ния⟩ очень тревожили Макарова, умиляли дядю Хр⟨исанфа⟩, который любил чувств⟨овать⟩ себя, хотя бы и косвен⟨но⟩, участником [назревав⟨ших⟩] великих событий. Он был непоколебимо уверен, что [с воцарением Ник⟨олая⟩ II] [Царствование Ник⟨олая⟩ II] с воцарением Ник⟨олая⟩ 2 великие события неизбежно последуют.

— Вот увидите, увидите! — таинственно говорил он молодежи и застегивал пуговки глаз в красные петельки век.— Увидите, он всех обманет! Он пойдет дальше дедушки. Дайте ему оглядеться. Вы на лицо его, на зеркало души, не обращаете внимания. Всмотритесь-ка, какое лицо-то.

И — шутил:

— Эх, Диомидов, если б [тебе бородку да кудри, ха-арошим самозванцем мог бы] отрастить тебе бородку да кудри остричь, вот ты и готов на роль самозванца!

Они заставили Ф⟨иону⟩ приобретать предусмотрительно портреты m-me Рекамье и Совиньи, m-me Роллан и [*2 нрзб*]

Лидия оставалась равнодушно внимательна ко всему, что творилось вокруг ее, и порою К⟨лим⟩ С⟨амгин⟩, наблюдая за нею, спрашивал себя: «Из какого угла она смотрит на людей?»

Клим был очень доволен тем, что [не поступил в университет] [удержался] решил не учиться в эту зиму — в унив⟨ерситете⟩ было очень беспокойно — будировали [либеральные] 42 либеральных профессора, [в] [и союз] [Совет студентов в февр⟨але⟩] [в фев⟨рале⟩ человек 500 молодежи прово⟨жало⟩] студенты освистали еще недавно популярного среди них историка Ключевс⟨кого⟩, обидели и [нескольких] других воспитателей их духа, в декабре полиция разогнала сходку, на которую собралось чел⟨овек⟩ 500, а в февр⟨але⟩ такая же толпа угрюмо провожала приват-доцента П. М., высланного жандар⟨мами⟩ из Москвы.

[Клим тоже был в числе провожавших, хотя и в стороне от них.]

Вообще [было беспокойно] жизнь принимала всё более тревожный характер, и порою К⟨лим⟩ думал, что дядя Х⟨рисанф⟩ прав в своих предчувствиях.

[Особенно крепко] [Этой зимою] Особенно крепко этой зимою

врезались в память Сам⟨гина⟩ [некоторые] несколько необычных встреч, знакомств и впечатлений.

⟨*На обороте:*⟩

— Эх, музыки нет! — жаловался Маракуев,— Гармонию бы! Мы бы с вами, Фиона, русскую изобразили!

Хорошо высоким тенорком пел Диомидов...

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-21-1-49).

Два наброска, имеющих авторскую пагинацию: 2—8. Использовано в *БА* (см. т. XXI, стр. 416—424).

⟨4⟩

«Господь ревнив, и мстяй господь, мстяй господь с яростию, господь мстяй сопостатам своим и истребляяй сам враги своя».

[Город чистился, красился, [как по⟨жилая⟩] омолаживая себя]

Москва чистилась, красилась, замазывала слишком видные морщины свои, как пожилая женщина омолаживает себя, собираясь на свадьбу.

Предлагая Лютову заколотить досками слуховые окна на крыше, [помощник част⟨ного⟩] полицейский чиновник, [добродушный] [толстый] плотный, [весь в новеньком] туго затянутый в нов⟨ый⟩ мундир, сконфуженно и добродушно пошутил:

— [Чешемся.] Вошей вычесываем, Влад⟨имир⟩ Петр⟨ович⟩.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-21-1-50).

«Господь ревнив, и мстяй ∾ враги своя».— Использовано в речи Дьякона во второй редакции (см. т. XXI, стр. 475).

Москва чистилась ∾ собираясь на свадьбу.— Вошло не полностью в *БА* (см. там же, стр. 455).

Предлагая Лютову заколотить... — Ср.: «Полиция усердно высылала неблагонадежных, осматривала чердаки домов на тех улицах, по которым должен был проехать царь» (там же, стр. 456).

⟨5⟩

[День накануне] [Накануне] [Вечер накануне х⟨одынской⟩ к⟨атастрофы⟩ Клим Самгин провел у Лютова в компании [дь⟨якона⟩] с дьяконом, Макар⟨овым⟩, [деву⟨шкой⟩] [девицей] [девушкой] женщиной, которая посещала Лют⟨ова⟩ на даче, и красивым [брюнетом] блондином с небольшою бородкой, в очках.]

Дома Лютова ждали гости: женщина, которая посещала Лют⟨ова⟩ на даче, и красивый блондин [в очках] с небольшою бородкой. Блондин [бы⟨л⟩] оказался человеком как-то излишне вежливым и чрезмерно благовоспитанным, с его бледного, холодноватого

лица почти не исчезала любезнейшая улыбка, [он улыбался даже] одинаковая для всех и для всего, он улыбался [пепельнице] Лютову и горничной, и пепельнице, растягивая очень розовые губы под светлыми усами так заученно точно, что казалось, все волосики на концах усов каждый раз шевелятся совершенно одинаково. За этой механической и не всегда уместной улыбкой Самгин чувствовал скрытым непоколебимое презрение. Человек этот ел мало, пил осторожно [и много курил], курил непрерывно, как Мак⟨аров⟩, и говорил [самые обыкновенные слова] самыми обыкновенными словами о том, что на улицах много народа, что обилие флагов весьма украшает город, а окрестные мужики толпами идут на Ходынское поле, чтоб занять места ближе к павильонам, из которых будут раздавать царские подарки. Он, видимо, очень стеснял Лютова, который в ответ на его улыбки тоже обязательно и натужно кривил рот, бегал по комнате из угла в угол, потирал руки и вообще — тосковал.

Женщина [тоже] молчала, сидя у окна, [выглядывая] осторожно поглядывая на улицу [скв⟨озь⟩] из-за косяка и сквозь кисею занавески. Когда М⟨акаров⟩ почтительно обращался к ней с вопросом, она, переведя глаза на него, тоже улыбалась своей странной, неохотной улыбкой.

Тотчас же, как только пообедали, Лютов, подскочив на стуле, спросил:

— Ну-с? Может быть, пойдем?

— Пожалуйста,— [ве⟨жливо⟩] галантно сказал блондин [улыбаясь всему и любезно поклонясь всем] и, трижды любезно склонив голову, ушел; ушли они гуськом, впереди Лют⟨ов⟩, за ним блондин, сзади женщина, скользя по полу, как по льду.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-21-1-51).
Авторская пагинация: 1—3.

Дома Лютова ждали гости ∾ *как по льду.*— Набросок вошел во вторую редакцию. Окончательный текст см.: т. XXI, стр. 463—464.

⟨6⟩

Умница дьякон и много знает. Вчера, пьяный, отлично говорил о [рае]

— [Сатанинские словеса. Жестокие.] Жестокие, сатанинские словеса сказал пророк Наум. Вот, юноши, посмотрите куда: кары и мести [превосх⟨одно⟩] отлично разработаны у нас, а — награды? О наградах [мол⟨чим⟩] ничего не знаем. [Ад расписали Данты, Мильтоны и прочие, вплоть до самого народа, а] Данты, Мильтоны и прочие вплоть до самого народа нашего ад расписали подробней-

ше и отлично, а — рай? О рае ничего нам не [сказано] рассказано, [кроме того] одно знаем: там ангелы осанну

[Он ударил] Внезапно ударив кулаком по столу, наполнив комнату дребезгом посуды, [он] Дьякон начал [как-то бесконечно подниматься] выпрямлять свое длинное ⟨тело⟩, бесконечно поднимаясь со стула и глухо [спрашивая]:

— А — за что осанна? Вопрошаю: за что осанна-то? Вот, юноши, вопрос: за что осанна? [Кому?] И кому же тогда анафема, если ада зиждителю осанна возглашается? а?

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-21-1-54).

Умница дьякон и много знает.— Перечеркнуто синим карандашом. Вошло в измененном виде в *БА*, ср.: «Умная бестия, дьякон» (т. XXI, стр. 446).

Жестокие, сатанинские словеса ∾ *возглашается, а?* — Использовано в *БА*, ср.: т. XXI, стр. 475—476.

⟨7⟩

Дьякон

«Предизбрашася неучи от людей, и идоша к царю: и даде им власть творити [оправдания язы⟨ческая⟩] [всяческое зверство] оправдания языческая и всякую скверну».

Монгольские редкие усы
Унылое лицо.

Романтики нет, будни у марксистов.

⟨*На обороте*:⟩

Дья⟨кон⟩

— А верно [это], что в пр⟨авительственном⟩ сооб⟨щении⟩ признано наличие революции?

— Ну тогда, значит, революция будет.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-40-1).

Наброски связаны со сценами, которые в первой и второй редакциях входили в первую часть произведения, а затем были перенесены во вторую часть.

Монгольские ∾ *унылое лицо.*— Зачеркнуто синим карандашом. Использовано в характеристике Дьякона в первой редакции, ср.: «Он остригся ∾ потемневшему лицу» (наст. том, стр. 407). Во второй редакции внешний облик Дьякона был изменен и названные детали устранены, ср.: «Его расстригли, лишили сана ∾ создают образ неискоренимого, навсегда созданного человека» (Варианты, т. VIII, листы, изъятые из *БА*, л. [190]).

В окончательном тексте (уже во второй части) стало: «Он сильно поседел ∾ суздальских людей» (т. XXII, стр. 264).

Романтики нет, будни у марксистов.— Ср. в тексте первой редакции: «У меня, брат, курьезнейшее впечатление ∾ Герои, личности и всякий балаган» (наст. том, стр. 299). Во второй редакции стало: «Марксисты везде плодятся понемногу ∾ у народников — герои, бомбы и всякий балаган» (Варианты, т. VIII, листы, изъятые из *БА*, л. [188] 31). Окончательный текст см.: т. XXII, стр. 116.

А верно [*что*] ∾ *наличие революции?* — Ср.: «...даже в одном из „правительственных сообщений“ признано наличие революционного движения...» (т. XXII, стр. 47).

⟨8⟩

— Ты любишь играть втемную,— пошутил Клим и тотчас же раскаялся: глупо. Неуместная шутка.

[За окном, в саду] В саду шумел ветер, срывая листья с деревьев, листья шаркали по стеклам, о ставню, дробно [стучала какая-то ветка] стучали ветки и был слышен еще какой-то непонятный звук, как будто маленькая собака подвывала сквозь сон, этот звук, [сливаясь с] вливаясь в шёпот Лидии, придавал ее словам [что] тон горестный, [и] делал их еще более бессвязными.

— Не надо лгать друг другу,— слышал Клим.— Лгут для [уд⟨обства⟩] того, чтобы удобнее жить, а я не ищу [уд⟨обств⟩] удобств, [ты] пойми это. Я не знаю, чего хочу. [Вот и] Может быть, ты прав: [во ⟨мне⟩] [я—] [что] во мне есть что-то старое, от этого я не люблю ничего и всё кажется мне не [таким, как оно до⟨лжно⟩] верным. [Верю] [Мне вот кажется]. Я вот думаю, что счастливые люди это — не молодые, а пьяные.

Первый раз за всё время связи с нею Самгин услыхал в ее [по⟨нятных⟩] словах нечто понятное и родственное [его] ему.

— Да,— сказал он,— [я — знаю] всё неверно, я — знаю, всё выдумано.

И впервые ему захотелось как-то особенно приласкать Лидию, растрогать ее до слез, до каких-то необыкновенных признаний, [обнажить ее душу] чтоб она обнажила свою душу [как он⟨а⟩ привы⟨кла⟩] так же легко, как привыкла обнажать бунтующее тело. Он был уверен, что сейчас скажет [что-то] нечто ошеломляющее, выжмет из всего, что испытано им, горький, но целебный сок. Но Л⟨идия⟩ сказала:

— [Нет] [Нет, это тоже неверно. Не выдумано. Я — не выдумала себя.] Знаешь, что сказал Диомидов? Вы все не понимали его, смеялись над ним, думая, что он — безумный, а он сказал удивительно: «Может быть, бог выдуман, но церковь — есть, а надо, чтобы [б⟨ог⟩] был только бог и человек, каменных церквей [клеток железных] — не надо. Существующее — стесняет»,— сказал он.

— Это анархизм полуидиота,— торопливо и докторально [сказ⟨ал⟩] молвил [К⟨лим⟩] Самгин, готовясь говорить сам, чувствуя,

что в нем вспухают значительнейшие мысли[1]. Но для выражения их память подсказывала [всё] чужие слова, они искажали, обесцвечивали эти мысли, [и] а пока Кл⟨им⟩ искал своих твердых слов

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-21-1-52).
Авторская пагинация: 1—2.
Набросок нашел отражение только в *БА* (см. т. XXI, стр. 519—520).

⟨9⟩

За утренним чаем Варавка, усмехаясь в бороду, [объявил] сказал Кл⟨иму⟩:

— Сегодня вечером [представляю] знакомлю редакцию с [местны⟨ми⟩] культурными силами города. На 57 т⟨ысяч⟩ жителей оказалось 14 сил, [из них] — н-да, брат! Из них три — под гласным надзором полиции, а остальные, наверное, под негласным. Так-то, брат. Послал Лидию на дачу, доктора Любомудрова приглашать, [тоже ведь и он] он ведь тоже культ⟨урная⟩ сила. Что ж, критику будешь писать?

Вечер [с чет⟨ырнадцатью⟩] с четырнадцатью силами напомнил К⟨лиму⟩ торжественные заседания [над] кулебякой у дяди Хрисанфа.

Сильно постаревший адвокат [Уткин] Гусев вяло возмущался распространением в армии балалаек, а в деревне гармоник.

— Свирель, рожок, гусли — вот истинно народные инструм⟨енты⟩, — говорил он Спиваку, а тот, глядя на него черными стеклами [консервов] очков:

— [Вот все говорят] [Говорят] Народные песни, народное искусство? — Я думаю, что это не правда, а привычка говорить: народное вместо — плохое.

[Он о⟨бращался⟩] Не дослушав возр⟨ажений⟩, он шел к жене и говорил ей:

— [Ты посылала] Я пойду, послушаю, не плачет ли?

И, припрыгивая, бежал во флигель, а когда он, [возвращая⟨сь⟩] возвратясь, докладывал жене: «Спит!» — [на его нападал] Гусев снова [надвигался на него] толкал его животом [и], говоря:

— Позвольте: согласимся, что [если] Але⟨ксандр⟩ III был немудрый царь, но все-таки он указал нам правильный путь погружения в национальность.

Тут вмешался Робинзон:

— Уж если в национальность погруж⟨аться⟩, так нельзя и балалайку отрицать.

---

[1] Далее знак вставки, вставка отсутствует.

— Народ от вас давно отказался, вы [за] его насильно возвращаете к балалайке-то. Водочная моноп⟨олия⟩, [ба⟨лалайки⟩] церков⟨но⟩-приход⟨ские⟩ школы, балал⟨айки⟩,— перечислял стат⟨истик⟩ Костин, хлопая себя по ляж⟨кам⟩, и хохотал до слез, перечисляя.

И кричал:

— Это даже и не палки в колеса истории, а соломинки, ой, умора!

Редактор посматривал на него неодобрительно, а Иноков, ухмыляясь, сказал Самгину:

— Этот говорит об истории, [как старый] точно верный крепостной раб о своей барыне...

Был тут и писатель Катин. Он — не постарел, только [в⟨иски⟩] на висках явились седенькие язычки волос, [он остался таким же резиновым] но [поп⟨олнел⟩] он пополнел и стал еще более упругим, оживленно катался из угла в угол, как мяч, подшучивал, говорил редактору:

— Растрясем? [а?] Растрясем обывателя, а? Пора!

Спрашивал:

— А марксизма у вас не будет пущено? Нет? То-то! Я [этим] [этого не ем!] старовер...

Иноков — его рассказ дамам.

— Я [привык слушать] [люблю слушать] слушаю музыку ушами.

— Свояченица знаменито научилась грибы мариновать.

Его пом⟨ощник⟩ Правдин, [т⟨очно⟩] странный, точно [одно⟨?⟩] акробат, застегнут⟨ый⟩ в ловко сшитую визитку, причесанн⟨ый⟩ и душис⟨тый⟩, как парикмахер, внушал вкусным баритоном запрещенному статистику Костину:

— Неоспоримые нормы права...

Костин, [то⟨лстый⟩] [обрюзг⟨ший⟩] [рябой] [сы] добродушный, [человек] с бабьим пухлым ⟨лицом⟩, человек, [тюремный сиделец] обладавший известной всему городу привычкой сидеть в тюрьме, [хохот⟨ал⟩] смеялся мягким [бас⟨ом⟩] тенорком и возражал:

— В них-то, в нормах-то ваших, и спрятаны все основы социаль⟨ного⟩ консер⟨ватизма⟩, чудак вы!

Робинзон с Иноковым пили водку, а редактор ходил боком, точно краб, и вполголоса увещевал фельетониста:

— Вы, Нароков, не очень налегайте!

Докт⟨ор⟩ Любо⟨мудров⟩, страст⟨ный⟩ театрал, говорил редактору:

— Мой лозунг: театр есть зрелище.

— Вся жизнь — зрелище,— вставил Том⟨илин⟩, одетый, несмотря на [жар⟨у⟩] теплый авг⟨устовский⟩ вечер, в синий пиджак мохн⟨атого⟩ драпа и тяжелые брюки, низко опустивш⟨иеся⟩ на тупоносые сапоги.

[Жена] Вдова нотариуса Казакова, Олимпиада [Кузь⟨минична⟩] Ивановна,— [она] [именовавшая] она именовала себя Олимпией, [устроительн⟨ица⟩] бывшая курсис⟨тка⟩ педаг⟨огических⟩ кур⟨сов⟩, организаторша детских садов, ясель, площадок для игр, женщина в пенсне, [прямая ба⟨?⟩] [высоколобая] с красивым и строгим лицом, доказывала, что [Песталоцци, Фребель, Монтесори ни⟨когда⟩] теории Песталоцци, Фребеля, Монтесори неприменимы в России.

— Мы слишком преклоняемся пред Ев⟨ропой⟩, [хотя] забывая, ⟨что⟩ у нас есть свои педагоги, как, например, Пирогов.

Робинзон [вспомнив] любезно напомнил ей [о статье], что Пирогов рекоменд⟨овал⟩ сечь детей [и продекламировал стихи Добролюбова].

— В Европе — секут!

Робинзон начал декламировать сатир⟨ические⟩ стих⟨и⟩ Добр⟨олюбова⟩, посвященные Пир⟨огову⟩, а [из угла] в углу [из-за рояля] за роялем раздавался бесцветный голосок Радее⟨ва⟩, точно диктовавшего деловое пись⟨мо⟩ кому-то.

[Этот дифирамб привел капитан Струков] Капитан Горталов, бывш⟨ий⟩ воспитате⟨ль⟩ кад⟨етского⟩ кор⟨пуса⟩, [рябой] автор [и популяризатор] [множества] популярных [книжек по физике и] брошюр по [фи⟨зике⟩] геологии и аст⟨рономии⟩, талантливый цветовод и огородник, [знаток] известный краевед, человек сутулый, с рябым лицом и рыбьим⟨и⟩ глазами, доказывал К⟨лиму⟩, что протуберанцы являются результатом падения на солнце твердых тел и расплескивания раскал⟨енной⟩ солнечн⟨ой⟩ мас⟨сы⟩, но, вслушавшись в слова Р⟨адеева⟩, вдруг [воспл⟨аменился⟩] [пламенно [воск⟨ликнул⟩] заговорил] [по⟨дбежал⟩] в два шага очутился около него и басом [на всю комнату] заглушил [все] все голоса:

— Поз⟨вольте⟩ пож⟨ать⟩ вашу руку. Великол⟨епная⟩ идея. Моя идея. Да! Инт⟨еллигенция⟩

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-21-1-53).

Авторская пагинация: 2—4.

Набросок использован в *БА*. Окончательный текст см.: т. XXI, стр. 522—525.

Робинзон с Иноковым ∾ *не очень налегайте.*— Перечеркнуто синим карандашом.

Иноков — его рассказ дамам.— Ср.: «А через несколько минут он рассказывал Вере Петровне, Лидии и Спивак...» (т. XXI, стр. 526).

⟨10⟩

Инок⟨ов⟩

— Вот они, воши царя!

[Хотелось унизить ее]

Макар⟨ов⟩ — [не с]

— Сладострастие, [вероятно] я думаю, особенно полно удовлетворяется, когда мужчина унижает женщи⟨ну⟩.

— Это не твоя мысль.

— Почему? А впрочем — чёрт ее знает. [Разве поймешь, чья блоха] Какой смысл знать, чья блоха тебя кусает? [Да и [надо] какой]

⟨*На обороте:*⟩

Прейс

— Они все вымрут на пути к будущему строю.

— Да, вероятно. Но ведь с ними живешь.

— Иди на подвиг закоснелый,
Буди великий наш народ,
Что хочешь делать, смело делай.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-51-1).

Лист из блокнота среднего формата, в клетку (на такой же бумаге написаны вставки к л. 90, 100, 102 *ЧА*).

Прейс ∾ *смело делай.*— Перечеркнуто синим карандашом.

Хотелось унизить... — Ср. с текстом первой редакции о Лидии: «И он был озадачен желанием укротить ее, ввести в норму, сделать проще для себя, восторжествовать над нею, чтоб она замолчала и забыла идиотский вопрос» (наст. том, стр. 264). Окончательный текст см.: т. XXI, стр. 510.

⟨11⟩

— Большое удовольствие могу доставить, мол⟨одой⟩ чел⟨овек⟩.

— Люблю, которые не торгуются.

Рот его вытянулся в тонкую линию, а нос [неприятно как-то] [хищно] как будто высох и заострился. Иноков имел вид человека, решающего сложную задачу.

Кл⟨им⟩

И смешно и тревожно было [думать] вспомнить, что всё это думают разрушить какие-то расстриженные дьяконы, истерические пьяницы, вроде Лютова, тупоголовые люди о трех пальцах, веселые студенты, каков Маракуев, и монументальный, [всё на свете] спокойно решающий все задачи цифролюбивый Кутузов.

⟨*На обороте*:⟩ Кут⟨узов⟩

Народники

Умываться не умеют, не хотят, а [туда же] рассуждают, как надо мыло варить.

Печатается впервые, по автографу (ХПГ-26-89-1).

Лист из блокнота среднего формата, в клетку (на такой бумаге вставки в черновом варианте второй редакции: в описании Нижегородской выставки — ХПГ-21-1-47).

Набросок зачеркнут тремя различными карандашами.

Большое удовольствие ∾ не торгуются.— Входило в черновой вариант второй редакции (Варианты, т. VIII, *СВ*, л. 200); ср.: «Большое удовольствие могу доставить. И — не беспокойтесь, не с улицы, а [замужняя, из Балахны] вдова детная.

Потом Самгин шел с нею куда-то [вниз] с горы и она говорила:

— Обожаю, которые не торгуются...

За то, чтоб она оставила его, Клим заплатил ей три рубля».

В окончательную редакцию сцена не вошла.

Рот его вытянулся ∾ сложную задачу.— Использовано в *БА* (см. т. XXI, стр. 542).

И смешно и тревожно ∾ цифролюбивый Кутузов.— Использовано в нижнем слое *БА*, ср.: «И смешно и тревожно вспоминалось, что такую могучую страну хотят перестроить на свой лад тупоголовые люди о трех пальцах, расстриженные дьяконы, истерические пьяницы, вроде Лютова, веселые студенты, каков Маракуев, его молчаливые ученики и монументальный, самоуверенно решающий все задачи, цифролюбивый Кутузов. Все эти люди вспоминались невольно, думать о них было неприятно и не хотелось» (Варианты, т. VIII, *СВ*, л. [195] 186). Окончательный текст см.: т. XXI, стр. 537—538.

СВОД ВАРИАНТОВ

Стр. 5.

Заглавие — [История пустой души] [Вторая] Третья редакция. 40 лет (*БА*) [1]

Стр. 7.

Посвящения — нет.

Стр. 9.

Слов: Глава I — *нет*.

3 жена [его] родила

7–8 Вера Петровна [равнодушно прикрыла глаза] не ответила

8 Муж [озабо⟨ченно⟩] на минуту задумался [озабоченно]

14 Каждое имя [от⟨брасывал?⟩] он уничтожал

26–28 заметила ∾ акушерка / заметила [Юлия] Мария Романовна [2], акушерка [и подруга жены], пеленая новорожденного

Стр. 10.

4 Самгин [улыб⟨аясь⟩] виновато улыбаясь

9 Вера Петровна одобрила / Вера Петровна его одобрила ◊

12 все привыкли / привыкли

18–19 рассматривая мальчика / рассматривая ребенка ◊

28 любовь матери / любовь матери к нему ◊

29–30 дал сыну неудачное имя, [он уже на⟨ходил⟩] бабушка, находя

31 а чадолюбивый дед Клима / а дед Клима, чадолюбивый

33 явно предпочитая / [любил] явно предпочитал (*ЧА*$_2$) [3]

34–35 отягчал [и домашних и] внука (*ЧА*$_2$)

37–38 людей, [которых история поставила в [же⟨лезную?⟩] [безнадежную] беззащитную позицию] которые мужественно и беззащитно поставили себя (*ЧА*$_2$)

Стр. 11.

1–8 Заслуженно ненавидя ∾ щедро награждала. / Честные люди, заслуженно ненавидя бездарную власть царя, с великой искренностью [самозабвенно влюбились] заочно полюбили

---

[1] Ниже, если вариант имеется только в *БА*, ссылка на источник не дается.

[2] Далее замена имени Юлия на Мария не оговаривается.

[3] Начало третьего отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ 21-1-5); два первых отрывка см.: Варианты, т. VI, стр. 560—561 и 568—572.

мужика и пошли воскрешать, спасать его, [может быть, втайне надеясь, что и он [то‹же›] поможет им, спасет их от], а чтоб легче было любить [выдумали из него] мужика, его вообразили существом исключительной духовной красоты [Народ] [Мужик] [он был украшен], украсили венцом [великомученика] [невинного] страдальца, нимбом святого; [и] его физические страдания считались [сочл‹и›] [ценнее] священнее [ценнее] тех [невыносимых] моральных мук, которыми жуткая действительность русская щедро награждала ($ЧА_2$)

10–12 Печальным гимном [тех лет] [вре‹мени›] той поры были гневные [и тревожные стихи] стоны самого чуткого поэта [той эпохи] [той поры] эпохи, особенно [тревожно] подчеркнуто тревожно звучал вопрос, обращенный поэтом к народу ($ЧА_2$)

18–22 Неисчислимо количество ∾ механизма власти. / [Скорбь этих слов чувствовалась глубже, сильнее, чем тревожный вопрос, заключенный в них.] Неисчислимо количество страданий, испытанных [молодежью тех годов] борцами [за народ] за свободу творчества культуры. Аресты, тюрьмы, ссылки в Сибирь сотен молодежи всё более разжигали [напряжение] энергию борьбы против огромного [и] бездушного механизма власти. ($ЧА_2$) [1]

20–21 всё более [обостряли] разжигали и обостряли

24–26 просидев почти два года ∾ в Туркестан / просидев больше года в тюрьме, был сослан и вскоре пропал без вести

27 [сам] Иван Самгин тоже [несколько месяцев] не избежал ареста

35–37 вступили ∾ как за диким зверем / выступили на единоборство с самодержавцем, два года неутомимо охотились за ним, как за зверем

Стр. 12.

1–2 Александр Третий [приказав повесить товарищей предателя, покушавшегося на жизнь его отца, наградил] [наградил пенсией и званием почетного гражданина] [наградил пенсией и званием почетного гражданина человека, покушавшегося] наградил [преда‹теля›] [человека] негодяя, покушавшегося на жизнь его отца

4–5 что [не победили, что], возбудив надежды

6 за неравной [безнадежной] борьбой

9–10 пред осколками [той] группы героев

12–13 критика [роли] значения личности

---

[1] Конец третьего отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-5).

24 что казался / что сам казался ◊
37 неприятно усмехаясь / осуждающе покачивая головами
38–39 как солдаты / точно солдаты ◊

Стр. 14.

4 что отец ∾ из них / что почти перед каждым из них отец
10 *После*: две свечи. — Отец осторожно засмеялся, и у него покраснели уши.
17 в кружевной черной шапочке / в кружевной черной наколке ◊
26 пробовал стул, [выбирал самый] достаточно ли крепок?
28 мебель и [дребезжала] посуда боялись его
39–40 как на приеме у [зубного врача, держа платок] дантиста, прикрывая рот платком.

Стр. 15.

6–7 в углу, [из сумрака] в сумраке возникал
9 барышня [Куликова] Таня Куликова
10 приносила [с собой] книжки
16–17 [сипло ворчал] предупреждал доктор Сомов
17–18 [среди клочковатых волос] в клочковатых волосах
26–27 [привя⟨занные?⟩] на стеблях, привязанных
27–28 [дли⟨нные⟩] воздушные корни
28–29 как длинные серые черви [этот угол был похож на беседку в саду]
32 [сидел] усаживался
33–34 слушая их говор, [сидел, положив локти на стол, опираясь подбородком о ладони и] ждал
35–36 [Повелось так, что] Почти каждый вечер отец [звал] [подзывал], подозвав Клима к себе, [зажимая] сжимал его бедра мягкими коленями [спрашивал] и спрашивал

Стр. 16.

3 осведомлялся [отец] Самгин
8 *После*: тому назад — *зачеркнуто*: когда ему было пять — шесть лет.
10 что-то обидное / нечто обидное
12 [В разно⟨образных⟩] Из рассказов
14 будучи еще совсем маленьким / еще будучи совсем маленьким, уже
18 [рассказывал] говорил отец
25 он поливал его [берёг]
27 [он] Клим долго
29 [Органически демократ] Гораздо охотнее
32 такое, чего мальчик / такое, чего сам мальчик
36 *После*: своих часов — *зачеркнуто*: любовью к нему лесорубов-мужиков

39 что [мог] помнит отец?

Стр. 17.

6 [Но] Гости соглашались

8 Да, [да, конечно] это понятно!

9–16 *Текст*: Однажды, взволнованный ∾ желтые цветы — скучные. — *вписан.*

9 Однажды, взволнованный / Однажды несколько взволнованный ◊

14 есть [голубые] желтые цветы

20 *После*: ко взрослым — *зачеркнуто*: ведет себя, как приемыш, не уверенный в том, что он равен всем другим; детям это — вредно.

— Это вредно, это делает его старше.

26 [кривой нос] а подбородок [толстый] голый

27–28 глаза [ск⟨рыты⟩] [за⟨росли⟩] деда заросли серыми бровями [он редко показывал глаза, потому]

32 с палкой, [точно] как ночной сторож

41 обезьяны, [родившие человека] от которых родился

Стр. 18.

5–6 Клим уже ∾ пойдет к себе / Клим был уверен: сейчас дед встанет и уйдет к себе

10 Так всегда [и] было.

11–12 дед всячески старается / дед старается всячески

14 слабенький, вялый / слабенький и вялый ◊

14–15 что ничего необыкновенного / ничего необыкновенного

19 особого внимания / особенного внимания

21–22 [и] возбуждало неприязнь

22 [да⟨же⟩] и робость пред ним

24 стихи — всё / стихи — всё выдумано ◊

28 *После*: не будет замечать тебя — *зачеркнуто*: как они не замечают брата Дмитрия

29–30 тебя нет ∾ а Дмитрий / тебя нет, [как живет брат Дмитрий] как будто ты не Клим, [а брат] а Дмитрий.

Стр. 19.

5 Выдумалось, что дедушка / Придумалось также, что дедушка ◊

8 сердито [закричала] крикнула

9 а не он / а не ты

11 он понимал / он видел ◊

13 любят его [и балуют] больше

17 а их — десять / а они — десять

21–23 *Фраза*: С того дня ∾ голубоглазый.— *вписана.*

30 спрашивал [его] отца

32–33 объяснив ∾ хвалили его / объяснив, [лас⟨кая⟩] [и лаская сына] хвалил [его] сына

38–39 слова его [пуг⟨али⟩] подавляли [одно] друг друга

Стр. 19—20.

41–1 Варавка говорил немного и [густо, [как] точно дьякон в церкви] словами крупными, [как] точно на вывесках [ма⟨газинов⟩].

Стр. 20.

11 У России один путь / У нас один путь ◊

17 интеллигенция / это интеллигенция ◊

19 который может / этот может

24 как солдат / точно солдат ◊

30–31 Вы [подошли] стоите на границе предательства

34 Потирая [коротк⟨ие⟩] пухлые теплые ладони

Стр. 20—21.

40–1 плохо говорит [да еще как-то оправ⟨дываясь⟩] и [как будто виновато] всегда оправдываясь

Стр. 21.

1–2 Мать тоже соглашалась с Варавкой. / А мать всегда поддерживала Варавку. ◊

3 Тимофей Степанович / Тимофей Васильевич

8–9 не «по-летнему», шумно / по-зимнему, не шумно

10 мать Лидии [Варавки]

10 брови опускались / брови опускались на глаза

14 она так смотрела на отца / она смотрела так на отца ◊

15–16 оба не двигаются / оба они [и] не двигаются

25–34 *Текст*: Клим не помнил ∾ спроси отца... — *вписан.*

24 быстро исчезла / быстро ушла

27 Только однажды / Только один раз

32 Спроси учителя / Спроси Томилина

34 спроси отца / спроси лучше отца

36–37 если споры утомляли его / если споры их утомляли

Стр. 22.

21–22 Вскоре Клим ∾ привык думать / Вскоре незаметно для себя Клим привык думать ◊

27 озабоченно [с завистью к нему, как]

28–29 называл его страдальцем / называл его талантливым

39 точно овчина / как овчина

40 от глаз до шеи / от глаз до ушей

Стр. 23.

1 светятся ∾ стекол / светятся осколки стекол [бутылочного] лунно-зеленого цвета

7 говорили о нем]часто] с сожалением

21 но вот [со зла] нищенствует [почти уже двадцать лет]
22 со зла [на людей], напоказ людям
23 чем [непонятным] рассказам отца
25 Клим, Дмитрий и дед ездили / Клим и Дмитрий и дед поехали ◊
26 огромная толпа / огромная яркая толпа
27 [обилие] удивило обилие
30 спросил [настоящего старика] дедушку
34 Старик засмеялся / Старик сухо засмеялся
36–37 на окраине [улицы] города
37 Томилин [повел] привел Клима
38 мальчик [снова] повторил
38–39 В густой толпе зрителей [не по⟨могал?⟩] никто не хотел

Стр. 24.

8 долго и [непопятно] скучно

Стр. 24—25.

10–12 *Текст*: А когда же народ стонет? ∾ еще более страшноватом.— *вписан.*

Стр. 24.

15–16 уютно [и удобно] лежал
16 удивительно уютно / замечательно уютно ◊
17–18 гладил ладонью / исследовал ладонью ◊
18 как новый / точно новый ◊
23–24 зарезать [сына] Исаака
39 бог-отец отдал его / сам бог-отец отдал Христа ◊
40 та же сказка / та же история, то есть сказка

Стр. 25.

2 [То⟨гда?⟩] На этот раз
7 большинство интеллигентов [при⟨носит⟩] обязано приносить
16 Но вот [Клим] он привез внуков
18 несколько десятков [тощ⟨их⟩] худеньких мальчиков
20 мальчики были [худенькие] бритоголовые
22–23 около [елки] некрасивой елки
27–28 полосатые [неожиданно и] отчаянно запели
36 *После*: Горемычную слезу.— *зачеркнуто*: Настоящий старик слушал, отирал платком потное лицо свое и щелкал зубами.
38 стало очень душно / стало душно

Стр. 26.

9 что дед / что дедушка ◊
12 сквозь золотой лорнет [большими каменными глазами] и говорила
15–16 сказочно [но всегда] хорошо, [но всег⟨да⟩] по ее [расска⟨зам⟩] словам

26–27 любит [ста⟨руху⟩] одинокую старуху

Стр. 26.

28–33 Но в день своего ∾ в два окна. / *а.* Но однажды, гуляя с Климом, она указала ему в глубине двора серое здание в шесть окон [с тремя колоннами меж них], с чердаком в три окна и полуразрушенным балконом. *б.* [Но как-то вечером] Но в день рождения своего бабушка взяла Клима гулять и в одной из полупустынных улиц города указала ему в глубине большого двора [неуклюжее] неприглядное полуразрушенное здание в пять окон, с развалившимся крыльцом, с мезонином в три окна. ($ЧА_2$) [1]

36–37 полуразбитых бочек ∾ стекла. / *а.* корзин для пивных бутылок, засеян [битыми] осколками стекла. *б.* разбитых бочек. *Далее — как в тексте.* ($ЧА_2$)

37–41 Среди двора ∾ с зеленым луком. / *а.* Среди двора сидела лохматая собака, выкусывая репейник из хвоста. И старичок [с картинки] с картины из надоевшей сказки «О рыбаке и рыбке», такой же лохматый [старичок], как собака, сидя на крыльце дома, лениво тюкал топором, завостривая кол. *б.* Среди двора сидела лохматая собака, выкусывая из хвоста репейник. И старичок с [картины] рисунка из надоевшей сказки «О рыбаке и рыбке», такой же лохматый старичок, как собака, [сог⟨нувшись⟩?] лениво тюкал [топор⟨ом⟩] [обухом топора по бочкам, разбивая их на кривые доски] топором, затесывая кол. ($ЧА_2$)

Стр. 27.

1–6 Клим хотел ∾ взрослые. / *а.* Да, всё было не такое, как рассказывали [о нем] [каким видели] взрослые. *б.* Клим хотел [спрос⟨ить⟩] сказать бабушке [что-то, но не сказал, увидав, что рассказывала] не о таком доме, но, взглянув на нее, спросил:

— Ты о чем плачешь?

Бабушка промолчала, выжимая слезы из глаз в маленький платок с круже⟨вами⟩.

Да, всё было не такое, как рассказывали взрослые. ($ЧА_2$)

7–9 Климу казалось ∾ Варавка. / *а.* Климу казалось, что кроме него это видит учитель Томилин [а от]. Варавка, который всем давал прозвища, однажды назвал Томилина: «Личность неизвестного назначения». *б.* Климу казалось, [что кроме него это понимает только учитель] что различие это [между тем, что есть и] [понимает] понимают [кроме] только

---

[1] Начало отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-1).

двое — он и [учитель] рыжий Томилин.— «Личность неизвестного назначения», как назвал [его] учителя Варавка. *в. Как в тексте.* (ЧА$_2$)

8 он и Томилин / он и учитель

15 выпуклые [зеленоватые] золотистые

10–16 В учителе Клим ∾ казались наклеенными. / *а.* [Клим тотчас почувствовал] [в учителе] что-то интересное, таинственное [в небольшом, узкогрудом] [маленьком человеке] В учителе с медно-рыжей, расколотой надвое бородкой и медными волосами до плеч.[1] Говорил [учитель] он мало, тихо, смотрел на людей очень пристально, как будто издалека; у него были необыкновенные глаза: [белки блестели точно фарфор, казались] белки [казались твердыми, как фарфор] [молочного] цвета молока, неподвижно фарфоровые, а [зрачки зеленоватые] зеленоватые зрачки [с искрой в `них] как будто извне наклеены на белках. *б.* В [уч⟨ителе⟩] Томилине [действительно было] Клим видел что-то интересное, таинственное.

Небольшого роста, угловатый, с медно-рыжей, расколотой надвое бородкой, [он] учитель говорил мало, тихо, смотрел на всех людей очень пристально и как бы издалека, а глаза у него были необыкновенные, [некрасивые белки] на белках молочного цвета [неподвижно, а] зеленоватые зрачки, [слишком] выпуклые, казались наклеенными [на белках]. (ЧА$_2$)

16–20 Ходил Томилин ∾ руки учителя. / *а.* Ходил Томилин всегда в синем пузыре [какой-то] очень жесткой рубахи, в мужицких сапогах и черных брюках. Самое любопытное у этого человека — его боязливые [руки, об этих красных, жилистых руках можно было думать, что они раскалены, потому-то учитель перелистывал книгу так, точно боится, что она вспыхнет под его пальцами], очень красные руки, а стакан чая [он [брал] брал как бы] берет, как бы опасаясь, что чай [вы⟨кипит⟩] закипит, стакан лопнет. *б.* Ходил Томилин всегда в синем пузыре [какой-то очень жесткой рубахи] рубахи из какой-то очень жесткой материи, в тяжелых, мужицких сапогах, в черных брюках [но ходил бесшумно]. Всего любопытнее были боязливые руки его, неприятно красные. (ЧА$_2$)

20–24 Первые дни ∾ видеть это. / *а.* Первые дни знакомства с Томилиным Клим думал, что человек этот полуслеп и видит все

---

[1] Правка не завершена.

предметы не такими, каковы они есть, а крупнее и мельче, оттого он и касается их так осторожно, нерешительно *б*. Первые дни знакомства с Томилиным Клим был уверен, что учитель полуслеп, он видит все [предметы] вещи не такими, каковы они есть, а крупнее или мельче, [но что он] [потому-то] потому он и касается [1] [стакана] к вещам так осторожно, [боязливо] что даже смешно [видеть] смотреть. *в*. Первые дни знакомства Клим думал, что учитель полуслеп, он видит все вещи не такими, каковы они есть, а крупнее или меньше, оттого он и прикасается к ним так осторожно, что даже смешно. ($ЧА_2$)

24–27 Но учитель ∾ раскаленными пальцами. / *а*. Но Томилин не носил очков, и всегда именно он читал вслух, внятно, но не громко, лиловые тетрадки Тани, перелистывая страницы [их] так, точно он боялся, что бумага вспыхнет под его раскаленными пальцами. *б*. *Как в тексте, до слов:* тетрадки — *Далее:* Тани Куликовой, перелистывая страницы так[2] нерешительно, как будто он ждал, что бумага вспыхнет под его раскаленными пальцами. ($ЧА_2$)

28–30 Он жил ∾ самовар. / *а*. Он жил в доме [уже второй год, ничем не изменяясь, как самовар] Самгиных, на чердаке, уже второй год, ни в чем не изменяясь [за это время], так же *Далее — как в тексте*. *б*. Он жил на чердаке дома Самгиных *Далее — как в тексте*. ($ЧА_2$)

31 После чая ∾ Малаша убирала / *а*. Когда кончили пить чай и Малаша убирала *б*. Когда кончили пить чай и горничная Малаша убирала ($ЧА_2$)

33–41 Варавка морщился ∾ Шалит барин. / *а*. Варавка тяжело вздыхал:

— Ох — снова премудрость сиятельного чудака?

Он так морщил нос, как будто ему надо было принимать рыбий жир. Садился не к столу, а за рояль, в кресло, и курил там, а порою, в облаке дыма, досадно [звучал] звучит его сиповатый голос:

— Ребячество. Всякое разумное действие человека будет насилием над природою, над ближним или над самим собою. *б*. Варавка тяжело охал:

— Ох, кажется, опять премудрости сиятельного чудака чтение?

---

[1] Так в автографе.

[2] *Слово*: так — *вписано*.

Он так морщился, точно ему нужно было принять рыбий жир. Садился не к столу, а за рояль, в кожаное кресло, закуривал сигару и порою в дыму ее звучали его слова:

— Ребячество. Шалость! Наивность. *в.* Изредка в дыму звучит его сиповатый голос:

— Ребячество. [Озор⟨ство⟩.] Шалость.

[Однажды] А однажды Варавка рассердился, привстал и, [стукнув] хлопнув ладонью по крышке рояла, [сказал и] выговорил, как дьякон в церкви:

— Чепуха-а! Всякое разумное действие человека неизбежно будет насилием [над природой] над ближним или над самим собою.

Клим ждал, что он еще скажет: «Аминь!» — но Варавка не сказал ничего, потому что все заговорили; *г.* Варавка [ворчал] морщился, точно ему нужно было принять рыбий жир, и спрашивал ворчливо:

— Что, опять чтение премудростей сиятельного графа?

Садился не к столу, а в угол, за рояль, в кожаное кресло, закуривал сигару, и [порою] в дыму ее [сердито] звучали [его] его слова:

— Ребячество. Шалит барин. (*ЧА*$_2$)

34 точно ему надо было / точно ему нужно было

39–40 в дыму [его] ее глухо звучали

Стр. 28—29.

1–15 М-мыслитель ∾ внимание на него. / *а.* Дарвина плохо читал,— отзывался доктор Сомов, а из угла, с кушетки, вдруг раздался надорванный голос его жены:

— Дарвин — глупый дьявол.

— Замычала поповская порода,— проворчал доктор.

Он был очень неприятен. Климу иногда думалось, что доктор долго жил в погребе, отсырел, оброс черной плесенью и озлился на всех людей. Наверное, он глуп, даже хорошую жену не умел выбрать и живет с этой злой, называя ее при всех Валаамовой ослицей.

[В те] Во время одного из таких [чт⟨ений⟩] вечерних чтений Варавка рассердился, хлопнул ладонью по крышке рояля и выговорил, точно дьякон в церкви:

— Чепуха-а! Всякое разумное действие человека неизбежно будет насилием над людями или над самим собою.

Клим ждал, что Варавка скажет еще: «Аминь!» — но он ничего не сказал, ибо все начали спорить.

Варавке гораздо больше нравилось играть в преферанс, и он бывал веселее в те вечера, когда Таня не приносила

книжек. Климу казалось, что и отец тоже любит играть в карты больше, чем слушать чтение.

Мальчика посылали спать раньше, чем начиналось чтение или преферанс, но он всегда упрямился, просил:

— Я посижу еще немножечко, немножечко!

— Нет, вы посмотрите, до чего он любит общество взрослых! — кричал отец, и после этих слов Клим спокойно шел в спальную, зная, что он достиг, чего хотел, заставив взрослых еще раз обратить внимание на него. *б.* [[Мать и Таня Куликова что-то шили.]

[— Дарвина не читал.]

— [Да] Ша,— шипел отец.— Возражения — потом!

Доктор [молча] пил пиво [мать шила] и тоже неодобрительно мычал [дергая свою бороду] [в бороду]:

— Мыслитель [тоже].

Он был очень неприятен. Климу иногда думалось, что доктор долго жил в погребе, отсырел, оброс черной плесенью и озлился на всех людей. Наверное, он глуп, даже хорошую жену не умел выбрать, и живет с этой [остроносой] тихонькой, но злой, называя ее Валаамовой ослицей.

[Однажды] Случилось однажды, что Варавка вдруг хлопнул тяжелой ладонью по крышке рояля и сказал, точно дьякон в церкви:

— Чепуха-а! Всякое разумное действие человека неизбежно будет насилием над людями или над самим собою.

Клим ждал, что Варавка скажет: — Аминь! — но он ничего не сказал [Однажды он сказал вслед за Варавкой] [доктор], а доктор [подал] сердито проворчал:

— Наивно. Дарвина не читал.

[Из угла] В углу, с кушетки, [вдруг] надрывным голосом отозвалась его жена:

— Дарвин — дьявол...

Никто не обратил внимания на эти ее слова, потому что вдруг рассердился [1]

Варавка не скрывал, что ему гораздо больше нравится играть в преферанс, чем слушать чтение лиловеньких тетрадок.

Климу показалось, что и отец тоже любит играть в карты.]

Однажды доктор сказал, вслед за Варавкой:

— Наивничает граф. И Дарвина не читал.

---

[1] В автографе фраза не закончена.

— Дарвин — дьявол, — отозвалась его жена очень громко, но надорванным голосом.

[[Она мало] Гов⟨орила⟩ она редко, скупо, [уткнув⟨шись⟩] упрямо глядя в угол [и часто отирая рот платком]; скажет два-три слова и полчаса молчит, но ее надорванный голос [почти всегда вызывал у Клима опасение, неприятное, тревожное ожидание чего-то необыкно⟨венно⟩ злого] заставлял Клима ждать, что вот сейчас она скажет необыкновенные слова, оглушающие, как это она [уже] делала [однажды] [иногда делала] уже не один раз. [Варавка]

[— Дарвин — дьявол, и это он внушил [им], что закон жизни — зло. За ним [он] Мальтус — [тоже дьявол]]

Никто не обратил внимания на [слова] ее, все промолчали, и вот тут Клим слышал, как доктор тихонько сказал:

— Валаамова ослица...

Томилин, отбросив рукою волосы со щеки своей, сказал что-то, но из его слов Клим поймал лишь одно — гипотеза. А Варавка вдруг хлопнул тяжелой ладонью по крышке рояля и выговорил, точно дьякон в церкви:

— Чепуха-а! Всякое разумное действие человека неизбежно будет насилием над ближними его или же над самим собою.

Клим ждал, что Варавка скажет еще «аминь», но он ничего [не сказал, потому что на него сердито] не успел сказать, потому что доктор заворчал, закричала Мария Романовна, а за нею [рассыпался] рассыпал множество слов отец.

Варавка говорил удивительно хорошо, [все] его слова легко запоминались. Когда Клим спросил его: «Что такое гипотеза?» — Варавка тотчас [пояснил] объяснил:

— Гипотеза — собака, с которой охотятся за истиной.

[Мальчика посылали спать раньше, чем начиналось] И вообще Варавка был самый интересный и понятный из всех людей, знакомых Климу. Он не скрывал, что ему гораздо больше нравится играть в преферанс, чем слушать чтение учителя. [Клим подозревал] Климу думалось, что и отец [любил] тоже [слушает не так, как] охотнее играет в карты [чем слушает]. (*ЧА*$_2$)

Стр. 28.

3 Доктор [был] неприятен

6–7 Жену не мог выбрать [себе], жена у него [остроносая, как] маленькая, некрасивая и [тоже] злая; [он [зовет ее] не раз тихонько называл ее Валаамовой ослицей]

10–11 о ней [все] забывали, как будто ее и не было [и по⟨тому⟩];

иногда Климу казалось [что]: забывают о ней [пото⟨му⟩] нарочно

11–12 Но [Клима] ее надорванный голос [почти всегда] всегда тревожил Клима, [он] заставляя ждать

13 женщина скажет / женщина сейчас скажет ◊

14 она это уже делала / *а.* это она уже не один раз делала *б.* это она уже делала не один раз ◊

15–16 тяжелой [рук⟨ой⟩] ладонью.

16 и проговорил / и сказал ◊

16–17 точно дьякон / точно дьякон в церкви ◊

18 Чепуха! / Чепуха-ха! ◊

27 тихонько буркнул / тихонько сказал кому-то ◊

29 *После:* Мария Романовна — *зачеркнуто: а.* Томилин, перебивая ее, говорил: — Но гипотеза *б.* Томилин, перебивая ее, говорил Вере Петровне

Стр. 29.

1–2 [его] слова [его] его ложились

6–7 и всем давал смешные прозвища / всем давал смешные прозвища

7 *После*: прозвища.— *зачеркнуто*: Отца он называл — «Иван с праздником», Марию Романовну — «Тираномашкой»; с ним было очень легко.

8 Клима посылали / Мальчика посылали ($ЧА_2$)

9 но мальчик / но он ($ЧА_2$)

11 немножко, немножечко! / немножечко, немножко! ($ЧА_2$)

12 Нет,— как он / Нет,— вы посмотрите, до чего он ($ЧА_2$)

12–13 удивлялся отец / кричал отец ($ЧА_2$)

13–15 После этих слов ∾ внимание на него. / и после этих слов Клим спокойно шел в спальную, зная, что он достиг чего хотел, заставив взрослых еще раз обратить внимание на него. ($ЧА_2$)

14 сделал то, [что] чего

16 отец [оставил его] просил

16–26 отец просил ∾ человеком. / отец останавливал его:

— А ну-ка, почитай «Размышление» со строки:

Ты, считающий жизнью завидною,
Упоение лестью бесстыдною.

Клим поморщил лоб, продолжая:

Волокитство, обжорство, игру,
— Пробудись! ($ЧА_2$)

25 пророчески, [шепта⟨ла⟩] вполголоса говорила

27 Клим видел / Он видел ($ЧА_2$)

28 над другими ∾ приятно. / над [всеми] другими детями;

это было приятно и [уже] необходимо для него [это обязывало его быть таким, каким он] (*ЧА*$_2$); над другими детьми; это было [и] приятно [и уже необходимо ему] (*БА*)

28–30 Но изредка ∾ мешает ему. / Но [уже] изредка он уже чувствовал, что [его роль трудна и даже] ⟨это⟩ несколько мешает ему жить. (*ЧА*$_2$)

31–32 как вихрастый ∾ доктора Сомова. / как играют [другие дети] вихрастый горбоносый Борис Варавка, [черноволо⟨сая⟩] его сестра Лида, [брат] Дмитрий [и], белобрысые дочери доктора Сомова, Вера и Люба. (*ЧА*$_2$)

33–34 Так же, как ∾ в играх. / [Врываясь в их игры, Клим бегал так же] Так же, как все [дети] они, пьянел от возбуждения, терял себя в игре и легко становился тем, чем и был: мальчиком неглупым, но не обладавшим особенными талантами (*ЧА*$_2$); так же, как все они, Клим пьянел от возбуждения, терял себя в играх и быстро превращался в [негл⟨упого⟩] мальчика неглупого, но не обладавшего особенными талантами (*БА*)

35–36 *После:* тотчас трезвел — *зачеркнуто*: боясь, что увлечение игрою (*ЧА*$_2$)

37 *После:* ряд обыкновенных детей.— Настроение его быстро падало и, более слабый физически, чем товарищи его, он чувствовал тяжелую усталость. (*ЧА*$_2$)

37 обыкновенных детей / обыкновенных людей◊

38 что взрослые наблюдают за ним / что за ним наблюдают из окон, его ищут, ждут от него (*ЧА*$_2$); что взрослые наблюдают за ним, [ищут его] ждут от него (*БА*)

38–39 особенных слов / необыкновенных слов (*ЧА*$_2$)

39 *После:* поступков.— *зачеркнуто*: Приходилось, насилуя себя, выдумывать что-нибудь [для] [для ра⟨?⟩] [на удивление] для взрослых (*ЧА*$_2$)

Стр. 30.

1–2 Вместе ∾ не любят его / *а.* [По мн⟨ению⟩] Репутация ребенка исключительных способностей всё более прочно укреплялась за ним у взрослых, но Клим чувствовал, что дети все откровеннее не любят его *б.* Конечно, он думал, что дети завидуют его славе мальчика исключительных способностей, но Клим чувствовал, что дети все откровеннее не любят [и почти чу⟨жие⟩] его (*ЧА*$_2$); Вместе с этим он замечал, что дети и даже брат Дмитрий все откровеннее не любят его◊ (*БА*)

2–12 Они смотрели ∾ взрослыми. / Они [расспрашивали его] смотрели на него с любопытством, за которым он ощущал насмешливый холодок, недоверие и даже враждебность к нему.

Это обижало его, это вызывало в нем то грусть, то раздражение. Ему хотелось преодолеть недружелюбие товарищей, но он мог это делать, лишь еще более усердно [1] и выдержанно играя роль, навязанную ему, но уже привычную и приятную ему. (*ЧА*$_2$) [2]

12–13 Он пробовал командовать, учить [законодательствовать] и — вызывал [насмешки] сердитый отпор

13–15 Этот ∾ мальчик отталкивал Клима / Этот мальчик пугал и отталкивал Клима

16–17 Заставлял [всех] подчиняться

25–26 Только [один раз] однажды, раздосадованный вялостью [игроков] товарищей

31–32 не любит его [не любит его [больше и] более открыто, чем другие дети]

32 *После*: дети — *зачеркнуто*: и это заставляло Клима особенно дорожить неустойчивой, капризной дружбой Лидии.

34 смуглая, большеглазая / смуглая, [с больш⟨ими⟩] с темными гл⟨азами⟩ ◊

35 изумительно [легко] бегала, [от⟨скакивая⟩] легко отскакивая

37–38 [Она всегда играла, пре⟨дпочитая⟩] И так же, как брат, всегда

40–41 как это делали девочки Сомовы [и вялый Дмитрий Самгин].

Стр. 32. [3]

7–8 точно о [хорошо] добром и хорошо знакомом

12 старики и старухи / старики да старухи

16–17 как Борис в свои солдатики / как мы в казаки-разбойники или в цирк

20 и [так ⟨же⟩] всячески терзают ее [уже более года]

24–25 всегда ∾ страшные глупости / всегда выдумывают что-нибудь глупое и страшное ◊

26–27 так же приятно, как слушать / так же приятно бывало слушать

27–28 Клим [он и] был [когда] [полтора] два года тому назад

33–34 уже [только] потому трудно

Стр. 33.

2–3 стоял, [засыпая] умирая без солнца

12 между нот фа и соль / между двух нот, между фа и соль

13 находил, что [Лида] девочка

---

[1] *Против этой фразы в ЧА*$_2$ *написано*: завидуют

[2] Конец отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-1).

[3] Варианты *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-3) к стр. 32, строки 26—36, а также к стр. 34—35, строки 1—38, см.: Варианты, т. VI, стр. 579, 580—582.

Стр. 33—34.

22–29 одни и те же люди ∾ чем другие дети. / одни и те же люди, а потом они умрут и уж никого не будет. Бог запрещает родить только монахиням и гимназисткам.

[Она] Девочка особенно [много] любила рассказывать о горничной ее матери, румяной, веселой толстухе Павле.

— Она всё знает, даже больше, чем папа. Когда папы нет дома, мама играет на гитаре [по⟨ет⟩], и они, обе две, поют тихонькие песни и плачут, и Павла целует мамины руки. О, мама очень много плачет, больная потому что и немножко злая тоже. Ей неприятно, что папа знаком с другими дамами и с твоей мамой, она не любит никаких дам, только Павлю, которая [все-таки] ведь не дама, а солдатка. *Далее*: *а*. Ты знаешь, до того, как захворать, мама была цыганкой и есть картина с нее, она в красном платье с гитарой. Вот и я немножко поучусь, а потом тоже буду цыганкой, папа наживет много денег, сошьет мне красное бархатное платье и я [зап⟨ою?⟩] тоже стану петь в театре.

Клим, слушая рассказы девочки, часто испытывал желание возразить ей, поспорить с нею, но он редко [реша⟨лся⟩] разрешал себе это, боясь рассердить капризную Лиду. Он дорожил ее отношением к нему [и очень по], и было очень приятно знать, что самая интересная девочка из всех знакомых ему отличает именно его. *б*. [М] Рассказ⟨ывая⟩, она [всегда] докрасна крепко сжимала пальцы рук в кулачок, и, покачиваясь, пристукивала [по] кулачком по коленям своим. [Монотонный] Голос ее звучал всё тише, всё менее оживленно, она говорила как бы сквозь дрёму, [и это] [Слушая ее, Клим почти всегда] [вы всегда] [несколько подавляла Клима старшая] [всегда чувствовал ее] и это [всегда почти] почти всегда [заставляло Клима чувствовать себя] вызывало у Клима грустное чувство.

— Ты знаешь, — до того, как захворать, мама была цыганкой, и есть картина с нее, в красном платье с гитарой. Вот и я немножко поучусь, а папа наживет денег, сошьет мне красное бархатное платье, и я тоже стану петь с гитарой.

Слушая рассказы девочки, Клим испытывал желание возразить ей, поспорить с нею, но он редко разрешал себе это, боясь рассердить Лиду. [Лидия нр⟨авилась⟩ Климу больше] [Из] [Из всех знакомых девочек Климу только Лидия нравилась. [К] [Он на⟨ходил⟩] Клим находил Лидию интереснее всех знакомых девочек, может быть, потому, что она больше всех]

[Он ее находил интереснеи всех знакомых девочек; ему было лестно] [Ее дружба льстила ему, [потому что] он считал Лидию Варавку самой интересной из всех знакомых девочек, и вот она [отличает его от] [гораздо] относится к нему гораздо лучше, чем к [бра⟨ту⟩] Дмитрию или Рокотову, рябому мальчику, сыну соседей] [Ее дружба льстила] [Клим видел девочку самой интересной] [Он считал [эту девочку] дочь Варавки интересней из всех [девочек, знакомых ему] знакомых девочек и [было очень лестно видеть] гордился тем, что она именно его выделяет из всех мальчиков.] (*ЧА*$_2$) [1]

Стр. 33.

23 кто же накормит их? / кто же будет кормить их?

31–32 мадеры, [плачет] больная потому что

37 крепко [докрасна] сжимала

Стр. 34.

3 Я [тоже] немножко

7 *После*: Лида рассердится. — *зачеркнуто*: Он гордился [св⟨оей⟩] друж⟨бой⟩] тем, что самая интересная

8–9 он гордился ∾ чем другие дети / он гордился [ее дружбой] тем, что Лидия относится к нему лучше, чем [к другим мальчикам] [к] все другие [мальчики] дети [потому что видит в нем то, что другие не замечают]

12 [и] и ревновал [и не] до злых слез

13–23 Девочки Сомова ∾ выпуклого лба / [Дочь доктора казалась ему такой же неприятной, глупой, как ее отец. [Она была]] Дочери доктора Сомова казались ему такими же неприятными, глупыми, как их отец. Их было две: Варвара и Любовь, погодки, Варвара, старшая, часто хворала и была тенью своей сестры [Коротенькая, толстая, с круглым лицом, точно блюдечко чайной чашки; лицо ее казалось осыпанным мукою] Коротенькие, толстые, с круглыми лицами, точно блюдечки чайных чашек, лица их казались осыпанными мукою, маленькие, серые глазки прятались в розоватых подушечках опухших век, бесцветные брови были почти незаметны на коже [лба] очень выпуклого лба

16 Старшая Варя / Старшая [Варвара] Вера

17 тем, что [часто] постоянно хворала

18 *После*: на глазах Клима.— *зачеркнуто*: Она была [полной] тяжелой и покорной тенью своей сестры и не возбуждала в нем ни злых, ни добрых чувств

---

1 Отрывок *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-2).

24 на череп [гладко], как приклеенные

25 в смешную косичку / в смешную тонкую косичку

26–27 веселость [ее] эта придумана [Любой для того] некрасивой и неумной девочкой [да и не веселость это, суетливость]

28 много [но] и всегда

32 вынимать [по три трубки] из подола ее по три трубки

Стр. 35.

2 Люба Клоун ∾ подумала / Люба Сомова подумала (*ЧА*$_2$) [1]; Люба Клоун смущенно зажала бумажки в кулак, подумала ◊ (*БА*)

4 увидишь во сне [луну], что

4–5 во сне ∾ и заплакал / во сне, что поцеловал луну, ожегся и будешь плакать (*ЧА*$_2$)

6 Чепуха, но — ловко! — одобрил Борис. / Фу, какая чепуха,— сказал Борис Варавка. (*ЧА*$_2$)

7–8 особенно нравилась «Пастушка и трубочист» / нравилась сказка «Пастушка и трубочист» (*ЧА*$_2$); особенно, до слез, нравилась «Пастушка и трубочист» ◊ (*БА*)

9–10 и, слушая ∾ плакала / и плакала о печальной судьбе трубочиста (*ЧА*$_2$)

10 Борис Варавка ворчал, хмурясь / Борис утешал ее (*ЧА*$_2$)

11 Перестань. / Ну, перестань. (*ЧА*$_2$)

12 И смешная печаль / И печаль (*ЧА*$_2$)

13 *После*: фальшивым.— *зачеркнуто*: Особенно заметна была фальшь в лунные вечера, когда Люба Клоун становилась неприятно рассеянной, беспокойной.

[— Слушайте, слушайте! — вскричала она, стоя среди двора.] [Однажды Люба Клоун] Однажды было так: Люба Клоун вдруг остановилась среди двора и, взмахнув рукой в небо (*ЧА*$_2$)

13–15 *Фразы*: Он смутно ∾ Клим Самгин — *в ЧА*$_2$ *нет.*

16–18 Как-то поздним ∾ в небо / Однажды она, взволнованно вбежав с улицы на двор, где играли дети, высоко подняла руку и крикнула [глядя] в небо (*ЧА*$_2$)

20–21 Все примолкли ∾ небеса / Дети примолкли тоже, разглядывая голубоватое серебро небес (*ЧА*$_2$)

21–23 Клим ∾ дразнить ее / Клим был обрадован тем, что фокус не удался Любе, и начал дразнить ее, напевая (*ЧА*$_2$)

24 Не умела ∾ обманула! / Не обманула никого, не обманула... (*ЧА*$_2$)

---

[1] Начало четвертого отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-5).

25–27 Но девочка ∾ Вчера / Но Люба Клоун, [взво⟨лнованно⟩ топнув ногою, обиженно оттолкнула] оттолкнув его [и сморщив мучнистое лицо свое] [выговорила сти⟨хи⟩

— Вчера...] ($ЧА_2$)

27–34 *Стихов и текста, до слов*: сказал Борис — *в* $ЧА_2$ *нет.*

34–35 сказал Борис ∾ Рыб? Погиб? / Особенно старался Борис, выкрикивая:

— Сшиб? Рыб? ($ЧА_2$)

36–38 *Фразы:* Клим, видя ∾ со взрослыми. — *в* $ЧА_2$ *нет.*

36 все недовольны [им]

37 что [ему] с детями ему

Стр. 35—36.

39–6 Варя была ∾ его сестры. / Сестра Любы [была], Вера, старше ее на два года, была так же некрасива и толста; [и была она еще более] [и так же бесцветной и скучной] [Разница] [казалось] [Неприятна была] на висках у нее синенькие жилки, [на висках ее] [скучные круглые] совиные глаза скучны, [ленивы] движения вялого тела ленивы; [Тягучая] [и всегда Вера] говорила она вполголоса, [она] тягуче, мятыми словами, [она недоуменно рассказывала [что-то] какие-то непонятные истории о девочках, [своих] одноклассницах своих] и трудно было понять, что она говорит [о гимназистках]. Клима [нас⟨?⟩] удивляло, почему Борис Варавка так внимательно ухаживает за Сомовыми, а не за красивой [под⟨ругой⟩] Алиной Телепневой, подругой его сестры. $(ЧА)_2$ [1]

14 не на своих местах [было холодно]

18–19 дрессировщиком лошадей [акробатом]

19–20 изображал акробата и льва [и танцора]

22 Лидия Варавка [укрощала [дик⟨их⟩] их] играла роль укротительницы

29 что [таку⟨ю⟩] эту службу возлагают

31–32 быстро надоедавшие / и быстро надоедавшие [ему]

37 за игрою, [но дальше] но больше

38 его занимала / его внимание притягивала

Стр. 37.

2–3 обугленный, но еще / обугленный [но] и еще

7 голосом [мужика] мужчины

14 произносила [угрожающей] с угрозой

15 взором черных глаз / взглядом черных глаз

27 от [ее] этого воющего пения

---

[1] Конец четвертого отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-5).

28 сумрачней, неуютней / сумрачней и неуютней
31 не в голосе. [А когда мать перестава⟨ла⟩]
33 не в голосе, мам? [Мать отвечала]
40–41 [равнодушно] лениво ответил

Стр. 38.

1 Когда доктор говорил / [и когда] Когда равнодушно он говорил
12–13 слово, что они не станут / слово, что они не будут (*ЧА*$_2$) [1]
13 затем начинал / начиная (*ЧА*$_2$)
15 жалобно звякали / звякали (*ЧА*$_2$)
16 Уничтожай его! / Сарынь на кичку! (*ЧА*$_2$)
16 и начинался / и тут начинался (*ЧА*$_2$)
17–18 он выл, взвизгивал, хохотал / Невынося этого, он выл, хохотал (*ЧА*$_2$)
21–22 пальцами ему ∾ под колени / пальцами под мышки, в ребра, под колени ему (*ЧА*$_2$)
22–25 *Текста:* Клим никогда ∾ Так его, так! — *в ЧА*$_2$ *нет.*
23–24 и слышал [глуховатые] густые крики
26 выл Варавка / кричал он (*ЧА*$_2$)
26–27 давя своих [маленьких] врагов (*ЧА*$_2$)
28–29 волосы, бороду / волосы, лисью бороду (*ЧА*$_2$); волосы [лисьей б⟨ороды⟩], бороду (*БА*)
30 брови ∾ до изнеможения / брови, исхохотавшийся человек (*ЧА*$_2$)
34 искривив губы / кривя губы (*ЧА*$_2$)
35–36 глаза, сердито расширяясь / глаза ее расширились (*ЧА*$_2$)
38–39 Ну, это выдумки ∾ Я не старик. / [Хм. Ну, так что же? Выдумываешь] Это [твои] выдумки. Перестань. (*ЧА*$_2$)

Стр. 38—39.

40–16 Словечко «выдумки» ∾ умное, не детское. / *а.* Словечко — «выдумываешь» — было [очень] хорошо знакомо Климу, и усиливало его неприязнь к больной женщине, и [хорошо] объясняло Варавку-мать; конечно, она выдумывает [и нехорошее] что-то плохое. Он видел, что [Борис] Лида одевается хуже Сомовых, хотя отец ее богаче доктора, [и] Борис ходит в грязной рубашке, в изорванных штанах, а Глафира Исаевна не замечает этого; его дружба с Лидой становилась все прочнее, [и] [а враждебное отно⟨шение⟩] и вместе с этим росло враждебное отношение к ее матери. *б.* Словечко «выдумываешь» было хорошо ∾[2] и очень усиливало ∾ жен-

---

[1] Начало пятого отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-5).

[2] Здесь и в дальнейшем знак ∾ (тильда) в слое *б* заменяет текст, полностью совпадающий с текстом слоя *а*.

щине, и объясняло ∾ выдумывает что-то плохое. Он видел, что Глафира Исаевна неласкова, даже груба с детьми [и что они] [и что они интересует ее лишь тогда] [и не ему]; казалось даже, что Борис и Лидия интересуют [его] ее лишь тогда, когда проделывают какие-нибудь опасные упражнения, рискуя сломать себе руки, ноги. В эти минуты она [приподняв голову] [смотрела в них, приоткрыв рот] прицеливалась взглядом напряженно ожидающим, плотно сжав лиловые губы, скрестив руки, вцепившись пальцами в [крутые] костлявые плечи свои. Борис бегал в рваных рубашках и [вообще] всегда [какой-то] недомытый, всклокоченный. Лида одевалась хуже Сомовых, хотя отец ее богаче доктора. Клим все более ценил дружбу девочки, ему нравилось, слушая рассказы Лидии, молчать, [не] забывая о своей обязанности [быть] говорить ($ЧА_2$) [1].

Стр. 38.

40 было [хорошо] очень понятно

Стр. 39

9 если бы дети / если дети

12 одевалась хуже / одевалась беднее

17 Но [вот] когда явился

19 как Борис,— [и] Лида отошла

21 как собачка. Это нельзя было понять / как собачка, смотреть на него с удивлением, как на фокусника в цирке. Это [было трудно понять] нельзя было понять [трудно], тем более [трудно] нельзя было понять

29 сторонился [их] от них

30 почувствовал особенным / еще раз почувствовал [исключительным и] мальчиком [исключительным] особенным и лучше их

36 не успеет [в этом] сделать это

Стр. 40.

23 перемигивались / гримасничали, перемигивались

25–26 грустью. Но ∾ умнее всех / грустью, утешить его [могло только одно сознание] могла только одна догадка, что он умнее всех и [не любят его] его не любят потому, что он всех умнее.

27 возникала [гордость и желание] гордость, являлось желание

33 «[Ей стыдно.] Какая грубая стала,— с горечью подумал Клим. [— Так ей и надо.]»

---

[1] Конец пятого отрывка $ЧА_2$ (ХIIГ-21-1-5).

35 [он] шагал, не сгибая
39 что ты так / что ты как
39 пыжишься? — [смешно] спросил его
41 не любил [эту смешную копию отца] брата

Стр. 41.

8 [сидела рядом с ним] ходили они
12 в ее [руки, а Клим протестовал] слепые руки.
19–20 уже [шел] бросался ловить
29 сам назывался / сам себя называл
33 он был [чрезмерно] как-то подчеркнуто
35 чуть заметна, [бойко] блестели

Стр. 42.

4 тоже судорожную торопливость / [странную, смешную] судорожную торопливость
4–5 казалась жадностью / казалась тоже жадно⟨й⟩
7 точно они, горячие, жгли губы его / как они жгли ему губы
8 несколько раз [спрашивал] допытывался
11–12 в сторону ∾ не отвечал / в сторону [быстрые] беспокойные глазки свои, отвечал: — Не жаднее друг⟨их⟩
21–22 родился [в год войны] в год, когда отец его [был на войн в Ту⟨рции⟩] воевал с турками
29 Но, [его] слушая таинственный шёпот, [Клим был] [Клим [удивл⟨енно⟩] смотрел на Дронова] он с удивлением [он] видел
30 *После:* другого мальчика — с другим миром
31 становилось красивее / стало красивее
32 в зрачках разгорался / в [их] зрачках разгорелся
37 она часто делала / это она часто делала
38–39 выдумал: [его тетки] тетки-ведьмы не было у него; [отец засыпан] отец помер

Стр. 43.

28 деревьев [сада] сада, украшенные инеем или [снегом] снегом
31 за [нею] каланчою
34 во всякое время дня он / он, во все ча⟨сы⟩
35–36 на койку [со сбитым одеялом, из⟨ломанная?⟩], койка
40–41 но Дронов ∾ «из-под печки». / но [Дронов находил, что он говорит [«издали»] из подполья] Дронову не нра⟨вилось⟩

Стр. 44.

20 сказал [сердито] строго
22 привычка [говорить] беседовать
23 нередко [он], рассказывая
23 [в середине] задумывался
26 подмигивая [левы⟨м⟩] на учителя
35 [Дронов всегда] Говоря о Томилине

41 строго заявил Клим / заявил Клим [строго]

Стр. 45.

1 заглянул в глаза [Клима] его

10 петли чулков [которые]

21 [Иван] Дронов извивался

22 [но] Клим подметил, что [он] нянькин внук

35–36 от [этих] странных выходок

Стр. 46.

2 *Перед:* Презрительно — *зачеркнуто:* К ней

4 *Перед:* Когда — *зачеркнуто:* Теперь

8 ударившись, [стона⟨л⟩] морщился

12 Если [пр⟨ыгали⟩] играли

14–15 покрикивая: — [Ло⟨ви?⟩] Хватай ее!

33–34 Лидия [сбежа⟨ла⟩], густо покраснев, сбегала

37 на [широком] лбу

41 его способностями [его]

Стр. 47.

1–2 огорчался. [Но все-таки] А все-таки Дронов [чем-то] притягивал его, и часто [вместо]

5 [Иногда Иван] Были минуты

6–7 овладевала [тихая] задумчивость

15 А [вчера] недавно

19 было жалко / жалко было

23 Клим [хорошо] понимал

24–25 спокойно [и грустно] рассказывал

25 Клим [смущенно] чувствовал

29 Дронов сдал / Иван сдал ◊

32 и [горестно] зарыдал

33 похвалила / похвалила его ◊

34 Ты — честолюбив, это хорошо / Это хорошо, что ты чес⟨толюбив⟩ ◊

Стр. 48.

1 Да,— сказал Клим [вспоминая]

3–4 прижав [его] голову его

7 Клим [не мог] не помнил

10 почти [нельзя ничего] нечего думать

11 ничего не написано [но любоваться ею] [Она самая красивая]

12–13 и [во всем] упрямая

14 [Она] Мать редко

23 удивительно хорошеет [Климу кажется]

26–27 глаза его [светятся виновато и] ослепленно мигают

37 Варавка [назвал] прозвал его

38–39 говорил Варавка ∾ бородищей / говорит Варавка, играя

своей бородищей. *Далее — зачеркнуто:* Он [отправил] отвез жену свою за границу и возвратился оттуда еще более насмешливо веселым. Он даже стал читать стихи. Клим слышал, как Варавка, гуляя с матерью в саду, говорил:

«Когда из мрака заблужденья...»

Стр. 48—49.

40–8 Он отвез жену ∾ стало заметней. / Он [отправил] отвез жену за границу [лечиться], возвратился оттуда помолодевшим и еще более насмешливо веселым. [В доме стало скучно] [Дом опустел] [Борис Варавка и Туробоев уехали учиться в Москву, Лидия заболела, и отец отправил ее в Крым к тетке своей, Дронов напряженно учился, сестры Сомовы приходили редко.] Бориса отправили в Москву, в какое-то замечательное училище, где учился Игорь Туробоев; за Лидией приехала большеголовая старуха [же⟨на?⟩] и увезла ее в Крым лечить виноградом.

[В] [Дом] [Всё в доме притихло] Клим приметил, что Варавка [стал сильнее топать ногами и чаще смотреть в зеркало, любуясь своей бородой] стал [как] менее тяжелым, но на ходу сильнее топает ногами, чаще останавливался перед зеркалом, любуясь своей бородою. (*$ЧА_2$*) [1]

Стр. 48.

41 в [какое-то] замечательное училище

Стр. 49.

2–3 лечить виноградом / лечиться виноградом

Он даже начал ∾ как он говорил / Он даже стал [стихи читать] говорить стихами. Клим слышал, как он в саду говорил (*$ЧА_2$*)

13 конечно ∾ идиотом / *а.* Я [идиотом] был в ту пору идиотом... *б.* Потом очнулся идиотом (*$ЧА_2$*)

14–17 Это едва ли ∾ правды нет / Это грубо, Тимофей Степанович, — строго сказала м⟨ать⟩ (*$ЧА_2$*); Это [и не] едва ли верно и [грубо] очень грубо,— [строго] сказала мать. Варавка [звонким голосом спросил] свистнул, точно мальчишка, потом [сказ⟨ал⟩] проговорил четко: — Нежной правды нет. (*БА*)

Стр. 49—50.

18–14 Почти каждый вечер ∾ зеленоглазого кота. / Почти каждый вечер он ссорился с Марией Романовной, затем с нею начала ссориться и [мать Клима] Вера Петровна; отец [подскакивал] подкатывался к спорящим и пытался успокоить их:

---

[1] Начало шестого отрывка *$ЧА_2$* (ХПГ-21-1-5).

— Послушайте же! Разве Англия не доказала и не доказывает, что комп⟨ромисс⟩ — необходимое условие [успеха]...

Но его не слушали, и, отскакивая к Варавке, он внушал:

— Тимофей,— ты слишком круто, слишком резко... [ставишь вещи] Согласись, что в известный момент эволюция требует [революции] решит⟨ельного⟩ удара... но...

Варавка отстранял его своей короткой, сильной рукою [и кричал]:

— Нет, Мария Романовна, [это доходное дело.— Отец безнадежно оглядывался] нет...

Тогда отец шел к столу пить пиво с доктором Сомовым, а доктор, уже [в] полупьяный, [тя⟨нул⟩] ворчал:

— Надсон прав: [об⟨горели⟩] догорели огни и у... [и] как там? И увяли цветы... да.

Отец сочувственно кивал [круглым] лысоватым черепом, [и становился] задумчиво пил пиво, барабанил пальцем и молчал. И становился незаметен.

Клим не удивился, когда Мария Романовна [уш⟨ла⟩] [нагрузив воз вещами] однажды в полдень ушла со двора вслед за возом своих вещей, ушла, не простясь ни с кем и шагая как всегда [по-солдат⟨ски⟩ величественно] важно и как всегда имея в одной руке саквояж с вещами [к] и полосатого котенка (*ЧА*$_{2}$)

Стр. 49.

20–21 и [строго] сурово хмурясь

23 беспокойно [бегал то ⟨?⟩] подбегал к ней

25 условие цивилизации... [Его не слушали]

38 кивнув [головою] лысоватым черепом

Стр. 50.

8 *После*: травы.— *зачеркнуто*: Клима не удивило, когда он увидал, что Мария Романовна идет со двора вслед за возом своих вещей

12–13 *После*: с инструментами — *зачеркнуто*: *а.* а в другой — рыжего кота *б.* в другой — черного зеленоглазого кота

15–32 Привыкнув наблюдать ∾ на ученика. / Привыкнув наблюдать за взрослыми, Клим чувствовал, что [в доме и] среди них начинается что-то новое, непонятное, как будто все они садятся не на те стулья, на которых привыкли сидеть. [Томилин тоже] Учитель тоже стал непохож на себя, он смотрел на всех [как всегда] теми же смешными глазами человека, которого только что [внезапно и грубо] разбудили, но смотрел угрюмо и обиженно, как будто его разбудили грубо. В глазах его сверкали зеленые искры, он так шевелил губами, точно

хотел закричать и не решался. А [на] мать Клима он разглядывал так же обиженно, как [настоящий старик] дед Аким [на] фальшивый билет в сто рублей. И говорить с нею он стал не так почтительно, как говорил прежде. Войдя в [комнату матери] гостиную, когда мама собиралась играть на рояле, Клим слышал, что учитель, пристукивая ладонью по нотам, сказал грубо и глухо:

— Это — не правда. Я видел, как он...

— Ты что, Клим? — быстро спросила мать, Томилин оттолкнул ноты и ушел, не взглянув на ученика. (*ЧА*$_2$) [1]

Стр. 50. [2]

25 подсунул [старику] ему

37 масленисто густ / маслено густ

36–37 и множеством [ненужных] вещей

38 *После*: таинственным.— *зачеркнуто*: Комната имела стра⟨нный⟩

Стр. 54.

2 было жалко [чего-то] изломанных вещей.

3 рано утром [прибежала] явилась

4–5 рыдая [прокричала], задыхаясь

9 пред [креслом, она] диваном, она

16 *После*: — Идем туда... — *зачеркнуто*: Она пугала

18 В [спальне] полутемной спальне

27 лампы [и], были красны

28 царапина [и], кровь текла из нее.

29 кричала [она] докторша.

31 *После*: — Нет, нет! —

Всё более возвышая голос, учащая крики, она пронзительно взвизгивала:

— Нет, нет, нет!

Ее судороги становились [всё] сильнее, [тонкий] голос звучал

Стр. 55.

2 щурясь на [свечу] огонь свечи

13 Жена [изогнулась], подпрыгнув

15 ноги свои, [хри⟨пя⟩] всхрапывая

16 Ага, ага... [кровь текла]

23 топнув ногою [на сестру, сердито], спросила

24 а что же чай? [Где чай?] [Ведь я просила]

25 строго [приказала] крикнула

---

[1] Конец шестого отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-5).

[2] Варианты *БА* к стр. 50—53, строкам 33—25, см.: Варианты, т. VI, стр. 598—601.

26 Дети — вон! [Марш гулять...]
29 *После*: в их драмах.— *зачеркнуто*: Идя по улице, Клим
37 [Ой] А ты — праведница?
39 пойдем [в поле] гулять.

Стр. 56.

10–11 Люба, [как бы не слышала] должно быть, не слышала
13 *Перед*: Находя, что Люба — *зачеркнуто*: Клим замолчал
19 привязанную [к ним] к ним
25 *Перед*: Не получив ответа — *зачеркнуто*: Подождав
35–36 глядя в ленивую воду, [ни о чем не думая] подавленный [еще и] скукой

Стр. 57.

13 люди [ненужные] изломанные
13–14 набитую [поло⟨манными⟩] ненужными вещами
17 [на две⟨надцатый⟩] через двенадцать
18 она [испугалась чего-то] выпрыгнула из окна
26 *После*: было плохо.— *зачеркнуто*: Варавка морщился, говоря: — Ну, это [братец] вы, доктор, сочиняете
27 Отец Клима [много] словообильно
31–32 любил его, а? [Идиот] И — люблю
36 [Это] Смотрите, что выдумал.
39 Доктора [отвели] повели спать
39 *После*: Томилин.— *зачеркнуто*: но отец тотчас же в⟨бежал?⟩
40 толкал [коленом и] в спину

Стр. 58.

3 *После*: бабушке плохо! — *зачеркнуто*: Кажется, она,— иди!
5–6 упала [лицом в землю] мертвая
6 странно [и чуть-чуть смешно], но не страшно
15 *После*: не мешая.— *зачеркнуто*: Ловко померла,— сказал Дронов
23 *Перед*: После похорон — *зачеркнуто*: Отец
25–26 не мешая [в этом все⟨м⟩] ближним
27 подумав, [сказал] произнес
29 Не очень [уверен] он уверен
30–31 было не [очень] грустно
34 не огорчила, [он тоже не почув⟨ствовал⟩] а для него
35 уютную [комнату] бабушкину комнату
37 очень [приятно] хорошо
41 до [ут⟨ра⟩] полуночи

Стр. 59.

1–2 [Зашп⟨тый⟩] [Застегну⟨тый⟩] Туго застегнутый в длинненький, ниже колен, мундирчик [с блестящи⟨ми⟩], Дронов похудел

5 в карманы [и], широко

11 *После:* получше Ломоносова буду.— *зачеркнуто*: [Дедушка Аким устроил так, что Клима все-таки приняли в гимназию

Стр. 60.

7 перья, [раньше] прежде чем

17 помогала ему [искр‹енно›] задуматься

19 на могиле [своей] жены своей

26–27 [его] мальчики прозвали его

Стр. 61.

9 Мальчики [нахо‹дили›] считали

27 он, [озабоченно [смо‹тря›] глядя в дверь, в окно, бормо‹тал›], помолчав минуту—две

34 называют те / *а.* называются те *б.* называем те

38 несчастиям [горю] и вообще...

Стр. 62.[1]

2 но [си‹льно›] уже сильно

6 *После*: он добавлял: — Отсюда следует, что человек должен быть прост.

11–12 учитель говорил / тихо учитель говорил

18 *После*: женщины... — *зачеркнуто*: Да, ну об этом — рано

19 молчал [и как], как будто

21 [и] это [всегда] напоминало ему

22 что [раз учитель] рассуждая

23–25 [И каждый раз, когда Томилин говорил об этом] И нередко Клим ждал, что [он] вот сейчас [скажет] учитель скажет что-то о матери, [вспомнит] о том

29 может быть, это / это, может быть

33 слушал [эти] эти речи [Томилина]

35 [этот] человек

40 рыжий [человек] пугал его

Стр. 63.

1 что [нужно] Климу нужно

2 и этим [разбуди‹ть›] напомнить

3 не всегда будил [учителя] Томилина

30–31 Теперь ∾ вне дома / Теперь, когда Клим большую часть дня был вне дома (*ЧА*$_2$)[2]

31–34 многое ускользало ∾ сильнее / многое ускользнуло от него [и многое] [и многое] и являлось неожиданно и смущало, [а он б‹ыл›] [их] все же он чувствовал, что в доме [творится что-то] [явилось что] растет что-то беспокойное, туго натянутое,

---

[1] Варианты к стр. 62—63, строки 30—29, см. также *ЧА*$_2$, л. 21 (Варианты, т. VI, стр. 608—610).

[2] Начало отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-6).

[требующее осторожности] [внимания и] даже двери хлопали сильнее (ЧА$_2$) *Далее в* ЧА$_2$ *следует текст, являющийся вариантом к стр. 69, строки 5—13.*

33 *Слов*: все люди стали иначе ходить — *в* ЧА$_2$ *нет.*

35 бережно [переставляет] переставляя (ЧА$_2$)

36 [и стучит на] слишком крепко (ЧА$_2$)

37–38 у него ∾ спелой сливы / лицо его становится синим и трясутся уши (ЧА$_2$)

38–39 [сквозь кашель] пристукивая палкой

38–39 пристукивая ∾ кашель / сквозь кашель он говорит матери, стоя перед нею [на трех ногах.— Я] (ЧА$_2$)

40 его мягким / мягким (ЧА$_2$)

41 вы, сударыня / сударыня (ЧА$_2$)

Стр. 64.

1–7 Мать вполголоса ∾ и плотно /

— Пожалуйста, тише,— в столовой кто-то из мальчиков,— вполголоса предупреждает мать, а дед не своим голосом закричал:

— Я имею право, Вера Петровна, даже я обязан сказать вам.

— Пожалуйста, говорите, но не так громко,— сказала мать, подошла к двери в столовую и крепко (ЧА$_2$)

8 в лес, на завод / в лесавод (ЧА$_2$)

9 *Перед*: он стал — *зачеркнуто*: в нем явилось

9–11 Он сильно облысел / [он] лицо у него опухло, [глаза заметно выцвели] он сильно облысел (ЧА$_2$)

11–12 скучно выцвели / заметно выцвели (ЧА$_2$)

12 *После*: выцвели,— *зачеркнуто*: погас их голу⟨боватый⟩

12–14 Ходить начал ∾ вальсы. / Он стал ходить еще более быстро [и все] [посвистывая] [насвистывая, отскакивая] и как-то подскакивая, держал руки в карманах и насвистывал вальс (ЧА$_2$)

16 *После*: пора уйти.— *зачеркнуто*: Клим [давно уже] [всегда] [давно] видел, что мать ласковее с Варавкой, чем с отцом. [Теперь] Она

14–22 *Текста*: Мать все чаще ∾ есть какие-то секреты — *в* ЧА$_2$ *нет.*

20 отец отскочил [откатился] от него

22 Жарким летним вечером Клим / Еще летом, жарким вечером он (ЧА$_2$); [Как-то] Жарким летним вечером Клим (*БА*)

23–24 отец, посмеиваясь необычно / отец [жалобно] [как-то жалобно], посмеиваясь (ЧА$_2$); отец, посмеиваясь [ика⟨ющим⟩] необычным (*БА*)

25 лицо Дмитрия / а лицо Дмитрия (ЧА$_2$)

26–27 он тотчас ∾ сказал Климу / Брат тотчас же встал и ушел, а отец, стирая платком капельки с брюк своих, жалобно сказал (*ЧА*$_2$)

26–27 [стирая] смахивая платком

30–32 Он прочитал ∾ и растрогался / [Да я ему] [Про⟨читал⟩ и] Читал «Русских женщин» Некрасова и — вот растрогался. Да. Я ему тут о декабристах рассказывал. (*ЧА*$_2$)

31 ему тут [еще] о декабристах

32 рассказал, [вот] он

33 Неохотно [поболтав] и немного (*ЧА*$_2$)

35 Клим тотчас / Он тотчас (*ЧА*$_2$)

35–36 пошел [к брату] в комнату брата (*ЧА*$_2$)

39 двигал челюстями / двигал челюстью

Стр. 64—65.

36–6 и застал Дмитрия ∾ с подоконника в сад / Дмитрий сидел на подоконнике, [встретил его] обняв колена, лицом в сад, не услыхал, как он вошел, и вздрогнул, когда Клим спросил книгу о русских женщинах.

[— Что? О каких? — [подозрительно] лениво спросил Дмитрий.— Нет у меня.]

Оказалось, что Дмитрий не читал эту книгу [даже не знает о].

[Вообще в поведении отца явилось что-то еще более суетливое.] [Тот] [Довольный] [Клим [так и думал и довольный] подозревал это и] Довольный своей проницательностью, Клим [заговорил с бр⟨атом⟩ о гимназии, но тот сердито сказал ему:

— Отстань,— и спрыгнул с окна в сад] ⟨спросил⟩:

— О чем ты плакал?

— [Не твое] Это не твое дело,— грубовато ответил [брат] Дмитрий и спрыгнул с подоконника в сад. (*ЧА*$_2$)

Стр. 65.

5 иди к чёрту / иди ты к чёрту

7 Дмитрий [си⟨льно⟩] [как-то] сильно вырос

7–12 Дмитрий сильно вырос ∾ каким был / *а.* Дмитрий вырос, похудел, вытянулся и вообще стал заметнее. Он очень подружился с Дроновым, [а по праздникам] с Любой Клоуном, с Лидией [Вара⟨вкой⟩], по праздникам ходил с ними кататься на коньках, а вечером рассказывал им и Алине Телепневой какие-то не интересные для Клима истории о башкирах, киргизах, о и⟨?⟩ *б.* Дмитрий [незаметно] вырос, очень похудел, [стал] на [пухлом] толстом [и бесцветном] лице его [ста⟨ли⟩] обнаружились угловатые [кости] скулы; задумыва-

ясь, он неприятно, как дед Аким, двигал челюстями [он стал еще более некрасив, неуклюж, но и более заметен так]. Оставаясь таким же некрасивым, каким был ($ЧА_2$)

10 [Ост⟨аваясь⟩] Задумывался он

11 исподлобья [и угрюмо]

13 грубоватое [и даже злое]

13–19 он стал ловчее ∽ ею без вины / *а.* [но уже не] он стал ловчее и мягче, безличен [и незаметен, каким брат привык видеть его], может быть, потому, что [он] сильно огрубел. Он очень подружился с Любой Сомовой, [ходил с нею кататься на коньках, а в праздники, по вечерам, когда [собирались у] девицы Сомовы и Алина приходили к Лидии, [он рассказывал] [все более] интересно и, не хвастаясь, рассказывал [о жизни] им [какие-то] смешные ненужности о [том] [шалостях] жизни птиц, рыб или читал книгу Брэма, подарок отца] выучил ее бегать на коньках, лениво подчиняясь ее капризам; но в нем явилось [что-то] нечто туго натянутое, он стал смотреть на [взрослых] мать исподлобья, как бы опасаясь чего-то, [а брата] [Клима] а Клима не замечал так же, как раньше Клим не замечал его. *б.* ⟨он⟩ стал ловчее, легче и менее безличен. В нем явилось что-то грубоватое, даже как будто злое, на мать он смотрел исподлобья [и, если она его не спрашивала ни о чем, он не начинал говорить с нею] и обиженно, как будто наказанный ею.

Очень подружился с Любой Сомовой, выучил ее [кататься на] бегать на коньках, охотно подчинялся ее капризам, а когда Иван Дронов обидел чем-то Любу, Дмитрий жестоко поколотил его. Клима он перестал замечать, так же, как раньше Клим не замечал его... ($ЧА_2$)

16–17 жестоко, но спокойно и беззлобно натрепал / жестоко, беззлобно [по⟨бил⟩] [избил его] натрепал

18–19 а на мать ∽ без вины / а на мать смотрел [так] обиженно, как будто [без вины] наказанный ею

Стр. 65.

20 [Девочки] Сестры Сомовы жили [наверху у] у Варавки ($ЧА_2$)

22–23 *Слов*: а оттуда ∽ хоронить жену.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

23 [Клим] Почти каждый вечер Клим ($ЧА_2$)

24 и всегда заставал / и заставал ($ЧА_2$)

24–27 играющего ∽ и требовали / [Если] Когда девочки [не играли или] уставали играть, они усаживались на диван [и], требуя ($ЧА_2$)

28 *Фразы*: Смешное,— просила Люба.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

29–32 Он садился ∽ возражал ему / Он покорно садился в угол,

к стене, на ручку дивана, и [говорил [смешное] [забавное] [глупые] [смешные ненужности] [о смешных]] смешил, [рассеянно] осторожно улыбаясь, [посл⟨е⟩ лениченьким голосом рассказывая] девочек [глупыми] анекдотами об учителях и гимназистах ($ЧА_2$)

33 Это было не так! / Это не так. ($ЧА_2$)

34–37 Ну, пусть ∾ что говорит. / Ну, пускай не так,— лениченько и равнодушно соглашался он, и Климу казалось, что [даже] если Дмитрий рассказывает именно так — *Далее, как в тексте.* ($ЧА_2$)

35 что, когда / что, [даже] когда

37–38 Он знал ∾ анекдотов / знал [уди⟨вительное⟩] множество глупых и смешных анекдотов [событий]

Стр. 65—66.

39–2 *Фразы*: Вообще в нем ∾ жителей города.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

Стр. 66.

1 каждого из [сорока] шестидесяти

3–7 Была у Дмитрия ∾ нерешительно / У него была толстая [синяя] тетрадка в синей обложке, [и он собирал и] Дмитрий записывал в нее или наклеивал из газеты [различные] смешные ненужности [и], читал их и тоже [так, что] [как будто] как-то [не веря, что напечатано, так как он читает] недоверчиво ($ЧА_2$).

5 [смешные] забавные ненужности

8–19 *Текста*: «На одоевском городском ∾ ей небесное».— *в* $ЧА_2$ *нет*; *в БА — подклеена вырезка из газеты.*

Стр. 66—67. [1]

20–3 Как это глупо! ∾ покусывая губы. / Иногда [наверх поднималась мать] являлась мать. [Дмитрий, смущаясь, молчал] Лидия подчеркнуто вежливо вставала встречу ей и приседала. [Сомовы целовали ее, а Вера Петровна ходила по пустынным комнатам, [что⟨-то⟩] как бы считая, измеряя] Девочки восхищались.

— [Ах, как] Как глупо! — говорила Лидия, поджимая губы, а Люба Клоун, смеясь до слез, кричала:

— Зато — смешно! [Ничего] Ничего пет лучше смешного!

Сомовы шумно ласкались, а Дмитрий смущенно молчал и неумело прятал тетрадь. Вера Петровна молча брала ее в руки:

---

[1] Черновой автограф конца 1-й главы, соответствующий тексту стр. 67—88, см. в наст. томе, стр. 413—433.

— Есть что-нибудь новое?

— Да.

— Прочитай.

Дмитрий угрюмо читал:

У синего моря

— Это зачеркни,— [приказывала] приказала мать и затем шла [пока] из [ко⟨мнаты⟩] одной пустынной комнаты в другую [поджав губы] (*ЧА*$_2$)

Стр. 67—69.

3–4 *Текста*: Несколько раз ему ∾ и уснул — *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 67.

6 уехал Туробоев / исчез Туробоев

14–15 услышал он [шёпот] сухой шёпот

28 точно маленькая [девочка]

31 на [шею] спину ее

32 ручьями [ее] лунные волосы

33 О ты,— тихо вздохнула она. / О ты, огромный,— тихо вздохнула она, покачиваясь.

Стр. 68.

9 *Слова*: удивленно подняв брови — *вписаны.*

21–22 [улыбалась] с легкой улыбкой

30–31 пепел с ручки его / пепел сигары с ручки его

32 только ей [это] еще

35 что [мужей] жены мужей

36–37 *После*: чем отец — *зачеркнуто*: он был интереснее, сильнее отца

38 серьезная, важная мама / важная мама ◊

40–41 [Это потому, что] Ей стыдно еще [повторил Клим].

Стр. 69.

1–2 мог [придумать] найти

5 [несколько] отвлекая Клима

8 [несколько] десяток мальчиков

9–10 затем [десятка два] злых ∾ шалунов

11 *После*: тоже отлично; — *зачеркнуто*: но учителя любили наказывать их. Клим Самгин учился усердно, однако не очень успешно, а шалости считал ниже своего достоинства, да и не умел шалить.

13 из [каких-то] неудачников

5–13 События в доме ∾ всем классом / [В конце концов] Но все это не очень волновало [мальчика] [его, и в гимназии и дома] Клима; у него были свои [задачи и] тревоги, [было слишком] он [чувствовал, что гимназия стирает его] [видел, что гимназия хочет сделать его [та⟨ким же⟩] неразличимым [от всех] среди других

мальчиков, таким же, как они, и он [ви⟨дел⟩] чувствовал, что [у него нет сил, нет уменья] не умеет сопротивляться [сил у] этому процессу уравнения] видел, что в гимназии его отталкивают [в сторону, в группу каких-то робких бесталанных неудачников] к запуганным и робким неудачникам, осмеянным всем классом, к плохим товарищам ($ЧА_2$). [1]

20 *После*: незаконно рожден.— *зачеркнуто*: это всё хлам

21–23 *Текст*: Клим Самгин ∾ умел шалить. Он — *вписан со следующими вариантами*:

21 но не очень успешно / однако, не очень успешно

22 шалости он считал / шалости считал

23 [Клим] Он скоро

29–30 даже [те из них] мальчики старше его

30–31 рассказывал [что-нибудь] о книгах

33 почему это [книга] интересная книга

35 *После*: ему понравилось? — *зачеркнуто*: Это было обидно почти до слез

Стр. 70.

5–7 *Текст*: Они уважали ∾ Огненный глаз — *вписан со следующими вариантами*:

5 [Все зас⟨меялись⟩] Мальчики засмеялись. *Далее зачеркнуто*: и, видя Инокова, а

7 носил [при⟨думанное?⟩] индейское имя

9 взглядом [карих глаз]

12 Некоторые были / Некоторые из них были

22–23 открывал [нечто] несимпатичное

38–39 не [нашли] могли найти

Стр. 71.

4 [тень] тень рогатой головы

8 движение [осто⟨рожно⟩]

15 сознается — [его] исключат.

18 А [идя] на другой день

20 выдал [Инокова] его

Стр. 72.

4 как [после] исправить ее

8–9 адвокат [Маков] [Гусев] Маков

14 на дряблой, бритой / над бритой, дряблой

20–21 [Затем] Говорю так затем

21 [говорил] изрекал он

31–32 у него [вы⟨работалась⟩] [уже] выработалась

33 возбуждало / возбуждало в нем

---

[1] Конец отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-6).

34 Он [на⟨учился⟩] уже научился

35 но [дос⟨таточно⟩] искусно

Стр. 73.

14 [сидели] сидя на крыльце кухни, [спле⟨тали⟩] плели

20 И я? — [зая⟨вила⟩] вопросительно произнесла

23 [Они] Мальчики ушли

25 обильно вспрыснут / обильно спрыснут

26 [мо⟨лодой⟩] листве

29 [жадно] видел [все] это

31 крик [Вара⟨вки⟩] отца

36 как всегда, [вос⟨питанный?⟩] голос

40 ветви кустарника / ветви кустарников

Стр. 74.

2 не впервые / не в первый раз

2–3 и на [сей] этот раз

4–5 натрепать ей уши [как] [точно кошке]

7–8 [стали относи⟨ться⟩] начали ухаживать

22–23 его [неп⟨риязнь⟩] давняя неприязнь к Борису [быстро растет] становится [все] острей.

24 подсмотреть, [что] как Борис

27–28 *После*: Вари Сомовой — *зачеркнуто*: молчаливої, бесцветной, неуклюжей девочки

33 Варавка [отец решил] отправил детей [своих]

36 солидно [сказал] спросил

38 *Перед*: Этим вопросом — *зачеркнуто*: [Помимо] Это было

Стр. 75.

2 все [не] талантливые

5 [Почти] С месяц он прожил

6–7 он [крикливо и безжалостно] властно

32 стали [мягче и] еще красивее

34 Ново и [также] неприятно

37–38 [точно] почти вызывая

38–39 вечерами, [и если] если не было

Стр. 76.

3–33 *Текст*: А когда играли ∾ и улыбался — *вписан со следующими вариантами*:

17 адвокат [Гусев] Маков

18–19 *После*: не любила музыку— ворчливо добавил: нельзя понять ⟨женщину⟩, которая не любит

38 вытерла [рот] алые губы

39 [Ну] Нам скучно. [Спи]

Стр. 77.

5 слыша, [как] что горничная

5–6 по саду, [уже] зовет его

14 [Теперь] Он переоделся

24 потолок [белыми глазами] белками глаз

30–33 *Текст*: Помнишь жену доктора ∾ истину... — *вписан.*

35–36 вызывая досаду ∾ он хотел / вызывая у Клима снотворную скуку, а у Клима были свои мысли, гораздо более нужные ему, чем туманная мудрость учителя, оставлявшая в памяти только темные царапины бессвязных фраз. Клим хотел ◊

37 чтоб они сразу видели / чтоб ими сразу было понято

Стр. 78.

3 всё на земле [покрылось] казалось

5 *После*: стал сереньким.— *зачеркнуто*: В этой окраске ему всё стало мягче и печальней, а

13 Ой, каким ты стал совеночком! / Не обижай его, он стал таким совеночком ◊.

17 точно [не узнавая и] не желая

29 а иногда [внезапно] вдруг

32–33 с приятной [ему] злостью

34–35 ухаживали за Борисом / ухаживали за ним

Стр. 79.

4 [Но] Лидия

4 [таинстве⟨нно⟩] нахмурясь

8 искренно [и горячо] поклялся

12 *После:* шалость.— *зачеркнуто:* А дальше выходило так, что

16 на уроке [тык⟨нул⟩] воткнул

25–26 чувство, [похожее на жалость] близкое жалости

26 не [удивил] тронул

30 *После*: в школу — *зачеркнуто*: и девочка снова стала внимательна и ласкова с Климом

Стр. 80.

9–10 спит ли он? А вчера твоя мама / спит ли он? И я тоже. А вчера [даже] твоя мама

11 [все спали] все спали. Это ужасно...

12 [Она скл⟨онила⟩] Задумчиво склонив

31 сказал [он] Клим, [что] боясь

35 *После*: Не над тобой — *зачеркнуто*: сказал Клим

38 испугав [его], внушила ему

Стр. 81.

4 [Эта] И опасная эта игра

5–6 забыл осторожность / забыл на минуту осторожность

19 *После*: ударил его по щеке — *зачеркнуто*: и прежде чем

20 пинком [ноги] сбил его с ног

20–21 убежал, [воя] дико воя на бегу

27 *После*: отвели Клима в кухню,— *зачеркнуто*: начали мыть его, но когда они смы⟨ли⟩

28 [величественно] [быстро] сердито сдвинув брови

Стр. 82.

2 [беспок⟨ойно⟩] строго глядя

3 [она] мать сказала

9–10 [мягкой] легкой, душистой рукою

15–16 грустны [и], беспокойно мигали

Стр. 83.

7–8 осыпанное [пышными] локонами

23–24 что [у те⟨тки⟩] в доме ее родителей

38–39 Варавка [с мат⟨ерью⟩] с Верой Петровной

Стр. 84.

4 Клим [чувствовал] подметил

5–6 необычайно легко, растроганный / *а.* необычайно легко, растроганно *б.* необычайно легко и растроганно

8–9 отирая [губы] виски

11–12 Клим [тотчас же] через минуту пошел

33 ощущая, что [в ней] в груди [его] его

Стр. 85.

2–3 [точно] судорожно, как пьяный [то⟨чно⟩]

17 Борис, Лидия [пошли], Клим

21 солнце, [медленно] краснея

32 неказисто [одетый] и [слишком] легко одетый

34–35 *После*: набекрень — *зачеркнуто*: Лидия, посмотрев [в его], как стремительно они исчезли в толпе скользящих людей, сказала:

— Бежим за Борей.

— Они... Они...

36 и, [то⟨чно⟩] как по воздуху, [ска⟨тились⟩] катились

38 [ка⟨титься⟩] бежать за ними, [но тотчас] но когда

41 но Клим уже [его] видел

Стр. 86.

2 [закричала] прошептала Лидия

11 что [щи⟨пало⟩] глазам его

12 Встречу [ему с непонятной] непонятно, неестественно

15–16 хватались за [края] лед на краю

28 Она [смывала] отрывала

28–29 играючи [за⟨плескивалась⟩] переплескивалась

32 [Ага, ага] Сейчас, сейчас...

33–34 Держись, [тут мелко, берег...] сейчас...

36 увидеть Бориса с [таким] искаженным ∾ лицом

38 а дома [перед ним, Климом. И]. И чтобы

38–39 видели [Варавку таким] его, каков он в эту минуту.

Стр. 87.

1 он бросил [его] в воду

1–2 Борис [поймал, высоко взмахнув рукою] поймал конец ремня

20 Клим [протянул руку к воде, она] смотрел, как вода

21–23 *Текст*: смотрел и бормотал ∾ он вырвал... — *вписан на полях.*

25 Лед [взвизгивал] скрипел

32 [чел‹овек›] усатый солдат

36–37 а закону не [знаите] знаити...

Стр. 87—88.

38–1 *Текст*: И особенно поразили Клима ∾ и не мог.— *вписан на полях.*

Стр. 88.

12 Бред,— [громко] оглушительно произнес

15 а Бориса [река унесла] не нашли.

16 Глава 2/II ‹глава›. 3 ред‹акция›

л. 30

21–22 жестами очень белых рук / жестами белых рук ◊

24–27 блеск голубоватых ∾ его солидность. / *а.* блеск [голубоватых глаз, остриженные «ежиком» светлые, негустые] [холодных] голубоватых холодных глаз, а негустые, но жесткие волосы, остриженные [по] [«под ежика»] коротко, [часто] делали бледное лицо его [еще более] холодным. *б. Как в тексте.*

34 *После*: в седьмом и восьмом.— *зачеркнуто*: Он вызывал впечатление человека, который хорошо видит свою цель и не торопясь, [но] уверенно идет к ней.

36 проницательностью ума [своего]

Стр. 89.

1–2 Ксаверий Ржига / Ксаверий Ржига, друг дома

6 таков есть [Володимир Макаров] Макаров

9 хотя не питал к ним / не питая к ним ◊

9–10 оба они [безгранично] удивляли его

13–14 Дронов тайно ненавидел / он тайно ненавидел ◊

15–16 сыновьями влиятельных лиц, [заискивающе, даже подхали‹мски›] [слишком заискивающе] заискивающе

26–27 кривизна ног стала заметней / кривые ноги стали заметнее ◊

28 сквозь тесную толпу [людей]

32 была завалена / была также завалена

33–34 Иван таскал / Дронов таскал ◊

34 не утратил влечения / не утратил свое влечение ◊

36–37 Дронов [даже] насилует себя [хотя он делал это так же легко и охотно, как раньше]

38–39 хвастливо [повторял эти слова] напоминал об этом, [но] Клим находил

41 и удивлялся способности / Клим завидовал поглощающей способности ◊

Стр. 89—90.

41–1 [по⟨глощать⟩] ненасытно поглощать

Стр. 90.

1 как говорил / как выражался ◊

2–3 Но к удивлению ∾ примешивалось / И к этой зависти примешивалось ◊

18 творения отцов церкви / творения Тертуллиана, Лактанция ◊

21 Самгину казалось / Климу казалось ◊

23–24 В книгах нет ∾ Дронов сам выдумывает их / *а.* Клим думал также, что [всю силу своей привычки] [свои фантазии] свою привычку фантазировать Иван питает книгами и что в них нет тех странных вопросов, которые волнуют [читателя] его, это он сам выдумывает их *б. Как в тексте.*

26–27 не произнося [буквы] звук «л»

31 пуговицы [сюр⟨тука⟩] мундира

41 *После*: уже седеет.— *зачеркнуто*: Он имел ре⟨путацию⟩

Стр. 91.

3 *После*: в пятый класс — *зачеркнуто*: его отец служил регистратором в Окружном суде

3–5 уже третий год ∾ поведением / *а.* Уже второй год он смущал и раздражал учителей своим поведением, восхищая их успехами в науках *б.* и уже третий год он, восхищая — *Далее, как в тексте.*

л. 31

8–10 резко очерченное ∾ темным пухом / *а.* [с ма⟨ленькими⟩] резко очерченное, густобровое, но его смягчали карие, женски ласковые глаза и немного насмешливая улыбка [красивых губ] [красивых и ярких губ] красивых, ярких губ; верхняя была уже затенена темным пухом *б. Как в тексте.*

18 ожидая [чего-то] необыкновенного

20–21 опытного и зрячего / опытного или зрячего

21–22 Клим не допустил бы [не вынес]

38 и я хочу понять / и хочу понять

Стр. 92.

5 Макаров [по привычке своей] стал тихонько

7 Клим Самгин [привык к] легко усваивал

10 искусно [видоизменять их, умел ловко] ставить свое мнение

13–14 он [еще] окончательно решил

34–35 очевидно, они ∾ опытнее их / даже так, как будто он умнее, опытнее, старше их ◊

36–37 когда [он], устав от [самого себя] постоянного наблюдения за собою, он чувствовал, что [он] идет

39–40 это случилось [однажды вечером], когда

Стр. 93.

1 [Ст⟨оял⟩] Был один из тех

4–5 искрился [радужным] радужной пылью

5 *После*: самоцветов — *зачеркнуто*: за фиолетовым льдом реки, на л⟨иловом?⟩

18 он [ста⟨л⟩] [ст⟨ал⟩] стал рассказывать

20 только [о женщине, о девицах] о девицах

20–21 до этой степени [отчаяния] еще не дошел

22–23 обидное [почти] до слез

25 какие у нее груди / какие у нее ноги выше колен ◊

37–38 тут действует [«дух природы»] «дух породы»

Стр. 94.

2 Макаров [сам] рисует себя

3–28 Тревога Макарова была ∾ от лучшего в себе, а? / *а*. ⟨Тревога Мака⟩рова была еще не испытана Климом, хотя изредка, ночами, он уже чувствовал [бунт] смущающие позывы тела.

— Идем, я озяб,— сказал Макаров.— Ты что молчишь?

— А что я могу сказать? — ответил Самгин, пожав плечами.— Банальность: неизбежное — неизбежно.

— А зачем так рано это начинается? Это, брат, издевательство...

Клим не ответил. Несколько минут шли молча, поскрипывая снегом.

— Пожалуй, писатель прав: отвернись от всего и гляди в один угол. Хотя жена у него хорошенькая и беременна.— И снова, помолчав, спросил:

— А если отвернешься от лучшего в тебе? Штука, брат, а? *б*. ⟨Тревога Мака⟩рова была еще не испытана Климом, хотя он изредка, ночами, чувствуя смущающие позывы тела, [уже] задумывался о том, как [он] разыграется его первый роман, и уже знал, что героиня романа — Лидия.

— Идем, я озяб ∾ начинается? Тут, брат, издевательство... Люба Сомова, курносая дурочка, я ее не люблю, то есть она мне не нравится, [но] а я чувствую себя зависимым от нее. Девицы весьма благосклонны ко мне, как видишь, но...

«Не все»,— [до⟨кончил⟩] мысленно докончил Клим, [вспоминая, что когда Макаров [сидит в мезон⟨ине⟩ Дронова, а внизу, сквозь пол, доносится голос Лидии, которая берет

уроки пения у старика итальянца Лукезе] встречается с Лидией, он] вспомнив, как подчеркнуто неприязненно относится к Макарову Лидия.

Несколько минут шли молча, поскрипывая снегом.

— Пожалуй, Толстой-то прав: отвернись от всего и гляди в небо. Однако ж, он не только писатель, а и охотник, и жена у него хорошенькая и беременна.

И, снова помолчав, спросил:

— А если отвернешься от лучшего в себе? (*ЧА*$_2$ [1])

4–5 хотя он [неод⟨нократно⟩] изредка, почами, чувствуя [запро⟨сы⟩] смущающие запросы тела

8–9 сунул руки в [карманы] карманы пальто

11–12 а все-таки я себя чувствую / а все-таки я чувствую себя

14 мысленно закончил Клим / мысленно докончил Клим

20 неизбежное — неизбежно. [Шопенгауэр, вероятно, прав...]

27 и гляди в угол / и гляди в угол,— в небо, в душу [себе] свою

29–34 *Текста*: Клим Самгин промолчал ∾ хлопнув калиткой.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

л. 32

29–30 ему [положительно приятны были сле⟨зы⟩] всё приятнее было слушать

31–32 и, оглянувшись, [[ска⟨зал⟩] шагнул на двор трактира играть на биллиарде] шагнул на двор трактира

35–39 не внесли в жизнь Клима ∾ как-то умалялся / не внесли в его жизнь изменений, особенно глубоко волновавших его. Всё совершалось [очень быстро] очень просто и быстро. Постепенно и [очень оправданно] вполне естественно исчезали один за другим люди. [Поездки отца боле⟨е⟩] Отец все чаще исчезал из дома, [все] [каза⟨лся⟩] [и] всё как-то [точно ра⟨стаивал?⟩] умалялся (*ЧА*$_2$)

38–39 уезжал куда-то, [все как-то] он как-то умалялся

Стр. 94—95.

40–13 *Текста*: Перед этим он стал ∾ завывающий голосок — *в ЧА*$_2$ *нет*; *вписан в БА со следующими вариантами*:

Стр. 94.

40 Перед этим ∾ меньше / Говорить он стал меньше ◊

Стр. 95.

7–8 Продали лесопилку [а]?

11–12 возвращался домой [заметно] пьяным

---

[1] Начало отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-9).

13–30 В утро последнего своего отъезда ∽ пухлый рот свой. / Перед этим он [во⟨шел⟩] [вошел] зашел в ком⟨нату⟩ Клима, сопровождаемый негромким напутствием матери:

— Прошу тебя,— без драматических монологов. Пожалуйста.

— Ну, милый Клим,— сказал он, войдя и улыбаясь дрожащей улыбкой,— дела службы заставляют меня уехать надолго. Да, брат. Я буду жить в Финляндии, в Выборге. [Бумажное дело.] Митя поедет со мной. Вот как. Ну, прощай.

Дмитрий простился грубо и враждебно. Обняв Клима, он похлопал его по спине, поцеловал в лоб, щеки [и], прибавил:

— Дедушка — тоже с нами,— и быстро ушел.

А за несколько дней перед этим дед вошел в гостиную, важно переставляя свои деревянные ноги, и, крепко тыкая пальцем в пол, закричал на мать:

— С-сударыня! Дети — не игрушки... Ваши годы, сударыня...

Мать встала и подошла к двери стол⟨овой⟩, плотно прик⟨рыла⟩ ее (*ЧА*$_2$); *Как в тексте, до слов*: Дела [службы] заставляют меня — *Далее, как в тексте, до слов:* показалось, что он — *Далее*: [хотел — прикрыть пухлый рот свой ладонью] хотел ладонью прикрыть пухлый рот свой.— *Далее зачеркнуто*: А за несколько дней перед этим дед вошел в гостиную, важно переставляя свои деревянные ноги, крепко стукая палкою в пол, и закричал на мать:

— Сударыня! Дети — не игрушки... Ваши года, сударыня, казалось бы, должны...

Мать встала, подошла к двери в столовую и плотно прикрыла ее. [1] (*БА*)

Стр. 95—96.

31–39 Когда дедушка, отец и брат ∽ во время завтрака, Лидия / Когда дед, отец и брат исчезли, дом нимало не опустел [без] от этого, но через несколько дней Клим все-таки вспомнил чьи-то неверующие слова, сказанные на реке [в минуту], когда утонул Борис:

«Да был ли мальчик-то, может, мальчика не было?»

[В этих словах было] [Он часто] В них заключалось что-то навязчивое, [и] как будто они хотели [б⟨ыть⟩] стать поговоркой, забавным лозунгом. [А ужас] Ужас, испытанный Климом в те минуты, когда [ма⟨льчик⟩] красные, цепкие руки, высо-

---

[1] Ср. варианты к стр. 63—64, строкам 35—7.

ваясь из воды, поднимались к нему, он [почти] прочно забыл. [Вся эта картина] И хотя сцена гибели Бориса вспоминалась ему [как иногда не⟨приязненное⟩] редко [и], лишь как неприязненное сновидение, но [слова Бориса] в словах скептика было что-то назойливое, как будто они хотели утвердиться [как заба⟨вная⟩] [как см⟨ешная⟩] как забавная поговорка [как позиция].

Клим ценил такие [фразы] поговорки, [острые словечки] [видя, что] смутно чувствуя их двусмысленность и видя, что именно они чаще всего принимаются как мудрость.

Главным источником [чу⟨жих?⟩] [размышлений и на⟨блюдений⟩] наблюдений Клима стала Лидия. Это [случилось [ср⟨азу⟩] сразу после одной ист⟨ории⟩] началось летом, на другой год после смерти [ее брата] Бориса, когда ей уже минуло 12 лет. [Кончались каникулы, Игорь Туробоев должен был ехать в Петербург, отец перевел его из военной школы в какую-то другую.] Игорь отказался учиться в военной школе и должен был ехать в Петербург, в какую-то другую. И вот [накануне его отъезда, за вечер⟨ним⟩ чаем, Лидия реш⟨ительно⟩ зая⟨вила⟩] за несколько дней до отъезда, во время завтрака, Лидия (*$ЧА_2$*) [1]

Стр. 95.

33 [а] но через несколько дней

л. 33

40–41 вспоминалась ему всё [реже] более редко

Стр. 96.

3–4 подмигивающей поговоркой:

[Был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?] Может, мальчика-то и не было? [Лидия тоже как будто забыла о брате]

8 вспоминая всё, что [он] слышал за день

12–13 юноши вдумчивого [и ориги⟨нального⟩]

19–20 Клим [с недоумени⟨ем⟩] недоуменно, с досадой, близкой [уны⟨нию⟩] злому унынию

23 [то⟨чно⟩] точно он для нее бесплотен

26 в лисью бороду ∾ улыбкой / *а.* большой красной улыбкой в лисью бороду свою *б.* в лисью бороду [свою] большой, красной улыбкой

29 *После*: Выдумает и — верит.— *зачеркнуто*: Собрав бороду в горсть, он вздохнул, добавляя:

---

[1] Конец отрывка *$ЧА_2$* (ХПГ-21-1-9).

— Впрочем, никто из нас не свободен от выдумки, на пей основапо всё, что именуется культурой...

Стр. 97.

5 строго сказал [Варавка] отец

11–12 заметила мать / сказала мать◊

17–19 очень звонко ∾ просит Варавку / и очень звонко, четко объявил, что он любит Лиду, не может ехать в Петербург и просит Варавку убедить его отца◊

23–24 Игорь [стоя] стоял неподвижно [и прямо, как оловянный солдатик], но казалось

31–32 как [он должен] отнестись

33–35 Варавка ∾ отцом Игоря, лысым / Варавка увел Игоря за руку по двору и ожесточенно тряс бородою. Он скоро вернулся вместе с маленьким, толстым, сухоньким отцом Игоря, лысым, с седыми усами◊

36–37 Они долго ∾ седые усы Туробоева / Они пошли наверх, к Варавке, но тотчас же вернулись и долго ходили по дорожке сада, усы Туробоева◊

41 строго приказала Климу [идти на урок]

Стр. 98.

1 Тебе пора [идти] па урок

4 что [этого] это пельзя

7 [Но] Ничего не упало.

9–10 [Но] Девочка не появлялась

11 *После:* Тани Куликовой.— *зачеркнуто*: Мать и Варавка в⟨стали?⟩

12–13 только [стро⟨гие⟩] лица [Лидии] Игоря и Варавки

15 [и не нашел наказания] и не нашел [для нее] для девочки наказания

19 точно пьяные [а]. Варавка всё

22–25 заиграла ∾ раздались крики / *а.* играла что-то веселое,— как-то вдруг музыка оборвалась. [«Это они целуются»,— сообразил Клим, засыпая, и вдруг снова проснулся — Варавка дико орал] Клим задремал, но через несколько минут был разбужен тяжелой беготнею наверху, [там] [т⟨ам⟩] раздался крик Варавки *б. Как в тексте.*

27 а Лидии — нет [А?]

29 лампа ∾ в спальне / свет горел только в комнате ◊

л. 34

31 [он] он был в халате

34 виновато и пегромко / пегромко ◊

Стр. 99.

1–2 каждую минуту угашая / то и ⟨дело⟩ угашая ◊

6 [темная] фигура его исчезала
11 под навесом кустов [сирени, изм⟨ятая⟩]
19 Что ж тут сидеть, [идемте] [идем] идемте домой.
20 грубость Дронова [и], удивил его
25 звучали разбито / звенели разбито
32 что [свал⟨илась⟩] упала она
33–34 в окно комнаты Игоря [желая]

Стр. 100.

2 Что с тобой? [Почему кровь?..]
11 присев [на кр⟨ай⟩] на ступень
15 всё это ∾ и выдумка / *а.* всё это только [игр⟨а⟩] игра и выдумано *б.* всё это [тоже] только игра и выдумано
22 Ахиллесы, Патроклы, [всё] — болваны
30 [Это было у тебя в доме?] Какая она?
34 не влюбится, шалишь/не влюбится, дудки! [Ш⟨алишь⟩]
35 [Клим слушал] [Клим видел, что Дронов] Клим слушал
35 с досадой, [но чутко] но ожидая
36–37 недоумение ∾ Клима / неприятное недоумение, очень смущавшее Клима, хотя он и видел, что Дронов лжет ◊
38–39 рассказывал [он] Дронов

Стр. 101.

1–3 *Текст*: Досадно было ∾ не мешал Ивану — *вписан со следующим вариантом*:
1–2 но [Клим], видя, что эта ложь
3–4 серьезно, и глаза некоторых / серьезно, жадно, глаза некоторых ◊
5 знакома Климу [по фарфоровым глазам Томилина. Он видел, что Лидия, благодаря хвастовству Дронова, становится героиней в гимназии. Это было неприятно ему.] [по фарфоровым глазам Макарова] [Макаров ни о] [Макаров держался в ст⟨ороне⟩] по фарфоровым глазам Томилина
8–9 Перед отъездом Игоря [его привела]
9 задыхающаяся [мать] [ст⟨рашно⟩] Туробоева, страшно
21 Лидия писала [матери] Игорю
33 поджав губы, [сосредоточенно и молча] не верит им

л. 35—36

36–41 *Текст*: Клим все-таки сказал ∾ она убежала.— *вписан.*

Стр. 102.

3 много оживления / много оживления, выдумки
22–27 *Текст*: За три года Игорь Туробоев ∾ с одним человеком...— *вписан.*
32 как локти / точно локти
33–34 потемнели густые / [выросли] потемнели тонкие, но густые

40 «Что вы?» / «Это вы?»

Стр. 103.

6–7 Иногда он [чувствовал] говорил ей «вы»

8 ее скрытого лица / этого нового лица ◊

15 [кутая] туго кутая

20–21 [За⟨чем⟩] И зачем знать то

34 очень виноват / [очень] виноват

38–39 псевдоним [по имени жены, объя⟨сняя⟩], шутливо объясняя

40–41 не произносят ∾ и мне / произносят не Нестор, а — Нестер, [так и] и мне ◊

Стр. 104.

5–6 кустики [шер⟨сти⟩] темной шерсти

7 он напоминал / он чем-то напоминал ◊

8–9 маленькие глазки блестели оживленно / оживленно блестели маленькие [гл⟨азки⟩] глазки ◊

9 Клим все-таки / Климу все-таки [хо⟨телось⟩] ◊

11 [Он] Говоря, он склонял

14 Он употреблял / ⟨*2 нрзб*⟩ Говоря, он употреблял ◊

15–16 этим он явно ∾ старался / явно, но не очень успешно стараясь ◊

26 *После*: не поймаешь, нет! — *зачеркнуто*: Он часто ходил на охоту. Клим слышал, как он, не без гордости, сказал однажды:

— Охота — литературная страсть, [Толстой] Тургенев, Некрасов и много других писателей были охотники. Даже Лев Толстой в молодости...

Томилин тихо спросил его:

— Но как же это вы — умиляетесь природой, а птиц и [жи⟨вотных⟩] зайцев бьете? На чем объединяется уми⟨ление⟩

34 маринованными грибами / квашеной капустой ◊

л. 37

36 бегал по комнате [вскакивал со сту⟨ла⟩] и говорил

39 чутье [пра⟨вды⟩] на правду

Стр. 105.

6 Клим заметил / Климу думалось, что человек этот ◊

10 Ты прав, Нестор, [ныне] забывают

11 первопричина, а теперь выдвигают / первопричина, точнее — дух и плоть истории; именно это и обязывает нас. Но [вооб⟨ще⟩], уклоняясь от обязанностей, ныне выдвигают ◊

13 в этом человеке [не] есть что-то

17 молоком своим кормить / кормить молоком своим

24 [разноголо⟨со⟩] не очень стройно

Стр. 106.

7 облегченно [отираясь, восклиц⟨ал⟩] ухал

10 подмигивал [беременной] жене своей

14 розовая и [ежегодно] беременная

18 нечто [необыкновенное] пугающее

25–26 неплохо у [этих] забавных ∾ людей, в [полупустой] комнате

28 *После*: простодушно — *зачеркнуто*: и приятно скучно, в этой скуке Клим отдыхал

29 медленно [и то⟨ржественно⟩], торжественным шагом

31 и садился / и молча садился◊

37–38 тихо и [как будто] будто с досадой

39 Раза два [или]-три приходил

Стр. 107.

3–4 метко [ему], и с той поры ему

5 лет [семь] десять тому назад

7 [Бы⟨ло⟩] Было несколько похоже

10 с несомненной и горячей верой / с горячей верой◊

12 всё же он [выносил] выносил из флигеля

13 мысли и меткие словечки / *а*. знания, мысли, меткие словечки *б*. книжные знания, мысли, меткие словечки◊

14 он оценивал это / иногда он оценивал это◊

21–22 здесь чему-то научишься / *а*. здесь, у этих, [тоже] чему-то научишься *б*. и здесь, у этих, чему-то научишься◊

23–29 но это ее стесняло ∾ вопросы об интеллигенции / *а*. но она держалась стесненно [и], недоверчиво и молча, только Дронов требовательно и визгливо ставил вопросы *б*. но она держалась стесненно и молча, только Дронов требовательно ставил вопросы [о] [как те] [это вопрос о том: государство для человека или] [Клим особенно хорошо помнил]. Особенно интересовал его вопрос (*ЧА*$_2$) [1]

30–31 Знатоком этих вопросов был человек / *а*. Знатоком этого вопроса считал себя человек *б*. Знатоком ∾ был человек (*ЧА*$_2$)

34–36 Прежде чем ответить на вопрос ∾ осторожно крякал / Прежде чем ответить, человек этот осторожно крякал (*ЧА*$_2$); Прежде чем ответить на вопрос, человек этот [оглядывал о⟨сторожно?⟩] осматривал всех в комнате светлыми глазами, осторожно крякал (*БА*)

л. 38

38 в небольшую картофелину / с небольшое яблоко (*ЧА*$_2$)

---

[1] Начало отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-10).

Стр. 107—108.

39–11 общечеловеческого значения ∾ этот человек / *а.* общечеловеческого значения, но нигде в мире он не ставится с такою остротой, как у нас, в России,— начинал он высоким, но несколько тусклым голосом *б.* общечеловеческого значения,— начинал он высоким, но несколько тусклым и усталым голосом. Писатель Катин, [под⟨няв⟩] [подняв руку] предупреждающе подняв руку и брови, осматривал присутствующих [как бы] взглядом, [командовавшим] который красноречиво командовал: «[Смирно!] Смирно! Внимание!»

— Потому что у нас есть категория людей, которых [[Запад] ни Запад, ни Восток не имеет] не мог создать даже и культ⟨урный⟩ Запад,— я говорю о русской интеллигенции, о людях, [т⟨ех⟩] чья участь — тюрьма, ссылка, каторга, виселица [1].

Затем он говорил о декабристах, народовольцах, и говорил длиннейшими периодами [и глядя в стену] [и так, как будто [все] события, упоминаемые им] [и так скучно] и так, что [Макаров] [Дронов] Макаров прошептал [Дронову] Климу: — [Скучно говорит, как будто] Говорит так, как будто всё это было [триста лет тому ⟨назад⟩] за триста лет до нас (*ЧА*$_{2}$)

Стр. 108.

9 о людях, [участь которых] чья участь

11–22 и в тоне его речи ∾ изредка спрашивал / *а.* В тоне его речи Клим чувствовал нечто учительное, уговаривающее [и] и, после насмешки Макарова, [ж⟨алобное⟩] бабье, жалобное, но смысл речей его понимал плохо. [Он называл Ма⟨ркса⟩] [Ма⟨ркса⟩] Говорил он о «хитром талмудисте» Марксе, который вычеркивает [из истории] человека из истории, о «безумном ученике Бисмарка Фридрихе Ницше», о Петре Лаврове, поставившем личность «незыблемо в потоке жизни».

— Теории Маркса и Ницше — государственные, [они защищают] защищая интересы государства, они обе, с разных концов, [отводят человеку и] *б.* В тоне его речи Клим чувствовал нечто увещевающее, он не рассказывал, а уговаривал. [После насмешки Макарова — бабье, жалобное [но смысл его слов понимал плохо]]

Из угла пристально, белыми глазами смотрел на него Томилин, [изредка спрашивая] [и] негромко изредка спрашивая (*ЧА*$_{2}$)

---

[1] *Возле этих слов, на полях,— помета карандашом:* «Вст⟨авка⟩», *вставка отсутствует.*

12 нечто [увещевающее, ди⟨кое⟩] странное

13 *После*: уговаривал — *зачеркнуто*: После насмешки Макарова [Климу] Клим [дей⟨ствительно⟩] действительно подметил в безымянном человеке этом что-то бабье и жалостное [несмотря на его широкую серую бороду].

15 ходовые словечки; Клим привык / ходовые словечки, и Клим [да⟨же⟩] [и] привык

17–18 Макаров ∾ шептал / [Макаров тоже всё более зло высмеива⟨л⟩] Макаров, всё более скептически поглядывая на [оратора] всех, шептал [в ухо Климу]

Стр. 108—110.

23–14 Вы обвиняете Маркса ∾ Пасхой или Рождеством / *а. Текста нет. б.* Вы обвиняете М⟨аркса⟩ в том, что он [вычеркивает] вычеркнул личность из истории, [но ведь то же самое] но разве не то же самое сделал [Толстой] в «Войне и мире» Толстой, кот⟨орого⟩ считают анархистом?

[Он] Томилина и здесь не любили. Клим находил, что учителю нравится это и что он нарочно [ставит] поднимает вопросы, [вс⟨ех⟩] раздражающие всех.

[Дронову дом] [Климу особенно нравилось это в нем] [Климу все более нравился] Однажды [учит⟨ель⟩] писатель, разругав статью [как⟨ого-то⟩] в каком-то жур⟨нале⟩, швырнул журнал под стол:

— [Когда вам икону] Икону вы бы не бросили так, [а в книге] а ведь в книге больше души, чем в иконе.

В другой раз, когда писатель [восхищался] [умиленно восхищался] восхищался красотой и щедростью природы, Томилин заметил:

— Вот вы умиляетесь [а сами бьете] — и убиваете птиц, зайцев,— как это соединить?

Писатель несколько [сконфу⟨зился⟩] смутился, но затем сказал:

— Тургенев, Некрасов [были] тоже охотились, да и Лев Толстой в молодости, и многие...

Томилин усмехнулся [1]. Общее недружелюбие к нему усиливало симпатию Клима к человеку, который тихо и упрямо ни с кем не соглашался и умел говорить четкие слова, которые хорошо укладывались [в [те⟨ории⟩] те⟨ории⟩] в памяти.

На вопрос Дронова, что т⟨акое⟩ интеллигенция, он ответил:

---

[1] *После*: усмехнулся — *знак вставки, вставка отсутствует.*

— Интеллигенция — лучшие люди нашей страны, люди, которым приходится отвечать за все плохое в ней.

Макарову это не понравилось.

— Это значит — те праведники, ради которых [п⟨оща-дил⟩] Бог [щадит] [пощадит] щадит Содом и Гоморру? Ну, [это, знаете] знаете, такая роль не для меня.

«Хорошо сказал»,— подумал Клим, вздыхая, и вспомнил, что Варавка, пожав плечами, определил интеллигенцию еще проще:

— Высококвалифицированные рабочие, вот и все [1].

Лидии не нравилось бывать у писателя, она после первого же визита, просидев весь вечер рядом с ласковой женою писателя, недоуменно сказала, наморщив нос:

— [Почему] Зачем они так кричат? Кричат так, как будто сейчас начнут бить друг друга, а потом садятся за стол, пьют водку и глотают маринов⟨анные⟩ грибы. А писательша [уп⟨рямо⟩] все гладила меня по спине, точно я кошка.

— [Ой, ты злюка] Какая ты злюка,— воск⟨ликнула⟩ Люба Сомова. — А мне все они нравятся, точно повара на кухне перед большим праздником — Пасхой, Рождеством.

Макаров говорил в тон Лидии, ему [писа⟨тель⟩] не нравились вечера у писателя, не нравился и сам Катин.

— Что он хвастается тем, что живет под надзором полиции. Точно это его пятерка за поведение.

— Зачем же вы к нему ходите? — строго спросила Лидия.

— А я, видите, люблю выпить, своих же средств у меня на это — нет! — [насмешливо ответил он] [ответил он комически] ответил он [2].

Климу было приятно видеть, что Лидия относится к Макарову полувраждебно, а Макаров к ней — насмешливо. (*ЧА*$_2$) [3]

Стр. 108.

24–25 сделал в «Войне и мире» Лев Толстой / сделал Лев Толстой в «Войне и мире» ◊

25–26 *После*: анархистом? — *зачеркнуто*: Я не поклонник Толстого и анархизма,— скупо ответил

---

[1] *На обороте страницы на полях написан и зачеркнут предварительный набросок этого диалога*:

— Ну, роль праведника в Содоме не для меня.

«Хорошо сказал»,— подумал Клим, вздохнув. Варавка называл интел⟨лигенцию⟩ высококвалиф⟨ицированными⟩ рабо⟨чими⟩

[2] *Текст*: Макаров говорил ∾ ответил он.— *написан на полях без указания места вставки*; *вводится в текст по смыслу*.

[3] Конец отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-10).

34 а ведь в [иконе] книге

л. 39

38–39 основанная на данных / основана на данных

Стр. 108—109.

40–12 Писатель был страстным охотником ∾ Как это совмещается?/ *а*. В другой раз, когда писатель умиленно восхищался красотой и щедростью природы, Томилин тихо спросил:

— Вот вы умиляетесь и убиваете птиц, зайцев,— как это [соединить] совместить? *б. Как в тексте.*

Стр. 109.

19–20 для него становился ∾ человек / *а*. [а этот некрасивый [че⟨ловек⟩] человек] для него становился всё интересней независимый человек *б*. для него становился всё поучительней независимый человек ◊

21 не соглашаясь, умел / не соглашался и умел

22 *После*: в память.— *зачеркнуто*: Писатель тоже говорил много, пылко и крикливо.

23–24 писатель рассказывал / он тоже рассказывал ◊

34 слушал [крики [б⟨ольного?⟩] истер⟨ические⟩] речи писателя, [глядя в пол] не глядя на него

35 крепко [на⟨?⟩] сжав губы

38–41 *Текст*: В другой раз, наблюдая ∾ отодвинулась от него.— *вписан со следующими вариантами*:

40 Видите, [как] с каким трудом

41 Нахмурясь, Лидия / Лидия, нахмурясь ◊

Стр. 110.

1–2 [Лидия] Она редко бывала во флигеле, [ей] после первого же [визита] визита

5–6 пьют [пиво] чай, водку

7 *После*: точно я — кошка.— *вписано и зачеркнуто*: А потому, это⟨т⟩

8–10 *Текст*: Лидия вздрогнула ∾ не выношу беременных! — *вписан со следующими вариантами*:

8 Лидия вздрогнула [сморщила лоб] и, наморщив лоб

17–18 нравилось [видеть] наблюдать

18–19 самонадеян и уныние выступает / самонадеян [и], хвастлив, и что-то унылое [все б⟨ольше?⟩] выступает

21 [слишком] [чрезмерно] слишком долго и громко

37 вспомнил [раздра⟨жающие?⟩] слова Варавки

38–39 Есть и другой взгляд ∾ и только. / Для меня интеллигент — высококвалифицированный рабочий и — только, все же иные определения сущности интеллигента — бес⟨смысленны⟩. ◊

40–41 Но и тут Макаров ∾ на стиль Варавки. / Макаров немедленно догадался: — Стиль Варавки ◊.

Стр. 111.

1 [С некоторого времени] Чувство скрытой неприязни

2–4 Макаров, посвистывая ∾ ему не нравится. / Макаров посвистывал все более громко, дерзко и смотрел на всё взглядом человека, который как бы только что явился из большого города в маленький, где ему всё не нравится.

5–6 не менее ∾ Варавка и Томилин / не менее [острые] интересные, чем слова Варавки и Томилина

11 но яркое [из них] исчезало

12 сказать вовремя и ловко [как находил Клим]

13–14 на концерт пианиста / на концерт знаменитого пианиста

14–15 [вы⟨вели⟩] два щеголя [вы⟨вели⟩] торжественно вывели

16 и не очень [ловко] умело

24–25 Макаров, [при⟨выкший⟩] избалованный

27 с поклонницами / со всеми поклонницами

31–32 они и флигель писателя посещают / что Макаров и Лидия [посещают и флигель писателя] и флигель писателя посещают

34–35 в [горо⟨дской⟩] аллее старых лип

35 солнце спускалось / солнце [пуг⟨ливо?⟩ [нисходило] опускалось

39–40 в котором [продавалось] продавали

40–41 Осенний ∾ щеки Самгина. / *а.* Осенний холодок чувствовался в воздухе. *б.* Осенний грустный холодок ласкал [лицо] щеки Самгина ◊.

Стр. 112.

л. 40

8 но все-таки не удалось / но ему не удалось ◊

9 из глубокой [почти угрюмой] задумчивости

9–10 [С у⟨грюмого?⟩ [С окаменевшего лица ее черные] Черные глаза ее неотрывно смотрели на [разгора⟨ющееся?⟩] реку, на багровые тучи [за нею].

10–11 [Поч⟨ему-то⟩] Клим почему-то вспомнил [о⟨дну⟩] [церков⟨ную⟩] легенду

17 Комплимент святого ∾ я думаю / Он, святой, этот Климент ◊

18 смутило Клима [еще более], он замолчал

22–23 в стоптанных [давно не чищенных] сапогах

26 сунув руку [Климу] товарищу

28 [быстро] по-солдатски приложив пальцы

28 *После*: к фуражке.— Но взглянул [он] на девушку невнимательно, мельком.

28–29 [Торопливо закурил] Закурил папиросу
36–38 *Текст:* Макаров негромко ∾ Варавка... — *вписан.*

Стр. 113.

1 поправил фуражку [и], усмехнулся
4 Макаров и Лидия [начали говорить] заговорили
4 *После:* как будто — они давнс уже знакомы
17–18 [Когда] Двухцветные вихрастые волосы
20 Лида [дергала], дергая рукав
23 Клим еще никогда / Клим никогда еще
29–30 избегала споров / не любила споров ◊
32–33 вполголоса ∾ таинственном / вполголоса о чем-то, должно быть, таинственном, болезненно и брезгливо морщась. Она вообще относилась брезгливо ◊
34–35 и не скрывала ∾ себя старше / не скрывая этого, казалось, что она считает себя [лет] старше ◊
37 держался с нею [дерзко] нагло
39 одолеть и унизить / одолеть, [пер⟨субедить⟩] но скорее переубедить, чем унизить ◊
40 сказал он, [чтоб] сердито

Стр. 114

7 [Лидия] В ответ ему девушка
7–8 быстро [от⟨ошла⟩] пошла прочь
15 тотчас же [смягченно] отметила
18–19 близкое уважению / похожее на уважение ◊
20 Чувство это [быстро углублялось под [частым] ощущением ее, его] усиливали [углубляли]
29 преодолеть ее недоверие [и равнодушие]
32–33 [его] и сексуальные эмоции [еще не волновали] не очень волновали его
35–36 для себя он ∾ невозможным / и для себя он счел бы такой роман [ед⟨ва ли⟩] не возможным ◊
39 что [это] танцы ниже его достоинства
39–40 Со знакомыми девицами [он] держался сухо
41 усвоенной [им] от Игоря Туробоева

Стр. 115.

л. 41

2–3 Клим [несколько] напыщенно молчал
5 он был поражен / был он поражен ◊
11 за спину, [в другой] другую руку
16 спросил Клим [не удивляясь]
19 Надень фуражку [Дронов].
20 Иван поднял руку [так] медленно
27–28 все люди на земле — [случайность] случайное явление

31–32 с трудом находя слова, [точно] выцарапывая их
34–35 когда я целовался с [Ритой] Маргаритой
36 С ней? / С Ритой? ◊
39 *Перед:* Он вспомнил — *зачеркнуто:* Он представил

Стр. 116.

3–4 она [вообще] работает «по домам»
5–6 в отношении к [женщинам] женщине
21–22 вероятнее, [что] он целовал
27–28 Клим ∾ и добавил / [Ответив ей, Клим сказал] Клим рассказал о Дронове и прибавил
30 [многие] многим помогал
39–40 Я сказала Ржиге, что [в этом] в книжках

Стр. 117.

2 *Перед:* обычное у детей — *зачеркнуто:* обычная сла⟨бость⟩
9 *После:* обогатить ее.— *зачеркнуто:* Тимофей Степанович вполне согласен с ним.
14 [Но ты] Ты должен знать
16 Но я убеждена / [Но мне кажется] Но я подоз⟨реваю⟩ ◊
21 но сам [он] был уверен
22 солиднее, [крепче] глубже
26 крепко обнял / обнял ◊
27–28 впервые [почувствовав] чувствуя
40 Он переживал ∾ для него. / *а.* Он испытывал волнение, новое для него, смягчающее. *б.* Он испытывал волнение, новое для него, в памяти на секунду вспыхивали цинические слова, соблазнительные сцены, нер⟨еальные⟩ ◊
40–41 За окном бесшумно кипела / За окном шевелилась ◊

Стр. 117—118.

41–1 [в комнате был] в мягком, бесцветном сумраке

Стр. 118.

л. 42

10 Это девочка [ви⟨димо⟩] ненормальная
14 Заглянув в глаза сына / Заглянув в [л⟨ицо⟩] глаза Клима ◊
16 ответил Клим [но я нем⟨ного⟩]
20 не хватает ∾ денег / недостаточно десяти рублей карманных денег? ◊ *Далее зачеркнуто:* Клим понял смысл ее вопроса, густо покраснел и не ответил.
24 некоторых [эмоций, чувств и] желаний
26 и не [от⟨ветил⟩] нашел, что сказать
27 он пошел [на] в мезонин
28 прислонясь к печке / прислонясь спиною к печке ◊
28 Макаров, [вскинув голову] пуская в потолок

29 разглаживая [те⟨мные⟩] пальцем темные тени

Стр. 119.

6–7 глупые книги? [Ты] — заговорила Лидия

11–12 Девицы любят [сладкое] [кисленькое] кисло-сладкое,— [проворчал] сказал Макаров

14 *После:* не ответила ему — *зачеркнуто*: продолжая говорить задорно [и не] и не своим голосом

17 уступает [свою] женщину

25–26 [снова и] вызывающе спросила девушка

26–27 пред Климом повторилась / *а.* Клим увидел *б.* пред Климом разыгралась ◊

30 [И] Напряженно вслушиваясь

31 что [они] хотя [они кричат на языке] они кричат [все] слова обычные

35 покраснев, [размах⟨ивая⟩] размахивая руками

35 [можно] [казалось] Клим ждал

37–38 неприятно [напоминали] напомнили

39 *После:* Бориса Варавки.— *зачеркнуто:* Макаров каз⟨ался⟩

41 *После:* тревогу — *зачеркнуто:* Клима, а лицо Макарова [каза⟨лось⟩] — красивее, чем всегда

Стр. 120.

3–4 сидя на койке [неподвижно], посматривал на спорящих [бега⟨ющими⟩] бегающими

4–5 плоскую ∾ изредка кривила / плоская физиономия его изредка кривилась ◊

11 Закурив ∾ прибавил / И, закурив папиросу, прибавил ◊

13 и свалился боком / свалился боком

15 заговорил он тихо / заговорил он почти озлобленно ◊

16 Потом грубовато спросил / Потом спросил ◊

17 *После:* за столом —

— Ты к девицам ходишь?
— Нет.
— Врешь.
— С какой стати?
Дронов невесело засмеялся.

18–19 в любви — нет милосердия [от⟨ветил⟩]

24 Грубость у него — [как] признак ремесла

26 Прислушиваясь к вою / Прислушивавшись к [угр⟨юмому⟩] вою

26–27 [он] Дронов продолжал

30 лет сорок, что ли [или]

41 [пере⟨спросил⟩] не сразу отозвался Дронов

Стр. 121.

7 [Клим] Он чувствовал себя

л. 43

7–8 привязанным [к навязчивому] к мыслям

9–12 эти назойливые мысли ∾ любопытством / мысли эти живут не в нем, а вне его. Он хотел бы понять, с каким чувством скромная белошвейка целует некрасивого, [гр⟨убого?⟩] Дронова ◊

11–12 а не чем-нибудь иным / а не чем-либо иным

16 самое важное [для него]

23–24 в серый, [крестьянского сукна] домотканого сукна кафтан, в тяжелые [грубо валяные] валяные сапоги

27 странно, [как бы] [точ⟨но⟩] точно его

28 [и] с той поры он

29–30 смотреть вверх [вдаль]

30–31 от порочной [преступной] городской жизни

37 корыстно, с проповедью / с проповедью ◊

40 будьте [людями] детями земли

Стр. 122.

4 слышал, что [слова учителя] голос учителя

5 *После*: и резче — *зачеркнуто*: а лицо [каза⟨лось⟩] стало сытее и спокойнее

8–9 нос заострился, [а все лицо] лицо стало голодным [хищным]

11–12 [на] обеими руками он терпеливо [рас⟨чесывал⟩] отбрасывал их

12–13 с переодетым [чел⟨овеком⟩] в мужика человеком

17 *После*: свою истину — *зачеркнуто*: но он все-таки различал, что главным образом борются две истины

18–19 [строгим] строго и апостольски уверенно

25 *Перед*: С дивана — *зачеркнуто*: [На] В углу, с клеенчатого дивана

30–31 Томилин с любопытством / а Томилин с любопытством

32 Неужели вы считаете / Неужели вы серьезно считаете

41 поэтому огромная голова / поэтому голова◊

Стр. 123.

7–8 и [гордо, властно] говорил об обезьяне

9–10 как будто [это] [всё] это он сам [и] создал Вселенную

11 *После*: планеты.— *зачеркнуто*: Он казался пьяным и образная речь его опьяняла, его слушали

13–14 жадно, [о⟨ткрыв⟩] приоткрыв рот

16 сказано нечто [изумительное], навсегда решающее

18 еще более каменело /еще более окаменело

21 но они внушают / но в корне [своем они] своего учения они внушают

26 не слыша [кратких] возражений

28 безмолвная тьма / безглагольная тьма◊

Стр. 123—124.

л. *44*

41–1 о механизме Вселенной с восторгом [с восхи⟨щением⟩]

Стр. 124.

3 *После*: с наслаждением.— *зачеркнуто*: И смысл их речей уравповешивался, становясь [искр⟨енним⟩] [как бы] почти неразличимым

13–14 и сказать умеют, [но хотя всё это] и всё это значительно, [а — не греет] но хотя и светит, а — не греет

22–23 и [дорóгой] Дронов поставил

29–30 и совершенно непримиримы, они всегда / совершенно непримиримы и всегда◊

30 разделять людей / разъединять людей

32–33 красив, но бесплоден / поэтичен, красив, [но... кажется] но — бесплоден

34 Во всех системах мышления о мире [более] скрыты, более или менее искусно

Стр. 125.

2–24 Они грубо ∾ Важничать начал / *а.* Чёрт бы его побрал,— сказал Дронов, когда [Томилин] довели Томилина до его квартиры и простились с ним. Важничать стал *б. Как в тексте, до слов*: к ней — *Далее*: она [сла⟨бая⟩] [даже ошибо⟨чная⟩] даже и неверно — *Далее, как в тексте, до слов*: к покою, порядку, равновесию — *Далее, как в тексте.*

26–27 до сознания Клима сквозь [туман] [некий туман] [туман] [туманное нечто] [нечто другое] другое

29 [Зап⟨омнилось?⟩] Как будто память

Стр. 126.

1 и раньше это отталкивало / и это отталкивало◊

2 возбуждая в нем [през⟨рение?⟩] чувство брезгливости

3 которая [однажды] резко сказала

4–7 Но теперь, после того ∾ в котором / *а.* Но теперь эта женщина, однообразно-ласково улыбавшаяся всем, [ста⟨ла⟩] [возбуждала в нем острое любопытство] будила [смущавшее] [странное] любопытство [И даже сестра ее, в которой], в котором *б. Как в тексте.*

9 ее сестра, озабоченно ухаживавшая / *а.* сестра ее, помогавшая ей угощать гостей, незаметная, как Таня Куликова, [и] ухаживавшая *б.* сестра, ухаживавшая◊

14 Клим [однажды] слышал
29 а теперь [он] [и да⟨же⟩] посатая девица
21–22 и [даже] симпатичной [хотя, впрочем] не только
22–23 люди [и раньше] вообще были [ему] приятны
23–24 ничего не требовали [жили тихонько и были полезны]
25 Как-то [утром] вечером Клим понес писателю [тол⟨стую⟩] новую книгу
29 ваш дядя из ссылки? [Яков Самгин? Знаете ли вы о нем?]
37–38 со стола ∾ лампу / со стола [сто⟨явшую⟩] чугунную лампу ◊
38 полудюжины [ст⟨ульев⟩] венских стульев [рассеянных по комнате]

Стр. 127.

1–3 У стены прислонился ∾ а над ним портреты / Со стен смотрели портреты ◊
3–4 Некрасова, [сидел на] [на] в золотом багете
9 неизлечимой [и], пугающей [и как-то], но в то же время

л. 45

22 [ис⟨чез⟩] вскочил и [убе⟨жал⟩] скрылся
24 Клим [то⟨ропливо?⟩] поспешно ушел
26 [всех] других сочинений Катина, [ко⟨торые?⟩] в нем
27 они, [и] как всегда
32 Дома Клим / За ужином Клим ◊
33 она [воп⟨росительно⟩] молча и вопросительно
34–35 над тарелкой, [нера⟨внодушно?⟩] равнодушно сказал
39 Должен признать, [что это] что они хорошие работники.

Стр. 128.

1 Клим [нашел] понял
2–3 взглянул ∾ не встретил ее глаз / взглянул на мать, но не встрети⟨л⟩ ее взгляда ◊
5 Ржига, [адво⟨кат⟩], за ним — адвокат
6 они и мать / мать и они ◊
9 повинуясь [толчку] силе какого-то
12 погладила [в л⟨об?⟩] щеку
13–15 овладело [т⟨о⟩] [в⟨сё⟩] то [непобедимое] непобедимое, чем он жил [и]. Вспомнилась
16 Клим сообщил / он рассказал ◊
17 Макаров [не удивляясь] пробормотал
19–39 Он произнес эти три слова ∾ продолжал негромко и озлобленно / *а*. И, развернув на коленях толстейшую и скучную «Историю социальных систем», проговорил, [как бы читая и глядя] глядя в книгу и как бы читая из нее:

— Мой квартирохозяин, почтальон, сказал: «Как хорошо ни играй на скрипке, а от бабы — не уйдешь». Это почти

из Кузьмы Пруткова. Играет [почтальон уже седьмой год] год, но только одни упражнения [а] и уже ловко, но пьесы играть не хочет, уверен, что, не проиграв всех упражнений, [не⟨льзя⟩] нельзя, вредно играть даже простенькую пьеску.

Взглянув на Клима, он сказал, усмехаясь:

— Ванька Дронов похож на него...

— Не понимаю,— сознался Клим.

Макаров опустил голову.

— Я и сам не понимаю, что говорю. Лезут в голову какие-то фантазии, хочется не то стихи писать, не то застрелиться, с колокольни спрыгнуть. *б.* Он произнес эти слова [без досады и] [без досады, бе⟨з⟩] без досады и зависти, не брезгуя [и], не удивляясь.— *Далее, как в тексте, до слов*: для слуха и руки».— *Далее*: [Он замолчал] [Макаров замолчал] Макаров замолчал, нахмурился.

— Это к чему? — спросил Клим.

— Не знаю,— ответил Макаров, [опустив голову на руки] внимательно рассматривая дым папиросы.— *Далее, как в тексте, до слов*: А вот похабными — *Далее*: [карт⟨инками⟩] фотографиями он торговал, это верно.

Тряхнув головою, он [заговорил] продолжал негромко и озлобленно

Стр. 129.

2–3 ступай [к назначенным мною] к назначенным тебе курам

4 *Фраза*: Не хочу упражнения играть — *вписана.*

6 *После*: солгал Клим.— *зачеркнуто*: Подожди, скоро и ты...

11 угрюмо сказал Макаров / сказал Макаров, усмехаясь ◊

15–16 и должен был ∾ успокоительное / должен сказать что-то особенное, успокоительное [ист⟨инное?⟩]

21 сердитое [подозрение] замечание

23–24 усмехаясь, [и вызвал у Клима] и эта усмешка

25 сцену в саду [ночью, понудила], вынудила

32 «Метафизику любви» Шопенгауэра [в «Крейцеровой ⟨сонате⟩»] [Там], в ней найдете

34–35 *После*: «Крейцерова соната» Толстого.— *зачеркнуто*: Дронов слушал его изречения с открытым ртом, остановившимися глазами и [часто говорил], вздыхая, говорил товарищам:

— [Умен, дьявол] Не устает умнеть. Чудаковат, а — умен.

Макаров посвистывал.

Рыжий человек встречал их слабой улыбкой.

Стр. 130.

5 [Зат⟨ем⟩] Шагая по комнате

л. 46

10–12 [пред] пред жизнью, свое непонимание ее тайн, [и в удоб⟨ной⟩] спрятаться в удобной идее. [Таких, разумеется, неизлечимо больных]

17–19 Требовательно и громко ∾ но ответов не получает. / *а.* Требовательно ставит вопросы, не получая ответов. *б. Как в тексте, до слова:* Уснувшего — *Далее:* но [не] ответов не получает.

24 сестра жены Катина, [вероятно] потерявшая надежды

27 Путь к истинной вере [лежит] лежит

28–30 Вера, как удобная привычка ∾ ее выражениях / Вера, как привычка, несравнимо вреднее сомнения и неверия. Но допустимо, что вера, в наиболее ярких ее формах ◊

32–34 как Савонарола ∾ Франциск Ассизский / в лучшем случае это — слабоумные, как Франциск Ассизский ◊

36–37 но [тут] учитель [сов⟨сем⟩] или не отвечал ему, или говорил нехотя, [скучно и непонятно] непонятно

Стр. 131

2–3 [Идеальный работник, это] [Идеальный работник, то есть человек, способный] Идеальное воплощение энергии — Робинзон Крузо. [Слуш⟨ая⟩] [Выслушав это]

4 от этих [ре⟨чей⟩] откровений

5–6 Томилин пожимал [их] руки

8–17 *Текст:* Макаров вел себя ∾ икающим смехом.— *вписан со следующими вариантами:*

8–9 Макаров [ст⟨ановился⟩] вел себя с Томилиным все [бо⟨лее⟩] менее почтительно, [он] а однажды, [идя к] спускаясь по лестнице

12–13 в старинной «Естественной истории» [какого-то Горизонтова] Горизонтова

16–17 Его сердитая шутка ∾ икающим смехом. / *а.* Эта сердитая шутка заставила Дронова долго смеяться. *б.* Эта сердитая шутка заставила Дронова долго смеяться неприятно икающим смехом.

22–23 [быстро] мелькнув, уступила

23–24 Он прислушался ∾ что звуки / Он сел на постели, прислушиваясь, догадываясь: было ясно, что [шорохи] звуки ◊

29 Виолончель звучала [слышнее] громче

30 Он [под⟨умал⟩] тотчас догадался, что в [пус⟨том⟩] инструменте

32 увидал, как [по] из-под нее

32–33 маленький, [почти] [почти] как черный таракан

34–35 вертикально [л⟨ежала?⟩] [стояла] [вытянулась] [натянулась] и туго натянулась

35 [и] свет из спальни

36 *После*: о мышонке». — *зачеркнуто*: Поставив свечу, положив гирю на

37–39 он отшатнулся: [мать] огонь [ночной лампы] [маленькой ночной лампы] ночной лампы освещал лицо [и открытую грудь] матери и [руку] голую руку, [ее рука] рука обнимала

Стр. 131—132.

41–1 приоткрыв рот, [изда⟨вая?⟩] и, должно быть

Стр. 132.

1–2 Варавка ∾ казался меньше / а Варавка всхрапывал и почему-то казался [малень⟨ким⟩] меньше ◊

4 Возвратясь к себе, [он] Клим лег

6–7 фигуры толстенькой ∾ с ее капризно / фигуры толстенькой [некрасивой и смешной] и смешной Любы Сомовой, [стройная крас⟨авица⟩] [стройной красавицы] красавицы Алины с [стро⟨гой?⟩] [то⟨нкой?⟩] ее капризно

9–16 густым, властным ∾ оно заставило / *а.* густым, [оч⟨ень?⟩] властным голосом, тонкая и лучше всех знакомая фигура Лидии. Они как будто требовали, [которая] чтоб Клим решил, которая приятнее ему. [Думать] Вспоминать и мысленно раздевать [их] было неизведанно хорошо, [но эти] [но это] [но это] но скоро это занятие приняло [полуосязаемый] осязаемый характер, [[вол⟨новало?⟩] волновало сильнее, чем [му⟨зыка⟩] музыка и] [возбуждало] возбудив в теле тревожное напряжение, возрастая, оно заставило *б. Как в тексте, до слов*: непонятном ему.— *Далее*: Он [по⟨нимал⟩] понимал, что [ревнует, что ее отношение к Макарову обидно, [если] что] Лидия некрасива, даже [неприятна] часто неприятна — *Далее, как в тексте, до слова*: тревожное — *Далее*: и почти болезненное напряжение, оно заставило

18–19 давно уже [заботливо и незаметно] предусмотрительно

20–22 книжку ∾ волновала Самгина / книжку журнала «Неделя» и попытался понять статью «О писательстве». Статья оказалась скучной ◊.

25 на гимназических вечерах / на гимназических балах

29–30 звонят [к «Достойно»] колокола, за окном хлещет [ве⟨сенний⟩] апрельский дождь

31 Клим обиженно подумал / Клим подумал ◊

34–35 *После*: не думая о Лидии.— *зачеркнуто*: У них роман, но они притворяются, что этого нет.

37 Но резкое лицо его / *а*. Резкое лицо его *б*. А резкое лицо его ◊

40–41 равнодушно [спрашивает] спрашивала Лидия, [и] и Клим [понимает] понимал, что [это равнодушие] равнодушие ее

Стр. 133.

1–2 горничная [Маша], толстая

9 сердито сказал он [продолжая думать о своем]

14 поддался [общей] атмосфере влюбленности

л. *47*

16–17 Но это соображение ∾ напомнило / [Он до того боялся быть как все, что] Но это соображение, не [успокоило] успокоив его, [а] только почему-то напомнило

19–20 он говорил / товарищ говорил ◊

25 отмирающие [отсых⟨ающие⟩] чувства

26 что [любовь] влечение к женщине

29–30 вместилище [т⟨ворческого⟩] исследующего, творческого духа

31 любовь как [биологический] предрассудок

31 И, может быть, [всякие половые извра⟨щения⟩] онанизм

Стр. 133—134.

39–37 *Текст*: хотя становится ∾ о трубадурах, турнирах, дуэлях.— *вписан со следующими вариантами*:

39 спокойней, [менее дерзок] а иногда

Стр. 134.

2 или дожидается / или же дожидается

4–5 кожа [пал⟨ьцев⟩] на двух пальцах

8 предпочитал [не вы⟨спрашивать⟩] наблюдать

15–16 прочитал [ее], но не нашел

17 рассказывал [о ро⟨мане⟩] [о романах] о любви Овидия

18–19 Данте ∾ Фиаметты / [Данте] [Данте и Беатриче] Данте, Беатриче, Боккачио, Фиаметты

21 во всем этом [так] увлекало

31 ради [в⟨ольностей⟩] цинических вольностей

34 на определенный лад. [И]

38–39 она безуспешно ∾ окно / которая безуспешно пыталась открыть окно [и устало]

40–41 длинных, [по колен ⟨и⟩] до колен, сапогах

Стр. 135.

7 [дру⟨гой⟩] пальцами другой скатывал

9–10 *После*: с опухшими веками.— *зачеркнуто*: От него исходил запах горелой кожи и еще какой-то, также едкий.

11–12 пожав руку [Клима[племянника темной, [горячей] костлявой рукою

13 Клим? А Дмитрий? / Клим? [А другой] А — первый, Дмитрий?

14 *После*: Естественник, конечно?— *зачеркнуто*: Он еще [в] кончает гимназию в Выборге,— сказала мать.

15–16 [изв⟨инился⟩] [предупредил Яков Самгин] предупредил Яков Самгин

23–24 в Ташкенте [в] и в Семипалатинской области

25–26 «l'homme qui rit» [а вот]

л. 48

28–35 лихорадка. ∾ столь же тяжелый. / лихорадка. И вообще невесело.

Дядя оглянул столовую, поправил пальцем седые усы.

— Гм, разбогател Иван. Отчего это он? [Да, ты с ним не живешь] Торгует? [Он, кстати, писал мне].— И, еще раз осмотрев комнату, он сказал: — [Похоже на] Как буфет на вокзале.

Он внес в столовую запах горелой кожи [Лицо у него землистое и весь, всей фиг⟨урой⟩ вызывал] и вызывал странное впечатление человека, которого долго сушили и коптили. ($ЧА_2$) [1];

лихорадка.

Осмотрев столовую, дядя крепко потер щеку [и].

— Гм, разбогател — *Далее, как в тексте, до слов*: какой-то другой — *Далее*: [так же] столь же тяжелый. [Он вызывал впечатление человека, которого долго сушили и коптили.] (*БА*)

Стр. 135—136.

35–35 На костях его плеч ∾ он сообщил / На нем [был] висел широкий пиджак железного цвета, под пиджаком сероватая, грубого холста рубаха, на морщинистой шее, под острым кадыком, красный шелковый платок, скомкавшийся в жгут. Землистого цвета лицо, [седые и подстри⟨женные⟩ усы и щетина] седая щетина на верх⟨ней⟩ губе и голый череп с остат⟨ками⟩ кудр⟨явых⟩ волос за темными ушами и на зат⟨ылке⟩ — всё это делало его [лиш⟨ним⟩] похожим на ст⟨арого⟩ сол⟨дата⟩ и на расстригу-монаха. Но [все] зубы его ослепи⟨тельно⟩ блестели, белые, молодые, а [несколько недоумевающий] взгляд серых глаз был [ярок] ясен [хотя этот несколько недоумевающий].

[Этот] [В этом] Этот несколько рассеянный, [на⟨поминающий?⟩ и как бы] вспоминающий взгляд [казал⟨ся⟩] [да и вопросы дяди] [и все вызвали у Клима стеснен⟨ное⟩] [чувство стес⟨нения⟩] [находил это] [каз⟨алось⟩] [как-то] [и Клим

---

[1] Начало отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-12).

нашел] [нашел и] показался Климу взглядом человека полубезумного. Дядя был [оскорби⟨тельно⟩ несоед⟨инимым⟩] оскорб⟨ительно⟩ случайным и чужим в [солидной] столовой, [всё] при нем мебель потеряла [свой] солидный свой вид, все вокруг потускнело, многое [стало], отяжелев, стало ненужным. Вопросы дяди [от⟨носились⟩] звучали, как вопросы экзаменатора, мать отвечала на них кратко и виновато; она была, должно быть, очень взволнована и не умела скрыть это, и всё вообще было неловко, стесняло Клима. И почему-то не подавали завтрак.

— Какие же у вас в гим⟨назии⟩ кружки? — слышал он и, будучи плохо осведомлен, неуверенно отвечал:

— Толстовцы, [затем еще...] потом — марксисты. Немного.

— Расскажи! — приказал дядя, наклоняясь к нему.— Я слышал кое-что... Секта? Я ведь сект⟨антов⟩ знаю, был пропагандистом среди [них] молокан. В селе Песках, Саратовской губернии. Обо мне Степняк писал. Знаешь? Гусев — это я. [Как же... Помнишь?]

Хорошо, что дядя, спрашивая,— не ждал ответов. Но все же [он] о толст⟨овцах⟩ стал расспрашивать настойчиво [и тогда].

— Что ж они делают?

Тогда, опасаясь сконфуз⟨иться⟩, Клим [сказал] сообщил (*ЧА*$_2$) [1]

Стр. 136.

1–2 Землистого цвета [копченое] лицо

11 случайным и чужим [на] в столовой

13 [стало ли⟨шним⟩] сделалось лишним

15–16 мать была [явно] взволнована, отвечала [кратко и суховато] кратко, сухо и [как будто] как бы виновато

20 Затем — [марксисты] экономисты

29 он стал [расспрашивать] допытываться настойчиво

35–36 писатель, [жел⟨ающий⟩] который может рассказать

38 не мешали,— [за⟨метил⟩] укоризненно заметил

Стр. 137.

5 *После*: Засодимский — *зачеркнуто*: Николай Златовратский

5–6 Слепцов — со всячинкой... / А вот Слепцов — хороший писатель.

6–8 Их было [даже] двое, Успенских, один — побойчее, другой— так себе... С [некоторой] усмешечкой. [Да.]

---

[1] Конец отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-12).

л. 49

13–14 не в Швейцарии? [Угу,— лечится?] Лечится?

16–17 точно глухой, [но] его сиповатый голос

25 проводи меня к писателю [я посмотрю, каков он?]

27 шел [ог⟨лядываясь⟩] медленно, оглядываясь

39–40 и восторженно / восторженно ◊

41 тряс обеими руками [за] темную руку

Стр. 138.

6–7 усаживаясь на [плете⟨ный⟩] ветхий диван

7 В Саратове [неплохо, там] кое-кто есть

10 несколько приволжских городов / несколько городов: Казань, Нижний, Кострому ◊

13–14 предупредил он и, [не] словно не надеясь

41 Да! / Да, да! ◊

Стр. 139.

7–8 стал сильнее ∾ рокочущих звуков / *а.* стал звучнее, и в словах его всё чаще, всё зв⟨онче?⟩ *б.* стал сильней, и сильнее в словах ◊

11–12 жена писателя [бесшумно] ходит вокруг стола, [готовя чай] бесшумно расставляя

13 посматривая на гостя [с] испуганными глазами

15 не делают [с антрактами] [с антрактом] с антрактами

16 пришла горничная [по⟨звала⟩] и позвала

Стр. 140.

3 новые любовники [истории]

14 раздражаясь и [по⟨багровев?⟩] багровея

л. 50

26–27 в маленькой комнатке [с окном в сад], где жила

28–29 бестактно [не] жить не у нее

36 почти всегда [около] в полдень

Стр. 141.

5–6 способны были [ограбить] поджечь дом

7–8 Клим чувствовал ∾ линяет / *а.* Клим наблюдал совершающееся вокруг его сквозь облако опьяняющего тумана. Ночи его были беспокойны, снились [тяжелые] кошмарные сны. Привычка выдумывать себя еще более отягчала его ощущения [и мечты]. Он чувствовал, что тупеет, линяет [от назойливых мыслей] *б. Как в тексте.*

18 потирал пухлые руки [и восклицал], восклицая

19 *После:* Подписываюсь! — *зачеркнуто:* Приходил длинный, костлявый семинарист Доброклонский, обладатель прекрасного тенора, но шепелявый.

20 Являлся [раб⟨очий⟩] мастеровой

24–25 подходила к окнам и, [приоткр⟨ыв⟩] приподняв

28 сказала [сестре] сестре

38–39 он [видел] убеждался

Стр. 142.

1 строгим [даже несколько смешным] [не⟨сколько⟩] взглядом

7 услышав [тотчас же] странный ответ

8 Похож на Иоанна [Пре⟨дтечу⟩] Предтечу.— *Далее зачеркнуто:* Жаль — без бороды. Жидовка не нравится мне.

— Еврейка,— поправил Клим.

— Жидовка,— повторила Лидия.

11 Странно, что [есть] существуют люди

15–16 не нашел еще слов. [Он]

Стр. 142—143.

18–34 перевернуто ∾ Хо-хо... ах, дети, дети! / *а.* уродливо перевернуто. Заметь, что они говорят о своей любви к народу с ненавистью, а о ненависти к властям — с любовью. По крайней мере я так слышу.

[— Это — преувеличено,— сказал Клим, чтоб сказать что-нибудь; ему было всегда неприятно слышать, что Лидия говорит слишком умно и свободно для ее возраста, а она все чаще удивляла его этим.

[В другой раз] Мать Клима стала настойчиво расспрашивать ее о том, что говорят во флигеле.]

— Вы и отец боитесь, что меня эти люди чем-то заразят? Нет. Я думаю, что всё это у них — игра в прятки. Люди прячутся от самих себя, от своих страстей, от скуки; может быть — от пороков. Вот и всё.

— Браво, дочь моя! — сказал Варавка, появляясь в двери.

Лидия, стоя у окна, взглянула на него через плечо и продолжала очень уверенно:

— Нужно забыть о себе. Этого хотят многие, я думаю. Не такие, как Яков Акимович. Он... я не знаю, как сказать, [от⟨дал⟩] он отдал себя в жертву сразу и навсегда. Он себя бросил.

— Хо-хо,— воскликнул Варавка.— [Вот как мы...] Вот как мы рассуждаем...

— О том, что люди прячутся,— сердито глядя на него, [про⟨говорила⟩] сказала Лидия,— не мои слова, это — Макаров [сказал].

— Томилин,— поправил Клим.

Мысль о том, что люди прячутся друг от друга, особенно нравилась Климу, ею-то он [и хо⟨тел⟩] и хотел блеснуть

пред Лидией [но он не был уверен, что выразит] *б.* уродливо перевернуто ∾ я так слышу.

— Но, разумеется, это не так,— сказал Клим, [уверенный] надеясь, что она спросит его: «Как же?» — и тогда он сумеет блеснуть пред нею — он знал, чем и как блеснет.

Но [она] Лидия молчала, задумчиво шагая, крепко кутая грудь платком, и Клим не решился сказать ей то, что хотел. Он давно уже находил, что эта девушка говорит слишком умно для ее возраста; это — было [всегда] неприятно слышать, а Лидия всё чаще удивляла его этим. А через несколько дней он почувствовал, что его [обокрали] ограбили, отняли именно то, чем он хотел похвастаться.

[Вера Петровна [стала] [нач⟨ала⟩] за ужином] Сидели, после ужина, в столовой, мать почему-то очень настойчиво стала расспрашивать Лидию о том, что говорят во флигеле, девушка отвечала [кратко] неохотно и не очень вежливо, [она сидела] сидя у окна в сад, [боком, в про⟨филь?⟩] боком к Вере Петровне. Но вдруг, круто повернувшись на стуле, она заговорила [громко] несколько раздраженно:

— Отец тоже боится, что меня эти люди чем-то заразят? Нет. Я думаю, что все [их споры, р⟨ечи⟩] их речи, споры — игра в прятки. Люди прячутся от самих себя, от своих страстей, от скуки; может быть — от пороков.

— Браво, дочь моя! — сказал Варавка, развалившись в кресле с сигарой, воткнутой в бороду.

Лидия взглянула на него через плечо и продолжала очень уверенно:

— Нужно забыть о себе. Этого хотят многие, я думаю. Не такие, как Яков Акимович... Он... я не знаю, как сказать, он отдал себя в жертву сразу и навсегда. Он себя бросил.

л. 51 (*БА**) [1]; [странно] перевернуто.— *Далее, как в тексте, до слов:* что хотел.— *Далее:* Он [давно] уже находил, что Лидия говорит слишком серьезно и умно для ее возраста, это [ему] было неприятно [слышать], а она всё чаще удивляла его этим.

[Через несколько дней он почувствовал, что его обокрали.] Через несколько дней он снова почувствовал, что Лидия обокрала его.— *Далее, как в тексте, до слов:* окна в сад — *Далее:* [де⟨вушка⟩] боком к Вере Петровне, девушка — *Далее, как в тексте, до слов:* почему это — *Далее:* [вс⟨егда⟩]

---

[1] *Здесь и в дальнейшем знак * используется для обозначения текста, который в БА был заклеен и заменен новым. БА*— заклеенная страница БА (л. 50, стр. 4) — соответствует тексту:* у них всё как-то перевернуто ∾ ах, дети, дети! (*стр. 142—143, строки 17—34*).

случается так, что все забегают вперед его? [Мысль о том, что люди прячутся в идеях, в словах, особенно нравилась ему, он считал ее неоспоримой, именно [ею] он хотел блеснуть пред Лидией. И еще хотел сказать, что дядя Яков — жертва истории, Исаак.]

Слова Томилина, что люди прячутся друг от друга в идеях, особенно нравились ему, он считал их верными.

— Это говорит Томилин,— с досадой сказал он. [— Он говорит, что люди прячутся]

— Я не сказала, что это мною придумано,— [сухо сказа⟨ла⟩] [задорно отозвалась] отозвалась Лидия.

— Ты слышала это от Макарова,— настаивал Клим.— *Далее, как в тексте, до слов:* рассердясь на себя — *Далее:* за [неуместные] слова, на которые никто не обратил внимания, сердито пробормотал:

— Когда [он] Макаров пьян — *Далее, как в тексте, до слов:* усмехаясь, заметила — *Далее:* [Он [не пони⟨мает⟩ значения] не представляет понятия] Ему не знакомо понятие рудиментарный.— *Далее, как в тексте.* (*БА*)

Стр. 143.

37 заговорил [о недо⟨статках⟩] о школе

40 с первых же классов, [да⟨же⟩] если мы хотим

Стр. 144.

12 Он [не мог бы сказать, не любит он] не умел думать о России

14 далеко от него / далеко от него и неинтересно

15 [он знал] он знал шестьдесят или сто единиц

16–17 деревянный [на девяносто] на три четверти [а может быть, и больше]

18–19 над ним [не торопясь] всходило солнце со стороны [загородн⟨ого⟩кладбища] монастырского кладбища

20–21 Не спеша никуда, [жили смиренно] смиренно жили

25 У него возникало / У него даже иногда возникало

25–26 в праве ∾ этих людей / в праве [от⟨дельных?⟩] и попытках этих людей

27 эти решения / свои решения

27 Для этого [казалось ему] должны существовать

31 Томилин [был] стал для Клима

33 ничего не мог или не хотел / не мог или не хотел ничего ◊

36 мало интересовался [[вопросом] верят ему или нет] слушают ли его

38 любезности [у⟨лыбочки⟩] и улыбочки

40–41 не возбуждал ∾ тревожный интерес / *а.* не вызывал ни симпатии, ни антипатии Клима, тогда как люди из флигеля вызы-

вали интерес, не лишенный смутной неприязни к ним *б.* не возбуждал ни симпатии, ни антипатии, тогда как люди из флигеля вызывали [странный] тревожный интерес

Стр. 145.

1–2 В конце концов [пр⟨иходилось⟩] [приходилось соглас⟨иться⟩] нужно ∾ был прав, [он] когда сказал

4 [Они [стр⟨емятся⟩]] Тут каждый стремится

6–7 стремление, [своекор⟨ыстие⟩] и, находя его своекорыстным

8 он [хорошо научился] выучился

18 *После:* уродище... — *зачеркнуто:* Эти слова немножко обидели Клима, но и ободрили его.

19 Цинизм [его] упоминания

л. 52

21–22 спокойно сказанные ∾ разрешали / слова Варавки [чем] [что⟨-то⟩] [что-то] что-то разрешали ◊

26 звучно ∾ шлепнулось / звучно шлепнулось на пол ◊

28 Клим [ост⟨орожно⟩] бесшумно встал

30 на котором [медным сгус⟨тком⟩] сиял

36 кланяясь [Климу] ему, поправляя

Стр. 146.

3 [а] швейка [стоя в профиль Климу] начала собирать со стола посуду

5 всё то, что [п⟨роизошло⟩] произошло [затем]

6–7 опьянения [но он]; схватив Риту

13 *После:* Разве можно? — *вписано и зачеркнуто:* Клим тащил ее, закрыв глаза

15 трижды поцеловала / поцеловала ◊

17 *После:* Ах вы, вы, вы! — *зачеркнуто:* И глаза ее [горячо] блестели.

18 Клим изумлялся / Клим изумился

19 и его [приятно] покачивало

21 насыщено [неиспытанно] приятной усталостью — *Далее зачеркнуто:* [Вспоминая прощальные] [Прощальные, крепкие поцелуи Риты и блеск ее глаз внушали] Он даже почувствовал гордость собою и усмехнулся, вспомнив угрюмые жалобы Макарова. Но [тотчас же], вспомнив о Дронове, несколько охладел, в этом воспоминании [было] он почувствовал нечто двусмысленное и дважды смешное

24 ничего не обещал [и не дал ей]»,— подумал он [но] и тотчас

31–32 себе этого ∾ «Скажу / себе с нею этого... Или скажу ◊

35–40 связывали ∾ смешной ерунде / е⟨го⟩ неприятно связывали, угрожая [чем-то] [чем-то] какими-то неприятностями. [Было вы ⟨?⟩] Однако [Климу не] [не] [употребив и] Клим без особен-

ных усилий [поставил] заставил себя подавить эти думы [воспоминанием], напомнив себе о Макарове, его угрюмых тревогах, о ничтожных «Триумфах женщин», «рудиментарном чувстве» и прочей [смешной ерунде] смешной, выдуманной ерунде ◊

41 всё это выдумал для самоукрашения / всё это выдумал ◊

Стр. 147.

4 позволяли Климу / *а.* утешали, позволяли Климу *б.* очень утешали, позволяли Климу ◊

5–6 он скоро уснул, а проснулся / за этим он скоро уснул, а утром проснулся ◊

6–7 как будто [он] [вы⟨рос⟩] вырос за ночь

8 уважения и [даже] доверия к себе

13–14 и думал о белошвейке ∾ благодарно / и все чаще думал о белошвейке ласково, почти благодарно ◊

15 Дней через пять / А дней через пять

16 так просто серьезного шага / серьезного шага

18 конверт [с цвет⟨ком⟩] с голубой незабудкой ∾ на атласной бумаге, [вло⟨женной⟩] тоже с незабудкой

27 коробку конфет, [корзину] корзину пирожных

33 ответила женщина, смеясь / ответила [т⟨ихо⟩] девушка, тихонько смеясь ◊

38 на низенькую крышу / на крышу ◊

Стр. 148.

2 аккуратно [были] расставлены

5–6 Всё было ∾ всё казалось / *а.* Все было как-то необыкновенно спокойно, тихо и казалось *б.* Все было необыкновенно спокойно, тихо, [жужжание осы — необходимо] жужжание осы — необходимо, всё казалось

7 и привычного Климу / привычного Климу далека ◊

10 пустые слова / слова ◊

11–12 [улыбался] Чувствуя себя глупым

13–14 Маргарита заглядывала / девушка смотрела ◊

л. 53

20 *Перед:* Тотчас же встав — *зачеркнуто:* Уверения

28 [Клим] После пяти-шести свиданий он

31–32 не требовала [но дава⟨ла⟩] и незаметно обогащала

36 юбка на них / у юбки на боках ее ◊

38 она [много го⟨ворила⟩] часто говорила

Стр. 149.

6–7 но изредка смешили и ее / а изредка смешили ее ◊

7–8 Смеялась Лидия [не⟨уверенно?⟩] осторожно, неуверенно

12 сказала сердито / сказала равнодушно ◊

15 К «Анне Карениной» / А по поводу «Анны ⟨Карениной⟩» ◊

21 находил в Лидии [что-то уродливое] ненормальное

26–27 уже не так насмешливо и задорно / *а.* как со старшей, не так насмешливо и задорно, как раньше, и не так оживляется при встречах с нею, как это было еще недавно. Наблюдая, как [мало] серьезно беседуют они, Клим думал, что, должно быть, им уже скучно друг с другом, [а о⟨ни⟩] и ему было приятно думать так.

У Лидии, как у Макарова, тоже явилась [некрасивая] новая привычка [ку⟨тать⟩] крепко кутать платком свои острые груди [точно она стыдилась их]. [Это] [В этом жесте ее было] Она делала это некрасиво, судорожно и как бы стыдясь *б. Как в тексте.*

29–30 которая, становясь [все более красивой] [как-то] [ослепительно и подавляюще красивой] ослепительно красивой

30–31 находил Клим [особенно] после слов матери

38–39 отнять [а едва] [чуть] тотчас же, как только она чем-нибудь испортит [свое] чарующее лицо свое

Стр. 150.

6 *После:* трещит небо.— *зачеркнуто:* это так глупо, не нужно!

9–11 она [осторожно] каталась одна ∾ или же [бегала] с наиболее опытными

12 Единственной чертой [Климу], которая нравилась Климу

13 ее умение [у⟨страиваться⟩] устраиваться

20 подержав в руке ∾ тотчас / взяв в руки какую-либо вещь, [тотчас] она тотчас ◊

21 Ела она так [вниматель⟨но⟩] аккуратно

36 как [⟨о⟩ своей] о скучноватой обязанности

37 ухаживал [Кукла, с ко⟨торым⟩] седой артиллерист

38–39 ухаживал ∾ Ипполитов / [к ней сватался] ухаживал товарищ прокурора Ле Брюн [француз]

Стр. 151.

3–4 певуче ∾ мечтательно пела / [очень певуче] певуче, бархатным голосом и как-то сладостно читала стихи Фета, Фофанова, задумчиво пела ◊

л. 54

5–8 звучали обездушенно ∾ медленно выпеваемых ею / *а.* звучали [обездушенно и тускло] обездушенно, да и стихи звучали тускло и не ясно *б. Как в тексте, до слов*: был уверен, что— *Далее:* [ей] она не понимает значения слов, медленно выпеваемых ею

11 Клим [завистливо] покосился на него; он [всегда] всё острей

12–13 как метко [отчетливо] люди определяют

13 Макаров [как Варавка, особенно неприятно] досадно часто

15–16 хотел бы найти ∾ выдуманное / находил немало искусственного, выдуманного ◊

16 *После:* выдуманное.— *зачеркнуто:* Но ее хвастовство красотою своей, величавостью движений и жестов

23–24 матери ∾ можно понимать / матери, Макарова, подсказавших ему, что на красоту Алины [можно] можно смотреть ◊

25 гонит почти каждые пять минут / гонит каждые пять минут ◊

32–33 заботливо, даже с нежностью, чувством / [заботливо [и с какой-то] [с грубоватой нежностью] с нежностью, с чувством ◊

36–37 длинные [и ве⟨селые?⟩] интересные письма

37–38 которой [поруга⟨лся⟩], оставив службу

40–41 жилось тягостно ∾ и беспокойно / было скучно, но беспо⟨койно⟩ ◊

Стр. 152.

2 хлопая [кулаком] ладонью по столу

8–9 Он отдыхал у швейки от необходимости держаться / Клим отлеживался, отдыхал [от] у швейки от необходимости держаться в постоянном напряжении ◊

10–11 своеобразный [ни] [к ней] интерес простотою ее чувств и мыслей [простотой, восходившей до цинизма]

12 она [ма⟨леньким⟩] пела маленьким

27 [все] все — про любовь

28 Она вообще [не прочь] охотно поучала

30–31 но и трогало [за сердце] немножко

40 [Ни] Но, говоря о девушках

40 она [не однажды] хвастала

Стр. 153.

5–6 она изображала ∾ очень усатого / на ней был изображен молодой человек, гладко причесанный, с густыми бровями, с усатым ⟨лицом⟩ ◊

15–16 и, вздохнув, [больше] не пожелала больше

Стр. 153—154.

18–1 предложила: — Ну, в постельку ∾ мешавшая ему,— исчезла. / *а.* предложила: — В постельку?

[Как-то] В нежную минуту Клим решился, наконец, поставить вопрос, давно и неприятно беспокоивший его:

— А разве Дронов не носил тебе подарков?

Она удивленно подняла брови:

— Кто это?

— Тоже гимназист. Ты — знаешь! Низенький, маленький такой?

Она приподнялась с подушки, села, пристально глядя в лицо Клима, взгляд ее был убедительно искренен.

— Что ты выдумал? Шутишь?

Клим, почти с радостью, [рассказал] начал рассказывать ей о Дронове, но она живо перебила его:

— Постой, я знаю, помню. Это у попа было, [там один та⟨кой⟩] гимназист учил девочку, да, да, некрасивый такой. Я там работала, ну, он привязывался ко мне, обнимал, щипал, я пожаловалась, его и прогнали.

Нахмурясь, помолчав, она, пытливо разглядывая Клима, спросила: — Зачем это ты придумал? Ведь он, этот, у вас в доме, в мезонине живет, я его много раз видела. Зачем ты это?

Клим совершенно убедился, что она не лжет, и подробно [рас⟨сказал⟩] передал все рассказы Дронова о ней. Маргарита слушала внимательно, иногда качая головою, шептала:

— Вот хвастунишка! Ах, негодяй...

Но когда Клим сказал, что Дронова за это выгнали из гимназии, она замолчала и легла лицом в подушку, сказав приглушенно:

— Довольно бы уши надрать.

Климу показалось, что она плачет и, конечно, от обиды; он благодарно, ласково стал гладить ее.

б. предложила: — В постельку?

В нежную минуту Клим решился, наконец, спросить ее о Дронове; он понимал, что [давно пора] давно обязан спросить об этом, [но чего-то боялся] [опасался и жалел] [но все дальше] [но чем дальше] но чувствовал, что чем дальше, тем более вопрос этот терял свою [ва⟨жность⟩] обязательность. [И не хотелось] [И ему не хотелось ссориться с девушкой] [Он опа⟨сался⟩] [Когда же] Когда он спросил:

— [А как же ты с Дроновым?] А разве Дронов не носил тебе подарков?

Рита удивленно подняла брови:

— Кто это?

— Не притворяйся, [— сказал Клим, однако не серд⟨ясь⟩] знаешь! — Клим хотел сказать строго, но почему-то не сумел и даже улыбнулся.

Она приподнялась с подушки, села, и, надевая рубашку, [закрыв ею] и прикрыв ею [его лицо] лицо, заговорила [спокойно] сочувственно [тоном]:

— Ах, это Ваня, который живет у вас в мезонине? [Что

же мне он?] [Да, вот как] Да, жалко его. Это ведь [вышло у него — ты знаешь?] при мне было, я работала у попа в тот день. Он там [дев⟨очку⟩] девочку попову учил, горничную ущипнул [она пожаловалась попу и готово! Прогнали] и меня тоже всё хватал. Я даже пригрозила, что пожалуюсь попадье.

Рассказывала она, натягивая чулки на белые с голуб⟨ыми⟩ жилками ноги свои, говорила [то⟨ропливо⟩] торопливо, неясно, почему-то часто вздыхая и не глядя на Клима. Он [спросил] повторил свой вопрос:

— Это верно, что у тебя с ним ничего не было?

— Вот еще! — презрительно фыркнув, сказала она.— С эдаким-то, ни кожи, ни рожи.

Но тотчас же добавила, другим тоном, упрекая:

— Выгнали из гимназии. Надрать бы уши и — довольно!

Климу хотелось верить ей — он поверил, находя, что это спокойней. (*БА**) [1]; предложила: — Ну, в постельку?

В нежную минуту он решился, наконец, спросить ее о Дронове; [он понимал, что давно обязан] он понимал, что обязан спросить об этом, [но] хотя и чувствовал — *Далее, как в тексте, до слова:* хватать.— *Далее:* [Как же] Я пригрозила — *Далее, как в тексте, до слов:* верить ей — *Далее:* [и] он поверил.— *Далее, как в тексте* (*БА*)

Стр. 154.

6–7 на котором [она] Рита священнодействовала

л. 55

11 поцелуи, [уже] иногда утомлявшие

12–13 понукающее [вн⟨езапно?⟩] приглашение: «Ну, в постельку» — [внезапно] вдруг вызвало

17–18 спокойно, [пр⟨ичесывая⟩] расплетая волосы

22 играют [не драмы, а веселые комедии] веселые комедии

25 чувствуя [стра⟨стное⟩] недовольство

29 для такой любви [и ста⟨новилось?⟩]. И трудно было

32 все печальнее / все тише, печальнее ◊

33 да и [свистеть] свистел тише

37–38 идти к источникам [мн⟨ений⟩] мудрости [во флигель], к Томилину

---

[1] *БА * — заклеенная страница БА (л. 54, стр. 4) — соответствует тексту:* предложила ∾ мешавшая ему — исчезла (*стр. 153 — 154, строки 18—4*).

Стр. 154—155.

39–9 он переоделся ∾ новые мысли / *а.* внезапно он переоделся [и носил] в рубашки «фантазия», носил, вместо галстуха, шнур с кистями, серый, толстый пиджак и какие-то, сиреневого цвета, очень широкие брюки. Всё это казалось на нем чужим, неудобным для него, и еще более подчеркивало огненную рыжеватость [головы его] его подстриженных волос, которые над ушами торчали горизонтально и дыбились над его белым лбом. Он хмурился и стал говорить менее спокойно, более твердо. И как будто у него явились новые мысли. *б. Как в тексте, до слов:* над его белым лбом.— *Далее:* [Почему-то особенно назойливо] Особенно заметны были запонки на обшлагах,— [оч⟨ень⟩] большие — *Далее, как в тексте, до слова:* паузы — *Далее:* и [покашливая] поглядывая в рукав пиджака, вертел запонки. [Климу казалось] Казалось, что у Томилина, вместе с костюмом, явились новые мысли и смущают его.

Стр. 155.

16–17 стекла окна и [самого Томилина] самого мыслителя

18 Взвешивая на ладони ∾ томов / [Глядя в тяжелую, раскрытую] [Глядя в тяжелый, раскрытый том на средине] Глядя в тяжелый, раскрытый на средине один из пяти томов ◊

21–22 гениальность — одна из форм безумия / гениальность — это одна из форм безумия

33 Томилин удивлен / Томилин несколько удивлен

35–36 под [ку⟨лак⟩] свой плоский затылок

Стр. 156.

10–11 *После:* безобразий и уродств.— *зачеркнуто:* Все совершенное — от круга и треугольника до идеи Бога, как воплощения всех совершенств,— выдумано и внесено в жизнь человеком, чтоб украсить свою жизнь [в сущности лишенную смысла, без выдумки]

20 приближаемся к [женщине[женщине

21 [В этих от⟨ношениях⟩] В этой области отношений

21–22 из чувство стыда, [из не⟨желания⟩] из нежелания

23 *После:* на кролика.— *зачеркнуто:* Во всех други⟨х⟩

24 Он сказал [еще] несколько слов

24–25 и заглушил ими / заглушил ими

25–26 ехидные усмешки [и], иронический шёпот

23–41 *Текст:* Дядя Яков, больной ∾ приучил себя не слышать их.— *вписан со следующими вариантами:*

31 тряхнув лысой головою, [сказал] проговорил

37–38 все более [скучно и] не на месте

39–40 звучали пусто [и], ничего не задевая в нем. [Но, не волнуя, они] Они отягощали скукой

Стр. 157.

1 [Клима] [Его] Его очень заинтересовали

4 Климу [Самгину] всегда казалось

5–6 стрелка затейливых часов ∾ купил Варавка / *а.* стрелка часов *б.* стрелка затейливых часов, недавно купленных Варавкой *в.* стрелка недавно купленных Варавкой затейливых часов ◊

6–7 постепенности в движении / постепенность движения ◊

12 фигура Дронова приобрела / Дронов приобрел ◊

13–14 глаза [бегать] стали неподвижней

14 зрачки помутнели, [и на] а в белках

16 [Он] [Он] Спрашивал он не так жадно

18–19 крутил большие, как старик [па⟨льцы⟩]

л. 56

19 на всё как-то сбоку / как-то сбока на всё

19–20 часто [у⟨стало⟩] и устало отдувался

22–41 Климу хотелось ∾ нечто оскорбительное. / [1] Климу очень хотелось уличить его во лжи, но [не] [он не умел сделать этого] [сделать] сделать это — значило бы открыть свою связь с Ритой. [Дронов сам помог ему] [Он приш⟨ел⟩] [При⟨шел⟩] [Во⟨шел⟩] [После вечерних занятий на службе] Он бесцеремонно вошел в комнату Клима, сел и начал [озабоченно] деловито:

— Слушай-ко, Варавка хочет перевести меня в Астрахань приказчиком на пристань. Это, брат, не годится мне: кто там будет готовить меня в университет? Хотя Томилин и не учит, а [все] только доказывает, что универ⟨ситетская⟩ наука — чепуха [2], но все-таки [я около него учусь] [он полезен мне] он — учит. И — бесплатно. [Наконец] К тому ж мне неохота уезжать от Риты, [она мне полезна] я ею, как говорится, и обшит и обмыт, да, не скрою, я привязан к ней ($ЧА_2$) [3]; Климу хотелось уличить Дронова во лжи, но сделать это — значило бы открыть [свой] [свою] связь со швейкой, а Клим понимал, что он не может гордиться [своим романом] [этим романом] своим первым романом.— *Далее, как в тексте, до слов:* а это, брат — *Далее:* никак не годится

---

[1] *Тексту предшествуют слова*: [теплое плечо]. По глазам его было видно, что он [на кого-то] злится

[2] *После*: чепуха — *знак вставки*; *вставка отсутствует.*

[3] Начало отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-13).

мне.— *Далее, как в тексте, до слова:* пресс-папье — *Далее:* [стеклянную призму] стеклянный ромб — *Далее, как в тексте* (*БА*)

Стр. 157—158.

41–32 Он сидел у стола ∾ Так ты поговори с Варавкой. / Клим сидел за столом, [покачивая ногою] равнодушно слушая, но когда [Дронов упомянул] он услышал имя Риты, это подняло его, он потянулся, зевнул и, усмехаясь, спросил:

— Ты все еще живешь с ней?

— Почему не жить? Пока не надоели друг другу. Она — добрая и хоть старше меня [на вос⟨емь⟩ лет, но это ничего не значит] [но это — мне не мешает].

Клим присел на край стола, разглядывая Дронова. В спокойном тоне, которым он говорил о Рите, было нечто очень подозрительное [и волнующее]; тогда [очень] дружеским тоном он стал подробно и нарочито наивно расспрашивать Дронова о девице, [а Дронов задумчиво] а к Дронову возвратилась его хвастливость, и через несколько фраз его Клим должен был понять — он ее видел голой. [Но] И тотчас же утешил себя: это [могла быть случайность] могло быть случайно. Рассказывая, Дронов причмокивал, [как] самодовольно улыбался, поглаживал колена свои, и хотя всем этим внушал Климу, что он не лжет, однако Клим, [еще] еще не [хотел] желая верить, подумал: «[Рассказыв⟨ать⟩] [Это — его любимый сон] Это сон, который [он] часто снится ему.»

А Дронов [вдруг] [как-то вдруг] вдруг [перескочил на другую тему] [точно] [снова соскочил] [и с⟨нова⟩] [и болезненно] [сер⟨дито⟩], болезненно сморщив лицо, перескочил [на другую] [сос⟨кочил⟩] на другую тему:

— [Рыжий меня] Рыжего я скоро возненавижу, мне уже и теперь иной раз хочется [ему в ухо дать] треснуть его по уху. Мне нужно знать, [а он] а он учит не верить, долбит [м⟨не⟩], что человек должен [выскочить из паутины понятий, сотканной наукой] разорвать паутину понятий, сотканную его разумом, выскочить куда-то в беспредельность свободы и вообще [чертовщина] чёрт знает что! [Как] [Не понимаю, какой] Какой дьявол вертит ручку этой кофейной мельницы?

— [Это очень] Очень умный человек,— сказал Клим сквозь зубы.

— Умный? — [зл⟨о⟩] недоверчиво и [сер⟨дито⟩] сердито переспросил [Клима] Дронов [и быстро встал], взглянул на часы и встал.

— Так ты скажи Варавке-то,— [еще] напомнил он, уходя. (*ЧА*$_2$) [1]; *Как в тексте, до слов*: Почему же не жить? — *Далее*: [Она добрая девушка.] — *Далее, как в тексте, до слова*: Клим — *Далее*: [услышал] слышал нечто — *Далее, как в тексте, до слова:* хвастливость — *Далее*: [[и через] и после нескольких, не очень стыдливых фраз он заставил Клима подумать: «Он видел ее голой».] [и через минуту Клим, вздрогнув, подумал: «Кажется, [он] не врет». [Чувствуя, что он покра⟨снел⟩] Самгин встал и отошел к окну.

Но Клим тотчас же утешил себя: «Это могло быть случайно... В комнате Фени».

Дронов рассказывал, не скупясь на подробности, самодовольно усмехаясь, поглаживая колена, и хотя всем этим внушал Климу, что он не лжет, Клим все-таки, не желая верить, думал: «Это — сон, который часто снится, я [знаю] тоже видел такие сны».] и через минуту Клим почувствовал желание крикнуть ему:

«Ступай вон!»

— [Я думаю, что] Она, по-своему, честная,— говорил Дронов. Клим повернулся [к] к нему спиною. Дронов вдруг— *Далее, как в тексте, до слов:* и чёрт его — *Далее:* [зн⟨ает⟩] не поймет, чего ему надо! Долбит, что человек должен разорвать [всю] паутину понятий — *Далее, как в тексте, до слов:* сквозь зубы — *Далее*:

— [Это очень] Очень умный человек.— *Далее, как в тексте, до слов:* — Так ты — *Далее:* [скажи Варавке] поговори с Варавкой.

[У двери он сказал решительно:

— Не удастся здесь,— за границу, в Америку уеду, а учиться — [буду] не брошу!

— К революционерам попадёшь за границей,— сухо предупредил Клим.

Дронов сильно хлопнул дверью.] (*БА*)

Стр. 158.

33 *После:* стало лучше.— *зачеркнуто:* Клим шагал по ней медленно и бесшумно, соображая: «Неужели Дронов не лгал?» Мысль эта заставляла его брезгливо морщиться, возбуждая [странное] странно тягостное чувство. «Ревность?» — спрашивал он себя и с досадой встряхивал головою, отталкивая эту унизительную догадку.

---

[1] Конец отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-13).

31–35 и морщился, [испо⟨лненный⟩] подавленный гневом [и], унижением

Стр. 159.

2 *После:* с достоинством.— *зачеркнуто:* В чем же дело?

10 Усадив [Клима] его в кресло

12–13 к таким типам, как [этот Дронов] [Макаров] Дронов или Макаров

19 и [на этот раз] в этот раз

24 юных и неуравновешенных / юных, неуравновешенных ◊

28–29 быстрым жестом [от⟨ер?⟩] распушил ее

31 Лидия — в Крыму, [но] осенью она

41 хлопнув дружески / [похло⟨пав⟩] дружески хлопнув

Стр. 160.

11–12 о восстании декабристов, [как] назвав его

12–13 дело петрашевцев [назвал] «заговором болтунов по ремеслу», [нелестно отозвался о Достоевском, Щедрине, Плещееве, Ахшарумове, Пальме]

14 он успел перейти к народникам / успел перейти к народовольцам ($ЧА_2$) [1]

л. 57

17–18 А ты еще не переоделся. / Мы опаздываем. Иди, переоденься... ($ЧА_2$)

19–21 виновато воскликнул ∾ интересно беседовали / торопливо вскочил Варавка.— Извини, мы тут так интересно беседовали,— говорил он, убегая ($ЧА_2$); виновато [отозвался] воскликнул Варавка, вскакивая и торопливо убегая [договорил]: — Мы так интересно беседовали (*БА*).

22–26 Климу всегда ∾ О чем говорили? / Климу было всегда приятно видеть, что мать правит этим человеком, как лошадью, как существом ниже ее. Подойдя к [нему] сыну, она разгладила брови его душистым пальцем.

— О чем вы говорили? ($ЧА_2$); Климу было всегда приятно видеть, что мать правит этим человеком, как [ло⟨шадью⟩] существом ниже [себя] ее, как лошадью. Посмотрев вслед Варавке, она вздохнула, [потом] затем — *Далее, как в тексте* (*БА*)

28 но рассказав / но рассказал ей ($ЧА_2$)

31 являясь в двери / стоя в двери [[с цилиндром] с шапокляк [в руке] под мышкой] ($ЧА_2$)

34–35 не понимает ∾ пред ним / недоволен собою и не понимает: нужно или не нужно решать вдруг возникшую пред ним за-

---

[1] Начало отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-14).

дачу (*ЧА*$_2$); решать [вдруг] задачу, вдруг возникшую пред ним (*БА*)

35–37 Открыл окно ∾ Клим решил / Подошел к окну, открыл его, в комнату хлынул сыроватый, жирно пахучий воздух, над деревьями сада маленькое [зол⟨отистое⟩] облако [надви⟨галось⟩] [окутывало] прятало луну. Клим закрыл окно, обошел вокруг стола, держась за края его, и внезапно решил (*ЧА*$_2$)

36 хлынул [сыроватый] жирный воздух

37 облако [пря⟨тало⟩] окутывало серп луны

Стр. 160—165.

39–3 Решил, но — задумался ∾ быстро пошел домой. / *а.* Маргарита встретила его знакомыми словами:

— Ага, пришел!

Его уже давно удручало [механическое] однообразие ее слов, так же как и ее [ласки] ласк, заученных, должно быть, на всю жизнь. Она никогда не спрашивала, как он думает, казалось — разум ее был нем.

Но вот уже раза три-четыре она озлобленно и, пожалуй, интересно говорила о женщинах, [однако не давая] не давая, однако, понять: чем они вызвали озлобление у нее?

— Не верь бабам,— внушала она, и в словах ее, в глазах [был] являлось что-то остренькое, ехидное.

Тем более удивлен был Клим, когда она, [приче⟨сывая⟩] расчесывая пред зеркалом встрепанные волосы, сказала ему [без⟨жалостные?⟩] слова, в которых он не уловил сожаления:

— Скоро нам с тобою трудно будет видаться; я поступаю на место, учительницей в монастырскую школу: буду девочек сирот шитью учить. И квартиру мне там дадут.

Вытирая тело губкой, она продолжала ворчливо:

— Слава богу! Не надо будет мне бегать по капризным барыням, вроде твоей матушки. Ох, надоели мне они...

Пресыщенно разглядывая ее тело, Клим впервые почувствовал в нем что-то неприятное [и в его] и, усмехаясь, спросил:

— Как же ты, не любя женщин, будешь жить с монахинями?

Она ответила небрежно:

— Монахини — не барыни.

Подчиняясь внезапно вспыхнувшему раздражению, даже злобе против нее, Клим вскочил с постели и, одеваясь, сказал:

— А ведь ты все лжешь, Дронов твой любовник, я знаю!

Он тотчас же понял, что сказал это не так, как надо было,

не теми словами. Маргарита, надевая ботинки, сидела спиной к нему и согнувшись. Не сразу и спокойно она спросила:

— Это Фенька рассказала тебе?

[Клим обомлел] Климу показалось, что [она] вопрос [ее] этот толкнул его в грудь. Он стоял у постели с подтяжками в руках и молчал, ожидая: что́ [ска⟨жет⟩] еще скажет Рита? Но она, застегивая крючком пуговки ботинок, тоже молчала.

— Дронов сам сказал...

— Дронов — не скажет, это — Фенька,— услыхал он спокойный ответ.

Она встала, посмотрела на ноги, приподняв юбку, потом вопросительно уставилась на Клима.

— Зачем же ты лгала? — спросил он, чувствуя себя растерявшимся [и] и глупым.

Холодно, деловито девушка присела на стул, сказала:

— Мне твоя мамаша деньги платила не за то, чтобы правду тебе говорить, а за то, чтоб я о твоем здоровье заботилась, чтобы ты не заразился [у] от вольных девиц, которые по улицам гуляют. А теперь, когда она отказала мне в просьбе моей, чтобы Ваню в Рязань не посылали,— ты ко мне больше не ходи... И я работать к вам не пойду...

Последнее слово она сказала так, как будто без ее работы Самгины и Варавка будут несчастнейшими людьми. У Клима явилось желание хлестнуть ее по лицу подтяжками, но он [тотчас] чувствовал себя обессиленным, оплеванным, испачканным. Торопливо одеваясь, он покачивался на ногах под толчками возмущения и обиды, зная, что покраснел от стыда до ушей, стыдился своего же стыда и спешно соображал:

«Мать наняла ее для меня. Вот почему она была бескорыстна. Как это все — ужасно...»

— Не, не ходи,— повторила Маргарита.

Клим ушел, не сказав ей ни слова, долго ходил по улицам, сидел в городском саду. Ему хотелось избить Дронова или рассказать ему о Маргарите, хотелось сделать сцену матери, уехать из города. *б.* Решил, но задумался, [не ощущая желания] желанию идти к Маргарите мешала какая-то неловкость или предчувствие неловкости. Подозрительно думалось: «А вдруг Дронов не врет?»

По двору быстро пошли [ка⟨кие-то⟩] люди с чемоданами, узлами; писатель Катин вел под руку дядю Якова, Клим хотел выбежать на двор, проститься, [но] и остановился у окна, вспомнив, что уже недели две не видал дядю, а тот давно

уже и, кажется, демонстративно не отличал его от других людей. Дядю посадили в экипаж черного извозчика, он крикнул:

— [Па⟨кет⟩] Синий пакет не забыли?

— Вот он,— почему-то очень громко ответил писатель, влезая в экипаж.

[— Трогай!]

Экипаж [медле⟨нно⟩] тяжело покатился в сумрак улицы. Дядя натягивал шляпу на голову, не оглядываясь назад, где у ворот жена писателя и сестра ее размахивали платочками, радостно крича:

— Прощайте. [1]

Сумрак придавал этой [сцене] сцене нечто похожее на сцену из [романов] [уголов⟨ных⟩ романов] романов Диккенса, проводы [доброго] бедного [любвеобильного] дяди или девушки в [Л⟨ондон⟩] [2]

— Поступаю на хорошее место учительницей в монастырскую школу: буду девочек шитью учить. И квартиру мне там дадут. Мужчинам туда нельзя ходить, а ты все-таки мужчина.

Спустив рубаху до [пояса] колен — она вытерла полотенцем шею, грудь [по⟨просила⟩] и, [перекинув] перебросив пол⟨отенце⟩ за плечо, приказала:

— Вытри-ко спину.

[Клим изумленно [окинул ко⟨мнату⟩, ожидая] оглянулся] [Она [именно] именно при⟨казала⟩] Клим изумленно опустился на стул у окна — никогда Рита не обращалась к нему [с такими [просьбами] предложениями [да еще] даже в тоне просьбы, [а теперь] а сейчас — приказывает] с просьбами ⟨о⟩ спальных услугах, и [сам] он не помнил случая, когда бы вежливость заставляла его помочь Рите в чем-нибудь. Он — сидел и молчал. Девушка, взглянув на него через плечо, [ск⟨азала⟩] [сказала] спросила:

— Лень?

Тогда, подчиняясь внезапно вспыхнувшей злобе на нее, Клим сказал строго и ⟨*не дописано*⟩

— Ты мне солгала, Дронов давно твой любовник...

---

[1] *После этого слова помета:* Вставка — *вставка отсутствует.*

[2] *Далее — пропуск в тексте. На полях записана (без указания места вставки) и зачеркнута фраза:* Но сегодня ее слова [звучали] прозвучали [ново] по-новому.

Он тотчас же понял, что сказал это не так, как следовало, не теми словами. Маргарита, надевая новые ботинки, сидела согнувшись. Не сразу и спокойно она сказала:

— Вот как сошлось. Это Фенька рассказала тебе?

Климу показалось, что вопрос этот толкнул его в грудь. Он судорожно барабанил пальцами по пряжке ремня, ожидая — *Далее, как в тексте, до слов:* Испытав впечатление ожога, Клим — *Далее:* [крикнул] сказал:

— Не смей [лгать] [лгать]! [Моя мать] Мать не могла...

Но Маргарита продолжала:

— А теперь, когда она — *Далее, как в тексте, до слов:* несчастнейшими людьми.— *Далее:* У Клима явилось желание сорвать с себя ремень и хлеснуть ее по лицу пряжкой, но он чувствовал себя обессиленным, оплеванным, испачканным. Он вскочил и, покачиваясь на ногах, возмущенный, чувствуя, что покраснел от стыда от плеч до ушей, слушал сквозь шум в голове ее [равнодушные и даже как бы] слова, и хотя [она] Рига говорила [довольно равнодушно] монотонно и равнодушно, [он] [но ему казалось] [ка‹залось›] но [он слышал] ему казалось, [что] она [утешает его] насмешливо утешает, издевается.

— Мамаша у тебя — забот‹ливая›,— слышал он, и эти слова вызывали в нем быстрые отклики:

«Мать наняла ее для меня. Вот почему эта дрянь была бескорыстна».

— Хоть [она] она и злая, и гордая, [а все-таки] и обидела меня, а я все-таки [не] скажу — мать она редкая.

Клим стоял, и у него дрожали ноги.

— Я таких только трех в городе знаю, которые о [де‹тях›] сыновьях вот так заботятся...

Чувствуя себя совершенно [смятым, отупевшим] опрокинутым, раздавленным, Клим ушел, не сказав [ей] Маргарите ни слова, не взглянув на нее. Ему послышалось, что Рита [с упреком] сказала, упрекая:

— Ах, как нехорошо...

Долго ходил по улицам, сидел в городском саду. Ему хотелось избить Дронова или рассказать ему о Маргарите, [но и то] хотелось сказать матери что-то очень сильное, такое, что смутило бы ее.

Но все эти [думы] намерения скользили [поверх одной какой‹-то›] сверху устойчивой, упрямой думы о Маргарите. [Она ста‹ла›] [с‹тала›] [как-то] Он привык относиться к ней снисходительно, немножко иронически и впервые думал о

ней со всею серьезностью, на какую был способен. Маргарита непонятно двоилась. [О⟨на⟩] Вспоминались ее несомненно честные ласки, незатейливые, [но] иногда смешные, как [в романе] в одном из рассказов Мопассана, [но искренние] слова любви, звучавшие искренно [и] [но и⟨скренние⟩] [слова], и как будто ласки и слова [не т⟨е⟩] эти он сам выдумал, трудно было соединить их [с той] с девушкой, которая [была нанята для него] имела [любовником] возлюбленным [неказистого] некрасивого, неприятного Дронова, [и] а для него, Клима, была нанята,— как проститутка? как сестра милос⟨ердия⟩ для больного? [Как мог⟨ла⟩] С тупым недоумением [он спрашивал себя, как мог⟨ла⟩ Маргарита] [снова [вспоминал] мысленно спрашивал] он вспоминал заботы девушки о [чем] [о ра⟨достях⟩] [на⟨слаждениях⟩] радостях тела его и [думал: как можно и] [столь] [дум⟨ал⟩] [мысленно] спрашивал [кого-то] себя: как можно [научиться] лгать столь незаметно и ловко? Вспомнив ее слова о трех заботливых матерях, он подумал, что, может быть, на попечении Маргариты [были], кроме его, было еще двое? Какими же ласками награждала она [Ивана] Дронова, какие слова шептала ему?

[Ми⟨ном?⟩] [Со⟨всем?⟩] Размышления эти, все более возбуждая чувство брезгливости, стали, наконец, тягостно противны [и даже], но оттолкнуть их Клим не имел силы. Он сидел на железной скамье, лицом к темной [и тоже [как] как будто железной реке] реке, [медленно текущая вода ее лоснилась] вода ее тускло поблескивала, [точно ли⟨ст⟩] тоже как огромный лист кровельного железа, но текла она медленно, бесшумно [как во ⟨сне⟩] и казалась далекой. За спиною его шагали [какие-то л⟨юди⟩] люди, он слышал кокетливый смешок барышень, голоса мужчин, то угрюмые, то веселые. Кто-то пропел хитреньким мягким голоском на мотив из «Риголетто»:

Слышу я голос твой,
Нежный и ласковый.
[Деньги для голоса,
Значит, вытаскивай.]
Значит, для голоса
Деньги вытаскивай.

[И удаляясь] [Желтыми пятнами в реке отражались звезды] Звезды желтыми пятнами отражались в реке, ночь была темная, без луны, [голоса станови⟨лись⟩] шаги всё реже слышны, потом примолкли совсем, и Клим вдруг почувство-

вал, что ему холодно, страшно. Он вскочил и быстро пошел домой, [как] точно догоняя кого-то. (*ЧА*$_2$) [1]

Стр. 161.

1–2 Этой правды [Климу] не хотелось.

5–6 Клим хотел выбежать [на⟨встречу⟩] на двор, проститься, но остался у окна, вспомнив, [что дядя давно уже и демонстративно сух с ним и не отличает его от других людей] что дядя давно уже

18–19 проводы [дедушки] девушки, [решившей [поступить] быть] решившей служить гувернанткой

21 Клим вздохнул, [сел у окна] [стоя у окна] послушал

26 Вопрос этот [не пускал к Маргарите и не позволял], не пуская к Маргарите

27 Посидев [в] скучный час

28 зажег лампу [и увидал], взглянул в зеркало

30 измятое миной / измятое детской миной

32 *После:* простынею.— *зачеркнуто:* На другой день, тоже вечером, [он встретил Дронова на улице] идя к Маргарите, он догнал Дронова на улице; приостановясь, криво усмехаясь, Иван спросил:

— Ну, что ж Варавка?

— [Вы⟨гнал⟩] Не согласился.

Дронов шаркнул ногою по земле, должно быть, хотел топнуть,— и [сообщил] сказал:

— [Он сегодня] Он утром сообщил мне это, да в таком тоне, что я предложил ему уволить меня.

У него задрожал подбородок и позеленели глаза.

— Все-таки в Рязань я не поеду,— заявил он вызывающим тоном и быстро пошел вперед. Через несколько шагов Клим спросил [его], глядя на его кривые ноги.

— Ты — куда?

— В одно место,— хмуро ответил Дронов, заставив Клима [неприятно] вздрогнуть [и].

— К Маргарите?

— Ну, да. [Куда же еще?]

— До свидания,— сквозь зубы сказал Клим и, не подав ему руки, повернул назад.

Два дня он прожил в состоянии тяжелой тревоги, чувство обиды сменялось ревностью, о Маргарите он думал брезгливо, о Дронове — с ненавистью, [а надо ⟨всем⟩] и всё это по-

---

[1] Конец отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-14).

крывалось острым любопытством. Оно стало нестерпимым еще через два дня, когда горничная Феня сообщила ему, что [сегодня рано] рано утром, когда Клим спал, Дронов уехал из дома со [всеми] своими вещами.

— Ничего не сказал?

— Ничего [он].

Когда она уходила из комнаты, Клим [ра⟨внодушно⟩] спросил:

— Что, у него роман с этой,— швейкой?

— Я не знаю,— ответила Феня, улыбаясь, взглянув на него [в пл⟨ечо⟩] через плечо.

«Знает, скотина,— решил Клим.— Дронов, наверное, переехал туда».

Он тотчас убедил себя, что ему необходимо посетить Маргариту последний раз, [на⟨до⟩] чтоб кончить [эту] с нею. Надо уличить ее во лжи. Возможно, что он встретит там Дронова и даст ему пощечину, этого заслуживает и Маргарита, но с нее достаточно будет, если он только назовет ее [так] [именем] так, как она заслужила.

Он пошел к ней в субботу, в часы всенощной, настроенный воинственно, и как всегда был встречен знакомыми словами:

— Ага, [явился] пришел!

38 удручали эти слова [он н⟨икогда⟩] [в них]

39–40 И все стыднее [становились] [бы⟨ли⟩] были

Стр. 162.

13 *После:* шитью учить.— *зачеркнуто:* Значит — прощай!

15 *После:* нельзя ходить — *зачеркнуто*: а ты все-таки мужчина

16–17 вытирая полотенцем [жен⟨щина?⟩] шею, грудь, она [при⟨казала⟩] не попросила, а приказала.

л. 58

20 *После:* исчез.— *зачеркнуто:* Он внимательно осмотрел комнату, заглянул даже под кровать,— никаких признаков, никаких вещей Дронова не было.

34 Вот как [удоб⟨но⟩] просто сошлось.

37–38 толкнул его в грудь [он предпочел бы не слышать его]

40–41 пуговки ботинок, [мо⟨лчала⟩] ничего не говорила

Стр. 163.

1 *После:* объявил Клим.— *зачеркнуто:* Дронов — не скажет, это Фенька,— услыхал он спокойный ответ.

3–4 облегченно вздохнув [говоря], повторила

5–6 А я тут с неделю [думала] думаю

10–11 глядя в окно и [как] [яви⟨лась⟩] как бы думая

20–21 не сердись, она [у тебя] о тебе заботливая. Во всем городе я знаю [может] всего трех матерей

23 Клим [слышал ее слова] слышал ее нелепые слова сквозь [какой-то] гул в голове [гул угара]

26 наняла ее,— [быстро] соображал он

35–36 хлестнуть [им] по [красн‹ому›] лицу девушки

Стр. 164.

1 ходил по улицам, [сидел в городском саду] затем сидел

5 Но [все] эти желания скользили

11–12 часто [смешные слова] смешные ∾ глупые, [нежда‹нные›] нежные слова любви

17–18 незаметно и ловко / незаметно, ловко

22 «Проститутка или сестра милосердия [для больных]?»

24–25 любила [четвертого] только четвертого

26–27 чувство брезгливости, обиды / чувство брезгливости и обиды

29 лицом к темной, [ту‹склой›] пустынной реке

34 смех и говор, [кто-то хитренький] хитренький [мягкий] тенорок

Стр. 165.

1 Удручающая пошлость [прозв‹учала›] победоносно прозвучала

6–7 заниматься со Ржигой [древними языками] латынью

8–9 Клим [плохо и очень] очень медленно

л. 59

10–11 теряя остроту, [все-таки] хотя и становились

14 ее поучающие [речи] слова

15 *После*: против женщин.— *зачеркнуто*: Слово за словом слагались в тяжелые фразы, и теперь они звучали в памяти значительно.

17 Маргарита сказала одобрительно / Маргарита одобрительно сказала

25 как они [злобно глядят] [злобно и завистно] злобно да завистно глядят

29 но Клим задремал, [и] из всего романа

32 Дескать — видала, как я тебя ловчее? / Дескать — видала? Вот как я тебя ловчее. Ну, отбила, а он и застрелись из дробовика ◊.

40 *После*: улыбочки — *зачеркнуто*: возникало строгое лицо матери, а с нею у Клима было крепко соединено представление о человеке, который ошибается только тогда, когда разучивает на рояли новые [и ос‹обенные›] для нее пьесы.

40–41 его рассказов [о девушке] о Маргарите.— *Далее зачеркнуто*: [Климу дума‹лось›] Клим озлобленно думал: «Это хорошо,

что я ничего не сказал ей о Дронове, пусть сама узнает, так ей будет хуже».

Стр. 166.

2 Варя Сомова / Вера Сомова

3–5 думая о [Рите] Рите, он [замечал] ощущал, что в нем [на⟨растает⟩] [незамет⟨но⟩] [все более наст⟨роение⟩] растет унизительное желание пойти к ней, [это еще более злило его и это] а это еще более злило его

5–6 направив ее на [двух рабочих, каменщиков] рабочих

7–8 напротив дома Самгиных каменщики разрушали / напротив Самгиных, разрушали ◊

10–11 Варавка [купил] приобрел этот дом

11 на [мохнатом лице, темном от пыли] мохнатом лице

17–18 [и] он играл, хвастался ею

Стр. 167.

9 благообразный [двор⟨ник⟩] старик дворник

16 побеседовать о народе [оправдать свою в⟨ину?⟩] [наде⟨ясь⟩]

17–18 Но Томилин [недавно [проз⟨ванный⟩] получивший от Макарова прозвище «Мыслящий механизм»] сказал

20 *После*: социалисты.— *зачеркнуто*: Социалисты тоже [или] честолюбцы или болтуны.

22 Томилин, видимо, [стано⟨вился⟩] богател

23 стены комнаты его [обраст⟨али⟩] быстро обрастали

26 объяснял он [Климу]

27–28 но думают неудачно [и], зависимо, не оригинально

35–36 на тревогу [независимости] независимой работы

37 Не все эти [сент⟨енции⟩] изречения нравились

38–39 Но он [ст⟨арался⟩] честно старался

Стр. 168.

3–4 [Этому] [Этой жажде] Эту жажду вполне удовлетворяют

л. 60

5 *После:* не отрицаю.— *зачеркнуто:* Они — весьма удачны.

Уходя от него, Клим чувствовал себя утомленным, точно после длительной и невольной прогулки осенней ночью, в холодном ветре. Но каждый раз чувствовал также, что духовное оскудение его исчезло и что мысли Томилина [оплодотворили его благотворно] отяготили его плодотворно.

9 блестевшего лица своего / блестевшего лица ее

10 [несколько] грузная, с бюстом кормилицы

12 улыбаясь глазами [сытой кошки] [овцы] овцы

14–15 теперь [двое священников] священники ходят

15 *После:* от Успенья.— *зачеркнуто:* Доктор тоже, немец. Как же!

16–21 Говорила она вполголоса ∾ а теперь уж боюсь / *а.* Комическое хвастовство ее заставило Клима улыбнуться, [он едва удерживал смех] стало еще смешней, когда женщина, [взмахнув глазами кверху] почти молитвенно возведя глаза, добавила:

— Вначале я жалела его, а теперь даже боюсь.

Но, уходя, [он сердито] Клим скучно подумал о том, как настойчиво пристает [ко всему] повсюду [пыль] липкая пыль пошлости, исходящая от всего, что говорят простые, народные люди. *б. Как в тексте, до слов:* сказала, вздохнув — *Далее:* [Сначала] Вначале я его жалела, а теперь уж боюсь. [Клим скучно подумал:

— [Какая пошлость!] Сколь]

23 в [коломенковой] парусиновой блузе

24–25 волосы его [сильно] отросли, висели космами [и делали], это делало

26–27 Лицо [его] обветрело и загорело

27 шелушилась кожа [цвета рыбьей чешуи], точно чешуя рыбы

29 незнакомо Климу [ненормально] и внушали

33–37 Макаров ходил ∾ о женщинах, о любви. / *а.* Макаров ходил пешком по деревням, монастырям, [и говоря] [говорит] [говорит Климу] говорит о том же: о женщинах, о любви.

— Ужасно, брат, просто творятся дела эти в народе, именно — ужасно! Голо! По-дурацки грубо. Да. *б. Как в тексте, до слов*: слышал, что он — *Далее*: [говорит] думает и говорит о женщинах, о любви.

40 отвечал Макаров [усмехаясь, дымя папиросой]

Стр. 169.

2 заключал он [посматривая в потолок одним глазом]

2–3 и, разглаживая пальцами / [Подумав, он продолжал] Разглаживая пальцами

10 Клим [пон⟨имал⟩] знал

13–14 все его [наивные] тревоги исчезли бы

17–18 склонив голову [немножко вбок, иско⟨са⟩] на плечо

25 вспоминая книжки [по астрономии], и вдруг

31 [Едва ли. А впрочем, всё равно] Всё равно — откуда.

39–40 Он хотел сказать — [наивных] глупостях, или пустяках, но [с⟨держался⟩] удержался

Стр. 170.

1–2 Макаров [спросил] [спросил тихонько] спросил

5 споро он идет / споро идет товарищ ◊

5–6 Клим захотел / Климу захотелось погрозить ◊

9–10 а у колонки ∾ шарфе на плечах / и [тон⟨кую⟩] фигуру Ли-

дин, у колонки террасы, Лидию в белом платье, в оранжевом газовом шарфе на голове ◊

11 и, хотя [извозчик е⟨хал⟩] [лошадь извозч⟨ика⟩] лошадь бежала не торопясь, [как-то фальшиво] сказал извозчику

15 пожав его руку, [по⟨смотрела⟩] взглянула

19–20 говорила она матери,— [не⟨большое?⟩]

21 Горы — [скука] каменная скука

24–25 Вера Петровна ∾ [сказала] напомнила

27–28 скрипят, [как] точно зубы

28–29 *После:* миллион свиней... — *зачеркнуто:* Ждешь, что город развалится...

32 Он видел, что Лидия / Присматриваясь к Лидии, он видел, что она ◊

33 взгляд ее / но взгляд ее

34 подумать, что / думать, что [глаза ее ослеплены чем-то или же]

36 желая [вы⟨говорить⟩] скорее выговорить

л. 61

41 *После:* дрожит.— *зачеркнуто:* «Начала стареть»,—мельком подумал он и заговорил словами Томилина.

Стр. 171.

7 То есть — возмужал [как говорится] [как говорят]

8 пошла в комнаты, [говоря] сказав

16 [Уехал.] Да.

21–22 Ну, я пойду, устала. / Ну, я пойду, разберусь... Мои чемоданы — получены? Дома? — Нет еще. ◊

24 она сказала, не [об⟨ернувшись⟩] глядя

25–26 А Люба [пос⟨тупила⟩] взяла место компаньонки у [одной] больной туберкулезом девицы. [Дочь купца, очень богатая, избалованная и скоро умрет]

29–31 взял желтенькую ∾ беспорядочных дум / развернул роман Мопассана «Сильна, как смерть», хлопнул ею и погрузился в поток бессвязных, беспорядочных дум ◊

33 Невозможно представить ∾ тело ее / [Трудно] Невозможно представить [тонкое тело ее] тонкое, хрупкое тело ее

35 вспомнил ее [разговор] фразы

36 в прошлый его [визит] приезд на дачу

41 Варавка [тотчас] ответил

Стр. 172.

6 осведомленной [в тайнах] в обычаях

10–16 Клим вспомнил ∾ в ее глазах? / *а.* Клим ушел из комнаты, найдя, что он слышал достаточно.

От этой сцены его мысль перескочила к Макарову: как

Лидия встретится с ним? Белая, тонкая фигура ее давно исчезла среди стволов берез, [но Климу казалось, что она где-то близко [стоит и] и может быть подслушивает его мысли] Клим снова задумался о ней. Он усмехнулся и пошел в кухню спросить себе есть. [Не п⟨оймет⟩] Поймет ли, догадается ли она, что он уже изведал тайну отношений мужчины и женщины? И — если догадается,— повысит ли это его в ее глазах? *б.* [Он] Клим вспомнил слова Маргариты о матери и, швырнув книгу на пол, [по⟨смотрел⟩] взглянул в рощу.

[— Редкая мать.] Белая тонкая фигура — *Далее, как в тексте.*

16–21 что девушки и женщины ∾ только из приличия / что девушки безошибочно, по каким-то признакам, отличают юношу, утратившего невинность. [Но] Мать сказала о Макарове:

— Это, несомненно, очень [грязный и] развратный [мальчишка] юноша, по глазам видно.

Он снова подумал о матери, о том, что она всё чаще начинает свои [экспр⟨омты⟩] сухие фразы именем бога, хотя богомольна только из приличия.

— Редкая мать... (*ЧА*$_2$) [1]; *Как в тексте, до слов:* по глазам видно — *Далее:* [что] это юноша — *Далее, как в тексте* (*БА*)

л. 62

Стр. 172—173.

22–10 Покачиваясь в кресле, Клим ∾ робеет пред Лидией. / [Он сидел, покачиваясь, чувствуя себя] Покачиваясь в кресле, он чувствовал себя взболтанными не способным [ничего] придумать ничего, что объяснило бы [его с⟨остояние⟩] ему его состояние, вызванное приездом Лидии. [Просидев так с полчаса еще, он [от⟨правился⟩] пошел в кухню, спросить себе есть.

Лидия вернулась с прогулки незаметно; когда сели ужинать, оказалось, что она уже спит. И на другой день она вплоть до вечера всё как-то мелькала, отделываясь от вопросов Веры Петровны краткими фразами и не очень вежливо, заставляя думать, что она кого-то ждет, чего-то ищет. Вечером Клим [сердито], не простясь с нею, уехал в город.

Несмотря на унизительный конец своего романа с Маргаритой и зная, что он еще не может жить своими мыслями, Клим, однако, не сомневался в своей значительности.]

[«Мать — редкая, одна из тех, которые умеют заботиться о сыновьях»,— стучало в голове]

[Он] [Встреча с Лидией почему-то] Приезд Лидии заста-

[1] Начало отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-15).

вил почему-то особенно упорно думать об унизительном конце романа с Маргаритой, [о «заботливости» матери] о матери, устроившей этот роман. Клим понимал, что «заботливость» матери остественна, но чувствовал [1] ⟨*Фраза не закончена*⟩

Он [с успехом] успешно [научился] учился одевать чужие мысли своими словами и, видя, что люди не замечают этого, начинал относиться к ним с презрением профессионала фокусника. Вместе с этим в нем все быстрее развивалось стремление исследователя, желание испытать [объем] [глубину всех чувств] прочность чувств и мыслей людских, сделать их понятными для себя, как цифры, и вообще дойти до каких-то твердых границ, [потушив все] разоблачив [2] [их выдумки, мешающие жить просто и легко. В этом стремлении было нечто острое и увлекающее. Ему помогало сознание, что он вырабатывает из себя человека недюжинного, пред которым люди должны будут преклониться. Иногда, в мечтах, он уже видел образ свой в будущем, это был почти величественный образ] ($ЧА_2$); *Как в тексте, до слов:* объяснило бы ему — *Далее:* [странную] тревогу — *Как в тексте, до слов*: от горничной Фени.— *Далее*: [Он даже подскочил в кресле]

«Если б мать— *Далее, как в тексте, до слов:* подумал он — *Далее*: [хрустнув] сжав пальцы так — *Далее, как в тексте, до слов:* на вопросы Веры Петровны — *Далее:* [краткими фразами и] не очень вежливо [Вечером Клим уехал в город] и так, как будто она хотела поспорить.

— Ты читала это? — [спр⟨осила⟩] осведомилась Вера Петровна — *Далее, как в тексте, до слов*: заметила Вера Петровна — *Далее:* [нес⟨колько⟩] несколько обиженно, а Лидия, усмехаясь, [до⟨бавила⟩] говорила — *Далее, как в тексте* (*БА*)

11–39 Поздно вечером он поехал ∾ тогда мы и начнем жить. / *а.* Но теперь в его [думы о себе] размышления о себе [властно] вторглась Лидия, властно заставляя думать о ней. Дважды в неделю она приезжала в город на уроки музыки и пения, озабоченно и ненадолго забегала в дом, облепленный лесами, на которых возились штукатуры. Гремело железо под ударами деревянных молотков кровельщиков, по мусору и стружкам ходил Варавка, встряхивая лисьим хвостом, ругался и оставил в памяти Клима свои всегда необычные словечки:

---

[1] *Текст*: [«Мать — редкая *(с. 566)* ∾ но чувствовал — *вписан на полях без указания места вставки, вводится в текст по смыслу.*

[2] *Текст*: Он [с успехом] ∾ разоблачив — *ошибочно не зачеркнут* (*продолжение этого текста зачеркнуто*).

— Работают, как гробовщики, небрежно, наскоро.

Ласкаясь к нему, что было тоже необычно, Лидия говорила:

— Ты папа, готов целый город выстроить.

— Готов, — согласился он. — Десяток городов выстроил бы. Город — это, милая, улей, в нем скопляется мед культуры. Нам необходимо всосать в города половину деревенской России, тогда мы начнем жить более нормально... *б.* [Поздно вечером он уехал в город и дня два прожил там, предчувствуя какие⟨-то⟩ неприятности.] Поздно вечером — *Далее, как в тексте, до слова:* телега — *Далее:* [мимо] за окнами [чер⟨ный⟩] ⟨плыл⟩ поток леса, в небе полыхали зарницы, [было душно] Клима тревожило предчувствие каких-то неприятностей. В его размышления о себе вторглась Лидия, властно заставляя думать о ней, [а о ней думать] а это было трудно. Она гораздо [упрямее, чем] более упрямо, чем все другие люди, не поддавалась его [желанию] стремлению понять смысл игры чувств и мыслей людских. А необходимо, [чтоб люди] чтоб она и все люди были понятны, как цифры. Нужно дойти до каких-то твердых границ, разоблачив и отбросив по пути [все те] все выдумки, мешающие жить легко и просто.

Через день приехала Лидия с отцом, он ходил по мусору и стружкам вокруг дома, облепленного лесами, на которых возились штукатуры. — *Далее, как в тексте, до слова:* ругался — *Далее:* внося в память Клима свои, всегда необычные слова:

— Работают, как гробовщики, наскоро, [небрежно] кое-как.

Ласкаясь к отцу, что было необычно для нее, Лидия говорила: — Ты, папа ∾ жить более нормально... (*ЧА*$_2$); Поздно вечером — *Далее, как в тексте, до слов:* За окном — *Далее:* [п⟨лыл⟩] медленно плыл — *Далее, как в тексте, до слова:* вторглась — *Далее:* [эта] странная девушка и властно заставляла думать о ней, а это было трудно. Она гораздо более упрямо не поддавалась его стремлению понять смысл игры чувств и мыслей людских. Необходимо, чтоб она — *Далее, как в тексте, до слова:* Работают — *Далее:* [как] точно гробовщики — *Далее, как в тексте* (*БА*)

Стр. 173.

6–10 *Текст:* Тут уж засмеялась Вера Петровна ∾ робеет пред Лидией. — *вписан.*

Стр. 173—174.

40–30 Поболтав с дочерью ∾ наверное, не так». / *а.* [Изруга⟨в⟩]

Поболтав с дочерью, с Климом, изругав рабочих, он щедро давал им на чай и уезжал с Лидией на дачу. Но иногда она оставалась ночевать в городе, [бегала] бегая где-то до глубокой ночи, а если оставалась дома, то дразнила Таню Куликову вопросом:

— А почему это интересно?

Таня сохла, седела, линяла, как бы стремясь быть совершенно невидимой, и — возмущалась:

— Как вы мало читаете, как мало знаете! Наше поколение...

— Поколение — от глагола поколевать? — спрашивала Лидия.

То грубоватое, что [всегда] с детства [приметил в ней] знал за нею Клим, теперь, порою, нередко принимало формы, смущавшие его своей резкостью. Говорить с нею было трудно, она и ему ставила тот же вопрос:

— А зачем это нужно знать?

Клим [вни⟨мательно⟩] очень зорко наблюдал за нею и, [дум⟨ая⟩] видя ее нахмуренные брови, сосредоточенный [на чем-то] взгляд, слушая слишком бурное исполнение ею лирической мазурки Шопена, Грига, Чайковского, думал, что она зацепилась за какое-то очень острое, раздражающее ее чувство, именно зацепилась, как за куст [р⟨астения⟩] [ку⟨старника⟩] терновника.

«Влюблена»,— вопросительно думал он. *6.* Поболтав с дочерью, с Климом, изругав рабочих, он щедро дал им на чай и уехал, а Лидия осталась дома и, завтракая ∾ вопросительно думал он (*ЧА*$_2$); *Как в тексте, до слов:* Таня Куликова — *Далее:* сохла, седела — *Далее, как в тексте, до слова:* теперь — *Далее:* [нередко] принимала — *Далее, как в тексте, до слов:* за обедом она — *Далее:* [внезапно стано⟨вилась⟩] вдруг задумывалась — *Далее, как в тексте, до слов:* дразнила Таню — *Далее:* [— Тургенев писал не повести, а жития худосочных девушек] [рассказывая, что писатель Катин] утверждая, что, когда Катин [начиная писать рассказ] пишет рассказы из крестьянского быта, [одевает] он обувается в лапти.— *Далее, как в тексте, до слов:* она зацепилась — *Далее*: за [какое-то] что-то очень [острое] раздражающее ее [чувство], именно зацепилась, как за куст шиповника.— *Далее, как в тексте, до слов:* вела бы себя — *Далее:* [иначе] наверное, не так» (*БА*)

16–21 *Текст:* За чаем, за обедом ∾ для вдохновения — *вписан.*

Стр. 174—175.

31–14 В августе, хмурым вечером ∾ Макаров тоже посмотрел / *а.* Но Макаров не появлялся, никаких молодых людей [ок⟨оло⟩] около Лидии не было, а самолюбие Клима и [некото⟨рые⟩ романы] несколько романов с [героями] героинями, капризными в любви, незаметно внушали Климу сладостные [и гордые] надежды. Он держался с Лидией скромно, покорно и, насколько усвоил из книг, галантно. Все [эти] его надежды были сразу и безжалостно разрушены в [одну] один из темных, [то⟨скливых⟩] хмурых вечеров августа, предвестников унылой осени.

Однажды, возвратясь из одинокой прогулки, он застал у себя в комнате Макарова. В старенькой [выгоре⟨вшей⟩] шинели, короткой ему, Макаров сидел на стуле среди комнаты, у ног его лежала выгоревшая на солнце, измятая фуражка. [Он уже кончил [в] учиться в гимназии, но, по бедности, все еще ходил в форме гимназиста.] Сидел он, согнувшись, опираясь локтями о колена, запустив пальцы в растрепанные волосы. Клим отворил дверь тихо и Макаров не пошевелился. «Пьян»,— решил Клим, а вслух укоризненно сказал:

— Хорош!

Макаров опустил руки, тяжело поднял голову; лицо у него было истаявшее, но скулы как будто вспухли, белки глаз красные, но взгляд блестел трезво.

— С похмелья? — спросил Клим; снова опустив голову и согнувшись, Макаров сказал негромко:

— Молчи, дурак...

Посидев еще минуту, точно на суде, ожидая приговора, он встал, посмотрел в окно, потом нагнулся, поднял фуражку и пошел к двери.

— Наверх? — спросил Клим тревожно.

— Вниз,— нелепо [от⟨ветил⟩] усмехаясь, ответил Макаров.

[— Ты давно из Москвы? Поступил? — быстро спрашивал] Удержав его за локоть, [Клим на⟨чал⟩] Клим начал спрашивать, [да⟨вно⟩] давно ли он приехал из Москвы, поступил ли в университет, почему не в студенческой форме,— Макаров выслушал все его вопросы молча, кусая губы, щупая карман шинели, потом ответил на [все вопросы] всё сразу [и] очень твердо, но безразличным тоном, как отвечал учителям:

— Три дня. Поступил. Купил тужурку, брюки, на сюртук и пальто денег не хватило.

Схватясь рукою за косяк, он сказал:

— Отстань, браг.

— [Ты к ней?] К ней? — снова спросил Клим, указав глазами вверх,— Макаров тоже пос⟨мотрел⟩ [1] *б*. Но Макаров уехал в Москву хлопотать о поступлении в университет и пропал там. Никаких молодых ∾ внушали ему сладостные надежды. Он держался с Лидией скромно, покорный ее капризам, и ему уже казалось, что девушка смотрит на него [ласковым] взглядом, который ласково догадывается.

Но хмурым вечером в конце августа, возвратясь из одинокой прогулки ∾ Макаров тоже пос⟨мотрел⟩ (*ЧА*$_2$) [2]; В августе, хмурым вечером, возвратясь с дачи, Клим застал у себя [в комнате] Макарова — *Далее, как в тексте, до слов:* подумал Клим.— *Далее:* [а вслух] и укоризненно сказал — *Далее, как в тексте, до слова:* белки — *Далее:* глаз красные — *Далее, как в тексте, до слова:* Макаров — *Далее:* [снова опустил голову] поднял фуражку и — *Далее, как в тексте, до слова*: Клим — *Далее*: [спросил] спросил — *Далее, как в тексте, до слов:* ответил [безразлично] негромко — *Далее, как в тексте, до слов*: Посидев еще — *Далее*: [ми⟨нуту⟩], он встал [по⟨шел⟩] и пошел — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

Стр. 175.

л. 63

21 В комнату вбежала ∾ говоря / Из темного угла передней, где [висело платье] висела верхняя одежда, выскочила Феня и, мигая [глаза⟨ми⟩], зашептала ◊

22 Барышня просит [вас] посмотреть

26–28 Клим пошел наверх ∾ Зачем? / Клим бросился наверх, но [наверху] [по лест⟨нице⟩] на лестнице стояла Лидия и, топая ногою, говорила оглушающим шопотом:

— Зачем ты отпустил его? Беги, вороти! Да беги же! ◊

31–32 кутают грудь платком [и всем] [она] и, наклоняясь вперед, [точно] она готова упасть

33 Догони, приведи! — уже кричала она / Иди, приведи,— кричала она ◊

35 Испуганный и как в сне / Испуганно и как бы во сне ◊

---

[1] *В БА (л. 63) сохранилось окончание этого текста ЧА*$_2$: [⟨пос⟩-мотрел в потолок.

— Был,— сказал он тихо и усмехнулся, толкнул Клима в плечо, говоря: — Запиши: во избежание неприятностей, с женщинами следует обращаться осторожно. А когда будешь губернатором,— распубликуй это как обязательное постановление. [Прощай]].

[2] Конец отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-15).

Стр. 175—176.

38–7 и скоро ∾ Клим успел / *а.* а скоро при свете фонаря, горевшего у церковной ограды, увидел серый комок скорченного тела на деревянной скамье [в углублении ограды]. [Догадливо] Он бросился к ней. Он [уже] был в двух, трех шагах, когда Макаров вскочил и пьяным голосом крикнул:

— Аллилуйя! И — всё к чёрту...

Он поднял руку на уровень груди, к сердцу, но Клим успел *б. Как в тексте.*

Стр. 176.

7–8 Отшатнулся, [отброшенный] [как бы отброшенный] испуганный

9 *После:* тихонько охнул.— *зачеркнуто:* Клим вырвал револьвер из его руки

10–11 рисуя себе эту сцену, [он видел] Клим вспоминал, как Макаров покачивался [на ногах [и] [и], как], точно решая

12–17 как, медленно ∾ и повел / *а.* медленно открывая рот, он смотрел в лицо Клима испуганными, округлевшими глазами, хотел, видимо, сказать что-то, а лицо его, освещенное красноватым огнем фонаря, жутко серело.

Клим обнял его:

— Можешь идти? *б. Как в тексте, до слов:* за талию — *Далее:* [и] удержал на ногах и повёл

17–21 Макаров мешал ∾ оставь меня. / Макаров шагал неверно, но быстро, он почти бежал, они шли до дома мучительно долго. Оба молчали. Макаров скрипел зубами. У ворот он сказал:

— Оставь, не могу. ◊

25–27 Таня Куликова [проговорила] слезливо заныла: — [Мол⟨чи⟩] Не стыдно ли...

28–29 [Молчать!] Молчи! — приказала Лидия.— Фекла, [беги] — за доктором.

30–31 спросила [гром⟨ко⟩] вполголоса

32–34 Куда ты выстрелил ∾ с презрением. / *а.* Куда ты выстрелил...— спросила она озлобленно, даже как будто с презрением, и это [да⟨же⟩] [несколько] настолько отрезвило Клима, [хотя] [что он и удивился, что Лидия говорит Макарову — ты], что он отметил *б. Как в тексте.*

35–36 левый бок блузы [и брюк товарища] Макарова

36–37 влажно лоснится, [что] а со стула

39 оправляя постель Клима, [что-то ворчала] всхлипывала

40 Раздень,— приказала Лидия / Раздень его,— сказала Лидия ◊

41 жирного запаха [крови]

Стр. 177.

6 седой доктор / доктор ◊

7 длинной, блестящей иглою / длинной иглою ◊

8 *После:* стреляете? — *зачеркнуто:* В наше время...

17 *После:* вытянув ноги.— *зачеркнуто:*

— Стонет? — спросила она.

Наливая [стакан] в стакан воду, Клим ответил:

— Молчит.

21 Доктор, кажется, груб [— да]?

22 наливая воду ∾ сказал / Потом, выпив воду, сказал ◊

24 Вот. Из-за тебя уже стреляются. / *а.* Из-за тебя уже стреляются...

— Это — не из-за меня,— тихо отозвалась девушка.

— Ну, как же... *б. Как в тексте.*

25 Лидия тихо ∾ попросила / Лидия строго сказала ◊

27 Замолчали / Минут пять молчали ◊

28 крепко вытирая руки платком / сунув руки в карманы ◊

28–29 неподвижно, [гля⟨дя⟩] упорно глядя

30–38 «Доктор говорил ∾ не думалось. / *а.* «Любит Лидия Макарова? Вернее — не любит. Доктор-старик говорил с ней — *Далее, как в тексте, до слова:* роль.— *Далее:* [Мелькнула мысль] Подумалось и о том, что хотя он, Клим, спас товарища, а все-таки неприятно, что раненый в его комнате, на его постели». *б. Как в тексте, до слова:* роль.— *Далее:* [И] Снова в городе начнут говорить о ней, как говорили [тогда о] о детском ее романе — *Далее, как в тексте.*

Стр. 178.

2–3 подарил храбрецу. [Завтра утром приеду. Следите.]

11–13 он [не знал, как дер⟨жать⟩] не понимал ∾ что надо говорить, [он] и чувствовал, что [скорбная мина] скорбное выражение лица его превращается в гримасу [усталости] нервной усталости

л. 64

15–16 [Это время, полное] Эти дни, полные

18–19 глаза ∾ блестели [лицо искаженно вздрагивало]

21 [его] губы [Макарова] его [потемнели], потемнев

23 сказала она [и], махнув рукою

27 не виноват... Я — не могу / не виноват... не виноват... Тоска о ◊

28 снова, [но] тоном приказания

33 был сконфужен, [и хотя] смотрел на Клима [пристально] [но чер⟨ные⟩] из темных ям

35 что-то [пост⟨ороннее⟩] и чему-то не веря

37 удивляла [Клима неестественной] необычной

38–39 раздражаясь, [осматр⟨ивать⟩] начинала высмеивать

Стр. 179.

1–2 и [весь] казался каким-то новым

4 Когда, приехав с дачи / Когда с дачи приехали ◊

14 Клим это знает / Клим знает. Его рассказ ◊

16 Клим [не] слушал

17 высокомерно, [сухо] Варавка рассердился

19 Лидия — хитрая. / Ты должен знать, что Лидия не нравится мне. Она — хитрая. ◊

28 и был [глух⟨о⟩] слышен

32–33 она [птицей] промчалась в сад [и терпеливо выслушав]. Терпеливо выслушав

Стр. 180.

л. 65

12 Как это ужасно [унизительно]!

17 Когда она скрылась, Клима потянуло за нею / *а.* Когда Лидия скрылась — Клим вскочил, его потянуло за нею *б.* Когда Лидия скрылась — Клима потянуло за нею

20–21 негромкий, но сочный возглас Алины / сочный возглас Алины ◊

22 Ага, я говорила... [не шути]

24–25 другую любовь, [которая] эта любовь [видимо] вызывает

26–27 Ни тот, [ни другой] ни другая [не м⟨огли⟩] даже не посетили

28 и, когда [бо⟨льной⟩] санитары

33 На [у⟨лице⟩] дворе Макаров

34–35 глядя в ∾ небо [осени], [тихонько] тихо сказал

Стр. 181.

1–2 *После:* стыдно немножко.— *зачеркнуто:* Говорить ему было трудно, он закрыл глаза

9–10 подбежал к носилкам [и смешным, ломким голосом торопливо], переломился над ними

12–13 Когда нам [барышня] Лидия Тимофеевна

16–17 схватив длинными пальцами [паль⟨цы⟩] [руку] локоть Клима, [ра⟨ссказал⟩] представился

19 Из двери [на⟨встречу⟩] сарайчика вылезла

23 Ну и [вот...] дурачок!

24 Клим почувствовал ∾ Забавно / Клим тоже почувствовал себя легко и [д⟨аже⟩] даже умиленно. Смешно ◊

27 много цветов, а у стены / много цветов, [каких-то мелких вещей и] у стены

27–28 на ∾ столике [его] [как-то торжественно] торжественно лежит

30 Злобин [ус⟨елся⟩] неуклюже сел

31–32 разрешил себе [пьесу] пьеску [сочи‹нить›] разучить
33 [Три] Три вечера зудел
38 [какие-то] графины, стаканы
40 Ну и — [вот] что хорошего?

Стр. 182.

1 Она предложила Климу чаю, [он] Клим вежливо
2 который, молча улыбаясь / который улыбался ◊
5 повторили / сказали очень ласково ◊
6 Пожалуйста [заходите]
10–11 хорошо ∾ тревог / отдохнул бы от [тр‹евог›] нелепых тревог ◊
13–14 выросла в [сто‹роне›] глазах его, но выросла где-то [далеко] в стороне
17 не думал, а [пр‹осто›] стоял пред нею
22 Но, когда [она, живая, была] он видел ее
23–24 а во плоти, [то] в нем возникал [враждебный интерес] почти враждебный интерес к ней
25 знать, что она [де‹лает›] думает
26 *После*: уличить ее в чем-то.— Трудно было представить, что [она] Лидия влюблена в Макарова, но вспоминался ее [детский] роман с Туробоевым и путал все его мысли, все догадки.

л. 66

27 Через [неделю] несколько дней
31 педагогического совета, [который] часть членов его
34 прищурив глаза, [улыбаясь] [тихонько засмеялась, гово‹ря›] тихонько посмеялась
36 Не заставляй думать, [что] будто бы
38–39 [Она] Конечно, она шутила, это [бы‹ло›] Клим видел
40 ее слова взволновали его / эти слова [говорили] как-то особенно глубоко взволновали ◊

Стр. 182—183.

41–2 такая оскорбительная ∾ являлось ли у него / такая острая, оскорбительная мысль [похожая на догадку в]? Клим даже испугался: мысль была похожа на догадку. Он долго, напряженно [думал] искал в себе: было ли у него ◊

Стр. 183.

5–6 отягченный намерением, не совсем ясным ему / *а.* неся в себе некое, не совсем ясное ему намерение *б.* несколько отягченный не совсем ясным ему намерением ◊
8–9 с невольной улыбкой [на лице]: у стены, на диване, [си‹дел›] лежал Макаров, [с у‹лыбкой›] прикрытый
10–11 обнажал [часть его груди] его забинтованное плечо
20–21 пожимая руку [его] Клима, [сказал] подхватил ее шутку

25–26 насторожиться, [а они л⟨егко⟩] [а Клим и Лидия] а Макаров и Лидия, легко перебрасываясь [новыми] шуточками

31 весел [он стал] и стал даже красивее

38 заметил, что и [с ним] к нему

Стр. 184.

5 а Клим [то] быстро представил

9–10 которой [она] Лидия стирает пыль

19–20 говорила Лидия, [то⟨лько⟩] он только

22 давно [бы⟨вает⟩] и часто ходит

23–24 Но почему же Макаров [смеялся] стрелялся?

25–26 С ∾ навязчивостью [лезла] вертелась в голове мысль [о том], что Макаров

33–34 И — не всякая жена / Во-первых: сомнительно, чтоб жена могла любить меня больше, чем мамаша, а во-вторых, — не всякая жена ◊

35 А я [девятый год] каждый день

36 что уж не слышит / что не слышит ◊

41 Ты не говори [ма⟨тери⟩] дома

Стр. 185.

2 медленно [ст⟨упая?⟩] шагая

4 «Надо курить; [гов⟨орят⟩] это успокаивает».

9 в столовой / почему-то в столовой ◊

17–18 Ну, что ∾ ответ Клима, он / [Н-ну] Ну, что твой стрелок? — спросил Варавка, [палил] а выслушав ответ Клима ◊

л. 67

24 Мать, [гля⟨дя⟩] испытующе взглянув

26–27 поддев вилкой [кусок] кубический кусок

35 он [решительно] совершенно не понимает

37–38 раздавлен лошадьми, [ибо нет] потому что

Стр. 186.

7 такт речи. [Закури⟨л⟩и] — Так называемая

15–16 понятия культуры [которая основана]

21 [масл⟨еные⟩] острые глазки

26 Клим [заметил] видел

29 [Но его] Он приметил

35–36 Мать слушала [его], наклонясь

39 кричал ей Варавка / кричал [ей] Варавка

Стр. 187.

2 не значит и не стоит / не стоит и не значит

11 казалось, что [ф⟨илософствовать⟩] за последнее время философствовать

13–14 писателя ∾ освободить квартиру / писателю Катину отказали ◊

18–19 Каждый человек, [как будто] как бы чего-то боясь
27 встал, [желая уйти к себе] но мать
31 знакомые [ему] Климу суждения
33 ходила [с ним] по ковру гостиной

Стр. 188.

10 забывать все {пустяки] [премудрости, которые] премудрости
12–13 встал рано ∾ полубольным / *а.* встал рано *б.* встал рано [и], чувствуя себя полубольным
13–41 увидал там ∾ Я — не имею друзей. / *а.* увидал Варавку, который, готовясь к бою дня, грыз сухари, запивая их портвейном.

л. 68

— Слушай,— тихо и наставительно сказал Варавка. оглядываясь, не выпуская его руки из своей,— вчера, не желая [вз⟨волновать⟩] волновать Веру Петровну, я не хотел, да и времени не нашел, рассказать кое-что о твоем приятеле Дронове. Козьмин, мой приятель, мировой судья, не зная, что Дронов у меня уже не служит, [сказ⟨ал⟩] предупредил, что на него подана какой-то девицей жалоба, он, будто, присвоил ее деньги. Это судья так выразился — присвоил, но дело идет, очевидно, о краже, да еще и не подсудной мировому, потому что свыше трехсот рублей. Значит — Окружной суд. Ты как с ним, с Дроновым?

— Давно разошелся,— [сказал] ответил Клим.

— Очень рад.

Клим тоже обрадовался до того, что покраснел. Варавка, заметив это, сказал ему очень милостиво.

— Ну, что ж! За порядочность человека никогда нельзя ручаться. *б.* увидал там Варавку, который, готовясь к бою дня, грыз поджаренный хлеб, запивая его портвейном.

— Слушай,— [нах⟨мурив⟩] сдвинув брови, тихо сказал Варавка, оглядываясь, не выпуская его руки из своей, и этим заставив Клима ожидать неприятности.— Вчера, не желая волновать ∾ рассказать тебе о твоем приятеле Дронове. Козьмин, мировой судья, не зная, что этот индивидуй у меня уже не служит, предупредил, что на Дронова подана какой-то девицей жалоба, он присвоил ее книжку сберегательной кассы,— тут какая-то хитрая история. Это судья ∾ Окружной суд. Ты как с Дроновым?

— [Разошелся,— ответил Клим] Разошелся.

— Я очень рад.

Клим тоже [очень] обрадовался и, чтоб скрыть это, опустил голову, ему даже послышалось, что [кто-то] [точно]

в нем торжествующе [‹ра‹здалось›] [крикнул] раз‹далось›: «Ага!», [и зажег‹ся› спектр] [как] вспыхнула, как спектр, полоса разноцветных [радо‹стных›] мыслишек, среди них была даже [темная] [темненькая] узенькая линия сочувствия Маргарите.

— Ну, что ж! За порядочность человека никогда нельзя ручаться (*ЧА*$_2$) [1]

16–17 тихо [и], не выпуская руки Клима

22–23 [у] какой-то девицы

27 Ты [как] в каких отношениях

30 Ему [даже] послышалось

31 торжествующее «Ага»! [пос‹лышалось›], вспыхнула, как спектр, [поло‹са›] [полосы] полоса

34–35 утешительных [афориз‹мов›] [изречений] афоризмов

Стр. 189.

1–13 Тут чувство благодарности за радость ∾ Я — пошел. / *а.* Тут чувство благодарности Варавке неожиданно толкнуло Клима сказать ему, что [дочь] Лидия часто бывает у Макарова. Варавка не очень освирепел, но все же, сильно дернув себя за бороду, нахмурился, проворчав:— Ох, уж эти девки! Магери ты не говорил об этом? Нет? И не говори, прошу. Они и без этого не очень любят друг друга. Н-ну, до свидания. А ее я...

Он потряс в воздухе красным кулаком и [по‹шел›] быстро ушел. *б.* Тут чувство благодарности Варавке внезапно толкнуло Клима — *Далее, как в тексте, до слов:* он только — *Далее:* сказал, негромко и взглянув в сторону комнат матери:

— Да, да... Романтизм, чёрт его дери. Хотя [это] романтизм — все-таки,— знаешь...

Он сделал неопределенный жест правой рукою и, сунув толстый портфель под мышку, спросил:

— Матери ты не говорил об этом? —*Далее, как в тексте.* (*ЧА*$_2$)[2]

Стр. 189.

1–2 толкнуло Клима [рассказать] сказать

14–18 Но как только ∾ через две ступени / *а. Текста нет. б.* Но как только он исчез,— исчезла и радость Клима, ее [см‹енило›] тотчас погасило [чувство] сознание — *Далее, как в тексте, до слов*: на быстрые решения.— *Далее*: Оттолкнув стакан кофе, пошел наверх, [всту‹пая›] полетел, шагая через две ступени.

---

[1] Начало отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-16).
[2] Конец отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-16).

15 поступил нехорошо [по отношению]
21 [Не п⟨рикрыв⟩] Не спеша прикрыв
24 и сразу, [то⟨чно⟩] как будто опасаясь
30 Но я вчера сама / Но я сама вчера
33 что его [раздувает изнутри] раздувает злость
34 недоуменно [и, кажет⟨ся⟩], печально
36 прыгаешь [Что] к плохому

Стр. 190.

10 показались слезы [и]; перекинув
12 [Дурак!] Ты думаешь [что все грязные, как ты]...
15 *После*: резких и бессвязных.— Он слышал:

— Ведь Дронов всё знает про тебя, он рассказывал Макарову, как ты гуляешь с уличными...

Клим тоже говорил что-то резкое, но машинально и [все больше] как в бреду. Слова Лидии о Дронове несколько привели его в себя, он крикнул:

— Это — ложь!

— Уйди! — сказала Лидия, взмахнув тетрадью нот.— Уйди! — повторила она так, что Клим, опустив голову, ушел, чувствуя себя упавшим откуда-то, избитым.

В комнате своей он встал у окна, глядя, как по саду кружится ветер, обрывая увядшие листья с деревьев, над [деревьями] садом туго [натянутое, одноцветное, хмуренькое небо] натянуты одноцветные, хмуренькие облака, мокрая пыль летала в воздухе, [от нее темнели] была она бесцветна, но листья, стволы деревьев, решетка сада и земля [всё] — всё вокруг быстро темнело от нее.

Преобладающим свойством Клима Самгина было стремление к равновесию, всё, что мешало ему установить это равновесие, он привык считать ненормальным и унижающим. Вспоминая сцену с Лидией, он довольно быстро убедил себя, что гнев Лидии — признак чистоты ее отношений с Макаровым. И если б он, Клим, решился сказать ей, что любит, ревнует ее...

«Это нужно сделать сейчас же».

Он подошел к зеркалу, всмотрелся в лицо свое и, найдя его недостаточно характерным, взял синий карандаш и осторожно положил под глазами тени, от этого лицо [стало],— как показалось ему,— приобрело более мягкий, лирический оттенок. Было немножко стыдно, но он [вспомнил[тотчас подумал, что ведь женщины постоянно делают это, и вспомнил, что Варавка как-то, в отсутствие матери, назвал подкрашенные лица фальшивыми векселями. Это не заставило

его стереть карандаш; он решительно пошел наверх, обдумывая [то], в каких словах сказать ей о своей любви.

Лидия стояла у стола, [одетая к] спиною к двери, одетая в серое пальто, в шляпе, открывая и закрывая дождевой зонт.
л. 69 [Закусив губы, она об‹ернулась›] Когда она обернулась [к нему], он увидал, что губы ее закушены, но лицо спокойно, однако [увидав его] она тотчас сдвинула густые брови свои, повернулась спиною к столу и [взяла], стукнув зонтом в пол, спросила очень строго:

— Что тебе нужно?

— Лида,— начал Клим, негромко, но, как мог, сердечно,— я понимаю, тебя обидели мои слова...

Привыкнув чувствовать себя [и умнее и] всячески значительней человечков его возраста и умнее многих старше его, он был уверен, что скажет нечто настолько убедительное и не слыханное Лидией, [сразу примирит ее] удивит ее и может быть...

Но вдруг он почувствовал, что темные глаза девушки умаляют его, он заторопился и сразу [уложил] втиснул всё, что хотел сказать, в простые слова:

— Это потому, что я люблю тебя.

У него вздрогнули ноги, он опустил голову и несколько длинных секунд молчал, зная уже, что всё вышло не так хорошо, как было придумано, и что сейчас он услышит что-то обидное. Так и случилось.

— Ты? Ты влюблен? — спросила Лидия [и Клим догадался, что мо‹жет›]. И тихо, [как] шагнув куда-то, воскликнула:

— Как ты глуп. Как ты... страшно глуп.

Он не смотрел на нее, но знал, что лицо ее выражает [негодующее удивление] негодование и удивление.

— Даже — не смешно,— слышал он.— Тебя все считают умным. Не понимаю! [1]

15–16 Она уперлась / Подойдя к нему, она уперлась.

20 стрелял в себя / хотел убить себя

22 Клим чувствовал на коже лба / *а.* Клим [по‹нимал›] понимал, что эти ее слова [звучат] еще более [обидно для него] [брезгливо] обидно, чем всё то, что она говорила полчаса тому назад, но смысл слов не доходил до его сознания. Он чувствовал на коже лба *б. Как в тексте.*

---

[1] *Текст*: Он слышал *(стр. 579)* ∞ Не понимаю — *перечеркнут синим карандашом.*

22–23 толчок [п⟨альца⟩] пальца девушки, [что] и ему казалось

24–26 Говорила Лидия ∾ как дама / *а*. Было ясно, как никогда еще, что Лидия [смотр⟨ит⟩] видит его мальчишкой, а Макаров для нее — [уже] [уже] человек.

— [Не заставляй думать, что] Ты жалеешь о том, что [спас] помешал человеку убить себя. *б*. [Он слышал, что] Говорила Лидия что-то глупенькое и детское, но [держала] вела себя, как взрослая, как дама.

27 в печальные глаза [молча и почти с ненавистью], ему хотелось

29–36 чувствуя горькую сухость ∾ он спросил себя / [упал на постель вниз лицом] чувствуя горькую сухость во рту и [бессмысленный шум] бессвязный шум злых слов в голове.— *Далее*: *а*. [Соскочив] Через полчаса он привел себя в порядок — не усилием воли, а привычкой утешать себя, уже достаточно хорошо выработанной им, привычкой, за которой [искусно] искусно пряталось [и то] возникающее презрение к людям.

Намочив полотенце водою, он тщательно вытер синие тени под [гл⟨азами⟩] глазами. Нет, он не романтик, он хочет быть и будет нормальным, здоровым человеком. Рассматривая в зеркале свое лицо, [несколько] черты которого несколько напоминали ему важное [сухое] лицо матери,— он, со всей решимостью, на какую был способен в этот момент, спросил себя *б*. *Как в тексте*, *до слов*: он видел — *Далее*: [расплывшееся] отражение своего лица, и, хотя черты его расплылись, оно все-таки напоминало [ва⟨жное⟩] сухое и важное лицо матери.— *Далее, как в тексте*.

36–37 что настоящее ∾ к Лидии / что было настоящим, невыдуманным в его чувстве к Лидии ◊

37–38 не скоро он [шагая по комнате] распутал [клубок своих ощущений и то⟨скливых⟩] тугой клубок

Стр. *190—191*.

40–3 за обиду [и], половое любопытство к ней, [необходи⟨мость⟩] и рядом со всем этим напряженное желание убедить девушку [в своей] в его значительности, [а из этого желания светилась уверенность] а за всем этим явилась уверенность, что [он] в конце концов он

Стр. *191*.

6 Он [вздо⟨хнул⟩] облегченно вздохнул, [чув⟨ствуя⟩] [по⟨чувствовав⟩] продолжая размышлять

10 [Но] Но он не слышал

13 *После*: понять ее слова.— *зачеркнуто*: Это, конечно, неверно. Может быть, это и так, Макаров — ненормальный парень.

16–17 и [таким обр⟨азом⟩] поэтому [она] виновна

19–21 Клим [гордо] поднял голову и даже усмехнулся, [думая] [подумав] что он — [стойкий] крепкий человек и умеет преодолевать [сост⟨ояние⟩] неприятности быстро.— *Далее зачеркнуто*: Но этого настроения самоуверенности ему хватило ненадолго. Убедив себя на⟨чать⟩

22–24 как [один из тех героев] наиболее редкие и благородные герои, которые, любя, [всё прощают] прощают всё

25 становиться в эту позицию. [Но так]

27 Рассматривая [лицо свое] себя

28 делает его [лицо] лицо

35 подбородок — излишне [острый] остр

Стр. 192.

2–3 [он] хотя он и считает их несколько смешными

4–5 оставаясь [лицом к лицу] с нею, он тотчас терял его.— *Далее зачеркнуто*: С досадой вспоминая смешные и [жа⟨лкие⟩] сердитые слова Макарова о «необходимости свободы от женщины», он чувствовал, что [ему] и мог бы, и хочет безоглядно подчиниться воле этой деву⟨шки⟩

6 [Она] Лидия уезжала в Москву

10 головою в [тяжелой] шапке курчавых волос

12 выздоровев [нескол⟨ько⟩], уже уехал [в Москву] в университет

л. 70

14–15 сказал только [одно] два слова

17 После его отъезда [Лидия] [Климу показалось] Самгину показалось

19 В [ее] [недоверчивых глазах ее] [недоверчивых] глазах ее застыло что-то [монашески скромное и, казалось] монашески унылое

20–21 чем была [вс⟨его⟩] [месяц тому на⟨зад⟩] [несколько дней] несколько недель тому назад

21–22 [С мате⟨рью⟩] Клим заметил, что с матерью

25–26 тихо разговаривая. [Иногда] [Поздно ночью] Около полуночи

31 За лето [Клим] ты как-то [в⟨есь?⟩] поблек

33 [Клим] Он молчал

38 Клим [сказал] спросил

40 Как бы не [слы⟨ша⟩] услыхав

Стр. 193.

12 *После*: нахмурясь.— *зачеркнуто*:

— Кажется, тебе передали всё это в форме несколько преувеличенной.

— Да? — спросила мать, очень пристально глядя на него. — Я допускаю некоторую долю экзальтации, но...

16 несколько горячо [и], несдержанно

26–27 девушки всегда [неск⟨олько⟩] забегают

30 наклонил голову, [несколько] смущенный

34 ты стала добрее [с ней] с Лидой

36 ответила мать ∾ Спи! / Достаточно, — сказала она, вставая и поцеловав Клима [в голову] в лоб. — Спи! ◊

Стр. *194.*

1 можно жить [очень] легко

4–5 [Кое⟨-что⟩] Разумеется, кое-что необходимо выдумывать, чтоб [в⟨ойти?⟩] подсолить жизнь

6 найти точную меру / найти меру ◊

7–8 И есть [в их] чувства, раздувать которые — опасно [вероятно — такова любовь]. Такова, конечно, любовь к женщине, раздутая до [нелепых] неудачных

11 кто же [се⟨бя⟩ стре⟨ляет⟩] убивает себя

12 или потому / или оттого ◊

14 умнее, крепче / крепче, умнее

15–16 И [по⟨степенно⟩] в нем постепенно зарождалось

16–17 не чуждое [некоторой] улыбчивой иронии

18–19 Варавка [по⟨рою⟩] порою вызывал у него [новое чувство к нему] это новое чувство

21–22 [уже торопился] собирался ехать [в Москву] [в Москву] в Петербург

24–25 с крыльца [какого-то] неприглядного купеческого дома

27 он [тотчас] понял что ∾ [дав⟨но⟩] он ждал

32 Шли медленно, [девица] она смотрела

33–34 говорить с нею добродушно [и], заглядывал

36–37 ее ласки и [может быть] одна

40 вовсе не [воровал] украл книжку

Стр. *195.*

5 Ну, из-за чего [же] ссорятся

л. 71

14–15 не отличавшейся от [ра⟨нее?⟩] прежней

Стр. *196.*

3–4 осыпавшие [ее бесцветное лицо] ее уши

4 В жестах ее [бы⟨стро⟩] Клим заметил

5 Она злила [Клима], не желая

6–7 с вопросом практики [техники], хотя Клим не стеснялся в словах, [выб⟨ирая⟩] ставя эти вопросы

8–9 закружится голова, [ну, и вот] вот и — прощай

10 ничего не сказала [ни о технике, но с н⟨астойчивостью?⟩] [и настойчиво] о технике

15 [Мы, бабы] Бабы подлые, капризные.

19 Заплетая волосы в косу / Снимая с головы Клима невидимые ему пылинки ◊

25 такие обманывают [не] в час — два раз

25 [Теперь] [Она] Лицо ее вдруг изменилось: [зрачки ее] зрачки глаз сузились

28–29 Климу показалось ∾ говорила / Раньше она говорила ◊

31–32 они не интересны ей / они не интересны ◊

33–35 люди как будто ∾ умнее его / люди [он⟨и⟩] как будто сговорились [в ст⟨ремлении⟩] опередить, все хотят быть умнее ◊

Стр. ***197.***

1–6 *Текст*: Слушая сквозь думы ∾ глаголами Томилина.— *вписан со следующими вариантами*:

1 [Клим] Слушая сквозь свои думы

2 Клим еще ждал / Клим всё еще ждал

2–3 скажет ему, [как и чем] чем был ∾ пред [л⟨юбовником⟩] первым любовником

7 Устав, наконец, слушать ее / Устав слушать ее ◊

16–17 нечистоплотность [но], но он мирился

20–22 поступить в [уни⟨верситет⟩] институт инженеров и [обеспечил] устроил всё, что было [нужно] необходимо

24–29 потеряв надежду [насытить и] преодолеть [в⟨о тьме?⟩] густоту [и плот⟨ность⟩] липкой тьмы. [У Клима] Климу было [необыкновенно скучно и тягостно] тягостно и ни о чем не думалось. [Но] [Вдруг] Но ∾ оживила его [мысль] мысль о том, что ∾ чувствуется что-то сродное, [всем] все они поучают

32 *После*: в ночной тьме? — *зачеркнуто*: Из трактира, сильно хлопнув стеклянной дверью, точно из-под льда, вынырнули двое, и один, ведя другого под руку, сказал ласково, но твердо:

— Я тебя усовершенствую!

А другой крикнул громко, даже страстно:

— Эх, Митя, обижаешь! Не пойду я в свидетели, нет. За [десять] семь целковых [правда] правду — не продам!

— Ну — десятку?

Клим оглянулся на них, на ледяную во тьме дверь, и вспомнил:

«Да — был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?» [1]

---

[1] *На четвертой странице обложки автографа БА второй главы сохранился отрывок фразы*: ⟨ма⟩леньким, красивым ртом, [резко очерченное и] очень живое.

л. 72[1]

34 незаметно [для него] сложилось обы⟨чное⟩] (*ЧА*$_3$)

35–36 и даже несколько враждебное / несколько враждебное [и] (*ЧА*$_3$)

37–38 черствых, недоверчивых и очень / особенно черствых и в то же время очень (*ЧА*$_3$)

38 эта голова / голова (*ЧА*$_3$)

Стр. 198.

1 наполнена мозгом / наполненная мозгом (*ЧА*$_3$)

2 Ночью, в вагоне, Клим / В вагоне, ночью, он (*ЧА*$_3$); Ночью, в вагоне, он ◊ (*БА*)

2–3 Достоевского / Достоевского, Щедрина

4 *После*: в столицу — *зачеркнуто*: настороженным в со⟨знании⟩

4–6 решив держаться ∾ верованиями / настороженным, с недоверием к людям, в сознании необходимости держаться с ними осторожно, в смутной боязни, что его тотчас начнут испытывать, изучать и [на⟨чнут?⟩] быстро разоблачат в нем всё, [что] чего он не желал показывать людям (*ЧА*$_3$)

6 *После*: изучать его — *начато*: и по⟨пытаются?⟩

7 Густой туман окутывал город / Густой туман наполнял Невский проспект (*ЧА*$_3$)

7 [Густой туман наполн⟨ял⟩] Густой

8 трех [четырех] часов

8–10 Невский проспект ∾ на гигантские одуванчики. / *а*. [всюду в тумане светились] из тумана вспухли радужные пузыри фонарей и мокрые стекла магазинов *б*. туман пытались осветить — *Далее, как в тексте* (*ЧА*$_3$)

10–14 Липкая сырость ∾ внутри так ярко / *а*. В этом свете, призрачном и сыром, было что-то [неп⟨риятное⟩] болезненное, вызывавшее неприятную дрожь кожи *б*. Тусклая, липкая сырость — *Далее, как в тексте* (*ЧА*$_3$, *БА* ◊)

14–15 как будто в них ∾ лучами / *а*. *Слов нет*. *б*. как будто они торговали [солнечным то⟨варом?⟩] солнечными лучами (*ЧА*$_3$)

15 Непривычен был / *а*. Неприятен был и *б*. Непривычен был Климу (*ЧА*$_3$)

16–17 мягки и тупы удары ∾ мостовой / мягки удары лошадиных копыт по торцам мостовой (*ЧА*$_3$)

17–18 шорох ∾ шин / шорох шин и резиновых колес ◊ (*ЧА*$_3$)

19–20 голоса людей ∾ однообразно / глухие голоса множества людей звучали тоже однообразно (*ЧА*$_3$)

---

[1] Листы 72—80 (авторская пагинация) были заменены в *БА* после правки в 3-й редакции. Варианты второй редакции см. в слое *а*, варианты третьей — в слое *б* *ЧА*$_3$.

20–22 Странно было ∾ криков разносчиков. / *а.* Непривычно было не слышать [бойкого] треска колес по булыжнику, цоканья подков, не видать церквей [задавленны⟨х⟩]. [Темный шумок [туманного] города как будто всасывался в кожу вместе с густой и липкой сыростью, дома были грязны, мостовая и панели] *б.* Странно не слышать треска колес по булыжнику, цоканья подков, бойких криков. ($ЧА_3$)

22 *Фразы*: И нет колокольного звона — *в* $ЧА_3$ *нет.*

23–25 По панелям ∾ неестественно одноцветны. / *а.* панели [тоже] смазаны жидкой, маслянистой грязью. [А туман насыщен горьким запахом дыма.] Люди шагали [слишком] быстро [и казались особенно неестественно темными]. Неестественно темные там, где слабо освещенный туман принимал цвет [свинцовый] свинца, и там, где в [него] туман врывался опаловый свет фонарей, желтый — витрин. *б. Как в тексте* ($ЧА_3$)

25 тоже одноцветные серые дома / тоже одноцветные от сырости дома ($ЧА_3$)

25 серые дома / сырые дома

26 тесно прижатые / и тесно прижатые ($ЧА_3$)

27–28 как единое и бесконечное здание / *а.* [одним] огромным [бесформенным] бесконечным зданием *б.* единым и бесконечным зданием ($ЧА_3$)

28–30 Его нижний этаж ∾ вздымались / *а.* приплюснутые к земле тяжелым [обла⟨ком⟩] [облаком] туманом, они, казалось, уходили страшно высоко *б.* его нижний этаж, [богато] [жирно] ярко освещенный [и] [отр] [бы⟨л⟩] [к], приплюснут к земле [а верхние, темные, точно прессуя огонь в темноте, поднимались высок⟨о⟩], а верхний, темный, как бы прессуя огонь, вздымался высоко ($ЧА_3$); Его нижний этаж, ярко освещенный, приплюснут к земле и вдавлен в нее, а верхние, темные [как бы прессуя огонь] вздымались (*БА*)

31 [И] Среди этих домов ($ЧА_3$)

31 лошади, [да⟨же⟩] полицейские ($ЧА_3$)

32 мельче и незначительнее, чем в провинции / мельче, незначительнее, чем в других городах ($ЧА_3$)

33 заметил в них Клим / заметил в [них] людях Клим Самгин ($ЧА_3$)

34 казалось, что все они / как будто все они ($ЧА_3$)

35–36 из глубокого канала ∾ гниющего дерева. / *а.* из тумана. *б.* из этого канала, полного водяной [пылью] пыли. ($ЧА_3$); из [этого] глубокого канала,— *Далее, как в тексте.* (*БА*)

37 люди останавливались на секунды / они на секунды останавливались ($ЧА_3$); люди на секунды останавливались ◊ (*БА*)

38 друг другу из-под черных шляп / из-под черных шляп друг другу (*ЧА*$_3$)

39 желтые пятна / [серые] круглые пятна (*ЧА*$_3$); серые пятна (*БА*)

40 Быстрая походка людей / *а.* Их быстрая походка *б.* Быстрая походка людей (*ЧА*$_3$)

41 сотни и тысячи / тысячи (*ЧА*$_3$)

Стр. 198—199.

41–1 встречаясь и расходясь, бегут / бегут, толкая друг друга, встречаясь и расходясь (*ЧА*$_3$); встречаясь и расходясь, толкая ◊ (*БА*)

Стр. 199.

1–2 наверное — ничтожным / может быть и ничтожным (*ЧА*$_3$); быть 〈может〉 ничтожным ◊ (*БА*)

2 ясным ∾ из них / [вероятно] ясным для них (*ЧА*$_3$); ясным для каждого из них (*БА*)

3 вообразить, что / думать, что [этот] (*ЧА*$_3$)

3–4 дыхание людей / *а.* дыхание его людей *б.* дыхание жителей (*ЧА*$_3$)

4 всё в городе запотело / *а.* а город вспотел *б. Как в тексте* (*ЧА*$_3$)

4 от их беготни / от беготни их (*ЧА*$_3$)

5 в массе маленьких людей / в массе [этих чер〈ных〉] темненьких фигур, [наскаки〈вающих〉] бегущих друг на друга (*ЧА*$_3$)

6–7 и вспоминался ∾ угрожающий афоризм / *а.* Разум Клима работал хаотически, стремясь успокоить себя, опростить [эту] суету, [которая казалась все более бес〈смысленной〉] она казалась ему уже лишенной смысла. Он вспомнил один из афоризмов Варавки *б.* Клим вспомнил — *Далее, как в тексте* (*ЧА*$_3$)

9 быть сырым материалом / служить сырым материалом (*ЧА*$_3$)

11–12 совьют из них ∾ необходима» / *а.* совьют из нее веревку. *б. Как в тексте* (*ЧА*$_3$)

13–15 «Напрасно я ∾ на себя. / *а.* Но афоризм не успокоил Клима. Он почувствовал раздражение против себя [и подумал]: напрасно [он] он, уступив настояниям Варавки и матери, поехал учиться в этот задыхающийся город. *б. Как в тексте, до слов*: задыхающийся город — *Далее*: уныло и с раздражением на себя подумал Клим. (*ЧА*$_3$)

13 матери и Варавки / Варавки и матери

15–16 Может быть, в советах / Не было ли в советах (*ЧА*$_3$)

16 не допускать меня / не допускать его (*ЧА*$_3$)

17–18 они отдали / они [предают] предали (*ЧА*$_3$)

20 опаловые пузыри / радужные пузыри (*ЧА*$_3$, *БА* ◊)

20 *После*: вокруг фонарей — *зачеркнуто*: [они были велики, огонь горел где-то глубоко в центре их, и проспект освещался этими пузырями] [они были похожи на гигантские одуванчики] они [станови⟨лись⟩] как будто [ста⟨новились⟩] раздувались, разбухали, а огонь все глубже уходил в центры их (*ЧА*$_3$)

22 непрерывно вторгаясь / непрерывно вторгались ◊ (*ЧА*$_3$)

22 [и] так же непрерывно (*ЧА*$_3$)

23–24 объема сферы / объема пузырей (*ЧА*$_3$, *БА* ◊)

24–26 Эта странная игра ∾ не замечать больше. / *а*. Их радужная суета была [почти] бы приятна глазу [и], [но] если б Клим Самгин не видел в ней нечто [нереальное, призрачное] призрачное, возбуждавшее необходимость уподобить их чему-то и больше не замечать. *б*. Их радужная суета была [бы] почти невыносима глазу и возбуждала необходимость уподобить их чему-то, [чтоб уже не з⟨амечать⟩] погасить словами и не замечать больше. (*ЧА*$_3$); Эта странная [суета] игра [радужной] радужной пыли — *Далее, как в тексте, до слов*: не замечать [ее] больше. (*БА*).

27 Клим снял / Он снял (*ЧА*$_3$)

27–29 огромные шары ∾ неприятны / эти [шары расплавл⟨енного⟩] повисшие в воздухе огромные капли жидкого опала несколько обесцветились, [посере⟨ли⟩] стали [более] плотнее [и], еще более неприятны (*ЧА*$_3$)

29–30 а огонь ∾ в центры их / *а*. *Слов нет* *б*. а огонь потускнел, ушел еще глубже в центры их ◊ (*ЧА*$_3$)

30–31 Избитое сравнение ∾ не годилось / Клим вспомнил избитое сравнение Варавки: «город-улей»; это не годилось (*ЧА*$_3$)

31–32 Более удачно гасились ∾ словами / Более [удачны] удачно зачеркивала эти [огни] призрачные огни речь (*ЧА*$_3$)

33–34 Однажды [у писа⟨теля⟩] во флигеле у Катина

35 явления электрохимические и что / суть явления электрохимические, что (*ЧА*$_3$)

36–37 именно такой концентрацией ∾ объяснить / и что именно этим следует [объяснить] объяснять (*ЧА*$_3$)

38–39 Крестовые походы ∾ Великую революцию / [такие взрывы энергии] как крестовые походы, [итальянский ре⟨нессанс⟩] Возрождение, [Французская революция конца XVIII века] Великая французская революция (*ЧА*$_3$)

39 подобные взрывы волевой энергии / подобные им взрывы энергии. Но, вспомнив эту речь, Клим вспомнил и сердитые слова дяди Якова:

— Ну, уж тут что-то не от науки, а от святых отцов. Церковная чепуха наизнанку. В науке таким фантазиям нет места, сударь мой (*ЧА*$_3$)

40 [Но на] На Сенатской площади (*ЧА*$_3$)

40 опаловые пузыри / опаловые шары (*ЧА*$_3$)

41 темную ∾ фигуру / [черную, мокру⟨ю⟩] [масленую] [маслено лоснившуюся] темную, маслено блестевшую фигуру (*ЧА*$_3$)

Стр. 200.

1 царь указывал / он указывал ◊ (*ЧА*$_3$)

2 над рекою / над нею (*ЧА*$_3$)

2–3 более густ и холоден / более густ, чем над городом, и еще холодней (*ЧА*$_3$); более густ и [еще] холодней (*БА*)

8 память почему-то подсказала / почему-то в памяти зазвучали (*ЧА*$_3$); почему-то память подсказала (*БА*)

8–9 балладу Гёте / стихи из баллады Шиллера (*ЧА*$_3$); балладу Шиллера (*БА*)

13 тревожной рекою / тревожно текущей рекою (*ЧА*$_3$)

13 Затем извозчик, остановив / Через несколько минут извозчик остановил (*ЧА*$_3$); Затем извозчик остановил ◊ (*БА*)

15–16 попросил суровым тоном / и попросил (*ЧА*$_3$)

18 «Почему же баринок?» / «Почему это — баринок, а не барин?» (*ЧА*$_3$)

20–21 швейцар ∾ на вогнутой груди / солдат-швейцар [с мед⟨алями⟩] в китайских усах, с медалями на груди (*ЧА*$_3$)

л. 73

21 в черной шапочке / в черной шелковой шапочке (*ЧА*$_3$)

22 деловито сказал / спросил, стаскивая чемоданы (*ЧА*$_3$); деловито спросил ◊ (*БА*)

23 Квартира Премировой ∾ четыре / В квартиру Премировой? (*ЧА*$_3$)

25 а по каменной лестнице / По каменной лестнице (*ЧА*$_3$)

27 воздушно спорхнула / легко вспорхнула (*ЧА*$_3$): уже воздушно спорхнула ◊ (*БА*)

28–29 напомнила Климу гимназию / напомнила Климу [что-то казенное] скучнейшее казенное здание гимназии (*ЧА*$_3$); напомнила Климу [какое-то] гимназию (*БА*)

30–32 Легким голосом ∾ первая дверь / Г⟨осподин⟩ Самгин? — спросила она легким голосом.— Ваша комната — направо по коридору, номер — два (*ЧА*$_3$)

32 направо угловая / пять, налево (*ЧА*$_3$)

33 Брата ∾ спросил Клим / Сняв очки, мигая, Клим удивленно спросил: — Брата? (*ЧА*$_3$)

34 [и] как бы извиняясь (*ЧА* 3)

35 [вытягиваясь между двумя чемоданами] схватив [два] в руки два чемодана (*ЧА* 3)

36–37 *Текста*: Ведь вы ∾ ответил Клим — *в ЧА 3 нет.*

38–39 соображая: почему же мать / Клим шел сзади ее, соображая: [почему это] что за таинственность? Почему это мать (*ЧА* 3); соображая: [что за таинственность? Почему же] почему же мать (*БА*)

39–40 *После*: с братом? — *зачеркнуто*: В дверь комнаты Дмитрия он постучал громко, вызывающе (*ЧА* 3)

Стр. 201.

1–4 он сердито и вызывающе ∾ Пожалуйста! / *а.* он постучал в дверь Дмитрия громко, вызывающе, а брат встретил его шумно, ласково *б.* он ∾ Дмитрия сердито и вызывающе [— Войдите,— кто это? — раздраже⟨нно⟩]. Из-за двери раздражительно крикнули: — Войдите — кто [это]? (*ЧА* 3)

5–6 Дмитрий лежал ∾ забинтована / *а.* он лежал на койке с забинтованной ступнею *б.* Дмитрий ∾ ступнею (*ЧА* 3); Дмитрий лежал на койке [с забин⟨тованной⟩], ступня — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

7–8 Приподняв голову / *а. Слов нет. б.* приподняв голову с подушки (*ЧА* 3)

8–9 упираясь рукою ∾ и бормотал / *а. Слов нет. б.* опираясь руками в постель, он, медленно приподнимая тело, [бо⟨рмотал⟩] забормотал, нахмурясь, припоминая (*ЧА* 3)

10 Это... ∾ Ты? / *а. Слов нет. б.* Это? Это... (*ЧА* 3)

11–12 И, протянув руки ∾ сюрприз! *а. Слов нет. б.* И, ударив себя одной рукою по лбу, протянув другую брату, он закричал:— Ага, так вот [какой] он, сюрприз! (*ЧА* 3)

13 Самгин видел незнакомого [В синих брюках и вышитой рубахе он был похож на актера украинской труппы, и, присматриваясь к нему, Клим видел [пред собою чужого] незнакомого человека] (*ЧА* 3); Клим видел незнакомого ◊ (*БА*)

13 только глаза Дмитрия / [он] только глаза его (*ЧА* 3)

14–15 до этой [неожиданной Климом] встречи. [Он очень возмужал] (*ЧА* 3)

15 еще той улыбкой / тою же [задумчивой и мягкой] [широкой] мягкой улыбкой (*ЧА* 3)

16 привык называть / [пр⟨ивык⟩] называл (*ЧА* 3)

16–17 Круглое и мягкое / круглое (*ЧА* 3)

17 *После*: бородкой — [вытянулось] стало овальным (*ЧА* 3)

18–19 Он весело и быстро рассказал / *а.* Он очень быстро, экономными словами и сжато рассказал *б. Как в тексте.* (*ЧА* 3)

19 переехал сюда ∾ тому назад / *а.* переехал [в п‹ансион›?] к Премировой, старой знакомой Варавки, восемь дней тому назад *б.* переехал к Премировой восемь дней тому назад (*ЧА*$_3$)

20 потому что разбил ∾ перевезла его / *а.* [пере‹езжая›] в день переезда [вывихнул ногу в] ушиб щиколотку, отчего и не мог встретить Клима на вокзале, хотя от квартирохозяйки знает, что Клим приедет именно сегодня. Когда Клим снял пальто, брат тотчас смутил его нелепым восклицанием: — Ух, какой ты лакированный! *б.* в день переезда ушиб щиколотку и вот,— лежит [это какая]. [Премирова оказа‹лась›] — Премировы, очень милые, [как] [оказалось, что старуха-то] (*ЧА*$_3$)

21 Она давно ∾ ждите сюрприза! / *а. Фразы нет. б.* Марина [вторые] трое суток [всё] угрожала [ему] мне:— [Вас] Ждите сюрприза! (*ЧА*$_3$)

22 Кто — Марина? Племянница Премировой. / *а. Текста нет. б.* Кто это — Марина? — спросил Клим.— Племянница хозяйки, очень милая; я с нею давно знаком (*ЧА*$_3$)

22 *После*: Премировой — *зачеркнуто*: мой друг

22–23 Тетка ∾ с Варавкой / *а. Фразы нет. б.* Тетка тоже добрая старуха, либералка, она в дальнем родстве с Варавкой (*ЧА*$_3$)

23 *После*: родстве с Варавкой — *а. Слов нет. б.* Ну, говори, как живешь, что делается (*ЧА*$_3$)

24–25 Оживление ∾ Лидии. / *а. Фразы нет. б. Как в тексте, до слова* — стал — *Далее*: спрашивать о матери, Варавке, Лидии (*ЧА*$_3$)

26 во рту горечь / во рту [горьковатый] что-то горьковатое, неприятное (*ЧА*$_3$)

27–28 вопросы брата / *а.* вопросы о матери, Варавке, Лидии и всех знакомых, чувствовалось, что брат спрашивает по долгу вежливости [торо‹пится›] и слишком торопится исполнить этот долг *б.* вопросы брата, чувствовалось, что брат спрашивает по долгу вежливости и слишком торопится исполнить этот долг (*ЧА*$_3$)

29–30 о старой нотной бумаге / о нотной бумаге (*ЧА*$_3$, *БА*)

30–31 Сквозь туман ∾ густо облепленная / Сквозь него смутно видно было желтую стену дома, облепленную (*ЧА*$_3$); Сквозь туман [было] смутно выступала [стена] — *Далее, как в тексте* (*БА*)

33 *После*: как дядя Яков? —

— Совершенно больной человек (*ЧА*$_3$)

33 Болен? Хм... Недавно / Хм... Недавно (*ЧА*$_3$)

34 писатель, народник / писатель (*ЧА*$_3$)

36 *После*: а не жизнь — В дверь постучали, бескровный легкий голосок спросил: — Прикажете подать чай? — Не надо, мы придем,— ответил Дмитрий.— *Далее зачеркнуто*: Славная девушка. Премировы, тетка и племянница, тоже славные, увидишь. Я давно знаю их. (*ЧА*$_3$)

Стр. 201—202.

36–1 Ты, конечно, знаешь ∾ усмехнуться / *а. Текста нет. б.* Ты, конечно, знаешь, что он арестован — *Далее, как в тексте.* (*ЧА*$_3$)

Стр. 202.

1 *После*: усмехнуться — Клим вспомнил, что следует спросить об отце; брат, усмехаясь, ответил (*ЧА*$_3$); *в БА зачеркнуто*: Затем он вспомнил, что следует спросить об отце.

1–3 *Фразы*: Он рассматривал брата ∾ забавном человеке.— *в ЧА*$_3$ *нет.*

2–3 а брат говорил / а Дмитрий говорил

2–3 о чужом [человеке, к слабостям которого], но забавном человеке

4–5 Ты бы не узнал ∾ баритоном. / [Отец] Отца ты бы не узнал, он — веселый, толстенький, богатый — *Далее в слое б. вписано*: рассказывал Дм⟨итрий⟩, [по⟨качиваясь⟩] сидя на койке [и], покачиваясь и дружелюбно улыбаясь мягкими губами (*ЧА*$_3$)

5–9 Дубовой клепкой ∾ на одной ноге / Он теперь не только с немцами [с] и англичанами [торгует] торгует, в Испанию, во Францию дуб для винных бочек продает [И ужасно] и ужасно много ест! — А пьет? — [Кажется — в меру.] В меру. Но — к девицам [чрезвычайно] внимателен.— «Говорит, как о чужом»,— подумал Клим, [всё еще] рассматривая брата тоже как чужого, а Дмитрий слез с постели [и], прыгая на одной ноге (*ЧА*$_3$)

5–6 Дубовой клепкой торгует / Дубовую клепку испанцам продает

7–8 *Фразы*: Весной он был ∾ в Дижоне — *в ЧА*$_3$ *нет.*

9–13 придерживаясь за спинки ∾ Идем чай пить / придерживаясь за мебель, причесал встрепанные волосы [достал из угла костыль и сказал весело] и достал из угла костыль:— Идем! [Он проводил брата в] (*ЧА*$_3$)

10–11 и [улы⟨баясь⟩] мягкие, толстые губы

11–12 [Взяв] Сунув под мышку

13–14 Переодеваться? ∾ хорошо лакирован / *а. Текста нет. б.* Мне нужно переодеться,— заявил Клим, но брат, осмотрев

его, сказал: — [Брось, ты] Ты и так [хорош, точно — лакированный] хорошо лакирован (*ЧА*$_3$)

15 Клим все-таки ∾ комнату / *а. Слов нет. б.* [Клим чу⟨вствовал⟩] [Но] Клим [все-таки] пошел в комнату, отведенную ему (*ЧА*$_3$)

15–17 брат ∾ смущавшей его / *а. Слов нет. б.* [бр⟨ат⟩] Дмитрий, пристукивая костылем, сопровождал его и всё говорил, говорил с радостью, непонятной [Климу] брату и смущавшей его (*ЧА*$_3$)

16–17 и всё говорил [говор⟨ил⟩] с радостью

18 Ну, довольно ∾ пойдем! / *а. Фразы нет. б.* Почему-то [он] Дмитрий очень торопил [Клима, нетерпеливо понукая]:— [До⟨вольно⟩] [Ну, до⟨вольно⟩, идем же!] Ну, довольно, идем! (*ЧА*$_3$); «Телячья радость»,— определил Клим, а брат торопил его: — Ну, довольно, очарователен, пойдем! (*БА*)

19 В теплом, приятном сумраке небольшой комнаты / В приятном [глазу ме⟨сте⟩] сумраке большой комнаты, посреди ее (*ЧА*$_3$)

21 на остром розовом / на [ее] розовом остром (*ЧА*$_3$)

22 серую обезьяныо лапку / обезьянью лапку (*ЧА*$_3$)

23 она сказала / [она сказала] говорила она (*ЧА*$_3$)

25–27 Очень г'ада... ∾ ревматизм / Очень г'ада. Вы смот'гите на мои г'уки? Я смазываю их иодом,— г'евматизм. И шег'сть для этого (*ЧА*$_3$)

27–28 Торопливо ∾ она / Она [до⟨лго⟩] подробно (*ЧА*$_3$)

28–30 вошла пышная девица ∾ как веером / скоро вошла большая, пышная девица, обмахивая красное лицо [конц⟨ом⟩], как веером (*ЧА*$_3$)

30 *Слов*: золотистого цвета — *в ЧА*$_3$ *нет.*

30 и сказала / взглянула пристально и сказала (*ЧА*$_3$)

32 Садясь ∾ сообщила / Села рядом с Дмитрием и сообщила ему (*ЧА*$_3$)

35 Климу показалось ∾ тесно. / *а. Фразы нет. б.* Клим [незаметно] взглянул на нее; она была так распаренно красна, что, казалось, пришла не с улицы, а из ванны (*ЧА*$_3$)

35–36 Резким жестом / Затем тотчас резким жестом (*ЧА*$_3$)

36 из-под носа его / из-под носа Клима (*ЧА*$_3$)

37 обильно смазала маслом / густо смазала его маслом (*ЧА*$_3$); обильно смазала его вареньем ◊ (*БА*)

37–38 стала грызть / стала есть (*ЧА*$_3$)

38–39 тугие губы малинового цвета / толстых малиновых губ (*ЧА*$_3$)

40 плотно составленные зубы / плотные зубы (*ЧА*$_3$)

Стр. 202—203.

40–1 *Вариант слов*: Она была ∾ из горячей ванны — *имеющийся в ЧА*$_3$, *см. выше*: *стр. 202*, *строка 35*.

Стр. 203.

1–2 и была ∾ крупна / *а*. Была она преувеличенно крупна *б*. *Как в тексте*. (*ЧА*$_3$)

3 желтым джерси, напоминавшим / *а*. мохнатой кофтой оловянного цвета *б*. [желтым джерси, напомнившим] желтым джерси, джерси напомнило ему [о] (*ЧА*$_3$); желтым джерси, напомнившим (*БА*)

5–6 Марина училась ∾ курсах / она училась год на акушерских курсах в Казани (*ЧА*$_3$)

6 ее отец / отец ее (*ЧА*$_3$)

7–8 и что есть ∾ оперетка / *а*. и что есть смешная оперетка *б*. Есть смешная оперетка (*ЧА*$_3$)

9 к сожалению, ее / *а*. теперь ее, к сожалению *б*. ее, к сожалению (*ЧА*$_3$)

10–11 Там забавные генералы ∾ Бомбардос... / *а*. *Слов нет*. *б*. В ней смешные генералы — Патакес, Бомбардос (*ЧА*$_3$)

12–13 Оборвав фразу ∾ сказала Дмитрию / *а*. Неожиданно, на половине фразы, оборвав ее, она обратилась к Дмитрию *б*. Оборвав фразу на половине, она обратилась к Дмитрию (*ЧА*$_3$)

14 Сегодня придет ∾ с ним этот... / Сегодня придут Спиваки [и], Кутузов и с ним еще кто-то, я забыла (*ЧА*$_3$)

14 и с ним [еще] этот... (*БА*)

15–17 *Фразы*: Она показала глазами ∾ и толкающий.— *в ЧА*$_3$ *нет*.

16 янтарного цвета, [и когда Клим встречал ее взгляд, ему казалось] [и когда Клим встреч⟨ал⟩] а взгляд

18–21 Знакомого увидишь ∾ Не скажу. / *а*. Это — превосходно,— сказал Дмитрий, потирая широкие, точно у рабочего, ладони, а Клим заметил про себя: [что] брат, видимо, привык [что] к тому, что девица говорит с ним, точно барыня с буфетчиком *б*. Превосходно,— сказал Дмитрий, потирая ладони, а Клим отметил для себя, что девица говорит с братом его, точно барыня с буфетчиком (*ЧА*$_3$)

18–21 *Текст*: Знакомого увидишь ∾ Не скажу — *вписан в БА*.

22 лапки старушки / [р⟨уки⟩] лапки старухи (*ЧА*$_3$; *БА*)

24 не умолкая ∾ картавые словечки / *а*. неумолкаемо шелестел ее голосок *б*. неумолкаемо шелестели ее картавые словечки (*ЧА*$_3$)

26–27 По морщинам ∾ легкие улыбочки. / *а*. *Фразы нет*. *б*. [Неестественная старушка: темненькое лицо ее] По морщинам

темненького лица ее [всё время растекалась] быстро скользила улыбка (*ЧА* 3)

27–28 Клим нашел ∾ неестественной. / *а. Фразы нет. б.* [Он] Клим [нашел] признал улыбку хитрой, а всю старушку неестественной (*ЧА* 3); Клим нашел [их] улыбочки — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

28–29 Ее говорок ∾ голос Дмитрия / *а.* Сквозь ее говорок Клим слышал [не до] грубоватый голос брата *б.* Ее говорок вдруг утонул ⟨в⟩ грубоватом голосе Дмитрия (*ЧА* 3)

30–31 Расовые качества ∾ доказано. / *а.* Не согласен. Именно кровью [ре⟨бенка?⟩] женщины определяются расовые качества [до⟨казано?⟩] *б.* Нет, именно кровью женщины определяются расовые качества. Это — доказано (*ЧА* 3)

31–32 Чили, Боливии... / *а.* Чили и других республик Южной Америки... *б.* Чили и некоторых других ∾ Америки... (*ЧА* 3)

32 *После*: Боливии... — *а.* Голос Дмитрия звучал авторитетно, но — глупо *б.* Брат говорил авторитетно, но — голос у него был глупый, как и лицо. (*ЧА* 3)

34–35 Зачем вы говорите непонятные слова? / *а. Слов нет. б.* Зачем вы говорите непонятными словами (*ЧА* 3)

35 *После*: непонятные слова — *зачеркнуто*: Голос Дмитрия был [глупый] глуп

36–38 Рядом с могучей ∾ неудачным. / *а.* Сам он рядом с могучей девицей стал маленьким и неуклюжим, весь собранный из широких костей и плохо прилаженных к ним мускулов *б.* Дмитрий рядом ∾ мускулов (*ЧА* 3); Рядом с могучей Мариной Дмитрий казался маленьким [соб⟨ранным⟩], неуклюже сложен⟨ным⟩ ◊ (*БА*)

39 плечо в плечо с Мариной / очень близко к Марине (*ЧА* 3)

40–41 она всё разглядывала ∾ рыжие искры. / *а.* та, снова [говоря] [обратилась] разглядывая Клима всасывающим взглядом больших, точно у [ко⟨ровы⟩] телки, но как будто [раздраженных] раздраженных глаз, говорила (*ЧА* 3)

41 рыжие искры / зеленоватые искры ◊

Стр. 204.

1 «Избалованная ∾ решил Клим / *Фразы нет.* (*ЧА* 3); «Раздражительная и, должно быть, капризная», — решил Клим ◊ (*БА*)

2–5 Тетка права ∾ к чаю режут / Тетя — права: город — гнилой, а народ в нем — сухой. И скупой. Лимон для гостей режут (*ЧА* 3); Тетка права,— [г⟨оворила⟩] сочным голосом, [но как-то] громко,— *Далее, как в тексте* (*БА*)

л. 74

Стр. 204—205.

6-2 *Вариант текста*: Выбрав удобную минуту ∾ толкая, как мальчика.— *имеющийся в* $ЧА_2$, *см. наст. изд. т. XXV, стр. 18—19.*

Стр. 204.

7-8 назойливо допрашивал / [стучал костылем и] вполголоса спрашивал ($ЧА_3$)

10-11 Да.— Ну, отдыхай. / Да, — [отк⟨рывая⟩] ответил Клим, открывая дверь в свою комнату и думая: «[Этот не стал умнее] Не умнее, чем был».— Ну, отдыхай, — разрешил Дмигрий ($ЧА_3$)

11 *После*: Ну, отдыхай — И обе Премировы, и брат, и эта монашеская комната раздражающе не совпадали с представлением Клима о Петербурге ($ЧА_3$)

12-13 сбросив тужурку ∾ на койку / сбросив с плеч новенькую тужурку, он повалился на постель ($ЧА_3$)

13 решив, что не останется тут / едва успев решить, что не останется здесь ($ЧА_3$); едва успев решить, что не останется тут (*БА*)

14-15 проживет ∾ другую квартиру / *а.* завтра же начнет искать другую комнату *б.* завтра же ∾ квартиру ($ЧА_3$)

16 Часа через три / Но часа через три ($ЧА_3$)

16-17 заставил умыться ∾ к Премировым. / настойчиво заставил умыться и снова повел к Премировым, убеждая: — Петь будут. [Он даже подмигнул, добавив: — Сюрприз будет.] Подмигнув, он добавил: — Знакомого увидишь. ($ЧА_3$)

17-18 заботясь лишь / чувствуя себя полубольным и заботясь лишь ($ЧА_3$)

18-21 В столовой ∾ в поле пал / *а. Текста нет. б.* В столовой было [шу⟨мно⟩] тесно и шумно, звучали [очень странные] дисгармоничные аккорды рояля, Марина, кричала, [от⟨бивая⟩] топая ногою: Бедный конь — в поле пал... [Ра-ра-ра-ри-ра-ра...] Подождите, Спивак! ($ЧА_3$)

22-24 Студент университета ∾ среди комнаты / *а.* Среди комнаты стояли, как два бойцовых петуха, студент университета в длинном, точно кафтан, сюртуке, сероглазый, с мужицкой окладистой бородою желтого цвета, с коротко остриженными волосами *б.* [[У две⟨ри⟩] Среди комнаты стоял широкоплечий студент ∾ волосами] *в.* Студент университета ∾ окладистой бородою, стоял ($ЧА_3$)

24-27 против щеголевато одетого ∾ Клим / *а.* против него [щеголевато, но солидно] одетый в черное стройный человек, его

красивое, но очень бледное лицо портила эспаньолка и смешные темные бачки, они опускались до мочек ушей.

— Мне кажется,— я понимаю вас,— говорил он с тою [подчеркнутой] подчеркнутой любезностью, за которой Клим Самгин *б.* против одетого в черное стройного человека с красивым, очень бледным лицом; лицо портила эспаньолка и смешные темные бачки, они опускались до мочек ушей. Держась за спинку стула, раскачивая его, он говорил с тою подчеркнутой любезностью, за которой Клим Самгин (*ЧА*$_3$)

24 против [одет⟨ого⟩] щеголевато одетого

29 Я не могу / [Понимаю, но] Но, видите ли, я не могу (*ЧА*$_3$)

30 без права и без желания / без желания и без права (*ЧА*$_3$)

30 над ближними / *а.* над ближним *б.* над ближними (*ЧА*$_3$)

30 *После*: над ближними: — *а.* Нитчше! — воскликнул бородатый.

— Не читал... *б.* Нитчше! — воскликнул бородатый студент (*ЧА*$_3$)

31 Да — на кой чёрт / На кой [чёрт] вам чёрт (*ЧА*$_3$); Да — на кой чёрт [вам] (*БА*)

31–32 когда личная собственность / если экономические отношения (*ЧА*$_3$); если личная собственность◊ (*БА*)

32–33 красивым баритоном вскричал студент / сердитым баритоном закричал студент (*ЧА*$_3$)

33 и, мельком взглянув / [и, мельком взглянув] Мельком взглянув (*ЧА*$_3$)

34–35 сунул ему ∾ досадой / *а.* с досадой сунув руку ему, назвал себя *б.* он сунул ему руку [назвал себя с досадой] и с досадой назвал себя (*ЧА*$_3$)

37–40 А человек в черном ∾ Удивлен? / *а.* [Туро⟨боев⟩]

— Не узнаете, Самгин? — улыбаясь, спросил человек с эспаньолкой [ласково усмехаясь].— Туробоев,— не помните? — Дмитрий нелепо захохотал смехом, почему-то счастливым, а Марина *б.* Не узнаете, Самгин? — улыбаясь спросил человек с эспаньолкой. — Туробоев,— не помните?— Дмитрий нелепо засмеялся, спрашивая Клима: — Удивлен, а? (*ЧА*$_3$)

Стр. 205.

1 *Слов*: Удивиться Клим не успел — *в ЧА*$_3$ *нет.*

1–2 завертела его ∾ как мальчика / *а.* схватив Клима за руку и, точно танцуя, завертела его по комнате, представляя гостям *б.* схватив Клима ∾ по комнате, знакомя с гостями (*ЧА*$_3$); быстро завертела его по комнате, толкая [от] [человека⟩], как мальчика (*БА*)

2 *После*: как мальчика.— Остановясь пред высокой, тонкой дамой с мягким [ли⟨цом⟩] и хитрым лицом кошки, она сказала ей [очень любовно] (*ЧА*$_3$)

3–5 Еще Самгин ∾ ее муж. / *а*. Вот еще Самгин, Клим, ужасно серьезный, как еж, потому что — приготовишка в жизни. *б*. Еще Самгин ∾ еще приготовишка в жизни. Елизавета [Петровна] Львовна Спивак (*ЧА*$_3$)

4 высокой [тонкой] даме [с мягким и] с лицом кошки.— [Это] Ее зовут

6–7 У рояля ∾ курчавых волос / Затем толкнула его к роялю, где сидел, разбирая ноты, [тоненький] горбатенький курчавый человечек (*ЧА*$_3$)

7–8 черные волосы / волосы его (*ЧА*$_3$); волосы◊ (*БА*)

8–9 а лицо было ∾ на скулах / на скулах желтого лица лоснились розовые пятна (*ЧА*$_3$)

10 глухо сказал он.— Поете? / сиповато сказал он.— Вы поете? Нет? (*ЧА*$_3$); Поете? Нет? ◊ (*БА*)

11–14 Отрицательный ответ удивил ∾ зачем же вы?» / Удивленно взглянув в лицо Клима через стекла пенсне, [невежливо] он бесцеремонно отвернулся, кашлянул и, вынув из кармана флакон синего стекла с белой металлической крышкой, аккуратно плюнул в него.— Когда же мы начнем, Лиза? — спросил он, [обращаясь] говоря как бы клавиатуре рояля, поправил пенсне на унылом носу и снова углубился в ноты (*ЧА*$_3$); [Удивленно взглянув и] Отрицательный ответ [Клима] удивил,— *Далее, как в тексте* (*БА*)

15 Идемте ∾ кроме нот. / Ничего не понимает, кроме музыки,— объяснила Марина [п⟨одводя⟩] и, подводя Клима к дивану [сказала небрежно] [Нехаева — Самгин],— Клавдия Нехаева — Самгин, Клим (*ЧА*$_3$)

16–17 полулежала ∾ на рясу монахини / в неестественно изломанной позе, в темном платье «реформ», подобном рясе монахини, полулежала маленькая, костлявая девица [с птичьим лицом] (*ЧА*$_3$)

18 склонился Дмитрий и гудел / неуклюже склонился Дмитрий и говорил в [ли⟨цо⟩] [грустное] [остроносое] лицо ее (*ЧА*$_3$)

19–20 поэмы «Араукана»... / поэмы «Араукана», сказал (*ЧА*$_3$)

21 *После*: крикнула Марина — [оттолкнув Клима, который почти возненавидел ее] отталкивая его (*ЧА*$_3$)

21–22 *Вариант фразы*: Самгин ∾ Нехаева — *имеющийся в* *ЧА*$_3$, *см. выше*: *стр. 205*, *строка 15*.

22 Всё! / Все!

23–25 И, оставив Клима ∾ подолом платья. / *а*. Кивнув ему го-

ловою, Нехаева прикрыла тонкие ноги свои подолом платья «реформ», темного и похожего на рясу монахини *б.* Нехаева кивнула головою, очень небрежно, и отод⟨винулась⟩, прикрыв тонкие ноги свои подолом платья (*ЧА*$_3$)

24 подобрала [н⟨оги⟩] [свои] тоненькие ноги

25–27 Клим принял ∾ Он злился. / Клим сел рядом с нею, продолжая злиться (*ЧА*$_3$)

27–32 Его раздражало ∾ к Лидии. / *а.* Встреча с Туробоевым была неприятна ему, все люди антипатичны. [Он] Росла уверенность, что в этом городе всё должно быть иным [не тем, что он видит] и что он случайно попал в [какую-то тара ⟨?⟩] этот ящик, тесный и наполненный неприятно теплым [густым] воздухом *б.* Встреча с Туробоевым была почему-то неприятна [и], странно было вспомнить, что именно этот человек с холодным лицом, с глупыми бачками [стоял и] [когда-то объявлял] — мальчишка, который стоял пред Варавкой — *Далее, как в тексте.* (*ЧА*$_3$)

29 Трудно было признать / Не верилось ◊

32–33 *Фразы*: Неприятен ∾ студент.— *в ЧА*$_3$ *нет.*

34–37 Он и Елизавета ∾ думы и чувствования / *а.* Музыка несколько успокоила [его] Клима, она всегда обессмысливала [его] его, погружая в состояние полусна. Кутузов и Марина запели *б.* Музыка ∾ в состояние полудремотное. Кузутов и высокая дама пели незнакомый ему дуэт; горбатый Спивак отлично аккомпанировал (*ЧА*$_3$)

38 *Слов*: слушая музыку ∾ грусть — в *ЧА*$_3$ *нет.*

38 только [странную] ласковую грусть [он назвал ее сиро⟨тской⟩]

Стр. 205—206.

39–3 очень выработанным ∾ финал / красивым сопрано, [прикрыв глаза], особенно [хорошо и] трогательно [прозв⟨учали⟩] прозвучали умоляющие слова (*ЧА*$_3$)

41–1 стройная фигура [вы⟨росла⟩] стала еще выше

Стр. 206.

1–2 *Фразы*: Кутузов пел ∾ и умело.— *в ЧА*$_3$ *нет.*

9–10 Климу показалось ∾ знакома ему / Стройное тело певицы становилось выше, тоньше, и Климу казалось, что вот сейчас она [вся] поднимется с пола на воздух. [Климу казалось] А еще казалось, что тоска, о которой пела женщина, [зна⟨кома⟩] давно уже и в нем живет [1] (*ЧА*$_3$)

13 и, задумчиво погладив / задумчиво погладила (*ЧА*$_3$)

[1] *Слова*: [Климу казалось] ∾ в нем живет — *первоначально шли перед словами*: Стройное тело

14 положила обратно / и положила обратно (*ЧА*$_3$)

15 Вы заметили ∾ соседка. / Соседка Клима [тихо] [легко и] тихо спросила: — Вы заметили? (*ЧА*$_3$)

16–17 взглянув [в ее [пти⟨чье⟩] лицо птицы] на ее гладкую голову

19 она — яблоко? / она — с яблоком? (*ЧА*$_3$)

20 Да, видел. / Да,— ответил Клим, не [понимая] поняв вопроса [и соображая: «Что ей на⟨до⟩»] (*ЧА*$_3$)

21 Какая грация, не правда ли? / *а.* Это было [так] прекрасно, [такой символический жест],— шептала Нехаева *б.* Удивительно,— шептала Нехаева (*ЧА*$_3$)

22–23 Клим согласно ∾ должно быть». / *а.* Он согласно кивнул головою, [соображая] [«Что она говор⟨ит⟩»] соображая: «Дурочка, должно быть, институтка» *б.* Он согласно склонил голову, соображая: «Должно быть, институтка» (*ЧА*$_3$)

24–26 В памяти остался ∾ окраски. / [Но в памяти] В памяти его остался [странный, как бы очень] мягкий и [точно] как бы умоляющий взгляд [круглых] [выпуклых] глаз со зрачками цвета вишни (*ЧА*$_3$)

24 В памяти остался / В памяти его остался

25–26 неопределенной [окраски] [не то] зеленовато-серой [а м⟨ожет?⟩] окраски

27–28 Дмитрий тяжело ∾ и сказал / [У рояля] Дмитрий неловко встал [и пошел], сунул костыль под мышку и пошел к роялю, сказав Нехаевой (*ЧА*$_3$)

29 этот ваш Верлен / ваш Верлен (*ЧА*$_3$)

39 У рояля ∾ голос Кутузова / У рояля снова [крич⟨али⟩] спорили; звучным баритоном Кутузов убеждал (*ЧА*$_3$)

31 Гален знал / *а.* Гален доказывал *б.* Гален знал (*ЧА*$_3$)

33–34 Вы головным мозгом ∾ Туробоев. / Вы поете так [мастер⟨ски⟩] задушевно головным мозгом,— спросил [его] Туробоев (*ЧА*$_3$)

35 подумал Клим [Самгин] (*ЧА*$_3$)

35–36 Нет ничего ∾ не спорили.» / Щегольство чужими мыслями...» (*ЧА*$_3$)

37–38 Марина, схватив ∾ они запели / *а.* Марина оттолкнула Туробоева, и через две-три минуты она запела с Кутузовым *б.* Марина, схватив Кутузова за рукав, отвела его к роялю, там они запели (*ЧА*$_3$)

Стр. 206—207.

38–1 Климу показалось ∾ лицом / *а.* Ее партнер пел мастерски, как опытный артист, легко владея голосом; Климу показалось, что этот мужиковатый студент поет даже [как-то] излишне чувствительно, и это не гармонирует с его грубоватой

фигурой *б*. Ее партнер пел как ∾ даже излишне чувствительно, это не гармонирует с его [грубоватой] коренастной фигурой и грубоватым лицом ($ЧА_3$)

Стр. *207*.

1 не гармонирует ∾ смешно. / *Слов нет.* ($ЧА_3$); и даже несколько смешно (*БА*)

2–3 Сильный и богатый голос ∾ крикливо / *а*. Сильный голос Марины раздражал Клима, хотя [богат‹ство›] [он и чув-
л. 75 ст‹вовал›] Клим слышал богатство и звучность его. *б*. Сильный и богатый голос Марины оглушал [Клима] ($ЧА_3$)

4–5 Клим был ∾ сказал ей / [Клим даже] [Он] Клим был очень доволен, когда, кончив петь, Кутузов бесцеремонно и громко сказал ($ЧА_3$)

6 Нет, девушка ∾ писано. / Нет, это не [про] для вас писано, девушка ($ЧА_3$)

7–8 Марина и Дмитрий ∾ больше всех. / *а*. Клим уже почти ненавидел мощную девицу. Она и брат со своим костылем занимали ужасно много места в комнате *б*. Мощная девица и Дмитрий — *Далее, как в тексте.* ($ЧА_3$)

8–9 за девицей ∾ за пароходом / за нею, как баржа за пароходом, и, видимо, не замечал, что это смешно ($ЧА_3$)

9–13 а в беспокойном хождении ∾ мысли. / Должно быть, от избытка животной энергии Марина неутомимо шагала по комнате, и в этом ее хождении было что-то бестолковое ($ЧА_3$)

10 было что-то [беспо‹койное›] тревожное

13 Еще издали ∾ ждать / Подходя [к человеку], она еще за два шага до Клима заставляла [его] его ждать ($ЧА_3$)

13 заставляла [К‹лима›] его ждать

13–14 толкнет тугой, высокой грудью / толкнет [его] грудью ($ЧА_3$); толкнет [пыш‹ной›] тугой, высокой грудью (*БА*)

14 Казалось / и казалось ($ЧА_3$)

16 Неприязненно следя ∾ думал / Клим исподлобья следил за нею и воображал ($ЧА_3$)

16–17 она, вероятно ∾ баней / [от нее, дол‹жно быть›] она, вероятно, пахнет баней, потом, кухней ($ЧА_3$)

17 *После*: баней.— *зачеркнуто*: Привязываясь ко всем с какими-то вопросами, она мешала ему наблюдать людей. Его интересовала жена пианиста Елизавета Львовна Спивак. Она ($ЧА_3$)

17–21 Вот она ∾ Льва Толстого / *а*. *Текста нет*. *б*. [Говорила она крикливо, сердито] Стоя против Кутузова, она говорила крикливо и, кажется, обиженно:— Да, ношу джерси, потому что терпеть не могу проповедей Льва Толстого... ($ЧА_3$)

20 Ну да, [и] ношу

22–23 Ух, — воскликнул ∾ сморщилось / *а. Слов нет. б.* Ух,— [воскли⟨кнул⟩] ответил Кутузов, [крепко] так крепко закрыв глаза, что всё лицо его смешно сморщилось (*ЧА*$_3$)

24–25 по комнате / по тесной комнате (*ЧА*$_3$)

26–31 Ее качающаяся походка ∾ подумал Клим. / *а.* Мурлыкая в нос, она тихонько напевала музыкальную фразу, знакомую Климу, но он не мог вспомнить, откуда эта фраза. Всё в этой женщине казалось необыкновенным: ее качающаяся, нерешительная походка, рассеянный взгляд синеватых глаз, ее манера дотрагиваться тонкими пальцами [музыкантши] до вещей и улыбка ее [гуго] туго натянутых губ, неохотная, вынужденная улыбка *б.* [В этой женщине всё было интересно] [Она была приятная] [Она была самой интересной и приятной из трех] Она показалась Климу скромной и простою, но скоро ее качающаяся походка, рассеянный взгляд синеватых глаз, ее манера дотрагиваться тонкими пальцами до вещей [возбудили в] [всё это разбудило у Самгина чувство недоверия к] — всё это заставило Самгина подумать: «Должно быть — хитрая» (*ЧА*$_3$)

28 [а] улыбка

32 Нехаева была неприятна. / *а.* Нехаева тоже была загадочно интересна, и хотя неприятна, но не так, как Марина. *б.* [Нехаева возбуждала [сухое, бесчувственное любопытство] любопытство сухое, бесчувственное. Хотя она тоже неприятна, но не так, как Марина, [она] в ней было что-то] И Нехаева неприятна, но она [не возбуждала таких грубо чувственных ощущен⟨ий⟩] отталкивала, не возбуждая [впечатления] [мысли] ощущения и мысли, грубо чувственные. Нехаева будила сухое и несколько насмешливое любопытство (*ЧА*$_3$)

32–33 Сидела она ∾ от нее исходил / *а.* Она сидела в углу дивана, [запутавшись в обильные] запутанная обильными складками платья, сидела изломанно, как будто после буйной пляски, от нее [одуряюще] исходил *б.* Она скорчилась в углу дивана, устало, как бы после буйной пляски, от нее исходил (*ЧА*$_3$)

34 *После*: духов.— *вписано*: Туробоев с папиросою в руке, закручивая эспаньолку, говорил [с улыбкой на холодном лице] ей: — Каждый бунтует по-своему, но все желают бунтовать; это называется веянием времени... «Оригинальничает. Никто не носит таких бак и эспаньолки»,— подумал Клим.— *Далее зачеркнуто*: «Достаточно было бы и усов. А эспаньолкой и баками он хочет отвести внимание от редких волос на голове» (*ЧА*$_3$)

34–36 Можно было подумать ∾ яркость губ. / *а.* В сероватом, измученном лице [ее] Нехаевой Клим находил что-то искусственное [глаза были, очевидно]. Глаза подкрашены, как и слишком розовые ноздри острого носа. Губы тоже были чрезмерно ярки, а углы их уныло опущены. *б.* Казалось, что тени [под глазами] в глазницах девушки искусственны, как румянец на щеках ее [и слишком] и чрезмерная яркость губ (*ЧА*$_3$); [Ее глаза смотрели так, как будто она] Можно было думать — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

36–37 делали ее лицо узким и острым / [не гармонировали] делали лицо ее узким (*ЧА*$_3$)

37–41 но Самгин ∾ в этой комнате / *а.* Но Клим не решался признать эту девушку уродливой, как она показалась ему с первого взгляда: это было одно из таких лиц, увидав [которые однажды] которое — не забываешь долго, почти всю жизнь. Вишневые зрачки [ее] освещали его так [странно] [глубоко изнутри] странно, что это возбуждало у Клима [новое для него] любопытство, сухое и бесчувственное. *б.* Но Клим уже отказался признать эту девушку уродливой, как она показалась ему с первого взгляда, [в ней] он почувствовал в ней нечто [возбудившее] *в.* Но Клим уже не находил это лицо уродливым [как оно], в лице этом [он на⟨ходил⟩] было что-то возбуждавшее насмешливое любопытство, [но — сухо⟨е⟩] *г.* Но Клим уже не находил девушку уродливой, как она показалась ему с первого взгляда [в ее вишневых глазах было что-то]. Ее вишневые глаза смотрели [на всех с грустной лаской] так грустно и ласково, как будто она [считала себя] чувствовала себя старше всех в этой тесной комнате (*ЧА*$_3$). *Далее в ЧА*$_3$ *следует текст, прямого соответствия которому нет в окончательной редакции:* *а.* От этой девушки внимание его направлялось к Елизавете Спивак, она стояла у стола, скрестив руки на груди, слушая, как муж ее играет Моцарта, и смотрела в угол, за роялем, где, задумчиво покуривая, сидел Туробоев. Клим нашел, что она смотрит [на] на щеголя так, как смотрят на вещь в витрине магазина. [Эспаньолка и баки] [В эспаньолке и баках Туробоева Клим видел [что-то] нарочитое, он даже подумал: [«Хочет замаскировать»] «Он хочет этим отвести внимание от редких волос на голове его»] (*Ср. с вариантом ЧА*$_3$ *к* *стр. 207, строки 32—34*). *б.* От нее внимание Клима снова направлялось к Елизавете Спивак, она сидела у стола, скрестив руки на груди, слушая, как муж ее играет Моцарта, и смотрела в угол, за роялем, где, прислонясь к стене, задумчиво покуривая, стоял Туробоев. Клим

нашел, что она смотрит на Туробоева так, как на вещь в витрине магазина, вещь, назначение которой не [ви⟨дно⟩] ясно.

39–40 Ее глаза смотрели на [всех] людей грустно [и серьезно], и она [счи⟨тала⟩] как будто [считала] чувствовала себя [чувс⟨твовала⟩] серьезнее всех

Стр. 208.

1–2 Вдруг Клим ∾ простилась / *а.* Внезапно вспомнилось, как возмутительно [холодно] простилась *б.* Вдруг почему-то [он] Самгин вспомнил, как возмутительно простилась (*ЧА*$_3$)

3–4 Верю, что ты ∾ усмешкой. / [Летом встретимся снова.] Верю, что ты возвратишься [не на щите] [из Петербурга] не на щите, а со щитом.— Сказанные неуместно весело, эти слова прозвучали глупо и похоже на [скучные гекзаметры Жуковского из его перевода [«Илиады»] «Одиссеи»] чьи-то скучные гекзаметры (*ЧА*$_3$).

4 [насмешливо] сказала она

5 привалился к Нехаевой / присел близко к Нехаевой (*ЧА*$_3$)

6 что она ∾ читает / [как она что⟨-то⟩] что она, точно святцы читая, тихо, [но возмущенно произносит чьи⟨-то⟩] почти шопотом перечисляет имена (*ЧА*$_3$)

7 Малларме ∾ Пеладан. . . / Сар Пеладан, Ролина́, Монтескье, Фезансак, Малларме . . . (*ЧА*$_3$)

8–9 Отлично разделал ∾ тоном. / [Брат] Дмитрий насмешливо [заворчал] проворчал:— [Великолепно] Вдребезги разделал их Макс Нордау ... (*ЧА*$_3$)

8–9 сказал Дмитрий ∾ тоном. / сказал Дмитрий.

10–11 Кутузов зашипел ∾ играть Моцарта. / Кутузов, грозя пальцем, зашипел на него [Когда Спивак кончил играть, ему все аплодировали, но он, подняв], хотя Спивак уже кончил играть и, подняв горб, наклонился низко над клавиатурой, скрыв свое лицо (*ЧА*$_3$)

11–13 Осторожно подошел ∾ улыбнувшись Климу. / К дивану подошел Туробоев [сел на ручку его] и сел на ручку, Клим принужден был смотреть в лицо [Туробоева] его снизу вверх; это было и неудобно и [не] недостойно (*ЧА*$_3$)

13–15 Вблизи он казался ∾ опущены. / *а.* Клим утешился тем, что вблизи Туробоев оказался намного старше своего возраста, под глазами синеватые тени, [в форме рта] углы губ скорбно опущены, а кожа лица как будто припудрена серой пылью. Тонко вышитые брови вопросительно приподняты, но [из темных впадин] [глаза] из темных впадин глаза смотрят испытующе [и нагловато] *б.* [Клима утешало то, что] Вблизи Туробоев оказался [изношенным] старше своего возраста,

кожа лица [как бы [бы⟨ла⟩]изношена и си⟨ние⟩?] как бы припудрена сероватой пылью, под глазами синие тени, [тонкие губы] углы тонких губ устало опущены. Во всем этом Клим не без приятного чувства усмотрел признаки изношенности. Но глаза Тур⟨обоева⟩ смотрели из темных впадин [острым] [вызывающе] молодо, испытующе и даже как будто нагло (*ЧА*$_3$)

15 *После*: устало опущены — *зачеркнуто*: В этом Клим усмотрел признаки преждевременной изношенности.

15–16 Когда Спивак ∾ Туробоев сказал / [Он начал] Начал он замечанием, неприятным Климу (*ЧА*$_3$)

17–18 Вы очень ∾ Я помню вас / Вы, на мой взгляд, мало изменились. И,— еще хуже: он сказал, что помнит Клима (*ЧА*$_3$); Вы [мало] очень изменились — *Далее, как в тексте* (*БА*)

19–21 Клим крепко сжал ∾ стесненно. / Клим, не найдя, что ответить, улыбнулся и затем крепко сжал зубы, придумывая, что [сказать] острое и неприятное сказать человеку, под испытующим взглядом которого он чувствовал себя неловко, неуверенно. *б*. Клим ∾ придумывая, что ответить человеку, под взглядом. — *Далее, как в тексте* (*ЧА*$_3$)

21–25 Дмитрий неуместно ∾ вкусов и мнений. / А Туробоев говорил [негромко], глядя в сторону Спивак, покачивая ногою: — Я [вообще] нахожу, что провинция очень хорошо консервирует людей и это полезно им. Провинциалы вообще устойчивее в своих мнениях и вкусах... (*ЧА*$_3$); а брат заговорил о том, что провинция хорошо консервирует людей и что провинциалы вообще очень упрямы в своих вкусах и мнениях (*БА*)

22–24 посмотрел на него, [послушал и с⟨казал⟩] прищурив глаза, и [заметил не⟨брежно⟩] произнес небрежно, тоном вызывающим

26 Деревня ∾ заметил Клим. / Клим вставил:— Деревня — еще устойчивей. (*ЧА*$_3$)

Стр. 208—209.

27–1 Не нахожу ∾ спросил Клим. / *а*. [Да] [Конечно.] И не все считают, что это плохо. А вот здесь всё, все явления и сами люди, кажутся более, чем где-либо, скоропреходящими, я бы сказал даже — более смертными.—Сделав рукою широкий круг в дымном воздухе, он продолжал:— Всё это [на мой взгляд] не в стиле Петербурга, слишком просто и добродушно, слишком незатейливо для него. Искусство здесь более далеко от действительности, а всё, утешающее людей,— более искусственно. Например — символизм...—«Что он поучает меня?»— подумал Клим, а вслух сказал холодно:— Я плохо

знаком с символизмом.— Идите от идей Платона и всё будет понятно.— Я ведь не сказал, что не понимаю,— возразил Клим и вдруг спросил:— Вы помните Лидию Варавка? *б*. И не все находят, что это плохо,— сказал Туробоев очень небрежно [и]. Закурив папиросу, он продолжал:— А вот здесь все явления ∽ более смертными.— О, как это верно, — вздохнув, заметила Нехаева, [но] Туробоев, сделав рукою широкий круг в дымном воздухе, продолжал:— Искусство здесь ∽ помните Лидию Варавка? (*ЧА*$_3$)

Стр. 208.

33–35 толще верхней [это делало], темные глаза прорезаны красиво, но [взг⟨ляд⟩] [смотрят они] взгляд их [и неприятен] неприятно разноречив, неуловим. [Клим] Самгин решил

37–38 *Слова*: и что ∽ износившийся — *вписаны в БА*.

Стр. 209.

2–6 Туробоев ответил ∽ в лицо Клима / Ему показалось, что взгляд [Туробоева] собеседника стал пристальнее и что [несколько секунд Туробо⟨ев⟩] прежде, чем ответить, Туробоев несколько секунд придумывал ответ:— [О, как же] Как же, помню! Такая бойкая цыганочка. Где она? Хочет быть актрисой? Лучшая роль для женщины (*ЧА*$_3$)

л. 76

6–9 и посмотрел ∽ Ми бемоль... / *а*. Клим поймал его [быстрый] острый взгляд в сторону Елизаветы Спивак; она, нагнувшись над роялем, брала аккорды, спрашивая Марину:— Слышите? *б*. [Говорил он] Клим не мог понять, как говорит он, неуверенно или небрежно? [Последнюю фразу он сказал слишком громко.] Но последняя фраза была сказана слишком громко. Спивак, нагнувшись через плечо мужа к роялю, брала аккорды, спрашивая Марину:— Слышите? Ми бемоль... (*ЧА*$_3$)

7–8 она, [согнувшись, бр⟨ала⟩] через плечо мужа, [брала аккорды] [брала] спрашивала Марину◊ (*БА*)

10–12 «И это — всё?» ∽ грустно. / *а*. *Фразы нет*. *б*. «И это — всё!» — [злорадно] подумал Клим, [мы⟨сленно⟩] обращаясь мысленно к Лидии; подумать хотелось злорадно, а подумалось [только] грустно. [Туробоев же стал неприятен еще больше] [Туробоев заговорил с Нехаевой:— Что ж, Клавдия Михайловна] — Ш-ш! — зашипел Кутузов, подняв руку (*ЧА*$_3$)

13–15 Самгину не верилось ∽ и красными кулаками / *а*. Климу не верилось, [что муж⟨иковатый⟩] что тяжелый Кутузов с его красными кулаками и грубым лицом *б*. Климу не верилось, что [это] человек с красными кулаками и грубым лицом (*ЧА*$_3$)

16 но детонируя / но фальшиво, детонируя (*ЧА*$_3$)

17–18 хмурила золотые брови ∾ напрягались. / бугры ее грудей неприлично напрягались, туго натягивая желтое джерси; Кутузов укоризненно косился на нее (*ЧА*$_3$)

19–23 Около полуночи ∾ счастливо улыбаясь / *а*. Клим незаметно ушел [к себе] после двух часов ночи, тотчас разделся и лег, чувствуя себя отравленным, разбитым, но явился Дмитрий [и], счастливо улыбаясь, сел на кровать и начал расспрашивать, рассказывать *б*. Клим незаметно ушел после двух часов ночи, тотчас разделся и лег, чувствуя себя оглушенным, разбитым и неприязненно вспоминая, что один из предков Туробоева перебегал от Шуйского к Тушинскому вору [а от во⟨ра⟩] [и обратно] [поддержи⟨вал⟩] и обратно... [другой играл сомнительную роль среди декабристов] Вспомнить подвиги других предков помешал Дмитрий, он влез [в комнату] [в незап⟨ертую⟩] в дверь, которую Клим забыл запереть, [и еще от порога заговорил] [уже] присел на кровать и, счастливо улыбаясь, заговорил (*ЧА*$_3$)

24 Это у них каждую субботу. / Очень устал? Это у них — каждую субботу (*ЧА*$_3$)

25 замечательно умный человек / умница, талант, но... Впрочем, это — после! (*ЧА*$_3$)

26 но в другом роде. / *а*. но — дико пьет! *б*. но — в другом роде. [Пьет!] (*ЧА*$_3$)

26–32 Из училища ∾ всё с радостью. / Ушел из училища правоведения в Университет, [но на лекции] а лекции не посещает, форму не носит. Пьет. Тут очень многие живут в каком-то тревожном настроении. (*ЧА*$_3$)

30–31 в тревожном настроении — [ска⟨зал⟩] перелом души!

32–34 А я, кажется ∾ и филолог... / Я тоже стал похож на Дронова, — хочется знать всё, а ничего не успеваю (*ЧА*$_3$)

33 и ничего / а ничего

35–41 *Текста*: Клим спросил о Нехаевой ∾ не знаю... — *в ЧА*$_3$ *нет*.

Стр. 210.

1–3 Я хочу спать ∾ начну искать / *а*. Прощай, я буду спать, — сказал Клим и, засыпая, еще раз напомнил себе: «Завтра же [начну] [буду] надо искать *б*. Я хочу спать, — нелюбезно сказал Клим, послушав его несколько минут, а когда брат [то⟨пая⟩] ушел, он еще раз напомнил себе: «Завтра же [надо] [начну искать] (*ЧА*$_3$)

5 *После*: руки Марины — *зачеркнуто*: и завертелся в потоке впечатлений, новизна которых тотчас [за⟨хватила⟩] поглотила и обессилила его. Непоседливая, всегда чем-то возбужденная девица властно взяла на себя роль гида. (*ЧА*$_3$)

6 Ну, идемте / Ну, пойдемте (*ЧА*$_3$)

7 скорее приказала ∾ она / [сказала] скорее приказала, чем предложила она после завтрака (*ЧА*$_3$)

8 в тумане / в тумане, еще более холо⟨дном⟩ (*ЧА*$_3$)

9–10 какой-то ∾ не похожей / жидкой грязью, совершенно не похожей (*ЧА*$_3$)

11–13 Марина ∾ отбивала шаг / Марина [ходи⟨ла⟩] шагала быстро, [держалась] прямо, как солдат (*ЧА*$_3$); Марина быстро [и спо⟨койно⟩], отбивая шаг, как солдат ◊ (*БА*)

13–14 но простодушие ∾ подкупало Клима. / *а.* иногда — новых для Клима и несколько примирявших его с напористой девицей *б.* хотя и не новых для ⟨Клима⟩, но почему-то несколько примирявших [его] его с напористой девицей (*ЧА*$_3$)

15 Петербург — многоликий город. / Петербург — город многоликий.— *Далее зачеркнуто*: и страшно живой,— [это сказала о нем Нехаева, девушка модных мыслей] говорила Марина, [— Но — это сказано верно.] (*ЧА*$_3$)

15–16 сегодня у него ∾ лицо. / *а.* теперь у него пугающее лицо *б.* теперь у него тяжелое, пугающее лицо (*ЧА*$_3$)

16–17 В белые ночи ∾ воздушен. / *а.* Весной, когда белые ночи, он очарователен. Он — воздушный. *б. Как в тексте.* (*ЧА*$_3$)

17–18 Это ∾ чувствующий город. / Это живой город, в нем даже дома, камни думают, чувствуют... (*ЧА*$_3$)

19 Клим сказал / Клим напомнил ей (*ЧА*$_3$); Клим напомнил ◊ (*БА*)

20 Вчера я подумал / *а.* Вчера мне показалось *б.* Мне показалось вчера (*ЧА*$_3$)

21 я с ним поссорилась / я поссорилась с ним (*ЧА*$_3$)

23 Самгин нашел, что / Клим нашел, что [она] (*ЧА*$_3$)

23 *После*: ответ неглуп.— [И даже] Даже не с ним, а с погодой и с людями. А сегодня я [говорю о нем словами Нехаевой] люблю его, как Нехаева. Нравится она вам? — Интересная... — Это — моя подруга,— гордо заявила Марина.— Она— модных мыслей, декадентка, но очень умная. Она такое знает...— Марина вдруг замолчала, оглядываясь так, как будто зашла в незнакомую ей улицу (*ЧА*$_3$)

24 Клим видел / он видел ◊ (*ЧА*$_3$)

25 [про⟨?⟩] железные решетки (*ЧА*$_3$)

25–26 неуклюжие барки ∾ в грязь. / *а.* неуклюжие [суда] баржи, подобные свиньям в грязи *б.* неуклюжие баржи, погруженные, как свиньи в грязь (*ЧА*$_3$)

25 в черную воду / в воду

26–28 *Фразы*: Эти барки ∾ с великолепными зданиями — *в ЧА*$_3$ *нет.*

28–30 Тусклые стекла ∾ нечистым льдом. / *а.* Тусклое стекло

бесчисленных окон вызывало такое впечатление, как будто дома туго набиты льдом; *б.* Тусклые стекла бесчисленных окон вызывали ∾ льдом (*ЧА*$_3$)

30–31 деревья невиданно ∾ плачевно голы / деревья были невиданно уродливы (*ЧА*$_3$)

31 воробьи невеселы, почти немы / воробьи — невеселы и немы (*ЧА*$_3$); воробьи невеселы [и], почти немы (*БА*)

32–34 *Слов*: безгласно возвышались колокольни ∾ в этом городе— *в ЧА*$_3$ *нет.*

32 [и совершенно онемело] безгласно возвышались колокольни

33 колокольни лишние / церкви лишние

34–35 лениво втискивался ∾ дым пароходов / тяжело поднимался дым [из труб] пароходов (*ЧА*$_3$)

35–36 каменными пальцами ∾ трубы фабрик. / [и да⟨?⟩] иногда вдали маячили и, казалось, покачивались трубы фабрик (*ЧА*$_3$); маячили трубы фабрик то там, то т⟨ут⟩ ◊ (*БА*)

36–38 Печален был ∾ всё вместе пугающе / *а.* Незнаком был глуховатый шум уличной жизни, хотелось услышать [в нем] звон церковных колоколов, но и церкви были немы, как воробьи. В массе огромных скучных домов, которые как бы таяли в тумане, люди казались унизительно мелкими, но поражало [их] обилие их, быстрота походки, и всё это, вместе взятое *б.* В глуховатом шум⟨е⟩ уличной жизни хотелось услышать звон ∾ но поражало обилие людей, быстрота походки, и всё это, вместе взятое (*ЧА*$_3$)

37 серые люди / сырые люди

38 [но поражало обилие людей] а всё вместе [как-то] пугающе понижало

39–40 Клим шагал ∾ не думая / *а.* Клим шагал безвольно, [покорно] в состоянии незнакомого ему самозабвения *б.* Клим устал, шагал безвольно, в состоянии самозабвения (*ЧА*$_3$)

Стр. 211.

1–2 Сумасшедший Павел ∾ Дрянь / *а.* Фальконет. Сумасшедший Павел хотел сделать монумент лучше, вышла — дрянь. *б.* Сумасшедший Павел ∾ лучше фальконетова, вышла — дрянь (*ЧА*$_3$)

3–5 Девушка так быстро ∾ светлый угол / Ни о чем не думалось, было только желание забиться в сухой, [теплый] светлый угол (*ЧА*$_3$)

6–7 поблескивая свинцом ∾ и бронзой. / поблескивая то свинцом, то рыжеватым золотом или медью [дощe⟨чек⟩ на дверях] [на массивных дверях] массивных дверей домов, похожих на [тюрьмы] казармы (*ЧА*$_3$)

8 строго спросила / *а.* строго спросила *б.* настойчиво спросила ($ЧА_3$)

9 Самгин ∾ изумляет / Клим ответил, что город подавляет ($ЧА_3$)

12 Несколько дней ∾ по музеям / *а. Фразы нет. б.* Несколько дней кряду Марина водила его по городу, по музеям ($ЧА_3$)

12–14 и Клим видел ∾ хозяйством своим. / *а. Слов нет. б.* Клим видел, что это полезно ему [и что], а ей доставляет удовольствие как хозяйке [хо⟨зяйство⟩], которая любит похвастаться хозяйством своим ($ЧА_3$)

14 *После*: хозяйством своим.— *а.* Возвратились домой уже в сумраке, освещенном радужными пятнами и пузырями *б.* Возвратились домой в сумраке ∾ пузырями. В его комнате работал мрачный стекольщик, промазывая [стекла окна замазкой] замазкой стекла в раме окна *в.* Однажды он был изгнан из комнаты своей полотером и горничной ($ЧА_3$)

15–16 Вечером ∾ застал там / В комнате брата [Клим] он застал ($ЧА_3$); Как-то вечером — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

16–24 они сидели за столом ∾ поставил его в ряд / они, сидя у стола, поздоровались с ним торопливо и молча; Кутузов, пожимая его руку, смотрел на Туробоева, говоря: — Случайностью мы называем явление, причина которого еще не знакома нам...— А, вдруг, случай — псевдоним Дьявола? — спросил Туробоев, закуривая папиросу о свой же окурок; закурив, он поставил окурок на стол, в ряд ($ЧА_3$)

24–25 Туробоев был нетрезв ∾ волосы встрепаны / Он был нетрезв, его волосы встрепаны ($ЧА_3$)

27–28 светились пронзительно / сверкали пронзительно ($ЧА_3$)

28–36 Кутузов смотрел ∾ просто — капризник. / *а.* Кутузов сидел, положив локти на стол, смотрел в лицо совопросника осуждающим взглядом и говорил [мерно, педантично] : [— Мысль о вредном влиянии науки на нравы ваш Толстой заимствовал у Руссо из «Discours». Это — дряхлая мысль, она родилась в 1750 году в ответ на запрос Академии Дижона... Да — и какой вы толстовец?] [Мысль о вредном влиянии науки на нравы — древняя, дряхлая мысль, она была знакома] Мысль о вредном влиянии науки на нравы — древняя, дряхлая мысль. В последний раз она весьма умело [из⟨ложена⟩] была изложена в 1750 году Руссо, в его ответе Академии Дижона. Ваш Толстой вычитал ее в «Discours» Жан-Жака. Да и какой вы толстовец? *б.* Кутузов сидел ∾ совопросника молча, осуждающим взглядом, [а Дмитрий] заговорил Дмитрий ∾ какой вы толстовец? ($ЧА_3$)

35–36 какой вы толстовец, Туробоев / какой вы толстовец? (*ЧА*$_3$)

36 *Фразы*: Вы просто — капризник — *в ЧА*$_3$ *нет.*

37–38 Не ответив ∾ спросил Клима / Туробоев не обращал внимания на Клима, а Кутузов раза два-три спросил (*ЧА*$_3$)

39 А вы ∾ на толстовство? / А вы как думаете, Самгин? (*ЧА*$_3$)

Стр. 211—212.

40–1 Это попытка возвратиться ∾ общее с Макаровым / Климу льстила грубоватая любезность этого крепкого человека, хотя ленивенькие, но острые [замечания] вопросы Туробоева нравились ему больше, чем скучные, исторические справки Кутузова.— Приблизительно — так же,— осторожно ответил он на его вопрос.— Толстовство я оцениваю как возвращение в дураки, — храбро добавил он, вдруг подметив в [Туробоеве] лице Туробоева что-то общее с Макаровым (*ЧА*$_3$)

Стр. 211.

41 ответил Самгин / сказа⟨л⟩ Самгин ◊

Стр. 212.

2–4 открыв зубастый рот, потирая руки / открывая зубастый рот (*ЧА*$_3$)

4 потирая руки, [а] Туробоев

4–5 Туробоев ∾ упрямо проговорил / Туробоев тоже усмехнулся [и], взглянув на Клима, [сказал] (*ЧА*$_3$)

6–8 Возвратиться в дураки ∾ Михайловского. / Возвращение в дураки,— сказал он, вздохнув,— путь неизбежный для нас, отправимся ли мы от Толстого или от Кутузова ... (*ЧА*$_3$); Возвращение в дураки — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

9–16 *Текста*: А если — от Маркса? ∾ слова и цифры.— *в ЧА*$_3$ *нет*

10 [И от Маркса.] В спасительность фабричного котла

12 посмотрел ∾ с недоумением / смотрел на Кутузова с недоумением и с любопытством ◊

13 нарядившийся студентом / одетый студентом

14 [Он представлял себе марк⟨систа⟩] Красивый голос

15 он произносил / Кутузов произносил

л. 77

16 Дмитрий помешал Климу слушать / Вошел, прихрамывая, опираясь на палку, отсыревший Дмитрий и, взмахнув кулаком, объявил (*ЧА*$_3$)

17–18 Есть лишний билет ∾ и Кутузов. / Билеты в оперу — есть! Я и для тебя, Клим, взял (*ЧА*$_3$)

20 ставить оперу «Купец Калашников» / ставить «Купца Калашникова»; Кутузов прижал его в угол, пошептался с ним, [довол⟨ьно⟩] усмехаясь, потер широкие свои ладони *б.* ставить «Купца ∾ с ним усмехаясь, похлопал его по плечам ладонями (*ЧА*$_3$)

21 Туробоев встал / Туробоев отказался идти в театр [вс⟨тал⟩] (*ЧА*$_3$)

22 не простясь ни с кем / *а.* простясь со всеми несколько небрежно *б.* не простясь ни с кем (*ЧА*$_3$)

23–24 сказал Кутузов ∾ с сожалением / *а.* сказал Кутузов и вздохнул *б.* сказал Кутузов и, вздохнув, добавил (*ЧА*$_3$)

26–27 Сбивая щелчками ∾ о том / Затем он стал подробно расспрашивать Клима (*ЧА*$_3$)

28 в его городе / в его стареньком городе

28–29 почесывая подбородок ∾ и морщась / *а.* почесывая подбородок *б.* почесывая подбородок сквозь бороду (*ЧА*$_3$)

30 как у нас / что у нас (*ЧА*$_3$)

31 Самгин заметил / Клим заметил (*ЧА*$_3$)

32–33 смотрит на него Кутузов / смотрят на него глаза Кутузова (*ЧА*$_3$)

33–34 немножко показать себя ∾ проговорил / *а.* блеснуть глубокомыслием *б.* показать себя немножко (*ЧА*$_3$); показать себя немножко ◊ (*БА*)

35 В сущности ∾ имеем право / *а.* Но в сущности,— сказал он скромно,— мы едва ли имеем право *б.* В сущности,— начал он скромно,— мы едва ли имеем право (*ЧА*$_3$)

36–37 Из десятков тысяч ∾ в лучшем случае / Из десятков тысяч жителей мы, в лучшем случае, знаем (*ЧА*$_3$)

37 как [живут ты⟨сячи⟩] живет сотня

Стр. 212—213.

39–9 Брат согласился ∾ симпатия к марксисту. / *а.* Верная мысль,— сказал Дмитрий с восхищением, [но] а Кутузов, посмотрев на него, прибавил:— Но — опасная, от нее [мож⟨но⟩] легко соскользнуть в болото индивидуализма.— «Марксист»,— сообразил Клим и продолжал всё так же скромно:— Но ведь не весь человек — только материал истории, он в то же время и творец ее.— Вот именно,— вставил Дмитрий, Кутузов молча кивнул головою и сказал очень твердо: — Историю [не с⟨казку⟩] не как сказку понял только Карл Маркс.— Он говорил долго, читающим голосом, скучно, и Климу [было тру⟨дно⟩] снова не верилось, что этот человек поет, как артист *б.* Верная мысль,— заметил Дмитрий и вдруг, что-то вспомнив, ударил себя по лбу, исчез, а Кутузов посмотрел под ноги Клима молча. Клим продолжал все так же скромно развивать свои мысли, но, когда он сказал:— Не весь человек— только материал истории, он в то же время и творец ее,— Кутузов, тряхнув головою, прервал речь его:— Историю не как нянькину сказку детям понял только Карл

Маркс.— Он говорил, скучно, читающим голосом, а Клим слушал и удивлялся, что этот человек может петь, как артист. Но еще более удивился он, когда понял, что Кутузов не [учит его] его учит, а [говорит] как будто рассуждает с самим собою[1]. Клим слушал его речи терпеливо и умненько вставляя [маленькие] осторожные замечания, и чувствовал, что в нем как будто растет симпатия к этому крепкому человеку ($ЧА_3$)

Стр. 213.

2 говорить о [быстро ра⟨стущем?⟩] процессе

4–5 [дружелюбно, с] и с подкупающей деликатностью

10–11 Он ушел ∾ им положен / *а.* Но [в] после этой беседы Клим ушел к себе в комнату с уверенностью, что он положил *б.* Он ушел к себе в комнату — *Далее, как в тексте.* ($ЧА_3$); [Зате⟨м⟩] Он ушел [к себе] в свою — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

11–12 на котором он, Самгин / *а.* на котором он *б.* на котором он, Самгин ($ЧА_3$)

12 встанет монументально / должен монументально встать ($ЧА_3$)

12–15 В комнате стоял ∾ сказал / *а.* В комнате [его] стоял [густой] запах замазки, он понюхал [его], сморщил лицо, но тотчас же снисходительно решил *б.* В комнате стоял тяжелый запах [воск⟨а⟩] [сырости], Клим понюхал, сморщил лицо, но, открыв вентилятор, снисходительно решил ($ЧА_3$)

16 можно и здесь жить / можно жить и здесь ($ЧА_3$)

17 А недели через две / Недели через две, три ($ЧА_3$)

18 у Премировых интересно / у Премировых неплохо ($ЧА_3$)

18 Казалось / [Ему показалось] Показалось ($ЧА_3$); Показалось ◊ (*БА*)

18–19 здесь оценили по достоинству / оценили [по до⟨стоинству⟩] ($ЧА_3$)

19 и он был даже / он даже был ($ЧА_3$)

21–22 усвоил в афоризмах ∾ Томилина / воспринял от Варавки и Томилина ($ЧА_3$); усвоил из афоризмов Варавки, размышлений Томилина ◊ (*БА*)

22–23 сплетал хорошо закругленные / строил хорошо закругленные, сухонькие ($ЧА_3$); сплетал сухонькие, хорошо закругленные (*БА*)

23–24 произнося их ∾ верит словам. / и, осторожно подводя беседу

[1] *Ниже этих слов — помета автора красным карандашом:* 89-2, *видимо, отсылающая к сцене пасхальной ночи в БА, где идет спор между Самгиным, Кутузовым, Туробоевым.*

к заранее подготовленной точке, пускал свой фейерверк слов, не шумный, но достаточно ярко освещавший его (*ЧА*$_3$)

24 *После*: не очень верит словам — *а. Слов нет. б.* Кутузов оспаривал его дружелюбно, с подкупающей деликатностью [и], это [очень] [все более] увеличивало [храбрость Самгина] [и] словесную храбрость Самгина [и [его] углуб⟨ляло⟩] [и убеждало его в пр⟨авильности?⟩] [и углубляло его с⟨амооценку⟩] и укрепляло его самооценку (*ЧА*$_3$)

25 относится к нему / начинает относиться к нему (*ЧА*$_3$); [на⟨чинает⟩] относится к нему (*БА*)

25–28 *Слов*: Елизавета Спивак смотрит ∾ чем со всеми другими.— *в ЧА*$_3$ *нет.*

28 Было ясно, что и Дмитрий / а Дмитрий (*ЧА*$_3$)

29–30 гордится умным братом / смотрит на него с гордостью (*ЧА*$_3$)

30–34 Клим тоже готов был ∾ «по-бьернборгски» / *а.* Брат удивлял Клима своей начитанностью [но еще более тем] и тем, что его все [даже] любят, все относятся к [ег⟨о⟩] [нему] [его] этой неуклюжей фигуре почему-то особенно внимательно и даже бережно. Клим объяснил это тем, что брат служил для всех энциклопедией разнообразнейших знаний, он даже [со] старухе Премировой объяснял, как нужно жарить гуся, чтоб [он] гусь не терял сок *б.* [Но и Клим готов был] Клим тоже готов был гордиться начитанностью брата и гордился бы, если б [не испытывал зависти] порою не видел, что Дмитрий затмевает его. Служа для всех словарем разнообразнейших знаний, он объяснял старухе Премировой, [как нужно бороться с плесенью] [учил] научил ее готовить яйца «по-бьернборгски», подсказывал Кутузову даты по истории чартизма и германской с⟨оциал⟩-д⟨емократической⟩ партии (*ЧА*$_3$)

Стр. 213—214.

34–2 *Текста*: объяснял Спиваку различия ∾ рассказывал сам себе.— *в ЧА*$_3$ *нет.*

Стр. 214.

3 человеком [среди знакомых Пре⟨мировых⟩] у Премировых (*ЧА*$_3$)

4–6 разумеется, не потому ∾ артистически пел / это, конечно, не потому, что он умеет много и скучно говорить о политике, а лишь потому, что хорошо поет (*ЧА*$_3$)

4–5 что [больше] много и напористо говорил

6–11 *Фразы*: Он обладал неистощимым запасом ∾ светло-серых глаз.— *в ЧА*$_3$ *нет.*

8 *После*: что этот — *зачеркнуто*: крепкий, неуклюжий

11–13 Изумляло Клима ∾ к Марине / *а. Слов нет. б.* [Удивляло] Изумляло Клима небрежное, даже грубое отношение [этого студента] Кутузова к Марине (*ЧА*$_3$); Изумляло Клима небрежное, [даже] а порою — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

13–14 *Слов*: как будто эта девица ∾ существом низшим — *в ЧА*$_3$ *нет.*

13 [он явно относился к ней, как] как будто

14–15 Как-то вечером ∾ сказала / *а. Слов нет. б.* [Как-то] [Однажды] Как-то вечером девица [сказала ему сердито] сердито заметила (*ЧА*$_3$)

14–15 сердито сказала / сердито заметила ◊

16 Когда вы, Кутузов, поете / *а. Слов нет. б.* Когда вы поете ◊ (*ЧА*$_3$)

18 Кутузов не дал ∾ фразу / *а. Фразы нет. б.* Кутузов прервал ее речь шумным вздохом [а потом сказал] и ответил (*ЧА*$_3$)

19 я могу не фальшивить / *а. Слов нет. б.* я не чувствую себя обязанным фальшивить (*ЧА*$_3$)

20–21 говорю с барышнями ∾ неверные ноты / *а. Слов нет. б.* говорю о чувствах с барышнями — это у меня выходит [не] [очень не музыкально] слишком просто, и тут мне приходится брать неверные ноты [так?] (*ЧА*$_3$)

22 Вы так хотели сказать? / *а.* Это вы хотели сказать? (*ЧА*$_3$); Вы это х⟨отели сказать⟩? (*БА*)

26 а иногда [да⟨же⟩] ласково называл

27 только года на два / года на два

Стр. 214—215.

24–3 *Вариант текста*: С Елизаветой Спивак Кутузов ∾ поступить в университет.— *в ЧА*$_3$ *следует ниже, см. стр. 218, строка 38.*

Стр. 214.

30 *После*: странную девицу.— *зачеркнуто*: к ее беседам с Климом

32 и не видя в [нем] ней

41 в [какой-то] студенческих волнениях

Стр. 215.

1 еще через год / через год

4 относились неопределенно / относились [непонятно, но] двойственно (*ЧА*$_3$)

6 не понимал — зачем Туробоев / плохо понимал, зачем [он] Туробоев (*ЧА*$_3$)

7–8 Марина смотрела с нескрываемой враждебностью / *а.* Марина относилась к нему с явной враждебностью *б. Как в тексте.* (*ЧА*$_3$)

8–9 Нехаева кратко ∾ с его словами / с Нехаевой он всегда кратко соглашался (*ЧА*$_3$); Нехаева [всегда] кратко [и], но неохотно соглашалась с [ним] его [речью] словами (*БА*)

9–10 а Спивак беседовала ∾ вполголоса / Спивак [рассматривала его всегда издали] беседовала с ним неохотно и осторожно (*ЧА*$_3$)

12 этих, столь разнообразных / всех этих (*ЧА*$_3$)

12 *После*: разнообразных людей? — в *ЧА*$_3$ *знак вставки, вставка отсутствует.*

Стр. 215—216.

12–22 *Текста*: Зачем нужна ∾ жажда понять людей.— *в ЧА*$_3$ *нет.*

Стр. 215.

21 [видимо] трогали ее

24 налитые кровью / налитые голубой кровью

34 глаза его смотрят ехидно / эти глаза смотрят ехидно и как бы желая раздразнить человека

39 дразнить собеседника / раздразнить собеседника, заставить его высказаться до конца ◊

Стр. 216.

5–6 *После*: порицать настоящее — *зачеркнуто*: тогда как настоящее не заслуживает порицания

7 Дмитрий напоминал / Дмитрий начинал ◊

17–18 испортит вам игру / испортит вам роль ◊

21–22 как [быст⟨ро⟩] возрастает

23 не удивил ∾ Самгина / не удивил Клима (*ЧА*$_3$)

25–26 подавляли его / всегда захлестывали его (*ЧА*$_3$)

26–29 в толпе он ∾ тоже обезличенным / *а.* сжимаясь в толпе, он чувствовал себя внутренно оглушенным и не слышал своих мыслей. Мысли исчезали, изгнанные толчками множества слов [и голосов], выметаемые из него шумом голосов, и, опустошенный, он чувствовал себя обезличенным, потерянным среди однообразно одетых и как бы однолицых студентов. *б.* сжимаясь ∾ внутренно задавленным и не слышал своих мыслей. Они исчезали ∾ слов, выметаемые из него шумом, и среди однообразно одетых и как бы однолицых студентов, Самгин [тоже] видел себя тоже обезличенным (*ЧА*$_3$)

27 своих мыслей [взгляды] [слова и взгляды людей опустошали его. Среди]

28 он почувствовал / Самгин почувствовал ◊

30–31 однообразно размахивая рукою, половинка / [вер⟨хняя⟩] размахивая рукою, верхняя половинка (*ЧА*$_3$)

32–33 лысая ∾ золото очков / *а.* бородатая голова, а рука его точно отмахивалась от комара *б.* бородатая голова, сверкало

стекло и золото очков, а рука точно отмахивалась от комара ($ЧА_3$)

33 он жарко говорил / *а.* он говорил *б.* он жарко говорил ($ЧА_3$)

34 *После*: внушительные слова — но хотя Клим и старался усвоить их, но они доходили до него [без] обрывками ($ЧА_3$)

35–36 Культура, слава,— слышал Клим. / Гордость. Слава,— слышал он ($ЧА_3$)

37 всё более легкие условия / новые условия ($ЧА_3$); [новые] всё более легкие [усло‹вия›] [фо‹рмы›] условия

38 Торжество гуманизма. / Защита культуры, торжество гуманизма ($ЧА_3$)

40 на изрытом оспой лице / [на голодном лице] на голодном, изрытом оспой лице ($ЧА_3$)

41 Н'не жирно. / Н-не хватает еще, ч-чтоб он с-сказал: Пушечное мь-ясо.— Зевнув в горсть, он добавил шёпотом: — В-вообще — не жирно. А п-про него говорили — р'адикал! ($ЧА_3$)

Стр. 217.

1–9 Потом он долго ∾ торопливо убежал. / Он долго, задумчиво смотрел на циферблат стенных часов, потом спросил шёпотом:— Вы — не из Череповца? Нет? На Рысакова похожи, я — поэтому, Рысаков был череповецкий...— Глаза у него [были] выпуклые, стеклянные, подбородок острый. Когда профессор [кивнув головою бодающим движением, исчез] исчез, кивнув головою бодающим движением, заика, подняв длинные руки, трижды хлопнул ладонями, но повторил:— Н-нет, не жирно. — А потом, протянув руку Климу, сказал: — Орехов, будемте знакомы, коллега.— И ушел. Климу тоже показалось, что он ожидал чего-то большего, более торжественного [1] ($ЧА_3$)

4 заика поднял / заика, подняв

7 не из Новгорода / не из Череповца ◊

9 и, [сильно] тряхнув руку

10 не очень интересовали Клима / вообще не интересовали его ($ЧА_3$)

11–12 и находил ∾ книга и лекция / *а.* и роман давал ему больше знания о них, чем научная книга *б.* и находил, что роман дает ему больше знания о людях, чем научная книга ($ЧА_3$)

12–14 Он даже сказал ∾ чем наука. / Он ходил с Мариной по музеям, выставкам, посещал концерты, драматический и оперный театры и даже [сам] сказал Марине [сентенцию, которая вызвала у девицы шумный восторг]: — Самая точная наука о человеке, это — искусство ($ЧА_3$)

---

[1] *Далее зачеркнута помета*: Вставка 78, *а на л. 78 автографа после цифры* 78 *тоже зачеркнутая помета*: вст‹авка›

13 что [искусство] о человеке искусство

15–16 Ну, конечно ∾ послушайте-ка Нехаеву. / *а.* Разумеется,— вскричала девица.— Удивительно: как этого никто не понимает. Только Нехаева,— кстати, она вам нравится? *б.* Разумеется! — вскричала девица.— Теперь все начинают понимать это. А Нехаева только об исскустве и может говорить. [Кстати, как она́ вам нравится?] (*ЧА*$_3$)

л. 78

17–18 отсыревший, усталый / сильно уставший, озабоченный чем-то (*ЧА*$_3$)

18 спросил осипшим голосом / [стал] рассеянно спросил (*ЧА*$_3$)

20 А когда Клим ∾ в храме науки / И когда Клим признался, что, вступив в храм науки (*ЧА*$_3$)

20 Клим сознался / Клим сказал ◊

21–22 брат ∾ сказал / брат, вздохнув, сказал осипшим голосом (*ЧА*$_3$)

23 Я, на первой лекции / А я на первой лекции (*ЧА*$_3$)

23–24 чувствовал ∾ взволнованным / почувствовал некоторый трепет души. Да ◊ (*ЧА*$_3$)

25 И, очевидно, думая / И, видимо, думая (*ЧА*$_3$)

25–26 прибавил непоследовательно / он продолжал (*ЧА*$_3$)

27 А теперь ∾ прав / Но теперь — согласен с Кутузовым (*ЧА*$_3$)

28 поистине / действительно (*ЧА*$_3$); [де⟨йствительно⟩] поистине (*БА*)

29 Клим усмехнулся, но промолчал. / Клим [усмехаясь, поставил ехидный вопрос] усмехнулся: — Разве университет для [волнений] политики? — [Теп⟨ерь⟩] Неизбежно,— ответил брат, пожав плечами.— [Кутузов занимается какой же политикой?] Почему? — История командует...

[Брат пошевелил губами, но не ответил, придавил] Он поперхнулся, закашлялся, и потом, придавив смешным жестом руки подбородок снизу, [и промычал что-то неясное. Затем — ушел, покашливая и сказав] ушел, проворчав:— Кажется — простудил горло, пойду выпью чаю (*ЧА*$_3$)

29 Он уже приметил / Клим уже [давно] приметил (*ЧА*$_3$)

30–32 знакомые брата ∾ и гимназии / *а.* знакомые Премировых говорят об университете и науке насмешливо. Несколько раз он и себя ловил на том, что невольно подражает им. *б.* знакомые брата и Кутузова говорят об университете, о про́фессорах так же насмешливо, как гимназисты говорили [об учителях] о гимназии и учителях. Пожалуй, насмешливость эта была даже более враждебна (*ЧА*$_3$)

33–34 что тон дают / что тон ему дают (*ЧА*$_3$)

34 *После*: Туробоев и Кутузов — *зачеркнуто*: дружба которых была совершенно ⟨не⟩понятна ему (*ЧА*$_3$)

35–36 С ленивенькой иронией ∾ Туробоев / Туробоев, с обычной для него ленивенькой иронией (*ЧА*$_3$)

35 С [обычно⟨й⟩] ленивенькой иронией

37 немцы / только немцы (*ЧА*$_3$, *БА*)

37–38 а из русских / из русских же (*ЧА*$_3$)

38 Все остальные / все же остальные ◊ (*ЧА*$_3$)

Стр. 218.

2 поводом для дуэли / поводом к дуэли (*ЧА*$_3$, *БА*)

2–4 столь задорное поведение ∾ рост личности / [это] [такое] столь гордое поведение можно [при охот⟨е⟩] объяснить как необъяснимо быстрый рост [соз⟨нания⟩] личности (*ЧА*$_3$)

5–9 Да,— сказал Кутузов ∾ поправил Туробоев. / *а.* Кутузов, кивая тяжелой головою, соглашался: — Да, наблюдается телячье задирание хвостов и неосмысленная суета.— [И этот] [Этот человек возбуждал у Клима симпатию, а Туробоев становился все более антипатичным] *б.* Кутузов, кивая тяжелой головой, соглашался: — Да, да, наблюдается телячье задирание хвостов. Но уж очень неумело надувают [юношество, [вы⟨варивая⟩] пытаясь выварить из] юношество, пытаясь выгнать из него деготь буемыслия.— Буесловия,— поправил Туробоев (*ЧА*$_3$)

5 [согл⟨асился⟩] сказал Кутузов

8 выжать из него соки / выгнать из него деготь ◊

10 ревностно старался догадаться / ревниво старался понять (*ЧА*$_3$)

10–11 что связывает этих людей? / *а.* что же связывает их? *б.* что же связывает этих людей? (*ЧА*$_3$)

11 Однажды / Однажды в субботу (*ЧА*$_3$)

12–13 сидя рядом ∾ упрекнул его / Клим слышал, как Кутузов, сидя на диване с Туробоевым, сказал (*ЧА*$_3$)

15–16 Я понимаю, что выгоднее / Гораздо выгоднее (*ЧА*$_3$)

17 но — увы! ∾ на это. / это много обещает, но — увы! — я не способен! (*ЧА*$_3$)

18 Заразительно кричал / Кутузов, заразительно смеясь, сказал (*ЧА*$_3$)

19 вы уже пристроились / вы, чёрт, уже пристроились к жизни (*ЧА*$_3$)

19–20 с этого, левого бока / с этого, с левого бока (*ЧА*$_3$)

21 В тот же вечер ∾ его / На другой же день Клим прямо спросил Кутузова (*ЧА*$_3$)

23 И бородач ответил ему / Кутузов ответил (*ЧА*$_3$)
25 как и соль / как и щелочи (*ЧА*$_3$, *БА* ◊)
26 слащавой премудрости / премудрости (*ЧА*$_3$)
30 Туробоев [глубоко] интересен (*ЧА*$_3$)
32 с усмешкой, одобрил / с улыбкой сказал (*ЧА*$_3$)
33 Верно, Митя! / Правильно, Митя! (*ЧА*$_3$)
34 Самгин нашел его усмешку / Климу послышалось, что Кутузов [сказал] одобрил с усмешечкой (*ЧА*$_3$); Самгин же нашел его усмешку (*БА*)

л. 79

35–36 снисходительные ∾ усмешечки / усмешечки, снисходительные и несколько хитренькие (*ЧА*$_3$)
37–38 но они не будили ∾ интерес к нему / [Они не будили недоверие к студенту, подозревать его в искренности] [Но эти чувства исчезли] но они не будили [его] в нем недоверия к студенту, а только усиливали интерес к [нему] певцу (*ЧА*$_3$)
38 *После*: интерес к нему— *зачеркнуто*: когда Дмитрий рассказал, что Кутузов, сын небогатого деревенского мельника, [был] был три года сельским учителем и [за] в это время подготовился в Казанский университет, откуда его удалили за участие в студенческих волнениях; [но] через год при помощи какого-то богача, [сына которого он репетир⟨овал⟩] у которого он был репетитором, ему снова удалось поступить в университет.— Поумнел? — спросил Клим.— Учимся,— ответил брат, и, так как Клим хотел успокоиться, [этот нев⟨разумительный⟩] невразумительный ответ успокоил его. Мужик очень крепко сидел в неловких движениях широкого, прочного Кутузова, в его тяжеловатой, осторожной походке. [Он слишком громко смеялся, часто бывал груб и особенно безжалостно грубил Марине.] С Елизаветой Спивак он разговаривал мало, [но] обращался к ней в дружеском тоне на «ты», иногда ласково называл [ее] «тетя Лиза», хотя она была моложе его. Нехаеву — не замечал, но внимательно и всегда издали [прислу⟨шивался⟩] незаметно прислушивался к ее беседам с Климом, к спорам с Дмитрием. Грубоватость Кутузова Клим стал принимать как простодушие [малокультурного] некультурного человека и легко извинял ее, потому что не [видел] замечал в Кутузове ничего выдуманного. Ему приятно было [заме⟨чать⟩] видеть задумчивость на [лице Кутузова, когда тот] бородатом лице, когда Кутузов слушал музыку, приятна была его улыбка, как бы сожалеющая о чем-то, приятен был грустный взгляд в одну точку и куда-то сквозь стену.

Марина вдруг притихла, задумалась [над чем-то], и хотя пела все так же фальшиво, но голос ее звучал мягче. Клим примечал, что голубые глаза Спивак взвешивают, измеряют его, это льстило, возбуждая смутные надежды. Но жена музыканта была молчалива, а у него не хватало решимости подойти к ней ближе [он чувствовал в ней нечто недоступн⟨ое⟩] и его отводила в сторону Нехаева [1] (*ЧА*$_3$)

38–41 Все более интересной ∾ стремлением найти / *а.* [Его не только стесняла, но и пугала эта девушка своим нервозным] Она не только стесняла, но и пугала торопливым, нервозным стремлением найти — *Далее, как в тексте. б.* [Скоро] Клим почувствовал, что [Нехаева и л⟨ьстит⟩] отношение Нехаевой [к н⟨ему⟩] льстит ему, но и стесняет его, стесняло ее стремление найти (*ЧА*$_3$); [Клим [чувствовал] находил, что отношение Нехаевой лестно для него.] Все более интересной становилась [для Клима] Нехаева — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

Стр. 218—219.

41–3 *Фразы*: Перечисляя незнакомые ∾ только он, Клим Самгин.— *в ЧА*$_3$ *нет.*

Стр. 219.

5 всезнающий Дмитрий объяснял / [всев⟨едущий?⟩] всезнающий Дмитрий Самгин вставлял (*ЧА*$_3$)

6–16 Псевдоним доктора ∾ признают гением. / *а.* Псевдоним доктора Казалес. Он же, кажется, написал очень глупый роман «Любовь дьявола».— Но не обращая внимания на старшего [бр⟨ата⟩] Самгина, она внушала младшему: — Ах, он такой терпкий, такой едкий в его правде пессимизма! — Она говорила всегда вполголоса, как бы сообщая тайны; [произноси⟨ла⟩] перечисляла незнакомые Климу имена: Роденбаха, Метерлинка, рассказывала о своем [личном] знакомстве с Эдмоном Ростаном: — В будущем это — гений! Его «Принцесса Греза» — шедевр! — Утверждала, что человек потерял себя в [ха⟨осе⟩] темном хаосе внешнего [и чт⟨о⟩]: — Мы — рабы вещей, вещи задавили нас! *б.* Псевдоним доктора Казалес. А [то] еще есть Казот, [если не ошибаюсь] написал весьма глупый роман «Любовь дьявола».— Но не обращая внимания на старшего Самгина, Нехаева внушала младшему: — Он — буддист. Но такой терпкий, такой едкий. — Она говорила всегда вполголоса, как бы сообщая тайны; перечисляла незнакомые Климу имена поэтов, [соврем⟨енных⟩]

---

[1] Ср. текст в т. XXI наст. изд., стр. 214—215, строки 24—3 и варианты к нему в наст. томе.

новеллистов, рассказывала о своем знакомстве с Эдмондом Ростан ∾ потерял себя в пестром хаосе внешнего. Мы — рабы вещей, вещи задавили нас! (*ЧА*$_3$)

12 [сказала] сказала ему Нехаева [с досадой] с досадой

15–16 [Эдмонд Ростан, в близком будущем — гений.] Ростана в близком будущем назовут гением ◊

17–18 обилие имен и книг ∾ смущает всех / обилие никому, кроме его брата, не знакомых книг и авторов, смущает не только его (*ЧА*$_3$); обилие [имен и книг] [книг] имен и книг, никому, кроме его брата, не знакомых, смущает всех◊ (*БА*)

18–20 что к рассказам ∾ обижает девушку / *а.* видел, что к этой девице все относятся [как-то] неопределенно, [и, хотя иногда слушают ее рассказы охотно, а все-таки] не верят ей *б.* видел, что к рассказам этой девицы о литературе все относятся, как будто не веря ей (*ЧА*$_3$); [и] что к рассказам Нехаевой о [ли⟨тературе⟩] [французской] литературе — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

20–21 *Фразы:* Было немножко жалко ее.— *в ЧА*$_3$ *нет.*

21 жалко [дев⟨ушку⟩] ее

21–22 А Туробоев ∾ говоря / [Только] Лишь Туробоев подчеркивал смысл ее речей почти всегда одними и теми же словами (*ЧА*$_3$); И особенно неприятно было, когда Туробоев, враг пророков, говорил, что ◊ (*БА*)

23 Это надо / Все это надо (*ЧА*$_3$)

23 как признак / как [признак] симптом (*ЧА*$_3$)

25 *После:* бездарной эпохи — Было [странно] неприятно слышать, что Кутузов издали [соглашается с ним] соглашается: — Совершенно верно (*ЧА*$_3$)

26–29 Клим начал ∾ кладбищенскими. / *а.* Нехаева казалась Климу непонятным существом, заскочившим куда-то далеко вперед или отбежавшим в сторону, она жила среди не известного никому, утратив представление о действительном, ожидая назавтра каких-то великих [по⟨трясающих⟩] событий, которые потрясут весь мир *б.* Клим смотрел на Нехаеву как на [фантастическое] существо фантастическое. Она [от⟨скочила⟩] заскочила куда-то далеко вперед или отбежала в сторону [от] и жила, утратив представление о действительности, в [стих⟨ах⟩] стихах [никому] незнакомых авторов, в мыслях, которые Дмитрий называл «кладбищенскими» и «старушечьими» (*ЧА*$_3$)

30 В этой девушке было что-то / *а.* В ней он чувствовал нечто *б.* Клим чувствовал в ней что-то (*ЧА*$_3$)

31 минутами казалось / и казалось порою (*ЧА*$_3$); [и ка⟨залось⟩] минутами казалось (*БА*)

32–34 Особенно удивляло ∾ эмоции мужчины. / *а.* Особенно [изумляла Клима непонятная ее] изумляло его женское безличие Нехаевой, физическая неощутимость, она совершенно не будила его любопытства с той стороны, с какой будили его все девушки и женщины *б.* Особенно изумляло его женское безличие, физическая неощутимость Нехаевой, она совершенно не будила в нем эмоции мужчины (*ЧА*$_3$)

35–36 Пила и ела ∾ не кокетство / *а.* Она пила и ела с явным отвращением, как бы насилуя себя *б.* Пила и ела она почти с отвращением, как бы насилуя себя, и было ясно, что это не манера кокетничать (*ЧА*$_3$)

37–38 даже нож ∾ брезгливо отщипывала / касались ножа и вилки неумело или брезгливо, так же брезгливо она отщипывала (*ЧА*$_3$)

39 птичьи глаза / [и] темные глаза (*ЧА*$_3$); зеленоватые глаза ◊ (*БА*)

40–41 вопросительно ∾ не ядовито ли? / вопросительно [и, кажется, пугливо], как будто она сомневалась: не горько ли это вещество, не яд ли? [Она вызывала определенное впечатление человека, который случайно попал к людям чужим и не понимающим ее] (*ЧА*$_3$)

40 она [сом⟨невалась⟩] думала

Стр. 220.

1–2 Все чаще ∾ в этой компании / *а.* Иногда Климу казалось, что она образованнее и умней всех в этой тесной комнате, во всяком случае — интереснее всех. *б.* Порою Клим думал, что она — *Далее, как в тексте.* (*ЧА*$_3$)

2–6 но это, не сближая ∾ с Дмитрием. / *а.* Но и эти моменты не сближали его с Нехаевой. С Дмитрием она говорила поучительно и небрежно, как с мальчиком. Клим боялся, что так же начнет она говорить ему *б.* Но и такие моменты не сближали его с Нехаевой. (*ЧА*$_3$)

2–3 не сближая ∾ возбуждало / не сближало его с девушкой. И было ◊

4 чего [она н⟨е⟩] ей не нужно

7 [Клим] Самгин [мысленно] улыбался (*ЧА*$_3$)

8 как [он] быстро и просто

8 он привлек симпатии к себе / можно привлечь к себе [внимание и] симпатии людей (*ЧА*$_3$)

9 вполне удалось / уже удалось (*ЧА*$_3$, *БА* ◊)

10 доверчивость ближних / легковерие ближних (*ЧА*$_3$)

11–12 и хорошо чувствовал ∾ роли / *а.* Он был еще настолько честен и достаточно умен для того, чтоб не скрывать от себя свою

[фа⟨льшь⟩] [неискренность] фальшь и трудность своей роли *б.* [Он был и достаточно умен, и еще настолько честен, что] Он был еще настолько честен, что не скрывал от себя и трудность своей роли (*ЧА*$_3$)

11–12 [он] и хорошо чувствовал

12–15 Бывали минуты ∾ неизвестного господина / *а.* Были моменты, когда она, утомляя [его], вызывала в нем смутное чувство его зависимости от [чего-то] силы, враждебной ему. В такие [момент⟨ы⟩] минуты он чувствовал себя слугою неизвестного ему господина, и это было и обидно, и почти страшно *б.* Были минуты, когда эта роль, утомляя, вызывала в нем смутное сознание зависимости от силы, враждебной ему, он чувствовал себя слугой неизвестного господина (*ЧА*$_3$)

12 [И[Бывали минуты

16 Вспоминалось одно ∾ изречений / Вспоминались слова (*ЧА*$_3$)

20–21 богатство впечатлений создает иногда людей / богатство впечатлений бытия создаст людей (*ЧА*$_3$)

21–31 Смотрите биографии ∾ верованием. / *а.* Таковы почти все крупные художники. [У очень редких [мы наблюдаем] полное [созву⟨чие⟩]] Вероятно, лишь для немногих единиц возможно полное созвучие мысли и чувства. Я таких — не знаю». Клим далеко не всегда ощущал, что мысли его созвучны чувствам, он привык наблюдать за собою и видел себя расколотым надвое, [порою] иногда ему казалось, что у него уже нет никаких чувств, кроме всё более сильного влечения к женщине, но и в это влечение вторгалось [нечто озлобленное] нечто странное, близкое озлоблению на женщин. *б.* Смотрите биографии знаменитых преступников, авантюристов, художников». Мудрость рыжего и устрашала, и утешала. [Климу ка⟨залось⟩] Клим привык наблюдать за собой, иногда ему казалось, что у него уже нет никаких чувств, кроме всё более сильного влечения к женщине, но и в это влечение вторгалось нечто странное, близкое озлоблению на женщин. (*ЧА*$_3$); Смотрите биографии знаменитых преступников, авантюристов, поэтов». [Премудрость рыжего учителя и устрашала, и утешала. Клим привык наблюдать за собою [и что-то] и порой [думал] не находил в себе [никаких] ничего, кроме всё более сильно разгоравшегося влечения к женщине, но и в это [в⟨торгалось⟩] чувство вторгалось нечто темное, близкое озлоблению на

л. 80 женщин[(*БА*)[1]; [В премудрости] В этих словах рыжего учит⟨е-

[1] Отвергнув этот вариант в *БА*, Горький начерно набросал новый на полях рукописи *ЧА*$_3$ (см. ниже), а затем набело отделал его в *БА*.

ля⟩ было что-то верное и устраш⟨ающее⟩. [Всматриваясь] [Привыкнув наблюдать за собою, всматриваясь в свой внутренний] Присм⟨атриваясь⟩ к себе, Клим видел, что в массе впечатлений и мыслей, накопленных им, нет ничего, что [при⟨растало⟩] [крепко при⟨росло⟩ бы] [крепко вросло бы в д⟨ушу⟩] приросло бы к нему крепко, что он мог бы назвать своим [вер⟨ованием⟩] убеждением, верованием [казалось даже, что весь его опыт только мешает]. Даже казалось, что [всё испытанное] всё еще нет (*ЧА*$_3$)

23–24 *Фразы:* И вообще все люди ∾ аморальны — *в ЧА*$_3$ *нет.*

29–30 что крепко [врастало бы в] прирастало бы

30–31 домыслом, верованием / домыслом, убеждением, верованием

Стр. 220—221.

31–12 Всё это жило в нем ∾ избрал Серафиму Нехаеву. / Моменты сознания своей опустошенности тревожили его, [но тотчас] в нем разгоралась зависть к людям уравновешенным, которые умеют спокойно верить во что-то, и разгоралась вражда к людям противоположного характера, людям взволнованной [суетливой] мысли и [суетного] стремления раскрашивать всё в мире своими красками. Клим Самгин примечал, что, кроме общего всем таким людям напряженного честолюбия, кроме давно знакомого ему их желания оттолкнуться друг от друга подальше, чтоб каждому быть заметней, все они обладают еще одной чертою,— озорством. Эта черта напоминала ему старого каменщика, который лукаво и злорадно подстрекал глупого силача Митю бессмысленно дробить годный в дело кирпич. Но он чувствовал, что кроме [зам⟨еченного⟩] того, что [им] [он подметил] подмечено в беспокойных людях, есть [в них] и еще что-то опасное, отталкивающее. Испытывая острое желание обнажить человека, узнать, что у него внутри, какова та пружинка, которая заставляет его говорить и действовать так, а не иначе, Клим избрал для этого опыта Клавдию Нехаеву. (*ЧА*$_3$)

Стр. 220.

35–36 Клим испытывал / он испытывал ◊

39 явно ни во что / очевидно ни во что ◊

Стр. 220—221.

41–1 Климу ∾ каменщик / Клим [Самгин] вспоминал старого каменщика ◊

10 какова та пружина / какова та пружинка

13 наиболее удобной [для опыта] (*ЧА*$_3$)

14–21 изучать, раскрыть ∾ бесстыдным / *а.* раскрыть, уличить ее в чем-то, без опасения увлечься ею. Спивак [была] соблазни-

тельна, но [было] знать, о чем она молчит, было неинтересно. *б*. раскрыть ∾ увлечься ею. Спивак соблазнительна, но знать, о чем она молчит, неинтересно, [да и надо] она была лет на шесть старше Клима и казалась ему все более хищной. (*ЧА*$_3$)

15–16 не опасаясь ∾ Бурже «Ученик» / *а*. без опасения увлечься ею *б*. *Как в тексте.*

17–21 Марина отталкивала ∾ вызывающим, бесстыдным. / *а*. *Текста нет*. *б*. Марина казалась ему глупой и отталкивала его своей животной энергией; [оставаясь с нею глаз на глаз, он всегда ждал с ее стороны] когда он случайно оставался с нею в комнате глаз на глаз, [он] [его] [и видел, что эта] [ему казалось, что девушка] [он испытывал [нелов⟨кость⟩] смущение] он чувствовал себя в опасности пред [ее] взглядом ее глаз, который казался ему вызывающим на поступки (*ЧА*$_3$)

19 с ней в комнате / с ней в комнате глаз на глаз (*БА*)

20 под [ее вызывающим] взглядом ее выпуклых глаз

21 *После*: бесстыдным — *зачеркнуто*: и Марина возбуждала в нем почти озлобление [на нее]

22–23 заострила ∾ крикнув / возбудила любопытство Клима почти истерическим криком (*ЧА*$_3$)

22 его [интере⟨с⟩] любопытство

24–26 Поймите же ∾ глупы и пошлы. / Я не выношу [сытых, краснощеких] нормальных людей, не люблю веселых. Веселых — особенно, они до ужаса глупы! (*ЧА*$_3$); я не выношу [ве⟨селых⟩] ваших нормальных — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

25–26 *После*: глупы и пошлы — *зачеркнуто*: Клим Самгин усмехнулся, взглянув в угол, где дородная подруга Нехаевой неслышно беседовала с Кутузовым (*ЧА*$_3$)

27 В другой раз она ∾ сказала / Смущенный [ее] криком девицы, Дмитрий пробормотал что-то о Нитчше, но Нехаева резко сказала (*ЧА*$_3$)

28–29 Ницше был фат ∾ обезумел. / *а*. Я считаю его замаскированным реакционером. А один француз, критик, сказал мне, что Нитчше был создан на роли благородных отцов, но напрягался играть трагическую роль, оттого и сошел с ума *б*. Я считаю его ∾ создан на [роли фатов] роль фата, но напрягался играть трагические роли, оттого и обезумел (*ЧА*$_3$)

30–32 Когда она злилась ∾ зеленые искры. / *а*. Когда Нехаева злилась, красные пятна на щеках ее исчезали и лицо мертвело, принимая пепельный цвет. Но злилась она редко; Клим находил ее беззащитной, слабенькой, и это еще более оправдывало его выбор Нехаевой для опыта *б*. Когда Нехаева ∾

слабенькой, слабовольной, и это особенно утверждало его выбор Нехаевой для опыта. «Конечно, я не Грелу [Бурже]»,— вспомнил он нашумевший роман Бурже «Ученик», книгу, которая [не особенно] недавно очень обозлила «отцов» и понравилась «детям». (*ЧА*$_3$)

31–32 [но глаза] [а глаза [становились з⟨елеными⟩] блестели ярче и зеленее] а в глазах

33 Ярким зимним днем Самгин / [В я⟨ркий⟩] Ярким зимним днем он (*ЧА*$_3$)

34–35 громкие фразы лекции / ценные слова лекции. [«Два рычага приводят в действие все мысли и действия людей: стремление к удобству жизни и стремление к познанию»] [«Три [рычага] силы неутомимо двигают людей: стремление к внешним удобствам жизни, [к [жа⟨жде⟩] познанию мира [и] к женщине] к продолжению рода и к познанию мира»] (*ЧА*$_3$); ценные фразы лекции ◊ (*БА*)

35 заметил Нехаеву / увидал Нехаеву (*ЧА*$_3$)

35–36 девушка вышла / Выйдя (*ЧА*$_3$)

36–37 перешла дорогу ∾ у сфинкса / она перешла дорогу и остановилась около [сфинксов] сфинкса (*ЧА*$_3$)

37–38 покрытую ∾ снегом / покрытую ослепляющим [и пышным пок⟨рывалом?⟩] снегом (*ЧА*$_3$)

39 и обнажались / и обнажал (*ЧА*$_3$)

40–41 Нехаева поздоровалась ∾ голосом / Она поздоровалась с Климом [ро⟨бко⟩] [тихо, но], ласково [улыбнулась ему] улыбаясь, и тотчас заговорила вполголоса, как всегда (*ЧА*$_3$)

Стр. 222.

1–2 Я — с выставки ∾ бездарно. / Смотрела выставку работ учеников, [всё — убийственно бездарно] всё анекдоты в красках, убийственно бездарно (*ЧА*$_3$)

3–8 В серой ∾ нос в муфту / В сером, цвета осеннего неба, пальто, в [меховой] шапочке из меха голубой белки, сунув руки в [так⟨ого⟩ же] муфту такого же меха, она шагала расшатанно, [неровно] идти [рядом] в ногу с нею было трудно. [За рекою глухо рычал каменный город, голубой [холодный] воздух] Голубой, сверкающий воздух [насыщенный запахом дыма] жгуче щекотал ноздри. (*ЧА*$_3$)

11 *Слов:* невнятно, в муфту, сказала она — *в ЧА*$_3$ *нет.*

13–34 но, заглянув в птичье лицо ∾ думает о Марине? / *а.* но не сказал [[услыхав] слыша в словах ее наивность и грусть]. Он [мол⟨ча⟩] улыбнулся, заглянув в ее лицо испуганной птицы, и [по] лицо показалось ему [миленьким, но] очень грустным.— Великолепная река,— продолжала [девуш⟨ка⟩] Не-

хаева.— Я не люблю ничего великолепного [но весною, в белые ночи, мне нравится]. В белые ночи хорошо смотреть на Неву, [и] мысленно [рисовать] рисуя на движущейся воде прошлое истории и личной жизни. Это — банально?

Самгину послышалось, что она спросила с испугом.— Нет, почему же? — сказал он и, как это часто бывало у него, прибавил неожиданно для себя: — Банальное не всегда неприятно.— Он тотчас же [упрекнул] [мысленно] упрекнул себя: «[Ну, это] Это глупо выскочило у меня». В дальнейшем он стал отвечать ей сдержанно и суховато, в тоне человека, который уверен, что не услышит ничего оригинального. А Нехаева [говорила], тихо, но зловеще покашливая, говорила с жадностью долго молчавшей, как будто ее только что выпустили из тюрьмы. Быстро переходя с одной темы на другую, она спросила, как нравится Климу Туробоев, и сама же ответила: — Говорят, он из хорошей семьи, предки его, кажется, [имели ти⟨тул⟩] были князья, но я вижу в нем [какой-то] цинизм семинариста. Он [конечно] запоздалый нигилист, социалист, а я не люблю ничего «общественного», социальных вопросов, различных Бебелей, безлошадных мужиков и всё прочее в этом роде. Это — плохо? Но я не хочу лгать, мне скучно, когда говорят о народе, о политике.

Клим слушал ее [оче⟨нь⟩] [чутко и] с удивлением; ее слова напоминали ему Лидию. Это было приятно и почему-то опасно; Клим несколько отодвинулся от девицы, а она, склонив голову на плечо, заглянула в лицо его, спрашивая: — Вам нравится Марина? *б.* но не сказал, а только заглянул в ее птичье лицо; [темные] глаза девушки щурились и мигали от колючего блеска снежных искр. Клим сказал: — Леонтьев, [консерваторный писатель] известный консерватор, находил, что Россию следует подморозить.— Почему — только Россию? Всё должно бы застыть на время... — тихо [сказа⟨ла⟩] [проговорила] выговорила Нехаева [но тотчас же] и, прикрыв рот муфтой, спросила: — Это — банально? ∾ —Не нахожу,— ответил он и, как это часто бывало с ним, прибавил ∾ Он тотчас же упрекнул себя: «Это глупо выскочило у меня» ∾ А Нехаева тихо ∾ и сама же ответила: — Я его не понимаю. Он какой-то нигилист, запоздавший родиться, равнодушный ко всему в себе [и вне себя] самом. Странно, что он спорит с Кутузовым,— о чем ему спорить? [Кутузов тоже неприятен мне, но я знаю, что это [честный] человек [и он] верующий, честно заблуждающийся,— можно так сказать?] [Это]

[Нехаева пожала плечами, Клим] Нехаева, пожав плечами, замолчала минуты на две, затем тихо спросила: — Что вы думаете о Марине? (*$ЧА_3$*)

22 Клим отвечал ей [сдержанно, в ⟨тоне⟩]

30 холодная, [рас⟨судочная?⟩] [и] узкая Спивак [увлекается] увлечена им

33–34 что Клим думает / что думает Клим

36–37 Она будет ∾ понятия о счастье. / [Она красива] Она будет очень счастливой в известном, женском, смысле (*$ЧА_3$*)

37–39 Будет много любить ∾ любит меня. / *а. Фразы нет. б.* [Она будет] Будет много любить мужчин, потом, когда устанет, [веро⟨ятно⟩] полюбит, вероятно, котов, собак — *Далее, как в тексте.* (*$ЧА_3$*).

41 мало знаю и не понимаю / не понимаю (*$ЧА_3$*)

Стр. 223.

1 Мне кажется — это страна / Это — страна (*$ЧА_3$*)

2–4 *Текста:* А вот француз ∾ не люблю немцев — *в $ЧА_3$ нет.*

3 англичанин [немец] — они нужны

5–8 смущая Самгина ∾ осторожен в словах / *а.* шла быстро; Клим, слушая ее, спрашивал себя: «Откуда эта сила в маленьком, больном человеке?» *б.* смущая Самгина откровенностью своих суждений; за этой откровенностью он [не чувствовал простодушия] чувствовал не простодушие, а что-то другое. Он стал еще осторожнее (*$ЧА_3$*)

5–6 необычностью суждений / откровенностью своих суждений ◊

6 но за неожиданной откровенностью / За этой неожиданной откровенностью ◊

8–10 она предложила ∾ показалось Климу / она [пожаловалась, что ей холодно] предложила [зайти в ресторан] выпить кофе [В ресторане], а в ресторане [она] вела себя [как-то слишком свободно] слишком свободно для девушки (*$ЧА_3$*)

12–13 и расстегнула шубку ∾ запах незнакомых духов. / Расстегнула пальто на груди, Клима обдал запах ее духов (*$ЧА_3$*)

л. 81

13–14 мимо [замороженных] стекол, покрытых [сн⟨егом⟩] инеем

17 В России говорят / Здесь говорят ◊

19 и делают не для себя / и не для себя ◊

21 И все экзаменуют друг друга. / И все экзаменуют ◊

22 Кутузов ∾ оперный певец / Кутузов — оперный певец ◊

23 Брат ваш — [вы извините меня?] он невероятно много знает

26–27 согласился Клим ∾ пора противоречить. / [согласился Клим,

улыбаясь, и подумал, что уже пора противоречить] улыбаясь, согласился Клим, думая, что ему пора противоречить ◊

28 на щеках ее, подкрашенных / на лице ее, подкрашенном ◊

29 розоватые пятна / [два пятна] два розоватых пятна ◊

29 [подкрашенные] глаза потускнели

30 жить [полной] всей душою

33 [И вд⟨рут⟩] Она съела

34 ликера, а допив кофе / ликера, чашку кофе ◊

35 [но лицо ее] [быстрым и] быстро, почти незаметным жестом

37–38 я уеду отсюда. [Надолго]

39 [Покусы⟨вая⟩] Надевая перчатку

41 А па улице [оживленно] спросила

Стр. 224.

5 [ру⟨ку⟩] протянула [Кл⟨иму⟩] руку

7–9 [а] когда [лош⟨адь⟩] озябшая лошадь резко [дер⟨нула⟩] поскакала, [Нехаева так покачнулась назад, что [Климу по⟨казалось?⟩] Клим бросился к саням, боясь, что девушка перекинется через [их] спинку саней] [что, каза⟨лось⟩] [Нехаеву так толкнуло назад, что Клим испугался] Нехаеву так толкнуло назад

10–11 девушке, [так] не похожей

11 *После:* знакомых ему — *зачеркнуто:* В речах ее он слышал [что-т⟨о⟩] новое, интересное для него, [но] от этого [она] Нехаева не стала приятнее [[ему]. Он чувствовал] [но он чувствовал], однако он чувствовал, что [ее одиночество, беззащитность соблазняет его] [она соб⟨лазняет⟩] девушка соблазняет его

11–17 *Текст:* На минуту ∾ сказал дочери.— *вписан со следующими вариантами*

12–13 общее с Лидией [Варавка]

13–14 но [он почему-то] оп [то⟨тчас⟩] немедленно отверг это [схо⟨дство⟩] сходство, [находя его] найдя его нелестным

14–15 замечание Варавки-отца [по адресу дочери его]

18–21 Встреча с Нехаевой ∾ посетительница. / *а.* Встреча эта не сделала [девушку] [Нехаеву] ее приятнее ему, однако он почувствовал, что [она его] Нехаева соблазняет его и [слабост⟨ью⟩] беззащитностью своей и [и неожиданной откровенностью [своей]] тем, что она держалась в ресторане с развязностью привычной [посети⟨тельницы⟩] посетительницы и непонятным упрямством, с которым [она] навязывала ему свои взгляды *б. Как в тексте.* (*БА*)

23 падал удручающе густой снег / [у⟨дручающе⟩] падал холодный снег

30 падал снег, серый / падали хлопья [снега] снега, серого ◊
32 Но, сняв пальто / *а.* Но когда, сняв шинель *б.* Но, сняв пальто
33 и войдя в комнату, он почувствовал / *а.* он вошел в комнату Нехаевой, ему показалось, что *б.* и войдя в комнату, он почувствовал
35 в снегу [огромного] города
40–41 точно [лист⟨ья⟩ ква⟨дратной формы?⟩] листья

Стр. 225.

2 поздоровалась [как бы] испуганно [извиняясь]
3 Простите, я одета / *а.* Простите, что одета, может быть, слишком *б.* Простите, я одета
4 Хорошо у вас / *а.* Оригинально у вас *б.* Хорошо у вас
5 Вам нравится? / *а.* Вы находите? *б.* Вам нравится?
11 сдвинула вещи / сдвинула всё
14 треть ее [отрез⟨алась?⟩] отделялась китайской ширмой
16 [окно] окно в ногах ее [бы⟨ло⟩]
17 [и] такой же ковер
26–27 когда та была подростком тринадцати-четырнадцати лет / *а.* [когда той] в тринадцать-четырнадцать лет *б. Как в тексте.*
27–28 Климу казалось ∾ и держится / *а.* В общем Климу казалось, что ее что-то смущает и что ведет она себя *б. Как в тексте.*
28–30 *Фраза*: Она забыла ∾ в неестественный цвет.— *вписана.*
31 в [какой⟨-то⟩] неестественный цвет
32 Клим услыхал / *а.* он снова услыхал *б.* Клим услыхал
35 жалких [и неудачных] попыток выразить [священную] идеальную красоту
37–38 вдруг ∾ вскричала она / *а.* [вс⟨кричала⟩] сорвавшись с кушетки, сказала она *б. Как в тексте.*
38 бутылку [портвей⟨на⟩] вина
40–41 [сп⟨росила⟩] обнажив тонкие руки, спросила

Стр. 226.

4 Иногда [это очень вол⟨нует⟩] [этот вопрос...] это очень волнует
5 глаза Нехаевой вспыхнули / в глазах Нехаевой вспыхнула радость
8–11 Нехаева утвердительно кивнула ∾ по тому, как / *а.* Да! О, [это так] как это верно. И, конечно, вы должны думать об этом. Я почувствовала это в вашей сдержанности, в улыбке вашей, всегда серьезной, в том, как *б.* Да. Конечно — *Далее, как в тексте.*

лл. 82—83

12 *Слов:* И — о чем? — *в* ЧА$_2$ *нет* [1].

Стр. 226—230.

13–31 Она скрестила руки ∾ А это вы прочитайте... / Она заговорила о смерти, называя ее лукавой и [лицемерной] жестокой и вдруг неуловимым изгибом [фраз] слов [начала] стала всё с тем же пафосом [хвалить] славословить смерть:

— Это — наша няня, она рассказывает нам горестные сказки земного бывания, чтоб подготовить нас к [вечному бытию] тайне вечного бытия.

Клим слушал ее, тщательно протирая очки куском замши, [как] и чувствовал, [что все] что она говорит — детски искренно. Было что-то необыкновенно странное в пафосе, с которым она говорила о [том, как безжалостна смерть] смерти. Лицо ее разгорелось от возбуждения [и от ликера] [она часто наполняла [им] ликером легкие рюмки на тонких, высоких ножках, а Клим осторожно прихлебывал херес. Он видел, что оживление девушки болезненно и жутко]. [Херес] Вино и запах духов опьянял его; он молчал, изредка согласно кивая головою, и ему казалось, что Нехаева вдруг похорошела.

— Вы любите Шопенгауэра? — спросил он.

— Я читала. Но, видите ли, обнаженные слова не доходят до моей души. Помните у Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Для меня Метерлинк более философ, чем этот грубый и злой немец. [Я вообще не люблю немецкой философии.] Пропетое слово глубже, значительнее сказанного. Согласитесь, что [всего] только величайшее искусство — музыка — способна коснуться [тайны] глубин души...

Вздохнув, она убавила огонь лампы [и сказала]:

— Метерлинку тоже не чужда этика сострадания и, быть может, он почерпнул ее у Шопенгауэра, но — зачем нужно сострадание? [В сущности] [Ведь это пошлость, замаскированная лживой лирикой.] Не лучше ли для нас быть безжалостным друг ⟨к⟩ другу и в ненависти, и в любви, как безжалостна к нам судьба?

В [комнате стало темнее и жарче] оранжевой комнате сумрак стал гуще и [жарче] [теплее] жарче.

---

[1] *К тексту*: И — о чем? ∾ вместе со стулом (*стр. 226—241, строки 12—19*) *сохранились черновые варианты, отражающие два этапа работы автора над ним в пределах второй редакции: ранний вариант обозначается* ЧА$_{2а}$, *разрозненные листы, возникшие в процессе работы над более поздним вариантом,—* ЧА$_{2б}$.

«Зачем она убавила огонь?» — догадывался Клим, осыпаемый теплым пеплом слов. Смущало, что [он многого не понимает в ее словах] он не улавливает [из⟨гибов⟩] быстрых изгибов в этих словах, и еще более смутился он, когда Нехаева, схватив одну из желтеньких книжек, вполголоса и задыхаясь, глядя в лицо его строгим взглядом, начала читать французские стихи. Читала напряженно, дирижируя голой до локтя рукою; казалось, что она сейчас закричит воющим голосом. Стихи были очень музыкальны, но неуловимого смысла, они говорили о девах с золотыми повязками на глазах, о трех слепых сестрах. Лишь в двух строках:

Пожалей меня за то, что я [не смела] медлю
На границе моего желания

Клим услышал нечто [понятное ему] полупонятное, как бы некий [намек] вызов и намек; он вопросительно взглянул на девушку, но она смотрела в книгу, а правая рука ее блуждала в воздухе. [Порою эта рука, синеватая в оранжевом сумраке, тонкая и как бы бесплотная, касалась лба, плеча [сво⟨его⟩], как будто [девушка] желая убедиться в том, что она [всё еще] существует [не сгорела в словах]] Этой рукой, синеватой в оранжевом сумраке [тонкой] и как бы бесплотной, [Нехаева касалась лба своего и плеча, как будто] девушка касалась [то] лица своего и плеча, точно желая убедиться в том, что она существует. [Она] [Клим [чувствовал] ощущал] [Климу казалось, что [это] Нехаева толкает, раскачивает его, возбуждая] Климу казалось, что [она] девушка толкает и раскачивает его, возбуждая в нем противоречивые [чув⟨ства⟩] чувства [Она], она злила тем, что была непонятна, [возбуждала жалость, ее измученное, пылающее лицо возбуждало посменно [и сострадание к ней] и чувство жалости и боязнь, что [она] вот сейчас девушка истерически закричит и забьется] [озлоб⟨ление⟩] но злость исчезала, уступая место желанию усмехнуться над чем-то забавным в ее жестах, в лице ее, в словах. Ее измученное, пылающее лицо возбуждало посменно и чувство жалости, и страх, что вот сейчас она упадет в судорогах на пол и закричит [истерически], как обезумевшая жена доктора Сомова:

«Нет, нет, нет!»

Он [все в] [продолжал молчать] молчал, опасаясь, что, если заговорит, то скажет что-нибудь [глупое [и] или грубое] неуместное. Но [и] молчать было глупо [и это]. Это [злило] снова раздражало его. И в то же время он постепенно подчинялся неизведанной им скуке, которая, все обесцвечивая, [будп-

ла в нем желание уйти домой] вызывала желание закрыть глаза, [забы⟨ть⟩] ничего не слышать, не думать, не двигаться.

Когда Нехаева, кончив читать, [положила в рот себе] дрожащей рукою налила себе еще рюмку ликера, он [едва удержался, чтоб не сказать: — Уж если вы [пр⟨авы?⟩] убеждены в [бесполезности] бесполезности жизни, так зачем же ликер пить и конфекты есть?], потирая лоб, оглянулся, [точно] как человек, только что проснувшийся, и с удивлением почувствовал, что мог бы и еще [дальше] слушать [непонятные] звучные стихи на чужом языке [и еще более туманные [сло⟨ва⟩], объяснения [к ним] Нехаевой неуловимого смысла стихов], хотя смысл их и неуловим.

— А — Верлен, Верлен! — вздохнув и покашливая, сказала [Нехаева] она.— О, [этот] падший ангел...

[Девушка], Она устало прилегла на кушетку [крова⟨ть⟩], и лицо ее неестественно быстро посерело. Клим [тотчас], несколько испуганный, тотчас воспользовался этим.

— Вы устали? — сочувственно спросил он.— Не вставайте, пожалуйста, я сам...

Он почтительно пожал ее очень горячую руку и ушел, унося в кармане книжку Метерлинка, чувствуя себя [отравленным] опьяненным духами, хересом и [навязчивым] печальным звоном [непонятных стихов] рифм (*ЧА*$_{2a}$)

Стр. 226.

13 Она скрестила руки на груди / Она [изломанно] покачнулась [и], скрестила руки (*БА* *)

14 продолжала с негодованием / *а.* продолжала почти с отвращением *б.* продолжала негромко, с негодованием (*БА* *)

15 [скучнейший] социализм, Бебель (*БА* *)

16 Как это скучно / какая пошлость (*БА* *)

17–25 В Париже и Женеве ∾ это убийственно! / *а.* Михайловский, у которого из десяти слов девять лишних, [и] этот [пророк Бельтов] декламатор Плеханов в купеческом сюртуке, влюбленный в себя, невыносимо докторальный, я встречала его в Женеве; он рассуждал об искусстве [как ди⟨летант⟩] как совершенный невежда. И вся эта кутузовщина — толпа, герои, вожди, массы,— как это убийственно, пресно, как мертво... *б.* в Женеве, Париже я [встречала] знала социалистов, меня [они] интересовали [они] [о них у меня осталось впечатление] они; но я очень скоро поняла, что это люди [сознат⟨ельно⟩] искусственно и сознательно ограничивающие себя. [В них есть] В них есть что-то общее с монахами, и они тоже

не свободны от лицемерия. Все они более или менее похожи на Кутузова, но без его [добродушия и] смешного мужицкого снисхождения к людям, понять которых он не умеет или не хочет. Сам Кутузов — не глуп [он, кажется, даже талантлив] и, кажется, искренно верует во всё, что знает, но — кутузовщина — все эти туманности: герои, толпа, массы, вожди, — как [все] это убийственно пресно (*БА* *)

17 я встречала / я встречалась ◊

19 они так же / и они так же ◊

24–25 массы, вожди [герои]

26–27 Она даже вздрогнула ∾ с плеч. / Нехаева даже вздрогнула, руки ее упали на колени, минуту она молчала, закрыв глаза, затем налила [Климу] в [рюмку] стакан Клима хереса, а себе [зеленого] [ядовито зеленого] ликера (*БА* *)

27–28 маленькую и похожую ∾ рюмку / [лик⟨ер⟩] [свою рюмку, маленькую, на тонкой высокой ножке] маленькую рюмку на тонкой, длинной ножке (*БА* *)

29 ядовито зеленым цветом ликера / ядовитым цветом зеленой влаги (*БА* *)

29 выпила его / медленно выпила ее (*БА* *)

30 содрогаясь всем телом ∾ ко рту / [и] приложив платок ко рту, содрогаясь всем [легким] телом, [глядя в лицо Клима [странным взглядом]] а глаза ее [тоже как будто дрожали] пугливо расширились (*БА* *)

31 Вам вредно ∾ сказал Клим / Вам не вредно это? — спросил Клим (*БА* *)

31–32 щелкнув ногтем ∾ стакану / [указывая на под⟨нятую⟩] щелкнув ногтем по своему стакану (*БА* *)

32 *После:* по своему стакану — *зачеркнуто:* Он собирался возражать ей, находя, что слишком покорно слушает ее речи, но — [не успел] (*БА* *)

32–33 Нехаева, кашляя ∾ рассказала / *а.* Нехаева снова заговорила, жадно глотая воздух *б.* Нехаева откашлялась и снова начала говорить, коротко вздыхая *в.* Нехаева, отрицательно качнув головою, снова начала говорить, задыхаясь (*БА* *)

33 а затем [с паузами], тяжело дыша

33–34 *Слов:* о Верлене ∾ «зеленая фея» — *в БА нет.*

34 «зеленая фея» [и снов⟨а⟩]

36–40 Любовь и смерть ∾ себя пустяками. / [Мы поставл⟨ены⟩] Судьба ведет нас по путям любви и смерти, в этих двух тайнах [главный] скрыт весь [истинный и] страшный смысл нашего бытия, всё же остальное — пошлые и неудачные попытки [трусливые попытки] подменить истинный смысл оглушаю-

щими душу пустяками, трусливые попытки обмануть самих себя (*БА* *)

38–39 и [эта] кутузовщина

40 самих себя [подменить истинный] пустяками

Стр. 226—227.

41–4 Клим спросил ∾ бесплотная девушка. / Клим насторожился, ожидая, что она [станет] начнет говорить о любви — было бы забавно услышать, [как именно] что [она] скажет о любви эта почти бесплотная девица. (*БА* *)

Стр. 227.

4–6 *Слова:* Но, назвав гуманизм ∾ доказана Мальтусом» — *вписаны.*

6 Нехаева заговорила / *а.* Но Нехаева начала говорить *б.* Но Нехаева заговорила

8 даже [произнесла] произнесла

8 несколько стихов / *а.* несколько слов *б.* несколько стихов

9–12 но эти мрачные стихи ∾ старушка / *а.* [и на лице ее] [и на остром лице ее явилось вы⟨вражение⟩] [острые очертания лица ее пр⟨иняли?⟩] [тусклый голос ее звучал строго] [в словах ее и в тусклом голосе звучало] [голос ее звучал тускло [как-то лас⟨ково⟩] и задумчиво] [слова ее звучали] все это звучало по-старушечьи тускло и не [трогало] трогая Клима; [он даже] *б. Как в тексте.*

12 [Он не см⟨отрел⟩] Наклонив голову, он не смотрел

13 [ему] ему скучно

14 или устала [говорить]

18 [сл⟨абым⟩] полушепотом говорила

19–20 дрожащую руку / бледную руку ◊

20–21 глаза ее ∾ расширены / глядя в лицо его широко открытыми глазами ◊

21 лицо [горит густым] [густо покраснело, оно сделало⟨сь⟩] [густо покраснев, показалось Климу] казалось

23 слушая вкрадчивый полушёпот / слушая бессильный, [быстрый] торопливый и вкрадчивый шёпот

25 в этот мир / в мир ◊

26 [разрывает] оторвав душу от [плоти] плоти

27 страстей [ее] тела

27–28 *Слова:* Потом ∾ болезненными пороками — *вписаны.*

29 а истерзав его, долго держит / *а.* Истерзав человека, долго держит его *б. Как в тексте.*

33 к радостям юных / к юным радостям ◊

35 [эта] безжалостная сила

39 был [испо⟨лнен⟩] насыщен

39 [Больное лицо] Лицо ее

41 из [детских] сказок Андерсена

Стр. 227—228.

41–2 *Фраза:* Сухой блеск ∾ злое и мстительное. — *вписана.*

41–1 блеск глаз ∾ щекотал / блеск темных зрачков девушки неприятно щекотал и жег ◊

Стр. 228.

1 в ее взгляде / в этом взгляде ◊

2 Он опустил голову, ожидая / *а.* Она подавляла его, и Клим ждал *б. Как в тексте.*

8–9 облекались гневными словами маленькой / облекались гневными и жалобными словами из уст этой маленькой

10 почувствовал ∾ жестоко ударили / почувствовал [в их] [беспощадность] [что они уда⟨рили⟩], что — *Далее, как в тексте.*

14 именно [она] эта неприглядная [девушка]

16 [большие] жуткие мысли

16 есть нечто / есть что-то ◊

17 [Пускай] Ему стало жалко

18 и [ду⟨ши⟩] тела и души [Мелькнул вопрос: у Макарова, Туробоева тоже]

19 [да и] вообще это чувство

20 *После:* знакомо ему — *зачеркнуто:* Было жалко и себя за то, что [пришлось] приходится испытывать такую тяжесть.

26–30 Она произнесла ∾ ножку рюмки. / *а.* [быстро спросил⟨а⟩] Клим взглянул в лицо ее, оно [было уже спокойней, не так жарко горело, а в глазах] [уже было] [было спокойней] горело уже не так сильно, ему даже показалось, что Нехаева [не⟨много⟩] похорошела. Он [хотел сказать] пожелал ей что-то ласковое, но сломал ножку рюмки *б.* [Климу послышалось] Она произнесла эти слова так странно, как будто не спрашивала, а просила [умоляла]. [Разгоревшееся, возб⟨ужденное⟩] [Лицо ее] Разгоревшееся лицо ее — *Далее, как в тексте.*

34 погладив кисть / гладя кисть ◊

37 Как глубоко вы чувствуете! / *а.* Как вы умеете чувствовать *б. Как в тексте.*

38 забегала по комнате, разорвала / суетливо забегала по комнате, [раз⟨орвала⟩] разорвала

л. 83

Стр. 229.

7 [об⟨наженные⟩] слишком обнаженные

20 [ок⟨оло?⟩] над головою

22 «Почему она убавила огонь?» / «Почему она говорит о сострадании? И убавила огонь?» ◊

22 *После:* убавила огонь?» — *зачеркнуто*: Схватив одну из желтеньких книжек, Нехаева сказала строго

23–29 *Текст:* Нехаева согнулась ∾ строго сказала — *вписан со следующими вариантами*:

23 [Наклонясь] Нехаева согнулась

24 и [задыхаясь] говорила

28 подняла с пола [книжку] [две] книжку

29 и раскрыв ее / и раскрыв одну из них ◊

32 делая неожиданные паузы / *а.* немножко задыхаясь, делая странные паузы *б.* делая неожиданные паузы

39 Клим услышал / Клим Самгин услышал

39 полупонятное [ему]

Стр. 230.

3–4 груди, плеча / груди, плеч ◊

10 не думал [с удовольствием [он]] прислушиваясь

11 [от] речей девушки

16 еще долго / и еще долго

20 И прилегла / Она устало прилегла ◊

22 *После:* спросил Клим — *зачеркнуто:* Я — тоже. Необыкновенный вечер! — добавил он

23 [Он] Встал, посмотрел

25–26 Благодарю вас ∾ Не вставайте, пожалуйста... / *а. Текста нет. б.* Благодарю вас,— торопливо сказал [Самгин] он. — [Нет] [Совершенно замечательный] Замечательный вечер. [Это — надолго] — *Далее, как в тексте.*

27 попросила она, стискивая / *а.* сказала она, крепко стискивая [ее] *б.* попросила она, стискивая

28–31 Ведь я скоро ∾ вы прочитайте... / *а.* Возьмите Метерлинка... *б. Как в тексте.*

32–35 На улице снег ∾ в пирамидах света. / На улице тоже было трудно дышать, снег падал [все г⟨уще⟩] еще более густо, город совершенно [исчез] онемел, исчез в белом пухе, [фонари, накрытые] от фонарей, накрытых толстыми чепчиками, на дорогу падали шатры света. [Город онемел] (*ЧА*$_{2a}$)

34–35 Фонари ∾ в пирамидах света. / *а.* От фонарей, накрытых толстыми чепчиками, падали пирамиды тусклого света *б.* фонари, накрытые толстыми чепчиками, [ложились] стояли в пирамидах света

Стр. 230—231.

35–23 Подняв воротник ∾ всё — очень просто...» / [Клим думал] Клим шагал по сырому, беззвучному снегу и думал, что, по-

жалуй, лучше будет держаться подальше от [этой] Нехаевой; она — интересна, но в ней есть что-то ненормальное, опасное, и для опыта она — не годится, и кроме этого в ней [ничего] невозможно понять ничего. Он поднял воротник пальто, сунул руки в карманы и пошел быстрее [1]. [Явилось унылое сознание] Явилась унылая мысль: в Петербурге жить трудно: люди здесь больше знают, более дерзко думают, они вообще изощреннее, и трудно держаться даже на одном уровне с ними, а надо быть выше, такова потребность.

Вспомнилось, как [не⟨давно⟩] вчера всезнающий Дмитрий [недавно] сконфуженно [допр⟨ашивал?⟩] рассказывал:

— Вот — чертовщина! Не мог объяснить ученику моему, откуда слово — обуза? Забыл! И — брякнул: от глагола удить. А тут вошел папаша его, чиновник синода, и давай школить меня: суживать, обуживать, узы, узда.

На Кутузова Дмитрий смотрит как на апостола новой религии и тоже бормочет что-то о необходимости развития классового самосознания, о немецких социалистах, не замечая, что Кутузов грубо ухаживает за Мариной, а Марина смотрит на него жадными глазами. Впрочем, она на всех мужчин смотрит одинаково, точно купчиха на витрину гастрономического магазина. Она почему-то снова стала веселее [и напористей]. Поет она телом, животом. Спивак всё еще загадочна. Клим пошел быстрей. (*$ЧА_{2а}$*)

Стр. 230.

37 не спеша, взвешивая / медленно, как будто не торопясь, [и бездумно] взвешивая ◊

37 впечатления вечера. [Кружилась голова]

40–41 ощущая, что несет ∾ сновидение / *а.* [Ему казалось, что он несет в себе] Он чувствовал, что несет в себе подавляющую тяжесть, [стр⟨анное⟩] [как⟨ое-то⟩] жуткое сновидение *б. Как в тексте.*

Стр. 230—231.

41–4 Пред ним ∾ требующим чего-то. / *а.* [а как будто в мускулы его воткнуты булавки] [а в мозг его воткнуты булавки] В голове его раздражающе шевелились [какие-то] булавки и, покалывая мозг, мешали думать *б.* [Ему казалось] Пред ним в снегу [возникало] дрожало лицо старенькой колдуньи, [и] когда Клим — *Далее, как в тексте, до слов:* четким — *Да-*

---

[1] *После*: быстрее — *помета Горького синим карандашом*: 83, *означающая, что в БА должна быть изменена последовательность эпизодов этой сцены.*

лее: [и неприятным] [а темные глаза смотрели] а темный взгляд — *Далее, как в тексте.*

Стр. 231.

4–6 Но снег ∾ протестующие мысли. / *а.* Но холодная, липкая сырость и отлично развитое чувство самосохранения постепенно будили в нем протестующие соображения. *б. Как в тексте.*

6–9 *Текст:* Между внешностью девушки ∾ чужую душу.— *вписан со следующими вариантами:*

6 [Было нечто подозрительно несоединимое] [Он подумал, что между] Между внешностью девушки

8 Можно [бы⟨ло⟩] думать

9–10 Затем Самгин подумал / *а.* Он вспомнил *б.* Затем Самгин подумал

10 слишком [много] много пьет

13 о цели бытия / о цели жизни ◊

14 [это] не для нее

18 *После:* неплохо» — *зачеркнуто:* [Она все-таки] Нехаева умнее, когда говорит о жизни, о действительном

21–22 болезнь. [И — только] И нет смысла [посещать ее часто] слушать ее истерические речи [наблюдать]

л. 83—84

Стр. 231—232.

24–22 Ночью он прочитал ∾ мохнатая туча дыма. / Ночью он прочитал «Слепых» и, не поняв этой драмы бездействия, с досадой бросил книгу на пол, а [на] на другой день вечером пошел к брату, намереваясь поговорить с ним о Метерлинке. Дмитрия не было дома, в комнате у окна стоял Туробоев, барабаня пальцами по стеклу, [и еще] [а какой-то мрачный студент с подвязанной щекою сидел у стола] разглядывая, как по серому небу [ползет] ползут облака дыма. [Когда Клим вошел, Туробоев не обернулся к нему, а студент, посмотрев на Клима рыжими глазами, [серди⟨то⟩] спросил сердито: — Не узнали? Орехов.] (*$ЧА^{*}_{2а}$*)[1]; Ночью он прочитал ∾ а на другой день ∾ стоял Туробоев в [студенческой форме] студенческом сюртуке, [очень] похожий на офицера; барабаня пальцами по стеклу, он [разглядывал, как в серое небо мохнато и маслено [вз⟨бирается⟩] вползает туча дыма] смотрел, как сквозь снег, уже не густой и мелкий, [вползала ⟨вверх⟩] мохнато и лениво вползает вверх туча дыма (*$ЧА_{2а}$*)

---

[1] *$ЧА^{*}_{2а}$ обозначает текст под наклейкой в $ЧА_{2а}$.*

Стр. 231.

24–25 Монотонный [певучий] язык [пьесы безд⟨ействия⟩] этой драмы бездействия [угасания]

26–27 Клим не уловил / *а.* Клим не понял *б.* Клим не уловил

28 и не мог. Мысли возвращались / *а.* но что-то мешало ему. Мысли [снова] возвращались *б. Как в тексте.*

30 он спросил себя / он спросил [себя]

33 «Едва ли [что] найдется

34 видели во тьме / *а.* различали во тьме *б.* рисовали во тьме ◊

36 [с гладк⟨о⟩] и гладко причесанной

39 Тени колебались ∾ отражения / *а.* Тени плавали, колебались, как [пятна] почти неуловимые отражения *б. Как в тексте.*

Стр. 231—232.

40–5 Движение тьмы ∾ принимая цвет олова. / *а.* Это движение тьмы в комнате [стало пост⟨епенно⟩], становясь из воображаемого [действительным] [почти ощутимым] действительным [и ощутимым], углубляло печаль [отягощало ее, мешая и спать и думать, но все более возбуждая воображение]. Но зажечь огонь Клим не хотел. Уснул он, когда черные стекла окон [посерели и [тус⟨кло⟩]] жидко окрасились в [тусклый] цвет олова. *б.* Это движение тьмы в комнате, становясь из воображаемого действительным, углубляло печаль. [Воображение, создавая из тьмы] Воображение тревожно разыгрывалось, рисуя [Нехаеву] плоскую фигуру Нехаевой [по⟨водырем⟩] вождем толпы слепых, [снежный вихрь] снежный вихрь кружил ее, [унося] она падала, взмахивая руками, вставала и падала снова. Черные стекла окон медленно окрашивались в цвет олова. *в.* Движение тьмы в комнате, становясь из воображаемого действительным, углубляло печаль. Воображение, мешая и спать, и думать, наполняло тьму однообразными звуками, как бы эхом отдаленного звона или ноющим пением скрипки, приглушенной сурдинкой. Черные стекла окон медленно окрашивались в цвет олова. (*БА**)

Стр. 232.

2 звуками. [как бы] эхом

5 медленно [пер⟨екрашивались⟩] линяли

6–9 в настроении человека ∾ Привычно легкий ход / [в неопре⟨деленном⟩] в тревожном настроении человека, который не может определить, потерял он что-то или приобрел. [Он еще] Он [чувс⟨твовал⟩], чувствуя, что его самоуверенность поколеблена, [в настроении] в неприятном настроении человека, который [не может определить, что случилось с ним, но] чувст-

вуст, что с ним нечто случилось, но [не может определить, что именно? Утратил он что-то или приобрел? Легкий, привычный ход] не может понять, что случилось с ним: утратил он что-то или приобрел? (*БА**)

15 *После*: пожал плечами — *зачеркнуто:* Посмотрел в зеркало и нашел лицо свое опухшим, белки глаз воспаленными

20–21 в студенческом сюртуке [похожий на офицера]

22 как [сквозь снег на крыше дома] лениво вползает

23–32 *Текста:* — Пожар,— сказал он ∾ и отошел от окна — *в ЧА*$^{*}_{2a}$ *нет.*

23–34 Пожар,— сказал он ∾ А, Метерлинк... / *а.* Подошел Туробоев, взглянул на книгу и спросил, пожимая руку Самгина, как всегда слабо и небрежно: — Нравится вам? *б.* Подошел Туробоев, пожимая руку Самгина как всегда слабо и небрежно, он взглянул на книжку.— Метерлинк. Нравится? (*ЧА*$^{*}_{2a}$); *а.* Пожар,— сказал он, сжав руку Самгина слабо и небрежно как всегда, потом, взглянув на книжку, спросил:— — Нравится? *б.* Пожар,— сказал он ∾ как всегда. [По] Не очень далеко [за] среди [крыш] [белых ли⟨ний⟩] неровной линии крыш [на одной] одна из них дымилась серым жидким дымом; [медноголовый человек ходил по толстому слою снега] [на ней стоял медноголовый человек] на ней по толстому слою снега ходили медноголовые люди, тоже серые, как дым (*ЧА*$_{2a}$)

29–32 *Текста*: В этой картине ∾ и отошел от окна — в *ЧА*$_{2a}$ *нет.*

35–39 Подчиняясь желанию ∾ не обиделся. / *а.* Подчиняясь желанию сказать [неприятное неприятному человеку] неприятному человеку неприятное, Клим тоже небрежно ответил: — Чепуха.— Туробоев невежливо зевнул. *б.* Подчиняясь желанию сказать неприятному ∾ Клим поискал в памяти [какое] ироническое, резкое словечко, но, не найдя его, сказал: — Чепуха (*ЧА*$^{*}_{2a}$); Подчиняясь желанию сказать неприятному человеку что-нибудь неприятное, Клим поискал в памяти [ироническое] острое и резкое словечко, но, не найдя его, сказал: — Чепуха.— Туробоев не обиделся. (*ЧА*$_{2a}$)

Стр. 232—233.

39–6 Он снова встал ∾ до конца. / *а.* Скучновато. И уж слишком прозрачно. Для детей среднего возраста. Слепые — это современное человечество, их поводырь не то — наука, не то — вера. Я, признаться, не дочитал до конца. Но для многих эта чепуха — убийственная правда. *б.* Скучно. Для детей среднего возраста. Слепые — современное человечество, их поводырь — [вера] разум. Я, признаться ∾ убийственная

правда ($\overset{*}{ЧА}_{2a}$); *а.* Прислушиваясь к чему-то, [вид⟨но⟩] должно быть, к звону колокольчиков пожарных лошадей, он равнодушно спросил, разглядывая себя в зеркало.

— Да, скучно. Аллегория для детей среднего возраста. Слепые — современное человечество, поводырь — разум. Я, признаться, не дочитал до конца *б.* Прислушиваясь к чему-то, должно быть, к звону ∾ он равнодушно говорил: — Нет,— почему же чепуха? Аллегория ∾ поводыря можно понять как разум, но можно и как веру, это зависит от вкуса. Он [криво] лениво усмехнулся: — «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». Я, признаться, не дочитал до конца ($ЧА_{2a}$)

Стр. 233.

[Это] Весьма искусно

4–5 как разум или как веру / как веру и как разум ◊

л. 84—85

Стр. 233—236.

7–24 Клим отошел от окна ∾ извиняясь перед кем-то. / *а.* Клим промолчал, чувствуя себя униженным тем, что аллегория пьесы не разгадана им; поговорил с Ореховым о его больных зубах, Орехов неохотно мычал и ушел, а через два дня он снова посетил Нехаеву и этим явно обрадовал ее. О Метерлинке он говорил сдержанно, как человек, который имеет свое мнение, но не хочет навязывать его. Но когда он сказал, что у бельгийского поэта есть немало общего с проповедью Толстого, ему было приятно услышать, что Нехаева соглашалась: — О, [конечно] да! Но Лев Толстой — грубее. Метерлинк просто поэт, а Толстой зачем-то притворяется мужиком, сектантом, пишет книжки, которые нельзя читать.

В этот вечер ее физическая бедность особенно колола глаза. [Угрю⟨мо⟩] — *Текст:* О Метерлинке ∾ колола глаза. [Угрю⟨мо⟩] — *в окончательной редакции использован ниже, см. стр. 236—237, строки 32—4.* *б.* Клим промолчал, было обидно, что аллегория пьесы не разгадана им, [и за⟨хотел⟩] и хотел уйти, но Туробоев [сказал] спросил: — [Не⟨хаева⟩] у Нех⟨аевой⟩ взяли? Она принимает это [как] как истину. Жалкая девица. [Клим почти сердито сказал] Из людей, жизнь которых не нужна ни им, никому. И, право, хорошо для нее, что она [чахо⟨точная⟩], вероятно, скоро умрет. — Почему?— серди⟨то⟩ спр⟨осил⟩ Клим. — Туберкулез. [Разве не видите?] [Вы не знаете] [Клим спросил его, где брат.— Должен бы сейчас [пр⟨ийти⟩] быть дома] [Клим спросил, не знает ли он, когда придет Дмитрий. Получил в ответ: — Жду. Он не аккуратен] [Туробоев] [Взглянув на ча-

сы, Туробоев] Трижды чем-то ударили в потолок, Туробоев отвернулся к окну. Клим [посмот⟨рел⟩ в] ушел к себе ($ЧА^{*}_{2а}$); *а*. Клим Самгин промолчал. Было обидно, что [простой смысл] смысл пьесы не разгадан им. А Туробоев, глядя в зеркало, нахмурясь, гримасничая, словоохотливо говорил:

— Нехаева принимает это как истину, последнюю истину, говорит она. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Жалкая девица. Из людей, жизнь которых не нужна ни им самим и никому. И, право, хорошо для нее, что она, вероятно, скоро умрет.

— Почему? — сердито спросил Клим.

— Туберкулез.

За окном позванивали колокольчики, взвизгивали полозья, кричали люди. Потом трижды чем-то тяжелым ударили в потолок. Туробоев отошел от зеркала снова к окну, взглянув на Клима, как на пустое место.

Самгин пошел к себе, чувствуя, что [он] с каждой встречей этот человек все неприятнее ему. Но, войдя в свою комнату и не успев притворить дверь, он услыхал [ша⟨ги⟩] быстрые шаги в коридоре. [«Это возвращается»] — «Возвращается Дмитрий?» Вверх по лестнице [бы⟨стро⟩] [мелькнули] быстро шагали ноги Туробоева в новеньких зеленоватых брюках. Это не вызвало у Клима никаких соображений, он обдумывал слова Туробоева о ненужных людях, слова, напомнившие ему безличную Таню Куликову, свояченицу писателя Катина, и [много] других бесцветных людей. «А что, если [Туробоев прав] и Нехаева под [кис⟨еей⟩?]] [пе⟨леной⟩] ее речами, стихами тоже старается скрыть свое безличие?» На другой же день он пошел к ней с твердым намерением проверить этот вопрос. *б*. Клим Самгин промолчал. Было обидно, что смысл пьесы не разгадан им. А Туробоев продолжал негромко и задумчиво: — Жалкая девица. Из людей, жизнь которых не нужна ни им самим и никому. Она [считает] любит остренькое и, видимо, считает свой мозг [чем-то] чем-то вроде подушечки для булавок,— знаете такие подушечки [с песком внутри], набитые песком [Она втыкает], право, хорошо для нее, что она, вероятно, скоро умрет.

— Почему? — [сердито] сердито спросил Клим.

— Туберкулез.

За окном тревожно позванивали колокольчики, взвизгивали полозья. Трижды чем-то тяжелым ударили в потолок. Туробоев отошел от окна, взглянув на Клима, как на пустое место, и этим взглядом как бы вытолкнул его из комнаты.

[У двери к себе Клим остановился, вставляя] Вставляя ключ в замок своей двери, Клим услыхал [осторожный шорох шагов] быстрые шаги в коридоре, потом на лестнице вверх — это шел Туробоев. «К Спивакам, это они стучали в потолок»,— сообразил Клим. [Сел у окна, глядя, как из окон второго этажа дома наискось от] [Он сел у окна, наблюдая, как [из двух⟨этажного⟩] из-под крыши двухэтажного дома напротив выбивается серый, жидкий дымок, медноголовый пожарный отковыривает ломом лист железа, а к нему [от] по крыше сползает другой [солдат] пожарный. Оба они были серые, как дым, и смотреть на них было скучно.]

Слова Туробоева о ненужных людях напомнили Климу Таню Куликову, свояченицу писателя Катина, и других бесцветных людей. «А что, если и Нехаева под ее речами, стихами тоже старается скрыть свое безличие? [Может быть, и все люди [прячут так же]] И она, и Туробоев, и все вообще?

[Постучали] В дверь [постучала Марина] постучали, вошла Марина: — [Идемте] Чаи пить. Кстати, нет ли у вас стихов Фофанова?

Прошло два дня, три, [даже] четыре, Нехаева не являлась. «Не обидел ли я ее чем-нибудь?» — спросил себя Клим и пошел к ней [1]. (*ЧА*$_{2а}$)

Стр. 233.

7 Клим отошел от [него] окна [было досадно, что смысл пьесы не разгадан] [досадуя] с досадой

7–8 Как это он [мог] не мог уловить

10 в пепельницу [и спросил]

11–13 Это Нехаева ∾ перелистывая книжку. / *а.* Это — Нехаевой книга? — спросил он, и, не подождав ответа, вздыхая, сказал: — Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. [Жалкая девица. Из людей, жизнь которых не нужна ни им самим и никому.

В нем было заметно что-то тревожное, ожидающее, но говорил он тихо и задумчиво.] *б. Как в тексте, со следующими вариантами*

12 [тихо] говорил он [тихо и] задумчиво

13 Любит остренькое, Она, видимо / Она любит остренькое и, видимо ◊

16–19 Очень начитанна ∾ Осенняя муха... / *а.* Хорошо для нее, что она скоро умрет... — Почему вы знаете? — ворчливо

---

[1] *Ниже помета Горького красным карандашом*: Добавить. Затем — стачка. — *связанная с разговором Марины о Дмитрии (см. след. стр.)*

спросил Клим. — Туберкулез. *б. Как в тексте, со следующими вариантами:*

17 чтобы сказать что-нибудь [— Осенняя муха,—], а Туробоев тихонько добавил

23 ушел из комнаты [не надев ни пальто, ни фуражку]

24–25 «Пошел к Спивак ∾ сообразил Клим / «Пошел к Спивакам, это они стучали ему»,— сообразил Клим ◊

Стр. 233—234.

25–2 глядя на крышу ∾ успел сказать / *а.* [Мелькнула догадка: «Может быть, она?»] Слова Туробоева о ненужных людях напомнили ему Таню Куликову, свояченицу писателя Катина, и много других бесцветных фигур. А что, если и Нехаева под ее речами, стихами прячет свое безличие? И Туробоев, и все вообще? Клим Самгин [чувст‹вовал›] не мог не чувствовать, что он имеет право думать так, и очень цепко ухватился за эту мысль. Ему помешала Марина, она вошла, не постучав, как в свою комнату.— Идите чай пить,— [сказала] пригласила она [сердито] хмуро, пошевелив густыми бровями.— Кстати: нет ли у вас стихов Фофанова? — Нет. [Я не] Не люблю его [стихов] стихи. — Я не спрашиваю, что [или кого] вы любите,— сердито [сказала] сказала девица и повернулась к двери. Но тотчас же, плотно прикрыв ее, [пошла на] подошла к Самгину с таким лицом, как будто желая раздавить его.— Вы... Где ваш брат? — Не знаю.— Вы знаете, что он не ночевал дома? — Я слышал, что с молодыми людями это бывает нередко,— пошутил Клим, думая: «Ба, она ревнует!» [Но Марина выпрямилась по-солдатски, ее [кр‹асивое›] широкое лицо побагровело [уши стали]] Широкое лицо Марины побагровело и вполголоса она сказала: — Пошлость. Вы должны знать, что Дмитрий устраивает [какую-то] стачку на какой-то фабрике и... [что этого] это — не пустяки! За это... вы понимаете?

[Прежде чем] Она ушла прежде, чем Самгин, возмущенный ее тоном, успел сказать *б. Как в тексте, со следующими вариантами:*

Стр. 233.

31 Сердито глядя / Сердито взглянув ◊

41 и что за это... [Это не его дело!..]

Стр. 234.

1 она [быстро] ушла

4 [мысленно] ругался он

6–8 войдя в столовую ∾ бьет кулаком / *а.* давно уже эта девица; [стоя против] стоя в своей комнате против Кутузова, поч-

ти касаясь его бугром своей груди, тоже била кулаком *б. Как в тексте, до слов:* против Кутузова — *Далее:* почти касаясь его грудью, бьет кулаком

10 Я — ба-ба! [Понимаете?] Ба-ба!

11 [Клим наблюдал эту сцену из [друг⟨ой⟩] столовой и] Вначале ее [воск⟨лицания⟩] [негромкие] восклицания показались [ему] Климу

12 удивления [и об⟨иды⟩] или обиды

12–13 спиною к нему / лицом к нему ◊

14–15 [низкими] на низких нотах

18–19 *После:* по мягкой ладони — *зачеркнуто:* Ба-ба! Мне дела нет до ваших затей. Но когда вы сбиваете человека с толку... [Молчите!]

20 *После:* Профессором — *зачеркнуто:* [Сбивать его...] Ярость ее слов [всё] густела, Марина уже говорила рычащими звуками [— Это] [Это]

22–24 Он был ∾ с любопытством. / *а.* Клим видел его лицо в профиль, казалось, что серый глаз студента разглядывает Марину с любопытством *б.* Он был на полголовы над ее плечом и было видно, что серые глаза его разглядывают лицо девушки с любопытством, спокойно ◊.

25 *После:* дымилась папироса — *зачеркнуто:* Он тихонько отодвигался в глубину комнаты

26 всё гуще, [девуш⟨ка⟩] заметней

28–29 юбку [за⟨жег⟩] прожег,— [ска⟨зал⟩] воскликнул Кутузов

л. 85

30–31 багровым лицом / багровым лицом ($ЧА_{2б}$)[1]; красным лицом◊ (*БА*)

31 у нее сейчас / у нее [вот сейчас] сейчас, [минуту] [в] в комнате Дмитрия ($ЧА_{2б}$); у нее сейчас [в комнате Дмитрия] (*БА*)

32 не интересовала Клима / не интересовала его ($ЧА_{2б}$)

32–36 но после этой сцены ∾ интересам и целям / но он видел, что Дмитрий, [подчи⟨няясь⟩] всё более подчиняясь влиянию Кутузова, играет при нем почти унизительную роль служащего его интересам ($ЧА_{2б}$)

34 Он [быс⟨тро⟩] скоро убедился

36–39 Однажды Клим ∾ засмеялся / Однажды он заметил это Дмитрию, но тот, изумленно выкатив [глаза овцы] овечьи глаза, засмеялся [и воскликнул сквозь смех] ($ЧА_{2б}$); Однажды Клим [заметп⟨л⟩] сказал это [брату очень] Дмитрию братолюбиво и серьезно, как [только мог] [сумел] умел — *Далее, как в тексте* (*БА*)

---

[1] Начало отрывка $ЧА_{2б}$ (ХПГ-21-1-20).

Стр. 234—235.

41–2 *Текста:* А затем ∾ чудак! — *в ЧА*$_{26}$ *нет.*

Стр. 235.

3–4 изумление, смех и жест — глупыми / изумление и смех глупыми (*ЧА*$_{26}$)

4 Он два раза видел на столе брата / На столе брата Клим видел (*ЧА*$_{26}$); Он раза два [три] видел на столе брата (*БА*)

7–8 местами в черных пятнах / местами [замазан пятнами] в пятнах (*ЧА*$_{26}$)

9 возится с рабочими / возится с рабочими. [Это] (*ЧА*$_{26}$); возится с рабочими [ка⟨жется?⟩] [это входит в моду] (*БА*)

9–11 И, если его арестуют ∾ под одной крышей...» / И, если [он] его [арестовали ночью, это... естественно...» Но думать о брате мешало нечто другое, более важное.] арестуют, [это] будет естественно. [Но [мо⟨жет⟩] это может задеть и] Это может задеть и меня,— мы живем под одной крышей...» (*ЧА*$_{26}$)

Стр. 235—236.

12–7 *Текста:* Взволнованный ∾ сказать эти слова.— *в ЧА*$_{26}$ *нет.*

Стр. 235.

13 *После*: справа налево — *зачеркнуто:* [Уныло думалось, что о Кутузове нельзя сказать: безличен. Нет,] думая о брате и Кутузове.

14–15 сын мельника / [сы⟨н⟩] этот сын мельника

18–19 что позволило бы ∾ он кажется / *а.* что позволило бы заподозрить Кутузова в том, что он не таков, каким [кажется] видишь его. В нем [была] была приятная Климу ограниченность. *б.* что позволило бы [заподозрить Кутузова в том, [что человек этот] что этот человек не таков, каким он кажется.] думать: этот человек не таков, каким он кажется. [В нем Клим видел приятную ограниченность.]

21 всё [в нем] было слажено прочно

22 как необходимы машине / как машине ◊

22 *После:* ее части. — *зачеркнуто*: Клим еще раз должен был признать, что Кутузов обладает силою, невольно влекущей к нему.

22–24 Клим даже вспомнил [странно, очень [ново звучащую строчку стихов] по-новому прозвучавшую недавно строчку стихов] строчку стихов [из книги «Символы», [напи⟨санной⟩] написанной весьма известным поэтом, но⟨?⟩] молодого ∾ поэта

26 Но [прямолинейная] проповедь

37 его класс ∾ быстро сползает / его класс [сы⟨грал⟩] давно сыграл свою роль и, если еще [держится на] живет, так это — инерция, да и то, пожалуй, кажущаяся, а на самом деле [аристократия] дворянство быстро сползает ◊

40 [о] дворянском банке, о [разорении деревни] росте промышленности [искусственном и непрочном]

Стр. 236.

1–2 чувствовал, [что у него нет достаточно твердой точки опоры] что Кутузов слишком легко расшатывает его уверенность в себе

8 Он вдруг остановился / Клим [вдруг] остановился (*ЧА*$_{2б}$)

9–12 прислушиваясь ∾ оружием самозащиты / прислушиваясь, [как в голове его слагается, ищет формы некая [еще не] туманная мысль. Она оформилась быстро, в несколько секунд; Клим Самгин уложил ее в [простые слова] простых словах: всё то жуткое, что говорила Нехаева, может послужить ему [хорошим средством] как хорошее оружие самозащиты.] [к себе] [как] как в голове его ищет формы некая утешительная догадка: всё, что говорит Нехаева, может служить [хо⟨рошим⟩] [очень] [хорошим] для него хорошим оружием [лич⟨ной⟩] самозащиты (*ЧА*$_{2б}$)

12 Всё это очень / [Всё это] [Это] [Это] очень [1] (*ЧА*$_{2б}$)

12–13 противостоит ∾ вопросы ничтожны / противостоит [всему] тому, что проповедует Кутузов, чем увлекается брат Дмитрий и над чем сочувственно посмеивается иронический щеголь Туробоев. Борьба классов, социализм, будущность России [все это], в сущности своей, ничтожно (*ЧА*$_{2б}$)

15–18 мое равнодушие ∾ понимал это...» / отсутствие у меня интереса ко всей «кутузовщине»,— решил он. И [снова, уже взволнованно] снова, но уже взволнованно шагая по комнате, он с изумлением любовался, как легко и [плотно сложились в не⟨м⟩] плотно уложились в нем новые мысли. Как бы извиняясь пред [самим] собою, он [подумал] [сказал] сказал себе: «Я [давно знал это] давно думал так, [и нового для меня ничего нет] но сегодня мне удалось [сделать не совсем ясное] [сделать] [2] из не совсем ясного совершенно ясное...» (*ЧА*$_{2б}$)

17 я сам и давно / я сам давно ◊

19–22 Он перешел ∾ у подъезда дома / Клим перешел в свою комнату, [но] в ней [прот⟨ивно⟩] стоял противный запах мастики полотеров. Выпив в столовой стакан остывшего чая, он пошел гулять и незаметно для себя очутился [пред] на лестнице в меблированные комнаты (*ЧА*$_{2б}$); *Как в тексте, до слов:* как легко — *Далее*: [и твердо сла⟨гаются⟩] растут [твердо слагаются] новые мысли — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

---

[1] Незавершенная правка.

[2] Слово ошибочно зачеркнуто.

23 Беседы ∾ полезны / Беседы с нею полезны для меня (*ЧА*$_{2б}$)

23–24 как бы извиняясь / [оправдываясь] как бы оправдываясь (*ЧА*$_{2б}$)

25–26 Девушка встретила ∾ в угол / *а*. Девушка встретила его ласково и радостно, она так же неумело и суетливо начала готовить чай *б*. Она встретила его радостно. Так же ∾ готовить чай (*ЧА*$_{2а}$); Девушка встретила его с радостью (*ЧА*$_{2б}$)[1]

26 суетливо [как вчера] она бегала [по] из угла в угол

26–28 рассказывая жалобно ∾ кого-то арестовали / покашливая, рассказала, что не могла ни минуты уснуть, ночью приходила полиция [чтоб] арестовать какого-то вора (*ЧА*$_{2а}$)

39–31 *Текста:* Жандармы? ∾ Арестован вор... — *в ЧА*$_{2а}$ *нет.*

31 Нет, [просто] полиция.

33 имеет свое мнение, но не хочет / имея свое мнение, не хочет

34 навязывать его [другому] собеседнику (*ЧА*$_{2а}$)

34 Но он все-таки / Он все-таки (*ЧА*$_{2а}$)

35 аллегория «Слепых» / аллегория пьесы (*ЧА*$_{2а}$)

37 Ему было / И ему было (*ЧА*$_{2а}$)

37–38 согласилась с ним.— Да,— сказала она / согласилась [с ⟨ним⟩].— Да (*ЧА*$_{2а}$)

Стр. 236—237.

38–2 В нем много ∾ щедростью поклонников. / Мне кажется, что в нем много неискреннего и взятого от разума же. Зачем притворяться мужиком, сектантом и писать книжки, которые невозможно читать? Мне более понятен князь Кропоткин, отрицающий всякую власть над человеком. (*ЧА*$_{2а}$); *а*. В нем много взятого от разума же, из мутного источника. Метерлинк не притворяется мужиком, сектантом, не пишет брошюр, которые невозможно читать. Его анархизм? Мне более понятен анархизм князя Кропоткина. *б*. В нем много ∾ источника. И мне кажется, что ему [незнакомо, даже органически враждебно] органически враждебно чувство [свободы] [свободы, не] [понятие свободы] внутренней свободы. Анархизм Толстого — [это] легенда [И, наконец], анархизм — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

Стр. 237.

3–4 бедность [почему-то] особенно колола (*ЧА*$_{2а}$)

4–5 неуловимого цвета / цвета олова (*ЧА*$_{2а}$)

5 отягчило движения / и, должно быть, отягчало движения ее тела (*ЧА*$_{2а}$); [и] отягчило движения [ее хрупкого т⟨ела⟩] (*БА*)

---

[1] Конец отрывка *ЧА*$_{2б}$ (ХПГ-21-1-20).

6 медленнее, казались вынужденными / более [угловатыми медленны и, казалось, вынужденными (*ЧА*$_{2a}$)

6–8 Волосы ∾ голову ее. / Волосы, очевидно, вымытые днем, распушились, увеличили ее голову, [тяжелая] и эта тяжелая голова согнула узкую спину. (*ЧА*$_{2a}$); Волосы, вымытые недавно [и еще не просохшие], она небрежно собрала [в узел] узлом, это [увеличило] некрасиво увеличило голову ее. (*БА*)

8–9 Клим и сегодня ∾ к этой девушке / Когда она торопливо рассказывала о ночном скандале, ее голос, обиженно вздрагивая и прерываясь, заставил Клима [почувствовать жалость] испытать легонький укол жалости к девушке (*ЧА*$_{2a}$); [Когда она [то⟨ропливо⟩] торопливо рассказывала о ночном [скан⟨дале⟩] скандале, ее голос обиженно в⟨здрагивал?⟩] Клим и сегодня — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

11 устроить для себя / устроить (*ЧА*$_{2a}$)

13–21 Говорила она ∾ на эту тему. / *а.* Жалость была чувством, плохо знакомым Климу Самгину [но все⟨-таки⟩]; она [вызва⟨ла⟩] [вызывала] вызвала в нем [желание] только желание говорить с Нехаевой не о Роденбахе и Метерлинке, а о [самых] каких-то самых простых вещах: о студентах, профессорах, газетах...

Но [осторожно⟨сть⟩] боязнь не попасть в тон, сконфузить себя неостроумным словом и недостаток гибкости ума мешали Климу, а Нехаева так много сама говорила, что он опаздывал возражать ей. К тому же она не спрашивала его ни о чем, [а] но утверждала.

— Две неразрешимые тайны — любовь и смерть, вот что должно служить главной темой истинного искусства. У нас, в России, этого не понимают.

Это было не ново для Клима и не волновало его, когда он читал модные книги на темы смерти и любви. Но теперь, когда [о любви и смерти] мысли о любви и смерти облекались словами из уст маленькой и почти уродливой девушки, Клим Самгин вдруг почувствовал их беспощадность. Лирика и пафос Нехаевой постепенно заражали его. Она говорила, наклонясь к нему, глядя в лицо его расширенными глазами, а [на] щеки ее горели густым румянцем. [Она заражала Клима, внушая ему [внешностью своей] своей внешностью] Своей внешностью колдуньи она внушала Климу [ощущение жут⟨кого⟩] тягостное чувство [почти испуга].

— Подумайте,— слышал он,— какая-то таинственная сила бросает человека в мир беззащитным, без разума и речи, затем, в юности, отрывает душу его от тела и делает ее [бес-

помощной] бессильной зрительницей мучительных страстей ее тела. А истерзав [[и душу, и] тело] [дер⟨жит⟩], долго держит человека в позоре старости, всё еще не угашая его [страстей] желания любить, не лишая памяти [о счастье и горе] о пережитом горе, [не лишая зависти к счастью] мучая завистью к радостям юной любви. Наконец, [измучив] как бы отмстив человеку за то, что он осмелился жить, эта безжалостная сила умерщвляет его. Какой же смысл в этом? И где душа? [Где та странна⟨я⟩] Куда исчезает та странная сущность, которую мы называем душою?

Глаза Нехаевой, полушёпот ее бессильного голоса и дрожащая, протянутая Климу рука с тоненькими косточками пальцев всё тягостнее подавляли его. Он снова ждал, что это странное [существо], почти бесплотное существо закричит [безумным голосом докторши] отчаянным голосом безумной докторши Сомовой, и снова подумал: «Как [стран⟨но⟩] непонятно, что это маленькое тело с плоской грудью может вмещать столь большие мысли и столько гневного пафоса». [Сопо⟨ставление?⟩] Он уже не мог думать о сходстве Нехаевой с безличными людями и мысленно [назвал] с негодованием назвал Туробоева: «Тупой человек».

Сквозь изумление пред Нехаевой он ощущал, что [жалость] снова возникшая жалость к ней самовольно обращается на него, уже не ее жалеет он, а себя, и это было так остро́, что он [опустив] опустил голову, взял со стола рюмку и, сжимая тонкую ножку ее между пальцами, сказал [глух⟨о⟩]:

— Тяжело жить с таким⟨и⟩ мыслями... вам!

— Но ведь и вам? И вам?

Клим сломал ножку рюмки, девушка вскочила, бросилась к нему:

— Порезались.

— Немножко,— виновато сказал он, завертывая палец платком.

Гладя кисть руки его горячей ладонью, Нехаева [сказала] [1] благодарно:

— Как вы чувствуете!

Она заглядывала в глаза его, спрашивая:

— Больно?

[О⟨н⟩] Клим не сразу сумел успокоить ее, она бегала по комнате, разрывая носовой платок, залила порез чем-то жгу-

---

[1] Слово ошибочно зачеркнуто.

чим, [об⟨вязала?⟩] крепко завязала палец и, стоя вплоть к нему, [говорила] рассказала торопливо:

— В детстве я упала плечом на донце разбитой бутылки и разрезала плечо так, что шрам и теперь видно. Очень глубокий.[1]

И подняла руку к шее, как бы намереваясь расстегнуть платье на груди.

— Да? — спросил Самгин, несколько опьяненный всем, что было испытано в этот вечер, и стал прощаться с нею; пожимая [его] руку его обеими руками, она просила:

— Приходите скорей! Завтра, а? Ведь [через полторы недели] скоро я исчезну!

На улице было угрюмо и морозно. [Мороз] Холод и чувство самосохранения, отлично развитое у Клима, скоро подсказали ему, что хотя Нехаеву и жалко, но ее настроение — заразительно [и опасно]. Он понял, что о чем бы [девушка] эта девушка ни говорила,— думает она только о смерти. [Мы⟨сли⟩] Ее [мысли] речи окрашивают жизнь в темные краски. Вот он [ша⟨гает⟩] [идет] шагает по улице, уже достаточно хорошо знакомой ему, но сегодня дома кажутся приземистей, они прижались друг ко другу плотнее, и лед их стекол стал толще. Огромный, каменный город шумит и дышит не так мощно, как всегда. И желтенькие огни фонарей странно обескровлены. Ему легко было убедить себя, что посещать [эту девушку] Нехаеву, слушать ее старческие речи, наблюдать страх ее пред смертью — нет смысла.

«Нет, [она — не для опыта] она просто больной человек. И много ест конфект с ромом, много пьет ликера. А Туробоев все-таки глуп»,— закончил он свои соображения, усаживаясь в сани извозчика.[2] *б.* Жалость была ∾ Самгину, она вызвала в нем только ∾ не о Роденбахе и Метерлинке, а о самом простом, обыденном. Но боязнь ∾ сконфузить себя и недостаток гибкости ума мешали Климу опростить беседу, а Нехаева так много сама говорила ∾ ни о чем, но ∾ этого не понимают, а во Франции даже этот заласканный [до безумия] женщинами до безумия Мопассан...

Вкрадч⟨ивым⟩ гол⟨осом⟩
Она указала путь нам
[Она поста⟨вила⟩]

---

[1] *Текст:* Две неразрешимые тайны *(стр. 651)* ∾ Очень глубокий.— *перечеркнут синим карандашом.*

[2] *Текст:* намереваясь расстегнуть платье ∾ в сани извозчика.— *зачеркнут построчно синим карандашом.*

в. Говорила она всё то же, что и вчера, о смерти, только другими словами, спокойнее и беднее.

«А о любви [говорить] не решается,— [подумал] вдруг подумал Клим.— Неверное, [хотела бы] и хотела бы, но не смеет».

Сам он [тоже] не [мог] хотел заговорить на эту тему, не чувствовал позыва [1]. (*ЧА*$_{2a}$)

13–15 Говорила она ∾ о [смерти, о] тайне жизни и смерти ∾ спокойно [и, прислушиваясь к чему-то, как бы], прислушиваясь к чему-то и как бы ожидая

16–17 *Фраза*: Тихие слова ∾ на лакированную плоскость.— *вписана.*

Стр. 237—240.

л. 86

21–29 *Текста*: Низко опущенный абажур ∾ этого человека! — *в ЧА*$_{2a}$ *нет.*

Стр. 237.

22 [оранжевым] оранжевым туманом

23 кусками материи / кусками материи блеклых тонов

36–37 женился [поздно], когда ему было

38–41 до семи лет ∾ серой бородою / [один — яркий, элегантный, у него доброе, бритое лицо с большими усами и веселые светлые глаза. Он очень хорошо играл на виолончели. Потом он оброс серой бородою] один — это мамин муж, у него доброе, бритое лицо с большими усами и веселые светлые глаза. Он очень хорошо играл на виолончели. Потом он стал только моим отцом, оброс серой бородою ◊

Стр. 238.

1 спрятал [под] [за] дымчатыми очками

3 Я помню ее / Ее я помню ◊

12 это было [стран⟨но⟩] странно

13–14 прищуривала глаза, [шевелились ее неровные] [шевелила] подрисованные брови ее [по] дрожали

14 Облизывая губы / Покусывая губы

25 Вот, Фима, ты / [Вот, ты] Вот, Клавдия, ты

27 дышал в лицо [мне] мое запахом пива [и неприя⟨тно⟩], жесткая борода

35 заставляя меня [решать] разрешать

---

[1] *Варианты б. и в. относятся, по-видимому, уже к периоду работы над БА. Рядом с наметками правки, приведенной после слов*: заласканный ∾ Мопассан — *поставлен синим карандашом номер*: *82. На л. 82 автор перенес ряд эпизодов с л. 85 в процессе работы над БА (см. варианты к л. 82).*

л. 87

40 *После:* решить.— Для того тебе и дана жизнь» ($ЧА_{2б}$)[1]

40–41 Он часто ∾ эти слова. / *а. Фразы нет. б.* О, как часто повторял он эти слова... ($ЧА_{2б}$)

Стр. 239.

1–9 вдруг и неожиданно ∾ или неприятно / *а.* вставил Клим неожиданно для себя и задумался, разглядывая девушку как бы не своими глазами, находя в ней что-то детское, трогательное и напоминавшее ему Лидию Варавка, когда той было лет десять.— Да? — спросила Нехаева.— Отвечал? Но ведь...

Она помолчала несколько секунд и снова зазвучал ее бесцветный голос. *б.* вставил Клим ∾ детское и трогательное. Нет, эта девушка ничем не похожа на Лидию [Варавка], но есть в ней какое-то отдаленное сходство с ним, Климом. Он не мог понять, приятно это ему или неприятно? — Да? — спросила Нехаева.— Отвечал? Но ведь...

Оборвав фразу, она помолчала несколько секунд, и снова зашелестел ее бесцветный голос. ($ЧА_{2б}$)

4–5 несколько секунд, [затем] и снова

7 нет, она ничем / [нет] нет, она ничем

11 будили меня [и я]. Мне казалось ($ЧА_{2б}$)

13 как играл раньше / как играл прежде ($ЧА_{2б}$)

13–14 Темно, тихо ∾ чем тьма. / *а.* Темно, тихо, и в тишине бесконечные полосы звуков. *б.* Темно, а во тьме — *Далее, как в тексте.* ($ЧА_{2б}$)

14–15 Меня не пугал ∾ так скучно / *а.* Они меня не пугали, эти воющие волны, но тишина и тьма [ст〈ановились?〉] становились гуще, это было так скучно *б.* Он меня не пугал, этот вой, но было так скучно ($ЧА_{2б}$)

16 Отец умер ∾ четыре дня. / Отец умер, когда мне было девять лет; умер, прохворав четыре дня. ($ЧА_{2б}$)

17 [цифры, числа] цифры [и], числа! ($ЧА_{2б}$)

17–19 Четыре дня лежал ∾ молчал. / *а.* Лежал синий, задыхаясь, но не теряя сознания, и молчал, глядя в потолок мокрыми щелочками глаз. *б.* Лежал ∾ не теряя сознания и глядя — *Далее, как в тексте.* ($ЧА_{2б}$)

19–20 В день смерти ∾ сказать мне что-то / *а.* За четыре дня он только один раз хотел сказать мне что-то *б.* [За четыре дня он только один раз пытался поговорить со мною] [За время болезни] [Лишь однажды] [Лишь однажды] [В день смерти

---

[1] Начало отрывка $ЧА_{2б}$ (ХПГ-21-1-21).

он единственный раз [пытался] пытался [поговорить со мною] сказать мне что-то] [Он скончался вечером [в] [в семь часов. Так〈?〉], часы били] Когда он захрипел последний раз, [часы] стенные часы били семь. [Утром на] [Утром] [А еще] [А около полудня ему ста〈ло〉] В день смерти он единственный раз — *Далее, как в тексте.* ($ЧА_{2б}$)

21–22 «Вот, Фима ∾ хотел сказать. / *а.* «Вот, Клавдия, ты и... сама...» *б.* «Вот, Клавдия, ты... сама [и...» Это «и» [вышло у него длин〈ным〉] [он] [было его последним] было похоже на рычание в] [Договорить [он не мог, сила у] до конца у него не хва〈тило〉] [У него не хв〈атило〉] Договорить — он не мог — *Далее, как в тексте.* ($ЧА_{2б}$)

21 Фима / Клавдия

23 это, вероятно / но это, вероятно ($ЧА_{2б}$, *БА* ◊)

24–25 Он был страшен ∾ слепой. / Он был очень страшен в гробе: [слепой такой] огромный и такой слепой... ($ЧА_{2б}$)

26–29 Нехаева замолчала ∾ отцы наши... / *а.* [Клим простился с] Замолчав, она прикрыла глаза. Клим тихо встал.— Поздно. [Я ухожу.] — Не открывая глаз, она протянула ему руку.— Приходите. [Скорей,— хорошо?] [И повторила в] Клим ушел в настроении [новом для него, мягком и] лирическом. На душе было немножко грустно, но спокойно и мягко. *б. Как в тексте, до слова:* разглаживая — *Далее:* руками юбку на колене. Рассказ ее настроил Клима лирически, он вздохнул: — Да... отцы наши... [Девушка, глядя под стол] ($ЧА_{2б}$)

28 он вздохнул / он, вздохнув, сказал

30–33 «Отцы ели ∾ не читал пророков. / Хорошо сказал кто-то из пророков: «Отцы ели кислый виноград, а на зубах детей — оскомина»[1] ($ЧА_{2б}$)

34–37 Нехаева медленно ∾ улыбнулась. / *а.* Она сказала это тихо и подняла руки, [ста〈раясь?〉] поправляя волосы, густые и обильные. *б.* [Сказав это, она] [Она [м〈едленно?〉] медленно] Медленно подняв руки, она хотела поправить прическу, [но во〈лосы〉] но ее волосы рассыпались по плечам. *в.* Медленно [2] ∾ прическу, но ее волосы рассыпались по плечам [и Клима], Клим удивился, как много их и как они густы. ($ЧА_{2б}$); Нехаева медленно [и], [как будто нерешительно подняла руки, [хотела поправить пр〈ическу〉] желая] нереши-

---

[1] *Возле этих слов, на полях, написано и зачеркнуто:* Нехаева, приподняв растрепанную голову, усмехнулась

[2] *Рядом, на полях, написано:* Нехаева

тельным жестом подняв руки, стала поправлять небрежную прическу, но волосы [ее] вдруг рассыпались по плечам, и Клима удивило, как много их и как они [обиль⟨ны⟩] пышны. Девушка улыбнулась. (*БА*)

Стр. 239—240.

38–10 Извините ∾ как бы приказывая. / [Извините,— [ска⟨за-ла⟩] сказала девушка. Клим встал: — Мне пора уходить. [Он] — Почему? — Поздно.] — Извините,— сказала девушка, [пытаясь] [безуспешно пытаясь] пытаясь [собрать] сделать прическу. Клим посмотрел на [ее] безуспешность ее усили⟨й⟩ и [встал] поднялся со стула.— [Уже] Мне пора уходить.— Почему? — Уже поздно. [Его [что-то] смущало что-то] [Смущало что-то, мешая говорить.] [Он как] [Ее] [Его] [Он чувствовал, что] [Какое] [Он чувствовал, что [грусть мешает ему говорить] ему мешает оста⟨ться?⟩] [Клим] [Его вдруг] [Он] [Он почувствовал некое смутное беспокойство] [Его подняло на ноги [смутное] чувство неясной] Он чувствовал, что его понуждает [пр⟨оститься?⟩] уйти [смутная тревога, какой] смутное сознание [опасности сказать или сделать нечто н⟨..?⟩] какой-то неловкости или опасности. [Говорить не хотелось, [да] [слов не было] [значительных слов не было] да и трудно] Память не подсказывала ему никаких знач⟨ительных⟩ слов, а [о простом, обыденном говорить с Нехаевой [бы⟨ло⟩] [не] не] простые, обыденные слова не доходили до Нехаевой. [Провож⟨ая?⟩] (*ЧА*$_{2б}$)

Стр. 239.

39 [Клим] Клим поклонился, [молча] наблюдая

39–40 как безуспешно пытается она / как [она] безуспешно пытается [она] она

Стр. 240.

8 на щеки / на спину ◊

11–29 *Текста*: Было около полуночи ∾ этого человека! — *в ЧА*$_{2б}$ *нет.*

12–13 сам Дмитрий, [так] должно быть

21–22 действительно способной / способной ◊

24 Марина [сп⟨росила?⟩] проворчала

27 поморщился [и], с досадой ушел

29 этого человека / этого деревянного человека

Стр. 240—241.

30–19 Через два дня ∾ вместе со стулом / Но на другой же день его неодолимо потянуло к Нехаевой, и он чувствовал, что это тяготение вызывается не [пр⟨осто?⟩] только любопытством, а каким-то иным, более сильным чувством.

— Невежливо, неловко не пойти,— сказал он себе и с этого дня стал посещать ее каждый вечер.

Однако он сообразил, что все же необходимо [найти] иметь оправдание этим визитам, сообразил потому, что оправдание, незаметно для него, уже сложилось само собою. Оно было просто: Клим Самгин нашел [1], что большие, жуткие мысли Нехаевой хорошо [и неоспоримо] противостоят всему, что он про себя называл «кутузовщиной», что волновало [Дмитрия] брата, над чем сочувственно посмеивался иронический человек Туробоев. Борьба классов, задачи социалистов, будущность России — все это было ничтожно рядом с трагедией индивидуального бытия человека и очень удобно объясняло Климу отсутствие в нем интереса ко всей «кутузовщине». Он [очень] обрадовался, открыв несомненную для него пользу в беседах с Нехаевой, но, кроме этого [2], в нем [смутно и] медленно [нарастало] нарастал и другой интерес к ней, ибо он всё чаще, хотя и смутно, чувствовал в ее поведении нечто задорное и вызывающее.

Это стало ясно за [два дня] три [дн‹я›] дня до ее отъезда. Клим выпил [немного] вина немного больше, чем всегда разрешал себе, [и держался развязно] держался развязно и [говорил] говорил, постукивая чайной ложкой по краю стола:

— Жизнь дана мне не для того, чтоб я решал, кто прав: народники или марксисты. [3]

Ложка выскользнула из руки его, [он] наклонясь, чтоб поднять ее, Клим покачнулся вместе со стулом (*$ЧА_{2а}$*)[4]

Стр. *240.*

30 Через два дня ∾ сидел у нее. / На другой день вечером он тоже сидел у нее. (*$ЧА_{2б}$*)[5]; [Вечером] [На другой день] Через два дня — *Далее, как* в *тексте* (*БА*)

---

[1] *Возле, на полях, написано:* Клим вдруг остановился, прислушиваясь, [как [раст‹ет›] разгорается] [к [неожиданно вспыхнувшей в нем ра‹достной?›] мысли] [к себе] как разгорается в нем новая мысль. *По-видимому, эта фраза была написана в момент работы над БА.*

[2] *Текст*: Невежливо, неловко ∾ кроме этого — *перечеркнут синим карандашом.*

[3] *Фраза*: Жизнь дана ∾ марксисты.— *зачеркнута волнистой чертой синим карандашом.*

[4] *Текст*: Но на другой же день ∾ вместе со стулом — *в $ЧА_{2а}$ следовал после слов*: усаживаясь в сани извозчика (*наст. том, стр. 653*); *конец отрывка $ЧА_{2а}$* (ХПГ-21-1-19).

[5] Конец отрывка *$ЧА_{2б}$* (ХПГ-21-1-21).

33 *После:* ей холодно.— *зачеркнуто*: Клим предложил возвратиться [едемте]

37–41 Дома она обнаружила ∽ говорила / *а.* Дома она [тоже] обнаруживала и в словах, и [в] во всем, что делала, [торо⟨пливость⟩] решительность, торопливость [и ка⟨кое-то⟩], раздражение на кого-то. *б.* Дома она обнаружила и в словах, и во всем, что делалось ею, нервную торопливость и раздражение [Бегая по комнате, она, точно], сгибала шею, [т⟨очно?⟩] как [ка⟨кая-то⟩] птица, когда она — *Далее, как в тексте.*

Стр. 241.

2 [одеваются] одевают на себя

3 [и], маски счастливцев

4 [Когда] Клим насмешливо

4 пересказал ей [слова] изречение

5 вздернув плечи, [отве⟨тила⟩] заметила

7–9 Едва ли люди ∽ огонь электричества. / *а.* Едва ли [он ста⟨нет⟩] он и подобные ему будут лучше оттого, что в Петербурге введут электрическое освещение. *б. Как в тексте, до слов*: что везде — *Далее*: [засверкают] вспыхнет — *Далее, как в тексте.*

10 Клим ∽ чем всегда / Клим [выпил], выпив вина немного больше, [разрешал себе] чем всегда

12–13 сложна, [но] но [кутузовщина т⟨олько?⟩] Кутузов

14 Он играл [бронзовым] ножом

15–16 с позолоченной головою [сат⟨ира⟩] бородатого сатира [в] на месте ручки

л. [85]88

18–20 вместе со стулом [сле⟨гка?⟩] [припал] [припал на колено] [Он плохо] и, пытаясь удержаться, схватил [за руку [тоже] Нехаеву] руку Нехаевой, [она] девушка вырвала руку

21–22 всё [последовавшее] дальнейшее

23 сухой [и жгучий], быстрый поцелуй

23–24 и [жадный] торопливый шёпот

26–28 испытывая удивления ∽ приглушенно рыдала / лежа на постели рядом с ним, Нехаева приглушенно рыдала ◊

33 стесняло [ощущение] сознание вины

33–34 пред этим [тел⟨ом⟩] странно горячим телом

34–35 на боку [и], маленькие

40 [Клим] Он молчал, [крепко] гладя ее голову

41 серебряных [птиц] [аистов] птиц

Стр. 242.

4 Он только [жалел] пожалел ее.

5–6 ощущал [физическую] гордость собою

12 И я [умею] умею любить

13–14 Ты [умеешь, удивительно] удивительная.

16–17 Она не слушала [его [увещаний, она шептала]]; задыхаясь и кашляя, [глядя] наклонясь над его лицом

18–19 *После*: она шептала — *зачеркнуто*: — До тебя я не знала му⟨жчин⟩

21–23 Ее слезы ∾ пугало его. / *а.* Ее [неуместные слова] слова уже казались Климу неуместными, даже немножко смешными. *б.* Ее слезы казались неуместными: о чем же плакать? Ведь он ее не обидел, не отказался любить. [Чувство] [Эти слезы и чувство] [Вызывавшее эти слезы] Непонятное Климу чувство [пугало его], вызывавшее эти слезы, пугало его.

24 Он целовал [ее] Нехаеву [чтоб] в губы, чтоб

31–33 *Текст:* И слова ее ∾ Так ли?» — *вписан.*

34–35 о вечернем солнце / о солнце ◊

38–39 в жертву [тайне] страшной тайне

40 и крепко закрыл / и закрыл ◊

Стр. 242—243.

41–4 Потом она ∾ встал, оделся. / *а. Текста нет.* *б.* [Скоро она] Потом она [как-то] вдруг — *Далее, как в тексте.*

Стр. 243.

5 Он вышел от нее [очень поздно, но еще лун⟨а⟩] очень поздно [но еще светила]. Светила луна

л. [86]89

6–7 обнажает как [лишнее] ненужное. [Очень холодно.] Стеклянно хрустел

8 Огромные [угрюмые] дома

9–10 у ворот ∾ дворников / черные туши дежурных дворников сидели у ворот ◊

10 в [синей] пустоте неба

11 Всё [было] ясно.

12–13 Утомленный физически ∾ холод ночи / Клим был очень утомлен физически, шел медленно [но] и чувствовал, что [холод] светлый холод ночи ◊

13–14 из него [все] неясные мысли

18–20 Потер озябшие руки ∾ играла для того / [Он потер] Потер озябшие руки [и поднял воротник пальто], поднял воротник пальто и облегченно вздохнул. Для него стало совершенно ясно, что Нехаева играла роль человека, [зараженного, [которого] филосо⟨фия⟩] зараженного пессимизмом [мучимого] лишь для того ◊

22 Так поступают [и] самки

22–26 Клим Самгин ∾ точку опоры? / *а.* Варавка — прав: ра-

зумно живут лишь те люди, которые, умея наблюдать, умеют и делать выводы из египетской тьмы разнообразных фактов. *б. Как в тексте, со следующими вариантами:* [1]

22–23 [Но] Клим Самгин чувствовал

26 точку опоры [твердо оста⟨новиться⟩]

27 в кармане его / в кармане у него

31–32 Варавка намерен издавать газету и пройти / Варавка намерен [поставить свою кан⟨дидатуру⟩] пройти ◊

36–37 но думалось ∾ благожелательно / но не нашел ничего, что можно было бы подумать о ней благожелательно ◊

37–38 В том, что [сде⟨лала?⟩] она сделала

41 кожу [на щиколотке] щиколотки

Стр. 244.

1–2 [Уже [светало, небо] начинался] Начинался рассвет

2–3 [ста⟨ло?⟩] стало еще [бол⟨ее⟩] [холодней] холоднее

3 Клим Самгин [недо⟨вольно⟩] поморщился: неудобно [бы⟨ло⟩] [бы⟨ло⟩] возвращаться

4 конечно, [скажет Марине] расскажет

6 Он проснулся / Проспав до полудня, он проснулся

7 укрепил [его] подозрение [в том, что] в том, что

12–13 возможно, [чем-либо] чем-нибудь ∾ в глазах [Премировых] брата

15 ничего не имел против того / ничего не имеет против [то⟨го⟩] того

16 об этом знала / об этом [узнала] знала

17–18 вспоминал [ла⟨ски⟩] голодные

18 ему [казалось] показалось

19 что-то [отталкивающее] болезненное

20–21 точно хотела [спрятаться] исчезнуть в нем. [Исчезнуть,— слово, которое она произносила чаще других]

21–22 Но было в ней ∾ она будила / Но [по⟨том?⟩] он вспомнил, что было в ней и нечто детски нежное [и], что минутами будило ◊

23 решил он / *а.* решил он *б.* иначе бу́дет невежливо», — решил он ◊

23 вечером [снова сиде⟨л⟩] пошел

28–29 кивала ∾ точно вазочка / кланялась ей [и], а затем так осторожно касалась ее, как будто вазочка ◊

30 хрупкие, [как] как цыплята

31 зашипела на него [точно] [как] [как прорванный резиновый мяч]

---

[1] *Первоначально текст:* Клим Самгин ∾ точку опоры? — *не заменял фразу, приведенную как вариант а., а следовал за ней.*

36 слабый голос / слабый возглас
37 Это вы? / [Это... вы?] Это ты... вы? ◊
38–39 за ширму [развязно], озабоченный
41 у него похолодели / похолодели ◊

Стр. 245.

1 так гладко / так [ровно] гладко, без складок
2 лежит на подушке [темным пятном]
3 блестят [кош⟨ачьи?⟩] глаза [кошки]
6–7 У меня [утром] тридцать восемь и шесть,— слышал он [извиняющ⟨ийся⟩] тихий и виноватый голос.
15–16 и освещенное улыбкой радости / освещенное улыбкой ◊
17–18 горящие глаза [ее] вызывали у него [грусть] и гордость и грусть. За ширмой [плавало] шелестело и плавало
19 пятно [лампы] огня лампы
20 изменялось, вспыхивая и угасая / темнело и светлело, как бы [то в⟨спыхивая?⟩] вспыхивая и угасая ◊
24–25 [Счастливо улыбаясь] Улыбаясь
25 [утомленно и] жадно глотая воздух
26 шептала [очень простые] эти необычные слова
26–27 Клим, [уже] не сомневаясь
28 что [вызвал] [может вызвать] вызвал
29 так по-детски [жалка, беззащитна] жалка [и беззащитна], что и ему
29–30 ему [хотелось] захотелось
30 говорить искренно [нежно]
30 В словах ее [глупеньких и неожиданных] он чувствовал
31 что [они] они опьяняли и его

л. [87]90

34 *После*: как ласку.— *зачеркнуто*: Соблазнительная [мысль] эта мысль еще более опьянила его, заставив вспомнить вчерашние ласки.
36–37 ты меня [немножко любишь?] [любишь?] немножко любишь?
38 отвечал ∾ он не лжет / отвечал он, веря, что не лжет
41 он [дум⟨ал⟩] невольно подумал

Стр. 246.

4–5 это [полезно] важно для него
6 девушка полезна для него / [эта] больная девушка [нужна ему] полезна для него
7 разнообразных, [противоречивых и] незнакомых
8 становится [всё] интересней
13 знаний [так] бессмысленно
15–16 это — редко. [О, я не выношу] Не выношу
19 о чем бы [они] ни кричали

20 только о [своих я] [себе] своих *я*

21 Потому что оно бесцветно / И оно бесцветно ◊

22 *Слов*: подхватила она его слова — *в БА нет.*

25–26 хвалебно пишут, [даже прославленные люди] становились маленькими

27–29 таинственным [и огромным], что она чувствовала. [Таи⟨нственное⟩] Это [таинственное] [ее таинственное] таинственное не [волновало] очень волновало [Клима] Самгина, но ему было приятно [слышать, как она] [чувствовать] [видеть], что девушка

30 *После*: равенства с ними.— *зачеркнуто*: К его сознанию нужды в ней присоединялось чувство, близкое благодарности, и, перед тем как уйти, Самгин уговорил ее отложить отъезд за границу до поры, пока [она] не понизится температура.

31 ходить к ней каждый вечер [насыщаясь] и, насыщаясь

32–33 конечно, был замечен / был, конечно, замечен

35–36 стала говорить [более] еще более дружелюбно

37 Дмитрий почему-то стал мрачнее / Он стал мрачнее ◊

38 обиженно мигая [глаза⟨ми⟩]. [К бородатому Кутузову]

39 Клим [уже] ощущал

Стр. 247

1–2 гениальность Мусоргского [Глинки]

9 и так же / всё так же ◊

11 задорно крикнуть им что-то насмешливое / сказать этому красавцу что-нибудь задорное и насмешливое ◊

12 встала на ноги, [но] красные пятна

14 *После*: невыносимый блеск.— *зачеркнуто*: Но, как и раньше, она

16 С ума ты сходишь! / [Пришла?] С ума ты сходишь, Клавдия!

20 докторально убеждавший / убеждавший ◊

22 Стремление ученого [к анализу явлений] анализировать

23 [или] равноценно игре ребенка

29–30 или [пустота] [непознаваемая пустота] непознаваемое

32–33 собиралась [уходить] домой, [а] Клим

41 тихонько зарыдала [прячась за плечо Самгина].

Стр. 248.

1 А после [службы], идя с ним по улице

3 рвал и разбрасывал / разбрасывал ◊

3 жидковатый звон / звон ◊

8–12 Вырываясь ∾ светлых материй. / *а. Фразы нет. б.* [Из каменных объятий собора во все стороны] Вырываясь из каменных объятий собора, бежали во все стороны [черненькие] темненькие люди; при огнях не очень пышной иллюминации

они казались темнее, чем всегда; только из-под [верхнего плат‹ья›] верхних одежд женщин выглядывали [волнуясь] полосы светлых материй.

13 слушая ее / [слушая ее] слушая

15–16 [каменной] рекою, [сжа‹той›] сдавленной гранитом, и [бесконечной канавой] бесконечн‹ым› каналом

18–20 камнями [катились] двигались по проспекту люди, [Нехаева говорила] катились кареты, [блестя] запряженные [*1 нрзб*] машиноподобными лошадями.

20–21 Медный звон ∾ в деревянной провинции. / *а. Фразы нет. б.* [И медный] Медный звон — *Далее, как в тексте.*

22 Нехаева, [пока] повиснув на руке

23–24 заставив [Кли‹ма›] спутника своего

28 Молчи [тебе]. Закрой рот

л. [88]91

31 это всё / всё это

33 Это очень [верно] умно.

36 слушал молча, [он чувствовал] чувствуя

37 *Слова*: вызвать его на спор — *вписаны.*

38 и с трудом / Он с трудом ◊

38–39 скрывал от [нее] Нехаевой

39–40 ласки ее [всё более теряя силу] стали привычны

40–41 слова повторялись [и]. И всё чаще смущали [его] ее странные припадки

Стр. 249.

3 Сухой кашель [ее] Нехаевой

5–8 Столовая Премировых [была] ярко освещена, на столе, [празднично] украшенном ∾ бутылок, [синие круги фаянса тарелок] [на синих кругах фаянса тарелок сверкали отражения огня лампы] [и сте‹кло›] [сталь и серебро ножей] [бокалов, рюмок; блестели сталь и серебро ножей, на синих кругах фаянса тарелок сверкали отражения огня лампы] рюмок и бокалов ∾ на [синем фа‹янсовом›] синих широких краях

8 приятно отражается / приятно отражался

10 поперек его [лежал], на блюде

11 и [хрена] тертого хрена

12–13 [его] с трех сторон его окружали [вкус‹ный?›] золотисто поджаренный гусь

14 [Прошу] П'гошу к столу!

16 она села / села ◊

19–21 с буфами на плечах ∾ приколоты / с длинной золотой цепью на шее, против сердца ее были приколоты ◊

23 Самгин, [почему-то] одетый

25 оказался далеко от Клима / *а.* сел [на] среди малознакомых Климу людей *б.* оказался [на друг⟨ом⟩] далеко от Клима

26–29 Кутузов ∾ тотчас же сказал / *а.* Кутузов в длинном сюртуке [поместился] — между Мариной и Спивак. Он тотчас же сказал *б. Как в тексте, до слов:* он сидел—*Далее:* [су⟨туло⟩] подняв сутуло — *Далее, как в тексте.*

35–37 *Текст:* Марина ∾ Очень грубо.— *вписан.*

36 и, [серди⟨то⟩] покраснев, ответила

40 Кутузов, ухмыляясь / Кутузов, нахмурясь ◊

Стр. 249—250.

41–4 Она была в светло-голубом ∾ блеск спокойных глаз. / *а.* Она была [одета] в светло-голубом, ее голова гордо возвышалась между пышными буффами на плечах, на тонком лице ее озабоченно и неласково светились спокойные глаза. *б.* Она была в светло-голубом [платье], без глупых пузырей на плечах, и это гладкое, лишенное украшений платье, [придавало] [гладкая] гладко причесанные — *Далее, как в тексте.*

Стр. 250.

8–9 морщила нос ∾ и осторожно / *а.* гладко причесанная, осторожно *б.* [брезгливо] морщила нос, глядя на обилие пищи, осторожно

12 должна быть цветистее, [заметней] [До романа с ним она держалась задорно и вызывающе, а теперь — молчит, кажется измятой, незаметной.] [а эта кажется измятой, незаметной] [Нехаева] заметней

12–13 еще более брезгливо / [как будто б⟨резгливее?⟩] еще более брезгливо

16–17 бессвязных [быстрых] бесед, которые Клим [знал и не любил, потому что терялся в [них] хаотической игре слов] с детства знал

18 [Спивак] молчаливая Спивак

19–20 послушав ее [минуты две, три] минуту, две

23–24 нелепы эти [идиотические] нагромождения камня, [эти] ущелья

27–36 а старушка Премирова ∾ молча исчезла. / *а.* Тогда он добавил: — Конечно, и в пейзаже Кавказа есть [од⟨но⟩] одно достоинство: все мысли становятся там лишними... *б.* Тогда ∾ есть одно достоинство ∾ лишними [Неожиданно и неуместно старушка Премирова сказала], а старушка Премирова, вздохнув, сказала: — На Кавказе отца моего убили... — [Но] [Ник⟨то⟩] Ей тоже никто не ответил; тогда она быстро добавила: — На Лермонтова был похож.— Но и эти

слова не были услышаны. [Тогда] Ко всему притерпевшаяся — *Далее, как в тексте. в. Как в тексте.*

37–39 Клим ∾ удивлялся. / *а.* Клим давно понял, что Туробоев влюблен в Спивак и даже не без успеха. [Но с не⟨го?⟩] Он понял и три удара в потолок комнаты брата. *б.* Клим [давно видел], зная — *Далее, как в тексте.*

39–41 В отношении Туробоева ∾ раздражительное. / Но недавно в его отношении к этой женщине явилось что-то насмешливое и даже злобное. ◊

41 Туробоев [непрерывно [противоречил ей], даже грубовато, противоречил ей] высмеивал ее суждения

Стр. 251.

3–4 «Очевидно, поссорились» ∾ приятно ему. / *а.* Это [немножко] радовало Самгина. *б.* «Очевидно, поссорились»,— соображал Самгин [и это] и чувствовал, что это приятно ему.

5 немножко шумело / весело шумело ◊

6 он шагал / он ходил ◊

7–8 находил почти во всех [нечто] забавное

9 *После*: говорит ему — *зачеркнуто:* закинув руки свои за шею и поправляя прическу

11 *После*: и скорее славу.— [И *1 нрзб* по]

12–15 *Текст*: Но если я ∾ сказала Марина.— *вписан.*

16 объясняет [незнакомому] высокому человеку

21 похож на [царя] [хитрого] царя

21–22 историю написал он / *а.* и [пишет] написал историю *б.* историю [он] написал он

23 Его [заглушил] слова заглушил сердитый [бас] голос

24–25 давно замечено / [давно] замечено

29 знаете Россию [— отвечал баритон Кутузова]

л. [89]92

32 [Да, да!] Выдуманные души... *Далее зачеркнуто*: Клим счел нужным отойти от нее подальше и, обернувшись, увидал рядом с собою Спивак.

33–35 слишком громко ∾ в стороне от нее / истерически, она, должно быть, выпила больше, чем следовало. Клим [счел] отошел подальше от нее [и по] [и] ◊

36 спросила [его]

39 приглашает [моего] мужа

Стр. 252.

3 *После*: плохая память.— *зачеркнуто*: [Клим [едва скрыл] улыбнулся] [Эта женщина] Женщина [в⟨сё⟩] [стала] становилась всё более интересной [и хорошела]

8 душилась [как] очень крепкими
9–10 впервые [давно уже] недели две тому назад
13 [Удари⟨ла⟩] А что, если
17 слушал [излишне громкую] речь Туробоева
18 говорящим [так серьезно] без обычных гримас [на бледном, красив⟨ом⟩] и усмешечек
20–22 Совершенно ясно ∾ эта привычка / *а.* Прислонясь к стене, сложив руки на груди, [он⟨?⟩] он [говорил] не спорил, а как бы рассказывал, что [все] люди привыкли жить за счет чужой силы и что эта привычка *б.* [Сложив руки на груди, он не спорил, а [в спокойном тоне доказывал] спокойно] [Сложив руки на груди, он четко говорил:] — Совершенно ясно, что культура [Европы] погибает — *Далее, как в тексте.*
22 насквозь проникла / насквозь проникает ◊
34 облегчить [свой] труд
27 *После:* его поэзию.— *зачеркнуто*: — Уверены ли вы, что [социализм] социализм преодолеет эту привычку? И что возможны [желания, действия] желания и действия, [лишен⟨ные⟩] лишенные корысти?
28 дружелюбно усмехнулся / дружелюбно улыбнулся
30 *После*: не ко времени.— *вписано и зачеркнуто*: Зачем же мне отвергать то, что вы называете корыстью?
31 Марина [сонная] сердито дергала шнурок
33 бросила его на пол [кома⟨ндуя?⟩]
34 скомандовала она. [Уже]
35 Серафима / [Клавдия] [Серафима] Клавдия
37 *После*: заявил Клим — *зачеркнуто*: но тотчас же поправился: — Нет, и я тоже...
39–40 снял ее, как ребенка, со стула / снял ее со стула◊

Стр. 253.

л. [90]93

2 [Пошли. Струя холодного воздуха [и жиденький звон колоколов] влилась в комнату, и жиденький звон колоколов] [Пошли. Вслед им ворвалась в комнату струя холодного воздуха, внесла жиденький звон колоколов. Туробоев взял со стола бутылку] Пошли.
2 [ловким] жестом
3 Спивак [молча] взяла
3–4 из руки [его] Туробоева
4–5 внезапно ожег злой вопрос / внезапно обожгла злая и обидная мысль ◊
6 или Нехаева / или [чахоточная] Клавдия Нехаева
7–8 через несколько минут [стоя у окна] прервал

9 торопливо говоря ∾ сказать / *а.* заносчиво говоря всё, что мог сказать в этот час и что ему давно хотелось сказать неприятным людям *б. Как в тексте, до слова*: сказать — *Далее*: [этим людям]

11 говорится людями / говорится ◊

12–13 показать себя [друг] друг перед другом умнее, [интереснее] чем они есть

15–16 что [он] начал он слишком [высоким] задорным тоном

17–18 [Клим] Самгин на минуту

18–19 Спивак ∾ голубым пятном. / Спивак, [сидя у окна] стоя у окна, таяла [и растекалась по [тусклым стеклам] тусклых стеклах[1]], теряла [форму] формы, растекаясь голубым пятном по тусклым стеклам ◊.

19–24 Брат стоял у стола ∾ и рассердился. / *а.* Брат, криво сидя у стола, шептал Кутузову какие-то глупости, Кутузов усмехался, крутя между пальцами карандаш. *б.* Брат стоял [среди комнаты] у стола, держа [в руках] пред глазами [какую-то книгу] лист газеты, и через нее [смотрел] мутно смотрел — *Далее, как в тексте.*

25 в углу, [курил] наклонясь вперед

26 пуская [струйки] кольца дыма

29 Клим [снова] [почувствовал себя обожженным, он почти] закричал

33 *После*: и потому... — *зачеркнуто*: Ваш вопрос о возможности бескорыстных действий относится к революционерам больше, чем ко всем иным людям, склонным к авантюризму... [История]

38 Дмитрий [глу⟨по⟩] громко [и глупо] засмеялся, Кутузов [прошипе⟨л⟩] [сказал] сказал ему

Стр. 254.

2 На время [он] подчиняясь [им] им, он

4 знает и чувствует / знает, чувствует ◊

4 что [единственный закон] единственным законом

8 и [вст⟨ал⟩] встал

11–12 Спивак, Кутузов, Туробоев [вырос⟨ли⟩] выросли

13 он стоял среди комнаты / он сидел на койке ◊

15–33 У вас, Кутузов ∾ из графина в стакан. / *а.* Я — [пьян? — спросил его Клим, тот ответил, подняв себя за уши: — Пьян. Чепуху ты молол. Иди спать, я тебя провожу.] пьяный? — спросил Клим, брат ответил: — Иди спать. *б. Как в тексте, со следующими вариантами:*

---

[1] Незавершенная правка.

15 *Перед:* У вас, Кутузов — *зачеркнуто:* Клим покачнулся [в сторону Кутузова] и сказал

19 Самгин, [взяв брата] обняв брата

23–24 [Не можете,— ваш] Маркс не [позв⟨оляет?⟩] разрешает это [Это — скука, Маркс. Лев Толстой], вождей — нет

26 [его] «Войну и мир»

27 Клим Самгин [усмехнулся] [и] снова оттолкнул брата

29 командовала / руководила◊

31 Клим захохотал / Клим засмеялся◊

34 Клим / Клим Самгин◊

л. [91]94

35 Проснулся он [поздно] с тяжестью в голове

38–39 спрятанного [где-то] в бескрасочной [и жидкой] пустоте

39 Пришел Дмитрий / Пришел брат◊

Стр. 254—255.

41–1 обнажали красноватые глаза, бабье, несколько опухшее лицо / обнажали бабье, несколько опухшее лицо, красноватые глаза. [Положи⟨тельно?⟩] [Несомненно, он похож на приказчика]◊

Стр. 255.

2–3 услышит [о себе] нечто плохонькое. [Он]

7 как тебя понять / как понять◊

10 *После:* затрудненно — *зачеркнуто:* как будто ему не хватало слов

12 [как] будто

13–14 что все играют / что играют◊

17 И вдруг [рассердясь] заговорил

22–23 *Слова:* Адриатическое море — идиотическим... — *вписаны.*

24 он сказал [ем⟨у⟩] брату

28 [Ну] Когда же ты скажешь

33 Не смей [я никогда не позволяла ему этого...]!

35–36 но уже [напевая и] торопливо и твердо

37–38 возжелал немедленно рассказать / возжелал рассказать◊

40–41 [Эта их] Их телесная плотность

Стр. 256.

2 *После:* подчиненного Кутузову.— *зачеркнуто:* Которого из двух выберет Марина?

3–4 Рассказав [брату] Дмитрию [*1 нрзб*] подслушанную беседу [Кутузова и Марины], он прибавил

7 два тяжелых хлопка [чем⟨-то⟩] заставили его

10 он [говор⟨ил⟩] сказал

11 [Стыдись.] Т-такие в-вещи

11–12 Это извинительно / Это из-звинительно

14 так обескураженным / настолько обескураженным
14–15 что он ∾ сообразил / что [он] [на минуту] он внутренно [онемел] опустел [и лишь после паузы] и лишь минуты через две сообразил◊
16 «Этим тоном ∾ со мной. / «[Так он не смел говорить со мной.] Он не смел говорить со мной [таким] этим тоном.◊
18 [Он решил] Решил пойти к брату [и [сказать] убедить его, что он] и убедить его
21 одевался, [оказал⟨ось⟩] оказалось
21–22 уехали в Кронштадт [на три дня]
26–27 ловя моль [или комара, невидимых], невидимую никому, кроме ее. [Встревоженная, она была еще более неприятна Климу.]
27 Когда Клим / Когда он ◊
28 Марина сухо сказала / Марина сказала◊
31 Было скучно. / *а. Фразы нет. б.* [У Премировых стало] Было скучно.
31–32 После завтрака, как всегда / Вечером◊

Стр. 256—257.

41–1 из черного [как] сооружения

Стр. 257.

3 *После:* к звукам — *зачеркнуто:* пытаясь [разглядеть] найти, разглядеть, поймать [кит⟨айскую⟩] китайскую гамму
7–8 шумом каменных городов, [машинами] извозчиками
8 Истинная, чистая музыка / Истинная музыка◊
9–10 Бетховен был глух, [но ухо] но ухо Вагнера
10–12 хуже Бетховена ∾ для музыки / хуже Бетховена◊
18–19 [и] а у подножия
19 тихо горюет / [одиноко и тихо] неумело и тихо горюет
20–21 Отношение ∾ не скрывал этого. / Отношение к нему становилось всё холоднее и небрежней.◊
24 без [у⟨лыбки⟩?] [широкой] улыбки
24–29 Брат с утра исчезал ∾ Оставь это. / *а. Текста нет. б. Как в тексте, до слов:* он худел — *Далее:* [и от него исходил за⟨пах?⟩] становился неразговорчив — *Далее, как в тексте.*

л. [92]95

34 Он сквозь зубы ответил / Он ответил, позевнув (*ЧА*$_2$) [1]
36–38 Нехаева ∾ как будто пополнела. / Нехаева [не уезжала, откладывая от⟨ъезд⟩] откладывала свой отъезд со дня на день, и Климу казалось, что здоровье ее становится [всё] лучше, она как будто даже пополнела. (*ЧА*$_2$)

---

[1] Начало отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-22).

38 беспокоило его / беспокоило Самгина ($ЧА_2$)

39 что беременность / что иногда беременность ($ЧА_2$, *БА* ◊)

40 излечивает его / будто бы излечивает его ($ЧА_2$)

40–41 И мысль ∾ пугала Клима. / Было как-то неловко вообразить, что у него от этой девицы будет сын. ($ЧА_2$); И мысль, что [у [него может быть ре⟨бенок⟩] этой девицы] у него — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

Стр. 258.

1–5 Она стала молчаливее ∾ насмешливым словом. / *а.* Она говорила уже не так цветисто, как раньше, ее [уто⟨мительные⟩] [излия⟨ния?⟩] нежность и ласки поблекли, обожающий взгляд нередко [возбуждал в нем] будил желание сказать ей что-то резкое, насмешливое. *б.* Она говорила уже не так цветисто, как раньше, ее [станов⟨ившаяся?⟩ слаща⟨вой⟩] нежность [стала и пр⟨иторной⟩] стала приторной и ласки поблекли, в обожающем взгляде [было] явилось что-то блаженненькое, полуумное, и взгляд будил желание сказать ей резкое, насмешливое слово. ($ЧА_2$); Она [говорила всё меньше и уже не так жарко, цветисто] стала молчаливее — *Далее, как в тексте, до слова:* блаженненькое — *Далее:* [и полуумное]. [Взгляд этот будил в Самгине] Взгляд этот будил в Климе — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

5–17 *Текст:* Но он ∾ между ними? — *вписан со следующими вариантами:*

7–8 неласковое или острое слово / неласковое слово ◊

8–9 глаза Нехаевой [изменяли], тотчас изменяя выражение, [смотрели] смотрели

11 [тихо] спрашивала

13 Но [я] ведь я

15 Он робел еще больше / [Он еще] Он робел еще более

17 *После:* между ними? — *зачеркнуто:* [Вдруг она потребует, чтоб он же⟨нился⟩] Потребует, чтоб он женился или [начнет подчеркивать их связь?] предложит жить с нею [на] в одной квартире?

18–19 Петербург ∾ жила Нехаева. / Она становилась неприятна, как этот город, окутанный туманами, пропитанный запахами горького дыма фабрик. ($ЧА_2$); [В конце концов] Петербург — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

20 Весна [пододвигалась] [подхо⟨дила⟩] подходила медленно. ($ЧА_2$)

20–23 Среди ленивых облаков ∾ на стенах домов. / Солнце появлялось неуверенно и неохотно среди ленивых облаков, [из которых] которые почти каждый день сеяли дождь. ($ЧА_2$); *Как в*

тексте, до слова: бесстрастно — *Далее:* [обнажало] [обнажая] обнажало грязь улиц, копоть [до〈мов〉] на стенах домов. (*БА*)

24–25 река синевато вспухла ∾ гранит берегов / синевато вспухала Нева (*ЧА*$_2$); *а.* синевато вспухала Нева *б. Как в тексте, до слова:* голодно — *Далее:* [лизали] лижут гранит берегов [и, казалось, пытаются раздвинуть его] (*БА*)

26 за крышами / за крышами домов (*ЧА*$_2$)

27 они [всегда] напоминали (*ЧА*$_2$)

28 предвидения и пророчества Кутузова / предвидения Кутузова (*ЧА*$_2$)

29 напоминали остролицего рабочего / и остролицего мастерового или рабочего (*ЧА*$_2$)

29–34 который по праздникам ∾ черные, как смола. / который по праздникам приходил к Дмитрию (*ЧА*$_2$); *а. Как в тексте, до слова:* посещавшую — *Далее:* его. Барышня была какая-то немая, [ходила беззвучно] беззвучная, а глаза у нее — злые и прищурены. *б. Как в тексте, до слова:* беззвучная — *Далее:* [а злые глаза] и слепо прищуривала [черные, как смола, глаза] глаза, черные, как смола (*БА*)

Стр. 258—259.

35–2 Иногда казалось ∾ рассказы Гоголя. / *а. Текста нет. б.* [Грязный] [Тяжкий дым этих труб имел в глазах Клима] Климу казалось, что тяжкий дым этих труб имеет странное свойство: вздымаясь [из в〈?〉] и растекаясь, он как бы [увлекал] разъедал и увлекал [за собою всё] куда-то всё неподвижное — [дома] крыши домов таяли в нем, исчезали [Затем казалось, что дома опускаются вниз], всплывая вверх, затем снова опускались [на землю] сверху из дыма и тумана. [Клим] [Климу вспоминался Гоголь] Клим вспоминал [боязливое отношение [Пушки〈на〉] Гоголя, Достоевского к этому городу [и дум〈ал?〉], и [дума〈л〉] думы его [тяжеле〈ли〉] [прио〈бретали?〉] [тяжелели ка〈к?〉] тоже стано〈вились?〉] фантастичес〈кие〉 рассказы Гоголя, «Мед〈ного〉 вс〈адника〉» и чувствовал, что [и в [нег〈о〉] него проникает этот горький дым города] [мысль подавляет] туман и дым города обезволивает его, [зас〈тавляя?〉] наполняя странной тяжестью. Вспоминал, что славянофилы не люби〈ли〉 этот [город] призрачный город [и], находил, что они хорошо [понимали] чувствовали его особенность. (*ЧА*$_2$)

Стр. 258.

35–37 тяжкий дым ∾ разъедал его / [тяжкий дым] туманы и тяжкий дым фабричных труб имеют странное свойство: [обнимая и

разъедая все неподвижное, они] вздымаясь и растекаясь над городом, они как бы разъедали его и увлекали куда-то ◊

38–39 из дыма. [Город п‹ризрачно?›] Призрачный город

40 наполняло [Клима] Самгина

Стр. 258—259.

40–1 заставляя [его лениво] вспоминать славянофилов, не любивших [этот город] Петербург

Стр. 259.

3 Не нравилась ему / [не] Не нравилась Климу (*ЧА*$_2$)

4–13 не нравилась потому ∾ Кроп-поткин... / *а.* не нравилась шоколадная масса Зимнего дворца и всегда пустынная площадь пред [ним] нею. Дворец казался нежилым домом. *б. Как в тексте, до слов:* об этой крепости — *Далее:* все говорили почтительно, а студент Орехов [называл] восторженно называл ее: — П'антеон. Причем звуком *п* он как бы стрелял в лицо, а остальные произносил вполголоса. (*ЧА*$_2$)

7 студент Попов / студент Орехов

7 с восторгом / [с восторгом] почти с восторгом

14 Было что-то нелепое [и] в [гранитном куличе] гранитной массе (*ЧА*$_2$)

15–17 серых палочках ∾ ни одного рабочего / [палочках] серых палочках лесов, на которых [не было] он никогда не видал рабочих (*ЧА*$_2$)

17 По улицам / Да и всё было неприятно. По улицам (*ЧА*$_2$)

19 пронзительно свистел / злокозненно посвистывал (*ЧА*$_2$); [злокозненно по‹свистывал›] [и] пронзительно свистел (*БА*)

20–21 В насмешливом, злокозненном свисте / В насмешливом свисте (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

21–23 в разноголосых гудках ∾ из города / как и в разноголосых гудках фабрик, рано по утрам [Клим Самгин слышал что-то изгоняющее его из этого города] разрывавших сон [его], Клим Самгин слышал нечто, изгоняющее его (*ЧА*$_2$)

24–25 Он замечал ∾ уподобления. / Он замечал [в с‹ебе?›], что в нем возникают [чужие думы] [не] [странны‹е›] особенные думы, [сравнения] [уподобления] образы, уподобления. (*ЧА*$_2$) Он замечал, что в нем возникают [особенные] не свойственные — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

25–28 Идя по Дворцовой ∾ чтоб площадь / [Когда он шел] Идя по Двор‹цовой› площади или мимо ее, он видел [ее], что лишь редкие прохожие шагают по лысинам ее булыжника. Всегда хотелось, чтоб пустота площади (*ЧА*$_2$)

27 по лысинам [ее] булыжника

29–30 неприятно напоминала ∾ трубу / напоминала о фабричной

трубе (*ЧА*$_2$); [на⟨поминала⟩] неприятно напоминала — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

30–31 из которой вылетел / из которой [не] стремительно [и нелепо] вылетел (*ЧА*$_2$)

31–32 и нелепо застыл ∾ свой крест / и [зас⟨тыл⟩] нелепо застыл в воздухе [с вен⟨ком⟩], как бы соображая, куда бросить свой венок. Венок [был] похож на спасательный круг в руке матроса. (*ЧА*$_2$); *Как в тексте, до слова:* свой — *Далее*: венок. Венок был похож на спасательный круг в руке матроса. (*БА*)

32–33 дворец ∾ вызывал / *а.* дворец вызывал *б.* дворец, всегда немой, с пустыми окнами, вызывал (*ЧА*$_2$); дворец, всегда [немо⟨й⟩] безгласный — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

34 *После:* нежилого дома — сложенного из шоколадных пряников (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

35 зданий цвета железной ржавчины / зданий ◊ (*ЧА*$_2$)

36 пустынную площадь / площадь (*ЧА*$_2$)

36 дворец возбуждал / будил неопределимое словами (*ЧА*$_2$)

37–38 [этот] дом [человека] хозяина (*ЧА*$_2$)

40 Видя эту площадь / Каждый раз, видя эту площадь (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

40 Клим / Клим Самгин (*ЧА*$_2$)

Стр. 260.

1 обвинять и защищать / быть [обв⟨инителями⟩] защитниками и обвинителями (*ЧА*$_2$)

2 обвиняли / обвиняли и защищали (*ЧА*$_2$)

2–3 Самодержавие царя защищали / Клим видел, что [царя за⟨щищают?⟩] самодержавие [защищал⟨и⟩] защищают (*ЧА*$_2$)

3–4 бесталанно и [яр⟨..?⟩] робко

4 и они тонули среди / они тонули в единодушной массе (*ЧА*$_2$); и они тонули в единодушной массе ◊ (*БА*)

6–7 споры народников с марксистами / споры народников и марксистов (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

7–8 его раздражало ∾ кто ошибается / он не мог понять, [которые] которая из [этих групп] этих групп ошибается (*ЧА*$_2$); его раздражало, что он не мог понять: [которые] кто ошибается (*БА*)

8–12 Он был ∾ развития жизни. / Он был [окон⟨чательно?⟩] убежден, что ошибаются обе, но не усваивал, для кого наиболее обязателен закон постепенности, эволюции. (*ЧА*$_2$); Он был крепко, [физиологически] органически убежден — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

12–19 Иногда ему ∾ движение жизни. / Иногда казалось, что [прав⟨ы⟩] [наи⟨более⟩] марксисты [более] смирнее народников, но,

в общем, и те и другие являлись для него представителями «кутузовщины», маломощными [людишками] и книжными людишками, которым глупость их молодости внушила дерзкое желание подхлестнуть, подтолкнуть равномерное, веками узаконенное движение жизни. (*ЧА*$_2$)

12–13 марксисты [более эво⟨люционно⟩] [бол⟨ее⟩] более [в⟨ерно?⟩] глубоко [понимают], чем народники, понимают

15 на представителей [ненав⟨истной⟩] уже почти ненавистной

16–17 видеть [*1 нрзб*] болтливых людишек, которым [дерзость и] глупость

18–19 веками узаконенное равномерное движение / равномерное, веками узаконенное движение

20–22 вожди владеют волей ∾ своей жертвой / вожди владеют [массами или массы, создав [вождей, делают их выразителями] выразителей [св⟨оих⟩] своих желаний, обращают их в жертвы свои? Это был для него самый важный вопрос] волею масс или массы, [насытив] [создавая] создав [вождей, [своею волей] делают их орудиями своими] вождя, делают его орудием своих целей? (*ЧА*$_2$)

22–32 Мысль, что он ∾ Разин, Пугачев. / *а. Текста нет. б.* [Он] Клим считал этот [вопрос] нерешенный вопрос важнейшим [для себя] [по] [по туго⟨..?⟩] [он] [потому что [не] он [чув⟨ствовал⟩] видел себя только [в роли вождя] вождем и не мог], он не мог представить [себе] себя орудием ил⟨и⟩ жертвой. [Ему в] Память подсказала ему толкование отцом библейск⟨ой⟩ легенды о жертвопри⟨ношении⟩ Авр⟨аама⟩. [— Это, милый, надо понимать иносказательно: Бог — народ, Авраам — вождь племени, [приносящи⟨й⟩] [отдающий] который отдает [бли⟨жних⟩] [ближних] жизнь [ближних своих] сына своего [на] в жертву [народу] интересам народа.] Пожалуй, отец [был] говорил верно: [действительно] народ — какая-то [всё поглощающая дыра] [дыра, поглощающая] темная дыра, огромный желудок, который, поглощая так называемых [«героев»] лучших людей [извергает] земли, извергает [Рази⟨на?⟩] разбойников, врагов культуры, Б⟨олотникова⟩, Р⟨азина⟩, Пуг⟨ачева⟩, анархистов, сектантов, [отрицающих, как бегуны] каковы бегуны, отрицающие [сем⟨ью⟩] государство, семью, собственность, (*ЧА*$_2$)

22 [Он] Мысль, что он

23 [чьим-то] орудием чужой воли, [и] пугала

24 Вспоминалось / Память подсказывала ◊

28 *После:* великих людей.— *зачеркнуто:* [А что даст он?] «Это — верно,— думал Клим.— Какой-то

29 Клим [со⟨глашался?⟩] находил, что это верно: [какой] какая-то

30 одного за другим, [та⟨ких?⟩] лучших людей

л. [93]96

31–32 таких [«революци⟨онеров»⟩], как [анархисты] Болотников, Разин, Пугачев [как] [или как [«бегуны»] сектанты, [отрицающие го⟨сударство?⟩] «бегуны»]

33 Надоедал Климу студент Попов / Надоедал ему студент Орехов ($ЧА_2$); Надоедал Климу студент Орехов (*БА*)

33–36 этот голодный человек ∾ на коллег / он [судо⟨рожно⟩] бегал по коридорам, аудиториям, [судорожно хватал [коллег] людей за руки] [наскакивал на [кол⟨лег⟩] всех] руки его [дергались] судорожно дергались, точно вывихнутые в плечевых суставах и локтях; наскакивая на людей ($ЧА_2$)

35 как вывихнутые, дергались / дергались, как вывихнутые

36 наскакивая на [това⟨рищей⟩] коллег

37–38 письма ∾ папиросной бумаги / [каки⟨е-то⟩] письма, гектографированные лист⟨к⟩и ($ЧА_2$)

38 и бормотал / и говорил [вполголоса] быстро, вполголоса ($ЧА_2$)

Стр. 260—261.

40–2 С’амгин ∾ с’ообщают... / С’туденчество — авангард... Университ⟨ет⟩ есть п’ункт организации культурных [деятелей] с’ил. Интересы [землячеств] студенческих землячеств... Из Каз’ани пишут... Из Одессы сообщают. ($ЧА_2$)

Стр. 261.

3–5 Таких ∾ и видел / Таких, как он, суетливых и вывихнутых, Клим особенно не любил [и], даже боялся [и видел], видя ($ЧА_2$)

3 как Попов / как Орехов

5–6 а [всех] почти всех студентов, [относившихся] учившихся серьезно ($ЧА_2$)

7–9 Они постоянно ∾ таинственной целью. / Орехов постоянно навязывал билеты на вечеринки в пользу землячеств [на [какие-то] лотереи] [ссыльных] и ссыльных, на лотереи, выпрашивал деньги на какие-то таинственные цели, шептал: — Из Женевы пишут... Из Казани [пишут] сообщают... В Одессе решили... ($ЧА_2$)

10–12 Лекции, споры ∾ оглушало Самгина. / И всё это: лекции, споры, [шёпоты] [и] ссоры и шёпоты, весь [шум] хаотический шум сотен [жизней] юных людей, охваченных жаждой жить, действовать, так иногда оглушал Самгина ($ЧА_2$); И всё это: лекции, споры, шёпоты, весь хаотический шум сотен молоде-

жи, [охваче⟨нной⟩] опьяненной жаждою жить, действовать, так оглушало Самгина ◊ (*БА*)

12–13 что он не слышал ∾ мыслей своих / что он [не слышал] терял себя, не слышал своих мыслей (*ЧА*$_2$); что он не слышал иногда даже мыслей своих (*БА*)

13–14 Казалось ∾ опасна она. / [Иног⟨да⟩] Порою ему казалось, что он живет [в холодном] не в городе, в холодном неуютном здании, над потолком [которого] его жилища беснуются [одержимые] люди, одержимые [всеми] безумием [опасной] игры, тем более [прият⟨ной?⟩] увлекающей их, чем более она опасна. (*ЧА*$_2$)

13 Казалось, что [он находится в нее⟨стественной?⟩] все люди

14 тем более [опасной] увлекающей их

15 Внезапно, но твердо он решил / Он [решил уехать из города с тем, чтоб уже не возвращаться в него] внезапно, но твердо решил (*ЧА*$_2$); И как-то внезапно, но твердо он решил ◊ (*БА*)

16–17 живут, наверное / живут, вероятно (*ЧА*$_2$)

17–18 Нужно было развязаться с Нехаевой. / Уехать из П⟨етербурга⟩ побуждала и [мысль] Нехаева, утомлявшая его. (*ЧА*$_2$)

18 он чувствовал себя / он [уже чувствовал себя] себя уже чувствовал (*ЧА*$_2$); он [уже] чувствовал себя (*БА*)

18–19 который ∾ презирает нищую / который [подал [нищей] щедрую милостину нищей и презирает ее], давая щедрую милостину нищей, немножко презирает нищую (*ЧА*$_2$)

19 щедрую милостыню / щедрую милостину

19–21 Предлогом ∾ она нездорова. / Предлогом для [бы⟨строго⟩] отъезда он выбрал [нездоро⟨вье⟩] письмо матери, извещавшей его, что она нездорова [и ум⟨олявшей?⟩]. (*ЧА*$_2$); Предлогом для внезапного отъезда [он] было письмо — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

22 Идя / Когда он шел ◊ (*ЧА*$_2$)

23 жалких слов / жалких слез (*ЧА*$_2$)

23 сам почти до слез был тронут / сам был искренно и почти до слез тронут (*ЧА*$_2$); сам был почти до [сле⟨з⟩] слез тронут ◊ (*БА*)

23–24 когда девушка / когда она (*ЧА*$_2$)

24 обняв его шею / обняв его (*ЧА*$_2$)

26 Я — знаю / Я ведь знаю (*ЧА*$_2$)

26–27 любил меня, да / любил меня (*ЧА*$_2$) [1]

27 Но я ∾ благодарю / Но я [так] бесконечно [и], я вся благодарю

---

[1] Конец отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-22).

28 за эти часы вдвоем... [за всё!]

31 испытал [бездонность] безграничные

37–38 чтоб тебе [было] жилось хорошо, [было хорошо...] легко...

Стр. 262.

1–3 уехал [с убеждением] в убеждении, что простился с Нехаевой хорошо [и], навсегда и что [это бы⟨ло?⟩] [его первый] этот роман [бы⟨л⟩] значительно обогатил его

3 Ночью, в вагоне / Засыпая ◊

л. [94]97

5 Решив остановиться / Он решил остановиться ($ЧА_2$ [1], *БА* ◊)

5 дня на два в Москве / в Москве дня на два ($ЧА_2$)

6 он мысленно пошутил / Чувствуя себя легко и бодро, он мысленно пошутил ($ЧА_2$, *БА* ◊)

7 можно отложить / можно отложить до осени ($ЧА_2$); [сдам] можно отложить (*БА*)

9–17 Засыпая ∾ крепко заснул. / *а. Текста нет. б. Как в тексте, до слова:* дважды — *Далее:* кратко и неинтересно. «Она — не даровита. Ее гимназические работы по литературе всегда правила Сомова»,— напомнил он себе и, утешенный этим, заснул. ($ЧА_2$)

11–14 *Текст:* в одном из писем ∾ не смешно это».— *вписан с вариантом:*

14 и [это не смешно] не смешно это».

15–16 работы [по] всегда правила

Стр. 262—263.

18–12 по неровному булыжнику ∾ рукою за плечо. / *а.* грохотало железо по [бу⟨лыжнику⟩] избитому булыжнику мостовой, на улицах [празднично] по-весеннему празднично и бойко мелькали легкие люди. Покачиваясь в [раз⟨болтанном?⟩] трескучем экипаже лохматого извозчика, Клим оглядывался, как человек, возвратившийся на родину из чужой страны, и думал: «Переведусь сюда...» В полдень он пошел к Лидии. Опередив двух студентов, которые [идя] [под⟨?⟩] шли солдатским шагом, дружно высвистывая марш, Самгин был схвачен за плечо. *б.* [грохотали телеги] по избитому булыжнику мостовой [грохотали] [железно грохотали] грохотали телеги, цокали подковы, [[и] вообще шума было больше, чем в Петербурге, и шум был другого тона, не такой приглушенный. «В московском шуме человек слышней»] в [светлом воздухе] теплом светло-голубом воздухе [гудела] [празднично гудела] празднично гудела медь [колоколов] колоколов, по улице,

---

[1] Начало отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-23).

неширокой и кривой, бойко шагали легкие люди, [но] [топот [ног] их ног звучал отчетливее, походка была [размашистее] размашистей] походка была размашистей, топот их ног звучал отчетливее, они не шаркали подошвами по панелям, как петербуржцы. [«В м⟨осковском⟩ шуме человек слышней», — подумал Клим и ему было приятно, что слова его сложились, [к⟨ак⟩] точно поговорка.] Вообще здесь шума было больше, чем в Петербурге, и шум был другого тона, не такой приглушенный, [сыроватый] [и сыроватый] сыроватый — *Далее, как в тексте, до слов:* что слова — *Далее:* его сложились, точно поговорка. Покачиваясь в трескучем экипаже лохматого извозчика, он оглядывался ∾ «Переведусь сюда...» В гостинице его встретили с тем искони [налаженным добродушием] [хорошо] артистически налаженным московским добродушием, которое, будучи [незнакомо] в существе своем незнакомо Климу, [еще] углубило [его] в нем впечатление — *Далее, как в тексте, до слов:* что скажет — *Далее:* и как будет вести себя, с удовольствием [разглядывал] разглядывая пестрые [дома] уютные домики с ласковыми окнами, [вдыхая [запах] [тон⟨кий⟩] сладковатый запах] с цветами на подоконниках. [Через] Над заборами поднимались к солнцу ветви деревьев, [уже лопа⟨лись⟩] в воздухе чувствовался тонкий, сладковатый запах лопнувших почек. [Из] Впереди Клима из переулка вышли [два] под руку два студента, дружно посвистывая, один из них тотчас остановился на углу и вступил в беседу с бабой, мывшей стекла окон, другой [старался] [стараясь [та⟨щить?⟩] [вести дальше] отта⟨щить⟩] дергал его вперед.— Перестань, Володя.— «Пьяные, кажется». Клим сошел с панели, обходя их, но тотчас был [крепко] схвачен крепко рукою за плечо. (*ЧА*$_2$) [1]

Стр. 262.

18–19 по [из⟨битому⟩] неровному булыжнику [мос⟨товой⟩]

21 по [пане⟨лям⟩] истоптанным панелям

26 сыроватый [приглушенный] и осторожный

30 точно человек / как человек

34–35 с тем [искони] артистически налаженным

35 московским угодливым добродушием / *а.* московским добродушием *б.* московским добродушием, с той угодливостью ◊

Стр. 262—263.

41–1 что скажет Лидии ∾ беседуя с нею / что скажет и как будет вести себя, беседуя с Лидией ◊

---

[1] Конец отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-23).

Стр. 263.

6 [Вперед⟨и⟩] Из-за угла

8 стекла окон / стекла окна

10 Перестань, Володька! / Перестань, Костя! ◊

10 *После:* Идем! — *зачеркнуто:* «Кажется — пьяные...»

13–14 крикнул Макаров / крикнул знакомый голос Макарова ◊

19 косоглазый, полупьяный студент / косоглазый [студе⟨нт⟩] человек ◊

23 ерундистики / юмористики ◊

24 Они оба вели себя / Они вели себя ◊

л. [95]98

25–33 казалась подозрительной ∾ о Лидии. / *а.* показалась Климу слишком крикливой, искусственной, косоглазый студент был неприятен. Сдержанно ответив на быстрые вопросы Макарова, Клим сказал, что идет к Лидии. *б.* показалась Климу [слишком крикливой [искусственной и даже подозрительной] и подозрительной] подозрительной: Макаров был трезв, [радовался] но говорил слишком [крикливо] возбужденно, [ст⟨араясь?⟩] и как бы [заглушая] желая заглушить в себе истинное впечатление встречи. Сдержанно ответив на его быстрые вопросы, Клим сказал, что идет к Лидии (*ЧА*$_2$) [1]

27 перекричать [его] в себе

29 вертел шеей / вертел головою

29 установить [глаза свои] [косые глаза] косые глаза

31–39 Но — разве она ∾ притворяться. / Но ведь она уехала домой,— сообщил Макаров, удивленно заглянув в лицо его.— Разв е она — *Далее, как в тексте, до слов:* на курсы? — *Далее:* Не умею притворяться, говорит она... (*ЧА*$_2$)

36 уехала домой [еще] недели две назад...

40 скрепил Лютов / подтвердил Лютов (*ЧА*$_2$)

41 сдвинулась на лоб. / сдвинулась на лоб [ему], прикрыв козырьком глаза. Макаров, толкая Клима локтем, оживленно рассказывал (*ЧА*$_2$); сдвинулась на [глаза его] лоб ему.◊ (*БА*)

Стр. 264.

1 Телепнева ∾ замуж / И Алина Телепнева тоже уходит из школы, потому что (*ЧА*$_2$)

3–4 ткнул ∾ указательным пальцем / ткнул [паль⟨цем⟩] в грудь свою, против сердца, пальцем (*ЧА*$_2$)

4 точно штопором / как штопором.— *Далее зачеркнуто:* [Клим] Клим, насилуя себя, улыбнулся косым глазам. Ему хотелось выспросить Макарова о Лидии, хотелось есть. (*ЧА*$_2$)

---

[1] Начало отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-24).

4–7 Неуловимого цвета ∾ под висок. / *а.* [Косые, [тем⟨ные⟩] неуловимого] Неуловимого цвета глаза его [щекотали, как будто требовали] [щекотали и] смотрели вопросительно, оба косили в одну сторону: [вправо] направо, один забегал в переносье, другой прятался под висок. *б. Как в тексте, до слова:* смотрели — *Далее:* в глаза Клима вопросительно и даже как бы требуя чего-то, один глаз — *Далее, как в тексте.* (*$ЧА_2$*); *Как в тексте, до слов:* щупающим взглядом — *Далее:* [вопросительно и даже как бы требуя чего-то]; один глаз — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

8–16 Они оба ∾ чтобы есть. / *а.* Клим сказал, что Алина замечательно красива, глаза Лютова усмешливо дрогнули, [легон⟨ько⟩] он [двинул] передвинул фуражку на затылок и [вздохнул] [лег⟨онько⟩] вздохнул: — Именно-с. Умопомрачительно. Завтракали? — «Должно быть, жулик»,— подумалось Климу. [И⟨дти?⟩] [Завтракать с этим чело⟨веком⟩] [Завтракать] Завтракать с этим человеком ему [было] не хотелось, но было нужно [1] *б.* Клим сказал: — Замечательно красивая девушка.— Глаза Лютова усмешливо дрогнули, он передвинул фуражку на затылок. «Должно быть — жулик»,— подумалось Климу. Макаров предложил идти завтракать, Клим хотел есть, ему [нужно] было нужно расспросить Макарова о Лидии, [а] [но] а Лютов уже подхватил его под локоть, говоря (*$ЧА_2$*) [2]

12 *После:* на затылок.— *зачеркнуто:* «Должно быть — жулик», — подумалось Климу.

13–17 предложил позавтракать ∾ несколько минут / *а.* предложил позавтракать [и], через несколько минут *б. Как в тексте, до слов:* Того ради и — *Далее:* [живет Москва] [Москва живет] [живет Москва] Москва живет — *Далее, как в тексте.*

18–19 Лютов молитвенно заказывал / Лютов заказывал

24–25 говорил Макаров, [раскуривая] раскурив папиросу

25–26 *Фраза:* Странно ∾ не переписываемся, а? — *вписана.*

27 еще больше / еще более

29–30 Таковых уважаю! / Сих уважаю! ◊

31–32 заговорил [простуженным] сиповатым голосом

40 возбуждающая [лишь] лирическую чесотку

Стр. 265.

2 [и семинаристов] и [поповых детей] семинаристов

3 полижут языками / полижут ◊

---

[1] Здесь обрывается нижний слой $ЧА_2$.

[2] Здесь обрывается верхний слой $ЧА_2$ (конец отрывка $ЧА_2$ — ХПГ-21-1-24).

5–6 маслицем фабрики его сиятельства / маслицем его сиятельства

9 произнес [эту] речь [сразу] легко

л. [96]99

17 Он почувствовал ∾ фальшивое. / *а.* Он чувствовал в Лютове нечто отталкивающее. *б.* Он почувствовал в Лютове нечто фальшивое, отталкивающее.

19–20 как бы пропыленных / как будто пропыленных ◊

21 хитренькие искорки / умненькие искорки ◊

21 вспомнил Клим / вспомнил Самгин

24 чьи-то слова / чье-то определение ◊

26 это так не шло / это не шло ◊

28 остренькую [редкую] бородку

30 в[е]рхняя едва ∾ усиками / верхнюю украшали подстриженные усики

34–35 шёлковая рубаха [голубого цвета]

36–38 Макаров ∾ товарищем / *а.* Макаров как будто нарочно выбрал товарищем себе *б.* Макаров, [дерзко] вызывающе похорошевший — *Далее, как в тексте.*

39 красавица Алина [выходит] выбрала

Стр. 266.

5 Это [у нас] — ересиарх

6 глядя на Лютова [ласковым] ласково

9 «[Моя] И рече диавол Адамови

16 неудачно притворяется шутом / притворяется шутом неудачно ◊

26 Алины Марковны / Алины ◊

27 звучал восторгом / звучал фальшивым восторгом

27 *После:* восторгом.— *зачеркнуто:* Как будто и канарейка почувствовала эту фальшь,— она вдруг запела пронзительно с яростью.

29 довольно тебе пить / довольно пить ◊

30 Лютов ∾ подмигнул Климу / Лютов подмигнул ему и, залпом выпив вино, сказал Климу ◊

32 пиан бываю [и блудословлю] [блудословлю] и блудословлю [бесчинно] плоти ради укрощения

Стр. 267.

7 недостаточек никто бы / недостаточек-то никто бы

7 но [деву⟨шка⟩] девица

10 Он тихонько оттолкнул Клима / Он выпустил, даже оттолкнул руку Клима ◊

15 Да, чудаковат. [Но это] [Это здесь — не редкость] [Макаров]

19 [Очень понятно.] Ее красота

22–23 не учится [теперь],— влюблен, [пьет] встревожен
21 Макаров зажег / Он зажег ◊
28–29 на Воробьевы горы [оттуда] [оттуда она изумительно красива],— оживленно предложил
30–31 в его [син‹ню›] сутулую спину, туго обтянутую [син‹им›] синим
34 чувствую, что [нес‹колько›] поглупел
36 [Но] Он снял фуражку
37–38 а [все] остальные вихры [его] шевелились
40–41 Сквозь [грохот телег и пролеток, о‹н›] оглушительный шум улицы Клим [слышал востор‹женный›] слышал

Стр. *268.*

2–3 Не понимаю: [свя‹тые›] где — святые
4–5 а — чего [ради] ради?
5 *После:* Чёрт знает... — Иногда является мысль, что все выдумывают сами себя, беспокоятся, прячутся от чего-то...
6 подозрительно [вз‹глянул›], сбоку, заглянул

л. [97]100

10–13 «Как простодушен ∾ всех штатских. / Хорошее лицо у тебя,— [как-то] против воли сказал Клим, [вспо‹миная›] мысленно сравнив Макарова с Туробоевым, [который стал] похожим на поручика, презирающего всех штатских. Простодушие Макарова смягчало [Клима], а то, что он — пьяненький, разрешало отнестись к нему покровительственно (*ЧА*$_2$) [1]; *а.* Хорошее лицо у тебя,— против воли сказал Клим, [мысл‹енно›] сравнив Макарова с Туробоевым, который тоже был красив, но смотрел — *Далее, как в тексте. б.* [Простодушие Макарова смягчало Клима] «Как [он] простодушен он»,— подумал Клим.— Хорошее лицо у тебя,— сказал он, сравнив [его] Макарова — *Далее, как в тексте.* (*БА*)
14 но, кажется / *а.* но, вероятно *б.* но, наверное (*ЧА*$_2$)
15 спокойно / так спокойно (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)
16 говорилось / *а.* говорилось *б.* речь шла ◊ (*ЧА*$_2$)
16–17 замолчал, задумался / замолчал (*ЧА*$_2$)
18–27 На Воробьевых горах ∾ тихо сказал он / *а.* На Воробьевых горах зашли в трактир, сели на террасу и, спросив чаю, несколько минут безмолвно смотрели в мутноватую даль, на парчовый город, богато украшенный золотыми луковицами церковных глав.— Красота,— тихо сказал Макаров *б.* На Воробьевых горах [в трактире] зашли в пустынный трактир, толстый половой проводил их на [т‹еррасу›] [застек‹ленную›]

---

[1] Начало отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-25).

террасу, где стекольщик вставлял стекла, [пода⟨л⟩] быстро пода⟨л⟩ чай и [приказал] быстрым говорком приказал стекольщику: — Не [засти] мелетоши, не засти господам.— [Костромич] Костромич [или],— [пробормотал] [пробормота⟨л⟩] определил Макаров. Несколько минут ∾ сказал Макаров (*ЧА*$_2$)

19–20 маляр ∾ рамы окон / стекольщик вставлял стекла в раму ◊

26 золотыми пятнами / золотыми луковицами ◊

27–28 Самгин ∾ заметил / Клим машинально и согласно кивнул головою, но тотчас же заметил (*ЧА*$_2$)

30–33 Не отвечая ∾ вихры свои. / Макаров не ответил. Отодвинув стакан чая с лучом солнца в его рыжей влаге, прикрытой кружком лимона, он облокотился о стол, запустив пальцы [ру⟨ки⟩] в густые вихры свои и смотрел [изредка [произнося] и тихо произнося слова хвалы]. (*ЧА*$_2$)

34–35 Москва ∾ город был / вид Москвы не вызывал восхищения. [Город был] Для его глаз город был (*ЧА*$_2$); [город] Москва — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

36–37 пестро раскрашенный ∾ и рыхлый / *а.* пестро раскрашенный и припудренный опаловой пылью *б.* рыхлый, пестро раскрашенный и припудренный опаловой пылью (*ЧА*$_2$)

Стр. 268—270.

л. [97—98]100—101

37–30 Когда говорили ∾ Перестань. / *а.* Когда говорил⟨и⟩ о красоте, Клим предпочитал молчать. О красоте говорили всё больше и чаще, но он видел, что «красавица» Нева — [скучная и сум⟨рачная⟩] скучна, [без] закаты солнца — однообразны, храм Василия Блаженного — забавен, но — груб. Он искусно скрывал свое равнодушие к общепризнанным красотам природы; не очень волновала его и красота человеческого творчества, создающего «вторую природу» на земле. [Он скры⟨вал⟩] С некоторого времени славословия и гимны даже начали раздражать его, но и [раздражение] раздражению он не давал воли, потому что оно, как и равнодушие, требовало умных, веских слов, а [их] Клим еще не накопил их. И теперь лирическое молчание Макарова сердило его. Он спросил: — Помнишь строку Пушкина: «Москва! Сколь русскому твой зрак унылый страшен»? — Да,— отозвался Макаров негромко и не отрывая взгляда из дали. Он очнулся лишь тогда, когда Клим настойчиво и почти строго спросил: — Ну, как же ты живешь?— Да, вот... двигаю науку,— ответил Макаров, [медленно опустив руки и] сняв локти со стола.—[Препарирую трупы] На днях препарировал [женщину] труп женщины, умерла

[в процессе родов] [родами], рожая.— [Он вдруг нахмурился] Залпом [выпил остывший чай и заговорил возмущенно, ударив рукою по столу] выпив остывший чай, Макаров [возмущенно, но негромко воскликнул] негромко воскликнул: — Природа — злая [и], бессмысленная свинья! [Видел бы ты, что такое женщина после родов [как]! Если б Толстой [знал немного] был знаком с гинеко⟨логией⟩] [1] *б*. Когда говорил⟨и⟩ о красоте, Клим предпочитал молчать, [*1 нрзб* втайне смущенный тем, что его равнодушие к [при⟨роде⟩] различным «красотам» [природы] совпадает с отношением к ним Лидии] [и не] [О красоте говорили всё больше и чаще, но он видел, что «красавица» Нева — скучна, закаты солнца так же однообразны, как ночное небо, и что вообще разговоры о красоте [так же] привычны, как разговоры о погоде], хотя [замечал] давно заметил, что [тема эта] говорят о ней всё больше, [чаще] и тема эта [становилась] становится [такой же по⟨пулярной?⟩] такой же обычной, как погода [и] и здоровье. Он скрывал свое равнодушие к общепризнанным красотам природы, [не очень волновала его и красота человеческого творчества, создающего «вторую природу» на земле. Уже несколько раз его смущал вопрос] [2] находя, что красавица Нева сердита и скучна, [закаты] а закаты солнца так же однообразны, как [ночное небо] рябое небо ночей, [ему] скрывал, [боя⟨сь⟩] опасаясь, что [это] его равнодушие [совпадает с [отношением к Лидии] настроением Лидии [и что она] и что это [она внушила] внушено ему Лидией] внушено ему Лидией [совпадает с ее отношением к природе [и может постав⟨ить⟩] и что]. [Он] [В ее враждебном отношении к природе он чувствовал нечто ненормальное] [Ее враждебное отношение к природе Клим [нахо⟨дил⟩] находил ненормальным] [Чувствуя] Находя [ее враждебное отнош⟨ение⟩ к природе ненормальн⟨ым⟩, он не хотел, чтоб его равнодушие к] враждебное отнош⟨ение⟩ Лиди⟨и⟩ к природе ненормальн⟨ым⟩, Клим [опасался] боялся, что она [поймет] примет его равнодушие к [3] С некоторого времени словословия и гимны [3] И теперь лирическое молчание ∾ унылый страшен»? — 80 лет [тому] прошло с той поры,— отозвался Макаров ∾ ответил Макаров, сняв локти со стола.— На днях препарировал труп женщины, [умерла,

---

[1] Здесь обрывается нижний слой *ЧА*$_2$.

[2] *Возле этих слов, на полях, написано*: Не волновала его и красота человеческого творчества.

[3] Фраза не закончена и осталась незачеркнутой

рожа⟨я⟩] умер⟨шей⟩ во время родов.— Залпом выпив ∾ Макаров негромко воскликнул: — Природа — злая, бессмысленная свинья! Если б ты видел, как изорвана, искалечена эта женщина! — [У него в] Лицо его покраснело, даже уши налились кровью, а глаза сверкали гневно. [Быстро, называя] Называя органы латинским⟨и⟩ терминами, [он] рисуя очертания их пальцем в воздухе, он быстро нарисовал пред Климом [отвратительную] картину, до того омер⟨зительную⟩ картину, что Клим хотел сказать ем⟨у⟩: «Перестань». Но Макаров [продолжал] уже [кончил] говори⟨л⟩: — Если б Тол⟨стой⟩ был [немного] хоть немного знаком с гинекологией, он не так бы зарычал в «Крейц⟨еровой⟩ сонате». [Клим усмехнулся] Ты подумай: [рыба мечет икру, [курица] птица сносит] рыбы мечут икру, птицы сносят яйца — безболезненно, а женщина родит в дьявольских муках — почему? — Клим усмехнулся: [было ясно] для него было ясно, что Макаров [говорит] [по] [гово⟨рит⟩] [говорит] [подчинился] подчинен враждебн⟨ому⟩ отношени⟨ю⟩ Лидии [1] (*ЧА*$_2$)

Стр. 269.

2–3 Но, чувствуя ∾ его недостаток. / [И вообще [понятие] он [чувствовал] понимал, что красота — нечто капризное, неумопостижимое] Он чувствовал, что красота для него непостижима, и понимал, что равнодушие к ней — его недостаток. ◊

4 славословия красотам природы [и творчества человеческого] стали

5–6 не Лидия ли [не] своею враждой к природе внушила ему [это] равнодушие?

6 *После*: равнодушие? — *зачеркнуто:* Он был уверен, что Лидия не тот цветок, у которого можно взять меда

7–8 дразня Елизавету Спивак ∾ усмехаясь / который, дразня Елизавету Спивак и Кутузова, сказал, ехидно усмехаясь ◊

11–13 Клима поразила ∾ сказал / *а.* Потом он сказал еще: — Заметьте *б.* Клима [оче⟨нь⟩] поразила дерзость этих слов, и они еще [резче] плотнее легли в память его, когда Туробоев, продолжая спор, [сказал] сказал

16–17 Толстой и Достоевский [поч⟨ти⟩] [почти уродливы] [далеко] не красавцы

22 *Перед*: Макаров взглянул — *зачеркнуто*: Макаров взглянул на него [улыбнулся, но промолчал] и молча улыбнулся. Тогда Клим заговорил [очень] доктрально: [— Должен сказать, что я чувствую себя]

---

[1] Фраза не закончена и осталась незачеркнутой (конец отрывка *ЧА*$_2$ — ХПГ-21-1-25).

22–23 трезвыми [и ясными гл⟨азами⟩] глазами [по промолчал] и не ответил

32 бесплодно текущей / текущей ◊

37–38 остывший чай [закурил папиросу] и, прищурив глаза

Стр. 270.

3–4 ослепляет [и], голубых теней в природе нет

6–7 Клим говорил [всё более уверенно] минут десять

8 повторить [кры⟨латое⟩] изречение

8–9 о павлиньем хвосте / о [павлин⟨ином?⟩] павлинином хвосте

10 Макаров [удивленно] пробормотал

11 до чего всё это совпадает / до чего совпадает ◊

13–16 Потирая лоб ∾ Так странно... / *а.* Да и не одной ее... [Он⟨а⟩] Хотя она идет дальше... *б.* Да и не одной ее... Хотя она идет дальше...— Потирая лоб, он спросил [тоном со⟨чувствия?⟩]: — Что же ты?..— И усмехнулся: — Не знаю, [как] что спросить... Так странно... ◊

17 Он вдруг / Макаров вдруг ◊

18 заговорил вполголоса / заговорил вполголоса, с большою силой

20 и [правд⟨у⟩] вижу: природа — бессмысленная [и], злая свинья

22 голубчик мой, если б ты видел / если б ты видел ◊

34–36 находил возмущение ∾ о Лидии / находил возмущение приятеля наивным и утомительным ◊

Стр. 271.

2 *После:* целоваться с ними? — *зачеркнуто*: [Указав Климу глазами на [пару] пару мух, [которые] они [наслаждались] торопливо наслаждались друг другом в ложбинке] [Подняв руки] Тяжело подняв руки, Макаров в

3 [Вот фраза] Это похоже на фразу

3 из офицерской песни / из французского романа ◊

4 неопределенно [негромко] сказал Макаров [и], крепко

5–7 [Ли⟨цо⟩] На лице его явилось [выражение недоумевающее, как будто он, задремав] недоумевающее, сконфуженное выражение, [как б⟨удто⟩] [как будто он задремал и неожида⟨нно?⟩] он как будто задремал

7–8 потом очнулся ∾ смущенный / [и тол⟨ько?⟩] очнулся, разбуженный толчком, и очень смущен ◊

10 за офицерскую песню / за французский роман ◊

12–13 они торопливо [насладились] [наслаждались] насладились друг другом, [и Клим указал на] и одна [тот⟨час⟩] исчезла

18–19 Ты не можешь [смотреть] думать так [цинично] [разве ты пессимист?]. По-моему, пессимизм — это [тоже] тот же цинизм.

20 Выпив [ст⟨акан⟩] остывший чай
21–22 а может, [глуп] просто — глуп
26 Я много думал об этом... [и думаю...]
28 Да? [Почему?]
31–32 в разноцветное [жемчужное] небо
35–36 [спро⟨сил⟩] [произнес] неопределенно произнес Клим [глядя] и насторожился
37–38 продолжал Макаров, [улы⟨баясь?⟩] и глаза его

Стр. 272.

1 Он засмеялся, [на лице] лицо его радостно сияло.
4–5 *Фраза:* Но, разумеется ∾ есть! — *вписана.*
6 не без гордости [собою]
7 «Никогда [бы] я не позволил бы
8 И почему — „она удержала“»? / *а. Фразы нет.* *б.* И почему — «она удержала»? [Я тоже удер⟨жал⟩]
9 Любить ее [так], как вообще любят
18 [Я думаю] Это я думаю
22–23 Клим слушал [внимательно, но поним⟨ал⟩] напряженно, [но, пони⟨мал⟩] а — не понимал, [потому что] да и не верил

л. [99]102

24 взять [свое, необходимое] необходимое ей
24–25 *Фраза:* Так же ∾ с Лидией.— *вписана.*
26 о [дру⟨жбе⟩] дружбе с Лидией
30–31 Город становился [всё] ярче, пышнее
32 как [гигантский] палец
32 розоватым ногтем / [розово-золотым] розовато-золотым ногтем
32–33 В воздухе [плыл] плавал мягкий гул

Стр. 273.

1 Макаров [стоя] удивленно взглянул
6 *После*: тревожит людей.— *зачеркнуто*: Усмехаясь, он добавил: — Я бы сказал: становится модной, но — как это скажешь о чуме?
9 если он [промолчит] не скажет
11–12 Макаров [подавлен и] смотрит на него сбоку [грустными глазами] [грустным взглядом] [Он смо⟨трел⟩] печальными глазами [с сожа⟨лением⟩]
13 он [ра⟨ссказывал⟩] тихо рассказывал
15 буду репетитором / буду учить ◊
19–20 выехал бородатый извозчик, [они] товарищи сели
21 близко к панели [по которой шл⟨и?⟩]
22 толстых здесь больше / толстых здесь было больше
29 *После:* к ней Лидия?» — *зачеркнуто*: Спивак относилась небрежно, даже, кажется, брезгливо.

30 *После*: к вокзалу — *зачеркнуто:* до поезда было еще да⟨леко⟩
31 заторопился, [быстро выпил кружку пива] обнял Клима
34 До отхода поезда [было ещ⟨е⟩] оставалось
39 как признак своего духовного роста [как]

Стр. 273—274.

41–1 от Ницше, от Маркса / от Ницше, Маркса ◊

Стр. 274.

2–3 умеет [см⟨еяться⟩] высмеивать ее
5 *После*: глазами — *зачеркнуто*: блеск этот Климу казался наглым
7–8 ту или иную идейку [обв⟨енчаться⟩] [скрепиться с нею узами брака] и [зажить] жить
12–13 что [общественные] «гуманитарные идеи
13–14 чем [религия] церковные
15 [Клим] Самгин [понимал [что это в⟨ольное?⟩]: [это вольное] это — свободное изложение «Антихриста» Ницше, и] огорчался: почему он [Клим] не умеет
17 [Ему казалось] Казалось, что Туробоев
17–18 к нему [сл⟨ишком?⟩] слишком внимательно
19–20 глядя [прямо] в лицо
21 [Вы, Самгин] На все вопросы, Самгин
22–23 Это — желание [многих, даже] большинства
28 прервал думы /прервал [неприятные] думы
29 Он оглянулся [вокруг], в зале
32–33 Клим встал ∾ Кутузов?» / Клим встал. «А что мне Туробоев и вообще все эти Кутузовы?» — спросил он себя, пожав плечами. Маленький, круглый человечек, идя под руку с рыжей дамой, [бормотал] пробормотал: — Слышала? Царь-то, говорят, [умер] опасно захворал... [— Вылечат,] — Дама равнодушно ответила: — Вылечат. ◊

Стр. 274—275.

л. 103

37–3 душистым теплом ∾ слова матери / причудливыми пятнами теней. Оба окна открыты, но кисея не колебалась и [1] листья цветов [2] казались вышитыми на ней. Было тихо, голос матери [3] скользил по тишине, не нарушая ее. (*ЧА*$_2$, *БА* ◊) [4]

Стр. 275.

1 [тоже были] неподвижны [так ти⟨хи⟩]
2 отвык от [этого] такой тишины
2–3 [особенно] как-то по-новому

---

[1] и — *в БА нет.* [2] листья [и цветы камелий] цветов (*БА*)
[3] Веры Петровны (*БА*)
[4] Начало отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-26).

4 Ты ∾ возмужал / Да, ты очень возмужал ($ЧА_2$)

4–5 говорила Вера Петровна / говорила она ($ЧА_2$); говорила она Климу ◊ (*БА*)

5–6 глаза стали темнее / глаза [как будто] другие ($ЧА_2$)

7–11 Она встретила ∾ другой тон. / *а*. Она встретила Клима ласково, без [той] суховатой сдержанности, привычной ему, [это его удивило, смутило] это очень смутило его; он чувствовал себя обязанным изменить почтительное равнодушие своего отношения к матери и старался отвечать ей ласково.

б. Мать встретила сына с радостью, неожиданной [для него, и это очень смутило Клима. А] им, незнакомой ему. Он привык к ее суховатой сдержанности [и], привык отвечать [ей поч⟨тительным⟩] на [нее] эту сухость почтительным равнодушием, а теперь нужно было найти какой-то другой тон ($ЧА_2$); Она встретила сына с радостью, неожиданной [им, незнакомой ему] для него. [Он] [Клим] Клим — *Далее, как в тексте*. (*БА*)

12 а [как] — Дмитрий? ($ЧА_2$)

12 *После*: спрашивала она — сидя в [тени] углу, в тени ($ЧА_2$)

12–13 Рабочий вопрос изучает? / [Учится] Изучает рабочий вопрос... ($ЧА_2$)

13 О, боже! ∾ думала / Да? Я так и думала ($ЧА_2$)

14–20 Тимофей ∾ не писал мне... / Варавка находит, что у нас этот вопрос раздувают искусственно. ($ЧА_2$)

16–17 это Германия, опасаясь роста / Германия, опасаясь быстрого роста ◊

21 Она была одета / Мать казалась Климу тоже обесцвеченной и поблекшей, [как все люди. Серое платье, простое и строгое, [было не к лицу ей] делало ее похожей на учительницу, не шло к ее пышной прическе] хотя она была одета ($ЧА_2$); [Мать ка⟨залась⟩] [Клим видел, что мать очень поблекла] Она была одета (*БА*)

21–22 как будто ∾ в гости / [не как] как бы ожидая гостей или собираясь [вы⟨ехать⟩] в гости ($ЧА_2$)

22 Лиловое платье / [Платье] [Лиловое платье] Но лиловое платье ($ЧА_2$); [Но] Лиловое платье (*БА*)

22–24 обтягивая бюст ∾ вызывающее / обтягивая ее [грудь, бедра, делало ее похожей на учительницу] бюст, торс, [напоминало Климу старую [девицу] учительницу музыки в женской гимназии, девицу, которая с сорока лет начала свой первый и очень скандальный роман с купцом, содержателем семейных бань] [придавало] [подчеркивая ее фигуру] придавало ее стройной фигуре нечто вызывающее и напряженное ($ЧА_2$)

25 Когда она сказала / [Слушая] Уже дважды она сказала ◊ ($ЧА_2$)

24–25 *После*: это — новость.— [И ново, что не любила гово⟨рить⟩] Раньше она никогда не говорила о политике и любви. ($ЧА_2$)

25–26 «Бог мой ∾ время!» / Боже мой, как быстро идет время! ($ЧА_2$)

26 в тоне ее слов / в этих словах ($ЧА_2$); в тоне этих слов ◊ (*БА*)

26–27 услышал ∾ не свойственно ей / снова услышал нечто [жалобное и не свойственное ей. Она стала как будто словоохотливее] [жалобное] не похожее на нее ($ЧА_2$); услышал жалобу, это тоже было ново, не свойственно ей ◊ (*БА*)

29 в посте / [что] в середине поста ($ЧА_2$)

30 Я там никого не знаю / Я никого не знаю там ($ЧА_2$)

31 радикалам, [какие-то адвокаты дерзк⟨о⟩] они много напортили ($ЧА_2$)

31–32 Мне ничего не удалось / Дядю, вероятно, снова куда-то отправят; [мне] ничего не удалось ($ЧА_2$)

32–33 даже свидания не дали с Яковом Акимовичем / даже свидания с ним не дали ($ЧА_2$)

33–34 Сознаюсь ∾ на этом. / Впрочем, я не очень настаивала. ($ЧА_2$)

35–36 Клим ∾ трудно. / [Конечно] [Да,— сказал Клим] Клим промолчал, разглядывая, как в луче солнца бескрылыми мошками роятся пылинки. ($ЧА_2$)

37–38 Словоохотливость ∾ где Лидия. / [— А что Лидия?—Мать пожала плечами: — Я всё еще не понимаю ее. [Странная девушка] [Очень умно, что она] [Вот] Она ушла из театральной школы, признав] Находя, что мать стала словоохотливее, он [потом спросил ее о Лидии. [Мать пожала] Мать ответила не сразу [пожав плечами]] спросил ее о Лидии.— Бог мой, трудно понять ее,— сказала Вера Петровна, пожав плечами. ($ЧА_2$)

39–41 Уехала в монастырь ∾ для сцены. / Она хорошо сделала, признав, что у нее нет таланта [актрисы] для сцены. ($ЧА_2$)

40 К тетке ее, игуменье [на какой-то праздник]

41 Это — хорошо. / [Это хорошо, это умно] [Это — не глупо] ($ЧА_2$); Это — не глупо ◊ (*БА*)

41 ей следует / ей нужно ◊ ($ЧА_2$)

Стр. 276.

1 понять ∾ талантов нет / признать, что у нее [вообще] нет вообще никаких талантов [этого она не может понять. Она — заносчива, считает себя чем⟨-то⟩] ($ЧА_2$); понять, что у нее [нет] вообще никаких талантов нет (*БА*)

1–5 Тогда она ∾ прислушиваясь к чему-то. / Но она рассматривает себя как что-то исключительное [И в ней слишком много] [Это — иллюзия] [У нее нет], отсюда у нее недостаток уважения к людям, [какой-то] детский задор [во всем] в словах. Тимофей Степанович [*1 нрзб*], не оправдывая этот задор, почему-то находит его естественным, говорит, что это характерно для нового поколения. Не знаю. ($ЧА_2$)

6 Телепнева нашла / Телепнева нашла себе б⟨огатого⟩ ($ЧА_2$) [1]

6 [Алина] Телепнева нашла

10 *После*: Шут какой-то — *зачеркнуто*: Очень неприятный.

17 передвигаемых [ст⟨ульев⟩] кресел

17–18 а на улице ∾ закричали мальчишки / и почему-то вдруг стало слышно, что у ворот фыркает лошадь, кричат мальчишки ◊

25 встряхнув рукою бороду [*1 нрзб* зашум⟨ел⟩]

34 перекатив [кр⟨углую?⟩] [себя] в столовую [он] круглую тушу

35–36 размешивая ∾ кричал / размешивал ложкой чай в стакане и кричал

Стр. 277.

5 *После*: не вижу его.— *зачеркнуто*: «Днем»,— докончил [К⟨лим⟩] сын про себя и сам удивился цинизму своему.

9–11 казалось, что она / думалось, что она ◊

12 сухой голос матери / голос матери ◊

15 ты устал [да]?

18 [приглаживая] приглаживая пальцами

23 прохладные [душистые] тени

24–25 редкие звезды — тоже капельки / звезды казались тоже капельками◊

25 приплюснуты к земле, [раздавлены и как будто] они [как будто], казалось

28 шагали медленно / медленно шагали

29 кругом [тем⟨ной⟩] черной воды

32 среди медлительных людей [в успокоительной скуке]

36–37 по [убитой щеб⟨нем⟩] неутоптанному, хрустящему щебню

л. 104

40 мыслить об истине можно / мыслить об истине возможно

Стр. 278.

5–6 голос [«Дронов»,— узнал] Дронова

11–12 тем же тоном, каким говорил / так же ворчливо, как говорил ◊

13 Клим посмотрел / [Клим смотрел] Самгин посмотрел

---

[1] Конец отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-26).

14 старенькие сапоги / сапоги ◊

18–19 провинциального мудреца / провинциального философа ◊

23 В саду стало тише / В саду становилось тише ◊

24 зеленоватая полоса лунного света / зеленоватый свет луны отраж⟨ался⟩ на ◊

26 подошел [как⟨ой-то⟩] человек

33–34 крикнул: — Дармоед, зелены уши! / с дьявольской иронией, крикнул: — Б-баран! р-рраз! Дармоед! — р-рраз! ◊

40 Удивление ее / И [так] неуместное удивление ее и ◊

Стр. 279.

4–5 шляпа, подвязанная / шляпа подвязана под ◊

11–12 глядя [одним глазом] в зеркало [и], поправляя

12 [но] и сейчас же

14–15 это влияние школы / *а. Как в тексте. б.* это сказывается влияние школы ◊

16 К вечернему чаю пришла Алина. / *а.* К вечернему чаю Лидия пришла с Алиной, окутанной в широкое белое платье, сияющей сознанием своей красоты. *б.* Дня через два к вечернему чаю явилась Алина .◊

18 льстивых [и любезных] слов

19 смотрели [на Клима] в лицо Клима

21 [бойко] вскричала она

24 *После:* ревнючий — *зачеркнуто*: такого надо уметь выбрать

33 в купеческом [быту] круге

34–35 подчеркивала [его] покоряющую силу

35 Клим видел, [мать] что мать

36 *После:* с грустью в глазах — *зачеркнуто:* но и, может быть, завидуя. Лидия смотрела на подругу то строго хмурясь, то улыбаясь.

Стр. 280.

2–3 понимание драматизма / чувствование драматизма ◊

6–7 *После:* подумал Клим — *зачеркнуто:* Тон Алины, кокетство, он

8–9 [всё] улыбаясь [чут⟨ь⟩] едва заметной улыбкой [сухих и] тонких губ

10 Алина [ве⟨село⟩] смешно рассказывала

11 которая [вышла] влюбилась

14 [уксусные] кисленькие стишки

18 теперь ведь [при⟨нято?⟩] в моде

22 белизною [своих] зубов

22–23 [Сочны⟨й⟩] Голос ее звучал

28 *После:* на здоровье. — *зачеркнуто:* А меня — простите! — я Фета люблю. Он

36 взмахнула [по⟨мятым⟩] измятым конвертом
39 за нею, [качаясь] точно идя вброд [через] по скользким камням [почти⟨?⟩]

Стр. 281.

1 [деревенского] небеленого холста, в каких-то [сме⟨шных?⟩] сандалиях
6 [пр⟨оизнес⟩] сказал юноша
12 потное [св⟨ое⟩] лицо свое
18–19 [*1 нрзб* взглянув и] немного отодвинув стул
19 [поправил] он причесал
20 длинные волосы / курчавые волосы ◊
20 голубые глаза / голубоватые глаза ◊
23 она [из⟨менилась?⟩] превратилась
24 в деревенскую ситцевую девушку / в здоровую деревенскую девушку ◊
30 Иноков [был] похож
31 тоже ничего не осталось / ничего не осталось ◊
32–34 обрызганном веснушками ∾ широкие ноздри / некрасиво торчал нос, тупой, с широко и нервно раздутыми ноздрями ◊
34–35 туго росли / туго пробивались
35 голубых глаз / голубоватых глаз его ◊
36 противоречиво изменялся [становился]
38 *После:* изрезан морщинами — *зачеркнуто:* но это не портило лица
40 предложил ему [подо⟨йти⟩] отойти к окну

Стр. 282.

12–14 *Текст:* Корреспонденции пишу. ∾ Резко пишу будто бы.— *вписан в БА.*

л. 105

29–30 [сильн⟨о⟩] густо подчеркивая «о»
36 Разве селедка нужна / Не селедка нужна ◊

Стр. 283.

4 да северные / да — на севере ◊
7 *После:* наверх — к себе. [Пошли.] (*БА*); [к себе] (*АМ*)
8–9 прыщик на губе / [прыщик] прикушенную губу ◊
9 вышла мать; [и] очень удачно
11–12 она положила руку / положила руку ◊
14 Ослепительна / Ослепительно хороша ◊
22 Ты — прав / Ты [дальнови⟨ден⟩] умен, да ◊
23 [Вздох ее] Клим пошел к Лидии. Там [три] девицы
24 он сильно выцвел / уже сильно выцв⟨етшем⟩ ◊
26 как бы / каким был ◊
30 толкнув стул / попытавшись оттолкнуть стул ◊

33 какие там люди / что там за люди ◊
34–35 с толстой [папиросой] сигарой
36–37 не торопясь, осторожно / осторожно ◊
37–38 о литературных вечерах / литературных вечерах ◊
38 заметил / *а.* заметил *б.* догадался
38–39 говорит [он] неинтересно
40 не лучше, не умнее / не лучше ◊
40–41 продолжал он.— [Интереснее в]

Стр. 284.

1–2 любовь, смерть / тайны смерти, любви ◊
12–13 вытер ее там [и сказал]
14 *После:* Не знаю.— *зачеркнуто:* Не думал о них.
15 [Он раздражал] [Он раздражал Клима не только тем, что он] Клим почувствовал
17 *Фраза:* «Вероятно ∾ глуп».— *вписана в БА.*
19–22 *Текст:* Рассказав о Метерлинке ∾ о политике — *вписан в БА со следующими вариантами:*
19–20 Рассказав о Метерлинке / Он рассказывал о Метерлинке ◊
21 он, посматривая / он [заметил] [загово⟨рил⟩], посматривая
21–22 строго заговорил / строго сказал ◊
23 усердно занимались / много занимались политикой ◊
24 вопросов [*1 нрзб*] материального [бы⟨та⟩] характера
25 духовной жизни / *а.* индивидуального бы⟨тия⟩ *б.* личной жизни ◊
27 чувства людей / чувства человека
27–28 это [всегда] ограниченный человек
29–30 *Фраза:* Все эти ∾ творцов...— *вписана в БА.*
31–32 Иноков [смотрел на Клима], держа сигару, как свечку, [и] пальцем левой руки

Стр. 285.

3–4 изредка являлись у него [внезапно] откуда-то
5 То, что, исходя / Всё, что исходило ◊
6 легко усваивалось / легко [осва⟨ивалось⟩] освоивалось
7 более [прочным] надежным
9 грозили [увлечь] оторвать и увлечь
10 прочно усвоенных мнений / прочно освоенных мнений
11 смутно [созна⟨вал⟩] догадывался
12 какому-то [его и иному] его [же⟨ланию⟩] чувству
13–14 было тоже неясно и [гасилось [всегда не его] всегда напряженным состоя⟨нием⟩] [то гасло] поглощалось [его] сознанием
17–18 а [напряженный] пристальный взгляд
22 Да, жалкий / Да, он — увяз ◊
23–24 бойким мальчишкой [Недавно я в⟨идел?⟩]

24 Я уговариваю его / Я уговаривал его ◊

27–32 Иноков ∾ «Нет»,— говорит / *а.* Злой? Едва ли... Но [пожалуй] вообще,— дрянь. Мне всё кажется, что меня [из-за него] из гимназии выгнали по его милости, донес на меня. Я даже спрашивал его: ты донес? *б.* Я его мало знаю [и] [Не люблю, а не любил] И не люблю.— Иноков [встал] отошел, [ка⟨чаясь⟩] покачиваясь, [к окну] [и] встал у окна — *Далее, как в тексте, до слов:* на меня — *Далее:* Даже [спрашивал его: это ты донес?] спросил недавно: Ты донес? [Поклялся] Нет, говорит (*БА*); Я его мало знаю и не люблю.— Иноков отошел, покачиваясь, встал у окна и оттуда сказал ◊ — *Далее, как в тексте.* (*AM*)

л. 106

34–35 улыбался ∾ улыбки / улыбался ненужной улыбкой, она не сливалась с его слова⟨ми⟩

Стр. 285—286.

39–4 *Текст:* Да, Дронов — злой, ∾ обняв Лидию.— *вписан в БА со следующими вариантами:*

Стр. 285.

40 Но он [как⟨-то⟩] скучно злится, как будто

Стр. 286.

3–4 обняв Лидию [но Ли⟨дия⟩] [но та]

5 обратился к ней Иноков / обратился Иноков к Лидии ◊

7 *После:* в окно буду.— *зачеркнуто:* Лидия разрешила.

13 Выпустив изо рта / Выпустив ◊

15–16 Не помню ∾ отходя от него. / [Самгин?] Не помню я вас. ◊

17 подумал он / подумал Клим, оглядываясь

25 *После:* богу молиться? — *зачеркнуто:* [Клим] Самгин чувствовал себя неудовлетворенным. Как будто он ничего не говорил этим девицам и

26 Клим шагал / Он шагал ◊

29 *После:* напомнил он себе — *зачеркнуто:* проходя мимо зеркала, отразившего его [тонкую] стройную фигуру и сухое лицо в очках.

32 тихая и плоская / темная и плоская ◊

33 налетит [всякая] серая дрянь

37 [Что говорить] Шли бы в сад.

38 [Но] Ей [никто] не ответили. [Склонив голову набок] Она щелкнула ногтем

38–39 по молочно-белому абажуру / по бело-молочному абажуру ◊

Стр. 287.

1 синевато-темно / темно ◊

2 гроздья белой сирени / белые грозди акации ◊

4 поднимался от земли / опьяняя, поднимался с земли ◊
4–5 [Шел⟨ковые⟩] Атласные листья
5–6 Клим ходил / Клим шагал ◊
6 *После:* песку дорожки — *зачеркнуто:* слушая гул спора, выливавшийся из окна
8 Густой ∾ опьянял / Опьяняли густой запах цветов, свет ◊
8 *После:* запах цветов опьянял — *зачеркнуто:* Клим чувс⟨твовал⟩
8–10 *Слова:* и Климу ∾ от себя — *вписаны в БА*.
12 Ты хорошо говорил [Клим].

л. 107

22 Но все-таки — неловко / Но все-таки (*ЧА*$_2$) [1]
24 под руку, говоря задумчиво / под руку (*ЧА*$_2$)
25 Я была уверена / Я думала (*ЧА*$_2$)
26 *После:* незнакомым.— Это — хорошо. (*ЧА*$_2$)
27–28 Клим Самгин ∾ вернула его / Клим [тоже] почувствовал, что [это] этими словами Лидия [выпрямила его] вернула его (*ЧА*$_2$)
27–28 прижал ее руку / прижал ее локоть ◊
29 раздраженно кричали / было еще более шумно (*ЧА*$_2$)
30 отмахивалась / отмахивалась рукой (*ЧА*$_2$)
30–32 Алина, стоя ∾ Цинизм! / Алина, стоя у рояля, отмахивалась рукою от Сомовой, наскакивавшей на нее, и густо сердито кричала: — Это лицемерие! (*ЧА*$_2$)
33–37 А Иноков ∾ поэзию семейных бань. / Позвольте,— говорил Иноков, улыбаясь несколько растерянно,— нельзя же, однако, это, в сущности, поэзия семейных бань [2]. (*ЧА*$_2$)
36 однако же [это уж] вы защищаете
38–39 Алина ∾ Телепнева / Можно! — крикнула Алина (*ЧА*$_2$)
41 Ну, всё равно... / Ну, всё равно! Слушайте. ◊ (*ЧА*$_2$)

Стр. 288.

1 Ее лицо пылало / Лицо ее пылало (*ЧА*$_2$)
1 ленивые глаза / большие, ленивые глаза (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)
2–3 Клим видел что-то неумелое / было что-то неумелое (*ЧА*$_2$)
3 Когда она, выхватив / Выхватив (*ЧА*$_2$)
4 воинственно взмахнула им / она [детски] воинственно взмахнула им [этот жест тоже был детский и тоже смешной,— детский] (*ЧА*$_2$)
5 невольно улыбнулся / невольно усмехнулся (*ЧА*$_2$)

---

[1] Начало отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-27).
[2] *Слова*: это, в сущности ∾ бань — *вписаны в ЧА*$_2$.

5–6 жест Алины ∾ смешной / жест был тоже смешной и детский (*ЧА*$_2$)

7–8 успокаиваясь, заявила ∾ слушайте! / успокоенно объявила Алина, снова спрятав листок. (*ЧА*$_2$)

9–10 стояла молча, выпрямляясь / стояла, выпрямляясь [опустив руки] (*ЧА*$_2$)

16–19 Стояла она ∾ от бедер. / *а.* [Она не декламировала, а тихим [бредовым] голосом [рассказывала] просто и убедительно рассказывала бурное сновидение.] Стояла она, опустив руки вдоль тела, немного отведя от бедер раскрытые ладони. *б.* Стояла она, подняв голову, глядя в [открытое окно] синеватую тьму за окном, руки ее были опущены вдоль тела, раскрытые [ладони, розовые] розовые ладони немного отведены от бедер [как плавники окуня]. (*ЧА*$_2$)

23–25 Нехаева ∾ определенные эмоции. / [Клим слышал эти болезненно чувственные стихи из уст Нехаевой, [они] тогда они звучали только противно] [Клим слышал из уст Нехаевой] Нехаева декламировала много таких болезненно чувственных стихотворений [и], они всегда будили [в нем] у Клима вполне определенные эмоции. [Он вспомнил [торопливый] жаркий, захлебывающийся шёпот и страх, и стыд, с которыми] (*ЧА*$_2$); Нехаева [немало] часто нашептывала ему такие— — *Далле, как в тексте* (*БА*).

25–37 Алина не будила ∾ облегченно вздохнув / [Но Алина говорила их [как] бесстрастно, с изумлением, именно это чувство звучало в ее сочном пониженном голосе и отражалось на лице, в трепете губ, в [отум⟨аненных⟩] глазах, как бы отуманенных испугом.] Голос ее всё понижался, отягчаемый бредовыми словами [лицо побледнело, глаза расширились]. [Читала она] Читая всё медленнее, тише, бессильней, [и] она вдруг [застонала] длительно и громко [в одно дыхание] простонала (*ЧА*$_2$)

27 чье-то [бурное] сновидение

29 Но теперь [даже] и

Стр. 289.

1–3 *Фразы:* Казалось ∾ пряные слова.— *в ЧА*$_2$ *нет; вписана в БА.*

3 подсказывает ей [эти] пряные слова. [В красивых глазах ее [было], во всем лице было именно выражение человека, который прислушивается]

4–6 Прислонясь ∾ смотрел / [Этот стон оглушил Клима [и даль⟨ше⟩] и подавил его] Прислонясь к стене, [не ⟨слышал⟩] [он] Клим уже не [слышал] [слушал задумчивый] понимал

слов, а слушал только [этот изумленный, испуганный голос] ритмические колебания голоса [и] [Он] и смотрел (*ЧА*$_2$)

6–7 она, покачиваясь, сидела на стуле / *а*. Она сидела среди комнаты на стуле, покачиваясь в ритме стихов. *б*. Она, покачиваясь, сидела среди комнаты на стуле (*ЧА*$_2$)

7 глядя ∾ с Алиной / глядя в угол ком⟨наты⟩ ◊ (*ЧА*$_2$)

8 ... хаос / *а*. ...хаос *б*. [пламя вздымается вихрем и сгущает мечты в разноцветии]... хаос (*ЧА*$_2$)

9 последнее слово стихотворения / последнее слово (*ЧА*$_2$)

10 у рояля, закрыв лицо ладонями. / *а*. у рояля. Все молчали. Она пошла к дивану, села, закрыв лицо руками. *б*. у рояля, закрыв лицо руками. Она подошла к дивану, села. (*ЧА*$_2$)

12 тихо подошла / тихонько подошла (*ЧА*$_2$)

12–13 погладила голову ее / погладила ее голову (*ЧА*$_2$)

13 и сказала, вздыхая / и вдруг [сказала] [спросила] сказала громко [грубо] (*ЧА*$_2$)

14 Тебе не надо замуж выходить / [Зачем бросаешь учиться?] Тебе не [выходить за⟨муж⟩] надо выходить замуж (*ЧА*$_2$)

15–17 Нет, Люба, нет... ∾ нам — пора. / [Все] О стихах никто не решился сказать ни слова, только Иноков угрюмо повторил свои два и тотчас заторопился:

— Люба, пора! (*ЧА*$_2$)

20 и спросила Инокова / [и] а протянув руку Инокову, [победоносно] спросила, вздохнув (*ЧА*$_2$); и спросила Инокова [подав ему] (*БА*)

22 Ваша ∾ хорошо! / Ваша взяла (*ЧА*$_2$)

22–23 ответил он, сильно встряхнув / *а*. ответил Иноков, встряхнув *б*. ответил Иноков, почтительно и сильно встряхивая (*ЧА*$_2$); ответил он почтительно и сильно встряхнув ◊ (*БА*)

24–25 Лидия, подвинув к нему стул, села / Лидия подвинула стул к нему (*ЧА*$_2$)

26 Клим встал рядом. / [Клим встал [сбок⟨у⟩] у косяка] (*ЧА*$_2$)

26–27 В синеватом сумраке ∾ темный глаз. / Ее профиль [был вырезан] вырезался на сумрачном фоне четко, точно камея. Клим видел, [как] что строго блестит темный глаз девушки. (*ЧА*$_2$); В синеватом сумраке четко [точно камея] вырезался — *Далее, как в тексте*. (*БА*)

28–30 О любви ∾ не чувствует. / [О любви] Стихи о любви она читает превосходно, [это все говорят] [это вели⟨колепно⟩] [когда в] если любовь — без ревности. (*ЧА*$_2$)

28–29 [не гро⟨мко⟩] заговорила Лидия

30–31 празднично и тоже... мимо / [празднично] Но оба они —

мечтают, не чувствуя. ($ЧА_2$); [праздничными] празднично и тоже... мимо (*БА*)

31–33 Это удивительно ∾ жалко его. / Это [страш⟨но⟩] очень интер⟨есный⟩ человек, только... Он какой-то обожженный. ($ЧА_2$)

33 Мне иногда жалко его. / Мне его жалко, но ◊

34–37 Говорила она ∾ Клим выжидающе молчал. / Говорила она сама себе, как бы проверяя свои мысли. Самгин молчал, ожидая [каких-то] иных слов и чувствовал, что он робеет. Выпрямясь, девушка закинула руки за шею; острые груди ее высоко подняли легкую ткань блузы. ($ЧА_2$); *Как в тексте, до слова*: Клим — *Далее*: насторожился и молчал.◊ (*БА*)

Стр. 289—290.

40–1 И я очень ∾ красоту. / И я обижаюсь не за себя, [а за красоту ее] а за [нее и] ее красоту.— [Лидия] Улыбаясь, Лидия [сказ⟨ала⟩] [ска⟨зала⟩ покача⟨в⟩] взглянула в лицо Клима. ($ЧА_2$)

Стр. 290.

1–3 Один... ∾ отталкивающе. / Один... странный человек сказал, что [ее] красота ее отталкивает. ($ЧА_2$); *а*. Один... ученик, странный человек, и, говорят, талантливый, Диомидов, столяр... [Диомидов] не просто — Демидов, а — Диомидов... — Замолчав на несколько секунд, [не]она, глядя в лицо Клима с улыбкой, сказала: — Влюблен в меня.

И, нахмурясь, снова глядя в сад, продолжала тихо, как раньше:

— Он говорит, что Алина красива отталкивающе. *б.Как в тексте.* (*БА*)

4–7 *Текста:* Но... он человек ∾ под его очки — *в* $ЧА_2$ *нет*; *вписан в БА*.

8 что, декламируя / что, читая ($ЧА_2$)

8–9 становится похожа / [по⟨хожа⟩] делается похожей ($ЧА_2$)

9 Ладони ∾ плавники. / [И руки у нее] Ладони у нее, точно плавники окуня. ($ЧА_2$)

10–23 *Текста:* Клим согласился ∾ тотчас спросила — *в* $ЧА_2$ *нет.*

12 не могли отучить в школе / не [могут] могли отучить

13 Завидую? / *а*. Нет, я ничего не понимаю. *б*. Завидую?

13–23 *Текст:* Нет, Клим ∾ тотчас спросила — *вписан в БА*.

24 Как ты назвал писателя о слепых? / Послушай, [как] этот писатель о слепых — как? ($ЧА_2$); Как имя этого писателя о слепых? ◊ (*БА*)

25 Достань мне эту книгу. / Достань мне. ($ЧА_2$); Достань мне книгу. ◊ (*БА*)

25–30 *Текста:* Нет — как удивительно ∾ «Пойдем, посидим».— *в* $ЧА_2$ *нет.*

25 Нет — как удивительно / *а.* Клим находил, что она обращается к нему в неподобающем тоне [как старшая] старшей сестры. Это — начинало раздражать его, [и] он уже искал [каких-то] слов, которые заставили бы ее изменить неуместный тон. Но Лидия, вдруг разняв руки, скрестила их на груди и сказала: — Нет, как удивительно *б. Как в тексте.*

26 именно сегодня / сразу ◊

28–29 устав от игр, предлагала / уставая от игры, говорила ◊

31–32 Меня эти вопросы ∾ в небо. / Меня это волнует. Вопросы о благополучии народов не трогают, мне самой неблагополучно.— Глядя в небо, [раскрашенное] она продолжала вспоминающим тоном ($ЧА_2$)

33 он в моде / он входит в моду ($ЧА_2$); он [вход⟨ит⟩] в моде (*БА*)

33–34 Его приглашают ∾ проповедовать. / Его очень посещают разные люди. ($ЧА_2$); Его приглашают [во] [в] в интеллигентские дома, [он] [читать] проповедовать. (*БА*)

34 Но мне кажется, что / По-моему ($ЧА_2$)

35–36 Я была у него ∾ одна / Я [ходила к нему и] была у него и одна ($ЧА_2$)

л. 108

37 в эти холодные слова / в холодные слова ($ЧА_2$) [1]

37 вот и всё. / и всё. Расскажи что-нибудь. ◊

40 погладить ее руку / не чужими словами ◊

41 *Фраза:* Расскажи ∾ попросила она.— *вписана в БА.*

Стр. 291.

4 Лидия сказала / Лидия [твердо ска⟨зала⟩] остановила

6 Но почти тотчас / [Но] И почти тотчас

7 Он сильно болен? [Да?]

9 *После:* ты думаешь?..— *зачеркнуто:* Я — знаю

10–16 *Текст:* Я слышала ∾ И — вдруг... — *вписан в БА.*

12 Замолчав, Лидия / Помолчав, кусая губы ◊

15 невыносимый нахал / нетерпимый нахал ◊

20 в двадцать лет / в семнадцать лет ◊

22 Любовь и — это... / Любовь — и вдруг... Клим был поражен.— Разве? Я не знал. Но правда ли это? — бормотал он, подходя к девушке. ◊

23 отодвинулась от Клима и почти упала / отодвинулась от него, села ◊

25 какая же любовь? [Нет]

---

[1] Конец отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-27).

27 *После:* Ах, оставь! — *зачеркнуто:* Это безразлично, какая.
27–28 не должно быть [никаких] болезней
32–33 [такая] толстенькая, красная
33 *После:* как торговка — *зачеркнуто:* хихикает, а не смеется
39–40 настолько резко, что Клим оробел / *а.* произнесла так, что Клим оробел и не мог ответить ей *б.* произнесла так резко, что Клим оробел

Стр. 292.

8 лицо ее потемнело / лицо ее стало темней ◊
9 [она смот⟨рела⟩] [глаза] [она] она ослепленно прикрыла глаза
19–20 несмело пошутил / робко пошутил
20 *После*: пошутил Клим — и упрекнул себя за [эту] робость. (*БА*); *в АМ эти слова зачеркнуты.*
22–23 я даже уверен, что людям / я думаю, даже уверен, что жить легче и приятнее [когда] [если] и что люди ◊
27 разве [вся] поэзия — не вымысел?
34 настолько смутило / так смутило
37 [Уже поздно] Минуту-две оба молчали.

Стр. 293.

1 [чув⟨ствовал⟩] замечал, что
1–2 чувствует себя подавленным / чувствует себя не так свободно, как с другими ◊
2 [и с каждой встре⟨чей⟩] и что [с ⟨каждой⟩] после каждой встречи это чувство [как бы] возрастает
4 «Я — не [ма⟨льчишка⟩] гимназист
6–9 *Текст:* а достоинства ее ∾ ее лет» — *вписан в БА.*
10–12 Пытаясь понять ∾ разбуженного / *а.* Он не ощущал в себе даже физиологического любопытства к ней, любопытства, разбуженного в нем *б.* [Проверяя всё, [что] [чем] что раздражала в нем Лидия, он не [удов⟨?⟩] ощущал к ней даже] Пытаясь понять — *Далее, как в тексте.* (*БА*)
11 тянуло к Лидии / тянуло к ней ◊
15 подозревал [какую⟨то⟩] опасность
18–34 низшими, чем он ∾ не хочу от нее»/*а.* низшими и даже уродливыми. [Нередко] Казалось, что [она] эта девушка, тоненькая и гибкая, носит в себе что-то тяжелое, требовательное и неверующее, этим она и подавляет его. Это не в словах ее, а спрятано за словами, и [эта] этим она будила [в Клим⟨е⟩] желание выпрямиться пред нею, иначе ходить, говорить другим голосом, прямодушно, другими словами, требует преклонения пред нею. Но это уже возбуждало в Климе протест, [раздражение, иногда] даже злость и тогда [он [сер⟨дито⟩] думал, что] чувство [уважения] самообороны диктовало

[ему]: «Не нужно обращать внимания на нее». *б.* низшим, чем он, и даже уродливыми. Казалось также, что эта девушка подавляет. Это не в словах ее спрятано, а за словами и требует, чтоб он иначе ходил, говорил другим голосом, другие слова, требует какой-то необыкновенной откровенности, преклонения, признания ее существом высшего порядка. [— Этого она хочет?] [Снова он невольно вспоминал о Макарове.] И это возбуждало в нем чувство протеста, сознание необходимости самообороны: «Не нужно обращать внимания на нее» (*БА* *) [1]; ⟨низшими⟩ чем он. [В этой девушке] Клим вспоминал, что в тоненькой и гибкой девочке всегда [[было] что-то тяжелое, капризное, требовательное, изм⟨енчивое?⟩] жило стремление командовать. Очевидно, что теперь это стремление [ра⟨зрослось?⟩] разрослось [во что-то почти невыносимое], стало [тяжелое, требовательное и неверующее] тяжелым, оно и подавляет [его]. Оно не в том, что говорит Лидия, оно прячется за словами и повелительно требует [от него], что⟨б⟩ он, Клим Самгин, был другим человеком, требует от него какой-то необыкновенной откровенности, преклонения, признания [Л⟨идии⟩] девицы Лидии Варавка существом высшего порядка. Она поучает:

«Ты держишься с людями, точно чиновник для особых поручений при губернаторе. [Тебя ужасно портят очки] Почему ты улыбаешься так натянуто? У тебя тонкое лицо, но его ужасно портят очки. Говоришь ты слишком докторально».

Всё это возбуждало в Климе чувство протеста, сознание необходимости самообороны, и это чувство, напоминая [ему] о Макарове, [заставляло] [позволяло ему] диктовало [решение]: [Нужно] [Мне от нее ничего не нужно] [Следует] [И не надо] [И не буду] не обращать внимания на нее, вот и всё. «Я ведь ничего не хочу от нее». ($БА_1^*$) [2]

19 Вспоминая / Он вспоминал ◊

19 гибкой его подруге / гибкой девочке ◊

22 [стало тяжелым] отяжелело, [Оно и по⟨давляет⟩] именно его силою

25 *После:* говорил — *а.* требует от него всё, что он имеет, и какой-то необыкновенной откровенности и признания девицы Лидии [Варавка] существом высшего порядка *б.* требует какой-то необыкновенной откровенности (*БА*) [3]

---

[1] Начало отрывка *БА* *.

[2] Начало отрывка $БА_1^*$ (ХПГ-21-1-28), написанного после *БА* *.

[3] Вероятно, текст вычеркнут в *АМ*; страница машинописи не сохранилась.

27 «Ты говоришь / «Почему ты говоришь ◊

31 это сознание / это чувство ◊

Стр. 293—294.

35-20 Он пробовал ∾ на мой взгляд. / *а.* В конце концов Лидия встала пред ним [как нечто] человеком, которого необходимо опростить и преодолеть. Клим был уверен, что [найдет в себе си⟨лы⟩] обладает силою, достаточной для этого, эту уверенность особенно укреплял в нем опыт с Нехаевой. *б.* [Но отойти от нее он не мог и] [Он] [Тогда] [Он пере⟨стал?⟩] [Он] [Приняв [это] такое решение] Он пытался себя вести так, чтоб Лидия заметила его равнодушие к ней, но это было трудно и длилось лишь до поры, пока она не спрашивала: «На кого ты дуешься?» — [Так говорят с детями,— сказ⟨ал Клим⟩

Однажды Клим сердито сказал:

— Ты спрашиваешь так, как будто я ребенок.

[— О, извини.

Вопросительно вз⟨глянула⟩]

— Разве? [Нет, я не считаю тебя ребенком] — небрежно спросила она. — Скажи, что [именно] нравится тебе в «Notres coeure»? (*БА* *); *Как в тексте, до слов:* чтоб она заметила — *Далее:* [это] его равнодушие. Она [заметила и спр⟨осила⟩], заметив, спрашивала небрежно:

— На кого ты дуешься?

И затем [начинала[насмешливо, неотразимо выпытывала:

— Почему тебе нравится «Notre coeur»? Это неестественно: мужчине не должна нравится эта книга.

Не всегда легко было отвечать на ее вопросы. [1] И часто Клим чувствовал за ними упрямое желание запутать его, поймать на противоречиях.

Однажды он, не стерпев, сердито сказал:

— [Ты гово⟨ришь⟩] Что ты экзаменуешь меня, как мальчишку?

Она удивилась:

— Разве?

И [добави⟨ла⟩], взглянув в глаза его ⟨с⟩ непонятной улыбкой, сказала:

— [Во⟨т?⟩] Тебя [да⟨же⟩] и юношей не назовешь, ты такой — солидный. Ты будешь профессором, да? Слушай: этот твой Розенбах — [болотная скука] [мы⟨льная⟩] мыльная пена, пена плохого мыла. ($БА_1^*$) [2]

---

[1] Отвечать на ее вопросы было не всегда легко.

[2] Конец отрывка $БА_1^*$ (ХПГ-21-1-28).

Стр. 293.

38 его независимость / его равнодушие ◊

Стр. 294.

4–5 Клим чувствовал / и часто Клим чувствовал ◊

15 она [ска⟨зала⟩] нашла

л. 109

20 *После:* на мой взгляд.— *зачеркнуто:* А ты что открыл в нем?

22 голубым огнем / голубым огнем молний (*БА* *)

23–24 вздрагивая ∾ звенели / вздрагивая, ныли от ударов грома (*БА**)

24–25 Клим ∾ руку девушки Клим взял и поцеловал руку Лидии (*БА* *)

25–27 спокойно ∾ отняла руку свою / спокойно, но [тотчас отодвину⟨лась⟩], когда он попытался обнять ее талию, тихонько оттолкнула его.

— Оставь [— сказала она не строго и задумчиво]. (*БА**)

27 *После:* руку свою.— *зачеркнуто:*— Не надо

29 его речь / его (*БА**)

31 Я тоже / А я тоже (*БА**)

32 она, вздрогнув, сказала / она сказала весьма подозрительную фразу ◊ (*БА**)

33 Я думаю, что наиболее / Вероятно, наиболее (*БА**)

34 любят женщин актеры / любят актеры, актрисы ◊

35–36 Клим ∾ именно актеры? / Почему это? (*БА**);

— Любят что?

— Друг друга, женщин, мужей...

— Но почему же [— спроси⟨л⟩] именно актеры? (*БА*)

37 Не ответила. / [Не ответила. Сидя на стуле, закинув ногу за ногу, она пыталась свистеть] Она не ответила. (*БА**); Лидия не ответила. ◊ (*БА*)

38–40 Такие мысли ∾ намекающее. / Такие неожиданные фразы она говорила нередко, и они [воз⟨буждали?⟩] [настраивали] настраивали Клима подозрительно. (*БА**) [1]; Такие неожиданные фразы она говорила нередко, они настраивали Клима всё более подозрительно, тревожно. ◊ (*БА*)

Стр. 295.

5 одной идеей / одной мыслью ◊

7 ему казалось / Климу казалось

---

[1] Конец отрывка *БА* * (ХПГ-16-1-1). *Текст*: [Не ответила ∾ Она не ответила; Такие неожиданные фразы ∾ подозрительно.— *продолжение этого отрывка, написанное на другом листе, хранящемся под шифром* ХПГ-21-1-28, *с авторской пагинацией* [108] 109.

7–8 это [усиливало, углубляя], углубляло его [подо⟨зритель-ность?⟩] неприязнь к ней, усиливало

12 среди беседы, [замолчав] погружалась

21 смелости [чтоб] спросить

25 [неохотно] насильно осветив лицо

27 Молчун схватил. / Молчун обнял. ◊

31 Он [обнимает] обнимет

40 Я не умею думать... мне кажется. / Я не умею думать... может быть. ◊

Стр. 296.

1–2 простенький такой, [лицо как у] мордочка собаки

14 спорить не [умел] хотел

20–21 являлся домой / приходил домой ◊

31 Мать сидела против него / Мать, слушая его, сидела ◊

32 Лидия и раньше / Лидия и всегда ◊

33 а теперь [стала] говорила

34 *После:* не нужного ей.— *зачеркнуто*: В доме была тягостная скука.

36–37 у толстой [кривой] одноглазой бабы

Стр. 297.

5–6 [нах⟨мурясь⟩] озабоченно нахмурясь

л. 110

6 голубые подтяжки [для брюк]

7 [Ласковая] Старушка с ласковым лицом

12 [Потом она, придя] И, остановясь [ню⟨хать⟩] понюхать

14 о сектанте, который бормочет / о сектантах, которые бормочут ◊

15 строгой старушке / старушке ◊

17 *После:* этих людей? — *зачеркнуто:* Зачем они?

19 шумно играют / играют ◊

21–22 [от⟨свечивают?⟩] блестят на солнце [медью] шёлком

31–32 наблюдая [за возней на песке и] капризные игры

Стр. 298—302.

4–26 *Текст:* Однажды Клим встретил ∾ ее не видно в городе.— *вписан в БА со следующими вариантами:*

Стр. 298.

8 Самгин видел / Клим [ясно] видел (*БА*); Клим видел ◊ (*АМ*)

12–13 смотрел на [все] вещи

14 не симпатична ему [он как-то внезапно] и что он

15 Он [как-то] внезапно подходил

22 Библию, Шекспира / Библию, Пушкина, Шекспира (*БА*, *АМ* ◊)

25 *После:* Затем — *зачеркнуто:* по оценке Клима

25 начинал говорить глупости и дерзости / начинал говорить дерзости ◊

30 он спросил [ее]

39 удивленно посмотрев на нее / посмотрел на нее удивленно ◊

Стр. 299.

26 А [ба⟨рышня⟩] просто барышня

33 говоришь с ним [важн⟨ым⟩] тоном

37–38 с ним как-то иначе / с ним иначе ◊

41 Да, [но с ним ни] от него можно ожидать

Стр. 300.

1 вечером [очень поздно] Сомова пришла

4 милейший пошел / милейший Гришук пошел (*БА*, *АМ* ◊)

7 Клим [принес] сходил вниз, принес

10 [бойко] начала Сомова

11 разводя руками / и развела руками ◊

12 как [вполне] искреннее

14–15 всё прыгает [то и ⟨дело?⟩] во все стороны

22 [Она] Начала она

25–26 Всё знать — [это] его пунктик.

25 У него даже [стихи] в стихах это

37 в Мариуполе / в Херсоне ◊

Стр. 301.

3 закрыв платком / прижав платок ◊

11 Иноков, когда жил там / Гриша, когда жил там (*БА*, *АМ* ◊)

15–16 полез драться. Но Иноков — сильнее / полез драться с Гришей. Но Гриша сильнее [его] (*БА*, *АМ* ◊)

20 и, вздохнув, продолжала / и продолжала ◊

22–23 Когда он злится / Когда Григорий злится (*БА*, *АМ* ◊)

25 в батраки [в эконом⟨ию⟩] на хутор

32 любили Инокова / [очень] любили Григория (*БА*); любили Григория ◊ (*АМ*)

34–35 умеет [весело] всякую работу

42 но [в ответ] она сказала

Стр. 302.

8–9 Приходила полиция / Гришу ищут, приходила полиция (*БА*, *АМ* ◊)

27–28 Клим вспомнил ∾ над прудом / «Зачем, кому нужен этот человек?» — думал Клим, сидя [на любимом] в городском саду над прудом и ◊

31 голова его [или], плечи

32 *Фраза*: «Зачем нужны ∾ Иноков? — *вписана в БА*.

35–36 Лидии ∾ трусливее / Лидии, которая, в сущности, наверное не загадочна, а только труслива и трусливее ◊

40 мудрецов [которые] и фокусников [слова]

40–41 Слишком много [накопилось лишнего] [накоплено] людей

Стр. 303.

3 ходит по земле с [бубе⟨нчиком⟩] колокольчиком

5 этого цвета и порядка / этого порядка

10–11 Он [скрывал их] умел скрывать их

12 [Однажды, когда Клим был погружен в эти мысли] На воде пруда

13 вдруг явилось / явилось

20–21 Сомова говорила / Варавка сказала ◊

24 А — сидеть / Есть же время — сидеть

26 плевки [слишком] аккуратно падают в одну [и ту же] точку

27–28 Клима, [голова, тускло] белая фуражка

29 в лицо Ивана Дронова / в лицо Дронова ◊

29–30 На лице [этом], сильно похудевшем

33–34 [Гнусавя, Дронов] Незнакомым, гнусавым голосом

35–36 работы — нет [последнее — в по⟨двале⟩], две недели мыл бутылки в подвале [сильно] пивного склада

37 [Эдак] Папирос у тебя нет?

39 [Так] И не будешь

41 [Не будешь] Конечно — не будешь.

Стр. 304.

4–5 писал бы я вывески [может, или бы стриг и брил людей] или [бы] иконы

7 Клим, взглянув / Клим, посмотрев ◊

14 Он махнул рукой [и плюнул в пруд].

15–16 явился [один] Исаия

17 *После:* прогоните царя.— *зачеркнуто:* Обещают: мы прогоним.

л. 111

18 *После:* Соглашаешься прогнать? — *зачеркнуто:* Дронов сплюнул.

24 [А] Томилину — верю.

28–29 Он, брат, одному учит — неверию. / Это, брат, большая штука, учить неверию. ◊

32 Да... [я думаю]

Стр. 304—305.

35–11 Живет — не морщится ∾ «Ересь и нецензурно». / Перевел две книги — никто не хочет печатать [их]. «Нецензурно и ересь»,— написал ему какой-то московский профессор лиловыми чернилами. [Сам книгу написал] Томилин сам книгу сочинил. [Заглавия еще нет] Заглавие и тему не знаю, а эпиграф подсмотрел: «[Истины ищу, но] Не ищу утешения, но — только истину» (*БА**)

Стр. 304.

38–39 *После:* много стерпит.— *зачеркнуто:* — Он — надолго.

40 не изломится! / не изорвется!

Стр. 305.

1 Серые облака поднялись / Серая туча поднялась ◊

2–3 [легко] вздохнул прохладный ветер

3 мягко пошумел / пошумел ◊

5 «Долго он будет [болта⟨ть⟩] говорить?»

10–11 ответил [лилов⟨ыми⟩] зелеными чернилами [«И ересь, и нецензурно»]

12–13 С явным удовольствием ∾ засмеялся / Дронов негромко и неумело засмеялся ◊ (*БА**); Дронов с удовольствием, но негромко и как-то неумело засмеялся ◊ (*БА*)

15 Он был ∾ с голода / Зачах бы он с голоду, помер бы (*БА**)

16–17 Одела в мужево платье / Одела вот, обула (*БА**)

17 поит, кормит / поит, кормит, обувает (*БА**)

17 И даже спит с ним. / Все-таки, кажется, спит [с ним. Хотя и святой] с ним. (*БА**)

20–40 Повариха ему ∾ подумал Клим. / Климу вдруг захотелось спросить о Маргарите, но Дронов становился всё словоохотливее.

— А повариха ему, философу,— судьба.

Он покашлял, подумал, продолжая истязать фуражку.

— Завидую я ему. Хорошие мозги. Вот дядя твой рычал о любви к народу, но любовь-то у него — для драки. [Томилин же, может быть, действительно любит ближнего... потому что видит его [верст] где-то далеко впереди, в будущем. Это удобно, вблизи-то ближни⟨й⟩] [То есть] (*БА**)

24–40 *Текст:* наблюдая, как Дронов ∾ подумал Клим. — *вписан в БА со следующими вариантами:*

26–27 тоже кухарка была / кухарка была ◊

30–31 затянуть болтовню Дронова / затянуть беседу ◊

31 фамильярный тон его / фамильярный тон Дронова ◊

32–33 неудобный парень, высмеивая мучения / парень, высмеивая юношеские муки ◊

36 *После:* вот и всё».— *зачеркнуто:* Это верно,— вяло соглашался Клим, думая о другом.

39 любовь — для драки / любовь — орудие драки ◊

Стр. 306.

4 юноша независимого ума / человек независимого ума (*БА*, *АМ* ◊)

8–9 его всё более смущал / его неприятно смущал ◊

12–13 *После:* мешать жить. — *зачеркнуто:* Пора было

15 тотчас же понял / тотчас же почувствовал ◊

24–36 *Текст:* И, плюнув ∾ ведет ее купать.— *вписан в БА.*

37 Посидев еще минуты две / Посидев еще минуты две молча ◊

41 с досадой ткнул землю / с досадой ударил о землю ◊

Стр. 307.

2–3 обнаружил [пред], беседуя с Дроновым

3 *После:* с Дроновым.— *вписано и зачеркнуто:* Зачем он рассказал о земских начальниках?

7–8 Лидия [хму⟨рилась?⟩], озабоченно ухаживая

л. 112

9–10 Он шел ∾ и магазинов / *а.* Он шел по главной улице города, уже раскрашенной огнями магазинов, шел встречу ветра *б.* Он шел [против] встречу ветра по главной улице города, уже раскрашенной огнями магазинов (*ЧА*$_2$) [1]

14–16 Вот — хам! ∾ не один роман». / [а? Это — хам] Вот хам! (*ЧА*$_2$)

17 Ветер брызгал / [Тепленькие, как слезы Нехаевой, капли дождя орошали] Ветер брызгал (*ЧА*$_2$)

18–19 спрятавшись под ∾ верхом / сидя под кожаным верхом (*ЧА*$_2$)

20 становится для него наваждением / стала для него [каким-то] наваждением (*ЧА*$_2$)

21 мешает жить. / Она мешает жить. Необходимо понять и преодолеть ее. (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

22–23 как явились Лютов и Макаров / явились Макаров и Лютов, оба [немного] [несколько] как будто хмельные (*ЧА*$_2$); как явились Лютов и Макаров, возбужденные, как будто хмельные ◊ (*БА*)

23–24 Макаров, измятый, расстегнутый / Макаров, в белой, измятой тужурке (*ЧА*$_2$)

24 осматривал гостиную / осматривая всё вокруг (*ЧА*$_2$)

25 любимый трактир / в любимом трактире (*ЧА*$_2$)

26 в ярко-желтых ботинках / в желтых ботинках (*ЧА*$_2$)

27–28 реденькие усики / редко⟨ватые⟩ усы (*ЧА*$_2$)

29 теперь оно показалось / [и] теперь оно уже [казалось лицом не суздальски⟨м⟩] показалось (*ЧА*$_2$)

29–30 толстогубый рот ∾ велик / Рот Лютова был тонкогуб и велик [2] (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

30–32 сквозь улыбку ∾ поблескивают / при улыбке обнажал очень (*ЧА*$_2$); при улыбке, судорожный и кривой, поблескивали ◊ (*БА*)

---

[1] Начало отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-29).

[2] *Далее*: [и напоминал зубаст⟨ый⟩] (*ЧА*$_2$)

33 торопливая небрежность, с которой / небрежность, с которой (*ЧА*$_2$); торопливость и небрежность, с которыми (*БА*)

34 Лютов поцеловал / [этот шут] москвич поцеловал (*ЧА*$_2$)

34–35 завертел шеей ∾ глазами / завертел головою, направляя в лицо ее вывихнутые глаза (*ЧА*$_2$); завертел шеей, [напр⟨авляя?⟩] обнимая — *Далее, как в тексте*. (*БА*)

36–38 «Застенчив или нахал? ∾ быстро бегают по багровому лицу / Потом зрачки его бесцеремонно, почти нагло забегали по солидной фигуре, по багровому лицу (*ЧА*$_2$)

38 и еще более изумился / и Клим еще более изумился (*ЧА*$_2$)

Стр. 307—308.

39–21 увидав, что Варавка ∾ без фокусов / *а.* видя, как любезно Варавка заговорил с ним.

— Разрешите приступить к делу,— перебил Лютов любезности Варавки, усаживаясь в кресло.— Дядя мой, Радеев, поручил мне переговорить с вами о газете, в каких тонах намерены вы издавать ее. Это — одно. Второе — мое личное дело, требующее спешности. Некто Туробоев продает здесь [близко] где-то землю. Вы ее покупаете? [Под постройку дач? Начнем с этого.]—Клим, сидя в стороне, подумал: «Вероятно, [это о нем] [Алина] это его Алина назвала хамом». *б.* видя, как любезно Варавка встретил его, как ласково говорит с ним, усаживает в кресло.

Лютов, глядя в бороду Варавки, невежливо прервал его любез⟨ности⟩.— Дядя мой, Радеев, сообщил вам... [что я намерен обеспокоить вас... небольшою] — Как же, как же,— [несвойственно ему] торопливо воск⟨ликнул⟩ Варавка.

— [Так вот в чем моя просьба] Правильно ли осведомили меня, что вы покупаете землю у некоего Туробоева? Да? [Так вот в чем дело: там есть участок, по поводу коего седьмой год [этот] Туробоев этот судится с Телепневым, отцом моей невесты.] Так-с! Изволите видеть — там есть спорный участок, право владения коим пятый год отстаивали [опекун] тетка [отец] моей невесты, подруги вашей дочери, которую искренно люблю [и], уважаю. [Может быть]

Клим [чувствовал] слышал, что Лютов [нарочно] подражает языку сутяги и говорит голосом [более] нарочито гнусавым [чем]. Он подумал:

«Это его Алина назвала хамом...»

—... и [которой желал бы засвидетельствовать мое] которая, надеюсь, обретается в доб⟨ром⟩ здоровье?

— Совершенно. Она сегодня уехала на дачу — вместе с Алиной.

— С-сегодня-с? — со свистом спросил Лютов [схват⟨ил⟩] [и схвати⟨л⟩] [и упи⟨раясь⟩] и привстал, упираясь в ручки кресел, но тотчас же опустился, [говоря] сказав: — [В такую погоду] Невзирая на плохую погоду...

Варавка предложил [ему, не хочет ли он] пройти в кабинет к нему и указать на плане спорный участок.

— Да — я не знаю. [Это] [Ве⟨роятно⟩] Алина Дмитриевна [наверное] знает.

Он сказал другим голосом, просто [и даже] [несколько даже], не громко. [Климу показалось, что он] Варавка все-таки увел его к себе наверх, а Клим почувст⟨вовал⟩ в этой сцене что-то подозрительное. ($ЧА_2$)

Стр. 308.

17 *После*: дурную погоду? — *зачеркнуто*: Риск

18–19 нечто странное / нечто подозрительное ◊

20 Но Лютов [и Варавка] уже переменил тон

21 *После*: без фокусов — *зачеркнуто*: Какой хамелеон!

22–33 Подозрительно было ∾ она приняла / *а*. Подозрительна была ласковость, с которой мать встретила *б*. Подозрительно было [Климу] и ласковое, искусно сделанное оживление матери, с которым она встретила ($ЧА_2$); Подозрительно было и ласковое, искусно сделанное оживление матери, с которым та приняла ◊ (*БА*)

23–35 так она встречала ∾ нужных ей / *а*. Ясно, что это деланная ласковость [но — зачем]. Зачем? О чем она говорит с ним? Сидя в углу на ди⟨ване⟩ *б*. так встречала она —*Далее, как в тексте*. ($ЧА_2$)

25–28 Когда Варавка ∾ против нее. / Вера Петровна сидела в углу, на диване, играя лорнетом, Макаров против нее на мягком пуфе, он говорил весело и громко [мать — вполголоса. По лицу ее Клим видел, что она]. [По лицу м⟨атери⟩ Клим [видел, что она говорит] узнал, что она держится с Макаровым как [всегда при] с гостем неприятным, но зачем-то нужным ей] [Он чувствует себя нехорошо, все люди показались] ($ЧА_2$)

29–33 Клим говорил мне ∾ ничего подобного / Разумеется, — легче преподавать науки, [легче] чем усваивать оные, как говорит мой профессор, [— но...]

[Недобрый, командующий голос Лютова заглушил Макарова: — Значит, вы сегодня же пошлете депешу этому, Туробоеву...

Вошла горничная. Вера Петровна встала, приглашая:

— Прошу в столовую, если вы кончили.]

...но суть в том, что я, кажется, попал не туда, куда следовало, медицина меня не так захватывает, [а вот] как история культуры... [1]

[Перейдя в ст⟨оловую⟩] Клим сидел в стороне и молчал. [Сегодня] [В этот вечер все люди были для него особенно неприятны и ненужны.] [Он] [Не желая] Самолюбие не позволяло ему сознаться, что [появление Макарова неприятно ему] приезд ⟨?⟩ Макарова тревожил его [и, чтоб заглушить эту тревогу, он усиленно настраивал себя против матери, Варавки, Лютова]. [Мать раз⟨дражала?⟩] [Неискренность матери злила] [Фальшивая] Мать злила. [Он думал, зачем она говорит] [«Женщина в возрасте за сорок [не] должна бы вести себя с большим достоинством и прямодушием», — думал он *1 нрзб*] (*$ЧА_2$*) [2]

29 говорил мне ∾ любят вас / говорил мне, что вы очень преуспеваете в науках и профессора любят вас ◊

32 она выдумывает / она лжет ◊

33 ничего подобного». / ничего подобного о нем».— К тому же я, кажется, попал не туда, куда следовало: медицина не так захватывает меня, как история культуры ◊

38 уехала? [Ч-чёрт] Странно.

40 Клим [подошел к] усмехнулся.

Стр. 309.

2 Нет, ерунда... / Нет, чепуха... ◊

5 *После*: за деревья.— *вписано и зачеркнуто*: Смотреть на это разрушение одноцветно-серого покрова небес было невыносимо скучно.

6–7 вяло подумал / сообразил Клим (*БА**)

7–16 но не обернулся ∾ наивного! / *а*. но обернулся лишь через минуту, когда горничная пригласила в столовую. Там, за чайным столом, уже сидели Варавка, Лютов; Вера Петровна, разливая чай, говорила не своим тоном и как бы упрекая кого-то:

— Конечно, Владимир Дмитриевич, здоровый, нормальный ум всегда упрощает, такова его задача [однако с экономистами я не могу согласиться].

Лютов, направив на нее левый [глаз] зрачок, вставлял папиросу в янтарный мундштук, [Варавка смотрел[Варавка, приподняв ладонью бороду, [дул на нее] [рассматривал ее]

---

[1] *После*: культуры... — *знак вставки, вставка отсутствует. Вероятно, предполагалось в этом месте вставить «лекцию» Макарова о культуре и женщине.*

[2] Конец отрывка *$ЧА_2$* (ХПГ-21-1-29).

незаметно и пытливо разглядывал гостя [остреньким взглядом] остренькими глазками.

— Замечание ваше, Вера Петровна, в первой его части, безоговорочно приемлемо, вторая же часть разноречит с первой,— быстреньким говорком и подчеркивая «р» проговорил Лютов. Климу показалось, что говорит он нехотя. *б.* но [обернулся лишь на голос матери] не обернулся, спрашивая:

— Когда [они] Лютов венчается?

Вместо ответа Макарова раздался голос матери:

— Мне кажется, что нормальный ум всегда упрощает.

— Всегда-с? — [вежливо] почтительно спросил Лютов, закуривая папиросу, криво торчавшую в янтарном мундштуке. (*БА**)

9 раздался строгий вопрос / раздался голос ◊

11–12 не думаете ∾ признак ума нормального? / не считаете упрощение признаком ума нормального? ◊

13 Лютов, закуривая папиросу / Наивного,— сказал Лютов, закуривая папиросу ◊

17–22 Он, мать и Варавка ∾ для эпатажа. / Если он [Вера Петровна] что-нибудь страшное сказал — вы ему не верьте, — [заговорил] весело заговорил Макаров, выдернув папиросу из мундштука Лютова [и сел рядом] [садясь рядом с Верой Петровной.— Он — добрый и даже очень]. (*БА* *)

17 сгрудились в дверях, как бы / стояли в дверях так, как будто ◊

23–25 А Лютов ∾ Константин? / Лютов спрятал мундштук [и встал].

— Пойдем, Константин? — [сказал] спросил он. (*БА**)

27–31 Так вы ∾ гости ушли / Так вы завтра телеграфируйте [этому...]?

— Туробоеву. Да, да!

— Я хотел бы кончить дело недели в две...

[— Постараемся...] [Клим видел, что Лютов весь какой-то] [Лютов вызвал у Клима впечатление человека, вдруг отупевшего, как будто в голове его вдруг закружил старый] [Лютов говорил тихо и [нехотя] неохотно. Он показался Климу человеком, голову которого вдруг закружило похмелье. Макаров тоже [странно] торопился уйти.] Проводив гостей и возвращаясь с Варавкой в столовую (*БА**)

33–35 и тотчас же ∾ командовать / играя бородою (*БА**)

36 Завтра утром / Вот что: ты завтра утром (*БА**)

36 устрой там / *а.* и устрой там *б.* и устрой (*БА**)

37–38 комнату внизу ∾ Ну, вот... / комнату у нас, внизу, крайнюю, [под] ладно? Пожалуйста...Да! Туробоев тоже [вероятно] остановится у нас. Так, ты там... сообрази! (*БА**)

39–40 Он ушел ∾ точно юноша / Варавка поспешно прошел к себе на верх по внутренней лестнице (*БА**); Он ушел к себе на верх, прыгая по лестнице, точно на трех ногах ◊ (*БА*)

40–41 мать, посмотрев ∾ говоря / [В столовой] Клим ⟨пошел⟩ **л. 113** в столовую. Мать встретила его гримасой и словами ($ЧА_2$)[1]; [Клим ⟨пошел⟩ в столовую. Мать встретила его гримасой и восклицанием] мать, посмотрев вслед ему — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

Стр. 310.

1–7 Бог мой! ∾ думая о другом / Какой антипатичный этот Лютов! — А Макаров, кажется, понравился тебе?

— Почему ты спрашиваешь так ревниво?

Клим смутился и не ответил, наклонясь над стаканом чая. ($ЧА_2$); *а. Как в тексте, до слова*: Деньги. —*Далее*: угрюмо ответил Клим, садясь к столу.— А Макаров, кажется, понравился тебе?

— Почему ты спрашиваешь об этом так ревниво?

Ее улыбочка смутила Клима, он молча наклонил голову над стаканом. *б. Как в тексте.* (*БА*)

8 Странное лицо у Макарова. / Странное лицо у него,— сказала мать, вздохнув. ($ЧА_2$, *БА*)

8–9 Такое раздражающее / Такое резкое, раздражающее[2] ($ЧА_2$, *БА* ◊)

9–10 лицо другого человека / другого человека ($ЧА_2$, *БА*◊)

10 Я не говорю / Я не хочу сказать ◊ ($ЧА_2$)

11 *После*: нелестном для него — я его не знаю ($ЧА_2$, *БА*◊)

11–12 он [внешне и] несчастливо двуличен.

13 из вежливости спросил Клим / спросил Клим ($ЧА_2$); [неохотно] из вежливости спросил Клим (*БА*)

14 пожав плечами ∾ ответила / мать, пожав плечами, ответила ($ЧА_2$)

16–18 *Текста*: Она говорила ∾ Болтлива».— *в* $ЧА_2$ *нет.*

18 [Стал⟨а⟩] Болтлива

19 он почувствовал / Клим почувствовал

20–23 не изведанное им ∾ тошноту / [еще не изведанная им тоска] не изведанное им, болезненное [чувство, тянущее] чувство [тления и] насыщенности [каким-то] горьким дымом, [отравой, которая выедала все мысли, уничтожала желания] который, выедая мысли и желания, вызывал [даже ощущение] почти [физической тошноты] физическую тошноту. ($ЧА_2$)

---

[1] Начало отрывка $ЧА_2$, который хранится, как и предыдущий отрывок $ЧА_2$, под шифром ХПГ-21-1-29.

[2] [и] раздражающее ($ЧА_2$)

23–26 Как будто ∾ помнить. / Как будто внутри его, [где-то в [груди и] голове [или] и груди [затлело всё] [затлели] вдруг тихо вспыхнули [и тлеют], но не горят, а медленно тлеют, [уничтожаются] исчезает всё] в голове и в груди, вдруг тихо вспыхнуло, не горит, а медленно тлеет, всё его человеческое — способность думать, говорить, двигаться. (*ЧА*$_2$); Как будто в голове, в груди его вдруг вспыхнуло, но не горит, а медленно тлеет всё человеческое, способность думать и говорить, способность двигаться. ◊ (*БА*)

26–27 Затем явилось ∾ отвращение / Все чувствования, испытанные им, [остались ⟨?⟩] всё соединялось в одно тянущее, как боль костей, [чувство] бессильное отвращение (*ЧА*$_2$); Всё соединялось в одно, тянущее, как боль в костях, отвращение ◊ (*БА*)

27 к окружающему, к этим стенам / ко всему, что окружало его, к стенам (*ЧА*$_2$)

29–30 отравляющий ∾ чая / душный, смешанный запах распаренного чая, [жир⟨ного⟩] масла (*ЧА*$_2$)

30 *После*: древесного угля.— Из всех слов, которые [он] знал Клим, в памяти его остались живыми[1] только [два] одно: «Тоска [смертная]». [Из всех чувствований, испытанных им, только одно отвращение ко всему, что его окружало.] [Он повт⟨орял⟩] (*ЧА*$_2$); *зачеркнуто*: Из всех слов память сохранила только одно: «Тоска». (*БА*)

31–39 Клим упорно ∾ словечко. / Он упорно смотрел в пустой стакан и, цепенея [от], механически повторял про себя [эти два] это слово [не ощущая ни страха перед ними, ни сожаления о том, что все другие слова [и] не ож⟨..?⟩]. Бездействующий разум не требовал, не воскрешал никаких [других] иных слов. В этом состоянии внутренней ослепленности [безразличия, ощущая в сознании темный провал, в котором насвистывали два слова] он перешел в свою комнату, открыл окно и сел, глядя в сырую тьму сада, прислушиваясь, как [посвистывают [два] эти два слова] стучит, посвистывает это слово [погружая его всё глубже в пустоту]. (*ЧА*$_2$)

33–34 одно слово: «Тоска» / это слово: «Тоска» (*БА*, *АМ* ◊)

36–37 внутренней немоты [подавленности]

39 стучит и посвистывает [корот⟨кое⟩] двухсложное словечко

тр. 310—311.

40–4 *Текст*: Туманно подумалось ∾ он не искал,— *вписан в БА*,

---

[1] Незаконченная правка.

Стр. 311.

5–9 Когда ему стало ∾ колокола / [Когда он, вздрогнув от холода [ночи, несколько опамятовался], почувствовал себя] [Затем] [Когда его креп⟨..?⟩] [От] [Через некото⟨рое⟩] [Он] Когда ему стало холодно, он [очнулся] [несколько], вздрогнув, [вырвался из этой тьмы] как бы [выскочил из темноты] выскользнул из пустоты самозабвения. [Казалось, что [о⟨н⟩] и е⟨му⟩] Ему показалось, что [он прожил несколько долгих] прошло несколько часов, почти вся ночь. Но, лениво раздеваясь, он услышал отдаленный звон ($ЧА_2$)

5 он [вздрогнув] как бы выскользнул

10-21 «Только? — ∾ подумал / [Это бы⟨ло⟩] [Это было странно] «Только? Странно...»

Спать он лег, чувствуя себя [утомленным] измятым, опустошенным, [но когда горничная стуком в дверь разбудила его к поезду] проснулся, разбуженный стуком в дверь [это горни⟨чная⟩] и тотчас сообразил: [что] это горничная будит его к поезду. [Часы показывали без четверти восемь, поезд отходит в восемь]. Он [ст⟨ал⟩] [вскочил] быстро вскочил с постели и [на] несколько секунд стоял, закрыв глаза, ослепленные [удивительно] ярким [светом] блеском [утреннего] солнца [стеклянным ⟨?⟩]. Влажные [зел⟨еные⟩] листья [деревьев] дерева за окном тоже ослепительно сияли, отражая в хрустальных каплях [росы] дождя короткие и острые лучики. Оздоровляю⟨щий⟩ запах сырой земли и цветов наполнял комнату [вместе с светом солнца, и от свежести утра [вздрагивала] кожа Самгина бодро вздрагивала, точно], свежесть утра щекотала кожу. Клим Самгин, вздрагивая, подумал ($ЧА_2$)

16 за открытым окном / за окном ◊

22–26 «Нелепое настроение ∾ одеваясь. /«Едва ли...» [Быстро одеваясь] Это очень выпрямило его, наполнив бодрым чувством, [похожим на гордость собою; он понял его как] [быстро одеваясь, он] [это чувство] возбуждало в нем гордость, подсказывая [мысли] [слова] мысли, которыми Клим Самгин любовался [явилась даже такая]. «В таком состоянии [можно застрелит⟨ься⟩ и если б у м⟨еня⟩] можно убить себя, если б у меня был револ⟨ьвер⟩ [Я может быть]». Но [это уж показалось детским, недостойным его] эта мысль показалась ему детской и недостойной его [он недовольно оттолкнулся от нее]. Он продолжал думать [по⟨-новому?⟩] о себе вчерашнем и сидя в поезде, и на даче, командуя прислугой, убиравшей комнаты. «Жаль, что я, [вероя⟨тно⟩] пожалуй, не сумею рассказать об этом достаточно хорошо, — подумал он, вздохнув, —

Но это [не надо забы⟨вать⟩] надо помнить». Затем он догадливо [ска⟨зал⟩] внушил себе: «[Но] Однако не следует, чтоб это повторилось». (*ЧА*$_2$)[1]; *а.* «Едва ли кем-нибудь другим испытано то, что вчера испытал я...» Это очень выпрямило его, наполнив бодростью, внушая гордость, это будило мысли, которыми он любовался. Он даже подумал: «В таком состоянии можно убить себя, и если б у меня был револьвер...» Но это уже показалось ему детски романтичным и недостойным серьезного человека, который только что пережил глубокое волнение души. Он продолжал уважительно думать о себе вчерашнем и [сидя в ваго⟨не⟩] стоя на площадке вагона, и на даче, командуя прислугой, убиравшей комнаты. «Жаль, что я, пожалуй, не сумею рассказать об этом достаточ-
л. 114 но хорошо. Но — это надо помнить». Затем он догадливо внушил себе: «Однако не следует, чтоб это повторилось». *б. Как в тексте.* (*БА*)

28–30 в сотне шагов ∾ разноцветная в лучах солнца / сидел, [рассмат⟨ривая⟩] посматривая на реку, разноцветную в лучах солнца ◊

31 уродливых ветел / корявых ветел ◊

32 видел пейзаж / находил этот пейзаж ◊

38 домиков, [тоже] украшенных

40–41 остальные дачи не сняты / остальные дачи тоже были сняты горожанами, но еще не заселены (*БА*, *АМ* ◊)

Стр. 312.

7 должны были [догадаться] понять, что кто-то приехал [и прийти. Но они [не пришли] не идут. [Он] Клим подозревал].

9 заметят его / увидят его ◊

15–16 перейти [через узкую], как по земле, через узкую, но глубокую реку

18–19 нередко ∾ как ласточки / всё более часто мелькают пред ним ласточками ◊

20 они [неуловимо] связаны

21 тихая тревога / смутная тревога

26 в двух окнах [и в реке отр⟨азилось⟩], из реки

29 [из ⟨дачи⟩] с крыльца дачи

Стр. 313.

1–2 [и все] [и де⟨вушки⟩] девушки молчали

2–3 плещет под ударами весел темная вода / плещет черная, стеклянная вода ◊

10 Харон седой / Извини, но Харон седенький ◊

---

[1] Конец отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-29).

10–11 а тебе [до] и до бородки
20 оперетки ради / для оперетки ◊
26 она [крик⟨нула⟩] пропела в нос
36–37 всё [рас⟨сказывает⟩] только рассказывает

Стр. 314.

13–14 [ирон⟨ично⟩] с иронией спросила

л. 115

20 кажется, что есть [женщины] ...
24 И есть [же] девушки
28 эха [маниакальных] мыслей
38–39 *После*: внушительно.— *зачеркнуто*: Мельком он подумал, что Спивак, должно быть, очень хитрая. Или слишком простая!

Стр. 315.

4 Конечно,— сказала Лидия. / Да,— сказала Лидия, — должны быть. ◊
6–8 они плотно прижались ∾ Пора домой. / плотно прижавшись [друг к другу] одна к другой.— Домой пора,— строго сказала Алина. ◊
9 и [уже совсем] бесшумно поплыла
10 Он был доволен [собою, даже уверен, что].
11–17 *Текст*: Теперь ∾ жалобы Алины — *вписан в БА со следующими вариантами*:
12 и этот страх / и в этом страхе
14 что [она изу⟨чает?⟩] Лидия несколько заражает
16 *После*: умеешь смотреть.— *зачеркнуто*: «Да был ли мальчик-то? Может мальчика-то и не было».
18–19 без умненького разговорчика! [— пожаловалась Алина]
19 эти разговорчики / разговорчики эти
22–24 Алина захохотала ∾ Скоротечная. / *а*. Клим, ты всё знаешь, скажи, где нет печали? — Этого — не знаю. *б*. Алина [вкусно] [грубо] захохотала, раскачиваясь, хлопая себя ладонями по коленям, повторяя: [Скоротечная... Бесконечная!] Ой, господи! [И смех ее и движения]
24 Ой, господи! Скоротечная... / Ой, господи! (*БА*, *АМ* ◊)
26 [Лидия] Опустив руку за борт
28 с ума [сош⟨ла⟩] сходишь
29 Лидия, брызнув водою / Лидия брызнула водою ◊
29 в лицо ее и гладя / в лицо подруги [затем пог⟨ладила⟩] и гладя
31 Трусиха. / Трусиха ты у меня. ◊
35–36 голова земли ∾ пить / чья-то голова наклонилась к реке пить [испуг⟨алась⟩] ◊

37 сказала Лидия / *а.* сказала Лидия *б.* поправила Лидия ◊
38–40 Клим почувствовал ∾ ласково / Климу показалось, что Лидия сжала руку его необычно крепко и так же необычно ласково спросила ◊
41 Ты приехал на всё лето? / Ты надолго приехал? ◊

Стр. 316.

2 мой нареченный [и Макаров с ним? А потом, а потом...]
3 [Она] [И] Обняв Лидию
3 она медленно пошла к даче / она пошла к дому ◊
5 скату [буг⟨ра⟩] холма
12–13 на тусклые отражения / на отражения ◊
17–18 как явился ∾ Любомудров / как явились съемщики дач, толстая, потная дама с большим зонтиком и знакомый Варавки, доктор Молодецкий, специалист по детским болезням ◊
18–19 человек тощий, длинный, лысый / человек лысый ◊
19 с маленькими глазками [которые]
20–21 кустиками [густых, мрачно] нахмуренных бровей
21–22 с этим доктором ∾ дачи / с этими людями [це⟨лый⟩] весь день, показывая им дачи, дама неодобрительно фыркала [и говорила: — Невероятно] и на каждой даче осведомлялась: — А где здесь солнце? — Под черным зонтом ей было жарко, и на солнце она смотрела сердито [морщась], морща большое, пухлое лицо. ◊
22–23 Доктор [был угрюмо] смотрел на всё вокруг [угрюмо изучающим] унылым взглядом [как человек] человека
24 с местом, [куда] где он
25 против воли своей / против своей воли ◊
27 он бормотал / он посвистывал сквозь зубы ◊
28 *После*: Оч-чень хорошо.— *вписано и зачеркнуто*: С дамой он не говорил, даже как будто не видел ее.
31 Но, [подумав] поправив на голове
33 *После*: Или — эту.— *зачеркнуто*: Дама устала, настроилась раздраженно, ничего не сказав, пошла на станцию, но, отойдя шагов десять, [обернулась и] крикнула через плечо:

— Я — подумаю.

[— Прощайте,— сказал доктор, пожимая руку Самгина: — [У вас цвету⟨т?⟩] Гусев, адвокат, [*1 нрзб*] тоже хочет снять у вас дачу. Так что вам...]

34 устал от доктора / устал от этих людей ◊
35 мучило его весь день [становясь всё тревожнее].
37 идти туда / идти на дачу ◊
40 Лютов [был бл⟨изко⟩] говорил близко

Стр. 317.

1–2 фуражка / измятая фуражка ◊

9 Говорят — Фет злой / Говорят — Фет был злой ◊

10 не хотелось видеть / не хотелось встретить ◊

11–12 [И он должен был пройти] [по ней] идя по ней

12 был бы замечен / был бы замечен приятелем ◊

13 да [и] всё равно

л. 116

27 Макаров [долго] минуты две

27–28 так быстро / так торопливо ◊

28–29 только [отдельные] оторванные [слова] клочья фраз

31 тоже негромко / негромко ◊

32 печатать [слова] на тишине

Стр. 318.

1 [Мака⟨ров⟩] Воркотня Макарова

6 жаждет слиться [до конца пути земного]

8–9 [Так, гов⟨орю⟩] Отвечаю

9 поименовал руку человеческую / назвал руку ◊

10 «А вы бы,— сказала / «А вы бы,— говорит ◊

15 и [должно быть] сердито сказал Макаров. [Ты блажишь.]

16–17 [муж⟨чину⟩] женщина рожает мужчину

24–25 Несколько раз ∾ осторожно потереть / [Он по⟨тер?⟩] Несколько раз он пробовал потереть ◊

26–27 Он [даже] вспотел от волнения, [с ужасом дума⟨я⟩] представляя

29 с удовольствием [с лег⟨кой?⟩ мест⟨ью?⟩]

30 усмехнулся / усмехнулся со злой радостью ◊

34 На месте / С места

35–36 [и] в песчаной ямке [увидал маленькую] извивалась

38–39 и [засыпал], засыпав живой огонь песком

41 тихо окрикнул / его тихо окрикнул ◊

Стр. 319.

3 стоял [в окне, точно] очень картинно

6 накричала на Лютова / выгнала меня с Лютовым ◊

8 тоже пойдет к девушкам / пойдет к ним ◊

9 [Самгин вош⟨ел⟩] Самгин решил

10–11 [и] потряс головою [пот⟨ом⟩]

13–14 [задум⟨чиво⟩] сказал он

15 в прошлом люди испытывали / люди и прежде нас испытывали ◊

17 ответил Клим / сказал Клим ◊

20 *После*: Книжное.— *зачеркнуто*: Все смотрят друг на друга из-под книги. Спрашивают: Вы читали, вы читали?

29 Проект программы «Союза [русских] социалистов[-революционеров]».
31 крестьянин Запада. / крестьянин Запада. Старая история, (*БА*, *АМ* ◊)

Стр. 320.

12 Способности, говорит [способ⟨ности⟩]
20–23 глядя в заречье ∾ Тихий вечер / глядя в заречье [где] и в пустынные поля, где тихий вечер ◊
24 Звучала певучая мелодия / Послушал певучую мелодию ◊
25 Клим пошел / и пошел ◊
26 мужик [на] с деревянной ногою

л. 117

30 Сомок — пуда на два / Громаднейший, пуда на четыре ◊
34–35 Лидию не видно / никого не видно ◊
38 [И] Задумчиво

Стр. 321.

9 Клим [вст⟨ал⟩] остановился
16–17 сотвориша [пото⟨мков⟩ семя Адамово»
17 [мадьярский] мадьяр Имре Мадач
20 [спори⟨ла⟩] сказала Лидия
20–21 Я не верю... Кто это? / Кто это? ◊
26–27 сказал, упираясь руками / спросил дремотно ◊
29 Самому не спится / Сам не спишь ◊
29 вгоняешь в сон? [Великодушно]
30 Лидия [недовольно] спросила
33 [Клим] Это не зарницы
36–38 Макаров ∾ блеском молний. / Макаров вышел на террасу и, посвистывая, шагал там, то появляясь, то исчезая на фоне облаков, серо освещаемый блеском молний. ◊
39 Проводите меня / Проводите меня домой ◊

Стр. 322.

1–2 [— И я пойду,— сказ⟨ал⟩] Когда они вышли
6 помогает Лидии [спускаться по тро⟨пинке⟩] идти
7–8 [усмеха⟨ясь⟩] улыбаясь Климу
9 [Не надо] Слышал? Не надо. [А — почему? И это — всегда]
9–11 Чаще ∾ она говорит / Чаще всех слов она говорит ◊

л. 118

12 Закурив ∾ Макаров / Он закурил папиросу (*ЧА*$_2$) [1]
13–15 опираясь ∾ болезни / *а.* [пр⟨ислонился⟩] [ста⟨л⟩] [прислонясь к дв⟨ери⟩] опираясь плечом о косяк двери, продолжал тоном [док⟨тора⟩] человека, докладывающего отчет о своих наблюдениях *б.* опираясь плечом о косяк двери,

---

1 Начало отрывка *ЧА*$_2$: *а* — ХПГ-21-1-31 и *б* — ХПГ-21-1-30.

⟨продолжал⟩ тоном врача, который рассказывает коллеге историю болезни ($ЧА_2$)

17 не слышал, не знал, о чем идет речь / *а.* не слышал *б.* не слышал, о чем идет речь ($ЧА_2$)

18–20 что люди ∾ возбуждать их / *а.* чтоб люди не заговорили в унисон друг другу, хотя споров — не терпит. Ее занимают разноречия [противоречия], но она не возбуждает их *б.* [чтоб] что люди заговорят в унисон друг другу. И хотя ее занимают разноречия, но сама она не возбуждает их ($ЧА_2$)

19 но, хотя [ее волнуют п⟨ротиворечия⟩] противоречия интересуют ее

20–22 она думает ∾ Варавка? / *а.* [ей кажется] она думает, что каждый человек имеет свою тайну и способен сообщить ее только Лидии Варавка. Однако она не самолюбива, даже иногда кажется, что она не ценит себя и тяготится собою. *б.* Она думает, что каждый человек обладает тайной, которую можно сообщить только девице Лидии Варавка. Однако она не самолюбива; мне даже кажется, что она недооценивает себя. ($ЧА_2$)

23 Клим находил / Клим слушал очень внимательно [и], находил ($ЧА_2$)

23–24 верно, и негодовал / *а.* верно, интересно, и досадовал *б.* верно, интересно, и негодовал ($ЧА_2$)

24 почему именно Макаров, а не он / что именно Макаров ($ЧА_2$)

24–28 говорит это? ∾ порочного человека. / *а.* говорит всё это *б.* говорит всё это. [В сущности] [Да, он красив, но] [В сущности, [лицо его] он уже не так красив] [В сущности] Мать права — лицо Макарова двойственно. И если б не [эти] его— *Далее, как в тексте.* ($ЧА_2$)

28–30 Усмехаясь ∾ нет. / *а.* Всё-таки ты влюблен в нее,— ворчливо заметил он.— Я уже говорил тебе, что — нет. И вообще, брат, любовь, как ее понимают, далеко от меня. *б.* Все-таки ты влюблен в нее,— заметил он, усмехаясь. — Я уже говорил тебе — нет. И вообще ⟨любовь⟩ как ее понимают, еще далеко от меня. ($ЧА_2$)

31–32 Макаров дунул ∾ искры. / *а.* Он зачем-то [так сильно] дунул [в мундштук папиросы, что из нее выскочил весь табак и огонь на] на папиросу так, что от нее полетели искры. *б.* Он дунул — *Далее, как в тексте.* ($ЧА_2$)

33–37 Однако она ∾ она была вчера. / *а.* Жизнь — серьезнейшая штука, дружище,— сказал он, вздохнув. *б.* [помолчал и, вздохнув, заговорил на другую тему] и вздохнул: — Да, брат, жизнь — серьезнейшая штука. ($ЧА_2$)

37 *После*: была вчера — *зачеркнуто*: вражда к прошлому, пережитому

Стр. 322—323.

38–3 Макаров замолчал ∾ брат, есть что-то... / *а*. Как-то зимою профессор Умнов хорошо говорил [с нами] нам, небольшой [группой] группе студентов, о необходимости изучать прошлое. Очень хорошо говорил, он человек талантливый и широкий. [А я] Я слушал и думал: чёрт бы его побрал прошлое, вместе с моим папашей, который наградил меня пристрастием к пьянственной жизни. А один естественник, тоже очень даровитый парень, но — скот и альфонс — [живет] открыто живет [на содержании] с богатой бабой, лет сорока,— так он потом сказал: «Мы все живем на содержании у прошлого, [и] это [очень пачкает нас] — неизбежно, [и это] но именно это и уродует нас». Он замолчал. *б*. [Как-то зимою профессор Умнов, человек очень талантливый и широкий, говорил нам, небольшой группе студентов, о том, что дети слишком торопятся отойти [от] в сторону с путей отцов и плохо знают прошлое. А один естественник, тоже весьма даровитый парень [но] и альфонс,— открыто живет с богатой купчихой, лет под пятьдесят,— так он сказал потом: «Мы все живем на содержании у прошлого,— это неизбежно, но именно это и [уродует] делает нас уродами».] «Глаза у него моложе лица,— думал Клим, глядя на Макарова исподлобья. [— Глаза стали мягче, чем раньше были. И глупее...»] Он не слушая (*ЧА*$_2$)[1]

Стр. 322.

40–41 даровитый парень [вероятно], но скотина и альфонс

Стр. 323.

3 а он [циник] и — выразился

4 Ничего не вижу ∾ сказал Самгин. / Не думаю, что это верно,— заметил Самгин лишь [для] потому, что не хотел согласиться с [Ма⟨каровым⟩] товарищем. (*ЧА*$_2$)

6–8 Река исчезла ∾ густую воду. / и реку было видно лишь в одном месте по пятну огня [[от] на даче Алины Телепневой], отраженного в ней. Это огонь в комнате Алины. (*ЧА*$_2$)

Стр. 323—324.

9–5 *Текста*: Очень мало похож ∾ Оба замолчали.— *в ЧА*$_2$ *нет*; *вписан в БА со следующими вариантами*:

Стр. 323.

11 в страхе ∾ несхожесть / вел по улице за два года до этой встречи. В этой несхожести было нечто ◊

---

1 Конец отрывка *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-30).

16 *После*: Не знаю.— *зачеркнуто*: Кажется — да, к лучшему.
30 из сказки / из страшной сказки ◊
31–32 ожидание не похожего / ожидание чего-то непохожего ◊
35–36 только бы другое. [Теперь] [Глаза его с⟨мотрели⟩]

Стр. 324.

7–10 Над столом ∾ пошел спать. / Клим ушел [к себе] спать. (*ЧА*$_2$)
11–24 *Текст*: Слушая ∾ примолкло — *вписан в ЧА*$_2$ *со следующими вариантами*:
11 Слушая, как / Он долго не мог уснуть, слушая, как (*ЧА*$_2$)
11 рычит, приближаясь, гром / рычит гром (*ЧА*$_2$); рычит, всё приближаясь, гром ◊ (*БА*)
11–15 Клим задумался ∾ вне мозга / и [ни о чем не] думая о чем-то беспредметном, что не укладывалось ни в слово, ни в образы. Это [состоя⟨ние⟩] течение [бессловесных дум] неоформленной мысли [очень] тяготило и пугало его, напоминая о пережитых мгновениях тоски. Он чувствовал себя в потоке [неуловимых размышлений, кото⟨рые⟩] [в потоке] неуловимого, который медленно проходил сквозь его, но как будто [и р⟨?⟩] [из ⟨?⟩] струился и вне [дум] мозга (*ЧА*$_2$)
19 гром [примолк ⟨?⟩] стал тише (*ЧА*$_2$)
19–21 отдаленней ∾ стена / отдаленней [и совсем примолк] (*ЧА*$_2$)
22 пугливо залаяла / тревожно залаяла (*ЧА*$_2$)
23 хлопнула ∾ голос Лютова / негромко прозвучал голос Лютова [и наступила тишина] (*ЧА*$_2$)
28 тревожно [состояние] ощущение
31 где-то [тут же] в нем
39–40 закутал одеялом голову / закутался одеялом с головой ◊

Стр. 324—325.

24–8 *Текста*: Затем всё примолкло ∾ такие настроения? — *в ЧА*$_2$ *нет.*

Стр. 325.

1–3 *Фраза*: Но эта догадка ∾ бесформенное.— *вписана в БА.*
1 не обидев его, исчезла / не обидевшая его, мелькнув, она ◊
4 [в голове] ощущая в голове какую-то пыль [тяжесть]
6–7 такие настроения / эти настроения ◊
8 Когда он, один / А утром, когда он, один (*ЧА*$_2$)
8–9 явились Туробоев и Варавка / явился Варавка и с ним — Туробоев (*ЧА*$_2$)
9 [оба] серые, в пыльниках
9–15 *Текста*: серые, в пыльниках ∾ неподвижном взгляде — *в ЧА*$_2$ *нет.*
10 в широком мешке / в сером широком мешке [паруси⟨ны⟩] (*БА*); в сером широком мешке ◊ (*АМ*)

16 пыль из бороды / пыль из бороды, вытирая пот с жирной шеи (*ЧА*$_2$)

19 музыканты, ты их знаешь / музыканты из Петербурга, ты знаешь их [и поможешь матери, ну] (*ЧА*$_2$)

21–24 Он неопределенно ∾ чтоб я / Варавка неопределенно помахал в воздухе красной рукою, Туробоев поздоровался с Климом, как всегда — вежливо и сухо; он очень похудел, холодные глаза его углубились в синеватые тени, и что-то злое подметил Клим в неподвижном их взгляде. «Мать, кажется, нарочно гоняет меня,— думал Клим, тоже почти озлобленно.— Она [боится, чт⟨о⟩], видимо, хочет, чтоб я (*ЧА*$_2$)

24 *После*: с Лидией.— Боится [его] — влюблюсь (*ЧА*$_2$); [боятся, что влюблюсь. — Через минуту он додумал:— Уверены, что влюбился»] (*БА*)

25 Подумалось ∾ знакомые ему / Ему [казалось] подумалось, что все знакомые ему люди (*ЧА*$_2$)

28 какого-нибудь несчастья / какого-нибудь несчастья, скандала. [Волновало и тревож⟨ило⟩] Его волновало [1] [острое любопытство: как встретит Лидия Туробоева? Он не хо⟨тел⟩] [2] (*ЧА*$_2$)

39 поз... представить... / [ва⟨с⟩] поз... представить вас... (*БА*); поз...представить вас ◊ (*АМ*)

Стр. 326.

5 в нем [вспыхи⟨вает⟩] разгорается

7 [Он пошел в лес] В лесу

8–9 дорогу в [дерев⟨ню⟩] небольшое село

9–10 недалеко от Варавкиных дач / в полуверсте от дач ◊

10–11 [и при⟨нялся?⟩] и развернул книжку

л. 119

25 что он [хочет], обматывая полотенцем голову, хочет

29 [сня⟨в⟩] и, сняв шляпу

31–32 на дороге в село [покачивалась], точно плыла

34 Говорили они?» / Встретились?» Клим вскочил на ноги [и быстро пошел вниз] и снова сел. Говорить ◊

Стр. 327.

2–3 наблюдая [и за Туробоевым] за Туробоевым

3 стоял [на одном месте], зажав бородку

5–6 идут [к мельн⟨ице⟩] в сторону мельницы

12 между [мною] ними и мной

14 ни устойчивого неверия» [думал Клим]

---

[1] *Слова*: Его волновало — *ошибочно не вычеркнуты.*

[2] *Конец отрывка* *ЧА*$_2$ (ХПГ-21-1-31): любопытство ∾ не хо⟨тел⟩ — *написан на л. 122 БА.*

16 механически вторгается / вторгается ◊

16–17 равноценных мыслей. / равноценно интересных мыслей. Они — противоречивы, и необходимо отделить от них те, которые наиболее удобны ему [и по⟨нятны⟩] (*БА*); равноценных мыслей. [Они — противоречивы, и необходимо отделить от них те, которые наиболее удобны ему] (*AM*)

18 слышал и читал / слышал и принял ◊

35 *После*: мой час верить.— *а*. Но уже где-то глубоко в душе моей зреет зерно истинной веры моей! Она еще не ясна мне, но это ее таинственная сила отталкивает от меня всё чужое, не позволяя мне усвоить его. *б*. Но уже где-то ∾ усвоить его. Есть идеи для меня и не для меня; одни мне нужно почувствовать, другие мне нужно только знать. (*БА*); *в АМ перепечатан текст б. и зачеркнут.*

Стр. 327—328.

35–5 *Текст*: Я еще не встретил идей ∾ замечает эти ошибки — *вписан в БА со следующими вариантами*:

38–39 мнений [органи⟨чески⟩] химически сродных

41–1 внутренно споткнувшимся о какое-то / запнувшимся за какое-то ◊

Стр. 328.

3–4 доказывает, [как опасно] что пользоваться чужими идеями— опасно

4–5 [Но] Есть корректор, который [всегда] замечает.

5 *После*: эти ошибки».— Затем Самгин снова вернулся к своей догадке: «Вот почему иногда мне кажется, что [вихрь чужих мнений] мысли мои кипят в пустом пространстве. И то, что я чувствовал ночью, есть, конечно, назревание моей веры. (*БА*); *Текст, кроме вычеркнутых слов, перепечатан в АМ и зачеркнут.*

6–7 Он осторожно ∾ пошел домой / [Клим улыбнулся и, отрадно вздохнув, встал на ноги. [Он почувствовал] Чувствуя себя обновленным, он быстро пошел вниз] Он осторожно улыбнулся, обрадованный своим открытием, но еще не совсем убежденный в его ценности. Однако убедить себя в этом было уже не трудно; [поси⟨дев?⟩] подумав еще несколько минут, он встал на ноги, с наслаждением потянулся, расправляя уставшие мускулы, и бодро пошел [вниз] домой. (*БА*); *Текст БА, начиная со слов*: Он осторожно улыбнулся, *кроме вычерков, перепечатан в АМ и зачеркнут.*

13 Тебя искали / Тебя звали ◊

20 И, нервно схватив / [И налил] И нервным движением схватив ◊

21–22 ушел к себе / ушел в свою комнату ◊
22 [слушал] прислушивался
27–28 *После*: к вечернему чаю — *зачеркнуто*: усталые и оживленные
30 Макаров имел вид / Макаров тоже имел вид ◊
30–32 его [красивый ⟨рот⟩] красиво очерченные губы
35–37 как пристально ∾ заметна озабоченность / что Алина смотрит на Туробоева, как на старого знакомого или брата, которого она давно не видела, а холодное барское лицо заносчивого человека стало как ◊
38 [Они явились] Все они пришли
38–39 наблюдал картину / наблюдал давно знакомую ему картину ◊

Стр. 329.

1 они [давно знают друг друга] давно искали случая
4 взаимное отсутствие / отсутствие ◊
4 *После*: уважения — *зачеркнуто*: Они напоминали Климу мальчишек, которые среди немощеной улицы разъяренно бросают один в другого пригоршнями пыли.
8 Слушая, он надувал багровые щеки / Надувая багровые щеки ◊
13–14 Вы признали ∾ состоянии / Как же это? Вы признали, что промышленность страны находится в состоянии зачаточном
24 Клим смотрел / Клим видел ◊
29 Макаров смотрел / и Макаров, который смо⟨трел⟩ ◊
36 Туробоев [брезгливо] поморщился.
36–37 Заметив [его] это, [вспыхнула и наклонясь] наклонилась
38–39 [Лидия] Не взглянув на нее, Лидия

Стр. 330.

3 *После*: Свободы-с! — *зачеркнуто*: Необходима человеку свобода вражды, ненависти, любви-с! Полная свобода, да — безграничная.
5–7 *Фраза*: Если у нас ∾ на эту тему! — *вписана в БА со следующими вариантами*:
5 [Но] Если у нас
6 упрямо проповедуют анархизм / проповедуют [на эт⟨у⟩] ◊
7–8 [Но] Разрешите человеку испытать [весь] всю сладость
9–10 *После*: разрешите...— *вписано и зачеркнуто*: Он взвизгивал, огрызался, подпрыгивал и вообще вел себя, как бойкий песик, который [попал в чужую стаю и хочет запугать] вертится перед большою собакой.
21–22 и отмахнулся / и отмахнулся ею ◊
24–25 *После*: спросил Туробоев — *зачеркнуто*: *а.* не обращаясь ни ⟨к кому⟩ *б.* обращаясь куда-то мимо всех *в.* обращаясь как бы к себе самому

25–26 заговорил не глядя на Лютова / заговорил негромко ◊

27–29 возникает [от все⟨го?⟩] несколько обидное впечатление: [русс⟨кие⟩] мы, русские люди, не умеем владеть [нашим] умом

29–30 управляет своей мыслью / владеет своей мыслью ◊

30 *После*: порабощает его — *зачеркнуто*: В нашей манере думать и говорить есть какая-то [прямолинейная разнузданность или] разнузданная прямолинейность... — Он обвел всех улыбающимися глазами [и].— Я знаю, что это [зву⟨чит⟩] сказано и не ясно и как будто противоречиво, разнузданность — это путаница кривых линий, а я имею в виду утрированную [прямолинейность] прямую.

31 *После*: «парадом парадоксов?» — *зачеркнуто*: Это очень верно, на мой взгляд.

32 Ну-с? ∾ Лютов. / И что же дальше? — задорно спросил Лютов. ◊

37 за пределы ∾ возможного. / за пределы действительного, возможного. Вспомните прямолинейность Писарева [и], интеллигентов, это очень характерно. И, как вы знаете, не один Писарев был... болен этим.◊

38–39 мышление для русского человека [новинка] — нечто непривычное

39–40 хотя [и] соблазнительное

Стр. 330—331.

40–2 *Фраза*: Это неуменье ∾ людей.— *вписана в БА*.

Стр. 331.

3–4 Клим подумал / Клим думал ◊

4 почти и всегда / почти всегда ◊

6 Ему понравились / Ему нравились ◊

8 на русское неуменье / на неумение ◊

8–9 [Думая об] Задумавшись

11 Прегордая вещеваете [но противоречиво]!

13–14 это напоминает ∾ бусам / это — жадность дикарей к бусам ◊

14–25 говорил Туробоев ∾ его ответа. / *а*. Эта склонность не чужда и гениальным нашим людям — мизантропу Толстому, [истерическому] истерику Достоевскому. [Это мы перв⟨ые⟩] Мы познакомились с Ницше по статьям о нем три, четыре года тому назад, но мировой судья в Муроме уже говорит, хлопая себя книгой по колену: «Вот, батенька, где истина!» Посмотрите с какой жадностью поглощается [учение] Ницше, учение которого, на мой взгляд, поэтизирует [скуд⟨ность?⟩] премудрость идеального шутцмана Бисмарка — и только.

Климу казалось, что Туробоев говорит [небрежно] как человек, новый для него.

6. говорил Туробоев [мельком], не взглянув на Лютова, рассматривая [ногти] пальцы правой руки своей:

— Я думаю, что только этим [объясн〈яется〉] можно объяснить — *Далее, как в тексте, до слова*: Нет — *Далее*: я [никого] не хочу задеть кого-либо — *Далее, как в тексте, до слов*: Тон его — *Далее*: слов. [Да и вообще Туробоев [говорил всё мягче, без] был необычно для него, без] ◊

29 Не знаю, можно ли объяснить / Можно объяснить ◊

30–31 для нашей страны организующих идей / для страны руководящих, организующих идей ◊

35–36 впервые [усмехнувшись] за всё время спора усмехнулся

л. 121

40 глазами умного европейца / [чест〈ными〉] глазами [честного] умного и любящего ее европейца (*БА*); глазами умного и любящего европейца ◊ (*АМ*)

Стр. 332.

4 *После*: невозможно... — *зачеркнуто*: Но я считаю себя человеком деклассированным.

5 Странный тип / Странный человек ◊

7 *После*: о Лютове.— *зачеркнуто*: Деклассированный? Тогда— позвольте представиться: человек испуганный...

8 Минуты две [четверо людей] четверо

10 [Лица] Лидия и Алина

16 [В го〈стиной〉] Третий голос

18 пуда на три... [с лишком]

19 Интересно для развлечения... / Интересная рыбина для развлечения... ◊

25 перед родными, знакомыми... / перед родными, прикажите ?◊

27 [молча] внимательно разглядывал

35 угрюмо нахмурились [нижняя губа обиженно отвисла]

36 торопливо спустился / спустился◊

38 Он [быстро] пошел [против солнца] к реке

Стр. 333.

1 [Да] Не из тех людей

2–5 *Текст*: ответил Туробоев ∾ он сказал.— *вписан в БА со следующими вариантами*:

2 любопытен [Почему он] [усмехаясь, он добавил: — Как будто],— ответил Туробоев

2–3 подумав [и усмехнулся:

— Он очень зло сказал] [сел и усмехнулся] и тихонько

3–4 Бакунина [и], Толстом

7–8 посмотрев из-под ладони / посмотрев ◊

9 точно [она шла] по льду подошла

15 [скорчив] пренебрежительно, с гримасой

20 трудно сознаться / стыдно сознаться

21 кричат / кричат, чтоб оглушить себя ◊

31–34 бескорыстно, из любопытства ∾ события. / из любопытства.
— Это авантюристы,— поучительно заметил Клим.
— Почему же? — усмехнулся Туробоев. — Но пусть [будет так] будут авантюристы, люди, которым тесно жить, которые смеют и умеют [заглянуть дальше] заглянуть за угол действительности, даже пытаются ускорять события. ◊

Стр. 334.

1 Клим ощущал / Клим чувствовал ◊

5 он [чувствовал себя ошеломленным и] завидовал людям

5–6 *После*: делать это.— *зачеркнуто*: — Незатейливый парадокс, — сказал он. [В ограду] [Когда]

8–9 За тринадцать рублей / За пятнадцать рублей

12 [Не останавливаясь, она] Она прошла мимо

14–15 Предпочитаете синицу в руки! / Предпочитаете синицу! ◊

15 *После*: Одобряю! — *зачеркнуто*: [Казалось, что он] Он возвратился в настроении еще более неистовом, как бы охмелев от чего-то.

16–18 *Фраза*: Клим видел ∾ пред дождем.— *вписана в БА со следующим вариантом*:

16–17 шагнула к жениху, но подошла / к жениху, но в ту же секунду подошла ◊

23 что он / что Лютов ◊

26 в ответ [на] Лютову

30 Лютов, подойдя / Лютов, подходя ◊

32–33 бежим от него [как] испуганными дураками

34 Он взмахнул рукою / Он поднял руку ◊

35 [как бы] уклоняясь от удара

36 Лютов [да⟨же⟩], видимо, не заметил

37–38 он продолжал [быстро], потрясая

38 как [будто] утопающий

Стр. 335.

л. 122

8 по ремеслу / по традиции, по ремеслу (*БА*, *АМ* ◊)

12 это [ведь] у нас

21 Мужик возвышается / *а*. Мужики архангельские попадают *б*. Мужики возвышаются ◊

22–23 аристократы ∾ найдете / аристократ — в анархисты и в мужики. А где найдете ◊

29 Константину Леонтьеву и Константину же Победоносце-

ву / Константину Леонтьеву, крестному отцу Константина Победоносцева ◊

35 и [неожида⟨нный⟩] тихий вой

40–41 *После*: внимательно слушала.— *вписано и зачеркнуто*: *а*. Как будет жить он. *б*. Как и о чем будет говорить Лютов с женой, которая кроме себя ничего не видит.

Стр. 336.

7–8 на каторге-то был / на каторге был ◊

23 в конце концов? [Кто вы?]

36–37 Если не по мыслям, так / Не столько по мыслям, как ◊

38 [глядя на него раскосыми] прищурив раскосые глаза

39 [Да-с...] Живем во исполнение

40–41 *Фраза*: Не согреших ∾ не спасешься...— *вписана в БА*.

Стр. 337.

2 двигалась лодка ∾ светец / двигалась лодка ◊

5–6 в отражение огня на воде [в красную яму]

11 [зат⟨ем⟩] вынув часы

12 [Не] Хотите погулять

16 [Но] Могу разрешить [только] армянские анекдоты [и загадки].

18 помогая [ей] невесте встать [на но⟨ги⟩]

22 [Макаров ответил: — По⟨чему⟩] Макаров невнятно проворчал что-то

25 но Макаров вполголоса сказал / Макаров сказал ◊

28 Ну, чего тут / Э, чего тут ◊

28 *После:* не понимать? — *зачеркнуто:* Ведь не может же он ра⟨?⟩

33–34 Клим ∾ смотрел / Клим сидел на ступени террасы, он смотрел ◊

39 за столом [и переписывая апелляционную], снимая копию

40 с городской управой / с губернской земской управой ◊

Стр. 338.

1–2 *После:* шороха шагов.— *зачеркнуто:* Рано утром Клима [разбудила] разбудил стук в окно и тревожный крик [мальчишки]: — Вставайте сома ловить! — Кричал рыжий, го́лубо-
л. 123 глазый мальчишка.— Уж все сползаются,— сказал он, когда Клим сердито выглянул в окно. К мельнице шел Варавка в халате вишневого цвета, солнце упиралось в бороду его, и борода

5 вполголоса, [но] вдохновенно

9 [уже] углубилась в песок

13 уходила в [поч⟨ву⟩] сыпучую почву

17 блестела [и] важность

24 Он, значит, [ваше степенство] проглотит

29 [Солнце упи⟨ралось⟩] Лучи солнца упирались

30 жмурился [улыбался] и гладил

32–38 Лютов, в измятом костюме ∾ такую чепуху! / Лидия и Алина стояли рядом, Лютов [измятый, мокроволосый] смотрел [покрасневшими глазами] в лицо невесты и бормотал, усмехаясь:

— Конечно, он врет! Но ни один дьявол, кроме русского мужика, не может сочинить [что сом кашу любит] такой чепухи!

Костюм на Лютове был измят, [выпачкан песком] усеян рыжими иглами хвои, лицо осунулось, белки глаз налиты кровью, он, видимо, не спал ночь и [валялся] лежал в лесу; он имел вид человека, [еще не] только что очнувшегося после сильного кутежа. [Утренняя свежесть заставляла его вздрагивать.] (*БА**)

39–40 Невыспавшиеся ∾ утра. / Невыспавшиеся девицы взапуски [позевну⟨в⟩] позевывали и улыбались [друг другу и тоже ежились от холода и сырости речной], вздрагивая от свежести утра. (*БА**)

Стр. 338—339.

40–2 Розоватый парок ∾ похожими / [Они стояли близко к берегу, [их отражения] на розоватой воде, сквозь утренний туман, Климу были видны их головы, курчавая, темная — Лидии и каштановая, круглолицая — Алины. Сзади их на бревне сидели Туробоев и Макаров с папиросами. Макаров дремал.] [Стояли они близко] [Розовая вода] Розоватый парок поднимался с реки, и сквозь него, на светлой воде, Клим видел [резко различные, несхо⟨жие⟩] [их два лица] [лица [резко не⟨похожих⟩] девушек] едва намеченными неуверенной кистью [знакомые] лица девушек, [странно и] [нелепые] [Клим видел их лица обесцвеченными, незнакомыми, едва намеченные] неразличимо похожими одно на другое. (*БА*)*

Стр. 339.

3 с обнаженной шеей / с обнаженной мускулистой шеей (*БА**)

4 сидел на песке ∾ напоминая / *а.* задумчиво прислонился к стволу ветлы [и], напоминая Климу какого-то актера *б.* сидел на песке у ног девиц и напоминал (*БА**)

5–6 репродукцию ∾ к «Ниве» / репродукцию [юноши] портрета мальчика итальянца, [приложение] премию к «Ниве». [В его резком] (*БА**)

6–8 *Фраза:* Самгин ∾ Инокова.— *вписана в БА.*

8 В стороне / Сзади ◊

9–12 В стороне ∾ шептал что-то. / [Туробоев упорно смотрел

в [спину] затылок Лютова] Туробоев, прислонясь к стволу ветлы, упорно и как-то ослепленно смотрел в [масленый] выпуклый и шишковатый затылок Лютова и передвигал папиросу из угла в угол рта. (*БА**)

13 Ну, что же, скоро? / Ну, скоро? (*БА**)

15–16 господин,— сказал ∾ шёпотом. / [барин] господин, — строго попросил мужик. (*БА**)

20 Ответили неохотно / [Откуда-то] С мельницы ответили глухо и неохотно (*БА**)

26–27 Лютов ∾ в плечо./ Лютов сердито спросил: (*БА**)

35 [Но] Эти слова

40 бесшумно подвинулись / подвинулись ◊

Стр. 340.

3 прошептала / зашептала ◊

8 вокруг — верят ∾ Лютов / вокруг — верят ◊

9 [их] глазам было больно

12 а — вдруг [его неверие ошибочно]

14 сказал громко [и спокойно]

16 зашипел Варавка / зашипел мужик ◊

22 лодку гнал / лодку двигал ◊

23 парень [и силь⟨но⟩] в серой рубахе

23–24 Он сидел неподвижно / сидел он неподви⟨жно⟩ ◊

34 [ему] он хорошо видел

36–37 перекинулся ∾ грудью / [упал] [перекинулся за борт плашмя грудью] перекинулся за борт, упал в воду ◊

40–41 плачевным, волчьим воем / волчьим воем ◊

Стр. 341.

1 судорожно мелькнула / мелькнула ◊

3–4 фыркал ∾ и бороды / болтал головою, фыркая, с его волосье⟨в⟩

5 хватался [рук⟨ой⟩] одной рукою

7 дьявол [дурак], что же ты

л. 124

13–14 [хромой] мужик, мокрый и скользкий, [шел и], разводя руки

19 оплывшее лицо [его]

21 [казал⟨ось⟩] как будто всё его лицо

35 Отлично играет / Отлично сыграл ◊

36 вынул ∾ бумажник / вынул [из кар⟨мана⟩] бумажник

37 удержал его [за] руку

40 хмурясь / нахмурясь ◊

Стр. 342.

14–15 и на водку / и на чай ◊

17 [наивными] непонимающими глазами

20–21 ладонью по ∾ плечу / его по мокрому плечу ◊
22–23 как-то сконфуженно / как бы сконфуженно
25 бородатого мужика / мужика ◊
27 снова оглядывая всех / оглядывая всех ◊
40–41 захохотал так [громко *1 нрзб*], что

Стр. 343.

4 весь лоснился [от *1 нрзб* рубахи]
12 [И] Снова оба
16 прочь [от], догоняя
31 [Гм...] Не глупо
31–32 улыбаясь Климу / Климу
33 сердито крикнул / сердито сказал ◊

Стр. 344.

6 Почему ∾ мужик? / Почему это вас не возмутил обман? ◊
13 в сома-то вы не поверите / вы в сома-то не поверите
18 у [ку⟨пальни⟩] мостков купальни, [раздраженно] сердито задумался

л. 125

19–20 мимоходом, сказал [ему]
24 я умею / Клим Самгин умеет ◊
27 пора [все⟨-таки⟩] быть
34–35 но вспомнил ∾ ехать / [Но] Пошел к себе на дачу, вспомнив, что через час ему надо ехать ◊
35–36 Дорогой на станцию / Шагая на станцию ◊
37–38 Клим ∾ утратил / [он утратил] он быстро утратил ◊
40 в хаосе чужих мыслей [слов, настроений — в метелице]

Стр. 345.

1–2 Домой ∾ Спивак. / [Когда] Как только Клим Самгин приехал домой, на него [точно] стаей маленьких собачек бросились неприятности. Мать, туго [затянутая] стянутая корсетом, воинственно прямая, очень парадно одетая в [серое] шёлковое серого цвета платье, [прикрыв] тотчас начала подробно и утомительно расспрашивать его, что делается на даче, и за ее вопросами он чувствовал какие-то подозрения. [[Так же подро⟨бно⟩] Затем, сообщив ему, что Спиваки приедут, приглашены ею к завтраку, она так же подробно и недоверчиво стала расспрашивать] Было почти нестерпимо [слышать [как] в ее словах] видеть на ее поблекшем [и], обильно напудренном лице, в усталых глазах плохо скрытое недоверие к его ответам. [Она] Она спрашивала, как встретились и как относятся друг ко другу Туробоев и Лидия, Лютов и Алина, как ведет себя Макаров, и было ясно, что за всем этим скрыт еще вопрос, который она не решается поставить.

— Тимофей Степанович очень занят? Туда приехала [despite кака⟨я-то⟩] дама или девица снимать дачу? Нет? [Вот как странно!] Дама из Москвы? С такой [странной] нерешительной улыбкой? [Она [должна была] сказала мне, что] [Она назвалась знакомой Лютова и вчера с вечерним]. Как странно! Она [хот⟨ела⟩] [сказала уе⟨хав?⟩] хотела ехать туда вчера с вечерним поездом.

[Клим [подметил] находил в] Чем более говорила [она] мать, тем яснее [видел] чувствовал Клим [что в] [что-то новое и чужое] в ее настроении искусственную натянутость и тайную обиду на кого-то.

[Супруги Спивак] Супруги Спивак явились к вечернему чаю ($ЧА_2$) [1]; Домой он приехал на [несколько] полчаса раньше [Спивак] супругов Спивак. (*БА*)

л. 126

3 Мать встретила их / Парадно одетая в шёлковое, свинцового цвета платье, мать встретила супругов Спивак ◊

3 величественно, как чиновников / подчеркнуто величественно и сухо, точно губернаторша чиновников ($ЧА_2$); величественно, как губернаторша чиновников (*БА*)

4–9 *Текста*: Суховато ∾ искорки.— *в* $ЧА_2$ *нет*.

10–11 Елизавета Львовна ∾ мантии / Елизавета Спивак [была окутана], окутанная легким облаком [сирене⟨вой⟩] сиреневой материи ($ЧА_2$); Елизавета Львовна [окутанная] в необыкновенно — *Далее, как в тексте*. (*БА*)

11–12 казалось ∾ как она была / показалась Климу более интересной и целомудренной, чем она была ($ЧА_2$); казалась [ст⟨арой?⟩] постаревшей, монашески скромной и менее интересной, чем она была ◊ (*БА*)

12–13 Но его ноздри приятно защекотал / Ноздри его приятно щекотал ($ЧА_2$)

14 и в памяти ∾ фраза / [и] память радостно запела ($ЧА_2$)

16 Маленький ∾ разлетайке / Ее [черненьки⟨й⟩] маленький муж в чесунчовом костюме и широкой черной разлетайке с крыльями вместо рукавов ($ЧА_2$)

17–18 и молчал ∾ женщин / он молчал, точно глухой, смотрел неподвижными глазами то на губы Веры Петровны, то жены, покачивая [уны⟨ло?⟩] в такт их словам ($ЧА_2$)

18–19 Самгин ∾ руку / Клим очень радостно пожал [его] сухонькую руку музыканта ($ЧА_2$); Самгин [очень] благосклонно пожал его горячую руку (*БА*)

---

[1] Начало отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-32).

20 этот человек / этот [уродливый господин ⟨?⟩ не достоин своей женщины] ничтожненький человек ($ЧА_2$)

22 красивой женщины, сидевшей / красивой [жены своей] женщины, [сидевшей] стоявшей ($ЧА_2$)

22–24 Когда Спивак ∾ сказала / [Было несколько] Но Климу было непонятно, почему так озабоченно и напряженно лицо Елизаветы Спивак, тоже как будто пожелтевшее в цвет лица ее мужа. Но это [тотча⟨с⟩] объяснилось в ту же минуту. Спивак села в кресло и, вздохнув, [заговорила] перебирая [оборк⟨у⟩] пальцами кружева на груди, сказала ($ЧА_2$)

26 встречи / встречи с вами ($ЧА_2$)

26 печальное / новость печальную ($ЧА_2$)

26–27 Дмитрий Иванович арестован / за день до моего отъезда Дмитрий Иванович арестован ($ЧА_2$); [за два дня до моего отъезда] Дмитрий Иванович арестован (*БА*)

29–30 ресницы ее ∾ покраснел / и кончик носа ее сильно покраснел, [а густые] ресницы испуганно вздрогнули ($ЧА_2$)

31–33 Да! ∾ спросил Клим / Да! — [неожиданно и] излишне громко подтвердил Спивак.— И у...

— Это не интересно, Захар,— остановила его жена. Мать сидела молча, закрыв глаза, а Клим спросил сердито:

— А Кутузов? ($ЧА_2$)

34–36 Спивак ответила ∾ отца. / Он [уе⟨хал⟩] давно уехал куда-то на Волгу, в Самару, кажется,— очень ласково сообщила Спивак, и эта [ласковость] ласка тотчас же помогла Климу отнестись к аресту брата [спокойнее] более спокойно. Он даже мельком вспомнил поговорку: «Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить». ($ЧА_2$); Спивак ласково ответила, что Кутузов недели за две до ареста уехал к себе ◊ (*БА*)

37–38 Мать ∾ к глазам своим / За что? — спросила мать, [но, очевидно, решив, что] открыв глаза и [приложила] [приложив к ним платок] осторожно, чтоб не стереть пудру со щек, прикладывая к ним ($ЧА_2$)

38–39 но Клим видел / Клим отметил ($ЧА_2$); Клим находил (*БА*)

39–40 глаза совершенно сухи / глаза сухие ($ЧА_2$)

Стр. 346.

1–8 Боже мой! ∾ Нет. / Спивак успокоительно говорила, что арест наверное не серьезен.— Дмитрий Иванович занимался в какой-то воскресной школе, среди ее преподавателей тоже кто-то арестован. Но, возможно, что это в связи с беспорядками в Московском университете. ($ЧА_2$)

5 Студент Попов / студент Орехов (*БА*, *АМ* ◊)

9 этому событию / этой теме (*ЧА*$_2$)

10–11 достаточно убедительно / с достаточной убедительностью (*ЧА*$_2$)

11 гостей в сад, к чаю / Спиваков в сад, в беседку, пить чай (*ЧА*$_2$)

12 Весело хлопотали / [День] [Вечер] Вечер был на редкость хорош, [как б⟨ывает⟩] только в конце мая бывают такие гордо праздничные вечера [когда всё цветет]. Весело хлопотали (*ЧА*$_2$); [Вечер] [День был на редкость хорош, только в начале июня бывают такие гордо праздничные вечера] Весело хлопотали (*БА*)

12 обильно цвели цветы / ярко цвели цветы, щедро насыщая [ласковый] нежно теплый воздух хмельным запахом [и] (*ЧА*$_2$)

13 [покрывало] наполняло сад (*ЧА*$_2$)

13 и в блеске / и в этом блеске (*ЧА*$_2$)

14 было бы неприлично / было [как-то] бы просто неприлично (*ЧА*$_2$)

16 о музыке / о музыке на Западе (*ЧА*$_2$, *БА*$^{\Diamond}$)

16–18 выдергивая ∾ сообщил / *а.* выдергивая [паль⟨цами⟩] из галстуха синеватые нити, сказал *б.* выдергивая из галстуха ∾ сказал, делая пальцем в воздухе маленькие запятые (*ЧА*$_2$)

18–22 что на Западе ∾ мотив. / Музыка только в России. Запад? Там нет музыки, там — машины. Там [позорный ход] позорно дошли от менуэта и гавота до матчиша, вот что там... (*ЧА*$_2$)

23 [Осип] Не тереби галстук (*ЧА*$_2$)

24–25 положил руки ∾ на клавиатуру / как ребенок, положил руки на край стола, [как] точно на клавиатуре (*ЧА*$_2$)

26 он сказал / оправдался (*ЧА*$_2$)

27–28 В Норвегии ∾ человек. / Говорят — Григ тоже ужасно рассеян. (*ЧА*$_2$)

29–30 Женщины улыбались ∾ Клим чувствовал / [Жен⟨щины⟩] [Ожи⟨вленно⟩] Оживленно начали беседовать женщины; они любезно улыбались, но Клим догадывался (*ЧА*$_2$); Женщины [любезно] улыбались — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

31–32 Спивак ∾ его / Спивак несколько секунд молча смотрел на Клима, потом [спросил], потирая лоб, улыбнулся, вспомнив, видимо, что-то приятное, и спросил (*ЧА*$_2$)

34–36 А когда Клим ∾ лихорадка. / Клим предложил ему земляники с молоком.— [Нет] От этого у меня будет крапивная лихорадка,— весело сообщил Спивак; еще подумал и — пожалел: — [Жаль, что] Напрасно вы не играете. Вы могли бы играть на флейте. (*ЧА*$_2$); *Как в тексте, до слов:* лихорадка. [И, опухшими глазами посмотрев через очки в лицо Клима, сказал: — Вы могли бы играть на фаготе] (*БА*)

37–38 Мать попросила ∾ флигель. / Клим, покажи Елизавете Петровне флигель,— предложила мать. ($ЧА_2$)

40 очень осторожно / очень бережно ($ЧА_2$)

Стр. 346—347.

41–1 Эта воркотня — первое / Это — первое ◊ ($ЧА_2$)

Стр. 347.

1 меня удивило / меня поразило ($ЧА_2$)

4 Бумажный сор в комнатах флигеля / Бегло осмотрев четыре комнаты флигеля, бумажный сор в которых ◊ ($ЧА_2$)

4–5 напомнил Климу о писателе Катине / заставил Клима вспомнить о писателе Пимове ($ЧА_2$)

7 И окна в сад./ Приятно, что окна в сад. ($ЧА_2$)

8 Наверное, в комнаты / Но, наверное, летом в комнаты ($ЧА_2$)

8–9 Наверное ∾ с яблонь? / Но, наверное, летом в комнаты будут заползать мохнатенькие червяки с яблонь, да? ($ЧА_2$)

11 *Слов:* Она вздохнула — *в* $ЧА_2$ *нет.*

13 красиво ∾ она улыбнулась / Спивак [спро⟨сила⟩: — Почему?], красиво изогнув шею, улыбнулась ($ЧА_2$)

15 Нет, почему? / Почему? ($ЧА_2$)

17 у скамьи под вишней / опускаясь на скамью под цветущей вишней ($ЧА_2$)

23 не поймете / этого не поймете [и по⟨тому?⟩] ($ЧА_2$)

24 закончила она / кончила она, заглянув в лицо Клима ($ЧА_2$)

25 смутила Клима / смутила его ($ЧА_2$)

27–28 Посмотрев ∾ спросила / Снова оглянув [сад] клумбы, деревья, небо, она спросила ($ЧА_2$)

30 романы от скуки / романы ($ЧА_2$)

30–31 Я бы предпочла / Я бы все-таки предпочла ($ЧА_2$)

32 не обзавелись привычками? / не обзавелись привычками, нет? ($ЧА_2$)

33 Клим удивлялся./ Клим [был] слушал и удивлялся. ($ЧА_2$)

35–36 Спивак казалась / она казалась ($ЧА_2$)

39–41 поставила еще ∾ мимоходом / еще о чем-то очень житейском, эти вопросы скользнули [очень] легко, ничем не помешав Климу ($ЧА_2$)

Стр. 348.

1 Портрет ∾ ваш отчим? / [У вас в доме [очень] много вкуса,— заметила она] Это портрет, над роялью, вашего отчима? — спросила она. ($ЧА_2$)

3–11 Пытливо заглянув ∾ К ним шла мать / *а.* По дорожке шла мать

б. Вы знаете — здесь Туробоев,— сообщил Клим, пытливо заглядывая в ее лицо.

— Да? — [удивленно] спросила она [не удивляясь и].— [Здесь? Вот как] Что же [тут] он делает тут?

— Продает свою землю.

— Вот как. Он ведь собирался за границу [сказала Спивак, не обнару⟨живая⟩]. [Климу было] Клим почувствовал, что его радует спокойный тон ее, [радует *1 нрзб* более] обрадовало [что] и то, что она, задев его локтем, не извинилась. По дорожке шла мать (*ЧА*$_2$); *Как в тексте, до слов*:

— Да? — *Далее*: [Он собирался за границу]

— Продает свою землю.— *Далее, как в тексте.* (*БА*)

11–12 рядом с нею ∾ крыльями / склонив голову к [музы⟨канту⟩] Спиваку, а он, размахивая черными крыльями (*ЧА*$_2$)

л. 127

14 Это будет написано / Это написано (*ЧА*$_2$)

14–15 тум-тумм... / ту-там-ту-ррам. И — фанфары: р-ри-ри-ра-та...
— Посмотри ⁰ (*ЧА*$_2$)

16–17 [вопросами о] заговорив с Верой Петровной (*ЧА*$_2$)

17 о флигеле ∾ прочь / об условиях [сда⟨чи⟩] найма флигеля; [они обе] [Через пол⟨часа⟩] они отошли прочь (*ЧА*$_2$)

18–19 вступил в беседу ∾ грамматики / сказал, как будто переводя фразы из учебника с какого-то иностранного языка (*ЧА*$_2$); и [заговорил, как бы переводя фразы из учебника] вступил в беседу с Климом — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

20 Ваша мать / Мне здесь очень нравится. Ваша мать (*ЧА*$_2$)

20 Она знает музыку. / и [хорошо] знает музыку. (*ЧА*$_2$)

21 Далеко ли ∾ элегическое. / [Этим] Должно быть, истратив весь запас слов, он помолчал, глядя под ноги, постукивая пальцами по колену, и минуты через две спросил:

— Здесь хорошее кладбище? Даже [два] три? [Это прекрасно] [Я очень рад] Это утешительно. Я люблю [всё] элегическое. (*ЧА*$_2$)

22 У нас лучше всего / В России лучше всего (*ЧА*$_2$)

23 у нас — отлично. / у нас — отлично. Заупокойная литургия — гениальна. (*ЧА*$_2$)

24–25 В паузы ∾ женщин. / Он говорил [долго], отделяя фразу от фразы длинными паузами, и в эти секунды молчания Клим слышал голоса [то его жены [и], то своей матери] женщин (*ЧА*$_2$)

28–30 Я вам ∾ Да. / Да, это удобно...— Итак? — Хорошо [я согласна]. (*ЧА*$_2$)

31–32 проводив Спиваков ∾ Клим / Клим проводил Спиваков за ворота и, вернувшись в сад (*ЧА*$_2$)

32–33 там же, [на скамье] под вишней (*ЧА*$_2$)

33 опустив голову / устало опустив голову ($ЧА_2$, *БА* ◊)

34 руки за спинку скамьи / руки [за спину, держась за] на спинку скамьи ($ЧА_2$)

35 Бог мой, это, кажется, не очень приятная дама! / Это не очень приятная дама! ($ЧА_2$)

36 усталым голосом сказала она / сказала она, когда Клим сел рядом ($ЧА_2$)

36 Еврейка? / Она — еврейка? ($ЧА_2$)

36–37 Как странно / Боже мой, вот странно ($ЧА_2$)

38 Впрочем ∾ на еврейку. / Я, кажется, поторопилась [предложить] сдать им квартиру. Но флигель так долго стоял пустым. Ты хорошо знаешь ее?

— Не могу сказать этого.

— Она, вероятно, злая. ($ЧА_2$)

39–40 с оттенком удовольствия? / с [некотор⟨ым⟩] оттенком удовольствия? [Нет?] ($ЧА_2$)

40 Некоторым людям / [Знаешь, некоторым] Ведь некоторым людям ($ЧА_2$)

Стр. 349.

1 Она ∾ по колену. / Она шумно вздохнула. ($ЧА_2$)

2 Теперь мне придется / Я думаю, мне придется ($ЧА_2$); Теперь мне, конечно, придется ◊ (*БА*)

4–5 окрасила ∾ пьянее. / окрасила цветы яблонь и вишень в тона перламутра. Запахи стали мощнее, пьяней. ($ЧА_2$)

6–8 переоденусь ∾ Клим посмотрел / *а.* переоденусь,— сказала мать,— [и пр⟨иду⟩] А ты подожди меня здесь. Не хочется в комнаты. [Клим ждал ее довольно долго, думая без слов о Спивак, такой неожиданно [новой и] близкой и новой, осуждая мать за ее неприязненное впечатление. Завтра надо отдать визит Спивакам, проводить их на вокзал, поднести [букет] цветов. И возвратиться на дачу. Мысль о даче несколько спугнула хорошее настроение.] [Она легко погладила негустые жестковатые волосы Клима и встала, говоря:

— Внешне она недурненькая. И беременность не портит ее.

— Она? — спросил Клим, вздрогнув.— Она тебе сказала?

— Бог мой, я сама вижу. Почему ты испугался?] [Клим видел, что] [Мать смотрела [загля⟨дывая⟩] на него подозрительно.] [Клим посмотрел вслед ей неприязненно, [ее суждения о Спивак] слегка возмущенный] [Клим был несколько] *б.* переоденусь,— сказала мать, легкой рукою погладив негустые, жестковатые волосы Клима.— А ты подожди меня здесь. Не хочется сидеть в комнатах.

Клим посмотрел вслед ей неприязненно, [он почувствовал] почувствовав, что мать отняла у него нечто ценное. Клим посмотрел ($ЧА_2$)

8–9 мать ∾ разноречило / она сказала о Спивак, слишком [резко] разноречило ($ЧА_2$)

10–13 Но его недоверие ∾ женщины. / [Его] Но его недоверие к людям [становилось], становясь всё более легко возбудимым, цепко [хваталось за всё, что каждый] [подхватывало] [подхватило] ухватилось за [эти] слова [внимательно взвесить все] матери, и [он] Клим задумался, [тщательно] быстро [пров⟨еряя⟩] пересматривая слова, жесты, улыбки [Спивак] [милой] приятной женщины. ($ЧА_2$)

13–14 Ласковая тишина, настраивая / [Но] Ласковая тишина вечера [быстро застави⟨ла⟩], настраивая ($ЧА_2$); [Однако] Ласковая тишина [вечера], настраивая (*БА*)

14–15 не позволила ∾ Спивак / помешала ему найти в поведении [жены] этой женщины ◊ ($ЧА_2$)

15 [подтвердило] оправдало бы мать ($ЧА_2$)

15–16 Легко заиграли другие думы / [Напротив] [Он с удовольствием перестал думать в этом направлении] и тотчас же [явились] легко заиграли другие мысли ($ЧА_2$)

16 переедет во флигель Елизавета / переедет Спивак ($ЧА_2$)

18 *После:* к Лидии — о которой отец ее совершенно правильно сказал: — Она любит углубляться, как юный философ в басне Хемницера: «Веревка — что такое?» ($ЧА_2$)

19 Мать ∾ в капоте / Пришла мать в [китайском халате] в темном капоте ($ЧА_2$)

20 в мягких туфлях / в высоких, мягких туфлях ($ЧА_2$)

21 она ∾ помолодевшей / В лунной мгле она казалась чудесно помолодевшей и стала трогательно маленькой, несмотря на широкие складки капота. ($ЧА_2$); Во мгле она казалась чудесно помолодевшей и трогательно маленькой. ◊ (*БА*)

28–29 морщинки на висках / виски ($ЧА_2$)

29 И вдруг сказала, вздохнув / И вдруг [сказала] ($ЧА_2$)

30 У этой Спивак / У нее◊ ($ЧА_2$)

31 не портит ее / не испортила ее ($ЧА_2$)

33 Она [сама] тебе сказала? ($ЧА_2$)

34–36 Боже мой ∾ сняв очки / Бог мой, разве я не вижу? — очень удивилась мать и немедленно тревожно спросила: — Почему это испугало тебя?

Лицо ее хорошо освещала луна, и Клим видел, что [мать смотрит на него подозрительно, было] на нем одно выраже-

ние быстро сменяется другим: [тревога] испуг — удивлением, сердитая мина — [шаловливой] ласковой улыбкой.

— Это ты нашалил? — спросила она, прежде чем Клим успел ответить, и, спрашивая, шаловливо погрозила ему пальцем. Он тоже пережил за эти секунды несколько [разнооб⟨разных⟩] [разных] толчков разнообразных ощущений: его огорчила эта [неожиданная] новость, он был испуган первым вопросом матери, он почувствовал гордость — [вот] мать [счита⟨ет⟩] признает его мужчиной и — снова огорчился:

— Конечно, нет, мама! — возмущенно сказал он.— И я нимало не испугался. Но меня изумляет, как ловко люди лгут. Ведь [они жили] я видел... Впрочем, я замечал, то есть я знал, что Туробоев... — Он круто оборвал [свою] речь, [поняв, что] догадавшись, что, пожалуй, [и это лишнее] о Туробоеве не надо было говорить. Мать обняла его.

— Ты возмущаешься не потому, что влюблен в нее? — спросила она снова, заглядывая в глаза его.— Мне нужно знать правду. [Я тебе верю.] Если да, то не следует, чтоб она торчала тут, волнуя тебя...

— Нет, мама, честное слово — нет! — почти раздраженно ответил Клим.

— Прекрасно,— сказала мать.— Я, конечно, верю тебе. И — оставим это.— Клим снял очки и наклонился. Через минуту она говорила задумчиво и тихо:

— Он элегантен, Туробоев. Но такие, как он, гораздо больше нравятся девушкам, чем женщинам. «Это сказано с каким-то намерением»,— подумал Клим и, сняв очки (*ЧА*₂)

37 Он знал / Он чувствовал◊ (*ЧА*₂)

39 обокраденным / обокраденным [и], это чувство было неожиданно для него, но оно было (*ЧА*₂)

40 наемная Маргарита / Маргарита, наемная◊ (*ЧА*₂)

40–41 обманывает и Лидия / конечно, обманывает и Лидия (*ЧА*₂)

41 представляясь не тою / представляясь [ему] не той (*ЧА*₂)

Стр. 350.

1 на самом деле / сама в себе (*ЧА*₂)

1–3 он уже ∾ перед этим / [о которой] он уже не может [думать] смотреть па нее так хорошо, как [думал] смотрел за час пред [этой] этим (*ЧА*₂)

4–9 «Какой безжалостный ∾ вздохнула мать. / *а*. О, боже, боже мой,— тяжело вздохнула мать.

«Вот и эта женщина.— [Он] Клим и о ней [хотел] подумал враждебно.— Что она нашла в этом умнике, который вот уже изменяет ей с актрисами?» *б*. «Да, она должна быть очень

безжалостна и без стыда, если решается обманывать такого блаженного, как ее муж. Как все-таки бесцеремонно [грубо] вторгается она в мою жизнь»,— подумал Клим, глубоко вдыхая горьковатый запах цветов вишни. Вздохнула и мать: — О боже, боже мой! (*ЧА*$_2$); *Как в тексте, до слов:* в мою жизнь. [Туробоев, разумеется, не может искренно любить] — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

10 Клим ∾ сидела / [Но когда он] Он незаметно взглянул на нее [у него исчезло желание мысленно обидеть ее]. Мать сидела (*ЧА*$_2$)

11–22 лицо уныло ∾ девушка / тонкое лицо посерело, это — лицо старухи. Глаза ее широко открыты, и она закусила губы, точно сдерживая крик. Какая-то часть жалости Клима Самгина к самому себе перенеслась на эту [уста⟨вшую⟩] женщину, он взял руку ее, спросил тихонько:

— Что с тобой? Тебе грустно? — Вздрогнув, она прикрыла глаза и с напряжением ответила шёпотом: — В моем возрасте мало веселого.— Она оглянулась, поправила ворот капота, оттянув его вперед, рука ее дрожала.— Я хочу сказать что-то [тебе]. Не о себе, а для тебя. [Наверное]. Уже где-то близко тебя ждет женщина [которая] (*ЧА*$_2$)

24 [Она всхлипнула] В ее шёпоте (*ЧА*$_2$)

24–26 подумалось ∾ сейчас / показалось, что она [готова заплакать] сейчас заплачет (*ЧА*$_2$)

25 что она, [такая] всегда гордая

26 Он ∾ плачущей./ Это [холодно] изумило его: он никогда не видел и не мог представить себе мать плачущей. (*ЧА*$_2$)

26 *После*: плачущей.— *зачеркнуто.:* И — почему?

27 об этом, мама / об этом, мама,— [сказ⟨ал⟩] попросил он, обняв ее (*ЧА*$_2$)

28–29 и [говорила], задыхаясь (*ЧА*$_2$)

30 но — надо / но — надо! [Я не знаю, что сказать] (*ЧА*$_2$)

30–32 О великодушии ∾ О милосердии./ О милосердии к женщине, о великодушии надо говорить, кажется. (*ЧА*$_2$)

33 женщина, мать / женщина (*ЧА*$_2$)

33 Одинока до безумия./ За что? И женой и матерью одинока до безумия. Только минуты в награду за бесконечные дни, ночи, годы одиночества. (*ЧА*$_2$); За что? Одинока до безумия. (*БА*, *АМ*$^{\Diamond}$)

35 [растеря⟨нно⟩] спросил Клим (*ЧА*$_2$)

36 обняв ее / обнять ее крепче (*ЧА*$_2$)

37 она откачнулась ∾ пытаясь сдержать рыдания/[ма⟨ть⟩] она откачнулась от него, вздрагивая, изгибаясь, видимо, потому, что хотела сдержать рыдания (*ЧА*$_2$)

39–40 *Вариант фразы*: Только часы ∾ одиночества.— *в* $ЧА_2$ *см. выше: стр. 350, строка 33.*

41 *Фразы:* «Это говорила ∾ Клим.— *в* $ЧА_2$ *нет.*

41 [изумленно] вспомнил Клим

Стр. 351.

1 так жестоко / так жестоко и бессмысленно ($ЧА_2$)

3 ласково, дружески. / ласково [и с] — почему это, откуда? ($ЧА_2$)

5–9 *Текста*: «И — не надо ∾ задыхаясь — *в* $ЧА_2$ *нет.*

6–8 *Вариант текста*: Это говорила ∾ не нашлось места — *в* $ЧА_2$ *см. ниже*: *стр. 351, строка 18.*

10 Надо выть. / Надо выть, рычать. ($ЧА_2$); Надо выть, кричать.◊ (*БА*)

11 бром, воду / порошки, воду ($ЧА_2$); [порошки] бром, воду (*БА*)

12–14 Сын ∾ всё это. / Клим растерянно гладил ее руку, не находя в себе слов утешения ($ЧА_2$)

13 продолжая думать / думая◊

14–15 истерически посмеивалась / истерически смеялась, произнося бессвязные фразы ($ЧА_2$)

18 больны одиночеством / *а. Как в тексте. б.* больны одиночеством.— Клим хотел остановить ее, [великодушно] крикнуть: «Молчи. Это говорила мне уродливая девчонка, это унижает тебя». Но его великодушию не нашлось места. ($ЧА_2$)

18–19 вам, мужчинам ∾ и… всё! / вам, мужчинам. ($ЧА_2$)

21 *После*: Как мы.— *а. Текста нет. б.* Женщины эгоистичны, потому что обречены кем-то на казнь одиночества и непонимания их существа. Отсюда всё, Клим. И наш эгоизм. Эгоизм это — не грех, это — физиологическое. Это — от холода жизни, когда всё ноет — душа, тело, кости. [— Одна девушка,— начал он, но мать не слушала] ($ЧА_2$); *зачеркнуто*: Ведь человек, мужчина, он — наш, пойми, наш! (*БА*)

22–25 Чувствуя необходимость ∾ Макаров… / *Текста нет.* ($ЧА_2$); [Да,—сказал Клим,— Макаров очень удачно] Чувствуя необходимость [остановить ее] попытаться — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

26–28 *Вариант текста*: Наш эгоизм ∾ тело, кости — *в* $ЧА_2$ *см. выше*: *стр. 351, строка 21.*

л. 128

29–30 И вдруг ∾ деревьев. / [Уста⟨ло⟩] Преодолев свой припадок, успокаиваясь, она продолжала:

— Тебе нужно знать это. Может быть, это позволит тебе [обойти] смягчить неизбежные драмы жизни вдвоем.

Клим облегченно вздохнул, когда она замолчала, застыла, глядя в черную сеть ветвей яблони, ярко освещенной луной. ($ЧА_2$); И вдруг, взглянув на сына, она замолчала, отодвинулась от него [и] в черную сеть деревьев, уже освещенных луной.◊ (*БА*)

30–32 А через минуту ∾ ушла / Одна девушка,— [начал] заговорил Клим, находя, что ему неловко молчать, но Вера Петровна прервала его речь:

— Я вижу, как ты борешься с твоей любовью к Лидии.

— Но — это неправда! — воскликнул Клим, [прости м⟨еня⟩] неприятно изумленный. — Прости, это неверно.

— Ты — рассудочен, и от рассудка тебе кажется, что неправда. Пойми,— я говорю не потому, что она не симпатична мне, а потому, что боюсь за тебя.— Теперь она говорила в два голоса; надорванно, как о себе, и с упрямой, угнетающей настойчивостью, с которой она всегда отзывалась о Лидии.— Это девушка самоуверенная и холодная. Она не может любить. Она и отца не любит.

— Тебе с ним трудно? — спросил Клим, желая остановить ее и не без намерения задеть.

Тогда она выпрямилась, подняла голову и, взглянув на него холодными глазами, сказала спокойно:

— Бывает. Так же, как ему со мною.— Посидев молча еще несколько минут, она встала: — Пойду писать письма.— Подняла руку, как бы желая [благословить] перекрестить сына, даже сложила пальцы в форму знамения креста, но только поправила прядь волос, спустившуюся на щеку ее, и ушла. ($ЧА_2$); А через минуту [сказала, вздохнув], поправляя — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

32–33 оставив сына ∾ сценой./ Клим понял, что вопрос о Варавке задел ее, но не раскаялся, она заслужила это. Он тоже одинок, и это тоже дает ему право на эгоизм. Он не желает, чтоб в его личную жизнь вторгались так грубо. [И есть отношения, которые он не хочет знать.] Мать плакала — это удивительно, это искажает весь ее образ, но ведь это потому, что она стареет и ревнует. И так в каждом человеке можно открыть [нечто] простенький стержень, на котором люди вывешивают флаги своей оригинальности. Он чувствовал себя измятым [этой] беседой. ($ЧА_2$); оставив сына измятым и подавленным этой беседой.◊ (*БА*)

34–35 Конечно ∾ Мать просидела / [Посмотрев] Посмотрел на часы, мать просидела ($ЧА_2$)

35 думал он, хмурясь / думал он, нахмурясь ◊

36 не более получаса / не более двадцати минут ($ЧА_2$)

36–37 прошло часа два / она говорила часа два ($ЧА_2$)

37–41 Было неприятно ∾ своей оригинальности. / Клим Самгин зашел в [комнату] дом, взял фуражку и отправился гулять, ощущая, что за этот день в нем окрепло убеждение в правильности его недоверия к людям. ($ЧА_2$); Было неприятно [созна‹вать›] чувствовать — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

40–41 человек поднимает / человеки вывешивают ◊

Стр. 352.

1 утром / [к завтра‹ку›] утром ($ЧА_2$); рано утром ◊ (*БА*)

2–3 неприлично растрепанный / встрепанный и неприлично расстегнутый ($ЧА_2$)

6–8 Какая барышня? ∾ Там — две / [Никаких дам и барышень — нет] Какая барышня? Есть две ($ЧА_2$)

10–11 Варавка был похож ∾ увеличенного / он был похож на [китайского «бога [огня] нищих»] чудовищно увеличенную бронзовую фигурку ($ЧА_2$); Варавка был похож на [китайского «бога нищих»] чудовищно увеличенного (*БА*)

11–12 уродливая фигурка этого бога / эта уродливая, темная фигурка, в тусклых пятнах позолоты ($ЧА_2$)

14–15 Быстро ∾ Варавка / Жадно и быстро, как селезень, глотая хлеб, ветчину, яйца, Варавка ($ЧА_2$)

17 Туробоев — выродок. / Этот Туробоев — выродок. ($ЧА_2$)

18 и прочее / и прочее. [Вообще — дурак] ($ЧА_2$)

19 купил, перестрою / купил ($ЧА_2$)

20 Продал он дешево / Продал дешево ($ЧА_2$)

20 Вообще — идиот / Вообще — прекрасный идиот ($ЧА_2$)

24 мягко упрекнула его / Тимофей,— ласково заметила ($ЧА_2$)

26 Я — честно говорю. / А — что? Честно говорю. ($ЧА_2$)

27 Сергей Витте обирает. / [Министр Сергей] Сережа Витте обирает. Ловкий мальчик! ($ЧА_2$)

28–30 Варавка насытился ∾ снова заговорил / Широко усмехаясь, [наливая] налив в стакан [херес] вина, Варавка потряс головой, чмокнул мясистыми губами:

— Герострат. Готов сжечь всю деревянную Русь, лишь бы о нем кричали. Ну что же, Сережа... посмотрим! [— Он обратился] ($ЧА_2$)

32 *После*: будь осторожен...— Очень советую! Ему бы, косой бестии, в жандармах служить. В нем провокаторское что-то есть... ($ЧА_2$)

33 Тут Вера Петровна / Только тут Вера Петровна ($ЧА_2$)

34–35 об аресте Дмитрия / об аресте брата ($ЧА_2$)

35–36 Клим ∾ вызывающе./ *Фразы нет.* (*ЧА*$_2$); Вышло это у нее неуместно.◊ (*БА*)

36–37 Варавка ∾ с ладони./ Варавка пошевелил бровями, поднял бороду ладонью и сдул ее. (*ЧА*$_2$)

38–39 Это что же ∾ Самгиных? / Н-да... Это что же у Самгиных старших — наследственная тяга в тюрьму? (*ЧА*$_2$)

Стр. 353.

1 Мне придется съездить / Я хочу поехать (*ЧА*$_2$)

2–4 Разумеется ∾ убеждать / Разумеется.— И, обняв Клима за талию, тиская его, Варавка заговорил (*ЧА*$_2$)

5 в институт / в Академию, по классу архитектуры, или в институт (*ЧА*$_2$)

6–8 а Гамбетты ∾ в каждой газете / прокуроров хоть отбавляй и в судах, и в газетах, в каждой (*ЧА*$_2$)

9 Учись на архитектора. / Серьезно — зачем тебе университет? (*ЧА*$_2$)

9–10 Тогда — получим / А тут получилось бы (*ЧА*$_2$)

11 мне, подрядчику, [рабо⟨та⟩] выгода

12–13 Он расхохотался ∾ на дачу / Он усмехнулся, замолчал, поел еще немного и снова рассыпал звонкий голосок свой: — Я рад, что Лидия не идет на курсы. Среди актеров революционные идеи не популярны. Это — необъяснимо: актеры тоже ведь живут чужой мыслью, как большинство революционеров. [Да] Ты, Вера, [на дачу] когда едешь? [Нет? Ах, да] Нет? Гм. Ну, тогда — ты отправляйся, Клим. (*ЧА*$_2$)

14 был кто-нибудь из нас / кто-нибудь был (*ЧА*$_2$)

14–15 Кажется ∾ приказчиком. / Ко мне Дронов просится. Пожалуй, я его возьму [приказчиком] управляющим на даче. (*ЧА*$_2$)

15–16 Ну-с, еду / Ну, до свидания, еду (*ЧА*$_2$)

17 мать сказала, вздыхая / мать вздохнула (*ЧА*$_2$)

18 *После*: сколько ума! — *зачеркнуто:* Вот, Клим,— человек! (*ЧА*$_2$)

19 согласился Клим / согласился Клим Самгин (*ЧА*$_2$)

19–20 *Слов*: но подумал ∾ точно мяч» — *ЧА*$_2$ *нет.*

21 На дачу он приехал вечером / На [дачу] дачи он приехал вечером, [уже заходило солнце] на закате солнца (*ЧА*$_2$)

22 обочиной ∾ дорогой / пешком [не по измятой песчаной дороге, а обочиной], по обочине соснового леса (*ЧА*$_2$); обочиной соснового леса, по песчаной, глубоко измятой дороге◊ (*БА*)

23–24 недавно ∾ лошадьми / песчаная дорога была [сильно] глубоко измята церковным колоколом, который вчера провезли в село на людях и лошадях (*ЧА*$_2$); недавно по ней [везли] провезли — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

24 В тишине / В тишине и сочном тепле ($ЧА_2$)

26 [а за ними] в просветах [среди *2 нрзб* вековых] [между стволов векового сосняка мреял] между могучими колоннами ($ЧА_2$)

31 красный зонтик / алый зонтик ($ЧА_2$)

32–35 затем ∾ Лютова / а сделав еще несколько шагов вперед, Клим увидел узкую спину какой-то женщины и рядом с нею, [очень] почти вплоть,— спину Лютова, его затылок. Клим замедлил шаги ($ЧА_2$)

36–37 «Это ∾ Лютова? / «[Это — последнее свидание с былой любовью?] Это — [что же] любовница? ($ЧА_2$)

38 Он ∾ подошел / Он [слишком] так близко подошел [к парочке] ($ЧА_2$)

38–39 ровный голосок / ровный, спокойный голосок ($ЧА_2$)

39 глухо звучавшие / сердито звучавшие ◊ ($ЧА_2$)

40–41 Хотел ∾ Не прячьтесь. / Слов еще нельзя было разобрать. [Остановясь] Он [сообразил, что если повернет вправо, на дорогу, Лютов увидит его и] свернул в лес, надеясь обойти беседующих [невидимо] незаметно. Но это не удалось, [через] сделав несколько шагов по хрустящей хвое, он услышал [окрик Лютова]:—Не прячьтесь, вижу! ($ЧА_2$); Хотел свернуть в лес, но [понял, что среди редких деревьев Лютов всё равно заметил бы его, да уже и времени не было скрыться] Лютов окрикнул:—[Не прячьтесь, вижу] Вижу, не прячьтесь. (*БА*)

Стр. 354.

1 Окрик прозвучал / [В словах] [Пок⟨азалось⟩] Окрик Лютова прозвучал ($ЧА_2$); Окрик его прозвучал ◊ (*БА*)

1–2 Клим подошел вплоть / Клим с досадой подошел [к нему] ($ЧА_2$)

2–3 оскалив ∾ улыбочкой / взглядом испытующим и злым ($ЧА_2$)

4–8 я прячусь? ∾ Знакомьтесь. / я прятался? — сердито спросил он, сняв фуражку пред собеседницей Лютова.

— Так уж, думаю. Деликатность. И прочее. Знакомьтесь. [Варвара Кирилловна — Самгин] ($ЧА_2$)

9–10 Женщина ∾ была из тех./ [Пред Климом] С песка очень легко поднялась женщина среднего роста, в [шерстяном сером платье] шерстяной серой юбке, в голубоватой бархатной кофте, туго обтянувшей ее бюст. [Небольшими] [Светленькими глазами она взглянула] [Взглянув в [лицо] [глаза] лицо Клима [неприят⟨ным⟩] цепким фотографирующим взглядом [и быстро] [и в ту ⟨же⟩ секунду] [светленьких глаз [и как будто] и на секунду], прикрыла глаза, и в эту секунду лицо ее странно [почти неузнаваемо] изменилось.] Лицо у нее [очень русское, мягкое] из тех ($ЧА_2$); Женщина протянула [короткую] руку — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

11–13 Пристально ∾ фамилию / Пристально, цепким фотографирующим взглядом светленьких глаз посмотрела в лицо Клима и, прикрыв глаза, неясно назвала [свою] фамилию ($ЧА_2$)

13 он тотчас забыл / Клим немедленно забыл ($ЧА_2$); он [немедл⟨енно⟩] тотчас забыл (*БА*)

14–15 Окажите ∾ морщась. / Вот что,— говорил Лютов, морщась и оглядываясь,— окажите услугу. ($ЧА_2$)

15 Она вот опоздала к поезду... / Она — опоздала к поезду,— Лютов пебрежно указал большим пальцем на женщину. ($ЧА_2$); Она вот опоздала к поезду... Вы — очень кстати ◊ (*БА*)

15–16 Устройте ей ночевку / Устройте ее ночевать ◊ ($ЧА_2$)

17 она [смот⟨рит⟩] приехала ($ЧА_2$)

18–23 Хромой чёрт ∾ сказал Лютов./ остроумный мужичок с мельницы, хромой бес.— [Я считаю] Вы не считаете излишними эти [подозрительные] предосторожности? — [сказала] негромко спросила женщина.— [А я] Не считаю их таковыми. [Вы придете] Приходите на большую дачу, когда стемнеет, а завтра [утром] к семи утра незаметно отправитесь на станцию.— Лютов говорил торопливо, притопывая ногою, и бросал во все стороны быстренькие взгляды. ($ЧА_2$)

24–25 ковыряя ∾ зонтиком / ковыряя [песок] концом зонтика песок ($ЧА_2$)

25 Улыбалась она / Улыбалась очень ($ЧА_2$)

26 губы небольшого рта / губы большого [некрасивого] рта ($ЧА_2$)

27 в углах рта / от углов рта ◊ ($ЧА_2$)

28 лучистые морщинки / остренькие, лучистые морщинки ($ЧА_2$)

28–29 Улыбка ∾ изменяла / Улыбка ее казалась вынужденной [и как-то ожесточала], жестковатой и [еще раз [по-новому] странно] резко изменяла ($ЧА_2$)

29–30 ее лицо, каких много / ее непамятное лицо ($ЧА_2$, *БА* ◊)

л. 129

31–32 Лютов, вставая с земли, и взяв / Лютов и, взяв ($ЧА_2$)

33–35 угрюмо ∾ к нему / [не громко и] угрюмо заметил Клим ◊ ($ЧА_2$)

36 Сойдет / Ничего, сойдет ($ЧА_2$)

37 Должен / И я должен ($ЧА_2$)

38 мой брат / мой брат, так что возможно ($ЧА_2$)

39–40 Лютов ∾ народоправец? / Народоправец?— спросил Лютов, крепко прижав локтем руку Самгина, и, сняв фуражку, начал махать ею в покрасневшее лицо. ($ЧА_2$)

41 Марксист ∾ народоправец?/ *а*. Он марксист. *б*. Марксист...— ответил Клим.— Что такое народоправцы? — спросил он,

оглянувшись назад,— женщина с зонтиком уже исчезла *ЧА*$_2$)

Стр. 355.

1–4 Сняв ∾ черти! / Оболтусы! — [усмехаясь] сказал Лютов и, передразнивая кого-то, [продолжал] заговорил [с украинским акцентом] по-украински: — Знов происходэ накопление революционної силы...— Украинский говор его напоминал Климу акцент рассказчиков армянских анекдотов. (*ЧА*$_2$)

5 сердился на Лютова / сердился на него ◊

6 в какую-то ∾ опасную / *а.* в какую-то опасную *б.* в какую-то неприятную, а может быть, и опасную (*ЧА*$_2$)

7 и на себя сердился / [сердился на себя] был недоволен собою (*ЧА*$_2$)

7 легко уступил / легко позволил ◊ (*ЧА*$_2$)

8 преобладало удивление и любопытство / преобладало любопытство (*ЧА*$_2$)

9–11 Он молча ∾ исчезла. / Он молчал, слушая ворчливый голос спутника. (*ЧА*$_2$); *Как в тексте, до слов*: оглядывался — *Далее*: назад: дама с зонтиком исчезла. (*БА*)

12 Знов происходэ... / Вот — накопление! (*ЧА*$_2$)

12 Эта явилась / *а.* Она явилась *б.* Эта,— он махнул рукою за плечо,— явилась (*ЧА*$_2$)

13 один знакомый / один... [мой знакомый] хохол (*ЧА*$_2$)

13–14 Типография там / Типография оказалась там (*ЧА*$_2$)

14–15 В Харькове ∾ в Орле./ В Питере аресты, в Харькове, Орле... (*ЧА*$_2$)

16–17 Ворчал ∾ конторы. / Ворчал он всё более раздраженно и [так, как будто у него неожиданно отняли [что-то] часть [его] собственности, [или] обманули на чем-то] в то же время [с так⟨ой⟩] с тою безнадежной жалобой, как ворчал Варавка на плотников, каменщиков, на служащих своей конторы. (*ЧА*$_2$)

17–18 странный тон / странный тон обиженного хозяина (*ЧА*$_2$, *БА* ◊)

18–19 изумляло ∾ с революционерами / *а.* изумительным казалось ему участие Лютова в какой-то революционной организации *б.* изумляло [его] знакомство Лютова [с революцио⟨нерами⟩] с революционерами, которых он ругал, как нерадивых приказчиков [его] своих.— Накопили... (*ЧА*$_2$)

19–20 Послушав ∾ больше. / Не стерпев, он спросил (*ЧА*$_2$)

22–23 отозвался ∾ усмехаясь / усмехаясь, отозвался Лютов (*ЧА*$_2$)

23–24 Жалею ∾ ответил вам. / [Но — объяснять долго. Отложим до другого раза. Так вашего брата тоже сцапали? Гм?] Жаль,

что брата вашего [тоже] сцапали, он бы вам ответил. А я — не хочу, боюсь — не поверите. (*ЧА*$_2$)

25 «Болван» / «Хам» (*ЧА*$_2$)

25–28 вытащил руку ∾ сосновые шишки / вытянул руку свою из-под локтя Лютова [тот шел, задумчиво опустив голову, и, должно быть], который, должно быть, не почувствовав этого, шел задумчиво опустив голову (*ЧА*$_2$)

28–32 Клим пошел ∾ на ярмарку. / Но когда Клим [сделал] попытался опередить его шага на два, он спросил, остановясь у рассыпанной поленницы: — Куда [вы] спешите? Там, — он резким жестом указал в сторону дач,— никого нет. Уехали [на какую-то ярмарку... озеро⟨м⟩] в лодке куда-то на сельский праздник, на ярмарку. (*ЧА*$_2$)

33–36 Он снова взял ∾ заговорил / Посидим здесь.— [Он схватил рукав и, присев на дрова] Схватив Клима за руку, он потянул его за собою, [и] присел на дрова и тотчас глумливо, звонко заговорил (*ЧА*$_2$)

37 На кой дьявол / Я вот думаю: на кой чёрт (*ЧА*$_2$)

39–40 романтизм и прочие пеперменты / и прочие мармалады (*ЧА*$_2$)

Стр. 355—356.

41–1 местах ссылки ∾ статейки / местах ссылки... [и вообще] (*ЧА*$_2$)

Стр. 356.

1–2 и тому подобные ∾ гости. / *а.* и тому подобные *б. Как в тексте.* (*ЧА*$_2$)

3–4 *Фразы:* От него пахло ∾ нитки. — *в ЧА*$_2$ *нет.*

5–8 *Текст:* Народовольцы ∾ из десятка одна — *вписан в ЧА*$_2$ *со следующими вариантами:*

7–8 мины — не взрываются ∾ не вовремя / бомбежки рвутся из десяти одна (*ЧА*$_2$)

9–11 *Фразы:* Схватив ∾ падало.— *в ЧА*$_2$ *нет.*

12 Яснее ясного / Между тем, яснее ясного (*ЧА*$_2$)

12–13 обтесывать ∾ ножичками / обрабатывать топором, а не перочинными ножичками [Народовольцы] (*ЧА*$_2$)

13 [а не заво⟨стрять⟩] ее не завостришь

15–18 Самгин ∾ иначе. / Мне кажется, прошлый раз вы говорили о русском народе совершенно иначе,— ответил Самгин, врасплох захваченный вопросом. (*ЧА*$_2$)

19 О народе я говорю / [Я?] Нет, противоречий я не боюсь и даже люблю противоречия, но о народе я говорю (*ЧА*$_2$)

19–20 то же: [превосходный] отличный народ (*ЧА*$_2$)

21–23 С неожиданной силой ∾ в песок. / Он схватил суховатое полено, с неожиданной силой подбросил его [в воздух] кубарком, [на] поймал и поставил попом. (*ЧА*$_2$)

24 Из этой ∾ много / Из этой корявой штуки можно сделать множество ($ЧА_2$)

25 Художник вырежет из нее / Художник сумеет вырезать из нее фигуру ($ЧА_2$)

26–27 А, как видите ∾ в печи. / Но, как видите, никто ничего не сделал из нее, и сие почтенное полено или сгниет, лежа здесь,— оно уже и загнило, как видите,— или же будет сожжено в печи. ($ЧА_2$)

27–28 Гниение ∾ некоторое / Первое — бесполезная и постыдная гибель. Второе — тоже гибель, но она дает некое ($ЧА_2$)

30 теплом ∾ раскалить ее / теплом, жаром, раскалить ее ($ЧА_2$)

Стр. 356—357.

31–8 «Врешь» ∾ красавицы?» / *а.* Среди всего, что Клим Самгин считал надуманным людями и вредным для них, для него, революционные идеи были наиболее ясно чужды ему. Он органически не понимал людей, которые говорили о необходимости революции, [и чем больше слушал их речи, тем более и самые] и ни пылкие, ни солидные речи их никогда еще не трогали и ни в чем не убеждали его. Он не думал и не [имел] ощущал позыва думать на эти темы. [У него не было в мозгу [точки] извилины, которая реагировала бы на раздражение идеями социальной справедливости.] У него не было органа, [который [воспринимал бы] мог бы чувствовать] которым другие люди гневно и чутко, иногда — болезненно чутко, воспринимали подлый ужас, грязную жестокость жизни. [На том месте, где] В его темпераменте место сострадания занимала брезгливость. И весь хаос явлений жизни он мог воспринимать и расценивать только с точки зрения удобства и полезности лично для него. Он был твердо убежден, что только это нормально, естественно и неоспоримо. Слушая Лютова очень внимательно, [он] Клим находил, что [страстность] [горячность] острая горечь его речей заучена, гнусаво трагические вопли этого человека тоже напоминали ему заученную страстность цыганской песни.

б. «Врешь»,— думал Клим. Он сидел на аршин выше Лютова и видел [поднятое к] [возбужденное] искаженное возбуждением и тенями лицо его не выпуклым, а вогнутым, как тарелку на столе, не чистую тарелку. [Она покачивалась, по ней] [Лицо отвратительно дрожало] Бегали, как два ореха, вывихнутые глаза, шевелился [хрящеватый] нос, [губы] раздувая хрящеватые ноздри, шлепали гуттаперчевые губы, обнажая верхний ряд зубов, показывая кончик языка, прыгал острый небритый подбородок, а около ушей

[под кожей] вертелись костяные шарики. [— Врет] Лютов размахивал руками, пальцы [его шеве⟨лились⟩] правой руки [играли] мелькали, точно пальцы глухонемого, он весь дергался, как марионетка на ниточках, и смотреть на него было противно. [В Кл⟨име⟩] Он будил тоскливую злость и еще какое-то чувство, которое заставило Самгина подумать: «А что будет, если я [прямо] скажу ему, что он актер, фокусник, сумасшедший? Что из всего надуманного людями самое вредное для нормальной жизни — революционные идеи? Что [единственно] есть только одна неоспоримо верная оценка явлений жизни — оценка с точки зрения личной [полезности] пользы, личного удобства, а все остальные оценки [были] только —игра, и только лживая болтовня? Но — чего ради и для кого играет Лютов, богатый влюбленный и в близком будущем — муж красавицы? Или он еще учит роль?» (*ЧА*$_2$)

Стр. 356.

32–33 видел изломанное, разобщенное лицо / видел искаженное возбуждением лицо◊

37 [гуттаперче⟨вые⟩] резиновые губы

Стр. 357.

8 *После:* муж красавицы? — *зачеркнуто:* Или он еще только учит роль?»

9–10 слышал Клим ∾ от возбуждения / слышал он [взвизгивающий] пьяный от возбуждения голос (*ЧА*$_2$)

11 десять, ну, пять! / только десять, ну — пять, пять! (*ЧА*$_2$)

14 *Фразы:* Да, конечно ∾ нехотя. — *в ЧА*$_2$ *нет.*

17 масленым ∾ роса / масленистым паром [сгущая безмолвие почт⟨и⟩] (*ЧА*$_2$)

18–19 за рекою ∾ и осветил / далеко за рекою вспыхнул [красный] желтый огонек, [потом] затем пышно расцвел костер, осветив (*ЧА*$_2$)

20 Мерный плеск / Сильный, мерный плеск (*ЧА*$_2$)

21 Наши едут / Кажется, наши едут (*ЧА*$_2$)

21 заметил Клим / тихо сказал Клим◊ (*ЧА*$_2$)

23 Пора. / Возможно.◊ (*ЧА*$_2$)

24 И встал ∾ к чему-то. / Он встал [и], вытянув шею, всматриваясь в даль [приб⟨?⟩]. (*ЧА*$_2$)

25–28 Мужичонко ∾ голос Лютова. / *а.* Мужичонко... этот, [с мельницы] идет... сюда, чёрт! Идемте! Вы — к даче.— [Лютов [быстро] двинулся вперед и] Встретясь с хромым, [он] Лютов заговорил весело *б. Как в тексте* (*ЧА*$_2$)

29 Ты и в лесу / Ты что — и в лесу (*ЧА*$_2$)

30 Смеетесь ∾ сом! / [Нет, сому в] Смеетесь, господин, а он, сом-от, был! (*ЧА*$_2$)

33 *Реплики*: Где? — *в ЧА*$_2$ *нет.*

37 «Актер» ∾ прислушиваясь. / *Текста нет.* (*ЧА*$_2$); «Актер [конечно]» — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

38–39 Вы, господин ∾ солдатка... / Вы, [господа] господин, [женщи⟨ну⟩] имеете ли нужду в женском? — Есть? — Где их нет! Тут — солдатка... (*ЧА*$_2$)

41 *После:* тоскует...— *зачеркнуто:* Клим [круто свернул] пошел к даче, заботясь (*ЧА*$_2$)

Стр. 358.

1–2 это — опасный ∾ Самгин. / думал Клим,— это опасный человек». (*ЧА*$_2$); это — опасный человек. Он — ненормален»,— решил Самгин.◊ (*БА*)

4 и [отпра⟨влялась⟩] ложилась спать (*ЧА*$_2$)

5 на реку ∾ света / *а.* на пятна света *б. Как в тексте.* (*ЧА*$_2$)

л. 130

7 таинственная ∾ барышня / [эта] таинственная барышня (*ЧА*$_2$)

8 нет воли ∾ отказать ему». / нет воли,— возмущенно думал он.— Нужно было отказаться. Но этот хам...» (*ЧА*$_2$)

9 Ожидая ∾ и хвое / Он чутко вслушивался в тишину, [ожидая] ждал шороха шагов (*ЧА*$_2$)

9–11 Клим пытался ∾ Макаровым. / и пытался представить, с кем беседует Лидия: с Макаровым, Туробоевым? (*ЧА*$_2$)

11 Лютов ∾ туда. / Лютов не являлся, он, должно быть, прошел к ним. (*ЧА*$_2$)

11–13 Далеко где-то ∾ звуки пианино. / Доплыли разорванные звуки пианино. Далеко где-то вздыхал гром. (*ЧА*$_2$)

13–14 В облаках ∾ светом. / Медный обломок луны показался [из] [над полем] за рекою и поплыл над полями, едва освещая их мутным сиянием. (*ЧА*$_2$); [Медный обломок луны показался сквозь прозрачное облако, потом выплыл из него ущербленным кр⟨аем⟩] В [тучах] облаках — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

14–15 прождав нежеланную гостью до полуночи / прождав незваную гостью почти до полуночи, озлобленно встав (*ЧА*$_2$)

16 озлобленно думая / думая (*ЧА*$_2$)

16–17 Лютов, может быть / может быть, Лютов

17–18 не пошел к невесте ∾ женщиной / и не пошел [на дачу] к невесте, а приятно проводит ночь с этой женщиной в лесу. Потому она и не пришла (*ЧА*$_2$)

18–22 И, может быть ∾ свидание». / Это свинство, эту бесцере-

монность я ему не забуду. ($ЧА_2$); [Эту бесцеремонность] И, может быть — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

23 С этим он ∾ свист ветра / *а.* Он проснулся в настроении человека, который должен сделать что-то очень важное, но еще не знает — что? *б.* Утром его разбудил свист ветра ($ЧА_2$)

24–25 сухо шумели ∾ тревожно / [Шелково] За окном тряслись ($ЧА_2$)

25 на синеватом полотнище реки / из-за реки дул [свежий] сильный ветер, вода серебряно искрилась, морщилась, на синеватом полотнище ее, освещенном солнцем◊ ($ЧА_2$)

26 маленькие волнишки / маленькие волны ($ЧА_2$)

26–27 Из-за реки ∾ туча / Над полем тяжело плыла сизая, дождевая туча ($ЧА_2$)

27 обрывал ее край, пышные клочья / отрывал от нее пышные клочья, они◊ ($ЧА_2$)

28 неслись ∾ тенями / неслись через реку, поглаживая ее [своими] дымными тенями ($ЧА_2$)

29–31 Когда Самгин ∾ вдруг хлынул ливень / [Пока] Когда Самгин тщательно мылся, одевался, [завыл ветер над крышей дачи] ветер взвыл сильнее, захлопал рамами окон, дверями, где-то близко грохнул гром и вдруг хлынул ливень [завесив окна густой стен⟨ой⟩. «Где же Лютов»,— озабоченно]. ($ЧА_2$)

31 а через минуту вошел / Вбежал ($ЧА_2$); и через минуту вбежал◊ (*БА*)

33 Где же Владимир? / Где же Лютов? ($ЧА_2$)

34 Спать ∾ не смята. / Он [очевидно] не [ноче⟨вал⟩] ложился спать, постель не смята. Ты видел его [когда приехал] вчера? ($ЧА_2$)

35–37 Усмехаясь ∾ вбежала Алина. / Да, он гулял с [хромым] мужиком,— сухо ответил Клим. [— Не понимаю...] [Вбежали Алина и Лидия, насквозь мокрые] Вбежала насквозь мокрая Алина [тревожно крича] ($ЧА_2$)

5 [ост⟨рые⟩] слова поострее

37 *После:* Алина — *зачеркнуто:* крича

38 Клим, скорее — кофе! / Клим — давай кофе, вина! [переодеться... где платье] [Господи, если у меня будет насморк... Что ты вытаращил глаза? Скорей!] ($ЧА_2$); Клим, скорее — кофе [и что-ни⟨будь⟩] (*БА*)

39–41 Мокрое платье ∾ и кричала / [Она брызгала водою с рукавов] [Отжимая волосы косы] Отжимая [растрепа⟨нные⟩] волосы, она брызгала водою с рукавов [она стояла [пред], точно голая, в платье, плотно прилипшем] и топала ногами,

Платье так плотно прилипло к ее телу, что она была точно голая. ($ЧА_2$); *Как в тексте, до слов:* точно голая — *Далее:* Она [топала ногами] брызгала водою, отжимая [мокрые] волосы, и кричала (*БА*)

Стр. 359.

1–5 Сумасшедшая ∾ руками. / [Иди переоденься,— сказала Лидия] Макаров тревожно [спросил] спрашивал: — Владимир был у вас вечером? [Нет? Где же он?] Он не ночевал дома. [— Ну, вот,— [отчаян⟨но⟩] драматически крикнула Алина] Алина возмущенно развела руками. ($ЧА_2$)

3 угрюмо спросил / тревожно спросил ◊

7 *После:* бронхит. — [Идем ко мне переодеться] Сумасшедшая Лидка побежала ко мне за платьем и ее убьет [гром] молния. ($ЧА_2$)

8 *После:* бесстыжими глазами! — *зачеркнуто:* Клим [сухо] сказал Макарову, что Лютов, вероятно, ночевал на мельнице. (*БА*)

9–20 Вчера хромой ∾ уже светлело. / [Ну, вот] Еще [один] зритель! — Вошел Туробоев, обнял ее измеряющим взглядом, [повернулся] исчез, снова явился и набросил на плечи ее пальто. Она села к столу, [и выпила] выпив вина, и [сейчас же] сосредоточенно начала пить кофе, обжигаясь и шипя. Шумел дождь, сверкали молнии, бил гром, дача тряслась, а за рекою уже светлело.— [Хорошее ле⟨то⟩] Хороший дождь, на урожай, — одобрительно сказал Туробоев, с улыбкой следя за Алиной. ($ЧА_2$)

17 сказал / и сказал

21–24 Пойду на мельницу ∾ насморк? / Понимаете — Лютов пропал,— сообщил ему Макаров, Туробоев вопросительно приподнял брови, [но промолчал] а Телепнева очень спокойно сказала:

— Пожалуйста, не пугай меня.

Быстро выпив кофе, Макаров [ушел] заявил Климу, что идет на мельницу спросить мужика о Лютове.

— Подожди, когда перестанет дождь.

— Перестает.

— Вот это — друг! — поучительно заметила Алина.

— Потому что не боится схватить насморк? — спросил Туробоев. ($ЧА_2$)

25 *После:* Хотя бы поэтому.— Они стали [ловко] легко перебрасываться [коротенькими] шутливыми фразами с ловкостью, возбудившей зависть Самгина. [Затем веселый диалог их стал раздражать Клима] ($ЧА_2$)

26–32 *Текст:* Пальто сползало ∾ этот франт» — *вписан в* ЧА$_2$ *со следующими вариантами:*

26–27 обнажая ∾ обтянутый / [падало на] скульптурно обнажая ее груди, туго обтянутые (ЧА$_2$)

27 батистом блузы / батистом кофточки (ЧА$_2$, БА ◊)

27–28 *Слов:* это не смущало ее — *в* ЧА$_2$ *нет.*

28–29 *После:* выточенные плечи,— касался пальцами ее шеи, волос (ЧА$_2$); касался руками шеи Алины ◊ (БА)

29 и Самгин ∾ ей / [Клим] Самгин видел, что это нравится девушке (ЧА$_2$)

30–31 она весело ∾ мне жарко / сквозь кожу ее лица [горело] проступал горячий румянец, она весело жмурилась, [погляды⟨вая⟩] [и, точно породистая лошадь, скашивая] [и бойким] посматривая вкось на Туробоева бойким глазом (ЧА$_2$)

31 [Не щеко⟨тите⟩] Оставьте

32–35 «Я бы не посмел ∾ нравится Лютов? / «Я бы не посмел так, как делает этот хлыщ. А она [ведь] кокетничает грубо». Их игра и веселый диалог возбуждали [раздражение] Клима. Послушав еще минуту, вдруг он сказал: — Если хочешь знать, Алина, жених твой не нравится мне.— А если я не хочу знать этого? — спокойно спросила девушка. Клим смутился, поняв неуместность своей выходки, еще более смутил его взгляд Туробоева, вопросительный и слишком любопытный. Мелькнула мысль, что следует извиниться пред Алиной, но глаза Туробоева помешали сделать это.— А [как] вам как нравится Лютов? — вызывающим тоном спросил он. (ЧА$_2$)

36–39 Он заметил ∾ человек. / Вынув из кармана [кожа⟨ный⟩] портсигар, Туробоев повел плечом, как будто его укусила муха.— Своеобразный человек. Интересный.— Это было сказано очень вежливо, но неохотно. [Клим Самгин] (ЧА$_2$)

38 ответил очень вежливо / сказал вежливо, но неохотно ◊

41 заговорил ∾ почувствовав / [го⟨ворил⟩] [сказал] заговорил Клим торопливо и чувствуя (ЧА$_2$)

Стр. 360.

4–5 каков ∾ на самом деле / каков он есть (ЧА$_2$)

6 Алина [встала] подошла

6 Алина ∾ сказала / Туробоев, наморщив лоб, тщательно раскуривал папиросу, Алина встала, посмотрев через стол в зеркало на стене, сказала (ЧА$_2$)

7 Ой, какое чучело! / Ф-фу, какое чучело! (ЧА$_2$)

8–10 *Фразы:* Туробоев ∾ не хочет говорить,— *в* ЧА$_2$ *нет,*

11–15 Послушай, Клим ∾ тихонько засмеялся. / Преступно [обма⟨нывать⟩] показывать людям в словах то, чего нет в душе...

— Но слушай, Клим, разве это возможно всегда? — [как-то умоляюще] как бы умоляя, спросила Алина, и [ее наивность] наивный тон ее вопроса заставил Туробоева тихонько засмеяться. (*ЧА*$_2$); [Преступно показывать людям словами то, чего нет в душе,— упрямо продолжал он] Послушай, Клим — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

15–21 Но это обидело ее ∾ боевой наряд, перья? / Почему вы смеетесь? — обратилась она к нему, тоже улыбаясь [и грозя пальцем, сказала].— Ведь, наверное, сами-то часто платите людям фальшивой монетой, да? (*ЧА*$_2$)

22–26 Грешен ∾ старинный обычай / Грешен,— сознался Туробоев, [глядя на нее [очень ласковыми] еще более ласково, посмеиваясь] покорно склонив голову.— Нет, Самгин,— продолжал он,— далеко не всегда удобно платить людям честной медью. Да и — так ли уже честна эта медь простой правды, которую вы хотели бы видеть и слышать в отношениях людей? [Когда льют колокола] Существует старый обычай (*ЧА*$_2$)

28–29 от этого медь ∾ звучней / от этого звон — звучней. И всегда [в расплавленную ме⟨дь⟩] почти в медь для звучности прибавляется серебро. (*ЧА*$_2$); *Как в тексте, до слов:* звучней.— *Далее:* [И затем для звучности в медь добавляют серебро.] (*БА*)

30 Итак ∾ спросил Самгин. / Клим встал и строго [заметил] спросил: — Итак, вы защищаете ложь? (*ЧА*$_2$)

32–33 Туробоев ∾ так, но... / Не совсем. Но я не против выдумок, которые, кстати сказать, лежат в основе нашей культуры, и не против совершенно необходимых смятений быта, а попробуйте-ка смягчить его голой правдой? [Это будет зоология] [— Как странно, — сказала Лидия. Она вошла неслышно и стояла в двери, обернув мокрые волосы [полотенцем], как чалмою, полотенцем.] Я думаю, что лучше не пробовать, во избежание войны всех против всех. (*ЧА*$_2$)

35–37 В пестром платье ∾ картины. / Одетая в какое-то пестрое, широкое платье, в чалме из полотенца на голове, она была похожа на черкешенку-одалиску. [— Почему у вас закрыто окно?] (*ЧА*$_2$)

38–39 Напевая ∾ на террасу / Алина ушла, напевая, [а Самгин, оставшись один, потерял желание спорить] Самгин [подошел] открыл окно и глубоко вздохнул (*ЧА*$_2$)

Стр. 360—361.

40–1 воскресил ∾ неприязни / [оскорблял его] возмутил его, воскресив [тупую] не однажды испытанное им чувство ненависти (*ЧА*$_2$); [возмутил его] воскресил в нем — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

Стр. 361.

1 человеку с эспаньолкой / человеку с холодными глазами и эспаньолкой (*ЧА*$_2$)

2 Самгин понимал / Он понимал (*ЧА*$_2$); Клим понимал◊ (*БА*)

3 но хотел оставить последнее слово за собою / и хотя злился, но уже не хотел спорить, [но] хотел только оставить за собою последнее слово (*ЧА*$_2$)

5 Свифт ∾ не боялись правды. / Джонатан Свифт, [Луи Курье] [не боялся] Вольтер и еще многие не боялись [голой] правды. (*ЧА*$_2$)

6–7 Современный немец-социалист ∾ еще храбрее. / Современный средний немец-социалист еще более храбр [и бол⟨ее⟩]. И — умнее.— Что вы хотите сказать? — Я думаю, что нам нет смысла спорить.— Почему (*ЧА*$_2$); Современный [средний] немец-социалист — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

7 Мне кажется / [Мне кажется] Извините (*ЧА*$_2$)

9 деревенской бабы и негра / и деревенской бабы, Нечаева и дикаря (*ЧА*$_2$); [и] деревенской — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

10–11 И простота ∾ Бебеля. / И много есть всякой другой простоты. Когда [мы догадаемся] люди догадаются уничтожить девять десятых ее, [нам] им будет несравнимо легче жить. (*ЧА*$_2$); [Девять десятых этой простоты] и простота — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

12–14 Клим вышел ∾ дымится злость. / Клим резко обернулся, готовый сказать какое-то злое слово [но сказать было]. (*ЧА*$_2$)

15–17 о павлиньих перьях разума ∾ тихий ответ / о перьях разума... (*ЧА*$_2$)

18 Это — не то. / [Это] [Не то[[Это — другое,— равнодушно остановил его Туробоев.] Это — не то, — равнодушно сказал Туробоев. (*ЧА*$_2$)

19 Туробоев ∾ за шею/ Взмахнув руками, [закинул] он закинул их [за голову] на затылок (*ЧА*$_2$)

20–21 Потом ∾ бессильно съехал / Потом [он] медленно вытянул ноги и как-то съехал (*ЧА*$_2$)

21–23 Клим отвернулся ∾ лицо Туробоева / Его бледное лицо (*ЧА*$_2$)

24–25 он, должно быть ∾ кривились / он [должно быть, [стиснул зубы или что-то беззвучно и] скрипел зубами] двигал челю-

стями, бачки его шевелились, эспаньолка [вздрагивала] [двигалась к губам] и усы вздрагивали и кривился рот (*ЧА*$_2$)

26–27 он смотрел ∾ угрюмо покорными / *а*. он смотрел в потолок пустыми глазами, каких Клим никогда не видел у него *б*. он уставил в потолок карие, жестковатые глаза, Клим никогда еще не видел в них такой иронии, угрюмой и покорной (*ЧА*$_2$); он смотрел в потолок, и Клим никогда еще не видел в его красивых, но холодных глазах такой иронии, угрюмой и покорной ◊ (*БА*)

27–30 Как будто ∾ сокрушающий удар. / [И в позе и в лице его было нечто [испугавшее Самгина] пугающее, но не больное. — Вам худо? [— Как будто — да,— ответил Туробоев.] — Это — не то,— сказал он, насильственно усмехаясь и старчески тяжело встал.— Пойду. Мне надобно читать какие-то бумаги.] [И] Как будто [перед ним стоял не видимый Самгину] над ним наклонился — *Далее, как в тексте, до слов:* сокрушающий удар — *Далее:* Он просидел так, молча и в неудобной позе, не одну минуту. Клим тоже молчал, рассматривая его с удивлением, близким испугу. Наконец он старчески тяжело встал и ушел [оставив Клима подавленным]. (*ЧА*$_2$)

30–31 На террасу — говоря / [Но он недолго оставался один, стараясь отгадать, что переживал Туробоев, вошел Макаров, [сел к столу и, с треском отодвинув стул] сел на стул] [Клим углубленно задумался] Клим вышел на террасу, [и шагая по] подсыхая на жарком солнце, [она] доски пола дымились [под его ногами, а он шагал и]. Он смотрел на легкий парок под ногами и углубленно старался отгадать, что переживал Туробоев. Но он недолго оставался наедине с самим собою, пришел Макаров и сказал, тяжело вздохнув (*ЧА*$_2$)

32 пил всю ночь с хромым и теперь спит / всю ночь [пьянствовал] пил с хромым, а теперь спит (*ЧА*$_2$)

л. 131—132

34–38 Клим показал ∾ Ты не говори Алине. / Ты не говори Алине. [Чёрт знает, что. Завез меня сюда] (*ЧА*$_2$)

39 Самгин был рад ∾ злость. / Злость еще не погасла у Самгина, [он] он [тотчас] воспользовался возможностью израсходовать ее. (*ЧА*$_2$)

41 странной / очень странной (*ЧА*$_2$)

Стр. 362.

1 Говорил он ∾ к Макарову / Он говорил, не глядя на приятеля, стоя спиною к нему (*ЧА*$_2$)

3 Не понимаю ∾ пьяницей. / Совершенно не понимаю, что

связывает тебя с этим... пьяницей, с этой путаной головою? ($ЧА_2$)

4 в котором скользят / в котором — не нужно ни ему, ни мне и никому не нужно,— скользят ($ЧА_2$)

5 чужие слова / чужие ему слова ($ЧА_2$)

5–6 *После:* как Туробоев, — так же внутренно пуст человек. ($ЧА_2$)

7–8 Говорил он ∾ спокойно, твердо. / [Говорил он твердо, уверенно, и ему нравилось, что он говорит] [Ему нравилось, что ⟨он говорит⟩ твердо, уверенно] Ему нравилось, что слова его звучат твердо, уверенно. ($ЧА_2$)

8–9 Взглянув ∾ на товарища / Посмотрев через плечо на Макарова ($ЧА_2$)

9–10 Макаров ∾ папироса / тот сидит, заложив нога на ногу [покачивая правой и внимательно рассматривает свой грязный ботинок]. В губах его, по обыкновению, [дым⟨илась⟩] торчала папироса. ($ЧА_2$)

13 спички / спичку за спичкой ($ЧА_2$)

15–17 А когда Клим замолчал ∾ просто. / Когда Самгин [сдел⟨ал?⟩] замолчал, он, не отрывая глаз от костра и всё подкладывая спички в огонь, сказал [вдумчиво и т⟨ихо?⟩], вздохнув: — Я тебе отвечу, как пастух, [ане⟨кдотом⟩] знаешь анекдот? Прохожий спросил пастуха: — Далеко ли до [Фомина] села? — Молчит.— Как тебя зовут? — Молчит. — Эй, река глубокая? — Молчит.

Прохожий махнул рукою и пошел, а [пастух] когда он отошел далеко, пастух крикнул все ответы сразу: «Семь верст. Максим. Через речку брод». ($ЧА_2$)

18 дымились ∾ спички / [недогоревшие спички густо ды⟨мили⟩] ⟨от⟩ недогоревших спичек курился дым ($ЧА_2$)

20 [неско⟨лько?⟩] кофе из стакана ($ЧА_2$)

20–21 залил остатки костра / залил пожарище ($ЧА_2$)

22 Вот что, Клим / Так вот, Клим [Алина не Ник⟨..?⟩] ($ЧА_2$)

23 никакой роли в ее романе / в романе никакой роли ($ЧА_2$)

24 нравится мне / мне нравится ($ЧА_2$)

24–26 И, наконец ∾ другим. / Он поднялся, вышел из террасу, встал рядом с Климом.— Лаконизм пастуха объясняется, вероятно, ленью. Мой лаконизм — надо [бы] объяснить нежеланием, чтоб мое отношение к людям корректировалось тобою и вообще кем-нибудь другим, кроме меня самого. Я вот вижу, что в системе нервов твоих, в твоем мозгу, как будто нет того узла, той извилины, которые вырабатывают чувство сострадания к людям, но — разве я пытался, пытаюсь... ($ЧА_2$)

26 *После:* другим — *зачеркнуто:* кроме меня самого

27–30 Макаров говорил ∾ знал / Клим [посмотрел] смотрел на него с изумлением [неожиданностью], пораженный новой неожиданностью. Макаров тоже явился пред ним не тем человеком, каким он знал ($ЧА_2$)

30 *После:* до этой минуты.— *зачеркнуто:* Это было так же странно, еще более странно, чем

30–39 Несколько дней ∾ изменения людей? / [Резкость его не смягчалась] [Он] Клим Самгин [даже] не успел сообразить, что именно изменилось в резком лице, в тоне Макарова, не успел потому, что пред ним встал вопрос: что значат эти, всё чаще наблюдаемые им [необъяснимые] изменения людей? ($ЧА_2$)

32 *После:* Что это значит? — *зачеркнуто:* Клим Самгин не успел сообразить, что именно изменилось в Макарове.

35 всё еще боится / боится ◊

39–41 Он довольно скоро ∾ и выгодную. / Ответ простой и ясный нашелся тотчас же. Они [*1нрзб*] все указывали на одно и то же: люди [колеблются, мечутся, [и одеваются скри⟨..?⟩] чтоб[пробуют различные маски, чтоб [лучше] найти одну, наиболее выгодную [для каждого] каждому из них. ($ЧА_2$)

Стр. 363.

1 мечутся, спорят друг с другом / мечутся ($ЧА_2$)

1–2 в поисках этих масок [скры⟨вают⟩]

2–3 в стремлении ∾ пустоту / в честолюбивом стремлении скрыть за ними свою пустоту, нищету, бесцветность. Эта внезапная и утешительная догадка очень выпрямила Клима Самгина.

— Я ничего не понимаю в узлах-извилинах и вообще в [это⟨й⟩] твоей медицине,— гордо сказал он.— У меня нет надобности жить в маске, раскрашиваться чужими словами. Я — таков, каков есть, и не хочу обманывать никого...

[Резкое лицо Макарова] Макаров пожал плечами [нахмурился] и невесело усмехнулся:

— Мне кажется, что ты [нахо⟨дишься⟩] последнее время чувствуешь себя в состоянии самозащиты, а в этом состоянии человек иногда наносит удары и самому себе. ($ЧА_2$)

4–5 Когда на террасу вышли ∾ улыбкой. / [Клим хотел спросить] Клим хотел потребовать объяснения, но из комнаты выскочила Алина. ($ЧА_2$)

6–7 Видишь ∾ Он — цел. / Ну, где же мой жених?— Кажется, он в селе, у попа...— Видишь, Лида? Он — [на⟨шелся?⟩] цел. ($ЧА_2$)

7–8 упрекала меня в черством сердце / упрекала меня ($ЧА_2$); упрекала меня [в легкомыслии] в черством сердце (*БА*)

8–10 не для него ∾ Пора учиться... / не для него. [Идемте] Макаров, вы идете аккомпанировать мне? Почему у тебя злое лицо, Клим? — Куда ты? — Учиться [милый] декламации... Пошли? ($ЧА_2$)

11–13 тихо сказала Лидия ∾ трудно живется. / сказала Лидия. Клим спросил: — Может быть, правильнее [назвать] сказать — легкомысленная? — Ты не знаешь ее. Ей очень плохо живется. — «Мне — тоже», — хотел сказать Самгин, но воздержался, заглядевшись на Лидию. ($ЧА_2$); сказала Лидия ◊ — *Далее, как в тексте.* (*БА*)

14 Лидия сидела ∾ окна / Она [присела на подоконник окна, открытого] сидела на подоконнике открытого окна ($ЧА_2$)

15–16 она была ∾ косяках окна. / В белых косяках она была, как в раме. ($ЧА_2$)

17 осыпают щеки, плечи и руки / осыпают плечи, грудь ◊ ($ЧА_2$)

17 *После:* на груди, — блестят на солнце шёлком. Широко открыв глаза, [покусывая губы] она смотрит за реку, ее смуглое лицо озабочено. ($ЧА_2$)

18–19 Из-под ярко-пестрой юбки ∾ она говорила / Из-под ситцевой пестрой юбки видны ее голые ноги. ($ЧА_2$)

20 Лютов трудный. / Лютов — [очень] трудный человек, — говорит она, покусывая губы. ($ЧА_2$); Лютов очень трудный. (*БА*, *АМ* ◊)

20 Он точно бежит / Он точно убегает ($ЧА_2$)

21 бегом живет / живет бегом ($ЧА_2$)

21–22 всё как-то бегает / бежит ◊ ($ЧА_2$)

24–27 строго отчеканил ∾ его несчастье. / отчеканил Клим. [— Это его несчастье, — ласково сказала Лидия [так ласково Лидия]] Внимательно и ласково взглянув на него, Лидия спросила [умиротворяющим тоном]: — [На кого ты] Почему ты сердишься? Он — пьет, да, но ведь это его несчастье, — продолжала она умиротворяющим тоном, постукивая пятками в стену. ($ЧА_2$)

27–28 Знаешь ∾ и — непоправимо. / Мне кажется, мы все несчастны. ($ЧА_2$)

27–28 мы все несчастные / мы [все] все [люди] несчастны

29 вокруг меня много людей / вокруг много, много народа ($ЧА_2$)

30 Постукивая ∾ она улыбнулась / Она улыбнулась ($ЧА_2$)

31 Лютов читал / Алина читала ($ЧА_2$)

32–33 *Слов:* он удивительно ∾ замечательно! — *в* $ЧА_2$ *нет.*

33 Слушали его / Слушали ее ($ЧА_2$)

34 [а] но потом [один] лысенький старичок ($ЧА_2$)

35–36 вы комедианты из театров» / [мы] вы — комедиянты» ($ЧА_2$)

36 Макаров сказал / [Да] Константин сказал ($ЧА_2$)

38–41 Неглупый мужик ∾ вместо глядит? / Он сказал: не бывает. Почему [все] они укорачивают слова? ($ЧА_2$)

Стр. 364.

1–2 Клим не ответил ∾ грустному чувству. / Клим слушал [ее и чувствовал, что им], не думая о том, что она говорила, поддаваясь [какому-то неизведанному] грустному чувству. ($ЧА_2$)

2–3 Ее слова / [Его очень тол⟨кнули?⟩] Слова ее ($ЧА_2$) [1]

л. 133

3–4 заставив вспомнить / [настраивая] заставив подумать ◊

4 он тоже [в сущности] несчастен

6 А [ког⟨да⟩] вечером

6 когда ехали домой / когда ехали назад ◊

9–10 рассказывал Константин [о себе] о своей матери

10–17 И о себе ∾ сладостного чувства / *а.* [И о себе. Точно о чужом.] Было так потрясающе ⟨?⟩ грустно. И [все говорили] каждый говорил как бы это не о себе. [От ее слов] [Тихонько] Ласково шумели березы, омытые дождем, солнечный воздух был напоен хмельными запахами. Клим почувствовал, что у него [приятно] кружится голова и темнеет в глазах. Потом он вдруг ощутил прилив совершенно незнакомого ему чувства. *б. Как в тексте, до слов:* о себе, [как] точно о чужом — *Далее, как в тексте, до слов:* ласково [но] и ему [казалось] показалось — *Далее, как в тексте, до слов:* ему, [но] сладостного чувства ◊

18–19 прижался [к ним] лицом

20 строго крикнула / строго сказала ◊

24 Соскочив с подоконника [в ком⟨нату⟩]

25 [и] толкнула коленями

28 Она возмущенно отошла / Она быстро отошла от ⟨него⟩ ◊

28 *После:* в сторону.— *зачеркнуто:* Нет. Ведь я понимаю.

29 *После:* нагая.— *зачеркнуто:* И мы одни.

34 Клим [стоял] прислонился

34 изумленный [радостной] кротостью

36 ничего подобного [ничего такого]

---

[1] Конец отрывка $ЧА_2$ (ХПГ-21-1-32).

36–37 той радости / *а.* тихой радости *б.* той чудесной, освежившей радости ◊

38 заплачет от [радости] радости

39–41 открыл в себе чувство ∾ недоступное другим / *а.* открыл в себе [нечто свойственное только ему. Он почти чувствовал, что [это неведомое, но мощное] вспыхнувшее в нем — настоящее его, крепкое и надолго и недоступное никому другому. Стало ясно, что основная задача его жизни — расширять, углублять в себе] это чувство, так легко поглощающее все другие *б. Как в тексте, до слова:* недоступное — *Далее:* никому больше ◊

СОДЕРЖАНИЕ

XXI

ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА

*Печатается по решению
Президиума Академии наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР*

*

*

Варианты подготовили:
*И. А. Бочарова, И. А. Зайцева, А. М. Крюкова,
Р. П. Пантелеева, Е. А. Тенишева*

Ответственный секретарь издания *М. А. Семашкина*

Редактор *Е. И. Прохоров*

*

Редакторы издательства
М. Б. Покровская, В. И. Рымарева

Оформление художника *Н. А. Седельникова*

Художественный редактор *С. А. Литвак*

Технический редактор *Р. М. Денисова*

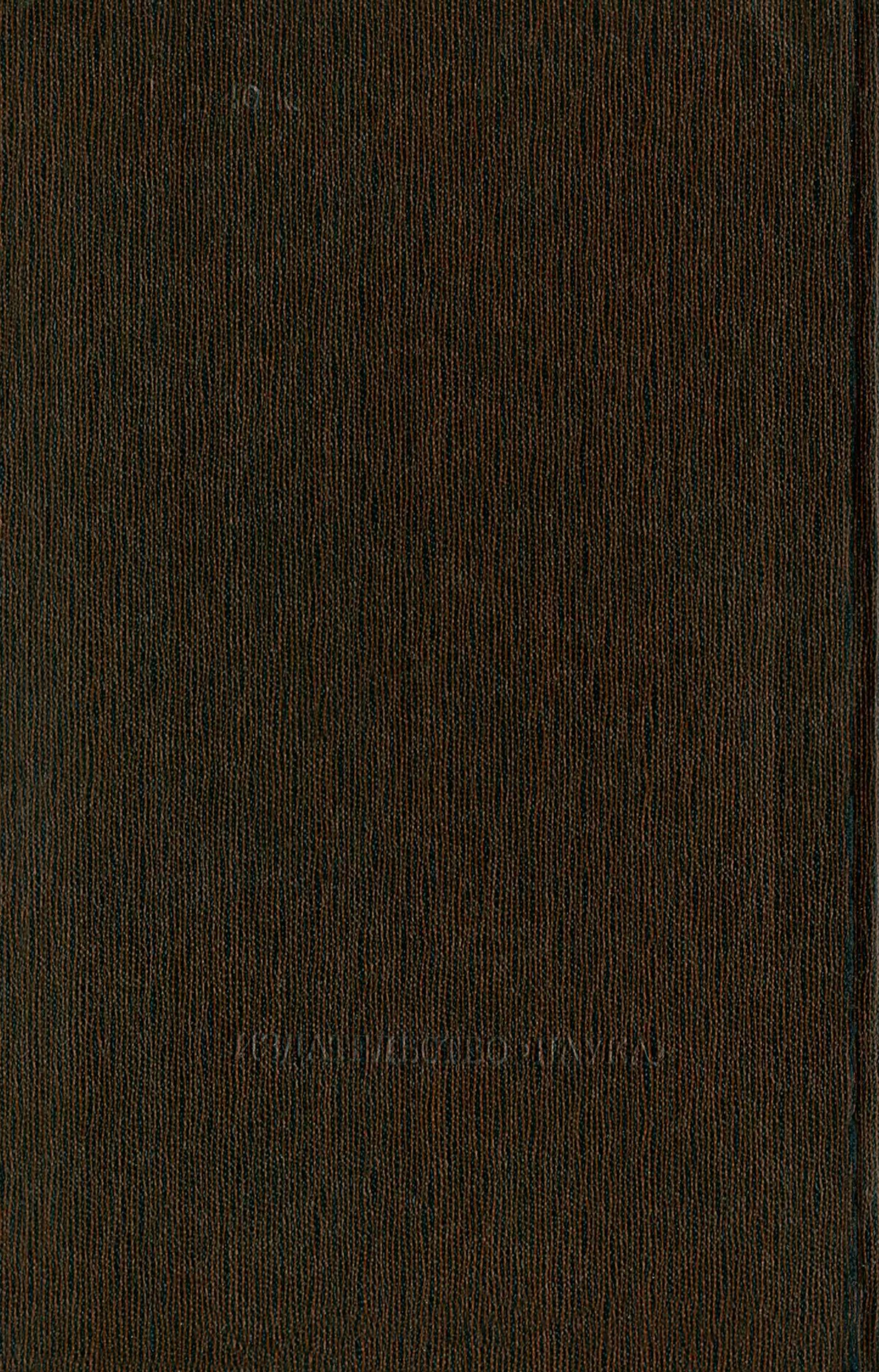
Корректоры *Е. Н. Белоусова, Ф. А. Дебабов,
Г. Г. Петропавловская*

ИБ № 5594

Сдано в набор 04.04.78
Подписано к печати 24.10.78.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 40,32. Уч.-изд. л. 47,5
Тираж 19400 экз. Тип. зак. 339
Цена 3 р. 40 к.

*Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а*

*2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10*


ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»